

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 9 (75). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Свидетельство о регистрации – серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

**Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им.
В. И. Вернадского, протокол № 7 от 03 октября 2023 г.**

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Бияев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Люттов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгеньевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
Подписано в печать 03.10.2023. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Бесплатно.
Дата выхода в свет «__». _____. 20__ г.

Отпечатано в Издательском доме
Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского
Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
<http://sn-law.cfuv.ru>

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 347.611

**ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РОДСТВА И СВОЙСТВА В
РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЯХ РОССИЙСКОГО ПРАВА**

Аблятинова Н. А., Федоровский М. А.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Данная статья посвящена исследованию влияния институтов родства и свойства на некоторые отрасли российского права, помимо гражданского и семейного права. Авторы, основываясь на положениях действующего законодательства и судебной практики, анализируют специфику, которую привносят в привычные правоотношения наличие между субъектами родственной или свойственной связи. Проанализировано значение институтов родства и свойства для отдельных отраслей права, в частности права социального обеспечения, трудового, налогового право, гражданского и семейного права. Установлено, что наличие родственных и свойственных связей между субъектами правоотношений и, следовательно, специального правового регулирования данных отношений, позволяют семье сохранять свою социальную целостность и неделимость как важного социального института. На основе проведенного исследования сформулированы выводы о значении родства и свойства в различных отраслях права и разграничение исследованных понятий.

Ключевые слова: родство, свойство, члены семьи, близкие родственники, право социального обеспечения, трудовое право, налоговое право, гражданское право, семейное право, судебная практика.

Отношения родства и свойства играют значительную роль при применении и реализации норм многих отраслей права. Данные категории нельзя относить к институтам только семейного права, поскольку многие правоотношения, помимо тех, что регулируются семейным законодательством, основываются на родстве и, реже, свойстве. Они находят свое отражение в таких материальных отраслях российского права как: право социального обеспечения, трудовое, налоговое право и других, а также, безусловно, гражданское и семейное право.

Чтобы подробнее изучить значение институтов «родства» и «свойства» для каждой из отраслей, прежде истолкуем данные понятия. Семейное законодательство не закрепляет дефиниций данных категорий, поэтому обратимся за этим к словарю русского языка.

Под родством понимается связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого (прямое родство), или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях [1, с. 593]. Свойство определяется как отношения между супругом и кровными родственниками другого супруга, а также между родственниками супругов, возникающие из брачного союза [1, с. 612].

Степени родства и свойства позволяют определить следующие нормативные документы: Общероссийский классификатор информации о населении ОК 018-2014, введенный в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12.12.2014 № 2019-ст [2] и *Вспомогательная таблица для определения в отдельных случаях степени родства, свойства, утвержденная* Приказом Федеральной службы государственной статистики от 30.12.2019 № 826 [3].

В вопросе закрепления данных понятий в семейном законодательстве имеются

некоторые сдвиги. В июле 2022 г. по инициативе сенаторов Российской Федерации и депутатов Государственной Думы РФ был предложен проект Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4] (на момент написания данной статьи законопроект находился на стадии рассмотрения его в первом чтении).

Одним из нововведений в данном проекте является предложение дополнить Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [5] ст. 1¹, закрепляющей основные понятия, используемые в Кодексе. В частности, данная статья нацелена закрепить понятия «родственники» и «свойственники». Данный шаг, на наш взгляд, является положительным, поскольку на данный момент в Семейном кодексе РФ употребляется только категория «родственники», к тому же, без ее надлежащего толкования. Категория «свойственники» и вовсе в действующем семейном законодательстве отсутствует. По при этом данные категории берут свое начало непосредственно в этой отрасли и должны быть закреплены в ней первоочередно.

По нашему наблюдению, на данный момент в действующей редакции Семейного кодекса РФ законодатель употребляет два словосочетания, близкие рассматриваемым нами состояниям: «близкие родственники» и «другие родственники», что, вероятно, соответствует понятиям «родственники» и «свойственники» соответственно.

Переходя к рассмотрению значения институтов родства и свойства для отдельных отраслей права, прежде остановимся на отраслях российского права, которые косвенно в своих нормах опираются на институты родства и свойства.

Семья и, в частности, членов семьи рассматривают в качестве субъектов права социального обеспечения. Это обусловлено тем, что семья является одним из самых социально-значимых институтов, который реализует воспитательные функции в обществе. Данный факт мотивирует защиту государства в отношении семьи. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, материнство и детство, семья находятся под защитой государства [6]. Схожую норму содержит и СК РФ в п. 1 ст. 1: «Семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства» [5].

Некоторые акты федерального законодательства предоставляют семьям социальные гарантии. Важно акцентировать внимание на том, что главной составляющей для права социального обеспечения семьи является зарегистрированный в установленном законом порядке брак, а также наличие кровной связи между субъектами права социального обеспечения. В частности, закон не признает незарегистрированный брак и не считает браком сожительство мужчины и женщины, поскольку оно не порождает правовых последствий и потому не устанавливается судами в качестве факта, имеющего юридическое значение.

Так, например, государство гарантирует членам семьи право на получение пенсии по случаю потери кормильца в случае, если они нетрудоспособны (в некоторых случаях - если заняты уходом за детьми и не работают) в соответствии с п. 5 ст. 5, ст. 8 Федерального закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [7], статьей 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [8]. Если между партнерами не был зарегистрирован брак, а имело место фактическое сожительство, пенсия по случаю потери кормильца не будет установлена партнеру, который утра-

тил кормильца. Данный факт подтверждается многочисленной судебной практикой, в частности, Решением Лысьвенского городского суда Пермского края от 16.05.2016 по делу № 2-1341/2016 [9], Апелляционным определением СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 30 января 2020 г. по делу № 33-1577/2020 [10].

Трудовое право также тесно связано с определенными гарантиями, однако в данной отрасли одним из субъектов является работник. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) [11] уделяет особое внимание труду женщин и лицам семейными обязанностями. Например, работник, имеющий обязанности по воспитанию и развитию ребенка в соответствии с семейным и иным законодательством или работник, имеющий обязанности в отношении других членов своей семьи, нуждающихся в установленных случаях в уходе или помощи.

В тоже время, указанными гарантиями работодатели зачастую пренебрегают, что становится предметом трудовых споров. Октябрьским районным судом г. Архангельска Архангельской области было рассмотрено исковое заявление, по которому истец требовала взыскать компенсацию морального вреда, судебных расходов с работодателя. Этому предшествовал спор о количестве дней отпуска, которые предоставил работодатель истцу.

Истец, которая является матерью четырех детей, просила установить отпуск в количестве 56 дней в соответствии со статьями 262.1 и 263 ТК РФ, однако ответчик предоставил только 38 дней отпуска. В ответ на данное действие работодателя, истец обратилась в Государственную инспекцию труда в Архангельской области и Ненецком автономном округе. В ходе проверки ответчику было вынесено представление об устранении нарушений, установлен срок для устранения. В последующем, заместителем прокурора г. Архангельска в адрес работодателя было вынесено представление. Ответчиком представление было исполнено [12].

Стоит также отметить вопрос о совместной работе близких родственников на государственной или муниципальной службе. Ранее законодательство устанавливало запрет супругам совместно работать на одном и том же муниципальном или государственном предприятии, в учреждении или организации, если их служба связана с непосредственным подчинением или контролем одного супруга над другим [13, ст. 20]. В настоящее время Трудовой кодекс подобного рода запретов не содержит.

Однако такие ограничения установлены для отдельных случаев: муниципальных и государственных служащих, а также работников Фонда пенсионного и социального страхования РФ, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, некоторых организаций бюджетной сферы и поставщиков государственных услуг в социальной сфере в некоторых регионах Российской Федерации.

Кроме того, муниципальные и государственные служащие, сотрудники правоохранительных органов и другие категории (например, медицинские работники) теперь обязаны действовать таким образом, чтобы избежать конфликта интересов. А конфликт интересов включает в себя возможность получения выгоды или преимущества любым лицом, с которым чиновник/работник имеет близкие отношения. Таким образом, работа супругов в правительстве, государственном секторе и смежных областях потенциально может привести к конфликту интересов, независимо от того, зарегистрирован ли брак или это просто сожительство.

Исходя из этого, российское трудовое законодательство направлено на реализацию цели государства, заключающейся в том, чтобы лица с семейными обязанно-

стями могли свободно и без каких-либо ограничений реализовывать свою трудоспособность [14, с. 242]. В реализации данной задачи государства нередко препятствуют недобросовестные работодатели, над чем установлен контроль федеральных органов исполнительной власти.

Взаимосвязь семьи и налогового права предполагает создание так называемых «консолидированных налогоплательщиков», состоящих в основном из членов семьи. Данная система не является специфической для российского налогового права, поскольку Налоговый кодекс РФ [15] формально не рассматривает всю семью как субъект налоговых правоотношений, так как налогообложение доходов изначально основывалось на раздельном налогообложении всех членов семьи [16, с. 54].

П. 5 ст. 208 Налогового кодекса установлено, что не признаются и не подлежат налогообложению доходы, возникающие в результате взаимодействия в имущественных и неимущественных отношениях между членами семьи и (или) близкими родственниками, за исключением доходов, полученных этими лицами на основании гражданско-правовых договоров или трудовых договоров между этими лицами.

Передача материальных благ от одного родственника другому не создает нового налогового субъекта, поскольку все материальные и нематериальные блага остаются в семье. Вероятно, семья должна рассматриваться как один налогоплательщик [16, с. 55].

Удивительно, но законодатель ввел принцип раздельного налогообложения для каждого супруга, что не соответствует режиму совместной собственности супругов, предусмотренному гл. 7 Семейного кодекса РФ. Однако существуют прецеденты, когда супруги рассматриваются как «консолидированные налогоплательщики» в рамках режима совместной собственности супругов, приобретенной в браке.

В постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.11.2007 № 8184/07 изложена позиция, согласно которой каждый из супругов имеет право заявить налоговый вычет в случае приобретения недвижимого имущества [17]. При этом не важно на кого из супругов зарегистрирован данный объект недвижимости, а также на чье имя оформлены платежные документы на объект недвижимости, если иное не предусмотрено брачным договором или иным соглашением.

Так, специфика экономики семьи, которая заключается в ведение общего быта формирует несвойственного российскому налоговому праву «консолидированного налогоплательщика». В этой связи, бесспорно наличие прочной связи между налоговым и семейным законодательством, что подтверждается, помимо сказанного в данной статье, также другими положениями Налогового кодекса РФ.

При рассмотрении вопроса о значении институтов родства и свойства для различных отраслей права, стоит также вспомнить об одной процессуальной гарантии, которая предоставляется супругам и всем близким родственникам в соответствии с Конституцией РФ. Речь идет о ст. 51 Конституции РФ, согласно которой никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом [6]. Данная норма, кроме того, находит свое отражение во всех процессуальных законах РФ.

Рассматриваемое конституционное положение предполагает право (но не обязанность) индивида на отказ от дачи показаний в любом уголовном, гражданском или ином деле. Надо лишь подтвердить, что соответствующее лицо является супругом или близким родственником, каковыми, как мы знаем, семейное законодатель-

ство считает родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, родные братья и сестры, в том числе с одним общим родителем, бабушка, бабушка и внуки, усыновители и усыновленные).

Однозначно, наиболее употребляемыми данные состояния являются в гражданском и семейном праве, что связано со спецификой данных отраслей по регулированию частноправовых отношений. Так, указанные состояния имеют значение при регулировании вопросов о дееспособности малолетних и несовершеннолетних граждан, об опеке и попечительстве, о наследовании и непосредственно при регулировании семейных правоотношений.

Например, анализ гл. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [18] выявил, что категория родства, а также иная схожая правовая связь между субъектами является гарантией стабильности гражданско-правовых отношений при участии в правоотношении лица с неполным объемом дееспособности за счет того, что родители, усыновители или попечители обеспечивают разумное распоряжение имуществом их малолетних и несовершеннолетних детей.

Опекунами и попечителями зачастую выступают близкие родственники подопечного, что соответствует норме п. 3 ст. 35 ГК РФ, где указано, что при назначении опекуна или попечителя одним из факторов, который учитывается являются отношения, существующие между ним и лицом, нуждающимся в опеке или попечительстве. Из этого следует, что близкие родственники имеют преимущественное право быть опекунами или попечителями, что в зачастую выполняет важную социальную роль для подопечного и облегчает психологическую адаптацию к новым условиям.

Говоря об отношениях в процессе наследования, родство и свойство выступает основой для формирования очередности наследников по закону. Так, наследниками первой очереди являются дети, супруг и родители наследодателя, а внуки и их потомки – по праву представления (ст. 1142 ГК РФ); наследники второй очереди: полнородные и неполнородные братья и сестры наследодателя, его бабушки и дедушки, а племянники и племянницы наследодателя – по праву представления (ст. 1143 ГК РФ); наследниками третьей очереди выступают дяди и тети наследодателя, а двоюродные братья и сестры – по праву представления (ст. 1144 ГК РФ).

Родство и свойство имеет определяющую роль в регулировании семейных отношений. Так, предусмотренные семейным законодательством институты в целом связаны на идее наличия особой правовой связи между субъектами – родственной или свойственной. Специфика семейных правоотношений заключается как раз в том, что между субъектами, которых не объединяют наличие зарегистрированного брака или общего происхождения, возникнуть семейные правоотношения категорически не могут.

Исходя из всего вышесказанного, институты родства и свойства проходят красной нитью через многие отрасли российского права. Наличие родственных и свойственных связей между субъектами правоотношений и, следовательно, специально-правового регулирования данных отношений, позволяют семье сохранять свою социальную целостность и неделимость как важного социального института. При этом институт родства имеет большее юридическое значение, поскольку в этом случае связь между субъектами возникает в связи с происхождением лиц друг от друга, что порождает между ними особую правовую связь. Свойство не подразуме-

ваает наличия тесной правовой связи между супругом и родственниками другого супруга и между родственниками супругов, поэтому данные отношения играют не столь значительную роль в различных отраслях права.

Список литературы:

1. Словарь русского языка: около 57 000 слов / Под ред. док. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 16-е изд., испр. – Москва: Русский язык, 1984. – 797 с.
2. Общероссийский классификатор информации о населении ОК 018-2014 (введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 12 декабря 2014 г. № 2019-ст) (ред. от 30.08.2022) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).
3. Вспомогательная таблица для определения в отдельных случаях степени родства, свойства (утверждена Приказом Федеральной службы государственной статистики от 30 декабря 2019 г. № 826) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 18.02.2023).
4. Законопроект № 157281-8 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части регулирования отношений, связанных с правами и законными интересами детей) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8#bh_histras (дата обращения: 18.02.2023).
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (ред. от 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1 января 1996 г. N 1. Ст. 16.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
7. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 декабря 2001 г. № 51. Ст. 4831.
8. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 30 декабря 2013 г. № 52 (часть I). Ст. 6965.
9. Решение Лысьвенского городского суда Пермского края от 16 июня 2016 г. по делу № 2-1341/2016 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
10. Апелляционное определение СК по гражданским делам Ростовского областного суда от 30 января 2020 г. по делу № 33-1577/2020 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) // Собрании законодательства Российской Федерации. 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 3.
12. Решение Октябрьского районного суда г. Архангельска Архангельской области от 25 октября 2022 г. по делу № 2-3990/2022 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/> (дата обращения: 26.02.2023).
13. Кодекс законов о труде Российской Федерации (утв. ВС РСФСР 09.12.1971) (ред. от 10.07.2001, с изм. от 24.01.2002) (утратил силу) // Бюллетень Министерства труда Российской Федерации. 1993 г. № 1-2.
14. Красноярова Е. В. Особенности регулирования труда лиц с семейными обязанностями // Вестник ИрГТУ. 2014. №5 (88). С. 241-248. (дата обращения: 02.02.2023)
15. Часть вторая Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. N 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 августа 2000 г. № 32. Ст. 3340.
16. Телегус А.В. Элементы семейного налогообложения в налоге на доходы физических лиц // Финансы и кредит. 2011. №38 (470). С. 54-60. (дата обращения: 18.02.2023).
17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27 ноября 2007 г. № 8184/07 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2008 г. № 2.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ (в ред. от 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 5 декабря 1994 года. №32. Ст. 3301.

Ablyatipova N. A., Fedorovsky M. A. The concept and legal significance of relationship and properties in various branches of Russian law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – Р. 3-9.

This article is devoted to the study of the influence of the institutions of kinship and property on some branches of Russian law, in addition to civil and family law. The authors, based on the provisions of the current legislation and judicial practice, analyze the specifics that the presence of a kinship or inherent connection between the subjects brings to the usual legal relations. The significance of the institutions of kinship and property for certain branches of law, in particular the law of social security, labor, tax law, civil and family

law, is analyzed. It has been established that the presence of family and inherent ties between the subjects of legal relations and, consequently, a special legal regulation of these relations, allow the family to maintain its social integrity and indivisibility as an important social institution. On the basis of the study, conclusions were formulated about the meaning of kinship and property in various branches of law and the distinction between the studied concepts.

Keywords: kinship, property, family members, close relatives, social security law, labor law, tax law, civil law, family law, judicial practice.

Spisok literatury:

1. Slovar' russkogo jazyka: okolo 57 000 slov / Pod red. dok. filol. nauk, prof. N. Ju. Shvedovoj. – 16-e izd., ispr. – Moskva: Russkij jazyk, 1984. – 797 c.
2. Obshherossijskij klassifikator informacii o naselenii OK 018-2014 (vveden v dejstvie prikazom Federal'nogo agentstva po tehničeskomu regulirovaniju i metrologii ot 12 dekabrja 2014 g. № 2019-st) (red. ot 30.08.2022) // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://study.garant.ru/> (data obrashhenija: 18.02.2023).
3. Vspomogatel'naja tablica dlja opredelenija v ot del'nyh sluchajah stepeni rodstva, svojstva (utverzhdena Prikazom Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki ot 30 dekabrja 2019 g. № 826) // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://study.garant.ru/> (data obrashhenija: 18.02.2023).
4. Zakonoproekt № 157281-8 «O vnesenii izmenenij v Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» (v chasti regulirovanija otnoshenij, svjazannyh s pravami i zakonnyimi interesami detej) [Jelektronnyj resurs] // Sistema obespechenija zakonodatel'noj dejatel'nosti: sajt. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8#bh_histras (data obrashhenija: 18.02.2023)
5. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrja 1995 g. N 223-FZ (red. ot 01.09.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1 janvarja 1996 g. N 1. St. 16.
6. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12 dekabrja 1993 g. s izmenenijami, odobrennyimi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
7. Federal'nyj zakon ot 15 dekabrja 2001 g. № 166-FZ (red. ot 28.12.2022) «O gosudarstvennom pensionnom obespečenii v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 17 dekabrja 2001 g. № 51. St. 4831.
8. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrja 2013 g. № 400-FZ (red. ot 28.12.2022) «O strahovyh pensijah» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 30 dekabrja 2013 g. № 52 (chast' I). St. 6965.
9. Reshenie Lys'venskogo gorodskogo suda Permskogo kraja ot 16 ijunia 2016 g. po delu № 2-1341/2016 // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://study.garant.ru/> (data obrashhenija: 26.02.2023).
10. Apelljacionnoe opredelenie SK po grazhdanskim delam Rostovskogo oblastnogo suda ot 30 janvarja 2020 g. po delu № 33-1577/2020 // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://study.garant.ru/> (data obrashhenija: 26.02.2023).
11. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrja 2001 g. № 197-FZ (red. ot 19.12.2022) // Sobranii zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 7 janvarja 2002 g. № 1 (chast' I). St. 3.
12. Reshenie Oktjabr'skogo rajonnogo suda g. Arhangel'ska Arhangel'skoj oblasti ot 25 oktjabrja 2022 g. po delu № 2-3990/2022 // [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://study.garant.ru/> (data obrashhenija: 26.02.2023).
13. Kodeks zakonov o trude Rossijskoj Federacii (utv. VS RSFSR 09.12.1971) (red. ot 10.07.2001, s izm. ot 24.01.2002) (utratil silu) // B'ulleten' Ministerstva truda Rossijskoj Federacii. 1993 g. № 1-2.
14. Krasnojaroja E. V. Osobennosti regulirovanija truda lic s semejnymi objazannostjami // Vestnik IrGTU. 2014. №5 (88). S. 241-248. (data obrashhenija: 02.02.2023)
15. Chast' vtoraja Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 5 avgusta 2000 g. N 117-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 7 avgusta 2000 g. № 32. St. 3340.
16. Telegus A.V. Jelementy semejnogo nalogooblozhenija v naloge na dohody fizicheskih lic // Finansy i kredit. 2011. №38 (470). S. 54-60. (data obrashhenija: 18.02.2023).
17. Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 27 nojabrja 2007 g. № 8184/07 // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2008 g. № 2.
18. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30 nojabrja 1994 goda №51-FZ (v red. ot 01.09.2022) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 5 dekabrja 1994 goda. №32. St. 3301.

УДК 340.15

ЗАЩИЩЕННОСТЬ ОБЪЕКТОВ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ И ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ОТ АКТОВ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Астраханцев И. В.

Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся становления представлений о транспортной безопасности в российской науке. Транспортная безопасность рассматривается в контексте закрепленного в Федеральном законе «О транспортной безопасности» подхода – как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. Сделан вывод о том, что формирование представлений о транспортной безопасности в России началось во второй половине XIX в. В настоящее время транспортная безопасность рассматривается как составляющая национальной безопасности и является предметом исследований ученых различных специальностей.

Ключевые слова: национальная безопасность, транспортная безопасность, безопасность дорожного движения, транспортные средства, транспортная инфраструктура, транспортная полиция.

Вопросам обеспечения транспортной безопасности в современных условиях уделяется все большее внимание и учеными, и законодателями, и иными государственными и общественными деятелями. Обращения к этим проблемам требует и внешнеполитическая ситуация, осложняющаяся обострением отношений с рядом стран мирового сообщества на фоне предпринимаемых Россией попыток по защите своих национальных интересов. При этом обострение межгосударственных отношений имеет ярко провокационный характер, отражающий недружественные устремления ряда государств – членов Североатлантического блока, направленные на недопущение усиления влияния Российской Федерации в мировом сообществе, намеренное сдерживание возможностей ее экономического развития, навязывание сценариев международного взаимодействия. В этой связи блокирование транспортных возможностей России, умышленное негативное воздействие на объекты транспорта и транспортной инфраструктуры, снижение уровня безопасности эксплуатации различных видов транспорта рассматривается иностранными сторонами в качестве эффективных и результативных методов внешнеполитического давления. Отдельные благовидные предлоги и сдерживающие инициативы направленного характера активно используются иностранными государствами «для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами» [1, п. 17], констатирует Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Спровоцированная данными процессами напряженность способствовала радикализации идеологических течений в обществе, усилению угроз экстремистского и террористического характера [2, с. 69–80], усилению недовольства населения в связи с невозможностью свободного перемещения с использованием ранее доступных средств транспорта. Неслучайно поэтому к основным задачам государства в сфере обеспечения национальной безопасности отнесены повышение уровня антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей [3, с. 56–67], в том

числе объектов транспортной инфраструктуры [1, п. 47, подп. б], других критически важных и потенциально опасных объектов [4].

На защищенность государства негативное влияние оказывает состояние неравномерно освоенных и удаленных российских территорий, являющихся объектами территориальных устремлений со стороны отдельных приграничных государств. Обширные территории Сибири и Дальнего Востока, островные и анклавные регионы Российской Федерации, удаленные от крупных промышленных центров страны, недостаточно эффективно связанные между собой транспортными магистралями, вызывают заинтересованность государств, имеющих большую численность населения, высокую плотность проживания людей и ограниченных территориально. Состояние экономического пространства России, обеспечение безопасности ряда ее субъектов, эффективность связей между регионами в еще большей степени стали зависеть от уровня гарантируемой государством транспортной безопасности [4].

Согласно официальным статистическим данным, в 2019 г. в Российской Федерации всеми видами транспорта в совокупности было перевезено 395 млн пассажиров (из них: железнодорожным транспортом по маршрутам дальнего следования – 116,5 млн человек; авиатранспортом через аэропорты гражданской авиации – 147,5 млн человек; автомобильным транспортом – 130 млн человек; внутренним водным транспортом по маршрутам дальнего сообщения – 0,9 млн человек). При этом в консервативном сценарии к 2035 г. прогнозируется увеличение объема пассажирских перевозок до 520 млн человек, а в базовом сценарии – до 540 млн человек [5, прил. № 6]. Аналогичные тенденции очевидны и в сфере грузовых перевозок [5, прил. № 4, 5]. На этом фоне актуальность вопросов транспортной безопасности многократно усиливается, а необходимость поиска рациональных и научно обоснованных путей повышения эффективности ее обеспечения значительно возрастает.

Данные обстоятельства актуализируют проблемы изучения особенностей становления и развития представлений о транспортной безопасности в юридической науке, способствовавших разработке законодательства о транспортной безопасности и последующему включению транспортной безопасности в структуру национальной безопасности государства.

Публикация первых трудов, посвященных отдельным вопросам обеспечения безопасности пассажиров и грузов в процессе их перевозки различными видами транспорта, относится ко второй половине XIX в. Сначала проблемы обеспечения транспортной безопасности освещалась лишь в контексте отдельных аспектов эксплуатации определенных видов транспорта, содержания дорог, взимания транспортных платежей и установления правил управления транспортными средствами.

Описывая состояние транспортной сети в Российской империи во второй половине XIX в., Е. Н. Анучин в работе «Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени» (СПб, 1872) отмечал, что «для охранения безопасности дорог ... недостаточно местных исполнительных органов (сотских), а необходима особая подвижная и притом вооруженная сила, которая бы находилась в непосредственном распоряжении у начальника уездной полиции и могла бы быть употребляема по его усмотрению там, где окажется в этом надобность» [6, с. 199]. Автор обращал внимание на необходимость сосредоточения административных ресурсов государства в

сфере обеспечения транспортных перевозок по дорогам общего пользования. Проблемы обеспечения транспортной безопасности начали осознаваться как имеющие государственное значение.

На важность сохранения, накопления и передачи последующим поколениям позитивного опыта устройства, эксплуатации и содержания дорог в 80-х годах XIX столетия обращал внимание И. Е. Андреевский [7, с. 62–66]. Опыт, накопленный со времен Петра I, в том числе заимствованный у западноевропейских строителей и усовершенствованный русскими мастерами, по мнению И. Е. Андреевского, важно применять с учетом меняющихся реалий и обстоятельств: организовывать замощение наиболее используемых дорог каменным покрытием; следить за верным устройством дренажа для оттока с дорог технических и природных вод; создавать системы шлюзных сооружений для оптимизации перемещения товаров, грузов и пассажиров, подвоза и разгрузки товаров; обеспечения сохранности перевозимых грузов и безопасности пассажиров с учетом особенностей конкретного вида транспорта (наземного либо корабельного); включения планов по строительству дорог в общие градостроительные планы, в планы развития освоения и развития территорий [8, с. 43–48]. Вопросы обеспечения транспортной безопасности И. Е. Андреевский связывал с обеспечением прав человека в российском государстве [9, с. 61].

А. Н. Зерцалов в работе «Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в.» (Москва, 1894) на основе анализа документов архива Министерства юстиции Российской империи, пришел к выводу, что обустроенные дороги и иные транспортные пути уже в XVII в. являлись объектами, требующими повышенного внимания для обеспечения безопасности городов и населения. А. Н. Зерцалов выявил документы, содержащие сведения о делах в 11 съезжих дворах по охранению в конце XVII в. жителей Москвы от пожаров, убийств, грабежей, по устройению в переулках и у ворот зданий ночных и дневных караулов. Автор отмечал, что дороги часто используются «лихим людом» для покушений, преступлений и реализации своих злых замыслов как в отношении отдельных жителей, так и в отношении объединений торговцев с целью завладения товарами, деньгами, лошадьми, повозками и иным личным имуществом. «Лихоимцами на дорогах устраивались засады, организовывались перехваты товаров, затевались убийства и вымогательства» [10, с. 5]. Ретроспективный анализ вопросов обеспечения безопасности в Москве в XVII–XIX вв. позволил А. Н. Зерцалову сделать вывод о том, что по мере развития транспортных средств и дорожной сети в Российской империи на протяжении двух столетий данная проблема не только не утратила своей остроты, но и многократно увеличила свою актуальность. Все это, по его мнению, требовало глубокого анализа ситуации и поиска соответствующих времени приемов и способов ее разрешения, в перечень которых А. Н. Зерцалов включал: формирование транспортной полиции в городах; установление законодательных требований к порядку эксплуатации транспортных средств и лиц, ими управляющих; введение обязательного реестра транспортных средств; формирование органов, ответственных за строительство и содержание дорог и «иных проездных путей» [10, с. 5–7].

Внимание к вопросам транспортной безопасности во второй половине XIX в. во многом было обусловлено событиями террористического характера, произошедшими на объектах транспорта, коснувшихся жизни членов царской семьи. «Ряд совершённых террористических актов, угрозы их совершения, убийства и другие проти-

воправные проявления характеризовали соответствующую ситуацию на транспорте России. Требовалось повышенное внимание со стороны прежде всего транспортной полиции в вопросах обеспечения правопорядка и безопасности на объектах транспортного комплекса, так как преступления на транспорте представляли и представляют собой явление, несущее угрозу обществу и государству» [11, с. 94].

Таким образом, в политико-правовой мысли Российской империи оформились идеи о необходимости обеспечения безопасности в местах, связанных с транспортом, были изданы труды, касающиеся проблем обеспечения транспортной безопасности [12, с. 43–83]. Изданные второй половине XIX в. работы освещали проблемы транспортной безопасности фрагментарно и несистемно и свидетельствовали о формировании начальных (базовых) представлений о транспортной безопасности в юридической науке [12, с. 5–8].

По мере стремительного развития транспорта, дорожной сети и путей транспортного сообщения как на внутригосударственном, так и на международном уровнях происходили расширение и углубление представлений о транспортной безопасности в отечественной юридической науке. Свидетельством этому служит появление в начале XX в. исследований с авторскими рассуждениями о транспортной безопасности, а также объемных, четко структурированных изданий узкой тематической направленности, позволявших осуществлять дальнейшие научные исследования в обозначенной сфере. Так, «Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог», составленная старшим адъютантом штаба отделения Корпуса жандармов Л. А. Тимофеевым (СПб, 1908), представляла собой справочник терминов, понятий и определений, применяемых при регулировании общественных отношений в сфере железнодорожных перевозок. Справочная книга объемом в 1238 страниц содержала в себе 20 частей, каждая из которых была посвящена различным вопросам организации и осуществления железнодорожных перевозок. Рассматривая различные аспекты обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте, Л. А. Тимофеев обратил внимание на историю введения жандармского надзора на железных дорогах России; описал права и обязанности жандармских управлений, касающихся сопровождения императорских железнодорожных вагонов и обеспечения безопасности на железнодорожном транспорте [13].

В начале XX в. начинает вестись активная работа по статистической обработке и официальному опубликованию информации, накопленной в сфере транспортных грузовых и пассажирских перевозок, которая указывает на понимание важности систематизации сведений в данной сфере и осознание необходимости их научного анализа для продолжения научных исследований, и применения в практической деятельности. Систематизация статистических данных позволила выявить специфику развития различных видов транспорта и охарактеризовать особенности обеспечения безопасности при использовании различных транспортных средств. Так, «Статистический сборник Министерства путей сообщения» (СПб, 1914) включал обзор статистических сведений о перевозке товаров железнодорожным транспортом и по внутренним водным путям Российской империи с 1882 г. [14].

Достижения научно-технической революции, обусловившие поступательное развитие транспортных средств (появление автомобилей на паровой тяге и с двигателями внутреннего сгорания, появление воздушных транспортных средств), способ-

ствоvalи усилению интереса к исследованиям сравнительно-правового и ретроспективного аспектов проблем транспортной безопасности. Важность и необходимость изучения и анализа транспортных возможностей, в том числе с точки зрения безопасности государства, подтвердила Первая мировая война [12, с. 118–119].

Эволюции транспорта в России был посвящен монографический труд И. Д. Михайлова [15]. Несмотря на то, что хронологическими рамками исследования заявлены 1913–1925 гг., работа содержит статистические данные об основных показателях работы железнодорожного транспорта с начала века. В монографии подробно описана работа железных дорог в эти годы: специфика грузовых работ и объемы погрузки; описаны финансовые отношения, касающиеся содержания железных дорог; охарактеризованы проблемы, связанные с топливным кризисом. Монография содержит разделы, посвященные водному и авиационному транспорту, в которых дана оценка возможностей и перспектив их дальнейшего развития.

Научной и практической значимостью обладали работы П. Н. Шестакова [16], И. Королева [17], И. А. Поплавского [18], Н. В. Орнатского [19], С. Г. Писарева [20] и др. Авторы сосредоточили внимание на особенностях организации безопасного движения транспортных средств и эксплуатации путей сообщения различного вида (наземных дорог, водных маршрутов и пр.).

Особый интерес исследователей 1930-х годов в советской России представлял потенциал развития транспортных путей сообщения в масштабах страны и использование возможностей различных видов транспорта в оборонительных целях. Поскольку итоги 1-й Мировой войны для России представлялись негативными, а угроза развязывания очередного мирового конфликта неуклонно возрастала, особую остроту приобрели вопросы, касающиеся роли транспорта и транспортной инфраструктуры в обороне государства, а также необходимости непрерывного развития транспортных возможностей государства в стратегических целях.

Труд Н. Г. Васильева «Транспорт России в войне 1914–1918 гг.» (Москва, 1939) [21] был посвящен комплексному анализу политико-экономических и технологических факторов, оказывавших влияние на развитие транспорта в условиях военного времени. Опираясь на документы Центрального военно-исторического архива и статистические материалы, Н. Г. Васильев выявил специфику применения различных средств транспорта в годы Первой мировой войны; рассмотрел актуальные проблемы подготовки путей сообщения к возможной войне в текущих условиях [21]. При этом неполнота и чрезвычайная разрозненность материалов, характеризующих транспортную систему 1914–1918 гг., не позволили осветить в желаемом объеме многие важные вопросы. Данное уточнение указывает на особенности разработанности проблем транспортной безопасности в первой половине XX в. – использование различных статистических и эмпирических источников, отражавших реальное положение дел в сфере эксплуатации транспорта и объектов транспортной инфраструктуры, фрагментарность рассматриваемых проблем.

Попытки осмысления уроков Великой Отечественной войны обусловили новый интерес исследователей к оценке роли и значения транспорта в обеспечении безопасности государства. Представления о транспортной безопасности в 1950-е – 1960-е годы находились в тесной взаимосвязи с представлениями о государственной безопасности. Оценка значения транспортных средств в состоянии транспортных путей нашла отражение в законодательстве. В «Положении о Комитете государ-

ственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах» (1959) [22] отмечалось, что «Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР для выполнения возложенных на него задач имеет свои органы в союзных и автономных республиках, краях, областях, отдельных городах и районах, ... на железнодорожном, водном и воздушном транспорте...» [22, ст. 2]. На КГБ СССР и его местные органы возлагалась контрразведывательная работа на специальных объектах, особо важных объектах промышленности и на транспорте [22, ст. 7]. Транспорт и транспортная инфраструктура рассматривались в качестве объектов, подлежащих защите и охране в особом порядке, а значит, являющимися как источниками повышенной опасности, так и потенциальными объектами разведывательных, преступных и иных опасных вражеских устремлений.

В связи с чем научные труды, публиковавшиеся в 1950-е – 1960-е годы, носили либо ярко выраженный политизированный и ведомственно-силовой характер [23], либо, напротив, описательный характер без выражения личной позиции авторов к освещаемым вопросам [24; 25]. При этом характер и направленность научных трудов, освещающих вопросы транспортной безопасности, претерпели изменения. Они были связаны со смещением приоритетов в развитии транспортной системы на решение исключительно оборонительных и охранительных задач, на совершенствование экономико-технологического развития государства, повышения его престижа в мировом сообществе. Исследователи начинают обращать внимание на организационные основы обеспечения транспортной безопасности.

Пик дорожного строительства в СССР пришелся на 1960-е – 1970-е годы. На дорожное строительство были выделены значительные средства. В 1962 г. в эксплуатацию была введена МКАД протяженностью 109 километров. В 1959–1965 гг. протяженность дорог с твердым покрытием увеличилась на 81,2 тыс. километров, 37 тыс. километров из них имели усовершенствованные покрытия. Интенсивное дорожное строительство продолжалось и в 1970-е – 1980-е годы. В 1990 г. сеть дорог общего пользования в РСФСР составляла 455,4 тыс. километров, в том числе 41 тыс. километров дорог общегосударственного и 57,6 тыс. километров – республиканского значения [26]. Столь стремительное дорожное строительство, расширение сети магистралей, увеличение протяженности железных дорог, освоение новых водных маршрутов и развитие авиационной отрасли одновременно оказывали воздействие на изменение транспортной доступности регионов страны, расширение возможностей по перевозке пассажиров, товаров и грузов с использованием различных видов транспортных средств. При этом приобрели особую остроту и нашли отражение в исследованиях вопросы о необходимости разработки и внедрения мер по обеспечению безопасности самих средств транспорта, объектов транспортной инфраструктуры, персонала, обеспечивающего функционирование транспортной сети, перевозимых пассажиров, товаров и грузов (В. Ф. Бабков [27], М. Б. Афанасьев [28], Е. М. Извозчиков [29]), а также вопросы предотвращения преступлений, аварий и происшествий в данной сфере (А. Н. Грачев [30], А. М. Белодедов [31], И. К. Шахриманьян [32], В. В. Лукьянов [33] и др. [34]). Появились труды, посвященные анализу опыта регулирования общественных отношений в сфере использования транспорта в России и за рубежом [35]. Единый подход к определению понятия «транспортная безопасность» выработан еще не был. Транспортная безопасность часто отождествлялась с дорожным движением, безопасностью экс-

плуатации различных видов транспорта, безопасностью перевозки пассажиров, товаров и грузов.

Важным периодом развития представлений о транспортной безопасности в юридической науке является временной отрезок с конца 1980-х годов до начала XXI в. Этот этап характеризуется новыми вызовами и угрозами отдельным государствам в частности и человечеству в целом, реализуемыми с применением транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры. Крупные террористические акты, совершенные на транспорте и повлекшие человеческие жертвы, заставили научное сообщество по-новому значение и содержание транспортной безопасности, а также потребовали выработки научно обоснованных подходов к ее обеспечению. Результатами нового осмысления проблем транспортной безопасности явилось издание трудов, в которых нашли отражение понятия и категории, используемые при характеристике транспортной безопасности, анализ проблем организации и функционирования транспортной системы, предложения по их преодолению, результаты сравнительных исследований.

Отдельным достижением современной юридической науки явилось закрепление на законодательном уровне понятия «транспортная безопасность» и сопутствующих ключевых понятий в ФЗ «О транспортной безопасности» [36]. Представленная в нем трактовка понятия «транспортная безопасность» подвела черту под существовавшим ранее в науке смешением данного понятия со смежными категориями (например, с понятием «безопасность дорожного движения») и способствовала углублению и расширению представлений о транспортной безопасности.

Конкретизация и уточнение понятий нашло отражение в словаре «Транспортная безопасность. Термины. Понятия. Определения», составленном Н. Н. Белокобыльским (Москва, 2017) [37]. Термины, понятия и определения, которые имеют отношение к транспорту, его безопасности, а также ответственности за посягательство на его функционирование, представлены в 4-х разделах: социально-экономическом, иностранном, техническом и юридическом. Каждый элемент Словаря представлен автором как содержащий исключительное смысловое значение (а в ряде случаев несколько смысловых значений), не дублирующий, но расширяющий значение другого понятия, не являющийся в полной мере заменяемым [37].

В настоящее время Федеральный закон «О транспортной безопасности» трактует транспортную безопасность как состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства. С учетом того, что первоначальный текст закона с момента его принятия подвергался изменениям 26 раз, споры и дискуссии в данной сфере (прежде всего в связи с появлением новейших угроз внешнего и внутреннего характера) еще не завершены. За последнее десятилетие в российской науке проблемам транспортной безопасности посвящены более 400 статей, изданы несколько десятков монографий, учебников и учебных пособий (в том числе в контексте изучения национальной безопасности государства), защищены более десятка диссертаций. Кроме того, рассуждения о транспортной безопасности находят свое отражение на страницах периодической печати, в статистических справочниках и тематических и словарях.

При этом множество из вновь возникающих под воздействием изменяющейся общемировой ситуации и внутригосударственной обстановки вопросов по-прежнему остаются нерешенными либо не находят должного научно-

теоретического обоснования. Ряд законодательно установленных положений и норм в рассматриваемой сфере в условиях быстро изменяющихся мощных детерминант внутригосударственного и международного характера утрачивают свою актуальность и перестают отвечать современным потребностям практики. Это требует проведения непрерывной исследовательской работы по актуализации научных положений, являющихся фундаментом для последующей законотворческой деятельности, которая направлена на совершенствование законодательства в сфере транспортной безопасности.

Таким образом, генезис становления и развития представлений о транспортной безопасности в юридической науке имеет свою историю. С XIX в. произошла трансформация представлений о транспортной безопасности: от начального формирования базовых и разрозненных представлений о транспорте в целом, отдельных его видах и специфике их эксплуатации до закрепления в значительном массиве научных трудов представлений о транспортной безопасности, научном обосновании его содержания, разграничения со смежными понятиями и категориями. Представления о транспортной безопасности формировались во взаимосвязи с представлениями о государственной безопасности; определено особое значение транспорта и объектов транспортной инфраструктуры в оборонительных возможностях государства; выявлена взаимная обусловленность уровня научно-технологического, социально-экономического развития общества и уровня развития транспортных возможностей страны; осуществлены анализ и учет позитивного опыта иностранных государств в рассматриваемой сфере. Дальнейшие векторы развития исследований, касающихся транспортной безопасности, в юридической науке в настоящее время определяются: возрастающими потребностями в своевременном выявлении и блокировании угроз, возникающих в сфере эксплуатации транспорта и объектов транспортной инфраструктуры; необходимостью совершенствования действующего законодательства в рассматриваемой сфере и формирования необходимых для этого научно-теоретических основ; потребностями совершенствования системы обеспечения транспортной безопасности; необходимостью поиска новых эффективных приемов, средств и методов обеспечения транспортной безопасности, в том числе в контексте обеспечения национальной безопасности государства.

Список литературы:

1. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 2021. № 27. Ч. II. Ст. 5351.
2. Нижник Н. С. Национальная безопасность: концептуальные основания и феноменологическая характеристика // Международное сообщество и глобализация угроз безопасности: Сборник научных докладов: В 2 ч. Ч. 1: Исторические, теоретические и правовые аспекты противодействия угрозам национальной безопасности / Отв. ред. В. В. Грохотова, Б. Н. Ковалев, Е. А. Макарова. Великий Новгород, 2008. С. 69–88.
3. Нижник Н. С. Национальная безопасность как социюридический феномен. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. 136 с.
4. Дерюгин А. А., Нижник Н. С. Концептуальные основы общей теории национальной безопасности России / Под ред. С. Г. Лысенкова. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. 93 с.
5. Транспортная стратегия Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // СЗ РФ. 2021. № 50. Ч. IV. Ст. 8613.
6. [Анучин Е. Н.] Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени: составлен по распоряжению министра вн. дел

- чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным. Санкт-Петербург: тип. М-ва вн. дел, 1872. 238 с.
7. Нижник Н. С., Дергилова С. Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. Москва: Юрлитинформ, 2017. 376 с.
8. [Андреевский И. Е.] Лекции по истории полицейского права и земских учреждений в России, читанные в Археологическом институте в 1881, 1882 и 1883 годах профессором И. Андреевским, составленные и изданные слушателем Археологического института Д. Волковым. Санкт-Петербург, 1883. 69 с.
9. Права человека: между прошлым и будущим / Под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. Москва: «Норма», 2021. 448 с.
10. Зерцалов А. Н. Объезжие головы и полицейские дела в Москве в конце XVII в. Москва: Университетская типография, 1894. 60 с.
11. Рыжова Ю. В. Некоторые аспекты обеспечения транспортной безопасности Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 94–97.
12. Нижник Н. С., Квитчук А. С., Андреева И. А., Чимаров С. Ю., Змерзлый Б. В. Обеспечение безопасности дорожного движения: генезис системы в Российском государстве. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 292 с.
13. Справочная книга для чинов жандармских полицейских управлений железных дорог / Сост. ст. адъютант Штаба Отделения корпуса жандармов, подполк. Л. А. Тимофеев. Санкт-Петербург: Типография Штаба Отделения корпуса жандармов, 1908. 1238 с.
14. Статистический сборник Министерства путей сообщения. Вып. 128: Железные дороги в 1911 г. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения, 1914 // Государственная публичная научно-техническая библиотека России. [Электронный ресурс]. – <http://scbist.com/starye-knigi-do-1960-g/54762-statisticheskii-sbornik-ministerstva-putei-soobscheniya-vypusk-128-zheleznye-dorogi-v-1911-g-sankt-peterburg-tipografiya-ministerstva-putei-soobscheniya-1914-a.html> (дата обращения: 27.07.2023).
15. Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта 1913–1925 / Под ред. проф. С. А. Фалькнера. Москва; Ленинград: Экономическая жизнь, 1925. 253 с.
16. Шестаков П. Н. Принципы организации автомобильного транспорта на шоссежных дорогах. Петроград: Редакция специального технического и экономического издательства НКПС, 1920. 28 с.
17. Королев И. Устройство небольших деревянных мостов и труб на гужевых дорогах волостного значения. Сталинград, 1926. 15 с.
18. Поплавский И. А. Методы и практика непосредственного текущего наблюдения в гужевой статистике. Москва: Центральное статистическое управление СССР, 1926. 113 с.
19. Орнатский Н. В. Простейшая механизация содержания грунтовых дорог. Москва; Ленинград: 1-я образцовая типография, Гос. Изд-во, 1929. 93 с.
20. Писарев С. Г. Городской транспорт. Москва; Ленинград: Министерство коммунального хозяйства РСФСР, 1948. 504 с.
21. Васильев Н. Г. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. Москва: Воениздат, 1939. 257 с.
22. Положение о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органах на местах: Выписка из протокола заседания Президиума ЦК КПСС от 9 января 1959 г. № 200 // Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. – <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78499> (дата обращения: 15.07.2023).
23. Кудрявцев А. С. Очерки истории дорожного строительства в СССР: В 2 т. [Москва]: Дориздат, [1951]-1957.
24. Артемов И. И. Воспоминания об управлении российскими железными дорогами в годы Гражданской войны // Железнодорожный транспорт. 1960. № 4. С. 25–26.
25. Атрясьев А. Воспоминания о строительстве железнодорожной ветки Челябинск – Копейск // Челябинский рабочий. 1964. 22 апреля.
26. Андриенко Л. Пик дорожного строительства в СССР пришелся на 60–70-е годы: что принесли российским дорогам советские пятилетки. / Материалы интервью с генеральным директором ФГБУ «Информавтодор» Д. Мепуришвили // Российская газета. 2010. 18 января. Спецвыпуск: Дороги России.
27. Бабков В. Ф. Дорожные условия и безопасность движения. Москва: Транспорт, 1970. 256 с.
28. Афанасьев М. Б. Водителю о дорожном движении. Москва: Изд-во ДОСААФ, 1977. 159 с.
29. Извозчиков Е. М. Внимание: автомобиль! Куйбышев: Кн. изд-во, 1981. 135 с.
30. Грачев А. Н. Административные проступки в дорожном движении и их профилактика органами внутренних дел: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1978. 226 с.
31. Белодедов А. М. Исследование аварийности и повышения безопасности дорожного движения в Ленинграде и области: Дис. ... канд. техн. наук. Ленинград, 1979. 236 с.
32. Шахриманьян И. К. Деятельность органов внутренних дел по пропаганде безопасности дорожного движения: учебное пособие. Москва, 1979. 75 с.
33. Лукьянов В. В. Безопасность дорожного движения. Москва: Транспорт, 1983. 262 с.

34. Совершенствование системы учета дорожно-транспортных происшествий и повышение эффективности правоприменительной деятельности ГАИ: Сборник научных трудов / ВНИИ безопасности дор. движения. Редкол.: В. С. Асташов [и др.]. Москва: ВНИИБД, 1980. 108 с.
35. Опыт дорожного строительства в СССР и за рубежом / Ред. коллегия: Л. Л. Афанасьев [и др.]. Москва: Международные отношения, 1969. 141 с.
36. Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (с изм. по сост. на 10 июля 2023 г.): // СЗ РФ. 2007. № 7. Ст. 837; 2023. № 29. Ст. 5312.
37. Белокобыльский Н. Н. Транспортная безопасность. Термины. Понятия. Определения: Словарь. Москва: Статут, 2017. 348 с.

Astrakhantsev Igor V. The security of transport infrastructure facilities and vehicles from acts of unlawful interference as a subject of research in russian legal science // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 10–20.

The article discusses issues related to the formation of ideas about transport security in Russian science. Transport security is considered in the context of the approach enshrined in the Federal Law "On Transport Security" – as the state of protection of transport infrastructure facilities and vehicles from acts of unlawful interference. It is concluded that the formation of ideas about transport security in Russia began in the second half of the XIX century. Currently, transport security is considered as a component of national security and is the subject of research by scientists of various specialties.

Keywords: national security, transport security, road safety, vehicles, transport infrastructure, transport police.

Spisok literatury:

1. Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2021 goda № 400 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (dalee – SZ RF). 2021. № 27. CH. II. St. 5351.
2. Nizhnik N. S. Nacional'naya bezopasnost': konceptual'nye osnovaniya i fenomenologicheskaya karakteristika // Mezhdunarodnoe soobshchestvo i globalizaciya ugroz bezopasnosti: Sbornik nauchnyh dokladov: V 2 ch. CH. 1: Istoricheskie, teoreticheskie i pravovye aspekty protivodejstviya ugrozam nacional'noj bezopasnosti / Otv. red. V. V. Grohotova, B. N. Kovalev, E. A. Makarova. Velikij Novgorod, 2008. S. 69–88.
3. Nizhnik N. S. Nacional'naya bezopasnost' kak socioyuridicheskij fenomen. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb unta MVD Rossii, 2013. 136 s.
4. Deryugin A. A., Nizhnik N. S. Konceptual'nye osnovy obshchej teorii nacional'noj bezopasnosti Rossii / Pod red. S. G. Lysenkova. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, 2018. 93 s.
5. Transportnaya strategiya Rossijskoj Federacii do 2030 goda s prognozom na period do 2035 goda: utv. Rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 27 noyabrya 2021 g. № 3363-r // SZ RF. 2021. № 50. CH. IV. St. 8613.
6. [Anuchin E. N.] Istoricheskij obzor razvitiya administrativno-policejskih uchrezhdenij v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyah 1775 g. do poslednego vremeni: sostavlennye po rasporyazheniyu ministra vn. del chinovnikom osobyh poruchenij pri ministre E. Anuchiny. Sankt-Peterburg: tip. M-va vn. del, 1872. 238 s..
7. Nizhnik N. S., Dergileva S. YU. Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovyh vozzreniyah A. I. Elistratova. Moskva: YUrlitinform, 2017. 376 s.
8. [Andreevskij I. E.] Lekcii po istorii policejskogo prava i zemskih uchrezhdenij v Rossii, chitannye v Arheologicheskom institute v 1881, 1882 i 1883 godah professorom I. Andreevskim, sostavlennye i izdannye slushatelem Arheologicheskogo instituta D. Volkovym. Sankt-Peterburg, 1883. 69 s.
9. Prava cheloveka: mezhdzhu proshlym i budushchim / Pod red N. V. Varlamovoj, T. A. Vasil'evoj, N. V. Kolotovoj. Moskva: «Norma», 2021. 448 s.
10. Zercalov A. N. Ob "ezzhie golovy i policejskie dela v Moskve v konce XVII v. Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1894. 60 s.
11. Ryzhova YU. V. Nekotorye aspekty obespecheniya transportnoj bezopasnosti Rossijskoj imperii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2015. № 1(33). S. 94–97.
12. Nizhnik N. S., Kvitchuk A. S., Andreeva I. A., CHimarov S. YU., Zmerzlyj B. V. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: genezis sistemy v Rossijskom gosudarstve. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2021. 292 s.
13. Spravochnaya kniga dlya chinov zhandarmskih policejskih upravlenij zheleznih dorog / Sost. st. ad"yutant SHtaba Otdeleniya korpusa zhandarmov, podpolk. L. A. Timofeev. Sankt-Peterburg: Tipografiya SHtaba Otdeleniya korpusa zhandarmov, 1908. 1238 s.
14. Statisticheskij sbornik Ministerstva putej soobshcheniya. Vyp. 128: ZHeleznje dorogi v 1911 g. Sankt-Peterburg: Tipografiya Ministerstva putej soobshcheniya, 1914 // Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka Rossii. [Elektronnyj resurs]. – <http://scbist.com/starye-knigi-do-1960-g/54762-statisticheskii-sbornik-ministerstva-putei-soobscheniya-vypusk-128-zheleznje-dorogi-v-1911-g-sankt-peterburg-tipografiya-ministerstva-putei-soobscheniya-1914-a.html> (data obrashcheniya: 27.07.2023).

15. Mihajlov I. D. Evolyuciya russkogo transporta 1913–1925 / Pod red. prof. S. A. Fal'knera. Moskva; Leningrad: Ekonomicheskaya zhizn', 1925. 253 s.
16. SHestakov P. N. Principy organizacii avtomobil'nogo transporta na shossejnyh dorogah. Petrograd: Redakciya special'nogo tekhnicheskogo i ekonomicheskogo izdatel'stva NKPS, 1920. 28 s.
17. Korolev I. Ustrojstvo nebol'shih derevyannyh mostov i trub na guzhevyyh dorogah volostnogo znacheniya. Stalingrad, 1926. 15 s.
18. Poplavskij I. A. Metody i praktika neposredstvennogo tekushchego nablyudeniya v guzhevoj statistike. Moskva: Central'noe statisticheskoe upravlenie SSSR, 1926. 113 s.
19. Ornatskij N. V. Prostejshaya mekhanizaciya sodержaniya gruntovyh dorog. Moskva; Leningrad: 1-ya obrazcovaya tipografiya, Gos. Izd-vo, 1929. 93 s.
20. Pisarev S. G. Gorodskoj transport. Moskva; Leningrad: Ministerstvo kommunal'nogo hozyajstva RSFSR, 1948. 504 s.
21. Vasil'ev N. G. Transport Rossii v vojne 1914–1918 gg. Moskva: Voenizdat, 1939. 257 s.
22. Polozhenie o Komitete gosudarstvennoj bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR i ego organah na mestah: Vypiska iz protokola zasedaniya Prezidiuma CK KPSS ot 9 yanvarya 1959 g. № 200 // Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [Elektronnyj resurs]. – <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78499> (data obrashcheniya: 15.07.2023).
23. Kudryavcev A. S. Ocherki istorii dorozhnogo stroitel'stva v SSSR: V 2 t. [Moskva]: Dorizdat, [1951]–1957.
24. Artemov I. I. Vospominaniya ob upravlenii rossijskimi zheleznymi dorogami v gody Grazhdanskoj vojny // ZHeleznodorozhnyj transport. 1960. № 4. S. 25–26.
25. Atryas'ev A. Vospominaniya o stroitel'stve zheleznodorozhnoj vetki CHelyabinsk – Kopejsk // CHelyabinskij rabochij. 1964. 22 aprelya.
26. Andrienko L. Pik dorozhnogo stroitel'stva v SSSR prishelsya na 60–70-e gody: chto prinesli rossijskim dorogam sovetskie pyatiletki. / Materialy interv'yu s general'nym direktorom FGBU «Informavtodor» D. Mepurishvili // Rossijskaya gazeta. 2010. 18 yanvarya. Specvypusk: Dorogi Rossii.
27. Babkov V. F. Dorozhnye usloviya i bezopasnost' dvizheniya. Moskva: Transport, 1970. 256 s.
28. Afanas'ev M. B. Voditelyu o dorozhnom dvizhenii. Moskva: Izd-vo DOSAAF, 1977. 159 s.
29. Izvozchikov E. M. Vnimanie: avtomobil'! Kujbyshev: Kn. izd-vo, 1981. 135 s.
30. Grachev A. N. Administrativnye prostupki v dorozhnom dvizhenii i ih profilaktika organami vnutrennih del: Dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1978. 226 s.
31. Belodedov A. M. Issledovanie avarijnosti i povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Leningrade i oblasti: Dis. ... kand. tekhn. nauk. Leningrad, 1979. 236 s.
32. SHahriman'yan I. K. Deyatel'nost' organov vnutrennih del po propagande bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie. Moskva, 1979. 75 s.
33. Luk'yanov V. V. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. Moskva: Transport, 1983. 262 s.
34. Sovershenstvovanie sistemy ucheta dorozhno-transportnyh proisshestvij i povyshenie effektivnosti pravoprimenitel'noj deyatel'nosti GAI: Sbornik nauchnyh trudov / VNI bezopasnosti dor. dvizheniya. Redkol.: V. S. Astashov [i dr.]. Moskva: VNIIBD, 1980. 108 s.
35. Opyt dorozhnogo stroitel'stva v SSSR i za rubezhom / Red. kollegiya: L. L. Afanas'ev [i dr.]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1969. 141 s.
36. Federal'nyj zakon ot 9 fevralya 2007 g. № 16-FZ «O transportnoj bezopasnosti» (s izm. po sost. na 10 iyulya 2023 g.): // SZ RF. 2007. № 7. St. 837; 2023. № 29. St. 5312.
37. Belokobyl'skij N. N. Transportnaya bezopasnost'. Terminy. Ponyatiya. Opredeleniya: Slovar'. Moskva: Statut, 2017. 348 s.

УДК 342.9

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НАУЧНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Боренштейн А. Л.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Главным элементом обеспечения научной и образовательной отрасли со стороны органов государственной власти является реализация нормативно-правовых актов. В свою очередь на текущий момент времени юридическая экспертиза научного и образовательного законодательства в Российской Федерации полностью сформировались и активно оказывает свое влияние на функционирование деятельности научно-исследовательских организаций и учреждений, реализующие программы по всем уровням образовательной системы с помощью проведения тщательного анализа нормативно-правовых актов на локальном, региональном и федеральном уровне. Такая ситуация объясняется тем, что при постоянном внесении государственными органами изменений в правовые источники, научные и образовательные юридические документы часто сталкиваются с противоречивыми и парадоксальными ситуациями в нормах права, что требует постоянного привлечения высококвалифицированных экспертов для надлежащего исследования законов с целью устранения ошибок. При этом законодательные положения научно-образовательной области представляют собой совокупность приемов, условий и форм, которые гарантируют повышение эффективности реализации нормативно-правовых актов с помощью гибкости образовательного процесса и внедренных новшеств. Поэтому государство в последние годы ищет пути решения накопившихся проблем: разрабатываются новые нормативно-правовые регламенты в области повышения качества научной и образовательной системы, реализуются государственные программы «Развитие образование», «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» (2019-2025 г.г.), а также национальные проекты «Образование» и «Наука» (2019-2024 гг.). Таким образом, проблема осуществления юридической экспертизы в стране является одной из самых давних и сложных в теории и практике данной области.

Ключевые слова: нормативно-правовой акт, законодательный источник, юридический документ, юридическая экспертиза научного и образовательного законодательства, научное законодательство, образовательное законодательство.

На сегодняшний день двумя ключевыми юридическими источниками, составляющими и регулирующими правовую основу научно-образовательного поля в Российской Федерации, являются:

1. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. №127-ФЗ (с последними изменениями на 17.02.2023 г.). В соответствии с общими правилами юридической техники структура нормативно-правового акта носит классический характер:

а) содержит краткий заголовок с подробным ниже предисловием, который обозначает участников данного процесса [1];

б) включает в себя небольшую преамбулу, которая разъясняет, что настоящий правовой акт регламентирует связь между участниками научных и научно-технических отношений, государством и потребителями научной (научно-технической продукции), а также меры финансового обеспечения инновационного процесса на государственном уровне [2];

в) основная часть федерального источника (главы, статьи, пункты, подпункты) отражает общие положения законодательство о научной сфере, определяет круг субъектов правовых отношений в области науки, закрепляет принципы и организацию государственного регулирования научной среды. Спецификой предпоследней четвертой главы закона является ее разделение на две группы, которые содержат

формирование (реализацию) государственной научно-технической политики, а также способов ее поддержки со стороны органов государственной власти [3];

г) заключительные положения нормативного документа включают нормы, предписывающие порядок приведения федеральных актов с настоящим федеральным законом и момент вступления данного источника в юридическую силу [4].

2. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с последними изменениями на 17.02.2023 г.). Содержание законодательного акта носит довольно структурированную направленность и в отличие от предыдущего юридического документа подвергается частой корректировке государственными органами. Также федеральный закон наделен следующими правовыми чертами, которые характерны для большинства нормативных источников [5]:

а) заголовок нормативно-правового документа имеет емкий характер. Это означает, что законодатель оптимизировал название с целью упрощения понимания гражданами страны настоящего источника, т.к. образование представляет собой многоплановую и разностороннюю сферу. При этом каждую часть федерального закона можно выделить в автономную часть. В качестве примера можно привести правовое регулирование статуса педагога, юридический статус общего образования и т.д. [6];

б) преамбула или вступительное предисловие с кратким изложением сути правового документа полностью отсутствует [7];

в) в основной части законодательного акта закреплены главы, статьи, пункты, подпункты и примечания. Кроме того, в основных частях федерального закона отображены общие положения, обрисована система образовательной сферы, определен круг субъектов, реализующих образовательную деятельность и отмечены другие организационные положения данного законодательства [8];

г) в заключительных положениях юридического источника приравнивается классификация образовательной среды, действовавшей до принятия нового правового акта, к настоящему федеральному закону; признаются утратившими (не рабочими) силу правовые документы, утвержденные во времена СССР, а также устанавливается порядок вступления закона в юридическую силу на всей территории Российской Федерации [9, с. 228].

Кроме того, реализация правотворцами научного и образовательного законодательства в Российской Федерации на текущий момент времени является сложным и очень проблематичным. Это выражается в применении в двух основных федеральных законах, регламентирующих сферу науки и образования, широких и разносторонних формулировок в нормах права, что затрудняет для восприятия и понимания гражданами и учеными кругами страны. В связи с этим при подробном исследовании вышеуказанных правовых документов необходимо выделить некоторый перечень проблем, которые часто встречаются в юридической практике [10]:

1) в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. №127-ФЗ представлена небольшая категория участников научных (научно-технологических) отношений. В результате чего в нынешнее законодательство не включены дополнительные субъекты, которые напрямую вовлечены в упомянутый выше процесс и не наделены надлежащим правовым статусом (правами и обязанностями). К ним следует отнести заказчиков, инвесторов, исполнителей и организаторов инновационного процесса [11];

2) в связи с реализацией указа Президента РФ «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» от 25.04.2022 №231 в статье 2 настоящего научного законодательства не проработаны и не усовершенствованы такие основополагающие термины, как территории инновационного развития, региональные (научно-технические) кластеры и т.д. [12];

3) в главе IV Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. №127-ФЗ наблюдается противоречивая последовательность и парадоксальное содержание норм права. Так в статье 16 говорится о сотрудничестве Российской Федерации с другими странами в научных отраслях, а идущие вслед за ней во второй части четвертой главы разделы 16.1-16.6 определяют основные положения финансового обеспечения сферы со стороны органов государственной власти [13];

4) во вступительной части Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ отсутствует преамбула или краткое предисловие, что не придает мотивационной основательности правовому документу. При этом такая важная в российской экономике сфера должна содержать конкретные цели и задачи стратегического характера с определением критериев их достижения [14];

5) в статье 34, существующего на данный момент времени образовательного законодательства, правотворцы расположили основные права учащихся, а также их социальные гарантии в хаотичном порядке. Такая мера вызывает оживленную дискуссию в научной среде. В частности, следует привести тезис известного профессора РЭУ им. Плеханова С.Н. Братановского. В своей научной статье он отмечает нелогичность и непоследовательность данных норм, в результате чего это приводит к затруднению понимания нормативного акта среди общественности. И действительно, с этим утверждением невозможно не согласиться. Так, согласно ст. 34 ч. 1 п. 26 речь идет о предоставлении полного права учащимся на поощрение. Но, если проанализировать ст. 77 ч. 4 соответствующего федерального закона, можно сказать, что тут устанавливается лишь возможность применения поощрительных мер со стороны государства [15].

При подробном исследовании и выявлении недочетов и противоречий в научном и образовательном законодательстве нужно разработать ряд мер по совершенствованию нормативно-правовых актов в данных проблематичных отраслях:

1. Расширить перечень участников, реализующих научно-техническую область, в Российской Федерации согласно главе 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. №127-ФЗ. В качестве примера следует разработать предполагаемую норму, содержащую группу субъектов научной деятельности с разъяснением их прав и обязанностей (правового статуса):

«статья 7. Дополнительные субъекты научно-технической деятельности

1. Заказчик (инвестор, исполнитель, организатор) – физическое (юридическое) лицо, которое предоставляет заказ государственного значения организациям, осуществляющим инновационную деятельность, посредством предоставления финансовой поддержки, выполнения условий договоренности сторон и эффективной реализации поставленных целей и задач в инновационном процессе [16].

2. Права заказчика (инвестора, исполнителя и организатора)

1. В любой промежуток времени вести процесс и контроль над надлежащим выполнением работ подрядчиком в научной области.

2. Вправе требовать от подрядчика возмещение ущерба за некачественное исполнение государственного заказа в инновационном процессе.

3. Вправе назначать подрядчику разумное время с целью устранения ошибок, совершенных им в процессе работы в сфере научной деятельности [17].

3. Обязанности заказчика (инвестора, исполнителя и организатора)

1. Выплатить согласно договоренностям определенную сумму подрядчику после окончания им всех проделанных работ.

2. Содействовать с научными (научно-техническими) учреждениями, реализующими инновационный процесс, с целью выработки графика выполнения подрядчиком условий государственного заказа» [18, с. 209].

2. Добавить ключевые термины, определяющие вектор развития научного прогресса в Российской Федерации, в статье 2 существующего на данный момент времени научного законодательства:

а) территории инновационного развития – это зона социально-экономического развития, которая создается органами государственной власти РФ на территории одного (нескольких) образований страны и придается ему особый статус федерального (стратегического) значения с внедрением инновационных программ (проектов) с целью эффективного обеспечения конкурентоспособности российской научной сферы на международном уровне;

б) региональные (научно-технические) кластеры – это целый комплекс учреждений, предприятий и организаций инновационной направленности регионального уровня, которые реализуют свою деятельность с целью обучения и подготовки высококвалифицированных научных работников на основе исследования и анализа лучших практик в научных отраслях, предложенных отечественными и зарубежными учеными, крупными предпринимателями и сотрудниками государственных органов, задействованных в данном процессе [19, с. 75].

3. Главу IV.1 переименовать в главу V, а также заменить и упорядочить статьи 16.1-16.6 на статьи 17-22 вплоть до раздела с заключительными положениями настоящего законодательства. В результате такая мера позволит решить противоречивую последовательность и парадоксальное содержание норм права в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. №127-ФЗ.

4. Необходимо ввести во вступительную часть Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ преамбулу, учитывая при этом поставленные цели и задачи в национальном проекте «Образование» (2019-2024 г.г.) и в государственной программе «Развитие образования в Российской Федерации на 2019-2025 г.г.», содержащее следующий посыл:

«Целью настоящего федерального закона является создание условий для стремительного развития образования, как основной отрасли, обеспечивающий экономический рост в стране, посредством внедрения в него инновационных образовательных программ и практик, которые направлены на воспитание в подрастающем поколении многосторонне развитой личности с обладанием критического мышления, а также способны вывести данную сферу в десятку передовых стран мира по качеству общего образования» [20, с. 153].

5. Статью 34 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» необходимо разбить на три подраздела, которые будут содержать права экономического, социального и организационного характера (34.1-34.3), что позволит сгруппировать и ликвидировать хаотичный порядок нормы данного закона. При этом необходимо внести изменение в ч.4 ст. 77 настоящего законодательства, которое позволяет заменить формулировку «предусматривает возможность предоставление поощрения учащимся» на «предоставление полного права учащимся на поощрение со стороны образовательной организации». Данная мера позволит разрешить разногласие между п.26 ч.1 ст. 34 и ч.4 ст. 77 действующего правового документа.

Оценив текущее положение федеральных законов в научной и образовательной среде через основную структуру, которая используется по правилам в юридической технике, хочется сказать, что органы государственной власти чаще уделяют внимание образованию, чем науке с помощью постоянного внесения изменений в законодательство. В свою очередь законодатели также предусматривают большой перечень прав и обязанностей у определенного круга субъектов, участвующие непосредственно в образовательном процессе.

Кроме того, в научных и образовательных нормативно-правовых актах наблюдается противоречие, требующее принятия необходимых мер по совершенствованию данных норм. В частности, в российском научном законодательстве не добавлены ключевые понятия, направленные на совершенствование инновационного процесса в стране, а также не упорядочены и не сгруппированы статьи, содержащие финансовые основы научного закона. При этом в образовательном законодательстве не обозначены цели и задачи образовательной деятельности в стране, что идет в разрез с реализацией национального проекта «Образование».

В завершении исследования в ходе изучения рекомендаций и методик по совершенствованию норм права в законодательстве федеральными органами государственной власти, реализующих научную и образовательную политику, разработан ряд предложений с целью разрешения проблем реализации законодательных актов в научной и образовательной деятельности в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Хайбуллаева М.М. Правовые основы государственного управления в сфере науки и образования в Российской Федерации // Системные технологии. – 2021 – № 26 – С. 127-129.
2. Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948] // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения 02.04.2023). – Текст: электронный.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах: [Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (дата обращения 04.04.2023). – Текст: электронный.
4. Конвенция о правах ребенка: [одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/8dd76fa744c4a215c388d6a7b97017be1e8fe80d/ (дата обращения 05.04.2023). – Текст: электронный.
5. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 05.04.2023). – Текст: электронный.
6. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (дата обращения 05.04.2023). – Текст: электронный.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ //

- СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения 05.04.2023). – Текст: электронный.
8. Паспорт национального проекта «Наука»: [утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319304/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
9. Паспорт национального проекта «Образование»: [утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16]. // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
10. О структуре федеральных органов исполнительной власти [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21.01.2020 №21 (ред. от 20.10.2022). // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343385/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
11. Об утверждении Положения о Министерстве просвещения Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 884 (ред. от 10.11.2022). // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303875/0c64d390df116e97363f539440b69e728538bdf5/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
12. Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 15.06.2018 № 682 (ред. от 01.04.2022). // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300363/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
13. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 28.07.2018 № 885 (ред. от 25.12.2021). // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303876/1c50bd5e634960ff3c7d9551e3187c7e903fa36e/ (дата обращения 07.04.2023). – Текст: электронный.
14. Бархатова Е.Ю. Комментарии к российским законодательным актам // Проспект – 2021 – 278 с.
15. Крохмаль Л. А. Концептуальные основы совершенствования системы государственной поддержки высшего образования // Владивосток: ДГАУ – 2019 – С. 452.
16. Министерство науки и высшего образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]: официальный сайт // Режим доступа: <https://minobnauki.gov.ru/?%2F=> (Дата обращения 08.04.2023).
17. Министерство просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]: официальный сайт // Режим доступа: <https://edu.gov.ru/> (Дата обращения 08.04.2023).
18. Воронцов А.Л. Концепция модернизации научной и образовательной сферы: характеристика операционных понятий // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016. – №6 (69). – С. 206-213.
19. Воронцов А.Л. Проблемы законодательного регулирования научной и образовательной сферы и необходимость систематизации научного и образовательного законодательства / А.Л. Воронцов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право – 2018 – №1 (1) – С. 72-76.
20. Воронцов А.Л. Базовые принципы новой концепции правового регулирования научной и образовательной сферы // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2016 – №5 (68) – С. 151-158.

A. L. Borenstein. Legal expertise of scientific and educational legislation in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – Р. 21–28.

The main element of ensuring the scientific and educational industry on the part of public authorities is the implementation of regulatory legal acts. In turn, at the current time, the legal expertise of scientific and educational legislation in the Russian Federation has fully formed and is actively influencing the functioning of the activities of research organizations and institutions that implement programs at all levels of the educational system through a thorough analysis of legal acts on local, regional and federal levels. This situation is explained by the fact that with the constant introduction of changes in legal sources by state bodies, scientific and educational legal documents often encounter contradictory and paradoxical situations in the rules of law, which requires the constant involvement of highly qualified experts for proper research of laws in order to eliminate errors. At the same time, the legislative provisions of the scientific and educational field are a set of techniques, conditions and forms that guarantee an increase in the efficiency of the implementation of regulatory legal acts through the flexibility of the educational process and the introduced innovations. Therefore, in recent years, the state has been looking for ways to solve the accumulated problems: new regulatory and legal

regulations are being developed in the field of improving the quality of the scientific and educational system, the state programs «Development of education», «Scientific and technological development of the Russian Federation» (2019-2025) are being implemented.), as well as the national projects «Education» and «Science» (2019-2024). Thus, the problem of legal expertise in the country is one of the oldest and most complex in the theory and practice of this area.

Key words: legal act, legislative source, legal document, legal expertise of scientific and educational legislation, scientific legislation, educational legislation.

Spisok literatury:

1. Hajbullaeva M.M. Pravovye osnovy gosudarstvennogo upravleniya v sfere nauki i obrazovaniya v Rossijskoj Federacii // Sistemnye tekhnologii. – 2021 – № 26 – S. 127-129.
2. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka: [prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (data obrashcheniya 02.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
3. Mezhdunarodnyj pakt ob ekonomicheskikh, social'nyh i kul'turnyh pravah: [Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5429/ (data obrashcheniya 04.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
4. Konvenciya o pravah rebenka: [odobrena General'noj Assambleej OON 20.11.1989]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/8dd76fa744c4a215c388d6a7b97017be1e8fe80d/ (data obrashcheniya 05.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993: s izmeneniyami, odobrennymi v hode obscherossijskogo golosovaniya 01.07.2020]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashcheniya 05.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
6. Federal'nyj zakon «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tekhnicheskoy politike» ot 23 avgusta 1996 g. № 127-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (data obrashcheniya 05.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
7. Federal'nyj zakon «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii» ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ // SPS «Konsul'tantPlyus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (data obrashcheniya 05.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
8. Pasport nacional'nogo proekta «Nauka»: [utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319304/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
9. Pasport nacional'nogo proekta «Obrazovanie»: [utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16]. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319308/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
10. O strukture federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti [Elektronnyj resurs]: Ukaz Prezidenta RF ot 21.01.2020 №21 (red. ot 20.10.2022). // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343385/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
11. Ob utverzhenii Polozheniya o Ministerstve prosveshcheniya Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2018 № 884 (red. ot 10.11.2022). // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303875/0c64d390df116e97363f539440b69e728538bdf5/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
12. Ob utverzhenii Polozheniya o Ministerstve nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.06.2018 № 682 (red. ot 01.04.2022). // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_300363/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
13. Ob utverzhenii Polozheniya o Federal'noj sluzhbe po nadzoru v sfere obrazovaniya i nauki i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.07.2018 № 885 (red. ot 25.12.2021). // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303876/1c50bd5e634960ff3c7d9551e3187c7e903fa36e/ (data obrashcheniya 07.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
14. Barhatova E. YU. Kommentarii k rossijskim zakonodatel'nym aktam // Prospekt – 2021 – 278 s.
15. Krohmal' L. A. Konceptual'nye osnovy sovershenstvovaniya sistemy gosudarstvennoj podderzhki vysshego obrazovaniya // Vladivostok: DGAU – 2019 – C. 452.

16. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya v Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: oficial'nyj sayt // Rezhim dostupa: <https://minobrnauki.gov.ru/?%2F=> (Data obrashcheniya 08.04.2023).
17. Ministerstvo prosveshcheniya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: oficial'nyj sayt // Rezhim dostupa: <https://edu.gov.ru/> (Data obrashcheniya 08.04.2023).
18. Voroncov A.L. Koncepciya modernizacii nauchnoj i obrazovatel'noj sfery: harakteristika operacionnyh ponyatij // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – №6 (69). – S. 206-213.
19. Voroncov A.L. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya nauchnoj i obrazovatel'noj sfery i neobhodimost' sistematizacii nauchnogo i obrazovatel'nogo zakonodatel'stva / A.L. Voroncov // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo – 2018 – №1 (1) – S. 72-76.
20. Voroncov A.L. Bazovye principy novej koncepcii pravovogo regulirovaniya nauchnoj i obrazovatel'noj sfery // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016 – №5 (68) – S. 151-158.

УДК 340

**СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК
НКВД СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК
ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ
КУРСАНТОВ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Бутов С. В., Симончук Е. Р.

Санкт-Петербургский университет МВД России

В статье говорится о необходимости усиления противодействия фальсификации истории Великой Отечественной войны организационно-правовыми средствами, а также о важности сохранения исторической правды о деятельности войск НКВД СССР в период Великой Отечественной войны для решения ряда воспитательных задач при подготовке офицерских кадров приемников войск НКВД – войск национальной гвардии Российской Федерации. Приводятся примеры фальсификации истории служебно-боевой деятельности войск НКВД СССР и опровергающие их факты, установленные в ходе анализа правовых актов военного времени и архивных материалов. Кроме того, в статье раскрывается значение патриотизма как основного и необходимого качества военнослужащих, непосредственно влияющего на исполнение ими своих обязанностей по защите Отечества. Предлагаются меры по совершенствованию военно-политической работы и историко-правовому информированию курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации в части формирования у них критического мышления, правосознания, устойчивой гражданско-патриотической позиции и укрепления боевого духа.

Ключевые слова: историческая правда; фальсификация истории; войска НКВД; войска национальной гвардии, Росгвардия, Великая Отечественная война.

Духовной основой национальной безопасности государства является патриотизм, заключающийся в преданности родной стране, уважении культуры и традиций, а также, что самое важное, в бережном отношении к отечественной истории. Разделение подобных идей абсолютным большинством граждан способствует единению населения, что обеспечивает нормальное функционирование общественного организма и, как следствие, большую его устойчивость при столкновении с внешними «раздражителями».

Именно патриотизм и сохранение исторической правды и иных традиционных российских духовно-нравственных ценностей должны считаться ключевыми элементами национальной идеи российского государства. Правовое положение России на международной арене как законного правопреемника СССР также имеет непосредственную связь с правильным восприятием истории ВОВ мировым сообществом [1, с. 71]. И здесь мы согласимся с директором Росгвардии генерал армии В. Золотовым, в том, что «по мнению новых «исследователей» российской истории, если у нашей Родины в прошлом ничего достойного не было, то сегодня и в будущем Российской Федерации рассчитывать не на что» [2, с. 17]. В наши дни фальсификаторы истории предпринимают попытки очернить Советский Союз с целью вызвать у граждан России стыд за своих предшественников. Поэтому наш священный долг перед своими героическими предками, сражавшимися за Родину и наше будущее хранить и чтить светлую память о них, быть достойными своих дедов, так же как они в годы войны сплотиться и дать отпор любому врагу.

Особенно важно воспитать в духе патриотизма будущих служителей правопорядка и защитников Отечества – курсантов учебных заведений силовых структур. Строгое и точное «соблюдение норм права, морали, воинских традиций как нормативных регуляторов всегда являлось принципом деятельности войск правопорядка» [3, с. 32]. Обучающиеся указанной категории являются не просто кадровым резервом соответствующих служб и ведомств. Их нынешнее мышление, уровень профессионального развития и нравственные качества определяют будущий имидж военнослужащих, а также в целом облик России. По этой причине принципиальное значение имеет работа с новобранцами силовых структур, которые в дальнейшем возглавят воинские подразделения.

Описанное выше отношение к государству, которому будут служить будущие представители правоохранительных ведомств и служб, влияет не только на общественную оценку их работы, но и на морально-психологическое состояние самих военнослужащих. Осознание ценности личного вклада каждого из них в защиту государства от внешних угроз и обеспечение его внутренней безопасности – важный аспект, предупреждающий во многом эмоциональное выгорание государственных служащих [4, с. 135]. Трепетное отношение военнослужащих к родной стране определяет правильный настрой на выполнение профессиональных задач: служение государству в таком случае из обязанности превращается во внутреннее желание, самостоятельное стремление человека, что положительно скажется на эффективности функционирования силовых ведомств.

Нельзя умалять значение исторического аспекта как в части формирования имиджа военнослужащих в глазах общественности, так и при воспитании гражданственности в будущих представителях закона. Курсантам важно отождествлять себя с достойными предшественниками, черпать профессиональное мастерство и патриотизм у прошлых поколений. Граждане при оценке той или иной ситуации, связанной с военнослужащими, часто обращаются к истории в попытках оправдать или, напротив, осудить какие-либо действия представителей правопорядка. В связи с этим еще более актуализируется проблема защиты истории нашей страны и деятельности советских государственных органов от фальсификации.

В наши дни информационный поток заполнен громкими заголовками о «разоблачении ужасов советской власти», «зверствах Красной Армии» и пр. Содержание подобных статей соответствует заявленному в названии вызову, только вот их истинность основывается исключительно на публицистической манере подачи материала автором: чем ярче эпитеты, тем охотнее в них верится, тем больше они вызывают эмоций. К сожалению, на неподготовленного читателя данная формула действительно распространяется: умение критически осмысливать информацию развито не у каждого человека. Этим вполне успешно пользуются псевдоисторики, представляющие за вознаграждение или по политическим соображениям широкой общественности свой вариант истории выгодный недоброжелателям России.

Оказавшись не в силах убедить российский народ в отсутствии героизма и негнбимой воли у солдат Красной Армии фальсификаторы истории начинают идти на различные ухищрения, пытаясь объяснить основу мужества, доблести и патриотизма наших предков советской пропагандой – «сталинизмом» или еще хуже психической невменяемостью людей, совершавших подвиги в годы ВОВ [5, с. 148]. Особенно часто осуждению на основе сфальсифицированных данных подвергается

деятельность войск НКВД в период ВОВ. «Кровожадные чекисты» – наиболее часто встречающееся их обозначение в СМИ и продуктах массовой культуры. Едва ли не в каждом современном российском военно-патриотическом фильме бравому офицеру, отчаянно сражающемуся за Родину, противопоставляется НКВДшник – жестокий, безжалостный, подозревающий в каждом врага народа и, в целом, мешающий Красной Армии защищать родную землю. Именно с таким образом некоторые граждане отождествляют современных правоохранителей из рядов войск правопорядка, проводя историческую параллель. При этом субъектами подобного толкования истории игнорируются объективные факты исполнения войсками НКВД принципиально важных для фронта задач, ведь среди чекистов были: пограничники, принявшие первый удар немецкого наступления; партизаны, начинавшие подготовку именно в подразделениях НКВД; пожарные и подразделения местной противовоздушной обороны; войска охранявшие особо важные предприятия промышленности и железные дороги, конвойные войска, подразделения организующие высокочастотную связь фронтов, разведывательно-диверсионные отряды, наводившие ужас на немцев на протяжении всей ВОВ; СМЕРШевцы, устраивавшие «радиоигры» с военными вермахта, выявлявшие и ликвидировавшие вражескую разведку; милиционеры, ставшие плечом к плечу с войсками своего наркомата на защиту Отечества и правопорядка и ряд других воинских подразделений сражавшиеся на фронте с немецкими захватчиками и обеспечивающие безопасность в тылу [6, с. 21].

Существенный вклад в победу над врагом внесли войска НКВД, охранявшие тыл действующей армии от диверсантов, шпионов, бандитов и выполнявшие ряд иных важных задач, в том числе по задержанию дезертиров [7, с. 278]. Именно с этими войсками многие некомпетентные историки и фальсификаторы истории связывают карательную деятельность заградительных отрядов, созданных на основании приказа НКО СССР от 28.07.1942 № 227. Этот приказ требовал от заградотрядов в случае паники и беспорядочного отхода подразделений Красной Армии «расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной» [8]; предписывал создавать заградотряды из военнослужащих Красной Армии, а не из бойцов НКВД [9, с. 81]. За 4 месяца до приказа НКО СССР № 227 полномочия войск НКВД, охранявших войсковой тыл были нормативно определены в «Положении о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии» и с изданием указанного приказа, изменению не подлежали. Положение требовало от нарядов, охранявших войсковой тыл, в зоне своей ответственности (на удалении 25–50 км от линии фронта) «производить задержания всех лиц, нарушающих режим, установленный в прифронтовой полосе военным командованием, проверять документы у всех без исключения лиц, передвигающихся в пределах этой территории, а также задерживать лиц, в отношении коих установлено или имеется подозрение об их враждебной антисоветской деятельности» [10, с. 561].

Как видно из анализа правовых актов военных лет «заградотряды» войск НКВД охранявших войсковой тыл находились далеко за линией фронта и в затылок отступающим советским войскам не стреляли, а выполняли другие задачи, предписанные им правоустанавливающими документами. Борьба с трусами и дезертирами (именно эта деятельность войск НКВД, чаще всего, обозначается как карательная) – это необходимые и закономерные мероприятия в условиях военного времени. Очевидно, что информация во время ведения боевых действий играет ключевую роль: об этом

свидетельствует и опыт специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР. Предатели и дезертиры могут без каких-либо трудностей привести к срыву боевой задачи, провалу всей операции и к массовым неоправданным потерям.

В связи с военно-политической обстановкой в мире, поддержкой объединенным Западом националистического режима на Украине, в этой русофобской стране героизация нацизма достигла уровня государственной идеи. Ее внедрению в массы мешает только историческая память народа о зверствах бандитов ОУН-УПА, воевавших на стороне фашистской Германии. Поэтому перед украинской властью сегодня стоит задача заставить свой (и не только свой) народ забыть бандеровский террор или оправдать его посредством обвинения самой советской власти. С этой целью в общественное сознание активно внедряются мифы: террор ОУН-УПА – это выдумки «коммунистической пропаганды»; зверские, массовые убийства мирного населения совершали не бандиты ОУН-УПА, а переодетые в форму украинских «повстанцев» военнослужащие и сотрудники НКВД СССР; карательные акции против граждан Украины проводились военнослужащими и сотрудниками НКВД в военной форме националистов с целью дискредитации «повстанческого движения» и лишения его «народной поддержки» [11, с. 66].

Вместе с тем архивные документы, являющиеся неоспоримыми фактами, свидетельствуют об обратном. Так в докладной записке НКГБ об ухищрениях националистов на Украине, сообщалось о нескольких десятках провокаций, совершенных ОУН-УПА только за 3 месяца 1944 г. Эти ухищрения заключались в том, что бандеровцы, переодетые в форму военнослужащих войск НКВД и РККА, а также под видом партизан и бойцов истребительных батальонов уничтожали сотрудников советских органов, партийный состав, военнослужащих РККА и местное население, поддерживающее советскую власть [12].

Указанные примеры создания альтернативной истории выгодной недоброжелателям России и очерняющей служебно-боевую деятельность подразделений НКВД не единичны. Лжеисторики начали переходить к более изощренным формам фальсификации и заниматься подделкой архивных материалов. Так, фальсификации подверглись документы, якобы свидетельствующие о сотрудничестве советского режима в лице НКВД и нацистского – в лице Гестапо. Разоблачение этой фальшивки анализируется в научных трудах А. Дюкова [13, с. 21].

Историческая правда о деятельности наших предков в годы ВОВ должна доводиться до граждан и в обязательном порядке до курсантов учебных заведений силовых структур, которым важно иметь реальный пример для подражания, ориентир из прошлого, корректирующий их поведение в настоящем.

Восстановление исторической справедливости необходимо для форматирования имиджа современных представителей войск правопорядка, что в долгосрочной перспективе будет способствовать обеспечению национальной безопасности. «Стражи закона» не должны противостоять обществу, правоохранительные органы борются лишь с противоправными элементами социума. Восприятие населением силовиков как безжалостных, обладающих неограниченной властью поборников режима приведёт к подрыву авторитета органов государственной власти и дестабилизации общества. Тем более, что эта позиция в корне не соответствует действительности.

Безусловно, методы, используемые войсками НКВД, порой почти полное отсутствие расследования факта причастности красноармейца или гражданского лица, а

иногда целого народа к взаимодействию с немецкими спецслужбами, – всё это противоречит принципу гуманизма, а в ряде случаев и законности. Но необходимо учитывать чрезвычайные условия войны и режим, в которых осуществляли свою деятельность войска НКВД: в борьбе с предателями нельзя было допускать промедления, ведь на кону были жизни миллионов советских солдат и граждан, будущее всей страны. Для отражения агрессии извне принципиально важно обеспечить единство народа и безукоризненное следование закону внутри государства, что вновь становится актуальным в наши дни: повышается роль правоохранительных органов и войск правопорядка в современной России.

Разоблачение мифа о карательном характере деятельности войск НКВД в период ВОВ – задача, выполнение которой окажет положительное воздействие на имидж военнослужащих, обеспечит устойчивое морально-психологическое состояние будущих страж правопорядка [14, с. 170]. Какие конкретные практические шаги позволят восстановить историческую справедливость ради блага настоящего и будущего страны? В рамках заявленной темы мы говорим конкретно о работе с курсантами войск национальной гвардии. Остановимся на том, что основное воздействие должно быть направлено на первокурсников, недавних школьников, находящихся в начале своего профессионального пути. Их нужно познакомить будущим стражам правопорядка с историей профессии, правильно донести функционал предшественников, являющихся идейными вдохновителями последующих поколений.

При рассмотрении задач войск НКВД в период ВОВ целесообразно дать курсантам возможность самостоятельно оценить их необходимость и гуманность. В этой части возрастает роль преподавателя или офицера-воспитателя: на итоговое мнение обучающихся влияет подача материала, то, какая именно информация будет донесена до курсантов, а также помощь более опытного наставника в поиске истины.

В качестве ещё одного варианта совершенствования работы в указанном направлении считаем эффективным при проведении информационных часов, тематических вечеров и пр. в качестве ведущих назначать обучающихся старших курсов: 1) развитие навыков ораторского мастерства ни для кого не станет лишней практикой; 2) информация молодым поколением легче воспринимается от ровесников.

В рамках изучения гуманитарных дисциплин преподавателям важно развивать у курсантов критическое мышление. Необходимо предлагать курсантам для изучения истории своей страны только доверительные источники информации. Перед убитием в каникулярный отпуск возможно поручение обучающимся задания по изучению истории войск НКВД родного региона. Необходимо сформировать систему поощрений для создания дополнительной мотивации курсантов на начальном этапе их исследовательской деятельности [15, с. 83]. Кроме того, не только обучающиеся военных учебных заведений должны получать корректную информацию об истории войск НКВД и нашего государства, в целом. Рабочие группы, сформированные из числа инициативных курсантов, могут посещать гражданские учебные заведения общего и профессионального образования. Распространение исторической правды среди граждан, развитие коммуникативных навыков у будущих офицеров – важные организационно-воспитательные задачи, решаемые посредством проведения предлагаемых мероприятий.

Наряду с организационными мерами в области образования государству необходимо использовать «правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой

Отечественной войны» [16, с. 125]. Одним из наиболее значимых таких средств явился Указ Президента России от 09.11.2022 № 809, в котором определены основные направления государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей какими являются историческая память поколений, служение Отечеству, патриотизм и др. [17]. Вместе с тем необходимо понимать, что только правовыми средствами высокой эффективности в борьбе с фальсификацией истории достичь не удастся, необходимы комплексные организационно-правовые меры, в том числе направленные на совершенствование нравственно-патриотического воспитания современной молодежи и в первую очередь защитников Отечества и правопорядка.

Таким образом, восстановление исторической справедливости имеет значение не только с точки зрения этики и уважения к предшествующим поколениям. Курсанты войск национальной гвардии как современные продолжатели дел, входящих ранее в полномочия войск НКВД, должны знать истину об их деятельности для отождествления себя с благородными примерами предков. Достижения и опыт прошлого – сильнейшая основа для новых побед в настоящем и будущем.

Список литературы:

1. Бредихин А.Л. Сохранению исторической правды о Великой Отечественной войне как задаче государства / А.Л. Бредихин, А.В. Викторов, Е.Р. Симончук // Экономика. Социология. Право. 2022. № 2(26). – С. 70–78.
2. Золотов В. В. Противодействие фальсификации истории – основная задача военно-исторической работы во внутренних войсках МВД России / В. В. Золотов // Военная мысль. – 2015. – № 3. – С. 16–25.
3. Бутов С. В. Эволюция нравственного воспитания военнослужащих войск правопорядка (от войск НКВД СССР до войск национальной гвардии Российской Федерации) / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин // Актуальные проблемы науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 08.02.2023. Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. С. 31–39.
4. Резванцева М. О. Эмоциональное выгорание сотрудников правоохранительных органов // Психология и педагогика: актуальные проблемы теории и практики. – 2019. – С. 135–140.
5. Бутов С. В. Подвиг Зои Космодемьянской в юридических документах и доводах фальсификаторов истории Великой Отечественной войны / С. В. Бутов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10(173). – С. 148–150.
6. Князев В. В. Войска НКВД СССР и правовое обеспечение их применения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Научный портал МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 20–29.
7. Лысенков С. Г. Правовое обеспечение деятельности войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов // Яковлевские чтения: Сборник научных статей I Межведомственная научно-практическая конференция с международным участием, Новосибирск, 22–23 марта 2022 года. Том часть 1. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. – С. 278–283.
8. Центральный архив Министерства обороны. Ф. 4. Оп. 12. Д. 105. Л. 122–128.
9. Бутов С. В. Правовые основы деятельности заградительных отрядов войск НКВД СССР без фальсификации истории Великой Отечественной войны / С. В. Бутов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С. 80–81.
10. Положение о войсках НКВД, охраняющих тыл действующей Красной Армии. Утверждено заместителями НКО и НКВД 28 апреля 1942 г. // Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: «Юрид. лит.», 1975. – 728 с.
11. Лысенков С. Г. Войска НКВД или ОУН-УПА: миф о злодеяниях на Украине / С. Г. Лысенков, С. В. Бутов, А. В. Мутигуллин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 11(174). – С. 65–67.
12. Центральный архив ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 803. Л. 219–228.
13. Дюков А. Р. «Пакт Молотова-Риббентропа» в вопросах и ответах / Фонд «Историческая память». – М., 2009. – 176 с.
14. Курочкин Е. А. О некоторых способах противодействия фальсификации истории о роли войск НКВД в Великой победе при обучении курсантов в военном институте // Актуальные вопросы развития современной гуманитарной и социально-экономической мысли. 2020. – С. 170–175.

15. Микрюков Ю. В. Формирование мотивации у курсантов военных вузов в условиях профессиональной подготовки // Вестник ЮУрГГПУ. 2018. – № 8. – С. 74–87.
16. Лысенков С.Г. Правовые средства борьбы с фальсификацией истории Великой Отечественной войны / С.Г. Лысенков, С.В. Бутов // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10(173). – С. 125–127.
17. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ от 14 ноября 2022 г. – № 46. – Ст. 7977.

Butov S.V., Simonchuk E.R. Preservation of the Historical truth about the activities of the NKVD troops of the USSR during the Great Patriotic War as an important condition for the spiritual and moral education of cadets of the National Guard Troops of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 21–36.

The article talks about the need to strengthen the counteraction to the falsification of the history of the Great Patriotic War by organizational and legal means, as well as the importance of preserving the historical truth about the activities of the NKVD troops of the USSR during the Great Patriotic War in order to solve a number of educational tasks in the training of officer cadres of receivers of the NKVD troops - the troops of the National Guard Russian Federation. Examples of falsification of the history of service and combat activities of the troops of the NKVD of the USSR and the facts refuting them, established during the analysis of legal acts of wartime and archival materials, are given. In addition, the article reveals the importance of patriotism as the main and necessary quality of military personnel, which directly affects the performance of their duties to protect the Fatherland. Measures are proposed to improve military-political work and provide historical and legal information to the cadets of the troops of the National Guard of the Russian Federation in terms of developing their critical thinking, legal awareness, a stable civil-patriotic position and strengthening morale.

Keywords: historical truth; falsification of history; troops of the NKVD; troops of the National Guard, the National Guard, the Great Patriotic War.

Spisok literatury:

1. Bredikhin A.L. Sokhraneniye istoricheskoi pravdi o Velikoi Otechestvennoi voine kak zadacha gosudarstva / A.L. Bredikhin, A.V. Viktorov, Ye.R. Simonchuk // Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo. 2022. № 2(26). S.70-78.
2. Zolotov V. V. Protivodeistvie falsifikatsii istorii – osnovnaya zadacha voenno-istoricheskoi raboti vo vnutrennikh voiskakh MVD Rossii / V. V. Zolotov // Voennaya misl. – 2015. – № 3. – S. 16–25.
3. Butov S. V. Evolyutsiya npravstvennogo vospitaniya voennosluzhashchikh voisk pravoporyadka (ot voisk NKVD SSSR do voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii) / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin // Aktualnie problemi nauki (ko Dnyu rossiiskoi nauki): sbornik nauchnikh statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Saratov, 08 fevralya 2023 goda. Saratov: Federalnoe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatelnoe uchrezhdenie visshogo obrazovaniya «Saratovskii voennii ordena Zhukova Krasnoznamennii institut voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii», 2023. – S. 31–39.
4. Rezvantseva M. O. Emotsionalnoe vigoranie sotrudnikov pravookhranitelnykh organov // Psikhologiya i pedagogika: aktualnie problemi teorii i praktiki. – 2019. – S. 135–140.
5. Butov S.V. Podvig Zoi Kosmodemyanskoi v yuridicheskikh dokumentakh i dovodakh falsifikatorov istorii Velikoi Otechestvennoi voini / S.V. Butov // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal.-2022.-№10(173). S. 148-150.
6. Knyazev V. V. Voiska NKVD SSSR i pravovoe obespechenie ikh primeneniya v godi Velikoi Otechestvennoi voini 1941–1945 godov // Nauchnii portal MVD Rossii. – 2020. – № 1 (49). – S. 20–29.
7. Lisenkov S. G. Pravovoe obespechenie deyatel'nosti voisk NKVD SSSR po okhrane tila deistvuyushchei armii v godi Velikoi Otechestvennoi voini 1941-1945 godov / S. G. Lisenkov, S. V. Butov // Yakovlevskie chteniya: Sbornik nauchnikh statei I Mezhdedomstvennaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnim uchastiem, Novosibirsk, 22-23 marta 2022 g. Tom chast 1.-Novosibirsk: Novosibirskii voennii institut imeni generala armii I.K. Yakovleva voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2022.-S.278-283.
8. Tsentralnii arkhiv Ministerstva oboroni. F. 4. Op. 12. D. 105. L. 122–128.
9. Butov S. V. Pravovie osnovi deyatel'nosti zagraditelnykh otrядov voisk NKVD SSSR bez falsifikatsii istorii Velikoi Otechestvennoi voini / S. V. Butov // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2022. – № 11(174). – S. 80–81.
10. Polozhenie o voiskakh NKVD, okhranyayushchikh til deistvuyushchei Krasnoi Armii. Utverzhdeno zamestitel'yami NKO i NKVD 28 aprelya 1942 g. // Vnutrennie voiska v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. Dokumenty i materialy. M.: «Yurid. lit.», 1975. – 728 s.
11. Lisenkov S. G. Voiska NKVD ili OUN-UPA: mif o zlodelyaniyakh na Ukraine / S. G. Lisenkov, S. V. Butov, A. V. Mutigullin // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2022. – № 11(174). – S. 65-67.
12. Tsentralnii arkhiv FSB Rossii. F. 4. Op. 3. D. 803. L. 219–228.
13. Dyukov A. R. «Pakt Molotova-Ribbentropa» v voprosakh i otvetakh / Fond «Istoricheskaya pamyat». – M., 2009. – 176 s.

14. Kurochkin Ye. A. O nekotorykh sposobakh protivodeistviya falsifikatsii istorii o roli voisk NKVD v Velikoi pobede pri obuchenii kursantov v voennom institute // Aktualnie voprosi razvitiya sovremennoi gumanitarnoi i sotsialno-ekonomicheskoi misli. 2020. – S. 170–175.
15. Mikryukov Yu. V. Formirovanie motivatsii u kursantov voennikh vuzov v usloviyakh professionalnoi podgotovki // Vestnik YuUrGGPU. 2018. – № 8. – S. 74–87.
16. Lisenkov S. G. Pravovie sredstva borbi s falsifikatsiei istorii Velikoi Otechestvennoi voini / S. G. Lisenkov, S. V. Butov // Yevraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2022. – № 10(173). – S. 125–127.
17. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoi politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnikh rossiiskikh dukhovno-nravstvennikh tsennostei» // SZ RF ot 14 noyabrya 2022 g. – № 46. – St. 7977.

УДК 340

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ БОРЬБЫ ВОЙСК НКВД СССР
С РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ЛОЖНЫХ СЛУХОВ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Дерюгин А. А., Бутов С. В.

В статье показана необходимость борьбы с распространителями ложных слухов, паникерами, провокаторами и другими дезорганизаторами тыла в ходе проведения специальной военной операции, для чего авторы предлагают использовать опыт Великой Отечественной войны, где органы и войска НКВД СССР эффективно выполняли служебно-боевые задачи по противодействию указанному контингенту. В статье также анализируется законодательство военного времени, являющееся правовым основанием борьбы с распространителями ложных слухов, паникерами и провокаторами, приводятся результаты служебной деятельности, отражающие эффективность правоохранительной деятельности органов и войск НКВД СССР, изобличаются деструктивные цели, преследуемые коллективным Западом, поощряющим распространение ложных слухов в отношении Вооруженных сил России и специальной военной операции.

Ключевые слова: органы НКВД, войска НКВД, борьба с паникерами, ложные слухи, истребительные батальоны, военное законодательство, Великая Отечественная война.

С началом специальной военной операции по защите Луганской Народной Республики (ЛНР) и Донецкой Народной Республики (ДНР), демилитаризации и денацификации Украины, против нашей страны была развернута информационная компания по своей интенсивности и накалу сравнимая с боевыми действиями за умы и симпатии людей. Целью этой информационной войны является искажение истинных задач специальной военной операции, создание негативного образа ее участников. Недостоверная информация, генерируемая недоброжелателями России и распространяемая среди населения в том числе в виде слухов, оказывает негативное влияние на общественное мнение и информационную ситуацию в Российской Федерации. Слухи как продукт общественных отношений порождают неуверенность, страх и как следствие вызывают панику, снижая способность давать организованный отпор врагу. В этом смысле распространение ложных слухов о событиях и ходе боевых действий является очень опасным для государства явлением, используемым коллективным Западом в своих интересах.

В настоящее время военно-политическая обстановка в новых регионах РФ заставляет вспомнить опыт и уроки ВОВ по формированию правовых режимов, направленных на создание благоприятных условий для обеспечения интересов государства и общества в чрезвычайных обстоятельствах. Предметом такого внимания должен стать правовой механизм реализации стратегических национальных приоритетов, призванный обеспечить защиту национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз за счет политических, экономических, военных, правовых и иных возможностей государства.

С целью познания опыта прошлого обратимся к событиям более чем восьмидесятилетней давности, когда начало Великой Отечественной, выдвинуло в число первоочередных государственно-правовых задач формирование чрезвычайного законодательства, обеспечивающего функционирование правового

режима военного времени для достижения победы над врагом во всех сферах, в том числе и информационной.

Заметим, что к началу ВОВ СССР обладал существенным правоприменительным опытом регулирования общественных отношений в чрезвычайных условиях. Однако, до начала фашистской агрессии практически не уделялось внимания подготовке нормативно-правовой базы, регулирующей применение чрезвычайных мер охраны общественного порядка и государственной безопасности в условиях правовых режимов военного времени [1, с. 22], в том числе в части обеспечения информационной безопасности, недопущения распространения ложных слухов, негативно влияющих на спокойствие граждан.

Вместе с тем уже в предвоенный период советское уголовное законодательство содержало нормы, предусматривающие юридическую ответственность за пропаганду или агитацию, которая была направлена на свержение, подрыв или ослабление советской власти, совершение контрреволюционных преступлений. Однако данные правовые нормы могли применяться только в отношении субъектов, непосредственно распространяющих слухи с прямым противогосударственным умыслом.

Начало боевых действий определило необходимость проведения серьёзных изменений в работе всего государственного механизма, поставило новые задачи во всех сферах деятельности государства. Чрезвычайная обстановка в ряде регионов страны требовала установления в них соответствующего правового режима.

В предвоенные годы и период войны государственным органом, реализующим функции советского государства по обеспечению революционного порядка и государственной безопасности, являлся Народный Комиссариат внутренних дел СССР [2]. В годы Великой Отечественной войны органы милиции и войска НКВД, обладающие особым правовым положением [3, с. 69], занимались не только правоохранительной деятельностью, но и принимали непосредственное участие в вооруженной защите государства от немецко-фашистских захватчиков.

Правовой основой борьбы органов и войск НКВД СССР с паникёрами, распространителями ложных слухов и другими дезорганизаторами советского тыла стал изданный в первый день войны Указ Президиума ВС СССР «О введении в отдельных местностях СССР военного положения» [4], который предусматривал реализацию управленческих, организационных, правоограничительных и репрессивных мер, в том числе расширявших юрисдикцию военно-судебных органов и полномочия военного командования в отношении гражданского населения. Указ передавал функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности в местностях, объявленных на военном положении, органам военного управления: военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений, которые наделялись правом издавать обязательные для всего населения постановления. За неподчинение распоряжениям и приказам военных властей виновные лица подлежали уголовной ответственности по законам военного времени.

Анализ особенностей жизнедеятельности государства и общества, особенностей правоустановления и правореализации в период Великой Отечественной войны позволяет отметить, что в механизм реализации правового режима военного

времени были включены нормы, направленные на нейтрализацию ложных, недостоверных сведений о деятельности Вооруженных сил СССР, ситуации на фронте и в тылу.

Камертоном появлению данных правовых предписаний стало выступление И. В. Сталина по радио 3.07.1941, в котором отмечалась необходимость организовать беспощадную борьбу со всякими паникерами, распространителями слухов и иными дезорганизаторами тыла, подчеркивалось, что «враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов» [5, с. 16]. На следующий день после выступления Верховного главнокомандующего председатель юридической комиссии при СНК СССР А. Я. Вышинский обосновывал с правовой точки зрения целесообразность принятия неотложных правовых мер в отношении лиц, распространяющих ложные слухи, возбуждающие тревогу среди населения в военное время [6]. Вследствие чего 6.07.1941 издан Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» [7], в соответствии с которым виновные в распространении ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, карались по приговору военного трибунала тюремным заключением от 2 до 5 лет.

Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела по истечении 24 часов после вручения обвинительного заключения, их приговоры не подлежали кассационному обжалованию, приговоры вступали в законную силу с момента их объявления и приводились в исполнение немедленно.

Уже к 1.11.1941 военными трибуналами за распространение ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения, было осуждено 1423 чел. (910 чел. осуждены военными трибуналами в местностях, объявленных на военном положении, и 513 чел. – в местностях, не объявленных на военном положении) [8].

Указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, с одной стороны, можно рассматривать как действия, направленные на ограничения свободы слова советских граждан, но с другой стороны – как нормативное предписание, направленное на обеспечение информационной безопасности государства и общества в чрезвычайных условиях военного времени. Соответственно правоограничительные действия советского руководства в чрезвычайных условиях войны следует рассматривать как действия в интересах безопасности общества и государства, что было намного важнее некоторых конституционных прав. Логично будет подчеркнуть, что в чрезвычайных условиях военного времени общество нуждается в специфических правовых механизмах, способных обеспечить решение насущных проблем его членов, стабилизировать общественную жизнь, нейтрализовать или существенно ограничить влияние различных негативных факторов как субъективного, так и объективного характера.

Поэтому советское государство в чрезвычайных условиях военных действий активно проводило политику обеспечения не только внешней, но и внутренней безопасности. Например, 30 октября 1941 г. в г. Рязани был задержан Боровков Н.Ф., ранее находившийся в плену где был завербован фашистской разведкой, переброшен в советский тыл с заданием распространять ложные слухи. 19 ноября 1941 г. начальник отдела НКВД на ст. Актюбинск в своей докладной записке сообщал о некоторых фактах антисоветских и пораженческих настроений,

имевших место на железнодорожном транспорте и ведомственных организациях за последние 2–3 недели. В докладной записке названо 8 человек, проявивших антисоветские и пораженческие настроения, по которым велась проверка [9].

Приведенные данные подтверждают то, что в первые дни Великой Отечественной войны обстановка на фронте и в тылу складывалась весьма сложно, но государство смогло принять первоочередные важнейшие организационно-правовые меры по формированию и обеспечению режима военного времени в интересах безопасности общества. Военнослужащими и сотрудниками НКВД на протяжении всего периода войны проводились войсковые, оперативно-розыскные и следственные мероприятия, проверка заявлений о фактах распространения провокационных слухов, цензура воинской корреспонденции. НКВД осуществлял активную деятельность по выявлению лиц, распространявших провокационные слухи среди эвакуируемого из прифронтовых районов населения [10, с. 41].

Наиболее широкие полномочия в отношении провокаторов, агентов противника и распространителей ложных слухов были представлены военнослужащим и органам милиции НКВД постановлением ГКО СССР от 19 октября 1941 г. № 813, которым вводилось осадное положение в г. Москве и прилегающих к городу районах. ГКО требовал «нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте» [11]. В ходе охраны общественного порядка в столице и пригородных районах войска внутренней охраны и милиция НКВД вели борьбу с вражескими агентами, диверсантами, распространителями ложных слухов, провокаторами и иными нарушителями установленного порядка путем круглосуточного патрулирования и дежурств на контрольно-проверочных пунктах (КПП). Это позволило пресечь деструктивную деятельность паникёров, провокаторов и распространителей ложных слухов. Только с 14 по 31 октября 1941 г. 6 оперативных батальонов войск НКВД задержали 296 распространителей ложных и провокационных слухов [12, с. 196].

Продолжением организационно-правовых мероприятий, которые были крайне важны для обеспечения безопасности тыла и для борьбы с распространителями ложных слухов в интересах обороны государства, стала организация при городских и районных органах НКВД истребительных батальонов. Эффективно справлялись с указанными задачами истребительные батальоны Ленинграда в период блокады города [13, с. 32]. Эти подразделения комплектовались проверенными, смелыми, самоотверженными, способными владеть оружием коммунистами, комсомольцами и советскими активистами. Командирами истребительных батальонов назначались боевые оперативные работники преимущественно из пограничных, внутренних войск и органов милиции НКВД [14, с. 93].

На разных этапах войны сфера деятельности органов и войск НКВД менялась в зависимости от военно-оперативной обстановки. Однако основные специальные права и обязанности подразделений НКВД СССР были определены их прямым назначением – обеспечение внутренней безопасности государства и поддержание общественного порядка. Одним из направлений деятельности войск НКВД была борьба с распространителями ложных слухов в военное время, в рамках которой за период с начала войны по 10 октября 1941 г. по сообщению комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна, было задержано распространителей

провокационных слухов – 3987 человек [15, с. 439].

Таким образом, за годы Великой Отечественной войны советское государство разработало и широко применяло комплекс организационно-правовых мер, направленных на борьбу с паникерами и распространителями ложных слухов. Основным и эффективным средством борьбы с указанными дезорганизаторами советского тыла являлись войска и органы НКВД СССР. В условиях проведения специальной военной операции и информационной войны, необходимо использовать положительный опыт военных лет, совершенствовать правовые средства борьбы с паникерами, провокаторами, фальсификаторами информации, распространителями ложных слухов и иными деструктивными элементами, наделив соответствующими полномочиями по противодействию указанным лицам Росгвардию и органы МВД.

Список литературы:

1. Дерюгин А. А., Никонов Д. А. История учит: некоторые аспекты применения правовых режимов военного и осадного положения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 22–32.
2. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении проекта постановления ЦИК СССР «Об образовании общесоюзного Народного Комиссариата внутренних дел». 15 Июля 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 948. Л. 33, 92–93.
3. Бутов С. В. Особенности правового положения военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны / С. В. Бутов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 3-2. – С. 69–72.
4. О военном положении (Указ от 22 июня 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., № 29.
5. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. / И. Сталин. – Пенза: издание газеты «Сталинское знамя», 1942. – 80 с.
6. Докладная записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову о распространении ложных слухов в военное время 4 июля 1941 г. // РГАСПИ Ф. 644. Оп. 2. Д. 1. Л. 171.
7. Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения (Указ от 6 июля 1941 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР, 1941 г., № 32.
8. Докладная записка заместителя прокурора СССР Г. Н. Сафонова Г. М. Маленкову, заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому от 2 января 1942 г. № 1/107 сл «О результатах выполнения указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» // ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 968. Л. 8–9.
9. Докладная записка отдела НКВД ст. Актюбинск об антисоветских настроениях от 19 ноября 1941 г. // Государственный архив Актюбинской области. Ф. 13. Оп. 10. Д. 43.
10. В. В. Золотов. Исторический опыт участия органов и войск НКВД – МГБ – МВД СССР в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности (1939–1960 гг.). Монография под общей ред. В.В. Золотова. – М.: Ред. журнала «На боевом посту», 2019. – 120 с.
11. Постановление ГКО «О введении осадного положения в г. Москве и прилегающих к городу районах». №813. 19 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 167–168.
12. Кривец В. Д., Холоден В. Ф., Штутман С. М. История строительства внутренних войск (1917–1945 гг.). М., 1978. – 336 с.
13. Бутов С. В. Роль истребительных батальонов НКВД СССР в обороне Ленинграда в период Великой Отечественной войны / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин, Е. Р. Симончук // Ваш подвиг не забыт: к годовщине прорыва блокады Ленинграда и полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады: Сборник научных статей. Военно-историческая межведомственная конференция, Санкт-Петербург, 25–27 января 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2023. – С. 32–38.
14. Войска и органы правопорядка на территории Санкт-Петербурга (1811–2021 гг.): историко-правовое исследование / А. А. Дерюгин, Г. Н. Крижановская, С. Г. Лысенков [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. – 217 с.
15. Сообщение комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейна народному комиссару внутренних дел Л. П. Берия о действиях Особых отделов и заградительных отрядов войск НКВД СССР

за период с начала войны по 10 октября 1941 года // Топтыгин А. В. Неизвестный Берия. М.; СПб., 2002. – 480 с.

Deryugin A. A., Butov S. V. Legal basis for the fight of the NKVD troops of the USSR with false rumors during the Great Patriotic War // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 37-42.

The article shows the need to combat the propagators of false rumors, alarmists, provocateurs and other disorganizers of the rear during a special military operation, for which the authors propose to use the experience of the Great Patriotic War, where the organs and troops of the NKVD of the USSR effectively performed service and combat tasks to counter the specified contingent. The article also analyzes the legislation of wartime, which is the legal basis for combating the distributors of false rumors, alarmists and provocateurs, provides the results of official activities reflecting the effectiveness of law enforcement agencies and troops of the NKVD of the USSR, exposes the destructive goals pursued by the collective West, encouraging the spread of false rumors against the Armed Forces of Russia and special military operations.

Keywords: organs of the NKVD, troops of the NKVD, the fight against alarmists, false rumors, fighter battalions, military legislation, the Great Patriotic War.

Spisok literaturey:

1. Deryugin A. A., Nikonov D. A. Istoriya uchit: nekotorie aspekti primeneniya pravovikh rezhimov voennogo i osadnogo polozheniya v period Velikoi Otechestvennoi voini 1941–1945 gg. // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7. – № 1. – S. 22–32.
2. Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) ob utverzhenii proekta postanovleniya TsIK SSSR «Ob obrazovanii obshchесоюзного Narodnogo Komissariata vnutrennikh del». 15 Iyulya 1934 g. // RGASPI. F. 17. Op. 3. D. 948. L. 33, 92–93.
3. Butov S. V. Osobennosti pravovogo polozheniya voennosluzhashchikh voisk NKVD v godi Velikoi Otechestvennoi voini / S. V. Butov // Sovremennaya nauka: aktualnie problemi teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. – 2022. – № 3-2. – S. 69–72.
4. O voennom polozhenii (Ukaz ot 22 iyunya 1941 g.) // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1941 g., № 29.
5. Stalin I. V. O Velikoi Otechestvennoi voine Sovetskogo Soyuza. / I. Stalin. – Penza: izdanie gazeti «Stalinskoe znanya», 1942. – 80 s.
6. Dokladnaya zapiska A. Ya. Vishinskogo V. M. Molotovu o rasprostranении lozhnikh slukhov v voennoe vremya 4 iyulya 1941 g. // RGASPI F. 644. Op. 2. D. 1. L. 171.
7. Ob otvetstvennosti za rasprostranenie v voennoe vremya lozhnikh slukhov, vzbuzhdayushchikh trevogu sredi naseleniya (Ukaz ot 6 iyulya 1941 g.) // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1941 g., № 32.
8. Dokladnaya zapiska zamestitelya prokurora SSSR G. N. Safonova G. M. Malenkovu, zamestitelyu predsedatelya SNK SSSR A. Ya. Vishinskomu ot 2 yanvarya 1942 g. № 1/107 sl «O rezultatakh vipolneniya ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 6 iyulya 1941 g. «Ob otvetstvennosti za rasprostranenie v voennoe vremya lozhnikh slukhov, vzbuzhdayushchikh trevogu sredi naseleniya»» // GA RF. F. R-8131. On. 37. D. 968. L. 8–9.
9. Dokladnaya zapiska otdela NKVD st. Aktyubinsk ob antisovetskikh nastroyaniyakh ot 19 noyabrya 1941 g. // Gosudarstvennii arkhiv Aktyubinskoi oblasti. F. 13. Op. 10. D. 43.
10. V. V. Zolotov. Istoricheskii opit uchastiya organov i voisk NKVD – MGB – MVD SSSR v okhrane obshchestvennogo poriyadka i obespechenii obshchestvennoi bezopasnosti (1939–1960 gg.). Monografiya pod obshchei red. V.V. Zolotova. – M.: Red. zhurnalа «Na boevom postu», 2019. – 120 s.
11. Postanovlenie GKO «O vvedenii osadnogo polozheniya v g. Moskve i priliegayushchikh k gorodu raionakh». №813. 19 oktyabrya 1941 g. // RGASPI. F. 644. Op. 1. D. 12. L. 167–168.
12. Krivets V. D., Kholoden V. F., Shtutman S. M. Istoriya stroitelstva vnutrennikh voisk (1917–1945 gg.). M., 1978. – 336 s.
13. Butov S. V. Rol istrebitelnykh batalonov NKVD SSSR v oborone Leningrada v period Velikoi Otechestvennoi voini / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin, Ye. R. Simonchuk // Vash podvig ne zabit: k godovshchine proriva blokadi Leningrada i polnogo osvobodzheniya Leningrada ot fashistskoi blokadi: Sbornik nauchnykh statei. Voенно-istoricheskaya mezhvedomstvennaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 25–27 yanvarya 2023 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii voennii ordena Zhukova institut voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2023. – S. 32–38.
14. Voiska i organi pravoporyadka na territorii Sankt-Peterburga (1811–2021 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie / A. A. Deryugin, G. N. Krizhanovskaya, S. G. Lisenkov [i dr.]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii voennii ordena Zhukova institut voisk natsionalnoi gvardii Rossiiskoi Federatsii, 2021. – 217 s.
15. Soobshchenie komissara gosbezopasnosti 3-go ranga S. Milshteina narodnomu komissaru vnutrennikh del L.P. Beriya o deistviyakh Osobikh otdelov i zagradytelnykh otryadov voisk NKVD SSSR za period s nachala voini po 10 oktyabrya 1941 goda // Toptigin A.V. Neizvestnii Beriya. M.; SPb., 2002. – 480 с.

УДК 323

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ВОЕННОЙ ИЛИ ИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОПЫТ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Дерюгин А. А., Крижановская Г. Н.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье представлен авторский взгляд на современные проблемы государственной политики, направленной на совершенствование и развитие системы подготовки кадров для военной или иной государственной службы. Авторы основываются на том, что принципы образовательной политики, опирающиеся на национальные интересы государства, сегодня являются одним из средств решения важнейшей проблемы – обеспечение национальной безопасности Российской Федерации. Авторы полагают, что в современных условиях, когда остро стоит вопрос обеспечения суверенитета государства и его культурных ценностей, подготовка профессиональных кадров для защиты Отечества должна рассматриваться как многоплановая, системная, целенаправленная и скоординированная функция государства, основой которой является российская национальная идея и традиционные духовно-нравственные ценности.

Ключевые слова: безопасность государства, государственная служба, государственная политика, национальная безопасность, образование, духовно-нравственные ценности, культурный суверенитет, образование, военная служба.

На протяжении всего существования государства, его сущность, отражается в государственных функциях и государственной политике, имеющих общую социальную природу и цель, связанную с обеспечением гармоничной жизнедеятельности общества.

Очевидно, что внешние и внутренние угрозы безопасности (в том числе военного характера) заставляют мобилизовать государственный механизм на противодействие им, путем совершения действий по повышению обороноспособности, выявления и устранения причин и условий, которые порождают угрозы суверенитету страны.

Геополитические реалии таковы, что для Российской Федерации обеспечение военной безопасности и суверенитета было и остается краеугольным камнем в политике государства и его функциях. Одним из аспектов данного направления деятельности является реализация государственной образовательной политики, направленной на подготовку кадров для структур, входящих в военную организацию государства и задействованных в обеспечении ее внутренней и внешней безопасности.

Принципы современной образовательной политики, выработанные исходя из интересов государства и общества, указывают на то, что образование сегодня является одним из средств решения важнейших проблем социальных отношений.

Государственная политика РФ в сфере образования базируется на нормах федерального законодательства и, прежде всего, на положениях Конституции Российской Федерации [1], закрепляющих право на образование.

Осуществляя стратегическое планирование в указанной области общественных отношений российское государство формирует свою образовательную политику, направленную на развитие научного потенциала, повышение качества и доступности образования, что позволит ускорить структурную перестройку российской экономики и государства в целом, исходя из современных вызовов и угроз [6].

В условиях обширного перечня экзистенциальных угроз безопасности России одним из важнейших стратегических приоритетов в государственной политике является сбережение российского народа и развитие человеческого потенциала. Выполнение данной государственной функции невозможно без повышения уровня образования населения, его воспитания, с целью формирования гармонично развитого и социально ответственного гражданина.

Особо следует выделить еще одно стратегическое направление в сфере развития Российской Федерации и повышения ее суверенитета – защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей [7], культуры и исторической памяти. Что также невозможно без решения следующих задач в области образования:

- развитие системы образования, обучения и воспитания как основы формирования развитой и социально ответственной личности, стремящейся к духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому совершенству;
- сохранение материального и нематериального культурного наследия российского народа, популяризация достижений российской науки и техники, литературы, художественной культуры, музыки и спорта, в том числе путем доработки учебных программ образовательных организаций;
- повышение роли России в мировом гуманитарном, культурном, научном и образовательном пространстве.

Для решения этих задач требуется определить и формально закрепить основы государственной национальной политики: обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизация общественных и государственных интересов.

Государственная национальная политика Российской Федерации в настоящий момент и ближайшую перспективу также затрагивает образовательную область общественных отношений, закрепляя ее основные компоненты:

- формирование гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за историю России, воспитание культуры межнационального общения, основанной на уважении чести и национального достоинства граждан, традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- изучение исторического опыта взаимодействия народов Российской Федерации и значимых событий, повлиявших на формирование общероссийского единства и солидарности;
- сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации наряду с воспитанием уважения к российской истории и культуре, мировым культурным ценностям, культурным ценностям и традициям народов РФ [4].

Особо отметим то, что российская образовательная система подвержена негативному воздействию, выраженному в тайных или явных попытках западных госу-

дарств оказать на нашу страну разного рода давление, с единственной целью – разложение государства, подрыв его обороноспособности, разрушение суверенных принципов в подготовке кадров для военной службы и службы в государственных органах.

Отчетливо осознавая это, вопросы качества образования в рамках развития военной организации государства становятся еще более актуальными.

Система официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации, раскрытая в Военной доктрине Российской Федерации, предусматривает ряд концептуальных взглядов на образовательную деятельность:

- повышение качества подготовки кадров и военного образования, а также наращивание военно-научного потенциала;
- совершенствования систем военного образования и воспитания, подготовки кадров, военной науки;
- совершенствования структуры военных образовательных организаций высшего образования, федеральных государственных образовательных организаций высшего образования, в которых проводится обучение граждан Российской Федерации по программам военной подготовки, а также оснащения их современной учебной материально-технической базой [5].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что попытки модернизации российской системы образования идут уже достаточно давно, но не все из них, как показало время, имели положительный эффект для общества и государства. Причин этому несколько: быстро развивающийся мир, желание Российской Федерации присоединиться к западной системе образования, вступив в Болонскую систему, трансформация личностных качеств молодежи, порой под воздействием целенаправленно осуществляемого негативного воздействия. В результате под угрозой оказалась самобытность отечественного образования, с его традициями, устоями, духовно-нравственными ценностями, основы формирования высшей школы и российской интеллигенции и пр.

Отдельно подчеркнем, что аналогичные процессы в настоящее время идут в дружественных России государствах-партнерах. Так с 2019 г. в Казахстане и Кыргызстане, в рамках европейской программы Erasmus+ реализуется проект HiEdTec – Modernisation of Higher Education in Central Asia Through New Technologies, направленный на внедрение и распространение цифровых технологий в университетах государств-участников программы. Протягивая Казахстану и Кыргызстану руку помощи, Запад действует в рамках концепции «мягкой силы», обеспечивая тем самым и свои собственные геополитические интересы в регионе [10, с. 40].

Из всего вышесказанного следует то, что от нашей страны требуется незамедлительная модернизация системы образования, с целью в кратчайшие сроки подготовить высококвалифицированных специалистов, в том числе и выпускников военных образовательных организаций высшего образования. Это невозможно себе представить без подготовки соответствующей базы из будущих абитуриентов, подготовленных в рамках различных уровней общего образования.

Сейчас реалии таковы, что в кратчайшие сроки необходимо искать новые пути повышения качества усвоения обучающимися учебного материала. И делать это нужно обязательно с учетом психологических и биологических особенностей со-

временной молодежи, а также опираясь на накопленный опыт (российский и советский). Отметим, что система отечественного образования, нацеленного на подготовку обучающихся к военной или иной государственной службе, прошла большой путь и имеет крепкие традиции, опосредствованные национальными интересами нашей страны.

Задача «держать порох сухим» для нашей страны является актуальной, на протяжении более чем трехсот лет предопределяя вопрос подготовки кадров для военных образовательных организаций. Радикальные изменения всех сфер жизни общества, постоянные войны выносили на повестку дня вопрос о необходимости формирования системы военных учебных заведений, создания для них учебных программ, направленных на формирование у обучающихся не только профессиональных навыков, но и особого сознания, особой национальной идеи, стержнем которых являлся бы патриотизм.

Создание регулярной армии предполагало подготовку профессиональных военных. Поэтому в XVIII в. в России начали появляться военные учебные заведения в форме военных школ и кадетских корпусов, для которых разрабатывалась отечественная система воспитания. В 1701 г. Петр I основал «Школу математических и навигацких наук» (с 1715 г. – Морская академия, впоследствии преобразована в Морской кадетский корпус). Это было одно из первых в России государственных учебных заведений, положивших начало системе инженерно-технического и военного образования, в которое, по повелению императора, набирали обучающихся всех свободных сословий в возрасте 12-17 лет. Обучение было строго регламентировано, а обучающиеся находились на полном государственном обеспечении, для их воспитания были определены нравственные постулаты.

Немаловажным Петр Великий считал изучение истории, особенно ее наиболее мрачных страниц, так как эти знания наряду с пониманием целей недружелюбно настроенных к России соседних государств позволит будущим офицерам и государственным служащим понимать исторические задачи, стоящие перед вверенной им страной, вызовет у них любовь и уважение к фигуре Государя, любовь к Отечеству.

После смерти Петра I дело подготовки обучающихся для военной службы было продолжено. Императрица Анна Иоановна «дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были» 29 июня 1731 г. издала указ о создании Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В корпусе положено было обучать не только военным, но и общеобразовательным предметам, «понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна». Тем самым закладывались основы образовательной политики, направленной на подготовку кадров не только, для военной, но и иной государственной службы.

Учебное заведение было открыто в столице империи Санкт-Петербурге, жизнь и быт кадет организовывались исходя из того, что они «меньше гулянием и непристойными обхождениями, и забавами напрасно время не тратили, но во всем, как в учении, так и в прочем их состоянии и поведении, над ними непрестанное имелось надзирание» [11].

На сформировавшихся в этот период принципах в дальнейшем развивалась система кадетского воспитания и образования, обусловленная определяющей ее целью – подготовка обучающихся к службе в интересах государства. В разные периоды истории государственная политика, направленная на подготовку обучающихся к

военной службе или иной государственной службе, в дореволюционной России подвергалась воздействию различных факторов, порой носивших субъективный характер. Однако, всегда ее целью оставалась выработка в кадетах соответствующих знаний, умений и навыков, служащих прочной основой государства и определяющей его сущность идеологии: сознательное повиновение власти и закону, чувство чести и патриотизма, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей.

В период правления Екатерины Великой росла популярность кадетского образования. Кадетские корпуса стали называть «рассадниками патриотизма», так как в них особый упор делался на нравственное совершенствование воспитанников, через привитие им представлений о чести кадета, любви к Родине, мужской дружбе, воинской доблести и отваге.

В 1766 г. И. И. Бецкой представил на утверждение императрице «Устав Сухопутного шляхетного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества». В Уставе также особое внимание отводилось качествам личности, необходимым для воспитателя. «Их должность так важна, что во всякое время определять во оную должно с прилежным рассмотрением их нравов» [12]. Целью проекта И. И. Бецкого было создание новой «породы людей», очищенных от пороков современного им общества. Для этого нравственное воспитание было поставлено в центр образовательной деятельности. В отличие от предшественников И. И. Бецкой был уверен, что обучение должно осуществляться без принуждения к нему, и, тем более, без применения телесных наказаний. Воспитатели, по его мнению, должны были быть добросовестными людьми, и своей жизнью подавать пример своим ученикам.

XIX в. принес новые реалии. В начале века Российской империи удалось стать ведущей мировой державой, а победа над Наполеоном позволила Александру I серьезно влиять на решение ключевых проблем международных отношений того периода. Победа над армией Наполеона, которая считалась в тот момент сильнейшей в мире, позволила россиянам гордиться собой, своей страной, дала веру в собственные силы и свою значимость. Но у победы была и обратная сторона. Заграничные походы русской армии и долгое проживание офицеров за границей вызвало подъем общественного движения в Российской империи. Правительству Николая I пришлось столкнуться с рядом трудностей. Его правление началось с восстания декабристов, показавшее, что воспитанию офицеров следует уделять пристальное внимание.

В 1828 г. Николаем I был утвержден школьный устав. Он предполагал формирование у обучающихся благочестия, их нравственное воспитание. Причем последнему отдавался приоритет перед развитием умственных способностей и грамотности. Целью обучения было формирование непоколебимой приверженности монархической государственной власти. Выпускники должны были считать преданное служение Государю главным делом всей своей жизни и быть готовыми умереть за Государя и отечество.

В середине XIX в. был создан штаб управления военно-учебными заведениями. В его задачи входило совершенствование воспитательной работы и усиление контроля над ее результатами. В 1848 г. начальником штаба военно-учебных заведений Я. И. Ростовцевым было подготовлено и издано «Наставление для образования воспитанников кадетских корпусов», в котором определяющими считались религиоз-

но-нравственная и патриотическая цели воспитания. Для их достижения «все преподавание должно было быть проникнуто любовью к Вере, Государю России, Закону и Долгу» [8, с. 55]. Эти постулаты мы можем считать той национальной идеей, которая лежала в основе военного образования в Российской империи. Сформированная система военного образования имела ряд положительных черт. Она была переведена на единые программы подготовки, которые должны были не повторять заграничные, получила стройную теорию обучения, тесно связанную с практикой. Именно в тот период были разработаны основные виды учебных занятий и методика их преподавания, которые используются и в современном военном образовании.

Система воспитания решала задачу формирования всесторонне развитого офицера, с четкой патриотической позицией. Патриотическое воспитание в военных учебных заведениях осуществлялось посредством погружения обучающихся в особую культурную среду, способную вызвать у них гордость за то, что они являются русскими и служат русскому государству. Это достигалось путем украшения помещений учебных заведений репродукциями картин выдающихся русских художников, портретами деятелей культуры, ученых, героев полководцев. В кадетских корпусах могли быть организованы музеи. Реликвии учебных заведений всегда располагались на видных местах и особо почитались всеми [9, с. 12].

В послеоктябрьский период российское кадетское образование было ликвидировано, как чуждый элемент революционной политики советского государства. Вместе с тем, угрозы военной безопасности и суверенитета для советского социалистического государства потребовали вновь обратиться к имеющемуся опыту подготовки обучающихся к военной службе. Перед руководителями нового, молодого государства стояла сложная задача: удержать власть, противостоять «контрреволюционной» пропаганде и иностранному влиянию. Все это не могло отразиться на системе воспитания целью, которой стало создание «нового человека», способного и достойного жить при коммунизме. Но магистральная задача воспитания оставалась неизменной – воспитание патриотов, особенно среди молодежи, по долгу службы призванной защищать Родину от внешних и внутренних врагов. В связи с этим потребовалось разработать новую модель воспитания, сохранив полезные черты имперского периода и добавив новые, согласовывающиеся с марксистско-ленинской идеологией.

В 1943 г. было принято «Положение о суворовских военных училищах войск НКВД СССР», которое определяло задачи, стоявшие перед образованными училищами, среди которых можно выделить воспитание будущих советских офицеров в духе пламенного патриотизма, любви и беспредельной преданности Родине – Союзу Советских Социалистических Республик и делу партии Ленина-Сталина, а также подготовку всесторонне развитых, культурных воспитанников – суворовцев, полных глубокого уважения к героическому прошлому советского народа и его военным и чекистским традициям, любящих военное дело, как свою пожизненную профессию» [13]. Таким образом в период с 1943 по 1991 гг. в Советском Союзе была воссоздана и успешно действовала система образовательных организаций, созданных по образу дореволюционных кадетских корпусов. Важным элементом патриотического воспитания было формирование уважения к национальности, тем более что в суворовские училища был мультинациональный состав обучающихся. В учебное время патриотическое воспитание осуществлялось в ходе уроков истории.

Однако, по сравнению с уроками истории в Российской империи здесь упор делался не на героических подвигах, а на объяснение законов общественного развития с точки зрения марксистско-ленинской идеологии, важности классовой борьбы и экономических факторов в историческом процессе, миссии советского народа в мировой истории.

Таким образом формировался именно советский патриотизм и национальная гордость советских суворовцев. Во внеурочном воспитании на первом месте стояли беседы с ветеранами Великой Отечественной войны, занятие спортом, в том числе его олимпийскими видами, походы в кино и художественные галереи. Портреты полководцев и репродукции картин с изображением батальных сцен и сюжетов военной истории располагались на стенах классов суворовских училищ.

В итоге в условиях закрытой военно-образовательной организации было обеспечено патриотическое воспитание и образование детей и подростков, формирование их гражданской позиции и качеств, необходимых советскому офицеру. Патриотическое воспитание суворовцев осуществлялось в рамках общей концепции патриотического воспитания советской молодежи, опиралось на духовные ценности прошлого России, опыт патриотического воспитания в кадетских корпусах и других военных образовательных учреждениях Российской империи, пропаганде традиций советской армии, органов и войск МВД. Особое место в патриотическом воспитании молодежи занимала ВОВ, героизм и стойкость защитников Ленинграда и т.д.

Распад Советского Союза затронул и отечественную систему образования и с 1992 г. начался современный этап российского кадетского образования, включавший множество изменений и преобразований, порой неоднозначного характера. Важно, чтобы современная система подготовки офицерских кадров учитывала опыт и императорской России, и СССР, была ориентирована на сохранение патриотических традиций и духовно-нравственных ценностей.

Сегодня патриотическое воспитание представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов государственной власти, институтов гражданского общества и семьи по формированию у граждан высокого патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, готовности к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей. В современных условиях, когда остро стоит вопрос подготовки профессиональных кадров для защиты Отечества, это многоплановая, системная, целенаправленная и скоординированная функция государства по формированию и воспитанию своеобразного духовно-нравственного стержня, основанного на национальной идеи, опирающейся на:

- высокие моральные и психологические качества обучающихся, ориентированные, в первую очередь, на преданность и служение интересам государства и готовности к его защите в мирное и военное время;
- гордость и уважение обучающимися военных и государственных традиций, приобретенных Россией в различные периоды, в независимости от действовавшего политического строя и субъективных оценок того или иного исторического этапа;
- высокое патриотическое и правовое сознание обучающихся, осознанную верность и уважение традиционным ценностям, признанным в российском обществе и находящимся под защитой государства.

Необходимо подчеркнуть то, что только планомерное совершенствование образовательной политики, направленное на обеспечение национальных целей развития,

позволит в современных условиях обеспечить суверенитет Российской Федерации. Данный подход ни в коей мере не направлен на ограничение или умаление прав обучающихся, а наоборот в полной мере соответствует международным требованиям в данной области: направленность на развитие личности, талантов, умственных и физических способностей ребенка; воспитание уважения к правам и свободам человека, его культурной самобытности, языку и ценностям, а также к национальным ценностям страны происхождения и пр. [2].

Реализацию образовательной функции государства невозможно осуществить без развития системы организаций, реализующих программы общего образования, в рамках подготовки обучающихся к военной службе. Государственная политика в данной сфере должна осуществляться в строгом соответствии с Конституцией РФ и федеральными требованиями, раскрытыми законом «Об образовании в Российской Федерации», т. е. выступать как публичное начало в организации образовательной деятельности, а также с учетом накопленного исторического опыта.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 16 марта 2020. № 11. Ст. 1416. – Текст : непосредственный.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993 год. – Текст : непосредственный.
3. Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, заключенной в Париже в 1960 г. и ратифицированной СССР в 1962 г. // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XV. 1962 год. – Текст : непосредственный.
4. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477. – Текст : непосредственный.
5. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976) // Российская газета. № 298. 30.12.2014. – Текст : непосредственный.
6. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351. – Текст : непосредственный.
7. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977. – Текст : непосредственный.
8. Ростовцев, Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений : высочайше утверждено 24 декабря 1848 года / генерал-майор Ростовцев. СПб. : Тип. военно-учебных заведений, 1849. 221 с. – Текст : непосредственный.
9. Смирнов, С. Н. Педагогические условия использования символики в воспитании патриотических чувств учащихся кадетского корпуса : автореф. дис. ...канд. пед. наук: 13.00.02 / Смирнов Сергей Николаевич. – Кострома, 2002. 23 с. – Текст : непосредственный.
10. Трофимова, Е. В., Троицкий, Н. А. Цифровизация юридического образования как драйвер формирования единого образовательного пространства ЕАЭС // Право и бизнес. 2022. № 1. С. 39–42. – Текст : непосредственный.
11. Указ императрицы Анны «О записи дворян в кадетский корпус» (1731 г.) [Электронный ресурс] — URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/anna.htm> (дата обращения: 12.05.2023 г.). – Режим доступа: для всех пользователей. – Текст : электронный.
12. Устав Императорского шляхетного сухопутного кадетского корпуса [Электронный ресурс] — URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/ustav-1766.htm> (дата обращения: 18.05.2023 г.). – Режим доступа: для всех пользователей. – Текст : электронный.
13. Постановление СНК СССР № 946 от 04.09.1943 «О формировании суворовских военных училищ войск НКВД СССР» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р9422. Оп. 1. Д. 53. – Текст : непосредственный.

Deryugin A.A., Krizhanovskaya G.N. State policy in the field of personnel training for military or other public service in the context of ensuring the national security of the Russian Federation: experi-

ence and current problems // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 43–51.

The article presents the author's view on modern problems of state policy aimed at improving and developing the system of personnel training for military or other public service. The authors are based on the fact that the principles of educational policy based on the national interests of the state are today one of the means of solving the most important problem – ensuring the national security of the Russian Federation. The authors believe that in modern conditions, when the issue of ensuring the sovereignty of the state and its cultural values is acute, the training of professional personnel for the protection of the Fatherland should be considered as a multifaceted, systematic, purposeful and coordinated function of the state, the basis of which is the Russian national idea and traditional spiritual and moral values.

Keywords: state security, public service, public policy, national security, education, spiritual and moral values, cultural sovereignty.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya iyulya 2020 g.) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 16 marta 2020. № 11. St. 1416. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Konvenciya o pravah rebenka (odobrena General'noj Assambleej OON 20 noyabrya 1989 g.) (vstupila v silu dlya SSSR 15 sentyabrya 1990 g.) // Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. Vypusk XLVI. 1993 god. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Konvencii o bor'be s diskriminaciej v oblasti obrazovaniya, zaklyuchennoj v Parizhe v 1960 g. i ratificirovannoj SSSR v 1962 g. // Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR. Vypusk XV. 1962 god. – Tekst : neposredstvennyj.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 24.12.2012. № 52. St. 7477. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii (utv. Prezidentom RF 25.12.2014 № Pr-2976) // Rossijskaya gazeta. № 298. 30.12.2014. – Tekst : neposredstvennyj.
6. Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 05.07.2021. № 27 (chast' II). St. 5351. – Tekst : neposredstvennyj.
7. Ukaz Prezidenta RF ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sohraneniyu i ukrepleniyu traditsionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 14.11.2022. № 46. St. 7977. – Tekst : neposredstvennyj.
8. Rostovcev, YA. I. Nastavlenie dlya obrazovaniya vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij : vysochajshe utverzhdeno 24 dekabrya 1848 goda / general-major Rostovcev. SPb. : Tip. voenno-uchebnyh zavedenij, 1849. 221 s. – Tekst : neposredstvennyj.
9. Smirnov, S. N. Pedagogicheskie usloviya ispol'zovaniya simboliki v vospitanii patrioticheskikh chuvstv uchashchihsiya kadetskogo korpusa : avtoref. dis. ...kand. ped. nauk: 13.00.02 / Smirnov Sergej Nikolaevich. – Kostroma, 2002. 23 s. – Tekst : neposredstvennyj.
10. Trofimova, E. V., Troickij, N. A. Cifrovizaciya yuridicheskogo obrazovaniya kak drayver formirovaniya edinogo obrazovatel'nogo prostranstva EAES // Pravo i biznes. 2022. № 1. S. 39–42. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Ukaz imperatricy Anny «O zapisi dvoryan v kadetskij korpus» (1731g.) [Elektronnyj resurs] — URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/anna.htm> (data obrashcheniya: 12.05.2023 g.). – Rezhim dostupa: dlya vsekh pol'zovatelej. – Tekst : elektronnyj.
12. Ustav Imperatorskogo shlyahetnogo suhoputnogo kadetskogo korpusa [Elektronnyj resurs] — URL: <http://www.ruscadet.ru/history/doc/ustav-1766.htm> (data obrashcheniya: 18.05.2023 g.). – Rezhim dostupa: dlya vsekh pol'zovatelej. – Tekst : elektronnyj.
13. Postanovlenie SNK SSSR № 946 ot 04.09.1943 «O sformirovanii suvorovskih voennyh uchilishch vojsk NKVD SSSR» // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R9422. Op. 1. D. 53. – Tekst : neposredstvennyj.

УДК 340 (470) «199/200»

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБВИНЕНИЯ В СУДАХ В ПЕРИОД 1991 – 2014 ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОКУРАТУРЫ КРЫМА)**

Задерейчук И. П., Задерейчук А. А.

В статье изучаются проблемы, связанные с участием прокурора в поддержании государственного обвинения в судах Крыма. Проанализирован накопленный крымскими прокурорами опыт в организации поддержания государственного обвинения. Выявлены системные проблемы и пути усовершенствования работы по поддержанию государственного обвинения в изучаемый период. Участие прокурора в уголовном судопроизводстве являлось одним из главных направлений деятельности прокуратуры АР Крым. В результате системной работы крымским прокурорам к началу 2000-х удалось достигнуть поддержания государственного обвинения по всем уголовным делам, накопить положительный опыт в поддержании обвинения по особо тяжким уголовным делам.

Ключевые слова: прокуратура, законность, государственное обвинение, надзор.

На протяжении 1991 – 2014 гг. руководством республиканской прокуратуры уделялось внимание вопросам поддержания прокурорами государственного обвинения. Они требовали от своих подчиненных строгого соблюдения норм Конституции, где в ст. 121 говорилось о закреплении за прокуратурой поддержание государственного обвинения в суде [1]. Также в Законе «О прокуратуре» в ст. 36 закреплялось участие прокурора в уголовном процессе. Принимая в нем участие, прокурор должен был исследовать доказательства, выражать суду свои мысли касательно применения уголовного закона и меры наказания по отношению к подсудимому. При этом прокурор руководствовался требованиями закона и объективной оценкой собранных доказательств по делу [2].

Главная суть требований к прокурору при его участии в уголовном процессе сводилась к следующему: во-первых, строго руководствоваться Конституцией и законами Украины; во-вторых, быть гарантом конституционных и процессуальных прав граждан, привлеченных к судопроизводству по уголовному делу (потерпевший, подсудимый и другие); в-третьих, проявлять активность в исследовании доказательств, способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела. Кроме того, прокуроры должны были обеспечивать объективность при осуществлении функции государственного обвинения, поддерживать обвинение только по мере его доказанности и таким образом способствовать принятию законного и справедливого судебного решения по уголовному делу. Очень важным в деятельности прокуроров было реагирование на выявленные в суде грубые ошибки и нарушения законности в ходе досудебного следствия и дознания, а также постановка перед судом вопроса о вынесении частного определения (постановления) в связи с установленными по делу фактами нарушения закона, причинами и условиями, которые способствовали совершению преступления. На реализацию указанных положений были направлены ведомственные приказы, которые издавались в 1992, 1996, 1998, 2005, 2012 гг.

В приказе Генерального прокурора Украины №10 от 30 октября 1998 г. «Об организации поддержания государственного обвинения в суде, повышения качества

и эффективности участия прокуроров в уголовном судопроизводстве» от прокуроров всех уровней требовалось обеспечение поддержания государственного обвинения в судах первой инстанции во всех уголовных делах, направленных в суд в отношении лиц, совершивших тяжкие и особо опасные преступления, и такие, что привлекают особое внимание общественности. По другим делам обвинение предписывалось поддерживать, исходя из реальных возможностей. Также приказом закреплялось требование к руководителям прокуратур лично участвовать в судебном рассмотрении уголовных дел, привлекать к этому работников аппаратов областных и приравненных к ним прокуратур.

С целью качественного поддержания государственного обвинения руководители прокуратур должны были назначать государственных обвинителей заблаговременно. Делалось это для того, чтобы они имели возможность всесторонне подготовиться к судебным процессам. При этом требовалось учитывать характер, объем и сложность дела, квалификацию, опыт работы прокурора, которому поручалось поддерживать обвинение. По многоэпизодным делам поддержание государственного обвинения могло поручаться группе государственных обвинителей.

Государственный обвинитель при подготовке к судебному процессу должен был тщательно изучать материалы уголовных дел, активно участвовать в исследовании доказательств, объективно и беспристрастно оценивать их, высказывать суду соображения по применению уголовного закона, назначению как основного, так и дополнительного наказания, вида колонии, решения гражданского иска по возмещению причиненных убытков.

Для успешной работы государственных обвинителей от руководителей прокуратур требовалось организовывать их обучение, а также осуществлять контроль за их подготовкой к участию в судебных заседаниях, регулярно анализировать состояние работы по участию прокуроров в уголовном судопроизводстве и практику применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, своевременно выявлять соответствующие тенденции и выработать рекомендации, изучать и внедрять положительный опыт работы [3].

Развитие в Украине правового государства способствовало реформированию участия прокурора в уголовном процессе. Уже в приказе ГПУ от 28 октября 2002 г. от прокуроров всех уровней требовалось обязательное обеспечение качественного поддержания государственного обвинения в судах первой инстанции по всем уголовным делам за исключением дел частного обвинения [4]. Таким образом, прокуроры стали поддерживать государственное обвинение по всем уголовным делам. В тоже время для успешной реализации принципа состязательности прокуратура Крыма не имела надлежащего кадрового количества, что повлекло увеличение штатной численности прокуратуры республики.

Руководствуясь действовавшей законодательной базой, прокуратура Крыма уделяла первостепенное внимание вопросам участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Уже 21 марта 1992 г. исполняющий обязанности прокурора Крыма Г.А. Скворцов в своем выступлении на коллегии ставил перед горрайпрокурами республики задачу, чтобы прокуроры, участвуя в уголовном судопроизводстве, содействовали исполнению требования закона о всестороннем, полном и объективном разбирательстве дел и постановлению судебных решений,

основывающихся на законе. Кроме того, требовал от своих подчиненных увеличивать количество участия в судебных процессах и своевременно опротестовывать незаконные приговоры и решения судов [5, л. 33].

Несмотря на такие требования в период 1992 – 1996 гг. сохранялась ситуация, когда отдельные прокуроры городов и районов допускали систематическое нарушение требований приказа Генерального прокурора Украины №5-1992 г. «Об организации работы прокуроров по уголовному судопроизводству».

В частности, на заседании коллегии прокуратуры Республики Крым 18 января в 1995 г. В.М. Купцов отмечал, что в 1994 г. во многих прокуратурах дела перед направлением в суд изучались некачественно, некритически оценивались собранные по ним доказательства. Так, судами на дополнительное расследование было возвращено 213 дел (3,7%). Основными причинами направления дел к доследованию являлась неполнота следствия (168 дел) и неправильная квалификация преступлений (60 дел). «Рекордсменом» по возвратности дел в этот период был прокурор Красногвардейского района, которому судом было возвращено 29 дел, из которых он следователям передал только 3 [6, л. 58].

Также в ходе проверок было выявлено, что в 1994 г. отсутствовала надлежащая организация работы в уголовно-следственном отделе. Его сотрудники по существу не влияли на состояние дел по своей отрасли, не реагировали на допускаемые нижестоящими прокурорами отступления от требований закона. При этом только 22 % от числа измененных и отмененных приговоров были пересмотрены по протестам прокуроров. Половина кассационных и частных протестов горрайпрокуроров отклонялись из-за их недоброкачественности. Среди существенных нарушений указывалось и на то, что в отделе отсутствовал учет дел о тяжких преступлениях, по которым прокурорами не поддерживалось государственное обвинение. Проверкой было установлено 118 таких дел, в том числе об умышленных убийствах, тяжких телесных повреждениях, грабежах, разбоях и т.п. Также было выявлено, что некоторые прокуроры городов и районов редко принимали участие в рассмотрении уголовных дел в судах, не уделяли надлежащего внимания организации работы на этом участке [6, л. 11].

Ситуация, когда прокуроры не принимали участие в качестве государственного обвинителя по обязательной категории дел, согласно выявленным архивным документам, наблюдалась на протяжении 1992–2000 гг. Например, в 1995 г. прокуроры не приняли участие в суде первой инстанции по 153 делам о тяжких преступлениях. Худшая в этом отношении ситуация в 1995 г. была в Керчи и Красногвардейском районе. В первом квартале 1996 г. в статистических отчетах фиксируется улучшение ситуации, за этот период было зафиксировано только 36 фактов уклонения прокуроров от выполнения своих должностных обязанностей.

При анализе архивных материалов были выявлены случаи о том, что прокуроры, как правило, не сообщали незамедлительно о вынесенных судами оправдательных приговорах. Зачастую об этом становилось известно лишь при изучении уголовных дел перед их кассационным рассмотрением. Для изменения сложившейся ситуации первый заместитель прокурора республики Г.А. Скворцов в 1992 г. вышел с предложением о том, чтобы о каждом факте вынесения оправдательного приговора незамедлительно в письменной форме докладывалось в прокуратуру Крыма. По

каждому указанному случаю неучастия прокурора в суде по уголовным делам о тяжких преступлениях, прокуроры должны были представлять письменные объяснения [7, л. 45].

9 января 2001 г. прокурором АР Крым А.А. Доброрезом было издано распоряжение «Об усовершенствовании работы по поддержанию государственного обвинения», в котором предписывалось направлять информацию о результатах рассмотрения уголовных дел в день вынесения приговора. Это в свою очередь позволяло зональным прокурорам своевременно отслеживать результаты рассмотрения дел и вовремя ориентировать государственных обвинителей на внесение апелляционных представлений на мягкие приговоры суда [8, л. 12].

Именно благодаря постоянному контролю со стороны руководства прокуратуры республики ситуация с поддержанием государственного обвинения начиная с 1997 г. стала улучшаться. Например, 1 июля 1998 г. на оперативном совещании прокуроров уголовно-судебного отдела начальник отдела П.П. Губский указал, что благодаря проделанной работе прокуроры городов и районов работают лучше, увеличился процент поддержания государственного обвинения по уголовным делам в судах. Если среднереспубликанский показатель по Крыму в первом полугодии 1997 г. составлял 70%, то в первом полугодии 1998 г. эта цифра достигла отметки свыше 90 %. Одиннадцать прокуратур давали 100 % участия прокуроров по поддержанию государственного обвинения в судах. Отдельно он отметил работу прокурора Советского района В.Е. Франкевича, который лично поддержал государственное обвинение по 48 уголовным делам [9, л. 42].

Согласно годовому отчету за 1998 г. в среднем по республике государственное обвинение поддерживалось по 95 % уголовным делам, поступившим в суды с обвинительным заключением, 77% – по делам публичного обвинения. Тогда как в 1997 г. поддерживалось государственное обвинение по 75 % уголовным делам с обвинительными заключениями и 55% – публичного обвинения. Также наметилась положительная динамика по участию руководителей горрайпрокуратур в уголовном судопроизводстве в качестве государственных обвинителей. Всего в 1998 г. горрайпрокуроры Крыма лично поддержали обвинения в судах по 671 уголовному делу, что на 361 уголовное дело больше, чем в 1997 г. Заместители городских и районных прокуроров поддержали в 1998 г. обвинение по 438 уголовным делам, т.е. на 130 уголовных дел больше чем в 1997 г.

Благодаря личному участию руководителей прокуратур в поддержании государственного обвинения меньше допускалось ошибок в период следствия, меньше отменялось и изменялось судебных решений по жалобам заинтересованных лиц [10, л. 49].

Анализ работы прокуратуры АР Крыма показывает, что уже в 2001 г. государственные обвинители добились стопроцентного обеспечения участия в судебных заседаниях по уголовным делам с обвинительным заключением, а с 1 июля 2001 г. – по всем уголовным делам, рассматриваемым судами Крыма. При этом в 2001 г. наиболее активно поддерживали государственное обвинение прокуроры Симферопольского района В.В. Фомин (50 дел) и Центрального района В.И. Мартыненко (44 дела) [8, л. 11 – 12].

В последующие годы сохранялась положительная тенденция 100% поддержания прокурорами обвинения в судах. Например, в 2006 г. лично горрайпрокурорами

было поддержано обвинение по 807 уголовным делам, что на 5,1 % больше чем в 2005 г. Среди лидеров на коллегии были отмечены прокурор Раздольненского района Е.Е. Фурмамбетов (56 дел) и Первомайского района В.И. Волынкин (37 дел) [11, л. 204 – 205].

Несмотря на наличие положительного опыта, прокуроры республики часто обращали внимание горрайпрокуроров на необходимость их активного участия в судебном процессе. Например, в 2001 г. несмотря на наличие указания прокурора АР Крым об обязательном участии прокуроров не менее чем по 2 уголовных делам в месяц, это требование не выполнили прокуроры г. Симферополя, Черноморского района и г. Ялты [8, л. 16]. Во второй половине 2000-х гг. прокуратура столкнулась с другой проблемой, когда некоторые руководители горрайпрокуратур, желая повысить свои количественные показатели, принимали участие в несложных делах, которые в большинстве своем рассматривались по упрощенной процедуре. Например, в 2010 г. прокурор Ленинского района И.К. Пивоваров принял участие в рассмотрении 72 уголовных дел, из которых по упрощенной процедуре – 56 и только 3 дела – прокурорской подследственности, в то время как судом было рассмотрено 43 дела, которые расследовались прокуратурой. Подобная ситуация наблюдалась и в прокуратурах г. Евпатории, Железнодорожного района г. Симферополя, Сакской межрайонной прокуратуре [12, л. 16].

Руководство прокуратуры исходило из того, что руководители горрайпрокуратур являлись опытными работниками, и они могли бы своим личным участием по тяжким и особо тяжким делам более профессионально поддерживать государственное обвинение. В то время как с делами с упрощенной процедурой могли справиться и молодые специалисты, заместители прокурора. Прокурор АР Крым С. В. Молицкий акцентировал внимание начальника управления поддержания государственного обвинения О.Г. Кравцова на необходимости принятия дополнительных мер касательно обеспечения надлежащего личного участия руководителей горрайпрокуратур в судебном рассмотрении актуальных уголовных дел, в первую очередь расследованных в органах прокуратуры, а также тяжких и особо тяжких преступлениях. В 2010 г. руководителями прокуратур поддержано государственное обвинение по 654 делам, что составляет 8,2% от общей численности рассмотренных дел [12, л. 16].

Рассматривая участие прокуроров в судах по особо тяжким делам, нельзя не упомянуть о положительном опыте заместителя прокурора г. Феодосии советника юстиции Г.Н. Кузьминой. Она успешно поддержала государственное обвинение по уголовным делам, где судебное разбирательство проводилось с применением требований закона Украины от 23 декабря 1993 г. «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». С декабря 1996 г. по 17 января 1997 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда АР Крым рассматривала уголовное дело по обвинению активных участников преступной группировки. Ее члены 25 июня 1995 г. на территории г. Феодосии и п. Коктебель организовали и осуществили массовые беспорядки в форме погрома, нарушений общественного порядка, насилия над личностью, поджогов и уничтожения имущества лиц. Во время рассмотрения уголовного дела в суде по ходатайству прокурора для обеспечения безопасности зашифрованных свидетелей, суд допрашивал этих лиц при отсутствии подсудимых. Благодаря применению норм

закона о безопасности лиц, участвующих в судебном процессе прокурору, удалось получить ценные свидетельские показания и защитить жизнь и здоровье свидетелей, тем самым добиться обвинительного приговора для подсудимых [13, л. 7].

Также следует обратить внимание и на накопленный опыт аппарата прокуратуры Крыма и отдела по поддержанию государственного обвинения по методической работе с государственными обвинителями для успешного ими поддержания обвинения. Так, работники аппарата выезжали во все города и районы, где были вновь назначены прокуроры для оказания практической помощи, организовывали и проводили научно-практические семинары по поддержанию государственного обвинения в судах, смотр-конкурсы на лучшего государственного обвинителя. Например, в 1998 г. победителем стал помощник прокурора Центрального района г. Симферополя С.В. Дядиченко. Особое внимание работники отдела по поддержанию государственного обвинения уделяли вопросам стажировки помощников прокурора из городов и районов, проверке приказа ГПУ об организации работы прокуроров в уголовном судопроизводстве [10, л. 54]. В 2001 г. для повышения квалификации государственных обвинителей прокуратурой АР Крым были организованы и проведены 3 учебно-практических семинара по изучению нового законодательства, в том числе с участием судей Верховного Суда Украины и Верховного суда АР Крым на тему: «Особенности практического применения нового уголовного, уголовно-процессуального законодательства» [8, л. 12].

И в последующие годы деятельность прокуратуры Крыма была направлена на постоянное повышение уровня профессионализма государственных обвинителей. Например, за период 2010–2011 гг. вопросы усовершенствования участия прокуроров в уголовном судопроизводстве, усиления их ответственности систематически выносились на рассмотрение на оперативных совещаниях (3 – у прокурора АР Крым, 13 – у заместителя прокурора автономии и 26 – в управлении). Работники управления поддержания государственного обвинения продолжали проводить учебно-методические семинары, (например, в 2011 г. – 5), стажировки (в 2011 г. прошли ее 5 оперативных работников). Благодаря системной работе происходил постоянный рост уровня подготовки государственных обвинителей, особенно это было актуально в условиях частого изменения украинского законодательства, а также стремительного омоложения кадрового потенциала работников крымской прокуратуры. Например, в том же 2011 г. общее количество государственных обвинителей в органах прокуратуры АР Крым составляло 47 человек, из них 13 % – составляли молодые специалисты [8, л. 11].

Несмотря на постоянный контроль со стороны руководства прокуратуры республики за профессиональным уровнем подготовки государственных обвинителей по результатам проводимых проверок выявлялись недобросовестные сотрудники, которые не всегда тщательно готовились к судебным процессам. Кроме того, устанавливались факты, когда во многих производствах отсутствовали записи, свидетельствующие о ненадлежащей досудебной подготовке прокурора, отсутствовали обвинительные речи для выступления на судебных дебатах, справки о результатах рассмотрения дела [14, л. 18]. Сами прокуроры не осуществляли надлежащего прокурорского надзора за ходом досудебного расследования уголовного дела. Материалы протокольных производств перед направлением в суд

прокурорами изучались поверхностно. Прокуроры, убедившись в том, что правонарушитель признает свою вину, не ознакомились с другими доказательствами и не давали им оценку. В то время как, в протокольных производствах зачастую кроме признания вины правонарушителем не имелось других доказательств виновности. В результате подсудимый в суде отказывался от своих признательных показаний, что влекло его оправдание [15, л. 19].

Во время самих судебных процессов прокуроры могли вести себя выступая в прениях пассивно, иногда неправильно ориентировали суды на назначение наказания [15, л. 28]. Все это также было связано с недостаточной профессиональной подготовленностью государственных обвинителей и отсутствием необходимого внимания к этому вопросу со стороны руководителей горрайпрокуратур [11, л. 205].

Например, ничем иным, как безответственностью, не назовешь направление прокурором Белогорского района в суд материалов протокольной формы досудебной подготовки в отношении Бурмистрова по ст. 196-1 УК Украины без указания части диспозиции статьи. Суд в приговоре допустил ту же ошибку, стажер помощника прокурора Р.Г. Балава, поддерживая обвинение, не выявил это очевидное нарушение закона, и на него не отреагировал. 9 декабря 1999 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Крыма приговор по этому делу отменила по кассационной жалобе осужденного [15, л. 28]. Подобные выявляемые факты халатности становились предметом рассмотрения на коллегии прокуратуры АР Крым, чтобы впредь подобные примеры непрофессионального отношения отдельно взятыми прокурорами к выполнению своих должностных обязанностей не допускались.

Однако подобные примеры халатности со стороны прокуроров не имели системного явления, факты низкого профессионализма выявлялись и устранялись. Например, в 1999 г. судами Крыма было вынесено 3 оправдательных приговора: три по протокольной форме досудебной подготовки, санкционированной прокурорами и три по уголовным делам с утвержденными прокурорами обвинительными заключениями [15, л. 19]. В 2002 г. имели место нарушения конституционных прав при привлечении к уголовной ответственности 7 лиц, в отношении которых вынесены оправдательные приговоры и постановления о прекращении уголовных дел по реабилитирующим основаниям вступили в силу [16, л. 136]. В 2005 г. местными судами и Апелляционным судом АР Крым вынесены постановления с оправдательными приговорами касательно 1 лица, который набрал силы, и 4 дела касательно 4 лиц закрыты по реабилитирующим обстоятельствам. В 2006 г. местными судами и Апелляционным судом АР Крым вынесены оправдательные приговоры касательно 11 лиц, которые набрали силы, и дела касательно 3 лиц закрыты по реабилитирующим обстоятельствам [11, л. 136]. В 2007 всего по отношению к 5 лицам, а в 2008 г. в отношении 10 [17, л. 17]. В 2008 г. судами АР Крыма по 7766 уголовным делам были вынесены обвинительные приговоры, что свидетельствует в целом о высоком профессионализме крымских прокуроров во время поддержания государственного обвинения. В 2010 г. поддержали с вынесением приговора 7966 дел, а в 2011 г. 9193 дел [18, л. 3].

Таким образом, участие прокурора в уголовном судопроизводстве являлось одним из главных направлений деятельности прокуратуры АР Крым. В результате

системной работы крымским прокурорам к началу 2000-х удалось достигнуть поддержания государственного обвинения по всем уголовным делам, накопить положительный опыт в поддержании обвинения по особо тяжким уголовным делам. Это было весьма актуально в условиях роста преступности на полуострове, создания ОПГ. Все это требовало обеспечения реализации принципа неотвратимости наказания, вынесения справедливых судебных решений. На постоянном контроле прокуроров АР Крыма находился вопрос личного участия руководителей горрайпрокуратур в поддержании государственного обвинения, что должно было способствовать профессионализму прокуроров, повышению качества документов прокурорского реагирования. При этом от горрайпрокуроров требовалось принимать участие по тяжким и особо тяжким делам, чтобы они своим примером, опытом являлись образцом для своих подчиненных. В исследуемый период государственные обвинители способствовали всестороннему, полному и объективному рассмотрению дел и вынесению законных судебных решений.

Список литературы:

1. Конституція України – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр> (дата обращения: 15.04.2018)
2. ЗУ «Про прокуратуру» // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T178900.html
3. Наказ Генерального прокурора України №10 від 30.10.1998 р. «Про організацію підтримання державного обвинувачення в суді, підвищення якості та ефективності участі прокурорів у кримінальному судочинстві» – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/v0010900-98> (дата обращения: 20.10.2018)
4. Наказ Генерального прокурора України від 28 жовтня 2002 року №5 Про організацію підтримання державного обвинувачення в суді, забезпечення його відповідності кримінальному та кримінально-процесуальному законодавству – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0005900-02> (дата обращения: 21.10.2018)
5. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 908.
6. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 971.
7. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 990.
8. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1298.
9. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1063.
10. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1094.
11. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1644.
12. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 2274.
13. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1112.
14. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1434.
15. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1147.
16. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1372.
17. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 1792.
18. ГАРК. Р-2874. Оп. 3. Д. 2505.

Zadereychuk I. P., Zadereychuk A. A. Participation of the prosecutor in maintenance of public prosecution in courts in the period 1991 – 2014 (on materials of the Prosecutor's Office of the Republic of Crimea) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 52–60.

The article examines the issues related to the participation of the prosecutor in maintenance of public prosecution in courts of the Republic of Crimea. The experience accumulated by Crimean prosecutors in organizing the maintenance of public prosecution is analyzed. Systematical difficulties and ways of improving the work on maintaining public prosecution in the period under study are revealed. The participation of a prosecutor in criminal proceedings was one of the main activities of the Prosecutor's Office of the Autonomous Republic of Crimea. As a result of systematic work, by the early 2000s, Crimean prosecutors managed to achieve the maintenance of public prosecution in all criminal cases, and to accumulate positive experience in supporting prosecution in especially grave criminal cases.

Keywords: prosecutor's office, lawfulness, public prosecution, supervision.

Spisok literaturey:

1. Konstituciya Ukraïni – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-vr> (data obrashcheniya: 15.04.2018).
2. ZU «Pro prokuraturu» // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T178900.html
3. Nakaz General'nogo prokurora Ukraïni №10 vid 30.10.1998 r. «Pro organizaciyu pidtrimannya derzhavnogo obvinuvachennya v sudi, pidvishchennya yakosti ta efektyvnosti uchasti prokuroriv u kriminal'nomu sudochinstvi» – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/v0010900-98> (data obrashcheniya: 20.10.2018)
4. Nakaz General'nogo prokurora Ukraïni vid 28 zhovtnya 2002 roku №5 Pro organizaciyu pidtrimannya derzhavnogo obvinuvachennya v sudi, zabezpechennya jogo vidpovidnosti kriminal'nomu ta kriminal'no-procesual'nomu zakonodavstvu – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/v0005900-02> (data obrashcheniya: 21.10.2018).
5. GARK. R-2874. Op. 3. D. 908.
6. GARK. R-2874. Op. 3. D. 971.
7. GARK. R-2874. Op. 3. D. 990.
8. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1298.
9. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1063.
10. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1094.
11. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1644.
12. GARK. R-2874. Op. 3. D. 2274.
13. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1112.
14. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1434.
15. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1147.
16. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1372.
17. GARK. R-2874. Op. 3. D. 1792.
18. GARK. R-2874. Op. 3. D. 2505.

УДК 340

КОНОКРАДСТВО, КАК ОПАСНЫЙ КРИМИНАЛЬНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, ИЛИ КАК НАКАЗЫВАЛИ ЗА КРАЖУ ЛОШАДЕЙ?

Зарубина К. А.

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»¹

В данной статье рассматривается развитие конокрадства, как опасного преступного промысла в дореволюционной России, анализируется система назначения наказаний за кражу лошадей в соответствии с нормами Русской Правды, Псковской ссудной грамоты, Судебника 1550 г., Соборного Уложения 1649 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и других важнейших правовых документов дореволюционного периода. Исследуется распространение конокрадства в отдельных регионах российского государства, меры противодействия этому опасному криминальному явлению, а также основные преступные «схемы» кражи лошадей. В завершении статьи представлены выводы о распространённости данного явления в дореволюционной России, эффективности назначения наказаний за кражу лошадей, как для отдельных преступников, так и для преступных шайк.

Ключевые слова: преступление, наказание, конокрадство, кража лошадей, конокрад, перекупщики, барышники, преступный промысел, преступные шайки, преступное «ремесло».

Экономика российского государства издревле имела аграрную ориентацию. Земля считалась важнейшим ресурсом, позволяющим обеспечить нормальное существование крестьянской общины. По данным Всероссийской переписи, в Российской империи в 1897 г. большую часть населения составляло крестьянство – 75% [1, с. 32-40]. В связи с этим к орудиям производства, сельскохозяйственному инвентарю относились особо бережно. Лошадь же считали живым сельскохозяйственным инвентарём, средством передвижения, богатством семьи. Потеря лошади фактически обрекала семью на бедность, нищету и голод. Без лошади практически невозможно было обработать землю, вырастить урожай, а значит, и добыть себе продукты для пропитания. Согласно военно-конской переписи, в 1882 г. только в европейской части России было более 12 млн. лошадей [2]. По числу лошадей к концу XIX в. российское государство среди стран Европы занимало первое место [3]. В таких условиях лошади нередко становились объектом преступных посягательств со стороны разного рода криминальных элементов, желавших присвоить или перепродать чужую собственность.

За кражу лошади в дореволюционной России наказывали особо. В сельской местности конокрадство считалось одним из самых опасных преступлений, поэтому с пойманными преступниками в деревнях и сёлах нередко расправлялись самостоятельно, самосудом. Так, ещё в Русской Правде за похищение лошади назначали высшую меру наказания – поток и разграбление [4]. Статья 35 гласила: «Если кто познает свое, что у него пропало или было украдено, или конь, или одежда, или скотина, то не говори тому <у кого пропажа обнаружена>: «Это мое», но пойди на свод, где он взял, пусть сойдутся <участники сделки и выяснят>, кто виноват, на

¹ Работа выполнена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

того и падет обвинение в краже; тогда истец возьмет свое, а что пропало вместе с этим, то ему виновный выплатит; если будет конокрад, то выдать его князю на изгнание; если вор, обокравший клеть, то ему платить 3 гривны» [5]. Причем в системе иных преступлений против собственности конокрадство считалось наиболее опасным, поскольку кражу лошади наряду с кражей церковных денег, утвари выделяли отдельно.

Согласно нормам Псковской судной грамоты, конокрада, наряду с вором, совершившим кражу «в Кромю», изменником, поджигателем, казнили (ст. 7) [6]. В Судебнике 1550 г. отмечено появление такого должностного лица, как пятенщик, который занимался оформлением всех сделок с лошадьми. Также в данном нормативном документе упорядочивалась процедура клеймения. Так, если кто-то покупал в Москве или Московском уезде лошадь, то у пятенщиков обязательно нужно было поставить клеймо, уплатив пошлину. Пятенщик, в свою очередь, должен был сделать соответствующую запись о купле-продаже лошади в специальной книге. В городах и волостях клеймением лошадей помимо пятенщика занимались ещё наместники, тиуны и волостели. За неисполнение данного обязательства грозил штраф. Непродажные и доморощенные лошади не клеймились (ст. 96) [7]. Полагаем, введение процедуры клеймения лошадей, в первую очередь, связано с необходимостью противодействия перепродаже краденых лошадей, широко распространённой в рассматриваемый период времени.

В Соборном Уложении 1649 г. за конокрадство на службе уже не было предусмотрено лишение жизни, преступнику вместо этого отрубали руку (ст. 29). При этом под угрозой наказания нельзя было загонять «чужую животину к себе на двор», держать её «в запоре», а также «морить голодом» [8].

В XIX в. в связи с особым распространением конокрадства были приняты новые законы, ужесточающие уголовную ответственность за кражу лошадей, причём именно в этот период современники оценивали конокрадство, как преступный промысел. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. введена ответственность за занятие скупом или сбытом в виде промысла заведомо краденых лошадей. 18.03.1880 по высочайшему утверждению Госсовета дела о краже лошадей и скота (рабочего и домашнего) в связи с введением в действие Судебных уставов 1864 г. изымались из ведения станичных и волостных судов, передавались в мировые, общие суды [9, с. 74-76]. За данное правонарушение лишали всех особенных прав и преимуществ и ссылали на жительство в Сибирь, отдавали в исправительные арестантские отделения по 4-й или 5-й степени [10, с. 409-410]. В Уложении о наказаниях 1885 г. также присутствовало указание на скотокрадство [10, с. 187]. Кроме того, за скупку и сбыт лошадей в виде промысла предполагалось наказание не только по 4-й или 5-й, но и по 1-й, 2-й, 3-й степени (гораздо суровее) [11, с. 408].

В начале XX в. ссылка на поселение и жительство для большинства категорий осуждённых временно заменялась иными видами наказаний. Совершение открытого хищения лошади во время грабежа, «учинённого без насилия и угроз совершения такого насилия, а также без применения оружия или орудия, используемого в качестве оружия», оценивали, как особо опасное преступное деяние, что свидетельствовало о развитии «ремесла» конокрадов [12, с. 185]. Виновных в краже лошади лишали всех особенных прав и преимуществ, отдавали в исправительные арестантские отделения, ссылали на каторжные работы. Примечательно, что 6 июня 1909 г. был издан

закон, который усиливал ответственность за похищение крупного домашнего скота и лошадей [13, с. 406-408]. Однако, несмотря на суровость наказаний за кражу лошадей, в рассматриваемый период конокрадство было массовым явлением и составило преступный промысел [10, с. 698].

Особо распространено конокрадство было в земледельческих регионах, где лошадей использовали, как основной живой сельскохозяйственный инвентарь. Многие воры специализировались на хищении именно этого домашнего скота. Нередко данную кражу считали самым совершаемым видом преступлений. Как сообщали некоторые губернаторы: «Конокрадство в отдельных местностях обратилось в устроенный и постоянный промысел». Раскрываемость этого вида преступлений была крайне низкой, обычно не более 17% [14, с. 10-18]. Отрицательно сказывался и тот факт, что многих обвиняемых оправдывали, и они продолжали заниматься своим преступным «ремеслом».

Кражи крупного рогатого скота и лошадей совершали не только в европейской части России, но в Сибири, на Дальнем Востоке. Об этом свидетельствует, в частности, принятие особого положения Сибирского комитета, объявленное Сенату 19 марта 1854 г. «О мерах к прекращению конокрадства в Западной Сибири». В данном документе предписывалось сельским обществам не оставлять без присмотра лошадей в поле, иметь «благоннадёжных» пастухов по найму за «умеренную» плату, в ночное время «снаряжать» отряды караульчиков, всех киргизов, причисленных к крестьянам, кочующих на казённых землях необходимо было удалить во внешние округа, обвинённых в краже лошадей киргизов – отдать в солдаты и т.д. [13, с. 278].

В пограничных западных регионах России лошадей часто перепродавали в Австрию. Как правило, уже через несколько часов после совершения кражи лошадь передавали в другие руки. Для того чтобы совершить данное преступление, необходимо было создать крупную преступную организацию, в некоторых из них насчитывалось более 100 человек, но обычно около 50-60. У сообществ конокрадов были «свои» места дислокации, перевалочные и опорные базы, «свои» люди у помещиков и на конезаводах. Примечательно и то, что на воров часто «работали» цыгане, которые занимались хищением лошадей, а также специалисты по перекраске, перековке, подтачиванию зубов у похищенных лошадей, изменению формы копыт [15, с. 103-108]. Сама специфика совершения преступления заставляла преступников приобретать особые умения и навыки, обзаводиться связями с различными специалистами, которые, как правило, также принадлежали к преступному миру. В данных организациях складывалось и распределение обязанностей, среди конокрадов выделяли: скупщиков лошадей, главарей, подручных, угонщиков, а также группы преследователей, отражения нападения сторожей. В некоторых регионах Российской империи лиц, которые определённым образом содействовали совершению краж лошадей, называли «перекупщиками», «барышниками» [16, л. 9].

На особую распространённость конокрадства в России в XIX – начале XX в. указывали многие иные нормативные акты. Так, 19.01.1848 утверждено мнение Государственного Совета №21905 «О мерах к отвращению конокрадства». В дополнении к существующему законодательству учреждалось следующее. Городской и земской полиции предписывалось приступать к раскрытию дел «о покраже лошадей» незамедлительно по горячим следам. В местах, где обыкновенных способов полиции для успешного производства следствия недостаточно, по представлению начальни-

ков губерний следовало назначать особых комиссаров в помощь полиции. Начальникам губерний надлежало следить за ходом расследования дел и действиями следователей, следователей за медлительность предавать суду. Также предписывалось дела о конокрадстве в судах решать «без очереди и безо всякого замедления», особое внимание уделять тому, совершена ли была кража одним лицом или преступной шайкой, а также иным обстоятельствам (совершена ли кража ночью, со взломом или без и т.д.).

Примечательно то, что за каждого «изобличённого и переданного» в руки правительства конокрада (сообщника конокрада) полицейским, должностным лицам сельского управления и людям низших сословий в соответствии с предписаниями вышеназванного нормативного акта необходимо было выдавать по 3 рубля серебром по распоряжению местного начальства. Денежные средства взыскивались с остатков земских сборов, из казны; убытки, причинённые потерпевшему – с имущества виновного. В 1854 г. действие временных мер о пресечении конокрадства было продлено [17, с. 50-51].

Таким образом, в дореволюционный период в России, несмотря на достаточно жёсткие санкции за кражу лошади, конокрадство было очень распространённым явлением. Лошадь считалась главным живым сельскохозяйственным инвентарём, средством передвижения, поэтому этот объект преступного посягательства охранялся законом особо. Чаще всего кражи осуществляли преступные шайки по чётко разработанным криминальным «схемам». Со временем меры противодействия этому опасному явлению совершенствовались. Наказания за кражу лошади назначались в соответствии с нормами Русской Правды, Псковской ссудной грамоты, Судебника 1550 г., Соборного Уложения 1649 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и других важнейших правовых документов. При этом стоит отметить, что конокрадство было распространено повсеместно, как в европейской части России, так и в Сибири, о чём, в том числе, свидетельствует издание ведомственных нормативных документов, направленных на противодействие кражам лошадей в отдельных местностях.

Список литературы:

1. Тройницкий Н.А. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. 320 с.
2. Самойлова Е.Н. Состояние крестьянского коневодства Курской губернии в 80-гг. XIX в. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-krestyanskogo-konevodstva-kurskoy-gubernii-v-80-e-gg-xix-v> (дата обращения: 07.06.2022).
3. Мельникова Д.А. Конская торговля в Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konskaya-torgovlya-v-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-pолоvine-xix-nachale-xx-vv> (дата обращения: 08.06.2022).
4. Пространная русская правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.). Примечания. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 07.11.2019).
5. Русская Правда (Пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 08.06.2022).
6. Псковская ссудная грамота. URL: http://vosflit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 08.06.2022).
7. Судебник 1550 года. URL: <https://www.sites.google.com/site/2015mamkin/home/biblioteka/5bibl> (дата обращения: 08.06.2022).
8. Соборное Уложение 1649 года. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (дата обращения: 08.06.2022).
9. Полное собрание законов Российской империи. Т. 55 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881): Ч. 1: Законы (60541–61928). СПб., 1884. 966 с.
10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1892. 796 с.

11. Полное собрание законов Российской империи. Т. 19 (1899): Ч. 1: Законы (16310–17967). СПб., 1902. 1324 с.
12. Свод законов Российской империи. Т. XV. Кн. 5. СПб., 1909. 964 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Т. 29 (1909): Ч. 1: Законы (31330–32882). СПб., 1912. 1006 с.
14. Ахмедов Ч.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика конокрадства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2 (70). С. 10-18.
15. Калпинская О.Е. Особенности возникновения и развития организованной преступности в дореволюционной России // Юриспруденция. 2010. № 4. С. 103-108.
16. Государственный архив Курской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 4242. Л. 9.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собрание (1825–1881): Т. 23 (1848): Ч. 1: Законы (21844–22685). СПб., 1849. 665 с.

Zarubina K.A. Horse stealing, as a dangerous criminal trade in pre-revolutionary Russia, or how were they punished for stealing horses? // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 61-65.

The article examines the development of horse stealing as a dangerous criminal trade in pre-revolutionary Russia, analyzes the system of sentencing for horse theft in accordance with the norms of Russian Pravda, the 1550 Judicial Code, the 1649 Cathedral Code, the 1845 Code of Criminal and Correctional Punishments and other important legal documents of the pre-revolutionary period in Russia. The article examines the spread of horse theft in certain territories of the Russian state, measures to counter this dangerous criminal phenomenon, as well as the main criminal «schemes» of horse theft. At the end of the article, conclusions are presented about the prevalence of this phenomenon in pre-revolutionary Russia, the effectiveness of sentencing for horse theft, both for individual criminals and for criminal gangs in the period under review.

Keywords: crime, punishment, horse theft, horse theft, horse dealers, dealers, criminal trade, criminal gangs, criminal «craft».

Spisok literary:

1. Trojnickij N.A. Pervaja Vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj Imperii 1897 g. Т. 1. SPb., 1905. 320 s.
2. Samojlova E.N. Sostojanie krest'janskogo konevodstva Kurskoj gubernii v 80-gg. XIX v. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostojanie-krestyanskogo-konevodstva-kurskoj-gubernii-v-80-e-gg-xix-v> (data obrashhenija: 07.06.2022).
3. Mel'nikova D.A. Konskaja trgovlja v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konskaya-torgovlya-v-rossijskoj-imperii-vo-vtoroy-polovine-xix-nachale-xx-vv> (data obrashhenija: 08.06.2022).
4. Prostrannaja russkaja pravda (po Troickomu spisku vtoroj poloviny XIV v.). Primechanija. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (data obrashhenija: 07.11.2019).
5. Russkaja Pravda (Prostrannaja redakcija). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (data obrashhenija: 08.06.2022).
6. Pskovskaja ssudnaja gramota. URL: http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (data obrashhenija: 08.06.2022).
7. Sudebnik 1550 goda. URL: <https://www.sites.google.com/site/2015mamkin/home/biblioteka/5bibl> (data obrashhenija: 08.06.2022).
8. Sobornoe Ulozhenie 1649 goda. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (data obrashhenija: 08.06.2022).
9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Т. 55 (19 fevralja 1880 – 28 fevralja 1881): Ch. 1: Zakony (60541–61928). SPb., 1884. 966 s.
10. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 g. SPb., 1892. 796 s.
11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Т. 19 (1899): Ch. 1: Zakony (16310–17967). SPb., 1902. 1324 s.
12. Svod zakonov Rossijskoj imperii. Т. XV. Кн. 5. SPb., 1909. 964 s.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Т. 29 (1909): Ч. 1: Законы (31330–32882). SPb., 1912. 1006 s.
14. Ahmedov Ch.N. Ugolovno-pravovaja i kriminologicheskaja harakteristika konokradstva v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 2 (70). S. 10-18.
15. Kalpinskaja O.E. Osobennosti vozniknovenija i razvitija organizovannoj prestupnosti v dorevoljucionnoj Rossii // Jurisprudencija. 2010. № 4. S. 103-108.
16. Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj oblasti. F. 32. Op. 1. D. 4242. L. 9.
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie (1825–1881): Т. 23 (1848): Ч. 1: Законы (21844–22685). SPb., 1849. 665 s.

УДК 340

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СУДОУСТРОЙСТВА В ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЯХ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ ПО УСТАВУ ДЛЯ ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЙ НА ЧЕРНОМ МОРЕ 1449 ГОДА

Иванченко С. В.

ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Основная цель настоящего изложения состоит в исследовании исторического источника права, которым регулировались общественные отношения в генуэзских колониях в Северном Причерноморье в середине XV в., а именно Устава для генуэзских колоний на Черном море 1449 года. В настоящей работе осуществляется анализ системы органов правосудия генуэзских колоний на территории Крымского полуострова, а также полномочий таких органов и особенности осуществления ими судопроизводства. В ходе исследования делается вывод об ориентированности исследуемого источника на процессуальную, административную и экономическую эффективность, в ущерб некоторым началам процессуального права, например, диспозитивности и состязательности. При анализе некоторых принципов процессуального права, закрепленных в Уставе, делается также вывод о деформализованности генуэзского права, выраженной, в том числе, в возможности применения права метрополии в колониях, несмотря на отсутствие соответствующих пробелов в законодательстве колоний. В ходе проводимого анализа также выявлено наличие широкой легитимации принципов процессуального права, в том числе принципов неприкосновенности и независимости судей, надлежащего извещения сторон, что свидетельствует о довольно прогрессивной модели процессуального права, реализованной в Уставе для генуэзских колоний на Черном море 1449 г., несмотря на то, что данный акт разрабатывался для колоний и носил относительно упрощенный по отношению к основному законодательству характер.

Ключевые слова: Генуэзская республика, колонии, Каффа, коллегия синдиков, Генуэзская Газария, Устав для генуэзских колоний на Черном море, процессуальное право, принцип надлежащего извещения, следственный процесс, консул, метрополия, состязательность, викарий, синдики.

Начало II тысячелетия для Европы, характеризуется, в том числе, существенным развитием торговых отношений и, как следствие, возникновением новых торговых, социальных и правовых институтов, направленных на обеспечение актуальных потребностей и интересов общества. Так, в X вв в Италии начали появляться торговоремесленные цехи, которые своим возникновением обязаны «отделением ремесленного производства от земледелия и отделением европейского города от деревни» [1, с. 366]. Следующий толчок к образованию и эволюции явлений мира торговых отношений дали Европе Крестовые походы. Как указывал А.К.Дживилегов: «...факт знакомства европейских рыцарей с роскошью Византии и Востока должен был значительно усилить спрос на восточные товары, кроме того, явилась возможность обходить Византию... Благодаря Крестовым походам сношения с левантскими портами сделались регулярны. Воспользовались этим обстоятельством прежде всего три могущественных итальянских республики: Венеция, Генуя и Пиза. Обе соперницы Венеции только теперь получили возможность успешно конкурировать с нею...» [2, с. 554]. Существенной вехой развития торговой деятельности в Европе также явился переход от «системы самодовлеющего натурального хозяйства» к «системе денеж-

ного и менового хозяйства», начало которого приходится на середину XII в. и который окончился в XV в. [3, с. 53-54].

Как отмечалось выше, некоторые государства, в большей степени города-государства Италии, воспользовались военно-политической ситуацией, сложившейся во время Крестовых походов, для расширения своего торгового влияния и наращивания экономического потенциала. XII в. явился для итальянских морских республик веком возможностей, уже в это время Генуя и Венеция являли собой наиболее экономически развитые государства современной им Европы [4, с. 156]. В 1260 г. Генуя оказала военную поддержку Византии во время освобождения Константинополя, эта помощь со стороны генуэзцев дала им перспективную возможность, так как Византия предоставила им монопольное право на торговлю в Черном море, что впоследствии было подтверждено Нимфейским трактатом 1261 г. Как отмечает С.П. Карпов «...следствием этого стало то, что Черное море, бывшее тогда заповедным морем Византийской империи, стало доступным для итальянских купцов» [5, с. 184].

Таким образом, ряд взаимообусловленных, последовательно возникавших причин привел к тому, что в 60-х годах XIII в. на территорию Крымского полуострова широко распространилось влияние Генуэзской республики.

Особенности исторического развития генуэзских колоний в Северном Причерноморье в XIV – XV вв. широко освещены в рамках историко-правовых исследований различных направлений, важно отметить существенный вклад В.Н. Юргевича, А. Винью, Л.Г. Бельграно, принадлежавших к Одесскому обществу истории и древностей, чьи работы велись в области анализа исторических памятников права. Отдельно необходимо выделить исследования Лаборатории истории Византии и Причерноморья исторического факультета МГУ, к которой принадлежат С.П. Карпов, А.Г. Еманов, С.В. Близнюк. Исследованию процессуальных особенностей отправления правосудия и изучению судебных актов генуэзских колоний посвящены работы М. Балара, С.П. Карпова, О.Н. Барабанова, чьи исследования легли в основание настоящего изложения.

Целью настоящего исследования является выделение и анализ правовых норм Устава для генуэзских колоний на Черном море 1449 г., регламентирующих особенности судоустройства и отправления правосудия в генуэзских колониях в Крыму, что позволит определить причины возникновения и характерные черты той процессуальной модели, которая представлена в исследуемом источнике.

Вопрос о правовых основаниях для реализации притязаний Генуи на земельные владения в Крыму остается открытым [6, с. 52]. Так, Э.Ф. де ла Примоде выводил их из частных приобретений генуэзских нобилей [7, с. 60]. Также существует позиция, согласно которой примерно в 1266-1267 годах Генуя получила право на основание фактории в Каффе от наместника хана Менгу-Тимура – Уран Тимура под условием платы пошлин Золотой Орде и предоставления «права всем купцам покупать и продавать не этой земле привозимые из других мест товары» [8, с. 152], А. Г. Еманов высказал, в свою очередь, довольно аргументированную на наш взгляд позицию о том, что крымские земли были заселены поселенцами из Генуи по принципу «свободной земли» [9, с. 96-98], а последующее введение некоторых обязательств со стороны Золотой Орды являлось не основанием такого заселения, а его следствием. Постепенное развитие Каффы как городского поселения актуализировало потреб-

ность в нормативном регулировании жизни фактории, установлении эффективного административного аппарата, это привело к принятию в 1290 г. Устава городской коммуны города Каффы, текст которого не сохранился до нашего времени. События 1308 г., сопровождавшиеся осадой Каффы золотоордынским ханом Тохтой и последующее за этим улучшение отношений с его преемником ханом Узбеком, послужили причиной принятия в 1316 г. нового городского Устава, разработанного коллегией юристов, именовавшихся *Officium Gazarie*, направленных метрополией в Каффу [10, с. 107]. Устав 1316 г. закреплял полномочия должностных лиц генуэзских владений на принципиально новом уровне. Были расширены полномочия консула, который из чиновника, чьи полномочия едва ли не ограничивались текущим контролем над торговой деятельностью коммуны, становится главой исполнительной власти, имеющим судебные функции. Устанавливаются полномочия коллегий синдиков, осуществлявших контрольно-надзорные функции в отношении должностных лиц генуэзских владений в Крыму. Со временем появляется должность викария, которая не была закреплена в Уставе 1316 г., но появляется в документах 1343-1344 и 1382 гг., где викарий упоминается как «профессиональный правовед, назначаемый из Генуи» [6, с. 63]. Полагаем, что принятие Устава 1316 г. было обусловлено потребностью в недопущении последствий недостаточной регламентации управления колониями Генуи в Северном Причерноморье, Устав должен был послужить, во-первых, выстраиванию выгодных для метрополии отношений, то есть снижению влияния отдельных лиц или групп лиц на территории крымских колоний с усилением влияния метрополии и, во-вторых, мобильности принятия и исполнения решений метрополии на территории генуэзских поселений в Крыму, укреплению централизации Генуэзской республики.

О.Н. Барабанов указывает на то, что правовое пространство метрополии и колоний в Генуэзской республике, несмотря на отдаленность многих ее земель, тем не менее представляет собой единую, целостную и централизованную систему, ориентированную на метрополию и характеризуется «строгой соподчиненностью властных институтов Генуэзского Сообщества вне зависимости от места их нахождения» [11, с. 114]. Считаем, что это стало возможным благодаря исключительной проработанности правового регулирования административных отношений между метрополией и колониями.

Важнейшим этапом в правовом развитии генуэзских колоний в Северном Причерноморье стало принятие в Генуе в 1449 г. Устава для генуэзских колоний на Черном море, которым метрополия выстроила максимально детализированное регулирование управления в административной, финансовой, судебной, торговой, военной и иных сферах на территории Генуэзской Газарии. Среди причин, послуживших принятию данного Устава, В.Н. Юргевич выделяет усиление турецкого влияния на Северное Причерноморье, а также ослабление влияния метрополии на внутреннюю жизнь колоний, что привело к крайней степени злоупотреблений на местах, к разложению системы управления, взяточничеству, растратам и так далее [12, с. 630-631]. Эти причины с очевидностью угадываются в тексте Устава, нормы которого носят ярко выраженный ужесточающий характер по отношению к деятельности органов управления и должностных лиц, о чем говорят постоянно повторяющиеся в тексте Устава требования неукоснительного соблюдения его положений под угро-

зой существенных наказаний, при этом Устав закреплял едва ли не тотальный взаимный контроль одних органов и должностных лиц над другими.

Исследователи отмечают, что при анализе положений статуты Генуи и статуты ее факторий, можно сделать вывод, что вторые практически полностью посвящены вопросам административного устройства и в целом не затрагивают вопросы судопроизводства, а основными актами процессуального права, распространявшими свое действие на колонии и фактории, были гражданские статуты Генуи 1376 г. с изменениями, осуществленными в 1403 и 1413-1414 гг. [13, с. 10-11]. Соглашаясь с данной позицией, полагаем допустимым отметить, что самый поверхностный анализ положений Устава 1449 г. дает представление о более-менее высоком уровне проработанности процессуальных институтов в данном источнике.

Следуя структуре Устава, рассмотрим его процессуальную систему исходя из судебных полномочий отдельных должностных лиц и органов управления крымских колоний Генуи.

Как отмечалось выше, наиболее значимой должностью в Генуэзской Газарии была должность консула. В 1-й главе Устава «О Консуле Каффы, его жаловании и в чем состоят его обязанности», речь в большей степени идет об ограничениях, которые накладывались на консула, положения данного раздела содержат множество антикоррупционных норм и лишь в параграфе 16 главы указано, что «Консул сим обязывается и должен ходить в суд в обычные дни, именно каждый понедельник, четверг и субботу утром и там оставаться и присутствовать со своим Викарием для того, чтобы судить и иметь надзор за правосудием» [14, с. 649-650]. Подробнее судебные полномочия и особенности отправления правосудия 1-я глава не раскрывает, они детализируются в последующих разделах Устава.

Яровая Е. В. отмечает: «В сфере судопроизводства консул разделял свои полномочия с коллегией Генеральных Синдиков в количестве четырех человек из которых двое граждане Генуи и двое состоятельные жители Каффы» [6, с. 71], члены данной коллегии избирались самим консулом с участием представителей Совета старейшин и членов Попечительской Оффиции (*Officium Provisionis*). При этом, если консул сочетал в себе начала исполнительной и судебной власти, то синдики сочетали полномочия судебной власти и контрольно-надзорной власти.

Возбуждение дела, если такое дело не было связано с преступлениями против порядка управления, по общему правилу, происходило подачей иска консулу либо его викарию. При этом рассмотрение дела происходило исключительно совместно консулом и викарием. Как отмечает О. Н. Барабанов: «... викарий предстает скорее не в роли реального председателя суда, но в значительной степени как подобие устаревшей к тому времени должности асессора – профессионала при формальном суде – главе коммуны» [11, с. 112]. Возможны также были и иные варианты возбуждения дела, например, путем подачи жалобы должностным лицам, которые обязаны были, в некоторых случаях, перенаправлять их в соответствующий судебный орган, тем самым возбуждая дело.

Устав содержит детальное описание особенностей отправления правосудия коллегией Генеральных Синдиков. В главе «О порядке при выборе Генеральных Синдиков (контролеров) и их обязанностях», в пар. 2, встречаем следующее: «...Синдики обязаны заседать в своем обыкновенном судебном месте и судить, каждый день по два из них, поочередно, а все четыре [синдика] два раза в неделю, в дни

которые изберут сами; и имеют право производить следствие и предать суду всех чиновников Каффы и других мест... Имеют также право производить следствие и судить все злоупотребления ... и наказывать каждого денежным штрафом по своему усмотрению.» [11, с. 655-656]. Очевидно, что основную массу дел, подсудных данной коллегии, составляли служебные преступления, при этом процесс по таким делам носил следственный, а не состязательный, характер. Ввиду того, что следствие производилось самими синдиками, можно сделать вывод о том, что наделение этого органа таким широким спектром процессуальных полномочий могло быть вызвано желанием законодателя обеспечить невозможность влияния на процесс третьих лиц, то есть процесс как бы находился под полным контролем синдиков. Подразумевается, что в такой категории дел имелаась необходимость максимальной реализации принципа непосредственности через самостоятельное восприятие судьями объективной действительности, связанной с делом в силу государственной значимости данной категории дел, что может быть в наибольшей мере обеспечено через самостоятельное ведение следствия самими судьями.

В пар. 5 получает развитие идея принципа надлежащего извещения лиц. Указывается, что синдик не может приступить к рассмотрению дела пока участники не будут «воззваны к суду лично один раз или на дому своем трижды или словами глашатая по крайней мере однажды» [14, с. 657]. Наличие такой нормы демонстрирует высокий уровень процессуального сознания законодателя, чему можно найти подтверждение в указании далее на незаконность и запрет исполнения решения, которое было принято синдиками без надлежащего извещения лица, являющегося стороной по делу. Законодатель не связывает возможность рассмотрения дела с явкой стороны, он лишь устанавливает обязанность надлежащего извещения стороны, что представляется весьма прогрессивным элементом генуэзского судопроизводства. При этом, допускались различного рода отступления от правила о надлежащем извещении, закрепленном в Уставе. О.Н. Барабанов, анализируя сохранившиеся протоколы судебных дел, рассматривавшихся в генуэзских колониях, приводит следующий эпизод. Так, истец обратился непосредственно к дожу Генуи с жалобой, дож, рассмотрев ее и признавав правоту истца, определяет, что данное дело должно рассматриваться консулом Каффы. Затем истец, получив определение дожа, обращается с иском в курию Каффы. После возбуждения дела, судьей было определено ответчику явиться в суд, при этом суд указал, что направленное ответчику уведомление является единственным и имеет силу трех положенных по статутам уведомлений. Такое определение суда вызвало протесты ответчика, который ссылаясь на положения Устава 1449 г., указывал что данный акт не содержит возможности применения каких бы то ни было исключений, при том, что законодательство Генуи допускало подобное в отношении лиц, чьи дела рассматривались на Лигурийских Ривьерах. Истец же в свою очередь ссылаясь на определение дожа Генуи, который указал, что его дело следует разрешать *summario et sine libello* и потому нормы Устава не могут быть применимы к этому делу. Судья последовал определению дожа и отклонил доводы ответчика [15]. Данный случай примечателен тем, что он иллюстрирует степень значимости, которую процессуальное право Генуэзской республики уделяло соблюдению принципа надлежащего извещения и увязывало его с возможностью рассмотрения дела. С другой стороны, данный случай указывает на

то, что процессуальное право в генуэзских колониях было до крайности деформализовано.

В пар. 12 гл. 5 указывается также на возможность делегирования судебной власти от синдиков должностным лицам и органам в рамках сферы деятельности таких лиц и органов, при этом синдикки обладают полномочиями по проверке законности их решений и по пересмотру соответствующих дел. Нельзя оставить без внимания то, что Уставом закреплено правило о необходимости завершения рассмотрения синдикками всех дел, которые были назначены ими к рассмотрению до завершения их полномочий на данной должности. Так, синдикки должны завершить все дела в течение месяца после сложения с себя полномочий и назначения нового состава синдиков, при чем, новые дела поступают к новому составу, а ранее назначенные к слушанию дела рассматриваются лицами, формально сложившими полномочия. В случае нарушения этого правила на бывшего чиновника налагался штраф от одного до десяти сонмов, штраф же этот налагался действующим составом синдиков (должно быть исходя из того, что основную группу дел, рассматривавшихся синдикками были должностные преступления) [14, с. 660-661]. Помимо дел о рассмотрении должностных преступлений и пересмотра на предмет законности дел, рассмотренных соответствующими должностными лицами, синдикки в качестве суда первой инстанции также рассматривали дела, связанные с отпущением рабов, иные дела, связанные напрямую или косвенно со статусом раба или свободного [14, с. 661].

Устав предоставляет синдиккам широкое пространство для судебного усмотрения, так Устав содержит указание на то, что ни один капитан не смеет ни каким образом выводить «господских людей и слуг из всего Босфора и царства Хазарского», в случае же допущения такого нарушения, нарушитель подвергался штрафу от 25 сонмов (верхний предел штрафа не установлен), а также мог подвергнуться наказанию в виде конфискации судна, его сожжения «или какого-нибудь другого наказания по усмотрению синдиков» [14, с. 663].

Устав также регламентирует порядок апелляционного производства. Заметим, что дела, рассматриваемые консулом или его викарием, цена иска по которым составляет от 5 и менее сонмов апелляционному обжалованию не подлежали. Однако, законодатель делает следующее исключение: «Если же найдут Синдикки, что они [консул либо его викарий] произнесли решение обидное, то должны [синдикки] наказать их приличным образом свыше назначенного ими штрафа, для избавления от убытка того, который вследствие несправедливого решения, понес убыток и обиду» [14, с. 663]. Здесь, во-первых, Устав вводит довольно любопытный институт личной ответственности судей за вынесенное решение, при этом законодатель реализует буквально правило о том, что «решения должны исполняться». Так, лицо, которое по незаконному решению консула или викария подвергнуто штрафу либо обязанности уплатить другому лицу соответствующую сумму, несмотря на незаконность вынесенного решения, обязано такую сумму уплатить и лишь после имеет право обратиться с апелляционной жалобой. В случае же признания решения первой инстанции незаконным осуществляется не поворот исполнения, как следовало бы ожидать, а возмещение судьей, вынесшим такое решение, компенсационных убытков сверх исполненного, что довольно-таки уникально для процессуального права. Однако такое положение вещей справедливо лишь для той указанной выше категории дел. Приведенный институт крайне примечателен, причины его введения должно быть

лежат в той же плоскости, в которой сформировалась необходимость принятия обновленного Устава – недопущение коррупции и избежание злоупотреблений властью на местах. Во-вторых, можно с очевидностью сделать вывод, что консул и его викарий реализовали полномочия суда первой инстанции. Параграф 20 содержит общие правила апелляционного обжалования решений консула и викария, так дела, цена иска по которым превышала 5 сонмов и сторонами, по которым были *cives* (полноправные граждане Генуи или Каффы) могли быть обжалованы только в коллегию Генеральных Синдиков в городе Каффа. Устанавливался срок рассмотрения апелляционной жалобы – 3 месяца со дня ее подачи, срок апелляционного обжалования по всем категориям дел составлял 10 дней со дня вынесения решения судом первой инстанции. Выше упоминалась обязанность синдиков завершить рассмотрением все дела до ухода в отставку, однако данное правило имело несколько иной вид, когда речь шла о рассмотрении дела в апелляционной инстанции. Так, если дело рассматривалось синдиками как апелляционной инстанцией, крайний срок завершения рассмотрения дела был равен сроку для рассмотрения апелляционной жалобы. Соответственно, если жалоба подавалась за несколько дней до сложения полномочий синдиками, то она должна быть ими рассмотрена в такой срок, как если бы они не складывали с себя полномочий, то есть в течении 3-х месяцев. Апелляционное рассмотрение дела требовало уплаты пошлины в размере 4 % от цены иска, при этом в случае, если решение, на которое была подана жалоба отменялось, то уплаченная пошлина возвращалась апеллянту [14, с. 664-665]. Судебные акты, выносимые синдиками, по общему правилу, обжалованию не подлежали. Укажем также, что если одной из тяжущихся сторон в рамках апелляционного производства был синдик, то такое дело подлежало рассмотрению в торговом комитете города Каффы [14, с. 665].

Исключительное положение коллегии компенсировалось возможностью привлечения их к ответственности. Это могло быть выражено двояко – во-первых, после сложения полномочий одного состава синдиков и наделения полномочиями следующего состава, деятельность членов предыдущей коллегии во время исполнения им должности, подлежала проверке при привнесении на них жалобы, во-вторых, существовали и некоторые инструменты воздействия на коллегию и во время исполнения ей своих полномочий. Так, например, параграф 25 главы 5 Устава устанавливает, что комиссия в составе консула, управляющего финансами, управляющих совета и казначейства имеет право рассматривать вопрос о превышении полномочий членов действующей коллегии Генеральных Синдиков. В случае выявления такого превышения данная комиссия могла назначить штраф от 25 до 100 сонмов с каждого члена коллегии синдиков, что представляло крайне значительную сумму (например, годовое жалование консула составляло 500 сонмов, при этом жалование консула считалось крайне высоким даже для высших должностных лиц Генуэзской республики, поскольку консул «представлял власть и персонифицировал могущество и авторитет Генуи» [16, с. 184], при этом, например, годовое жалование викария составляло 40 сонмов [14, с. 689], а писца Попечительской Оффиции всего 4 сонма в год [14, с. 675]) и отражает, в том числе, коллективную ответственность коллегии синдиков.

Еще одним коллективным органом, исполнявшим судебные функции, была коллегия синдиков консула Каффы, ее состав назначался по тому же принципу, что и состав коллегии Генеральных Синдиков, однако количество синдиков консула со-

ставляло 12 человек. Задача синдиков консула состояла исключительно в исполнении контрольно-надзорной функции в отношении административного аппарата колоний и рассмотрении соответствующей категории дел [17, с. 197]. Остается не до конца ясным вопрос о разграничении групп рассматриваемых дел в отношении должностных лиц между синдиками консула и Генеральными Синдиками, поскольку первые могли рассматривать дела в отношении тех же лиц, что и вторые, в том числе, и в отношении консула. Параграфы 2, 3 и 4 главы «О выборе синдиков господина Консула Каффы и его чиновников» несколько проясняет эту ситуацию, так параграф 2 закрепляет обязанность чиновников давать поручительство в денежном выражении при каждом их обвинении, параграф 3 устанавливает, что «когда поручительства будут даны, Синдики должны публиковать через глашатая в течении 15 дней сряду, чтобы тот, кто хочет жаловаться... явился к ним или к их нотарию» [14, с. 680]. Соответственно, порядок возбуждения дел в коллегии синдиков отличается диспозитивным характером, процесс начинается подачей жалобы заинтересованным лицом, в том время как Генеральные Синдики имеют право возбуждать дела по собственной инициативе. Рассмотрение дела синдиками консула не могло превышать одного месяца начиная со дня, следующего за 15-м днем опубликования сведений об открытии дела, за нарушение сроков рассмотрения дела на каждого из членов коллегии накладывался штраф в 10 сонмов (еще один пример коллективной ответственности органов власти). Решения синдиков консула не подлежали обжалованию. В параграфе 8 рассматриваемой главы указано, что «Синдики не могут ни в каком отношении подвергаться неприятностям или беспокойствам за решения и все вышепоказанные определения ими произнесенные» [14, с. 682], что является прямым нормативным закреплением принципа неприкосновенности судей.

Также стоит отметить, что Устав позволял коллегии синдиков консула назначать применение пыток в отношении всех свидетелей по рассматриваемому делу, «руководствуясь при этом уважительными показаниями по своему соображению» [14, с. 685], что очередной раз демонстрирует нам широту судейского усмотрения в генуэзском праве.

Устав закрепляет принцип независимости судей. Запрету вмешательства в правосудие законодатель посвятил целую главу под названием «О том, что воспрещается вмешательство в решения судебные господину Консулу и совету Старейшин». Приведем нормы данной главы. Параграф 1 устанавливает: «Желая позаботиться о том, чтобы закон и правосудие имели везде силу и большой блеск и уничтожен был всякий повод вмешиваться в них и им препятствовать, постановляем..., чтобы господин Консул Каффы, вместе с Управляющими и советом Старейшин не смели и не думали ни в какой мере вмешиваться в какие-либо учиненные решения, производимые процессы, или акты совершенные самим Консулом, его Викарием и другими чиновниками Каффскими или третейскими судьями по делам гражданским и уголовным.». В пар. 2 законодатель делает оговорку о том, что положения 1 пар. не исключают судебных полномочий консула как таковых и он должен совместно со своим викарием осуществлять отправление правосудия по гражданским и уголовным делам. Параграф 3 делает исключение из правила о невмешательстве в рассмотрение дела и исключении влияния на решение. Так, установлено, что в случае, если кому-либо из лиц, указанных в 1-м параграфе, станет известно, что принятое решение носит незаконный характер, имеет признаки предвзятости, заинтересованности судьи либо о

таких фактах поступит жалоба, то консул, Совет Старейшин и Попечительская Оффиция обязаны принять меры для восстановления нарушенных прав пострадавшего лица. Допустимо предположить, что данный способ обжалования является возможным для всех вынесенных решений, даже тех о которых сказано, что они не подлежат пересмотру. Тут дело состоит не столько в разрешении вопроса о неправильном истолковании или применении судом норм материального или процессуального права, сколько в злоупотреблении каким бы то ни было судом своими полномочиями и незаконном притеснении прав пострадавшей от действий суда стороны. В данном случае пересмотр решения осуществлялся коллегиально консулом и членами совета Старейшин, управляющим финансами и членами Попечительской Оффиции, при этом вопрос о возможности пересмотра решения осуществляется путем баллотировки, осуществляемой посредством голосования черными и белыми шарами, возможность пересмотра считалась допустимой, если собравшиеся члены комиссии проголосуют одиннадцатью утвердительными (белыми) шарами, если же подано 11 отрицательных (черных) шаров, то дело на этом прекращалось, если же не набиралось достаточное количество шаров, то вопрос о принятии дела поднимался на новое обсуждение и так до трех раз, если же и в третий раз не приходили к однозначному мнению, то пересмотр дела также прекращался [14, с. 748-750].

Полагаем необходимым подвести итог вышеизложенному и сделать основные выводы. Во-первых, отметим проработанность многих правовых институтов генуэзского права, что отличает его прогрессивностью и функциональностью. В начале XIV века генуэзское право отходит от канонов римского права и становится деформализованным, процесс тяготеет к процессуальной эффективности, что не удивительно в условиях глобализации отношений при стремительном развитии экономики, в целом, и торговли, в частности. Реальность требовала качественных инструментов, которые должны были реализовываться в сокращенных временных рамках, иное просто не представимо, если речь идет о непрекращающемся торговом движении, когда время значит очень много. Во-вторых, анализируя Устав для генуэзских колоний на Черном море 1449 года, нельзя не отметить прямое нормативное закрепление в нем некоторых процессуальных принципов, например, принципа надлежащего уведомления сторон, принципа независимости и неприкосновенности судей. Однако, некоторые принципы были бесосновательно ущемлены, например, принцип состязательности и принцип диспозитивности. Полагаем, что законодатель считал более эффективным не предоставление сторонам возможности собственными усилиями достигать целей судопроизводства, а поручить это самим судьям, то есть профессиональным субъектам судопроизводства. Здесь важно упомянуть то обстоятельство, что в генуэзских колониях был запрещен институт представительства в суде через адвокатов [18, с. 21], что, на наш взгляд, дополнительно свидетельствует в пользу предположения о том, что законодатель стремился достичь эффективности упрощением процесса и не обременять жителей колоний

Редакция Устава 1449 г. просуществовала сравнительно недолго, поскольку Устав разрабатывался для стабильного и спокойного времени, то генуэзский законодатель, сообразуясь с политической ситуацией, возникшей после занятия в 1453 г. Константинополя турками и постепенным распространением их влияния на черноморский регион, были вынуждены в начале 50-х годов XV в. внести в Устав кардинальные изменения. 1 июня 1475 г. султан Мехмед II осадил Каффу, после четырехдневного

сопротивления город сдался, большая часть населения Каффы была перебита, особенно пострадало латинское население города, нобилитет был уничтожен практически полностью, многие жители были обращены в рабство, город подвергся разграблению и значительным разрушениям [19]. В последующее несколько дней турками были взяты Солдайя и Чембало, с этим генуэзское влияние в Крыму завершилось, а после взятия летом 1484 г. султаном Баязидом II Килии и Белгорода (Аккермана) Черное море перешло под полный контроль Османской империи.

Список литературы:

1. Смирнова Е. Д., Сушкевич Л. П., Федосик В. А. Средневековый мир в терминах, именах и названиях. - Минск: Беларусь, 1999. - 383 с.
2. Энциклопедический словарь, Том 33А / Под ред. Арсеньева К. К., Петрушевский О. О. - СПб: Блокгауз-Ефрон, 1901. - 960 с.
3. Дживелегов А. К. Торговля на Западе в Средние века. - СПб: Блокгауз-Ефрон, 1904. - 223 с.;
4. Узлов Ю. А. Северное Причерноморье в эпоху Средневековья // Евразийский Союз Ученых. - 2016. - №1-5 (22). - С. 155-158.
5. Карпов С. П. Из истории средневекового Крыма: высшие официалы генуэзской Каффы перед судом и наветом // Отечественная история. - 2001. - №1. - С. 184-187.
6. Яровая Е. А. Геральдика генуэзского Крыма. СПб: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. 194 с.
7. Ла Примодэ Э. Ф. История черноморской торговли в средних веках. Часть 1. - Одесса: Типография Л. Нитче, 1850. - 157 с.;
8. Волков В. М. О соперничестве Венеции с Генуей // Записки Одесского общества истории и древностей, Т. 4. - Одесса: 1858. - С. 151-236.
9. Еманов А. Г. Образование городской коммуны Кафы до середины XV века: дис. ... д-р истор. наук: 07.00.03. - Екатеринбург: Уральский ГУ, 1997. - 406 с.
10. Balard M. Genoa and the Golden Horde // Золотоордынская цивилизация. - 2017. - №10. - С. 105-112.
11. Барабанов О.Н. Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV-XV вв. // Причерноморье в Средние века. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2001. С. 108-128.
12. Юргевич В. Н. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1149 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. - Одесса: Одесское общество истории и древностей, 1863. - С. 629-631.
13. Карпов С. П. Латинская Романия. - СПб: Алетейя, 2000. - 255 с.
14. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1149 году в последний день февраля // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 5. - Одесса: Одесское общество истории и древностей, 1863. - С. 632-815.
15. См. Барабанов О. Н. Судебное дело Бруноро Сальваиго (Каффа, 1454 г.). Опыт историко-юридического исследования // Причерноморье в средние века. - Москва : Издательство Московского университета. - 1995. - №2. - С. 20-36.
16. Карпов С. П. Из истории средневекового Крыма: высшие официалы генуэзской Каффы перед судом и наветом // Отечественная история. - 2001. - №1. - С. 184-187.
17. Тур В. Г. Юридичний статус італійських володінь у Тавриці XIII-XV ст // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття): збірка наукових праць. - Київ: БІБЛІОТЕКА VITA ANTIQUA, 2012. - С. 190-202.
18. Барабанов О.Н. Суд и право в генуэзских факториях Причерноморья (XIII-XV вв.): автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. - М., 1997. - 21 с.
19. См. Хаутала Р., Гулевич В. П. Письмо тосканского анонима о взятии Каффы в 1475 году из кодекса Q 116 SUP Амброзианской библиотеки // Золотоордынское обозрение. - 2016. - №6 (4). - С. 829-854.

Ivanchenko S. V. On some features of the judicial system in the colonies of genoa in the northern Black sea in accordance with the charter for the Genoese colonies on the Black sea 1449 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 66–76.

The main purpose of this article is to study the historical legal act that regulated social relations in the Genoese colony in the Northern Black Sea Region in the middle of the 15th century, namely the Charter for the Genoese colonies on the Black Sea of 1449. The present work analyses the justice system of the Genoese colonies in the territory of the Crimean peninsula, as well as the powers of such bodies and the peculiarities of their judicial proceedings. The study concludes that the research source is oriented on procedural, administrative and economic efficiency, to the detriment of some principles of procedural law, for example, dispositive and adversarial. The author concluded that Genoese law is distorted, including the possibility of applying the law of metropolitan France in colonies, despite the absence of appropriate gaps in the legislation of the colo-

nies. The analysis also revealed the existence of a broad legitimation of the principles of procedural law, including the inviolability and independence of judges, the proper notification of the parties, which indicates a rather progressive model of procedural law, implemented in the Charter for the Genoese colonies on the Black Sea in 1449, despite the fact that this act was drafted for the colonies and was relatively simplified in relation to the main legislation.

Key words: Genoese Republic, colonies, Kaffa, Syndik's Collegium, Genoa Gazaria, Charter for Genoese Colonies on the Black Sea, procedural law, due notice principle, investigative process, consul, metropolitan, competitiveness, vicar, syndics.

Spisok literatury:

1. Smirnova E. D., Sushkevich L. P., Fedosik V. A. Srednevekovyj mir v terminah, imenah i nazvaniyah. - Minsk: Belarus', 1999. - 383 s.
2. Enciklopedicheskiy slovar', Tom 33A / Pod red. Arsen'eva K. K., Petrushevskij O. O. - SPb: Blokgaуз-Efron, 1901. - 960 s.;
3. Dzhivelegov A. K. Torgovlya na Zapade v Srednie veka. - SPb: Blokgaуз-Efron, 1904. - 223 s.
4. Uzlov YU. A. Severnoe Prichernomor'e v epohu Srednevekov'ya // Evrazijskiy Soyuz Uchenyh. - 2016. - №1-5 (22). - S. 155-158.
5. Karpov S. P. Iz istorii srednevekovogo Kryma: vysshie officialy genuezskoj Kaffy pered sudom i navetom // Otechestvennaya istoriya. - 2001. - №1. - S. 184-187.
6. Yarovaya E. A. GERAL'dika genuezskogo Kryma. - SPb: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2010. 194 s.
7. La Primode E. F. Istoriya chernomorskoj torgovli v srednih vekah. CHast' 1. - Odessa: Tipografiya L. Nitche, 1850. - 157 s.
8. Volkov V. M. O sopernichestve Venecii s Genuej // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej, T. 4. - Odessa: 1858. - S. 151-236.
9. Emanov A. G. Obrazovanie gorodskoj kommuny Kafy do serediny XV veka: dis. ... d-r istor. nauk: 07.00.03. - Ekaterinburg: Ural'skiy GU, 1997. - 406 s.
10. Balard M. Genoa and the Golden Horde // Zolotoordynskaya civilizaciya. - 2017. - №10. - S. 105-112.
11. Barabanov O.N. Sudoproizvodstvo po grazhdanskim delam v genuezskih faktoriyah XIV-XV vv. // Prichernomor'e v Srednie veka. Vyp. 5. SPb.: Aletejya, 2001. S. 108-128.
12. YUrgevič V. N. Ustav dlya genuezskih kolonij v CHernom more, izdannij v Genue v 1149 godu // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. T. 5. - Odessa: Odesskoe obshchestvo istorii i drevnostej, 1863. - S. 629-631.
13. Karpov S. P. Latinskaya Romaniya. - SPb: Aletejya, 2000. - 255 s.
14. Ustav dlya genuezskih kolonij v CHernom more, izdannij v Genue v 1149 godu v poslednij den' fevralya // Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. T. 5. - Odessa: Odesskoe obshchestvo istorii i drevnostej, 1863. - S. 632-815.
15. Sm. Barabanov O. N. Sudebnoe delo Brunoro Sal'vaigo (Kaffa, 1454 g.). Opyt istoriko-yuridicheskogo issledovaniya // Prichernomor'e v srednie veka. - Moskva : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. - 1995. - №2. - S. 20-36.
16. Karpov S. P. Iz istorii srednevekovogo Kryma: vysshie officialy genuezskoj Kaffy pered sudom i navetom // Otechestvennaya istoriya. - 2001. - №1. - S. 184-187.
17. Tur V. G. YUridichnij status italijskih volodin' u Tavrici XIII-XV st // 1000 rokiv vizantijskoj torgivli (V-XV stolittya): zbirka naukovih prac'. - Kiiv: BIBLIOTEKA VITA ANTIQUA, 2012. - S. 190-202.
18. Barabanov O.N. Sud i pravo v genuezskih faktoriyah Prichernomor'ya (XIII-XV vv.): avtoref. dis. ... kand. istor. nauk: 07.00.03. - M., 1997. - 21 s.
19. Sm. Hautala R., Gulevich V. P. Pis'mo toskanskogo anonima o vzyatii Kaffy v 1475 godu iz kodeksa Q 116 SUP Ambrozianskoj biblioteki // Zolotoordynskoe obozrenie. - 2016. - №6 (4). - S. 829-854.

УДК 351.74

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ В ПЕРИОД С X ПО XIX ВВ.

Кисс С. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье проведен историко-правовой анализ становления и развития института участия общественности в правоохранительной деятельности на территории современной России в период от древнерусского государства до советского периода. Для данного периода определены характерные особенности, формы и нормативно-правовое регулирование взаимодействия общественности и правоохранительных органов. Установлено, что взаимодействие правоохранительных органов с населением способствовало обеспечению правопорядка и законности, а общественность приобщалась к правоохранительной деятельности. Определено, что во времена Киевской Руси, по поручению князя, правоохранительная функция возлагалась на княжеских наместников, дружинников, мечников, туинов, приставов, доводчиков, праветчиков и общинников. Рассмотрены механизмы участия общественности в розыске преступников, поиске имущества, сборе и анализе доказательств. Отдельно рассмотрен период реформирования и европеизации Российской империи под руководством Петра I, который ознаменован созданием регулярной полиции и частичным нормативным урегулированием вопроса взаимодействия полиции с обществом и гражданами. Отдельно охарактеризована такая форма взаимодействия граждан с правоохранительными органами, и в частности с полицией, как доносы, а также деятельность «вспомогательной полиции» (в лице старост, пятидесятских, сотских, десятских), «ночных караульчиков» и сельских общин. Проведена характеристика «Наказа чинам и служителям земской полиции» (1837) и «Временных Правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» (1862) и выделены отдельные нормы, закрепляющие полномочия и формы взаимодействия правоохранительных органов с общественностью.

Анализ становления и развития института участия общественности в правоохранительной деятельности в период от древнерусского государства до советского периода позволил сделать вывод, что взаимодействие между правоохранительными органами и общественностью в период с X по XIX вв. осуществлялось как принудительно, так и на добровольной основе и получило нормативное закрепление на законодательном уровне.

Ключевые слова: правоохранительные органы, взаимодействие, общественность, общественный порядок, Русская Правда.

Изменения в современном российском социуме, его экономической и политической сферах, закономерно влияют на процесс формирования новых взаимоотношений между государством, его институтами и гражданским обществом. Постоянное взаимодействие власти и общества – необходимое условие политической стабильности и процветания каждого государства, в том числе и Российской Федерации, поскольку проблемы ее развития невозможно решить без поддержки общества. Только совместными усилиями можно добиться успеха, в том числе и в правоохранительной деятельности, поскольку регулирование отношений в сфере обеспечения общественной безопасности осуществляется не только правовыми, но и организационными нормами, но и согласованным функционированием элементов конкретных структур и организаций, отражающих динамический характер определенных субъектов [1, с. 115].

Успех демократических преобразований в России невозможен без надлежащего правового регулирования и практического функционирования института участия общественности в правоохранительной деятельности – одного из важнейших ин-

струментов, способных реально и эффективно повлиять на уровень правонарушений и состояние обеспечения публичного порядка в государстве. Решительные меры, направленные на профилактику правонарушений и борьбу с преступностью, не приведут к кардинальному улучшению ситуации, пока усилия правоохранительных структур не получают широкой поддержки со стороны населения.

В большинстве развитых стран мира упор в полицейской деятельности делается на профилактику правонарушений именно с привлечением представителей общественности. Подобная норма закреплена и законодательством Российской Федерации. Так, в соответствии с Федеральным законом «О полиции», при осуществлении своей деятельности полиция взаимодействует не только с государственными институтами, но и с институтами гражданского общества (ст. 10), а результаты мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, а также мониторинга взаимодействия полиции с институтами гражданского общества доводятся до общественности (ст. 9) [2].

Происходящие в мире глобализационные процессы обуславливают для нашей страны необходимость улучшать взаимодействие государства и общества в процессе реализации стоящих перед ней задач. Развитие, жизнеспособность государства и общества основывается на постоянном взаимодействии и сотрудничестве отдельных его индивидов, групп, сообществ для достижения общих целей, реализации интересов самостоятельно или посредством членов общества или самого общества.

Человеческое общество построено на общении, взаимодействии и отношениях отдельных личностей. Развитие социального взаимодействия населения с правоохранительными органами, в том числе по обеспечению законности и правопорядка, связано с историей развития человечества.

Правоохранительные органы, осуществляя деятельность по обеспечению общественного порядка и борьбе с преступностью, постоянно взаимодействуют с населением, общинами, отдельными лицами, как по своей инициативе, так и по инициативе общественности. Невозможно осуществлять правоохранительную деятельность в отрыве от субъекта, ради которого она [деятельность] осуществляется. Следовательно, развитие взаимодействия в области правоохранительной деятельности неразрывно связано с развитием самой правоохранительной деятельности, развитием общества и государства.

Следует отметить, что участие общественности в охране порядка и борьбе с преступностью в России имеет давнюю историю. Еще во времена Киевской Руси (X-XIII вв.) среди полномочий князя, осуществлявшего управление государством, была и правоохранительная функция. По поручению князя правоохранительная функция также возлагалась на княжеских наместников, дружинников, мечников, туинов, приставов, доводчиков, праветчиков, а кроме них также на общинников – свободных людей из общины.

В это время действовали нормы «Русской Правды» [3], которыми были предусмотрены как мера наказания за преступления и правонарушения, так и отдельные алгоритмы поиска, установления виновных, в том числе с привлечением населения.

Например, для поиска пропавшей вещи и поиска преступника широко привлекалась общественность: использовали «заклич», представлявший собой объявление в людном месте («на торгу») о факте пропажи вещи или челядина с предоставлением характеристики и описания вещи или примет челядина. Такое объявление использо-

валось с целью розыска вещи и человека, у которого эту вещь видели. В случае, если лицо заявляло о приобретении вещи или получении другим законным способом, использовали процесс «свода» [4], а именно правило, по которому лицо должно было указать потерпевшему на лицо, у которого была приобретена эта вещь, то есть «свести» этих лиц. Лицо, которое не могло доказать законность получения вещи, признавалось виновным, вором и должно было уплатить штраф. «Если будет <свод> в одном городе, то идти истцу до конца этого свода; если будет свод по <разным> землям, то идти ему до третьего свода; а в отношении наличной <краденной> вещи, то третьему <ответчику> деньгами платить за наличную вещь, а с наличной вещью идти до конца свода, а истец пусть ждет остального <из пропавшего>, а где обнаружат последнего <по своду>, то тому платить за все и штраф князю» [3].

Также широко использовали поиск преступника по «горячим следам – «гонение следа». Когда «гонение следа» приводило к конкретному лицу, то его признавали виновным, а если к общине, то община должна была выдать преступника, указать на него или на пути его поиска. Если община отказывалась, то все ее члены считались виновными [5, с. 4].

Участие общественности в виде «гонения следу» предпринималось в случае реализации нескольких аспектов. Во-первых, действовать требовалось быстро и безотлагательно. Во-вторых, «гонение следа» было возможно лишь в случаях, когда на месте преступления правонарушитель оставлял какой-либо зримый след (любой объект, который свидетельствовал о направлении бегства правонарушителя).

Кроме указанных мер, правовая система Киевской Руси предусматривала среди доказательств показания свидетелей – «видок» и «послухов» [6, с. 34]. Правовой статус их до сих пор остается дискуссионным [6, с. 35], хотя, большинство правоведов их различает по способу получения информации и определяют, что первые были очевидцами правонарушения или другого события (свидетель-очевидец), вторые – что-то слышали о случившемся (свидетельство с чужих слов), или могли положительно охарактеризовать истца или ответчика. Разница в показаниях свидетелей также заключалась в характере сведений, которые от них требуется сообщить судебному органу: видок должен был сообщить сведения о фактах, относящихся к совершенному противоправному деянию, а послух – охарактеризовать моральный облик обвиняемого и дать сведения о его репутации и образе жизни [6, с. 37]. При этом, особенность послухов являлась их репутация – то есть, как свидетельские показания, в современной трактовке этого понятия, принималась только информация от лиц, заслуживающих доверие, в «подтверждение доброй репутации одной из сторон» [7, с. 34].

Отдельным элементом участия общественности в осуществлении правоохранительной и судебной функции в период Киевской Руси следует выделить вече (в том числе и суд вече). Сформировавшись, как источник княжеской власти в период зарождения древнерусской государственности, вече долгое время оставалось общественным институтом, стоящем рядом с ней [с княжеской властью] – как «две власти, равные между собой и действовавшие ради взаимной выгоды» [4, с. 97]. И даже при осуществлении судебной власти княжеским судом (судебная функция была важнейшей задачей княжеской администрации, а уголовной суд одним из основных источников княжеских доходов [4, с. 102]), многие правонарушения, имуществен-

ные споры, установление факта преступления, розыск преступника, обыск, продолжали оставаться прерогативой общинного суда [4, с. 112].

Коренные изменения участия общественности в осуществлении правоохранительной и судебной функции происходят в течение второй половины XVII в. – начала XVIII в. Этот период ознаменовался активным реформированием и европеизацией Российской империи под руководством Петра I. Им было проведено реформирование государственного аппарата, создана регулярная армия, а также основана «регулярная» полиция. В 1718 году вводится должность генерал-полицмейстера. На полицию возлагался ряд задач, среди которых были не только борьба с преступностью и охрана общественного порядка, а также надзор и контроль за соблюдением правил торговли, пожарной и санитарной безопасности, контроль за ценами и занятостью граждан, побуждение их к честному труду, воспитание молодежи и др. Как отмечалось в Регламенте или Уставе главного магистрата от 16 (27) января 1721 г. «...полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальной подпор человеческой безопасности и удобства» [8]. Данным документом частично урегулирован вопрос взаимодействия полиции с обществом и отдельными гражданами.

В это время, в качестве одной из форм взаимодействия отдельных граждан с правоохранительными органами, и в частности с полицией, были распространены доносы о нарушениях и преступлениях. Особое распространение они получили после создания Преображенского приказа, который преимущественно ведал охраной общественного порядка в Москве и расследовал особо важные судебные дела (дела по преступлениям против царя и государства). Так, Именной указ «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело» обязывал всех лиц, независимо от их статуса, которые «учнут за собой сказывать Государево слово или дело» направлять, не спрашивая, к Преображенскому приказу [9]. Доносы получили чрезвычайное распространение из-за того, что, с одной стороны, за сокрытие информации о преступлениях против царя или государства применялась смертная казнь, а с другой – они поощрялись возможностью получить значительное вознаграждение за поданную информацию, но доносчик должен был быть готовым к тому, что правдивость поданной информации будет проверена, даже через применение пыток к нему самому.

Кроме доносов, в это время также широко использовался повальный обыск, когда обыскивали всех жителей определенной территории («околотка»), их дома и другие помещения, и в процессе проводили опрос «всех имеющихся при обыске лиц» [10]. Вышеупомянутое свидетельствует, что взаимодействие общественности с правоохранительными органами в большей степени происходило под властным принуждением.

После назначения на должность генерал-полицмейстера, графом А. М. Девиером издается указ (от 18 июля 1718 года), определяющий требования ко всем жителям подавать в полицейскую канцелярию сведения о лицах, которые у них останавливались или были приняты на службу, в том числе о наличии у них документов [11, с. 99]. В случае несообщения данных сведений, применялись взыскания вплоть до казни и смертной казни [12, с. 42].

Изначально в полиции существовал значительный некомплект кадров, поэтому в этот период (начало XVIII в.) к выполнению полицейских функций и содействию

полицейской полиции широко привлекались горожане. Так, в ряды «вспомогательной полиции» привлекались старосты, пятидесятские, сотские, десятские, дежурили «ночные караульщики» из местных жителей. В свою очередь горожане, привлекаемые на помощь полиции на безвозмездной основе, весьма неохотно, и, зачастую, недобросовестно выполняли возложенные на них обязанности [12, с. 42].

За пределами городской территории активное участие в содействии обеспечению общественного порядка и законности принимали сельские общины во главе с сельскими старостами. Высшим органом выступал сельский сход, решения которого были обязательны для всех жителей. Во исполнение требований и приказов волостного старшины по обеспечению правопорядка и выполнению требований полицейских органов, сельский староста проводил задержание бродяг, военных дезертиров, а в случае выявления преступления, осуществлял предварительное дознание и задерживал виновных.

Кроме того, сельскому старосте предоставлялось право за малозначительные провинности («маловажные проступки») подвергать виновных наказанию: назначать общественные работы сроком до двух дней, налагать штраф до одного рубля или арестовывать на срок до двух дней [13].

Волостной старшина был председателем крестьянского самоуправления в волости (в этой период – мелкая административно-территориальная единица, составная часть уезда, через которую осуществляли управление государственными и удельными крестьянами).

На волостного старшину возлагался ряд полицейских функций, среди которых: оглашение приказов земской полиции, распоряжений правительства, обеспечение охраны спокойствия в общественных местах и безопасности жителей и имущества от преступных посягательств (в том числе, принятие первичных мер по восстановлению правопорядка до приезда уездной полиции), задержание бродяг, беглецов и дезертиров, контроль за неукоснительным соблюдением правил о приписке и освобождении крестьян, профилактика преступности и др. [14, с. 75].

Как правило, сельский староста и волостной старшина осуществляли свою деятельность и выполняли возложенные обязанности на выборных и добровольных началах, то есть большей частью на безвозмездной основе.

С подписанием Александром I в сентябре 1802 г. Манифеста «Об учреждении министерств» [15] происходит реорганизация центральных органов управления, в соответствии с которой была создана система из 8 министерств с четкой регламентацией их полномочий. В результате реорганизации в Министерстве внутренних дел были сосредоточены все функции внутреннего управления. Министерство внутренних дел осуществляло управление деятельностью губернаторов, которым подчинялась полиция на местах, осуществляло административный надзор, заведовало почтой, надзидало за торговлей и путями сообщения. Впервые был создан единый орган управления, объединивший полицию в общегосударственном масштабе, что стало одним из важнейших этапов развития полицейской службы [16, с. 59].

В 1837 г. издано «Положение о земской полиции» и «Наказ чинам и служителям земской полиции» [17]. Наказ представлял собой инструкцию не только с подробным изложением прав и обязанностей для чиновников уездной полиции, но и детально регламентировал все стороны общественной жизни [18, с. 86]. Немаловажная роль в данный период реализации общественностью правоохранительной и судеб-

ной функции отводилась становым приставам. В перечень их обязанностей входили: контроль за «охранением прав Церкви православной и свободы других, терпимых в государстве вероисповеданий» (§ 7), «охранением повсюду общественного спокойствия» (§ 8), выявление тайных и незаконных сообществ (§ 9), розыск и выявление мест, где «скрываются или имеют пристань появившиеся разбойники или воры» (с использованием данных, полученных от «достойных доверия обывателей») (§ 10), выявление во вверенном ему стане дезертиров, беглых, бродяг и «других беспаспортных» (§ 11, § 13), профилактика правонарушений (§ 17) и др.. Обо всех выявленных фактах правонарушений Становые приставы докладывали в Земский Суд [17].

В 1862 г. принимаются «Временные Правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых». Ими объединяются уездная полиция с городской полицией, за исключением губернских и более значимых городов. Самой маленькой структурной единицей полиции в городе был околоток, за которым закреплялось два надзирателя. К их функциям относились: представительство полиции среди местного населения, надзор за соблюдением общественного порядка, профилактика правонарушений, проведение дознания и оперативно-розыскных действий по уголовным делам. Они самостоятельно могли задержать правонарушителей, которых застали во время совершения преступления, лиц без документов, беглецов, нарушителей, чьи действия имели подтверждение свидетелей или потерпевших. Но процессуальные действия, такие как обыски, осмотры могли быть проведены лишь с разрешения участкового пристава. Следует заметить, что их обязанности разделялись: за одним закреплялось внешнее направление службы, за другим – внутреннее, тайное. Надзиратель, занимавшийся негласным надзором, должен был владеть информацией обо всех жителях околотка, образе их жизни, контролировать смену их места жительства, для чего они постоянно контактировали с дворниками, швейцарами, хозяевами магазинов, гостиниц, арендодателями жилых помещений, извозчиками и другими лицами [5]. Указанное позволяет сделать вывод о наличии в этот период постоянного и тесного взаимодействия полицейских с местным населением.

При этом, доносы, как форма работы с населением, не утрачивают своей актуальности. Интересным представляется факт, что, к примеру, на оплату тайных осведомителей в бюджете Московской сыскальной полиции выделялись отдельные средства [19, с. 74].

В 1879-1880 годах снова усиливается революционная активность, растет количество покушений на императора и высших чиновников, на что правительство применяет репрессии, высылает из городов студентов. И в 1879 г. вводятся должности временных военных генерал-губернаторов в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Одессе, которым подчинялись войска, жандармские органы, полиция и гражданская администрация. Но такие меры не помогли уменьшить обострение ситуации в государстве. В качестве чрезвычайного органа создается Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, во главе с графом М.Т. Лорис-Меликовым. Ей подчинялись: III отделение и корпус жандармерии, Министерство внутренних дел, генерал-губернаторы, военное ведомство. М.Т. Лорис-Меликов понимал, что нельзя продолжать такую внутреннюю политику, поскольку в дальнейшем она не приведет к

стабильности. Он остановил высылку студентов, которая вызвала наибольшее недовольство молодежи и их родителей и возобновил занятия в высших учебных заведениях. Весомым и неожиданным шагом с его стороны стало «обращение» к населению, в котором он дал понять о возможности принятия конституции, проект которой был разработан и даже утвержден. Примененные графом меры принесли быстрые и весомые результаты, стабилизировав состояние в стране настолько, что он предложил императору распустить высшую распорядительную комиссию. Это был своего рода прорыв в отношениях «правоохранительные органы – население», поскольку до этого момента отношения, как правило, строились по принципу подчинения и выполнения властных велений, но руководство Верховной распорядительной комиссии хотя и не пошло на диалог с общественностью, но прислушалось и обратилось к ней, отметив заинтересованность в решении проблем новыми путями.

В конце XIX в. происходит промышленный переворот, начинается рост и быстрое развитие промышленности, что приводит к изменениям социальной структуры общества, резко увеличивается количество городского населения, развивается рабочий класс. Поэтому в 1899 г. создается подразделения фабрично-заводской полиции «для усиления полицейского надзора за населением фабрик, фабрик ... учит 160 должностей полицейских надзирателей» [20].

В начале XX в. проводится частичная реорганизация сельской полиции: вместо выборных сотских, которые часто были ненадежными и сами участвовали в крестьянских бунтах и выступлениях, были введены штатные должности сельских стражников, что означало расширение аппарата полиции самого низкого звена.

Анализируя взаимодействие общественности с правоохранительными органами в период с X по XIX вв., можно прийти к следующим выводам:

1. Взаимодействие между правоохранительными органами и общественностью в период с X по XIX вв. получило нормативное закрепление на законодательном уровне.

2. Взаимодействие общественности с правоохранительными органами осуществлялось как принудительно, так и на добровольной основе.

3. Всю систему взаимодействия общественности с правоохранительными органами можно классифицировать по различным основаниям. Так, по времени проведения можно выделить постоянное, временное и ситуативное взаимодействие. По инициативе, можно выделить взаимодействие со стороны общественности и со стороны правоохранительных органов.

4. Представители общественности в части реализации правоохранительных функций от лица государства наделялись соответствующими полномочиями.

Подводя итог необходимо отметить, что в развитии как правоохранительных органов, так и их взаимодействия с населением пройден длительный путь от родового строя Киевской Руси до отдельного органа, наделенного властными полномочиями, органа, имевшего свою систему, строение и обособленные функции, широкий штат сотрудников. Социальное взаимодействие между правоохранительными органами и населением также постепенно эволюционировало. На начало XX в. изменились времена и требования, которым полиция больше не отвечала. В соответствии с потребностями нового времени и новой формы государственного правления, начали образовываться новые формы взаимодействия общественности в правоохранительной деятельности.

Список литературы:

1. Литвинова Ю.И. Государственно-правовое обеспечение общественной безопасности: содержание, система и принципы / Ю. И. Литвинова, С. В. Кисс // Юрист-Правоведь. 2022. № 4(103). С. 115-118.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в действующей редакции). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://internet.garant.ru/#/document/12182530/> (дата обращения: 15.06.2023).
3. Русская правда (пространная редакция): Перевод // Древнерусская литература. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 15.06.2023)
4. Амплеева Т.Ю. По закону русскому. История уголовного судопроизводства Древней Руси / М.: Издательство «МИИТ», 2005. 228 с.
5. Демин В. А., Иванов В. Е., Лучинин А. В., Ляушин В. П. Очерки истории органов внутренних дел Российского государства. Екатеринбург : Издательство Уральского юридического института МВД России, 2001. 48 с.
6. Лавицкая М.И., Ефремова О.В. Свидетель в Древней Руси // История: факты и символы. 2020. № 4 (25). С. 32-39.
7. Родевич Л. И. Видок, послух, свидетель: эволюция теоретико-правовых взглядов // Вестник БелЮИ МВД России. 2006. № 1. С. 32-35.
8. Регламент или Устав Главного Магистрата. 1721 Января 16 // Перепечатано из П. С. 3., т. VI, № 3708, стр. 291-305. // Российское историческое общество: Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/332686> (дата обращения: 15.06.2023)
9. Именной указ «Об отсылке в Преображенский приказ всяких людей, сказывающих слово и дело». 25 сентября 1702 г. // Российское историческое общество: Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335305> (дата обращения: 15.06.2023)
10. 1677 августа 10. Грамота Деделовскому воеводе Федору Коробкину, об учинении повального обыска касательно доменных мест, числящихся в оброчном содержании у крестьян князя Ивана Голицына // Российское историческое общество: Электронная библиотека исторических документов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/346802> (дата обращения: 15.06.2023)
11. Ерошкин Н.П. Истрия государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с.
12. Рыбников В. В., Алексушин Г. В. История правоохранных органов отечества: учебное пособие. Москва : Щит-М, 2008. 296 с.
13. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Об устройстве общественного управления сельских обществ и волостей. 1861 г. // Крестьянская реформа в России 1861 года. Сборник законодательных актов. М., 1954. С. 47-50, 54-56, 58, 60, 61.
14. Российское законодательство X-XX веков : в 9 т. / под общей редакцией О. И. Чистякова. Москва : Юридическая литература, 1989. Т. 7. 431 с.
15. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649- 1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Изд-во Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 27, закон № 20.406. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://nlr.ru/eres/law_r/content.html (дата обращения: 15.06.2023).
16. Луппо С. В. Организационно-правовые основы деятельности полиции России в 1718-1917 годах / С. В. Луппо // Мир юридической науки. 2011. № 2. С. 54-64.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 1825- 1881 гг. СПб.: Изд-во Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 12, закон № 10306 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://nlr.ru/eres/law_r/content.html (дата обращения: 15.06.2023).
18. Сидоркин Ю.В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи: историко-правовое исследование: дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2020. 208 с.
19. Рассказов Л. П. Негативные и позитивные аспекты в деятельности Московского уголовного сыска (188-1917 гг.) / Л. П. Рассказов, В. Л. Рассказов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 73-81.
20. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. 1881- 1913 гг. СПб.: Изд-во Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1902. Т. 19, закон № 16439 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://nlr.ru/eres/law_r/content.html (дата обращения: 15.06.2023).

Kiss V.V. Interaction of the public with law enforcement authorities in the period from X to XIX centuries // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 3. – P. 77–86.

The article provides a historical and legal analysis of the formation and development of the institution of public participation in law enforcement activities on the territory of modern Russia in the period from the ancient Russian state to the Soviet period. For this period, the characteristic features, forms and legal regulation of interaction between the public and law enforcement agencies are determined. It was established that the interaction of law enforcement agencies with the population contributed to the provision of law and order and the rule of law, and the public was involved in law enforcement activities. It is determined that in the times of Kievan Rus, on behalf of the prince, the law enforcement function was assigned to princely governors, combatants, swordsmen, tuins, bailiffs, closers, lawyers and community members. The mechanisms of public participation in the search for criminals, the search for property, the collection and analysis of evidence are considered. Separately, the period of reform and Europeanization of the Russian Empire under the leadership of Peter I, which was marked by the creation of a regular police and a partial regulatory settlement of the issue of interaction between the police and society and citizens, is considered. Separately, this form of interaction between citizens and law enforcement agencies, and in particular with the police, is characterized as denunciations, as well as the activities of the "auxiliary police" (in the person of elders, fifties, sots, ten), "night guards" and rural communities. The characteristics of the "Mandate to the ranks and servants of the Zemstvo police" (1837) and the "Temporary Rules on the organization of the police in cities and counties of provinces, on the general institution of the governed" (1862) are carried out and separate norms are singled out that fix the powers and forms of interaction between law enforcement agencies and the public. An analysis of the formation and development of the institution of public participation in law enforcement in the period from the ancient Russian state to the Soviet period led to the conclusion that the interaction between law enforcement agencies and the public in the period from the 10th to the 19th centuries. was carried out both compulsorily and on a voluntary basis and received normative consolidation at the legislative level.

Keywords: law enforcement agencies, interaction, public, public order, Russkaya Pravda.

Spisok literatury:

1. Litvinova YU.I. Gosudarstvenno-pravovoe obespechenie obshchestvennoj bezopasnosti: sodержanie, sistema i principy / YU. I. Litvinova, S. V. Kiss // YUrist"-Pravoved". 2022. № 4(103). S. 115-118.
2. policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (v dejstvuyushchej redakcii). // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://internet.garant.ru/#/document/12182530/> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
3. Russkaya pravda (prostrannaya redakciya): Perevod // Drevnerusskaya literatura. // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (data obrashcheniya: 15.06.2023)
4. Ampleeva T.YU. Po zakonu russkomu. Istoriya ugovolnogo sudoproizvodstva Drevnej Rusi / M.: Izdatel'stvo «MIIT», 2005. 228 s.
5. Demin V.A., Ivanov V.E., Luchinin A.V., Lyaushin V.P. Ocherki istorii organov vnutrennih del Rossijskogo gosudarstva. Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2001. 48 s.
6. Lavickaya M.I., Efremova O.V. Svidetel' v Drevnej Rusi // Istoriya: fakty i simvoly. 2020. № 4 (25). S. 32-39.
7. Rodevich L. I. Vidok, posluh, svidetel': evolyuciya teoretiko-pravovyh vzglyadov // Vestnik BelYUI MVD Rossii. 2006. № 1. S. 32-35.
8. Reglament ili Ustav Glavnogo Magistrata. 1721 YAnvarya 16 // Perepechatano iz P. S. 3., t. VI, № 3708, str. 291-305. // Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo: Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/332686> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
9. Imennoj ukaz «Ob otsylke v Preobrazhenskij prikaz vsyakh lyudej, skazyvayushchih slovo i delo». 25 sentyabrya 1702 g. // Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo: Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/335305> (data obrashcheniya: 15.06.2023).
10. 1677 avgusta 10. Gramota Dedilovskomu vovode Fedoru Korobkinu, ob uchinenii poval'nogo obyaska kasatel'no domennyh mest, chislyashchihsya v obrochnom sodержanii u krest'yan knyazya Ivana Golicyna // Rossijskoe istoricheskoe obshchestvo: Elektronnaya biblioteka istoricheskikh dokumentov [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/346802> (data obrashcheniya: 15.06.2023)
11. Eroshkin N.P. Istriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii. M.: Vysshaya shkola, 1968. 368 s.
12. Rybnikov V. V., Aleksushin G. V. Istoriya pravoohranitel'nyh organov otechestva: uchebnoe posobie. Moskva : SHCHit-M, 2008. 296 s.
13. Obshchee polozhenie o krest'yanah, vyshedshih iz krepostnoj zavisimosti. Ob ustrojstve obshchestvennogo upravleniya sel'skih obshchestv i volostej. 1861 g. // Krest'yanskaya reforma v Rossii 1861 goda. Sbornik zakonodatel'nyh aktov. M., 1954. S. 47-50, 54-56, 58, 60, 61.

14. Rossijskoe zakonodatel'stvo H-HKH vekov : v 9 t. / pod obshchej redakciej O. I. CHistyakova. Moskva : YUridicheskaya literatura, 1989. T. 7. 431 s.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. 1649- 1825 gg. / pod red. M. M. Speranskogo. SPb.: Izd-vo Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. T. 27, zakon № 20.406. // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 15.06.2023).
16. Lупpo S. V. Organizacionno-pravovye osnovy deyatel'nosti policii Rossii v 1718-1917 godah / S. V. Lупpo // Mir yuridicheskoy nauki. 2011. № 2. S. 54-64.
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Vtoroe. 1825- 1881 gg. SPb.: Izd-vo Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830. T. 12, zakon № 10306 // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 15.06.2023).
18. Sidorkin YU.V. Policejskij nadzor za blagochiniem v Rossijskoj imperii: istoriko-pravovoe issledovanie: diss ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / FGKOU VO «Nizhegorodskaya akademiya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii», 2020. 208 s.
19. Rasskazov L. P. Negativnye i pozitivnye aspekty v deyatel'nosti Moskovskogo ugolovnogogo syska (188-1917 gg.) / L. P. Rasskazov, V. L. Rasskazov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2018. T. 4 (70). № 2. S. 73-81.
20. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. 1881- 1913 gg. SPb.: Izd-vo Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1902. T. 19, zakon № 16439 // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://nlr.ru/eres/law_r/content.html (data obrashcheniya: 15.06.2023).

УДК 347

ВЛИЯНИЕ ТИТУЛА 5 ОБЩЕГЕРМАНСКОГО ТОРГОВОГО УЛОЖЕНИЯ 1861 Г. НА РАЗВИТИЕ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПЕРЕВОЗКУ ГРУЗА

Клименко Е. П.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье раскрываются проблемы причин разработки, принятия, применения Общегерманского торгового уложения 1861 г. вообще, и его Титула 5, посвященному вопросам морской торговли, в частности. Основное внимание уделено влиянию норм Титула 5 на регулирование вопросов погрузочно-разгрузочных операций. Указано, что за счет широкого распространения норм Уложения в странах Европы, Южной Америки и Азии, удалось существенно упорядочить многие торговые взаимоотношения, значительно уменьшить роль торговых обычаев, предвосхитить создание в Российской империи в 1890-х гг. государственных портовых администраций, установить единые подходы к проведению отдельных портовых операций, определить и тем самым защитить интересы судовладельцев и собственников перевозимых грузов.

Ключевые слова: Общегерманское торговое уложение 1861 г., перевозка груза, погрузочно-разгрузочные операции, торговые порты, технический прогресс, паровые суда, влияние.

Девятнадцатый век стал периодом бурного прогресса развития техники и общественных отношений. Два этих процесса были взаимосвязаны и дополняя друг друга приводили к ускорению эволюции социально-экономических и правовых отношений.

Появившиеся в первой половине XIX в. паровые суда и железные дороги не только существенно ускорили процесс перевозки грузов и товаров, но и оказывали существенное влияние на эволюцию правовых отношений в отрасли перевозок.

Первым заметным фактором в данном направлении стало то, что паровые торговые суда имели существенно меньшее количество членов экипажа, в отличие от парусных. Данный факт, кроме таких очевидных преимуществ как ускорение доставки и ее удешевление привел к тому, что погрузочно-разгрузочные операции в торговых портах, ранее практиковавшиеся в основном силами судовой команды теперь стали ей не под силу.

Быстро растущий тоннаж торговых судов все чаще требовал прорыва подходящих каналов, строительства специальных причалов, развития портовой и припортовой инфраструктуры.

Роль портовых грузчиков, а вместе с ними портовой администрации, которая состояла не только из собственно управленческого персонала порта, но и сотрудников таможенного, пограничного и карантинного контроля существенно возросла. Однако, необходимы были кардинальные изменения в отечественном и зарубежном праве для преодоления множества негативных тенденций, вызванных недостаточным вниманием высших государственных органов и лиц к данным проблемам.

Длительное игнорирование данных процессов было невозможно, т.к. правовой вакуум или же несогласованность основных и многочисленных мелких правил, устаревшее законодательство, порождало массу судебных и внесудебных споров, нестыковок, подрывало деловую активность, делало многие порты непривлекательными, способствовало коррупции и контрабанде. В результате страдали все стороны

указанных взаимоотношений – собственники перевозимых грузов, перевозчики, заказчики, иные лица участвующие в товарообороте, государство, городские общины и муниципалитеты портовых городов и т.д.

Безусловно, что в Российской империи к середине XIX в. организация деятельности торговых портов находилась на довольно низком уровне. К портам, имевшим относительно разветвленную управленческую сеть можно отнести лишь порт Санкт-Петербурга [1].

При этом, какие-либо производственные отношения в торговых портах практически не регулировались отечественным законодательством [2], а производились согласно торговым обычаям или же законам (правилам) соседних стран [3]. Одной из причин такого явления было превалирование судов иностранного флага в портах России.

Одной таких стран, влияние которой с середины XIX в. постоянно возрастало в Европе являлась все еще раздробленная на множество мелких государств, с нарастающей борьбой за общее влияние на них Пруссии и Австрии, Германия.

Опоздав к основному разделу колоний, Германия имела богатые правовые традиции, в том числе, благодаря наличию значительных торговых портов и многовекового опыта в области морской торговли. Испытывая острую необходимость в объединении политическом, она начала этот процесс в экономике и праве.

Признанным прорывом в данном направлении стала разработка и принятие в 1861 г. Общегерманского торгового уложения 1861 г.

Современные немецкие ученые считают, что оно «определило во второй половине XIX в. порядок ведения бизнеса в Центральной Европе, взяв на себя в значительной степени функцию общего обязательственного права. В качестве «Единообразного закона» он обеспечил куплю-продажу товаров всеобъемлющим сводом правил, ставшим основой для дальнейшего развития в XX в.» [4, s. 295-300].

В предисловии к своей книге, посвященной данной проблеме, известный ученый и публицист Ральф Хеманн указывает, что базовыми источниками данного нормативного акта являлись муниципальные правила Франкфурта-на-Майне, начиная с 1666 г. Также он упоминает влияние немецких кодификаций, французского и испанского законодательства 19 в. и т.д. [5].

Роль данной кодификации, которая в результате распространилась не только на всю Германию, но и Австрию и многие страны Европы, в том числе появившиеся по результатам 1-й Мировой войны, признают в своих трудах как отечественные ученые, в том числе в диссертационных исследованиях [6; 7], так и зарубежные [8-12].

Пятый титул Кодекса посвящен проблеме перевозки грузов. В нем регулируются такие вопросы как содержание договора перевозки груза (ст. 557), а также некоторые нормы обычного права (торгового обычая), касающиеся вопросов раздельной погрузки, запрет на использование под груз каюты капитана, согласие грузоотправителя на погрузку, наличие чартера, ответственность перевозчика (ст. 557-560).

Еще раз оговоримся – указанные нормы, в том или ином виде были известны практически во всех странах Европы, а в большинстве из них, в том числе и в России, закреплены в соответствующих нормативных актах.

Новшеством, для российского торгового права, стало наличие в ст. 561 императивной нормы, которая устанавливала обязанность судоводителя установить судно

в место, указанное грузоотправителем, или, в случае, когда «судно загружено несколькими грузоотправителями, всеми фрахтователями».

Такое содержание позволяло избежать излишних споров и конфликтов между судоводителем и получателями грузов. Более того, вторая часть данной статьи, предусматривала случаи, когда шкиперу позволялось пришвартоваться «в обычном месте выгрузки груза» [13, с. 520].

Данная норма важна потому, что: а) определяла порядок действия между получателями грузов и шкипером; б) избавляла шкипера от излишних расходов при перешвартовке и обычную потерю в таких случаях времени, а грузополучателей от демереджа.

Статья 562, в качестве нормы (т.е. если иное не предусмотрено договором или правилами порта, обычаем) устанавливала бесплатную доставку грузоотправителя на судно. Т.е. вся организация на борт судна ложилась исключительно на отправителя, как наиболее заинтересованное лицо в скорейшей погрузке своего груза.

Статья 563, в отношении случаев, когда возможна замена ранее заявленного груза, с одной стороны, защищала права перевозчика, но с другой позволяла и грузоотправителю, в изменившейся ситуации произвести перевозку.

Особо, в ст. 564 установлена ответственность грузоотправителя или разгрузчика в различных случаях (запрещенные к ввозу товары, некачественная упаковка и т.п.), возлагая на них основную вину за нарушение полицейских, налоговых и таможенных норм права, в том числе в отношении к перевозчику, иными заинтересованными лицами – фрахтователем, разгрузчиком и получателем груза, пассажиром, экипажем судна и кредитором судна, чье требование возникло из кредитной сделки (ст. 497., см. также абзац 1 ст. 479).

Закон охранял права собственников груза при выгрузке (см. ст. 567 и ст. 569), а также весьма четко, не оставляя возможностей иного толкования, устанавливал нормы, регулирующие вопросы начала демереджа и его исчисление (ст. 568).

Более того, в статьях 569-571 определена иерархичность норм, регулирующих продолжительность погрузки (договор – локальные правила порта выгрузки – местные обычаи) и его исчисление, а также установлена продолжительность демереджа, его исчисление при отсутствии фиксации такой нормы в договоре и иные действия заинтересованных сторон.

Таким образом, нормы Общегерманского торгового уложения 1861 г., вобрав в себя предыдущие наиболее прогрессивные наработки (нормы Кодекса Наполеона 1807 г, Вексельный устав 1847 г., проект Прусского торгового кодекса 1857 г., стал важным шагом на пути выработки и распространения единых или близких по своей сути норм в Европе, оказал существенное влияние на развитие торгового права Южной Америки, Турции, России, в том числе в области регулирования важнейших вопросов, связанных с торговым мореплаванием.

Список литературы:

1. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX вв. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. -512 с.
2. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Первого составленный, издания 1857 года. Томь одиннадцатый. Часть II. Уставы кредитный, торговый, о промышленности фабричной и заводской, и устав ремесленный. – Санктпетербургъ. В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. – 1857. – 1239 с.

3. Русские биржи. Вып. 4: Свод торговых обычаев и правил русских бирж / Невзоров А.С., и. д. э.-орд. проф. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. – 588 с.
4. Stephan WAGNER, Halle a.d. Saale. Mitteleuropäisches Zivilrecht. Studien und Beiträge zum ADHGB. Central European Civil Law. Studies on the General German Commercial Code (ADHGB) // BRGÖ 2020 Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs. – S. 295-300. – URL: 0xc1aa5576 0x003c752b.pdf (austriaca.at)
5. Heimann, Ralf. Die Entwicklung der handelsrechtlichen Veröffentlichung vom ALR bis zum ADHGB. Schriften zur Rechtsgeschichte (RG), Band 138. 2008. 307 S. – Dunckert & Humbolt. Berlin.
6. Лысенко Ольга Леонидовна. История кодификации торгового права Германии в XIX веке. – (специальность 12.00.01. к.ю.н.). ариф. М., 1997.
7. Антропов Роман Владимирович. Кодификация права Германии (конец XVIII – XIX вв.). ариф. кю.н. 12.00.01. – Екатеринбург, 2006.
8. KERİM ATAMER. Gemi Adamları'na İlişkin Türk Ticaret Kanunu Hükümlerinin Kaynakları ve Görevli Mahkeme Sorunu – 2. Bölüm Sources of the Provisions of the Turkish Commercial Code Regarding the "Captain and Crew" and Problems of Jurisdiction – Part 2 - Yıl 2013, Cilt: 8 Sayı: Özel, 0 - 486, 01.06.2013. – URL: Microsoft Word - 12- Kerim ATAMER+.doc (dergipark.org.tr)
9. Daniel Spindler. Zeitwertbilanzierung nach dem ADHGB von 1861 und nach den IAS/IFRS - eine empirische Analyse aus Kapitalgebersicht. - Verlag Wissenschaft & Praxis. – URL: 47852658X.pdf (gbv.de)
10. Gero Fuchs. Die politische Bedeutung des Allgemeinen Deutschen Handelsgesetzbuchs im 19. Jahrhundert // BRJ 01/2013. С. 13-19. – URL: BRJ_1.2013...indd (bonner-rechtjournal.de)
11. Andreas M. Fleckner. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. – URL: Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch – HWB-EuP 2009 (mpipriv.de); Das ADHGB von 1861 als gemeinsames Obligationenrecht in Mitteleuropa. Herausgegeben von Martin Löhnig und Stephan Wagner. – URL: Das ADHGB von 1861 als gemeinsames Obligationenrecht in Mitteleuropa (mohrsiebeck.com).
12. Marek, David. Austrian general lawbook of commercial law. – URL: DSpace at University of West Bohemia: Všeobecný obchodní zákoník rakouský (zcu.cz).
13. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Fünftes Buch. S. 520. – URL: Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Fünftes Buch – Wikisource

Klimenko E. P. The influence of title 5 of the german commercial code of 1861 on the development of the rules governing the carriage of goods, on the development of norms regulating the carriage of goods // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 87–91.

The article reveals the problems of the reasons for the development, adoption, application of the General German Commercial Code of 1861 in general, and its Title 5, devoted to the issues of maritime trade, in particular. The main attention is paid to the influence of the norms of Title 5 on the regulation of loading and unloading operations. It is pointed out that due to the wide spread of the norms of the Statute in the countries of Europe, South America and Asia, it was possible to significantly streamline many trade relations, significantly reduce the role of trade customs, anticipate the creation in the Russian Empire in the 1890s of state port administrations, to establish common approaches to the conduct of certain port operations, to determine and thereby protect the interests of shipowners and owners of transported cargoes.

Keywords: General German Commercial Code of 1861, cargo carriage, loading and.

Spisok literatury:

1. Zmerzlyj B. V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v konce XVIII – nachale HKH vv. / B. V. Zmerzlyj. – Simferopol': CHP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
2. Svod zakonov Rossijskoj imperii, povelieniem Gosudarya Imperatora Nikolaya Pervogo sostavlennyy, izdaniya 1857 goda. Tom " odinadcatyj. CHast' II. Ustavy kreditnyj, torgovyj, o promyshlennosti fabrichnoj i zavodskoj, i ustav remeslennyj. – Sanktpeterburg". V Tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii. – 1857. – 1239 s.
3. Russkie birzhi. Vyp. 4: Svod torgovyh obyчаev i pravil russkih birzh / Nevzorov A.S., i. d. e.-ord. prof. – YUr'ev: Tip. K. Mattisena, 1900. – 588 s.
4. Stephan WAGNER, Halle a.d. Saale. Mitteleuropäisches Zivilrecht. Studien und Beiträge zum ADHGB. Central European Civil Law. Studies on the General German Commercial Code (ADHGB) // BRGÖ 2020 Beiträge zur Rechtsgeschichte Österreichs. – S. 295-300. – URL: 0xc1aa5576 0x003c752b.pdf (austriaca.at)
5. Heimann, Ralf. Die Entwicklung der handelsrechtlichen Veröffentlichung vom ALR bis zum ADHGB. Schriften zur Rechtsgeschichte (RG), Band 138. 2008. 307 S. – Dunckert & Humbolt. Berlin.
6. Lysenko Ol'ga Leonidovna. Istoriya kodifikacii torgovogo prava Germanii v XIXveke. – (special'nost' 12.00.01. k.yu.n.). aref. M., 1997.
7. Antropov Roman Vladimirovich. Kodifikaciya prava Germanii (konec XVIII – XIX vv.). aref. kyu.n. 12.00.01. – Ekaterinburg, 2006.
8. KERİM ATAMER. Gemi Adamları'na İlişkin Türk Ticaret Kanunu Hükümlerinin Kaynakları ve Görevli Mahkeme Sorunu – 2. Bölüm Sources of the Provisions of the Turkish Commercial Code Regarding the "Cap-

- tain and Crew" and Problems of Jurisdiction – Part 2 - Yıl 2013, Cilt: 8 Sayı: Özel, 0 - 486, 01.06.2013. – URL: Microsoft Word - 12- Kerim ATAMER+.doc (dergipark.org.tr).
9. Daniel Spindler. Zeitwertbilanzierung nach dem ADHGB von 1861 und nach den IAS/IFRS - eine empirische Analyse aus Kapitalgebersicht. - Verlag Wissenschaft & Praxis. – URL: 47852658X.pdf (gbv.de).
10. Gero Fuchs. Die politische Bedeutung des Allgemeinen Deutschen Handelsgesetzbuchs im 19. Jahrhundert // BRJ 01/2013. S. 13-19. – URL: BRJ_1.2013...indd (bonner-rechtsjournal.de).
11. Andreas M. Fleckner. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. – URL: Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch – HWB-EuP 2009 (mpipriv.de); Das ADHGB von 1861 als gemeinsames Obligationenrecht in Mitteleuropa. Herausgegeben von Martin Löhnig und Stephan Wagner. – URL: Das ADHGB von 1861 als gemeinsames Obligationenrecht in Mitteleuropa (mohrsiebeck.com).
12. Marek, David. Austrian general lawbook of commercial law. – URL: DSpace at University of West Bohemia: Všeobecný obchodní zákoník rakouský (zcu.cz).
13. Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Fünftes Buch. S. 520. – URL: Allgemeines Deutsches Handelsgesetzbuch. Fünftes Buch – Wikisource
- .

УДК 656.61

ЧАРТЕР КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ЕГО РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СССР

Кошкин А. С.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье сравниваются чартер и фрахтование, которые связаны с коммерческим использованием судов, и показывает, как советское право формировало их правовое регулирование. Автор анализирует роль советской морской торговли и чартера в контексте глобальных экономических и политических изменений во второй половине XX века. Рассматривается, как СССР пытался сбалансировать свои интересы и вызовы на международном рынке, используя свой собственный флот и организацию. Также обсуждаются проблемы и ограничения советской системы, такие как отсутствие внутренней конкуренции, низкая эффективность и социальные обязательства. В статье исследуется взаимодействие социалистических стран в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) в области фрахтования. Показывается, как было создано и функционировало Бюро координации фрахтования судов (БКФС) как постоянный орган, облегчающий сотрудничество и координацию планов и операций морского транспорта стран-членов СЭВ. Также анализируются специфические особенности и проблемы социалистической системы фрахтования, такие как взаимопомощь, стандартизация и адаптация к рыночным условиям.

Ключевые слова: чартер, фрахтование, советское право, правовое регулирование, советская морская торговля, глобальные экономические и политические изменения.

Необходимость рассмотрения экономической сущности чартера, равно как и организации фрахтования вызваны к жизни тем обстоятельством, что в период с 1949 по 1991 годы идеологическим правилом было следование марксизму-ленинизму, которое на первый план выдвигало развитие экономических отношений на макроуровне (способ производства) на первый план как основного двигателя социального прогресса. В соответствии с этим же подходом право носило классовую сущность, а потому было продолжением политики государства и отражало диктат одного класса над другим. Соответственно, право носило чисто инструментальный, нормативистский характер. Это привело к доминированию гипернормативистского подхода. Кроме того, право было мерой обеспечения необходимости, а потому, даже ушедший в прошлое к 1949 г. такой источник права как «революционное правосознание», оставил свой отпечаток на всей системе советского права.

Таким образом, мы должны понимать, что несмотря на одинаковый характер с точки зрения экономики, чартер и фрахтование это два разных понятия. Чартер отражает в первую очередь юридический договор, который служит формой фиксации взаимоотношений сторон при фрахтовании. Фрахтование – это совокупность действий экономических контрагентов, направленная на обеспечение эксплуатации судов в коммерческих целях. Стоит отметить, что конструкция чартера, в особенности тайм-чартера, не обязательно предполагает перед собой получение прибыли, таким образом и фрахтование тоже может быть для некоммерческой деятельности, но тогда эта деятельность теряет свой изначальный смысл и не является основным назначением чартера. Поэтому положения, регулировавшие чартер, исторически исходили из коммерческой направленности деятельности субъектов договора.

Внимание экономической сущности фрахтования было уделено рядом авторов, к примеру, Сергеевым Ю.Н. [1], Егоровым К.Ф. [2], Маковским А.Л. [3], Крамаровым

А.М. [4]. Общей чертой большинства из них является редуционистский подход марксизма-ленинизма, который рассматривал деятельность капиталистических институтов с точки зрения классового подхода и искал в нем недостатки, которые должны были показать накопление негативных последствий кризиса капитализма. Поэтому рыночные практики, в том числе оговорки по чартерам, получили наиболее детальное рассмотрение только в правовой литературе. На наш взгляд, наиболее удачным походом является точка зрения Егорова К.Ф., который рассмотрел данное явление с разных аспектов. Но, мы должны учитывать, что необходимо использовать подходы экономической теории зарубежных стран, так как советская экономическая школа послевоенного периода в силу необходимости обслуживания плановой экономики и вышеупомянутых проблем, оказалась совершенно непригодной для понимания процессов рыночной экономики того периода, а также места СССР в международной торговле. Это потребовало от нас обращения к другим экономическим школам, в частности деятельности Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна [5] и американской школы девелопментализма [6].

В коммерческой деятельности само фрахтование представляет собой процесс создания и потребления экономического блага, которое создается в процессе эксплуатации морского судна. Это позволяет говорить о том, что целью фрахтования является не сам корабль, как объект права собственности, а именно общее состояние судна и извлечение его полезных свойств, которые состоят, в первую очередь, в его способности перемещать грузы. Поэтому даже бербоут-чартер не может быть указан как просто договор аренды судна как объекта имущественных отношений. Это в совокупности порождает двоякую конструкцию, при которой фрахтование и чартер в литературе могут употребляться в синонимическом значении, при этом под чартером понимается договор как форма фиксации договорных отношений. Однако тогда это лишает чартер его более широкого смысла - как института права, который регулирует взаимоотношения между сторонами по поводу фрахтования судов.

Описанный подход позволяет выделить фрахтование от поставки, так как во внешнеэкономической деятельности фрахтование является способом осуществления поставки. Но в поставке на первом месте стоит цель осуществления купли-продажи товаров и их получения покупателем. В рамках него решаются вопросы о перевозке, где уже в качестве одного из экономических агентов выступает перевозчик. При использовании же фрахтования, целью является эксплуатация судна, а не сама по себе перевозка, поэтому даже если поставка и определяет по правилам Инкотермс объем ответственности поставщика и покупателя в отношении перевозки товара, то для деятельности по взаимодействию агентов во фрахтовании это должно разрешаться в договорных отношениях между ними, а потому для участников фрахтования это не несет прямых обязательств либо же последствий. Поэтому и сам договор также должен это фиксировать. В рамках этого перевозка, поставка и фрахтование оказываются разными видами экономической деятельности, которые вовлекают в себя разный состав экономических агентов, но которые в экономическом смысле являются взаимосвязанными между собой. Это порождает между собой и разные виды договоров, которые опосредуют эти отношения.

Подводя итог, фрахтование следует определить, как деятельность экономических агентов по решению вопроса об эксплуатации судна для различных целей. А чартер

как форму закрепления договорных отношений и правовой институт, регулирующий данные правоотношения.

Правовой институт чартера очень сильно выделялся на фоне других институтов, равно как и фрахтование с иностранным элементом выходило за рамки национального права и принуждало СССР делать ряд исключений для той политики, которая была частью внутри- и внешнеполитической идеологии. В конечном итоге, фрахтование обеспечивало решение тех экономических задач, которые стояли перед СССР. Это привело к тому, что данный правовой институт обеспечивал сугубо экономические цели.

Они были вызваны к жизни тем обстоятельством, что советский рубль не имел определенной стоимости по отношению к иностранным валютам (немецкой марке, фунту стерлингов и американскому доллару), так как он не был даже ограниченно конвертируемым, курс был фиксированным, а валютный рынок отсутствовал. Соответственно, все возможности покупки импорта из ведущих капиталистических стран сводились к покупкам либо в их валюте, либо в золоте, что приводило к постоянно нависающей угрозе кризиса платежного баланса и проблеме поддержания валютных резервов.

Поэтому неудивительным выглядит факт использования золота при расчетах с иностранными государствами, так как рубль во взаимоотношениях с ведущими капиталистическими странами был неконвертируемой валютой, а потому, де факто никакой цены не имел, так как за него было невозможно что-либо приобрести во внешнеторговой деятельности с такими странами. Ситуацию усложнял и тот факт, что внутри самого СССР действовала система двойной циркуляции рубля: безналичный расчет применялся между государством и хозяйствующими субъектами, а физические лица имели дело только с наличным рублем и очень ограниченно с ценными бумагами вроде облигаций госзайма и сберегательных книжками. Это приводило к тому, что одновременно стоимость самого рубля в государстве была также неодинаковой и открывало поле для множественных манипуляций с этим для государства. Кроме того, замкнутость внутренней экономики для внешних рынков в виде внешнеторговой монополии государства открывало для него полный простор для определения цен и реального уровня доходов своих граждан, однако несмотря на это, государство оказывалось вовлечено в рыночные отношения с другими странами, а потому действовало как капиталист.

Недостатки экономической модели быстро проявились, так как на период 1949-1991 гг. пришелся процесс активного ускорения научно-технического прогресса, который по мере своего продвижения делал технологические комплексы производства экономических благ все более сложными и требующими все более узкой технологической экспертизы. В совокупности с репрессиями по идеологическим соображениям в 20-30-е годы это привело к исчезновению необходимых научных школ, а ручной контроль приоритетных отраслей хозяйствования не позволял успевать за новыми отраслями производства зарубежом, что в совокупности с низкой покупательной способностью населения и отсутствием каких-либо рынков капитала кроме государственного активно способствовало увеличению зависимости СССР от импорта из капиталистических стран. Причиной тому еще был и сам характер структуры экономики, когда ее большая часть приходилась на продукцию ВПК, что никак не повышало уровень потребления населения.

В сущности, фрахтование с иностранным элементом обеспечивало осуществление экспортно-импортных операций и пополнение валютных резервов страны, которые были в постоянном дефиците, на что указывает высокий уровень частоты сделок за золото.

Это привело к ситуации, при которой положение СССР в мировой торговле с ведущими капиталистическими странами выстраивалось на неравноправном положении, так как они не зависели от импорта из СССР, что нельзя сказать про обратное. Это привело к тому, что в общей цепочке поставок СССР был ближе к странам Латинской Америки, чем к индустриально развитым странам. В полной мере проблемы того положения описаны в популярной в тот период теории зависимости Рауля Пребиша [5]. В сочетании с затуханием внутренних ресурсов роста это привело к еще большей роли нефтеналивного флота в морской торговле начиная с конца 50-х, так как нефть и нефтепродукты стали тем экономическим благом, который обеспечивал постоянный приток валюты.

С учетом вышеуказанного чартер выполнял важную роль в организации транспортных потоков, которые обеспечивали экспортно-импортные операции, а также обеспечивал правильное закрепление взаимоотношений по предоставлению советских судов во фрахт. Большое значение торгового флота подчеркивает то обстоятельство, что им занималось отдельное профильное министерство морского флота. Для СССР фрахтование было способом обеспечения торговли, валютных поступлений, и, самое важное, – обеспечение получения тех товаров, которые он был неспособен производить либо в которых наблюдалась нехватка. Как пример, можно привести поставки зерна из Канады с середины 60-х годов [7, с. 104]. Еще большую роль играло все растущее взаимодействие с ведущими капиталистическими странами, которые с 60-х годов становились все более значимыми торговыми партнерами, а доля торгового оборота с ними поступательно росла. Кроме того, необходимо отметить, что отношения с странами соцлагеря, в первую очередь, странами Варшавского договора носили дотационный характер, а потому были невыгодными для СССР, хотя на них и приходилась большая часть торгового оборота Советского Союза. Поэтому, по сути, страна, став на рельсы капитализма во внешнеторговых отношениях должна была увеличивать оборот с индустриально развитыми странами, чтобы обеспечивать себя прибылью, но и иметь ресурсы для дотирования стран Восточной Европы и ГДР. В таких условиях морские перевозки, которые обеспечивали большую часть товарооборота между странами должны были быть таковыми, которые бы соответствовали данным целям.

Для обеспечения своих интересов СССР еще с начала 30-х годов пошел по монополизации агентских услуг путем создания организации Совфрахт, роль судовладельцев выполняли пароходства, а обеспечение поставок выполнялось внешнеторговыми объединениями. Стоит отметить, что использование эффекта масштаба и координации в рамках всего государства давало свои плоды и преимущества для государства в целом, однако отсутствие внутренней конкуренции, попытка внедрения планового характера, многочисленные нормы внутреннего права, которые обеспечивали другой уровень ответственности экономических агентов, равно как и социальных обязательств имели и негативную сторону – эффективность такой деятельности была ниже и, главное, отсутствовали внутренние стимулы для повышения эффективности, поэтому СССР было трудно конкурировать с крупными судо-

владельческими конференциями и он шел по пути активного наращивания своего флота и извлечения максимальной выгоды в периоды фрахтового бума. Кроме того, фрахтование судов в экспортно-импортных операциях позволяло решать еще и проблему недостаточной загрузки судов, так СССР не шел по пути капиталистических стран и не осуществлял массовые сокращения экипажей в периоды спада, а суда не отправлялись на многолетнюю стоянку. Поэтому одной из задач Совфрахта было обеспечение не только выгодных сделок, но и рассмотрение возможности полной загрузки судов [8, с. 60-61].

Фрахтование, как часть экономической деятельности государства, было напрямую связано с обеспечением физического перемещения товаров для государственных нужд, так как в силу плановой экономики, любой экономический вопрос был вопросом государственной политики. Благодаря этому фрахтование в СССР не было отдельным видом экономической деятельности, а было направлением государственного администрирования. В силу необходимости конкуренции и взаимодействия с рыночными институтами государству пришлось адаптироваться и создавать структуры, которые были по своей сути, коммерческими предприятиями, которые принадлежали государству. К примеру, обслуживание иностранных судов осуществлялось через агентскую деятельность «Инфлота», а количество его доходов было его главным показателем [9, 10].

Ключевую роль во всей системе фрахтования судов СССР играл Совфрахт, который был главным посредником в заключении чартеров между внешнеторговыми объединениями, пароходствами и иностранными субъектами. Вся система фрахтования строилась таким образом: при необходимости внешнеторговой операции внешнеторговые объединения или их специализированные фирмы заключали контракты с контрагентами. В зависимости от этих условий через Совфрахт они подавали заявки на фрахт судна на требуемых условиях. На основании этой заявки заключался договор фрахтования, где фрахтовщиком выступало любое советское пароходство. Во взаимоотношениях с иностранными контрагентами Совфрахт выступал как агент и представитель внешнеторговых объединений. Также для целей обеспечения потребностей советской экономики он выступал в качестве фрахтователя иностранных судов, а также постоянно находился в активном поиске выгодных контрактов для советских пароходств через сеть своих представителей в разных странах мира. Все это было направлено на максимизацию валютной эффективности деятельности флота и более эффективного использования его тоннажа. В последующем, именно пароходства и выполняли условия фрахта. При этом фрахтование судов не было связано плановыми обязательствами и выступало за его рамки, так как коммерческий характер подобной деятельности требовал скорейшего решения вопроса, чего не позволяла плановая система хозяйствования [11, с. 212-214].

В рамках социалистического рынка был ряд особенностей в отношении организации фрахта. Многие страны копировали модель Советского союза, а потому в них также действовала монополия государства на фрахтование с иностранным элементом. В рамках общего противостояния капиталистическому лагерю возникала необходимость координации своих действий, выстраивание отдельного контура взаимоотношений, нежели чем с капиталистическими странами. Одной из таких характеристик был плановый характер таких перевозок, более того, чартеры предусматривали широкие временные диапазоны для подачи судна.

Отдельно необходимо выделить взаимодействие внутри Совета экономической взаимопомощи. Данная организация была призвана усилить связи между странами, вступившими на путь социалистического строительства, а потому многие из них нуждались в поддержке со стороны СССР, так как они часто не имели в достаточной мере собственного флота. Кроме того, общие идеологические цели и модели создавали благоприятные условия для унификации. Это наиболее сильно проявилось в конце 50-х годов и продолжалось до середины 70-х и привело к ряду важных достижений, одним из них стало принятие общих правил поставки СЭВ. Однако для фрахтования первоочередное значение имела деятельность другой организации – Бюро координации фрахтования судов, созданное постановлением Исполкома СЭВ от 20 декабря 1962 г. Это был постоянно действующий орган, который выполнял функции, определяемые для него Советом представителей фрахтовых организаций стран-членов СЭВ. Его деятельность определялась Положением, которое было принято на XII заседании Постоянной комиссии СЭВ по транспорту в июле 1963 г. Одной из его задач было осуществление взаимодействия социалистических стран по определению планов фрахтовых операций, а также развитие системы взаимных уступок выгодных контрактов по фрахту. Кроме того, оно занималось технической стандартизацией и выработкой единых правил для стран СЭВ [11, с. 66-72].

Основная роль в выполнении этой функции принадлежала Советанию представителей фрахтовых организаций, которая проявлялась через деятельность Бюро фрахтования. Внутри этого органа осуществлялась многообразная деятельность. В его состав входили делегации, одна на каждую страну – по одной от каждой страны. Внутри него проходили кустовые совещания и консультации [1, с. 229]. Они создавались по региональному признаку и проходили поочередно в разных странах-участниках СЭВ.

Советание также организовывало фрахтование внутри СЭВ как деятельность крупной монополии. Внутри него была создана система координаторов, за каждым из которых закреплялся свой регион, они осуществляли общий мониторинг рынка фрахтования в них, а также осуществляли общую координацию на закрепленном за ними направлении. Эта деятельность с 1967 года охватывала фрахтование и собственных морских судов стран-участниц СЭВ. Таким образом, на основе географического принципа страны СЭВ отстаивали свои права, действуя как большая монополия. Стоит, однако, указать, что не всегда такая деятельность была выгодной для всех стран участниц, так как одним из принципов взаимодействия в рамках СЭВ была взаимопомощь стран, что и обусловило отсутствие дальнейшей интеграции между странами СЭВ, а привело к большему развитию собственной фрахтовой деятельности.

Специфической чертой взаимоотношений стран внутри СЭВ было вызвано к жизни тем, что они пытались преодолеть непредсказуемость рынка фрахтования и адаптировать свои экономические системы таким образом, чтобы они могли взаимодействовать с этим рынком как можно с меньшими потерями. Бюро фрахтования судов, тем самым и выполняло эту функцию. Стоит отметить, что произошла профессионализация такой деятельности. Использование многочисленных правовых конструкций, которые позволяли использовать конъюнктуру рынка себе во благо позволяет сделать вывод, что данный вид деятельности привел к адаптации в форме заимствования практик и, по сути, переход на правила игры рыночной экономики.

Тем не менее, стараясь использовать сильные стороны плановой экономики, внутри СЭВ также происходила координация планов стран-участниц СЭВ. Как указывает Э.М. Крамаров, в рамках плана определялись объемы перевозок между странами-членами СЭВ. Кроме того, принимались перспективные планы с учетом плана каждого государства по строительству флота, необходимости получения товаров и т.п. Эти вопросы рассматривались ежегодно в рамках деятельности совещания, однако основную роль выполняло Бюро фрахтования судов, которое и обеспечивало техническую координацию и обмен информацией как постоянно действующий орган [4, с. 161-162].

Тем самым наибольшее значение в рамках фрахтования носило непосредственное участие государственных организаций, обеспечивавших функционирование морского торгового флота. При этом страны социалистического лагеря выстраивали свои отношения на совершенно других принципах, чем капиталистические страны. Это приводило к тому, что взаимоотношения между ними складывались в неравномерном характере, а потому работать с капиталистическими странами чаще было выгоднее, так как за счет колебаний рынка открывалась большая возможность получения прибыли для обеспечения пополнения валютных резервов государства.

Это и привело к тому, что большая часть фрахта советских судов заключалась не со странами соцлагеря, а с ведущими капиталистическими странами, так как это больше соответствовало государственной политике.

Список литературы:

- 1.Сергеев, Ю. Н. Сотрудничество стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи в области фрахтования морского тоннажа: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Ю. Н. Сергеев; Московский государственный институт международных отношений. - Москва, 1969. - 305 с.
- 2.Егоров, К.Ф. Договоры фрахтования и перевозки грузов по иностранному морскому праву: дис. ... д-ра юрид. наук / К.Ф. Егоров. - Ленинград, 1968. - 915 с.
- 3.Маковский, А. Л. Правовое регулирование морских перевозок грузов. - Москва : Мор. транспорт, 1961. - 314 с.
- 4.Крамаров, Э. М. Внешняя торговля продукцией морского транспорта / Э. М. Крамаров // Транспорт. - 1968. -304 с.
- 5.Love, Joseph L. "Raul Prebisch and the Origins of the Doctrine of Unequal Exchange." Latin American Research Review, vol. 15, no. 3, 1980, pp. 45-72.
- 6.Hirschman, Albert O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley: University of California Press, 1945. 194 p.
- 7.Козлова, И. В. Договор фрахтования по советскому морскому праву: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / И. В. Козлова. - Л., 1982. - 198 с.
- 8.Развитие заграничных перевозок СССР и их валютная эффективность. Разработка методики выбора грузопотоков при фрахтовании судов на перевозки грузов между иностранными портами // ЦГАНТД СПб., Фонд Р-215, Опись 24, Дело 532.
9. Отчет по основной (эксплуатационной) деятельности Ленинградского Главного морского Агентства "Инфлот" за 1965 год // ЦГА СПб., Фонд Р-6087, Опись 11, Дело 592/
10. Отчет по основной деятельности Рижского Главного Морского Агентства "Инфлот" // ЦГА СПб., Фонд Р-6087, Опись 11, Дело 84.
11. Гревцова, Т. П. Международная унификация морского права: дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Т. П. Гревцова - Ленинград, 1965 - 198 с.

Koshkin A.S. Charter as an economic category and its role in the foreign economic activity of the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. - 2023. - Т. 9 (75). № 3. - P. 92-99.

The article compares chartering and freight, which are related to the commercial use of ships, and shows how Soviet law shaped their legal regulation. The author analyzes the role of Soviet maritime trade and charter in the context of global economic and political changes in the second half of the 20th century. It is considered how the USSR tried to balance its interests and challenges in the international market using its own fleet and organization. Also discussed are the problems and limitations of the Soviet system, such as lack of internal competition, low efficiency, and social obligations. The article explores the interaction of socialist countries

within the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA) in the field of freight. It shows how the Bureau for Coordination of Ship Freight (BCSF) was created and functioned as a permanent body facilitating cooperation and coordination of plans and operations of maritime transport of CMEA member countries. Also analyzed are specific features and problems of the socialist freight system, such as mutual assistance, standardization, and adaptation to market conditions.

Key words: charter, freight, Soviet law, legal regulation, Soviet maritime trade, global economic and political changes.

Spisok literatury:

1. Sergeev, YU. N. Sotrudnichestvo stran-chlenov Soveta Ekonomicheskoy Vzaimopomoshchi v oblasti frahtovaniya morskogo tonnazha: dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.01 / YU. N. Sergeev; Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otноshenij. - Moskva, 1969. - 305 s.
2. Egorov, K.F. Dogovory frahtovaniya i perevozki gruzov po inostrannom morskomu pravu: dis. ... d-rayurid. nauk / K.F. Egorov. - Leningrad, 1968. - 915 s.
3. Makovskij, A. L. Pravovoeregulirovaniye morskikh perevozok gruzov. - Moskva: Mor. transport, 1961. - 314 s.
4. Kramarov, E. M. Vneshnyaya torgovlyaprodukcijemorskogo transporta / E. M. Kramarov // Transport. - 1968. - 304 s.
5. Love, Joseph L. "Raul Prebisch and the Origins of the Doctrine of Unequal Exchange." Latin American Research Review, vol. 15, no. 3, 1980, pp. 45-72.
6. Hirschman, Albert O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley: University of California Press, 1945. 194 p
7. Kozlova, I. V. Dogovory frahtovaniya po sovetskomu morskomu pravu: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.03 / I. V. Kozlova. - L., 1982. - 198 s.
8. Razvitiye zagranichnykh perevozok SSSR i ikh vyutnaya effektivnost'. Razrabotka metodiki vyboragruzopotokov pri frahtovaniisudovnaperevozki gruzov mezhdunarodnyimi portami // CGANTD SPb., Fond R-215, Opis' 24, Delo 532.
9. Otchet po osnovnoj (ekspluatacionnoj) deyatelnosti Leningradskogo Glavnogo morskogo Agentstva "Inflot" za 1965 god // CGA SPb., Fond R-6087, Opis' 11, Delo 592/
10. Otchet po osnovnoj deyatelnosti Rizhskogo Glavnogo Morskogo Agentstva "Inflot" // CGA SPb., Fond R-6087, Opis' 11, Delo 84.
11. Grevcova, T. P. Mezhdunarodnaya unifikaciya morskogo prava: dis. kand. yurid. nauk: 12.00.03 / T. P. Grevcova - Leningrad, 1965 - 198 s.

УДК: 34:338.26

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ С 1946 ПО 1965 ГГ.

Лукьянова М. Г.

Адвокатская палата г. Москвы

В статье раскрываются вопросы государственного планирования в Советском государстве с 1946 года в контексте формирования и укрепления духовно-нравственных ценностей. Цель исследования – изучение историко-правового опыта государственного планирования по формированию духовно-нравственных ценностей с 1946 по 1965 гг. Предметом исследования являются планы пятилетнего развития народного хозяйства СССР.

На основе декретов, резолюций и законов об утверждении планов социального и экономического развития выявлен механизм укрепления духовно-нравственных ценностей у населения страны. Четвёртый пятилетний план (1946-1950 гг.) был призван восстановить народное хозяйство, в том числе дать образование тем, кто не получил его из-за военных действий, а также укрепить такую традиционную ценность, как патриотизм. Последующие государственные планы (1951-1965 гг.) большое внимание уделяли научно-атеистической пропаганде / антирелигиозной работе, что также накладывало отпечаток на духовно-нравственные ценности. Упор делался на формировании «нового человека» посредством внедрений необходимой для советской власти информации в образовательные и культурно-развлекательные программы.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание; духовно-нравственные ценности; СССР; КПСС; нравственность; духовность; государственное планирование; стратегии развития; пятилетние планы; директивы.

Стабильные среднесрочные и долгосрочные государственные стратегии / планы развития имеют решающее значение для достижения необходимых социально-культурных и экономико-политических преобразований в области устойчивого развития страны, а также для постепенного продвижения к поставленной цели. Пятилетние планы, называемые «пятилетки», составленные, согласно директивам съездов партии КПСС, являлись руководящими хозяйственно-политическими документами, являющимися законами для всех звеньев производственной деятельности. Они стали инструментами для реализации политики государства в сфере воспитания и образования. Специфика партийно-государственных правовых актов состояла в том, что они соединяли партийно-политическую и государственно-правовую составляющую в правовом регулировании [1, с. 57].

Система образования была направлена на подготовку всесторонне развитых и подготовленных людей, которые всё умеют делать [2, с. 33]. III Всероссийский съезд Российского Коммунистического Союза Молодежи (РКСМ) провозгласил, что от коммунистического воспитания детей, их физического и духовного развития зависит создание нового поколения здоровых духом и телом строителей коммунистического общества [3, с. 21].

За период с 1946 по 1965 г. СССР было реализовано 4 пятилетних планов-директив (3 пятилетних и 1 семилетний). Они тесно связаны с развитием страны и имеют ярко выраженные фазовые характеристики на разных исторических этапах экономического развития России. Планы стали руководящими указаниями инвести-

рования в человеческий капитал, с целью улучшения развития общества, государства и инновационных возможностей.

Первые пятилетние планы развития (1928-1942 гг.) позволили ликвидировать неграмотность, обеспечить население возможностью получить образование разных уровней. В свою очередь, на основе образовательных и культурно-развлекательных учреждений строился базис формирования и укрепления духовно-нравственных ценностей.

В конце Второй мировой войны СССР стал одной из двух великих военных держав мира. Несмотря на победу, экономика Советского государства [4], а также часть культурно-просветительских учреждений были разрушены. Послевоенное время было напряженным периодом в развитии страны и общества, направленное на восстановление народного хозяйства, в том числе социально-культурного сектора.

Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) СССР от 24 мая 1945 г. № 1158 [5] было принято решение поручить Госплану СССР представить в СНК СССР к 15 июня 1945 г. перспективный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945-1947 гг., предварительно рассмотрев его с наркоматами и союзными республиками. В августе 1945 г., правительство приняло решение о составлении 4-го пятилетнего плана [6, с. 228]. На первой сессии Верховного Совета СССР в 1946 г. был утверждён пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946-1950 гг.

В первые послевоенные годы государством была поставлена цель «восстановить и превзойти» довоенный уровень. Это касалось и культурного уровня народов СССР. В целях обеспечения воспитания и укрепления духовно-нравственных ценностей, была расширена сеть культурных учреждений, где обеспечивалось всеобщее обучение детей. Особое внимание уделялось формированию духа социалистического отношения к труду; строжайшему соблюдению государственной дисциплины; дружбе народов СССР [7, с. 534]; упрочнению советского общественного и государственного строя; укреплению социалистической законности; соблюдению ленинских норм партийной жизни и принципов коллективности руководства [8, с. 5]; проявлению морально-политического единства народа.

Большая роль отводилась научно-просветительной пропаганде. При этом прослеживалась прямая зависимость между подъёмом культуры и грамотностью населения. Учителя должны были знать образовательную программу советской школы – основы марксизма-ленинизма, историю СССР и советской педагогики. Все школы снабжались государственными учебными программами, пособиями и учебниками. На уровне ЦК ВКП(б) осуществлялась организация курсов по подготовке партийных и пропагандистских работников.

Отметим, что идейно-воспитательная работа строилась дифференцированно: учитывался уровень подготовки, потребности и интересы различных групп. Была проведена перестройка партийно-политической, организационно-партийной, пропагандистской и агитационно-массовой работы.

Выдвинуты следующие задачи 4-го пятилетнего плана по культурно-просветительскому сегменту: восстановить и расширить сеть школ и ВУЗов; улучшить подготовку кадров; улучшить постановку народного здравоохранения; обеспечить дальнейший расцвет советской культуры и искусства.

Отдельное внимание уделялось молодёжи, которая не могла в условиях Великой Отечественной Войны и временной оккупации получить образование в школе.

Задачи образовательного процесса устанавливались по нескольким направлениям государственного воспитания: детский сад; детский дом сирот (воспитание потерявших родителей в период войны); школа для детей с 7 лет; ВУЗы; специальные средние учебные заведения / техникумы; подготовка специалистов высшей и средней квалификации; подготовка высококвалифицированных специалистов в области новой техники.

Задачами культурного сектора стали: обеспечение населённых пунктов киноустановками; расширение стационарной киносети; увеличить количество постоянных театров, клубов и массовых библиотек; восстановление учебных и научных учреждений, музеев, театров, кино, клубов, библиотек и изб-читален.

Продолжилось укрепление основополагающей духовно-нравственной ценности – патриотизма. Победа во 2-й мировой войне имела огромное значение для воспитания граждан в духе чувства долга, ответственности перед Родиной, любви к родному языку, героическим страницам истории и др. Принятие пятилетнего плана сопровождалось агитационно-пропагандистской работой в виде докладов, лекций, бесед о нём.

За годы выполнения плана произошли крупные достижения в областях науки, культуры и искусства. Были восстановлены учебные и культурно-просветительские учреждения.

План развития народного хозяйства СССР в пятую пятилетку (1951-1955 гг.) должен был разрабатываться в течение 1949-1951 гг., однако директивы по плану были приняты XIX съездом КПСС только 6 октября 1952 г. [9, с. 5]. Им закреплялись уже установленные в предыдущих планах задачи, в частности в области развития культурного уровня народа и социалистического воспитания.

Отдельное внимание уделялось научно-атеистической пропаганде / антирелигиозной работе, что также накладывало отпечаток на духовно-нравственные ценности. Антиподами морально-нравственного составляющего советского человека укреплялись: бессознательность, темнота, мракобесничество в виде религиозных верований [8, с. 430]. Дух «воинствующего материализма» [8, с. 432] проявлялся с начала издания Гослитиздатом сказок, народных песен, пословиц и поговорок, направленных против религии. Пропаганда материалистического мировоззрения была направлена на повышение сознательности населения и освобождения от религиозных предрассудков. Наряду с этим, считались недопустимыми оскорбления чувств верующих и церковнослужителей, в том числе выпады против духовенства и верующих; вмешательство в деятельность религиозных объединений со стороны администрации; грубое отношение к духовенству [8, с. 446]. Опубликование анекдотов и басен о церковнослужителях нанесло серьёзный ущерб воспитательной и культурно-просветительской работе. Помимо этого, велась критика носителей консерватизма в научно-технической сфере.

Таким образом можно с делать вывод, что воспитание такой ценности, как сознательность трудящихся, базировалось не только на саморазвитии и ответственном отношении к труду и государственной собственности, но и на научном мировоззрении и прогрессивизме.

По окончании пятой пятилетки были достигнуты успехи во всех областях культурного строительства. В частности, завершено осуществление всеобщего семилетнего обучения, а в крупных городах уже перешли на десятилетнее образование. Однако, на XX съезде КПСС было отмечено, что в школьном обучении нужно отразить большую связь с практической деятельностью. Также предложили создать школы-интернаты и дошкольные детские учреждения при колхозах [10, с. 21].

После смерти И.В. Сталина снизился уровень контроля, что привело к резкому сокращению показателей народнохозяйственного плана.

Шестой пятилетний план на 1956-1960 годы составлялся под влиянием огромных успехов, достигнутых в пятой пятилетке, и ясного осознания тех областей хозяйствования, где советская экономика продолжала отставать от западной [11, с. 126]. Активно продвигалась позиция мирного сосуществования с другими странами, а также дружбы и братского сотрудничества всех народов СССР. Получили развитие культура и морально-политическое единство общества. Последнее подразумевало под собой сплочение народов и народностей Советского Союза на основании товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации трудящихся, создающих единый моральный и духовный облик. Они объединены общими интересами и целями, что позволяет успешно реализовывать долгосрочные государственные планы.

Интересно, что духовно-нравственные ценности были «политизированы», т.е. построены с помощью единого механизма государственно-правового регулирования, а также на основе советской идеологии [12, с. 13] и социалистической морали. Вместе с тем, воспитание населения СССР должно происходить в духе высокой политической бдительности: защита Советской власти; укрепление армии; внешняя и внутренняя безопасность. Велась борьба с начетничеством и догматизмом.

В сфере культуры задачами плана стала учебно-воспитательная работа в школах и расширение сети внешкольных детских учреждений. Образовательную сферу должна сопровождать деятельность клубов, Дворцов и Домов культуры, Домов техники и других культурно-просветительских учреждений. Развитие получили сети заочных и вечерних общеобразовательных школ для обучения трудящихся без отрыва от производства. Также отдельным пунктом вынесена наука.

В системе Министерства культуры СССР строились кинотеатры, развивая кино как массовое искусство в целях повышения идейно-художественного уровня населения страны. Расширилось книгоиздательское дело.

Большой вклад в воспитательной и культурно-массовой работе играли профсоюзы. Они содействовали повышению социалистической сознательности и общеобразовательного и производственно-технического уровня. Помимо этого, заботились о воспитании детей рабочих и служащих.

Отраслевые профсоюзы должны были воспитывать население в духе советского патриотизма, социалистического интернационализма и дружбы народов; чувства хозяина страны; ответственности перед Родиной за выполнение производственных планов; коммунистического отношения к труду и общественной собственности; любви к своему предприятию; расширения кругозора; поддержке обучающимся [10, с. 223].

Причины отказа от выполнения шестой пятилетки и замены её семилеткой не вполне ясны [11, с. 163]. В этот период произошло много экономических и полити-

ческих преобразований, в том числе постепенное отдаление от командной экономики. Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР 19.09.1957 принял постановление о разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг. [13] (7-й план). XXI съезд КПСС в 1959 г. обсудил доклад о контрольных цифрах развития на данный период и принял по нему решение.

Вопросы коммунистического воспитания, народного образования, развития науки и культуры были выделены в V пункте. Именно в нём устанавливалось, что необходимо улучшение работы по воспитанию советских людей, повышению их коммунистической сознательности и активности.

Формирование нового человека предполагалось в духе: коллективизма и трудолюбия; сознания общественного долга; социалистического интернационализма; патриотизма; соблюдения высоких принципов морали нового общества.

Это первый план государства, закрепляющий открыто ряд духовно-нравственных ценностей, которые необходимо укреплять. Одной из главных задач школы стало воспитание у молодёжи глубокого уважения к принципам социалистического общества. Его решение виделось в охвате всех детей детскими яслями, садами, школами-интернатами; развитии советской литературы и искусства. Деятели литературы, кино, радио, телевидения, театра, музыки, скульптуры, живописи были призваны укреплять высокие эстетические вкусы и принципы коммунистической морали. Во всех учебных заведениях был введен курс эстетики [14, с. 71]. Эстетическое воспитание необходимо для привития гражданам умения ценить произведения искусства, памятники истории и архитектуры, понимать богатство родной природы и др.

В период выполнения семилетнего плана был принят моральный кодекс строителя коммунизма. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС на котором была утверждена программа КПСС. Во второй части расписывались задачи партии, в том числе в области идеологии [15], воспитания, образования, науки и культуры. Главным в идеологической работе считалось воспитание в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоничное развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры [16, с. 166].

В воспитание коммунистической сознательности входили:

- формирование научного мировоззрения;
- трудовое воспитание;
- утверждение коммунистической морали: нравственные начала и основные правила коммунистического общежития (моральный кодекс строителя коммунизма);
- развитие пролетарского интернационализма / международной солидарности трудящихся;
- развитие социалистического патриотизма / преданность и верность Родине и содружеству социалистических стран;
- всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности: сочетание духовного богатства, моральной чистоты и физического совершенство;
- преодоление пережитков капитализма в сознании и поведении людей (буржуазной идеологии и морали, частнособственнической психологией, суевериями и предрассудками);

- разоблачение буржуазной идеологии.

В задачи в области культурного строительства входили:

- всестороннее развитие культурной жизни общества;

- повышение воспитательной роли литературы и искусства (идейное обогащение и нравственное воспитание);

- развитие международных культурных связей.

Подводя итоги роли государственного планирования в сфере формирования духовно-нравственных ценностей, стоит отметить ряд выводов:

1) В пятилетних планах развития народного хозяйства большое внимание уделялось развитию культуры и образованию. Эти две сферы позволяли влиять на возможность формирования и укрепления духовно-нравственных ценностей.

2) Духовно-нравственные ценности создавали единый моральный и духовный облик человека – строителя коммунизма.

3) Важное значение первой послевоенной пятилетки имеет укоренение такой традиционной ценности, как патриотизм. При этом она состояла не только из чувства долга, ответственности перед Родиной, но и любви к Вооружённым Силам СССР. Также, преданность и верность Родине стояла наравне с преданностью социалистическим странам.

4) Важной ступенью влияние планов на формирование духовно-нравственных ценностей стало их прямое закрепление в постановлении внеочередного 21 съезда КПСС 1959 г. Предполагалось формирование нового человека в духе: коллективизма и трудолюбия; сознания общественного долга; социалистического интернационализма; патриотизма; соблюдения высоких принципов морали нового общества.

5) В период выполнения семилетнего плана был принят моральный кодекс строителя коммунизма.

6) Механизм реализации формирования и укрепления духовно-нравственных ценностей базировался на нормативно-правовых актах и осуществлялся посредством учебных учреждений, внешкольной деятельности, а также культурно-просветительских образований и деятелей литературы, кино, радио, телевидения, театра, музыки, скульптуры, живописи и др.

Таким образом вопросы формирования духовно-нравственных ценностей были важной частью пятилетних планов развития народного хозяйства СССР. Обзор пятилеток позволяет не только описать экономико-социальный контекст, но и выявить идейно-нравственные, духовные и моральные установки, которые закладывались механизмами государственного регулирования в развитие всех социальных групп населения всех возрастов.

Разработка и реализация среднесрочных планов экономического и социального развития СССР являлись способом управления государством и возможностью воплощения социалистической модели воспитания «нового советского человека», в основе которого был заложен кодекс строителя коммунизма.

Список литературы:

1. Кодан, С. В. Коммунистическая партия в законодательных практиках советского государства в 1917-1980-е годы (историко-теоретический контекст) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2021. – № 3. – С. 31-50. – DOI 10.24412/2309-1592-2021-3-31-50.
2. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. – Москва: Издательство политической литературы. – Издание 5, 1981. – Т. 41. – 696 с

3. Зори советской пионерии. Очерки по истории пионерской организации (1917-1941) // Сост.: В.Г. Яковлев. Под ред. И.Г. Гордина. – Москва: Просвещение, 1972. – 271 с.
4. Soviet Union After World War II. – URL: https://factsanddetails.com/russia/History/sub9_1e/entry-4975.html (дата обращения: 25.08.2023).
5. Постановление СНК СССР от 24.05.1945 № 1158 «О перспективном плане восстановления и развития народного хозяйства на 1945 - 1947 годы» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2023).
6. Литвиновский, И. А. Восстановление народного хозяйства СССР после Великой Отечественной войны // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 1 / Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. Мн.: БГУ, 2004. – С. 228–232.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 7. 1938-1945 // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1985. – 574 с.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 8. 1946-1955 // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1985. – 542 с.
9. Баев, Е. В. Стратегическое планирование в СССР на примере разработки пятого пятилетнего плана // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2018. – № 4. – С. 3-13.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 9. 1956-1960 // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1986. – 574 с.
11. Ханин, Г. И. Экономическая история России в новейшее время : монография : В 2 т. / Г. И. Ханин; Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов, 1987. – 516 с.
12. Идеология, пропаганда и агитация в СССР: Справочное пособие / авт.-сост. Д. В. Кузнецов. Б.м.: Б.и., 2019. – 924 с.
13. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.09.1957 № 1146 «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959 - 1965 годы» // СП СССР. – 1957. – № 13. – ст. 122.
14. Махлина, С. Т. Эстетика и искусство в советский период // Вестник СПбГИК. – 2019. – №1 (38). – С. 71-74.
15. Грицюк, М.В. К вопросу об идеологии российской государственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ideologii-rossijskoy-gosudarstvennosti> (дата обращения: 05.09.2023).
16. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 10. 1961-1965 // Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 9-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1986. – 493 с.

Lukyanova M. G. State planning in the field of preservation and strengthening of Russian spiritual and moral values: from 1946 to 1965 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 100–107.

The article reveals the issues of state planning in the Soviet state since 1946 in the context of the formation and strengthening of spiritual and moral values. The purpose of the study is to study the historical and legal experience of state planning in the formation of spiritual and moral values from 1946 to 1965. The subject of the study is the plans for the five-year development of the national economy of the USSR. On the basis of decrees, resolutions and laws on the approval of plans for social and economic development, a mechanism has been identified for strengthening the spiritual and moral values of the country's population. The Fourth Five-Year Plan (1946-1950) was designed to restore the national economy, including educating those who did not receive it due to hostilities, as well as strengthening such a traditional value as patriotism. Subsequent state plans (1951-1965) paid great attention to scientific and atheistic propaganda / anti-religious work, which also left an imprint on spiritual and moral values. Emphasis was placed on the formation of a "new person" through the introduction of the information necessary for the Soviet government into educational, cultural and entertainment programs.

Keywords: spiritual and moral education; spiritual and moral values; USSR; CPSU; moral; spirituality; state planning; development strategies; five year plans; directives.

Spisok literaturey:

1. Kodan, S. V. Kommunisticheskaya partiya v zakonodatel'nyh praktikah sovetskogo gosudarstva v 1917-1980-e gody (istoriko-teoreticheskij kontekst) // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. – 2021. – № 3. – S. 31-50. – DOI 10.24412/2309-1592-2021-3-31-50.
2. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij. – Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. – Izdanie 5, 1981. – Т. 41. – 696 с.

3. Zori sovetskoj pionerii. Ocherki po istorii pionerskoj organizacii (1917-1941) // Sost.: V.G. Yakovlev. Pod red. I.G. Gordina. – Moskva: Prosveshchenie, 1972. – 271 s.
4. Soviet Union After World War II. – URL: https://factsanddetails.com/russia/History/sub9_1e/entry-4975.html (data obrashcheniya: 25.08.2023).
5. Postanovlenie SNK SSSR ot 24.05.1945 № 1158 «O perspektivnom plane vosstanovleniya i razvitiya narodnogo hozyajstva na 1945 - 1947 gody» // SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.02.2023).
6. Litvinovskij, I. A. Vosstanovlenie narodnogo hozyajstva SSSR posle Velikoj Otechestvennoj vojny // Rossijskie i slavyanskije issledovaniya: Sb. nauch. statej. Vyp. 1 / Redkol.: O. A. Yanovskij (otv. red.) i dr. Mn.: BGU, 2004. –S. 228–232.
7. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). T. 7. 1938-1945 // In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1985. –574 s.
8. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). T. 8. 1946-1955 // In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1985. –542 s.
9. Baev, E. V. Strategicheskoe planirovanie v SSSR na primere razrabotki pyatogo pyatiletnego plana // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). – 2018. – № 4. – S. 3-13.
10. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). T. 9. 1956-1960 // In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1986. –574 s.
11. Hanin, G. I. Ekonomicheskaya istoriya Rossii v novejshee vremya : monografiya : V 2 t. / G. I. Hanin; Novosib. gos. tekhn. un-t. Novosibirsk, 2008. T. 1. Ekonomika SSSR v konce 30-h godov, 1987. – 516 s.
12. Ideologiya, propaganda i agitaciya v SSSR: Spravochnoe posobie / avt.-sost. D. V. Kuznecov. B.m.: B.i., 2019. – 924 s.
13. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 19.09.1957 № 1146 «O razrabotke perspektivnogo plana razvitiya narodnogo hozyajstva SSSR na 1959 - 1965 gody» // SP SSSR. – 1957. – № 13. – st. 122.
14. Mahlina, S. T. Estetika i iskusstvo v sovetskij period // Vestnik SPbGIK. – 2019. – №1 (38). – S. 71-74.
15. Gricyuk, M.V. K voprosu ob ideologii rossijskoj gosudarstvennosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ideologii-rossijskoj-gosudarstvennosti> (data obrashcheniya: 05.09.2023).
16. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898-1986). T. 10. 1961-1965 // In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 9-e izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1986. – 493 s.

УДК 346.62

БАНКРОТСТВО НА РУСИ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Мазнев Е. С.

Белгородский университет кооперации экономики и права

Статья посвящена рассмотрению вопросов развития законодательства в период феодальной раздробленности на Руси. Этот исторический этап в нормотворческой деятельности является крайне противоречивым, поскольку каждый регион (княжество) стремились к установлению собственных правил регулирования торговых отношений и как следствие банкротства, поскольку изначально данный институт зарождался как возможное последствие предпринимательской деятельности. Большинство ученых склонны считать, что в указанный период отношения, связанные с несостоятельностью должников, не получили никакого развития. Автор в данной статье предпринимает попытку опровергнуть изложенное утверждение, показав динамику в регламентации отношений в сфере банкротства на примере отдельных наиболее развитых в торговом смысле регионов нашего государства, где принимались документы, устанавливавшие правила торговли и банкротства граждан.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, торговля, долговая кабала, Псковская судная грамота, Смоленская торговая правда, ответственность, купечество.

Нормативное регулирование банкротства, заложенное в Русской Правде, предопределило развитие отечественного законодательства на несколько столетий. Дальнейшие источники российского права перенимали установленную концепцию, дорабатывая отдельные детали.

Современные исследователи зачастую рассматривают историю отечественного банкрутного законодательства, начиная с XVIII в., выдвигая тезис о том, что ранее законодательство в отношении несостоятельности граждан не получило достаточной правовой регламентации ввиду неразвитости хозяйственных отношений [2; 3; 5; 8]. Вместе с тем определенное своеобразие в регулировании несостоятельности все же существовало.

Один из наиболее авторитетных исследователей истории банкрутного законодательства дореволюционного периода А.Х. Гольмстен высказывал позицию о том, что после издания Русской Правды в конкурсном процессе наступил значительный пробел. Законодатель вплоть до 1649 г. не рассматривал данные вопросы, а развитие нормативного регулирования анализируемой области правоотношений произошло только с момента принятия Соборного уложения [4, с. 18].

Ученый признавал, что в период между Русской Правдой и Соборным Уложением принимались отдельные нормы, касающиеся несостоятельности граждан. Речь идет о договоре Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой, Готландом и немецкими городами 1229 г., а также о Псковской судной грамоте.

Однако эти коррективы, по мнению исследователя, не затрагивали конкурсный процесс, объединяющий правила погашения обязательств должника, правила, касающиеся определения очередности кредиторов в реестре требований к должнику.

Стоит отметить, что вопросы банкротства в той или иной мере рассматривались в Смоленской торговой правде (в дореволюционный период данный источник зачастую именовали как договор Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригой,

Готландом и немецкими городами 1229 г.), Псковской судной грамоте, Судебниках Ивана III и Ивана IV, Соборном Уложении.

Тем самым практически в каждом значимом памятнике российского права вопрос несостоятельности так или иначе затрагивался. Однако, особого развития законодательство в рассматриваемой области на данном этапе не получило.

Так, обращаясь к тексту Смоленской торговой правды, можно установить изменение очередности погашения требований. Так, в ст. 6 нормативного документа определялось следующее: «Оже Немечкый гость даст свой товар в долг в Смоленске, а Русин будет должен Руси, инфо Немцию напереди взяти. Таже прав да буди Русину в Ризе и на Готьском березе» [10].

В продолжение этого вопроса ст. 7 окончательно устраняет все возможные варианты иного толкования относительно кредиторов первой очереди, т.е. кредиторов, чьи требования погашаются преимущественно перед другими. Указанная норма гласит: «Аще Князь взверъжетъ на Русина, и повелит его разграбити с женою и с детьми, а Русин будет должен Немцию, то (Немцию) наперед взяти, а потом како Богов любо и Князю. Таже правда буди Русину в Ризе и на Готьском берегу» [10].

Тем самым Смоленская торговая правда изменяла очередность погашения требований. Требования князя, связанные с выплатой податей в бюджет, относились ко второй очереди удовлетворения, в первую очередь подлежали удовлетворению требования иностранных купцов.

Введение подобных новелл могло быть связано только с желанием широкого развития международной торговли, ведь государственная власть по сути признавала вторичный характер своих требований, ориентируя должников на погашение финансовых обязательств перед подданными других государств.

Смоленская торговая правда представляла собой договор заключенный Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами в качестве одной из сторон договора. Второй стороной договора выступали Рига и Готланд.

В силу политических и экономических обстоятельств Рига в этот момент являлась связующим звеном между западными, прежде всего немецкими, землями и территориями, населенными славянами. Идентичная роль принадлежала и городу Висби, расположенному на острове Готланд. По свидетельству историков данное направление было одним из двух наиболее популярных торговых направлений, соединявших рынки восточных земель и западной Европы [7, с. 362].

Более того, подписанию Смоленской торговой правды предшествовали длительные контакты на высшем уровне и даже подписание соглашения с Полоцким княжеством. Отсюда следует, что предоставление отдельных преференций иностранным купцам не выглядело чем-то экстраординарным.

Необходимо сказать, что привилегированное положение иностранных торговцев не было односторонним. В Смоленской торговой правде предусматривались зеркальные правомочия русских купцов требовать удовлетворения своих требований ранее исполнения бюджетных обязательств перед территориями подданства должников.

Оговорку что до того, что после погашения долгов иностранному кредитору дальнейшее погашение задолженности производится на основании воли князя, следует понимать в контексте действовавшего законодательства, а именно Русской Правды.

Таким образом, после иностранных купцов исполнение получал бюджет, а в последующем иные кредиторы. Вопрос о допустимости применения Русской Правды в условиях отступления от ее положений относительно определения кредиторов первой очереди как представляется подлежит однозначному разрешению путем применения правил более раннего источника, а не обычного права.

Такая логика связана с тем, что, как уже указывалось выше, само по себе толкование ст. 69 Русской Правды нельзя было признать однозначным и в отдельных случаях ее применение полностью соответствовало той очередности, которая была установлена в Смоленской торговой правде.

Но даже если говорить об осознанном отступлении от нормативного регулирования очередности, установленной в Русской Правде, ответ на рассматриваемый вопрос не изменится, поскольку применение нормативных источников в той части, где соответствующие правоотношения урегулированы, имеет очевидный приоритет над обычным, неписанным правом. Это позволяет сторонам в большей степени предопределить результат тех или иных действий и соответствует самому смыслу нормативного регулирования.

Подсудность споров, возникших между русскими и немецкими купцами, определялась исключительно в Смоленске.

В 1259 г. Великим Новгородом также был заключен договор с Готландом и немецкими землями, затрагивавший многие вопросы торгового взаимодействия.

В продолжение указанных договорных правоотношений в 1268 г. на фоне усиления власти и влияния Золотой Орды немецко-готландская сторона предложила новый вариант договора, устанавливавшего большее количество преференций для своих подданных и одновременно сокращавшего правомочия жителей Великого Новгорода. Данный проект новгородцами не был принят и в 1269 г. предложен собственный вариант договора.

Проект договора, подготовленный Великим Новгородом, представляет интерес в контексте попытки разрешения одного важного вопроса, имеющего отношение к институту несостоятельности.

Речь идет об ответственности супруги, поручившейся по долговым обязательствам своего мужа. В проекте предусматривалось, что в такой конструкции обязательственных правоотношений супруга также несет ответственность, т.е. может быть передана в холопство.

Несмотря на всю очевидность правового регулирования, приведенное положение проекта договора позволяло сделать вывод о том, что при отсутствии поручительства члены семьи не должны были нести ответственности по долгам главы семьи. Подобный поход был достаточно прогрессивным и отступал от традиционных позиций, заложенных как в российских, так и в зарубежных правовых источниках.

Однако следует отметить, что проект договора, предложенный Великим Новгородом, не был принят второй стороной. По указанной причине вышеизложенное условие так и не получило нормативный характер.

Обозначив правовое регулирование вопросов несостоятельности, установленное в Смоленской торговой правде, необходимо сделать оговорку, касающуюся ограниченного территориального действия указанных положений. Часть славянских княжеств все равно подчинялась правилам, установленным в Русской правде.

По мнению А.Х. Гольмстена, вышеприведенные выкладки из Смоленской торговой правды не касались случаев несостоятельности, а указывали на порядок погашения обязательств купцом, в случае их множественности [4, с. 18].

На наш взгляд столь узкий подход к толкованию нормативных положений нельзя признать правильным. Необходимость нормативного урегулирования порядка погашения обязательств возникает в момент образования признаков несостоятельности у должника, когда он становится неспособным удовлетворить все имеющиеся финансовые обязательства.

В ином случае вопрос о порядке погашения долгов не имеет никакого практического смысла, поскольку должник способен, не выбирая очередность погашения, исполнить все свои договоры, выплатить необходимые сборы и пошлины.

Помимо изменения очередности погашения долгов Смоленская торговая правда не содержала иных положений, касающихся института торговой несостоятельности.

Псковская судная грамота дополнила нормативное регулирование законодательства о несостоятельности важным положением о конкуренции залоговых прав. До 1397 г. (даты издания документа) данный вопрос не был предметом внимания со стороны правотворческих субъектов.

Как известно, в Псковской судной грамоте гражданско-правовые нормы получили свое существенное развитие. В этом состоит в некотором роде особенность указанного нормативного документа, поскольку в нем был сделан акцент на регулирование частных правоотношений и в меньшей мере отношений публичных, в т.ч. касающихся уголовно-правового регулирования. Причем данная ремарка характерна как в отношении обязательственного, так и в отношении вещного права.

В целом интерес к залому, да еще и в контексте конкуренции залоговых прав, выглядит для того периода времени очень прогрессивным. Вместе с тем само по себе решение обозначенной коллизии избрано незамысловатое – обеспечение равенства правомочий залогодержателей, т.е. по принципу *pari passu*.

Залоговая коллизия в Псковской судной грамоте рассматривается в контексте условия о смерти залогодателя.

В ст. 104 документа предусмотрено, что в случае если несколько истцов представят заложенные умершим грамоты, которые удостоверяют права на один и тот же объект, то они имеют одинаковый объем прав.

Причем в Псковской судной грамоте прямо указывается, что залогодержателю достаточно только подтвердить наличие самого обеспечительного (акцессорного) обязательства, т.е. залога, путем представления соответствующей грамоты.

Что же касается подтверждения обеспечиваемого (основного) обязательства, то его подтверждение осуществлялось либо путем представления соответствующего документа (например, договора займа), либо, при отсутствии такового, - путем приведения к присяге.

Необходимо отметить, что в силу общих норм действовавшего в этот период законодательства присяга допускалась в случае отсутствия иных доказательств своей правовой позиции. Как правило, применение присяги допускалось в случае незначительности размера требований, однако в случае с залогом имущества данный критерий, очевидно, во внимание не принимался, поскольку стоимость заложенного имущества в подавляющем большинстве случаев достаточна высока, ведь именно в этом и состоит смысл залога.

Суть присяги в гражданском процессе состояла в клятве применительно к наличию (отсутствию) определенных юридически значимых обстоятельств.

Из текста Псковской судной грамоты относительно условия о конфликте залогов следовало, что приносило присягу лицо, претендующее на получение прав залогодателя. Присяга приносилась в отношении факта наличия и условий основного обязательства, в обеспечение исполнения которого кредитору предоставлялись вещные права в виде заложенного имущества.

Те кредиторы, которые представили документальное подтверждение обязательственных правоотношений с должником, освобождались от принесения присяги.

Таким образом, согласно Псковской судной грамоте доказывание факта наличия основного обязательства в условиях множественности залогов на один объект гражданских прав происходило путем использования только двух способов доказательств – письменных доказательств (об этом свидетельствует формулировка «если ... у одних истцов, помимо заклада, окажутся еще и записи») либо присяги (о чем прямо указано в документе). Иные доказательства (в том числе показания свидетелей) в отношении искомых юридически значимых обстоятельств являлись, исходя из буквального толкования закона, недопустимыми.

Правило о старшинстве залогов в Псковской судной грамоте не устанавливалось. Разрешение вопроса о порядке исполнения основного обязательства при наличии одновременного обеспечения в виде залога одного и того же имущества по нескольким самостоятельным сделкам с различным составом участников осуществлялось на основании судебного решения.

В нормативном документе указывалось, что в случае если родственники умершего выразят намерение прекратить обеспечительные права на вещь, то они вправе поставить вопрос о выкупе предмета залога у кредиторов.

В такой ситуации имущество подлежало оценке, и наследники могли выплатить стоимость обремененной обеспечительными правами кредиторов вещи и тем самым сохранить имущество за собой.

Полученная от наследников сумма подлежала распределению между кредиторами пропорционально размерам их требований вне зависимости от их социального статуса, даты возникновения обязательств и иных фактических обстоятельств.

Как следует из текста Псковской судной грамоты, все вышеизложенные действия должны были производиться под контролем со стороны суда, который устанавливал как наличие основного обязательства, так и залогового обязательства, стоимость заложенного имущества, а также в конечном итоге распределял полученные денежные средства между кредиторами.

Перевод ст. 104 Псковской судной грамоты в части пропорционального распределения денежных средств между кредиторами не является однообразным [9]. Буквальная формулировка документа звучит как «да делят по делом» [6, с. 77].

Важной особенностью документа являлось то, что нормы Псковской судной грамоты предполагали исполнение обязательств исключительно за счет имущества должника. Тем самым нормативный документ не предполагал преодоление несостоятельности должника за счет лишения его личной свободы.

Несколько сложнее обстояла ситуация, когда признаки неплатежеспособности были следствием публично-правовой ответственности.

В ст. 113 Псковской судной грамоты закреплялось следующее правило: «... ударивший на суде кого-либо из тяжущихся платит потерпевшему один рубль, а при несостоятельности выдается головой потерпевшему и подвергается должному взысканию в княжескую казну» [6, с. 39]. Приведенное законоположение приводило отдельных исследователей к умозаключению о том, что несостоятельность должника является основанием для его передачи в холопство кредитору [1, с. 86].

Действительно, в случае назначения наказания в описанной выше ситуации, положениями Псковской судной грамоты допускалось распространение на должника вещных прав в пользу кредитора. Однако следует различать гражданско-правовую и уголовно-правовую (административно-правовую) ответственность. Если сформулировать предельно упрощенно, то в первом случае речь идет о нарушении имущественных прав кредитора, т.е. затрагивается личная имущественная сфера конкретного лица, во втором – нарушение публичного порядка.

Как уже отмечалось ранее, в первых источниках российского права происходило некоторое смешение публичной и частной форм ответственности. Вместе с тем представляется, что при анализе любых норм права следует производить разграничение не по виду наказания, а по характеру нарушения.

В данном случае нарушение состояло в неисполнении наказания, назначенного за нарушение порядка в судебном заседании и посягающего, помимо прочего, на здоровье и личную неприкосновенность потерпевшего.

Таким образом, природа штрафа, взимание которого установлено в ст. 113 Псковской судной грамоты, имеет публично-правовой подтекст. Неисполнение наказания в виде штрафа имеет ту же самую правовую природу.

Указанные выводы не могут быть поставлены под сомнение ссылкой на то, что в случае неуплаты штрафа должник несет по существу гражданско-правовую ответственность перед потерпевшим, поскольку уплачивает штраф именно ему, а при отсутствии возможности оплатить штраф, становится его холопом.

Однако данное обстоятельство лишь подчеркивает смешение законодателем видов ответственности, но не опровергает сам по себе характер нарушения, изначально не посягающего на имущественное положение потерпевшего.

Изложенная нами позиция косвенно подтверждается тем, что по тексту Псковской судной грамоты больше нигде не упоминается о возможности порабощения должника в случае невозможности погашения долга, в том числе возникшего в результате публично-правовой ответственности.

Представляется, что если бы составители Псковской судной грамоты намеревались установить возможность продажи должника в холопы как общее правило, то они тем более бы закрепили подобный механизм на случаи неисполнения личных имущественных обязательств должника. Однако такой оговорки по тексту нормативного акта не встречается.

Указанное свидетельствует о том, что передача должника кредитору в холопы являлась некой исключительной по своему характеру мерой ответственности, общим правилом являлась материальная ответственность должника.

Доказывание наличия долговых обязательств по Псковской судной грамоте могло происходить с использованием различных средств, в том числе путем судебного поединка или принесения присяги у креста. В целом указанное законоположение

было актуально для процессуального законодательства вне зависимости от категории дел.

Таким образом, нормы банкротного процесса на данном этапе исторического развития не выделялись в самостоятельный блок. Развитие материальных норм в большинстве регионов было фактически заморожено ввиду господствовавшей формы натурального хозяйства, стагнации в области товарно-денежных отношений и отсутствия общественного запроса на реабилитацию несостоятельных должников.

Между тем в тех княжествах, где проходили торговые пути либо существовали предпосылки для активного гражданского оборота, вводились нормы, призванные конкретизировать общие положения, заложенные в первом источнике отечественного права – Русской Правде.

В течение анализируемого периода в отдельных регионах появляется осознание того, что прозрачное нормативное регулирование отношений несостоятельности способно влиять на привлекательность города или района для торговли и как следствие пополнять бюджет за счет привлечения населения и дополнительных фискальных платежей. По указанной причине одним из важных направлений было урегулирование очередности удовлетворения требований иноземцев и сохранение гарантий российских купцов в зарубежных юрисдикциях.

Список литературы:

1. Арбекова А.В. Эволюция мер ответственности, применяемых при банкротстве к нарушителям имущественных прав кредиторов в России // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. №5. 84-97.
2. Багреева Е.Г., Рудая А.А. История развития и современность института банкротства // Евразийская адвокатура. 2020. №5. С. 15-19.
3. Баранец О.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №8. С. 16-21.
4. Гольмстен А.Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А.Г. Смирных, 2-е изд. – М.: «Издание книг ком», 2019. 288 с.
5. Кубанцев С.П. Исторический аспект уголовной ответственности за недобросовестное банкротство в России и зарубежных странах // Журнал российского права. 2016. №12. С. 98-105.
6. Псковская судная грамота (1397-1467) / Сост. И.И. Василев, Н.В. Кирпичников. Псков: типография губернского правления, 1896. 77 с.
7. Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути. История культуры Древней Руси. Т.1. М.-Л., 1948. 484 с.
8. Слепышев В.А. Становление и развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 23. 2010. №9. С. 41-46.
9. Суворов Е. Банкротство в русском праве до Соборного уложения 1649: *pari passu*, отсрочка, дискриминация капитальных процентов и привилегия иностранных кредиторов // https://zakon.ru/blog/2021/02/18/bankrotstvo_v_russkom_prave_do_sobornogo_ulozheniya_1649_pari_passu_otstrochka_diskriminaciya_kapital (дата обращения 18.04.2023).
10. <https://runivers.ru/bookreader/book9738/#page/165/mode/1up> (дата обращения 13.04.2023).

Maznev E.S. Bankruptcy in Russia during the period of feudal fragmentation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 108–115.

The article is devoted to the consideration of the issues of the development of legislation during the period of feudal fragmentation in Russia. This historical stage in the rule-making activity is extremely contradictory, since each region (principality) sought to establish its own rules for regulating trade relations and as a consequence of bankruptcy, since initially this institution originated as a possible consequence of entrepreneurial activity. Most scientists tend to believe that during this period, the relations associated with the insolvency of debtors did not receive any development. The author in this article attempts to refute the above statement by showing the dynamics in the regulation of relations in the field of bankruptcy on the example of some of the most developed regions of our state in the commercial sense, where documents were adopted that established the rules of trade and bankruptcy of citizens.

Keywords: insolvency, bankruptcy, trade, debt bondage, Pskov court charter, Smolenskaya trade truth, responsibility, merchants.

Spisok literary:

1. Arbekova A.V. Evolution of liability measures applied in bankruptcy to violators of creditors' property rights in Russia // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No.5. 84-97.
2. Bagreeva E.G., Rudaya A.A. History of development and modernity of the Institute of bankruptcy // Eurasian Advocacy. 2020. No.5. pp. 15-19.
3. Baranets O.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2007. No.8. pp. 16-21.
4. Golmsten A.H. Historical sketch of the Russian competitive process / Edited by A.G. Smirnykh, 2nd ed. – M.: "Publishing books com", 2019. 288 p.
5. Kubantsev S.P. Historical aspect of criminal liability for unfair bankruptcy in Russia and foreign countries // Journal of Russian Law. 2016. No. 12. pp. 98-105.
6. Pskov Judgment Certificate (1397-1467) / Comp. I.I. Vasilev, N.V. Kirpichnikov. Pskov: printing house of the provincial government, 1896. 77 p.
7. Rybakov B.A. Trade and trade routes. The history of the culture of Ancient Russia. Vol.1. M.-L., 1948. 484 p.
8. Slepyshev V.A. Formation and development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // Bulletin of Chelyabinsk State University. Vol. 23. 2010. No. 9. pp. 41-46.
9. Suvorov E. Bankruptcy in Russian law before the Council Code 1649: pari passu, postponement, discrimination of capital interest and the privilege of foreign creditors // https://zakon.ru/blog/2021/02/18/bankrotstvo_v_russkom_prave_do_sobornogo_ulozheniya_1649_pari_passu_otsrochka_diskriminaciya_kapital
10. <https://runivers.ru/bookreader/book9738/#page/165/mode/1up>

УДК 34:796

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Мельников А. С., Соколов П. С.

Данная статья представляет собой исследование базисных стратегий и законодательных аспектов государственной политики эпохи СССР в период после окончания Великой Отечественной войны, в части, касающейся физического воспитания населения, а также восстановления и развития, как профессионального спорта, так и массовых занятий физической культурой. Основное внимание в работе авторы акцентируют на вопросы, касающиеся законодательной политики в сфере физического культуры и спорта. Рассматриваются нормативно-правовые акты, направленные на перестройку всей системы физической культуры и спорта, на создание специальных образовательных спортивно-оздоровительных учреждений для проведения курсов подготовки тренеров и специалистов, на открытие спортивных секций для детей и молодежи, а также на их доступность для населения. Отмечается, что законодательная деятельность государства в аспекте реформирования физической культуры и спорта в послевоенный период послужила серьезным инструментом повышения престижа советской власти на международной арене, что обусловило дальнейшее совершенствование нормотворческой политики в исследуемой проблематике.

Ключевые слова: физическая культура и спорт, физическое развитие, правовое регулирование, физическая подготовка, Советский Союз, массовый и профессиональный спорт, государственная политика в сфере физической культуры и спорта.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла коррективы в жизни людей и государств. По разным статистическим данным жертвами войны стало около 26 миллионов человек, граждан Советского союза. Помимо разрушенных человеческих жизней, были разрушены города, села, деревни, а вместе с тем здания, сооружения, в числе которых были спортивные объекты (спортивные стадионы, площадки, арены). Казалось бы, что о возрождении советского спорта, как на государственном, так и на международном уровне нельзя было и подумать, но перед правительством были поставлены задачи о его восстановлении.

Одной из главных особенностей развития советского спорта в послевоенный период, в первую очередь являлось восстановление разрушенных боевыми действиями спортивных объектов и создание программ подготовки квалифицированных спортивных кадров. По статистическим данным немецко-фашистскими захватчиками было уничтожено 334 спортивных зала в высших учебных заведениях, более 4000 в начальных и средних школах, утрачено около 18% специалистов по физическому воспитанию и 15% профессиональных тренеров.

Первоочередная задача по восстановлению спортивных объектов была решена в 1945 г., когда Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (далее – СНК СССР) принял Постановление «Об оказании помощи комитетам по делам физической культуры и спорта и улучшении их работы». Данный документ закреплял требования об освобождении сохранившихся спортивных сооружений, занятых не по их прямому назначению и принятии соответствующих мер, направленных на перестройку системы физической культуры и спорта. С целью реализации положений Постановления было предусмотрено создание специальных спортивно-оздоровительных учреждений для проведения кур-

сов подготовки специалистов с одновременным учреждением должностей тренеров и инструкторов по физической культуре в разнообразных видах как массового, так и профессионального спорта, с открытием по всей территории СССР не менее 80 спортивных молодежных школ [5]. Указанным Постановлением было определено специальное назначение деятельности советской исполнительной власти в области спорта и физической подготовки, несмотря на ограниченность материальных ресурсов, а также бюджетных средств в послевоенные годы эпохи советского управления.

Необходимость поднятия престижа СССР за счет спортивных достижений мирового масштаба обусловила дальнейшее совершенствование и спортивного законодательства. В силу этого было принято Постановление Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии от 26 декабря 1948 г. «О ходе выполнения Комитета по делам физической культуры и спорта директив коммунистической партии и правительств о развитии массового физкультурного движения в стране и повышения мастерства советских спортсменов» [6].

Как считает В.В. Столбов, «эффективность деятельности государственного управления в отношении управления физической культурой, а также массовым и профессиональным спортом стали оценивать по количеству медалей, которые получили профессиональные спортсмены в различных по значимости чемпионатах и соревнованиях» [11, с. 3].

С этой целью Постановлением Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (далее – ЦК КПСС) и Совета Министров СССР от 17 октября 1968 г. «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в стране» был учрежден Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР [9].

В.В. Столбов отмечает, что подобные изменения в правовом обеспечении государственной политики в области физической культуры и спорта негативно сказались на развитии именно советской модели физической подготовки населения. В частности, с целью демонстрации достижений в профессиональных видах спорта, которые требовались правящей государственной элите, на местах партийными и комсомольскими работниками довольно часто делались приписки, фальсификации спортивных достижений. Подобные действия привели к стагнации в развитии физкультурно-оздоровительного движения и спорта [10, с. 141].

Упразднение комитетов в области управления физической культурой и спортом привело в дальнейшем к значительному уменьшению пропаганды и привлечению трудящихся к массовым спортивным и физкультурным мероприятиям. В силу этого, на XXIII съезде КПСС, состоявшемся весной 1966 года, было уделено большое внимание реформированию и последующему развитию спорта в Советском союзе [12, с. 193].

С целью надлежащего ресурсного обеспечения массового спорта и физкультурного движения на XXIII съезде КПСС было издано Постановление Совета министров СССР от 11 августа 1966 г. «Вопросы развития физической культуры и спорта» [3]. Данным Постановлением были определены все дальнейшие меры в части повышения квалификации учителей и преподавателей по физической культуре, создание центров подготовки тренеров и инструкторов физической культуры и спорта, а также последующего укрепления материально-технической оснащенности. Для полноценной реализации указанных мероприятий, было учреждён новый орган –

Комитет по физической культуре и спорту, который был подчинён Совету Министров СССР.

Как полагают Г.М. Манасов и Д.Ш. Бесаев, данный нормативный акт, позволил существенно совершенствовать ранее существовавшую, централизованную систему управления, что также способствовало активному развитию массового физкультурно-оздоровительного и спортивного движения в Советском союзе [1, с. 83].

Рассматривая правовые основы всей государственной политики в части реформирования общенациональной поддержки физической культуры и спорта в 60-х годах прошлого столетия, можно сделать вывод о том, что необходимость повышения престижа советской власти активно влияло на сферу управления физической культурой и спортом. Подобные потребности правящей элиты нашли свое отражение в установлении государственных приоритетов в отношении развития именно профессионального спорта. При этом все целевые стратегии по достижению наивысших результатов на международных чемпионатах и соревнованиях с целью наглядной пропаганды преимуществ социализма определялись Комитетом строго централизованно.

В последующем, соответствующее нормативное обеспечение государственной политики в сфере профессионального спорта и массовой физкультурной подготовки населения было трансформировано в достаточно сложно организованную общественно-политическую систему правоотношений, где массовые занятия населения физической культурой были фактически полностью упразднены.

В конце 70-х годов сфера профессионального спорта стала значимым инструментом внешней государственной политики. В силу отсутствия потребностей населения к занятиям массовыми видами спорта и физической культурой, 17 января 1972 г. Постановлением ЦК КПСС и Советом Министров СССР были внедрены усовершенствованные нормативы «Готов к труду и обороне СССР» [8]. Принятые нормативы физической подготовки отдельных слоев населения были признаны критериями оценки эффективности советской системы физического воспитания.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем подъёме массовости в сфере физической культуры и спорта» от 11 сентября 1981 г. [7] указывалось на насущную необходимость в дальнейшем развитии системы физкультурных и спортивных клубов (ФСК), а также и физкультурно-оздоровительных комплексов (ФОК), оказывающих услуги населению непосредственно по месту их постоянного проживания [13].

Были также предприняты попытки по устранению недостатков в управлении физической культурой и спортом. Так, например, были направлены решения Пленума ЦК КПСС в июне 1983 г. о необходимости создания культурно-спортивных комплексов (КСК). В состав подобных комплексов были включены независимые по ведомственной подчинённости клубы и Дома культуры [2, с. 4]. Помимо этого, стали создаваться спортивные секции при домах и дворцах пионеров и школьников. Проводились систематические физкультурно-оздоровительные занятия в парках, стадионах и на базе иных, спортивных сооружений, а также стали активно формироваться все новые и новые юношеские спортивные школы. Подобные, культурно-спортивные комплексы существовали как в городских, так и сельских поселениях.

В марте 1986 г. Президиумом Верховного Совета СССР Комитет по физической культуре и спорту был реорганизован в Союзно-республиканский государственный комитет СССР по физической культуре и спорту (Госкомспорт) [4].

По результатам проведённого исследования, можно сделать вывод, что система нормативного регулирования государственной политики в сфере физической культуры и спорта СССР прошла достаточно длительный исторический путь развития. Советский спорт в послевоенное время за относительно короткий период смог восстановиться до прежнего, довоенного уровня. Оценивая практическое значение правового обеспечения государственной поддержки физической культуры и спорта, можно сказать, что в советский период существовала вся необходимая правовая база, регламентирующая деятельность созданных систем подготовки физкультурников и спортсменов. А система правового регулирования общественных отношений в сфере развития физической культуры и спорта была весьма проработанной и сбалансированной. Все это позволило сборным командам СССР по различным видам спорта достаточно быстро заявить о своей конкурентоспособности на международной спортивной арене.

Список литературы:

1. Манасов, Г. М. Генезис органов государственной власти в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации / Г. М. Манасов, Д. Ш. Бесаев // Теория. Практика. Инновации. – 2017. – № 8(20). – С. 83-86.
2. Матвеев Л. П. Теория и методика физической культуры (общие основы теории и методики физического воспитания; теоретико-методические аспекты спорта и профессионально-прикладных форм физической культуры): Учеб. для интов физ. культуры. — М.: Физкультура и спорт, 1991. – 543 с.
3. Постановление Совмина СССР от 11.08.1966 № 671 «Вопросы развития физической культуры и спорта» // СП СССР. 1966. № 1. Ст. 160. (утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80)
4. Постановление Совмина СССР от 21.11.1986 № 1395 «Об утверждении Положения о Государственном комитете СССР по физической культуре и спорту» // СП СССР. 1987. № 1. Ст. 1. (утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства Российской Федерации от 03.02.2020 № 80)
5. Постановление Совнаркома СССР от 28 сентября 1945 г. № 2493 «Об оказании помощи Комитетам по делам физкультуры и спорта и улучшении их работы» // Документ опубликован не был. Цит. по СПС КонсультантПлюс, (дат. обр. 23.05.2023 г.)
6. Постановление Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии от 26 декабря 1948 года «О ходе выполнения Комитета по делам физической культуры и спорта директив коммунистической партии и правительств о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов» // Документ опубликован не был. Цит. по СПС КонсультантПлюс, (дат. обр. 23.05.2023 г.)
7. Постановление ЦК КПСС (Совмина СССР) от 11 сентября 1981 № 890 «О дальнейшем подъеме массовости физической культуры и спорта» // СП СССР. 1981. № 26. Ст. 152.
8. Постановление ЦК КПСС (Совмина СССР) от 17 января 1972 № 61 «О введении нового Всесоюзного физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» (ГТО)» // СП СССР. 1972. № 3. Ст. 16.
9. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 17.10.1968 № 826 «Об улучшении руководства физической культурой и спортом в стране» // СП СССР. 1968. № 20. Ст. 139. (утратил силу на территории Российской Федерации в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 03.02.2020 № 80)
10. Столбов В.В. История физической культуры : Учебник для факультетов физической культуры педагогических институтов : диссертация ... доктора педагогических наук : 13.00.04. - Москва, 1989. - 287 с.
11. Столбов, В.В. Российские единомышленники Пьера де Кубертена // Олимп. бюл. / РГАФК. ЦОА. - Москва, 1997. - № 3. - С. 3-9.
12. Тонков, Е. Е. Гарантии занятия физкультурой и спортом в системе конституционных прав и свобод / Е. Е. Тонков, Р. В. Донец // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1(90). – С. 188-193.

13. Тонков, Е. Е. Развитие законодательного закрепления гарантий физкультуры и спорта / Е. Е. Тонков, Р. В. Донец // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2013. – № 2(145). – С. 181-188.

Melnikov A.S., Sokolov P.S. Features of legal regulation and state policy in the sphere of physical culture and sports of the USSR in the post-war period // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 116-120.

This article is a study of the basic strategies and legislative aspects of the state policy of the era of the USSR in the period after the end of the Great Patriotic War, in terms of the physical education of the population, as well as the restoration and development of both professional sports and mass physical education. The main attention in the work the authors focus on issues related to legislative policy in the field of physical culture and sports. The regulatory legal acts aimed at restructuring the entire system of physical culture and sports, at creating special educational sports and recreation institutions for training courses for coaches and specialists, at opening sports sections for children and youth, as well as their accessibility to the population are considered. It is noted that the legislative activity of the state in the aspect of reforming physical culture and sports in the post-war period served as a serious tool for increasing the prestige of the Soviet government in the international arena, which led to further improvement of the rule-making policy in the studied issues.

Keywords: physical culture and sports, physical development, legal regulation, physical training, the Soviet Union, mass and professional sports, state policy in the field of physical culture and sports.

Spisok literatury:

1. Manasov, G. M. Genesis organov gosudarstvennoy vlasti v sfere fizicheskoy kul'tury i sporta v Rossiyskoy Federatsii / G. M. Manasov, D. SH. Besayev // Teoriya. Praktika. Innovatsii. – 2017. – № 8(20). – С. 83-86.
2. Matveyev L. P. Teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury (obshchiye osnovy teorii i metodiki fizicheskogo vospitaniya; teoretiko-metodicheskiye aspekty sporta i professional'no-prikladnykh form fizicheskoy kul'tury): Ucheb. dlya intov fiz. kul'tury. — M.: Fizkul'tura i sport, 1991. — 543 s.
3. Postanovleniye Sovmina SSSR ot 11.08.1966 № 671 «Voprosy razvitiya fizicheskoy kul'tury i sporta» // SP SSSR. 1966. № 1. St. 160. (utratil silu na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s izdaniyem Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 03.02.2020 № 80)
4. Postanovleniye Sovmina SSSR ot 21.11.1986 № 1395 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Gosudarstvennom komitete SSSR po fizicheskoy kul'ture i sportu» // SP SSSR. 1987. № 1. St. 1. (utratil silu na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s izdaniyem Postanovleniya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 03.02.2020 № 80)
5. Postanovleniye Sovnarkoma SSSR ot 28 sentyabrya 1945 g. № 2493 «Ob okazanii pomoshchi Komitetam po delam fizkul'tury i sporta i uluchshenii ikh raboty» // Dokument opublikovan ne byl. Tsit. po SPS Konsul'tantPlyus, (dat. obr. 23.05.2023 g.)
6. Postanovleniye Tsentral'nogo komiteta Vserossiyskoy kommunisticheskoy partii ot 26 dekabrya 1948 goda «O khode vypolneniya Komiteta po delam fizicheskoy kul'tury i sporta direktiv kommunisticheskoy partii i pravitel'stv o razviti massovogo fizkul'turnogo dvizheniya v strane i povysheniya masterstva sovetkikh sportsmenov» // Dokument opublikovan ne byl. Tsit. po SPS Konsul'tantPlyus, (dat. obr. 23.05.2023 g.)
7. Postanovleniye TSK KPSS (Sovmina SSSR) ot 11 sentyabrya 1981 № 890 «O dal'neyshem pod'yeme massovosti fizicheskoy kul'tury i sporta» // SP SSSR. 1981. № 26. St. 152.
8. Postanovleniye TSK KPSS (Sovmina SSSR) ot 17 yanvarya 1972 № 61 «O vvedenii novogo Vsesoyuznogo fizkul'turnogo kompleksa «Gotov k trudu i oborone SSSR» (GTO)» // SP SSSR. 1972. № 3. St. 16.
9. Postanovleniye TSK KPSS, Sovmina SSSR ot 17.10.1968 № 826 «Ob uluchshenii rukovodstva fizicheskoy kul'turoy i sportom v strane» // SP SSSR. 1968. № 20. St. 139. (utratil silu na territorii Rossiyskoy Federatsii v svyazi s izdaniyem Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 03.02.2020 № 80)
10. Stolbov V.V. Istoriya fizicheskoy kul'tury : Uchebnyk dlya fakul'tetov fizicheskoy kul'tury pedagogicheskikh institutov : dissertatsiya ... doktora pedagogicheskikh nauk : 13.00.04. - Moskva, 1989. - 287 s.
11. Stolbov, V.V. Rossiyskiye yedinomyshlenniki P'yera de Kubertena // Olimp. byul. / RGAFK. TSOA. - Moskva, 1997. - № 3. - S. 3-9.
12. Tonkov, Ye. Ye. Garantii zanyatiya fizkul'turoy i sportom v sisteme konstitutsionnykh prav i svobod / Ye. Ye. Tonkov, R. V. Donets // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2013. – № 1(90). – С. 188-193.
13. Tonkov, Ye. Ye. Razvitiye zakonodatel'nogo zakrepleniya garantiy fizkul'tury i sporta / Ye. Ye. Tonkov, R. V. Donets // Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2013. – № 2(145). – С. 181-188.

УДК 342.849

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Орлова М. Ю.

*Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации*

В настоящей статье проводится теоретический анализ особенностей и видов применения цифровых технологий в избирательном процессе. Рассмотрены проблемы, возникающие в связи с использованием технологий, электронного голосования на выборах, проанализирована судебная практика по теме исследования, а также предложены пути решения обозначенных проблем. Делается вывод о необходимости цифровизации избирательной системы в целом и непосредственно избирательного процесса для обеспечения демократических выборов, и защиты избирательных прав граждан.

Ключевые слова: комплексы обработки избирательных бюллетеней, избирательные комиссии, судебная практика, избирательный процесс, избирательные права.

В современном мире активно развиваются цифровые и информационные технологии, причем такие новшества широко применяются и в сфере избирательного права. В частности, стали возможными автоматизированная обработка бюллетеней и подсчета голосов избирателей, проведение электронного голосования, что позволяет сэкономить время на посещения избирательного участка, контролирование хода голосования избирателей в онлайн-режиме посредством системы видеонаблюдения.

Электронные машины для голосования быстро и точно подсчитывают голоса. Впервые использованные в США, они распространились на ряд стран Латинской Америки и Азии. Однако нематериальный характер цифровых процессов затрудняет обнаружение фальсификации; в результате большинство европейских стран придерживаются проверенных и надежных обычных бумажных бюллетеней.

Еще более спорной является идея интернет-голосования. С одной стороны, предоставление гражданам возможности проголосовать онлайн без необходимости посещать избирательные участки может помочь обратить вспять тревожное снижение явки избирателей во всем мире. С другой стороны, современные технологии не позволяют полностью защитить системы интернет-голосования от хакеров, что является серьезной проблемой, учитывая растущую изоциренность кибератак. На сегодняшний день только Эстония предоставляет всем избирателям возможность онлайн-голосования на национальных выборах.

Внедрение цифровых технологий в избирательный процесс вызвало пристальное внимание со стороны исследователей. Следует обратить внимание на то, что вопросы обеспечения избирательных прав граждан в условиях активной цифровизации избирательного процесса рассматриваются в работах таких ученых-правоведов, как Е.С. Аничкин, И.Б. Байханов, А.Г. Головин, А.А. Родионова, С.А. Трыконова, Д.М. Худолей, К.М. Худолей. Вопросам внедрения и функционирования электронного голосования посвящены работы Е.О. Горностаевой, К.Ю. Матрениной, А.А. Вешняковой, а также ряда других.

Актуальность темы научного исследования заключается в том, что электронное голосование используется в избирательном процессе большого количества государств, при этом, отсутствует единый подход к его пониманию правовой природы и правового статуса. В связи с этим, следует рассмотреть проблемы, возникающие в ходе использования комплекса обработки избирательных бюллетеней (далее – КОИБ), а также пути их решения.

Для демонстрации наглядности в ходе анализа будут приведены не только теоретические положения по теме исследования, а также примеры судебной практики.

Электронное голосование в соответствии с определением, данным в Рекомендациях Совета Европы представляет собой автоматизированный комплекс, состоящий из электронных машин, используемых при проведении голосования на избирательных участках, а также оптические сканеры для записи, а равно подсчета бюллетеней и дистанционного электронного голосования [1].

Для ряда иностранных государств таких, как США, Великобритания, Франция стационарное электронное голосование является наиболее популярным видом голосования среди избирателей, дистанционное голосование только внедряется в избирательные процессы, проводимые на указанных территориях. Во многих государствах и вовсе отказываются от введения дистанционного голосования, поскольку оно не в силах обеспечить необходимый уровень информационной безопасности.

В России активно используется как стационарное электронное голосование, так и дистанционное, последнее активно внедрилось в избирательный процесс после пандемии COVID-19.

Цифровизация избирательного процесса в РФ следует в строгом соответствии с нормативно-правовой базой, которая представлена в следующем формате.

Первым шагом к расширенному использованию электронного голосования стало внедрение Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы».

Изначально для подсчета голосов избирателей применялся Сканер избирательных бюллетеней (СИБ), разработанный в 1996 г. Позже появился Комплекс обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), функционирующий как составной элемент ГАС «ВЫБОРЫ», в каждый комплекс был встроен компьютер, записывающий результат голосования изначально на дискету, а затем подгружавший результат в информационную систему.

До недавнего времени КОИБ не рассматривались в качестве полноценной процедуры, которая может заменить широко распространенные стандартные ящики для голосования. Возможность их использования была строго ограничена, а конкретные случаи применения КОИБ при проведении голосования и подсчете голосов были поименованы в действовавшем законодательстве.

С течением времени «цифровизация» существенно изменила подход законодателя к применению КОИБ в ходе проведения голосования и подсчета голосов избирателей. Так, в 2005 г. появилось широкое определение термина «электронное голосование», согласно п. 62 ст. 2 ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», где под ним понимается процедура голосования без использования бумажного бюллетеня, с применением средства технического характера [2].

В 2006 г. для проведения электронного голосования был апробирован Комплекс электронного голосования (КЭГ), принцип работы КЭГ базируется на голосовании

избирателя посредством выбора кандидата на сенсорном экране. В частности, были отмечены достоинства КЭГ, среди которых: существенная экономия времени на подсчет голосов, удобство для избирателей, экономия бумаги.

На данный момент, при проведении выборов активно используются как КЭГ, так и КОИБ, стандартные урны для голосования используются в редких случаях, как правило, это те местности, в которых имеются ограничения по подаче электроэнергии, транспортной доступности.

Большое количество сложностей возникает на практике, в частности, участниками избирательного процесса ставится под сомнение «прозрачность» подсчета голосов посредством применения системы КОИБ. В связи с этим необходимо проанализировать судебную практику, сложившуюся по спорам, связанных с оспариванием результатов подсчета голосов системой КОИБ.

5 марта 2020 г. по административному делу № 2а-596/2020 по административному исковому заявлению Сиялова Ильи Валерьевича, Киселева Ивана Владимировича к Участковой избирательной комиссии № 983 с требованием об отмене решения участковой избирательной комиссии избирательного участка № 983 об итогах голосования по избирательному участку № 983 на выборах депутатов Муниципального Совета внутригородского муниципального образования муниципальный округ Пороховые шестого созыва по избирательному округу № 108, о признании недействительным протокола участковой избирательной комиссии об итогах голосования на избирательном участке № 983, о внесении изменений в сводную таблицу об итогах голосования, об устранении нарушений в решении ИКМО Пороховые о результатах выборов депутатов Муниципального Совета внутригородского муниципального образования муниципальный округ Пороховые, Красногвардейским районным судом города Санкт-Петербурга в удовлетворении административных исковых требований было отказано [3].

Административные истцы в административном исковом заявлении аргументировали свою позицию тем, что при проведении выборов на спорном избирательном участке использовался КОИБ, который из-за низкого качества печати не смог распознать ряд избирательных бюллетеней. В нарушение порядка проведения голосования, должностные лица вместо того, чтобы погасить выявленные бюллетени и выдать избирателям новые с составлением акта соответствующей формы, с дефектами опустили их в резервный ящик для голосования, по завершению процедуры голосования часть бюллетеней была вновь проведена через КОИБ, а 8 бюллетеней посчитаны механическим способом.

По мнению административного истца членами избирательной комиссии допущенные нарушения привели к расхождению фактических результатов голосования и результатами голосования, отраженными в итогом протоколе территориальной избирательной комиссии.

Помимо этого, вторым административным истцом в суд была заявлена копия протокола территориальной избирательной комиссии, содержание которой существенно отличались от итогового протокола, по его мнению, указанные расхождения свидетельствуют о нарушениях, допущенных при подсчете итогов голосования, в том числе, обусловленные нарушением порядка использования КОИБ.

Отказ в удовлетворении административных исковых требований был мотивирован судом следующим образом.

Во-первых, использование КОИБ в целях фиксации голосов избирателей с последующим подсчетом является правомерным и предусмотрено положениями действующего федерального законодательства.

Во-вторых, суд акцентировал свое внимание на том, что допущенные нарушения ручного подсчета голосов не влияют на расстановку сил лиц, победивших на голосование.

В-третьих, иные копии протокол об итогах голосования на избирательном участке № 983, по мнению суда, не отвечают критериям протоколов голосования на избирательном участке по форме и содержанию, как следствие, были признаны судом ненадлежащими доказательствами.

Следует обратить внимание и на вывод суда о том, что зафиксированная техническая ошибка КОИБ-2010 в формировании протокола не является бесспорным основанием для отмены итогов голосования по избирательному участку № 983, из-за того, что на правильность работы КОИБ-2010 в части подсчета голосов избирателей не повлияла.

На некорректную работу КОИБ при проведении голосования ссылаются административные истцы в ряде судебных процессов. В частности, Металлургическим районным судом города Челябинска было рассмотрено дело № 2а-238/2020 по административному исковому заявлению Мальцева О.Н. к Территориальной избирательной комиссии Металлургического района города Челябинска с требованием о признании незаконным и отмене решения территориальной избирательной комиссии Металлургического района г. Челябинска от 09.09.2019, о пересчете бюллетеней в участковых избирательных комиссиях избирательных участков № 680 и № 689, восстановлении нарушенных избирательных прав административного истца в части удовлетворения требования о пересчете зарегистрированных избирательных бюллетеней в ручном порядке [4].

В ходе судебного заседания административный истец аргументировал свою позицию тем, что он участвовал на выборах в качестве депутата по трем избирательным участкам: на двух был установлен КОИБ, на третьем – стандартная урна.

По мнению административного истца, при подсчете голосов было зафиксировано, что на избирательном участке, где была установлена стандартная урна он одержал победу, на избирательных участках с КОИБ – проиграл с отставанием в 1%. Помимо этого, на избирательном участке, расположенном по адресу: ул. Б. Хмельницкого было зафиксировано большое количество нарушений, пресечена попытка изъятия флеш-накопителя, сбой в работе КОИБ, замечен подкуп избирателей. Требования о подсчете голосов вручную были отклонены представителями избирательной комиссии в полном объеме.

Также, административным истцом отмечено, что большое количество избирательных бюллетеней было испорчено при попытке поместить их в КОИБ, в ручном режиме волеизъявления избирателей таких бюллетеней обработаны не были, как следствие, отсутствует информация о точных результатов выборов на спорном избирательном участке.

Председатель ТИК с требованиями административного искового заявления не согласился, аргументировал свою позицию тем, что в течение дня технического сбоя КОИБов не было, сведений о подкупе избирателей не было, перед подведением итогов территориальной избирательной комиссией истец не присутствовал. По

избирательному участку № 680 никаких обращений не было, все поступившие жалобы участковой избирательной комиссией регистрируются и их количество указывается в итоговом протоколе в обязательном порядке. И те, которые до подведения итогов голосования не были рассмотрены, соответственно, рассматриваются при проведении итогового заседания. По поводу контрольного ручного пересчета, в соответствии с законом и инструкцией при использовании КОИБов, жеребьевкой определяется не менее 5% от общего количества избирательных участков, задействованных в выборах для определения контрольного ручного пересчета голосов. И в случае, если контрольный ручной пересчет показывает правильность результатов этих участков, то результаты и протоколы, которые выдаются КОИБами, остаются, если идет расхождение хотя бы по одной позиции больше, чем на два бюллетеня при подсчете, то ручной подсчет осуществляется на всех избирательных участках, задействованных в выборах. В районе работало 60 избирательных участков, КОИБы использовались на 56 участках, по жеребьевке было отобрано 3 избирательных участка, избирательные комиссии которых в обязательном порядке провели ручной пересчет, все остальные избирательные комиссии ждали их результаты. Если бы при ручном подсчете было какое-то расхождение, все избирательные комиссии проводили бы в этот день ручной пересчет в обязательном порядке. В день голосования в КОИБы было опущено 79 600 бюллетеней, на трех участках прошел ручной пересчет, всего было пересчитано 4 765 бюллетеней, т.е. примерно 6% от всех бюллетеней, которые были опущены в КОИБ, считали по 43 позициям. Все эти бюллетеней при ручном пересчете совпали с теми данными, которые дали КОИБы.

По итогу административного процесса суд принял решение об отказе в удовлетворении исковых требований административного истца. Мотивировочная часть судебного решения содержит указание на том, что Порядок организации работы участковой комиссии по составлению протокола об итогах голосования для подписания членами участковой комиссии регламентирован Инструкцией о порядке использования технических средств подсчета голосов - комплексов обработки избирательных бюллетеней 2010 (КОИБ-2010) на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации (далее – Инструкция), утвержденной Постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 6 июля 2011 г. № 19/204-6.

Согласно протоколам заседания участковых избирательных комиссий №680 и №689 от 08 сентября 2019 г., жалоб и заявлений, поступивших в участковые избирательные комиссии №680 и №689 в день голосования и до окончания подсчетов голосов избирателей, не было (л.д. 54-61).

В соответствии с пунктом 6 Инструкции, после подписания всех протоколов об итогах голосования участковая комиссия извлекает бюллетени из накопителей для бюллетеней КОИБ-2010 и упаковывает их в мешки или коробки без сортировки. Мешки или коробки опечатываются и могут быть вскрыты только по решению вышестоящей комиссии или суда.

Как следует из пояснений представителей участковых избирательных комиссий №680 и 689, данных в судебном заседании, на момент поступления от административного истца Мальцева О.Н. требования о ручном пересчете голосов, итоговый протокол был уже распечатан, бюллетени упакованы и опечатаны.

При таких обстоятельствах, учитывая, что Мальцев О.Н. не присутствовал при подсчете голосов, обратился с жалобами лишь 09 сентября 2019 г., уже после подведения итогов голосования, оснований для ручного пересчета голосов не имелось.

Вместе с тем, имеется практика удовлетворения требований о признании недействительными решения участковых избирательных комиссий об итогах голосования при повторном ручном подсчете голосов на избирательных участках с использованием КОИБ. Так, решением Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга от 20 декабря 2019 г. (№ 2а-4140/2019) признано недействительным решение внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга от 10 сентября 2019 г. № 160 о проведении повторного подсчета голосов избирателей при голосовании по выборам депутатов муниципального совета внутригородского муниципального образования Санкт-Петербурга муниципальный округ О. шестого созыва по избирательному округу № 22 (подсчет бюллетеней, извлеченных из КОИБ-2017) в части участковых избирательных комиссий №№ 170, 171, 172, 173, 175, 179 и на окружную избирательную комиссию возложена обязанность определить результаты выборов с учетом первоначальных протоколов вышеуказанных избирательных комиссий с составлением нового протокола о результатах выборов [5].

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд, установив, что тестирование КОИБ-2017 на избирательных участках перед началом голосования показало надлежащую качественную работу технического средства для голосования, нарушений и ошибок при подсчете голосов избирателей, производимом при помощи КОИБ-2017, а также при протоколов об итогах голосования на указанных избирательных участках установлено не было, и исходя из того, что выявление типографского брака в избирательных бюллетенях на избирательных на рассматриваемые правоотношения не влияет, пришел к выводу о правильности первичного подсчета голосов избирателей на избирательных участках техническим средством для голосования и об отсутствии законных оснований для повторного подсчета голосов избирателей, в связи с чем признал недействительными такое решение избирательной комиссии.

На основании анализа научных работ, а также судебной практики, сложившейся по результатам рассмотрения жалоб на работу КОИБ можно сделать вывод о низкой информированности населения о стабильности и прозрачности работы КОИБ, о необходимости улучшения механизмов распознавания бюллетеней и разработки современных методик, позволяющих ускорять процессы обобщения информации об итогах проведенного голосования. Все эти усовершенствования системы позволят сократить сроки определения и оглашения результатов выборов после завершения процесса голосования и подсчета голосов.

Список литературы:

1. Recommendation CM/Rec (2017) 5 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies) // <https://rm.coe.int/0900001680726f6f>
2. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // «СЗ РФ», 17.06.2002, № 24, ст. 2253.
3. Решение Красногвардейского районного суда города Санкт-Петербурга по административному делу № 2а-596/2020 // СПС «Консультант Плюс».
4. Решение Metallургического районного суда г. Челябинска по административному делу № 2а-238/2020 // СПС «Консультант Плюс».
5. Решение Василеостровского районного суда Санкт-Петербурга по административному делу № 2а-4140/2019 // СПС «Консультант Плюс».

- 6.Трыканова, С. А. Цифровые технологии в избирательном процессе : учебное пособие / С. А. Трыканова, Н. Н. Кулешова. – Москва : Знание-М, 2021. – 72 с.
- 7.Байханов, И. Б. Демократия, избирательные системы и избирательные технологии / И.Б. Байханов. – Москва: Проспект, 2019. – 160 с.
- 8.Головин, А. Г. Избирательное право и избирательный процесс в РФ. Курс лекций / А.Г. Головин. – Москва : Норма, 2019. – 378 с.

Orlova Maria. Legal regulation of technologization and digitalization of the electoral process: theory and practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 121–127.

This article provides a theoretical analysis of the features and types of application of digital technologies in the electoral process. The problems arising in connection with the use of technologies, electronic voting in elections are considered, judicial practice on the research topic is analyzed, and ways to solve the identified problems are proposed. It is concluded that it is necessary to digitalize the electoral system as a whole and the electoral process itself in order to ensure democratic elections and protect the electoral rights of citizens.

Key words: ballot processing complexes, election commissions, judicial practice, electoral process, electoral rights.

Spisok literatury:

1. Recommendation CM/Rec (2017) 5 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies) // <https://rm.coe.int/0900001680726f6f>
2. Federal'nyj zakon ot 12 iyunya 2002 g. N 67-FZ «Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossijskoj Federacii» // «SZ RF», 17.06.2002, № 24, st. 2253.
3. Reshenie Krasnogvardejskogo rajonnogo suda goroda Sankt-Peterburga po administrativnomu delu № 2a-596/2020 // SPS «Konsul'tant Plyus».
4. Reshenie Metallurgicheskogo rajonnogo suda g. CHelyabinska po administrativnomu delu № 2a-238/2020 // SPS «Konsul'tant Plyus».
5. Reshenie Vasileostrovskogo rajonnogo suda Sankt-Peterburga po administrativnomu delu № 2a-4140/2019 // SPS «Konsul'tant Plyus».
6. Trykanova, S. A. Cifrovye tekhnologii v izbiratel'nom processe : uchebnoe posobie / S. A. Trykanova, N. N. Kuleshova. – Moskva : Znanie-M, 2021. – 72 s.
7. Bajhanov, I. B. Demokratiya, izbiratel'nye sistemy i izbiratel'nye tekhnologii / I.B. Bajhanov. – Moskva: Prospekt, 2019. – 160 с.
8. Golovin, A. G. Izbiratel'noe pravo i izbiratel'nyj process v RF. Kurs lekcij / A.G. Golovin. – Moskva : Norma, 2019. – 378 с.

УДК 340.12

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ДОКТРИНЫ ПАНСЛАВИЗМА В РАДИКАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ

Пойминов Н. М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Тема славянской интеграции и особой миссии России в славянском мире в условиях глобальных вызовов не утрачивает своей актуальности, в силу чего представляется логичным обращение к изучению подходов русской радикальной правовой мысли, сформировавшей специфические представления о концепции политического единства славянских государств.

Целью работы является исследование политико-правового наследия представителей русской революционной мысли в контексте их оценки доктрины панславизма. Рассмотрены взгляды на феномен панславизма М.А. Бакунина, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского. Проведенное исследование показало, что отрицавшие официальный панславизм, но считавшие необходимой консолидацию славян в целях достижения целей революции, А.И. Герцен и М.А. Бакунин видели особый преобразовательный потенциал в социальном устройстве сельской общины. Н.Г. Чернышевский допускал целесообразность ограниченной славянской интеграции, но вне доминирующей роли России. Созданная теоретиками радикального направления мысли революционная версия панславизма представляла собой идеологию славянской взаимности, опирающуюся на формат социализации сельской общины, направленную на свержение самодержавия и освобождение народов.

Ключевые слова: панславизм, М.А. Бакунин, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, радикальная мысль, государственно-правовая доктрина, славянская федерация, внешняя политика.

Идея славянской идентичности представляет собой одно из проявлений философского осмысления места России в славянском мире. Панславизм – государственно-правовая доктрина политического единства славянских государств и народов на основе этнической, культурной и языковой общности. Панславизм относится к группе так называемых панидеологий, представляющих синтез геополитических и государственно-правовых идей, закрепляющих внешнеполитические ориентиры в контексте формирования национально-политической идентичности. Такие идеологии призваны объединять этнически и территориально близкие народы в целях совместного решения социально-политических, экономических, религиозных и культурных задач. Исследование феномена актуально не только в контексте научной реконструкции прошлого, панславизм может трактоваться в качестве одного из идеалов русской цивилизации, направленных в сторону коллективной идентичности славянских народов. Как отмечает М.В. Грицюк, в отечественной науке проблема государственной идеологии и национальной идеи всегда активно обсуждалась и, по мере развития, «появилась основополагающая национальная идея о великодержавности, которая проявлялась уже в Российской империи и сохранилась в общественной памяти до настоящего времени» [7, с. 24]. Авторы А.Л. Бредихин и Е.Д. Проценко также считают, что «идеологический компонент присущ государственности России, а государство при этом выступает главным субъектом идеологической деятельности» [3, с. 3].

Свойственный русскому сознанию концепт панславизма приобрел обоснование в рамках славянофильского крыла консервативного течения России в первой половине XIX века. Вместе с тем, идеи славянской интеграции разделяли отдельные представители радикальных течений конца XIX в. Они сформировали особые под-

ходы к концепции политического единства славянских государств, отрицавшие официальный панславизм, но считавшие продуктивным и целесообразным объединение славян в целях достижения целей революции. Радикализм в своей буквальной трактовке представляет собой стремление к коренным изменениям, к получению максимальных результатов в преобразовательной деятельности. Радикальные течения – направления политико-правовой и философской мысли, ориентированные на государственно-правовые, экономические и культурные преобразования.

Методология исследования представлена использованием диалектического метода, системного метода в контексте изучения государственно-правовых воззрений представителей русской радикальной мысли, привлечением компаративистского метода, направленного на сопоставление и выявление сходств и отличий во взглядах мыслителей, а историко-правовой метод обеспечил выявление причин генезиса и эволюции идей славянской интеграции.

Следует отметить, что всесторонний анализ политико-правового наследия представителей русской революционной мысли в контексте их видения проблематики панславизма, еще не осуществлялся. В поле зрения исследователей попадали отдельные аспекты соответствующих учений, в частности, к рассмотрению темы славянского федерализма в мировоззрении М.А. Бакунина и А.И. Герцена обращался Б.А. Прокудин, раскрывала специфику славянских идей во взглядах М.А. Бакунина и Ф. Энгельса А.А. Григорьева [6; 8]. Что еще раз подчеркивает актуальность исследования политико-правового наследия представителей русского радикализма в контексте их оценки доктрины панславизма

М.А. Бакунин (1814–1876) – русский мыслитель, представитель радикального либерализма, идеолог анархизма как доктрины общественно-политического освободительного движения, направленного на уничтожение «несправедливого строя». Концепты анархизма демонстрируют отрицательное отношение к феномену государства, считая его конструкцией, априори несовместимой со свободой. В его русле распространен тезис, что только уничтожение классических государств позволит создать свободную всемирную федерацию ассоциаций, коммун, групп и союзов. Анархизм Бакунина стал идейной почвой для революционных подвигов и дискуссий о будущем государственно-правовом устройстве общества. Следует отметить мобильность воззрений мыслителя, являющуюся воплощением эволюции его государственно-правовых взглядов.

Стремление найти свое место в международном революционном процессе привела М.А. Бакунина в ряды общеславянского национально-освободительного движения. В 40-х годах XIX века появились первые работы мыслителя, направленные на критику российского государственного строя, тогда же свет увидели первые концепции создания свободной славянской республики в форме безгосударственного союза. Но центральным источником, позволяющим проанализировать эволюцию представлений о феномене панславизма в наследии М.А. Бакунина, является его произведение «Исповедь», датированное 1851 г. и представляющее собой исторический документ, адресованный императору Николаю I. В этом труде не только описываются отдельные аспекты функционирования Первого Славянского конгресса, но и выражается позиция автора относительно идей всеславянства.

В 1848 г. в Праге состоялся инициированный австрийскими чехами и словаками Первый славянский съезд, созданный с целью снижения немецкого влияния на тер-

ритория преимущественного проживания славянских народов в Австрийской империи. Конгресс включал три отделения: в северном были «поляки, русины, шлензакки»; западное состояло из чехов, моравов, словаков; в южном «заседали сербы, хорваты, словенцы и далматы» [2, с. 78]. Представителем России на Пражском конгрессе был М.А. Бакунин, примкнувший к северному отделению (как отмечал мыслитель, на самом деле русских было двое – он и некий старообрядец).

М.А. Бакунин в рамках конгресса выступил с призывом к ликвидации всех включающих славянские народы империй и с идеей создания Великой вольной славянской федерации с центром в Константинополе. Мыслитель преследовал цели консолидации славян и поиска союзников для активизации революционной пропаганды в России. Поработив Царство Польское, утверждал Бакунин, Россия предала идею славянства: исправить ситуацию может только освобождение Польши.

Подчеркивая несостоятельность славянского единства без России, вместе с тем, Бакунин акцентировал внимание на том, что империя Николая I как «гроб всякой народной жизни и всякой свободы» не способна стать оплотом спасения для славян в существующих политико-правовых реалиях. Что предлагал идеолог народничества? Он выступил с инициативой первичного объединения славян вне России в вольной и великой федерации всех славянских народов, которое, по его мнению, могло обусловить в дальнейшем освобождение русского народа. Консолидация славянства, по Бакунину, вступила бы побудительным мотивом революционной пропаганды и борьбы с самодержавием в России.

Конгресс не воплотил чаяния о единении славян из-за желания каждого славянского народа получить больше выгод при отсутствии возможности идти на компромиссы. Первая встреча со славянами, по словам М.А. Бакунина, пробудила чувство славянства, отодвинувшее на задний план увлечение демократическим движением Западной Европы. И если практической пользы первый конгресс, по признанию Бакунина, не принес, то его идеологическое значение состояло в том, что это был первый опыт выведения на уровень всеславянского формата обсуждаемой тематики.

В опубликованных позднее работах по славянскому вопросу «Основы славянской федерации», «Внутреннее устройство славянских народов» [9] сформулированы основные концепты идей славянской интеграции М.А. Бакунина. Новая федерация должна основываться на началах независимости всех народов, их союзном единении, институционально выраженном в виде Славянского совета как высшего органа власти. В компетенции Совета высший суд, вопросы мира и войны, разрешение возникающих разногласий между славянскими племенами. Совет является и единственным актором внешнеполитической деятельности, руководит славянскими войсками.

Что касается внутреннего устройства, то входящие в федерацию народы обладают свободой избрания формы правления, наиболее соответствующей исторически сложившимся политическим практикам. Вместе с тем, соединенных славянских народов должно основываться на принципах равенства, свободы и братской любви при ликвидации крепостной зависимости и сословности. Каждый имеет право определять свое место жительства свободно, в том числе, на территории другого славянского народа. Контроль за соблюдением указанных основ народами, составляющими союз, является правом и обязанностью совета.

Позднее, в работе «Государственность и Анархия» (1873 г.) М.А. Бакунин указывает, что по своей природе и сущности славяне как преимущественно мирные земледельческие племена далеки от политических, государственных начал, ведь «ни одно славянское племя само собой не создало государства» [1, с. 267-283]. Исторически эти народы не были завоевателями. Бакунин констатировал: общественно-политические реалии XIX в. свидетельствуют том, что государство не сможет оставаться суверенным, если оно не является государством-агрессором. Следовательно, образование великого славянского государства воплотится в форме славяно-народного рабства, основанного на военном подчинении и удержании народов. Бакунин задает ключевой вопрос: как противодействовать торжествующему пангерманизму вне создания панславянского государства? Ведь, как было отмечено, подобная славянская федерация обернется общеславянским рабством под предводительством России. В учении М.А. Бакунина рождается следующий вариант решения проблемы: славяне через всенародный бунт против государства, через интернациональную социальную революцию в стремлении к общей свободе и человеческому братству имеют возможность освободить и себя, и другие народы. Для этого славянскому пролетариату необходимо масштабно присоединиться к Интернациональной ассоциации рабочих, образовывая фабричные и земледельческие секции, объединенные в местные федерации. Возможным Бакунину представлялось и образование общеславянской федерации как инструмента разрушения всех государств в этих революционных трансформациях.

Идеи славянского единства М.А. Бакунина можно трактовать как идеологию популяризации революционных преобразований, направленную на изменение государственности России в контексте борьбы с самодержавием. Внешнеполитические контуры учения теоретика анархизма иллюстрируют, в первую очередь, его антигерманский характер, во-вторых, продвижение идей международного пролетарского движения. М.А. Бакунин разработал и популяризировал на российских и международных площадках программные проекты славянской федерации.

В политико-правовой доктрине русского радикализма особое место отведено А.И. Герцену (1812-1870) – писателю, публицисту, философу, автору учения о русском социализме. Проблематика славянской интеграции разрабатывалась Герценом на протяжении многих лет, ей посвящено несколько работ автора. В 1849 г. А.И. Герцен писал, что 1812 г. стал временем пробуждения русской народности и началом гибели династии Романовых. По мнению мыслителя, русский самодержец боялся роста национального самосознания, поэтому не торопился стать во главе славянского движения. В учении Герцена антимонархические настроения концентрируются в идее противопоставления самодержавной централизации славянской федерации.

Сельские общины, подобные русской, существуют у многих славянских народов, писал А.И. Герцен. Такие социальные структуры, по мнению мыслителя, представляют собой формы народной солидарности, способные к социалистическим преобразованиям. Общинный уклад мог бы содействовать осуществлению революционных планов по освобождению крестьян с землей. А.И. Герцен отмечал, что всем славянским народам свойственна склонность к патриархальному, сельскому быту, вне централизации и строгих политических форм, поэтому органичным государственным устройством для них была бы федерация. Теоретик социализма неодно-

кратно подчеркивал: славянский мир давно стремится к единству, и эти тенденции усилились после наполеоновского периода, в частности, идеи славянской федерации прослеживались в революционных планах Пестеля и Муравьева.

В проектах А.И. Герцена столицей славянской федерации был Константинополь: «Когда императорский орел возвратится на свою древнюю родину, он уже более не появится в России. Взятие Константинополя явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, демократической и социальной» [4, с. 205]. Мыслитель считал, что династия Романовых утратит свое влияние после завоевания Константинополя, и освободившаяся от самодержавия и крепостного строя России займет ведущую роль в славянской федерации.

А.И. Герцен противопоставлял официальный панславизм подлинному, народному объединению: «Императорский панславизм, восхваляемый от времени до времени людьми купленными или заблуждающимися, разумеется, не имеет ничего общего с союзом, основанным на началах свободы» [5, с. 162]. Время славянского мира настало, провозглашал философ, он считал, что через революцию и свободу будет свергнуто самодержавие, препятствующее всякому прогрессу.

Герцен не создал четкой концепции славянской федерации, но он уделил много внимания своеобразию славянского мира, особенностям его политико-правовых форм, общине как оплоту солидарности. В разработанной им теории русского социализма объединены компоненты крестьянского общинного быта и концепты западного социализма. Следует отметить, что А.И. Герцен и М.А. Бакунин видели возможность консолидации революционных сил на платформе сельской общины с последующей трансформацией в славянские формы интеграции.

Совершенно иной предстает позиция другого представителя радикального направления, теоретика социализма Н.Г. Чернышевского (1828-1889). Его также интересовала проблема славянской интеграции, но он выступал с критикой данной доктрины, указывая, что опора на родной по крови и духу славянский мир – «ошибка против фактов» [10]. Следует рассчитывать не на другие славянские народы, а на самих себя. Освобождение славянских народов от турецкого и австрийского гнета и способствование обретению ими политической самостоятельности не должны восприниматься как право и обязанность России. Аргументировал свою позицию Чернышевский следующим: у России много внутренних проблем, необходимы реформы, а неизбежная война за славянское единство не только подорвет экономику, но и разрушит все отношения с Западом. Он считал, что европейские державы будут на стороне Турции из опасения, что при падении этой империи славяне попадут под русское влияние.

Н.Г. Чернышевский указывал, что славяне Австрийской империи разобщены, беззаботны, рассчитывают на внешнюю поддержку от русских, но сами не предпринимают шагов к обретению независимости. В связи с чем, мыслитель обращался к славянским племенам с призывом: «Не рассчитывайте же на нас, а ищите сил в самих себе и сами устройте так, чтобы немцы, французы, англичане не видели для себя опасности в вашем стремлении к освобождению» [10]. Таким образом, Н.Г. Чернышевский считал возможной ограниченную славянскую интеграцию, исключая создание славянского союза под предводительством России.

Таким образом, официальная доктрина панславизма с ее концепциями народности, соборности, православного традиционализма, этатизма и геополитического до-

минирования России, в целом, вызвала отрицательную оценку представителей русской революционной мысли XIX в. Многие мыслители данного направления отмечали негосударственную, анархическую природу славянских народов, в силу чего новые типы интеграции на основе централизма, сильной власти изначально отвергались. В контексте продвижения идей международного пролетарского движения производилась популяризация революционных преобразований. При расхождении позиций представителей радикального блока с концептуальными положениями классического панславизма, их учение можно идентифицировать как революционную версию панславизма – славянской взаимности, основанной на формах социализации сельской общины, ведущей к свержению самодержавия и освобождению народов.

Список литературы:

1. Бакунин, М.А. Государственность и анархия / М.А. Бакунин // *Философия. Социология. Политика.* – М.: Правда, 1989. – С. 267-283.
2. Бакунин, М. А. Исповедь / М.А. Бакунин - СПб.: Азбука-классика, 2010. - 256 с.
3. Бредихин, А.Л., Проценко, Е.Д. Правовая идеология в контексте реализации идеологической функции государства / А.Л. Бредихин, Е.Д. Проценко // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки.* – 2020. – Т. 6 (72). № 4. – С. 3-7.
4. Герцен, А.И. Lettre d'un Russe à Mazzini (Письмо русского к Маццини) / <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/lettre-d-un-russe-mazzini.htm> (дата обращения 15.08.2023) – Текст: электронный.
5. Герцен, А.И. Русский народ и социализм / А.И. Герцен // *Собрание сочинений в двух томах.* Том 2. М.: Мысль, 1986. - С. 154-182.
6. Григорьева, А.А. «Славянская идея» в воззрениях М.А. Бакунина и Ф. Энгельса / А.А. Григорьева // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* – №7(42). –2012. – С.77-79.
7. Грицюк, М.В. Идеология российской государственности / М.В. Грицюк // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки.* – 2021. – Том 8 (74), № 3– С. 24-31.
8. Прокудин, Б.А. Славянский федерализм в мировоззрении А.И. Герцена и М.А. Бакунина / Б.А. Прокудин // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки.* - 2006. № 6. - С. 76-85.
9. Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX века: М.А. БАКУНИН / Под ред. А.А. Ширинянца; Сост. П.И. Талеров, А.А. Ширинянец. - М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. - 324 с.
10. Чернышевский, Н. Г. Народная бестолковость / Н.Г. Чернышевский // *Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : В 15 т. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7 : Статьи 1860—1861 годов.* – С. 828–848.

Poyminov N. M. Features of the perception of the doctrine of Pan-Slavism in the radical legal thought of Russia // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science.* – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 128–134.

The topic of Slavic integration and Russia's special mission in the Slavic world in the context of global challenges does not lose its relevance, which makes it logical to turn to the study of approaches of Russian radical legal thought, which has formed specific ideas about the concept of political unity of Slavic states.

The aim of the work is to study the political and legal heritage of representatives of Russian revolutionary thought in the context of their assessment of the doctrine of pan-Slavism. The views on the phenomenon of pan-Slavism of M.A. Bakunin, A.I. Herzen, N.G. Chernyshevsky are considered. The conducted research showed that A.I. Herzen and M.A. Bakunin, who denied official pan-Slavism, but considered it necessary to consolidate the Slavs in order to achieve the goals of the revolution, saw a special transformative potential in the social structure of the rural community. Chernyshevsky admitted the expediency of limited Slavic integration, but outside of the dominant role of Russia. The revolutionary version of pan-Slavism, created by the theorists of the radical trend of thought, represented the ideology of Slavic reciprocity, based on the format of socialization of rural communities, aimed at overthrowing autocracy and the liberation of peoples.

Keywords: pan-Slavism, M.A. Bakunin, A.I. Herzen, N.G. Chernyshevsky, radical thought, state-legal doctrine, Slavic Federation, foreign policy.

Spisok literatury:

1. Bakunin, M.A. Gosudarstvennost' i anarkhiya / M.A. Bakunin // *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika.* – М.: Pravda, 1989. – S. 267-283.
2. Bakunin, M. A. Ispoved' / M.A. Bakunin - SPb.: Azbuka-klassika, 2010. - 256 s.

3. Bredikhin, A.L., Protsenko, E.D. Pravovaya ideologiya v kontekste realizatsii ideologicheskoy funktsii gosudarstva / A.L. Bredikhin, E.D. Protsenko // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 4. – S. 3-7.
4. Gercen, A.I. Lettre d'un Russe à Mazzini (Pis'mo russkogo k Maccini) / <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/lettre-d-un-russe-mazzini.htm> (data obrashheniya 15.08.2023) – Tekst: jelektronnyj.
5. Gertsen, A.I. Russkiy narod i sotsializm / A.I. Gertsen // Sobranie sochineniy v dvukh tomakh. Tom 2. M.: Mysl', 1986. – S. 154-182.
6. Grigor'eva, A.A. «Slavyanskaya ideya» v vozzreniyakh M.A. Bakunina i F. Engel'sa / A.A. Grigor'eva // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – №7(42). –2012. – S. 77-79.
7. Gritsyuk, M.V. Ideologiya rossiyskoy gosudarstvennosti / M.V. Gritsyuk // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2021. – Tom 8 (74), № 3– S. 24-31.
8. Prokudin, B.A. Slavyanskiy federalizm v mirovozzrenii A.I. Gertsena i M.A. Bakunina / B.A. Prokudin // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki. - 2006. № 6.- S. 76-85.
9. Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl' XIX – nachala XX veka: M.A. BAKUNIN / Pod red. A.A. Shirinyantsa; Sost. P.I. Talerov, A.A. Shirinyants. – M.: Tsentr strategicheskoy kon'yunktury, 2014. - 324 s.
10. Chernyshevskiy, N. G. Narodnaya bestolkovost' / N.G. Chernyshevskiy // Chernyshevskiy N. G. Polnoe sobranie sochineniy : V 15 t. M. : Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1950. T. 7 : Stat'i 1860—1861 godov. - S. 828–848.

УДК 343.8

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ**

Пономарева О. М., Петрова Е. А.

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются особенности становления и развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Приведен анализ международных и отдельных нормативных актов отечественного законодательства в области прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и осужденных и определена их роль в формировании современного отечественного уголовно-исполнительного законодательства. Акцент при изучении к на сделан на минимальных стандартных правилах обращения с осужденными, которые существенно повлияли как на развитие отечественного уголовно-исполнительного законодательства, так и на изменение правового положения подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Исследование организационных изменений в уголовно-исполнительной системе построено не только на ретроспективном анализе, но и современных тенденций и проблем ее развития и поиске возможных путей их решения.

Ключевые слова: осужденные, подозреваемые, обвиняемые, права человека, уголовное наказание, содержание под стражей, уголовно-исполнительная система, уголовно-исполнительное законодательство, минимальные стандартные правила обращения с заключенными, концепция развития уголовно-исполнительной системы, ресоциализация осужденных.

Становление прав человека в общественном сознании, достижения в их осуществлении и, наконец, всеобщее признание – это путь эволюционного прогресса самого человечества.

Идеологической основой концепции прав и свобод личности явилась естественно-правовая доктрина, выдвинувшая постулат о естественных, прирожденных правах человека, которые государство должно охранять. Значительный вклад в развитие доктрины внесли идеи французских просветителей (Руссо, Монтескье, Вольтера), Дж. Локка, Г. Гроция, Т. Пейна, Т. Джефферсона и ряда других ученых.

Гуманистические идеи равенства людей, защиты от дискриминации по национальному или расовому принципу, жестокости, насилия рождались и развивались как ответная реакция на различные нарушения прав человека. Переломным периодом в реализации концепции прав человека стал XX в., первая половина которого была сопряжена с масштабными нарушениями прав человека, дискриминацией в мировом масштабе, а вторая половина ознаменовалась масштабной практической реализацией концепции прав человека в разных государствах.

В Российской Федерации активное продвижение концепции прав человека началось в 90-е гг. В 1990 г. в Верховном совете РСФСР были созданы Комиссии по правам человека, которые стали отправной точкой создания и реализации целого ряда изменений (легализации правозащитных движений, института Уполномоченного по правам человека и т.д.).

Мировое сообщество во второй половине XX в. заметно продвинулось в решении проблем прав человека. Для реализации идей концепции прав человека был создан правовой фундамент (Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Европейская

конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Пакт о гражданских и политических правах 1966 г. и еще 70 конвенций в области прав человека, а также ряд межгосударственных договоров по правам человека), выработан механизм международной судебной защиты прав человека (Европейский суд по правам человека).

В РФ международные механизмы подкреплялись внутренней политикой государства, действиями органов государственной власти. При этом отношение к термину «права человека» в РФ начало изменяться еще с 2010 г., под сомнение различными исследователями ставилась универсальность прав человека, а также заложенный в Конституции РФ приоритет международного законодательства по отношению к российскому. Практически это выражалось в постепенно растущем нежелании исполнять решения Европейского суда по правам человека в Страсбурге, чему способствовала, в частности, позиция руководства Конституционного суда РФ [9].

Нельзя отрицать и наличие проблем реализации международных правил и стандартов в отдельных государствах, что обусловлено различным пониманием системы универсальных прав человека и особенностей их реализации, наличием в отдельных государствах «двойных стандартов и двойственной системы ценностей».

В целом происходящие глобальные процессы, связанные с изменением мирового порядка, исключение России из Совета Европы и принятие решения о выходе РФ из Европейской Конвенции по правам человека и возможность неисполнения решений ЕСПЧ пока не касаются изменений в вопросах нормативного обеспечения и организации системы национального законодательства, в том числе в части исполнения уголовных наказаний и отношения к осужденным в РФ.

Организационные основы современной уголовно-исполнительной системы Российской Федерации были заложены в 2004 – 2006 гг.

В период существования СССР система исполнения наказания находилась в составе НКВД, затем МВД, в рамках которого было образовано специализированное ведомство. Уже в период существования РФ данное ведомство также находилось в составе МВД в виде Главного управления исполнения наказаний. Министерство юстиции РФ было наделено функцией контроля в сфере исполнения наказаний. В ходе административной реформы ГУИН было преобразовано в ФСИН.

Организационное оформление системы исполнения наказаний предшествовал период становления российского уголовно-исполнительного законодательства, которое является нормативной основой ее деятельности.

Одной из основных проблем, решение которой определило вектор развития уголовно-исполнительной системы, стала проблема реализации прав осужденных, подозреваемых и обвиняемых. Осужденные, подозреваемые и обвиняемые – категории лиц, правовой статус которых предусматривает ограничение прав и свобод в период отбывания наказания или на период расследования уголовного дела.

В государстве и социуме к вышеперечисленным категориям лиц складывается негативное отношение, которое даже после снятия обвинения или отбытия наказания ограничивает их возможности возвращения к нормальной социальной жизни (ограничение или невозможность официального трудоустройства, административный надзор или как минимум пристальное внимание со стороны правоохранительных органов), дискредитируя идею ресоциализации.

Конституция РФ, провозглашает ценностью права и свободы человека и гражданина и гарантирует обеспечение прав и свобод осужденным [1]. В ч. 4 ст. 15 Кон-

ституции РФ содержится положение, что составной частью российской правовой системы являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Однако, проведение РФ специальной военной операции и политическое противостояние странам блока НАТО и ряду сочувствующих им государств в 2022 г. привели к внесению изменений в ст. 79 и 125 Конституции, направленные на подтверждение и укрепление верховенства Конституции РФ в российской правовой системе.

При этом при формировании отечественного законодательства основными международными актами, которые легли в основу изменений, внесенных в отечественное законодательство и систему исполнения наказаний в 90-е- 2000 гг. XX в. стали Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, – Минимальные стандартные правила в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) (приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 2015 г.) (далее – Правила) и др.[2].

Остановимся на последнем документе более подробно, так как в Российской Федерации он послужил отправной точкой изменения системы исполнения наказаний на законодательном уровне и на уровне практической реализации.

Начало формирования современных Правил было положено еще в 1926 г., с принятием документа Международной пенитенциарной комиссией. Однако, окончательный вариант Правил сложился в 1955 г. и был принят Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

Этот документ не имеет нормативной основы, не является обязательным к исполнению, тем не менее, стал для большей части государств своеобразным эталоном по вопросу обращения с осужденными, а также подозреваемыми и обвиняемыми. Длительное существование не снизило его актуальности, при всех изменениях развития общества и государства документ остается фундаментальной основой построения системы исполнения наказаний в части, касающейся условий содержания осужденных, режима отбывания наказания.

К 2010 г. на очередном Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями был поставлен вопрос о необходимости внесения изменений в Правила. Обоснованием необходимости внесения изменений послужили изменившиеся условия существования мирового сообщества, изменения структуры преступности и появление ее новых видов, трансформирование потребностей современных государств в сфере реализации исполнения уголовных наказаний.

В процессе обсуждения необходимости внесения изменений четко прослеживались две позиции: представители одних государств выступали за глобальный пересмотр положений Правил с учетом требований времени, а другая группа считала, что Правила доказали свою жизнеспособность и необходимости в их глобальном пересмотре нет, нужно лишь скорректировать совсем утратившие актуальность положения. При подготовке к пересмотру была создана группа экспертов, включающая представителей различных государств, которые на основании совещаний и анализа сложившейся практик в различных странах должны были определить основные

направления изменений. Пришли к мнению, что все-таки сама концепция Правил не должна быть повергнута пересмотру, а только лишь необходимо учесть актуальные для всех стран членов ООН тенденции развития исполнения наказаний.

В результате были выделены основные направления, которые были подвергнуты пересмотру: реализация мер предварительного заключения с учетом разумных сроков и расширения перечня мер пресечения помимо содержания под стражей; применение альтернативных лишению свободы уголовных наказаний, сокращение числа тюрем как экономически затратных, но неэффективных способов влияния на личность, совершившего преступление; создание условий для охраны физического и психического здоровья осужденных; создание особых условий для различных категорий осужденных (пожилые лица, инвалиды, женщины, несовершеннолетние, осужденные к пожизненному заключению и проч.); совершенствование работы с кадрами, обеспечивающими деятельность учреждений пенитенциарной системы; развитие осужденных (обучение, переподготовка, развитие трудовых навыков); наличие институтов внешнего контроля за деятельностью учреждений исполнения наказаний (представителей общественных организаций, объединений и т.п.).

Все эти изменения нашли свое отражение в действующей редакции Правил, которые должны реализовываться на основе национального законодательства, с учетом развития практики, материально-технического и финансового обеспечения. Мировое сообщество должно оказывать помощь государствам в реализации требований Правил и стремлении привести в соответствие с ними существующую систему исполнения наказаний.

Трансформация российского уголовно-исполнительного законодательства начала XXI в. во многом была обусловлена глобальной целью государства в тот период – необходимостью интеграции в мировое сообщество, стремлением соответствовать в различных сферах жизни общества и государства международным стандартам. Наличие возможности реализации прав осужденных в России на уровне международных норм в тот период времени выступало критерием признания равенства российского государства остальным цивилизованным странам и принятия на равных в международное сообщество государств. В связи с этим немаловажной задачей была имплементация отдельных норм международного права в национальную систему уголовно-исполнительного законодательства и его дальнейшее развитие с учетом требований международных нормативных актов.

Российская Федерация внесла ряд изменений, которые принципиально изменили подход к исполнению уголовного наказания, способствовали гуманизации самой системы исполнения наказаний, привели к расширению видов уголовного наказания, не связанных с изоляцией от общества. Принятие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) и иных отдельных нормативных актов привели к оформлению правового статуса осужденного, который наделялся следующими правами: право на получение информации о своих правах и обязанностях, о порядке и об условиях отбывания наказания, право на вежливое обращение со стороны персонала учреждений, исполняющих наказания; право на обращение с предложениями, заявлениями и жалобами практически в любые инстанции; запрет на проведение с осужденными медицинских и иных опытов, ставящих под угрозу их жизнь и здоровье; право на охрану здоровья, на социальное обеспечение, личную безопасность, свободу совести и вероисповедания [10, с. 30-34].

Осужденные получили возможность обжаловать решения национальных судебных органов в Европейский Суд по правам человека, решения которого основаны на соблюдении норм Конвенции по защите прав человека и основных свобод. До второй половины февраля 2022 г. РФ несла ответственность перед международным сообществом за соблюдение Правил, в том числе и выступая ответчиком в суде. Однако, кардинальное изменение международной обстановки, политика изоляции западных стран в отношении России, выход России из Совета Европы привел к отсутствию реальной возможности обжалования судебных решений в Европейский Суд по правам человека, при этом Российская Федерация не отказывается от действия Правил на территории государства.

Таким образом, изменение уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации на основе международных нормативных актов и требований общества и государства привели к организационным преобразованиям системы исполнения наказаний – был образован самостоятельный орган власти в сфере исполнения наказаний – Федеральная служба исполнения наказаний.

Дальнейшее развитие уголовно-исполнительной системы потребовало изменения организационно-методических основ профессионально-служебной деятельности, которые нашли отражение в «Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2020 года» [5], Распоряжении Правительства РФ «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [6] (далее – Концепция).

Генеральной целью первого концептуального документа стала гуманизация режима отбывания наказания с учетом прав и свобод человека, а именно: ориентация на создание при отбывании наказания человеческих условий содержания (социально-бытовых), поддержания здоровья и оказания качественной медицинской и психологической помощи, оказание возможных услуг на платной основе, обеспечение возможности труда, получения образования, развития способностей.

До 2020 г. был реализован целый ряд важнейших с точки зрения гуманизации исполнения наказания задач:

- расширение системы уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, возможность отбывания наказания в виде принудительных работ в исправительных центрах; изменены возможности отсрочки, условий отбывания наказания для женщин-осужденных (беременных, имеющих малолетних или несовершеннолетних детей) (ст. ст. 88, 89, 90, 97, 99, 100 УИК РФ);
- установлено право на участие общественных наблюдательных комиссий, попечительских советов, религиозных организаций в жизни осужденных [3,4,7];
- усовершенствованы условия отбывания наказания и условия воспитания [8];
- осужденные в соответствии со ст. 175 УИК РФ могут самостоятельно обращаться в суд с ходатайством об освобождении отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- если осужденному не обеспечиваются соответствующие условия содержания в период нахождения под стражей и в исправительных учреждениях, то выработан механизм компенсации способом судебного обжалования (ст. 12.1 УИК РФ);
- установлены нормы площади помещения на осужденного и лицо, содержащееся под стражей (ст. 99 УИК РФ) [8];

- установлены условия медицинского обеспечения осужденных (ст. 101 УИК РФ);

- изменен порядок и условия предоставления свиданий и телефонных переговоров осужденным и лицам, содержащимся под стражей, осужденным на пожизненное лишение свободы (ст. 89, 125 УИК РФ);

- увеличен размер средств, которые осужденные могут расходовать на товары первой необходимости, продукты питания (ст. 88, 118 УИК РФ);

- проведено строительство новых учреждений исполнения наказаний и реконструкция учреждений, не соответствующих современным требованиям;

- апробирована и внедрена система электронного мониторинга подконтрольных лиц;

- применение в учреждениях исполнения наказаний профилактических мер, направленных на недопущение совершения правонарушений и преступлений в период отбывания наказания и превентивных мер социальной реабилитации осужденных после освобождения.

Какие же задачи ставятся перед системой исполнения наказаний в настоящее время?

- расширение и развитие системы социальной реабилитации осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы, с привлечением, психологов, социальных работников, реализацией различных направлений воспитательной работы;

- изменение организации путем проведения организационно-штатных мероприятий, повышение качества кадрового потенциала за счет повышения требований к отбору персонала, уровню образования; формирование в обществе положительного имиджа уголовно-исполнительной системы, расширение взаимодействия с институтами гражданского общества;

- обеспечение безопасности осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы путем соблюдения правил взаимодействия, использовании современных средств охраны и надзора, повышения качества организации охраны и надзора;

- конкретизация условий содержания и режима отбывания наказания для различных категорий осужденных (женщин, несовершеннолетних, инвалидов) с учетом уже достигнутых результатов;

- развитие типов учреждений (исправительных центров, учреждений объединенного типа);

- развитие системы труда осужденных и различных видов производства в учреждениях уголовно-исполнительной системы;

- формирование системы пробации, направленной на сопровождение лиц, отбывших наказание с целью их социальной адаптации в обществе [6].

Система исполнения наказаний развивается по пути гуманизации условий содержания осужденных и обращения с ними, совершенствования мер профилактического воздействия, развития системы уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, создания условий социальной адаптации осужденных, развития кадрового обеспечения деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Предпринимаемые государством меры, направленные на гуманизацию системы исполнения наказаний, расширение видов наказаний, не связанных с изоляцией от

общества, не в полной мере соотносятся с устоявшимися представлениями общества об уголовном наказании как о лишении свободы, жестком, но единственно справедливом способе воздействия на лиц, совершивших уголовные преступления.

Однако, заданный государством курс на дальнейшее совершенствование законодательных норм в совокупности с соблюдением механизма и порядка их реализации, совершенствованием условий отбывания наказания и развитием системы постпенитенциарной адаптации поддержит эффективное устойчивое развитие уголовно-исполнительной системы. Основными учреждениями отбывания наказания в России выступают колонии с различными типами режимов и условиями содержания. В западных государствах таким учреждением выступает тюрьма. В России сегодня имеется только 8 тюрем и 643 исправительные колонии [11].

Это уникальный опыт нашей страны, ни в какой стране мира, за исключением пространства бывшего СССР, нет таких учреждений, отличающихся от мест лишения свободы в других государствах лимитом наполнения (тысяча и более), массовым совместным проживанием (отряды) и осуществлением различных видов деятельности. В условиях советского государства система колоний имела множество положительных черт (система воспитательной работы, создание условий для труда) и отрицательных (развития внутренней неофициальной социальной системы и субкультуры осужденных).

Сам подход к организации жизни в условиях лишения свободы в нашей стране отличался от подхода, существующего в целом ряде иных государств, что значительно затрудняет реализацию заложенных в международных стандартах подходов.

При активном развитии видов мер пресечения по-прежнему остается одной из основных мер содержание под стражей, для реализации которой используется система следственных изоляторов. Многие помещения СИЗО, колоний, тюрем являются устаревшими, и обеспечить условия содержания в них в полном соответствии с предъявляемыми требованиями не представляется возможным.

Усилия, предпринятые в период реализации Концепции 2010-2020 гг., отчасти изменили в лучшую сторону условия содержания, был произведен капитальный ремонт помещений многих учреждений и СИЗО, произведена реконструкция ряда объектов и построены новые (например, «Кресты-2»), но при этом финансирования не хватает для продолжения этого направления деятельности. В связи с этим в новой Концепции принято решение сноса ветхих и не пригодных к восстановлению помещений учреждений (88 единиц к 2030 г.).

Вопросы материального обеспечения осужденных (питание, проживание, вещевое обеспечение, медицинское обслуживание) решаются на довольно достойном уровне. Однако, по сравнению, например, с европейскими странами, бюджетные средства, выделяемые для этих целей в разы меньше, что отражается на комфортности и безопасности условий отбывания наказания.

Со стороны общества и по оценке ФСИН возможность привлекать осужденных к труду и выполнению различных общественно-полезных работ должна быть реализована не только через право на труд, а через их обязанность трудиться. С одной стороны, данную позицию можно оценить, как возврат к советской системе отбывания наказания, а с другой – осужденные находятся почти на полном содержании за счет средств федерального бюджета, соответственно, те из них, которые способны принести пользу обществу должны это делать. Указанные меры будут способство-

вать не только трудовому воспитательному воздействию, но и выступать элементом социальной адаптации.

Вопрос о социальной адаптации осужденных остается одним из самых сложных для решения. Несмотря на профессиональную ориентацию лиц, отбывающих наказание, обучение их рабочим специальностям, развитие государственно-частного партнерства в вопросах создания инфраструктуры социальной адаптации, государственных и муниципальных программ в различных субъектах, направленных на решение вопросов социальной адаптации осужденных, создание в субъектах квотируемых рабочих мест для лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Однако, этих мер явно недостаточно для создания полноценных условий социальной реабилитации и адаптации бывших осужденных, поскольку по данным Минюста приблизительно 44 % лиц, освободившихся из тюрем, повторно совершают уголовные преступления и опять попадают в места лишения свободы [12].

Многие из них, отбывая срок неоднократно не испытывают желания бороться с трудностями «свободной» жизни, в которой не государство, а они сами должны нести за себя ответственность, поэтому они довольно быстро опять оказываются в местах лишения свободы, где им обеспечен гарантированный жизненный минимум, привычная и понятная социальная среда.

С одной стороны, государство и общество ориентирует их на стремление к нормальной жизни в социуме без совершения противозаконных действий, но при этом отсутствие социальной поддержки в широком смысле (работа, жилье, психологическая помощь) ведет к их дезадаптации и возврату к преступной деятельности. Психология человека, отбывавшего наказание в местах лишения свободы, характеризуется склонностью к приспособленчеству, нежеланием прикладывать усилия для получения результата, что также вновь может привести его в места лишения свободы.

В этом случае на основании социального партнерства помощь и поддержку могут оказывать негосударственные организации. Так, в августе 2022 г. совместно региональным фондом «Мой бизнес» и адаптационным центром для бывших осужденных «Рубикон» провели в г. Барнауле Алтайского края в исправительной колонии № 3 УФСИН России по Алтайскому краю обучение осужденных основам предпринимательской деятельности. В различных субъектах РФ существует подобный опыт работы и с осужденными, и с сотрудниками. В целом создание положительного имиджа уголовно-исполнительной системы в обществе – это сложная задача для того уровня правосознания и понимания системы исполнения наказаний, которая сохраняется в российском обществе. Негативная оценка, усиленная средствами массовой информации, снижает уровень достижений системы в представлении общества, но поставленные перед системой исполнения наказаний цели должны быть реализованы.

Проведенный анализ позволяет отметить, что к настоящему времени российское уголовно-исполнительное законодательство сформировано. На основе кодификации различных нормативных правовых актов в 1996 г. создан и вступил в действие Уголовный кодекс, в 1997 г. – УИК РФ.

В процессе проходившей кодификации происходило не только упорядочение нормативного материала в единые нормативные акты, но и изменение содержания норм, предмета правового регулирования уголовного и уголовно-исполнительного

законодательства, его целей, принципов, методов и средств. За период существования УИК РФ в нормативный акт было внесено более 100 изменений и дополнений.

Значительным изменениям подверглась уголовно-исполнительная система, успехи были достигнуты в сфере улучшения условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных в местах лишения свободы, применения наказаний альтернативных лишению свободы и ряды иных направлений.

Однако, для сохранения достигнутых результатов и решении существующих проблем необходимо совершенствовать и укреплять правовой статус и меры поддержки осужденных и сотрудников, на которых возложена реализация уголовных наказаний; привлекать осужденных к труду, улучшать его условия; совершенствовать условия содержания осужденных, укреплять материально-техническую базу учреждений исполнения наказаний; развивать сотрудничество с другими правоохранительными органами и органами власти. В стране для этого уже создан ряд условий, внедрены множество изменений, демонстрирующих положительный результат, но предстоит еще многое сделать на пути гуманизации наказания и расширения возможностей ресоциализации осужденных.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (в ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.
2. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (Приняты на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 году) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. - (Дата обращения 01.05.2023).
3. Федеральный закон от 10.06.2008 г. № 76-ФЗ (ред. 05.12.2022) «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).
4. Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023)
5. Распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).
7. Приказ Министерства юстиции РФ от 19.03.2015 № 62 «Об утверждении Порядка формирования попечительского совета при исправительном учреждении, срока полномочий, компетенции и порядка деятельности указанного попечительского совета» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).
8. Приказ Министерства юстиции РФ от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).
9. Зорькин, В. Д. Пределы уступчивости / В.Д. Зорькин // Российская газета. - 2010. - №5325. - 29 октября. - Текст непосредственный.
10. Кобец, П. Е. Проблемы реализации международных стандартов обращения с осужденными в уголовно-исполнительной политике Российской Федерации / П. Е. Кобец // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. - 2012. - № 6. - С. 30-34. - Текст непосредственный.
11. Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний // [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.fsin.gov.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).

12. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.minjust.gov.ru>. - (Дата обращения 01.05.2023).

Ponomareva O.M., Petrova E.A. On some features of the development of the penal system of the Russian Federation: historical, legal and organizational aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. - 2023. - Т. 9 (75). № 3. - P. 135-144.

The article discusses the peculiarities of the formation and development of the penal system of the Russian Federation. The analysis of international and individual normative acts of domestic legislation in the field of rights and freedoms of suspects, accused and convicted persons is given and their role in the formation of modern domestic penal enforcement legislation is determined. The emphasis in the study of the criminal code is placed on the minimum standard rules for the treatment of convicts, which significantly influenced both the development of domestic penal enforcement legislation and the change in the legal status of suspects, accused and convicted. The study of organizational changes in the penal system is based not only on a retrospective analysis, but also on current trends and problems of its development and the search for possible ways to solve them.

Keywords: convicts, suspects, accused, human rights, criminal punishment, detention, penal enforcement system, penal enforcement legislation, standard minimum rules for the treatment of prisoners, the concept of the development of the penal enforcement system, the resocialization of convicts.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (v red. ot 01.07.2021) // SZ RF. 2014. № 31, st. 4398.
2. Minimal'nye standartnye pravila obrashcheniya s zaklyuchennymi (Prinyaty na pervom Kongresse Organizacii Ob"edinennyh Nacij po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami, soyavshemysya v ZHeneve v 1955 godu) // Oficial'nyj sayt Organizacii ob"edinennyh nacij [Elektronnyj resurs]. - URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml.
3. Federal'nyj zakon ot 10.06.2008 g. № 76-FZ (red. 05.12.2022) «Ob obschestvennom kontrole za obespecheniem prav cheloveka v mestah prinuditel'nogo sodержaniya i o sodejstvii licam, nahodyashchimsya v mestah prinuditel'nogo sodержaniya» [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023).
4. Federal'nyj zakon ot 21.07.2014 № 212-FZ (red. ot 27.12.2018) «Ob osnovah obschestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii» // Konsul'tant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023).
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14.10.2010 № 1772-r (red. ot 23.09.2015) «O Konceptcii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda» // Konsul'tant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023)
6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 № 1138-r «O Konceptcii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» // Konsul'tant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023)
7. Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 19.03.2015 № 62 «Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya popechitel'skogo soveta pri ispravitel'nom uchrezhdenii, sroka polnomochij, kompetencii i poryadka deyatel'nosti ukazannogo popechitel'skogo soveta» // Konsul'tant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023).
8. Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 04.07.2022 № 110 «Ob utverzhdenii pravil vnutrennego rasporyadka sledstvennyh izolyatorov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy, pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij i pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh centrov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy» // Konsul'tant Plyus: komp. sprav. pravovaya sistema [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.consultant.ru>.
9. Zor'kin, V. D. Predely ustupchivosti / V.D. Zor'kin // Rossijskaya gazeta. - 2010. - №5325. - 29 oktyabrya. - Tekst neposredstvennyj.
10. Kobec, P.E. Problemy realizacii mezhdunarodnyh standartov obrashcheniya s osuzhdennymi v ugovolno-ispolnitel'noj politike Rossijskoj Federacii / P. E. Kobec // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. - 2012. - № 6. - S. 30-34. - Tekst neposredstvennyj.
11. Oficial'nyj sayt Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy // [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.fsin.gov.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023).
12. Oficial'nyj sayt Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii // [Elektronnyj resurs]. - URL: <http://www.minjust.gov.ru>. - (Data obrashcheniya 01.05.2023).

УДК 342.9; 658

**ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В СФЕРЕ ПРАВОВОГО И
ОРГАНИЗАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ТУРИСТСКО-
РЕКРЕАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

Пономаренко А. А.

Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье исследовано формирование научных взглядов в сфере правового и организационного обеспечения деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым. Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требуют теоретического и практического решения с целью усовершенствования деятельности органов власти по данному направлению. Отражены статистические показатели расходования финансовых средств в сфере развития курортов и туризма в Республике Крым. На основе проведенного анализа научных исследований установлено, что теоретические, правовые и организационные основы деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым не был предметом отдельного монографического исследования. Стремительное изменение общественных отношений в этой сфере, обусловленные как внешними факторами (санкционными ограничениями), так и внутренними факторами, обуславливает необходимость в проведении анализа современной правоприменительной практики. Кроме того, обращено внимание на отсутствие исследований вопросов реализации государственно-частного партнерства в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым.

Ключевые слова: деятельность органов власти; государственно-частное партнерство; Республика Крым; кластер; современные туристско-рекреационные кластеры; формирование.

Современные социально-экономические, политические, культурные процессы происходящие, как в нашей стране, так и за рубежом, обуславливают возникновение, изменение и прекращение значительного объема общественных отношений. Беспрецедентные экономические санкционные ограничения, которые в одностороннем порядке были введены в отношении нашей страны затронули, без исключения, все сферы национальной экономики. Не исключением является и туристическая сфера. Одновременно с этим, такой экономически необдуманной, недружественные действия со стороны «бывших экономических партнеров» создают благоприятные условия для развития отечественной туристической отрасли и формирование на территории нашей страны новых, современных, отечественных туристско-рекреационных кластеров.

После 18 марта 2014 г., вопросы социально-экономического развития полуострова стоят во главе современной повестки. Не исключением стала и туристско-рекреационная сфера. Это прежде всего обусловлено тем, что в Крыму есть необходимые условия для развития пляжного, оздоровительного, рекреационного, историко-познавательного, экологического (сельского) туризма. Указанное позволяет в Республике Крым сформировать современные туристско-рекреационные кластеры, которые будут характеризоваться конкурентоспособностью, востребованностью, разнообразием предлагаемых туристских и лечебно-оздоровительных услуг и высоким качеством обслуживания.

Важно отметить, что на сегодня органы власти принимают различные меры для поддержания и развития туристической и рекреационной сферы в Республике Крым. В подтверждение сказанному можно привести следующие статистические данные. Так, на выполнение поручения Президента Российской Федерации В.В. Путина была разработана и утверждена «Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым» [1; 2]. Так, в 2021 г. государственной программой развития курортов и туризма в Республике Крым запланировано финансирование основного мероприятия «Комплексное развитие туристских территорий Республики Крым» в размере 1 млрд. 395 млн. 624,4 тыс. руб., в том числе за счет средств федерального бюджета – 1 млрд. 282 млн. 585,8 тыс. руб., за счет средств бюджета Республики Крым – 104 млн. 249,0 тыс. руб., 322,7 тыс. руб. – из местных бюджетов. За 2021 год освоено 96,7% от запланированного объема финансирования (или 1 млрд. 348 млн. 851,4 тыс. руб.).

За 2015-2021 годы подписано и реализуются 45 инвестиционных соглашений на общую сумму более 49,8 млрд. руб. (в том числе в 2021 году подписано 15 соглашений на сумму 20,1 млрд. руб.), касающихся развития сферы курортов и туризма. Для потенциальных инвесторов сформирован перечень из 21 инвестиционной площадки для создания кемпингов/кемпстоянок, расположенных в Алуште, Евпатории, Керчи, Судаке, Феодосии, Бахчисарайском, Раздольненском, Сакском, Ленинском районах. Данный перечень размещен на официальном сайте Министерства курортов и туризма РК. С целью эффективной реализации указанных направлений, органы государственной власти принимают комплексные меры, направленные на финансирование запланированных мероприятий.

По информации предоставленной Министерством строительства и архитектуры Республики Крым и Министерством транспорта РК, по состоянию на 01.01.2022, профинансированы мероприятия по созданию туристско-рекреационных кластеров «Детский отдых и оздоровление», г. Евпатория, «Лечебно-оздоровительный отдых» (г. Саки), в районе озера Чокракское (Ленинский р-н), «Коктебель» и «Черноморский» в сумме 1 млрд. 303 млн. 687,44 тыс. руб. (96,8% от плана) по 11 объектам, в том числе:

– 113 млн. 610,00 тыс. руб. по кластеру «Детский отдых и оздоровление» (г. Евпатория) – по 1-му объекту капитальных вложений, в т.ч. из федерального бюджета – 107 млн. 930,00 тыс. руб., из бюджета РК – 5 млн. 680,00 тыс. руб.;

– 759 млн. 360,00 тыс. руб. по кластеру «Лечебно-оздоровительный отдых» (г. Саки) – по 4-м объектам капитальных вложений, в т.ч. из федерального бюджета – 721 млн. 396,00 тыс. руб., из бюджета Республики Крым – 3 млн. 964,00 тыс. руб.;

– 81 млн. 319,84 тыс. руб. по кластеру в районе озера Чокракское (Ленинский р-н) – по 1-му объекту капитальных вложений, в т.ч. из федерального бюджета – 77 млн. 254,09 тыс. руб., из бюджета Республики Крым – 4 млн. 065,75 тыс. руб.;

– 106 млн. 111,12 тыс. руб. по кластеру «Черноморский» (с. Оленевка, Черноморский р-н) – по 2-м объектам капитальных вложений, в т.ч. из федерального бюджета – 100 млн. 804,24 тыс. руб., из бюджета РК – 5 млн. 306,88 тыс. руб.;

– 243 млн. 286,48 тыс. руб. по кластеру «Коктебель» – по 3-м объектам капитальных вложений, в т.ч. из федерального бюджета – 231 млн. 115,28 тыс. руб., из бюджета Республики Крым – 12 млн. 171,21 тыс. руб. [3].

Одновременно с этим стоит отметить на отсутствие надлежащего научного обеспечения теоретических, правовых и организационных аспектов деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым. Указанное выше и обуславливает актуальность определения вопросов, которые стали предметом научного осмысления.

Итак, специфика исследуемой научной проблематики предполагает необходимость обобщения научных исследований ученых различных сфер знаний. Различные аспекты формирования туристско-рекреационного кластера в Республики Крым, той или иной степени освещали представители современной отечественной и зарубежной юридической науки, в частности: Д. Д. Буркальцева, О. А. Гук, М.А. Дубровина, Е. В. Кочева, Н. А. Матов, Д. И.Олифир, Э. У. Османова И. И. Савченко, Н. Г.Сидорова, Ю. В. Степанов, Н. В. Страчкова, Д. Г. Щипанова, И. М. Яковенко, А. А. Яновская и ряда других.

Организационно-правовые аспекты управления в сфере туристско-рекреационных кластеров Республики Крым рассматривали; С.Г. Бруснигина, Н.Н. Митина, Т.О.Паранина, Д. И. Олифир Э.Э. Шамилева, Н.И. Храброва, З.В. Хатикова, Н.И. Морщанина, Абдель Вахед Эссам Абдаллах Махмуд и другие. Указанные ученые исследовали различные аспекты заявленной проблематики: современного состояния туристической индустрии РК, анализируются приоритетные направления модернизации и обновления индустрии гостеприимства, институциональное обеспечение туристической индустрии, основные социально-экономические результаты функционирования туристско-рекреационного комплекса Республики Крым, рассмотреть влияние международных санкций на развитие туризма в России, в частности в РК. Научные исследования данных ученых создали соответствующую научную основу для проведения последующих научных исследований особенностей правового и организационного обеспечения деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым. В то же время, «агрессивная» санкционная политика, которая реализуется «бывшими западными партнерами», начиная с 2014 г., обусловила постановку ряда вопросов, которые еще не были предметом научных исследований.

Итак, переходя к анализу научных исследований следует поддержать позицию Абдель Вахед Э.А.М., который в исследовании «Развитие туризма в России в условиях международных санкций и их отображение в СМИ» справедливо отмечает, что туризм относится к несырьевой сфере – сфере услуги и имеет большое значение для социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Хотя экономическая ситуация в России и в мире более сложная, индустрия туризма пытается развиваться. Санкции, которые будут применены, привели к структурным изменениям и направлению потока туристов. Количество российских туристов в ряд стран, связанных с санкциями, и количество туристов из тех стран, которым запрещен въезд в Россию, сократилось, однако количество туристов из некоторых других стран увеличилось. Если, как и раньше, до введения санкций, очередь основных гостей стекалась за рубеж, при этом доля внутреннего туризма не была значительной, то сегодня, по мнению многих аналитиков, применяемые санкции значительно улучшили и расширили развитие внутреннего туризма в России [4, с. 57–65.].

В тоже время Н.Н. Митина, Т.О. Паранина, С.Г. Бруснигина отмечают, что в настоящее время существует немало проблем развития и функционирования туристско-рекреационного комплекса Крыма: для освоения природных ресурсов, достаточных для создания и развития курортов, требуются большие капиталовложения; несмотря на очевидное социально-экономическое преимущество рекреационного хозяйства, в экономической структуре Крыма оно занимает лишь пятое место по количеству занятого в нем населения, после промышленности, сельского хозяйства, строительной индустрии, транспорта; в результате резкого роста цен на санитарно-курортные путевки заполняемость рекреационных предприятий составляет 10–60% даже в сезон «пик»; усилились факторы сезонности и неорганизованного отдыха, что делает бальнеологическую рекреационную отрасль нерентабельной и приводит к закрытию ряда предприятий [5].

Значительная роль в развитии теоретических и практических аспектов деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров РК сделано Д. И. Олифиром, который посвятивший данной проблематике значительное количество научных работ, в частности: туристско-рекреационная сфера РК: уровень развития, современное состояние и дальнейшие перспективы; региональное развитие в условиях директивной экономики; фракталы в инновационной кластерной модели пространственного развития городских агломераций. Ученым обращено внимание на то, что усилия органов власти должны быть сконцентрированы на развитие и совершенствование туристско-рекреационной сферы, а также нормативно-правовой и инновационной базы, что позволит решить вышеперечисленные проблемы в среднесрочной перспективе. Кроме того, ученый основываясь на научных разработках А. Х. Курбанова, В. И. Пахомова и В. А. Плотникова отмечает, что уполномоченным орган власти «в Республике Крым следует развивать сегмент массового, достаточно недорогого, но качественного (сертифицированного) отдыха и постепенно переходить от пляжного туризма к оздоровительному и затем — к лечебному, медицинскому туризму» [6]. В тоже время Д.И. Олифир определяет некоторые рекомендации при формировании современных туристско-рекреационных кластеров, в частности: создание определённых условий, заключающихся в организации, управлении, размещении и улучшении качества обслуживания туристских потоков путём модернизации санаторно-курортного комплекса; максимально возможное использование природно-рекреационного потенциала и освоения новых рекреационных территорий полуострова, например, развитие Восточного района Крыма (Керченского полуострова); увеличения разнообразия номенклатуры видов туризма путём внедрения нетрадиционных форм: яхтенный, круизный, подводный, сельский, литературный, научный и т. п.; привлечение инвесторов в дальнейшее развитие и усовершенствование транспортной инфраструктуры и материально-технической базы [6].

Не менее важной группой научных исследований являются труды, посвященные организационно-экономическому обеспечению формированию современных туристско-рекреационных кластеров. Так, А.А. Гармидер в исследовании «Организационно-экономическое обеспечение развития туристских кластеров (на примере Республики Крым)» предложен алгоритм организационных мероприятий,

предусматривающий поэтапное выполнение совместных действий органами исполнительной власти и потенциальными участниками туристского кластера, включающий следующие составляющие: формирующая, управленческая, стимулирующая, оценивающая, что позволит повысить уровень согласованности в принятии решений. Предложена схема управления деятельностью туристского кластера, в которой стратегическое управление выполняет Совет туристского кластера, а оперативное управление – специализированная организация развития и организация-координатор. Кроме того, для реализации целей развития туристских кластеров предложено создать центр кластерного развития, выполняющий функцию координатора с местными органами исполнительной власти [7, с. 18–23; 8; 9; 10; 11].

Э. А. Хаирова исследуя современное состояние развития туризма РК указывает на базовые проблемы развития туристической отрасли РК, для решения которых необходимо проведение следующих мероприятий: формирование доступной и комфортной туристской среды; повышение уровня качества предоставляемых туристических услуг до мировых стандартов; кадровое обеспечение туристической отрасли; развитие круглогодичных видов туризма; развитие санитарно-курортного комплекса в системе здравоохранения региона; повышение степени информированности о крымском туристическом продукте на внутреннем и международных рынках; улучшение эффективности системы управления в сфере туризма [12, с. 89–94].

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ развития современных научных взглядов относительно правового и организационного обеспечения деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым не претендует на полноту и исчерпанность. Освещенные исследования наиболее близки к указанной научной проблематике. В то же время, теоретические, правовые и организационные основы деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым не был предметом отдельного монографического исследования. Стремительное изменение общественных отношений в этой сфере, обусловленные как внешними факторами (санкционными ограничениями), так и внутренними факторами, обуславливает необходимость в проведении анализа современной правоприменительной практики.

Кроме того, следует обратить внимание на отсутствие исследований вопросов реализации государственно-частного партнерства в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым.

Список литературы:

1. Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым: утверждена постановлением Совета Министров Республики Крым № 650 от 29.12.2016 г. (с изменениями и дополнениями) Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2wO5rM_1.pdf (дата обращения 16.07.2023).
2. Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым: утверждена постановлением Совета Министров Республики Крым № 419 от 20.06.2023 г. Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2wO5rM_1.pdf (дата обращения 16.07.2023)
3. Пояснительная записка по итогам реализации за 2021 год Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым Электронный ресурс. Режим доступа. – URL:

- https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpj4gL62_21.pdf (дата обращения 16.07.2023).
4. Абдель Вахед Э.А.М. Развитие туризма в России в условиях международных санкций и их отображение в СМИ // Сервис в России и за рубежом. 2021. Т.15. №2. С. 57–65.
 5. Митина Н.Н. Развитие туристско-рекреационного потенциала республики Крым: новые вызовы и пути решения / Митина Н.Н., Паранина Т.О., Бруснигина С.Г. // Государственное управление. Электронный вестник. – 2018. № 68 https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35328913_33476083.pdf (дата обращения 16.07.2023).
 6. Олифир Д. И. Туристско-рекреационная сфера Республики Крым: уровень развития, современное состояние и дальнейшие перспективы Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: <https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj-22/prj-22-05.pdf> (дата обращения 06.07.2023).
 7. Гармидер А.А. Организационно-экономическое обеспечение развития туристских кластеров (на примере Республики Крым): автореф. дисс. эконом. наук. СПб, 2017. –26 с.
 8. Гармидер, А.А. (Пашенцева А.А.) Теоретико-методические подходы обеспечения сбалансированного развития курортно-рекреационных территорий Крыма / И.В. Бережная, А.И. Пашенцев, А.А. Пашенцева А.А. и др. Монография. – Симферополь: Изд-во ИД «Ариал», 2013. – 231 с.
 9. Гармидер, А.А. Оценка потенциала кластеризации туристической сферы регионов Крыма: методический подход и программное обеспечение / А.И. Пашенцев, Н.В. Шахова, А.А. Гармидер // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. –2016. – № 1, том 2.– С. 216-222.
 10. Гармидер, А.А. Систематизация методов государственной поддержки развития кластерных инициатив в туристической сфере Республики Крым // Экономика и предпринимательство. – 2015. – № 10, ч.2.– С. 447-451.
 11. Гармидер, А.А. Теоретические аспекты построения модели кластера в туристической сфере региона / А.А. Гармидер // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2015. – № 4 (179). – С. 250 – 256.
 12. Хаирова Э. А. Анализ современного состояния развития туризма Республики Крым / Э. А. Хаирова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – №10. – С. 89–94.
 13. Коноплев В. В. Основные направления деятельности органов власти республики Крым в сфере формирования и развития регионального инновационного научнообразовательного кластера полуострова: вопросы теории и практики / В.В. Коноплев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 50-55.
 14. Гладкова Н. О. Туристско-рекреационные кластеры как синергия будущего Республики Крым / Н. О. Гладкова // Молодой учёный. – 2017. – № 22 (156) – С. 249–251.

Ponomarenko A. A. Formation of scientific views in the field of legal and organizational support for the activities of authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 145–151.

The article explores the formation of scientific views in the field of legal and organizational support for the activities of authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea. The author identifies theoretical and practical issues that have been ignored by scientists and require theoretical and practical solutions in order to improve the activities of authorities in this area. Statistical indicators of spending financial resources in the development of resorts and tourism in the Republic of Crimea are reflected. Based on the analysis of scientific research, it was established that the theoretical, legal and organizational foundations of the activities of the authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea were not the subject of a separate monographic study. The rapid change in social relations in this area, due to both external factors (sanction restrictions) and internal factors, necessitates an analysis of modern law enforcement practice. In addition, attention is drawn to the lack of research on the implementation of public-private partnerships in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea.

Keywords: activity of authorities; public private partnership; Republic of Crimea; cluster; modern tourist and recreational clusters; formation.

Spisok literary:

1. Gosudarstvennaya programma razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym: utverzhdena postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym № 650 ot 29.12.2016 g. (s izmeneniyami i dopolneniyami) Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2wO5rM_1.pdf (data obrashcheniya 16.07.2023).
2. Gosudarstvennaya programma razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym: utverzhdena postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym № 419 ot 20.06.2023 g. Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL:

- https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2wO5rM_1.pdf (data obrashcheniya 16.07.2023)
3. Poyasnitel'naya zapiska po itogam realizacii za 2021 god Gosudarstvennoj programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpj4gL62_21.pdf (data obrashcheniya 16.07.2023).
 4. Abdel' Vahed E.A.M. Razvitie turizma v Rossii v usloviyah mezhdunarodnyh sankcij i ih otobrazhenie v SMI // Servis v Rossii i za rubezhom. 2021. T.15. №2. S. 57–65.
 5. Mitina N.N. Razvitie turistsko-rekreacionnogo potenciala respubliky Krym: novye vyzovy i puti resheniya / Mitina N.N., Paranina T.O., Brusnigina S.G. // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. – 2018.. № 68 https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35328913_33476083.pdf (data obrashcheniya 16.07.2023)
 6. Olifir D. I. Turistsko-rekreacionnaya sfera Respubliki Krym: uroven' razvitiya, sovremennoe sostoyanie i dal'nejshie perspektivy Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: <https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj-22/prj-22-05.pdf> (data obrashcheniya 06.07.2023)
 7. Garmider A.A. Organizacionno-ekonomicheskoe obespechenie razvitiya turistskih klasterov (na primere Respubliki Krym): avtoref. diss. ekonom. nauk. SPb, 2017. –26 s.
 8. Garmider, A.A. (Pashenceva A.A.) Teoretiko-metodicheskie podhody obespecheniya sbalansirovannogo razvitiya kurortno-rekreacionnyh territorij Kryma / I.V. Berezhnaya, A.I. Pashencev, A.A. Pashenceva A.A. i dr. Monografiya.– Simferopol': Izd-vo ID «Ariab», 2013. – 231 s.
 9. Garmider, A.A. Ocenka potenciala klasterizacii turistscheskoj sfery regionov Kryma: metodicheskij podhod i programmnoe obespechenie / A.I. Pashencev, N.V. SHahova, A.A. Garmider // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva.–2016.– № 1, tom 2.– S.216-222.
 10. Garmider, A.A. Sistematizaciya metodov gosudarstvennoj podderzhki razvitiya klasternyh iniciativ v turistscheskoj sfere Respubliki Krym // Ekonomika i predprinimatel'stvo.– 2015.– № 10, ch.2.– S. 447-451.
 11. Garmider, A.A. Teoreticheskie aspekty postroeniya modeli klastera v turistscheskoj sfere regiona / A.A. Garmider // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 4 (179). – S.250 – 256.
 12. Hairova E. A. Analiz sovremennogo sostoyaniya razvitiya turizma Respubliki Krym / E. A. Hairova // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. – 2020. – №10. – S. 89–94.
 13. Konoplev V. V. Osnovnye napravleniya deyatel'nosti organov vlasti respubliky krym v sfere formirovaniya i razvitiya regional'nogo innovacionnogo nauchnoobrazovatel'nogo klastera poluostrova: voprosy teorii i praktiki / V.V. Konoplev // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – S. 50-55.
 14. Gladkova N. O. Turistsko-rekreacionnye klasteri kak sinergiya budushchego Respubliki Krym / N. O. Gladkova// Molodoy uchyonij. – 2017. – № 22 (156) – S. 249–251.

УДК 340.1

ПОНЯТИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сибгатуллин Ф. С.

Уральский округ войск национальной гвардии Российской Федерации

В настоящее время в нормативных правовых актах Российской Федерации отсутствует легальное толкование понятий «правоохранительная деятельность» и «правоохранительный орган». Отсутствие четко определенных критериев правоохранительных органов породило в юридической науке дискуссию относительно самой системы правоохранительных органов. Охрана общественного порядка и безопасности в государстве, а также защита прав и свобод человека и гражданина, противодействие правонарушениям являются главными задачами государства, в решении которых принимают участие правоохранительные органы, осуществляющие правоохранительную деятельность.

По мнению автора, под правоохранительной деятельностью следуют понимать разновидность государственной деятельности, осуществляемой специализированными органами государственной власти с целью обеспечения охраны права, с использованием мер государственного принуждения на основании закона и при неуклонном соблюдении установленного им порядка.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоохранительный орган, правоохранительная сфера, охрана общественного порядка, законность, правопорядок.

Необходимость теоретического осмысления современных проблем организации и осуществления государственной власти и места в ней правоохранительной деятельности приобретает важное значение на этапе реформирования и постепенного развития российского государства. Этот процесс требует существенного совершенствования деятельности государственного аппарата в направлении реализации принципов верховенства права и закона.

Государственная деятельность охватывает наиболее важные сферы жизни гражданского общества. От эффективности взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом в первую очередь зависит решение задач, связанных с экономическим, политическим, социальным развитием страны. Вопросы касающиеся обороноспособности государства и обеспечения национальной безопасности также находятся в корреляционной зависимости от слаженной работы государственных органов и в частности от государственных служащих, обладающих особым правовым положением [1, с. 183]. Как сложное системное явление государственная деятельность включает целый ряд подсистем, а именно хозяйственную, внешнеполитическую, законотворческую деятельность и др.

Охрана общественного порядка и безопасности в государстве, противодействие правонарушениям, а также защита прав и свобод человека и гражданина, составляют главную задачу государства [2, с. 80]. В Конституции Российской Федерации отмечается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью их признание, соблюдение и защита – обязанность государства [3]. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Они непосредственно действующие, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Необходимо отметить, что в той или иной степени, в решении задач в правоохранительной сфере задействованы практически все органы государственной

власти. Вместе с тем государственные органы решают основные задачи по различным направлениям деятельности в экономической, социальной, политической сферах, в сфере внешней политики и др. Наряду с решением основных задач, ряд государственных органов выполняет функции по охране общественного порядка и обеспечению безопасности, которые для них являются второстепенными [4].

Целенаправленным обеспечением законности и правопорядка, защиты прав и свобод человека и гражданина, борьбы с преступлениями и другими правонарушениями занимается определенный круг государственных органов, которые специально созданы для выполнения функций правоохранительной деятельности и, соответственно, именуются правоохранительными.

Основными направлениями деятельности таких органов являются достижение целей и задач в правоохранительной сфере, регламентированной требованиями нормативных правовых актов Российской Федерации. Правоохранительные органы занимают особое положение в системе государственных органов и играют важную роль, выступая гарантом стабильности в обществе и государстве. В зависимости от целей и задач, стоящих перед государством, в то или иной исторической обстановке состав правоохранительных органов может меняться.

Понятие «правоохранительный орган» в юридической литературе не находит однозначного определения и является дискуссионным. Отсутствие единого мнения по данной проблематике, как нам видится обусловлено тем обстоятельством, что в законодательных актах Российской Федерации до настоящего времени отсутствует легальное толкование данного понятия, несмотря на то, что оно применяется в законодательных и подзаконных актах Российской Федерации.

Кроме того, законодательство Российской Федерации не определяет такое понятие как «система правоохранительных органов», хотя о ней упоминается в ст. 1 Федерального закона «О службе в таможенных органах Российской Федерации». Указанный закон устанавливает, что таможенные органы входят в систему правоохранительных органов Российской Федерации [5]. Однако же, система правоохранительных органов Российской Федерации ни в одном из законодательных актов не раскрывается.

В отечественной теории государства, установленные на основе комплексных научных исследований критериальные признаки, позволяют определить характерные черты правоохранительной деятельности и правоохранительных органов. Здесь уместно перейти к учебным пособиям, в которых авторы раскрывают свою, отличную от других точку зрения, чем вносят неопределенность в понятийный аппарат.

По мнению ряда авторов учебника «Правоохранительные органы» под ред. В. П. Божьева, правоохранительные органы составляют определенным образом обособленную по признаку профессиональной деятельности самостоятельную группу органов государства, имеющих свои четко определенные задачи. Решая эти задачи, правоохранительные органы защищают жизнь, здоровье, имущество граждан, их собственность, собственность государства, государственных, общественных и частных организаций, защищают государство и его институты, природу, животный мир и т.д.» [6, с. 14].

Авторы курса лекций В. Г. Гриб и А. В. Мелехин определили

правоохранительные органы как обособленную по признаку профессиональной деятельности самостоятельную группу государственных и негосударственных органов [7, с. 19].

А. А. Чувилев и Ан. А. Чувилев рассматривают правоохранительные органы как специальные органы, которые государство создает для постоянной охраны права от нарушений, для выявления, пресечения и предупреждения правонарушений, применения различных санкций и для которых правоохранительная деятельность является главной [8, с. 19].

Ю. А. Лукичев и С. И. Вахмистрова определяют правоохранительные органы как специально уполномоченные государством органы, основной функцией которых является охрана законности и правопорядка, защита прав и свобод человека, борьба с преступностью [9, с. 8].

Ряд исследователей под правоохранительными органами понимают специально уполномоченные органы государства, реализующие функции по охране законности и правопорядка, защите прав и свобод человека, борьбе с преступностью. Правоохранительный орган – это специальный государственный орган, который наделен специфическими полномочиями по осуществлению правоохранительной деятельности [10, с. 18].

В качестве основного признака правоохранительного органа большинство авторов выделяют его принудительный характер деятельности и в этой связи под правоохранительными органами понимают государственные органы, и общественные организации главной задачей которых является обеспечение законности и правопорядка, защита интересов и прав граждан, трудовых коллективов, организаций, общества и государства, предупреждение и пресечение правонарушений. В своей деятельности правоохранительные органы применяют к нарушителям законности и правопорядка меры государственное принуждение или общественного воздействия [11, с. 22].

В научной литературе также высказывалось мнение, что правоохранительный орган – это орган государственной власти, обладающий обязанностями и правами по осуществлению правоохраны, проводимой в определенной процессуальной форме [12, с. 17].

Правоохранительную деятельность можно рассмотреть в двух аспектах, узком и широком. В узком аспекте правоохранительная деятельность, это деятельность специализированного государственного органа, созданного для реализации функций по обеспечению государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. В широком контексте, правоохранительную деятельность можно определить как деятельность, субъектами которой выступают общественные объединения правоохранительной направленности, частные охранные организации, нотариальные конторы, адвокатура, добровольные народные дружины и др.

В настоящее время в Российской Федерации идет процесс реформирования государственных органов, и прослеживается тенденция к оптимизации их деятельности, перераспределению функций между государственными органами. Актуальность проблемы реорганизации государственных органов обусловлена в первую очередь изменениями, происходящими в мире и стране характеризующимися сложными социально-экономическими и политическими

условиями. В этих условиях наиболее остро стоят вопросы противодействия международной и организованной преступности, терроризму, экстремизму и др.

В отечественной теории государства и права, правоохранительную функцию государства, как правило, относят к внутренним функциям государства. Государственные органы участвующие в реализации правоохранительной функции исследователи также относят к внутренней сфере государства.

Необходимо отметить, что на современном этапе государственного развития за счет реализации правоохранительной функции достигаются цели и задачи государства внешнего характера. В этой связи создаются соответствующие государственные органы, которые занимаются решением как внутренних, так и внешних проблем. Ярким тому примером могут служить созданные в 2016 году войска национальной гвардии, которые в настоящее время принимают активное участие в мероприятиях по охране общественного порядка, борьбе с противоправными деяниями, в обеспечении государственной защиты граждан внутри страны, а также решают внешние задачи государства.

Так, в течении длительного времени войска национальной гвардии совместно с армейским контингентом и в составе отрядов военной полиции на территории Сирии принимают участие в мероприятиях по борьбе с международным терроризмом. Также личный состав Росгвардии в настоящее время принимает участие в проводимой Российской Федерацией специальной военной операции с целью ее денацификации и демилитаризации.

Необходимо отметить, что за счет осуществления правоохранительной функции государства решаются задачи не только в правоохранительной области, но и в других сферах общественных отношений. К примеру, органы внутренних дел участвуют в реализации экономической функции, которая выражается в контроле за предпринимательской деятельностью. Или подразделения войск национальной гвардии Российской Федерации, осуществляя контрольно-надзорные полномочия в сфере оборота оружия, по своей сути реализуют социальную функцию государства. Подразделения вневедомственной охраны войск национальной гвардии, оказывая услуги физическим и юридическим лицами на договорной основе, участвуют в осуществлении как экономической, так и социальной функции государства. Сотрудники правоохранительных органов задействованные в сфере защиты окружающей среды принимают участие в реализации экологической функции государства. В рамках осуществления политической функции государства правоохранительные органы задействуются для обеспечения правопорядка при проведении различных политических акций.

По мнению автора, к правоохранительным органам государства в настоящее время можно отнести: органы прокуратуры и юстиции, Министерство внутренних дел, военную полицию Министерства обороны, Федеральную таможенную службу, Федеральную службу безопасности, Федеральную службу войск национальной гвардии, Следственный комитет, а также судебные органы. Основными задачами всех вышеперечисленных государственных органов является защита прав и свобод человека и гражданина, общества и государства, а также противодействие преступности. Указанные органы несут правоохранительную службу, которая «представляет собой вид государственной службы, где на профессиональной основе решаются задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан,

собственности» [13, с. 32].

Следует отметить, что дискуссионным до сих пор остается вопрос о том, являются ли суды правоохранительными органами. На основании ряда признаков суд не относят к правоохранительным органам государства, отмечая при этом, что суд является особой ветвью власти и осуществляет особую функцию – правосудие, которую согласно Конституции, иным органам выполнять запрещено. Впрочем, исходя из другого утверждения о том, что суд является правовой гарантией законности и обеспечивает охрану прав и свобод человека и гражданина, можно сделать вывод, что именно суд является главным правоохранительным органом. Нередко именно суд посредством принятия судебных актов «подводит итог» всей работы органов правоохраны, а иногда и сам дает оценку их деятельности [14, с. 149].

Условность вышеприведенного перечня правоохранительных органов объясняется прежде всего тем, что законодательно четко не определены такие правовые категории как «правоохранительный орган» и «правоохранительная деятельность». Данные понятия требуют легального толкования. При этом, по мнению автора, правоохранительную деятельность наиболее рационально рассматривать через призму целей и основных задач тех органов, которые осуществляют такую деятельность, их функций и предоставленных законодательством им полномочий для выполнения возложенных на них обязанностей, отчего и зависит роль и место правоохранительного органа в механизме реализации правоохранительной функции государства.

Согласно определению, данного в словаре С. И. Ожегова цель – это «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» [15, с. 854]. Относительно целей правоохранительных органов в юридической литературе имеется несколько точек зрения.

Так, А. П. Рыжаков считает, что в деятельности правоохранительных органов необходимо выделять цели непосредственные и цели государственного масштаба. К непосредственным целям правоохранительного органа указанный автор относит обеспечение и защиту (охрану): нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений; нарушенных и (или) оспариваемых прав и охраняемых законом интересов органов местного самоуправления; нарушенных и (или) оспариваемых прав и охраняемых законом интересов РФ, субъектов РФ, федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации; общественного строя Российской Федерации; установленных системы хозяйства и собственности; порядка управления, государственного и общественного порядка, порядка деятельности правоохранительных органов.

Кроме того, А. П. Рыжаков относит к непосредственным целям обеспечение исполнения актов судебных и других органов, предусмотренных Федеральным законом об исполнительном производстве в том смысле, чтобы каждый совершивший правонарушение был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности. По мнению указанного автора цели, совпадающие с целью всего государства и общества, являются целями высокого уровня, выраженные в укреплении законности и правопорядка; предупреждении совершения преступлений и иных правонарушений; исправлении

осужденных; правовом и нравственном воспитании граждан в духе точного и неуклонного исполнения российских законов, бережного отношения к институту собственности, соблюдения дисциплины труда, уважения к правам (свободам), чести и достоинству других лиц [16].

По мнению Н. В. Бугеля основной целью правоохранительного органа является обеспечение надлежащей защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц [17, с. 55]. С точки зрения С. М. Кузнецова главная цель правоохранительных органов заключается в профилактике, выраженной в предупреждении и недопущении правонарушений, а также в охране общественного порядка [18, с. 130].

Так как согласно Конституции РФ, основной обязанностью государства является соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, то главной задачей правоохранительных органов Российской Федерации должна быть практическая реализация гарантий выполнения государством указанной обязанности.

Таким образом цель правоохранительной деятельности – это обеспечение законности и правопорядка, охрана и защита прав (свобод) человека и гражданина. Достижение указанной цели и решение задач правоохранительной деятельности в значительной мере и есть реализация правоохранительной функции государства.

В основу разграничения правоохранительных органов необходимо положить функциональный критерий, в соответствии с которым классифицировать правоохранительные функции как основные и второстепенные. К основным правоохранительным функциям необходимо отнести те направления деятельности правоохранительного органа, которые напрямую связаны с противодействием правонарушениям и преступностью, которые влекут за собой юридическую ответственность. К таким функциям относятся: 1) профилактическая работа; 2) правозащитная деятельность; 3) обеспечение охраны общественного порядка и безопасности; 4) ресоциализационная деятельность; 5) оперативно-розыскная деятельность; 6) расследование преступлений; 7) рассмотрение дел в судах; 8) рассмотрение дел об административных правонарушениях; 9) выполнение приговоров, решений, постановлений и постановлений судов, постановлений органов дознания и досудебного следствия и прокуроров.

Выполнение вышеуказанных функций требует специфического правового, организационного, кадрового, информационного, материально-технического, финансового, научного и другого обеспечения, что обуславливает необходимость создания специальных служб обеспечения.

К второстепенным правоохранительным функциям следует отнести: 1) контрольно-надзорную; 2) разрешительную (предоставление разрешений на осуществление определенной деятельности, в т. ч. предпринимательской, или совершение определенных действий); 3) праворазъяснительную (в т. ч. предоставление правовой помощи); 4) аналитическую или методическую; 5) информационную (информирование других государственных органов, в т. ч. правоохранительных); 6) нормотворческую (с правом издания актов межведомственного характера); 7) координационную.

Рассматривая полномочия органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, следует отметить, что должностным лицам всех этих органов предоставлено право предъявлять обязательные требования по пресечению

правонарушений, входить в соответствующие помещения, право иметь доступ к документам и материалам, необходимым для проведения проверки, право беспрепятственно и безвозмездно получать их или изымать принудительно. Лишь иногда эти права ограничиваются определенными условиями.

Наряду с охраной законности и правопорядка в задачи правоохранительной деятельности входит обеспечение защиты и восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов лица, материальных и духовных интересов общества, защиты конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства.

По содержанию правоохранительная деятельность является многоаспектной, за счет чего осуществляется реализация разнообразных функций, к которым можно отнести: оказание правовой помощи, предварительное расследование преступлений, прокурорский надзор, отправление правосудия, производство судебного контроля. За счет реализации вышеуказанных функций достигаются цели в правоохранительной сфере: производится устранение нарушений конституционных норм; осуществляется справедливое рассмотрение различных категорий дел в судах; в ходе прокурорского надзора выявляются и устраняются нарушения законности; раскрываются преступления с последующим привлечением к ответственности виновных лиц и др.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что правоохранительная деятельность, которая: направлена на охрану прав от различных нарушений; может осуществляться не любым способом, а только через применение нормативно-правовых актов; должна соответствовать предписаниям материального закона, так как отклонение от требований закона считается актом незаконным, несовместимым с охраной прав и свобод человека; реализуется с соблюдением определенных, установленных в процессуальном законе процедур, следствием нарушения которых может быть признание решения незаконным и не имеющим юридической силы; напрямую связана с применением мер государственного принуждения в отношении лиц, нарушающих право; осуществляется специально уполномоченными на то органами и должностными лицами (преимущественно квалифицированными специалистами, обладающими особыми полномочиями и имеющими в своем распоряжении необходимые для выполнения задач материальные и технические средства).

Таким образом, под правоохранительной деятельностью следуют понимать разновидность государственной деятельности, осуществляемой специализированными органами государственной власти с целью обеспечения охраны права, с использованием мер государственного принуждения на основании закона и при неуклонном соблюдении установленного им порядка.

Список литературы:

1. Бутов С. В. Правовое положение государственных служащих: общее и различное (на примере Федеральной службы войск национальной гвардии РФ) / С. В. Бутов, Г. Н. Крижановская, Д. А. Никонов // Государственная служба Российской Федерации: поиск эффективной модели, правовые и управленческие аспекты: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, Пушкин, 07 февраля 2022 года. – Санкт-Петербург: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний», 2022. – С. 183–190.
2. Дерюгин А. А. Теоретико-правовая модель института прав человека и гражданина в России как основы его конституционно-правового статуса / А. А. Дерюгин, Д. А. Никонов, С. В. Бутов //

Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 9(172). – С. 80–82.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2023).

4. Сибгатуллин, Ф. С. Общественный порядок и общественная безопасность в Российской Федерации: проблемы определения понятий и роль войск национальной гвардии в их обеспечении (теоретико-правовой аспект) / Ф. С. Сибгатуллин // *Правопорядок: история, теория, практика*. – 2022. – № 3(34). – С. 14–20.

5. Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» от 21.07.1997 N 114-ФЗ // СПС «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2023).

6. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В. П. Божьева. М., 1997. – 422 с.

7. Гриб В. Г., Мелехин А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации: курс лекций, 2008. – 420 с.

8. Чувилов А. А., Чувилов Ан. А. Правоохранительные органы: учеб. пособие. М., 2000. – 174 с.

9. Лукичев Ю. А., Вахмистрова С. И. Правоохранительные органы Российской Федерации: курс лекций. СПб., 2003. – 375 с.

10. Правоохранительные органы: учеб. пособие / под ред. С. Л. Лонь. Томск, 2004. – 487с.

11. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В. М. Семенова, В. А. Байдукова. М., 2008. – 319 с.

12. Правоохранительные органы: учебник / под ред. О. А. Галустьяна, А. П. Кизлыка. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. – 314 с.

13. Бутов С. В. Эволюция нравственного воспитания военнослужащих войск правопорядка (от войск НКВД СССР до войск национальной гвардии Российской Федерации) / С. В. Бутов, Ф. С. Сибгатуллин // Актуальные проблемы науки (ко Дню российской науки): сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 08 февраля 2023 года. – Саратов: Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. – С. 31–39.

14. Семикин Д. С. Роль суда в правоохранительной политике / Д. С. Семикин // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2011. – № 4. – С. 149.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: Оникс; Мир и образование, 2006. – 894 с.

16. Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: Учебник для вузов. 4-е изд. / Подготовлен для системы «Консультант Плюс.2015» (дата обращения: 12.08.2022).

17. Бугель Н. В. Совершенствование правоохранительной деятельности (организационно-правовой аспект) // *Вестник СПбУ МВД России*, 2012. – №2 (54). С. 54–58.

18. Кузнецов С. М. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел (административно-правовые аспекты): Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997. – 153 с.

Sibgatullin F.S. The concept of law enforcement // *Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science*. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 152–160.

Currently, there is no legal interpretation of the concepts of "law enforcement activity" and "law enforcement agency" in the regulatory legal acts of the Russian Federation. The lack of clearly defined criteria for law enforcement agencies has given rise to a discussion in legal science about the law enforcement system itself. The protection of public order and security in the state, as well as the protection of human and civil rights and freedoms, counteraction to offenses is the main task of the state, which are addressed by law enforcement agencies, for which law enforcement is the main activity.

According to the author, law enforcement activity should be understood as a kind of state activity carried out by specialized state authorities in order to ensure the protection of law, using state coercion measures on the basis of the law and with strict observance of the procedure established by it.

Keywords: law enforcement, law enforcement agency, law enforcement sphere, legality, law and order.

Spisok literatury:

1. Butov S. V. Pravovoe polozhenie gosudarstvennykh sluzhashchih: obshchee i razlichnoe (na primere Federal'noj sluzhby vojsk nacional'noj gvardii RF) / S. V. Butov, G. N. Krizhanovskaya, D. A. Nikonov // *Gosudarstvennaya sluzhba Rossijskoj Federacii: poisk effektivnoj modeli, pravovye i upravlencheskie aspekty: Sbornik materialov vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, Pushkin, 07 fevralya 2022 goda*. – Sankt-Peterburg: Federal'noe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy», 2022. – S. 183–190.

2. Deryugin A. A. Teoretiko-pravovaya model' instituta prav cheloveka i grazhdanina v Rossii kak osnovy ego

- konstitucionno-pravovogo statusa / A. A. Deryugin, D. A. Nikonov, S. V. Butov // *Evrazijskij juridicheskij zhurnal*. – 2022. – № 9(172). – S. 80–82.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: prinyata vsenarodnym golosovanie 12 dekabrya 1993 goda.: (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 // SPS «Konsul'tant plyus». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2023).
4. Sibgatullin, F. S. Obshchestvennyj poryadok i obshchestvennaya bezopasnost' v Rossijskoj Federacii: problemy opredeleniya ponyatij i rol' vojsk nacional'noj gvardii v ih obespechenii (teoretiko-pravovoj aspekt) / F. S. Sibgatullin // *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. – 2022. – № 3(34). – S. 14–20.
5. Federal'nyj zakon «O sluzhbe v tamozhennyh organah Rossijskoj Federacii» ot 21.07.1997 N 114-FZ // SPS «Konsul'tant plyus». – Rezhim dostupa: <http://www.consultant.ru> (data obrashcheniya: 13.06.2023).
6. *Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii: uchebnik / pod red. V. P. Bozh'eva*. M., 1997. – 422 s.
7. Grib V. G., Melekhin A. V. *Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii: kurs lekcij*. 2008. – 420 s.
8. CHuvilev A. A., CHuvilev An. A. *Pravoohranitel'nye organy: ucheb. posobie*. M., 2000. – 174 s.
9. Lukichev YU. A., Vahmistrova S. I. *Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii: kurs lekcij*. SPb., 2003. – 375 s.
10. *Pravoohranitel'nye organy: ucheb. posobie / pod red. S. L. Lon'*. Tomsk, 2004. – 487s.
11. *Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii: uchebnik / pod red. V. M. Semenova, V. A. Bajdukova*. M., 2008. – 319 s.
12. *Pravoohranitel'nye organy: uchebnik / pod red. O. A. Galust'yana, A. P. Kizlyka*. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2005. – 314 s.
13. Butov S. V. Evolyuciya нравstvennogo vospitaniya voennosluzhashchih vojsk pravoporyadka (ot vojsk NKVD SSSR do vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii) / S. V. Butov, F. S. Sibgatullin // *Aktual'nye problemy nauki (ko Dnyu rossijskoj nauki): sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Saratov, 08 fevralya 2023 goda*. – Saratov: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Saratovskij voennyj ordena ZHukova Krasnoznamennyj institut vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii», 2023. – S. 31–39.
14. Semikin D. S. Rol' suda v pravooхранitel'noj politike / D. S. Semikin // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. – 2011. – № 4. – S. 149.
15. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka / Pod obshch. red. L.I. Skvorcova*. M.: Oniks; Mir i obrazovanie, 2006. – 894 s.
16. Ryzhakov A. P. *Pravoohranitel'nye organy: Uchebnik dlya vuzov. 4-e izd. / Podgotovlen dlya sistemy «Konsul'tant Plyus.2015»* (data obrashcheniya: 12.08.2022).
17. Bugel' N. V. Sovershenstvovanie pravooхранitel'noj deyatel'nosti (organizacionno-pravovoj aspekt) // *Vestnik SPBu MVD Rossii*, 2012. – №2 (54). S. 54–58.
18. Kuznecov S. M. *Pravoohranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennih del (administrativno-pravovye aspekty): Diss. ... kand. jurid. nauk*. M., 1997. – 153 s.

УДК 340.121

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ И
НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВНУТРИ ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Темникова Н. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются проблемы нравственной ориентации и культурного самоопределения личности в эпоху глобализации. На данный момент активно обсуждается вопрос о необходимости защиты со стороны государства общественного сознания от негативного воздействия извне, а также поддержания культурных традиций и ценностей. Помимо этого, стал актуальным вопрос государственной идеологии, что вызывает споры относительно границ государственного вмешательства в духовную и культурную жизнь граждан. Автор считает, что находясь под гнетом постоянно меняющейся информации для человека естественно становится жертвой чужого влияния или испытывать страх, тревогу и желание закрыться или изолироваться от свалившегося на него информационного потока. Поэтому так важно для государства вести просветительскую работу среди населения и в особенности молодых людей и детей, проводить мероприятия, посвященные национальной культуре, подчеркивающие ее самобытность, позволяющие людям почувствовать общность и единство.

Ключевые слова: государство, нравственность, нравственные императивы, культура, традиции.

Изучая проблемы государства в эпоху глобализации нельзя обойти вопрос культурных и нравственных изменений, которые она несет за собой. Ученые разных научных сфер посвящают свои работы проблемам, с которыми сталкивается человек, находясь в современном обществе, испытывающее на себе воздействие глобализации.

Так, например, Мядель А. П. в одной из своих статей поднимая проблему нравственных идеалов в эпоху глобализации отмечает их место в мировой культуре: «Важнейшим достижением античной философской традиции представляется обнаружение «знаний», которые не поддаются систематизации, являясь внутренним достоянием человека, но обладают общечеловеческой и универсальной значимостью. Они отражают повседневный нравственный опыт людей и выделяют универсальные свойства человеческих отношений» [5, с. 261-264].

При этом автор выражает обеспокоенность тем, что настоящий этап развития общества, обозначенный усиливающимися процессами глобализации во всех сферах общественной жизни, устойчиво ассоциируются с вторжением ценностей и норм поведения Запада в традиционное общество. Действительно, при переходе к информационному типу общества, на фоне глобальных изменений в мире, личность человека так же претерпевает глубокие изменения. Обусловлено это переменами в обществе, которые приводят к смене социально-нравственных императивов. К факторам, определяющим нравственное развитие человека стоит относить: религию, социокультурные детерминанты, морально-нравственные, психологические.

Глобализация является неизбежной тенденцией современного мира. Более того, при изучении данного явления хотелось бы рассматривать его не как что-то грядущее или постепенно вторгающееся в нашу действительность, а как процесс закономерный и более того - уже случившийся. Именно поэтому на данный момент особенно остро стоит необходимость изучать проблему влияния глобализации на фор-

мирование и развитие личности. Логично предположить, что любое воздействие может иметь как позитивные, так и негативные последствия. А. Н. Лекаца, в одной из своих статей отметила, что особенностью формирования личности в условиях глобальных изменений является становление новых ценностно-смысловых ориентиров, которые можно обозначить как «глобально-постиндустриальные». Это связано с расширением личностного пространства за счет активного использования инновационных технологий и современных средств коммуникации. Как следствие возникают новые формы межличностных отношений, благодаря которым связь между народами и странами становится более тесной и интенсивной [4, с. 159-161].

В научной литературе можно найти массу статей, подчеркивающих значимость нравственного и культурного развития общества для развития государства в целом. Так, например, А. Ю. Кузубова в одной из своих статей раскрывает вопросы влияния нравственности на формирование правовых норм [3, с. 313-317]. На фоне обострившейся дискуссии о нравственном самоопределении общества встал вопрос об идеологии российской государственности. М. В. Грицюк в своей статье отметит, что несмотря на закрепленный в конституции идеологический плюрализм – ни одно государство не может существовать, не имея некоего комплекса идей и ценностей, задающих вектор его развития [1, с. 24-30].

Следующая проблема, с которой личность сталкивается в условиях глобализации и цифровизации, требующая анализа и изучения - проблема свободы личности. Для человечества вопрос свободы личности исторически является ключевым социальным и нравственным императивом. Уровень свободы личности всегда являлся одним из критериев, определяющих уровень развития общества. Становление личности в эпоху глобализации является крайне противоречивым и непростым процессом. Причиной тому являются развитие новых информационных технологий, позволяющих расширить границы свободы, но одновременно и ведущих к ощущению отчужденности и изолированности личности. За последние десятилетие было сформировано глобальное сетевое общество и единое общемировое информационное пространство. Человек больше не чувствует себя частью отдельного общества, нации, государства или общины.

Несмотря на большое количество научных исследований, посвященным разным аспектам глобализации, данный феномен все еще имеет большой научный потенциал. А также стоит отметить, что в силу своей относительной новизны решения и идеи, связанные с различными аспектами глобализации, встречают крайне неоднозначные оценки среди ученых и общественности. Одни исследователи отмечают негативные тенденции в формировании личности и общества, другие же напротив рассматривают глобализацию как часть научного и социального прогресса, открывающую новые горизонты для взаимоотношений людей и их развития.

Анализируя работы отечественных авторов зачастую можно отметить ярко выраженные антиглобалистические настроения. Так, например, в своей статье «Глобализация как основной фактор влияния на трансформацию современной личности», Коршакова Э.С. приводит следующие тезисы, говорящие в пользу негативного воздействия глобализации на российское сообщество: «В России большинство тенденций глобализации, реализуются, нанося урон традиционным и цивилизационным особенностям россиян. Немаловажным для развития личности является наличие механизмов самоидентификации, опирающихся на глубинные индивидуальные

и цивилизационные ценности. Личность растет и развивается в определенной социальной, культурной и национальной среде и вторжение в ее развитие чуждых культурных, социальных и иных элементов может вести к разного рода необратимым процессам. ... Глобализация может привести к разрыву традиционных связей внутри страны, деградации неконкурентоспособных производств, обострению социальных проблем, агрессивному проникновению чуждых данному обществу идей, ценностей, моделей поведения» [2, с. 154-158].

Но есть и авторы более позитивно настроенные. «Глобализация есть явление неизбежное для современной культуры. Она призвана возвысить человека как общественное существо. В современном мире огромный успех имели идеи ненасилия, позволившие на практике освободить многие народы от колониальной зависимости, свергнуть тоталитарные режимы, возбудить общественное мнение против распространения ядерного оружия, продолжения подземных ядерных испытаний и т.д. В центре внимания гуманистической мысли находятся также экологические проблемы, глобальные альтернативы, связанные с некоторым снижением темпов развития производства, ограничением потребления, переходом к низкой энергетике, развитием безотходных производств. Все это возможно лишь при высоком уровне нравственного сознания людей, готовых идти на определённые жертвы ради выживания человечества. Поэтому наряду с прагматическими, технологическими, целесообразными принципами предполагается утвердить культ милосердия, развитие высшей духовности в противоположность грубым формам гедонизма» [5, с. 261-264]. Нельзя не согласиться, что с развитием гуманистической мысли возрастает ценность человеческой жизни, и личность в индивидуальном порядке начинает обретать идентичность и значимость. Так же стоит отметить, что усиление процессов информатизации приводит к ускоренной реализации потенциала общества и человека, в частности. Растет уровень образования и количества грамотных и образованных людей, а информация становится основным производственным ресурсом. Возникновение глобального сетевого сообщества и единого цифрового информационного пространства, которое дает доступ каждому человеку к интеллектуальным и культурным трудам предыдущих поколений, теперь лежит в основе развития личности и общества. В связи с этим продолжает быть актуальной тема влияния глобализации на формирование человека, так как одновременно с этим, человек оказывается в совершенно незнакомой для себя ситуации, при которой он становится перед лицом сложных проблем – из которых хотелось бы выделить как основную – проблему самоопределения и идентичности личности. Мы разделяем позицию Е. К. Обринской, относительно того, что сама по себе глобализация, будучи явлением объективным, не несет угрозы для ментального здоровья личности. Опасность представляют манипуляционные методики – по сути являющиеся продуктом злоупотребления технологиями и процессами, сопутствующих глобализации [6, с. 171-180].

Подводя итог хочется отметить, что мы живем в особенное время «перехода». Глобализация и все сопутствующие ей технические новшества, такие как телевидение и интернет – ставят человека в небывалое положение. Находясь под гнетом постоянно меняющейся информации для человека естественно становится жертвой чужого влияния или испытывать страх, тревогу и желание закрыться или изолироваться от свалившегося на него информационного потока. Поэтому так важно для государства вести просветительскую работу среди населения и в особенности моло-

дых людей и детей, проводить мероприятия, посвященные национальной культуре, подчеркивающие ее самобытность, позволяющие людям почувствовать общность и единство.

Список литературы:

1. Грицюк М. В. К вопросу об идеологии Российской государственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 3. – С. 24-30.
2. Коршакова, Э. С. Глобализация как основной фактор влияния на трансформацию современной личности / Э. С. Коршакова // Культура. Духовность. Общество. – 2014. – № 14. – С. 154-158.
3. Кузубова А. Ю. Потенциал влияния нравственно-правовых ценностей на законотворческий процесс // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 4. – С. 313-317.
4. Лекаца, А. Н. Формирование личности в условиях глобализации / А. Н. Лекаца, Э. К. Арутюнов, В. Г. Свериденко // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 10. – С. 159-161.
5. Мядель А.П. Нравственный идеал в эпоху глобализации: проблема выбора // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы Международной научной конференции и X научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17-18 мая 2016. – В 2 ч. Ч. 2. – Минск: БГУ, 2016. – С. 261-264.
6. Обринская Е. К. Нормативно-правовая основа обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 171-180.

Temnikova N.V. Problematic aspects of the preservation of culture and morality within the state in the era of globalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 161–164.

The article deals with the problems of moral orientation and cultural self-determination of the individual in the era of globalization. At the moment, the issue of the need for state protection of public consciousness from the negative impact from outside, as well as the maintenance of cultural traditions and values, is being actively discussed. In addition, the issue of state ideology has become relevant, which causes controversy regarding the boundaries of state intervention in the spiritual and cultural life of citizens. The author believes that being under the yoke of constantly changing information, it is natural for a person to become a victim of someone else's influence or experience fear, anxiety and a desire to close or isolate himself from the information flow that has fallen on him. Therefore, it is so important for the state to carry out educational work among the population, and especially young people and children, to hold events dedicated to national culture, emphasizing its originality, allowing people to feel community and unity. Key words: state, morality, moral imperatives, culture, traditions.

Keywords: state, morality, moral imperatives, culture, traditions.

Spisok literatury:

1. Gritsyuk M. V. On the issue of the ideology of Russian statehood // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Jurisprudence. - 2022. - T. 8 (74). - No. 3. - S. 24-30.
2. Korshakova, E. S. Globalization as the main factor influencing the transformation of the modern personality / E. S. Korshakova // Culture. Spirituality. Society. - 2014. - No. 14. - P. 154-158.
3. Kuzubova A. Yu. The potential of the influence of moral and legal values on the legislative process // Uchenye zapiski Crimean Federal University named after VI Vernadsky Jurisprudence. - 2021. - T. 7 (73). - No. 4. - S. 313-317.
4. Lekatsa, A. N. Formation of personality in the context of globalization / A. N. Lekatsa, E. K. Arutyunov, V. G. Sveridenko // International Journal of Experimental Education. - 2014. - No. 10. - P. 159-161.
5. Myadel A.P. Moral ideal in the era of globalization: the problem of choice // Dialogue of cultures in the era of global risks: materials of the International scientific conference and the X scientific-theoretical seminar "Innovative strategies in modern social philosophy", Minsk, May 17-18, 2016. - At 2 h. 2. - Minsk: BSU, 2016. - S. 261-264.
6. Obrinskaya E. K. Regulatory and legal basis for ensuring the mental security of the Russian Federation // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky Jurisprudence. - 2021. - T. 7 (73). No. 4. - S. 171-180.

УДК 342.5

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ (1944–1955 гг.)

Хаяли Р. И.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье анализируется процесс восстановления органов прокуратуры и организация прокурорского надзора в Крыму. Рассмотрены основные направления прокурорского надзора за актами органов государственного управления, за деятельностью правоохранительных органов, а также по защите прав граждан и несовершеннолетних. Прокурорский надзор был направлен на охрану государственной и общественной собственности, выполнение законов об укреплении трудовой дисциплины в промышленности и сельском хозяйстве, на своевременное и полное удовлетворение потребностей фронта и тыла. Важным направлением органов прокуратуры была работа с обращениями граждан, их прием, а также профилактика и предупреждение правонарушений, информирование общественности по наиболее злободневным правовым вопросам. Сделан вывод: восстановление прокуратуры в области способствовало стабилизации общественно-политической обстановки, укреплению законности и правопорядка.

Ключевые слова: Крым, прокуратура, прокурорский надзор, восстановление.

С освобождением полуострова от немецко-румынских захватчиков в апреле-мае 1944 г. в Крыму приступили к восстановлению органов прокуратуры. 15 апреля 1944 г. в Симферополь прибыл прокурор республики государственный советник юстиции 3 класса Николай Ильич Чекалов. 22 апреля 1944 г. на основании приказа № 89 прокурора Крымской АССР прокуратура возобновила свою работу в Симферополе. В непосредственном подчинении республиканской прокуратуры находились пять городских прокуратур: Евпаторийская, Керченская, Севастопольская, Феодосийская, Ялтинская, в том числе 9 районных прокуратур в городах – Керчь, Севастополь и Симферополь. Помимо этого, в республике возобновили работу 27 районных прокуратур. В следующем году была образована прокуратура г. Симферополя. Восстановление правопорядка, усиление борьбы с преступными проявлениями – таковы были наиболее важные задачи органов прокуратуры.

Согласно штатному расписанию 1944 г. структура республиканской прокуратуры состояла из следующих должностей: прокурор республики, заместитель прокурора, старший референт, инспектор по статистике, секретарь-стенографистка. В это время в прокуратуре республики были образованы следующие отделы: отдел по спецделам, следственный отдел, уголовно-судебный отдел, гражданско-судебный отдел, отдел общего надзора, отдел по надзору за милицией, введена должность помощника прокурора за местами заключения и организован особый сектор. В состав административно-хозяйственного сектора входила бухгалтерия, общая канцелярия и хозяйственная часть. Прокуратура приступила к реализации своей основной задачи, закрепленной действующим Положением о прокуратуре от 17 декабря 1933 г., – укреплению законности и охране государственной и общественной собственности.

В 1945 г. Крымская АССР была преобразована в Крымскую область на основании Закона РСФСР «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и преобразовании Крымской АССР в Крымскую область». Соответственно на основании приказа прокурора Крыма № 318 от 16 июня 1945 г. прокуратура была переименована в прокуратуру Крымской области прокуратуры РСФСР. В это время надзорную деятель-

ность на полуострове осуществляли 40 городских и районных прокуратур. Зарплата прокурора республики составляла 1300 руб., прокуроров 950 руб., прокурора города Симферополя 1200 руб. В следующем 1946 г. в результате административно-территориальных преобразований районов и их объединения количество районных прокуратур было сокращено до 23.

На освобожденных территориях нехватка кадров в прокуратурах, их неукомплектованность, особенно районных, было характерной чертой в первые послевоенные годы. Акт проверки работы прокуратуры Крымской области за девять месяцев 1946 г. показал, что прокурор области Н.И. Чекалов, помимо общего руководства деятельностью органов прокуратуры области, непосредственно руководил отделом кадров, следственным отделом, уголовно-судебным отделом и особым сектором. На заместителя прокурора области советника юстиции Ф.Н. Меньшикова были возложены обязанности по руководству отделом общего надзора, гражданско-судебным отделом, группой по делам несовершеннолетних, административно-хозяйственным отделом. Заместитель прокурора области юрист первого класса П.В. Цыганков руководил отделом по спецделам, отделом по надзору за органами милиции и отделом по надзору за местами заключения [1, л. 1].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» [2, с. 556–557] и введение форменной одежды для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры СССР повысил требования к прокурорам в части обеспечения законности.

Среди ведомственных документов, направленных на обеспечение прокурорского надзора в Крыму, необходимо отметить приказы Прокурора СССР, с марта 1946 г. приказы Генерального прокурора СССР. Так, следует выделить приказ Прокурора СССР и народного комиссара юстиции № 22/05 от 25 января 1944 г. «Об усилении борьбы с бандитизмом, грабежами, кражами и хулиганством», который был направлен на своевременное и правильное расследование дел, связанных с данными видами преступлений. Прокуратура также проводила большую работу по выполнению положений указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией».

На организационное и кадровое укрепление прокуратуры области были направлены приказы прокурора Крыма. Среди них приказ № 011 от 19 сентября 1946 г. «О результатах проверки прокуратуры Балаклавского района Крымской области за период с 1 июля 1945 г. по 1 мая 1946 г.», приказ № 305 от 16 сентября 1946 г., в котором органам прокуратуры ставилась задача обратить первостепенное внимание на осуществление надзора за органами милиции.

Как отмечают специалисты, в исследуемый период прокуроры работали, не имея специального нормативного акта, регламентирующего цели, задачи, предмет и пределы прокурорского надзора, а также полномочия прокуроров [3. С. 33].

Одновременно в целях повышения качества прокурорского надзора прокуратурой области первостепенное значение уделялось кадровой политике, организации общего надзора, основным показателям работы и их анализу, надзору за исполнением законов военного времени, в частности указа о военном положении, постановления ГКО о всеобщем обучении, указа о мобилизации рабочей силы.

В 1946 г. из 146 оперативных работников прокуратуры области было аттестовано – 91. В это время в прокуратуре области высшее и среднее юридическое образование имели 44,9 % прокурорских работников. Помимо этого, заочным обучением в вузах и юридических школах было охвачено 72 прокурора [4, л. 23, 25].

Прокуроры и следователи республики совместно с Республиканской комиссией по расследованию злодеяний в период немецкой оккупации провели огромную работу по учету и сбору свидетельских показаний о зверствах захватчиков. Много времени и внимания прокуроры уделяли следственной работе чрезвычайных государственных комиссий на местах по выявлению и расследованию преступлений фашистских захватчиков. Собранные с помощью прокуратуры материалы о преступлениях фашистских оккупантов в Крыму были представлены в качестве доказательств на Нюрнбергском процессе, других судебных процессах.

В 1947 г. в штатное расписание прокуратуры области вводится термин «руководство». В состав руководства прокуратуры вошли прокурор области и его заместитель. С этого времени руководство прокуратурой было возложено на Сергея Ивановича Неронова. С 1949 г. по 1957 г. областную прокуратуру возглавлял Николай Николаевич Хламов.

В освещаемый период прокурорский надзор был направлен на охрану государственной собственности, выполнение законов об укреплении трудовой дисциплины в промышленности и сельском хозяйстве, своевременное и полное удовлетворение потребностей фронта и тыла в сельскохозяйственных продуктах, а также на соблюдение прав семей, имеющих льготы по налогам. Также необходимо было организовать надзор по уголовно-судебному и гражданско-судебному направлениям и за местами лишения свободы. Органы прокуратуры области повели решительную борьбу с преступностью, за повышение качества следственной работы и судебной практики. В ходе организации прокурорского надзора выявлялись и принимались меры по наиболее частым нарушениям законов – растраты и хищения государственной собственности, нарушения устава сельхозартели, нарушение законов о труде. В условиях военного времени прокуроры в своей повседневной работе также оказывали правовую помощь гражданам, оперативно реагируя на их жалобы и предложения.

В отдельных районах области местными органами власти не всегда соблюдались права беременных женщин и матерей, кормящих грудью, на дополнительный паек. Также имелись случаи, когда местные органы власти не реагировали своевременно на жалобы военнослужащих, их семей, демобилизованных лиц и особенно переселенцев. Имелись случаи нарушения законодательства в вопросах выделения пособий, предоставления льгот различным категориям граждан. В связи с этим на особом контроле прокуроров был вопрос выполнения всеми органами государственной власти постановления ГКО «О переселении колхозников в районы Крыма», указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Матеро-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [5. Л. 35–38].

Деятельность областной прокуратуры была направлена на выполнение постановления СНК СССР от 1 июня 1943 г. № 712 «О порядке административного выселе-

ния лиц, самоуправно занявших жилую площадь» [6, ст. 165], постановления СНК СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской бесприютностью, беспризорностью и хулиганством».

В соответствии с приказом Прокурора СССР № 167 от 23 июля 1946 г. прокуратура принимала решительные меры по ликвидации в городах и селах Крыма детской беспризорности и преступности. Прокуроры области проводили проверки детских домов, дошкольных учреждений, школ и интернатов по продовольственному и бытовому обеспечению учащихся, по соблюдению законности в части обеспечения детей продуктами.

Вместе с тем имелись районные прокуратуры, где отсутствовали планы работы на текущий период, не велся специальный учет и отчетность по приказам вышестоящих прокуратур. В отдельных случаях «такая важная часть прокурорской работы... как борьба с нарушениями в области устройства переселенцев вообще ушла из поля зрения прокурора». Речь шла о прокуратуре г. Старый Крым [7, л. 114].

В первые послевоенные годы в области были восстановлены сельские, поселковые, районные и городские советы. Принимаемые советами всех уровней по хозяйственным, социальным вопросам решения, не всегда соответствовали действующему законодательству. Так, Порфировский сельский совет Евпаторийского района для собственных нужд обязал колхозы, расположенные на его территории, выделить средства для покупки лошадей, Сакский поселковый совет своим решением сократил норму жилплощади на одного человека до 6 кв. м., исполком Красногвардейского района обязал райкомхоз провести принудительное уплотнение граждан, проживающих в собственных домах, а исполком Белогорского горсовета своим решением обязал граждан, проживающих на территории города, оплачивать содержание водопровода в сумме 75 копеек в месяц в независимости от того пользуются они водопроводом или нет. Во многих районах области местные органы власти принимали незаконные решения об изъятии из личного пользования скотины. По всем незаконным решениям местных органов власти прокуратурой были вынесены протесты, а принятые ранее решения местных властей отменены.

В августе 1945 г. отделом общего надзора областной прокуратуры по протоколам, хранящимся в облисполкоме, была проведена проверка законности решений горрайисполкомов, в результате которой было выявлено 181 незаконное решение. Из них по 14 прокуратурой области были вынесены протесты, в отношении 18 решений были даны указания райпрокурорам о принесении протестов [8, л. 74–75].

Нарушения законности местными советами и исполкомами были связаны с тем, что районные прокуроры не всегда уделяли должное внимание поставленным задачам. Например, в 1946 г. прокуроры Балаклавского, Ялтинского, Старокрымского, Белогорского и Алуштинского районов не осуществляли должный надзор за законностью решений райисполкомов, зачастую не принимали участия в заседаниях райисполкомов и не опротестовывали противозаконные решения. Прокуратуры отдельных районов, осуществляя надзор за соблюдением законов в сельском хозяйстве, ограничивались выявлением отдельных незначительных нарушений законов, не реагируя на факты нарушения законности.

В связи с этим прокурор области приказал:
- всем прокурорам принимать личное участие во всех заседаниях райисполкомов;

- для вынесения протеста представлять областному прокурору все противозаконные решения райисполкомов;
- установить постоянный надзор за соблюдением Устава сельхозартели, обратив при этом внимание на законность решений общих собраний и правлений колхозов;
- решительно пресекать попытки ограничить полномочия общих собраний колхозников, особенно в части избрания руководящего состава колхозов;
- обратить особое внимание на вопрос землеустройства, в частности вручение колхозам государственных актов в вечное пользование земель, в части оплаты труда колхозников, правильности норм выработки и расценок [9, л. 84–85].

В освещаемый период в прокуратуре области первостепенное внимание уделяли правильному ведению делопроизводства и отчетности. Так, в соответствии с приказом Прокурора СССР № 41с от 18 февраля 1944 г. «Об упорядочении и сокращении отчетности для прокуроров республик, краев и областей» основной формой оперативной отчетности был квартальный отчетный доклад о проделанной работе, составляемый в соответствии с планом. О наиболее серьезных нарушениях законности, вскрытых прокуратурой, необходимо было доносить спецдонесением. Квартальный доклад предписывалось высылать не позднее 20 числа следующего за отчетным кварталом месяца. Структура квартального отчета включала в себя вопросы количества обследованных прокуратур за отчетный период, отчетность нижестоящих прокуроров, количество проведенных оперативных совещаний, осуществление контроля за выполнением приказов Прокурора СССР, анализ состояния преступности, проведение совместных совещаний с руководителями местных органов власти, правоохранительными органами и судами, а также меры поощрения и взыскания в отношении работников прокуратур.

Учет и отчетность в органах прокуратуры находились под постоянным контролем прокурора области. В практике работы прокуратуры имелись случаи, когда отдельные прокуроры проявляли недисциплинированность в сроках предоставления прокурору области материалов государственной отчетности. Отдельные прокуроры вообще не предоставляли полугодовых отчетов о работе. Это, в свою очередь, влияло на предоставление отчетности прокуратурой Крымской области в прокуратуру РСФСР и соответственно в прокуратуру СССР. В связи с этим прокурор области Н.И. Чекалов предупредил отдельных прокуроров, что «при повторении подобных явлений будут приняты строгие меры взыскания». Дополнительно были даны указания – впредь не допускать горрайпрокурорам области случаев недисциплинированности и представлять необходимые сведения в областную прокуратуру «без напоминаний и в установленные сроки» [10, л. 118].

В соответствии с приказом прокурора СССР № 270с от 24 декабря 1945 г. «Об упорядочении отчетности» необходимо было повысить качество подготавливаемых документов. В приказе отмечалось, что в практике работы прокуратур были выявлены нарушения установленных сроков отчетности, в соответствии с утвержденной схемой и требованиями. Отчеты не всегда отражали действительное состояние дел и работы на местах. Отдельные областные прокуроры, помимо установленных квартальных докладов и отчетных данных, требовали от городских и районных прокуратур предоставление отчетности, предусмотренной для областных прокуратур. В связи с этим приказом было установлена следующая отчетность:

а) полугодовые отчетные доклады вышестоящим органам прокуратуры, в соответствии с утвержденной схемой отчетности докладов;

б) периодические доклады о выполнении приказов Прокурора СССР, предусмотренные табелем срочных донесений;

в) статотчетность по утвержденным Прокуратурой СССР формам;

г) спецдонесения по наиболее характерным фактам нарушений социалистической законности;

д) разовые доклады о выполнении прокуратурами приказов, издаваемых прокуратурой СССР или о выполнении заданий, предусмотренных планом работы Прокуратуры СССР.

Также на основании приказа прокурорам запрещалось без предварительного в каждом отдельном случае согласия Прокуратуры СССР устанавливать какую бы то ни было периодическую отчетность не предусмотренную настоящим приказом. Прокурорам городов и районов рекомендовалось предоставлять доклады прокурорам областей и автономных республик не позднее 7 числа, а прокурорам областей и автономных республик 12 числа следующего за отчетным полугодием месяца.

Прокурорам областей и автономных республик необходимо было в соответствии с приказом предоставлять доклады прокурорам союзных республик 25 числа следующего за отчетным полугодием месяца. Схема полугодового отчетного доклада прокуроров республик, краев и областей включала пункты: общий раздел, где необходимо было отразить количество ревизий, проверок, оперативных совещаний, состояние государственной дисциплины, выполнение приказов Прокурора СССР и работа по жалобам.

В разделе организации борьбы с преступностью необходимо было отразить состояние преступности, в том числе с динамикой и видами преступлений, а также организационные мероприятия, направленные на снижение уровня преступности. В разделе 3 – следственная работа, рекомендовалось отразить регулярность проверок работы следователей, статистические данные прохождения дел, работу следователей прокуратур. Особое внимание необходимо было уделить состоянию следственной работы по наиболее важным категориям дел – расследование дел о хищениях и растратах социалистической собственности на предприятиях, организациях, колхозах и совхозах. Раздел 4 посвящен организации надзора за органами милиции, а именно состоянию по делам, расследуемым органами милиции, а также организации надзора за законностью задержания граждан и содержанию арестованных в камере предварительного заключения, надзор за расследованием органами внутренних дел о наиболее опасных преступлениях. Раздел 5 посвящен судебному надзору по уголовным делам и в частности участию прокуроров в подготовительных заседаниях, в качестве государственных обвинителей, проверка дел рассмотренных судами без участия прокурора, вынесение протестов по незаконным приговорам в кассационном порядке, надзор прокуратурами за приговорами, вступившими в законную силу. Раздел 6 оговаривал надзор за местами заключения – надзор за тюрьмами, за исправительно-трудовыми колониями, за инспекциями исправительно-трудовых работ. Седьмой раздел был посвящен общему надзору – надзор за точным исполнением законов и постановлений правительства, работа по жалобам. Восьмой раздел охватывал организацию надзора по гражданским делам. Девятый раздел оговаривал организацию надзора по делам несовершеннолетних – надзор за исполнением по-

становлений правительства, за выполнением законов об охране труда подростков, состоянию борьбы с детской преступностью.

На улучшение организации отчетности в органах прокуратуры были направлены указания прокурора области Н.И. Чекалова от 28 сентября 1946 г., в которых отмечалось, что организация учета и отчетности в органах прокуратуры является большим государственным делом и неотложной обязанностью прокуроров.

Важной формой отчетности был квартальный отчет, который включал в себя результаты прокурорского надзора за выполнением решений местных органов власти, рассмотрение жалоб военнослужащих и их семей, состояние преступности, основные показатели следственной работы, дела о воинских преступлениях, уголовно-судебный надзор, гражданско-судебный надзор, надзор за местами заключения.

Полугодовой отчетный доклад прокуроров района и города включал в себя вопросы организации борьбы с преступностью, состояния следствия в прокуратуре, надзора за органами милиции, судебного надзора по уголовным делам, надзора за местами заключения, судебного надзора по гражданским делам, а также общий надзор, надзор по делам о несовершеннолетних и работа по жалобам трудящихся [11, л. 35–38].

Особое внимание было уделено повышению культуре речи и письма прокурорских работников. При подготовке документов, актов прокурорского реагирования отдельные прокуроры допускали неточности и ошибки. Так, прокурор Белогорского района в протесте на оправдательный приговор «доводы изложил юридически неграмотно, общими ненужными суждениями», не относящимися к делу, а прокурор Ленинского района протест по делу адресовал в уголовно-судебную коллегия Верховного суда Крымской области, принеся его как кассационный протест, тогда как следовало данный протест именовать частным, поскольку был принесен на определение суда, возвратившего дело на доследование. Работа данных прокуроров была взята на особый контроль [12, л. 44, 45 об.].

В это время в целях поддержания общественного порядка и соблюдения законности проводились оперативные совещания с участием правоохранительных органов. Например, 10 сентября 1953 г. на межведомственном совещании с участием работников прокуратуры городов, работников областного управления МВД и милиции, областного управления юстиции, областного суда и военных прокуроров были обсуждены Постановление СМ СССР от 27 августа 1953 г. «О мерах по усилению охраны общественного порядка и борьбы с уголовной преступностью», а также приказ Генерального прокурора СССР № 225с от 31 августа 1953 г. На совещании руководителям милиции, юстиции, облсуда, прокуратуры было предложено провести неотложные мероприятия, направленные на устранение недостатков, а именно волокиты, формализма и бюрократизма при расследовании дел. Борьба с рецидивными преступлениями, такими как убийства, разбойные нападения, кражи и хулиганство находились на особом учете. Также было обращено внимание на недостаточную раскрываемость преступлений, связанных с хищениями социалистической собственности. В связи с этим прокуратурой области были намечены мероприятия по усилению борьбы с нарушителями указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» [13, л.10–11].

Таким образом, восстановление системы прокурорских органов в Крыму способствовало стабилизации общественно-политической обстановки, укреплению законности и правопорядка. Прокурорский надзор в первую очередь был направлен на охрану государственной и общественной собственности, выполнение законов об укреплении трудовой дисциплины в промышленности и сельском хозяйстве, на своевременное и полное удовлетворение потребностей фронта и тыла. Важным направлением органов прокуратуры была работа с обращениями граждан, их прием, а также профилактика и предупреждение правонарушений, информирование общественности по наиболее злободневным правовым вопросам. Принятие Положения о прокурорском надзоре СССР 1955 г. определило основные направления прокурорского надзора и соответственно кардинальную реорганизацию органов прокуратуры области.

Список литературы:

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 6.
2. История советской прокуратуры в важнейших документах. Под. ред. К. А. Мокичева. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – 584 с.
3. Казарина А. Х. Предмет прокурорского надзора. Энциклопедия / Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации; под. общ. ред. О. С. Капинус. 2-е изд. М.: Фолиант, 2014. С. 33.
4. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 6.
5. ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 2. Д. 2.
6. СП СССР. 1943. № 10.
7. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 3.
8. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 7.
9. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 3.
10. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 3.
11. ГАРК. Ф. Р-2680. Оп. 2. Д. 2.
12. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 3.
13. ГАРК. Ф. Р-2874. Оп. 2. Д. 20.

Khayali R. I. Restoration of the prosecution authorities and the organization of prosecutorial supervision in the Crimean region (1944–1955) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 165–172.

The article analyzes the process of restoring the prosecution authorities and the organization of prosecutorial supervision in Crimea. The main directions of prosecutorial supervision of acts of government bodies, the activities of law enforcement agencies, as well as the protection of the rights of citizens and minors are considered. Prosecutorial supervision was aimed at protecting state and public property, the implementation of laws on strengthening labor discipline in industry and agriculture, and the timely and complete satisfaction of the needs of the front and rear. An important direction of the prosecution authorities was to work with citizens' appeals, their reception, as well as prevention and prevention of offenses, informing the public on the most topical legal issues. The conclusion was drawn: the restoration of the prosecutor's office in the region contributed to the stabilization of the socio-political situation, the strengthening of the law and law and order.

Key words: Crimea, prosecutor's office, prosecutor's supervision, restoration.

Spisok literaturi:

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK). F. R-2874. Op. 2. D. 6.
2. Istoriya sovetskoj prokuratury v vazhnejshih dokumentah. Pod. red. K. A. Mokicheva. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury, 1952. – 584 s.
3. Kazarina A. H. Predmet prokurorskogo nadzora. Enciklopediya / Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii; pod. obshch. red. O. S. Kapinus. 2-e izd. M.: Foliant, 2014. S. 33.
4. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 6.
5. GARK. F. R-2680. Op. 2. D. 2.
6. SP SSSR. 1943. № 10.
7. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 3.
8. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 7.
9. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 3.
10. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 3.
11. GARK. F. R-2680. Op. 2. D. 2.
12. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 3.
13. GARK. F. R-2874. Op. 2. D. 20.

УДК 342.5

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ
АНТИГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
НА РУБЕЖЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-НАЧАЛА XX в.**

Филонов А. В.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

Данная статья посвящена политической, социальной и криминогенной ситуации, которая сложилась во второй половине XIX века в России, а также тем причинам, которые способствовали возникновению и развитию в тот период времени такому антисоциальному и антигосударственному явлению, как терроризм. Показаны особенности антигосударственного терроризма Российской империи в сравнении с современным терроризмом, а также раскрыта специфика терроризма как антигосударственного и антисоциального явления существовавшего в Российской империи на рубеже второй половины XIX-начала XX веков.

Ключевые слова: терроризм, террор, экстремизм, социал-демократы, революционеры, леворадикальные партии и течения, политический строй.

Для того, чтобы дать объективную оценку причин возникновения и развития антигосударственного терроризма на территории России во второй половине XIX в., необходимо, на наш взгляд, дать всесторонний объективный анализ той социально-политической ситуации, которая сложилась в тот период времени в Российской империи.

В результате реформ, проведенных Александром II, меняется социальная структура общества, методы управления, механизмы финансирования различных отраслей, появляются качественно новые политические силы, а также быстрыми темпами идет развитие рыночных капиталистических отношений.

Рост капиталистических отношений способствовал притоку рабочей силы в города из сельской местности, причем, среди представителей пролетариата наблюдалась как прослойка квалифицированных рабочих, имеющих определенный уровень профессионального образования, так и малограмотные представители крестьянских общин, пополнившие ряды пролетариата во второй половине XIX в., после отмены крепостного права в 1861 г. В большинстве случаев именно данная категория пролетариата легко поддавалась антигосударственной агитации леворадикальных политических сил и пополняла ряды данных организаций и партий таких, например, как «Народная воля», партия социалистов-революционеров (эсеры), российская социал-демократическая рабочая партия, союз социалистов-революционеров-максималистов (эсеры-максималисты), трудовая народно-социалистическая партия, различные анархистские движения и т. д. Данная ситуация стала возможной в силу того, что значительная часть бывших крестьян, а на тот момент наемных рабочих, не всегда была удовлетворена уровнем жизни, условиями работы, объемом заработной платы, отсутствием каких бы то ни было политических и социальных прав. Все эти условия подталкивали данную категорию населения к социальному протесту, чем легко и умело пользовались леворадикальные антигосударственные политические силы.

Реформы 60-70 гг. XIX в. не упразднили сословное деление общества, в котором преимущество имели дворяне и духовенство, перед пролетариатом и крестьянством

в таких вопросах, например, как получение образования, возможность замещения определенных государственных должностей.

Незавершенность, половинчатость реформ Александра II во второй половине XIX в. привела к обострению межклассовых противоречий и прежде всего между представителями власти и остальными социальными группами общества, между трудом и капиталом. В российском общественном мнении того периода времени существовала точка зрения о том, что крестьянская реформа 1861 г. до конца не разрешила существующие проблемы основной социальной группы общества того периода времени, каковым являлось крестьянское сословие [1].

В результате реформы 1861 г. крестьянское сословие получило свободу, однако оставалось ограниченным в правах, кроме того, крестьянские хозяйства оставались малоземельными, а значит основной земельный вопрос для крестьян так до конца и не был разрешен, при том, что крестьянское сословие было самым многочисленным в империи. К концу XIX века крестьянское сословие в Российской империи составляло 77,1% населения страны (771 крестьянин на 1000 чел.), тогда как дворянское сословие составляло 1% населения (10 дворян на 1000 чел.), молодая отечественная буржуазия существенной роли в общественных отношениях второй половины XIX века не играла, в первую очередь, по причине того, что в развитие промышленного производства, вливание инвестиций в промышленность особо значимую роль играл не отечественный, а иностранный капитал [2]. Иностранный капитал поступал в страну путем непосредственных капиталовложений в виде государственных займов, продажи ценных бумаг на финансовых рынках и т. д. Иностранные инвестиции в экономику Российской империи составляли около 40% от всех инвестиций. Перед первой мировой войной около трети капитала промышленных акционерных компаний и около половины из десяти наиболее крупных банков принадлежало иностранным владельцам, которые за 20 лет (с 1890-1910 гг.) получили прибыль в размере около 3 млрд. царских рублей [3]. В силу этого отечественная буржуазия какой-либо весомой поддержки среди населения не имела, причем до 1905 года она не только не имела доступа к политической жизни страны, но даже не выдвигала таких требований к властям.

Тем не менее, крестьянская реформа 1861 г. стала важным рубежом в истории России, так как она, с одной стороны, создала условия для нормального развития капиталистических отношений, а с другой обеспечила возрастающий экономический рынок необходимой рабочей силой. Положительный импульс для дальнейшего развития России сыграли также: финансовая, земская, судебная, образовательная, реформа цензуры, городская и военная реформы, которые привели к тому, что на смену старых феодальных пережитков приходили новые более прогрессивные капиталистические отношения.

Следует отметить, что в целом, реформы 60-70 гг. XIX в. привнесли в государственный строй целый ряд демократических преобразований, а также некоторые механизмы буржуазной демократии. В результате проведения данных реформ Россия сделала большой шаг на пути перехода от феодальных пережитков к современному капиталистическому строю. Благодаря этим реформам появились перспективы построения капиталистической модели экономики со свободным рынком рабочей силы, заложены основы формирования гражданского общества. Население получило больше гражданских прав и свобод (например, право на образование, перемеще-

ние и выбор места жительства, выбор занятия и профессии и т. д.). Однако эти реформы породили также оппозиционные либеральные движения по отношению к властям.

И тем не менее, не смотря на все проведенные реформы к началу XX в. Россия продолжала оставаться абсолютной монархией, в стране отсутствовали (кроме земских) представительные учреждения, основные демократические свободы отсутствовали. В этих условиях к началу XX в. начали формироваться различные политические партии и течения леворадикального толка, которые выступали за изменения политического строя, перехода от монархии к республике, принятие конституции, закрепление в ней основных прав и свобод для граждан.

И зачастую данные политические силы находили, к сожалению, определенную поддержку в некоторых общественных кругах, в том числе и их радикальные способы достижения политических целей, включая насилие и антигосударственный террор. В подтверждение этому можно вспомнить дело Веры Засулич-революционерки, которая 24 января 1878 г. совершила покушение на жизнь петербургского градоначальника Трепова Ф. Ф., выстрелив в него два раза из револьвера, и тем не менее 31 марта 1878 г. суд присяжных вынес в отношении Засулич оправдательный вердикт. Председательствовал на том процессе известный российский юрист, профессор петербургского университета А. Ф. Кони.

В последствии Александр III свернул проведение в стране тех или иных реформ, начатых его отцом Александром II, в том числе и конституционную реформу.

Зарождение антигосударственного терроризма началось с появления в России социалистических учений, идей социальной справедливости, которые как во многих студенческих кругах, так и даже среди незначительной части профессорско-преподавательского состава вузов воспринимались положительно, кроме того революционное движение и политический терроризм поддерживались и финансировались западными спецслужбами с целью ослабить Россию на международной арене и расшатать социально-политическую ситуацию внутри страны.

Появление и распространение революционных идей привело к росту социальных протестов, актов сопротивления правоохранительным органам. Так, например, 8 января 1906 г. Департамент полиции уведомлял начальников местных охранных отделений о том, что «в среде рабочих наблюдается крайние возбуждения против предпринятых Правительством мер по подавлению и предупреждению революционного движения» [4].

Многих членов общества в позиции радикально настроенных революционеров, в том числе и анархистов, прельщало то, что они стояли на максималистских позициях, требуя быстрого и коренного изменения политического строя революционным радикальным путем с целью отмены «несправедливых законов», разрешения всех общественных противоречий в интересах представителей наемного труда. Они выступали под лозунгом, что приоритетом должна выступать не «революционная пропаганда», а «пропаганда действий». Идеологи социализма и социалистических идей говорили, что их цель построить справедливое бесклассовое общество на земле, причем в ближайшем будущем, что во многом и притягивало представителей народа на сторону радикалов-революционеров.

К концу XIX-началу XX в. среди части молодежи начался процесс формирования «нового» революционного мировоззрения, которое подчинило себе тысячи молодых людей, в том числе и в студенческой среде империи.

Особенностью развития организационно-террористического движения в России являлось то, что основная часть «экстремистских идей», программ экстремистских партий и движений формировалась за границей, а лишь за тем реализовывалась в России через леворадикальные политические силы, влияя тем самым на мировоззрение российских подданных. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что идеи социализма и связанные с их реализацией террористические методы для достижения данных целей пришли в Российскую империю в конце XIX в. из Западной Европы.

Следует отметить, что идеи социализма и террора для продвижения этих идей распространялись, в первую очередь, именно среди молодежи, в том числе, и студенчества, так как данная категория населения не имела значительного жизненного опыта и не всегда могла заметить за красивыми лозунгами их экстремистскую преступную антидемократическую сущность. Именно поэтому экстремистские организации чаще всего черпали живой ресурс для своих организаций именно из студенческой среды, подготавливали молодежь для исполнения своих кровавых актов, внушая им то, что политическое убийство-это «законный способ политической борьбы». Кроме того, лидеры экстремистских организаций утверждали и обосновывали тот факт, что достичь «демократических» преобразований можно только через убийство «политических тиранов», к которым они относили высших должностных лиц государства, которые якобы виновны в угнетении народных масс.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что политический терроризм возник в Российской империи во второй половине XIX в., и причинами этого, на наш взгляд, стали следующие факторы:

-терроризм, как социальное явление был тесно связан с особенностями социального, политического и экономического развития Российской империи (сохранение сословных привилегий, нарастание противоречий между трудом и капиталом и т. д.);

-реформы, которые были проведены в 60-70 гг. XIX в., носили половинчатый характер, разница в уровне жизни между различными социальными группами людей оставалась очень значительной, население требовало более справедливого социального устройства;

-революционные движения, прокатившиеся по Европе, так называемая «весна народов», не остались незамеченными и в России, революция в Германии 1848-1849 гг., Парижская коммуна 1871 г. и т. д. Они стали действующим примером для радикально настроенных политических сил;

-кроме того, в Российской империи очень медленно формировался средний класс общества, на который могла бы опереться как правящая элита, так и государство в целом, а ведь именно средний класс в обществе обычно в меньшей степени подвержен воздействию радикальным идеям о социальной справедливости и общественном равенстве.

Начало экстремистской деятельности и использование террористических методов для достижения политических целей было связано с деятельностью организации «Народная воля», которая возникла в августе 1879 года в Санкт-Петербурге и дей-

ствовала до 1886 года. Пропаганду и реализацию террористических идей продолжили различные анархистские течения и конечно же партия социалистов-революционеров (эсеров) и ее экстремистское подразделение-Боевая организация.

В феврале 1902 г. руководство партии эсеров заявило, что террористическая борьба начнется в ближайшее время [5, с. 71]. И уже в апреле 1902 г. Боевой организацией был организован террористический акт против министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Благодаря действиям жандармерии и охранных отделений сначала был завербован лидер Боевой организации эсеров Азеф, а затем в начале 1907 г. в результате серии арестов Боевая организация эсеров прекратила свое существование. Однако, действия отдельных террористических групп продолжались в России какое-то время, но такого резонанса, как Боевая организация эсеров, они после себя не оставили.

Следует также отметить тот факт, что определенная часть либеральной общественности Российской империи конца XIX-начала XX в. видела в террористах чуть ли не героев, которые идут на самопожертвование ради всеобщего светлого будущего, и тем самым стремились оправдать их преступные действия и их преступную сущность.

Все, организации и политические партии леворадикального толка, которые действовали на территории Российской империи в конце XIX-начале XX вв., в зависимости от их отношения к террористической деятельности можно поделить на три категории. К первой группе можно отнести организацию «Народная воля» и партию социалистов-революционеров, основной целью которых было уничтожение существующего государственного строя с помощью террористических актов в отношении высших должностных лиц государства, и эти убийства должны были якобы пробудить широкие народные массы к действию. Их терроризм характеризовался индивидуальностью и покушениями, в большинстве своем, осуществлялись только на лиц, занимающих важные государственные посты. Данный терроризм не имел никакой связи с грабежами и разбоями. Именно такой терроризм иногда находил положительный отклик и частично оправдывался либеральными течениями и некоторыми группами народных масс.

Ко второй категории можно отнести организации анархистов и Союз социалистов-революционеров-максималистов, которые ставили перед собой те же цели и задачи, что народники, партия эсеров-ликвидация политического строя. Однако, их террористические акты ради достижения данной цели отличались безмативированностью и большой массой погибших и пострадавших людей, которые, в большинстве своем, никакого отношения к власти не имели. Кроме того, данные теракты зачастую сопровождалась грабежами и разбоями.

Третья категория политических сил данной направленности была представлена партией социал-демократов и трудовой народно-социалистической партией, которые в своей программе не планировали использовать теракты для достижения своих политических целей. Данные партии не поддерживали терроризм, но, в принципе, и не осуждали его, расценивая данные действия как сопротивление народных масс против существующего политического строя.

В своем развитии революционный терроризм в Российской империи достиг наивысшего уровня на рубежах с 1870 по 1880 годы, и в начале XX века в период с 1902 по 1907 гг.

Исследователь А. А. Гейфман приводит статистику жертв террористических актов, совершенных в Российской империи. Согласно этой статистике число убитых и раненых в результате террористических актов в период с 1894 по 1917 гг. в Российской империи составило около 17 тыс. человек [6 с. 12].

Из всего вышесказанного можно выделить особенности и специфику российского антигосударственного терроризма, который осуществляли леворадикальные политические силы во второй половине XIX-начале XX вв. К этим особенностям, на наш взгляд, можно отнести следующие:

-террористическая деятельность на протяжении всего указанного периода не носила национально-освободительного характера, как в некоторых зарубежных странах, а была направлена на свержение существующего политического строя;

-по своему национальному составу террористические группы были многонациональными, куда входили евреи, поляки, великороссы (русские), малороссы (украинцы) и представители других национальностей. Если говорить о классовом составе террористических групп, то он также был разношерстным, в эти группы входили дворяне, разночинцы, представители рабочих и крестьян, а на последнем этапе в 1905-1917 гг. в эти группы помимо вышперечисленных представителей вошли деклассированные элементы и даже представители уголовного мира. Это, в первую очередь, относилось к анархистским движениям;

-на первом этапе в конце XIX-самом начале XX веков терроризм носил индивидуальный характер и был направлен, исключительно, на высших должностных лиц государства, тогда как на втором этапе с 1907 по 1917 годы он стал носить, в большинстве своем, массовый характер, где погибало большое количество ни в чем неповинных людей, т. е. террор начал осуществляться ради террора, причем параллельно с террором решались задачи обогащения, получения денег и материальных ценностей;

-русский терроризм во многом был связан с деятельностью политических партий, причем их программные документы допускали возможность применения террористических актов против высших должностных лиц государства (партия социалистов-революционеров и т. д.);

-террористическая деятельность была направлена не на принуждение властей к определенным уступкам, а на изменение существующего политического строя в целом, так организация «Народная воля» осуществляла террористические акты с целью дезорганизовать правительство и тем самым стимулировать массовые народные выступления с целью смены общественно-политического строя;

-наличие теоретического обоснования и идеологического обеспечения террористической деятельности, данные положения можно найти в прокламациях того периода времени «Молодая Россия» Петра Заичневского, в журнале «Вперед» П. Лаврова и т. д. Кроме того, существовала значительная численность подпольных типографий, которые издавали листовки и прокламации, в которых разъяснялись цели и задачи, причины террористической деятельности, и тем самым обеспечивалось идеологическое обоснование и оправдание терроризма;

-наблюдалось некоторое сотрудничество различных леворадикальных политических партий и движений с целью организации и проведения террористических актов;

-наблюдалось сотрудничество террористов в период первой мировой войны со спецслужбами вражеских государств с целью получения от них денежных средств, вооружения и взрывчатых веществ для проведения террористических актов;

-у некоторых террористов особенно на первом этапе наблюдались высокие политические моральные качества, они действительно добровольно соглашались идти на самопожертвование ради общей идеи достижения политических целей построения социально-справедливого общества. Причем, они не были не религиозными фанатиками, не находились под психотропными веществами, а просто искренне верили в возможность таким путем изменить существующий государственный строй с целью построения социально-справедливого общества. Однако, данная черта была характерна для террористов в большинстве своем только на первом этапе антигосударственного терроризма в конце XIX века-до 1907 г.;

-оправдание, а зачастую и поддержка террористической деятельности определенной части населения, которая воспринимала террористов чуть ли ни как героев, которые шли на самопожертвование ради «общего блага».

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать, на наш взгляд, следующие выводы: причинами возникновения антигосударственного терроризма в Российской империи стали незавершенность демократических реформ в 69-70 гг. XIX в., накопившиеся и неразрешенные проблемы в социальной сфере (сохранение сословного строя), в экономическом развитии государства (незавершенность крестьянской реформы 1861 г.), сохранение абсолютизма и отсутствие представительных учреждений (кроме земств) до созыва первой Государственной Думы в 1906 г., отсутствие конституции как основного закона государства, который бы закрепил основные права и свободы подданных, а также разграничил полномочия между Государственной Думой и монархом, в результате чего была бы установлена ограниченная конституционная монархия с правами и гарантиями их выполнения для всех слоев населения.

Все эти накопившиеся проблемы вызывали недовольства у значительной части общества и создавали необходимую почву для возникновения различных течений и политических партий леворадикального антигосударственного толка, которые для достижения своих политических целей допускали противозаконные способы политической борьбы, включая терроризм с целью дезорганизации правительства и вынуждение его к проведению соответствующих реформ, а с другой стороны подтолкнуть население к восстанию против действующих властей и сложившегося общественно-политического строя. Кроме того, следует отметить и тот факт, что правоохранительные органы Российской империи вели достаточно успешную борьбу с леворадикальными политическими силами как подтверждение сказанному в 1911 г. прекратила свою преступную деятельность Боевая организация эсеров. Особую роль в этом процессе сыграли охранные отделения и жандармерия, ведавшие политическим сыском в империи. Но этот вопрос- предмет других последующих исследований.

Список литературы:

- 1.Хобсбаум Э. Век империи. 1875-1914 / Эрик Хобсбаум [Текст]. – Ростов н/Д.: Издательство «Феникс», 1999. – 512с.
- 2.Интернет ресурс: <https://istmat.org/node/24425>.Обращение 26.07.2023 г.
- 3.Интернет ресурс: <https://studfile.net/PREVIEW/6657138/page:6/>.Обращение 11.03.2023 г.

4. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 260. – Дел. 16. – Л. 11.

5. Письма Азефа 1893-1917/Сост. С. П. Павлов, З. И. Перегудова [Текст].-М.:Терра, 1994.-287 с.

6. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894-1917/Пер. с англ. Е. Дорман.-М: КРОН-ПРЕСС, 1997. - 448с.

Filonov A. B. Causes of emergence and peculiarities of anti-state terrorism in the Russian empire at the turn of the second half of the XIX-early XX century // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 173–180.

This article is devoted to the political, social and criminogenic situation that developed in the second half of the XIX century in Russia, as well as the reasons that contributed to the emergence and development of such an anti-social and anti-state phenomenon as terrorism at that time. The features of the anti-state terrorism of the Russian Empire in comparison with modern terrorism are shown, and the specifics of terrorism as an anti-state and anti-social phenomenon that existed in the Russian Empire at the turn of the second half of the XIX-early XX centuries are revealed.

Keywords: terrorism, terror, extremism, social Democrats, revolutionaries, radical left parties and currents, political system.

Spisok literaturi:

1. Hobsbawm E. The Age of Empire. 1875-1914 / Eric Hobsbawm [Text]. – Rostov N./D.: Publishing house "Phoenix", 1999. – 512 s.

2. Internet resource: <https://istmat.org/node/24425> .Address 26.07.2023

3. Internet resource: <https://studfile.net/PREVIEW/6657138/page:6/>.Address 11.03.2023

4. ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 260. – Дел. 16. – Л. 11.

5. Letters of Azef 1893-1917/Comp. S. P. Pavlov, Z. I. Peregudova [Text].-М.:Терра, 1994. - 287 p.

6. Geifman A. Revolutionary terror in Russia, 1894-1917/Translated from English by E. Dorman.-Moscow: KRON-PRESS, 1997. – 448 s.

УДК 342.7

ПРАВО ГРАЖДАН НА ОБРАЩЕНИЕ

Шамшеева У. Б.

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Право на обращение не всегда гарантировалось Конституцией, а наоборот, именно с точки зрения реализации гражданами своих прав и свобод должное внимание ему вовсе не придавалось. В связи с этим, целью настоящего исследования выступает изучение эволюции права граждан на обращение с момента возникновения Древней Руси до настоящего времени. В исследовании применены общие, исторический, сравнительно-правовой и формально-правовой методы. Результаты: проведенный анализ нормативных правовых актов позволил определить периодизацию процесса эволюции права на обращение и определить его период становления. Ранее челобитные рассматривались в качестве контроля над органами власти и лишь в современном обществе мы видим, что обращения помогают не только контролировать действия власти, но и содействуют в защите и восстановлении нарушенных конституционных прав и свобод граждан, взаимодействуя между государственными органами и обществом в виде обратной связи народа и государства. Такая обратная связь также предполагает участие граждан в усовершенствовании государственных процессов, нормативных правовых актов и в структуре управления.

Ключевые слова: право на обращение, орган власти, конституция, жалоба, нормативные правовые акты, государство.

Конституция Российской Федерации, гарантирует защиту конституционных прав и свобод граждан, включая социальные, экономические и культурные права. Согласно ст. 33 Конституции РФ, гражданам гарантируется право на обращение в органы государственной власти и местного самоуправления, которое занимает важное место среди основных прав и свобод человека и гражданина. Право на обращение позволяет народу выразить свои интересы и потребности, участвуя в управлении государством, а также защищает их права и свободы. Однако история свидетельствует о трансформации права граждан на обращение в течение многих веков, и его значение в становлении и развитии конституционного государства не может быть недооценено.

Право граждан на обращение обладает давней историей возникновения – с момента существования Руси. В монографии «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII века» при освещении темы народного восстания 1113 г. в Киевской Руси академик Б. А. Рыбаков упоминает о народных восстаниях, при которых народ обращается к князю. Примером тому служит разгар народного восстания 1113 г. в Киеве, вызванного введенным соляным налогом, для ускорения приезда в Киев Владимира Мономаха боярство направило гонцов с посланием: «Князь! Приезжай в Киев! Если ты не приедешь, то знай, что произойдут большие несчастья: тогда не только Путятин двор или дворы сотских и дворы ростовщиков будут разгромлены народом, но пойдут и на вдову покойного князя, твою невестку, и на всех бояр, и на монастыри. Ты, князь, будешь в ответе, если народ разграбит монастыри!» [1, с. 450].

С целью урегулирования восстания Владимир Мономах отправился в Киев, где издал новый закон в виде свода законов и положений, дополняющий «Русскую Правду» – «Устав Владимира Всеволодича». Устав был необходим для улучшения условий жизни для городских бедняков, которые были в долгу перед богатыми ро-

стовщиками, и крестьян, которые были в кабале у бояр. Ограничение на трехлетний период взимания процентов помогло освободить людей от угрозы долговой кабалы на длительный или даже вечный срок.

Это восстание было победным, так как некоторые права должников, такие как закупы, получили государственную защиту. Если закуп отправлялся на поиски денег или жаловаться судьям или князю, он имел право вернуться в господский двор, не рискуя быть обвиненным в расхищении господского имущества [1, с. 451]. В результате этого восстания феодалы вынуждены были сделать уступки, которые впоследствии повлияли на улучшение экономического и юридического положения городских ремесленников и крестьян. В посыле народа усматривается общность по смыслу с современным пониманием обращения народа к власти, которое свидетельствует о наличии устной формы обращения в органы власти в период феодального строя, а самое главное – проявляется и становление обратной связи народа с государством, имеющей юридические и экономические последствия.

До возникновения Российского государства в древнерусском государстве право на обращение не было закреплено законодательно, оно не имело практической основы, само понимание права на обращение отсутствовало [2, с. 42].

В средневековье, еще до петровских реформ, обращение народа на Руси зарождалось одновременно с появлением органов публичной власти и сословия чиновников. По статусу жалобщика и предмета жалобы, должностными лицами, уполномоченными на прием обращений, выступали: князь, воевода, бояре и т.д. [3, с. 56].

В период сословно-представительной монархии в конце XV – XVII веков начинается формирование права на обращение, появляется обратная связь народа с государством и должностными лицами, появились субъекты обращений, жалобщики, ответственность должностных лиц [4, с. 98].

Обратная связь в виде предложений по совершенствованию организации устройства органов власти была минимальная, так как возможность их подачи была ограничена, какие-либо предложения по совершенствованию системы работы не то, что не принимались обществом, а совершенно не воспринимались. В Судебнике Ивана III Великого 1497 г., упоминается народ, пришедший к боярину с жалобой, требованием или просьбой как индивидуально с личными вопросами, так и по коллективным проблемам, в том числе пытаюсь выразить общественное мнение о власти и законах [5, с. 54]. Преимущественно в древнерусском государстве институт обращений состоял из жалоб, сама цель рассмотрения жалоб заключалась не в улучшении качества жизни народа, а в контроле над органами власти.

Должностные лица, обладающие полномочиями на прием и рассмотрение обращений народа к органам власти, обязаны были рассмотреть обращение народа и разрешить его по существу в соответствии с Судебником 1497 г., который стал первым сводом законов Московской Руси, из Судебника 1497 г.: «А каков жалобник к боярину приидет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всем жалобником управа в всемь, которымъ пригоже. А которого жалобника а непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати» [5, с. 60]. Статья устанавливала равный доступ к осуществлению правосудия, в том числе для холопов, впервые нормативный правовой акт запрещал уклоняться боярам от рассмотрения челобитных, поступивших по подведомственности. В случае, если челобитная направлена не по компетенции, то челобитчиков

направляли по компетенции либо об этом докладывалось князю. А в том случае, если к царю безосновательно обращался жалобщик с отказом боярина с целью его оспорить, согласно уже Судебнику 1550 г., должен быть помещен в тюрьму [6, с. 180].

При помощи реформы управления Иван IV Грозный в XVI веке, устанавливает систему приказного управления, предусматривающую появление таких органов публичной власти как Приказы, формирующиеся по отраслевому признаку: по роду, виду и компетенции органов власти [7, с. 51]. Челобитный приказ осуществлял контроль деятельности центральных органов в целях организации приема и рассмотрения челобитных жалоб. Непосредственно царю все еще подаются челобитные, однако предметом таких челобитных являлось злоупотребление должностным положением самих приказов, тогда в 1550 г. создаётся Челобитный приказ, осуществляющий контроль организации приёма и рассмотрения челобитных центральными органами, поступающих на имя царя.

В период сословно-представительной монархии право на обращение впервые находит свое нормативное закрепление в Судебнике 1497 г., в Судебнике 1550 г. нормы об обращении с челобитной дублируются, появляется описание термина, которое в современном обществе принято обозначать как «необоснованное обращение», определены органы и порядок рассмотрения челобитной жалобы.

В период абсолютной монархии – самодержавия, в XVII – XIX веках из-за большого количества челобитных развивается законодательная база и бюрократизация процесса обращений, также челобитные ложатся в основу некоторых мнений при определении государственной политики и принятии законов.

Важным документом периода является Соборное Уложение 1649 г., которое способствовало улучшению нормативного регулирования и права на обращение в сравнении с предыдущим законодательством. В этом законе были урегулированы все аспекты общественно-политической жизни того времени, а не только отдельные группы общественных отношений [8, с. 116]. Статьи Соборного Уложения запрещали жалобщикам обращаться прямо к царю с челобитными жалобами, устанавливали субординацию при подаче челобитных и устанавливали ответственность за нарушение порядка рассмотрения жалоб на должностных лиц.

Алексей Михайлович Романов учредил Расправную палату в виде отдела Боярской Думы, которая имела верховенство над остальными приказами. В Расправную палату поступали только неверно принятые решения по челобитным и частные жалобы на действия приказов или отказ в приеме челобитной. Затем эти челобитные передавались думным дьякам для рассмотрения совместно с царём. При Боярской Думе также существовали временные комиссии, аналогичные современным судам, постановления которых приравнивались к решениям Думы.

Успешная практика в виде обратной связи народа с царём и органами власти при рассмотрении челобитных, имела прямое воздействие на политику в Российской Империи учитывалась при издании указа о прикреплении крестьян к земле и заключении договора 1580 г. Руси с Речью Посполитой, Новоторгового устава 1667 г., которые легли в основу и многих других правовых актов, как институт обращений и дальнейшей народной правотворческой инициативы. Доктор исторических наук Михаил Борисович Булгаков приводит тому подтверждение: «организация посадского самоуправления, когда мирской сход рассматривал проблемы мирского наро-

да, передавал стоящие челобитные до царя, а также направлялся в центральные приказы, представляя одну из главных общественных структур, обладающей компетенцией по представительству народа в Москве и защиты их интересов, но в то же время действия мирского хода были подконтрольны народу» [9].

Нормативное регулирование обращений граждан в указанный период претерпевает серьезные изменения, появляются специальные приказы, в которые подается челобитная, запрещена подача челобитных напрямую царю. Лишь при отказе в приеме челобитной или не разрешении дела жалобщик мог обратиться напрямую к монарху. До сих пор право на подачу челобитной помещичьим крестьянам не предоставляется [10, с. 93].

Реформы Петра I способствуют развитию писаного законодательства: упраздняются приказы, Боярская Дума прекращает свое существование, учреждается высший орган власти и законодательства, подведомственный императору – Правительствующий Сенат 22 февраля 1711 г., ныне 5 марта [11, с. 171, 172]. Важно отметить, что Сенат не сформировался мгновенно, его состав, функционал и процессы были подвержены значительным изменениям в течение времени. Из-за большого объема поступающих челобитных восстановленная в 1713 г. при Сенате Расправная палата переходит в ведение Юстиц-коллегии, а Челобитный приказ ликвидируется.

Согласно наказу рекетмейстера от 5 февраля 1722 г. [12, с. 384], была введена новая должность рекетмейстера, который отвечал за прием жалоб на Коллегии и канцелярии. Эта должность обязывала его следить за исполнением правил и стандартов в этих учреждениях, а также учитывать жалобы и обращения граждан. Однако, челобитные, поступившие после судебных разбирательств и допросов, приему рекетмейстером не подлежали, уполномоченным органом на приём таких жалоб выступает Сенат. Таким образом появился орган, отвечающий за работу с челобитными. Рекетмейстерская контора, возглавляющую генерал-рекетмейстером, в ведении которого находятся дела челобитчиков, также рассматривала жалобы на сенатскую коллегию, принимает по ним решения, уведомляет Сенат о поданных в отношении него жалобах, а в отдельных случаях доносит челобитные непосредственно до императора. Рекетмейстерская контора следила за соблюдением порядка подачи жалоб, челобитные не должны были пропускать первоначальную подачу в коллегию и поступать непосредственно в Сенат, позже Сенат приобретает статус высшей судебной инстанции. Таким образом, появился принцип рассмотрения челобитных, остающийся актуальным и в настоящее время.

В целях регулирования обратной связи народа с властью, издаются Указы: № 8288 от 12 ноября 1740 г., № 8289 от 12 ноября 1740 г., № 8475 от 27 ноября 1741 г., № 8502 от 18 января 1762 г., которыми в том числе утверждается Инструкция, устанавливающая порядок рассмотрения, прием челобитных и прочее. В соответствии с Порядком подача челобитной, поданная на имя Генерал-рекетмейстера, должна решаться в соответствии с Регламентом не дольше 6 месяцев. Так же, Указами устанавливаются содержание грамот, паспортов, докладов, челобитных, доношений, правила оформления челобитных на имя императрицы (челобитная не на гербовом бланке и без подписи не принимается).

Екатерина II Великая созвала собрание из членов губернского правления, казенной, гражданской и уголовной палат с целью подготовки проекта нового Уложения [11, с. 7]. Уже в июле 1762 г. она утверждает Указ «О порядке рассмотрения жалоб

и просьб на высочайшее имя», а позже в 1763 г. подписывает одноимённый Манифест, устанавливающий порядок рассмотрения жалоб на имя императора [1, с. 303, 304]. Это определило работу всего государственного аппарата, включая статс-секретарей и привело к разделению административного и судебного производства при работе с обращениями в государственные органы. Манифест регламентирует порядок подачи и рассмотрения челобитных и дел, подлежащих рассмотрению в судебном порядке, а именно, они подлежат возврату челобитчикам для судебного разбирательства. Указом от 1767 г. вводится запрет на подачу челобитных непосредственно на имя императора, что объясняется необходимостью исключения нарушения порядка подачи челобитных, пропуская учрежденные ведомства. На данном этапе Екатерина II, имея нормативную базу по регулированию челобитных, устраняет пробелы законодательства и пополняет ее новой практикой.

Манифест 1797 г., выпущенный Петром I, предоставил крестьянам возможность жаловаться на своих помещиков, если те нарушали запрет на работу в воскресенье и трехдневную рабочую неделю. Этот исторический документ ознаменовал важный шаг в защите прав крестьян на тот момент.

В конце XIX в. было проведено несколько реорганизационных изменений, которые затронули Комиссию по принятию прошений. Эта Комиссия была объединена с другими инстанциями и переименована в Канцелярию императора, которая занималась приемом различных обращений и жалоб на действия министров, губернаторов и других высших должностных лиц в соответствии с новыми правилами.

В 1905 г. при правлении Николая II Указ № 26803 от 17.10.1905 [13, 754] вызывает популяризацию подачи обращений в государственные органы тем, что разрешал доводить до власти нужды народа, однако в связи с наступлением Октябрьской Революции 1917 г. созданная при дуалистической монархии система работы с челобитными прекращается, равно как и действие всех нормативных актов и правил.

В первые годы становления Советской России нормативное регулирование работы с обращениями граждан отсутствовало. В. И. Ленин разработал систему деятельности работы по обращениям граждан от порядка поступления обращений до принятия решений по обращениям [14, с. 6]. В 1918 г. вводится в действие первая советская Конституция, устанавливающая систему государственной власти и управления, выборность государственных органов, однако право на обращение еще юридически не закреплено. Взамен утративших силу царских Указов и Правил в целях урегулирования порядка обращений Советская Россия принимает ряд нормативных правовых актов, устанавливающих базовые положения:

- устанавливается строгая обязанность соблюдения законов РСФСР, постановлений, положений, распоряжений гражданами, всеми органами и должностными лицами Советской власти [15];
- для граждан, желающих обжаловать действия, волокиту или чинимые им в их законных притязаниях затруднения, на должностные лица и советские учреждения возлагается обязанность по приему обращений (составление протокола) [16];
- Государственный Контроль наделяется полномочиями по организации приема и ведения всех заявлений [17];
- учреждается особое бюро при Государственном Контроле в связи с необходимостью приема и рассмотрения заявлений граждан на неправильные действия, зло-

употребление полномочиями, а также правонарушения со стороны должностных лиц [17];

- устанавливается порядок подачи и рассмотрения жалоб [18].

В 1925 г., 11 мая, Конституцией РСФСР [19] включила в себя основные права, свободы и обязанности граждан РСФСР, а также устанавливала право граждан на участие в управлении государственными и общественными делами (ст. 46). Она также дала трактование термина «право на обжалование» (ст. 56) и установила право граждан на обжалование действий должностных лиц, государственных и общественных органов, что было дополнительно регламентировано 2 статьями: иностранные граждане и лица без гражданства имели право обратиться в суд или другие государственные органы для защиты своих личных, имущественных, семейных и других прав (ст. 35); депутаты были наделены правом обращаться в государственные и общественные органы, предприятия, учреждения и организации (ст. 101).

Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. принимаются в связи с обновлением конституционной системы, но свое отражение термин «обращения граждан» в них не находит.

Большой поток жалоб демонстрировал необходимость переработки аппарата государственного контроля. Таким образом, в данный период, положительное рассмотрение жалоб и обращений позволяло достичь высокий уровень доверительных отношений народа с властью. Система получает свое дальнейшее развитие в принятии ряда нормативных правовых актов, регулирующих организацию по работе с обращениями граждан и при накоплении практического материала появляется необходимость в привлечении общественности, в связи с чем в 1958 г. ЦК КПСС принимает постановление «О серьезных недостатках в рассмотрении писем, жалоб и заявлений трудящихся», что приводит к потребности принятия постановления положения, которого устраняли бы канцелярско-бюрократических извращения [20] и имеющиеся случаи по требованию органами власти от граждан документов, которые не являются необходимыми при обращении.

Обращения граждан, согласно постановлению ЦК КПСС «Об улучшении работы по рассмотрению писем и организации приема трудящихся» [21], выступали одной из форм участия народа в управлении государственными делами, средством, при помощи которого возможно выразить общественное место, а также источником получения информации о политической жизни страны [14, с. 19].

Указ Президиума ВС СССР № 2534-VII 1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» [22] установил порядок и сроки рассмотрения обращений советских граждан и стал первым нормативным правовым актом на эту тему в советской России. Указ обязывал органы государственной власти обеспечить необходимые условия рассмотрения обращений граждан в целях соблюдения сроков рассмотрения обращений, обеспечения полных и неформальных ответов на обращения, рассмотрения должным образом некоторых категории обращений граждан с изучением причин сложившейся ситуации, описанной в жалобе, принятия мер для устранения нарушений. Однако право на обращение в Конституции 1968 г. еще не было закреплено.

Несмотря на то, что право советских граждан на обращение напрямую не было закреплено в первых Конституциях СССР, оно прослеживалось в постановлениях и других нормативных правовых актах. Лишь в 1977 г. оно находит свое закрепление

в ст. 37, 48, 49, 58 Конституции СССР: граждане имеют право «вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе» [23].

Конституция РСФСР 1978 г. повторяет многие положения Конституции СССР 1977 г., включая право на обращение, например, ст. 47 Конституции СССР 1977 г. закрепляла право граждан на участие в управлении делами общества и государства, в то время как ст. 51 Конституции РСФСР 1978 г. предоставляла гражданам право направлять свои личные и коллективные обращения в государственные органы и должностных лиц, ответственных за рассмотрение, принятие решений и подготовку ответов в установленный срок, определенный законом.

Вместе с тем, свое отражение в Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г. находит термин демократический централизм, который является одним из принципов руководства государственными делами в период Советской власти, когда деятельность органов государственной власти подотчетна народу. То есть, каждый государственный орган несет ответственность за порученное дело, в том числе и при рассмотрении обращений граждан (ст. 3 исключена в 1992 г.).

Основными правовыми актами, регулирующими рассмотрение обращений граждан в СССР и Российской Федерации до 2006 г., являлись Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» (далее - Указ от 12 апреля 1968 № 2534-VII) и Закон СССР от 26 июня 1968 г. 2830-VII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», которые не претерпели существенных изменений.

Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [24] отменяет вышеупомянутые нормативные правовые акты и обновляет нормативную базу в области обращений граждан. Несмотря на то, что основные положения Указа от 12 апреля 1968 года № 2534-VII были включены в Федеральный закон об обращениях граждан, он также содержит новые положения, которые ранее не были законодательно закреплены: возможность представления дополнительных документов и материалов (ч. 1 ст. 5); право ознакомления с документами и материалами, связанными с рассмотрением обращения, за исключением случаев, установленных законом (ч. 2 ст. 5); получение письменного ответа по существу вопросов, содержащихся в обращении (ч. 3 ст. 5); право на жалобу на принятое по обращению решение (ч. 4 ст. 5); возможность обратиться с заявлением о прекращении рассмотрения обращения (ч. 5 ст. 5); запрет на разглашение сведений, касающихся частной жизни гражданина, которые содержатся в обращении (ч. 3 ст. 13).

Из приведенного можно заключить, что законодательство об обращениях граждан в органы власти равномерно развивалось и совершенствовалось на протяжении многих веков. Становление права на обращение претерпело несколько периодов своего развития, которое лишь в 1977 нашло свое конституционное закрепление.

Зарождение права на обращение прослеживается с XI - XII веков. Учитывая форму выражения права и его содержание, можно выделить несколько периодов:

- XII – XV вв., наблюдается зарождение первых устных обращений народа к власти - отсутствие правового закрепления права. Бояре посылают гонца с устным посланием (устным обращением) к князю о подавлении народного восстания, что приводит к обратной связи князя и народа.

- XV – XVII вв., появляются первые правовые акты, которые закрепляли право на обращение в органы власти. Обращения народа рассматриваются князем, воеводой, боярами. Преимущественно обращения выступают в роли контроля за органами власти.

- XVII – XIX вв., принимаются правовые акты, определяющие порядок подачи и рассмотрения обращений. Период активного начала развития законодательной базы института обращений граждан. Обращения рассматриваются: государем, рекетмейстерской конторой, генерал-рекетмейстером, сенатом, комиссией прошений, коллегиями, канцелярией и др.

- 1905 – 1917 года, разработка и принятие правовых актов, закрепляющих право граждан в соответствии с их рангом, статусом в обществе. Право на обращение имеют все сословия, количество обращений увеличено. Только отобранные обращения передаются императору.

- 1908 – 1991 года, принимаются Конституции: первая советская Конституция 1918 г.; Конституции СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г., которыми вводится термин «право на обжалование», термин «право на обращение» употребляется в случае защиты иностранными гражданами своих прав и депутатами; в Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 термин «обращения граждан», как и прежде, в них не отражается и только Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. определяют принцип демократического централизма, при котором организация и деятельность Советского государства подотчетна народу, а право на обращение впервые гарантируется Конституцией, как Основным Законом государства. Ранее принятые нормативные правовые акты в части обращений граждан отменены, законодательство обновляется.

- 1991 г. – наше время, дальнейшее совершенствование законодательства об обращениях граждан, урегулирование порядка обращений, ответственности должностных лиц за неисполнение обязанностей по рассмотрению обращений граждан, нарушение сроков рассмотрения.

Таким образом, развитие и совершенствование права на обращение имеет важное значение для укрепления конституционализма в России. Право на обращение является основой российской правовой системы, и его развитие является ключевым инструментом обеспечения верховенства конституции и гарантирования прав и свобод граждан на всей территории Российской Федерации.

Список литературы:

1. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1982. 589 с., ил. (Киевская Русь и исторические судьбы восточных славян. К 1500-летию Киева).
2. Лаврентьева, Т.В. Особенности осуществления защитных функций общественными и государственными институтами в истории Киевской и Московской Руси // Вестник Челябинского государственного университета, № 12 (266), 2012. С. 37-43.
3. Панова И.В. Развитие административного судопроизводства и административной юстиции в России // Право. Журнал высшей школы экономики, № 4, 2016. С. 54-69.
4. Адамова Э.Р. Эволюция права граждан на обращения в органы государственной власти в России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал, № 4, 2008. С. 98-100
5. Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. В 9-ти томах. Т. 2 / Отв. ред.: Горский А.Д.; Под общ. ред.: Чистякова О.И. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
6. Карамзин Н.М. История государства российского. В 4 книгах. Кн. 3. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1994. 544 с.
7. Градовский А.Д. Начала русского государственного права / [соч.] А. Градовского, проф. Имп. С.-Петербург. ун-та. Т. 1-3. Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1875-1881. - 1 т. (1875), 448с.

8. Чистяков О. И. [и др.] История отечественного государства и права в 2 частях. Ч. 1: уч. для академического бакалавриата / под редакцией О. И. Чистякова. 5-е изд., испр. Москва: Издательство Юрайт, 2005. 224 с.
9. Булгаков М.Б. Структуры посадского самоуправления на государственной и мирской службах в XVII веке / М.Б. Булгаков // Отечественная история. 2005. № 4. С. 94-108.
10. Лукьянчикова Л.В. Институт народных обращений в России периода абсолютизма: историко-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2014. № 4. С. 91-96.
11. Указ об учреждении Правительствующего Сената и о персональном его составе от 22.02.1711 // Российское законодательство X - XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / Отв. ред.: Маньков А.Г.; Под общ. ред.: Чистяков О.И. - М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.
12. Наказ рекетмейстеру от 05.02.1722 // Законодательство Петра I. 1696-1725 годы / МГУ им. М.В. Ломоносова, Юрид. фак., Каф. истории государства и права; Сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. 528 с.
13. Манифест № 26803 от 12.10.1905 «Об усовершенствовании Государственного порядка» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Третье. Том XXV. Отделение 1. / СПб. Государственная типография, 1908 г. 1109 с.
14. Мальков В.В. В учреждение поступила жалоба. М., Изд-во Моск. рабочих, 1972. 79 с.
15. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов от 08.11.1918 «О точном соблюдении законов» // «Известия ВЦИК», № 267, 06.12.1918 (утр. силу).
16. Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов от 08.11.1918 «О точном соблюдении законов» // «Известия ВЦИК», № 267, 06.12.1918 (утр. силу).
17. Декрет ВЦИК от 12.04.1919 «О государственном контроле» // «Известия ВЦИК», № 79, 12.04.1919 (утр. силу).
18. Декрет СНК РСФСР от 30.12.1919 «Об устранении волокиты» // «Известия ВЦИК», № 4, 06.01.1920 (утр. силу).
19. Конституция (Основной закон) РСФСР (утв. Пост. XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК, 26.05.1925, № 118 (утр. силу).
20. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 25.02.1960 № 231 «О мерах по устранению канцелярско-бюрократических извращений при оформлении трудящихся на работу и разрешении бытовых нужд граждан» // «СП СССР», 1960, № 6, ст. 33 (утр. силу).
21. Постановление Совмина РСФСР «О мерах по дальнейшему улучшению работы с письмами и предложениями трудящихся в свете решений XXVI съезда КПСС» // СП РСФСР, 1981, № 14, ст.84 (утр. силу).
22. Указ Президиума ВС СССР от 12.04.1968 № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // «СЗ СССР», т. 1, с. 373 (утр. силу).
23. «Конституция Союза Советских Социалистических Республик» (принята ВС СССР 07.10.1977) (ред. от 14.03.1990) // «СЗ СССР», т. 3, с. 14, 1990 (утр. силу).
24. Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // «СЗ РФ», 08.05.2006, № 19, ст. 2060.

Shamsheeva U. The right of citizens to apply // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 181–190.

The right to appeal was not always guaranteed by the Constitution, but on the contrary, it was from the point of view of citizens' realization of their rights and freedoms that due attention was not given to it at all. In this regard, the purpose of this study is to study the evolution of the right of citizens to appeal from the moment of the emergence of Ancient Russia to the present. The study uses general, historical, comparative legal and formal legal methods. Results: the analysis of normative legal acts made it possible to determine the periodization of the process of evolution of the right to appeal and to determine its period of formation. Previously, petitioners were considered as control over the authorities, and only in modern society do we see that appeals help not only to control the actions of the authorities, but also contribute to the protection and restoration of violated constitutional rights and freedoms of citizens, interacting between state bodies and society in the form of feedback from the people and the state. Such feedback also implies the participation of citizens in the improvement of state processes, regulatory legal acts and in the management structure.

Keywords: right to appeal, authority, constitution, complaint, regulatory legal acts, state.

Spisok literatury:

1. Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. М.: Nauka, 1982. 589 с., ил. (Kievskaya Rus' i istoricheskie sud'by vostochnyh slavyan. K 1500-letiyu Kievu).
2. Lavrent'eva, T.V. Osobennosti osushchestvleniya zashchitnykh funktsij obshchestvennymi i gosudarstvennymi institutami v istorii Kievskoj i Moskovskoj Rusi // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, № 12 (266), 2012. S. 37-43.

3. Panova I.V. Razvitie administrativnogo sudoproizvodstva i administrativnoj yusticii v Rossii // Pravo. Zhurnal vysshej shkoly ekonomiki, № 4, 2016. S. 54-69.
4. Adamova E.R. Evolyuciya prava grazhdan na obrashcheniya v organy gosudarstvennoj vlasti v Rossii // Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskij zhurnal, № 4, 2008. S. 98-100
5. Rossijskoe zakonodatel'stvo X - XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva. V 9-ti tomah. T. 2 / Otv. red.: Gorskij A.D.; Pod obshch. red.: CHistyakova O.I. M.: YUrid. lit., 1985. 520 c.
6. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva rossijskogo. V 4 knigah. Kn. 3. Rostov-na-Donu: Izd-vo «Feniks», 1994. 544 s.
7. Gradovskij A.D. Nachala russkogo gosudarstvennogo prava / [soch.] A. Gradovskogo, prof. Imp. S.-Peterb. un-ta. T. 1-3. Sankt-Peterburg: tip. M. Stasyulevicha, 1875-1881. - 1 t. (1875), 448s.
8. CHistyakov O. I. [i dr.] Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava v 2 chastyah. CH. 1: uch. dlya akademicheskogo bakalavriata / pod redakciej O. I. CHistyakova. 5-e izd., ispr. Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2005. 224 s.
9. Bulgakov M.B. Struktury posadskogo samoupravleniya na gosudarstvennoj i mirskoj sluzhbah v XVII veke / M.B. Bulgakov // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 4. S. 94-108.
10. Luk'yanchikova L.V. Institut narodnyh obrashchenij v Rossii perioda absolyutizma: istoriko-pravovoj aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2014. № 4. S. 91-96.
11. Ukaz ob uchrezhdenii Pravitel'stvuyushchego Senata i o personal'nom ego sostave ot 22.02.1711 // Rossijskoe zakonodatel'stvo X - XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda stanovleniya absolyutizma. V 9-ti tomah. T. 4 / Otv. red.: Man'kov A.G.; Pod obshch. red.: CHistyakov O.I. - M.: YUrid. lit., 1986. 512 c.
12. Nakaz reketmejsteru ot 05.02.1722 // Zakonodatel'stvo Petra I. 1696-1725 gody / MGU im. M.V. Lomonosova, YUrid. fak., Kaf. istorii gosudarstva i prava; Sost. V.A. Tomsinov. M.: Zercalo, 2014. 528 s.
13. Manifest № 26803 ot 12.10.1905 «Ob usovershenstvovanii Gosudarstvennogo poryadka» // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Tret'e. Tom XXV. Otdelenie 1. / SPb. Gosudarstvennaya tipografiya, 1908 g. 1109 s.
14. Mal'kov V.V. V uchrezhdenie postupila zhaloba. M., Izd-vo Mosk. rabochij, 1972. 79 s.
15. Postanovlenie VI Vserossijskogo CHrezvychajnogo S"ezda Sovetov ot 08.11.1918 «O tochnom soblyudeniij zakonov» // «Izvestiya VCIK», № 267, 06.12.1918 (utr. silu).
16. Postanovlenie VI Vserossijskogo CHrezvychajnogo S"ezda Sovetov ot 08.11.1918 «O tochnom soblyudeniij zakonov» // «Izvestiya VCIK», № 267, 06.12.1918 (utr. silu).
17. Dekret VCIK ot 12.04.1919 «O gosudarstvennom kontrole» // «Izvestiya VCIK», № 79, 12.04.1919 (utr. silu).
18. Dekret SNK RSFSR ot 30.12.1919 «Ob ustraneniij volokity» // «Izvestiya VCIK», № 4, 06.01.1920 (utr. silu).
19. Konstituciya (Osnovnoj zakon) RSFSR (utv. Post. XII Vserossijskogo S"ezda Sovetov ot 11.05.1925) // Izvestiya CIK SSSR i VCIK, 26.05.1925, № 118 (utr. silu).
20. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 25.02.1960 № 231 «O merah po ustraneniiju kancelyarsko-byurokraticheskijh izvrashchenij pri oformlenii trudyashchihsya na rabotu i razresheniij bytovyh nuzhd grazhdan» // «SP SSSR», 1960, № 6, st. 33 (utr. silu).
21. Postanovlenie Sovmina RSFSR «O merah po dal'nejshemu uluchsheniiju raboty s pis'mami i predlozheniyami trudyashchihsya v svete reshenij XXVI s"ezda KPSS» // SP RSFSR, 1981, № 14, st.84 (utr. silu).
22. Ukaz Prezidiuma VS SSSR ot 12.04.1968 № 2534-VII «O poryadke rassmotreniya predlozhenij, zavavlenij i zhalob grazhdan» // «SZ SSSR», t. 1, s. 373 (utr. silu).
23. «Konstituciya Soyuza Sovetskijh Socialisticheskijh Respublik» (prinyata VS SSSR 07.10.1977) (red. ot 14.03.1990) // «SZ SSSR», t. 3, s. 14, 1990 (utr. silu).
24. Federal'nyj zakon ot 02.05.2006 № 59-FZ (red. ot 27.12.2018) «O poryadke rassmotreniya obrashchenij grazhdan Rossijskoj Federacii» // «SZ RF», 08.05.2006, № 19, st. 2060.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

УДК 342.951:349.414

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОМ АДМИНИСТРИРОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Аблякимова Э. Э., Канабита Х. М.

В статье рассматриваются некоторые аспекты публичного администрирования земельных отношений в Республике Крым. Автором, в частности, анализируется действующее региональное земельное законодательство, определяются пути его обновления и усовершенствования. Отмечается, что, начиная с 2014 г. и по настоящее время в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, как новых субъектах Российской Федерации, постепенно совершенствуется правовое регулирование земельных отношений, внедряются стандарты федерального законодательства и разрабатываются новые нормы, направленные на охрану и восстановление земель. Рассматриваются и анализируются программные документы Республики Крым, посвященные охране окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Подтверждается комплексный подход к проблематике охраны окружающей среды на Крымском полуострове. Анализируются полномочия региональных органов государственного управления и органов местного самоуправления в сфере земельных отношений. Акцентируется внимание на проблематике муниципального земельного контроля, отмечаются недостатки его правового регулирования и пути их устранения. Принципы касающиеся охраны окружающей среды устанавливают основы государственного администрирования таких отношений которые должны соответствовать первично охране окружающей среды, сохранению, заботливому отношению ко всем природным ресурсам, включая землю, и быть приверженным принципу устойчивого развития.

Ключевые слова: земельные отношения, земельная политика, Российская Федерация, Республика Крым, администрирование, публичное администрирование.

Публичное администрирование, объединяющее общегосударственное, региональное и муниципальное управляющее воздействие на земельные отношения, по праву признается одной из наиболее ответственных и важных функций всех современных государств. Оно подчинено четко определенным в законодательстве и часто имеющим конституционную основу принципам. Неслучайно во все времена земельная политика определяла путь развития государств и создавших их обществ. В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) правовое обеспечение публичного администрирования в сфере земельных отношений имеет четкую структуру, обусловленную федеративным устройством государства; полномочия федеральных, региональных и местных органов управления распределены достаточно эффективно, что позволяет оперативно реагировать и разрешать спорные ситуации, а также максимально учитывать местные особенности в регулировании земельных отношений.

Вхождение Республики Крым и г. Севастополя в состав РФ в 2014 г. [1] обусловило внесение изменений в федеральное законодательство, проведение широкомасштабных нормотворческих работ для формирования законодательной базы новых субъектов РФ и отработки на практике нового для Крыма законодательства. Эти процессы значительно актуализировали научные правовые исследования, посвященные разработке предложений по повышению эффективности федерального, регионального и местного нормотворчества, выявлению пробелов в правовом регулировании земельных отношений в Республике. Кроме того, прошедший шестилетний период сформировал необходимый базис для анализа наработанного материала

и оценки первых шагов Крымского полуострова по приведению как законодательного обеспечения земельных отношений, так и правоприменительной (в частности, управленческой) практики в данной сфере к общероссийским стандартам.

Многие аспекты публичного администрирования земельных отношений в Российской Федерации освещены в работах Е. А. Галиновской, О. И. Коротковой, Е. Ю. Чмыхало, Т. В. Волковой, И. В. Кочневой, Д. А. Шишова [2 – 7] и других. При этом, данная проблематика в проекции на Республику Крым только начинает разрабатываться (С. В. Елькин, А. В. Кривоzubов, О. В. Буткевич, О. С. Пасечник, Л. В. Рышкова [8 – 12]). В связи с этим, цель данной статьи состоит в рассмотрении современного состояния правового обеспечения публичного администрирования земельных отношений в Республике Крым (далее – РК), города федерального значения Севастополя и определении тенденций его развития.

Начиная с 2014 г. в РК и в г. Севастополь, как новых субъектах РФ, постепенно совершенствуется правовое регулирование земельных отношений, внедряются стандарты федерального законодательства и разрабатываются новые нормы, направленные на охрану, восстановление, рациональное использование земель. Следование и неукоснительное соблюдение принципов земельного законодательства, определенных в ст. 1 Земельного кодекса РФ [13] (далее – ЗК РФ), учет значения земли как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ст. 9 Конституции РФ [14]), в федеральном и региональном законодательстве, в актах органов местного самоуправления, а также (что особенно важно) на уровне отдельных землепользователей, на современном этапе развития РФ даст возможность сохранить богатство, плодородие и естественное состояние этого важнейшего ресурса не только для нынешнего, но и для будущих поколений россиян. Конституция РК 2014 г. [15] в ст. 5 воспроизводит нормы Конституции РФ о том, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Республике Крым как основа жизни и деятельности народов, проживающих на территории РК. Использование и охрана земли и других природных ресурсов, находящихся на территории РК, осуществляются в соответствии с законодательством Российской Федерации, а в пределах полномочий РК – законодательством Республики Крым.

Действующее федеральное земельное законодательство определяет сферу полномочий Российской Федерации, ее субъектов и органов местного самоуправления в области земельных отношений, а также порядок перераспределения таких полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта РФ (ст.ст. 9 – 11 ЗК РФ). Так, к полномочиям субъектов РФ отнесено: резервирование, изъятие земельных участков для нужд субъектов РФ; разработка и реализация региональных программ использования и охраны земель, находящихся в границах субъектов РФ; иные полномочия, не отнесенные к полномочиям РФ или к полномочиям органов местного самоуправления. Субъекты РФ осуществляют управление и распоряжение земельными участками, находящимися в собственности субъектов РФ (ст. 10 ЗК РФ). Статьей 12.1. Федерального конституционного закона от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» предусмотрено, что до 1 января 2023 г. на территориях новых субъектов федерации особенности регулирования имущественных и земельных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета

недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним могут быть установлены нормативными правовыми актами Республики Крым и нормативными правовыми актами города федерального значения Севастополя по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере.

Одним из первых нормативную базу регионального земельного законодательства пополнил Закон РК от 31.07.2014 «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» [16] (далее – Закон), обозначив специфику регулирования земельных и имущественных отношений, а также отношений в сфере государственного кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним в Крыму. В Законе, в частности, определены полномочия органов управления РК в сфере земельных отношений. Разработчики Закона подошли к их закреплению не по классической для отечественного законодательства методике с выделением отдельных статей, регулирующих круг полномочий тех или иных органов, а «выписали» их в нормах, посвященных тому или иному аспекту земельных отношений. И это, на наш взгляд, неслучайно и объясняется тем, что Закон, как все новое законодательство РК, направлен на адаптацию имеющегося на начало 2014 г. положения к новым реалиям: законодательству нового государства, частью которого стали РК и г. Севастополь, значительной пробельности регионального законодательства и особенностям переходного периода. Действительно, образование в составе РФ новых субъектов особый случай, требующий специальных мер, в т.ч. направленных на обеспечение реализации имущественных прав участников гражданских, земельных правоотношений, сложившихся в РК до ее принятия в РФ, и впервые возникновения прав РК как нового субъекта данных правоотношений [8, с. 205].

Необходимо отметить, что Закон характеризуется качественной проработкой норм, соблюдением и уважением гарантированных прав и свобод физических и юридических лиц в сфере земельных отношений. Так, в частности, было сохранено их право собственности на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества на территории Республики Крым, возникшее до вступления в силу упомянутого Федерального конституционного закона. При этом закреплен запрет отчуждения иностранными гражданами и иностранными юридическими лицами земельных участков иному иностранному гражданину, лицу без гражданства, юридическому лицу, доля в уставном (складочном) капитале которого принадлежит иностранным лицам, или иностранному юридическому лицу, а также внесения их в уставный (складочный) капитал или в паевой фонд иностранного юридического лица, если перечисленные лица в соответствии с законодательством РФ не вправе приобретать в собственность указанные земельные участки.

В связи с вопросом о праве собственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц на земельные участки в РФ и ее субъектах необходимо упомянуть об Указе Президента РФ от 9.01.2011 № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» [17]. В соответствии с этим Указом, а точнее – изменениями к нему, внесенными Указом Президента РФ от 20.03.2020 г. № 201, 19

муниципальных образований на территории Республики Крым и 8 на территории города федерального значения Севастополя внесены в список территорий, на которых земельными участками не могут владеть лица без российского гражданства и иностранные юридические лица.

Кроме того, Закон содержит норму о правилах соотношения категорий земель (ст. 5), нормы, устанавливающие сроки приведения документации на земельные участки в соответствие с российским законодательством (ст. 3), прекращения ограничений (обременений) прав, не предусмотренных российским законодательством (ст. 4), запрет совершения сделок (ст. 12) и ряд других, регламентирующих важнейшие аспекты земельных отношений. Постановлением Совмина РК от 11.08.2014 №264 [18] определен перечень из 25 документов, подтверждающих наличие ранее возникших прав на объекты недвижимого имущества, выданных в установленном порядке на территории РК до 16.03.2014, и необходимых для государственной регистрации (государственные акты, свидетельства, договоры и др.). Аналогичный Закон был принят и Законодательным Собранием города Севастополя 22 июля 2014 г. [19], а Перечень документов, подтверждающих наличие ранее возникших прав и необходимых для государственной регистрации права утвержден постановлением Правительства Севастополя от 07.08.2014 г. № 202 [20], насчитывает 16 позиций.

Таким образом, эти первые и особенно важные для переходного периода нормативные акты заложили необходимый базис правового регулирования публичного администрирования земельных отношений в новых субъектах Российской Федерации. Они стали значительным шагом в направлении адаптации правовой базы и правоприменительной практики к новым условиям и усовершенствованию механизма регулирования чрезвычайно непростой для Крыма сферы – сферы земельных отношений.

Наряду с обновлением нормативной базы, изменения произошли и в институциональной системе публичного администрирования земельных отношений. Так, среди новых республиканских органов управления было образовано *Министерство имущественных и земельных отношений Республики Крым*, Положение о котором утверждено Постановлением Совета министров РК от 27.06.2014 № 157 [21]. Являясь исполнительным органом государственной власти РК, Министерство проводит государственную политику и осуществляет функции по нормативному правовому регулированию, контролю, отраслевое и межотраслевое управление в сфере земельных отношений, функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом, которое находится в его ведении, а также выступает в установленных случаях в роли координатора деятельности исполнительных органов государственной власти РК в данной сфере. Так, Министерством в 2014 г. были разработаны нормативные правовые акты, позволяющие регулировать земельные и имущественные отношения на территории РК, на период до 1.01.2017, в частности гражданам дано право на завершение оформления прав на земельные участки, начатое до 21.03.2014, выделения паев в натуре (на местности), а также упрощена процедура предоставления участков для инженерных сооружений (ЛЭП, газопроводы, водоводы, и т.д.), размещение которых предусмотрено федеральными целевыми программами. Кроме того, был составлен перечень земельных участков государственной собственности, расположенных на территории РК, находящихся в постоянном пользовании физических и юридических лиц (около 6 тыс. участков), по ре-

зультатам рассмотрения которого выявлено 2 тыс. землепользователей, которым необходимо переоформить право пользования на условиях аренды и др. Были также определены и проблемы, возникающие у Министерства при реализации своих полномочий, требующие решения на федеральном уровне и на уровне Республики Крым (невозможность получения гражданами кадастровых паспортов земельных участков на основании договоров аренды, срок действия которых истек, для дальнейшего продления и переоформления их в соответствии с законодательством РФ; отсутствие правового режима объектов недвижимого имущества коллективной собственности, возникших согласно законодательству, действовавшему до 2002 г.; отсутствие картографической основы ведения государственного кадастра недвижимости в РК и др.), предложены пути их разрешения [22, с. 2, 9, 22, 23, 25].

В целом, за сравнительно непродолжительный период работы Министерством имущественных и земельных отношений РК проведена значительная работа по формированию нормативной базы в сфере земельных отношений, по завершению оформления прав граждан на земельные участки, переоформлению, приведению в соответствие с требованиями законодательства РФ договоров аренды и другие, имеющие огромное значение для граждан Крыма, работы по усовершенствованию как правового регулирования, так и правоприменительной практики в сфере земельных отношений [23].

К полномочиям органов местного самоуправления в области земельных отношений ЗК РФ относит: резервирование земель, изъятие земельных участков для муниципальных нужд, установление с учетом требований законодательства РФ правил землепользования и застройки территорий городских и сельских поселений, территорий других муниципальных образований, разработка и реализация местных программ использования и охраны земель, а также иные полномочия на решение вопросов местного значения в области использования и охраны земель. Органами местного самоуправления осуществляются управление и распоряжение земельными участками, находящимися в муниципальной собственности (ст. 11). Так, Решением Симферопольского горсовета от 02.04.2015 № 225 «О вопросах управления и распоряжения земельными участками на территории муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым» [24] утвержден Порядок управления и распоряжения земельными участками на территории муниципального образования городской округ Симферополь. В соответствии с Порядком, горсовет в деле управления и распоряжения земельными участками осуществляет такие полномочия:

- определяет порядок управления и распоряжения земельными участками, находящимися в муниципальной собственности городского округа;
- устанавливает порядок определения нормативной цены земельных участков, размера арендной платы, платы за установление сервитута, в том числе публичного, платы за проведение перераспределения земельных участков, размера цены продажи земельных участков в установленном законом порядке;
- устанавливает перечень случаев, когда предоставление находящихся в муниципальной собственности земельных участков осуществляется исключительно на аукционах (торгах, конкурсах);
- принимает решения об изменении, отмене актов в сфере земельных отношений, принятых Симферопольским городским советом до 21 марта 2014 г.

Рассматривая вопросы публичного администрирования земельных отношений в Республике Крым, невозможно обойти вниманием сферу охраны земель, которая для Крыма во все времена была одной из наиболее важных. Это, в первую очередь, объясняется особенностями климатических условий, ограниченными водными ресурсами, которые с особой значимостью ставили на первый план вопросы мелиорации земель, их восстановления и поддержания в состоянии, пригодном для выращивания традиционных культур, строительства, рекреации и т.п. Следование этим принципам и направленность на разрешение первоочередных задач природоохранной сферы и, в частности, охраны земельных ресурсов, прослеживается и в новом крымском законодательстве. Так, в Государственной программе РК «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2015 – 2017 гг., утвержденной постановлением Совета министров РК от 30.12.2014 № 648 [25], отмечалось, что основными видами загрязняющих землю Республики Крым веществ являются тяжелые металлы. Потенциальными источниками загрязнения земель признаны сооружения, связанные с разведкой, добычей, переработкой, хранением, транспортировкой и реализацией нефти и нефтепродуктов. Особый вред наносит техническое состояние разведочных и эксплуатационных скважин на месторождениях углеводородов. Отмечено, что почти 4 тыс. га земель Республики находятся в нарушенном состоянии, при этом площади рекультивированных земель крайне малы. При условии своевременного выполнения землепользователями мероприятий по рекультивации ожидалось сокращение площадей нарушенных (загрязненных) в результате хозяйственной деятельности земель и вовлечение их в экономическое использование.

В новой, действующей сегодня, Государственной программе РК «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2018 – 2020 гг., утвержденной постановлением Совета министров РК от 22.11.2017 № 619 [26], отмечаются те же виды потенциальных источников загрязнения земель, а также акцентируется внимание на сокращении ценных земель за счет обвального-абразионных процессов (только по западному побережью до 10 га в год). В документе прогнозируется, что в условии выполнения мероприятий по ликвидации и консервации неэксплуатируемых скважин на воду, нефть, природный газ будет предотвращено загрязнение (подтопление) земель. Проведение мониторинга геологической среды позволит качественно прогнозировать и своевременно предупреждать о развитии опасных экзогенных геологических процессов.

Анализ указанных программных документов подтверждает комплексный подход к проблематике охраны окружающей среды на полуострове; вопросы, связанные с охраной и поддержанием земельных ресурсов в надлежащем состоянии, освещаются в них с достаточным учетом существующих проблем Республики. Кроме того, в них находит дополнительное подтверждение тезис о том, что для комплексного программного регулирования в РФ характерен региональный подход, просматривающийся в документах, посвященных стратегическому планированию социально-экономического развития регионов России [27, с. 92]. Именно при таком подходе возможно учесть все особенности того или региона. Кроме того, на сегодняшний день для Крыма особенно актуально обеспечение действенности норм указанного и других программных документов, действующих на территории РФ, четкое выполнение

запланированных мер и следование «экологическому императиву» во всех проектируемых нормах и правоприменительной практике.

Одной из важнейших сфер публичного администрирования земельных отношений, призванная предупредить и выявить земельные правонарушения, является муниципальный земельный контроль. В соответствии со ст. 72 ЗК РФ, под муниципальным земельным контролем понимается деятельность органов местного самоуправления по контролю за соблюдением органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, гражданами в отношении объектов земельных отношений требований законодательства РФ, законодательства субъекта РФ, за нарушение которых законодательством РФ, законодательством субъекта РФ предусмотрена административная и иная ответственность. Муниципальный земельный контроль осуществляется в соответствии с федеральным законодательством и в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов РФ, а также принятыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами органов местного самоуправления с учетом положений ЗК РФ. Положение о порядке осуществления муниципального земельного контроля на территории РК утверждено постановлением Совета министров РК от 7 июля 2015 г. № 375 [28]. В соответствии с ним, муниципальный земельный контроль на территориях муниципальных образований РК осуществляется уполномоченными на осуществление муниципального земельного контроля должностными лицами муниципальных образований (муниципальными инспекторами). П. 1.12 Положения определено, что муниципальный земельный контроль осуществляется за соблюдением: требований законодательства о недопущении самовольного занятия земельного участка или части земельного участка, в т.ч. использования земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством РФ прав на указанный земельный участок; требований о переоформлении юридическими лицами права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или приобретении земельных участков в собственность и др. Также утверждены соответствующие административные регламенты: например, Административный регламент исполнения муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля на территории муниципального образования городской округ Симферополь РК утвержден постановлением администрации г. Симферополя РК от 22.11.2017 № 4230 [29]. А законом субъекта РФ – г. Севастополя полномочия органов местного самоуправления на осуществление муниципального земельного контроля и установление порядка его осуществления отнесены к полномочиям органов государственной власти этого субъекта РФ: в ст. 1 Закона г. Севастополя от 1.04.2019 № 488-ЗС «О земельном контроле в городе Севастополе» [30] закреплено, что «земельный контроль в городе Севастополе является муниципальным земельным контролем, полномочия на осуществление которого переданы органам государственной власти города Севастополя в соответствии с п. 4 ст. 72 Земельного кодекса Российской Федерации».

В исследовательской литературе отмечается ряд проблем, возникающих на практике при осуществлении муниципального земельного контроля. Это, в частности, небольшие сроки, установленные законом для проведения проверки; отсутствие слаженного взаимодействия органов муниципального контроля с другими государственными и муниципальными органами при проведении проверок в рамках межве-

домственного информационного взаимодействия; ограниченное количество оснований проведения проверки (возникновение угрозы причинения или непосредственное причинения вреда жизни, здоровью граждан, вреда животным, растениям, окружающей среде, объектам культурного наследия и нарушение прав потребителей) [31, с. 328-329]. Низкая эффективность муниципального земельного контроля неоднократно отмечалась и в научной периодике, и в официальных сообщениях органов местного самоуправления РК. При этом дается и ряд рекомендаций по повышению эффективности осуществления муниципального земельного контроля: 1) проведение обучающих семинаров для специалистов, осуществляющих муниципальный земельный контроль, для правильного применения на практике положений действующего федерального законодательства в области проведения муниципального земельного контроля; 2) организация и проведение профилактической работы с населением по предотвращению нарушений земельного законодательства путем привлечения СМИ к освещению актуальных вопросов муниципального земельного контроля, разъяснения положений земельного законодательства; 3) дальнейшая активизация работы по оформлению в собственность земельных участков их владельцами; 4) расширение перечня оснований, устанавливающих возможность проведения внеплановых проверок в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при поступлении обращений от граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, органов местного самоуправления о фактах нарушения земельного законодательства. [32, с. 22]. Эти меры во многом позволят усовершенствовать систему муниципального земельного контроля, особенно в условиях вступления в силу Указа Президента РФ от 20.03.2020 № 201, а также необходимости организационного обеспечения его выполнения.

Таким образом, в Республике Крым продолжает формироваться база правового регулирования земельных отношений, отлаживается работа органов публичного администрирования данной сферы, основанная на принципе федерального устройства государства. Последняя предполагает наличие широких полномочий органов управления на региональном и местном уровне с целью обеспечения быстрого реагирования на возникающие и требующие управленческого воздействия земельные отношения. Новейшие тенденции правового обеспечения публичного администрирования земельных отношений в РК свидетельствуют о достаточно решительном подходе к закреплению прав собственности на земельные участки за российскими гражданами в стратегически важном для современной России регионе – Республике Крым и городе федерального значения Севастополе.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Галиновская Е. А. Концепция государственного стратегического управления земельными ресурсами (правовой аспект) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 3. С. 167 – 180.
3. Короткова О. И. Создание четкой и отлаженной системы управления как стратегическая цель государственной политики в сфере управления и распоряжения земельными ресурсами // Законодательство и экономика. 2016. № 4. С. 19 – 23.
4. Чмыхало Е. Ю. Управление земельными ресурсами: правовые аспекты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6(95). С. 70 – 78.
5. Волкова Т. В. Правовые механизмы повышения эффективности управления земельными ресурсами // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 2 (17). С. 126 – 129.

6. Кочнева И. В. Политические процессы реформирования и оптимизации государственной политики в сфере управления земельными ресурсами: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Чита, 2015. 24 с.
7. Шишов Д. А. Эффективное управление земельными ресурсами и обеспечение продовольственной безопасности в условиях реформирования аграрной сферы экономики: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2005. 407 с.
8. Елькин С. В. Законодательное обеспечение возникновения права собственности на земельные участки Республики Крым (обращения в государственную собственность) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2017. Т. 3 (69). № 3.
9. Кривоzubов А. В. Принудительное установление сервитута для публичных нужд // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. № 13 (1). С. 122 – 144.
10. Буткевич О. В. Правовой статус участников свободной экономической зоны на территории Республики Крым и города Севастополя // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2016. № 2 (68) (2). С. 191 – 198.
11. Пасечник О. С., Рышкова Л. В. Правовые проблемы земельных прав в переходной период в Республике Крым // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1 (67). № 3. С. 145 – 151.
12. Рышкова Л. В. Правовые проблемы оснований возникновения прав на землю (на примере Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 236 – 241.
13. Земельный кодекс Российской Федерации, 2001. – URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/> (последнее обращение – 20 апреля 2023 г.).
14. Конституция Российской Федерации, 1993. [Электронный ресурс]. URL: <<http://www.constitution.ru/official/pdf/constitution.pdf>> (последнее обращение – 20 апреля 2020 г.).
15. Конституция Республики Крым, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <<http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/base/Konstitutsiya.pdf>> (дата обращения – 20 апреля 2023 г.).
16. Закон Республики Крым от 31 июля 2014 г. № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым». – [Электронный ресурс]. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым. <<http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/38z.pdf>>
17. Указ Президента РФ от 9 января 2011 г. № 26 «Об утверждении перечня приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками» (редакция от 20.03.2020 г.) – [Электронный ресурс]. Компьютерная справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109069/>
18. Постановление Совета Министров Республики Крым от 11.08.2014 г. № 264 «Об утверждении перечня документов, подтверждающих наличие ранее возникших прав на объекты недвижимого имущества и необходимых для государственной регистрации». – [Электронный ресурс].
19. Закон города Севастополя от 25 июля 2014 года № 46-ЗС «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории города Севастополя» // Севастопольские известия от 30 июля 2014 г. № 69-70 (1691). – [Электронный ресурс].
20. Постановление Правительства Севастополя от 07.08.2014 г. № 202 «Об утверждении перечня документов, подтверждающих наличие ранее возникших прав». – [Электронный ресурс].
21. Об утверждении Положения о Министерстве имущественных и земельных отношений Республики Крым: Постановление Совета министров Республики Крым от 27.06.2014 г. № 157. – [Электронный ресурс]. Сайт Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым.
22. Результаты работы Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым в 2014 году по основным направлениям деятельности. 33 с. – [Электронный ресурс].
23. Доклад о достигнутых показателях по результатам деятельности Министерства имущественных и земельных отношений Республики Крым с 2014г. по 2018 г. – [Электронный ресурс]. URL: <https://mzem.rk.gov.ru/uploads/mzem/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/pHpiE61E_18.pdf> (последнее обращение – 20 апреля 2023 г.).
24. Решение Симферопольского городского совета от 02.04.2015 г. № 225 «О вопросах управления и распоряжения земельными участками на территории муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым». – [Электронный ресурс].
25. Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2015–2017 годы, утвержденная постановлением Совета министров РК от 30.12.2014 № 648. – URL: <<https://rk.gov.ru/ru/document/show/1037>>
26. Государственная программа Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2018 – 2020 годы, утвержденная постановлением Совета министров Республики Крым от 22.11.2017 г. № 619. [Электронный ресурс].
27. Аблякимова Э.Э. Программные документы как основа публичного администрирования земельных отношений в России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ЭКОНОМИКА и ПРАВО. 2019. №09. С. 90 – 93.

28. Положение о порядке осуществления муниципального земельного контроля на территории Республики Крым, утвержденное постановлением Совета министров Республики Крым от 7.07.2015 г. № 375. – [Электронный ресурс]. Портал Правительства Республики Крым.
29. Административный регламент исполнения муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля на территории муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым утвержден постановлением Администрации города Симферополя Республики Крым от 22.11.2017 г. № 4230. – [Электронный ресурс]. Официальный сайт Администрации города Симферополя. URL: <http://simadm.ru/media/acts/2017/11/24/_4230_от_22.11.pdf>
30. Закон города Севастополя от 1 апреля 2019 года № 488-ЗС «О земельном контроле в городе Севастополе». – [Электронный ресурс]. Интернет-сайт Законодательного Собрания города Севастополя:
31. Снеткова Д.А. Актуальные проблемы организации муниципального земельного контроля в Республике Крым // Лучшая студенческая статья 2018: сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса: в 4 ч. Пенза, Издательство: «Наука и Просвещение». С. 327 – 329.
32. Доклад об осуществлении муниципального контроля за 2019 год. 22 с. – [Электронный ресурс]. Официальный сайт Администрации Раздольненского района Республики Крым.

Ablyakimova E. E., Qanabita K. M. On the question of public administration land relations in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 191–201.

In this article, some aspects of public administration of land relations in the Republic of Crimea are considered. In particular, the current regional land legislation is analyzed, the ways of its updating and improvement are determined. It is noted that, starting from 2014, in the Republic of Crimea and the city of federal significance Sevastopol, as new subjects of the Russian Federation, the legal regulation of land relations is gradually improving, the standards of federal legislation are being introduced and new rules aimed at protecting and restoring land are being developed. Program documents of the Republic of Crimea, devoted to environmental protection and rational use of natural resources, are considered. A comprehensive approach to environmental issues in the Crimean Peninsula is confirmed. The authorizations of regional state and local self-government authorities in the field of land relations are analyzed. The emphasis is placed on the issues of municipal land control, the shortcomings of its legal regulation and the ways of their elimination are noted.

Keywords: land relations, land policy, Russian Federation, Republic of Crimea, administration, public administration.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 marta 2014 g. № 6-FKZ «O prinjatii v Rossijskiju Federaciju Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub#ektov – Respubliki Krym i goroda federal'nogo znachenija Sevastopolja». [Jelektronnyj resurs]. URL: <<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=349437&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.8945362990961803#01564666582134726>> (poslednee obrashhenie – 17 aprelja 2023 g.).
2. Galinovskaja E. A. Koncepcija gosudarstvennogo strategicheskogo upravlenija zemel'nymi resursami (pravovoj aspekt) // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija. 2017. № 3. S. 167 – 180.
3. Korotkova O. I. Sozdanie chetkoj i otlazhennoj sistemy upravlenija kak strategicheskaja cel' gosudarstvennoj politiki v sfere upravlenija i rasporyazhenija zemel'nymi resursami // Zakonodatel'stvo i jekonomika. 2016. № 4. S. 19 – 23.
4. Chmyhalo E. Ju. Upravlenie zemel'nymi resursami: pravovye aspekty // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii. 2013. № 6(95). S. 70 – 78.
5. Volkova T. V. Pravovye mehanizmy povyshenija jeffektivnosti upravlenija zemel'nymi resursami // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. 2013. № 2 (17). S. 126 – 129.
6. Kochneva I. V. Politicheskie processy reformirovanija i optimizacii gosudarstvennoj politiki v sfere upravlenija zemel'nymi resursami: Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk. Chita, 2015. 24 s. [Jelektronnyj resurs]. Internet-sajt Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Dorzhi Banzarova. <<http://www.bsu.ru/content/diss/254/avtoreferat.pdf>> (poslednee obrashhenie – 17 aprelja 2023 g.).
7. Shishov D. A. Jeffektivnoe upravlenie zemel'nymi resursami i obespechenie prodovol'stvennoj bezopasnosti v uslovijah reformirovanija agrarnoj sfery jekonomiki: dis. ... d-ra jekon. nauk. SPb., 2005. 407 s.
8. El'kin S. V. Zakonodatel'noe obespechenie voznikovenija prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki Respubliki Krym (obrashhenija v gosudarstvennuju sobstvennost') // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. 2017. Т. 3 (69). № 3. S. 205 – 217.
9. Krivozubov A. V. Prinuditel'noe ustanovlenie servituta dlja publicnyh nuzhd // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2018. № 13 (1). S. 122 – 144.
10. Butkevich O. V. Pravovoj status uchastnikov svobodnoj jekonomicheskoy zony na territorii Respubliki Krym i goroda Sevastopolja // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki, 2016. № 2 (68) (2). S. 191 – 198.

11. Pasechnik O. S., Ryshkova L. V. Pravovye problemy zemel'nyh prav v perehodnoj period v Respublike Krym // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. 2015. T. 1 (67). № 3. S. 145 – 151.
12. Ryshkova L. V. Pravovye problemy osnovanij vznikovenija prav na zemlju (na primere Respubliki Krym) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Juridicheskie nauki. 2018. T. 4 (70). № 2. S. 236 – 241.
13. Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii, 2001. – [Jelektronnyj resurs]. Komp'juternaja spravocnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus». URL: <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/>
14. Konstitucija Rossijskoj Federacii, 1993. [Jelektronnyj resurs].
15. Konstitucija Respubliki Krym, 2014. [Jelektronnyj resurs]. URL: <<http://crimea.gov.ru/content/uploads/files/base/Konstitutsiya.pdf>>
16. Zakon Respubliki Krym ot 31 ijulja 2014 g. № 38-ZRK «Ob osobennostjah regulirovanija imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij na territorii Respubliki Krym». – [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Krym. <<http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/38z.pdf>>
17. Ukaz Prezidenta RF ot 9 janvarja 2011 g. № 26 «Ob utverzhdenii perechnja prigranichnyh territorij, na kotoryh inostrannye grazhdane, lica bez grazhdanstva i inostrannye juridicheskie lica ne mogut obladat' na prave sobstvennosti zemel'nymi uchastkami» (redakcija ot 20.03.2020 g.) – [Jelektronnyj resurs]. Komp'juternaja spravocnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus».
18. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 11.08.2014 g. № 264 «Ob utverzhdenii perechnja dokumentov, podtverzhdajushhijh nalichie ranee vznikshih prav na ob#ekty nedvizhimogo imushhestva i neobhodimyh dlja gosudarstvennoj registracii». – [Jelektronnyj resurs]. URL: <<https://rg.ru/2014/08/13/krim-post264-reg-dok.html>> (poslednee obrashhenie – 20 aprelja 2023 g.).
19. Zakon goroda Sevastopolja ot 25 ijulja 2014 goda № 46-ZS «Ob osobennostjah regulirovanija imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij na territorii goroda Sevastopolja» // Sevastopol'skie izvestija ot 30 ijulja 2014 g. № 69-70 (1691). – [Jelektronnyj resurs].
20. Postanovlenie Pravitel'stva Sevastopolja ot 07.08.2014 g. № 202 «Ob utverzhdenii perechnja dokumentov, podtverzhdajushhijh nalichie ranee vznikshih prav». – [Jelektronnyj resurs]. URL: <<http://sevreestr.ru/assets/doc/legislations/rvp-202zs-sev.pdf>> (poslednee obrashhenie – 20 aprelja 2023 g.).
21. Ob utverzhdenii Polozhenija o Ministerstve imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij Respubliki Krym: Postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Krym ot 27.06.2014 g. № 157. – [Jelektronnyj resurs]. Sajt Ministerstva imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij Respubliki Krym.
22. Rezultaty raboty Ministerstva imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij Respubliki Krym v 2014 godu po osnovnym napravlenijam dejatel'nosti. 33 c. – [Jelektronnyj resurs].
23. Doklad o dostignutyh pokazateljah po rezul'tatam dejatel'nosti Ministerstva imushhestvennyh i zemel'nyh otnoshenij Respubliki Krym s 2014g. po 2018 g. – [Jelektronnyj resurs].
24. Reshenie Simferopol'skogo gorodskogo soveta ot 02.04.2015 g. № 225 «O voprosah upravlenija i rasporejzhenija zemel'nymi uchastkami na territorii municipal'nogo obrazovanija gorodskoj okrug Simferopol' Respubliki Krym». – [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Simferopol'skogo gorodskogo soveta.
25. Gosudarstvennaja programma Respubliki Krym «Ohrana okruzhajushhej sredy i racional'nogo ispol'zovanija prirodnyh resursov Respubliki Krym» na 2015–2017 gody, utverzhdannaja postanovleniem Soveta ministrov Respubliki Krym ot 30.12.2014 № 648. – [Jelektronnyj resurs]. Portal Pravitel'stva Respubliki Krym. URL: <<https://rk.gov.ru/ru/document/show/1037>> (poslednee obrashhenie – 20 aprelja 2023 g.).
26. Gosudarstvennaja programma Respubliki Krym «Ohrana okruzhajushhej sredy i racional'nogo ispol'zovanija prirodnyh resursov Respubliki Krym» na 2018 – 2020 gody, utverzhdannaja postanovleniem Soveta ministrov Respubliki Krym ot 22.11.2017 g. № 619. [Jelektronnyj resurs].
27. Abljakimova E.E. Programmnye dokumenty kak osnova publicnogo administrirovanija zemel'nyh otnoshenij v Rossii // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: JeKONOMIKA i PRAVO. 2019. №09. S. 90 – 93.
28. Polozhenie o porjadke osushhestvlenija municipal'nogo zemel'nogo kontrolja na territorii Respubliki Krym, utverzhdennoe postanovleniem Soveta ministrov Respubliki Krym ot 7.07.2015 g. № 375.
29. Administrativnyj reglament ispolnenija municipal'noj funkcii po osushhestvleniju municipal'nogo zemel'nogo kontrolja na territorii municipal'nogo obrazovanija gorodskoj okrug Simferopol' Respubliki Krym utverzhden postanovleniem Administracii goroda Simferopolja Respubliki Krym ot 22.11.2017 g. № 4230.
30. Zakon goroda Sevastopolja ot 1 aprelja 2019 goda № 488-ZS «O zemel'nom kontrole v gorode Sevastopole». – [Jelektronnyj resurs]. Internet-sajt Zakonodatel'nogo Sobranija goroda Sevastopolja: <https://sevizakon.ru/view/laws/bank/2019/zakon_n_488_zs_ot_01_04_2019/opublikovanie/>
31. Snetkova D.A. Aktual'nye problemy organizacii municipal'nogo zemel'nogo kontrolja v Respublike Krym // Luchshaja studencheskaja stat'ja 2018: sbornik statej XIV Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa: v 4 ch. Penza, Izdatel'stvo: «Nauka i Prosveshhenie». – S. 327 – 329.
32. Doklad ob osushhestvlenii municipal'nogo kontrolja za 2019 god. 22 s. – [Jelektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Administracii Razdol'nenskogo rajona Respubliki Krym.

УДК 342.924

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В
ОБЛАСТИ АНТИАЛКОГОЛЬНОГО И АНТИТАБАЧНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ**

Баграмян С. Л., Мерказова В. А.

В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы административной деятельности полиции, возникающие в ходе реализации обязанностей по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в области антиалкогольного и антитабачного законодательства. Указываются основные причины и отличительные признаки дивиантного поведения несовершеннолетних, через призму совершаемых ими нарушений законодательства в данном направлении. Анализируются основные проблемы правового обеспечения и порядка осуществления медицинского освидетельствования несовершеннолетних в практической деятельности полиции, а также вопросы правоприменительной практики обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 20.20; 14.16 КоАП РФ. Также анализируются нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность полиции по предупреждению и пресечению правонарушений несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, связанных с антиалкогольным и антитабачным законодательством.

Ключевые слова: медицинское вмешательство, медицинское освидетельствование, информированное согласие, дивиантное поведение, антиалкогольное законодательств, антитабачное законодательство, несовершеннолетние, вовлечение, общественное место, алкогольная или табачная продукция, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Одними из приоритетных задач современной государственной политики предусматриваются улучшение демографической ситуации в стране, увеличение продолжительности жизни населения, сокращение уровня смертности, формирование стимулов к здоровому образу жизни.

В Российской Федерации, на достижение этих целей направлен широкомасштабный комплекс мер. Так, в соответствии с Концепцией реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма предусматривается значительно сократить потребление алкоголя населением страны, особенно детьми и молодежью [1]. Одна из ведущих ролей в данном направлении возложена на правоохранительные органы, и полицию в частности.

В нашей статье мы рассмотрим некоторые актуальные вопросы административной деятельности полиции по противодействию правонарушениям в области антиалкогольного и антитабачного законодательства, совершаемых несовершеннолетними.

Значение полиции в выявлении и пресечении данного вида правонарушений является одной из основополагающих, что находит своё отражение в результатах её деятельности.

Комментируя статистические показатели работы МВД РФ за 2022 г., Председатель Общественного совета при МВД России, председатель центрального совета Общероссийского общественного движения за достойную жизнь и справедливость «Гражданское общество», д.ю.н., проф. Анатолий Кучерена, указал, что результат снижения уровня преступности среди несовершеннолетних: «... свидетельствует о

том, что проводилась достаточно серьезная работа. И мы просили бы правоохранительные органы в 2023 году заниматься профилактикой преступлений как можно больше. Надеемся, что 2023 год позволит добиться еще больших успехов по снижению преступности в нашей стране».

Эту позицию разделяет член Общественного совета при МВД России, президент Фонда изучения исторической перспективы, доктор исторических наук Наталия Нарочницкая. Говоря о снижении уровня преступлений среди несовершеннолетних, а также совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения, она отметила, что за этими цифрами стоит профилактическая работа: «Это не просто раскрытие преступлений и наказание, а еще и воспитание, беседы, работа участковых уполномоченных полиции, инспекторов по делам несовершеннолетних. Я знаю, что Министерство проводит семинары, обучает, делится опытом, устраивает мероприятия для молодежи, направляя ее энергию в благородное русло» [2].

Анализируя правонарушения совершаемые несовершеннолетними, согласимся с мнением Маганковой А.А., характеризующую их как общественную проблему в первую очередь в связи с тем, что «... административные правонарушения носят характер деформации морального облика личности, что в раннем возрасте может негативно сказаться на становлении «социально здорового члена общества» [3, с. 205].

Об этом же утверждает Пономарёв А.В., относя проявления девиантного поведения детей, совершение ими правонарушений к определённым индикаторам, определяющим уровень морального состояния общества [4, с. 280-281].

В свою очередь отметим, что в условиях современной действительности общественная опасность правонарушений, предметом которых выступает алкогольная продукция и табачные изделия, выражается не только в том, что такие проступки могут повлечь за собой совершение новых правонарушений, а в худшем случае и совершение действий, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством РФ, но и то, что в их совершение могут легко вовлекаться дети – наиболее незащищенная и несформировавшаяся как личность категория граждан.

Рассматривая непосредственно состав правонарушений в части употребления несовершеннолетними алкогольной продукции, следует отметить, что административное законодательство Российской Федерации регламентирует вопросы привлечения виновных к ответственности в данной области посредством совокупности статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) [5].

В частности, состав, предусмотренный ч.1 ст. 20.20 КоАП РФ в современных условиях является одним из наиболее распространенных. Одна из причин такого явления, по нашему мнению, кроется в незнании несовершеннолетними мест, которые в соответствии с законодательством признаются общественными и где употребление (распитие) алкогольной продукции запрещено, а также недостаточно ограниченный доступ для таких лиц к алкогольной продукции.

Еще одна причина, обусловленная уже психическими характеристиками подростка – это стремление самоутвердиться в глазах сверстников, умышленное нарушение установленных правил поведения и запретов, показательность собственного превосходства, возрастное «бунтарство» и т.д.

Как указывает МВД России, количество составляемых сотрудниками полиции протоколов об употреблении алкоголя в общественных местах, исчисляется десятками тысяч ежемесячно [2].

В тоже время, проведённый анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии определённых проблем, связанных со сбором доказательств и обеспечение производства по делам об административных правонарушениях, связанных с потреблением несовершеннолетними алкогольной продукции или нахождением ими в состоянии опьянения. В основном это связано с проведением медицинского освидетельствования несовершеннолетних лиц, на наличие алкогольного или наркотического опьянения.

С одной стороны, согласно ч. 1 ст. 27.12.1 КоАП РФ лица, совершившие административные правонарушения, за исключением управляющих транспортным средством, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, подлежат направлению на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

Таким образом, в отношении любого лица, в том числе несовершеннолетних, в случае привлечения их к административной ответственности и в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они находятся в состоянии опьянения, проведение медицинского освидетельствования является обязательной мерой обеспечения полного и объективного производства по делу об административном правонарушении, и именно акт медицинского освидетельствования на состояние опьянения является доказательством состояния опьянения лица.

Кроме того в соответствии с п. 80 Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной Приказом МВД России от 15.10.2013 № 845, должностные лица подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при доставлении несовершеннолетнего в территориальный орган МВД России в случае если имеются достаточные основания полагать, что он находится в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения обязаны направить несовершеннолетнего в медицинскую организацию для проведения в установленном порядке медицинского освидетельствования [6].

В тоже время, медицинское освидетельствование несовершеннолетнего, являясь одним из видов медицинского вмешательства, имеет строго урегулированную законодательством РФ процедуру проведения.

В частности, ст. 20 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливает наличие обязательного предварительного условия медицинского вмешательства, в виде информированного добровольного согласия самого гражданина или его законного представителя. При этом, медицинский работник обязан в доступной форме предоставить полную информацию о целях и методах такого вмешательства, присутствующих при этом рисках, возможных последствиях и предполагаемых результатах исследования [7].

В этой же статье указано, что гражданин, один из родителей или иной законный представитель лица, указанного в части 2 той же статьи, имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных ч. 9 этой статьи. Законный представитель лица,

признанного в установленном законом порядке недееспособным, осуществляет указанное право в случае, если такое лицо по своему состоянию не способно отказаться от медицинского вмешательства (ч.3 ст.20).

При отказе от медицинского вмешательства гражданину, одному из родителей или иному законному представителю лица, указанного в части 2 данной статьи, в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия такого отказа (ч.4 ст.20).

1. Так же, в соответствии с п.8 ч.5 Порядка проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического), утвержденного Приказом Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. № 933н, медицинское освидетельствование проводится на основании письменного заявления одного из его родителей или иного законного представителя в отношении несовершеннолетнего, не достигшего возраста пятнадцати лет, за исключением случаев приобретения несовершеннолетними полной дееспособности до достижения ими восемнадцатилетнего возраста, установленных законодательством РФ случаев. В отношении несовершеннолетних в возрасте от 15 до 18 лет согласие законного представителя не требуется [8].

Таким образом, на практике складывается ситуация, когда существующая нормативно-правовая база формально предусматривает необходимость медицинского освидетельствования несовершеннолетнего лица на предмет определения состояния опьянения, однако, несовершеннолетний может уклониться от административной ответственности в виду установленного порядка его освидетельствования, включающего законодательно закреплённую обязательность информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. При отсутствии такого согласия, административные возможности полиции по установлению факта потребления несовершеннолетним алкогольной продукции или нахождением в состоянии опьянения, а соответственно и обеспечением привлечения его к ответственности - фактически минимизируются.

Ещё одним правонарушением в данной области, заслуживающим детального рассмотрения, является состав ч.2.1. ст. 14.16 КоАП РФ, предусматривающий ответственность за розничную продажу несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно наказуемого деяния. По нашему мнению, в качестве объекта данного правонарушения необходимо рассматривать совокупность двух составляющих:

- установленный порядок реализации спирта и спиртосодержащей продукции, определённый федеральным законом от 22.11.1995 года № 171 [9].

- здоровье несовершеннолетнего, его нравственное воспитание.

Такая двойственность, на наш взгляд, обуславливает наличие в действиях ответственных лиц, сочетание составов объективной стороны двух административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ. Очевидно, что, реализовывая алкогольную продукцию несовершеннолетнему, субъект правонарушения не только нарушает законодательно установленные правила оборота спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, но и в определённом виде создаёт условия, способствующие потреблению несовершеннолетним алкогольной продукции, т.е. совершает действия, формально подпадающие под вовлечение несовершеннолетнего в распитие алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Таким образом реализуя алкогольную и спиртосодержащую продукцию несовершеннолетним, ответственные лица, своими непосредственными действиями способствуют потреблению алкоголя данной категорией лиц, а также наносят вред их здоровью и нравственному воспитанию.

Однако, правоприменительная практика, показывает наличие проблемных вопросов при документировании правонарушений данного вида.

Рассмотрим наиболее существенные из них. В частности, непосредственными доказательствами реализации ответственным лицом алкогольной продукции несовершеннолетнему, будут выступать: показания свидетелей; показания самого несовершеннолетнего лица; а также непосредственно вещественные доказательства в виде незаконно реализованной алкогольной продукции.

Вместе с тем, получение показаний от несовершеннолетнего может быть усложнено как процедурой опроса, так и отсутствием его заинтересованности в таких показаниях. Применение же такой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как личный досмотр несовершеннолетнего, проводимого с целью обнаружения и последующего изъятия вещественных доказательств правонарушения, ограничивается правами полиции. Согласно п. 16 ст. 13 Федерального закона от 07.02.2011 №3 ФЗ «О полиции», сотрудники полиции имеют право осуществлять в порядке, установленном законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств, если имеются основания полагать, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества, а также скрывают предметы хищения [10]. Соответственно, при отсутствии указанных оснований, проведение личного досмотра несовершеннолетнего, с целью обнаружения незаконно реализованной ему алкогольной продукции является неправомерным. Таким образом, как и в предыдущем случае, возникают процессуальные сложности, связанные с изъятием у несовершеннолетних лиц спиртных напитков, приобретённых ими с нарушениями законодательства, что также ограничивает административные возможности полиции в данном направлении.

Говоря об административной деятельности полиции в области охраны здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма, последствий потребления табака табачной продукции, следует отметить, что в современном мире Российская Федерация занимает одно из лидирующих позиций среди стран с высоким уровнем населения, употребляющего табачную продукцию. Более того, стоит учитывать еще и тот факт, что количество разнообразной продукции, которую можно использовать для курения, с течением времени только растет. Так, помимо традиционных сигарет на рынке сейчас имеются кальян, электронные сигареты, IQOS и т.д. Конечно, не во всех этих устройствах имеется табак, но они всегда содержат в себе никотин, вызывая у граждан, и особенно у несовершеннолетних, состояние зависимости, негативно воздействуя на их физическое и психоэмоциональное состояние [11, с. 121-123]. Стоит отметить, что законодатель пытается урегулировать вопрос употребления не только табачной продукции в виде сигарет, но и других курительных смесей. Так, предметом правонарушения выступает непосредственно табак, который может содержаться не только в сигаретах, но и любой продукции, аналогичной по своему

воздействию на организм человека (снюс, курительные смеси, электронные сигареты и т.д.).

Но в то же время, следует указать на существование некоторых проблем законодательного регулирования вопросов использования специальных курительных средств и веществ. В первую очередь это связано с тем, что постоянно появляются всё новые и новые виды данных веществ и законодатель не всегда своевременно реагирует на сложившуюся тенденцию. Последствия же употребления различного рода курительных смесей, в некоторых случаях могут быть более губительными для здоровья не только несовершеннолетних, но и взрослых граждан. Соответственно, вопрос профилактики совершения нарушений в сфере антитабачного законодательства является не менее важным в сравнении с нарушениями антиалкогольного законодательства.

Что касается характеристики рассматриваемых административных правонарушений, то можно выделить перечень элементов, являющихся общими для правонарушений в сфере употребления алкоголя и табака.

Так, объектом рассмотренных в настоящей главе правонарушений выступает в первую очередь жизнь и здоровье несовершеннолетнего, поскольку рассматриваемая продукция оказывает существенное влияние на здоровье граждан.

Объективная сторона правонарушений представлена в форме активных действий, поскольку несовершеннолетний осуществляет употребление алкогольной или табакосодержащей продукции.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины: лицо осознает негативное воздействие окружающего табачного дыма на здоровье человека и желает этого или сознательно допускает либо относится безразлично. Равно как и при употреблении алкогольной продукции лицо осознает неправомерность своего поведения, но продолжает осуществление данных действий.

И, наконец, субъект правонарушения – физическое лицо, возрастом от 16 до 18 лет. Соответственно, говоря о несовершеннолетних, нарушающих антиалкогольное и антитабачное законодательство в пределах административного права, к ответственности за данные правонарушения могут привлекаться несовершеннолетние, при условии достижения ими возраста 16 лет.

Следует отметить, что еще в 2014 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, согласно которому предлагалось понизить возраст административной ответственности до 14 лет с мотивировкой, что «физические возможности ребенка, достигшего четырнадцатилетнего возраста, позволяют ему совершать деяния, признаваемые административными правонарушениями, и он уже отдает отчет своим поступкам, в состоянии оценить негативный характер своих действий, а так же принять и оценить неблагоприятные последствия, наступающие в случае привлечения к уголовной ответственности [12, с. 109-110].

Как свидетельствуют специалисты в данной сфере, по достижении 14 лет человек уже способен сознавать не только что такое хорошо и что такое плохо, но и в некоторых случаях, безусловно, понимать, что определенное поведение в обществе запрещено и за нарушение такого запрета государством предусмотрена ответственность. Однако в основном он еще не способен четко осознавать или даже предполагать в полной мере противоправность своего поведения, не обладает достаточными

знаниями в области каких-то специальных норм, нарушение требований которых может повлечь административную ответственность.

Однако данный проект так и не был принят, что обусловило неизменность состава правонарушений, совершаемых несовершеннолетними в области антиалкогольного и антитабачного законодательства.

Подводя итог, необходимо отметить, что указанные нами проблемы правоприменительной практики по выявлению и документированию правонарушений несовершеннолетних в области антиалкогольного и антитабачного законодательства, указывают на недостаточное нормативно-правовое обеспечение административной деятельности полиции в данном направлении. Кроме того, стоит обратить внимание на тот факт, что, говоря об употреблении несовершеннолетними спиртосодержащей и табачной продукции, необходимо обращать внимание не только на те составы противоправных деяний которые указаны в Особенной части КоАП РФ где в диспозиции статьи напрямую говорится о совершении правонарушения исключительно несовершеннолетним лицом, но и в принципе на составы правонарушений в части нарушения законодательства об употреблении алкоголя и табака, к ответственности за совершение которых может быть привлечено лицо, не достигшие возраста 18 лет. Надеемся, что обозначенная проблематика позволит активизировать и повысить эффективность государственного регулирования антиалкогольного и антитабачного законодательства.

Список литературы:

1. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2019 г. № 2732р «О Концепции осуществления государственной политики противодействия потреблению табака и иной никотинсодержащей продукции в РФ на период до 2035 г. и дальнейшую перспективу» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 47. Ст. 6719.
2. Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>
3. Маганкова, А. А. применение превентивных мер в отношении несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение - законодательные инициативы и реалии правоприменения / А. А. Маганкова, Е. Ю. Давыдовская, А. С. Пархачева // Modern Science. – 2021. – № 3-2. – С. 205-209.
4. Пономарев, А. В. Проблемы применения и перспективы совершенствования административного воздействия, применяемого в отношении несовершеннолетних / А. В. Пономарев, С. Ю. Русанова, Э. А. Османов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 280-287.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1
6. Приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://мвд.рф>
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». – URL: <https://rg.ru/documents/2011/11/23/zdorovie-dok.html>
8. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 18 декабря 2015 г. № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)». // ИПО «Гарант». - URL: <http://garant.ru>.
9. Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». // ИПО «Гарант». - URL: <http://garant.ru>.
10. Федеральный закона от 07.02.2011 года №3 ФЗ «О полиции». // ИПО «Гарант». - URL: <http://garant.ru>.
11. Саркисян В. К., Озерная А. А. Актуальные проблемы борьбы с употреблением несовершеннолетними наркотических средств, алкогольной продукции или табачных изделий и пути их решений // Молодежь и XXI век-2020. 2020. С. 121 – 124.
12. Артамонов, А. Н. Административная ответственность несовершеннолетних / А. Н. Артамонов // Юридическая ответственность несовершеннолетних : Коллективная монография. – Брянск : Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2018. – С. 98-116.

Bagramyan S.L., Merkazova V.A. Topical issues of administrative activities of the police on combating offenses in the field of anti-alcohol and anti-tobacco legislation committed by minors // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 202-209.

The article deals with some topical issues of the administrative activities of the police that arise in the course of the implementation of duties to prevent and suppress offenses committed by minors in the field of anti-alcohol and anti-tobacco legislation. The main causes and distinguishing features of the deviant behavior of minors are indicated through the prism of violations of the law committed by them in this direction. The main problems of legal support and the procedure for the implementation of a medical examination of minors in the practical activities of the police, as well as issues of law enforcement practice in ensuring proceedings in cases of administrative offenses provided for in Articles 20.20 are analyzed; 14.16 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It also analyzes the legal acts regulating the activities of the police in the prevention and suppression of juvenile delinquency and in relation to minors related to anti-alcohol and anti-tobacco legislation.

Keywords: medical intervention, medical examination, informed consent, deviant behavior, anti-alcohol legislation, anti-tobacco legislation, minors, involvement, public place, alcohol or tobacco products, measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses.

Spisok literatury:

1. Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 18.11.2019 g. № 2732r «O Konceptcii osushestvleniya gosudarstvennoj politiki protivodejstviya potrebleniyu tabaka i inoj nikotinsoderzhashej produkcii v RF na period do 2035 g. i dalnejshuyu perspektivu» // Sobranie zakonodatelstva RF. 2019. № 47. St. 6719.
2. Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficialnyj sajt. URL: <https://mvd.rf>
3. Magankova, A. A. primenenie preventivnyh mer v otnoshenii nesovershennoletnih, sovershivshih administrativnoe pravonarushenie - zakonodatelnye iniciativy i realii pravoprimereniya / A. A. Magankova, E. Yu. Davydovskaya, A. S. Parhacheva // Modern Science. – 2021. – № 3-2. – S. 205-209.
4. Ponomarev, A. V. Problemy primeniya i perspektivy sovershenstvovaniya administrativnogo vozdejstviya, primenyayemogo v otnoshenii nesovershennoletnih / A. V. Ponomarev, S. Yu. Rusanova, E. A. Osmanov // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6, № 4. – S. 280-287.
5. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 11.06.2022) // Sobranie zakonodatelstva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 1
6. Prikaz MVD Rossii ot 15.10.2013 № 845 «Ob utverzhenii Instrukcii po organizacii deyatelnosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii: oficialnyj sajt. URL: <https://mvd.rf>
7. Federalnyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorovya grazhdan v Rossijskoj Federacii». – URL: <https://rg.ru/documents/2011/11/23/zdorovie-dok.html>
8. Prikaz Ministerstva zdravoohraneniya RF ot 18 dekabrya 2015 g. № 933n «O poryadke provedeniya medicinskogo osvidetelstvovaniya na sostoyanie opyaneniya (alkogolnogo, narkoticheskogo ili inogo toksicheskogo)». // IPO «Garant». - URL: <http://garant.ru>.
9. Federalnyj zakon ot 22.11.1995 № 171-FZ «O gosudarstvennom regulirovanii proizvodstva i oborota etilovogo spirta, alkogolnoj i spirtosoderzhashej produkcii i ob ogranichenii potrebleniya (raspitiya) alkogolnoj produkcii». // IPO «Garant». - URL: <http://garant.ru>.
10. Federalnyj zakona ot 07.02.2011 goda №3 FZ «O policii». // IPO «Garant». - URL: <http://garant.ru>.
11. Sarkisyan V. K., Ozernaya A. A. Aktualnye problemy borby s upotrebleniem nesovershennoletnimi narkoticheskimi sredstvami, alkogolnoj produkcii ili tabachnyh izdelij i puti ih reshenij // Molodezh i XXI vek-2020. 2020. S. 121 – 124.
12. Artamonov, A. N. Administrativnaya otvetstvennost nesovershennoletnih / A. N. Artamonov // Yuridicheskaya otvetstvennost nesovershennoletnih : Kollektivnaya monografiya. – Bryansk : Bryanskij gosudarstvennyj universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo, 2018. – S. 98-116.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ

Ветчинова Ю. И.

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

В данной статье рассматривается действующее административное законодательство, правоприменительная практика по вопросам применения мер привлечения к административной ответственности за нарушение правил в области связи и информации. Анализируется необходимость обеспечения поддержания и сохранения существующих санкций за нарушения в рассматриваемой области и усиление правовой регламентации в целях безопасности всего мирового сообщества. Также исследуются возможные причины, затрудняющие использование норм в области связи и информации в процессе правоприменения, рассматриваются вопросы их эффективности. Также в рамках данного исследования анализируются спорные вопросы квалификации правонарушений в области связи и информации, предлагаются пути решения проблем. Задачей данного исследования является попытка обозначить основные подходы к развитию административного законодательства РФ в рассматриваемой области.

Ключевые слова: административное законодательство, нарушения, связь, ограничения, информация, административная ответственность, наказания, квалификация, эффективность, санкция.

В современных реалиях коммуникация признана необходимым условием жизнедеятельности человека, где информация, связь и средства связи играют весьма значительную роль не только в жизни отдельных граждан, но и в мировом сообществе в целом. Объясняется это тем, что сегодня данные «проводники» являются важными составляющими в обеспечении государственных процессов, поддержании мировой экономики и обеспечения безопасности государственной тайны. На сегодняшний день в Российской Федерации (далее – РФ) развитие мировой интеграции общества имеет прочную и неразрывную связь с информационной глобализацией, что требует усиления нормативного регулирования в области инновационных процессов. Информатизация, широко распространяемая по всему миру, по своей природе может иметь как положительный аспект, так и отрицательный, негативно влияющий на формирование противоправного поведения. С одной стороны, развитие в данной сфере способствует более эффективному разрешению многих видов преступлений и правонарушений, но с другой стороны, это стало причиной возникновения новых противоправных деяний, которые более сложные, и поэтому требуют четкой нормативной регламентации. В российском законодательстве предусмотрены разные виды ответственности за нарушения, совершенные в сфере связи, информации, информационных технологий и массовых коммуникаций. Например, к такой ответственности можно отнести дисциплинарную, административную, уголовную. Следовательно, в законодательстве, в частности и в вопросах, касающихся административных правонарушений в области связи и информации — данному вопросу должно быть уделено повышенное внимание.

Данный вывод подтверждает судебная статистика правонарушений в рассматриваемой области, которая за последние несколько лет неутешительна. Только за 2021 г. было установлено 25 683 правонарушений в области связи и информации, из которых 19 485 были подвергнуты наказанию [1]. Негативная тенденция в показателях

свидетельствует о недоработках в разрешении рассматриваемых правонарушений как в рамках правоприменительной практики, так и в теоретических аспектах.

Рост правонарушений рассматриваемой направленности в 2023 г. связывают с совокупностью социальных, экономических и политических факторов, предопределяющих формирование экстремистских настроений в обществе

Так, среди учёных всё чаще поднимается вопрос об эффективности административных наказаний в сфере информации, эффективности правоприменительной деятельности субъектов административной юрисдикции, налагающих административные наказания и «полноте» нормативных актов, регулирующих данную область.

На сегодняшний день довольно обширный перечень посягательств на общественные отношения в области связи и информации установлен Главой 13 КоАП РФ «Административные правонарушения в области связи и информации». К административным правонарушениям в данной области относятся, например, самовольное строительство, изготовление, установка или эксплуатация радиоэлектронных средств или высокочастотных устройств, незаконная деятельность в области защиты информации, разглашение информации с ограниченным доступом, нарушение правил защиты информации, нарушение порядка изготовления или распространения продукции средств массовой информации, злоупотребление свободой массовой информации и так далее [2]. Данный перечень существенно широк, однако не детализирован, что затрудняет процесс разрешения многих противоправных деяний. По своей сущности соблюдение норм административного законодательства является необходимым, так как начиная с предотвращения правонарушений, не оказывающих сильное негативное воздействие на общество и государство, путём различного рода санкций, удаётся сократить возможное количество совершаемых более общественно-опасных деяний- преступлений.

Конечно, в рамках 2023 г. в Российской Федерации эффективность и практичность мер административной ответственности за противоправные деяния в информационной сфере вышла на новый уровень, однако до полного освоения информационной среды и создания законодательных норм, которые бы её охватывали, должен ещё пройти длительный путь. Ведь стремительное внедрение информационных технологий в общественную жизнь предопределило создание абсолютно новых способов взаимодействия человечества и его развития, которые требуют четкой нормативной регламентации. Учитывая постоянно растущие показатели правонарушений в данной области и практическое усложнение их раскрываемости, многие научные деятели высказываются о том, что преступления в сфере высоких технологий являются проблемным аспектом в современных реалиях.

Рассматриваемая глава на протяжении всего своего существования подвергалась различным изменениям: внедрялась масса новых составов, некоторые положения были упразднены, какие-то статьи изменились в области реализации санкций. Но при этом отсутствие детализирующих положений в Гл. 13 КоАП РФ также вызывает ряд трудностей при квалификации деяний в правоприменительной практике.

Во-первых, сложность заключается в том, что она носит междисциплинарный характер, так как имеет промежуточное состояние среди юридических и технических наук, занимающихся проблемами обеспечения информационной безопасности [3]. Для данной области в целом характерна весьма специфическая сфера воздействия, где действуют юридические и технические предписания. Сам по себе процесс

информатизации тесно сопряжён с использованием технических средств, аппаратов и так далее. И данный фактор является некоей преградой, так как возникает ряд проблем при квалификации административных правонарушений. Поэтому сложность применения норм КоАП РФ возникает еще при выявлении, производстве и рассмотрении дел об административных правонарушениях в сфере информации. При отсутствии знаний, практики в рассматриваемой области судьям и должностным лицам органов исполнительной власти крайне затруднительно квалифицировать деяния. Следовательно, отсутствие уточняющих положений в статьях Гл. 13 КоАП РФ является препятствием с практической точки зрения при разграничении смежных составов.

При исследовании норм действующего административного законодательства можно выявить ряд противоречий, в частности идентичность некоторых составов правонарушений. Данный фактор препятствует своевременному разрешению правонарушений, затягивает процесс квалификации и установления обстоятельств дела. Так, вызывает затруднения разграничение составов в рамках главы 20 КоАП РФ и 13 КоАП РФ. Проведённый анализ ст. 20.3.1 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» и ст. 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов» КоАП РФ и статьи 13.37 и ч. 6 ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации» КоАП РФ свидетельствует об их идентичности. Данный вопрос имел место быть среди учёных. Действительно существуют мнения о том, что в рамках одного законодательного акта существуют нормы, аналогичные друг другу по содержанию, составу и наказанию. Так, сравнительный анализ рассматриваемых норм был осуществлён А.П. Стукановым и А.К. Соловьевой. В результате проделанной работы было вынесено заключение, что при осуществлении сравнительного анализа составов главы 13 КоАП РФ с составами главы 20 КоАП РФ становится понятной схожесть их содержания [4, с. 32]. Данный фактор не является по мнению авторов положительной тенденцией в рамках действующего КоАП РФ.

Такое сходство является далеко не единственным в рамках административного законодательства. Поэтому в юридической литературе среди теоретиков существует мнение об объективной необходимости в более дифференцированном распределении в Особенной части КоАП РФ составов административных правонарушений в области связи и информатизации, которая будет выражаться в детализации и дифференциации положений Гл. 13 КоАП РФ.

Во-вторых, в рамках данного проблемного вопроса есть определённая сложность в реализации процедуры административного расследования, которая характеризуется низкой её эффективностью и реализуемостью в информационной сфере. Обуславливается это отрицательным уровнем раскрываемости информационных правонарушений, из-за широкого спектра возможностей их совершения, сложностью определения места и времени совершения информационного правонарушения. Например, если анализировать состав статьи 13.14 КоАП РФ, то разглашение информации с ограниченным доступом может совершаться не с момента получения информации ограниченного доступа, а с момента наступления конкретного фактического события. На практике аналогичные дела возбуждаются, когда имеются факты и сведения, полученные в результате проверок или непосредственно в момент совершенного правонарушения. Особо стоит отметить, что именно в рамках адми-

нистративного расследования даже сама процедура установления личности правонарушителя в рассматриваемой сфере весьма затруднительно реализуема. Всё это также аргументируется не в полной мере изученной информационной сфере и неполнотой законодательных положений данной области. Кроме того, определенную сложность представляет собой формирование доказательственной базы. Это требует значительных качественных и количественных временных затрат, обусловленных проведением каких-либо исследований, экспертиз.

Нераскрываемость и неразрешённость правонарушений в данной области создаёт много проблем для общества: личных, финансовых и даже является угрозой национальной безопасности и государственной тайны. Так, в г. Владикавказе в 2017 г. директор филиала УФПС, который являлся должностным лицом, был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 6 ст. 13.12 КоАП РФ с назначением административного наказания в виде штрафа. В ходе расследования были выявлены нарушения, которые выражались в неосуществлении проведения аттестационных испытаний государственной информационной системы на соответствие требованиям безопасности информации. Нарушения также коснулись непосредственно в части предоставления уведомления об обработке, самой процедуре, что стало подтверждением несоответствия фактической деятельности Администрации [5]. Негативной тенденцией является то, что указанный случай не является «исключением из правил». Для повышения эффективности в разрешении возможных конфликтов необходима систематизация и более детальная правовая регламентация проверок и административных расследований.

На сегодняшний день также среди перечня проблем особое место занимает привлечение к административной ответственности за правонарушения юридических и физических лиц в области связи и информации. Определяется данный аспект наличием взаимных пересечений норм административной и уголовной ответственности к нарушителям. Это обусловлено тем, что, казалось бы, та чёткая грань, которая должна быть между административной и уголовной ответственностью, порой остаётся в тени, что влечёт за собой неоднозначность в квалификации деяний. В частности, среди учёных существуют мнения, что меры административной ответственности реализуются в настоящий момент лишь для дополнения норм уголовного законодательства. Обуславливается это высказывание фактическим отсутствием в нем уголовной ответственности юридических лиц.

Например, если рассматривать состав ч. 4 ст. 13.15 КоАП РФ, то данная статья предусматривает наличие специального субъекта- юридическое лицо. Только в данном случае деяние будет считаться правонарушением. Если же рассматривать смежное деяние в уголовном законодательстве, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», то преступлением будут считаться аналогичные деяния, совершенные физическими лицами. Иначе говоря, в УК РФ наличие юридического лица не является обязательным. Следовательно, можно прийти к выводу, что привлечение к уголовной ответственности физического лица не исключает наступление административной ответственности юридического лица. Примечательным обстоятельством нормы административного законодательства является то, что данные деяния влекут более строгое наказание по сравнению с основным составом. Так, исходя из норм законодательства, значительно увеличивается степень и характер общественной опасности совершения деяния лицом [6, с. 205—208].

При сопоставлении конкурирующих норм важно отметить, что такой критерий как характеристика субъекта оказывает существенное значение на степень общественной опасности преступления, что и составляет назначение уголовно наказуемого деяния. Однако проводить сопоставление норм, опираясь на степень общественной опасности, являющейся одним из основных критериев, который разграничивает преступления и правонарушения, достаточно опрометчиво в силу рассмотренных противоречивых моментов.

Данные обстоятельства не являются исключительными, которые провоцируют полемики среди правоприменителей при квалификации деяний. По сути, меры административного права применяются для того, чтобы дополнить уголовное право в связи с отсутствием в нем уголовной ответственности юридических лиц.

Вышеуказанные проблемные вопросы при квалификации административных правонарушений в области связи и информации лишь свидетельствуют о явных недоработках как с точки зрения практической реализации, так и пробелов в теоретических положениях.

Таким образом, с учётом стремительного роста и внедрения во все сферы общественной жизни информационных ресурсов прослеживается необходимость в пересмотре основных положений административного законодательства в области связи и информации. Так, в связи с широким перечнем норм существует объективная необходимость разделения гл. 13 КоАП РФ на отдельные части, объединенные общими характеристиками. Например, дифференциация на административные правонарушения в области связи и отдельно административные правонарушения в области информатизации и развития информационных технологий существенно увеличивает количество и качество административно-правовых механизмов защиты участников информационных отношений. Ведь детализация отдельных положений позволит обеспечить защиту пользователей информационными ресурсами, поможет сформировать некий барьер тем социальным угрозам, которые идут через глобальные информационные пространства, а также через различные технические средства. В настоящее время для повышения эффективности реализации мер административной ответственности в области связи и информатизации, необходимо совершенствовать качество правоприменительной деятельности, а также четко закреплять в правоприменительных актах обстоятельства совершенного административного правонарушения в области связи и информатизации. Данные преобразования также позволят существенно сократить конкуренцию норм в области административного и уголовного права. Своевременная разработка специальных мер по предупреждению правонарушений в сфере высоких технологий при их комплексном использовании будет способствовать существенному повышению уровня информационной безопасности нашей страны и эффективной борьбе с противоправными деяниями.

Список литературы:

1. Судебная статистика РФ. Агентство правовой информации. Административные правонарушения 2023. – URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/73> (дата обращения 31.03.2023). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения 31.03.2023). – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей. – Текст: электронный.
3. Основы исследовательской деятельности: курс лекций / автор-составитель А.В. Мишин; Российская академия правосудия, Центральный филиал. — Воронеж: ЛИО, 2008. — 124 с.

4. Стуканов, А.П. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: проблемы привлечения к административной ответственности / А.П. Стуканов, А.К. Соловьева; Законность. - 2019.- № 8.- С.28-33. – Текст : непосредственный.
5. Судебные прецеденты между Операторами персональных данных и Роскомнадзором. Защита персональных данных. 10.09.2020. – URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/zashhita-personalnyh-dannyh/sudebnye-pretседenty-mezhdu-operatorami-personalnykh-dannykh-i-roskomnadzorom/> (дата обращения 31.03.2023). – Режим доступа: для авториз. пользователей. – Текст: электронный.
6. Шутова, А.А. Современные тенденции использования информационно-телекоммуникационной сети в процессе совершения преступления / А.А. Шутова; Пробелы в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 205-208. – Текст : непосредственный.

Vetchinova Y.I. Features of legal regulation of administrative offenses in the field of communications and information // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 210–215.

This article examines the current administrative legislation, law enforcement practice on the application of measures to bring to administrative responsibility for violation of rules in the field of communications and information. The necessity of ensuring the maintenance and preservation of existing sanctions for violations in the area under consideration and strengthening legal regulation for the security of the entire world community is analyzed. The possible reasons that make it difficult to use the norms in the field of communication and information in the process of law enforcement are also investigated, the issues of their effectiveness are considered. Also, within the framework of this study, controversial issues of the qualification of offenses in the field of communication and information are analyzed, ways to solve problems are proposed. The objective of this study is an attempt to identify the main approaches to the development of the administrative legislation of the Russian Federation in this area.

Keywords: administrative legislation, violations, communication, restrictions, information, administrative responsibility, penalties, qualification, effectiveness, sanction.

Spisok literature:

1. Sudebnaya statistika RF. Agentstvo pravovoj informacii. Administrativny`e pravonarusheniya 2023. – URL: <https://stat.api-press.rf/stats/adm/t/31/s/73> (data obrashheniya 31.03.2023). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol`zovatelej. – Tekst: e`lektronny`j.
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 18.03.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (data obrashheniya 31.03.2023). – Rezhim dostupa: dlya zaregistrir. pol`zovatelej. – Tekst: e`lektronny`j.
3. Osnovy` issledovatel`skoj deyatel`nosti: kurs lekcij / avtor-sostavitel` A.V. Mishin; Rossijskaya akademiya pravosudiya, Central`ny`j filial. — Voronezh: LIO, 2008. — 124 s.
4. Stukanov, A.P. Vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy`, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: problemy` privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti / A.P. Stukanov, A.K. Solov`eva ; Zakonnost`. - 2019.- № 8.- S.28-33. – Tekst : neposredstvenny`j.
5. Sudebny`e precedenty` mezhd Operatorami personal`ny`x danny`x i Roskomnadzorom. Zashhita personal`ny`x danny`x. 10.09.2020. – URL: <https://www.ec-rs.ru/blog/zashhita-personalnyh-dannyh/sudebnye-pretседenty-mezhdu-operatorami-personalnykh-dannykh-i-roskomnadzorom/> (data obrashheniya 31.03.2023). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol`zovatelej. – Tekst: e`lektronny`j.
6. Shutova, A.A. Sovremenny`e tendencii ispol`zovaniya informacionno-telekommunikacionnoj seti v processe soversheniya prestupleniya / A.A. Shutova ; Probely` v rossijskom zakonodatel`stve.- 2015.- № 4.- S.205-208. – Tekst : neposredstvenny`j.

УДК 342.5

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Вичева А. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье установлено, что взаимодействие органов публичной власти представляет собой согласованное, совместное действие, направленное на эффективную реализацию функций публичной власти и удовлетворения потребностей населения. Проведенное исследование показало, что одной из основных форм деятельности органов публичной власти, а также важным направлением их взаимодействия является профилактика правонарушений, которая в условиях цифровизации реализуется при помощи внедрения информационных технологий, в большинстве случаев на основе принятия программных документов различного уровня. Автором обосновывается позиция, что использование программного метода в профилактике правонарушений позволяет эффективно скоординировать действия органов публичной власти в рамках реализации конкретных полномочий. При этом, указанные программы в регионах имеют отличия по наименованию, содержанию, структурному построению, внедряемым способам и технологиям. В условиях цифровизации общественных отношений к таким программам следует отнести программы, связанные с разработкой и внедрением АПК «Безопасный город».

Ключевые слова: цифровизация, взаимодействие, программный метод, органы публичной власти, правонарушение, профилактика, АПК «Безопасный город», видеоаналитика, единая дежурно-диспетчерская служба.

Развитие общества на современном этапе нуждается в поступательном внедрении достижений науки и техники, передового опыта использования новейших технологий, что в целом характеризуется глобальным процессом цифровизации всех сфер жизнедеятельности. В отечественной науке полемика в отношении дефиниции «цифровизация» ведется во многих научных сферах [1, с. 49], большинство которых затрагивают вопросы экономики и информатизации. Все чаще поднимается вопрос о закреплении дефиниции на законодательном уровне. В рамках настоящего исследования нами будет использовано определение, содержащееся в разъяснениях (методических рекомендациях) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» - «цифровизация - процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов, который предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий» [2]. Примечательно, что Российская Федерация в 2022 году заняла 10 место из 198 стран в рейтинге Всемирного банка GovTech Maturity Index 2022, с индексом зрелости 0,89 балла [3]. В. В. Коноплёв и Л. Н. Опанасюк отмечают, что «цифровизация общественных отношений становятся одним из факторов их развития на современном этапе, а цифровые данные – фактором, способным повлиять на эффективность реализации отдельных прав граждан, скорость принятия управленческих решений, качество оказываемых услуг, и, как следствие, на результат совершаемых действий» [4, с. 485]. Эффективность и скорость принятия конкретных управленческих решений, как представляется, коррелирует с непосредственным взаимодействием субъектов, принимающих данные решения.

Взаимодействие органов публичной власти сложное правовое явление, в отношении различных компонентов которого не прекращаются научные дискуссии. Выделяются различные уровни, формы, способы исследуемого процесса, а также его рассматривают как непосредственную связь [5, с. 81]. В.В. Кудинов, характеризуя взаимодействие, акцентирует внимание на том, что оно представляет собой «деятельное проявление (в соответствии с нормами действующего законодательства) субъектов (участников) взаимодействия, согласованное по цели, основанное на кооперации, деловом сотрудничестве и взаимопомощи в интересах решения их общих задач» [6, с. 3]. К.В. Трифонова и С.Г. Трифонов в исследуемом аспекте отмечают, что «под взаимодействием понимается основанная на законах и подзаконных нормативных актах, согласованная по целям, месту и времени деятельность различных исполнителей по совместному решению поставленных перед ними задач» [7, с. 360]. Н.В. Симонова при исследовании взаимодействия органов публичной власти субъектов Российской Федерации определяет его как «процесс, направленный на установление закономерных связей между органами публичной власти на данной территории с целью выработки эффективного механизма совместных действий, необходимого для слаженного функционирования государства и населения» [8, с. 16]. Анализ указанных научных позиций позволяет сформулировать общие черты взаимодействия органов публичной власти, а именно – согласованное, совместное действие, направленное на эффективную реализацию функций публичной власти и удовлетворения потребностей населения. Следует отметить, что органы государственной власти и органы местного самоуправления входят в систему единой публичной власти, но между ними отсутствуют отношения субординации, а следовательно взаимодействие между ними должно осуществляться исключительно на партнерской, взаимоуважительной основе [5, с. 83] как независимых, самостоятельных, автономных субъектов, наделенных правотворческими функциями в пределах своей компетенции. При этом, как ранее было установлено [9, с. 251] исследуемое взаимодействие осуществляется в форме сотрудничества, совместной деятельности, контроля и координации. В рамках настоящего исследования проведем анализ взаимодействия органов публичной власти в области профилактики правонарушений.

Одной из основных форм деятельности органов публичной власти, а также важным направлением их взаимодействия является профилактика правонарушений. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ 182) через совокупность различных мер профилактики правонарушений направлена на выявление и устранение условий, способствующих совершению правонарушений [10]. Представляется, что системное взаимодействие всех субъектов профилактики правонарушений осуществляется на основе программного метода, который, как определяют З.Б. Лукьяненко и Н.В. Югова является «способом решения крупных и сложных социально-экономических проблем посредством выработки и принятия органами управления системы взаимоуязванных программных мер, направленных на достижение целей, связанных с устранением, подавлением, смягчением возникшей проблемы» [11, с. 72]. При этом действительно сложной и крупной проблемой современного российского государства являются правонарушения, рост которых приводит к деструктивным изменениям общества, негативно влияет на уровень правового сознания и правовой культуры граждан. Использование программного мето-

да в профилактике правонарушений позволяет эффективно скоординировать действия органов публичной власти в рамках реализации конкретных полномочий. Средством реализации основных направлений указанной деятельности выступают программы профилактики правонарушений различного уровня (федеральные, региональные, муниципальные). Все чаще в Российской Федерации указанные программы предусматривают внедрение информационных технологий в сфере общественной безопасности.

Система профилактики правонарушений предусматривает взаимодействие органов и должностных лиц всех уровней публичной власти. Анализ статьи 5 ФЗ 182 позволяет сделать вывод, что одним из основных федеральных органов исполнительной власти в системе субъектов профилактики правонарушений выступает Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России), которое на основе анализируемого закона и ряда нормативных правовых актов, непосредственно осуществляет данную деятельность. В структуре МВД России функционирует специальный коллегиальный координационный орган в сфере профилактики правонарушений – Оперативный штаб МВД России по профилактике правонарушений [12] (далее – ОШ МВД России), формирующийся на внештатной основе. Одной из функций указанного подразделения является взаимодействие с субъектами профилактики правонарушений, которые относятся к различным уровням публичной власти, например, с Правительственной комиссией по профилактике правонарушений, органами прокуратуры Российской Федерации, высшими исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления. Также в рамках реализации своих функций ОШ МВД России уполномочен запрашивать и получать от субъектов профилактики правонарушений информацию, документы, различные материалы, необходимые для принятия решений, а также привлекать указанных субъектов к оказанию практической помощи территориальным органам МВД России.

Профилактика правонарушений отнесена ст. 72 Конституции Российской Федерации к предметам совместного ведения [13], а следовательно, кроме МВД России и его территориальных органов в этой сфере задействованы органы государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации, обладающие полномочиями по разработке государственных программ в указанной сфере. Указанные программы в регионах имеют отличия по наименованию, содержанию, структурному построению, внедряемым способам и технологиям. В условиях цифровизации общественных отношений к таким программам следует отнести программы, связанные с разработкой и внедрением аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» (далее – АПК «Безопасный город»). На примере Республики Крым и города федерального значения Севастополь рассмотрим указанные программы более детально. Рассматриваемые субъекты в составе Российской Федерации являются достаточно молодыми, но ими проделан колоссальный труд в аспекте профилактики правонарушений с использованием цифровых технологий. Город Севастополь уже внедрил АПК «Безопасный город». Республика Крым, в связи с особенностями административно-территориального устройства, еще осуществляет деятельность по разработке и внедрению указанного комплекса.

По официальным данным Департамента цифрового развития Севастополя [14] к контуру АПК «Безопасный город» подключены 198 организаций, к которым отне-

сены и силовые структуры региона. Функционирует городская система видеонаблюдения «Аргус» [15], которая активно используется в рамках правоохранительного сегмента, в рамках которого сотрудники органов внутренних дел в режиме реального времени контролируют ситуацию на дорогах, в общественных местах и местах проведения массовых мероприятий. При этом функционал системы позволяет использовать как изображение с одной камеры, так и нескольких, а также позволяют менять угол обзора или укрупнять объекты наблюдения. Также контур АПК «Безопасный город» предусматривает наличие личных кабинетов участников информационного взаимодействия. Так для силовых структур города Севастополя предусмотрен отдельный личный кабинет, который еще называют правоохранительным сегментом [16, с. 140], функциональные возможности которого позволяют осуществлять прием и обработку обращений граждан, контроль обработки обращений граждан организациями, комплексное информирование и оповещение организаций и граждан, интеграцию данных из других систем, работу с записями видеонаблюдения города и др. С учетом специфики деятельности правоохранительных органов, личный кабинет Силовых структур направлен на работу с модулями видеомониторинга и видеоанализа, с возможностями для работы с подключенными видеонаблюдениями, как в режиме просмотра онлайн, так и просмотр архивных записей, кроме того в модуле предусмотрены варианты работы с алгоритмами видеоанализа в следующих направлениях: детектирование «Массового скопления людей»; обнаружение в зоне, отслеживание перемещения выявление транспортных средств, находящихся в розыске; появление человека/предмета в зоне наблюдения; детектирование и распознавание лиц (в том числе с видеопотока камеры (онлайн) и архивной видеозаписи). 481 камера, подключенная к контуру, работает с видеоизображениями. Настройки системы видеоаналитики позволяют проводить анализ видео с камер в реальном времени и анализ видеозаписей в режиме ускоренной перемотки; автоматическое детектирование лиц – сопоставление лиц, с контрольными списками, загруженными в систему; регистрация события по факту распознавания лиц и сверки с контрольными списками лиц, загруженными в систему; возможность указания и дальнейшего хранения в базе дополнительной информации по каждой записи; персональных данных, принадлежности к группе, текстовые комментарии [17]. Как представляется, использование возможностей АПК «Безопасный город» правоохранительными органами позволит не только раскрывать преступления, но и осуществлять профилактику правонарушений как в повседневной жизни граждан, так и при проведении массовых мероприятий.

В Республике Крым проводятся мероприятия по построению и внедрению АПК «Безопасный город» в следующих направлениях:

1. Определены пилотные регионы: городские округа Симферополь, Ялта, Керчь, Евпатория, Феодосия. Единые центры оперативного реагирования с автономными вычислительными ресурсами будут размещены на базе единой дежурно-диспетчерской службы (далее - ЕДДС) указанных муниципальных образований.
2. Построение региональной программы планируется на базе существующего Государственного казенного учреждения Республики Крым «Безопасный регион».
3. ЕДДС иных муниципальных образований Республики Крым планируется подключить к комплексу средств автоматизации «региональная платформа» без размещения на них автономных вычислительных ресурсов [18].

Следует отметить, что во всех 25 муниципальных образования Республики Крым созданы ЕДДС, по единому типовому проекту на однотипном оборудовании и едином специализированном обеспечении «Исток-СМ», обеспечивающем автоматизацию процесса обработки информации. Учреждение «Безопасный регион» обеспечивает взаимодействие органов повседневного управления единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Республики Крым, в том числе ЕДДС муниципальных образований и дежурно-диспетчерских служб экстренных оперативных служб в пределах компетенции Учреждения. Также обеспечивают функционирование всего АПК «Безопасный город» на территории указанного субъекта [19].

Кроме указанных выше органов публичной власти, компетенцией в исследуемой области общественных отношений обладают органы местного самоуправления, которые в соответствии с частью 2 ст. 7 ФЗ 182 вправе разрабатывать муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений. Вовлечение органов местного самоуправления в профилактику правонарушений обусловлено тем, что это самый приближенный к населению уровень публичной власти, к числу значимых задач которого относятся профилактика правонарушений и иных негативных явлений на территории муниципального образования. Решение указанной задачи и уровень безопасности выступает одним из показателей качества жизни населения и уровня комфорта в среде проживания, фактором стабильного социально-экономического развития и инвестиционной привлекательности территории муниципального образования. Также следует отметить, что проведение профилактических мероприятий и развитие систем безопасности на территории поселения способствует не только сдерживанию роста преступности в обществе, но и создает условия для ее преодоления. Например, на территории муниципального образования городской округ Симферополь 30 декабря 2022 г. принята муниципальная программа «Профилактика угроз общественной безопасности на территории муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым» на 2023-2025 гг. [20] (далее – Программа), задачами которой является внедрение информационных технологий в сфере общественной безопасности, обеспечение системного проведения мероприятий по профилактике правонарушений и др. В ходе реализации Программы планируется внедрить и АПК «Безопасный город». При этом базовым уровнем как всей системы АПК «Безопасный город», так и единой межведомственной информационной среды выступает муниципальное образование, реализующее ключевые системы на базе своей единой дежурно-диспетчерской службы. Управление административных органов Администрации городского округа Симферополь в ходе реализации Программы непосредственно организуют взаимодействие с федеральными и региональными органами власти, общественными организациями и предприятиями различных форм собственности, в части решения вопросов профилактики правонарушений. Также совместно с Управлением учета, отчетности и материального обеспечения – реализуют внедрение, развитие и эксплуатацию правоохранительного сегмента АПК «Безопасный город» на территории муниципального образования городской округ Симферополь. В сфере профилактики правонарушений анализируемая программа предусматривает достижение следующих результатов:

1. Повышение эффективности работы по выработке совместных действий, направленных на профилактику правонарушений.

2. Видеомониторинг территорий социально активных объектов с целью своевременного реагирования на осложнения оперативной обстановки и принятия соответствующих мер.

3. Повышение уровня профилактики в сфере общественной безопасности на территории городского округа Симферополь и др.

В отношении Республики Крым следует отметить, что процесс внедрения АПК «Безопасный город» активно продвигается. Созданы ЕДДС во всех муниципальных образованиях, внедряется система видеонаблюдения, разрабатывается техническая документация системы видеоаналитики.

В завершение следует отметить, что в условиях цифровизации взаимодействие органов публичной власти в исследуемой сфере общественных отношений предусматривает использование новейших информационных технологий и технических средств, которое возможно обеспечить путем принятия и реализации программ различного уровня. Некоторые субъекты Российской Федерации при реализации программ, направленных на профилактику правонарушений, изначально предусматривают внедрение и функционирование АКП «Безопасный город», а также способы, формы взаимодействия органов публичной власти различного уровня. Как представляется, различия по внедрению информационных технологий в процесс профилактики правонарушений и особенности взаимодействия в этих условиях уполномоченных субъектов обеславливается территориальным, географическим, финансовым факторами.

Список литературы:

1. Катрин Е.В. «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. – 2022. – №5. – С. 49-54.
2. Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации": Приказ Минцифры России №428 от 1 августа 2018 года. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Россия вошла в топ-10 стран по цифровизации госуправления. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42223/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата обращения 14.05.2023 г.).
4. Опанасюк Л.Н., Коноплев В.В. Цифровизация в Республике Крым как гарант соблюдения отдельных прав граждан // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 476-488.
5. Малявкина Н.В. Взаимодействие и самостоятельность органов публичной власти // Вестник государственного и муниципального управления. – 2013. – № 1. – С. 79-84.
6. Лобанов И.В. Формы взаимодействия органов государственной власти в Российском федеративном государстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. – №2 (18). – С. 3-8.
7. Трифонова К.В., Трифонов С.Г. Особенности взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 357-365.
8. Симонова Н.В. Взаимодействие органов публичной власти на территории приграничного субъекта Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты (на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ РФ). Автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. – 22 с.
9. Вичева А.А. Совместное правотворчество ОВД и органов государственной власти как форма их взаимодействия // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 9 (116). – С. 250-252.
10. Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Лукьяненко З.Б., Югова Н.В. Программно-целевой метод в государственном управлении бюджетной сферой // Ars Administrandi. – 2014. – №2. – С.72-78.
12. Приказ МВД России от 29 сентября 2022 года № 715 «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

13. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от регулирования 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Российская газета. 2020. № 144.
14. Безопасный город Севастополь – инструкция для применения. URL: https://цифроваяэволюция.рф/storage/filemanager/presentation_19082022/6/4-osipova.pdf (дата обращения 04.05.2023).
15. Городская система видеонаблюдения «Аргус». URL: <https://dcr.sev.gov.ru/tsifrovoy-sevastopol-proekt/gorodskaya-sistema-videonablyudeniya-argus/> (дата обращения 04.05.2023).
16. Елисеев А.В., Агафонов С.И. К вопросу о правоохранительном сегменте АПК «Безопасный город» // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – №7. – С. 139-142.
17. АПК «Безопасный город» в городе Севастополе. URL: https://dcr.sev.gov.ru/files/iblock/a7c/Prezentatsiya_Bezopasnyu_gorod.pdf (дата обращения 04.05.2023).
18. Мероприятия по построению и внедрению АПК «Безопасный город» в Республике Крым. URL: <https://mchs.rk.gov.ru/document/show/1298> (дата обращения 04.05.2023).
19. Государственное казенное учреждение Республики Крым «Безопасный регион». URL: <https://mchs.rk.gov.ru/structure/269> (дата обращения 04.05.2023).
20. Постановление Администрации города Симферополя Республики от 30 декабря 2022 года № 7523 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика угроз общественной безопасности на территории муниципального образования городской округ Симферополь Республики Крым». URL: <http://simadm.ru/docs/?page=79> (дата обращения 08.05.2023).

Vicheva A. A. Some issues of interaction of public authorities in the context of digitalization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 216–223.

The article establishes that the interaction of public authorities is a coordinated, joint action aimed at the effective implementation of the functions of public authorities and meeting the needs of the population. The conducted research has shown that one of the main forms of activity of public authorities, as well as an important area of their interaction, is the prevention of offenses, which in the conditions of digitalization is implemented through the introduction of information technologies, in most cases on the basis of the adoption of program documents of various levels. The author substantiates the position that the use of the program method in the prevention of offenses makes it possible to effectively coordinate the actions of public authorities within the framework of the implementation of specific powers. At the same time, these programs in the regions have differences in name, content, structural structure, implemented methods and technologies. In the context of digitalization of public relations, such programs should include programs related to the development and implementation of the agro-industrial complex "Safe City".

Keywords: digitalization, interaction, program method, public authorities, offense, prevention, agro-industrial complex "Safe City", video analytics, unified duty dispatch service.

Spisok literatury:

1. Katrin E.V. «Cifrovizaciya»: nauchnye podhody k opredeleniyu termina // Vestnik ZabGU. – 2022. – №5. – S. 49-54.
2. Ob utverzhdenii raz'yasnenij (metodicheskikh rekomendacij) po razrabotke regional'nyh proektov v ramkah federal'nyh proektov nacional'noj programmy "Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii: Prikaz Mincifry Rossii №428 ot 1 avgusta 2018 goda. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
3. Rossiya voshla v top-10 stran po cifrovizacii gosupravleniya. URL: https://digital.gov.ru/ru/events/42223/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (data obrashcheniya 14.05.2023 g.).
4. Opanasyuk L.N., Konoplyov V.V. Cifrovizaciya v Respublike Krym kak garant soblyudeniya otdel'nyh prav grazhdan // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – S. 476-488.
5. Malyavkina N.V. Vzaimodejstvie i samostoyatel'nost' organov publichnoj vlasti // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. – 2013. – № 1. – S. 79-84.
6. Lobanov I.V. Formy vzaimodejstviya organov gosudarstvennoj vlasti v Rossijskom federativnom gosudarstve // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obschestvennye nauki. – 2011. – №2 (18). – S. 3-8.
7. Trifonova K.V., Trifonov S.G. Osobennosti vzaimodejstviya pravooxranitel'nyh organov v sfere obespecheniya migracionnoj bezopasnosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – S. 357-365.
8. Simonova N.V. Vzaimodejstvie organov publichnoj vlasti na territorii prigranichnogo sub"ekta Rossijskoj Federacii: konstitucionno-pravovye aspekty (na analize materialov Zapadnogo regional'nogo pogrannichnogo upravleniya FSB RF). Avtoref. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2003. – 22 s.

9. Vicheva A.A. Sovmestnoe pravotvorchestvo OVD i organov gosudarstvennoj vlasti kak forma ih vzaimodejstviya // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2016. – № 9 (116). – S. 250-252.
10. Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2016 goda № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
11. Luk'yanenko Z.B., YUgova N.V. Programmno-celevoj metod v gosudarstvennom upravlenii byudzhetnoj sferej // Ars Administrandi. – 2014. – №2. – S.72-78.
12. Prikaz MVD Rossii ot 29 sentyabrya 2022 goda № 715 «Ob organizacionnyh voprosah profilaktiki pravonarushenij v sisteme MVD Rossii». Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
13. Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 № 6-FKZ, ot 30.12.2008 № 7-FKZ, ot 05.02.2014 № 2-FKZ, ot 21.07.2014 № 11-FZK, ot regulirovaniya 14.03.2020 №1-FZK) // Rossijskaya gazeta. 2020. № 144.
14. Bezopasnyj gorod Sevastopol' – instrukciya dlya primeneniya. URL: https://cifrovayaevolyuciya.rf/storage/filemanager/presentation_19082022/6/4-osipova.pdf (data obrashcheniya 04.05.2023).
15. Gorodskaya sistema videonablyudeniya «Argus». URL: <https://dcr.sev.gov.ru/tsifrovoy-sevastopol-proekty/gorodskaya-sistema-videonablyudeniya-argus/> (data obrashcheniya 04.05.2023).
16. Eliseev A.V., Agafonov S.I. K voprosu o pravoohranitel'nom segmente APK «Bezopasnyj gorod» // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2016. – №7. – S. 139-142.
17. APK «Bezopasnyj gorod» v gorode Sevastopole. URL: https://dcr.sev.gov.ru/files/iblock/a7c/Prezentatsiya_Bezopasnyy_gorod.pdf (data obrashcheniya 04.05.2023).
18. Meropriyatiya po postroeniyu i vnedreniyu APK «Bezopasnyj gorod» v Respublike Krym. URL: <https://mchs.rk.gov.ru/document/show/1298> (data obrashcheniya 04.05.2023).

УДК 341.233.1

ПУБЛИЧНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия"

В статье сделана попытка раскрыть понятие и сущность финансового контроля и государственного финансового контроля и публичного финансового контроля в условиях цифровой трансформации. Автор последовательно раскрывает существующие наработки современной доктрины финансового права и дает определение категорий финансовый контроль и государственный финансовый контроль, анализирует позицию законодателя в исследуемой сфере. С точки зрения системного подхода, автор отмечает целесообразность и важность системного подхода при изучении и исследовании категории «финансовый контроль» и «государственный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации», поскольку ориентир должен делаться на комплексное изучение объекта, его особенностей и проблем, раскрытие внутренних и внешних связей его элементов, целей, задач каждого из них, обусловленных общим предназначением. В ходе изучения позиций различных авторов, автор изучает и исследует такие виды финансового контроля, как бюджетный контроль и налоговый контроль, отмечает особенности и перспективы их развития в условиях цифровой трансформации. На основе проведенного исследования автор выводит собственное определение категории «публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации», которое предлагается закрепить в действующем законодательстве для более точного уяснения его сущности, природы и особенностей, а также повышения эффективности правоприменения на практике. Разработанное автором определение «публичного финансового контроля в условиях цифровой трансформации» предлагается использовать при разработке концепции развития публичного финансового контроля в условиях цифровой трансформации и при проведении дальнейших научных исследований в обозначенной сфере.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая трансформация; финансовый контроль; государственный финансовый контроль; публичный финансовый контроль; бюджетный контроль; налоговый контроль.

Вопросы финансовых правоотношений и финансового контроля всегда были и остаются актуальными и проблемными, требующими детальной научной проработки с учетом достижений современной правовой доктрины и наработок правоприменительной практики. Вместе с тем, цифровые технологии очень прочно внедрились и вошли не только в нашу повседневную жизнь, но систему публичного управления, деятельность органов государственной власти, во многом упрощая, оптимизируя и ускоряя различные процессы правоприменения [1], изменяя при этом его сущность, когда автоматизация процессов принятия властных решений меняет властное волеизъявление на машинное, т.е. искусственный интеллект, порождая конкуренцию между технологизацией публичного управления и соблюдением принципов правового государства [2].

Сфера финансовых правоотношений и финансового контроля не является исключением и очень быстро применяется, и подстраивается к происходящим сегодня процессам цифровизации всех сфер общественной и государственной жизни.

Так, например, векторы цифровизации самые разные: новые субъекты права; искусственный интеллект и его правовой режим; новые цифровые права и цифровые активы (например, цифровые финансовые активы в свете принятия Федерального

закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]).

Однако, даже в современных реалиях приоритетности достижения национальной цели «цифровой трансформации» путем «цифровой зрелости» [4] в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», наблюдается острый дисбаланс цифровизации отдельных сфер.

Наиболее успешно процессам цифровизации подвергся порядок предоставления государственных и муниципальных услуг, другие административные процедуры (например, контрольно-надзорная деятельность) пока ждут своей очереди, чем и обусловлена актуальной выбранной темы исследования.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Морозов А.Е., «цифровизация контрольно-надзорной деятельности позволяет более эффективно и оперативно собирать (путем использования датчиков, в том числе имплантированных), закреплять (с применением технологии распределенных реестров), анализировать (с помощью искусственного интеллекта) и использовать с информацией о субъектах финансового контроля и содержании регулируемых общественных отношений» [5].

Сегодня, как никогда, проблемы надлежащего и качественного осуществления государственного финансового контроля как одного из основных элементов системы государственного управления выдвигаются на первый план и требуют полноценного научного исследования с учетом происходящих процессов цифровой трансформации всех сфер жизни общества и государства, что также предполагает поиск оптимальных путей их решения и обеспечения качественного нормативно-правового урегулирования данной сферы правоотношений.

Обращаясь к понятию финансовый контроль отметим, что на сегодняшний день единого понятия «финансовый контроль» в доктрине финансового права нет.

Как правило, «государственный финансовый контроль» рассматривается большинством ученых как функция государственного управления, обеспечивающая реализацию финансовой политики государства, под которым понимают деятельность контрольных органов, которая осуществляется на основании законодательства с помощью специфических приемов и методов с целью обеспечения законности, целесообразности и эффективности формирования, распределения и использования бюджетных средств.

Ровинский Е.А. указывал, что советское финансовое право, есть совокупность норм, регулирующих отношения в области финансовой деятельности государства в целях обеспечения выполнения его задач и функций. Исходя из того, в советском государстве важное место в системе государственного управления занимает финансовый контроль, являющийся составной частью общегосударственного контроля. При этом, финансовый контроль органически связан с финансовой деятельностью Советского государства, в процессе которой оно мобилизует и расходует огромные денежные средства, составляющие часть национального дохода страны, оказывает воздействие на распределение всего общественного продукта, в связи с чем, общим для всех финансово-правовых институтов является наличие норм, регулирующих отношения по поводу учета, хранения и использования материальных и денежных средств социалистическими предприятиями, организациями и учреждениями, должностными лицами органов государства, общественных организаций [6].

В свою очередь Химичева Н.И. справедливо отмечала, что неотъемлемой составной частью финансовой деятельности государства и муниципальных образований является финансовый контроль, под которым понимается контроль за законностью и целесообразностью действий в области образования, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях эффективного социально-экономического развития страны и ее регионов [7].

При этом, Григорьев А.В. и Голод К.К. отмечают, что финансовый контроль необходимо рассматривать как функцию управления финансовыми процессами и как вид деятельности, поскольку, финансовый контроль – сложная категория, для изучения которой необходимо применять инструментарий системного анализа, представляя контроль, с одной стороны, как целостное явление и часть системы управления, а с другой – как систему взаимосвязанных элементов [8].

Хребтова Т.П. отмечает, что «контроль в области финансов» или «финансовый контроль» рассматриваются две цели контроля – это установление корреляции реальных показателей от плановых, либо дополнительно определение результата управленческого воздействия, отмечая при этом, что полярность позиций специалистов обусловлена трактовкой различных форм государственного финансового контроля, поскольку, для внутреннего государственного финансового контроля приоритетным является определения правомерности (законности), а для внешнего государственного финансового контроля – оценка эффективности объекта управления, т. е. приоритет отдается контрольной функции управления, выделяя такие виды государственного финансового контроля, как бюджетный контроль, денежно-кредитный, валютный контроль и налоговый [9].

Волков А.Ю. и Волков М.А. считают, что финансовый контроль рассматривается как один из функциональных элементов управления финансовыми правоотношениями наряду с финансовым планированием и прогнозированием, оперативным управлением финансами, понимая под финансовым контролем комплекс мероприятий, осуществляемых уполномоченными органами государственной власти, местного самоуправления, соответствующими субъектами предпринимательской деятельности, иными участниками по проверке формирования, распределения и использования государственных и муниципальных фондов денежных средств [10].

Грачева Е. Ю. определяет финансовый контроль как контроль со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью действий в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан, отмечая при этом, что финансовый контроль как сложная многоаспектная категория с одной стороны выступает функцией государственного управления, с другой – управленческой деятельностью, имеющей свои методы, способы и формы реализации [11].

Хайруллаева З.М. определяет финансовый контроль, как деятельность публичных образований, физических и юридических лиц по реализации мер, заключающихся в применении тех или иных форм проверочных мероприятий объекта, нацеленных на выявление и устранение нарушений его финансовых показателей [12].

Ялбулганов А.А. отмечает, что сущность финансового контроля находит отражение в его задачах, важнейшей из которых является контроль за состоянием финансовых ресурсов, предполагающий проверку своевременности и полноты испол-

нения обязательств перед государственным бюджетом, операций по использованию централизованных и децентрализованных денежных фондов, обеспечивая соблюдение действующего законодательства в области налогообложения, валютных операций, регулирования внешнеэкономической деятельности и др. Однако, финансовый контроль не следует сводить только к способу обеспечения законности в финансовой сфере, поскольку он предполагает наличие обратных связей, выражающихся в активном содействии контролю более рациональному использованию финансовых ресурсов, в устранении препятствий оптимальному функционированию всех звеньев финансовой системы [13].

Губанова Е.В. и Ложкова С.Г. указывают, что финансовый контроль можно охарактеризовать как совокупность процедур по проверке финансовых и связанных с ними аспектов деятельности хозяйствующего субъекта с применением специфических форм и методов их организации, с целью обеспечения законности и целесообразности проводимой деятельности в рамках реализации функции управления бюджетными средствами. В большинстве случаев финансовый контроль рассматривается сквозь призму деятельности, связанной с административными действиями, направленной на реализацию предписаний закона, проведение организационных мероприятий, участие в нормотворческой деятельности, и подразумевает, что процесс контроля предполагает затраты труда человека в определенных видах [14].

Лукин А. Г. отмечает, что традиционно финансовый контроль рассматривают как особый вид практической деятельности специализированных структурных подразделений предприятия (если речь идет о внутреннем контроле и аудите), государственных контролирующих органов (если имеется в виду государственный финансовый контроль) или коммерческих аудиторских организаций, указывая при этом, что финансовый контроль — это продуманная система, которая включает в себя вопросы организации деятельности экономического субъекта, так как без единых правил финансовой деятельности невозможно осуществлять какой-либо контроль, профилактику и недопущение нарушений этих правил, создание и функционирования канала обратной связи, по которому будет поступать информация, необходимая собственнику или руководителю. Поэтому неправильно сводить финансовый контроль только к деятельности контроллеров и аудиторских фирм. При этом, важную роль играет информационная характеристика сущности финансового контроля заключается в преобразовании огромного массива информации, источниками которого служат документы, являющиеся результатом деятельности объекта контроля, исследования, обмеры и расчеты, проводимые в ходе контроля и т. д. В силу чего, приоритетным видится определение сущности финансового контроля как элемента системы управления и информационной системы [15].

Чаусова Я.С. указывает, что финансовый контроль есть комплексная и целенаправленная деятельность органов финансового контроля или их подразделений/представителей, а также лиц, уполномоченных осуществлять контроль, базируемая на положениях действующего законодательства. При этом, государственный финансовый контроль в условиях развития цифровых технологий представляет собой многофункциональную деятельность, реализуемую внутренними и внешними субъектами государственного контроля, направленную на оценку соблюдения требований действующего законодательства относительно наличия, движения, а также эффективности использования государственных (муниципальных) финансовых ресур-

сов, основанную на принципах обеспечения эффективного взаимодействия всех субъектов социально-экономических отношений с использованием возможностей информационно-коммуникационных и цифровых технологий [16].

Мигачев А.Ю. выводит понятие «государственный финансовый контроль», который представляет собой деятельность государственных органов по проверке законного и эффективного использования денежных средств в государственной сфере, выявлению и предотвращению финансово-экономических рисков, позволяющую вскрывать нарушения финансовой дисциплины и привлекать виновных к юридической ответственности [17].

Кроме того, Запольский С.В. определяет финансовый контроль как регламентированную нормами права деятельность государственных, муниципальных, общественных органов и организаций, иных хозяйствующих субъектов по проверке своевременности и точности финансового планирования, обоснованности и полноты поступления доходов в соответствующие фонды денежных средств, правильности и эффективности их использования. При этом, финансовый контроль должен воплощать в себе имущественные интересы всего общества, независимо от того, связана ли реализация этого интереса с формированием и использованием того или иного финансового централизованного фонда или этой зависимости не наблюдается. Однако, исходными условиями финансового контроля являются установление субъекта и объекта финансового контроля, определение взаимных прав и обязанностей контролирующего и контролируемого субъектов, определение статуса контрольного органа, а также средств, с помощью которых может проводиться финансовый контроль, т.е. изначально важно правильное определение и закрепление всех элементов финансового контроля как единой и упорядоченной системы. Выступая, при этом, против принятия специализированного федерального закона о финансовом контроле, ссылаясь на невозможность объединения в рамках одного закона всех сложившихся в настоящее время особенностей применения форм и методов финансового контроля, выделяя при этом такие разновидности финансового контроля, как бюджетный контроль, налоговый контроль и т.д. [18].

Вместе с тем, по нашему мнению, разработка и принятие отдельного закона, регламентирующего понятие «финансовый контроль» и его структурных элементов, позволит выработать единый унифицированный подход к данному понятию, к элементам, которые входят в систему финансового контроля, и определить единый порядок осуществления форм и методов финансового контроля, что позволит обеспечить стабильность в данной сфере правоотношений, а также гарантировать защиту прав, свобод и интересов подконтрольных субъектов, т.е. физических (в том числе, индивидуальных предпринимателей и самозанятых лиц) и юридических лиц, финансово-хозяйственная деятельность которых контролируется.

В рамках данного исследования, следует отметить целесообразность и важность системного подхода при изучении и исследовании категории «финансовый контроль» и «государственный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации». На необходимость системного подхода при изучении указанных правовых явлений неоднократно указывалось в современной науке финансового права, поскольку ориентир делается на комплексное изучение объекта, его особенностей и проблем, раскрытие внутренних и внешних связей его элементов, целей, задач каждого из них, обусловленных общим предназначением.

Так, Лимская декларация руководящих принципов контроля гласит, что «организация контроля является обязательным элементом управления общественными финансовыми средствами, так как такое управление влечет за собой ответственность перед обществом. Контроль – не самоцель, а неотъемлемая часть системы регулирования, целью которой является вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов, законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на возможно более ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, в отдельных случаях, привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению таких нарушений в будущем» (ст. 1). Она выделяет предварительный контроль и контроль по факту; внутренний и внешний контроль; формальный контроль и контроль исполнения [19].

В то же время, на законодательном уровне понятие финансовый контроль сегодня не закреплено. Вместе с тем, существует Модельный закон «О государственном финансовом контроле» закрепляет понятие государственный финансовый контроль, под которым понимается проверка соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами действующего национального финансового законодательства, рациональности и эффективности использования государственных финансовых и материальных ресурсов. При этом, государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением национального государственного бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием государственных кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот, финансовой эффективностью использования государственной собственности, переданной хозяйствующим субъектам в той или иной форме, обращением государственных финансовых средств в кредитно-финансовых организациях. Исходя из уровней финансовой системы государственный финансовый контроль делится на общегосударственный, региональный и муниципальный, а именно:

- государственный финансовый контроль на общегосударственном уровне осуществляется в отношении доходов физических и юридических лиц в целях налогообложения, соблюдения установленных законом форм бухгалтерской отчетности всеми хозяйствующими субъектами, соблюдения правил внешнеэкономической и банковской деятельности;

- государственный финансовый контроль на территориях государственных образований включает в себя контроль за бюджетными и внебюджетными финансовыми средствами государственно-территориальных образований, финансовой эффективностью использования государственного имущества на территории, использованием кредитных ресурсов и заемных средств, обращением финансовых средств государственно-территориальных образований в кредитно-финансовых организациях;

- государственный финансовый контроль в муниципальных образованиях осуществляется в отношении использования органами местного самоуправления финансовых и материальных ресурсов, переданных им в той или иной форме органами государственной власти различных территориальных уровней, в том числе в виде финансовой помощи, для исполнения отдельных государственных функций и в иных случаях, предусмотренных национальным законодательством [20].

Удачной нам видится формулировка, которую использует законодатель в Федеральном законе от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее – ФЗ № 294-ФЗ) [21], согласно которой, государственный контроль (надзор) представляет собой деятельность уполномоченных органов государственной власти (федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации), направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами, их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями требований, установленных настоящим ФЗ, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, посредством организации и проведения проверок юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, организации и проведения мероприятий по профилактике нарушений обязательных требований, мероприятий по контролю, осуществляемых без взаимодействия с юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению и (или) устранению последствий выявленных нарушений, а также деятельность указанных уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния исполнения обязательных требований при осуществлении деятельности юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, который, раскрывает понятие государственного контроля через деятельность специально уполномоченных органов и подробно раскрывающих формы и виды такой деятельности. Отметим, что положения ФЗ № 294-ФЗ не распространяются на отношения в сфере осуществления налогового контроля, хотя более детально формулируют порядок осуществления государственного контроля (надзора) как на федеральном, так и на региональном уровне, хотя и данный закон, четко не раскрывает основные элементы государственного контроля (надзора). Однако, такой, в целом, положительный опыт может быть использован законодателем при разработке отдельного федерального закона о финансовом контроле [24].

В российской финансово-правовой науке достаточно долгое (до 25.10.2018г.) время понятие «государственный финансовый контроль» определялось в соответствии с Указом Президента РФ от 25.07.1996 г., который закреплял, что государственный финансовый контроль включает в себя контроль за исполнением федерального бюджета и бюджетов федеральных внебюджетных фондов, организацией денежного обращения, использованием кредитных ресурсов, состоянием государственного внутреннего и внешнего долга, государственных резервов, предоставлением финансовых и налоговых льгот и преимуществ [22], который утратил силу 25.10.2018 г. Вместе с тем, законодатель не стал дальше поддерживать указанную позицию в определении государственного финансового контроля и сузил его до рамок финансово-бюджетной сферы [23].

При этом, по нашему мнению, в современных условиях с учетом Закона о поправке в Конституцию РФ 2020 и закреплении новой категории «публичная власть» [24], следует выделять новую финансово-правовую категорию «публичный

финансовый контроль», что подтверждается современными исследованиями в области финансового права [25].

Эта позиция подтверждается и Бюджетным кодексом РФ, чтой закрепляет категорию «государственный (муниципальный) финансовый контроль», под которым понимается финансовый контроль, осуществляемый в целях обеспечения соблюдения положений правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, правовых актов, обуславливающих публичные нормативные обязательства и обязательства по иным выплатам физическим лицам из бюджетов бюджетной системы РФ, а также соблюдения условий государственных (муниципальных) контрактов, договоров (соглашений) о предоставлении средств из бюджета [26].

Так, например, Рябова Е.В. выделяя категорию «публичный финансовый контроль» сводит данное понятие до финансово-бюджетного контроля, определяя его, как контроль, предметом которого выступает соблюдение участниками финансовых отношений нормативных требований к проведению процедур аккумулирования, распределения и использования фондов денежных средств, управления имуществом и иными финансовыми ресурсами. Предметом публичного финансового контроля выступает не только эффективность и целевой характер использования публичных денежных средств, но и имущества и иных финансовых ресурсов. Это обусловлено тем, что грань между отношениями по управлению денежными средствами и управлению имуществом очень тонка и не всегда представляется целесообразным ее проводить [25, с. 110], что, по нашему мнению, является не совсем точным и не учитывает все остальные виды финансового контроля.

Так, традиционно, финансовый контроль как более общее понятие включает в себя совокупность различных видов: бюджетный, налоговый, страховой, валютный, банковский и т.д. Пешкова Х.В. справедливо указывает, что бюджетный контроль – это государственный финансовый контроль; в таком значении он обеспечивает должное функционирование государственного бюджета. Контроль в таком случае выступает как разновидность государственной деятельности, подчиненной детальному нормативному правовому регулированию, учитывающему как особенности правового статуса уполномоченных субъектов, так и сферу проведения контрольных мероприятий – сферу отношений, реализуемых в связи с функционированием бюджетного устройства государства. Бюджетный контроль служит формой реализации контрольной функции финансов применительно к бюджетам бюджетной системы, выступающим базовым элементом бюджетного устройства. При этом, бюджетный контроль – совокупность информационных и организационных мероприятий, осуществляемых уполномоченными федеральными, региональными, местными органами с целью оценки законности и обоснованности действий субъектов бюджетных правоотношений по исполнению требований, предъявляемых к элементам бюджетного устройства, выступающих гарантией соответствия содержащейся в бюджете информации реальному состоянию бюджетных правоотношений, обеспечения финансовой дисциплины, экономической безопасности России [27].

Вместе с тем, можно утверждать, что налоговый контроль выступает специфической разновидностью государственного контроля в целом и финансового контроля – в частности, а именно, одним из важнейших направлений финансового контроля, которое имеет свою специфику и особенности и отличается от других видов финансового контроля по субъектному и объектному составу, а также содержанию, фор-

мам и методам, порядку их осуществления и подконтрольным субъектам с целью построения максимально эффективной, совершенной и качественной системы налогообложения в Российской Федерации.

Можно утверждать, что сегодня налоговый контроль представляет собой комплексный институт налогового права, который состоит из таких системообразующих элементов, как: контролирующие субъекты (налоговые органы, таможенные органы, органы государственных внебюджетных фондов, органы внутренних дел, Следственный комитет, Счетную палату, Минфин РФ); контролируемые субъекты (плательщики налогов и сборов (физические и юридические лица), налоговые агенты, иные обязанные лица); объекты налогового контроля (финансово-хозяйственная деятельность, результаты которой облагаются налогами и сборами); предметы налогового контроля (денежные документы, бухгалтерские книги, отчеты, планы, сметы, декларации и иная документация, подтверждающая осуществление финансовых операций и осуществление хозяйственной деятельности и т.д.); права и обязанности контролирующих и контролируемых субъектов в процессе осуществления налогового контроля; формы налогового контроля; методы налогового контроля; порядок осуществления налогового контроля; нормативно-правовая база налогового контроля; принципы осуществления налогового контроля, что позволяет говорить о постепенном выделении налогового права в самостоятельную отрасль российского права, состоящую из таких комплексных институтов, как налоговые правоотношения, налоговый контроль и т.д.

По нашему мнению, налоговый контроль как существенный элемент и обязательное условие эффективного функционирования всей финансовой системы государства можно определить, как вид управленческой деятельности уполномоченных государственных органов, имеющих полномочия по осуществлению налогового контроля, с целью обеспечения полного, всестороннего и своевременного исполнения своих налоговых и иных обязанностей, предусмотренных действующим налоговым законодательством, а также противодействия (предупреждения, выявления, пресечения, профилактики и минимизации) его нарушений плательщиками налогов и сборов, налоговыми агентами и иными обязанными лицами, который осуществляется в форме налоговых проверок, налогового мониторинга (в том числе, наблюдения за исполнением требований налогового законодательства, анализа и прогнозирования состояния исполнения требований налогового законодательства), а также в иных формах, предусмотренных действующим законодательством, на основе ряда общих налоговых принципов и путем применения методов налогового контроля, которая реализуется в рамках определенного порядка, предусмотренного действующим налоговым законодательством.

Система налогового контроля представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов таких, как контролирующие субъекты (налоговые органы, таможенные органы, органы государственных внебюджетных фондов, органы внутренних дел, Следственный комитет, Счетную палату, Минфин); контролируемые субъекты (плательщики налогов и сборов (физические и юридические лица), налоговые агенты, иные обязанные лица); объекты налогового контроля (финансово-хозяйственная деятельность, результаты которой облагаются налогами и сборами); предметы налогового контроля (денежные документы, бухгалтерские книги, отчеты, планы, сметы, декларации и иная документация, подтверждающая

осуществление финансовых операций и осуществление хозяйственной деятельности и т.д.); права и обязанности контролирующих и контролируемых субъектов в процессе осуществления налогового контроля; формы налогового контроля; методы налогового контроля; порядок осуществления налогового контроля; нормативно-правовая база и принципы осуществления налогового контроля [28].

В свою очередь, Цинделиани И.А., Гусева Т.А., Изотов А.В. справедливо отмечают, что анализ современного состояния налогового контроля показал, что совершенствование правоприменительной деятельности налоговых органов в рамках правоотношений, возникающих при осуществлении налогового контроля, связано, с одной стороны, с созданием и развитием эффективных внутриорганизационных контрольно-аналитических подходов, а с другой – с трансформацией и дифференциацией самих налоговых правоотношений. Так, налоговые правоотношения, вытекающие из налогового контроля, при совершенствовании внутриорганизационных аналитических подходов налоговых органов не претерпевают существенных изменений ввиду сохранения классических форм контроля. Цифровизация предполагает совершенствование налогового администрирования, а также повышение эффективности правоприменительной деятельности налоговых органов [29].

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что «публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации» представляет собой финансовый контроль, осуществляемый органами публичной власти (государственными органами, осуществляющими финансовый контроль федерального и регионального уровня, и муниципальными органами, осуществляющими муниципальный финансовый контроль) за соблюдением, применением, исполнением и использованием субъектами финансовых правоотношений требований действующего законодательства в сфере реализации процедур планирования, аккумулирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств, управления имуществом и иными финансовыми ресурсами для реализации публичных целей (реализации публичных интересов), а также целей противодействия (предупреждения, выявления, пресечения, профилактики и минимизации) нарушений требований действующего законодательства всеми субъектами финансовых правоотношений, который осуществляется в форме проверок, мониторинга (в том числе, наблюдения за исполнением требований действующего законодательства, анализа и прогнозирования состояния исполнения требований действующего законодательства), а также в иных формах, предусмотренных действующим законодательством, на основе ряда базовых общих принципов финансового контроля и путем применения методов финансового контроля, который реализуется в рамках определенного порядка, предусмотренного действующим законодательством, с помощью различных цифровых инструментов.

По нашему мнению, указанное понятие следует закрепить на законодательном уровне с целью точного уяснения понятия, сущности и особенностей «публичного финансового контроля в условиях цифровой трансформации» и обеспечения эффективности его реализации на практике.

Таким образом, принципиально важно на современном развитии публичного финансового контроля в условиях непрерывного развития цифровых технологий и всеобщей цифровизации ориентироваться на его усовершенствование с учетом теоретических наработок в данной области, представляющих собой некий теоретико-

методологический базис концепции развития публичного финансового контроля как единой системы (единого организма взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, функционирующих в единстве, с учетом особенностей, проблем и потребностей развития каждого элемента системы публичного финансового контроля).

Список литературы:

1. Евсикова Е.В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях: проблемы теории и практики // Legal Tech : научные решения для профессиональной юридической деятельности : Сборник докладов IX Московского юридического форума. В 4-х частях, Москва, 14-16 апреля 2022 года. Том Часть 2. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 50-52.
2. Евсикова Е.В. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях цифровизации: современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – С. 122–135.
3. Евсикова Е.В. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации / Е.В. Евсикова, А.В. Старицын // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 143-155.
4. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://base.garant.ru/74404210/>
5. Морозов А.Е. Изменение модели финансового контроля в условиях цифровой трансформации / А.Е. Морозов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. - № 7. – С. 22-26.
6. Ровинский Е.А. Основные вопросы теории советского финансового права : монография / Е.А. Ровинский. – 2-е изд., стер. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – с. 60; 155.
7. Финансовое право. Отв. ред. Химичева Н.И. / 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2004. — С. 123.
8. Григорьев А.В., Голод К.К. К вопросу о сущности финансового контроля / Григорьев А.В., Голод К.К. // Журнал прикладных исследований, - 2020. – С. 12-18.
9. Хребтова Т.П. Государственный финансовый контроль: сущность, содержание, виды / Хребтова Т.П. // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. Вып. 1 (838) / 2021. – С. 279-286.
10. Волков А.Ю., Волков М.А. Финансовый контроль как категория / Волков А.Ю., Волков М.А. // Статистика и экономика. – 2014. - № 6 (2). – С. 394-398.
11. Грачева Е.Ю. Государственный финансовый контроль как важнейший инструмент обеспечения публичных интересов в условиях рынка / Е.Ю. Грачева // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2014. - № 4. – С. 20-29.
12. Хайруллаева З.М. Формирование финансового контроля как правового института / З.М. Хайруллаева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - № 1 (90). -2013. – С. 158-163.
13. Ялбулганов А.А. Финансовый контроль как правовой институт: основные этапы развития / А.А. Ялбулганов // Известия вузов. Правоведение. - 2000. № 3. С. 84–91.
14. Губанова Е.В., Ложкова С.Г. Государственный финансовый контроль: историко-правовой и теоретический анализ / Губанова Е.В., Ложкова С.Г. // Экономическая безопасность и качество. - 2018. - № 3 (32). – С. 52-56.
15. Лукин А.Г. Основные характеристики сущности финансового контроля / А.Г. Лукин // Основы экономики, управления и права. – 2012. № 3 (3). – С. 43-46.
16. Чаусова Я.С. Совершенствование государственного финансового контроля в условиях развития цифровых технологий / Яна Сергеевна Чаусова // дисс. канд. экон. наук. 08.00.10. – Донецк, 2022.
17. Мигачев А.Ю. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации и Французской Республике(сравнительно-правовое исследование) /Антон Юрьевич Мигачев: автореф. дисс. канд. юрид. наук 12.00.04 / М., 2019. – С. 8.
18. Финансовое право : учебник для академического бакалавриата / под общ. ред. С. В. Запольского. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — С. 91-93.
19. Лимская декларация руководящих принципов контроля. (Лима, 17-26 октября 1977 г.). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://www.iaa-ru.ru/contact/Лимская%20декларация%20руководящих%20органов%20контроля%20ИИТОСАИ%20-%20копия.pdf>.
20. Модельный закон «О государственном финансовом контроле» Принят на двадцать четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 24-11 от 4 декабря 2004 года). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://docs.cntd.ru/document/901949401>.
21. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ (ред. от 01.04.2020) "О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/.

22. Указ Президента РФ от 25 июля 1996 г. N 1095 "О мерах по обеспечению государственного финансового контроля в Российской Федерации" (утратил силу 25.10.2018). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : <https://base.garant.ru/5138439/>
23. Указ Президента РФ от 02.02.2016 N 41 (ред. от 15.05.2018) "О некоторых вопросах государственного контроля и надзора в финансово-бюджетной сфере". [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193262/
24. Евсикова Е.В. Закон о поправке в Конституцию Российской Федерации 2020: некоторые аспекты теории и практики / Е.В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 4. – С. 58-71.
25. Рябова Е.В. Публичный финансовый контроль: выявление сущности явления / Е.В. Рябова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. - № 2. – С. 103-123.
26. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.05.2023). [Электронный ресурс] // [Режим доступа] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.
27. Пешкова Х.В. Бюджетный контроль в контексте бюджетного устройства государства // Финансовый контроль в сфере публичных и частных финансов: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 25.11.2016 / Под ред. И.А. Цинделиани. М.: РГУП, 2017. — С. 87-96.
28. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : В 12 томах / О.Н. Горбунов, Р.Л. Хачатуров, Х.В. Пешкова Белогорцева [и др.]. Том IV. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 584 с.
29. Цинделиани И.А. Совершенствование налогового контроля в условиях цифровизации / Цинделиани И.А., Гусева Т.А., Изотов А.В. // Правоприменение, - 2022. Т. 6, № 1. - С. 77-87.

Evsikova E.V. Public financial control in the context of digital transformation (theoretical and legal aspect) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 224–236.

The article attempts to reveal the concept and essence of financial control and state financial control and public financial control in the context of digital transformation. The author consistently reveals the existing developments of the modern doctrine of financial law and defines the categories of financial control and state financial control, analyzes the position of the legislator in the area under study. From the point of view of a systematic approach, the author notes the expediency and importance of a systematic approach in the study and study of the categories of "financial control" and "state financial control in the context of digital transformation", since the focus should be on a comprehensive study of the object, its features and problems, disclosure of internal and external links of its elements, goals, objectives of each of them are conditioned by a common purpose. In the course of studying the positions of various authors, the author studies and explores such types of financial control as budget control and tax control, notes the features and prospects of their development in the context of digital transformation. Based on the conducted research, the author deduces his own definition of the category "public financial control in the context of digital transformation", which is proposed to be fixed in the current legislation for a more accurate understanding of its essence, nature and features, as well as improving the effectiveness of law enforcement in practice. The definition of "public financial control in the context of digital transformation" developed by the author is proposed to be used in the development of the concept of public financial control in the context of digital transformation and in conducting further scientific research in this area.

Keywords: digitalization; digital transformation; financial control; state financial control; public financial control; budget control; tax control.

Spisok literaturi:

1. Evsikova E.V. Cifrovizaciya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: problemy teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Legal Tech : nauchnye resheniya dlya professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti : Sbornik dokladov IX Moskovskogo yuridicheskogo foruma. V 4-h chastyah, Moskva, 14-16 aprelya 2022 goda. Tom CHast' 2. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYUA), 2022. – S. 50-52.
2. Evsikova E.V. Proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v usloviyah cifrovizacii: sovremennye realii i perspektivy razvitiya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – S. 122–135.
3. Evsikova E.V. Nekotorye aspekty normativno-pravovogo regulirovaniya cifrovyyh finansovyh aktivov v Rossijskoj Federacii / E.V. Evsikova, A.V. Staricyn // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8, № 2. – S. 143-155.
4. Ukaz Prezidenta RF ot 21 iyulya 2020 g. N 474 "O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://base.garant.ru/74404210/>
5. Morozov A.E. Izmenenie modeli finansovogo kontrolya v usloviyah cifrovoj transformacii / A.E. Morozov // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2019. - № 7. – S. 22-26.

6. Rovinskij E.A. Osnovnye voprosy teorii sovetskogo finansovogo prava : monografiya / E.A. Rovinskij. – 2-e izd., ster. – M.: Norma: INFRA-M, 2018. – s. 60; 155.
7. Finansovoe pravo. Otv. red. Himicheva N.I. / 3-e izd., pererab. i dop. - M.: YUrist", 2004. — S. 123.
8. Grigor'ev A.V., Golod K.K. K voprosu o sushchnosti finansovogo kontrolya / Grigor'ev A.V., Golod K.K. // ZHurnal prikladnyh issledovanij, - 2020. – S. 12-18.
9. Hrebtova T.P. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol': sushchnost', sodержanie, vidy / Hrebtova T.P. // Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. Vyp. 1 (838) / 2021. – S. 279-286.
10. Volkov A.YU., Volkov M.A. Finansovyj kontrol' kak kategoriya / Volkov A.YU., Volkov M.A. // Statistika i ekonomika. – 2014. - № 6 (2). – S. 394-398.
11. Gracheva E.YU. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' kak vazhnejshij instrument obespecheniya publicnyh interesov v usloviyah rynka // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2014. - № 4. – S. 20-29.
12. Hajrullaeva Z.M. Formirovanie finansovogo kontrolya kak pravovogo instituta / Z.M. Hajrullaeva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. - № 1 (90). -2013. – S. 158-163.
13. YAlbulganov A.A. Finansovyj kontrol' kak pravovoj institut: osnovnye etapy razvitiya // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. - 2000. № 3. S. 84–91.
14. Gubanova E.V., Lozhkova S.G. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol': istoriko-pravovoj i teoreticheskij analiz // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. - 2018. - № 3 (32). – S. 52-56.
15. Lukin A.G. Osnovnye karakteristiki sushchnosti finansovogo kontrolya // Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava. – 2012. № 3 (3). – S. 43-46.
16. CHausova YA.S. Sovershenstvovanie gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v usloviyah razvitiya cifrovnyh tekhnologij / YAna Sergeevna CHausova // diss. kand. ekon. nauk. 08.00.10. – Doneck, 2022.
17. Migachev A.YU. Gosudarstvennyj finansovyj kontrol' v Rossijskoj Federacii i Francuzskoj Respublike (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) /Anton YUr'evich Migachev: avtoref. diss. kand. yurid. nauk 12.00.04 / M., - 2019. – S. 8.
18. Finansovoe pravo : uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata / pod obshch. red. S. V. Zapol'skogo. — 3-e izd., pererab. i dop. — M. : Izdatel'stvo YUrajt, 2015. — S. 91-93.
19. Linskaya deklaraciya rukovodyashchih principov kontrolya. (Lima, 17-26 oktyabrya 1977 g). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://www.iaa-ru.ru/contact/Linskaya%20deklaraciya%20rukovodyashchih%20organov%20kontrolya%20INTOSAI%20-%20kopiya.pdf>.
20. Model'nyj zakon «O gosudarstvennom finansovom kontrole» Prinyatna dvadcat' chetvertom plenarnom zasedanii Mezhpapamentskoj Assamblei gosudarstv - uchastnikov SNG (postanovlenie № 24-11 ot 4 dekabrya 2004 goda). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://docs.cntd.ru/document/901949401>.
21. Federal'nyj zakon ot 26.12.2008 N 294-FZ (red. ot 01.04.2020) "O zashchite prav yuridicheskich lic i individualnyh predprinimatelej pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_83079/.
22. Ukaz Prezidenta RF ot 25 iyulya 1996 g. N 1095 "O merah po obespecheniyu gosudarstvennogo finansovogo kontrolya v Rossijskoj Federacii" (utratal silu 25.10.2018). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : <https://base.garant.ru/5138439/>
23. Ukaz Prezidenta RF ot 02.02.2016 N 41 (red. ot 15.05.2018) "O nekotoryh voprosah gosudarstvennogo kontrolya i nadzora v finansovo-byudzhetnoj sfere". [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193262/
24. Evsikova E.V. Zakon o popravke v Konstituciyu Rossijskoj Federacii 2020: nekotorye aspekty teorii i praktiki / E.V. Evsikova // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 4. – S. 58-71.
25. Ryabova E.V. Publichnyj finansovyj kontrol': vyyavlenie sushchnosti yavleniya / E.V. Ryabova // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2019. - № 2. – S. 103-123.
26. Byudzhetnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 N 145-FZ (red. ot 14.04.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 21.05.2023). [Elektronnyj resurs] // [Rezhim dostupa] : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/.
27. Peshkova H.V. Byudzhetnyj kontrol' v kontekste byudzhetnogo ustrojstva gosudarstva / H.V. Peshkova // Finansovyj kontrol' v sfere publicnyh i chastnyh finansov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 25 noyabrya 2016 g. / Pod red. I.A. Cindeliani. M.: RGUP, 2017. — S. 87-96.
28. Formirovanie i razvitie otraslej prava v istoricheskoy i sovremennoj pravovoj real'nosti Rossii : V 12 tomah / O.N. Gorbunov, R.L. Hachaturov, H.V. Peshkova Belogorceva [i dr.]. Tom IV. – Moskva : Izdatel'stvo «YUrlitinform», 2021. – 584 s.
29. Cindeliani I.A., Guseva T.A., Izotov A.V. Sovershenstvovanie nalogovogo kontrolya v usloviyah cifrovizacii / Cindeliani I.A., Guseva T.A., Izotov A.V. // Pravoprimerenie, – 2022. T. 6, № 1. – S. 77–87.

УДК 342.9

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется вопрос о целесообразности уточнения понятия «административная деятельность участкового уполномоченного полиции», а также осуществления классификации её разновидностей. Изучение научных публикаций, касающихся проблематики функционирования службы участковых уполномоченных полиции (далее – УУП), позволило: выявить основные подходы к пониманию термина «административная деятельность полиции»; выделить критерии классификации видов административной деятельности полиции, раскрыть общие и специальные черты административной деятельности УУП, охарактеризовать виды административной деятельности УУП с учетом отечественного и зарубежного опыта. С учетом изложенного, «административная деятельность УУП» рассмотрена как «...урегулированная нормами административного права, подзаконная, государственно-властная, исполнительно-распорядительная деятельность уполномоченного должностного лица полиции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, безопасности дорожного движения и профилактике правонарушений на административном участке, осуществляемую с использованием административно-правовых форм и административно-правовых методов». Предложено к критериям классификации видов административной деятельности УУП относить: сферы её осуществления; цели её осуществления; наличие документального сопровождения; юридических свойств специальных (основных) направлений административной деятельности.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, административная деятельность, виды административной деятельности полиции, полномочия участкового уполномоченного полиции.

Среди функций, реализуемых службой участковых уполномоченных полиции, важнейшей является административно-правовая, осуществляемая в процессе административной деятельности.

Изучение вопросов терминологии административной деятельности полиции в целом и её структурных подразделений являются одним из направлений исследований правоохранительной деятельности полиции. Базовые положения теории административной деятельности ОВД (полиции) сформулированы такими советскими, российскими и зарубежными административистами, как А.П. Алёхин, А.М. Бандурка, А.И. Бекетов, К.С. Бельский, И.П. Голосниченко, А.И. Евтихеев, М.И. Еропкин, А.В. Зубач, А.И. Каплунов, Ю.М. Козлов, Ф.Е. Колонтаевский, А.Т. Комзюк, В.В. Коноплёв, А.П. Коренев, С.С. Кипреев, В.М. Манохин, Л.Л. Попов, Ю.П. Соловей, В.Д. Сорокин, М.Е. Труфанов и др.

В основу современной концепция административной деятельности полиции положено её понимание как:

1) разновидности властных отношения между любым органом (подразделением, службой, отдельным работником) и физическим (юридическим) лицом независимо от органа, подразделения или службы ОВД и регулируемых определенной группой правовых норм в зависимости от вида конкретных правоотношений (уголовные, гражданские, финансовые и др.) (в широком смысле);

2) группы исполнительно-распорядительные отношения, одной из сторон которых является орган (подразделение, служба) или отдельный работник системы ОВД,

и которые урегулированы только административно-правовыми нормами (в узком понимании) [1-3];

4) самостоятельный вид деятельности ОВД, носящий властный исполнительно-распорядительный характер и заключающийся в реализации ими в пределах своей компетенции внешних административно-процедурных и административно-юрисдикционных полномочий, а также в осуществлении внутриорганизационной деятельности для обеспечения четкого функционирования подразделений органов внутренних дел (процессуальный (процедурный аспект) (Ю.Н. Демидов, М.В. Костенников, Куракин А.В.) [4, с. 16].

5) исполнительно-распорядительную деятельность, состоящую из организации и практического осуществления аппаратами, службами и работниками полиции (милиции) функций по охране общественного порядка, общественной безопасности и борьбе с преступностью административно-правовыми средствами (прикладной аспект (И.П. Голосниченко, К.С. Бельский, А.В. Зубач, А.Т. Комзюк, А.Т. Коноплев, А.П. Корнев, М.В. Корниенко, Л.Л. Попов и др.).

6) комплекс властных действий и решений соответствующих должностных лиц, основанный преимущественно на нормах административного права и направленный на достижение как регулятивных, так и правоохранительных целей (функциональный аспект М.Е. Труфанов) [5].

По нашему мнению, от традиционных понятий отличаются определения административной деятельности полиции, рассматривающие её как разновидность правоприменительной деятельности, форму реализации административно-процедурных и административно-юрисдикционных полномочий, а также применения специфических мер административного воздействия, разновидность взаимодействия ОВД с иными участниками общественных отношений и др. [6]

Среди современных интерпретаций этой категории (с позиций гуманистической концепции полиции) следует отметить и понятие АДП, предложенное И.А. Адмираловой, в соответствии с которым – это «...исполнительно-распорядительная, подзаконная деятельность, которая направлена на организацию полицейской работы, как во внутренней, так и во внешней сферах функционирования полиции, направленную на обеспечение правопорядка и защиту прав и свобод граждан посредством материально-технических и организационных мероприятий с помощью контрольно-надзорной, разрешительной и юрисдикционной деятельности» [7, с. 8-9].

Мы поддерживаем позицию А. В. Зубача, А. Н. Кокорева, которые определяют рассматриваемую нами категорию, как «...подзаконную, государственно-властную, исполнительно-распорядительную деятельность, направленную на организацию и практическое решение задач и выполнение функций ОВД по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности и осуществляемую в административно-правовых формах с использованием административно-правовых методов» [8].

В тоже время, нами предлагается использовать прикладной (практический) подход как доминирующий при интерпретации понятия административная деятельность полиции. Этот подход наиболее полно отражает содержание основного направления деятельности УУП.

Думается, что «...административная деятельность полиции – это урегулированная административно-правовыми нормами правоохранительная, правозащитная, правоприменительная» [9].

менительная и правотворческая деятельность полиции, направленная на реализацию её социального предназначения, задач и функций» [6].

Для разграничения видов административной деятельности полиции нами предлагается также использовать и её характеристику как разновидности двух групп правоотношений: единых по объекту (правомерное или противоправное поведение (деятельность) физических, юридических лиц, органов публичной власти или организаций), но различных по субъекту (орган внутренних дел, должностное лицо полиции) и содержанию (объему субъективных прав и юридических обязанностей).

Считаем, что термин «административная деятельность» не приобрёл широкого распространения в современной административно-правовой науке в связи с использованием при описании деятельности органов публичной власти таких устоявшихся понятий, как «государственное управление», «исполнительно-распорядительная деятельность», «административно-правовое воздействие»; доминированием традиционных представлений об административной деятельности, сформировавшихся в конце XX в., которые не учитывают коренные изменения в сущности правоохранительной деятельности в целом и полиции в частности; отсутствии единых подходов к содержанию категорий «функция органа государственной власти», «направление деятельности органа государственной власти», «задачи органа государственной власти», «общественный порядок», «общественная безопасность», являющимися составляющими дефиниции «административная деятельность полиции» [9].

Результат анализа научной и учебной литературы, показывает, что специалистами к общим чертам административной деятельности полиции относятся: подчиненность и подконтрольность органам исполнительной власти соответствующего уровня; государственно-властный характер; подзаконность; широкий объем дискреционных полномочий; организующий характер; профилактическая направленность (А.И. Бекетов, С.Н. Бочаров, А.И. Каплунов) [10]; самостоятельность от других видов деятельности; универсальный характер; подзаконный характер; предметный характер; структурированность; организующий характер; возможность использования для решения стоящих перед полицией задач средства принуждения [11-12]; подзаконный характер; урегулированность нормами административного права; целенаправленность; систематичность; учет социальной миссии полиции; изложение конкретных задач, средств и сферы её реализации; выделение её внешней и внутрисистемной разновидностей, других подвидов (наблюдательной, распорядительной, контрольно-надзорной, процедурной, юрисдикционной, публично-сервисной, правоустановительной, правоприменительной, регулятивной и правоохранительной) [12-15]; исполнительно-распорядительный характер; властность; регулирование нормами административного права; полифункциональность и т.п. [5].

Охарактеризуем основные из приведенных выше черт применительно к деятельности УУП:

1. Подзаконность АД УУП означает, что: его действия должны основываться на Конституции России, законах РФ и подзаконных нормативных актах, осуществляется в пределах и порядке, предусмотренном законодательством; принятые им в пределах предоставленных полномочий решения должны основываться на нормах права и облекаться в закрепленную в законодательстве форму; применение им мер государственного принуждения для выполнения обязанностей и реализации прав допустимо только в случаях, предусмотренных федеральным законом (законами).

2) Урегулированность нормами административного права, проявляется в том, что её нормы: упорядочивают деятельность полиции – структурного элемента ОВД, входящего в систему органов исполнительного власти; устанавливают пределы реализации прав и обязанностей УУП по применению мер административного принуждения; регулируют порядок рассмотрения административных дел, в том числе и дел об административных правонарушениях; регламентируют взаимодействие УУП с другими субъектами правоохранительной деятельности; определяют порядок административной ответственности УУП.

3) Широкий объем дискреционных полномочий проявляется в том, что УУП, имеет право: оценивать ситуацию и принимать решения, основываясь на внутреннем убеждении, сформированном правосознанием, профессиональном опыте, с учетом имеющихся средств; действовать по своему усмотрению в границах дозволенного законодательства с целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, противодействие преступности, охраны правопорядка, обеспечение общественной безопасности; при возникновении спорной ситуации УУП должен исходить из предназначения и принципов деятельности полиции, обстоятельств конкретной ситуации, а также правовых принципов разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [16].

Широта таких полномочий связана с динамизмом внешней среды (оперативной обстановки), в которой разворачивается повседневная деятельность полиции, необходимостью реализации полномочий, закрепленных в различных нормативных правовых актах, содержащих предписания общего характера, и направленных на решение УУП правоохранительных, исполнительно-распорядительных, внутриорганизационных и обеспечительных задач [17; 18].

4) Профилактическая направленность деятельности УУП проявляется в том, что УУП: выступает субъектом общей профилактики, осуществляя ежедневный профилактический обход, правовое информирование, общий административный надзор, профилактику нарушений правил дорожного движения; проводит индивидуальную профилактическую работу лицами, состоящими на учетах в ОВД, осуществляет (совместно с другими подразделениями полиции), профилактические мероприятия в рамках законодательства об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы; принимает участие в осуществлении контроля за осужденными за совершение преступления, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, или наказание в виде лишения свободы условно и др.

5) Универсальный характер проявляется в осуществлении УУП деятельности, регулируемой различными отраслями права (в первую очередь, административного, уголовно-процессуального, уголовного), осуществляемой как непосредственно (например, проводит индивидуальную профилактическую работу (раздел 5 Инструкции (Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»)), назначает административные наказания (п. 9 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ), так и во взаимодействии с другими должностными лицами полиции и представителями иных органов публичной власти.

6) Государственно-властный характер опосредован тем, что УУП является представителем власти, наделенным в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зави-

симости (например, пункты 1-9, 11-17, 20-22, 33, 36 и др.; ч. 4, 5, ст. 14,15, 18-24 Федерального Закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»).

Специальные черты административной деятельности УУП, обуславливаются особенностями его правового статуса и организации его работы. Анализ нормативных правовых актов и практики работы УУП позволяет к ним отнести:

1. Территориальный характер организации АД УУП, ограниченный административным участком, размеры и границы которого определяются: в городах – исходя из численности проживающего населения и граждан, состоящих на профилактическом учете, состояния оперативной обстановки, особенностей административно-территориального деления муниципальных образований, в сельской местности – в границах одного или нескольких объединенных общей территорией сельских населенных пунктов, на территории закрытого административно-территориального образования – в границах контролируемой зоны, в соответствии с установленными нормативами их штатной численности (п. 3 Инструкции (приказ МВД России от 06.10.2014 № 859 «Об утверждении примерных нормативов численности подразделений органов внутренних дел Российской Федерации»).

Проведенный нами опрос УУП свидетельствует о том, что в Республике Крым зачастую ими обслуживается большее число населения, чем это предусмотрено нормативами (от 4 до 6 тыс. человек), что, по мнению более 78 % негативно сказывается на эффективности выполнения возложенных на них обязанностей [19].

В тоже время, зарубежное законодательство содержит и другие нормативы. Например, за участковым офицером полиции (Украина) закрепляется полицейский участок с численностью населения, которое не превышает 6 тыс. лиц в сельской местности и 7 тыс. лиц – в городах [20]. В Республике Беларусь приказом начальника ОВД за каждым участковым инспектором закрепляется часть территории, обслуживаемой ОВД (далее – административный участок), с населением в городах не свыше 3 тыс. чел., а в сельской местности – не более 1,5 тыс. человек [21].

Зачастую численность населения не является основным нормативом, определяющим нагрузку и штатную численность УУП. На неё влияют также и оперативная обстановка, административно-территориальное деление, объем профилактической работы конкретного административного участка. Для оптимизации процессов определения нагрузки на УУП предлагается детализировать соответствующие критерии, учитывающие различные факторы.

2. Определение индивидуальной профилактики основной формой деятельности УУП, в ходе которой он: обосновывает необходимость проведения, продления сроков и прекращения такой работы в отношении конкретных лиц, посещает лиц, указанных в п. 33 Инструкции, по месту жительства или пребывания, использует различные формы индивидуального профилактического воздействия (п.п. 35.2-32.5 Инструкции).

3. Наличие организационных и контрольных полномочий у старшего УУП по: организации деятельности закрепленных за ним УУП, их взаимодействия с сотрудниками других подразделений полиции; контролю времени и порядка ведения приема граждан в участковом пункте полиции (комнате приема населения) УУП (п. 10 Наставления).

4. Отнесение УУП к субъектам контрольно-надзорной деятельности, исполняющим государственную функцию по осуществлению федерального государственного надзора в области безопасности дорожного движения (п. 10.5 Инструкции).

С учетом изложенного предлагается «административную деятельность УУП» рассматривать как «...урегулированную нормами административного права, подзаконную, государственно-властную, исполнительно-распорядительную деятельность уполномоченного должностного лица полиции по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, безопасности дорожного движения и профилактике правонарушений на административном участке, осуществляемую с использованием административно-правовых форм и административно-правовых методов».

Административная деятельность УУП многообразна по своему содержанию, видам, формам и методам ее осуществления [22]. Рассмотрение вопроса о видах административной деятельности УУП связано с определением основных критериев классификации тех или иных групп действий, отражающих сущность функционирования этого подразделения полиции и его представителей.

Изучение научной и учебной литературы позволяет сделать вывод о том, что формирование таких критериев, а также характеристика соответствующих подвидов, выступает частью научных изысканий специалистов, в работах которых исследуются общие и специальные аспекты административной деятельности полиции [23, с. 50-51]. Наиболее полно виды административной деятельности УУП рассматривается в исследовании, подготовленных в образовательных организациях системы МВД России. Это учебные и научные публикации С.Ю. Анохиной, А.Г. Гришакова, В.А. Джемелинского, А.В. Карагодина, С.С. Кипреева, В.В. Коноплева, Н.С. Куликовой, Р.Н. Кучмезова, С.С. Лампадовой, С.А. Майорова, Н.С. Ракши, А.Г. Репьева, Ю.П. Соловья, Н.А. Тучака, М.Е. Труфанова и др. Однако, единого подхода к классификации видов АД УУП в современной юриспруденции нет. Обобщая изложенные подходы, нами предлагается выделять такие виды АД УУП: по сферам осуществления; по целям осуществления; по наличию документального сопровождения; в зависимости от юридических свойств специальных (основных) направлений административной деятельности. Предлагается более детальная характеристика видов АД УУП (с учетом предложенных критериев).

1) По сферам осуществления: внутренняя (внутриорганизационная) – осуществляется внутри подразделения УУП (рациональная расстановка УУП, организация несения службы, контроль, анализ и учет деятельности УУП, оценка эффективности функционирования подразделения и отдельных УУП, организация взаимодействия внутри подразделения и др.); внешняя – проявляется в совершении УУП в инициативном или другом порядке действий в отношении сторонних органов и организаций, физических и юридических лиц, а также взаимодействию с другими правоохранительными органами и общественностью в процессе выполнения возложенных на него задач (привлечение граждан к административной ответственности, рассмотрение обращений граждан, применение силы в порядке, предусмотренном Федеральном законе «О полиции»).

2) По целям осуществления: административно-обеспечительная – связана с созданием условий для реализации УУП своих прав и обязанностей (предъявление требований о прекращении противоправных действий к лицу, нарушающему

общественный порядок; внесение представлений должностному лицу об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения; регистрация обращения гражданина, полученного УУП во время приёма; координация старшим УУП действий УУП и др.); административно-охранительная – нацелена на предупреждение, выявление и пресечение правонарушений, обеспечение общественной безопасности, безопасности государства и общества, физических лиц (проверка УУП соблюдения лицами, находящимися под административным надзором, установленных им судом ограничений; поиск УУП доказательств административного правонарушения, участие в поиске (розыске) лиц, уклоняющихся от органов дознания, следствия или суда; подготовка материалов для проведения в отношении отдельных граждан индивидуальной профилактической работы; изъятие, в установленном порядке оружия, находящихся в незаконном пользовании граждан; осуществление контроля за соблюдением иностранными гражданами, проживающими на административном участке, сроков пребывания в России; осуществление производства по делам об административных правонарушениях, подведомственных УУП; оказание помощи лицам, пострадавшим от административных правонарушений, преступлений, чрезвычайных ситуаций; исполнение решения должностных лиц, суда, органов следствия, прокуратуры и др., принятых в рамках их полномочий [15; 24].

3) По наличию документарного сопровождения: предусматривающие документарное оформление (составление протоколов о применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, письменного ответа на обращение гражданина); не предусматривающие документарного оформления (словесное предупреждение о намерении применить специальное средство для пресечения противодействия УУП; использование жеста руки (жезла) для остановки транспортного средства, в ситуациях, предусмотренных законодательством).

4) По основным направлениям (функциям) административной деятельности: учетно-регистрационная (регистрация УУП обращений граждан, внесение данных о результате профилактического обхода в Сервисе); административно-юрисдикционная (осуществление УУП производства по делам об административных правонарушениях, назначение им административных наказаний); контрольно-надзорная (осуществление УУП административного надзора за соблюдением установленных правил в сфере общественного порядка, безопасности дорожного движения, соблюдения гражданами и должностными лицами паспортных правил и правил регистрационного учета и др.) [14, с. 17].

Таким образом, под видами административной деятельности УУП понимаются её составные части, различающиеся между собой по конкретным задачам, выполняемым этим должностным лицом и характеру регулируемых общественных отношений, участниками которых выступают УУП и руководители территориальных органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Коноплёв В.В. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2015. – Т. 1 (67). № 4. – С. 164–171.
2. Капустина Е. Г. Административная деятельность полиции: учебное пособие. Часть 1 / Е. Г. Капустина, Ю. Н. Калюжный, Е. Ю. Кузминова. – Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2014. – 84 с.

3. Кирюхин В.В. Административная деятельность полиции в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних: понятие и основные характеристики // Общество: политика, экономика, право. (2016, № 4). - С.102-104; Купреев С.С. Генезис понятия «административная деятельность» в юридической науке // Полицейская деятельность. – 2017. – № 5. – С. 16 – 29. DOI: 10.47256/2454-0692.2017.5.24416 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24416 (дата обращения: 09.03.2023).
4. Демидов Ю.Н., Костенников М.В., Куракин А.В. Административная деятельность органов внутренних дел [Текст]: учебник: в 2 ч. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. Ч. 1: Общая часть.–285 с.
5. Труфанов М.Е. Проблемы обобщения понятийного ресурса в определении административной деятельности полиции / М.Е. Труфанов // Общество и право. – 2022. – № 1(79). – С. 80-84.
6. Заброда Д.Г. К определению понятия «административно-правовая деятельность полиции» / Д.Г. Заброда // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. – 2019. – № 1(3). – С. 86-91.
7. Адмиралова И.А. Административно-правовое обеспечение деятельности полиции по защите и охране прав и свобод граждан : автореф. дисс... д.-ра юрид. наук. ВИПК МВД России.-М., 2018. - 64 с.
8. Зубач А. В., Кокорев А. Н. Административная деятельность органов внутренних дел в вопросах и ответах: Учебное пособие. Издание второе, исправленное и дополненное. – М.: МосУ МВД России. Изд-во «Щит-М», 2007. – 352 с.
9. Березницкий, А. В. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции [Электронный ресурс] / А. В. Березницкий; науч. рук. Д. Г. Заброда. – Симферополь: [б. и.], 2020. – С.13-14.
10. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая: учебник / О. И. Бекетов, С. Н. Бочаров, А. И. Каплунов и др. – М.: ЦОКР МВД России, 2009. – 264 с.
11. Административная деятельность полиции: учебное пособие. – М.: ДГСК МВД России, 2018.–680 с.
12. Административная деятельность полиции: тексты лекций для заочного обучения. – Краснодар, КрУ МВД России, 2016. – 512 с.
13. Административная деятельность полиции. Части общая и особенная: учебное пособие / под ред. А.К. Дубровина. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ «МВД России», 2013. – 304 с.
14. Границкий Р.Б. Административная деятельность полиции: учебное пособие / Р.Б. Границкий, Е.Н. Лихолет; Дальневосточный юрид. ин-т МВД России.-Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2016.
15. Майорова С.А. Административная деятельность полиции в схемах и определениях: учебное пособие. – Нижний Новгород, 2017. – 56 с.
16. Гирвиц А.В. Полицейское усмотрение в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дисс... канд. юрид. наук. ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, 2017. – 30 с.
17. Соловей Ю.П. Полицейское право и его место в системе современного административного права // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 9.
18. Поляков И.И. Усмотрение в праве: понятие, признаки и виды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.info-library.com.ua/libs/statyia/5304-rozsud-u-pravi-ponjattja-oznaki-i-vidi.html> (дата обращения: 09.03.2023).
19. Заброда Д.Г. Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции (по материалам анкетирования) / Д. Г. Заброда // Теория и практика административного права и процесса: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.Д. Сорокина, Краснодар, 03–04 октября 2019 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. – С. 78-82.
20. Об утверждении Инструкции по организации деятельности участковых офицеров полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД Украины от 28.07.2017 № 650. – Режим доступа: [//search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30909.html](http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30909.html) (дата обращения: 09.03.2023).
21. Об утверждении Инструкции по организации деятельности участкового инспектора милиции [Электронный ресурс]: приказ МВД Республики Беларусь от 24.01.2012 № 20– Режим доступа: <https://normativka.by/lib/document/59055> (дата обращения: 09.03.2023).
22. Попова Н.Ф. К вопросу о видах и функциях административной деятельности федеральных органов исполнительной власти / Н.Ф. Попова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_journal/_3\(47\)-_2018.pdf](https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_journal/_3(47)-_2018.pdf) (дата обращения: 09.03.2023).
23. Административная деятельность полиции. Части общая и особенная: учебное пособие / под ред. А.К. Дубровина. – Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ «МВД России», 2013. – 304 с.
24. Гришаков, А.Г. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции на территории обслуживаемого участка: учебное пособие / А.Г. Гришаков. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2020. – 59 с.

Zabroda D.G. The concept and types of administrative activities of district police officers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P.237-246.

The article updates the question of the advisability of clarifying the concept of "administrative activity of the district police officer", as well as the classification of its varieties. The study of scientific publications

concerning the problems of the functioning of the service of district police officers (hereinafter referred to as the PPO) made it possible to: identify the main approaches to understanding the term "administrative police activity"; highlight the criteria for classifying the types of administrative activities of the police, reveal the general and special features of the administrative activities of the police department, characterize the types of administrative activities of the police department, taking into account domestic and foreign experience. In view of the foregoing, the "administrative activity of the PMO" is considered as "... regulated by the norms of administrative law, by-law, state-powerful, executive and administrative activities of an authorized police official to protect public order, ensure public safety, traffic safety and prevent offenses in the administrative area carried out using administrative-legal forms and administrative-legal methods". It is proposed to classify the types of administrative activities of the PMO as the following: the scope of its implementation; the purpose of its implementation; availability of documentary support; legal properties of special (main) areas of administrative activity.

Key words: district police officer, administrative activities, types of administrative activities of the police, powers of the district police officer.

Spisok literatury:

1. Konoplyov V.V. Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2015. – T. 1 (67). № 4. – S. 164–171.
2. Kapustina E. G. Administrativnaya deyatel`nost` policii: uchebnoe posobie. Chast` 1 / E. G. Kapustina, Yu. N. Kalyuzhny`j, E. Yu. Kuzminova. – Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova, 2014. – 84 s.
3. Kiryuxin V.V. Administrativnaya deyatel`nost` policii v sfere profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnix: ponyatie i osnovny`e xarakteristiki // Obshestvo: politika, e`konomika, pravo. (2016, № 4). - S.102-104; Kupreev S.S. Genezis ponyatiya «administrativnaya deyatel`nost`» v yuridicheskoy nauke // Policejskaya deyatel`nost`. – 2017. – № 5. – S. 16 – 29. DOI: 10.47256/2454-0692.2017.5.24416 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24416 (data obrashheniya: 09.03.2023).
4. Demidov Yu.N., Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Administrativnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del [Tekst]: uchebnik: v 2 ch. – Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2016. Ch. 1: Obshhaya chast`. – 285 s.
5. Trufanov M.E. Problemy` obobshheniya ponyatiynogo resursa v opredelenii administrativnoj deyatel`nosti policii / M.E. Trufanov // Obshestvo i pravo. – 2022. – № 1(79). – S. 80-84.
6. Zabroda D.G. K opredeleniyu ponyatiya «administrativno-pravovaya deyatel`nost` policii» / D.G. Zabroda // Policiya i obshestvo: problemy` i perspektivy` vzaimodejstviya. – 2019. – № 1(3). – S. 86-91.
7. Admiralova I.A. Administrativno-pravovoe obespechenie deyatel`nosti policii po zashhite i ohrane prav i svobod grazhdan : avtoref. diss... d.-ra yurid. nauk. VIPK MVD Rossii. – Moskva, 2018. – 64 s.
8. Zubach A. V., Kokorev A. N. Administrativnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del v voprosax i otvetax: Uchebnoe posobie. Izdanie vtoroe, ispravlennoe i dopolnennoe. – M.: MosU MVD Rossii. Izd-vo «Shhit-M», 2007. – 352 s.
9. Berezniczkij, A. V. Administrativnaya deyatel`nost` uchastkovogo upolnomochennogo policii [E`lektronny`j resurs] / A. V. Berezniczkij; nauch. ruk. D. G. Zabroda. – Simferopol` : [b. i.], 2020. – S.13-14.
10. Administrativnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del. Chast` Obshhaya: uchebnik / O. I. Beketov, S. N. Bocharov, A. I. Kaplunov i dr. – M.: CzOKR MVD Rossii, 2009. – 264 s.
11. Administrativnaya deyatel`nost` policii: uchebnoe posobie. – M. : DGSK MVD Rossii, 2018. – 680 s.
12. Administrativnaya deyatel`nost` policii: teksty` lekciy dlya zaochnogo obucheniya. – Krasnodar, KrU MVD Rossii, 2016. – 512 s.
13. Administrativnaya deyatel`nost` policii. Chasti obshhaya i osobennaya: uchebnoe posobie / pod red. A.K. Dubrovina. – Irkutsk: FGKOU VPO VSI «MVD Rossii», 2013. – 304 s.
14. Graniczkiy, R.B. Administrativnaya deyatel`nost` policii: uchebnoe posobie / R.B. Graniczkiy, E.N. Lixolet ; Dal`nevostochny`j yurid. in-t MVD Rossii. – Xabarovsk : RIO DVYuI MVD Rossii, 2016. – 244 s.
15. Majorova S.A. Administrativnaya deyatel`nost` policii v sxemax i opredeleniyax: uchebnoe posobie. – Nizhnij Novgorod, 2017. – 56 s.
16. Girvicz A.V. Policejskoe usmotrenie v deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii: avtoref. diss... kand. yurid. nauk. FGAOUVO «Nacional`ny`j issledovatel`skij Nizhegorodskij gosudarstvenny`j universitet im. N.I. Lobachevskogo», Nizhnij Novgorod, 2017. – 30 s.
17. Solovej Yu.P. Policejskoe pravo i ego mesto v sisteme sovremennogo administrativnogo prava // Policejskoe pravo. – 2005. – № 1. – S. 9.
18. Polyakov I.I. Usmotrenie v prave: ponyatie, priznaki i vidy` [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: <https://www.info-library.com.ua/libs/stattya/5304-rozsud-u-pravi-ponjattja-oznaki-i-vidi.html>.
19. Zabroda D.G. Aktual`ny`e problemy` deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii (po materialam anketirovaniya) / D. G. Zabroda // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj pamyati professora V.D. Sorokina, Krasnodar, 03–04 oktyabrya 2019 goda. – Krasnodar: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe

- uchrezhdenie vy'sshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii», 2019. – S. 78-82.
20. Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii deyatel'nosti uchastkovy`x oficerov policii [E`lektronny`j resurs]: prikaz MVD Ukrainy` ot 28.07.2017 № 650. – Rezhim dostupa: [//search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30909.html](https://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE30909.html) (data obrashheniya: 09.03.2023).
21. Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii deyatel'nosti uchastkovogo inspektora milicii [E`lektronny`j resurs]: prikaz MVD Respubliki Belarus` ot 24.01.2012 № 20– Rezhim dostupa: <https://normativka.by/lib/document/59055> (data obrashheniya: 09.03.2023).
22. Popova N.F. K voprosu o vidax i funkciyax administrativnoj deyatel'nosti federal'ny`x organov ispolnite`noj vlasti / N.F. Popova [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: [https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_journal/_3\(47\)-_2018.pdf](https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_journal/_3(47)-_2018.pdf) (data obrashheniya: 09.03.2023).
23. Administrativnaya deyatel'nost` policii. Chasti obshhaya i osobennaya: uchebnoe posobie / pod red. A.K. Dubrovina. – Irkutsk: FGKOU VPO VSI «MVD Rossii», 2013. – 304 s.
24. Grishakov, A.G. Administrativnaya deyatel'nost` uchastkovogo upolnomochennogo policii na territorii obsluzhivaemogo uchastka: uchebnoe posobie / A.G. Grishakov. – Barnaul : Barnaul`skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2020. – 59 s.

УДК: 342

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Лихачёв С. В., Ракша Н. С.

В статье рассматриваются основные теоретико-правовые положения региональной экологической политики Республики Крым. Представлен анализ и характеристика основных ее составляющих. Установлено, что региональная экологическая политика Республики Крым является неотъемлемой составляющей федеральной экологической политики и эффективным средством преодоления экологического кризиса в отдельном регионе и государстве в целом. Юридическая природа региональной экологической политики реализуется благодаря экологическому и действующему законодательству Российской Федерации и особенно региональному нормативно-правовому регулированию.

Акцентировано внимание также на экологическом контроле, который представлен как неотъемлемый элемент управления в области природопользования и охраны окружающей среды, одна из его важнейших функций. Выделены основные направления экологического контроля на территории Республики Крым: экологический контроль охраны окружающей среды в сельскохозяйственном производстве; экологический контроль охраны окружающей среды предприятиями транспортной сферы; экологический контроль охраны окружающей среды предприятиями строительной сферы.

Ключевые слова: регион, экологическая политика, экологический контроль, экологическая безопасность, усовершенствование.

В современных условиях развития государства и права РФ, необходимо обеспечить новый научный подход к совершенствованию экологического законодательства, регулирующего охрану важнейшего базиса жизни и деятельности человека – окружающей природной среды. Важнейшим условием обеспечения экологической безопасности является эффективно проводимая как федеральная, так и региональная экологическая политика, где особое место занимает экологическая политика Республики Крым, как региона РФ с уникальными природными ресурсами, имеющими не только рекреационное значение, но и значение для развития сельского хозяйства и иных направлений деятельности человека [1-4].

В результате сохраняющихся недоработок нормативно-правовой базы продолжается нарушение исторических природных ландшафтов новым многоэтажным строительством, сохраняются риски сокращения площади зеленых насаждений, окончательно не решена проблема незаконного строительства и доступа к береговой линии, не восстановлены утраченные парки и ландшафты. На сегодняшний день полномочий и ресурсов муниципальных и региональных властей не всегда достаточно для решения накопленных проблем Южного берега Крыма. Необходим комплексный подход на федеральном (субъектном уровне), предусматривающий оперативное совершенствование законодательства.

Исследуя региональную экологическую политику как объект правового регулирования, следует отметить, что правовое обеспечение региональной экологической политики, направленной на достижение экологической безопасности Крымского полуострова, характеризуется многогранностью и комплексностью. Это проявляется в том, что региональная экологическая политика вобрала в себя черты и категории политики администрирования, экологии, природопользования, правовой науки и нормотворчества, а также юридической практики [5, с. 70-72].

Государственную политику определяют, как организационные, регулятивно-контрольные общественные отношения уполномоченных государственных органов, должностных лиц по разработке и реализации мер государственно-политического влияния на общественные отношения. Регион является тем природно-историческим пространством, в пределах которого осуществляется социально-экономическая, экологическая деятельность людей, проживающих в нем. Последние объединены совместными производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и органами местного самоуправления.

Особенности регионов РФ объективно обуславливают необходимость достижения оптимального соотношения децентрализации и централизации власти, обеспечения сбалансированности развития регионов. Это, в свою очередь, требует индивидуального подхода к каждому региону. Ярким тому примером служит Республика Крым, характеризующаяся природным, научно-техническим потенциалом, и другими индивидуальными, особенными факторами в части экологической обстановки.

Для комплексного и всестороннего исследования правового обеспечения региональной экологической политики РК как объекта правового регулирования, целесообразно определить, что такое государственная экологическая политика вообще и региональная экологическая политика в частности. Экологическая политика рассматривается как общественные отношения для уравнивания экологических и связанных с ними интересов участников общественных отношений [6, с. 460].

Учитывая сложившуюся экологическую ситуацию и важность общественных эколого значимых отношений, роль сбалансирования и уравнивания экологических и связанных с ними интересов берет на себя государство, которое, осуществляя экологическую функцию формирует и реализует государственную экологическую политику. Политика и экология связываются путем применения политических механизмов, государственного принуждения для упорядочения эколого значимых общественных отношений, согласования экологических интересов.

Выступая как составляющая государственной политики, регионализация, в ее эколого-политической плоскости, призвана создать эффективно действующую систему власти и управления на местах, осуществить финансово-экономическое, организационное, нормативно-правовое обеспечение регионов на основе сочетания общегосударственных и региональных экологических интересов. Иными словами, государственная экологическая политика регионализации должна создать условия для осуществления регионами правового обеспечения региональной экологической политики, направленной на достижение экологической безопасности. Тем самым, правовое обеспечение региональной экологической политики является отражением регионализации как общего направления государственной политики и органической составляющей государственной экологической политики, важным механизмом ее реализации [7].

Для существования общества, его стабильного поступательного развития центральное значение имеют два общественных фактора: а) безопасная для жизни и здоровья человека окружающая природная среда; б) удовлетворение потребностей и связанное с ним потребление (как производственное, так и индивидуальное). Эти две общественные потребности находятся в диалектической взаимосвязи. С одной стороны, удовлетворение каждой из потребностей человека является жизненно не-

обходимым для общества. Дело в том, что оба вида нагрузки на окружающую природную среду – изъятие природных компонентов и выбросы и сбросы продуктов производственного и индивидуального потребления, – хотя и нередко, имеют экологическое влияние глобальных масштабов, тем не менее, всегда есть не только общегосударственного, а местного происхождения (учитывая, что природные компоненты изымаются не просто на территории государства, а всегда – в конкретном месте, на определенной территории и это же касается и выбросов и сбросов, которые имеют определенную региональную локализацию). Поэтому государственные эколого-политические меры не всегда могут быть достаточно эффективными для решения экологических проблем, поскольку не всегда есть возможность учесть местную специфику и особенности [8].

Особое место в формировании экологической политики региона отводится экологическому контролю. Последний рассматривается в системе управления качеством окружающей природной среды в следующем значении: как проявление природоохранной функции государства; как составной элемент системы управления качеством среды; как гарантия эффективности выполнения природоохранной нормы. Экологический контроль представляет собой неотъемлемую часть управленческой системы по обеспечению качества среды и вместе с тем, является необходимым условием работы ее правового механизма [9]. Таким образом, экологический контроль также рассматривается как неотъемлемый элемент управления в области природопользования и охраны окружающей среды, одна из его важнейших функций.

Функция регионального экологического контроля как составной части системы управления в сфере природопользования и охраны окружающей среды, является одной из важнейших гарантий выполнения управленческих решений и соблюдения природоохранной законности.

На территории Республики Крым экологический контроль осуществляется по таким основным направлениям:

1. Экологический контроль охраны окружающей среды в сельскохозяйственном производстве. Сельское хозяйство является той отраслью производства, что наиболее близко соприкасается с объектами природы и оказывает на них непосредственное влияние. Целью регионального экологического контроля является обеспечение соблюдения сельскохозяйственными предприятиями, фермерскими хозяйствами, другими юридическими и физическими лицами, осуществляющими сельскохозяйственную деятельность, действующего экологического законодательства, направленного на повышение плодородия почв, защиту сельскохозяйственных земель от водной и ветровой эрозии, охрану природной среды от загрязнения ядохимикатами, минеральными удобрениями, отходами животноводческих комплексов.

Одним из направлений регионального экологического контроля является его осуществление за соблюдением правил сохранения, транспортировки и применения ядохимикатов, удобрений и других химических препаратов в сельском хозяйстве. Нарушение установленных правил их использование негативно влияет на различные элементы окружающей среды – почву, атмосферный воздух, а также является одной из главных причин сокращения численности птиц, полезных насекомых, отдельных видов животных.

2. Экологический контроль охраны окружающей среды предприятиями транспортной сферы. В процессе обследования внимание обращается на состояние контрольно-регулирующих постов, пунктов и линий диагностики, контрольно-измерительной аппаратуры по проверке токсичности выхлопных газов. При технических осмотрах и контрольных проверках устанавливается соответствие содержания окиси углерода в отработываемых газах экологическим нормам и стандартам. Осуществляется контроль за наличием на судах и других плавательных средствах оборудования для очистки или сбора загрязняющих вод, бытовых отходов, мусора, наличием оборотных систем водоснабжения и очистных сооружений на механизированных мойках подвижного состава и т.д.

3. Экологический контроль охраны окружающей среды предприятиями строительной сферы на предмет соблюдения экологических норм при строительстве объектов, выполнения требований государственных экологических и производственно-хозяйственных стандартов правильности решения проекта с точки зрения его соответствия схеме регионального планирования, генеральному плану города или территориально-промышленного комплекса (все это ставит повышенные требования к природоохранным мероприятиям, содержащимся в проектных решениях строительства или реконструкции хозяйственных объектов).

В основе региональной экологической политики лежит рациональная деятельность людей по согласованию, сбалансированию экологически значимых интересов соответствующего населения, проживающего на определенной территории. Такая деятельность имеет полифункциональный характер ввиду разнообразного субъектного состава.

Для того, чтобы осуществлять экологически значимую деятельность рационально, в соответствии с закономерностями развития окружающей среды, не причиняя ему вреда, человек должен ориентироваться в экологической обстановке, уметь избежать экологическую опасность, предвидеть ход событий. Причем отдельных действий такого характера недостаточно, требуется функционирование всего региона в этом направлении. Это и обеспечивается региональной экологической политикой, задача которой заключается в защите общества от действия экологически негативных факторов; обеспечении разработки и реализации мер, направленных на охрану и защиту окружающей природной среды, рациональное природопользование.

Таким образом можно сформулировать региональную экологическую политику как специально урегулированную сферу управления в области обеспечения экологической безопасности, в частности, Республики Крым, которая направлена на достижение качества окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, равновесия в сфере хозяйствования и охраны жизни и здоровья населения.

Экологическая безопасность Крыма – это, прежде всего, фактор жизни всего живого и человека, как основной ценности и с другой стороны – это обеспечение нормального функционирования экологической системы.

Экологическая обстановка, сложившаяся на Крымском полуострове, придает правовому регулированию региональной экологической политики особую экологическую и общественную значимость. Правовое регулирование региональной экологической политики осуществляется через сознание и волю людей, как участников общественных отношений, в том числе и региональных эколого-политических отношений. С помощью особых средств происходит воздействие на сознание субъек-

тов региональных эколого-политических отношений, формируется их воля в определенном направлении, чтобы вызвать к жизни соответствующую форму региональной эколого-политической деятельности [10].

В зависимости от характера воздействия, меры региональной экологической политики классифицируют следующим образом: меры информационного характера (пропаганда экологического законодательства или информирование населения о состоянии окружающей природной среды); меры эколого-образовательного характера (создание учебных эколого-правовых учреждений, совершенствование методики преподавания, эколого-правовых дисциплин); меры экономического характера (например, установление нормативов платы и размеров платежей за использование природных ресурсов, размещение отходов и др.); меры стимулирования и принуждения; меры контроля и надзора; меры юридической ответственности.

Разработанные юридической наукой знания о региональных эколого-политических правоотношениях отражают их сущность как правового явления, создают возможность, таким образом, глубже подойти к изучению региональной экологической политики как объекта правового регулирования.

Региональная экологическая политика как правовая категория выражает и суммирует полученные знания о правовой форме существования региональных эколого-политических отношений. Она придает качественную определенность правовому научно-теоретическому мышлению, фиксирует структуру фундаментальных эколого-правовых отношений. Это позволяет научно-теоретически осмыслить региональные эколого-политические правоотношения, выявить их внешние связи, структуру, историческое развитие и функционирование. Благодаря этому, теоретические знания о региональной экологической политике могут служить для практического овладения эколого-значимыми общественными процессами и их правового регулирования, в частности правового обеспечения региональной экологической политики, направленной на достижение экологической безопасности в отдельно взятом регионе РФ [11, с. 38-44].

Таким образом, региональная экологическая политика Республики Крым является неотъемлемой составляющей федеральной экологической политики и эффективным средством преодоления экологического кризиса в отдельном регионе и государстве в целом. Юридическая природа региональной экологической политики реализуется благодаря экологическому и действующему законодательству РФ и особенно региональному нормативно-правовому регулированию.

Формируя основные направления региональной экологической политики Крыма, необходимо предусматривать реализацию мероприятий по повышению экологической грамотности населения, поощрению использования средств передвижения, не загрязняющих окружающую среду (например, передвижение по городу на велосипедах, самокатах или ином экологически чистом общественном и личном транспорте, проведение общественных экологических акций; посредством экологического контроля способствовать снижению загрязнения окружающей среды путем внедрения на источниках негативного воздействия на окружающую среду наилучших доступных технологий, позволяющих снизить массу выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, массу сбросов загрязняющих веществ в водные объекты, обеспечить экологически безопасное обращение с отходами производства и потреб-

ления, строительство централизованных систем водоотведения и объектов инфраструктуры обращения с отходами.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
3. Об утверждении Государственной программы Республики Крым «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым»: Пост. Совета Министров Республики Крым от 22 ноября 2017 года № 619 // Электронный ресурс: <https://onlineecology.com/doc/f34e551a-3caf-4a86-90f3-ace14c664ee0>
4. Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/
5. Магомедмирзоева Д.Я. Экологическая политика Псковской области как элемент региональной политики / Д.Я. Магомедмирзоева, Я.И. Семилетова, А.В. Булычева // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 87-4. - С. 70 -72.
6. Likhachev S. Ensuring environmental safety from the perspective of the protection of the national interests of the state / S. Likhachev, N. Raksha, A. Borenstein, E. Larina // 19 International Multidisciplinary Scientific Geoconference Sgem 2019, Conference Proceedings Volume 19, Ecology, Economics, Education And Legislation. Issue 5.4. – С. 459-464.
7. Бурко Р.А. Экологические проблемы современного общества и их пути решения / Р.А. Бурко, Т.В. Терёшина // Молодой ученый. - 2013. - № 11. - С. 237-238.
8. Экологическое право: учебник для вузов / С. А. Боголюбов [и др.]; под редакцией С. А. Боголюбова. - 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2023. – 304 с.
9. Петров В.В. Экология и право / В.В. Петров. – М.: Юрид. лит., 1981. – 224 с.
10. Павлов И.Е. Экологическая политика составная часть государственной политики России / И.Е. Петров // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филология. Политология. Культурология. – 2021. – №1. – С. 209-224.
11. Фролов В.В. Экологическая политика региона: экономико-правовое измерение / В.В. Фролов, Е.В. Губанова // Экономическая безопасность и качество. – 2020. – № 1 (38). – С. 38-44.

Lihachyov S. V., Raksha N. S. Theoretical and legal provisions of the regional environmental policy of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 247-253.

The article discusses the main theoretical and legal provisions of the regional environmental policy of the Republic of Crimea. The analysis and characteristics of its main components are presented. It is established that the regional environmental policy of the Republic of Crimea is an integral component of the federal environmental policy and an effective means of overcoming the environmental crisis in a particular region and the state as a whole. The legal nature of the regional environmental policy is realized thanks to the environmental and current legislation of the Russian Federation and especially regional regulatory and legal regulation. Attention is also focused on environmental control, which is presented as an integral element of management in the field of nature management and environmental protection, one of its most important functions. The main directions of environmental control in the territory of the Republic of Crimea are highlighted: environmental control of environmental protection in agricultural production; environmental control of environmental protection by transport enterprises; environmental control of environmental protection by construction enterprises.

Keywords: region, environmental policy, environmental control, environmental safety, improvement.

Spisok literaturi:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // Elektronnyj resurs: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Ob ohrane okruzhayushchej sredy: feder. zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (poslednyaya redakciya) // Elektronnyj resurs: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
3. Ob utverzhenii Gosudarstvennoj programmy Respubliki Krym «Ohrana okruzhayushchej sredy i racional'nogo ispol'zovaniya prirodnyh resursov Respubliki Krym»: Post. Soveta Ministrov Respubliki Krym ot 22 noyabrya 2017 goda № 619 // Elektronnyj resurs: <https://onlineecology.com/doc/f34e551a-3caf-4a86-90f3-ace14c664ee0>
4. Pasport nacional'nogo proekta «Ekologiya» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i nacional'nym proektam, protokol ot 24.12.2018 № 16) // Elektronnyj resurs: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_316096/

5. Magomedmirzoeva D.YA. Ekologicheskaya politika Pskovskoj oblasti kak element regional'noj politiki / D.YA. Magomedmirzoeva, YA.I. Semiletova, A.V. Bulycheva // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2022. № 87-4. - S. 70-72.
6. Likhachev S. Ensuring environmental safety from the perspective of the protection of the national interests of the state / S. Likhachev, N. Raksha, A. Borenstein, E. Larina // 19 International Multidisciplinary Scientific Geoconference Sgem 2019, Conference Proceedings Volume 19, Ecology, Economics, Education And Legislation, Issue 5.4. - S. 459-464.
7. Burko R.A. Ekologicheskie problemy sovremennogo obshchestva i ih puti resheniya / R.A. Burko, T.V. Teryoshina // Molodoy uchenyj. - 2013. - № 11. - S. 237-238.
8. Ekologicheskoe pravo : uchebnyy dlya vuzov / S. A. Bogolyubov [i dr.] ; pod redakciej S. A. Bogolyubova. - 7-e izd., pererab. i dop. - M.: Izd-vo YUrajt, 2023. - 304 s.
9. Petrov V.V. Ekologiya i pravo / V.V. Petrov. - M.: YUrid. lit., 1981. - 224 s.
10. Pavlov I.E. Ekologicheskaya politika sostavnaya chast' gosudarstvennoj politiki Rossii / I.E. Petrov // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. - 2021. - №1. - S. 209-224.
11. Frolov V.V. Ekologicheskaya politika regiona: ekonomiko-pravovoe izmerenie / V.V. Frolov, E.V. Gubanova // Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo. - 2020. - № 1 (38). - S. 38-44.

УДК 328.185

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

Понежина Л. Ю., Понежин М. Ю.

В статье исследуется комплексная проблема восприятия коррупции, как социально-правового феномена, существовавшего в различные периоды истории развития государственности. На основе анализа научных исследований автор пришел к выводу об отсутствии единой позиции в дефиниции «коррупции», что говорит о сложности социального явления, имеющего разнообразные формы проявления, приводятся суждения автора по данному вопросу. В статье актуализируется необходимость определения понятия административных правонарушений коррупционной направленности, а также установления особенностей административной ответственности за их совершение. Приведены статистические данные, иллюстрирующие состояние противодействия коррупционным правонарушениям. Отмечается, что наблюдаются негативные тенденции, связанные с ростом преступлений коррупционной направленности и низким уровнем взыскания административных штрафов по делам об административных коррупционных правонарушениях. С учетом анализа положений антикоррупционного законодательства, образовательных и научных публикаций выделяются следующие: законодательные признаки правонарушений, связанных с коррупцией; особенности административной ответственности за коррупционные правонарушения; признаки и виды административных коррупционных правонарушений и т.д.

Ключевые слова: коррупция, правонарушение, понятие, механизм, генезис, противодействие, виды коррупции, институционные механизмы.

Актуальность темы исследования связана с тем, что коррупция, как полисистемное явление негативно влияет на все стороны жизнедеятельности государства.

Коррупцию так же трудно измерить, как и определить. В то время как большинство экспертов подвергают сомнению распространенное мнение о том, что неформальный и скрытый характер коррупции делает ее неизмеримой, они признают трудности количественной оценки различных аспектов этой проблемы.

Коррупция связана с высоким уровнем организованной преступности, ослаблением верховенства закона, снижением явки избирателей на парламентских выборах и снижением доверия к государственным институтам.

Коррупция, как комплексное явление обусловлена «токсичными» и деструктивными проявлениями, способными дезорганизовать публичную администрацию и повлиять на внутреннюю и внешнюю безопасность. Коррупция, как коррозия, стоит только ей появиться в одном органе (институте) или части общества, тут же происходит разъедание нравственных устоев всей системы.

Обратимся к терминологии «коррупция», который применяется не только в юридических науках, но философии, социологии, педагогике и ряде других, при этом каждая из наук по-своему изучает этот феномен.

Коррупция, как социальное явление [1, с. 100] выходит за рамки только одной завершенной системы или действия (например, взяточничества), а в отношении государственных служащих она опасна тем, что работник (сотрудник, служащий) пользуется данными народом властными полномочиями для противоправных целей.

Вероятно, историческим фундаментом для мздоимства послужил обычай, по которому старшему племени (этноса) дарили какие-либо дары, тем самым заслуживая расположение для решения вопроса. Правило, при котором вождь и жрецы облада-

ли иммунитетом стало разрушительной для первобытно-общинного строя, так как были нарушены социально-экономические потребности общества [2, с. 9].

Конечно, коррупция это не явление 21 века, еще в 300-е годы до н.э. известны действия, связанные со злоупотреблением властью, так наместник в Египте создавал искусственные препятствия для импорта зерна, что провоцировало рост цен на зерновые, такие действия помогли обогатиться Клеомену [3, с. 10].

Стоит отметить, что в этот период создается практика, согласно которой, одним из поводов для смещения вождей (царей) является обвинение в коррупции. Конечно не все лидеры были коррупционерами, так в древнем Вавилоне наоборот царем Лагаша была актуализирована реформа государственной власти с целью искоренения мздоимства чиновников, в том числе и судей [4, с. 34].

Религиозные источники, так же затрагивали тему коррупции, так Ветхий завет указывает, что «...начальник требует подарков, и судья судит за взятки, а вельможи высказывают злые хотения души своей и извращают дело...» [5, с. 352].

Представители Эллады слово «согитреге» использовали в качестве определения пищевой болезни и только вторичным являлся смысл болезни порядка.

В Законах 12 таблиц (V в. до н.э.) предусматривалась смертная казнь для судей, которые продавали свои решения.

В римском праве были известно словосочетание «согеі» (солидарность) и «гитреге» (нарушать), которое применялось для установления роли лиц, которые мешали ходу судебного процесса или деятельности публичной администрации. Так еще законом Клавдия 218 года до н. э. был установлен запрет на владение сенатором кораблей вместимостью более трехсот амфор, а законом Цинция 204 г. до н. э. под запретом для должностных лиц находилось право брать подарки [6, с. 15].

По-видимому, именно эти термины послужили образованию глагола «corruption» – продажность, приемником является в английском языке слово «согирт» – подкупать [7, с. 34].

В толковом словаре С.И. Ожегова под коррупцией понимается «моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастание с разными структурами» [8].

Анализ, проведенный В.М. Бурмакиным позволяет выделить факторы, которые приводят к появлению деликта коррупционной направленности и определяют размеры деструктивного явления, перечислим их: тирания (захват имущественных благ); превалирование «дурных» вожделений; невоздержанность в полномочиях приводящая к несправедливости; отсутствие контроля и морали.

Раскрывая государственное устройство, Платон выделил антикоррупционные условия, которые являются актуальными, и настоящее время, к таковым относятся безусловное подчинение закону, просвещение, распределение благ по справедливости, а также концепцию правового государства, при их несоблюдении устои общества рано или поздно приведут к смене публичной администрации [9, с. 84].

Средневековье не излечилось от болезней предыдущей эпохи, однако коррупция приобретает новое значение, согласно каноническому интерпретированию это искушение дьяволом, греховность, такая постановка стала возможной вследствие борьбы с эллинистическими истоками, вследствие которое произошло замещение греческого термина на латинский.

Вместе с церковью деструктивное явление стало целью для изучения представителями эпохи Возрождения, так Н. Макиавелли определял коррупцию как «использование публичных возможностей в частных интересах», сопоставляя коррупцию с болезнью, мыслитель пришел к выводам о том, что чем раньше распознать тем легче лечить, вместе с тем не все доводы ученого можно принять, так его мысли о том, что в монархии, где правят при помощи чиновничьего аппарата коррупция не так опасна, так как все чиновники находятся в милости у государя, следовательно, их сложнее коррумпировать [9, с. 84].

Новое время стало переломным не только в плане индустриализации, развития экономики, но и для восприятия коррупции, теперь она стала восприниматься в качестве общественного недуга нестабильного общества, исследования того времени проводимые Ф. Бэконом, Ж.Ж. Руссо рассматривают дисфункцию социума с точки зрения противоречия между позитивными и естественными законами. Т. Гоббс писал, что богатые без страха совершают правонарушения, представляя, что их богатства позволят уйти от кары посредством коррупции [7, с. 36].

Следует обратить внимание на функциональный подход к анализу коррупционных проявлений, в частности М. Вебер являясь основоположником подхода, привнес философский инструментарий в изучение проблемы посредством этического политеизма ценностей. По мнению представителей данного направления [10, с. 20] (С. Хантингтон, Я. Тарковски), коррупция приемлема, только, в случае усиления позиции элит, которые будут противодействовать общественным изменениям, при отсутствии такой необходимости коррупция должна исчезнуть [7, с. 35].

В частности С. Хантингтон указывал, что коррупция может восприниматься положительно, так как является фактором снижения насилия и предупреждает революционные события, дополняя представленное мнение американский политолог Чалмерс Джонсон считал, что коррупция - это механизм предоставления благ. С помощью этого механизма предприятия отдают часть прибыли соответствующим политикам, а затем создают «стабильный союз политических интересов», последние две стороны имеют доступ к дополнительным более высоким доходам и искажают распределение ресурсов. [11, с. 242]

Обращаясь к терминологии, необходимо отметить, что в 70-е годы XX в. началось системное исследование коррупции, как к явлению в масштабах планеты, во второй главе нашей работы мы исследуем зарубежные подходы и опыт, а в рамках заявленной цели данного параграфа отметим, что в отечественной правовой доктрине сложилось 2 подхода к определению коррупции, первую условно можно назвать «научной», вторую – «законодательная».

Представители первого подхода (Т.Я. Хабриева, Г.К. Мишин и ряд других) рассматривают коррупцию в качестве антисоциального явления, которое включает в себя не только правонарушения [11, с. 242].

Для второго подхода (Ю.Г. Наумов, Э.И. Атагимова и ряд других) коррупция представляет собой «девиантное поведение должностных лиц, выражающееся в нелигитимном использовании имеющихся полномочий, общественных ресурсов в связи со своим статусом или фактическим положением, для извлечения выгоды в личных, узкогрупповых или корпоративных целях» [12, с. 111].

То есть, по мнению представителей второго подхода, коррупция сводится к совершению деликтов, ответственность за которые предусмотрена КоАП РФ или УК

РФ, при этом ими приводятся отличительные признаки: 1. Субъекты. 2. Сфера и предмет. 3. Использование субъектом своего служебного положения (статуса).

Считаем, что право на существование имеют все точки зрения, вместе с тем объединение двух подходов даст более точное определение коррупции, а для определения видов коррупции уместно использование отличительных признаков данных представителями второго подхода.

Анализ генезиса социального содержания коррупционных отношений показал, что это явление существовало на всем протяжении развития цивилизации и оценивалось обществом, как деструктивное, некоторые теории указывают на сдерживающий революции эффект коррупции, вместе с тем до сих пор нет единства в понимании термина коррупция у населения и ученых, что осложняет изучение механизма противодействия коррупции.

Таким образом, очевидно, что даже среди ученых нет однозначной позиции в терминологии, что говорит о сложности социального явления, имеющего разнообразные формы проявления, что предопределило множественность трактовок коррупции, однако классическим определением, применяемым по отношению к администрированию и политике является обозначение «использования должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным нормам. Общим признаком для выделения коррупции несовпадение (конфликт) между действиями (бездействием) должностного (выборного) лица интересам работодателя (общества, избирателей).

С. Роуз-Аккерман выделяет виды коррупции – политическую и административную, Г.А. Сатаров – бытовую и деловую, Г.С. Гончаренко – массовую и розничную, Р.В. Пустовит – клановую и групповую. Все эти виды можно объединить по институциональной форме [7, с. 36].

По сути, совершить коррупционный деликт может любой субъект, наделенный дискреционными полномочиями (сотрудник ОВД, чиновник, врач, депутат), во всех случаях основополагающим стимулом будет являться получение выгоды от наделенных полномочий, а фактором сдерживания – ответственность и обличение.

Исходным положением для конструирования критериев дифференциации коррупционных правонарушений в настоящее время является вид ответственности, установленный за их совершение, так, согласно статье 13 Федерального закона «О противодействии коррупции» [13] (далее ФЗ № 273) за совершение коррупционных правонарушений граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность.

Данная систематизация, по мнению Н.А. Кукина является правильно систематизированной для правоприменения, при этом сам перечень коррупционных правонарушений не может быть закрытым или исчерпывающим, так как сферы общественных отношений динамично развиваются, следовательно, законодательство в области противодействия коррупции необходимо постоянно дополнять [9, с. 142].

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса приведем мнение М.М. Полякова, который предлагает все правонарушения, обладающие признаками коррупции распределить по группам, так в первую группу, представляющую наибольший общественный вред должны быть включены преступления, во вторую группу должны быть включены коррупционные правонарушения, не только адми-

нистративные, но и дисциплинарные, а также гражданско-правовые деликты и третья группа включает деяния (бездействие), за которые не предусмотрена юридическая ответственность [14].

В уголовном и административном кодифицированном законодательстве к настоящему времени отсутствуют самостоятельные главы, посвященные категории коррупции, обращаясь к ст. 1 ФЗ № 273 мы видим, что законодатель определяется понятие коррупции посредством:

а) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

б) совершение деяний, этих же деяний от имени или в интересах юридического лица.

Административная ответственность за коррупционные правонарушения наступает на основании КоАП РФ, субъектом выступает должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей [9, с. 142].

К правонарушениям связанным с коррупцией, в соответствии с КоАП РФ, относятся следующие виды правонарушений:

Гл. 5. Административные правонарушения, посягающие на права граждан – ст. 5.16, 5.17, 5.20, 5.21 КоАП РФ – эти составы связаны с нарушением избирательного права (подкуп избирателей, непредставление сведений о расходовании средств на выборы, незаконное финансирование выборной кампании, несвоевременное перечисление средств), ст. 5.16. КоАП РФ предусматривает административную ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации.

Гл. 8. Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования – ст. 8.4. КоАП РФ предусматривает санкцию за нарушение законодательства об экологической экспертизе.

Гл. 9. Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике – ст. 9.5. КоАП РФ предусматривает санкцию за нарушение установленного порядка строительства, реконструкции, капитального ремонта объекта капитального строительства, ввода его в эксплуатацию.

Гл. 15. Административные правонарушения в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней – ст. 15.14., 15.5. КоАП РФ предусматривает санкцию за нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов и нарушение сроков предоставления налоговой декларации.

Гл. 19. Административные правонарушения против порядка управления - ст. 19.1, 19.9., 19.24., 19.28., 19.29. КоАП РФ предусматривает санкцию за самоуправство и нарушение сроков рассмотрения заявлений, а также незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного служащего (бывшего госслужащего) [9, с. 95].

Анализ статистических данных за 2022 г. показывает, что по ст. 5.16. КоАП РФ было рассмотрено судами 19 дел, по которым 13 физ. лиц было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа в сумме 225 тыс. руб., по статьям 5.17. отдельной статистики не представлено, по ст. 5.20. КоАП РФ рассмотрено судами 13 дел, по которым было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа - 5 в сумме на 80 тыс. руб., по ст. 5.21. КоАП РФ было рассмотрено судами 38 дело, по которым 29 должностных лица было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа – 29 в сумме на 755 тыс. руб., по ст. 9.5. КоАП РФ рассмотрено судами 68 дел, по которым 44 субъекта было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа - 36 в сумме на 297 тыс. руб. и 2 приостановления деятельности, по ст. 15.14. КоАП РФ было рассмотрено судами 1684 дел, по которым 1128 лиц были привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа - 978 в сумме на 21840 тыс. руб. и 2 лишения право/дисквалификация, по ст. 15.5. КоАП РФ было рассмотрено судами 231677 дел, по которым 198726 должностных лиц было привлечено к административной ответственности в виде административного штрафа - 59866 в сумме на 19729 тыс. руб., по ст. 19.1. КоАП РФ рассмотрено судами 7837 дел, по которым 6604 лица были привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа - 3103 в сумме на 699 тыс. руб., по ст. 19.9. КоАП РФ рассмотрено судами 715 дела, по которым 580 были привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа - 554 в сумме на 903 тыс. руб., по ст. 19.24. КоАП РФ рассмотрено судами 211114 дела, по которым 199206 физ. лиц были привлечены к административной ответственности в виде административный арест – 120162 и административного штрафа – 24027, в сумме на 29738 тыс. руб., по ст. 19.28. КоАП РФ рассмотрено судами 574 дела, по которым 479 юридических лица были привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа – 479, в сумме на 1147133 тыс. руб. и 28 конфискация, по ст. 19.29. КоАП РФ рассмотрено судами 6986 дела, по которым 5890 было привлечены к административной ответственности в виде административного штрафа – 5868, в сумме на 205988 тыс. руб.

Анализ этих данных позволяет сделать следующие выводы, 1), в качестве административной ответственности за коррупционные правонарушения применяются административный штраф, в отношении 19.24. КоАП РФ необходимо отметить, что здесь административная ответственность применяется в подавляющем большинстве случаев к лицам, в отношении которых установлен административный надзор, который не относится к коррупционным деликтам, следовательно, административный арест не может учитываться применительно к теме исследования, 1), наибольшее количество рассмотренных дел было по ст. 15.5. КоАП РФ и связано с нарушением сроков представления налоговой декларации, в связи с возникает вопрос, а так ли существенно нарушение, ведь, по сути, налоги могут быть уплачены, а не представлена во время декларация и возникает вопрос, а так ли оправдана административная ответственность за данное правонарушение, особенно этот вопрос, становится актуальным в силу сокращения контроля (надзора) в предпринимательской сфере, 3), полностью подпадающие под коррупционные составы можно отнести ст. 19.28. и 19.29. КоАП РФ, как мы помним по ст. 19.28. КоАП РФ судами рассмотрено 322 дела, по которым 322 юридических лица были привлечены к административной от-

ветственности в виде административного штрафа – 322, в сумме на 722670 тыс. руб., что достаточно мало по сравнению со ст. 19.29. КоАП РФ и хотя полной статистики не представлено, как отмечает Н.В. Новоселова «количество административных правонарушений, квалифицируемых по ст. 19.29 КоАП РФ, было настолько велико, что Верховным Судом РФ 30.11.2016 принят Обзор судебной практики по делам о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ст. 19.29 КоАП РФ [16], а 28.11.2017 принято постановление Пленума «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел о привлечении к административной ответственности по ст. 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

Таким образом, считаем, что в рамках государственно-служебных отношений институт дисциплинарной ответственности наиболее эффективен, вместе с тем, в качестве санкции за совершение административных правонарушений для государственных служащих, которые по приведенным статьям выступают в качестве должностных лиц является дисквалификация и только по ст. 5.45. КоАП РФ «Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума» государственный служащий выступает в качестве специального субъекта [17].

На наш взгляд, возможно два пути в целях предупреждения совершения новых коррупционных административных правонарушений, один связан с возможностью предусмотреть замену для государственных служащих административного наказания на дисциплинарное, второй, к сожалению, традиционный для нашей страны связан с усилением ответственности, в частности для юридических лиц, однако как отмечает А. В. Федорова в термине раскрывающим коррупцию, представленном в ФЗ № 273 в качестве субъекта коррупции является только физическое лицо, а на основании ст.13.3 этого же закона на юридическое лицо (организацию) возлагаются антикоррупционные обязанности, то есть в их обязанности входит выработка и реализация мер по профилактике и предупреждению коррупции, так в качестве примера могут служить следующие меры: 1. Принятие моральных норм-кодексов; 2. Сотрудничество организации с правоохранительными органами. 3. Определение подразделений или должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений. 4. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов. 5. Недопущение составления неофициальной отчетности и использования поддельных документов.

Перечень мер не является исчерпывающим, юридические лица могут принимать дополнительные антикоррупционные процедуры, причем организационно-правовая форма собственности не важна, а в частях 1-2 ст. 14 ФЗ № 273 указано, что в случае условий для совершения коррупционных правонарушений в интересах (от имени) организации (юридического лица) к этому лицу (организации) применяется соответствующий деликту вид ответственности, при этом должностное лицо не освобождается от юридической ответственности, как и наоборот.

Завершая мы пришли к выводам, что концентрирование деятельности по формированию административной ответственности за коррупционные правонарушения заключается в применении ее для категории государственных (муниципальных) служащих при выполнении ими действий (бездействий) нарушающих права граждан, а статистика по рассмотрению судами дел об административных правонаруше-

ниях указывает на положительный опыт при применении административной ответственности в рамках функционального характера для государственных (муниципальных) служащих.

Список литературы:

1. Платов Е.В. Коррупция как социальное явление в обществе // Наука. Общество. Государство. 2019. №2 (26).
2. Варфоломеева Н. П. Исторический опыт борьбы с коррупцией // Основы ЭУП. 2013. №5 (11).
3. Кузовков Ю.В. Мировая история коррупции. М.: Издательство Анима-Пресс, 2010 г., С. 10-11.
4. Томсинов В.А. Хрестоматия государства и права зарубежных стран. Древность и Средние века /сост. М.: Зерцало, 1999; 2004. С. 34.
5. Библия. Ветхий Завет. М., 1994. С. 352.
6. Романов Д. Как боролись с коррупцией в Древнем Риме. [Электронный ресурс]. URL: https://hystory.mediasole.ru/kak_borolis_s_korrupciey_v_drevnem_rime.
7. Понежина Л.Ю., Понежин М.Ю. К вопросу о юридических механизмах противодействия коррупции // Юристы-Правоведы. 2022. № 3 (102). С. 33-38.
8. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / сост. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 4-е изд. - М.: ТЕМП, 2013. - 944 с.
9. Бредихин А. Л., Парфенов Н. П. Правовое регулирование уголовной ответственности за взяточничество: историко-правовой анализ // Власть закона. – 2022. – № 2 (50). С. 84.
10. Аленкин С.В. Механизм противодействия коррупции (теоретико-правовое исследование). М., 2008. С. 20.
11. Арямов А.А., Руева Е.О. Противодействие коррупции в условиях цифровизации: международный и зарубежный опыт // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 2. С.241-249
12. Наумов Ю.Г. Коррупция и общество: теоретико-экономическое и прикладное исследование: учеб. Пособие. – М., 2015. - 111 с.
13. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6228.
14. Поляков М.М. Коррупционные административные правонарушения: понятие, виды и содержание // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №8.
15. Алферов С.Н. Административные коррупционные правонарушения: понятие и особенности ответственности за их совершение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). – № 3. С. 95-102
16. Аникеев Ю.Б., Новоселова Н.В. Административная ответственность за коррупционные правонарушения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №4 (43).
17. Корчагина К.А., Пестов Р.А. Проступок, порочащий честь сотрудника органов внутренних дел: проблемы в нормативно-правовом регулировании и правоприменении // Юристы-Правоведы. 2020. № 2 (93). С. 41-47.

Ponezhina L.Yu., Ponezhin M.Yu. Some aspects of the administrative and legal mechanism of combating corruption // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 254–262.

The article examines the complex problem of perception of corruption as a socio-legal phenomenon that existed in various periods of the history of the development of statehood. Based on the analysis of scientific research, the author came to the conclusion that there is no unified position in the definition of "corruption", which indicates the complexity of a social phenomenon that has various forms of manifestation, the author's judgments on this issue are given. The article actualizes the need to define the concept of corruption-oriented administrative offenses, as well as to establish the features of administrative responsibility for their commission. Statistical data illustrating the state of countering corruption offenses are presented. It is noted that there are negative trends associated with an increase in corruption-related crimes and a low level of collection of administrative fines in cases of administrative corruption offenses. Taking into account the analysis of the provisions of anti-corruption legislation, educational and scientific publications, the following are distinguished: legislative signs of corruption-related offenses; features of administrative responsibility for corruption offenses; signs and types of administrative corruption offenses, etc.

Keywords: corruption, offense, concept, mechanism, genesis, counteraction, types of corruption, institutional mechanisms.

Spisok literatury:

1. Platov E.V. Korrupciya kak social'noe yavlenie v obshchestve // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2019. №2 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupciya-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-obshchestve> (data obrashcheniya: 25.04.2023).

2. Varfolomeeva N. P. Istoricheskiy opyt bor'by s korrupciej // *Osnovy EUP*. 2013. №5 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-opyt-borby-s-korrupsiey> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
3. Kuzovkov YU.V. *Mirovaya istoriya korrupcii*. M.: Izdatel'stvo Anima-Press, 2010 g., S. 10-11.
4. Tomsinov V.A. *Hrestomatiya gosudarstva i prava zarubezhnyh stran. Drevnost' i Srednie veka /sost. M.: Zercalo, 1999; 2004. S. 34.*
5. *Bibliya. Vethij Zavet*. M., 1994. S. 352.
6. Romanov D. *Kak borolis' s korrupciej v Drevnem Rime*. [Elektronnyj resurs]. URL: https://hystory.mediasole.ru/kak_borolis_s_korrupciey_v_drevnem_rime (data obrashcheniya: 25.04.2023).
7. Ponezhina L.YU., Ponezhin M.YU. *K voprosu o yuridicheskikh mekhanizmah protivodejstviya korrupcii // YUrist"-Pravoved"*. 2022. № 3 (102). S. 33-38.
8. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / sost. Ozhegov S.I., SHvedova N.YU. 4-e izd. - M.: TEMP, 2013. - 944 s.*
9. Bredihin A. L., Parfenov N. P. *Pravovoe regulirovanie ugolovnoj otvetstvennosti za vzyatochnichestvo: istoriko-pravovoj analiz // Vlast' zakona. – 2022. – № 2 (50). S. 84.*
10. Alenkin S.V. *Mekhanizm protivodejstviya korrupcii (teoretiko-pravovoe issledovanie)*. M., 2008. S. 20.
11. Aryamov A.A., Rueva E.O. *Protivodejstvie korrupcii v usloviyah cifrovizacii: mezhdunarodnyj i zarubezhnyj opyt // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). – № 2. S.241-249.*
12. Naumov YU.G. *Korrupciya i obshchestvo: teoretiko-ekonomicheskoe i prikladnoe issledovanie: ucheb. Posobie. – M., 2015. - 111 s.*
13. *Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ «O protivodejstvii korrupcii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 29.12.2008, № 52 (ch. 1), st. 6228.*
14. Polyakov M.M. *Korrupcionnye administrativnye pravonarusheniya: ponyatie, vidy i sodержanie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2015. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/korrupcionnye-administrativnye-pravonarusheniya-ponyatie-vidy-i-soderzhanie (data obrashcheniya: 25.04.2023).*
15. Alferov S.N. *Administrativnye korrupcionnye pravonarusheniya: ponyatie i osobennosti otvetstvennosti za ih sovershenie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). – № 3. S. 95-102.*
16. Anikeenko YU.B., Novoselova N.V. *Administrativnaya otvetstvennost' za korrupcionnye pravonarusheniya // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2020. №4 (43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-otvetstvennost-za-korrupcionnye-pravonarusheniya (data obrashcheniya: 21.02.2022).*
17. Korchagina K.A., Pestov R.A. *Prostupok, porochashchij chest' sotrudnika organov vnutrennih del: problemy v normativno-pravovom regulirovanii i pravoprimenenii // YUrist"-Pravoved"*. 2020. № 2 (93). S. 41-47.

УДК 342.9; 658

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОВРЕМЕННЫХ ТУРИСТСКО- РЕКРЕАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Попов С. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье исследованы нормативно-правовое обеспечение деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым. Автором отражены статистические показатели расходования финансовых средств в сфере развития курортов и туризма в Республике Крым. В статье проанализировано российское законодательство в сфере туризма. В статье проведен анализ содержания и реализации стратегических документов в сфере развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. Установлено, что туристский сектор России сохраняет значительный потенциал для ускорения темпов роста и усиления роли в развитии экономики. Проанализирован ход реализации федеральных целевых программ, посвященных развитию туристической деятельности в Республике Крым и г. Севастополе. Отдельное внимание уделено региональному законодательству, обращено внимание на отсутствие нормативного урегулирования вопросов туристско-рекреационной деятельности. Предложена разработка ряда нормативных правовых актов, в частности: Закона Республики Крым «О статусе городов-курортов Республики Крым»; Закон Республики Крым «О экологической культуре и экологической грамотности населения»; Закон Республики Крым «О санаторно-оздоровительном семейном комплексе Западного Крыма «Всероссийская детская здравница»; Закон Республики Крым «О туризме»; Закон Республики Крым «О развитии информационно-коммуникационной отрасли в городах-курортах Республики Крым».

Ключевые слова: деятельность органов власти; нормативно-правовое обеспечение; нормативный правовой акт; Республика Крым; кластер; современные туристско-рекреационные кластеры; формирование.

В современные вызовы обуславливают необходимость оперативно урегулировать широкий спектр новых общественных отношений. Не исключением является сфера, связанная с формированием современных туристско-рекреационных кластеров в Республике Крым (далее – РК). Необоснованная санкционная блокада полуострова, которая была введена «западными партнерами» начиная с 2014 г., а после февраля 2022 г. только усилилась, обусловила необходимость развития собственных туристско-рекреационных кластеров в РК, и приведения их с соответствие с мировыми стандартами.

По итогам 2022 г. Крым сохранил место в первой пятерке ежегодного национального туристического рейтинга, который составляется аналитиками Центра информационных коммуникаций [1]. За 2022 г. турпоток в Крым составил 6,53 млн. чел., что на 30% ниже 2021 г., но на 8% выше 2020 г. Из общего турпотока 2022 г.: 81% туристов прибыло по Крымскому мосту на автомобилях и автобусах и 19% – посредством ж/д сообщения [2].

Развитие на полуострове современных туристско-рекреационных кластеров обусловило появление новых правоотношений, которые требуют правового урегулирования. Указанное и обуславливает необходимость проведения исследований состояния нормативно-правового обеспечения деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров в РК.

Различные аспекты функционирования туристско-рекреационных кластеров Республики Крым всегда уделялось и уделяется самое пристальное внимание ученых и практиков, а именно: Абдель Вахед Эссам Абдаллах Махмуд, Д. Д. Буркальцева, С.Г. Бруснигина, А. С. Ворошилов, Ю. В. Глушко, О. А. Гук, М.А. Дубровина, Е. В. Кочева, Н. А. Матев, Н.Н. Митина, Н.И. Морщанина, Д. И.Олифир, Т.О.Паранина, Э. У. Османова, Е. А. Отставнова, И. И. Савченко, Н. Г. Сидорова, Ю. В. Степанов, Н. В. Страчкова, Э.Э. Шамилева, Д. Г. Щипанова, Н.И. Храброва, З.В. Хатикова, И. М. Яковенко, А. А. Яновская и ряда других. Благодаря указанным ученым сформировано определенное научное обеспечение данного вопроса. Однако, одновременно с этим, на сегодня ряд вопросов нормативно-правового обеспечения деятельности органов власти остается не исследованным.

Отметим, что наличие четких правовых регуляторов общественных отношений является обязательным элементом эффективного функционирования любого регулируемого правом социального явления. По мнению С.С. Алексеева, одним из таких средств выступает именно нормативно правовой акт, под которым следует понимать официальный акт, документ правотворческого компетентного органа, содержащий юридические нормы (устанавливающий, изменяющий или отменяющий юридические нормы) [3, с. 32].

В.Л. Соколов отмечает, что «под нормативно-правовым обеспечением понимается не только нормативно-правовая база, но и подготовка, разработка нормативных правовых актов, договоров, их реализация и применение норм, содержащихся в них, а также практическая деятельность по анализу и оценке эффективности применения действующих документов правового характера» [4, с. 288–294].

Следует уточнить, что правовое регулирование деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров РК осуществляется системой нормативных правовых актов, которые отличаются: по субъектам принятия; по юридической силе, процедурой принятия; особенностями вступления в действие и т.д. По нашему мнению, ведущим критерием разделения нормативных правовых актов является их юридическая сила.

Общественные отношения в сфере деятельности органов власти по формированию туристско-рекреационных кластеров РК регулируются: Конституцией РФ; Федеральным законом № 132-ФЗ 24.11.1996 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»; Федеральным законом № 114-ФЗ от 15.08.1996 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» Закон РК от 14.08.2014 № 51-ЗРК «О туристской деятельности в Республике Крым»; Закон РК от 28.01.2015 № 76-ЗРК «О курортах, природных лечебных ресурсах и лечебно-оздоровительных местностях Республики Крым»; Постановление Совета Министров РК от 27.06.2014 № 145 «Об утверждении положения о Министерстве курортов и туризма Республики Крым»; Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» и др.

Вопросы развития внутреннего туризма находятся в «оперативной повестке» Правительства РФ. Об этом свидетельствует разработка и принятие уже второй редакции Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 г. [5], в которой отмечено, что туристский сектор России сохраняет значительный потенциал для ускорения темпов роста и усиления роли в развитии экономики. По данным Комитета по туризму Организации экономического сотрудничества и развития, в последние годы

отрасль формирует 3,8 % ВВП страны и 0,7 % общей численности занятых, что значительно ниже, чем в ряде развитых стран мира. При этом валовая добавленная стоимость в сфере туризма в России в 2017 г. составила около 0,9 тыс. долларов США на 1 жителя, что в 1,4 раза меньше, чем в США, в 2,1 раза меньше, чем в ФРГ, в 4,5 раза меньше, чем в Испании. Определено, что наиболее перспективными направлениями развития круизного туризма в России будут комбинированные речные и морские круизы в Азово-Черноморском, Каспийском и Балтийском бассейнах, развитие экспедиционного туризма, прежде всего в Арктической зоне, а также развитие международных морских круизов в дальневосточных бассейнах. Значительным потенциалом для развития комбинированных туристских продуктов, включающих круизы, яхтенный туризм, пляжный отдых и пешеходные маршруты, обладает РК.

Республика Крым и г. Севастополь в Стратегии названы наиболее привлекательными территориями для отдыха, однако основная проблема здесь кроется в высоком уровне «тенезации» таких услуг, и как следствие — отсутствии налогообложения и государственной статистической отчетности. Другими проблемами, тормозящими развитие туризма в Крыму названы: изношенная инфраструктура, транспортная доступность, неудовлетворительное состояние пляжей. На сегодня данные проблемы находятся в «состоянии активного разрешения». В целом можно отметить, что Республика Крым и г. Севастополь сталкиваются с теми же проблемами в сфере туризма, что и другие регионы. Однако к этому следует добавить проблемы транспортной доступности [6, с. 75–79]. Террористические акты, которые были совершены на Крымском мосту, отсутствие авиасообщения достаточно усложняют транспортную доступность курортов полуострова.

Одним из основополагающих документов, отражающих рамки проведения кластерной политики в сфере формирования туристско-рекреационного комплекса является Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года», общий объем финансирования которой является 1 375 млрд руб. Для обеспечения комплексного развития курортно-туристской сферы Правительством РК было разработано 6 туристско-рекреационных кластеров, которые были включены в данную Федеральную целевую программу. Разработка и функционирование данных кластеров позволило создать объекты инфраструктуры, которые бы соответствовали определенным требованиям и потребностям регионов, а также активизировать инвестиционную и туристическую деятельность в Крыму. С целью реализации Федеральной целевой программы на территории РК были реализованы такие государственные программы:

– Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым на 2017–2020 гг. (объем финансирования 22 797 558 400 руб.: средства федерального бюджета 22 526 440 000 руб., средства бюджета РК 271 148 400 руб.);

– Государственная программа РК «Охрана окружающей среды и рационального использования природных ресурсов Республики Крым» на 2015–2017 г. (объем финансирования 2 031 835 000 руб.: из федерального бюджета 840 844 300 руб., из бюджета РК 1 160 525 960 руб. и из внебюджетных источников 30 465 400 руб.);

– Государственная программа «Развития водохозяйственного комплекса Республики Крым» на 2017–2020 гг. (объем финансирования 8 379 495 350 руб., средства федерального бюджета 3 767 960 800 руб., средства бюджета Республики Крым 4 611 534 550 руб.).

Однако, в результате оценки деятельности конечных исполнителей (как органов государственной власти субъектов, так и органов местного самоуправления) реализации мероприятий по созданию объектов обеспечивающей инфраструктуры кластеров РК и г. Севастополя сделаны следующие выводы: отсутствует эффективная система мониторинга реализации исполнителями, представленные отчетные документы разрозненные, результаты деятельности описываются общими словами, количество представленных на официальных сайтах данных минимально, что свидетельствует о низкой активности органов власти по созданию кластеров [7, с. 187].

Отдельная группа правоотношений по формированию современных туристско-рекреационных кластеров регулируется на региональном уровне Законом РК от 14.08.2014 № 51-ЗРК «О туристической деятельности в Республике Крым». Важной его особенностью дополнительное выделение видов туризма, а именно: «туризм организованный; туризм самостоятельный; туризм винный; туризм деловой; туризм детский; туризм культурно-познавательный; туризм лечебно-оздоровительный; туризм подводный; сельский туризм; туризм событийный; туризм социальный; туризм спортивный; туризм экологический; туризм этнографический; туризм яхтенный» [8]. Однако, данный закон определяет принципы государственного регулирования туристской деятельности в РК, а также отношения, возникающие при реализации прав граждан при совершении путешествий на территории РК. Вопросы туристско-рекреационной деятельности в нем не урегулированы.

В основе постепенного развития правовых норм должен лежать постоянный анализ их состояния, востребованности в обществе, выявление недостатков и определение приоритетных направлений дальнейшего его совершенствования. На основе анализа нормативно-правового обеспечения деятельности органов власти, результатов социологического опроса сотрудников органов власти и местного самоуправления РК определены отдельные направления совершенствования нормативно-правового обеспечения деятельности уполномоченных органов власти по формированию туристско-рекреационных кластеров РК. Результаты опроса показывают, что существующие проблемы в данной сфере обусловлены недостаточным материально-техническим оснащением (66,7% респондентов); недостаточным правовым обеспечением деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров (91,0%); несовершенством организации и осуществления внешнего и внутреннего взаимодействия (39,2% респондентов).

Указанное обуславливает, в рамках широкого научного обсуждения, вынести вопрос о разработке и принятии ряда нормативных правовых актов, в частности: Закона РК «О статусе городов-курортов Республики Крым»; Закон РК «О экологической культуре и экологической грамотности населения»; Закон РК «О санаторно-оздоровительном семейном комплексе Западного Крыма «Всероссийская детская здравница»»; Закон РК «О туризме»; Закон Республики Крым «О развитии информационно-коммуникационной отрасли в городах-курортах Республики Крым». Указанные акты должны включить в себя: понятийный аппарат, в частности: город-курорт, экологическая культура, экологическая грамотность населения, санаторно-оздоровительный семейный комплекс и др.; признаки города-курорта; принципы, цели, приоритетные направления деятельности городов-курортов; полномочия совета РК, полномочия Совмина РК, полномочия специально уполномоченного исполнительного органа РК, полномочия органов местного самоуправления муниципальных образований в РК в этих сферах, классификация городов-курортов и др.

Список литературы:

1. По итогам 2022 года Крым сохранил место в первой пятёрке ежегодного Национального туристического рейтинга URL: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/2512> (дата обращения: 20.06.2023).
2. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2022 г. URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpEXvXXR_1.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
3. Алексеев С. С. Общая теория права : 2-е изд., перераб. и доп. / С. С. Алексеев – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.
4. Соколов В.Л. Нормативно-правовое обеспечение управления органами внутренних дел Российской Федерации: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2008. №2. С. 288–294.
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. N 2129-р URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503> (дата обращения: 20.06.2023).
6. Отставнова Е. А. Развитие туризма на полуострове Крым: конституционно-правовые вопросы / Е. А. Отставнова // Вестник СГЮА. 2017. №2 (115). С. 75–79.
7. Митина Н.Н. Развитие туристско-рекреационного потенциала республики Крым: новые вызовы и пути решения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018, № 68С. С. 172-194.
8. Законом Республики Крым от 14 августа 2014 года № 51-ЗРК «О туристической деятельности в Республике Крым» URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901877> (дата обращения: 20.06.2023).

Popov S. V. Regulatory and legal support of the activities of the authorities on the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 263–268.

The article examines the regulatory and legal support of the activities of the authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea. The author reflects the statistical indicators of spending financial resources in the development of resorts and tourism in the Republic of Crimea. The article analyzes Russian legislation in the field of tourism. The article analyzes the content and implementation of strategic documents in the field of tourism development in the Russian Federation for the period up to 2035. It has been established that the tourism sector of Russia retains significant potential for accelerating growth and strengthening its role in the development of the economy. The course of implementation of federal targeted programs dedicated to the development of tourism activities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol was analyzed. Special attention is paid to regional legislation. Attention is drawn to the lack of regulatory regulation of issues of tourist and recreational activities. It is proposed to develop a number of normative legal acts, in particular: the Law of the Republic of Crimea «On the status of resort towns of the Republic of Crimea»; Law of the Republic of Crimea «On ecological culture and environmental awareness of the population»; Law of the Republic of Crimea «On the sanatorium and health-improving family complex of the Western Crimea All-Russian children's health resort»; Law of the Republic of Crimea «On Tourism»; Law of the Republic of Crimea «On the development of the information and communication industry in the resort towns of the Republic of Crimea».

Keywords: activity of authorities; legal support; normative legal act; Republic of Crimea; cluster; modern tourist and recreational clusters; formation.

Spisok literatury:

1. По итогам 2022 года Крым сохранил место в первой пятёрке ежегодного Национального туристического рейтинга URL: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/article/show/2512> (дата обращения: 20.06.2023).
2. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2022 год URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpEXvXXR_1.pdf (дата обращения: 20.06.2023).
3. Алексеев С. С. Общая теория права : 2-е изд., перераб. и доп. / С. С. Алексеев – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 576 с.
4. Соколов В.Л. Нормативно-правовое обеспечение управления органами внутренних дел Российской Федерации: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2008. №2. С. 288–294.
5. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года N 2129-р URL: <https://docs.cntd.ru/document/561260503>
6. Отставнова Е. А. Развитие туризма на полуострове Крым: конституционно-правовые вопросы / Е. А. Отставнова // Вестник СГЮА. 2017. №2 (115). С. 75–79.
7. Митина Н.Н. Развитие туристско-рекреационного потенциала республики Крым: новые вызовы и пути решения // Государственное управление. Электронный вестник. 2018, № 68С. С. 172-194.
8. Законом Республики Крым от 14 августа 2014 года № 51-ЗРК «О туристической деятельности в Республике Крым» URL: <https://docs.cntd.ru/document/413901877>.

УДК 342.9

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ
СОВЕРШАЕМЫХ В ОБЩЕСТВЕННЫХ МЕСТАХ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 20.3.1 КоАП РФ**

Равнюшкин А. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В соответствии со ст. 29 Конституции Российской Федерации не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также идеи превосходства по данным признакам. В КоАП РФ за действия, возбуждающие ненависть или вражду, унижение человеческого достоинства предусмотрена административная ответственность и меры наказания по ст. 20.3.1 КоАП РФ, которая была введена законодателем в качестве административно-правовой преюдиции к ст. 282 УК РФ, и позволяет уклониться от уголовной ответственности за деяния, признаваемыми в данном случае не представляющими общественной опасности.

В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации данного административного правонарушения, совершаемого в общественных местах: объект и предмет правонарушения, его мотивы и цели, а также способы совершения. Особое внимание уделено квалификации таким действиям, как высказывания в общественных местах, которые обосновывают и (или) утверждают необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии, роду деятельности. Подобная риторика имеет явный экстремистский характер и представляет угрозу обществу, вызывает в нем раскол и несогласие.

Ключевые слова: возбуждение ненависти и вражды, геноцид, депортация, нация, раса, унижение человеческого достоинства.

Федеральным законом от 27.12.2018 № 521 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (далее – КоАП РФ) ст. 282 УК РФ была частично декриминализована получившей аналогичное название статьей 20.3.1. «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Данное решение законодателя стало ответом на давно назревший вопрос о справедливой правовой оценке действий, направленных на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды. Следует обратить внимание на причины, вызвавшие именно такое решение. В литературе справедливо отмечается, что, с одной стороны, явно проявляющийся до 2017 года устойчивый рост количества осуждённых лиц по ст. 282 УК РФ говорит о высокой эффективности работы органов власти по выявлению преступлений и привлечению виновных к ответственности, а с другой – возникают вопросы о справедливости назначаемых наказаний, об их соизмеримости с уровнем общественной опасности [1]. Вопрос заключается в том, что стоит ли сразу привлечь виновное лицо к уголовной ответственности за совершение подобных действий или ограничиться административной ответственностью.

Необходимо отметить, что с момента вступления в силу статьи 20.3.1 КоАП РФ фактически сразу стала формироваться практика прекращения уголовных дел по ст. 282 УК РФ за отсутствием состава преступления в виду частичной декриминализации деяния, что позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства

только тех лиц, которые проигнорировали административно-правовой запрет и были привлечены к административной ответственности за его нарушение. Как справедливо отмечено, данное обстоятельство способствовало некоторому спаду напряженности в обществе, так как новая конструкция уголовной нормы предусматривает привлечение к ответственности лишь тех лиц, деяния которых представляют реальную общественную опасность [1, с. 11]. Введенная же в КоАП РФ норма ориентирована на предупреждение совершения новых правонарушений, прежде всего преступлений, экстремистского характера, как самим правонарушителем, так и другими лицами, так как административное наказание, скорее, выступает в качестве профилактического правового средства борьбы не столько с административными правонарушениями, а сколько с преступлениями экстремистской направленности. В тоже время, как предполагалось, если применение ст. 20.3.1 КоАП РФ не возымеет должного эффекта для лица, его совершившего, то за повторное такое правонарушение необходимо виновное лицо привлечь к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ, обладающей, несомненно, более высоким предупредительным потенциалом. Потому введение административной ответственности и по ст. 20.3.1 КоАП РФ представляется своевременной.

В тоже время наблюдается рост количества выявленных административных правонарушений. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2022 г. на рассмотрение судов общей юрисдикции по ст. 20.3 и 20.3.1 КоАП РФ (сведения по данным составам объединены) поступило 3 448 дел, из которых 473 дела было возвращено для устранения недостатков в постановлениях в органы прокуратуры. 2 690 лиц было подвергнуто наказанию, из которых 1 - юридическое лицо, 5 – должностных лица, 2 – лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, 2 682 – иных физических лиц. В качестве основного административного наказания назначено: письменное предупреждение – 4 лицам, административный штраф - 2 399 лицам, административный арест – 258 лицам, обязательные работы – 29 лиц. В качестве дополнительной меры наказания – конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения – 71 лицу [2]. В виду актуальности данной темы необходимо разобрать состав ст. 20.3.1 КоАП РФ и рассмотреть практику ее применения.

При исследовании данной темы авторами уделялось внимание криминообразующими признаками, позволяющими отграничить уголовно наказуемое возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства от аналогичного административного правонарушения [3, с. 104]. Следуя данной логике, необходимо детально сравнить данное правонарушение со смежными составами, в частности от ст. 20.3 КоАП РФ, которая является самой распространенной среди «экстремистских» административных правонарушений, а также от тех, действия по совершению которых (высказывания, выкрики и т.п.) схожи, например, со ст. 5.61 или 20.1 КоАП РФ. В отдельных случаях рассматривалась практика совершения данного правонарушения в информационной среде [4].

При квалификации данного правонарушения следует учитывать, что запрет на распространение информации, направленной на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды, установлен не только ст. 29 Конституции России, но и ч. 6 ст. 10 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5]. Дела об административ-

ных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ, возбуждаются прокурором (ч. 1 ст. 28.4 КоАП РФ) и подлежат рассмотрению судьями районных судов (ч. 1, ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ). В рамках производства по делам данной статьи могут проводиться экспертизы и иные действия, требующие значительных временных затрат, то есть возможно административное расследование. Поступить обращения (заявления, жалобы) в органы прокуратуры могут от физических и юридических лиц (заявителей), от правоохранительных и иных органов, в том числе органов внутренних дел. Зачастую на практике административные правонарушения по ст. 20.3.1 КоАП РФ, совершаемые в общественных местах, выявляются сотрудниками полиции, как правило участковыми уполномоченными полиции и сотрудниками патрульно-постовой службы, при наличии признаков данного правонарушения заявления граждан и других лиц регистрируются в книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, о происшествиях. Если результаты проверки подтверждают событие правонарушения, то материал направляется в органы прокуратуры для принятия решения о возбуждении дела. В связи с этим, в научной литературе отмечают, что поступившие из органов внутренних дел материалы проверок не всегда бывают полными и качественными. Следствием этого, сотрудникам прокуратуры приходится вновь отбирать объяснения и получать иные доказательства, направлять поручения, в том числе о приводе, и задания в органы внутренних дел что, по – сути, влечет длительную бюрократическую переписку, приводящую вплоть до истечения срока привлечения граждан к административной ответственности, составляющий три месяца с момента совершения правонарушения [6, с. 16]. Однако передача полномочий по возбуждению дел данной категории органам внутренних дел не представляется целесообразной, так как, считается, что, 1) участие в производстве органов прокуратуры и суда дополнительно служит гарантией соблюдения законности и прав человека и гражданина, 2) следует учитывать объект посягательства, о котором будет указано ниже.

В отличие от ст. 282 УК РФ, объектом которой являются основы конституционного строя и безопасность государства, новое административное правонарушение посягает на общественный порядок и общественную безопасность, что вызывает вопросы об обоснованности такого законодательного определения объекта. Безусловно, действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, трактуемые по ст. 20.3.1 КоАП РФ, могут посягать как на конституционный строй, так и на целостность РФ. Объективная сторона обоих составов фактически совпадает, за исключением указания того, что преступные действия совершаются лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение 2 года.

Субъектом данного административного правонарушения является как физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, так и юридическое лицо. Субъективная сторона административного правонарушения характеризуется только прямым умыслом и специальной целью – возбудить ненависть либо вражду, а равно унижить достоинство человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе. Мотивом совершения данного правонарушения является ненависть и (или) вражда самого правонарушителя к потерпевшим по признакам их принадлежности к

расе, социальной группе, национальности и так далее. Субъект правонарушения намеренно совершает действиями по возбуждению ненависти или вражды.

Наибольший интерес представляет объективная сторона, которая выражается в совершении публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе, если эти действия не содержат признаки преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ. Преступление совершается действиями и, согласно судебной практике, таковыми признаются: выступления на собраниях, митингах, распространение листовок, плакатов, размещение соответствующей информации в журналах, брошюрах, книгах, на сайтах, форумах или в блогах, массовая рассылка электронных сообщений и иные подобные действия, в том числе рассчитанные на последующее ознакомление с информацией других лиц [7]. Конкретизируя вышесказанное, отметим, что подобными действиями считаются, например, высказывания экстремистского характера, которые обосновывают и (или) утверждают необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, социальной группы, приверженцев той или иной религии. Административные правонарушения по ст. 20.3.1 КоАП РФ совершаются аналогичными действиями. Необходимо отметить, что совершение таких поступков как демонстрация и (или) пропаганда экстремистской или другой запрещенной символики или атрибутики квалифицируются по другой норме КоАП РФ, по ст. 20.3 КоАП РФ, хотя оба состава имеют именно экстремистские мотивы.

Административной ответственности за данное правонарушение подлежит лицо, совершившее хотя бы одно какое-либо подобное действие любым способом. В настоящее время самым распространенным способом возбуждения ненависти, вражды и унижения человеческого достоинства является размещение информации экстремистского характера в средствах массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети «Интернет» [8, 9]. Представляют практический интерес судебные решения о назначении административных наказаний за совершение данного правонарушения в общественных местах.

Так, например, квалифицированным по ст. 20.3.1 КоАП РФ административным правонарушением признается размещение на стекле автомобиля надписей, возбуждающих ненависть или вражду по рассматриваемым признакам. Лицо было признано виновным Малгобекским городским судом Республики Ингушетия от 19 ноября 2019 г. за размещение на наружной поверхности заднего стекла своего автомобиля марки «Волга» пленки с надписью, «Бей жидов, спасай Россию!» [10]. В данном случае пропаганда или демонстрация какой-либо запрещенной символики не осуществлялась, но, как указано в заключении комплексной психолого-лингвистической экспертизы, текст надписи содержит признаки возбуждения ненависти, вражды и насилия по отношению к евреям, поскольку в нем содержатся выражения неприязни, ненависти и антипатии в отношении определенной расовой, национальной (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц этой группы. Кроме того, виновное лицо в своей речи обратило вни-

мание на народ и национальность евреев, которые, с его точки зрения подлежат насилию, телесным повреждениям, преследованию по признаку расовой и национальной принадлежности и вражды, их следует изгнать из России. Автор высказывания экспрессивно проявлял свое пренебрежение и ненависть к евреям, выражение подчеркивало эмоциональное и агрессивное отношение лица к данной нации. В высказывании содержатся психологические и лингвистические признаки возбуждения розни, вражды и ненависти по экстремистским признакам. Очевидно, что подобные надписи не способствуют межнациональному примирению, но, наоборот, разжигают ненависть и рознь.

Примером действия, квалифицированного по ст. 20.3.1 КоАП РФ, являются оскорбительные выражения, унижающие достоинство человека по признакам пола, национальности, происхождения, отношения к религии. Например, как было установлено судом, гражданин А.И. Лобач, находясь общественном месте – в кабинете поликлинического отделения ГБУЗ НСО «Болотнинская ЦРБ» – публично высказывал в адрес потерпевшей следующие оскорбительные выражения: «Чурка черномазая, ничего не понимаешь, понаехали сюда гастарбайтеры! Гнать вас надо отсюда; уезжай в горы и лечи там своих баранов» [11]. В отличие от действий, подпадающих под административную ответственность за оскорбление по ст. 5.61 КоАП РФ, данное выражение является не просто неприличной, циничной, глубоко противоречащей нравственным нормам и правилам поведения в обществе обращением с человеком, но формой его унижения по вышеперечисленным признакам. В данном случае лицо понимало противоправный характер своего поступка, желало унижить конкретного человека в глазах окружающих. Потому данное правонарушение квалифицировано по ст. 20.3.1 КоАП РФ.

Таким образом, правоприменительная практика ст. 20.3.1 КоАП РФ продемонстрировала своевременность введения данной нормы. Обвинение лица в возбуждении ненависти или вражды по рассматриваемым признакам и его осуждение вызывают достаточно серьезные последствия для виновного. Потому привлечение лица к административной ответственности, ежели к уголовной, за впервые совершенные подобные действия является более справедливым. Проанализировав состав ст. 20.3.1 КоАП РФ следует указать, что он слабо отличается от состава ст. 282 УК РФ. Понятно, что степень общественной опасности противоправного деяния возрастает, если оно совершено повторно. В целом, отличительной особенностью данного правонарушения является то, что действия направлены именно на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Данные мотивы стали неотъемлемой частью субъективной стороны рассматриваемого правонарушения, прописаны в диспозиции, и их определение является ключевым в вопросе его квалификации. Как показывает практика, данное правонарушение совершается в форме действий, как правило, высказываний и надписей, их смысл понятен как потерпевшим, так и окружающим лицам.

Список литературы:

1. Орлова, Е. Ю. Дифференциация ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в зависимости от общественной опасности действий (ст. 282 УК РФ и ст. 20.3.1 КОАП РФ) / Е. Ю. Орлова, В. В. Кулыгин // Юридический факт. – 2019. – № 46. – С. 9-12. (дата обращения – 05.03.2023).
2. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 6 месяцев 2022 года» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации.

- Федерации: официальный сайт: данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения – 05.03.2023).
3. Тараканов, И. А. Ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства: новый подход и перспективы применения / И. А. Тараканов, С. А. Пичугин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 101-105.
 4. Зайцев, И. А. Административная ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в условиях развития информационных технологий / И. А. Зайцев // Административное право и процесс. – 2021. – № 1. – С. 51-53.
 5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3448.
 6. Иванова, Ю. А. Полномочия прокурора по возбуждению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.61 КоАП РФ: требуются изменения / Ю. А. Иванова // Законность и правопорядок. – 2020. – № 4(28). – С. 16-18.
 7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. – 2011. – № 142.
 8. Постановление Спасского районного суда Рязанской области от 22 октября 2020 года по делу № 5-255/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DEv968zNCW6K/> (дата обращения – 05.03.2023).
 9. Постановление Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 3 ноября 2020 года по делу № 5-2957/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Xi8SXaf1begQ/> (дата обращения – 05.03.2023).
 10. Организация взаимодействия подразделений по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России на региональном уровне и органов прокуратуры при документировании правонарушений, предусмотренных статьей 20.3.1. КоАП России: методические рекомендации / Е.Н. Сочилина, И.А. Зайцев, А.В. Лекомцев, И.В. Коворотуша // Банк данных системы научно-технической информации ФКУ НПО СТиС МВД России. – URL: http://172.27.35.100/niokt/2020/vni/vni_6976_1.pdf (дата обращения – 05.03.2023). – Режим доступа: для авториз. пользователей.
 11. Постановление Болотнинского районного суда Новосибирской области от 18 сентября 2020 года по делу № 5-126/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ifPrTvLqrvW1/> (дата обращения – 05.03.2023).

Ravnushkin A.V. Problems of qualification and practice of application of administrative offenses committed in public Places under Article 20.3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 268-274.

In accordance with Article 29 of the Constitution of the Russian Federation, propaganda or agitation inciting social, racial, national or religious hatred and enmity, as well as ideas of superiority on these grounds, are not allowed. The Administrative Code of the Russian Federation provides for administrative responsibility and penalties under Article 20.3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation for actions inciting hatred or enmity, humiliation of human dignity, which was introduced by the legislator as an administrative and legal prejudice to Article 20.3.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, and allows you to evade criminal liability for acts recognized in this case as not posing a public danger. The article deals with problematic issues of qualification of this administrative offense committed in public places: the object and subject of the offense, its motives and goals, as well as methods of commission. Special attention is paid to the qualification of such actions as statements in public places that justify and (or) affirm the need for genocide, mass repression, deportations, the commission of other illegal actions, including the use of violence, against representatives of any nation, race, social group, adherents of a particular religion, occupation. Such rhetoric is clearly extremist in nature and poses a threat to society, causing it to split and disagree.

Keywords: incitement of hatred and enmity, genocide, deportation, nation, race, humiliation of human dignity.

Spisok literatury:

1. Orlova, E. YU. Differenciatsiya otvetstvennosti za vzbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva v zavisimosti ot obshchestvennoj opasnosti dejstvij (st. 282 UK RF i st. 20.3.1 KOAP RF) / E. YU. Orlova, V. V. Kulygin // YUridicheskij fakt. – 2019. – № 46. – S. 9-12. (data obrashcheniya – 05.03.2023).
2. № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях за 6 месяцев 2022 года» // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт: данные судебной статистики. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7096> (дата обращения – 05.03.2023).

3. Tarakanov, I. A. *Otvetstvennost' za vzbuzhdenie nenavisti ili vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: novyj podhod i perspektivy primeneniya* / I. A. Tarakanov, S. A. Pichugin // *Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta*. – 2019. – № 3(52). – S. 101-105.
4. Zajcev, I. A. *Administrativnaya otvetstvennost' za vzbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva v usloviyah razvitiya informacionnyh tekhnologij* / I. A. Zajcev // *Administrativnoe pravo i process*. – 2021. – № 1. – S. 51-53.
5. *Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii: Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ* // *Sobranie zakonodatel'stva RF*. – 2006. – № 31 (chast' I). – St. 3448.
6. Ivanova, YU. A. *Polnomochiya prokurora po vzbuzhdeniyu del ob administrativnyh pravonarusheniyah, predusmotrennyh st. 5.61 KoAP RF: trebuyutsya izmeneniya* / YU. A. Ivanova // *Zakonnost' i pravoporyadok*. – 2020. – № 4(28). – S. 16-18.
7. *O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 28 iyunya 2011 g. № 11* // *Rossijskaya gazeta*. – 2011. – № 142.
8. *Postanovlenie Spasskogo rajonnogo suda Ryazanskoj oblasti ot 22 oktyabrya 2020 goda po delu № 5-255/2020* // *Sudebnye i normativnye akty Rossijskoj Federacii: sajt*. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DEv968zNCW6K/> (data obrashcheniya – 05.03.2023).
9. *Postanovlenie Bujnaskogo gorodskogo suda Respubliki Dagestan ot 3 noyabrya 2020 goda po delu № 5-2957/2020* // *Sudebnye i normativnye akty Rossijskoj Federacii: sajt*. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Xi8SXaf1begQ/> (data obrashcheniya – 05.03.2023).
10. *Organizaciya vzaimodejstviya podrazdelenij po protivodejstviyu ekstremizmu territorial'nyh organov MVD Rossii na regional'nom urovne i organov prokuratury pri dokumentirovanii pravonarushenij, predusmotrennyh stat'ej 20.3.1. KoAP Rossii: metodicheskie rekomendacii* / E.N. Sochilina, I.A. Zajcev, A.V. Lekomcev, I.V. Kovorotusha // *Bank dannyh sistemy nauchno-tekhnicheskoy informacii FKU NPO STiS MVD Rossii*. – URL: http://172.27.35.100/niokr/2020/vni/vni_6976_1.pdf (data obrashcheniya – 05.03.2023). – Rezhim dostupa: dlya avtoriz. pol'zovatelej.
11. *Postanovlenie Bolotninskogo rajonnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 18 sentyabrya 2020 goda po delu № 5-126/2020* // *Sudebnye i normativnye akty Rossijskoj Federacii: sajt*. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ifPrTvLqrvW1/> (data obrashcheniya – 05.03.2023).

УДК 342.7

ВКЛАД КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМНОЙ И НЕПРОТИВОРЕЧИВОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Рублев А. Г.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

С позиции теории и практики рассмотрены отдельные вопросы исторических, теоретических и практических основ реализации конституционного принципа равенства как краеугольного камня справедливого судебного разбирательства. Проанализированы отраслевые аспекты реализации конституционного принципа с точки зрения единообразного применения закона при осуществлении правосудия. По результатам исследования обозначены конкретные проблемы реализации конституционного принципа равенства в судебной практике, предложены пути их решения. В целях обеспечения приоритета конституционного права на охрану здоровья и медицинскую помощь в балансе частных и публичных интересов, реализуемых в правосудии, отмечена необходимость исключения необоснованных полномочий медицинской комиссии уголовно-исполнительной системы при проведении процедуры освидетельствования осужденного. Перечисленное призвано дать импульс дальнейшему научному осмыслению реализации конституционных принципов в судопроизводстве, а также задать тенденцию к упрощению существующей процессуальной формы освобождения тяжелобольных осужденных в контексте современных противоречий и рисков.

Ключевые слова: принцип равенства, судебная практика, справедливое судебное разбирательство, Конституционный Суд РФ, отбывание наказания.

Принцип равенства всех перед законом и судом конкретизируется принципами состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве (ч.3 ст. 17; ч. 1 и 2 ст. 19; ч. 3 ст. 123 Конституции РФ) [1], которые в свою очередь предполагают такой характер судопроизводства, при котором функция суда по разрешению дела отделена от функций спорящих перед судом сторон. Осуществляя правосудие как свою исключительную функцию, суд во всех видах судопроизводства, в том числе уголовном, обязан предоставлять сторонам равные возможности для отстаивания своих позиций и потому не может принимать на себя выполнение их процессуальных функций (пост. Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 №19-П [2], от 14.02.2002 №4-П [3], от 5.02.2007 №2-П [4], Определение от 13.05.2002 №166-О [5]).

В одном из постановлений КС РФ подчеркнул, что стороны в судебном процессе равны перед законом и судом – вне зависимости от того, в какой организационно-правовой форме выступают данные участники судопроизводства, а возникший между ними спор разрешается на основе принципов состязательности и равноправия сторон (Постановление от 16 июля 2004 г. № 15-П) [6, с.178-179].

В этом исследовании в основном рассматриваются вопросы развития и правового регулирования принципа равенства всех перед законом и судом. В то же время, чтобы придать исследованию надлежащее измерение, рассматривается концепция, правовая природа и сфера охвата юридического равенства, как на уровне теории, так и на уровне судебной практики. Цель в том, чтобы определить правильный метод процедурного равенства, чтобы избежать необоснованных и незаконных решений, которые противоречат основополагающим конституционным принципам. В то же время проводится оценка вклада прецедентного права высших судов России в

обеспечении принципа равенства в судопроизводстве, и, в частности, степени приверженности правоприменителей судебной практики Конституционного и Верховного судов РФ. Среди рассматриваемых вопросов, ключевое значение имеет вопрос о том, требует ли равенство в области судопроизводства строгого соблюдения формального равенства или, наоборот, оно также требует его эффективной реализации. Ответ будет неразрывно связан с вопросом о допустимых или недопустимых отступлениях, исключениях из гарантированного процессуального равенства.

Сегодня общий принцип равенства закрепляет не только равенство граждан перед законом, но и равенство самого закона по отношению к гражданам. Конституционная гарантия включает в себя не только единообразное применение закона ко всем гражданам России без исключения всеми публичными органами власти, учитывая запрет произвольному усмотрению правоприменителя в целях одинакового применения закона в отношении разных лиц при идентичных обстоятельствах дела путем равного регулирования законом правоотношений, однако так было не всегда.

Равенство, как идеологическая основа демократии, было сформулировано как концепция еще в классической древности, но касалось только свободных граждан, а не рабов. Согласно философской теории Аристотеля, идеальным государством было такое, в котором народ избирал самых выдающихся, соблюдая установленные законом требования, в то время как принцип равенства гарантирует право всех свободных граждан занимать должности в городе-государстве, причем их избрание не зависело от их имущественного положения.

Кроме того, политическое равенство участия граждан во власти, было характерной чертой демократического режима, организованного Клисфеном. Однако Фукидид концептуально определил равенство в контексте афинского государственного устройства, записав слова Перикла: «Согласно законам, все граждане имеют равные права в отношении своих личных различий, в то время как в отношении государственных должностей предпочтение отдается тем, кто уже успешно прошел проверку, с определенной индивидуальной ценностью, а не социальному происхождению, чтобы бедняку не мешали из-за его социальной безвестности, если он способен предложить полезные действия городу».

Равенство было признано в его абсолютной форме в рамках стоической философии примерно в 3 в. до нашей эры. В концепции естественного права заложено понятие равенства. Согласно учению Зенона Китийского, остальных стоиков все люди (свободные или рабы, граждане или иностранцы) равны как граждане большого государства и живут по одним и тем же законам. Сближение древнего идеала гармонии могло бы быть достигнуто путем разработки похожего законодательства, в то время как позитивное право каждой страны должно быть направлено на общее благо всего человечества. Стоическая философия естественного права достигла своего полного расцвета во времена Римской империи. В рассматриваемой период Цицерон был главным защитником и представителем ее идеалов, согласно которым доктрина служения общественным интересам, которая ставится выше личных желаний, сознательно и рационально принимается людьми, знающими наследие предков в служении общественным интересам [7]. Одним из насыщенных периодов эволюции принципа равенства стал 18 век, когда под влиянием идей Просвещения, он был отражен, например, в Американской декларации независимости от 1776 г. [8]. Равен-

ство, однако, доминировало как идея тринадцать лет спустя во времена Французской революции, где важен был вклад Жан-Жака Руссо (1712-1778).

Таким образом, равенство как естественное право личности было окончательно отражено в тексте Французской декларации прав человека и гражданина от 1789 г., в которой указано, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», а также о том, что закон «должен быть одинаковым для всех, независимо от того, защищает он или наказывает» [9]. Почти два столетия спустя Всеобщая декларация прав человека признала, что «все люди рождаются свободными и равными в достоинстве и права. Они наделены разумом и сознанием» [10].

Не вызывает сомнения факт оценивания общего взгляда на равенство как на концепцию, которая была сформулирована уже в классической древности, признана в своей абсолютной форме в рамках философии стоиков и конституционно провозглашена в 18 веке под влиянием идей Просвещения.

Следует отметить, что идея равенства на протяжении веков служит основополагающим идеалам, являясь основой и сущностью правового государства, опорой свободы и гарантией справедливости. По крайней мере, с этической точки зрения, потому что на онтологическом уровне реальность, описанная исследователями, нередко, содержательно отличается. Так, отметим, что среди конституционных принципов распространено нарушение принципа равенства перед законом и судом. Указанный принцип нарушается во всех сферах: социальной и экономической, интеллектуальной, политической, в области судебной защиты.

Исследования материала, однако, оставалось бы неполным и бессмысленным, если бы не была предпринята попытка выявить нарушения процессуального равенства, особенно в контексте осуществления правосудия: нередко нарушение равенства сторон проявляется в несправедливом явлении процессуального превосходства в судопроизводстве в пользу представителей публичной власти.

В то же время представляется, что попытка определить принцип равенства сторон в контексте арбитража и медиации, которые являются альтернативными механизмами разрешения частных споров, обоснованно набирает силу. В арбитражном судопроизводстве при посредничестве, возможно, разрешать споры, что, несомненно, будет способствовать более быстрому вынесению справедливого решения.

Принцип равенства сторон в современной ситуации трансформируется, преобразуется в контексте вышеупомянутых альтернативных институтов. Следует учитывать вопрос, который все больше касается теории и судебной практики. В частности, нельзя не учитывать, что надлежащее обеспечение соблюдения принципа равенства сторон связано с принципом справедливого судебного разбирательства и верховенства права.

Признавая, что исследование реализации принципа равенства является особенной задачей в данном контексте, предпринята попытка подойти к принципу равенства с позиции конституционализма с конечной целью выявления и, в конечном счете, осуждения его нарушений. Отправной точкой и основой исследования является формальное, процедурное равенство, которое влечет за собой множество рисков, поскольку в ходе разбирательства может возникнуть ситуация, позволяющая манипулировать юридическими целями и средствами, и, в конечном счете, узаконить неравенство, приводя к нарушению основных прав, принципов и ценностей.

Таким образом, эта работа начинается с надежды на то, что содержание процессуальных кодексов, послужит уязвимым участникам судопроизводства обеспечить равные права в судебном разбирательстве, что исключит возможности неравенства.

Важно подчеркнуть, что в судопроизводстве преобладает формальное равенство сторон. Однако теоретический баланс процессуальной позиции сторон на практике может быть смещен в ущерб им из-за некоторых неотъемлемых и естественных дисбалансов, которые законодатель предпочитает уравнивать по соображениям процессуального равенства. Нельзя не обойти вниманием необходимость определения основных критериев - причин, которые подталкивают законодательные органы и высшие судебные органы вмешиваться в механизмы, обеспечивающие процессуальное равенство и состязательность сторон.

Соответственно, обоснованность этих критериев является важнейшим инструментом для проверки допустимости ограничений процедурного равенства, с тем, чтобы сделать очевидными любые неоправданные пробелы в нем. Ввиду невозможности достижения полного материального равенства между всеми людьми европейские конституции прошлых веков, не исключая нормативные правовые акты Российской империи, предпочли закрепить в качестве важнейшего компонента функционирования правового государства юридическое равенство, то есть равенство прав и обязанностей. В частности, принцип равенства в правосудии в отечественных процессуальных кодексах был закреплен в 1864 г. в ходе судебной реформы Александра II. В результате получил реализацию принцип равноправия участвующих сторон, учреждены публичные слушания, суды присяжных, организована деятельность профессиональных адвокатов, которой никогда не существовало ранее.

Впоследствии отечественное законодательство ограничило равенство и состязательность сторон в советском судебном разбирательстве. Не вдаваясь в детали эволюции содержания законодательства, отметим, что представляют интерес изменения политической доктрины уже в 90-х гг. XX в. в рамках предмета нашего исследования, поскольку обращение к построению правового государства оказало непосредственное воздействие на концепцию всего судопроизводства.

Чрезвычайно значима роль принципа равенства всех перед судом, поскольку суд является наиболее эффективным средством защиты и восстановления прав и свобод в случае спора или их нарушения. Как известно, положение ч. 1 ст. 19 Конституции РФ о равенстве всех перед законом и судом означает, что этот принцип распространяется на граждан России, граждан других государств, лиц без гражданства.

Подлинное равноправие граждан во всех областях экономической, политической и культурной жизни, а также при осуществлении правосудия обеспечивается тем, что суды не отдают предпочтения участвующим в процессе субъектам по признакам их государственной, социальной, половой, расовой, национальной, языковой или политической принадлежности либо в зависимости от происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, места рождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а равно и по другим не предусмотренным федеральным законом основаниям (статья 7 ФКЗ от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации») [11].

Ч. 3 ст. 19 Конституции РФ определяет, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы, что соответствует ст. 3 Международного пакта о гражданских и политических правах [12]. Здесь указано также на равные возможности мужчины и

женщины для реализации своих прав. Это указание не должно истолковываться буквально. Общеизвестно социальное значение материнства и роль женщины в продолжении рода, вследствие чего женщина нуждается в дополнительных гарантиях в этой сфере (ст. 38 Конституции РФ). Таким образом, конституционная гарантия включает в себя не только единообразное применение закона ко всем гражданам России без исключения всеми публичными органами власти, а именно всеми ветвями власти, учитывая равное регулирование законом сходных правоотношения в смысле равного обращения с гражданами.

Конституционный принцип равенства, исключающий уравнильное обращение, понимается в существенном или соразмерном смысле, требующем, чтобы ситуации не рассматривались по существу аналогичным образом – без объективной причины – иным образом и по существу непохожим образом – без объективной причины – аналогичным образом. Такое же содержание приписывается, к примеру, равенству перед законом на уровне основных прав ЕС (ст. 20 Хартии основных прав ЕС) [13].

В отношении отклонения от общего правила равного обращения, речь о такой допустимости возможно в том случае, если дифференциация объективно оправдана, то есть безличным и общим образом, может быть согласуется с преследуемой целью и характером регулируемого предмета. Считается, что концепция пропорционального равенства способствует эффективной реализации общего равенства, поскольку она функционирует как эффективное средство, с помощью которого достигается желаемое, но почти недоступное приверженцам правового позитивизма.

В данном смысле актуально рассмотреть принцип общей не дискриминации, как гарантию обеспечения и эффективной реализации принципа равенства с конечной целью гарантировать равные возможности для всех, независимо от «пола, расы, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного или иного статуса».

Что касается равенства перед законом, то запрет дискриминации утверждает, что он не вводит неоправданную дискриминацию, которая нарушает его содержание. Действительно, как указывает теория и практика, основной проблемой при применении принципа равенства является неопределенность в отношении того, что сходно, а что отличается, так что обращение соответственно является равным или дифференцированным.

Следовательно, наиболее удобным способом определения содержания равенства является отрицательный, то есть путем исключения определенных характеристик, как основания для законной дискриминации. Идея заключается в том, что такие критерии, как раса, цвет кожи, пол, религия, социальная принадлежность, возраст, инвалидность вызывают подозрение как потому, что они часто использовались в прошлом для угнетения или ограничения прав какой-то группы лиц, так и потому, что они логически не являются элементами, оправдывающими дискриминацию.

Понятно, что любое регулирование, которое представляет собой, даже косвенно, запрещенную дискриминацию, нарушает принцип равенства перед законом.

Принцип равенства сторон в правосудии, общеизвестно, находит законодательную основу в статьях процессуальных кодексов, где указано, что «стороны имеют одинаковые права и обязанности и равны перед законом». При этом указанные управомочивающие нормы в различной юридической форме выражают равнозначные, эквивалентные правовые положения, что направлено на достижение целей су-

допроизводства, то есть эффективного, справедливого и в разумные сроки отправления правосудия в различных формах судопроизводства посредством процесса, обеспечивающего равное участие сторон. Более того, равенство, подобно достоинству человеческой личности, представляет собой матрицу в вопросах основных прав. Поскольку нарушение принципа затрагивает основы правовой системы, индивидуум не может отказаться от него, даже если во имя осуществления личной свободы этот отказ мог бы дать ему конкретное преимущество.

Таким образом, всеобщность понимается не только формально, путем обращения к абстракции категорий, но и материально, посредством ссылки на требование единообразного применения права. В этом отношении тесная связь объединяет равенство с каждой из основных характеристик процессуальных кодексов, подчеркивая структурирующее значения принципа.

В прецедентном праве равенство фигурирует по существу, как структурный принцип правовой системы. Он лежит в основе каждой из политик, основанных на общих одинаковых стандартах, что обеспечивают как ее согласованность, так и единство. Ниже этой системной логики принцип не дискриминации представляет собой рабочее выражение обязательства равного обращения, обязательного для субъектов правопорядка в конкретных случаях. Отрицательный оборот, который принимает это выражение, придает термину «дискриминация» уничижительный оттенок, что влияет на мир права: дискриминация в принципе всегда запрещена.

С этой точки зрения практика высших судов России породила значительный объем прецедентного права с несколькими сотнями судебных актов, требующих эффективной защиты равенства перед законом.

Принцип равенства перед законом для того, чтобы быть полностью действенным, очевидно, требует одинакового отношения к сходным ситуациям, но он также предполагает, что лица в разных ситуациях подчиняются разным режимам. Равенство должно быть не только формальным, но и материальным. Идея о том, что право должно быть адаптировано к особым ситуациям, постепенно появляется с эволюцией норм права, которое предлагает свою собственную эгалитарную парадигму: запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях; при равных условиях субъекты права должны находиться в равном положении; если же условия не являются равными, федеральный законодатель вправе устанавливать для них различный правовой статус [14].

Судья должен систематически проверять сопоставимость ситуаций, чтобы оценить, действительно ли идентичная или различная квалификация соответствует сходным или единичным ситуациям. Правосудие основано на требовании непосредственного анализа фактических ситуаций, который предшествует разрешению дела, определяющего правовую оценку. Таким образом, деятельность судьи должна иметь в первую очередь конституционно-правовой подход, что не всегда происходит на практике. По сути, неравенство не обязательно должно быть реальным, вполне может быть, что это риск отрицательного проявления в будущем. Глубина анализа ситуации должна быть такова, чтобы анализ материалов дела судом, его погружение в исследование всех обстоятельств дела способствовали обнаружению дискриминационных ограничений для нивелирования негативного воздействия на права участника судопроизводства.

Таким образом, организующую роль, с этой точки зрения в широком смысле могло бы сыграть прецедентное право, как материальный источник законодательства. В свою очередь, законодательство представляет собой углубление прецедентного права, предоставляя судьям средства для определения требований равенства при применении закона. Это подтверждает постоянное обогащение законодательства прецедентным правом и прецедентного права законодательством. В результате изложенное показывает, что вопросы реализации принципа равенства являются частью проблемы структурирования и обеспечения согласованности, стабильности правовой системы страны. Реализация процессуальных норм прямо пропорционально зависит от эффективного механизма правового регулирования. Пробелы процессуального законодательства, его неточности и противоречия влияют на применение норм материального права.

Рассмотрим на конкретном примере проблемы вышеизложенных теоритических положений при реализации конституционного принципа равенства. Мы исходим из верной посылки, что лица с определенным процессуальным статусом наделены равными правами и несут равные обязанности. Равенство перед законом проявляется в единстве права, применяемого одинаково ко всем участникам судопроизводства и к правовой квалификации обстоятельств дела.

Таким образом, основа равенства участников судебного процесса перед законом и судом связана с правом или гарантиями на доступ к правосудию, на справедливый суд и означает одинаковое применение судом закона ко всем участникам судебного процесса и в соответствии с целью правовой нормы в рамках беспристрастного отношения суда ко всем участникам судебного процесса и обеспечения им равных процессуальных прав. Принцип равенства обеспечивается тем, что каждое дело рассматривается в одном и том же процессуальном порядке с одинаковым объемом гарантий для участников дела.

Вместе с тем распространена и другая судебная практика. Одной из общих проблем правосудия является проблема обеспечения наряду с формальным равенством реального равенства при разбирательстве в одинаковой процедуре и участниками с едиными гарантиями в аналогичных условиях.

Показательно в этом отношении судебное разбирательство, наблюдаемое автором непосредственно. 09.02.2023 Дзержинский райсуд г. Волгограда отказал осужденному В. в удовлетворении ходатайства об освобождении от наказания, несмотря на установление наличия заболевания, препятствующего отбыванию наказания [15].

При этом по другому материалу ранее 29.04.2021 Керченский городской суд этого же осужденного В. освободил от наказания в связи с болезнью. После освобождения судом в 2021 г. от наказания, В. проходил лечение, но вновь был осужден в 2022 г. за деяния, совершенные до первоначального освобождения в связи с болезнью. За период после вышеизложенного медицинского освидетельствования комиссией ФСИН в 2021 г. состояние здоровья В. ухудшилось. Кроме того, учитывая возможности медицинской службы ФСИН, необходимое лечение осужденного в условиях медицинских подразделений ФСИН невозможно. Для разъяснения сторонам и суду связанных с указанными обстоятельствами вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста в области неврологии, по инициативе защитника к разбирательству по существу в уголовном деле в 2022 г. был привлечен в качестве специалиста невролог медико-санитарной части ФСИН России.

Допрошенный в судебном заседании специалист, в частности, показал, что у В. имеется неврологическая патология, тяжёлая спинномозговая травма, паралич нижних конечностей. Учитывая установленный диагноз и степень её выраженности было указано в заключении что, он мог быть освобождён отбывания наказания по итогам исследований. Очевидно, что его дальнейшее состояние не несёт положительной динамики по заключению, заболевание входит в Перечень тяжелых заболеваний, которые препятствуют содержанию под стражей и отбыванию наказаний в виде лишения свободы входит в раздел 14 пункта 56 установленного Перечня».

Следовательно, в суде 1-й инстанции при производстве по существу уголовного дела, была установлена отрицательная динамика состояния здоровья подсудимого.

По мнению стороны защиты, в содержании медицинского заключения от 12.01.2023, допущена неоднозначность выводов медицинской комиссии, что в свою очередь, повлияло отрицательно на выводы суда в ходе рассмотрения ходатайства об освобождении в связи с болезнью В., поскольку там содержится рекомендация, что осужденный В. «может отбывать наказание на общих основаниях».

Сторона защиты полагала, что применительно к осужденным, отбывающим наиболее строгое наказание, а именно, как лишение свободы, подобный подход не может быть признан обоснованным. В связи с тем, что дальнейшее отбывание наказания тяжелобольным осужденным В., сопряженно с ограничением лица в возможности получения необходимого лечения и ухода, гарантирующих безопасность его жизни и здоровья, противоречит основным конституционным правам, допущение изложенного поверхностного усмотрения должностными лицами при подготовке заключения для представления в суд и дача показаний не соответствующих действительности при решении вопроса об освобождении осужденного от наказания в виде лишения свободы были неприемлемы.

Сведения об обстоятельствах, имеющих значение о возможной терапии в местах лишения свободы, подлежали проверке в судебном заседании и отражению в постановлении суда, что не было сделано. Сторона защиты полагает, что постановление немотивированно и не содержит конкретные законные основания решения.

Кроме того, по одному и тому же ходатайству не может быть взаимоисключающих друг друга решения относительно судьбы осужденного в части возможности отбывания наказания, принятых судами в рамках уголовного процесса.

Если суд ранее в 2021 г. пришел к выводу, что В. не может отбывать наказание в местах лишения свободы, следовательно, это постановление имеет преюдицию (обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением по другому делу, в котором участвует то же лицо).

Впоследствии Волгоградский областной суд оставил в силе постановление суда 1-й инстанции. При этом сторона защиты полагает, что судам первой и апелляционной инстанции необходимо учитывать, что правила преюдиции не действовали бы только в случае, когда состояние здоровья осужденного В., предусматривает какое-либо возможное улучшение. В предмет исследования суды не стали брать динамику заболевания (например, возможность улучшения состояния здоровья по сравнению с 2021 г.). Суды поверхностно отнеслись к тому факту, что В. является бессрочно инвалидом 1 группы. Игнорирование этого факта судом 1-й и 2-й инстанции в силу ст. 3 ФКЗ от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» недопустимо.

Необходимо подчеркнуть, что ссылку на возможность отбывать наказание В. в заключении медкомиссии ФСИН, влияющую на выводы суда первой и второй инстанции, сторона защиты считает несостоятельной, поскольку суд не вправе подвергать сомнению или пересматривать обстоятельства и выводы, изложенные в постановлении Керченского городского суда с учетом отсутствия в материалах доказательств улучшения или какой-либо положительной динамики состояния здоровья В.

Помимо изложенного, суды не применили следующую правовую позицию Конституционного Суда РФ. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 21.12.2011 № 30П, [16] признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Безусловно, что преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.

В современных условиях трудно представить себе, если читатель двух судебных актов не сможет увидеть в тексте решения реальных фактических обстоятельств, которые позволили в первом деле решить иначе, чем во втором. Такая практика дискредитирует судебную систему и создает ощущение нарушения базового принципа формального равенства всех перед лицом права. Возникают различные подозрения по поводу истинных причин столь разных решений, а доверие к судебной системе является важнейшим элементом нормального функционирования права в любой стране. Ведь распространение подобной практики позволяет нечистоплотному судье, не способному устоять перед административным давлением или коррупционными соблазнами либо имеющим иные порочные мотивации, маскировать свои неправомерные решения, прикрывая их одной лишь отсылкой к доброй совести. Таких примеров достаточно [17].

Следует констатировать, что излишне и нелогично сохранять дополнительно вывод в медицинском заключении: «может или не может содержаться на общих условиях», если установлен факт наличия заболевания, включенного в перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания. Этой оговоркой по существу обеспечивается конституционное право осужденного на квалифицированную медицинскую помощь. Эта формулировка не обладает ясностью и точностью, необходимой для определения ее значения и объема, не соответствует цели, которую преследует законодатель, утвердивший норму, позволяющую освободить тяжелобольного осужденного от наказания. Трудно не согласиться, что любые ограничения должны регулироваться только законом в контексте значения ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

На основании изложенного очевидна необходимость исключения из Приложения № 2 «Заключение врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы РФ о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания» Приказа Министерства юстиции РФ от 15.02.2021 № 19 об утверждении форм направления на медицинское освидетельствование осужденного, ходатайствующего об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью следующего вывода, заполняемого в заключении медицин-

ской комиссии - «По состоянию здоровья не может/может (нужное подчеркнуть) содержаться в исправительном учреждении на общих основаниях» [18].

Данная точка зрения основывается на пункте 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 о судебной практике освобождения от отбывания наказания [19]: «определяющее значение имеет установление судом наличия у осужденного тяжелой болезни, препятствующей отбыванию им назначенного наказания» [19]. Таким образом, у врачебной комиссии ФСИН будет меньше способов препятствовать тяжелобольным в освобождении по болезни и, по сути, подменять собой суд (т.е. решать, кто будет свободен и сможет проходить лечение на должном уровне, а кто останется в местах лишения свободы).

Более того, предложенные изменения благоприятно повлияют на исключение коррупциогенного фактора, поскольку наличие необоснованно широких пределов усмотрения сотрудников ФСИН создает условия для проявления коррупции. Применение предложенных способов для решения существующих проблем повлечет за собой повышение уровня состязательности при рассмотрении судом ходатайства об освобождении от наказания осужденного. От предоставляемых стороной защиты доказательств, от характера и степени ограничений зависит и степень регламентации порядка освобождения от наказания, а также непосредственно и сама реализация конституционных прав человека в местах лишения свободы.

В заключении необходимо отметить, что процессуальное равенство, однако, является проявлением не только конституционного требования равенства, но и принципа справедливого судебного разбирательства. Право на справедливое судебное разбирательство – это процесс, где требования и возражения выносятся на равной основе и взаимно без какой-либо дискриминации сторон, его следует толковать широко. Человек имеет право на справедливое, публичное и в разумные сроки рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, действующим на законных основаниях, который примет решение либо по спорам о правах и обязанностях гражданского и административного характера, либо в уголовном процессе.

Право на справедливое судебное разбирательство, будь то уголовное или гражданское, административное дело, прямо включает такие гарантии, как сохранение право быть выслушанным, гласность судебного разбирательства, публичное оглашение судебных решений, независимость и беспристрастность суда, и рассмотрение дела в разумные сроки. Справедливость — это добродетельный порядок человеческих отношений как функция признания и институционального обращения с поведением лица или нескольких лиц, безусловно, в соответствии с законом или вопреки закону. Для отправления правосудия должны быть действующими конституционные принципы правосудия и судебная структура, которая переводит предписания закона в последующее судебное действие.

Представляется, что принцип справедливости обязывает каждого отдельного человека придерживаться себе подобных в обычных ситуациях или экстраординарных использовать критерии суждения и последующее поведение, соответствующее справедливости в смысле честности, порядочности и не причинения вреда другим. Именно в этом смысле справедливость становится нравственной добродетелью, имеющей огромное аксиологическое значение, на основе которой соблюдаются правила поведения, касающиеся себя и других в обязанностях и ожиданиях.

Однако справедливость для себя, для других и для кого бы то ни было превращается в обязанность и право которое касается любого участника судопроизводства. Справедливость — это постоянная и вечная воля, воплощенная в действии, воздать каждому по заслугам. Справедливость, которая всегда осуществляется как воля народа, также является репрессивным действием, законной силой для защиты прав всех, поэтому обязать суд в определённых обстоятельствах вершить правосудие, к примеру, рассматривая материалы.

Отказ в правосудии, или неприменение критериев справедливости, есть несправедливость, при разной степени тяжести ее осуществления в ущерб одному или нескольким лицам. Реализация принципа равенства, в свою очередь, является единственным и надежным способом добиться справедливости, что составляет реальную цель правосудия. Перечисленное призвано дать импульс дальнейшему научному осмыслению реализации конституционных принципов в судопроизводстве, а также задать тенденцию к упрощению существующей процессуальной формы освобождения тяжелобольных осужденных в контексте современных противоречий и рисков.

Фактически толкование Конституционным и Верховным судом РФ справедливого судебного разбирательства постепенно должно привести к созданию в прецедентном праве некоторых дополнительных гарантий стабильной, непротиворечивой судебной практики, которые, хотя и не были прямо предусмотрены, вытекают из духа Конституции РФ. Такие гарантии, влияющими на законность судебных актов и реализацию участниками правоотношений прав, должны строиться на праве доступа к правосудию, праве на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 [с учетом поправок] // СПС КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lhzbqzxx8ji331893453/.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СПС КонсультантПлюс — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12563/ (дата обращения: 30.04.2023).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2002 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 140 ГПК РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер» // СПС КонсультантПлюс — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7079/.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СПС КонсультантПлюс — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (дата обращения: 30.04.2023).
5. Определение Конституционного суда РФ от 13.06.2002 г. № 166-О по жалобе гражданина Поляницы Виктора Ивановича на нарушение его конституционных прав статей 324 ГПК РСФСР // СПС КонсультантПлюс — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=13752#zfy9ogTOzNe1P76z/>.
6. Умнова-Конюхова, И.А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. — М.: РГУП, 2019. — 178-179 с.
7. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман, — М.: ИНФРА-М — НОРМА, 1998. 37 с. — URL: https://www.studmed.ru/view/berman-g-dzh-zapadnaya-tradiciya-prava-epoha-formirovaniya_a2d8dfde004.html (дата обращения 30.04.2023) — Текст электронный.
8. Американская декларация независимости 1776 г. // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?red=doc&base=INT&n=57163&ysclid=lic2zzfyh3284346237>.
9. В. К. Печоев, А. Р. Швандерова. Теория государства и права: учебник. — М.: Прометей, 2017. — 330 с.

10. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=li7ntmwdyn765021409
11. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/?ysclid=lhz7ndzfbj19880029/.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (дата обращения: 30.04.2023).
13. Хартия основных прав Европейского союза принята в г. Ницце 07.12.2000 г. // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10210>.
14. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2020 по делу № 88-7565/2020 // СПС КонсультантПлюс. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=s11gcgTo8bTDR01N&cacheid=E25BC03B9FAD544E76C86F9B30B93B93&mode=splus&rnd=oSkfcgTCKkxieufV1&base=KSOJ005&n=10239#Ba2gсгTEPwHIFKUR1> (дата обращения: 03.06.2023)
15. Постановление Дзержинского районного суда г. Волгограда от 09.02.2023 по делу № 4/3-7/2023 // Дзержинский районный суд г. Волгограда. – URL: https://dserg-vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo/ (дата обращения: 17.04.2023).
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123948/?ysclid=lhz86bvi4d59449069/
- Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 ГК РФ «Статья 1. Основные начала гражданского законодательства» // ЮСС «Система Юрист». – URL: <https://www.1jur.ru/#/document/160/2206445/bssPhr1/?of=copy-23a3ffa729/> (дата обращения: 30.04.2023).
17. Приказ Министерства юстиции РФ от 15.02.2021 № 19 «Об утверждении форм направления на медицинское освидетельствование осужденного, ходатайствующего об освобождении (представляемого к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью, заключения врачебной комиссии медицинской организации уголовно-исполнительной системы РФ о наличии или отсутствии у осужденного заболевания, препятствующего отбыванию наказания, и журнала регистрации медицинских освидетельствований осужденных, ходатайствующих об освобождении (представляемых к освобождению) от отбывания наказания в связи с болезнью» следующей рекомендации // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377500/?ysclid=lhz8ijmbli20244619/
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 года № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/?ysclid=lhz8s7yv5z437387588/

Rublev A. G. The contribution of the constitutional principle of equality to the formation of a systematic and consistent law enforcement practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 275–287.

From the standpoint of theory and practice, certain issues of historical, theoretical and practical foundations for the implementation of the constitutional principle of equality as the cornerstone of a fair trial are considered. The sectoral aspects of the implementation of the constitutional principle are analyzed from the point of view of the uniform application of the law in the administration of justice. Based on the results of the study, specific problems of the implementation of the constitutional principle of equality in judicial practice are identified, and ways to solve them are proposed. In order to ensure the priority of the constitutional right to health protection and medical care in the balance of private and public interests implemented in justice, the need to exclude the unreasonable powers of the medical commission of the penitentiary system during the examination of the convict is noted. The above is intended to give impetus to further scientific understanding of the implementation of constitutional principles in legal proceedings, as well as to set a trend towards simplifying the existing procedural form of release of seriously ill convicts in the context of modern contradictions and risks.

Keywords: principle of equality, judicial practice, fair trial, the Constitutional Court of the Russian Federation, serving a sentence.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 [s uchetom popravok] // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=lhz6qzx8ji331893453/.

2. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.11.1996 № 19-P «Po delu o provere konstitucionnosti stat'i 418 UPK RSFSR v svyazi s zaprosom Karatuzskogo rajonnogo suda Krasnoyarskogo kraja» // SPS Konsul'tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12563/.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.02.2002 № 4-P «Po delu o provere konstitucionnosti stat'i 140 GPK RSFSR v svyazi s zhaloboj grazhdanki L.B. Fisher» // SPS Konsul'tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7079/ (data obrashcheniya: 30.04.2023).
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 05.02.2007 № 2-P «Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij statej 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 i 389 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan, zhalobami otkrytyh akcionerных obshchestv «Nizhnekamskneftekhim» i «Hakasenergo», a takzhe zhalobami ryada grazhdan» // SPS Konsul'tantPlyus – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (data obrashcheniya: 30.04.2023).
5. Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 13.06.2002 g. № 166-O po zhalobe grazhdanina Polyanicy Viktora Ivanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav statej 324 GPK RSFSR // SPS Konsul'tantPlyus – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=13752#zfy9ogTOzNe1P76z/>
6. Umnova-Konyuhova, I.A. Obshchie principy prava v konstitucionnom prave i mezhdunarodnom prave: aktual'nye voprosy teorii i sudebnoj praktiki / I.A. Umnova-Konyuhova. – M.: RGUP, 2019. – 178-179 s. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Berman, G.Dzh. Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya. M.: INFRA-M – NORMA, 1998. 37 s.
8. Amerikanskaya deklaraciya nezavisimosti 1776 g. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?red=doc&base=INT&n=57163&ysclid=lic2zzfyh3284346237/>.
9. Cechoev, V. K. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. – Moskva: Prometej, 2017. – 330 s.
10. Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka (prinyata General'noj Assambleej OON 10.12.1948) // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=li7ntmwdyn765021409
11. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 31 dekabrya 1996 g. № 1-FKZ «O sudebnoj sisteme RF» // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/?ysclid=lhz7ndzfbj19880029/.
12. Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah (Prinyat 16.12.1966 Rezolyuciej 2200 (XXI) na 1496-om plenarnom zasedanii General'noj Assamblei OON) // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (data obrashcheniya: 30.04.2023).
13. Hartiya osnovnyh prav Evropejskogo soyuza prinyata v g. Nicce 07.12.2000 g. // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=10210>.
14. Opredelenie Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii ot 21.12.2020 po delu № 88-7565/2020 // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=s11gcgTo8bTDR01N&cacheid=E25BC03B9FAD544E76C86F9B30B93B93&mode=splus&rnd=oSkfcgTCKkxieufV1&base=KSOJ005&n=10239#Ba2gcgTEPwHIFKUR1> (data obrashcheniya: 03.06.2023)
15. Postanovlenie Dzerzhinskogo rajonnogo suda g. Volgograda ot 09.02.2023 po delu № 4/3-7/2023 // Dzerzhinskij rajonnyj sud g. Volgograda. – URL: https://dser--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo/ (data obrashcheniya: 17.04.2023).
16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.12.2011 № 30-P // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123948/?ysclid=lhz86bvi4d59449069/
17. Osnovnye polozheniya grazhdanskogo prava: postatejnyj kommentarij k stat'yam 1–16.1 GK RF «Stat'ya 1. Osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatel'stva» // YuSS «Sistema Yurist». – URL: <https://www.1jur.ru/#/document/160/2206445/bssPhr1/?of=copy-23a3ffa729/>.
18. Prikaz Ministerstva yusticii RF ot 15.02.2021 № 19 «Ob utverzhdenii form napravleniya na medicinskoe osvidetel'stvovanie osuzhdenного, hodatajstvuyushchego ob osvobozhdenii (predstavlyaemogo k osvobozhdeniyu) ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu, zaklyucheniya vrachebnoj komissii medicinskoj organizacii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy RF o nalichii ili otsutstvii u osuzhdenного zabolevaniya, prep'yatstvuyushchego otbyvaniyu nakazaniya, i zhurnala registracii medicinskih osvidetel'stvovaniy osuzhdennyh, hodatajstvuyushchih ob osvobozhdenii (predstavlyaemyh k osvobozhdeniyu) ot otbyvaniya nakazaniya v svyazi s boleznyu» sleduyushchej rekomendacii // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377500/?ysclid=lhz8ijmbli20244619/
19. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 21.04.2009 goda № 8 «O sudebnoj praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoj chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya» // SPS Konsul'tantPlyus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87192/?ysclid=lhz8s7yv5z437387588/.

УДК 342

О ПРИНЦИПАХ ДИСТАНЦИОННОГО ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИИ

Капранова Ю. В.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье рассматриваются конституционные основы дистанционного электронного голосования в России сквозь призму регулирования принципов избирательного права. Автор рассматривает классификацию принципов избирательного права, по целевому признаку выделяет группу принципов участия граждан в голосовании, принципы организации и проведения выборов, а также организационные принципы. Обосновывается необходимость закрепления в группе организационных принципов принцип дистанционного электронного голосования. Автор изучает специфику преломления базовых принципов избирательного права в цифровой среде, констатирует их наполнение новым содержанием в рамках реализации дистанционного электронного голосования. В заключении исследования автор приходит к выводу о том, что в целях повышения эффективности дистанционного электронного голосования как одного из элементов электронной демократии, подлинного обеспечения избирательных прав граждан, необходимо принять федеральный закон о порядке проведения дистанционного электронного голосования, в котором следует детально проработать правила, гарантии и принципы его проведения.

Ключевые слова: электронное голосование, дистанционное электронное голосование, выборы, принципы голосования, блокчейн, избирательные технологии.

Электронное голосование выступает многоаспектным явлением, это и элемент электоральной практики в аспекте понимания его как технологии, и одновременно в рамках законодательного регулирования – это стадия [1, с. 91]. В широком смысле электронное голосование это одна из форм электронной демократии, элемент цифрового управления избирательным процессом в системе государственного управления. Здесь сделаем оговорку, что под подлинным электронным голосованием следует понимать голосование, осуществляемое в цифровой среде, то есть дистанционное электронное голосование (далее ДЭГ).

Приступая к рассмотрению системы принципов, лежащих в основе ДЭГ, невозможно не обратиться к принципам избирательного права. Принципы избирательного права – это руководящие начала к организации и проведению выборов и референдумов, реализации избирательных прав человека и гражданина в России как главных институтов избирательного права и процесса [2, с. 86].

Генеральные принципы избирательного права закреплены в Конституции РФ 1993 г. [3], откуда следует их учредительный, императивный характер. Конституционные нормы-принципы являются основополагающими, универсальными, их факт закрепления в Основном законе одновременно указывает на то, что они закрепляют руководящие идеи, которые являются воплощением справедливости, свободы и равенства, объективно отражающими закономерности исторического развития, а также, что они являются одновременно критерием нравственности, прогресса – содержат в себе как требование им соответствовать, так одновременно сами направляют дальнейшее движение развитие государства и общества.

В действующем законодательстве рассматриваемая группа принципов рассредоточена, разбросана по различным нормативным правовым актам. В целом следует

признать, что они недостаточно систематизированы, располагаются как в тексте Конституции РФ 1993 г., так и в иных источниках избирательного права [4, с. 163].

Учитывая, что в Конституции РФ отсутствует глава, посвященная избирательному праву, прямое перечисление принципов избирательного права, касающихся участия граждан в выборах, можно найти лишь в главе, посвященной президенту РФ, ст. 81, согласно которой народ избирает президента на основе принципов всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Так же в ст. 3 Конституции России упоминается о том, что высшим непосредственным выражением власти народа являются выборы и референдум, а в ст. 32 закрепляется принцип равного участия граждан в выборах, так как там указано, что каждый, а значит все, одинаково, равноправно наделены правом избирать и быть избранным. Основным источником принципов избирательного права является текущее законодательство. В федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5] (далее ФЗ № 67) в ст. 3 эти принципы перечисляются, а в следующих статьях 4-9, они конкретизируются, хотя закрепленный в ст.9 принцип обязательности и периодичности в перечне принципов в ст. 3 не обозначен.

Принципов избирательного права много, они взаимосвязаны друг с другом, однако их необходимо различать, систематизировать, что позволит уяснить их сущность, назначение.

В конституционном праве существуют различные классификации. Представляется исследование принципов избирательной системы по их целевому предназначению предпочтительнее. В соответствии с данным подходом следует различать руководящие начала, во-первых, к организации и проведению выборов, во-вторых, участия граждан и в-третьих, иные организационные.

К первой группе следует относить обязательность, периодичность, альтернативность выборов, применения разных избирательных систем, принцип независимости избирательных органов. Ко второй группе – принципы всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании, принцип свободы выбора. Все иные следует относить к третьей группе, в том числе территориальной основы выборов, организации выборов за рубежом и др.

Принципы первой группы играют важную роль в избирательном праве. Они являются основой регулирования отношений в рамках избирательного процесса в целом, это исходные начала правового обеспечения избирательных правоотношений. Это принципы: обязательности, периодичности, своевременности, свободы и альтернативности выборов, состязательности выборов, допустимости различных избирательных систем, независимости органов, осуществляющих проведение выборов, референдума, чистоты (несфальсифицированности) выборов, разграничением полномочий между субъектами избирательного процесса, запретом проведения одновременно выборов и референдума Российской Федерации. Принцип обязательности выборов, прежде всего, вытекает из смысла положений ст. 3 Конституции России. Он означает, что выборы являются обязательными в том смысле, что это единственный законный способ передачи власти от единственно признаваемого Конституцией России источника власти – многонационального народа.

Никак иначе, только демократическими способами власть может передаваться государственным органам, должностным лицам – захватом, присвоением власть не

может осуществляться, это преследуется федеральным законом, уголовным кодексом. Нарушение данного принципа следует квалифицировать как посягательство на основы конституционного строя.

Принцип периодичности выборов также косвенно вытекает из положений Конституции Российской Федерации, посвященных выборным должностным лицам и органам в государстве, а также иных федеральных законов. Он обозначает, что выборные должностные лица сменяемые, существуют специально установленные сроки, предотвращающие обладание властью одними и теми же лицами длительное время.

В России часть органов публичной власти формируется через определенные интервалы времени выборным способом. Так, депутатский корпус федерального уровня обновляется каждые 5 лет, за исключением досрочного сложения полномочий. Президент России избирается на 6 лет, но не более двух сроков. Этот принцип гарантирует стабильность работы государственных органов, препятствует нелегитимному обладанию властью, а также выступает мерилем демократии в государстве.

Принцип свободы выборов вытекает из закрепленного в Конституции Российской Федерации в ч. 3 ст. 3 положения о том, что «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы». Данный принцип означает, что при проведении и организации выборов, равно как и при голосовании на референдуме исключается всякое принуждение относительно как участия в выборах, так и в референдуме.

Принцип альтернативности выборов закреплен в ФЗ № 67 и означает, для осуществления последующих избирательных действий возможность выдвижения граждан имеется как у политических партий, так и у отдельных граждан. Закрепление в законодательстве принципа альтернативности свидетельствует об истинном демократическом способе властвования народа, поскольку у избирателей имеется выбор между различными независимыми претендентами на выборную должность. Альтернативность указывает на то, что в выборах участвует несколько равноправных кандидатов и является одним из демократических стандартов. Принцип альтернативности (сопоставительности) способствует в целом нарастанию демократических процессов, способствует появлению гражданского общества и развитию российского парламентаризма.

Что касается принципа применения различных способов определения результатов по итогам голосования (применения избирательных систем), то использование на выборах различного уровня либо пропорциональной, либо мажоритарной систем, смешанной системы зависит от многих причин. К ним относят как исторические и местные особенности подсчета голосов, так и экономическое развитие страны, принципы построения государственных органов, закрепленных на конституционном уровне. Российское избирательное право закрепляет различные виды избирательных систем на всех трех уровнях публичного управления.

Принцип независимости органов, непосредственно участвующих в организации и проведении выборов, в подсчете голосов и объявлении результатов так же закрепляется в ФЗ № 67. Органы, входящие в систему избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, подчеркивая статус независимости, не входят ни в одну из ветвей власти. Принцип чистоты выборов означает, по сути, отражение в итогах выборов действительных результатов прого-

лосовавших граждан. В случае обнаружения нарушений правил проведения выборов, итоги выборов могут быть объявлены не действительными. Необходимо упомянуть и принцип-запрет проведения одновременно выборов и референдума Российской Федерации зафиксирован в ч. 3 ст. 7 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» [6].

Таким образом, последовательное соблюдение принципов организации и проведения выборов и референдумов в России выступает гарантией признания их легитимными. Их гарантирующий эффект складывается в конечном счете, они в совокупности обеспечивают реализацию избирательных прав граждан, возможность проголосовать по важнейшему вопросу федерального, местного значения.

К принципам, дополняющим руководящие начала так же относятся следующие идеи: гласности, открытости, территориальной основы выборов, несения ответственности за нарушение избирательного законодательства, голосования за рубежом на территории представительства России. Необходимо сказать, что все принципы тесно между собой взаимосвязаны, однако одни из них получают четкую законодательную формулировку (территориальной основы, ответственности, голосования за рубежом), другие (гласность, открытость) только лишь вытекают их смысла общих положений избирательных норм. Проведение выборов посредством осуществления ДЭГ так же можно признать принципом, входящим в данную группу, как дополняющего основные организационные принципы по проведению выборов. Так как проведение ДЭГ – это в настоящее время альтернативный, но не основной способ выяснения волеизъявления граждан.

На стадии голосования, проводимом традиционным способом, с использованием бумажных бюллетеней реализуются все принципы участия граждан и ряд организационных: всеобщности, свободы, равенства, тайны, прямого голосования, альтернативности выборов, доступности, открытости, публичности и др.

В настоящее время, как отмечалось, цифровые технологии глубоко проникают во все сферы жизнедеятельности, порождают необходимость их правового осмысления [7, с. 60]. Так, на стадии голосования в ходе избирательного процесса посредством ДЭГ реализуются и специфическим образом преломляются, наполняются новым содержанием ряд базовых принципов избирательного права, которые условно можно назвать принципами ДЭГ.

С учетом цели ДЭГ, которая заключается в выяснении волеизъявления граждан по формируемому органу публичной власти (государственному органу, муниципальному органу) без необходимости посещения избирательных участков, осуществления волеизъявления через Интернет, инновационные технологии, особое значение приобретают принципы доступности сервисов, устранения рисков вмешательства в процедуру голосования, безопасности персональных данных, прозрачности и достоверности, надежности результатов, полученных в ходе обработки посредством технологий. Безусловно, принципы свободы, всеобщих равных и прямых выборов при тайном голосовании являются ведущими в рамках ДЭГ. Однако они в силу определенных причин сталкиваются с препятствиями в реализации ДЭГ, вынуждая сопрягать их с дополнительными, учитывающими технологический способ проведения выборов принципами.

Так, например, в условиях ДЭГ принцип всеобщего равного избирательного права, который подразумевает доступ к голосованию всех без какой-либо дискримина-

ции, должен сочетаться с принципом доступности и понятности интерфейса устройства для каждого не зависимо от пола, возраста, и т.д., с которого осуществляется доступ к электронному бюллетеню. Принцип всеобщих выборов в данном случае не должен встречать препятствия входе проведения ДЭГ в связи с тем, что не все избиратели обладают интернет навыками, соответственно необходимо сочетать принцип проведения ДЭГ и традиционного голосования, чтобы исключить фактическую дискриминацию по причине электронной неграмотности.

Принцип равного доступа должен сочетаться с принципом исключения голосовать для одного и того же избирателя не единожды. Принцип равного голосования означает, что у избирателей равное количество голосов, однако при ДЭГ возможно злоупотребить правом и теоретически, с другого устройства, осуществить голосование еще раз, путем повторного, либо неоднократного доступа избирателя на сервер для голосования.

Однако по общим правилам голос избирателя должен быть подсчитан однократно. Данная ситуация разрешается посредством установления в программе голосования запрета голосовать еще раз, для того, чтобы исключить фальсификацию выборов. То есть в программе заложены возможности подать только установленное для конкретного вида выборов одинаковое количество голосов для всех голосующих. Система должна обеспечивать, чтобы был подписан только один электронный бюллетень.

Однако запускают систему ДЭГ, разрабатывают программы, обслуживают технические устройства, применяемые в рамках ДЭГ люди, и здесь возможно недобросовестное вмешательство в работу системы ДЭГ, злоупотреблением доверием избирателей. Как произошло, к примеру, в Нидерландах, где член избирательной комиссии вмешался в работу системы ДЭГ и, являясь одновременно кандидатом на выборах, подкорректировал результаты ДЭГ на своем участке в собственную пользу [8, с. 1718-1725].

Здесь необходимо обеспечить, при сочетании на выборах традиционно-электронного голосования возможность проголосовать только один раз из выбранных форм голосования: либо традиционно, либо электронно.

В некоторых странах, где очень упрощены правила проведения выборов, например в Эстонии, выборы длятся неделю, избирателям предоставляется возможность голосовать различными способами одновременно, смешивая традиционные способы голосования с электронными, по почте, если избиратель находится за рубежом [9], в связи с чем возникает проблема определения результатов голосования, если один и тот же избиратель осуществил волеизъявление несколько раз различными формами, при этом меняя свои предпочтения, отдавая голос разным кандидатам.

В настоящее время идея проводить выборы посредством многодневного голосования в Российской Федерации оценивается неоднозначно [10, с. 102], в этой связи представляется недопустимым смешивать формы осуществления голосования и позволять неограниченное количество раз менять свой выбор, либо одним видом голосования отменять результаты предыдущего при смешанном способе проведения ДЭГ.

Представляется в этой связи, необходимо проводить выборы с применением смешанных систем голосования в несколько этапов, первоначально проводить электронно, а затем, если по каким-то техническим причинам осуществлять голосование

электронным способом в удаленном доступе не сложилось, либо если избиратель придерживается предпочтения осуществлять выбор традиционным способом, прийти и проголосовать традиционно.

Однако при реализации ДЭГ самым главным представляется необходимость обеспечить прозрачность и доступность понимания самой процедуры, разъяснения электорату механизма обеспечения принципа тайного голосования, а также достоверности его результатов. По указанным причинам принцип достоверности ДЭГ приобретает важное значение. В настоящее время, как отмечают исследователи, конституционное право на информацию развилось в условиях цифровизации и приобрело ряд дополнительных смыслов, в том числе аспект обязательного требования и правомочия требовать оборота достоверной информации, право на доступ к сети «Интернет» [11, с. 206, 208].

В связи с чем необходимо обеспечить доверие, принцип наблюдения за ДЭГ, организовать обучение, просветительскую работу для наблюдателей, членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, граждан [12, с. 124-138]. В том числе организовать разъяснительные ролики, разъясняющие доступно, без технических подробностей, как осуществляется принцип тайного голосования, то есть анонимность, достоверность ДЭГ при использовании личных мобильных устройств через Интернет. Ведь без понимания механизма зашифровки, используемых технических приемов (блокчейна и др.) не формируется уважительное и серьезное восприятие данной формы голосования, а воссоздается восприятие незащищенности персональных данных, ощущение отсутствия безопасности.

Стандарты ДЭГ подразумевают требования к ходу проведения, организации, собственно главное – сами правила организации и проведения ДЭГ, предусмотренные российским законодательством, а также гарантии защиты нарушенных прав граждан в ходе ДЭГ. В целом стандарты представляют собой правила, в соответствии с которыми ДЭГ признается легальным, результаты, полученные в ходе его проведения достоверными, законными и позволяют сформировать орган публичной власти в соответствии с предпочтениями населения, проголосовавшего на выборах. Таким образом, валидность (от англ. validity – годность, законность, действительность) ДЭГ определяется не только принципами его организации и проведения, но и правилами, и гарантиями его проведения.

Стандарты по ДЭГ подразумевают не только правовые, организационные, но и технические аспекты. Технические аспекты проведения ДЭГ как гарантии ее эффективной деятельности должны отвечать требованиям устойчивости и защищенности. Всегда есть риски сбоя системы, отключения питания, аварии, низкое качество связи. Другая ситуация при ДЭГ, в связи с перегрузкой линий связи в день выборов избиратель может проголосовать, но не получить подтверждение в связи с экстренным прекращением сеанса связи, либо успеть зарегистрироваться и получить электронный бюллетень, но не сделать выбор, а повторный вход не получить и др.

Следующий технический момент – необходимость наличия регулярного контроля за корректностью работы и эксплуатации системы ДЭГ в качестве гарантии ее эффективной деятельности. Представляется, данные проверки должны осуществлять не члены избирательной комиссии, а компетентные лица в сфере инженерно-инновационных технологий.

Не менее важным выступает вопрос с удостоверением подлинной идентификации личности при осуществлении ДЭГ. Передаваемая информация по интернет каналу в процессе голосования должна быть не только корректно передана, но и исходить именно от того лица, которое заходит в электронный кабинет от имени того или иного избирателя. Гарантией надежности ДЭГ по данному направлению выступает применяемая на ДЭГ технология блокчейн.

Блокчейн (от англ. blockchain – block-цепь, chain- цепочка) – это технология, применяемая для зашифровки информации. Суть блокчейна состоит в хранении информации на электронных носителях без возможности ее изменения. Изначально данная технология стала применяться в экономической сфере, когда появилась крипто-валюта, биткоин. Однако, как утверждают исследователи, данная технология является универсальной и может применяться во всех сферах жизнедеятельности человека [13, с. 5]. Применение технологии блокчейн гарантирует не только надежность, но и тайну голосования, поскольку информацию, зашифрованную данным способом невозможно изменить, а полученные результаты выборов с ее применением сфальсифицировать, либо применить в ходе ДЭГ хакерские атаки.

У технологии блокчейн свойства, позволяющие ей гарантировать эффективность ДЭГ, прежде всего, проверка транзакций в системе осуществляется с использованием шифрования [14, с. 101]. Кроме того, информация делится на части (цепочки) и разные ее части хранятся у различных участников ДЭГ, таким образом, технология имеет децентрализованную систему контроля доступа, различные участники ДЭГ имеют право лишь на отдельные действия в отношении определенного участка информации.

Согласно порядка ДЭГ [15], установленного постановлением ЦИК РФ 2022 г. «О порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем», при проведении ДЭГ анонимизированные результаты волеизъявления избирателей, включенных в списки ДЭГ по мере их накопления, незамедлительно зашифровываются и сохраняются в зашифрованном виде в виде в цепочке блоков информации в распределенной базе данных программно-технического комплекса ДЭГ. Зашифрование результатов волеизъявления участников ДЭГ осуществляется с использованием ключа зашифрования, загруженного в программно-технического комплекса ДЭГ. Ключ зашифрования и расшифрования, его деление осуществляется с применением специальных ключей шифрования по решению избирательной комиссии ДЭГ. Количество частей, на которые делится ключ определяется решением ТИК ДЭГ. Части ключа распределяются между определенным количеством ответственных лиц. Таким образом, конфиденциальность и надежность заложена в саму суть технологии блокчейн. Система ДЭГ должна отвечать требованиям устойчивости и защищенности в электронном аспекте. Валидность ДЭГ, таким образом, определяется гарантиями, правилами его проведения, соответствием хода его проведения принципам его организации и участия в них граждан, полученных результатов достоверному количеству зарегистрированных участников в избирательных списках, учета их голосов, с одновременно обеспечением анонимности, тайны голосования, соблюдения персональных данных, защиты иных прав граждан.

Таким образом, в связи с тем, что ДЭГ выступает очень востребованным в современных условиях занятости и загруженности человечества без потери функцио-

нала инструментом избирательной инженерии, а «Права человека – это правовой и ценностный ориентир, позволяющий находить правильное направление движения в разных измерениях» [16, с. 261], представляется, в целях повышения потенциала применения данного института, эффективного обеспечения избирательных прав граждан, актуален вопрос о принятии федерального закона о порядке проведения ДЭГ, детальной проработки в нем принципов ДЭГ, гарантий и правил его проведения.

Список литературы:

1. Капранова Ю.В. О дистанционном электронном голосовании в России// Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – № 23-2. – С. 91.
2. Капранова Ю.В. Система принципов избирательного права // Конституция Российской Федерации: теория и практика реализации: сборник материалов Всеросс. научн.-практ. конф. – Ростов-н/Д, 2018. – С. 86.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., с изменениями на 4 октября 2022 г.) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).
4. Капранова Ю.В. О механизме электронного голосования в России// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 163.
5. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 28.06.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).
6. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) «О референдуме Российской Федерации» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).
7. Иванова С.А. Цифровые технологии в российском законодательстве и доктрине// Власть закона. 2023. № 1 (53). С. 60.
8. Матренина К.Ю. Обеспечение всеобщего и равного избирательного права, а так же процедурных защитных механизмов при проведении электронного голосования// Право и политика. 2014. № 11. С. 1718-1725.
9. Выборы в Рийгикогу 5 марта 2023 г.// URL: <https://www.valimised.ee/ru/uldkirjeldus> // (Дата доступа 01.09.2022).
10. Савченко М.С., Опарин В.Н., Григорьева А.В. Проблемы правового регулирования многодневного голосования на выборах и референдумах// Власть закона. – 2022. – № 1 (49). – С. 102.
11. Минбалеев А.В. Воздействие конституционных прав и свобод человека и гражданина на развитие информационного права в условиях цифровизации современного общества// Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2019. С. 206, 208.
12. Акимова Г.П., Попов А.К., Соловьев А.В. Аналитическое исследование систем для электронного голосования// Труды ИСА РАН, 2007. Т. 29. С. 124–138.
13. Алексеев Р.А. Блокчейн как избирательная технология нового поколения – перспективы применения на выборах в современной России//Вестник московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 5.
14. Касарин С.П. Дистанционное электронное голосование на выборах в государственные и муниципальные органы власти: проблемы и возможности// Муниципальная демократия. 2020. № 2. С. 101.
15. Постановление ЦИК РФ от 08.06.2022 № 86/716-8 «О порядке дистанционного электронного голосования с использованием федеральных государственных информационных систем» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/> (дата обращения: 01.02.2023).
16. Худоян Г.М. Особенности защиты прав человека в условиях цифровой трансформации общества// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 261.

Y.V. Kapranova. About the principles of remote electronic voting in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 288–296.

The article examines the constitutional foundations of remote electronic voting in Russia through the prism of the regulation of the principles of electoral law. The author considers the classification of the principles of electoral law, identifies a group of principles of citizens' participation in voting, principles of organization and conduct of elections, as well as organizational principles. The necessity of fixing the principle of remote electronic voting in the group of organizational principles is substantiated. The author studies the specifics of the refraction of the basic principles of electoral law in the digital environment, states their filling with new content in the framework of the implementation of remote electronic voting. In conclusion, the author comes to the conclusion that in order to increase the effectiveness of remote electronic voting as one of the elements of electronic democracy, genuine provision of citizens' electoral rights, it is necessary to adopt a federal law on the procedure for remote electronic voting, in which the rules, guarantees and principles of its conduct should be worked out in detail.

Keywords: electronic voting, remote electronic voting, elections, voting principles, blockchain, electoral technologies.

Spisok literaturi:

1. Kapranova Yu.V. About remote electronic voting in Russia // Actual problems of combating crimes and other offenses. – 2023. – No. 23-2. – p. 91.
2. Kapranova Yu.V. System of principles of electoral law // Constitution of the Russian Federation: theory and practice of implementation: collection of materials of the All-Russian Scientific.-practical conf. – Rostov-n/A, 2018. – p. 86.
3. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020, as amended on October 4, 2022) [Electronic resource] // "Garant": [reference legal system]. URL: <https://base.garant.ru/> (date of address: 01.02.2023).
4. Kapranova Yu.V. About the mechanism of electronic voting in Russia// Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Legal Sciences. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – P. 163.
5. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 (as amended on 06/28/2022) "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation" [Electronic resource] // "Garant": [reference legal system]. URL: <https://base.garant.ru/> (date of appeal: 01.02.2023).
6. Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of 28.06.2004 (ed. of 30.12.2021) "On the Referendum of the Russian Federation" [Electronic resource] // "Garant": [reference legal system]. URL: <https://base.garant.ru/> (accessed: 01.02.2023).
7. Ivanova S.A. Digital technologies in Russian legislation and doctrine// The rule of law. 2023. No. 1 (53). p. 60.
8. Matrenina K.Yu. Ensuring universal and equal suffrage, as well as procedural protective mechanisms during electronic voting// Law and politics. 2014. No. 11. pp. 1718-1725.
9. Elections to the Riigikogu on March 5, 2023 // URL: <https://www.valimised.ee/ru/uldkirjeldus> // (Accessed 01.09.2022).
10. Savchenko M.S., Oparin V.N., Grigorieva A.V. Problems of legal regulation of multi-day voting in elections and referendums// The power of law. – 2022. – № 1 (49). – P. 102.
11. Minbaleev A.V. The impact of constitutional rights and freedoms of man and citizen on the development of information law in the conditions of digitalization of modern society// Legal education and legal science in Russia: current trends and development prospects (for the 15th anniversary of the Faculty of Law of Kursk State University): collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Kursk, 2019. pp. 206, 208.
12. Akimova G.P., Popov A.K., Soloviev A.V. Analytical study of systems for electronic voting// Proceedings of the ISA RAS, 2007. Vol. 29. pp. 124-138.
13. Alekseev R.A. Blockchain as a new generation electoral technology – prospects for application in elections in modern Russia//Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. No. 2. p. 5.
14. Kasarin S.P. Remote electronic voting in elections to state and municipal authorities: problems and opportunities// Municipal Democracy. 2020. No. 2. p. 101.
15. Resolution of the CEC of the Russian Federation No. 86/716-8 dated 08.06.2022 "On the procedure for remote electronic voting using federal state information systems" [Electronic resource] // "Garant": [reference legal system]. URL: <https://base.garant.ru/> (date of appeal: 01.02.2023).
16. Khudoyan G.M. Features of human rights protection in the context of digital transformation of society// Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University of Legal Sciences. – 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – P. 261.

УДК 342.9; 658

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
СОВРЕМЕННЫХ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫХ КЛАСТЕРОВ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНЫЕ
ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ**

Коноплев В. В., Алфёров С. Н.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

В статье проанализированы отдельные теоретические, правовые и организационные особенности деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым. Автором определены теоретические и практические вопросы, которые остались без внимания ученых и требуют теоретического и практического решения с целью усовершенствования деятельности уполномоченных органов государственной власти. Отражены статистические показатели расходования финансовых средств в социально-культурной сфере, развитию курортов и туризма в Республике Крым. На основе проведенного анализа научных исследований в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров сделано ряд рекомендаций, в частности: развитие и эффективное внедрение различных форм государственно-частного партнерства; разработка нормативно-правового закрепления особого статуса городов-курортов Республики Крым; развитие информационно-коммуникационных технологий (при этом города-курорты должны стать российским лидером по числу успешных «стартапов» в области информационных технологий). Установлено, что на сегодня на территории полуострова в основном реализуется такая форма государственно-частного партнерства в образовании, а именно: институциональная. Эффективность развития данной формы позволит расширить научные, технические и финансовые возможности Университета, как одного из основных элементов научно-образовательного кластера.

Ключевые слова: деятельность органов власти; государственно-частное партнерство; Республика Крым; образование; кластер; научно-образовательный кластер; современные туристско-рекреационные кластеры; формирование.

Непрерывное развитие государства приводит к появлению новых актуальных теоретических и практических вопросов, которые в силу своей важности и сложности становятся предметом дискуссии, как среди научных, так и среди политических деятелей, а также практических работников. К таким вопросам с уверенностью можно отнести формирование современных туристско-рекреационных кластеров, ведь после вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 году, перед научным сообществом были поставлены ряд вопросов, одним из которых является теоретико-правовые аспекты деятельности органов власти Республики Крым в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров. Именно это и определило проведение различных научных исследований данного вопроса. Кроме того, данная проблематика требует не только теоретического, но и практического «подкрепления».

Если говорить о практических результатах, то в 2022 г. расходы социально-культурной сферы в Республике Крым профинансированы в размере более 85,7 млрд руб., что превысило показатель прошлого года на 5,5 млрд руб., или почти на 7%. Расходы в сфере «Образование» пришлось более 29,1 млрд руб., что на 750,5 млн руб. больше, чем в 2021 г. Расходы в сфере «Здравоохранение» составили 26,4

млрд руб. Из указанных средств 9,2 млрд руб., или почти 35% направлено на уплату страховых взносов на обязательное медицинское страхование неработающего населения Крыма, более 3,5 млрд руб. – на льготное лекарственное обеспечение населения. На «социальную политику» пришлось почти 26 млрд руб., что превысило показатель минувшего года на 23,3%, или на почти на 4,9 млрд руб. Из них на выплату пособий семьям, имеющим детей, направлено более 14,7 млрд руб., предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан и социальные выплаты – более 6,9 млрд руб., содержание государственных учреждений социального обслуживания, подведомственных Министерству труда и социальной защиты РК, – более 2 млрд руб., проведение мероприятий для граждан преклонного возраста, а также мероприятий по программе труда и занятости населения – 1,1 млрд руб.

На «культуру» пришлось более 2,2 млрд руб., что на 183,5 млн руб., или почти на 9% превысило прошлогодний показатель. При этом более 95% указанных расходов направлено на обеспечение деятельности государственных учреждений, подведомственных Министерству культуры РК. На организацию и проведение мероприятий, посвященных государственным и профессиональным праздникам, знаменательным датам и памятным событиям направлено почти 102 млн руб., в том числе на проведение мероприятий для детей к рождественским и новогодним праздникам – 1,8 млн руб.

Расходы на «физическую культуру и спорт» преодолели отметку в 1,2 млрд руб., что на 27,3%, или на 259,3 млн руб. выше, чем в 2021 году. Из указанных расходов почти 515 млн руб. направлено на обеспечение деятельности государственных учреждений, подведомственных Министерству спорта РК, почти 89 млн руб. – на мероприятия по вовлечению населения в занятия физической культурой и массовым спортом, обеспечение подготовки и участия спортивных сборных команд в международных, всероссийских и других спортивных соревнованиях, а также для проведения комплексных спортивных мероприятий, чемпионатов и первенств по видам спорта, 54,7 млн руб. – на закупку оборудования для создания «умных» спортивных площадок.

Расходы в сфере «Молодежная политика» составили 836,3 млн руб., превысив показатель 2021 года на 19,1%, или почти на 134 млн руб. Средства были направлены на проведение мероприятий по всестороннему развитию молодежи, вовлечение молодежи в активную социальную практику, решение актуальных вопросов молодежи и формирование позитивной гражданской позиции молодежи, а также на организацию оздоровления и отдыха детей, требующих особого внимания и поддержки [1].

В 2021 году на реализацию мероприятий по развитию курортов и туризма в Республике Крым запланировано финансирование в сумме 1 млрд. 479 млн. 249,0 тыс. руб., в том числе 196 млн. 340,6 тыс. руб. – из бюджета Республики Крым (из них 8 млн. 467,0 тыс.руб. – дорожный фонд), 1 млрд. 282 млн. 585,8 тыс. руб. – из федерального бюджета (субсидия на реализацию мероприятий государственной программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года»), 322,7 тыс. руб. – из местных бюджетов. В целом за 2021 год в рамках реализации мероприятий Госпрограммы освоено 96,8% средств или 1 млрд. 432 млн. 370,7 тыс. руб., предусмотренных годовым планом на 2021 г., в т.ч. за счет

средств федерального бюджета профинансировано 1 млрд. 238 млн. 499,6 тыс. руб. (96,6% от плана), из бюджета Республики Крым – 193 млн. 871,1 тыс. руб. или 98,7% от плана [2].

Вопросы деятельности органов власти Республики Крым в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров той или иной степени освещали известные представители современной отечественной и зарубежной науки, в частности: Д. Д. Буркальцева, О. А. Гук, М.А. Дубровина, Е. В. Кочева, Н. А. Матев, Д. И.Олифир, Э. У. Османова И. И. Савченко, Н. Г.Сидорова, Ю. В. Степанов, Н. В. Страчкова, Д. Г. Щипанова, И. М. Яковенко, А. А. Яновская [7–12] и ряда других. На сегодня комплексное исследование теоретических, правовых и организационных основ деятельности органов власти в сфере формирования современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым не проводилась, а в проведенных исследованиях данные вопросы рассматривались в рамках широкой правовой проблематики.

Одним из приоритетных направлений развития Крыма является формирование современного рекреационного комплекса, характеризующегося конкурентоспособностью (в том числе и на мировом рынке), востребованностью, разнообразием предлагаемых туристических услуг и услуг санаторно-курортного лечения. О важности, актуальности и востребованности данного вопроса свидетельствует включение в целевую программу «Социально-экономическое развитие Республики Крым до 2025 года» [3]; Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 63 в редакции от 31 марта 2021 г. № 502 [4] различных вопросов эффективного использования туристско-рекреационного потенциала; формирование туристско-рекреационных кластеров – создание инфраструктуры для развития туристско-рекреационных кластеров, в частности: г. Евпатория - «Детский отдых и оздоровление», г. Саки - «Лечебно-оздоровительный отдых», г. Бахчисарай - создание индустриального парка и др.

Указанные данные обуславливают актуальность и важность проведения комплексного научного исследования в данной сфере.

На эффективность функционирования туристско-рекреационных кластеров существенное влияние оказывают как неразрешенные длительное время вопросы правового статуса крымских городов-курортов, так и проблемы, связанные с неудовлетворительным состоянием мелиоративных и жилищно-коммунальных сетей большинства населенных пунктов региона.

Для дальнейшего развития туристско-рекреационных кластеров полуострова, с учётом имеющихся предпосылок и наработок, можно дать следующие рекомендации.

Во-первых, развитие и эффективное внедрение различных форм государственно-частного партнерства. Отметим, что важное значение, среди институциональных форм государственно-частного партнерства имеет создание совместных организаций (структур), деятельность которых будет направлена на решение социально-значимых задач Республики Крым. В проведенных ранее научных исследованиях [5, с. 50–55] нами уже было отмечено, что одной из таких задач является создание и развитие федерального санаторно-курортного кластера, разработка правового обес-

печения его функционирования. Реализация данного направления может быть осуществлена путем создания Научно-исследовательских и образовательных центров развития рекреационных зон; базовых (совместных) кафедр предприятий – партнеров на базе Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Основными задачами таких подразделений должны стать: организация взаимодействия между образовательными учреждениями, органами государственной власти и предпринимательскими структурами региона; правовое, научное и информационное обеспечение совместных проектов, а также организация межрегионального сотрудничества с университетами, территориально располагающимися в зоне с аналогичными рекреационными проблемами; содействие оперативному внедрению результатов совместной деятельности в практику.

Кроме того, создание таких структур позволяет:

– повысить качество подготовки студентов. Привлечение студентов к совместной разработке системы нормативных правовых актов обеспечит реализация мер по совершенствованию научно-исследовательской деятельности в магистратуре, аспирантуре и докторантуре. «Тесное» взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления обеспечит создание условий для успешной реализации практико-ориентированного подхода при подготовке студентов, а также участие в конкурсах на присуждение премий Государственного Совета Республики Крым, Совета министров Республики Крым, иных региональных грантов для студентов.

Одновременно, успешная реализация практико-ориентированного подхода создаст возможность трудоустройства молодых специалистов в органах государственной власти, местного самоуправления, учреждениях туристско-рекреационных кластеров;

– обеспечить эффективное взаимодействие профессорско-преподавательского состава с практиками, интегрировать существующие технологии в образовательный процесс, возможность включения профессорско-преподавательского состава в состав совместных рабочих групп по разработке системы нормативных правовых актов, проведению правовых экспертиз нормативных правовых актов и их проектов.

Во-вторых, на сегодня возникла потребность в нормативно-правовом закреплении особого статуса городов-курортов Республики Крым. Эффективная реализация различных форм государственно-частного партнерства позволит обеспечить разработку и внедрение в практику системы нормативных правовых актов о закреплении особого статуса городов-курортов Республики Крым (например, Федерального Закона «О федеральном санаторно-оздоровительном семейном комплексе Западного Крыма «Всероссийская детская здравница»). Такая совместная работа обеспечит популяризацию деятельности университета среди широкого круга населения, создание дополнительного положительного имиджа университета как ведущей научной площадки среди органов государственной власти, местного самоуправления. Одновременно с этим, реализация указанной формы государственно-частного партнерства в образовании будет иметь и дополнительный (вторичный абитуриентов полуострова в «стенах» университета; привлечь дополнительных абитуриентов) положительный эффект: позволит сконцентрировать весь объем потенциальных с иных регионов страны; создать эффективную конкуренцию иным ВУЗам страны.

В-третьих, наиболее крупным из наукоемких кластеров и отраслей с точки зрения создаваемой добавленной стоимости, числа занятого населения, налоговых поступлений в бюджеты различных уровней и прочих ключевых показателей развития будет являться отрасль информационно-коммуникационных технологий. При этом города-курорты должны стать российским лидером по числу успешных «стартапов» в области информационных технологий.

Для долгосрочного планирования и развития информационно-коммуникационной отрасли необходима проработка предложений, в том числе, в части создания особых условий по работе компаний в области информационно-коммуникационных технологий. Создание особого институционального режима (более простой доступ к финансированию стартапов, высокий уровень защиты прав собственности, низкая административная и налоговая нагрузка на компании), проведение международных мероприятий в сфере информационных технологий и прочее.

Приоритетными направлениями развития информационно-коммуникационных технологий в долгосрочной перспективе являются: формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечение высокого уровня ее доступности, предоставление на ее основе качественных услуг; повышение качества образования, медицинского обслуживания, социальной защиты населения, содействие развитию культуры и средств массовой информации на основе информационно-коммуникационных технологий; обеспечение конкурентоспособности и технологического развития информационно-коммуникационных технологий; повышение эффективности местного самоуправления, взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами муниципальной власти; противодействие использованию информационных и телекоммуникационных технологий в целях угрозы национальным интересам России, включая обеспечение безопасности функционирования информационно-телекоммуникационной инфраструктуры и информационных и телекоммуникационных систем [6].

Кроме того, необходимо организовать мероприятия по разработке ведомственных информационных систем, автоматизирующих процесс предоставления государственных и муниципальных услуг, перевод востребованных муниципальных услуг (функций) в электронную форму, создание инфраструктуры, ориентированной на обработку и хранение непрерывно растущих объемов данных, внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», в том числе создание единой городской системы видеонаблюдения, мероприятия по обеспечению информационной безопасности и другие. Предполагается создание на территории Большой Ялты технопарка информационно-коммуникационных технологий – основного инфраструктурного проекта, направленного на развитие отрасли.

Подводя итог отметим, что в современных условиях вопросы, связанные с формированием современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым набирают все большей актуальности. Предложенные направления деятельности органов власти не пренебрегают на полноту освещения данного направления, что, прежде всего, обусловлено его комплексностью и многоотраслевым характером. Кроме того, комплексная реализация направлений развития отрасли информационных и телекоммуникационных технологий позволит заложить основу для трансформации городской среды муниципального образования городской округ Ялта Республики

Крым в рамках концепции «Умного города» с широким применением информационных технологий для взаимосвязи всех инфраструктурных систем муниципального образования (связь, дороги, транспорт, энергетика, водоснабжение) и оперативного управления ими со своевременной адаптацией под меняющиеся потребности населения и бизнеса.

Список литературы:

15. Кивико И. Расходы на социально-культурную сферу в республике превысили показатель 2021 года на 5,5 млрд рублей Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: <https://minfin.rk.gov.ru/ru/article/show/1954> (дата обращения 06.07.2023).
16. Пояснительная записка по итогам реализации за 2021 год Государственной программы развития курортов и туризма в Республике Крым Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpj4gL62_21.pdf (дата обращения 06.07.2023).
17. Постановление Правительства РФ от 11 августа 2014 г. N 790 «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: <https://base.garant.ru/70714732/> (дата обращения 06.07.2023).
18. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 63 в редакции от 31 марта 2021 г. № 502 Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/gos_programma_rf_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_v_redakcii_ot_31_marta_2021_g_502.html (дата обращения 06.07.2023).
19. Коноплев В. В. Основные направления деятельности органов власти республики крым в сфере формирования и развития регионального инновационного научнообразовательного кластера полуострова: вопросы теории и практики / В.В. Коноплев // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 50-55.
20. Ефремова А.А., Развитие конкурентоспособности организаций в условиях развития информационной экономики в России / А.А. Ефремова, А.В.Чемеричко // Экономика строительства и природопользования. – 2020. – № 4 (76) Электронный ресурс. Режим доступа. – URL: <http://science.cfuv.ru/nauchnyezhurnaly-kfu/ekonomika-stroitelstva-i-prirodopolzovaniya/archiv-2016-2/vypusk-4-76-ekonomika-stroitelstva-i-prirodopolzovaniya> (дата обращения 06.07.2023).
21. Степанов Ю. В. Современные формы реализации частно-государственного партнерства в образовании // Вестник евразийской науки. – 2012. – № 4 (13). – С. 56.
22. Кочева, Е. В., Матев, Н. А., Савченко, И. И., Сидорова, Н. Г., Степанов Ю. В. Государственно-частное партнерство в России: современное состояние и проблемы развития // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2015. 1 (73). – С. 99-112.
23. Олифир Д. И. Туристско-рекреационная сфера Республики Крым: уровень развития, современное состояние и дальнейшие перспективы Электронный ресурс. Режим доступа. – URL <https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj-22/prj-22-05.pdf> (дата обращения 06.07.2023)
24. Гладкова Н. О. Туристско-рекреационные кластеры как синергия будущего Республики Крым / Н. О. Гладкова // Молодой учёный. – 2017. – № 22 (156) – С. 249–251.
25. Яковенко И. М. Туристско-рекреационный комплекс Республики Крым: пять лет в составе России / Яковенко И. М., Страчкова Н. В. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. – С. 101–114.
26. Гук О. А. Развитие туристической индустрии Республики Крым / О. А.Гук, Д.Д. Буркальцева // Сервис в России и за рубежом 2019. – №. 2 (84). – С. 119-129.

Konoplev V. V., Alferov S. N. Theoretical, legal and organizational features of the activities of authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the republic of crimea: problem statement and possible solutions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 297–303.

The article analyzes certain theoretical, legal and organizational features of the activities of the authorities in the formation of modern tourist and recreational clusters of the Republic of Crimea. The author identifies theoretical and practical issues that have been left unattended by scientists and require theoretical and practical solutions in order to improve the activities of authorized state authorities. Statistical indicators of spending financial resources in the socio-cultural sphere, the development of resorts and tourism in the Republic of Crimea are reflected. Based on the analysis of scientific research in the field of formation of modern tourist and recreational clusters, a number of recommendations were made, in particular: development and effective implementation of various forms of public-private partnership; development of regulatory and legal consolida-

tion of the special status of resort cities of the Republic of Crimea; development of information and communication technologies (at the same time, resort cities should become the Russian leader in terms of the number of successful “startups” in the field of information technology). It has been established that today on the territory of the peninsula, such a form of public-private partnership in education is mainly implemented, namely: institutional. The effectiveness of the development of this form will expand the scientific, technical and financial capabilities of the University, as one of the main elements of the scientific and educational cluster.

Keywords: activity of authorities; public private partnership; Republic of Crimea; education; cluster; scientific and educational cluster; modern tourist and recreational clusters; formation.

Spisok literatury:

1. Kiviko I. Raskhody na social'no-kul'turnuyu sferu v respublike prevysili pokazatel' 2021 goda na 5,5 mlrd rublej Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: <https://minfin.rk.gov.ru/ru/article/show/1954> (data obrashcheniya 06.07.2023).
2. Poyasnitel'naya zapiska po itogam realizacii za 2021 god Gosudarstvennoj programmy razvitiya kurortov i turizma v Respublike Krym Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/txteditor/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpj4gL62_21.pdf (data obrashcheniya 06.07.2023).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11 avgusta 2014 g. N 790 «Ob utverzhdenii federal'noj celevoj programmy «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya do 2025 goda» Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: <https://base.garant.ru/70714732/> (data obrashcheniya 06.07.2023).
4. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Social'no-ekonomicheskoe razvitie Respubliki Krym i g. Sevastopolya», utverzhdena postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 30 yanvara 2019 g. № 63 v redakcii ot 31 marta 2021 g. № 502 Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/gos_programma_rf_socialno_ekonomicheskoe_razvitie_respubliki_krym_i_g_sevastopolya_v_redakcii_ot_31_marta_2021_g_502.html (data obrashcheniya 06.07.2023).
5. Konoplev V. V. Osnovnye napravleniya deyatelnosti organov vlasti respubliki krym v sfere formirovaniya i razvitiya regional'nogo innovacionnogo nauchnoobrazovatel'nogo klastera poluostrova: voprosy teorii i praktiki / V.V. Konoplev // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74). № 3. – S. 50-55.
6. Efremova A.A., Razvitie konkurentosposobnosti organizacij v usloviyah razvitiya informacionnoj ekonomiki v Rossii / A.A. Efremova, A.V. Chemerichko // Ekonomika stroitel'stva i prirodnopol'zovaniya. – 2020. – № 4 (76) Elektronnyj resurs. Rezhim dostupa. – URL: <http://science.cfuv.ru/nauchnye-zhurnaly-kfu/ekonomika-stroitelstva-i-prirodnopolzovaniya/axiv-2016-2/vypusk-4-76-ekonomika-stroitelstva-i-prirodnopolzovaniya> (data obrashcheniya 06.07.2023).
7. Stepanov YU. V. Sovremennye formy realizacii chasto-gosudarstvennogo partnerstva v obrazovanii // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2012. – № 4 (13). – S. 56.
8. Kocheva, E. V., Matev, N. A., Savchenko, I. I., Sidorova, N. G., Stepanov YU. V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii: sovremennoe sostoyanie i problemy razvitiya // Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. – 2015. 1 (73). – S. 99-112.
9. Olifir D. I. Turistsko-rekreacionnaya sfera Respubliki Krym: uroven' razvitiya, sovremennoe sostoyanie i dal'nejshie perspektivy <https://pskgu.ru/projects/pgu/storage/prj/prj-22/prj-22-05.pdf> (data obrashcheniya 06.07.2023)
10. Gladkova N. O. Turistsko-rekreacionnye klastery kak sinergiya budushchego Respubliki Krym / N. O. Gladkova // Molodoj uchyonyj. – 2017. – № 22 (156) – S. 249–251.
11. YAkovenko I. M. Turistsko-rekreacionnyj kompleks Respubliki Krym: pyat' let v sostave Rossii / YAkovenko I. M., Strachkova N. V. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki. – S. 101–114.
12. Guk O. A. Razvitie turisticheskoy industrii Respubliki Krym / O. A. Guk, D.D. Burkal'ceva // Servis v Rossii i za rubezhom 2019. – №. 2 (84). – S. 119-129.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 341

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИЛ СПЕЦИАЛЬНЫХ
ОПЕРАЦИЙ США**

Замананулов Д. М.

Институт США и Канады РАН имени академика Г.А. Арбатова

Статья посвящена анализу основополагающих документов стратегического и законодательного характера, дающих правовое регулирование деятельности Сил специальных операций США (далее – ССО). После краткого введения, автор переходит к характеристике механизма и структуры ССО и рассматривает нормативно-правовые акты, которые составляют правовую базу деятельности ССО в таких специфических областях как права и обязанности командиров спецназа США во время проведения операций и целевых убийств. Наряду с этим, статья освещает правовой статус президента США как верховного главнокомандующего вооруженными силами страны в сфере проведения специальных операций и тайных войн, основным инструментом проведения которых являются ССО.

Актуальность настоящей статьи обусловлена закрытостью темы и обострением противоборства между конкурирующими державами в глобальном масштабе.

Ключевые слова: Силы специальных операций, право, безопасность, США, целевые убийства, специальные операции, война, конфликт низкой интенсивности, спецназ, международные отношения.

Анализ стратегии национальной безопасности администрации Дж. Байдена [2], позволяет прийти к выводу, что американское оборонное сообщество переключило свои приоритеты с борьбы с международным терроризмом на долгосрочное стратегическое соперничество с другими крупными державами, включая Россию и Китай. Безусловно, что это соперничество наряду с применением обычных компонентов вооруженных сил, дипломатических усилий и экономических санкций, будет включать и проведение специальных операций ССО США. Этот сдвиг поднял в экспертном сообществе вопросы правового регулирования деятельности ССО США и правомерности инструмента специальных операций.

Следует сказать, что военная деятельность США, в том числе в сфере специальных операций, регулируется множеством актов, статутов и юридических решений, которые в широком смысле принимаются органами законодательными и исполнительными органами власти США. Они устанавливают правовой статус вооруженных сил, декларируют их права и обязанности и подробно прописывают, что вооруженные силы могут и не могут делать при определенных обстоятельствах. Указанные нормативно-правовые акты определяют типы миссий, которые могут проводиться, места, где разрешены проведения операций, требования к отчетности, алгоритмы подчинения, ограничения на конкретные виды деятельности и т.д.

Законодательные полномочия специальных подразделений, часто находятся в центре политических дискуссий о том, как использовать ССО для поддержки стратегических целей США, особенно потому, что зачастую данные полномочия исходят от различных ветвей власти государственного механизма США. Например органы, которые приказывают ССО и другим вооруженным силам оказывать помощь силам безопасности союзника, не обязательно являются теми же органами, которые разрешают военное присутствие в конкретной стране.

Законодательная база, регулирующая правовой статус подразделений ССО, развернутых за рубежом в части не связанной с применением силы, охватывает широ-

кий спектр деятельности, от программ помощи в обеспечении безопасности, таких как пункт 333 раздела 10 закона США (10 U.S.C. § 333) [12], до полномочий командиров, в период боевых действий, которые вытекают из пункта (10) закона США (10 U.S.C. § 164) [9]. Эти акты охватывают открытую и тайную военную деятельность и могут санкционировать узкую или широкую программы специальных операций. ССО, как правило, подчиняются тем же законодательным актам, что и обычные силы, за некоторыми исключениями. Так ССО разрешено проводить определенные виды деятельности, которые не могут выполнять обычные вооруженные силы, например ведение нетрадиционных боевых действий [10].

В рамках исследуемой темы, принципиально важное значение имеет закон, регулирующий деятельность объединенного командования ССО 10 U.S.C. § 167 [11] (далее – закон). В преамбуле данного закона указывается, что «основной функцией командования является подготовка сил специальных операций к выполнению поставленных задач» [11]. При этом учредителем ОКСО является президент США, который назначает командующего данной структурой по представлению сенату. Подобная юридическая технология построения закона о деятельности ОКСО демонстрирует, власть президента, который согласно статье II Конституции США [1], является верховным главнокомандующим вооруженными силами США. Несмотря на то, что только конгресс согласно разд. 8 ст. I Конституции США [1] имеет право объявлять войну, и тем, что в соответствии Законом о военных полномочиях [6] принятом в 1973 г. президент должен консультироваться с конгрессом до введения вооруженных сил США в зоны заграничных военных действий, у него остается временной период в 60 дней для использования силы. Данный временной период необходим для конгресса для рассмотрения заявления президента об объявлении войны и может быть продлен еще на 30 дней, что теоретически в условиях современной войны позволяет президенту США использовать военную силу без объявления войны, как это имело место во время военных действий в Югославии в 1999 г. Наряду с этим, столь обширный временной отрезок имеющийся у президента в силу законодательных лазеек, является более чем достаточным для использования ССО в том или ином регионе мира. *De facto* проникновение ССО в Пакистан с целью убийства У. бен Ладена или ликвидация К. Сулеймани в аэропорту Багдада являются актами, напрямую затрагивающими механизм использования вооруженных сил США за границей, однако *de jure*, краткий период операций позволяет президенту США не запрашивать разрешения конгресса на проведения подобных мероприятий. Несмотря на то, что президент в соответствии с поправкой Хьюджеса-Райана [5], должен заблаговременно уведомлять профильные комитеты конгресса по вооруженным силам и разведке о планирующихся специальных операциях, зачастую конгрессмены узнают о них после их реализации. Тем самым, президент США обладает достаточным правовым механизмом проведения силовой политики без санкций конгресса, а ССО являются удобным инструментом проведения этой политики.

Закон о ОКСО регулирует систему управления ССО как в США, так и в регионах базирования. Так согласно п. (b) закона, на территории США все активные и резервные силы специальных операций вооруженных сил, должны быть переданы в подчинение командованию специальных операций [11]. За границами США компоненты ССО находятся в подчинении командующего данной структурой в том или ином регионе, которые несут полную ответственность за их деятельность (b) [11].

На данной стадии следует сказать о механизме контроля за деятельностью ССО, который осуществляет секретариат заместителя министра обороны по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности. Согласно закону 10 U.S.C. § 139 d [8], цель секретариата состоит в том, чтобы помочь заместителю министра обороны (по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности) в осуществлении полномочий, руководстве и контроле в отношении специальных операций – особого управления и поддержки командования специальных операций, включая готовность и организацию сил, ресурсов и оборудования специальных операций [8]. В рамках своих полномочий, заместитель министра обороны по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности, правомочен создать и возглавить группу, известную как «Специальные операции: Совет по политике и надзору» [8] (далее – совет). Целью последнего, является координация функциональной деятельности штаба министерства обороны с целью наиболее эффективного и ответственного обеспечения сил и средств специальных операций. При выполнении этой цели совет должен разрабатывать и постоянно совершенствовать политику, и процедуры, которые облегчат развитие, интеграцию, и применение сил и средств специальных операций [8].

В состав совета, который действует на постоянной основе, входят: заместитель министра обороны по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности; заместитель министра обороны по исследованиям и разработкам; Заместитель министра обороны по закупкам и поддержке; заместитель министра обороны по личному составу и готовности; заместитель министра обороны по разведке; главный юрисконсульт министерства обороны; другие помощники министра обороны при заместителе министра обороны по политике; представитель объединенного комитета начальников штабов; командование специальных операций США; другие офицеры министерства обороны, присутствие которых министр обороны сочтет целесообразными [8].

Примечательно, что в качестве заместителя министра обороны по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности, назначается лицо, не являющееся профессиональным военным, что соответствует американским стандартам приоритета гражданских чиновников в системе контроля над инструментами силовой политики. Таким образом заместитель министра обороны по вопросам специальных операций и войн низкой интенсивности по иерархической системе стоит выше КСО США и осуществляет всесторонний надзор за деятельностью ССО.

Говоря о полномочиях командующих ССО на территории США и за рубежом, нужно отметить, что в их сферу деятельности входит: Разработка доктрины, стратегии и тактики применения ССО; подготовка и представление министру обороны рекомендаций и бюджетных предложений для сил специальных операций и других сил, закрепленных за командованием специальных операций; руководство и осуществление полномочий за расходованием средств; обучение назначенных приданных сил; проведение специализированных курсов обучения для офицеров и унтер-офицеров ССО; проверка боевой готовности ССО; обеспечение оперативной совместимости техники и вверенных сил; формирование и подача требований по разведывательному обеспечению; контроль за развитием сил специальных операций и координация с военными ведомствами по вопросам назначения, удержания, обучения, профессионального военного образования, специальных и поощрительных вы-

плат сотрудникам ССО [11]. Тем самым командующий КСО и его подчиненные на местах, обладают широкими полномочиями в рамках формирования стратегической концепции вверенных им сил, определения направления их развития и их боевого слаживания. Также законодатель наделяет командующих ССО широкими возможностями в сфере материально-технического обеспечения подчиненных им подразделений. Так командующий ССО имеет полномочия инициировать разработку и приобретение специального оперативно-технического оборудования для ССО; приобретение специальных материалов, и услуг для ССО [11].

При этом закон устанавливает специальный аппарат командующего по комплектованию ССО. Согласно п. i закона, штат командующего СО должен включать ответственного за снабжение, который несет ответственность за общий надзор за вопросами комплектования для командования специальных операций. Ответственный за снабжение должен иметь полномочия - заключить договоры с другими ведомствами для приобретения оборудования, материалов, и услуг, от имени командования [11]. В компетенцию заместителя командующего по снабжению входит контроль за приобретением оборудования, материалов, предметов снабжения и услуг и представительство КСО на переговорах с другими ведомствами по программам приобретения, заказчиком которых являются ССО [11].

В обязанности заместителя командующего КСО по снабжению, входит своевременное приобретение всех необходимых для деятельности ССО материально-технических средств, материалов и услуг [11]. Следует подчеркнуть, что наряду с командующим КСО, его заместитель по комплектованию в своей деятельности подчиняется руководителю отдела снабжения министерства обороны США.

В соответствии с законом о деятельности КСО, в штат его руководителя, должен входить генеральный инспектор, который должен проводить внутренние ревизии по вопросам закупок и заключению контрактов [11]. Тем самым в системе снабжения ССО присутствует двухканальная система контроля (внутренний и внешний в лице заместителя министра обороны по вопросам снабжения. Согласно закону о КСО, в его бюджет должны закладываться запросы на финансирование по следующим статьям: разработка и приобретение специальной оперативной техники; приобретение других материалов, предметов снабжения или услуг, необходимых для проведения специальных операций; разведка и специальная деятельность [11].

При этом алгоритм утверждения бюджета КСО выглядит следующим образом. Прежде чем бюджетное предложение КСО на будущий финансовый год представляется министру обороны, командующий КСО, проводит совещание с руководителями военных ведомств относительно финансирования подразделений специального назначения. В случае если руководитель военного ведомства не согласен с запрашиваемым уровнем финансирования для любого из подразделений специального назначения, находящегося под его юрисдикцией, командующий КСО, должен включить в бюджетное предложение, представленное министру обороны, мнение возражающего руководителя ведомства относительно такого финансирования [11]. Примечательным в этой системе является то, что данный порядок финансирования ССО действует и в обратном направлении. Всякий раз, когда руководитель того или иного военного ведомства, в структуре которого присутствует компонент ССО формирует бюджет, он должен проконсультироваться с командующим КСО относительно финансирования сил специальных операций, находящихся в его подчинении.

Если командующий КСО не согласен с рекомендуемым уровнем финансирования в отношении того или иного подразделения специальных операций, руководитель военного ведомства должен включить в бюджетное предложение, представленное министру обороны, мнение командующего ССО.

Согласно закону о КСО, роль министра обороны в деятельности КСО заключается в установлении правил деятельности КСО. Такие положения должны включать в себя полномочия командира такого командования обеспечивать оперативную безопасность сил и операций специальных операций. Министр обороны по указанию президента, после консультации с председателем Объединенного комитета начальников штабов и командующим КСО может распорядиться, чтобы любой боевой компонент входящий в структуру ССО был использован для проведения следующих специальных операций: 1) Прямые действия. 2) Стратегическая разведка. 3) Нетрадиционная война. 4) Внешняя и внутренняя оборона. 5) Военно-гражданские мероприятия. 6) Специальная разведка. 7) Контртеррористические операции. 8) Гуманитарная помощь. 9) Поисково-спасательные акции, а также любые другие виды деятельности, которые могут быть указаны президентом или министром обороны для обеспечения национальной безопасности США.

Наряду с этим, важную роль в вопросе финансирования и правового регулирования деятельности ССО играет раздел 1202 Закона об ассигнованиях на национальную оборону на 2018 финансовый г. [7], который позволяет министру обороны ежегодно тратить деньги на «оказание поддержки иностранным нерегулярным силам, группам или отдельным лицам», которые ведут нерегулярные боевые действия [7]. Данное финансирование имеет решающее значение для помощи ССО в ведении нерегулярных боевых действий. Как отметил председатель Объединенного комитета начальников штабов М. Милли, раздел 1202 «является очень полезным инструментом для обеспечения проведения нерегулярных военных операций в поддержку акцента стратегии национальной безопасности на расширении конкурентного пространства, сдерживания и отражения агрессии со стороны ревизионистских держав и режимов-изгоев» [15, р. 13].

В данное время в американском экспертном сообществе присутствует тенденция к необходимости расширения финансирования деятельности ССО по разделу 1202, для облегчения усилий подразделений специальных операций по ведению нерегулярных боевых действий против Китая, России и Ирана, их прокси-сил [15, р. 537].

Вместе с тем, видное место в деятельности ССО имеет раздел (333) Заголовка (10) Кодекса США (10 U.S.C. §333) [12], который наделяет министра обороны США полномочиями проводить или поддерживать программы по обучению и оснащению национальных сил безопасности иностранных государств.

Сама система управления ССО предполагает, что она должна быть оперативным инструментом в руках президента США в деле проведения силовой политики государства. Сам президент как правило санкционирует проведение специальных операций реализуемых ЦРУ при помощи так называемых исполнительных приказов [3, с. 115]. Как отмечает М.Ю. Дундуков, исполнительные приказы президента «по степени своего воздействия на процесс правового регулирования различных групп отношений в сфере разведки исполнительные приказы президента значительно превосходят любые иные подзаконные акты» [3]. Этот правовой институт все больше оттесняет другие правовые механизмы регулирования разведывательной и специ-

альной деятельности, что является следствием усиления президентской власти имеющее место в США в последние два десятилетия. Несмотря на это исполнительные приказы президента предполагают обычный механизм надзора за специальными операциями посредством предоставления отчетов о них комитетам конгресса по разведке. Однако в период войны в Афганистане был создан прецедент, который позволял обойти законодательные ограничения в лице надзора со стороны конгресса США. В 2009 г. после совещания в Белом доме, генералом Д. Петреусом был подписан секретный меморандум под названием «Приказ о создании объединенной оперативно-тактической группы специальных операций» [4, с. 308], что позволяло ССО проводить операции на территории стран присутствие в которых американских военных отрицалось, без одобрения президента. Как отмечает М. Мацетти «в отличие от тайных операций, реализуемых ЦРУ, подобная деятельность не требует одобрения со стороны президента или регулярная отчетов перед конгрессом» [16, р.20]. Примечательным в данном документе является то, что правительство США давало полномочия на проведение специальных операций не только ЦРУ, но и военным из состава ССО. Как отмечал М. Эмбайнер «Администрация Обамы некоторое время колебалась, перед тем как санкционировать подобное проведение военными специальных операций в странах, где Соединенные Штаты формально не присутствовали...однако политические императивы, угроза терроризма, а также понимание того, что могут совершить американские военные в случае предоставления им свободы действий, постепенно изменили образ мыслей некоторых ближайших советников Обамы» [14]. Тем самым мы видим, что к началу правления администрации Б. Обамы, ССО превратились в интегрированную обособленную разведывательно-диверсионную систему со слабым контролем, что позволяло активно использовать ее возможности для проведения президенту силовой политики.

Список литературы:

1. Конституция Соединенных Штатов Америки. - URL: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf>
2. Стратегия национальной безопасности Администрации Байдена-Харрис. - URL: <https://www.state.gov/translations/russian/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-2/>
3. Дундуков, М. Ю. Исполнительные приказы президента США по вопросам разведки как эффективный инструмент правового регулирования организации и деятельности разведки США / М. Ю. Дундуков // Право и государство: теория и практика. – 2014. – № 7(115). С. 115.
4. Скейхилл Дж. Грязные войны: Поле битвы – Земля. – М.: Кучково поле, 2015. С. 308.
5. An Act to amend the Foreign Assistance Act of 1961, and for other purposes, Dec. 30, 1974, Pub. L. 93-559, sec.32, 88 Stat. 1804. - URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1795.pdf>
6. S.440 - War Powers Act, 1973. - URL: <https://www.congress.gov/bill/93rd-congress/senate-bill/440>
7. On Section 1202 see, for example, National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018, Pub. L. No. 115-91, § 1202 (2017). URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ91/PLAW-115publ91.pdf>
8. § 139 b - Secretariat for Special Operations; Special Operations Policy and Oversight Council. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/139b>
9. 10 U.S. Code § 164 - Commanders of combatant commands: assignment; powers and duties. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/164>
10. Joint Publication 3-05 Special Operations, 2014. URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3_05.pdf
11. 10 U.S. Code § 167 - Unified combatant command for special operations forces. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/167>
12. 10 U.S. Code § 333 - Foreign security forces: authority to build capacity. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/333>

13. Testimony by Mark A. Milley, Before the Senate Armed Services Committee, July 2019, p. 68. URL: https://climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2019/07/milley_apqs_07-11-19.pdf
14. Ambinder M. Obama Gives Commanders Wide Berth for Secret Warfare. The Atlantic. com, May 25, 2010.
15. Christopher B. Rich, Jr., Charles B. Johnson, and Paul T. Shirk, "By, With, and Through: Section 1202 and the Future of Unconventional Warfare," Journal of National Security Law and Policy, 2022, Vol. 12, No. 3, pp. 537-582.
16. Mazzetti M. U.S. Is Said to Expand Secret Actions in Midest. New York Times, May 24, 2010. P. 20

Zamanapulov D.M. Legal regulation of the activities of the US Special Operation Forces // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 3. – P. 304–310.

The article is devoted to the analysis of the fundamental documents of a strategic and legislative nature that provide legal regulation of the activities of the US Special Operations Forces (hereinafter referred to as the SOF). After a brief introduction, the author proceeds to characterize the mechanism and structure of the MTR and examines the normative legal acts that constitute the legal basis for the activities of the MTR in such specific areas as the rights and duties of US special forces commanders during operations and targeted killings. Along with this, the article highlights the legal status of the US President as the supreme commander of the country's armed forces in the field of special operations and secret wars, the main instrument of which are the MTR. The relevance of this article is due to the closeness of the topic and the aggravation of the confrontation between competing powers on a global scale.

Key words: Special Operations forces, law, security, USA, targeted killings, special operations, war, low-intensity conflict, special forces, international relations.

Spisoc literatury:

1. Konstitutsiya Soedinennykh Shtatov Ameriki. – URL: <https://constitutioncenter.org/media/files/RU-Constitution.pdf>
2. Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Administratsii Baydena-Kharris. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian/%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F-2/>
3. Dundukov, M. Yu. Iсполnitelnye prikazy prezidenta SShA po voprosam razvedki kak effektivnyy instrument pravovogo regulirovaniya organizatsii i deyatelnosti razvedki SShA / M. Yu. Dundukov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2014. – № 7(115). S. 115.
4. Skeykhil Dzh. Gryaznye voyny: Pole bitvy – Zemlya. – M.: Kuchkovo pole, 2015. S. 308.
5. An Act to amend the Foreign Assistance Act of 1961, and for other purposes, Dec. 30, 1974, Pub. L. 93-559, sec.32, 88 Stat. 1804. – URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-88/pdf/STATUTE-88-Pg1795.pdf>
6. S.440 - War Powers Act, 1973. – URL: <https://www.congress.gov/bill/93rd-congress/senate-bill/440>
7. On Section 1202 see, for example, National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018, Pub. L. No. 115-91, § 1202 (2017). – URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ91/PLAW-115publ91.pdf>
8. § 139b - Secretariat for Special Operations; Special Operations Policy and Oversight Council. – URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/139b>
9. 10 U.S. Code § 164 - Commanders of combatant commands: assignment; powers and duties. –URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/164>
10. Joint Publication 3-05 Special Operations, 2014. – URL: https://irp.fas.org/doddir/dod/jp3_05.pdf
11. 10 U.S. Code § 167 - Unified combatant command for special operations forces. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/167>
12. 10 U.S. Code § 333 - Foreign security forces: authority to build capacity. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10/333>
13. Testimony by Mark A. Milley, Before the Senate Armed Services Committee, July 2019, p. 68. – URL: https://climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2019/07/milley_apqs_07-11-19.pdf
14. Ambinder M. Obama Gives Commanders Wide Berth for Secret Warfare. The Atlantic. com, May 25, 2010.
15. Christopher B. Rich, Jr., Charles B. Johnson, and Paul T. Shirk, "By, With, and Through: Section 1202 and the Future of Unconventional Warfare," Journal of National Security Law and Policy, 2022, Vol. 12, No. 3, pp. 537-582.
16. Mazzetti M. U.S. Is Said to Expand Secret Actions in Midest. New York Times, May 24, 2010.

УДК 341.231.12+327.57

**«ГОСУДАРСТВА-ИЗГОИ» («ROGUE STATES») ИЛИ ЖЕРТВЫ ТРАВЛИ
(«VICTIMS OF BULLYING»): ПРОБЕЛЫ ИЛИ НАРУШЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Киевицкая М. А., Шумиленко А. П., Пастухова Л. В.

Статья посвящена анализу опасной противоправной практики государств, инициированной США в конце XX-го века и активно применяемой ими и их сателлитами в XXI-м веке, посредством которой в отношении государств, являвшихся в той или иной сфере регулирования конкурентами, противниками или оппонентами государств коллективного Запада, оправдывалось использование разнообразных мер воздействия, ведущих в дальнейшем к их изоляции. Дается обзор основных элементов практики травли государств – их стигматизации в качестве «изгоев», «парий» и «ренегатов». Особое внимание уделено конкретизации нормативного содержания принципа мирного сосуществования государств, всеобщему признанию которого всячески препятствуют государства коллективного Запада.

Ключевые слова: государства-изгои, стигматизация, изоляция, травля, культура отмены, репутация государства, дезинформация, политическая агрессия, односторонние ограничительные меры, принципы международного права, принцип мирного сосуществования.

Ни для кого уже не секрет, что «дух партнёрства» и «тёплые чувства» западных государств к России начали охладевать с самого начала XXI-го в. (задолго до самых судьбоносных и переломных событий 2014 г.). Причиной тому (помимо обострения геополитического противостояния и экономического соперничества) стало, как нам кажется, постепенное и постоянное нарастание противоречий между Соединёнными Штатами Америки (США) и их сателлитами (особенно из числа государств-членов Европейского Союза (ЕС)) и Российской Федерацией и её истинными партнёрами по вопросам толкования и применения норм международного права. Как стало вскоре ясно, для нашего государства на кону стояла не победа в диспуте по вопросам теории международного права, а пресечение попыток государств Запада переформатировать международный правопорядок для обеспечения установления их геополитического и экономического доминирования в рамках однополярного мира (во главе с США).

Следствием упомянутых разногласий явилось развитие тенденции разделения одними государствами (прежде всего в рамках реализации их концепций внешней политики и стратегий национальной безопасности) всех остальных государств мира на «своих» и «чужих» (а точнее – «союзников» и «противников», а также «друзей» и «врагов»). Одновременно с этим в обиход начали внедрять и понятие «государства-изгои» [1, с. 13] для обозначения группы государств, чья политика якобы таит в себе угрозу для международного мира и безопасности. На самом же деле новый ярлык навешивали в основном на те государства, которые отказывались идти на уступки требованиям западных государств (прежде всего США и их сателлитов). Именно таким образом и возникла ситуация, когда в области международных отношений и мировой политики активно начала применяться концепция, которая фактически противоречит основным принципам современного международного права.

Анализ соответствующей научной литературы по проблемам международного права и международных отношений за последние 30 лет (1994–2023 гг.) позволяет

выделить следующие направления научных исследований, касающихся проблематики «государств-изгоев»:

1) общий обзор проблемы «изгоизации» государств с точки зрения современной теории международных отношений (А. Гайс, К. Вундерлих, Д. Гельденхус, Б. Догерти, Й. Кастерманс, Х. Мюллер, Х. Ньюхолд, Э. Саундерс, М. Сенн, Р. Харкав, Т. Хенриксен, П. Хойт, а также А. В. Горшков, М. В. Ильин, Г. В. Кокур, Е. В. Морозова, В. Д. Орехова, М. В. Харкевич и Д. В. Чернобров);

2) критический анализ практики «изгоизации» государств с точки зрения теории международных отношений (В. Блум, Дж. Буэлл и Т. Де Лука, Ж. Деррида, Б. Камингс, Э. Абрахаман и М. Ма'оз, М. Клэр, К. Престовиц, Н. Хомский, С. Чан, а также В. Д. Орехова);

3) определение и анализ причин (оснований) девиантности во внешней политике государств с точки зрения: а) резонных последствий нарушения государствами норм международного права (Л.-А. Броудхед, Д. Гельденхус, А. Порцеканский, Дж. Славотский и А. Хомолар); б) столкновения национальных интересов, а также конфликта политических идеологий, режимов и культурно-цивилизационных идентичностей (А. Заракол, Р. Лебоу, Х. Мельдер, М. Росс); в) позиций отдельных школ и направлений в изучении теории и практики международных отношений (реализма, либерализма, конструктивизма и др.) (А. Вендт, М. Сенн, К. Сиккник, М. Финнемор, Дж. Чеккел и В. Д. Орехова); а также г) интегративного подхода к исследованию международных отношений (объединяя предложенные различными школами и направлениями идеи) (В. Вагнер, В. Вернер и М. Ондерко, Д. Джакоби, К. Вебер, Г. Хелман, Й. Кастерманс, К. П. О'Рейли, Э. Н. Саундерс и В. Д. Орехова);

4) общий обзор и анализ практики международных отношений, международно-правовой практики и внутривнутриполитической ситуации в государствах, определяемых в качестве «изгоев» в то или иное время, а именно: а) Сербия (П. Вильямс и К. Уоллер); б) Ливия (Д. Вандевэлле и Ю. Ронен, Б. Дэвис, Т. Ниблок, Р. Сент-Джон, Дж. Станик, М. Эль Варфалли, М. Морган, Т. Ниблок, Дж. Шварц, Дж. Вилкоксон, В. Лачер, О. О. Булаев, К. М. Труевцев, Б. В. Долгов, А. З. Егорин и В. Д. Орехова); в) Сирия (А. Маличи и Э. Бакнер, Дж. Саркин, а также Б. В. Долгов и А. З. Егорин); г) Иран (К. Барцегар и А. Дивсаллар, М. Фитцпатрик, К. Хикс и М. Далтон, К. Г. Краснов, В. И. Юртаев, Н. М. Мамедова, М. М. Каменева, И. Е. Федорова); д) Северная Корея (С. Джанг, С. Ким и М. Коуен); е) Россия (Дж. Доббинс, Г. Шац, А. Вайн, Н. Лампас, Ю. Рамер, К. Шейк, Дж. П. Бернье, а также В. Д. Орехова) и др.;

5) анализ внешней политики и международно-правовой практики «государств-изгоев» в контексте и с т. зр. внешнеполитических амбиций и международно-правовой практики США и их сателлитов (Р. Бляйкер, Х. Дас, Б. Картер, Э. Лейк, Дж. Лебович, А. Леннон и К. Айсс, Р. Литвак, А. Майлс, М. Нинчич, М. О'Салливан, П. Пиллар, Р. Ротберг, М. Рубин, Д. Смит, М. Томас, Т. Хенриксен, Ф. Хиц, И. Эстердал, а также И. И. Арсентьева, В. И. Бартенев и В. Д. Орехова);

6) критический международно-правовой анализ практики «изгоизации» государств с точки зрения: а) общей теории и практики международного права (Э. Аренд, Т. Бухвальд, В. Вернер, Л. Кориас, П. Миннероп, а также А.-М. Слотер); б) права международной безопасности и нераспространения оружия массового уничтожения (Б. Вилсон, К. Вундерлих, Д. Джонас и К. Свифт, А. Капур, О. Киттри,

Дж. Педиго, П. Шульте); **в**) права международной безопасности и борьбы с терроризмом (В. Витковский, Э. Гресси, Д. Джонас и К. Свифт, Дж. Педиго, П. Шульте, а также В. Д. Орехова); **г**) международного экономического права (А. Порцеканский и Дж. Славотский); **д**) международного права охраны окружающей среды (Л.-А. Броудхед).

К сожалению, *отечественная доктрина по проблематике «государств-изгоев» довольно скудна*, как нам кажется, *представлена на глобальном уровне в научном мире*. Учитывая общую внешнеполитическую ситуацию, в которой наше государство пребывает последние 10 лет, а также особую опасность противоправной практики «изгоизации» и травли государств для международного правопорядка и тот факт, что в отечественной научной литературе упомянутая проблематика до сих пор рассматривалась лишь в пределах политологического дискурса, а не в рамках именно международно-правовых изысканий, *актуальность нашего исследования очевидна*.

Категория «государств-изгой», олицетворяющая для стран Запада* главную угрозу международному миру и безопасности в XXI в., возникла после окончания «холодной войны» в оборонных кругах США [2, с. 5]. Впервые обозначенный Э. Лейком ещё в 1994 г. [3, с. 45] «классический» перечень упомянутых государств включает *Кубу, Северную Корею, Иран, Ирак, Ливию*, к которым часто добавляют вносимую сегодня Западом в список «спонсоров терроризма» *Сирию*, а также другие режимы, против которых Западом применяются экономические санкции, а также бесосновательно именуемые «санкциями» ограничительные меры экономического характера – *Судан, Мьянму*. Как справедливо отмечает В. Д. Орехова, использующие понятие «изгой» более свободно СМИ, в зависимости от автора, упоминают в этом контексте *Венесуэлу, Афганистан, Беларусь, Зимбабве, Сомали, Эритрею*, а также *Россию* [4, с. 35].

Для обозначения особого статуса таких государств (и для того, чтобы провести черту между ними и остальным международным сообществом) использовались различные ярлыки, в том числе «изгой» (англ. «rogues»), «парии» (англ. «pariahs»), «кренегаты» (англ. «renegades»), «государства, вызывающие беспокойство» (англ. «states of concerns»), «государства вне закона» (англ. «outlaw states»), «диссиденты» (англ. «dissidents») и т.д. Каждый ярлык несет в себе свой набор ассоциаций и смыслов, сопровождается предположениями о природе отклонения поведения государства и соответствующих ответных мерах [2, с. 4].

«Государство-изгой» – «многогранный дискурсивный конструкт» [5; 6, с. 24], «результат определённых репрезентативных практик международного сообщества» [7; 6, с. 17], учитывающих, очевидно, стратегические соображения государств или же соображения силы, а отношение к «изгоям» («другим», «иным») зачастую отмечено враждебностью [6, с. 17].

По нашему мнению, *невозможно* определить «государство-изгоя» с помощью набора *действительно объективных критериев* (говорим мы о приобретении оружия массового уничтожения, использовании агрессии или поддержке терроризма [5; 8]), поскольку соответствующая практика государств полна примеров применения двойных стандартов [9; 2, с. 4].

* Говоря о Западе («коллективном Западе»), мы подразумеваем, прежде всего, США и их союзников / сателлитов.

Ключ к пониманию политики навешивания ярлыков «изгоев» на государства лежит в выявлении того, в чём заключается определяющая сила таких действий. Так, использование различных смысловых псевдоаналогов понятия «государства-изгой» (к примеру, «реакционные режимы», «спонсоры терроризма», «государства вне закона» и пр.) позволяет сформировать соответствующее общественное мнение с явно выраженными элементами осуждения, неприязни, неприятия и отторжения, «легитимизируя» тем самым применение в отношении «нарушителя» силовых мер воздействия [4, с. 3].

Называя некоторые страны «государствами-изгоями», навешивающий ярлык актер уже подводит к дальнейшей конфронтации, тем самым блокируя определённые возможные направления грядущих действий. Использование образа «изгой» обычно порождает, как отмечает К. Вундерлих, «более враждебную политику, направленную на сдерживание предполагаемого угрожающего государства», оправдывающую упреждающее (превентивное) применение военной силы, часто направленное именно на смену режима [10, с. 91].

Как полагает Й. Кастерманс, когда общество (по аналогии – международное сообщество) объявляет человека (по аналогии – государство) вне закона, оно таким образом разрешает нарушение правовых норм и процедур обращения с ним. Когда преступника выслеживают, не существует никаких запретов, поскольку верховенство права больше его не защищает. Как следствие, государство вне закона («изгой»), похоже, утрачивает права гражданства в международном сообществе и принимает вольно или невольно образ плохого (неблагонадёжного) гражданина [6, с. 19–20].

Обращение с таким государством подобным образом предполагает суждение о том, что оно якобы уже доказало свою изначально преступную сущность (не просто какие-то его действия, а государство само по себе является проблемой и должно быть привлечено к ответственности). В результате нет особой необходимости в серьёзном анализе заявлений и действий такого государств [11, с. 106]. Как известно, люди (по аналогии – государства, международное сообщество) действуют, как правило, исходя из значений, придаваемых ими событиям или действиям других людей (по аналогии – государств) [12, с. 16].

Сверх всего, ситуация усугубляется и тем, что, как показывают социально-психологические исследования, люди наиболее склонны искать и усваивать именно ту информацию, которая соответствует их основным социальным убеждениям, пропуская или же искажая противоречащую им информацию. Растущее количество свидетельств также демонстрирует процессы предвзятого подтверждения (от англ. «confirmation bias») новой информации, а это означает, что люди склонны толковать последующие свидетельства таким образом, чтобы сохранить свои первоначальные убеждения, верования, ожидания и гипотезы [13, с. 249] (т. е. предубеждённо, пристрастно, необъективно).

Так, не приходится удивляться тому, что западная научная литература пестрит вопиюще нелепыми и дикими пассажами о том, что, например, «к 1973 году в СССР единственным сектором экономики, не переживавшим упадка, было производство водки» [14, с. 83], а на данный момент у России якобы проблемы с обеспечением населения продуктами питания, поскольку «только 7% российской земли являются

пахотными», а предлагаемые решения этой проблемы включают «интенсификацию иммиграции и экспансию на новые территории» [14, с. 84].

В то время как суверенные государства считаются равными друг другу, с точки зрения международного публичного права, «государства-изгои» фактически имеют значительно меньше прав, чем «демократические» («порядочные») государства [15, с. 38]. Тем не менее, термин «государство-изгой» до сих пор не имеет определения в международном праве [16, с. 178] да и сам процесс «изгоизации» («остракизма», «отстранения», «изоляции», «стигматизации», «заклеймения») остаётся пробелом (слепым пятном) современного международного правопорядка [15, с. 55].

В то же самое время именно международное право активно используется сегодня Западом в попытках заклеймить неудобные ему государства и узаконить применяемые к ним принудительные меры в обход установленных процедур. Наглядным примером является определение «государств-изгоев» в *Стратегии национальной безопасности США 2002 г.* – по убеждению администрации Буша, государства-изгои, помимо прочего**, «не проявляют уважения к международному праву, угрожают своим соседям и грубо нарушают международные договоры, участниками которых они являются» [1, с. 14; 17, с. 196–197].

Процесс стигматизации либо заклеймения государств вызывает широкий спектр последствий, в том числе международно-правовых, и требует своевременного и адекватного правового реагирования для пресечения использования такой практики в настоящем и предотвращения её применения в будущем. Для этого необходимо осуществить международно-правовой анализ существующей практики государств Запада по «изгоизации» / «травле»*** отдельных членов международного сообщества, определив основные черты этих явлений, а также применимые к ним нормы международного права.

Так, «изгоизация» обязательно *сопровождается целенаправленной кампанией по дискредитации репутации государства*, где любое слово государства-мишени в свою защиту преподносится как «агрессивная пропаганда».

Фактически Запад осуществляет сегодня в отношении Российской Федерации широкомасштабную кампанию по *оклеветанию****, дегуманизации и обесцениванию* субъекта международного права, злонамеренно, планомерно и методично разрушая его репутацию в глазах международной общественности.

«Репутация» – весьма многозначный термин в области политической науки [18, с. 15]. Также показательно, что коммерческие фирмы считают репутацию жизненно важным активом, даже если он нематериален и не поддается количественной оценке; они стремятся построить её, улучшить и всячески целенаправленно и

** Речь идёт о жестоком обращении со своим народом, спонсировании терроризма по всему миру, отрицании основополагающих прав человека, а также ненависти к США и ко всему, что они отстаивают (защищают).

*** В данной работе термин «травля [государства]» (англ. «bullying») будет использоваться нами в общем для обозначения практики *умышленного использования в международных отношениях государством-зачинщиком и его сателлитами агрессивного поведения по отношению к государству-мишени с применением комплекса разнообразных мер воздействия различной интенсивности, характеризующегося подавлением и унижением государства-мишени, ведущими к его дальнейшей стигматизации, остракизму и изоляции.*

**** Другими словами – по *дискредитации, замарыванию, захаванию, компрометации, обеславлению, обесцениванию, оговариванию, опозориванию, опорочиванию, ославлению, осрамлению, охаиванию и очернению* нашего Отечества (нашей Отчизны, Родины).

систематически поддерживать; имидж считается неотъемлемой частью капитала предприятия [19, с. 704]).

В контексте анализа международно-правовой практики определённого субъекта международного права, государства используют информацию о репутации актора для формирования ожиданий относительно его будущего поведения [18, с. 161], а также для моделирования возможных вариантов их поведения по отношению к нему (т. е. наблюдение, противодействие либо же сотрудничество). М. Крещенци прав, что при этом репутация влияет не только на саму вероятность сотрудничества, но также и на его дальнейшие условия, качество и эффективность [18, с. 164].

Понятие «репутационного капитала», а также определение «репутационных потерь» государства в современном международном праве нуждаются в серьёзном уточнении, особенно в свете произошедшей цифровой революции, которая не только изменила все способы разработки, распространения, толкования и использования информации, но и существенно расширила возможности использования враждебной пропаганды, т. е. преднамеренного распространения информации с целью обмана международного сообщества либо же введения его в заблуждение для обеспечения достижения стратегических интересов отдельных государств Запада. Дезинформация достигает сегодня гораздо большего количества людей, быстрее распространяется и воспроизводится в различных социальных сетях гораздо чаще, нежели утверждения, действительно основанные на фактах [20, с. 2].

Помимо этого, серьёзность анализируемой проблемы усугубляется осознанием того, что государства склонны полагаться на репутацию в тех случаях, когда без неё они не в состоянии получить достаточное количество информации [18, с. 80]. Как показывают исследования, наибольшее значение репутация имеет в тех случаях, когда государство мало или совсем не знакомо с поведением другого государства. По мере того, как у государств развивается их собственная история непосредственного взаимодействия с определённым государством, значение его «общей» репутации при принятии внешнеполитических решений уменьшается [18, с. 82]. Интенсивность внешнего взаимодействия с государством становится критически важным фактором в его международных отношениях. Таким образом, чтобы лжи (и вообще любого рода негативной информации) о государстве поверили, следует максимально изолировать такое государство от общения с другими субъектами международного права.

Хочется подчеркнуть, что современные международно-правовые исследования, к сожалению, не уделяют должного внимания анализу *политической агрессии* (такой как *пропаганда против государства-мишени* и *ограничительные дипломатические меры воздействия*). В этом контексте весьма показательным является ошибочное, как нам кажется, утверждение С. П. Субеди, что «политические санкции не оказывают такого пагубного воздействия на целевое государство, как экономические санкции ... не поднимают такого же количества юридических вопросов и не требуют такой же безотлагательности в международном праве, как в случае с односторонними санкциями экономического характера» [21, с. 9]. Мы твёрдо убеждены, что такая формулировка тезиса нацелена на умышленное введение мировой общественности в заблуждение, поскольку сегодня именно с помощью голословных, безосновательных и бездоказательных обвинений, а также искажения либо же сокрытия исторических фактов государства-зачинщики травли

формируют необходимое им информационное пространство для обеспечения воздействия на мнение мировой общественности для гарантирования поддержки их действий против государства-мишени. И от такого рода воздействия не застраховано ни одно государство в мире, доказательством чего является текущее положение Российской Федерации в отношениях с иностранными государствами Запада.

Для международного права вопрос преднамеренной дезинформации, искажения фактов и подмены понятий критически важен даже в силу того, что (как отмечают Ф. Эллот, а также А. Орфорд) «международно-правовые аргументы перемещаются между различными уровнями абстракции, между дедуктивными, эмпирическими и телеологическими формами рассуждений, ... между ошеломляющим разнообразием разнородных источников с целью убедить аудиторию» [22, с. 250; 23] вывести из предоставленных данных определённые закономерности. Р. Сквилл в этом контексте подчёркивает, что недостаточно обоснованные выводы способны породить широко распространённые в социальной среде заблуждения путём формирования убеждений профессиональной аудитории, у которой нет времени, интереса, опыта или ресурсов для тщательного изучения материала [24, с. 83].

Юристы-международники в процессе дискуссий часто приводят исторические аргументы (либо оправдывая возникновение норм обычного международного права, либо же истолковывая намерения государств в исторический момент подписания ими международных договоров), в результате чего обращение к прошлому играет сегодня значительную роль в процессах рационализации или оспаривания новых тенденций и направлений в развитии международного права [22, с. 29]. Соответственно, «выявление, опровержение и исправление вводящих в заблуждение, идеологических, искажённых и пристрастных отчётов» [22, с. 107], аналитических обзоров, докладов и научных трудов, подготовленных юристами-международниками, представляется сегодня исключительно важным и крайне своевременным направлением работы по противодействию сознательной политике заклеймения и «изгоизации» определённых государств мира.

Важной частью политики «изгоизации» также является *практика обезличивания государства*, ярким примером которой выступает недавний запрет Международного олимпийского комитета (МОК) на демонстрацию современных или исторических флагов России и Беларуси на соревнованиях либо мероприятиях, проходящих под эгидой международных федераций спорта [25]. Сейчас эта практика доходит до очевидно абсурдных (однако закономерных в рамках активно реализуемой Западом «культуры отмены») призывов исключить из всемирного наследия русский балет, литературу и музыку [26, с. 4].

Одним из наиболее «популярных» сегодня инструментов реализации политики целенаправленной «изгоизации» отдельных государств является *использование по отношению к государствам-мишеням разного рода односторонних ограничительных мер*, которые очень часто и необоснованно именуют «односторонними санкциями» или «автономными санкциями». Но детальный анализ этого явления мы планируем осуществить в дальнейших научных трудах.

В конечном счёте процесс «изгоизации» и травли государства ведёт к изоляции, отстранению, ostrакизму субъекта международного права. Зачастую это достигается путём свертывания программ межгосударственного сотрудничества,

ограничения степени участия в деятельности международных организаций, отказа от проведения саммитов и встреч на различных уровнях [4, с. 152].

Возможность изоляции государства фактически сводит общественную сферу к «клубу избранных» и ограничивает формальное равенство только теми немногими государствами, которые считаются достойным вступления в этот клуб и участия в управлении его деятельностью. Изоляция («изгоизация») государства препятствует реализации его права говорить и быть услышанным другими, поскольку лишь от его признания другими государствами в качестве полноправного члена международного сообщества будет зависеть его возможность участвовать в рационально-критических дебатах, формирующих информированное общественное мнение [27, с. 168].

Соответственно, по нашему убеждению, применительно к межгосударственным отношениям *«травля»* («*bullying*») – это *практика умышленного использования в международных отношениях государством-зачинщиком, а также его сателлитами агрессивного поведения по отношению к государству-мишени* (т. е. жертве травли) *с применением информационных, дипломатических, экономических, военных и иных мер воздействия различной интенсивности, характеризующегося преднамеренными, целенаправленными и систематическими подавлением и унижением государства-мишени, ведущими в дальнейшем к его стигматизации, остракизму и изоляции.*

Травля сопровождается не только непризнанием любых инициатив государства-мишени в разнообразных сферах деятельности, но и призывами к присоединению в использовании мер принуждения и наказания тех государств, которые сотрудничают с заклеймённым «изгоем». Вследствие травли государство-мишень несёт огромные репутационные потери, его обезличивают, игнорируют, лишают права голоса и в итоге ставят под сомнение его международную правосубъектность, оспаривая саму возможность его дальнейшего существования в его первоначальном виде.

В своих наиболее изощрённых формах травля государства трансформируется в прокси-войну, что позволяет обеспечить ослабление, сдерживание, подавление, угнетение, отчуждение и унижение государства-мишени с помощью использования мер принуждения в политической, экономической, информационной, гуманитарной, кибернетической и прочих сферах межгосударственных взаимоотношений, а также с помощью применения других более жестких мер в отношении оппонента [28, с. 36].

Обращаясь к *Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г.*, подчеркнём, что указанная нами практика, применяемая именно в отношении нашего государства, *«направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв её созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение её суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности»* (п. 13) [29].

Теперь же, переходя к проблеме общей международно-правовой квалификации деяний государств-зачинщиков травли и их сателлитов, остановимся на элементах нормативного содержания отдельных основных принципов международного права, нарушаемых практикой «изгоизации» и травли государств.

Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2131 (XX) (*«Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета»* от 21 декабря 1965 г. (Декларация 1965 г.)), «ни одно государство не может ни применять, ни поощрять применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ» (п. 2) [30, с. 142, 143; 31].

Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) (*«Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций»* от 24 октября 1970 г. (Декларация 1970 г.)), раскрывающей содержание основных принципов международного права, «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства» [30, с. 143; 32, с. 153]. Также «государства обязаны, независимо от различий в их политических, экономических и социальных системах, сотрудничать друг с другом в различных областях международных отношений с целью поддержания международного мира и безопасности и содействия международной экономической стабильности и прогрессу, общему благосостоянию народов и международному сотрудничеству, свободному от дискриминации, основанной на таких различиях» [30, с. 201; 32, с. 154]. Более того, «все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера» [30, с. 51; 32, с. 154].

Согласно Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/36/103 (*«Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»* от 9 декабря 1981 г. (Декларация 1981 г.)), государства обязаны «воздерживаться от любых клеветнических кампаний, оскорбительной или враждебной пропаганды с целью осуществления интервенции или вмешательства во внутренние дела других государств» (п. j) [33, с. 99].

Можно уверенно утверждать, что практика «изгоизации» и травли государств противоречит почти всем основным принципам современного международного права (общепризнанным основополагающим императивным нормам *jus cogens*: суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету; невмешательство во внутренние дела; неприменение силы или угрозы силой; мирное урегулирование споров; уважение прав человека и основных свобод; сотрудничество между государствами; добросовестное выполнение обязательств по международному праву [34]).

Кроме всего прочего, практика «изгоизации» и травли государств противоречит принципу мирного сосуществования государств независимо от их политических, экономических и социальных систем (такую его общую формулировку [30, с. 38] во второй половине XX-го века обсуждали и продвигали представители отечественной науки международного права Г. И. Тункин (с 1959 г.), И. И. Лукашук (с 1974 г.), Р. Л. Бобров (с 1978 г.), Н. А. Ушаков (с 1985 г.) [30, с. 25] и др.). В связи с этим не можем не согласиться с утверждением И. И. Лукашука о том, что цели обеспечения

мирного сосуществования государств являются основными целями международного права [30, с. 23]. К сожалению, этот принцип не получил всеобщего признания и не был в дальнейшем кодифицирован в достаточной мере по причине категорического нежелания государств Запада [30, с. 32] использовать «русский термин, созданный в рамках марксистской идеологии» [35, с. 504], поскольку это неизбежно привело бы к «упражнению в пропаганде» [36, с. 766]. Теперь мы все пожинаем плоды их злонамеренной и тлетворной позиции.

В общих чертах нормативное содержание принципа мирного сосуществования государств раскрывается положениями следующих международных документов: 1) *Устав Организации Объединённых Наций* от 26 июня 1945 г. [37]; 2) *Декларация о воспитании народов в духе мира* от 15 декабря 1978 г. [38]; 3) *Декларация о праве на мир* от 19 декабря 2016 г. [39].

Принцип мирного сосуществования закрепляет прежде всего: • **право на мир** («мир – это не просто отсутствие конфликтов, а позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс, в котором поощряется диалог, конфликты урегулируются в духе взаимопонимания и сотрудничества и обеспечивается социально-экономическое развитие» (Преамбула [39]); «жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» (Преамбулы [37, с. 8; 39]); «развивать дружественные отношения» (п. 2 ст. 1 [37, с. 8]); «действуя в духе дружбы и добрососедских отношений», «в условиях мира и в атмосфере взаимопонимания», «принимать меры, содействующие упрочению идеалов мира, гуманизма ...» (п. 4 [38])); • **обязанность развивать сотрудничество** («осуществлять международное сотрудничество» (п. 3 ст. 1 [37, с. 8]); «развивать всестороннее, взаимовыгодное и равноправное политическое, экономическое, социальное и культурное сотрудничество с другими государствами ... в целях обеспечения взаимного сосуществования ...» (п. 4 [38]); «руководствоваться в своей деятельности признанием особой важности ... диалога, сотрудничества» (Преамбула [39])); • **запрет дискриминации** («создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость» (Преамбула [37, с. 8]), «независимо от их социально-экономических систем» (п. 4 [38]); «уважать, обеспечивать и поощрять равенство и недискриминацию, справедливость и верховенство закона» (ст. 2 [39])); • **запрет пропаганды ненависти и нетерпимости** («проявлять терпимость» (Преамбулы [37; 39]); «пресекать пропаганду ненависти и предвзятого отношения к другим народам как противоречащую принципам мирного сосуществования и дружественного сотрудничества» (п. 8 [38]); «руководствоваться в ... деятельности признанием ... важности проявления терпимости ... солидарности» (Преамбула [39])).

Как видим, *по отдельности практически все элементы практики «изгойзации» и травли государств уже запрещены современным международным правом*. Однако нам также очевидна и необходимость обеспечения чётко выраженного запрета и осуждения всего комплекса соответствующих действий в качестве единого явления, чтобы тем самым сделать явными ранее тайные соответствующие противоправные соглашения между государствами и пресечь дальнейшее развитие исследуемого нами опасного явления.

Тот факт, что активная практика травли государств («изгойзация», заклеивание и использование против них противоправных односторонних ограничительных мер и

иных инструментов воздействия) является довольно распространённым явлением в современном мире, не означает, что такая практика государств коллективного Запада, противоречащая принципам международного права, может или же должна считаться правомерной. Практика травли государств ни при каких обстоятельствах не должна способствовать формированию обычного международного права либо же изменению действующих норм договорного международного права. Для всех нас (приверженцев верховенства права и торжества справедливости) противоправная деятельность будет оставаться таковой независимо от того, сохраняется ли она и остаётся ли она всё ещё неоспоренной в суде [40, с. 335].

Формирование обычного международного права требует наличия практики повторных действий одних государств, а также их принятия или осуждения другими государствами. Современный международно-правовой обычай живёт и развивается в силу неоднократных повторных формулировок определённых моделей поведения. В этом контексте стоит напомнить сделанное Дж. Кроуфордом наблюдение: «Обычай развивается путём диалога во времени. ... Международное право, как и хороший кофе, нужно варить». В. Вернер считает, что повторное формулирование является не просто копированием того, что было раньше, а, скорее, повторным открытием этого прошлого в свете того, как субъекты международного права должны вести себя в будущем [41, с. 63]. Можно лишь согласиться с такой точкой зрения.

В заключение хотелось бы отметить следующее:

во-первых, анализ проблематики, касающейся практики «изгоизации» и травли государств, необходимо осуществлять исключительно в рамках междисциплинарных исследований с точки зрения международного права и международных отношений, поскольку знание теории международного права гарантирует правильное понимание пределов дозволенного (правомерного) поведения субъектов международного права и помогает избегать возникновения ситуаций поспешной и зачастую ошибочной констатации девиантности поведения субъекта международных отношений; в свою очередь, понимание теории международных отношений будет способствовать учёту национальных интересов и мотивов, перспектив и приоритетов государств в процессе разработки максимально эффективных норм международного права; мы убеждены, что действительно справедливый международный правопорядок исключает саму возможность возникновения каких-либо государств-изгоев;

во-вторых, мнимая толерантность государств коллективного Запада (как яркий пример использования двойных стандартов в современном международном праве) не выходит за пределы одного из институтов международного права прав человека и в области межгосударственных отношений определяется не обострённым чувством справедливости, а именно соображениями внешнеполитической целесообразности и экономической выгоды – США и их сателлиты готовы терпеть любые прегрешения и международно-противоправные деяния их друзей и союзников, но не раздумывая навесят ярлык «изгоя», «парии» или «ренегата» на любое государство, которое вдруг вознамерится самостоятельно распоряжаться своей судьбой и поставит во главу угла нормативное содержание основных принципов международного права, а не слепую, безропотную и безотказную

готовность всячески содействовать достижению целей и защите интересов государств Запада;

в-третьих, злонамеренные и безнаказанные «изгоизация» и травля государства способствуют утрате им доверия к другим субъектам международного права, веры в верховенство именно права в межгосударственных отношениях, а также уверенности в справедливости и эффективности существующего международного правопорядка; клеймо «изгоя», поставленное на добропорядочное и законопослушное государство, в конечном счёте может вынудить его окончательно отвернуться от международного сообщества, отвергнуть его ценности, отказаться от соблюдения сдерживающих его ранее норм международного права и для обеспечения своего существования отныне полагаться в его дальнейших отношениях с другими государствами лишь на силу, что в современную ядерную эпоху может в итоге ввергнуть весь мир в хаос и привести к окончательному уничтожению всего человечества;

в-четвёртых, практика «изгоизации» и травли государств несомненно является нарушением норм современного международного права: помимо того, что отдельные элементы практики противоречат в совокупности почти всем основным принципам международного права (императивным нормам *jus cogens*), можно утверждать, что исследуемое явление противоречит принципу мирного сосуществования государств независимо от их политических, экономических и социальных систем; обязательным условием искоренения упомянутой противоправной практики является активизация продвижения всеобщего признания названного принципа, его кодификация и чёткое определение его нормативного содержания на универсальном уровне (прежде всего в актах Генеральной Ассамблеи ООН);

в-пятых, международное право XXI-го века должно способствовать не только фактическому укреплению всех существующих механизмов межгосударственного сотрудничества, но и формированию и поддержанию дисциплины в международных отношениях; следует настойчиво и последовательно формировать обычно-правовой запрет практики «изгоизации» и травли государств, в частности используя доступный инструментарий «мягкого права» и современное толкование основных принципов международного права, поскольку складывающаяся сегодня практика формирования круга (категории) государств-изгоев направлена не только на изменение политики и экономики, но и на переформатирование международного правопорядка в угоду текущей фривольной внешней политике США и других государств Запада.

Список литературы:

1. The National Security Strategy of the United States of America. – Washington, DC: White House, September 2002. – VII, 31 p. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf>
2. Wagner W. Rogues, Pariahs, Outlaws: Theorizing Deviance in International Relations / W. Wagner, W. Werner, M. Onderco // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 1–14.
3. Lake A. Confronting Backlash States / A. Lake // Foreign Affairs. – 1994. – Vol. 73, № 2. – P. 45–55.
4. Орехова В. Д. «Государства-изгои»: концепт, политическая практика, стратегии реинтеграции в мировое сообщество: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Орехова Валерия Дмитриевна. – Саратов, 2017. – 188 с.
5. O'Reilly K. P. Perceiving Rogue States: The Use of the 'Rogue State' Concept by U.S. Foreign Policy Elites / K. P. O'Reilly // Foreign Policy Analysis. – 2007. – Vol. 3, № 4. – P. 295–315.

6. *Kustermans J.* 'Roguary' and Citizenship / J. Kustermans // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 15–37.
7. *Wendt A.* On Constitution and Causation in International Relations / A. Wendt // Review of International Studies. – 1998. – Vol. 24, № 5. – P. 101–118.
8. *Homolar A.* Rebels without a Conscience: The Evolution of the Rogue States Narrative in US Security Policy / A. Homolar // European Journal of International Relations. – 2011. – Vol. 17, № 4. – P. 705–727.
9. *Chomsky N.* Rogue States: The Rule of Force in World Affairs / N. Chomsky. – London: Pluto Press, 2000. – 252 p.
10. *Wunderlich C.* A 'Rogue' Gone Norm Entrepreneurial? Iran within the Nuclear Nonproliferation Regime / C. Wunderlich // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 83–104.
11. *Jacobi D.* Dissident Foreign Policy and the (Re-)production of International Orders / D. Jacobi, C. Weber, G. Hellmann // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 105–131.
12. *Di Donato F.* The Analysis of Legal Cases: A Narrative Approach / F. Di Donato. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2019. XX, 293 p.
13. *Krebs S.* Experiments in International Law and the Efficacy of International Fact-finding: Evidence from the U.S. and Israel / S. Krebs // Research Methods in International Law: A Handbook / ed. by R. Deplano, N. Tsagourias. – Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2021. – P. 244–264.
14. *Snow D. M.* Cases in International Relations: Principles and Application / D. M. Snow. – 9th ed. – Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2022. – VII, 269 p.
15. *Corrias L.* Guises of Sovereignty: 'Rogue States' and Democratic States in the International Legal Order / L. Corrias // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 38–57.
16. *Buchwald T. F.* The Use of Force against "Rogue States" / T. F. Buchwald // Case Western Reserve Journal of International Law. – 2019. – Vol. 51, № 1. – P. 177–188.
17. *Werner W.* International Law, Renegade Regimes and the Criminalization of Enmity / W. Werner // Deviance in International Relations: 'Rogue States' and International Security / ed. by W. Wagner, W. Werner, M. Onderco. – London: Palgrave Macmillan, 2014. – P. 193–213.
18. *Crescenzi M. J. C.* Of Friends and Foes: Reputation and Learning in International Politics / M. J. C. Crescenzi. – New York: Oxford University Press, 2018. – XVI, 192 p.
19. *Mushkat R.* State Reputation and Compliance with International Law: Looking through a Chinese Lens / R. Mushkat // Chinese Journal of International Law. – 2011. – Vol. 10, № 4. – P. 703–737.
20. *Bjola C.* Introduction: the 'Dark Side' of Digital Diplomacy / C. Bjola, J. Pamment // Countering Online Propaganda and Extremism: The Dark Side of Digital Diplomacy / ed. by C. Bjola, J. Pamment. – Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge, 2019. – P. 1–10.
21. *Subedi S. P.* Introduction / S. P. Subedi // Unilateral Sanctions in International Law / ed. by S. P. Subedi. – Oxford; London; New York; New Delhi; Sydney: Hart Publishing, 2021. – P. 1–17.
22. *Orford A.* International Law and the Politics of History / A. Orford. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY; Port Melbourne, Australia; New Delhi, India; Singapore: Cambridge University Press, 2021. – XII, 382 p.
23. *Allott P.* Language, Method and the Nature of International Law / P. Allott // British Yearbook of International Law. – 1971. – Vol. 45. – P. 79–135.
24. *Scoville R. M.* Egocentric Bias in Perceptions of Customary International Law / R. M. Scoville // International Law as Behavior / ed. by H. G. Cohen, T. Meyer. – Cambridge, UK; New York, NY, USA; Port Melbourne, VIC, Australia; New Delhi, India; Singapore: Cambridge University Press, 2021. – P. 74–97.
25. «МОК запретил болельщикам допуск на стадионы с российской и белорусской символикой» // ТАСС. – 28 марта 2023 г. URL: <https://tass.ru/sport/17390021>
26. *О нарушениях прав российских граждан и соотечественников в зарубежных странах.* Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации. – Москва, 2022. – 159 с. URL: <https://mid.ru/upload/medialibrary/621/Доклад%20о%20нарушениях%20прав%20российских%20граждан%20и%20соотечественников%20в%20зарубежных%20странах%202022.pdf>, а также https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1815559/ (дата обращения: 10.08.2023).
27. *Arditi B.* Disagreement without Reconciliation: Democracy, Equality and the Public Realm / B. Arditi // Critical Review of International Social and Political Philosophy. – June 2009. – Vol. 12, № 2. – P. 167–181.
28. *Бартош А. А.* Дипломатия в войне чужими руками / А. А. Бартош // Дипломатическая служба. – 2023. – Т. 19, № 1 (106). – С. 33–42.
29. *Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации»* // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.03.2023; «Собрание законодательства РФ», 03.04.2023, № 14, ст. 2406; URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=443540#yVhODnTT OTRZbSVO>.

30. Курс международного права. В 7 т. Т. 2. Основные принципы международного права / Г. В. Игнатенко, В. А. Карташкин, Б. М. Клименко и др. – М.: Наука, 1989. – 240 с.
31. UN Doc. A/RES/2131(XX); 1 January 1966. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета» от 21 декабря 1965 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/221/44/pdf/NR022144.pdf?OpenElement>
32. UN Doc. A/RES/2625(XXV); 1 January 1971. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций» от 24 октября 1970 г. – С. 151–155.
33. UN Doc. A/RES/36/103; 20 January 1982. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств» от 9 декабря 1981 г. – С. 97–99. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/412/19/pdf/NR041219.pdf?OpenElement>
34. *Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе* от 1 августа 1975 г. (Извлечение) // Международное публичное право. Сборник документов: в 2 ч. Ч. 1 / сост. и авт. вступ. статьи К. А. Бекяшев, Д. К. Бекяшев. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – С. 88–92.
35. *Fifield R. H.* The Five Principles of Peaceful Co-Existence / R. H. Fifield // *American Journal of International Law*. – 1958. – Vol. 52, № 3. – P. 504–510.
36. 56th Annual Meeting of the American Society of International Law // *American Journal of International Law*. – 1962. – Vol. 56, № 3. – P. 751–782.
37. *Устав Организации Объединённых Наций* от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. В 3-х т. Сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Т. 1. – М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1999. – С. 7–33.
38. UN Doc. A/RES/33/73; 1 January 1979. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о воспитании народов в духе мира» от 15 декабря 1978 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/365/05/pdf/NR036505.pdf?OpenElement>
39. UN Doc. A/RES/71/189; 2 February 2017. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация о праве на мир» от 19 декабря 2016 г. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/454/66/pdf/N1645466.pdf?OpenElement>.
40. *Subedi S. P.* Conclusions: The Current Law on Unilateral Sanctions, Remedies against Unlawful Use of such Sanctions and Recommendations / S. P. Subedi // *Unilateral Sanctions in International Law* / ed. by S. P. Subedi. – Oxford; London; New York; New Delhi; Sydney: Hart Publishing, 2021. – P. 327–342.
41. *Werner W.* Repetition and International Law / W. Werner. – Cambridge, United Kingdom; New York, NY: Cambridge University Press, 2022. – IX, 184 p.

Margarita A. Kshevitskaia, Andrey P. Shumilenko, Larisa V. Pastukhov. «ROGUE STATES» or «VICTIMS OF BULLYING»: gaps or violations of modern international law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 311–324.

The article is devoted to the analysis of the dangerous illegal practice of states, initiated by the United States at the end of the 20th century and actively used by them and their satellites in the 21st century, through which, in relation to states that were competitors or opponents of the states of the collective West in one or another sphere of regulation, the use of various measures of influence, leading to their isolation in the future, was justified. An overview of the main elements of the practice of bullying of states is given – their stigmatization as “rogues”, “pariahs” and “renegades”. A special attention is paid to specifying the normative content of the principle of peaceful coexistence of states, the universal recognition of which is hindered in every possible way by the states of the collective West.

Key words: rogue states, stigmatization, isolation, bullying, cancel culture, reputation of a state, disinformation, political aggression, unilateral restrictive measures, principles of international law, principle of peaceful co-existence.

УДК 341.12

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НОВОГО ПРОЕКТА СОГЛАШЕНИЯ
(ИЛИ ИНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ИНСТРУМЕНТА) ВСЕМИРНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ
ПАНДЕМИЙ**

Сафронова Е. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуется текст конвенции (соглашения или иного международного инструмента) Всемирной организации здравоохранения по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования, подготовленный Президиумом Межправительственного переговорного органа, так называемого «пандемического соглашения». Проводится его сравнение с «Нулевым» вариантом проекта с целью ответа на два ключевых вопроса: угрожает разрабатываемый документ суверенитету и безопасности России, и возможно ли распространение его юридической силы на Российскую Федерацию без ее явно выраженного согласия (ратификации). Автор приходит к выводу, что исследуемый проект – это очередной вариант, в череде документов, призванных определить контуры глобальной системы управления национальными системами здравоохранения и направленных на создание механизма наднационального контроля и мониторинга в области медицины, экономического и технологического развития здравоохранения. Создаваемая система призвана на основе глобального воздействия на здравоохранение суверенных государств обеспечить принятие решений, основанных на правилах, принимаемых без учета их суверенных прав и законных интересов. Не исключен вариант принятия этого соглашения (или иного международного инструмента) без использования процедуры ратификации.

Ключевые слова: Всемирная организация здравоохранения, Пандемическое соглашение, Всемирная ассамблея здравоохранения, глобальное управление, международное право, суверенитет, безопасность, концепция «Единого здоровья», пандемия, эпиднадзор, инфодемия, ратификация, нотификация.

В последнее время в российском общественно-политическом дискурсе поднимается тема так называемого Пандемического соглашения, разработка которого ведется под эгидой Всемирной организации здравоохранения. Принятие юридически обязательного документа запланировано на 77 сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, которая состоится в мае 2024 года, однако его текст вызывает обоснованную тревогу. Речь идет о создании глобальной системы управления здравоохранением в ущерб государственному суверенитету.

Впервые о необходимости принятия такого документа было заявлено на совещании 25 глав правительств и международных агентств, проходившем в Женеве 30 марта 2021 г. В предыдущей статье [1] нами были опубликованы результаты исследования «концептуального нулевого проекта пандемического соглашения», которое «проводилось в рамках следующих вопросов:

1. Угрожает разрабатываемый проект Пандемического соглашения ВОЗ суверенитету и безопасности Российской Федерации?

2. Возможно ли вступление в силу «пандемического соглашения ВОЗ» без явно выраженного согласия Российской Федерации, предусмотренного конституционной процедурой?» [1, с. 153]. На оба вопроса были даны положительные ответы.

В июне 2023 года завершился очередной этап подготовки проекта договора. 12-16 июня Межправительственный переговорный орган по разработке Пандемиче-

ского соглашения обсудил подготовленный его Президиумом текст конвенции (соглашения или иного международного инструмента) ВОЗ по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования¹ [2]. Новый документ претерпел определенные изменения по сравнению с «Нулевым»² [3] вариантом, принятым на четвертом заседании переговорного органа в феврале 2023 г. Его анализ дан в предыдущей нашей работе. В данной статье хотелось бы провести диахронное сравнение двух вариантов: концептуального «Нулевого» и проекта Президиума Межправительственного переговорного органа, обнародованного 2.06.2023.

Авторы проекта по-прежнему настаивают на юридической обязательности принимаемого документа. Планируется, что процедура принятия будет базироваться на ст. 19 Устава (Конституции) ВОЗ, предусматривающей голосование Всемирной ассамблеи здравоохранения (2/3 голосов для принятия решения), а в отношении каждого отдельного участника – выражение согласия на обязательность согласно порядку, предусмотренному его конституционной процедурой (чаще всего ратификацией). Учитывая сложность такой процедуры, в соответствии с которой на вступление договора в силу порой уходят годы, Президиум переговорного органа не исключил возможность использования упрощенной процедуры, предусмотренной статьей 21 Устава ВОЗ. Согласно ей документ вступает в силу после принятия Всемирной ассамблеей, а для стран-участниц после нотификации – простого уведомления Генерального директора ВОЗ министерством здравоохранения (или иностранных дел) без участия представительных органов власти. Обе процедуры, согласно Уставу, предусматривают право на оговорку, однако проект соглашения исходит из недопустимости оговорок.

По сравнению с «Нулевым» вариантом в проекте, подготовленном Президиумом, «смягчены» некоторые формулировки. Так, статья 15 «Глобальная координация, взаимодействие и сотрудничество» переименована в «Международное взаимодействие и сотрудничество». Содержательная часть тоже претерпела определенные изменения. Из пункта 1 (b) убрана фраза принятие решений *«по вопросам политики на глобальном, региональном и национальном уровнях»*. В целом сократилось число употреблений термина «глобальный», а увеличилось количество указаний на государственный суверенитет. Например, пункт 1(f) статьи 15 ранее звучал, что Стороны ... *«содействуют оперативному предоставлению ВОЗ доступа в районы вспышек заболеваний, находящиеся в пределах юрисдикции или контроля Стороны, в том числе путем направления бригад экстренного реагирования и групп экспертов для проведения оценки и поддержки мер реагирования на новые вспышки»*. Новый вариант начинается со слов *«в надлежащих случаях и с должным учетом принципа суверенитета содействуют...»* (далее по тексту также).

Несмотря на корректировку отдельных положений сущность документа изменилась мало.

¹ Подготовленный Президиумом текст конвенции, соглашения или иного международного инструмента ВОЗ по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования (К/С+ ВОЗ). A/INB/5/6. 2 июня 2023 // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb5/A_INB5_6-ru.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

² «Нулевой» вариант проекта К/С+ВОЗ для рассмотрения Межправительственным переговорным органом на его четвертом совещании. URL:// https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

В основу документа положена **концепция «Единого здоровья»**, включающая *«комплексный, объединяющий подход, направленный на достижение оптимального уровня здоровья человека, животных и экосистем и обеспечение устойчивого баланса между этими тремя составляющими. В рамках этого подхода признается наличие тесных взаимосвязей и взаимной зависимости между здоровьем человека и здоровьем домашних и диких животных, растений и окружающей среды»* (ст. 1(с)). Концепция «Единого здоровья» базируется на зообиологии - идеи слияния эволюционной биологии и ветеринарии с медициной человека. Еще в 2012 г. вышла книга американских ученых Барбары Наттерсон-Горовиц и Кэтрин Бауэрс «Зообиквити» (животные кругом), ставшая бестселлером и продвигавшая идею единства биологической и психической природы человека и животного. Концепция «Единого здоровья» имеет явный антихристианский подтекст, люди низводятся до статуса животных и даже растений. Развивая мысль в этом направлении, становится понятным общая тенденция обесценивания человека. Его жизнь равна жизни животного и растения, а значит, для сохранения их жизнью человек должен от многого отказаться (питаться синтетической пищей, жить в городских анклавах, отказаться от свободы передвижения и т.п.). В декабре 2021 г. было принято Совместное заявление ФАО, МЭБ, ВОЗ и ЮНЕП о признании определения единого здоровья, сформулированного консультативной группой и группой экспертов высокого уровня «Единое здоровье» (ОННЛЕР), члены которой представляют широкий спектр научных дисциплин.

Термин «Единое здоровье» употребляется в проекте 14 раз. В статье 1 дается понятие «подхода на основе концепции "Единое здоровье"». Концепция внесена и в число общих принципов, которыми будут руководствоваться Стороны при ее реализации (ст. 3.). В соответствии с ней совместные действия *«должны осуществляться с учетом взаимосвязи между людьми, животными, растениями и общей средой их существования, для чего следует укреплять и применять согласованный, комплексный и объединяющий подход, направленный на обеспечение устойчивого равновесия между здоровьем людей, животных и экосистем и достижение оптимального состояния их здоровья»* (ст. 3, п.8). В ряде статей употребляется формулировка: охрана «здоровья человека и животных» (ст. 5. п.7 (с)).

Авторы проекта исходят из современной либеральной трактовки прав человека. Принцип уважения прав человека в проекте дополнен указанием на необходимость *уважения многообразия и обеспечения гендерного равенства* (ст. 3, п.1).

Сохранилась в проекте Президиума и идея **создания единой глобальной системы эпиднадзора** (инфекционного контроля). Усиление мер по предотвращению пандемий, отмечается в ст. 5 проекта, должно строиться на концепции «Единое здоровье», т.е. создавать системы и внедрять механизмы эпиднадзора, разрабатывать планы действий, продвигать и создавать совместные программы обучения и др.

Формально декларируется, что во главе системы будет стоять представительный орган - Конференция Сторон, однако указывается, что она будет функционировать в рамках третьего главного комитета Всемирной ассамблеи здравоохранения. Кроме того, в проекте отмечается, что *«работа Конференции Сторон будет осуществляться следующими органами»*: комитетом по осуществлению и соблюдению; группой экспертов по предоставлению научных консультаций; комитетом экспертов по средствам противодействия пандемиям; комитетом экспертов по совместному использованию выгод (ст. 20, п.8). Любопытно, что преимущественно комитеты со-

здаются из независимых экспертов, выступающих в личном качестве. Например, комитет экспертов по средствам противодействия пандемиям будет состоять из независимых экспертов с «учетом принципов гендерного равенства, мультидисциплинарности, включая знания и опыт в области права, экономики и промышленного производства» (ст. 24, п.3).

Сохраняется и указание на «ведущую роль ВОЗ как руководящего и координирующего органа в международной работе по здравоохранению» (ст. 15, п.2).

Цель соглашения, сформулированная в п.1 2 статьи, заключается «в предотвращении пандемий, спасении жизни людей, снижении бремени болезней и защите источников средств к существованию путем заблаговременного укрепления мирового потенциала в области предотвращения пандемий, обеспечения готовности, принятия мер реагирования на пандемии». Эта статья дополнена вторым пунктом, в котором указано, что конвенция «применяется при любых обстоятельствах, в том числе во время пандемии и в период между пандемиями». Это свидетельствует о планах создания **глобальной системы управления здравоохранением под эгидой ВОЗ**. В тексте проекта соглашения неоднократно говорится о межпандемическом периоде.

Огромное внимание в проекте уделяется **средствам противодействия пандемии**, определение которых непрозрачны. Это не только вакцинация, «повышение спроса» и доверие к которой стороны призваны развивать (ст. 18, п.2.), но и «средства диагностики» (ст. 11, п. 1); «инновационные многосторонние механизмы» (ст.11, п.2), «соответствующие технологии и ноу-хау» (ст. 11, п. 4 (а)); «другие меры вмешательства» (ст. 5, п.7(с) и др. Один из вариантов статьи 13 предусматривает, что будет создана «Глобальная сеть ВОЗ по средствам противодействия пандемиям» (ст. 13, вариант А, п. 2).

Важнейшую задачу авторы проекта видят в борьбе с инфодемией. Неслучайно уже в 1 статье дается понятие «инфодемия» – «переизбыток информации, в том числе ложной или вводящей в заблуждение» (ст. 1, п. 1 (b)). Название статьи, посвященной этой проблеме, изменилось. Оно стало более корректным. В «Нулевом» варианте она звучала так: «Повышение грамотности в вопросах пандемий и общественного здравоохранения» (ст. 17), а проекте Президиума: «Коммуникация и повышение уровня информированности» (ст. 18). При этом предусматривается широкий спектр действий, направленных на выработку согласованной политики в этой сфере и создание системы «управления инфодемией».

Таким образом, планы Всемирной организации здравоохранения по созданию глобальной системы управления здравоохранения, созданию механизма наднационального контроля и мониторинга в области медицины, экономического и технологического развития здравоохранения не изменились. К медицине они имеют весьма косвенное отношение и призваны, прежде всего, обеспечивать интересы крупных фармакологических компаний и развивать систему глобального управления человечеством.

Список литературы:

- 1.Сафронова Е.В. «Пандемическое соглашение» Всемирной организации здравоохранения: анализ концептуального нулевого проекта // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 149-158.
- 2.Подготовленный Президиумом текст конвенции, соглашения или иного международного инструмента ВОЗ по предотвращению пандемий, обеспечению готовности и принятию мер реагирования (К/С+

ВОЗ). A/INB/5/6. 2 июня 2023 // Сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb5/A_INB5_6-ru.pdf (дата обращения: 17.06.2023).

3. «Нулевой» вариант проекта К/С+ВОЗ для рассмотрения Межправительственным переговорным органом на его четвертом совещании. URL:// https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (дата обращения: 27.02.2023).

Safronova E.V. Conceptual foundations of a new draft agreement (or other international instrument) World health organization for the prevention of pandemics Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 325–329.

The article examines the text of the convention (agreement or other international instrument) of the World Health Organization on the prevention of pandemics, preparedness and response measures, prepared by the Presidium of the Intergovernmental Negotiating Body, the so-called "pandemic agreement". It is compared with the "Zero" version of the draft in order to answer two key questions: does the document being developed threaten the sovereignty and security of Russia, and is it possible to extend its legal force to the Russian Federation without its explicit consent (ratification). The author comes to the conclusion that the project under study is another option in a series of documents designed to define the contours of the global management system of national health systems and aimed at creating a mechanism for supranational control and monitoring in the field of medicine, economic and technological development of healthcare. The system being created is designed, based on the global impact on the health of sovereign States, to ensure the adoption of decisions based on rules adopted without taking into account their sovereign rights and legitimate interests. The option of adopting this agreement (or other international instrument) without using the ratification procedure is not excluded.

Keywords: World Health Organization, Pandemic Agreement, World Health Assembly, global governance, international law, sovereignty, security, the concept of "One Health", pandemic, surveillance, infodemia, ratification, notification.

Spisok literatury:

1. Safronova E.V. «Pandemicheskoe soglasenie» Vsemirnoi organizacii zdavoohraneniya_ analiz konceptualnogo nulevogo proekta // Aktualnie problemi gosudarstva i prava. 2023. Т. 7. № 1(25). S. 149-158.
2. Podgotovlennii Prezidiumom tekst konvencii_ soglaseniya ili inogo mejdunarodnogo instrumenta VOZ po predotvrascheniyu pandemii_ obespecheniyu gotovnosti i prinyatiyu mer reagirovaniya (K/C+ BO3). A/INB/5/6. 2 iyunya 2023 // Sait Vsemirnoi organizacii zdavoohraneniya. URL: https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb5/A_INB5_6-ru.pdf (data obrascheniya: 17.06.2023).
3. «Nulevoi» variant proekta K/S+VOZ dlya rassmotreniya Mejpravitelstvennim peregovornim organom na ego chetvertom soveschani. URL:// https://apps.who.int/gb/inb/pdf_files/inb4/A_INB4_3-ru.pdf (data obrascheniya: 27.02.2023).

УДК 342.7

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Трифонов С. Г.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Проводя параллели между германским и российским законодательством, мы можем увидеть и там и здесь свои плюсы и недостатки. В российском законодательстве хотя и есть пробелы, но зато есть чёткое разграничение между правом на распространение информации, и возможностью защиты и определение нарушений деловой репутации юридического лица. Анализируя законодательство как отечественное, так и зарубежное в исследуемой сфере автор указывает, что группа норм, обеспечивающих защиту прав юридических лиц как коммерческих, так и некоммерческих лучше разработана и имеет большую эффективность в зарубежном законодательстве, что в свою очередь уменьшает проблемность в соответствующих нормах, а также существенное снижение количества коллизий в урегулированных правоотношениях. По мнению автора, действующее законодательство может быть модифицировано путем изменения ряда норм ГК РФ. Одним из аспектов модификации должно быть провозглашено право собственников и отдельных категорий наемных работников юридического лица выступать в качестве истца в судебных заседаниях в делах, связанных с компенсацией морального вреда. Поскольку ущерб деловой репутации юридического лица отражается на деловой репутации учредителей- собственников и наемных работников.

Ключевые слова: права человека, честь, достоинство, деловая репутация, goodwill, защита и охрана прав человека.

Деловая репутация для юридического лица выступает своего рода активом. Ведь именно от нее зависит выручка и клиентская база субъектов хозяйствования. На деловую репутацию обращают внимание как клиенты, так и контрагенты, чтобы понимать возможно ли доверять данной компании, так же оценивают качество работы. В условиях высокой конкуренции плохая деловая репутация может повлечь потерю прибыли для юридического лица.

Слово «репутация» возникло от латинского *reputatio*, которое можно трактовать, как обдумывание или созерцание. Эта самая репутация есть нечто, выражающее деловые качества личности, основанные на поведении этого субъекта в обществе, благодаря чему другие субъекты наблюдают за ним со стороны и тем самым оценивают его поведение и социальную значимость в положительном или отрицательном ключе. Для более детального понимания деловой репутации, можно вывести ее дефиницию, которая будет применима в отношении юридических и физических лиц.

К примеру, отдельные авторы, трактуют исследуемую категорию как: «систему, состоящую из совокупности оценок и качеств, с которой носитель в глазах всех своих контрагентов, коллег, а также клиентов ассоциирует и персонифицирует себя среди других представителей данной профессии» [1, с. 30].

Важно уяснить тот факт, что нарушение деловой репутации любого субъекта непременно влечет нарушение прав лиц и организаций, которые связаны с основным субъектом. Так, например, ущемление деловой репутации юридического лица, в большинстве своем, влечет нарушение прав лиц, действующих в рамках этого предприятия, также возможна и обратная ситуация, когда посягательство на права лица, которое действует в составе предприятия, ущемляет законные интересы этого самого юридического лица. В п. 12 «Обзора практики рассмотрения судами дел по

спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) рассматриваются аналогичные вопросы [2].

Допускать этого нельзя, поскольку престиж или так называемая деловая репутация, наряду с честью и достоинством неотделимы от права, следовательно, их нарушение приводит к утрате того социального статуса, который был получен легальным путем и нарушению установленных законодателем норм, чего в демократически ориентированном, социальном государстве допустить попросту невозможно [4, с. 261-264].

Однако, современное законодательство в области урегулирования вопроса о защите деловой репутации юридического лица имеет большие проблемы, поскольку регламентация этого вопроса очень незначительна и ограничивается по смыслу пп. 11 ст. 152 Гражданского Кодекса РФ тем, что защита деловой репутации, возможна в том числе в отношении юридических лиц.

Несмотря на то, что это положение укоренилось в гражданском праве довольно давно, практика по нему так и не была разработана ввиду многозначности этой нормы, неопределенности в ее толковании и, как следствие, отсутствию результатов ее фактического применения.

Вдобавок, чтобы в полном объеме оценить основные положения современного легального регулирования в области исследуемой проблематики, представляется необходимым, на основе опыта зарубежных стран, а именно ФРГ провести сравнительный анализ нормативного регулирования в сфере проведения исследования. Деловая репутация имеет колоссальное значение, но в настоящее время маленький процент юридических лиц, чья репутация страдает обращаются в суд. Ведь многие сомневаются в эффективности защиты в суде, а многие не понимают как будет доказываться факт порочащий деловую репутацию если это было сделано в социальной сети или мессенджере. Поэтому дел о защите деловой репутации на данный момент не так уж и много. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствует, что 0,04% из 1,879 млн. дел были посвящены защите деловой репутации [5]. Помимо того, что защита деловой репутации является тяжелым процессом, отмечается еще много причин отказа компаний для обращения в суд для защиты. Во-первых, потому что это может лишь усугубить ситуацию, например, новость в СМИ мог увидеть ограниченный круг лиц, а судебный спор о защите деловой репутации может стать подом для многих других изданий написать об этом статью. Так же из-за того, что судебная защита это продолжительный процесс, и на это могут уйти месяцы, то, когда начинается исполняется требование об опровержении данной информации это уже является не актуальным, ведь все уже забыли про то, что было написано.

В российском законодательстве необходимо пройти ряд этапов для защиты деловой репутации юридического лица в судебном порядке. Первый этап после обнаружения негативной информации ее надо зафиксировать. Самым правильным способом является нотариальный протокол осмотра сайта, если это была телепередача, то записать ее либо найти сайт с записью прямого эфира и сделать нотариально заверенный протокол осмотра сайта.

Далее необходимо определиться с требованиями. Чаще всего это опровержения порочащей информации, удаление данной информации, и компенсация, если юри-

дическое лицо понесло убытки. Далее обратится по подведомственности, а именно в арбитражный суд, где и будет проходить судебное разбирательство по спору.

Установление надлежащего ответчика является не такой уж и легкой задачей. В 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении №3 указал, что: «надлежащими ответчиками по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности, порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения. Это означает, что если информация была опубликована в СМИ, то иск подается и против корреспондента, и против редакции. Если информация опубликована на сайте в интернете, то иск подается администратору домена и владельцу сайта».

Случается так, что установить ответчика невозможно, например в социальных сетях владелиц создаёт площадку, но не размещает информацию и в данном случае вы можете лишь потребовать удалить пост, который признан судом, порочащим деловую репутацию, но возместить вред не будет является возможным. Например, если порочащая информация опубликована в Telegram-канале, то узнать кто его ведет нельзя. В данной ситуации дело будет рассмотрено судом в порядке особого производства. Но заставить удалить или написать опровержение не получится. Единственное, что возможно сделать, так это опубликовать на официальном сайте юридического лица решение суда.

По утверждению Базарова А.Е.: «Законодательство многих европейских государств разделяют всё, что принадлежит юридическому лицу на две большие группы материальные к ним относятся: объекты материального мира, а именно здания, оборудование и так далее, и нематериальные к ним относятся: товарный знак, фирменное наименование, и деловая репутация». Именно деловой репутации уделяется особое внимание в законодательстве многих европейских государств. Ведь во многих случаях «защита деловой репутации она тесно связана с защитой юридических лиц от недобросовестной конкуренции» [6].

Представители законодательной власти зарубежных стран Европы разделяют активы, что принадлежат юридическому лицу, на материальные и не материальные.

К первым относят объекты материального мира, к примеру, разного рода здания или оборудование.

Ко вторым, например, относят фирменные наименования и товарные знаки. К последним относятся с особым вниманием. Это больше всего заметно в английском праве. Там все нематериальные активы объединены одним понятием – гудвилл [7, с. 223]. Чаще всего данное определение используют в сфере гражданских отношений, а именно в отношениях, возникающих на основе договора купли-продажи предприятий. Как правило, «стоимость предприятие при его покупке превышает на несколько процентов, по сравнению со стоимостью её материальных активов. Эта самая разница учитывается в балансе как особый актив – гудвилл». Во многом из-за этого, те нематериальные активы, которые мы именуем как гудвилл, понимаются нами как активы, которые приносят прибыль предприятиям.

Также, важно понимать, что в некоторых странах защита некоторых из нематериальных активов, такие как, например, деловая репутация, тесно связана с недобросовестной конкуренцией, а именно с защитой от неё хозяйствующих субъектов. Так, в законодательстве ФРГ, европейском государстве, закреплён закон против недобросовестной конкуренции. Суть этого закона состоит в том, что: «он обеспечи-

вает регулирование защиты участников рынка друг о друга в процессе осуществления конкурентной борьбы за рынок». Так «одним из многих видов запрещенных действий при реализации конкуренции является распространение порочащих конкурента сведений», т.е. нанесение ущерба его деловой репутации.

Основываясь на 8 параграфе закона ФРГ «против недобросовестной конкуренции»- лицо, в качестве одного из способов защиты своих прав и интересов от действий третьих лиц, вправе потребовать прекращения противоправных действий [8]. Важно заметить, что данное правило, также распространяется и на те случаи, когда действия ещё даже не совершены, но существует угроза их совершения в будущем. Немаловажно то, что «бремя доказывания в таких случаях возлагается на лицо, а именно то, что было обвинено в распространении порочащих сведений, которые наносят урон деловой репутации» [6, с. 228-230].

Соответственно нормы германского процессуального права позволяют подавать иски без указания цены иска, если присутствуют существенные затруднения в процедуре калькуляции ущерба. Но это ещё не все нормы, которые регулируют защиту деловой репутации в ФРГ. Есть ещё одна немаловажная норма. Она закреплена в Германском гражданском уложении, а именно в ст. 823 [9].

Представляется, что указанная выше норма, содержащаяся в Германском Гражданском Уложении посвящена охране и защите такого нематериального блага как «честь» и «достоинство» физических лиц и деловая репутация юридического лица. Особо стоит подчеркнуть, что германский законодатель в рамках защиты не выделяет какие-либо особенности присущие индивидам и организациям, а содержание исследуемой нормы детализируется в праве субъекта, чьей репутации был нанесен ущерб воспользоваться следующими средствами защиты: а) возмещение вреда - реальный и материальный ущерб, а также упущенная выгода; б) требование прекратить противоправную деятельность, состоящую в распространении сведений порочащих честь и деловую репутацию субъекта; в) минимизация и ликвидация отрицательных результатов вышеуказанной деятельности. Что касается требований об устранении вреда, то для его удовлетворения юридически важно зафиксировать состав правонарушения и нанесенный им ущерб.

К подобным обстоятельствам следует относить: а) противоправность действий лица, распространившего сведения; б) страдания, которые были причинены потерпевшему лицу; в) вина того, кто распространял сведения; г) причинно-следственная связь между наступившими негативными последствиями и действиями того, кто распространял информацию.

И несмотря на всё вышеперечисленное, в законодательстве ФРГ остался открытый вопрос об определении этих самых условий, которые прямо свидетельствуют о необходимости введения в действие защитных соответствующих механизмов.

Что касается судебной практики на этот счёт в ФРГ, то при таких случаях данный вопрос решается путём непосредственного выявления соотношений значимости и удельного веса прав на свободу распространения информации и выражения личного мнения и защиты деловой репутации субъекта предпринимательства. Стоит подчеркнуть, что в рамках правоприменительной практики именно субъект, распространяющий сведения подобного характера выступает в качестве лица на чью сторону становится суд, аргументируя свою позицию, тем, что деловая репутация касается в большой степени не личной, а деловой сферы. Подобное обоснование

используют для всех категорий субъектов. Из этого можно сделать вывод, что в ФРГ юридические лица - правовые конструкции, созданные искусственным путём, вследствие чего, к ним относится исключительно деловая (внешняя) сфера [10].

Говоря о возможности применения исследуемого института к «репутации» юридических лиц важно учитывать следующее:

1. Мнение конституционного суда ФРГ. Основным критерием возможности возмещения ущерба, причиненного деловой репутации является абсолютная неприемлемость для пострадавшего субъекта распространения данных сведений;

2. Основываясь на нормах процессуального законодательства ФРГ можем увидеть, что предусмотрена ответственность в виде крупного штрафа, применения мер дисциплинарной ответственности. Довольно-таки значим тот факт, что ряд европейских стран (включая ФРГ) уделяют немало внимания такому способу гражданской-правовой защиты прав своих граждан как возмещение морального вреда.

Германское гражданское материальное право понимает под моральным вредом ущемление и «уменьшение» личных неимущественных прав. Важно заметить, что в законодательстве ФРГ не указано, что моральный вред может взыскать юридическое лицо. Это можно подтвердить судебной практикой Германии, в ней не было ни одного случая, в котором субъект -организация сумела бы получить компенсацию морального вреда. Немецкая судебная практика исходит из того, что «возмещение нематериального вреда может осуществляться в целях доставления потерпевшему лицу удовлетворения, т.е. только физическим лицам, но можно заметить, что удовлетворение могут испытывать участники юридического лица, что даёт им право на обращение в суд с требованием о компенсации морального вреда, но только от своего имени» [6, с.228-230].

Таким образом, есть проводить параллели между германский и российские закон мы можем увидеть там свои плюсы и недостатки. В российском законодательстве хоть и есть пробелы. Но зато есть чёткая разграничение между правом на распространение информации, и возможностью защиты и определение нарушений деловой репутацию юридического лица.

Примером защиты деловой репутации может служить Постановление от 29 августа 2018 г. по делу № А56-68012/2017 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд (13 ААС). В данном деле индивидуальный предприниматель обратился в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к обществу с ограниченной ответственностью «Реалист» и общественному уполномоченному по правам ребенка в Санкт-Петербурге Баранец Ольге Николаевне о защите деловой репутации указав в иске свои требования. В данном случае юридическому для защиты своей деловой репутации необходимо, чтобы она уже была сформирована. Если репутация не будет сформирована, то скорее всего в удовлетворении исковых требований будет отказано. Так было и в данном случае суд проанализировал все доказательства, обстоятельства по делу решил, что репутация данной фирмы является сомнительной и отказал в удовлетворении исковых требований [11, с.39]. Но у многих юристов по данному делу имеются расхождение. так как считается, что репутация она не должна формироваться, она должна презюмироваться.

У некоторых юридических лиц получается подтвердить сформированную положительную оценку и репутацию [12]. Одним из способов данного подтверждения является предоставление исполненных договоров или

рекомендационных писем от контрагентов. Например, так было в деле по иску «Капитал Евро Холдинг» к Федеральной антимонопольной службе, которая включила общество в реестр недобросовестных поставщиков [13].

Так же большую роль играет процесс доказывания и подтверждения фактов порочащих репутацию. Примером может послужить дело по иску Государственного бюджетного учреждения здравоохранения Севастополя «Городская больница №1 имени Н.И. Пирогова» к Обществу с ограниченной ответственностью «Информ-Медиа» о защите деловой репутации. Государственное бюджетное учреждение здравоохранения Севастополя «Городская больница №1 имени Н.И. Пирогова» обратилось в Арбитражный суд города Севастополя с иском к Обществу с ограниченной ответственностью «Информ-Медиа» о защите деловой репутации, в котором просило суд обязать ответчика удалить с сайта Крымского онлайн журнала «INFORMER» статьи «Адские» мучения севастопольцев в Первой городской больнице», «Опровержение коллектива отделения нейрохирургии Первой городской больницы Севастополя» (документ)», «В Первой горбольнице занимаются «писаниной», нет времени лечить севастопольцев?» вместе с комментариями к данным статьям; обязать ответчика опубликовать на указанном сайте опровержения названных статей. Данное дело подчеркивает важность доказывания фактов порочащих деловую репутацию и последствий их недостойности. В данном деле истец не предоставил достаточного количества доказательств, и в удовлетворении иска было отказано [14, с. 39].

Таким образом, сравнивая нормативную базу Российской Федерации и Германии, можно прийти к выводу, что в законодательстве Германии [15, с. 241] немалое значение уделили защите прав юридических лиц, предотвратив образование пробелов в законе, а также и в юридических коллизиях.

В связи с чем, можно было бы усовершенствовать и отечественное гражданское законодательство. Представляется целесообразным, действующее законодательство модифицировать путем изменения ряда норм ГК РФ. Одним из аспектов модификации должно быть провозглашено право собственников и отдельных категорий наемных работников юридического лица выступать в качестве истца в судебных заседаниях в делах, связанных с компенсацией морального вреда. Поскольку ущерб деловой репутации юридического лица отражается на деловой репутации учредителей- собственников и наемных работников.

Анализируя законодательство как отечественное, так и зарубежное в исследуемой сфере также считаем необходимым отметить, что группа норм, обеспечивающих защиту прав юридических лиц как коммерческих, так и некоммерческих лучше разработана и имеет большую эффективность в зарубежном законодательстве, что в свою очередь уменьшает пробельность в соответствующих нормах, а также существенное снижение количества коллизий в урегулированных правоотношениях.

Список литературы:

1. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. – М.: Норма, 2004. – С. 30.
2. «Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Худоян Г.М. Особенности защиты прав человека в условиях цифровой трансформации общества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского. Юридические науки. Т.9. №1. С. 261-264.
5. Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406600/4dc4efe29be9f7cc71a88801eafc037a1e7586ee/
6. Базаров А.Е. Защита деловой репутации юридических лиц за рубежом // Молодой ученый. 2020.- №22. - С.228-230
7. Ершова, Е. А. Гудвилл бизнеса: Практическое руководство / Ершова Е.А. - М.: Статут, 2013. – С.223
8. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/UWG> (дата обращения 22.10.2022)
9. Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz (1900) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/32SgvK> (дата обращения 22.10.2022)
10. Аюпов О. Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук / О. Ш. Аюпов. Томск, 2013. С. 49. Электрон. Версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Диссертации»
11. Zivilprozessordnung der BRD (Bonn, November 1996). Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/ZPO> (дата обращения 22.10.2022)
12. Постановление от 29 августа 2018 г. по делу № А56-68012/2017 Тринадцатый арбитражный апелляционный суд (13 ААС). Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4LsiJNTLJ85u/> (дата обращения 22.10.2022)
13. Постановление арбитражного суда кассационной инстанции от 09 сентября 2014 года Дело № А12-31385/2012 г. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/iDFWslVzfirw/> (дата обращения 22.10.2022)
14. Решение от 4 марта 2016 г. по делу № А84-2996/2015 Арбитражный суд города Севастополь (АС города Севастополь). Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OixXKa8IZLLL/> (дата обращения 22.10.2022)
15. Трифонова К.В., Волкова И.Ю. Особенности защиты чести и достоинства в зарубежных странах: системный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. -Т.9. - №1. - С.245-252.

Trifonov S. G. Features of the legal protection of intangible goods in foreign countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 330-337.

The modern stage of legal regulation of civil law relations gives rise to the obligation to improve the legal mechanism, which, in turn, is able to clearly and effectively implement a consistent settlement of relevant social relations, while taking into account the interests of both a particular person and other subjects of legal relations. Analyzing the constitutional legislation of both modern and past periods, we can come to the conclusion that the category of "honor" and "dignity" along with a number of other categories are recognized as the highest social values. The current civil legislation states that the above rights ensure the social existence of a person. Among other things, the current Basic Law directly enshrines the subject's right to respect for his honor and dignity. Drawing parallels between German and Russian legislation, we can see both here and there their pluses and minuses. Although there are gaps in Russian legislation, there is a clear distinction between the right to disseminate information, and the ability to protect and determine violations of the business reputation of a legal entity. Analyzing both domestic and foreign legislation in the area under study, the author points out that the group of norms that ensure the protection of the rights of legal entities, both commercial and non-commercial, is better developed and more effective in foreign legislation, which in turn reduces the gap in the relevant norms, and also a significant reduction in the number of conflicts in settled legal relations.

According to the author, the current legislation can be modified by changing a number of norms of the Civil Code of the Russian Federation. One of the aspects of the modification should be proclaimed the right of owners and certain categories of employees of a legal entity to act as a plaintiff in court hearings in cases related to compensation for moral damage. Since the damage to the business reputation of a legal entity is reflected in the business reputation of the founders-owners and employees.

Keywords: human rights, honor, dignity, business reputation, goodwill, protection and protection of human rights.

Spisok literaturi:

1. Anisimov A. L. Chest', dostoinstvo, delovaya reputatsiya: grazhdansko-pravovaya zashchita. – М.: Norma, 2004. – С. 30.
2. «Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii» (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 16.03.2016) Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195322/
3. 3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya)» ot 30.11.1994 N 51-FZ (red. ot 25.02.2022) [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

4. Khudoyan G.M. Osobennosti zashchity prav cheloveka v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva.//Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I.Vernadskogo.Yuridicheskiye nauki. T.9. №1. S.261-264
 5. Otchet o rabote arbitrazhnykh sudov Rossiyskoy Federatsii o rassmotrenii del iz grazhdanskikh i administrativnykh pravootnosheniy po pervoy instantsii. [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_406600/4dc4efe29be9f7cc71a88801eafc037a1e7586ee/ (data obrashcheniya 22.10.2022)
 6. Bazarov A.Ye. Zashchita delovoy reputatsii yuridicheskikh lits za rubezhom.//Molodoy uchenyy. 2020.-№22.-S.228-230
 7. Yershova, Ye. A. Gudvill biznesa: Prakticheskoye rukovodstvo / Yershova Ye.A. - M.: Statut, 2013. – S.223
 8. Gesetz gegen den unlauteren Wettbewerb (UWG). Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dejure.org/gesetze/UWG> (data obrashcheniya 22.10.2022)
 9. Burgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einfuhrungsgesetz (1900) [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://clck.ru/32SgvK> (data obrashcheniya 22.10.2022)
 10. Ayupov O. SH. Zashchita delovoy reputatsii yuridicheskogo litsa ot diffamatsii v grazhdanskom prave Rossii [Elektronnyy resurs]: dis. ... kand. yurid. nauk / O. SH. Ayupov. Tomsk, 2013. S. 49. Elektron. Versiya pechat. publ. Dostup iz «Elektronnaya biblioteka: Dissertatsii»
 11. Zivilprozessordnung der BRD (Bonn, November 1996). Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://dejure.org/gesetze/ZPO> (data obrashcheniya 22.10.2022)
 12. Postanovleniye ot 29 avgusta 2018 g. po delu № A56-68012/2017 Trinadtsaty arbitrazhnyy apellyatsionnyy sud (13 AAS). Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/4LsiJNTLJ85u/>.(data obrashcheniya 22.10.2022)
 13. Postanovleniye arbitrazhnogo suda kassatsionnoy instantsii ot 09 sentyabrya 2014 goda Delo № A12-31385/2012 g. Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/iDFWsLvzfirw/>.(data obrashcheniya 22.10.2022)
 14. Resheniye ot 4 marta 2016 g. po delu № A84-2996/2015 Arbitrazhnyy sud goroda Sevastopol' (AS goroda Sevastopol'). Ofitsial'nyy sayt [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OixXKa8IZLL/> . (data obrashcheniya 22.10.2022)
- Trifonova K.V., Volkova I.YU. Osobennosti zashchity chesti i dostoinstva v zarubezhnykh stranakh: sistemnyy analiz.//Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. -T.9. - №1. - S. 245-252.

УДК 342

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ГРЕНЛАНДИИ

Хрущев Р. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье изложен ход формирования нормативно-правовой базы судебной системы Гренландии, в качестве автономного образования Датского королевства. Выявлено, что формирование судебной системы автономии находилось в тесной взаимосвязи с правовым статусом самой Гренландии, ее природно-географической и демографической спецификой, традициями и способом жизни местного населения, политикой в отношении заморских территории центрального правительства Дании.

Судебная система состоит из окружных судов, суда Гренландии Высокого суда и Верховного суда. Важную роль играет Судебный совет, который принимает решение о назначении кандидатов на должности окружных судей, выносит решения, касающиеся вопросов второстепенной работы судей, дисциплинарного производства, отстранения и увольнения.

Ключевые слова: Королевство Дания, Гренландия, судебная система, суд, закон, специфика, автономия.

Гренландия, входя в состав Королевства Дания, сегодня обладает достаточно широким самоуправлением, собственной системой соответствующих ее статусу не только законодательных, но и исполнительных органов, а также даже значительной правовой базой.

В силу различных обстоятельств, право метрополии, ее государственные органы, система правосудия и многое другое, оказались в большинстве своем как минимум малоподходящими для гренландских условий. Наличие же на острове одновременно датского и гренландского населения требовало выработки гибких, специфических подходов к организации системы правосудия.

Закон № 271 от 14 июня 1951 г. об отправлении правосудия в Гренландии вступил в силу 1 декабря 1951 г. и, таким образом, действует уже около полувека. Однако для Северной и Восточной Гренландии, вступление в силу было поэтапным, так что Закон об отправлении правосудия вступил в силу только 1 июля.

В 1964 г. Закон об отправлении правосудия вступил в силу и для этих районов.

Причиной принятия Гренландией собственного Закона об отправлении правосудия было желание иметь систему, которая подходила для очень большой географической территории с небольшим и очень разбросанным населением. Население, которое сегодня составляет около 56 000 чел., распределенных по 18 муниципалитетам, тогда составляло около 23 500 чел., распределенных по 16 муниципалитетам, которые в основном соответствуют нынешним. Желание было также, чтобы все граждане, датчане и гренландцы, были равны, и чтобы все могли понимать язык и содержание юридических документов. Поэтому во всех муниципалитетах был создан окружной суд кроме двух, был создан окружной суд, где решения должны были приниматься людьми, принадлежащими к местной общине - т.е. непрофессионалами. Выбор системы непрофессиональных судей был также обусловлен тем, что при наличии окружного суда в почти в каждом муниципалитете, считалось, что судебной работы будет недостаточно, чтобы нанять штатного судью на полный рабо-

чий день. Кроме того, не было гренландских юристов, которые могли бы выполнять эти задачи, так же, как и не было надежды на то, что удастся найти датских юристов для необходимого количества судебных должностей.

Закон об отправлении правосудия постоянно подвергался ряду изменений и дополнений с целью адаптации системы к развитию общества и законодательства в целом.

Основная идея о том, что решения в первой инстанции выносятся непрофессиональными судьями, которые принадлежат к сообществу, знают язык, культуру и население судебного округа, всегда сохранялась. Тогда, как и сейчас, большинство всех дел подпадает под юрисдикцию окружных судов, где решения принимаются местным окружным судьей и двумя местными судьями, не имеющими диплома юриста или другой специальной подготовки.

В рамках судебной системы Гренландии одновременно с системой окружных судов был создан Высокий суд Гренландии, действующий под руководством судьи. Это было сделано для того, чтобы в Гренландии можно было подавать апелляции на решения окружных судов. В качестве подстраховки в рамках системы мировых судей было также принято решение о том, что Высокий суд в определенных случаях должен выступать в качестве суда первой инстанции, чтобы Высокий суд мог, в частности, принимать к рассмотрению особо сложные отдельные дела из окружных судов. На главу Высокого суда - судью Высокого суда - также была возложена задача по оказанию правовой поддержки окружным судам в виде рекомендаций и помощи в вопросах, связанных с осуществлением правосудия. Назначение окружных судей и управление окружными судами также были возложены на окружную судью. Эти механизмы действуют и сегодня, но помимо окружных судей в состав Высокого суда теперь входит ряд клерков, которые могут выполнять функции окружного судьи вместо него. И судья Высокого суда, и клерки должны иметь юридическое образование, поэтому все дела в Высоком суде рассматриваются юристом в качестве председательствующего судьи.

Как и в окружных судах, решения принимаются с помощью двух местных неспециалистов в качестве со-судей (магистратов) [1]. В результате применения закона 1951 г. Гренландия, еще не обладая автономным статусом, получила достаточно приспособленную к местным условиям судебную систему, в которой особое место занимали местные кадры, зачастую лишь частично занятые на судебской работе, не всегда имеющие профильное образование.

В 1951 г. два национальных совета были объединены в совместный Национальный совет Гренландии, а в 1953 г., с принятием соответствующих изменений в Конституцию Гренландия стала графством, а не колонией [2, р. 68]. Соответственно этому также был принят закон о действии датских законов в Гренландии [3, р. 382].

Новый статус, соответственно, потребовал реального наполнения. Осенью 1963 г. министерство Гренландии потребовало от назначенного окружного судьи провести расследование в отношении судебной системы. после чего предполагается, что последующая обработка и оценка собранного материала должны проводиться в сотрудничестве с Юридическим комитетом и Комитетом социальных исследований Гренландии. Комитет рекомендовал министру Гренландии, что Министерству юстиции требуется назначить представителя, который может путешествовать Гренландии и активно участвовать в исследовании, после чего совместно с министром за

Гренландию и министра юстиции можно взять позицию относительно того, должны ли суды в Гренландии переданы Министерству юстиции [4].

В ходе эволюции правового статуса Гренландии, 29 ноября 1978 г. принят АКТ № 577 «Закон о самоуправлении Гренландии» [5], который в последствии был заменен законом о самоуправлении Гренландии, № 473, 12 июня 2009 г. [6].

Очевидным последствием для судебной системы автономии стала разработка и принятие закона об отправлении правосудия в Гренландии № 1581 от 13 декабря 2016 г. [7], существенно усовершенствовало судебную систему Гренландии¹. Данный нормативный акт базировался на таких предыдущих законах, как «Закон № 305 от 30 апреля 2008 года, с поправками, внесенными на основании Закона № 1388 от 23 декабря 2012 года, раздел 2 Закона № 735 от 25 июня 2014 года, Закон № 740 от 25 июня 2014 года, раздел 3 Закона № 103 от 3 февраля 2016 года и Закон № 639 от 8 июня 2016 года».

Им устанавливалось, что судами общей юрисдикции являются окружные суды, Суд Гренландии, Высокий суд Гренландии и Верховный суд (§ 1).

Гренландия была разделена на 4 судебных округа, территория которых определяется министром юстиции, который может вносить в них изменения, если эти изменения не означают создание или отмену судебного округа. В свою очередь министерство юстиции обязывалось публиковать список судебных округов с указанием площади каждого из них (§ 2).

Каждый окружной суд состоит из одного или нескольких окружных судей, которые назначаются Национальным советом юстиции Дании по рекомендации Совета судей. Одно и то же лицо может быть назначено окружным судьей в нескольких окружных судах одновременно. При принятии этого решения, помимо количества дел, следует учитывать является ли характер округов и условия движения, делающие такое назначение оправданным.

Если окружной суд постоянно или временно состоит более чем одного окружного судьи, судья суда Гренландии после переговоров с соответствующими окружными судьями принимает решение о распределении дел между ними (§ 3).

Национальный совет юстиции Дании определяет местонахождение окружных судов, а судья суда Гренландии определяет количество рабочих дней и продолжительность рабочего времени в отдельных окружных судах. Однако, при этом, окружной суд может принять решение о том, что суд должен располагаться за пределами вне обычного места юрисдикции (§ 4).

Судьи Гренландии назначаются королем § (5)

Суд Гренландии имеет ряд уполномоченных клерков, а доверенное лицо может вести дела, относящиеся к юрисдикции Гренландского суда в объеме, определенном судьей.

Суд Гренландии имеет свой юридический адрес в столице Гренландии Нууке (ранее – Готхоб), но при необходимости также в зданиях окружных судов (§ 6). Также суд может принять решение о проведении заседаний вне обычных зданий судов, т.к. законом предусмотрено, что основные слушания проводятся в том месте, где это наиболее целесообразно для представления доказательств.

¹ Всего данный документ состоит 61 глав, которые включают 749 параграфов.

Высокий суд Гренландии состоит из судьи Высокого суда назначаемый королем (§ 7). В делах, рассматриваемых судом Гренландии в качестве 1-й инстанции во время основного слушания помогают 2 дополнительных региональных судьи из Дании.

Кроме того, региональный судья Высокого суда Гренландии, который является председателем суда, может принять решение о том, что к Высокому суду должны присоединиться 2 региональных судьи также вне основного слушания.

Учитывая, что в Высоком суде Гренландии работает несколько доверенных лиц, установлено, что клерк может рассматривать дела, которые относятся к компетенции Высокого суда в той мере, в какой судья Высокого суда примет такое решение.

Высокий суд Гренландии имеет свою резиденцию в Нууке, но также предусмотрено присутствие в зданиях районных судов (§ 8).

Предусмотрено, что в окружных судах и Суде Гренландии судебные клерки могут быть уполномочены на ведение судебных приставов, нотариальных, завещательных и регистрационных дел, а также дел об установлении отцовства. Судебные секретари не могут быть уполномочены принимать решения, если поданы возражения или встречные иски. Однако они могут быть уполномочены принимать решения в соответствии с разделами 603, 604(4) и (5), и разделом 618(2) (§ 9).

Особая роль законом отведена Совету судей (§ 10).

Учитывая, что закон 2007 г. неоднократно корректировался, 16 декабря 2016 г. был подготовлен и издан «Исполнительный приказ о Законе об отправлении правосудия в Гренландии», который вобрал в себя все изменения и дополнения [8]. Наиболее важными из них стали: изменение судебных округов с 4 до 18; предоставление Национальному совету юстиции Дании права определения местонахождения окружных судов, некоторые уточнения в системе комплектования судов.

В целом же, эволюция судебной системы Гренландии, тесно связанная с эволюцией ее автономного статуса, развития гренландского общества, местного самоуправления и т.д., в некоторых вопросах опережала потребности автономии, одновременно с этим тесно связана с административным, уголовным и уголовно-исполнительным правом, что является одной из важнейших местных специфик.

В тоже время, влияние высшей власти Датского Королевства прослеживается в назначении королем кандидатов на должность судей, гласным и негласным контролем за деятельностью судебной системы, финансированием ее основных расходов, соответствия общедатским и общеевропейским принципам осуществления правосудия.

В тоже время, действующая гренландская судебная система в полной мере приспособлена к потребностям гренландского общества, условиям и специфике его существования и развития. В ходе ее функционирования одной из второстепенных, но не менее важных задач, является повышение уровня правосознания местного населения, а также увеличение количества местных профессиональных юристов.

Список литературы:

1. Betænkning om det grønlandske retsvæsen. Retsplejen og domstolene. DEN GRØNLANDSKE RETSVÆSENSKOMMISSION Betænkning nr. 1442/2004. – URL: Microsoft Word - Forside, indholdsoversigt, indholdsfortegnelse til bind 2.â€¦ (xn--betnkniger-c9a.dk)
2. 1953 5/6: L 169 Danmarks Riges Grundlov, N. 69. P. 68.
3. 1954 19/10: C 176 Loves gyldighed i Grønland, MTB 54, p. 382.

4. BETÆNKNING FRA GRØNLANDSUDVALGET AF 1960. BETÆNKNING NR. 363 1964. – 260 p.
5. LOV nr 577 af 29/11/1978. Lov om Grønlands hjemmestyre. – URL: Vejledning om behandling af sager vedrørende Grønland og om retningslinier for ministeriers og styrelses forhold til Grønland (retsinformation.dk)
6. Lov om Grønlands Selvstyre. LOV nr 473 af 12/06/2009. – URL: Selvstyreloven (retsinformation.dk) (дата обращения: 19.05.2023).
7. Lovtidende A 2016 Udgivet den 16. december 2016. – URL: A20160158129.pdf (дата обращения: 19.05.2023).
8. Bekendtgørelse af retsplejelov for Grønland 13. december 2016. Nr. 1581. // Lovtidende A 2016 Udgivet den 16. december 2016.

Khrushchev R. C. Legal and regulatory framework for the Greenlandic judiciary // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 338–342.

The article describes the course of formation of the legal framework of the judicial system of Greenland, as an autonomous unit of the Kingdom of Denmark. It is revealed that formation of judicial system of autonomy was in close interrelation with the legal status of Greenland itself, its natural-geographical and demographical specificity, traditions and way of life of local population, the policy of the central government of Denmark concerning the overseas territory.

The judicial system consists of the district courts, the Greenland High Court and the Supreme Court. An important role is played by the Judicial Council, which decides on appointments to the district courts, adjudicates on matters of secondary jurisdiction, disciplinary proceedings, suspension and dismissal.

Keywords: Kingdom of Denmark, Greenland, judiciary, court, law, specificity, autonomy.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 339.137.2

ПРОБЛЕМА КОМПЕТЕНЦИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ НА ОЦЕНКУ ЗАЯВОК ПРИ ПРОВЕДЕНИИ КОНКУРЕНТНЫХ ПРОЦЕДУР

Волкова И. Ю., Волков В. Ю.

В статье изучается вопрос полномочий центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы и её территориальных органов при рассмотрении жалоб участников торгов на оценку заказчиками заявок и присвоение баллов. Проводится анализ положений действующего законодательства и административного регламента Федеральной антимонопольной службы, ограничивающих компетенцию антимонопольного органа при рассмотрении жалоб данной категории. Изучен вопрос рассмотрения жалоб на действия заказчиков при оценке заявок участников с точки зрения влияния на состояние конкуренции в государстве. Обосновывается необходимость предусмотреть полномочия по рассмотрению жалоб на оценку заявок у антимонопольного органа. На основании анализа материалов судебной практики выявлены несовершенства правового регулирования и предложены возможные методы их устранения.

Ключевые слова: конкурентная процедура, участник закупки, административная процедура, оценка заявки, восстановление права.

Обеспечение высокого уровня конкуренции является одним из важнейших условий стабильности экономики Российской Федерации. Несмотря на это, при проведении конкурентных процедур Заказчики зачастую допускают нарушения, создавая преимущественные условия одним участникам по сравнению с другими. Для недопущения этого законодательством о контрактной системе закрепляется право для обжалования действий заказчика [1, ст. 105]. Данный механизм позволяет восстановить нарушенные права субъектов при незаконных действиях заказчиков, которые могут привести к ограничению конкуренции. Органом, который уполномочен рассматривать такие жалобы, является Федеральная антимонопольная служба или её территориальный орган (далее – УФАС).

Участники торгов уполномочены обратиться с жалобой в антимонопольный орган, если заказчик допустит нарушения при формировании документации, рассмотрении заявок или заключении контракта. При этом полномочия антимонопольного органа ограничиваются в части рассмотрения жалоб на результаты оценки заявок. Тем не менее, субъекты, чьи права были нарушены при оценке заявок, обращаются в УФАС с жалобами. В сформировавшейся судебной практике утвердился подход, согласно которому оценка заказчиками заявок, поданных на участие в конкурентной процедуре, не может быть предметом контроля со стороны антимонопольного органа. Несмотря на сложившееся противоречие между практикой УФАС и арбитражных судов, данная проблема недостаточно изучена в доктрине антимонопольного права, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Действующее законодательство Российской Федерации предполагает обжалование действий Заказчиков при оценке заявок лишь в судебном порядке, устанавливая запрет на рассмотрения данной категории дел антимонопольным органом [1, ч. 6 ст.

106]. Так, если доводом жалобы является результат оценки заявок, резолютивная часть решения антимонопольного органа должно содержать указание на то, что рассмотрение жалоб по данному вопросу не проводится, и обжаловать такие результаты можно только в судебном порядке [2, п. 3.37].

Верховный Суд Российской Федерации в Определении 27.02.2020 N 307-ЭС19-21226 изложил позицию, согласно которой критерии оценки предусматриваются для того, чтоб у заказчика была возможность выбрать лицо, которое будет соответствовать потребностям заказчика больше остальных участников, поэтому оценка заявок сама по себе осуществляется в целях определения наилучшего предложения. Кроме того, Суд подчеркнул, что выбор наилучшего предложения среди прочих равных является прерогативой заказчика. Верховный Суд также обратил внимание на то, что установление заказчиком критериев оценки не является условием для допуска участника к закупке. В этой связи Суд указал, что вопросы, связанные с присвоением количества баллов в рамках оценки заявок не может быть предметом контроля со стороны антимонопольного органа [3].

Данное ограничение представляется не вполне рациональным, так как антимонопольная служба является органом, обеспечивающим восстановление нарушенных прав в сфере конкуренции. Присваивая баллы по различным критериям, заказчики могут допускать антиконкурентное поведение, необоснованно начисляя меньшее или большее количество баллов по тем или иным критериям. Такое поведение влияет на состояние конкуренции, поэтому более обоснованным представляется включение рассмотрения жалоб по данной категории дел в круг полномочий антимонопольного органа.

Несмотря на бесспорность права заказчика самостоятельно устанавливать критерии для начисления баллов при оценке участников, его действия могут привести к ограничению конкуренции и развитию коррупциогенных факторов. Предоставление документов, за которые заказчиком начисляются баллы, не является условием для допуска к участию в закупке, однако конкуренция может быть ограничена среди допущенных участников при некорректном начислении баллов. Однако возбуждение антимонопольным органом дел на основании обжалования начисления баллов будет признано судом незаконным. Примером этого служит следующее дело.

В антимонопольный орган обратился участник торгов с жалобой на действия заказчика при начислении баллов по критерию «качество услуг». По его мнению, заказчик неправомерно не принял представленные им документы в подтверждение критерия и начислил меньшее количество баллов, в связи с чем заявитель не стал победителем конкурентной процедуры. УФАС признало жалобу обоснованной и выдало Заказчику предписание об устранении нарушений. Не согласившись с выводами антимонопольного органа, заказчик обратился в арбитражный суд для признания решения незаконным.

Суды первой [4], апелляционной [5] и кассационной [6] инстанций признали решение УФАС незаконным, так как при рассмотрении жалобы антимонопольный орган вышел за пределы своих полномочий. Кроме того, суды указали на необоснованность жалобы участника закупки, так как при начислении баллов заказчик действовал в соответствии с документацией.

Таким образом, в правоприменительной практике сформировался подход, согласно которому действия антимонопольного органа по рассмотрению жалоб, свя-

занных с присвоением баллов участникам конкурентной процедуры, являются незаконными. В приведенном примере суд признал решение УФАС подлежащим отмене не только из-за выхода административного органа за рамки полномочий, но и ввиду неверных выводов относительно законности действий заказчика. Однако даже при выявлении нарушений со стороны Заказчика антимонопольный орган не вправе рассматривать жалобы по существу. В ином случае решение будет признано незаконным как принятое за рамками полномочий административного органа. В качестве примера приведем дело, при котором антимонопольный орган вынес предписание об устранении нарушений, по итогам оценки соответствия действий комиссии заказчика закупочной документации.

Участник закупки обратился в УФАС с жалобой на действия Заказчика при проведении конкурса в электронной форме. Антимонопольный орган признал жалобу обоснованной ввиду неверного применения расчета баллов по правилам, установленным в конкурсной документации и порядка оценки заявок по нестоимостному критерию. Арбитражный суд первой инстанции признал решение законным, обосновывая это тем, что при рассмотрении жалобы УФАС оценивало соответствие порядку оценки заявок действий комиссии заказчика. Суд указал на то, что антимонопольный орган провел проверку соблюдения заказчиком установленного им же порядка, не проверяя при этом количество присвоенных участникам баллов [7].

Суд апелляционной инстанции не согласился с такими выводами, указывая на то, что оспаривание результатов оценки заявок во внесудебном порядке не предусматривается законом. Суд также отметил, что административный контроль со стороны антимонопольного органа в части присвоения баллов в рамках оценки заявок нарушает автономию заказчика и представляет собой вмешательство в процесс определения победителя конкурса со стороны победителя конкурса. По мнению арбитражного апелляционного суда, заказчик имеет право самостоятельно устанавливать порядок оценки для выявления лучших условий удовлетворения потребностей заказчиком, поэтому вопросы порядка оценки критериев и начисления баллов является исключительной прерогативой заказчика. Апелляционный суд также опроверг выводы суда первой инстанции относительно того, что антимонопольный орган оценивал соответствия действий комиссии заказчика порядку оценки, так как УФАС вменило заказчику нарушение оценки вторых частей заявок и сделало вывод о неверном расчете баллов, повлиявшем на определение победителя конкурса. Таким образом, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что антимонопольный орган вышел за пределы полномочий, так как оценивал обстоятельства, которые не вправе контролировать [8].

Арбитражный суд округа поддержал выводы суда апелляционной инстанции, указав, что принятие антимонопольным органом ненормативного правового акта в отсутствие на это полномочий является достаточным основанием для признания такого акта незаконным независимо от установления этим актом нарушений по существу [9].

Таким образом, суд признает решение антимонопольного органа незаконным, даже если при рассмотрении жалобы на оценку заявки заказчиком будет установлено наличие нарушения, которое не опровергнуто судом. Данный подход представляется противоречивым сущности антимонопольного регулирования. Так, анализ действий заказчика на предмет законности при присвоении баллов заявкам не тож-

дественен вмешательству антимонопольного органа в определение победителя. Действующее законодательство позволяет заказчику устанавливать критерии для выбора наилучшего предложения в зависимости от его потребностей. Оценка наличия нарушений при присвоении баллов нельзя расценивать как нарушение автономии заказчика, потому что антимонопольный орган, рассматривая жалобы, не посягает на свободу заказчика в выборе наилучшего предложения, а исключает присвоение меньших баллов одному участнику ради победы другого. Правоотношения в этой сфере не являются гражданско-правовыми, поэтому запрет рассматривать подобные жалобы антимонопольному органу представляется не вполне обоснованным.

Обобщая изложенное, возможность участников торгов обжаловать в антимонопольном органе действия заказчика является одним из важнейших условий обеспечения прозрачности, объективности и законности проведения конкурентной процедуры. При этом действующее законодательство запрещает Федеральной антимонопольной службе и её территориальным управлениям рассматривать жалобы, касающиеся начисления баллов при оценке заявки. Даже при выявлении антимонопольными органами нарушений со стороны заказчика, решения будут подлежать отмене как принятые за пределами компетенции. Это представляется не вполне рациональным, так как такие деяния ухудшают состояние конкуренции.

В связи с изложенным необходимым представляется наделить антимонопольный орган полномочиями по рассмотрению жалоб на оценку заявок по критериям, установленным проектной документацией. Несмотря на то, что заказчики вправе устанавливать критерии и баллы за них по своему усмотрению в зависимости от специфики объекта закупки, при начислении баллов заказчики могут действовать недобросовестно. Это нарушает принципы антимонопольного законодательства и ограничивает конкуренцию. В настоящее время обжаловать действия заказчика возможно лишь в судебном порядке, однако данное нарушение должно быть предметом антимонопольного контроля.

Наделение антимонопольного органа такими полномочиями позволит своевременно и эффективно восстанавливать нарушенные права участников закупки, так как большинство заявителей обращаются именно в УФАС как к субъекту, уполномоченными осуществлять контроль на торгах. Отказ в возбуждении дел на основании отсутствия полномочий создаст условия для увеличения срока восстановления права, так как при отсутствии предписания антимонопольного органа об отмене протоколов из-за неправомерного начисления баллов, заказчик может заключить договор с участником, неправомерно признанным победителем. В таком случае для защиты права субъекту будет необходимо обратиться с исковым заявлением о признании недействительными результатов торгов и заключенного договора, что увеличит срок восстановления права.

В настоящее время участники торгов часто обращаются в антимонопольный орган для оспаривания результатов оценки заявок. Даже при подтверждении наличия нарушения, суды признают рассмотрение таких дел незаконным. По мере развития общественных отношений будут проявляться новые, ранее не изученные аспекты данной проблемы, что обуславливает дальнейшую актуальность её исследования.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // "Собрание законодательства РФ", 08.04.2013, N 14, ст. 1652.
2. Приказ ФАС России от 19.11.2014 N 727/14 "Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) для обеспечения государственных и муниципальных нужд" // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 03.03.2015.
3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27.02.2020 N 307-ЭС19-21226 по делу N A44-6018/2018// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [consultantplus://offline/ref=99A6D42FB3D3AE665F873D392F3407F41EA62D65406956149099137C06C2E057EBD4FFA726D5E5C1A822AACED1850452FOAqCL](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/268d63e8-590a-4657-a8b0-c2438b03e477/A40-11442-2022_20221123) (дата обращения: 24.04.2023).
4. Решение Арбитражного суда города Москвы от 01.08.2022 по делу A40-11442/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/89b4ef85-b641-4d8b-8559-a95acb7e81e6/A40-11442-2022_20220801 (дата обращения: 27.04.2023 г.).
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2022 по делу A40-11442/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/f8441ea6-447c-4e5c-ba56-ac5bccfedfd9/A40-11442-2022_20221123 (дата обращения: 27.04.2023 г.).
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.03.2023 по делу A40-11442/2022// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/268d63e8-590a-4657-a8b0-c2438b03e477/A40-11442-2022_20230322 (дата обращения: 27.04.2023 г.).
7. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 28.10.2021 г. по делу №A83-8621/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/97a3f020-5939-4a3d-95c1-f3f797df7422/A83-8621-2021_20211028 (дата обращения: 27.04.2023 г.).
8. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2021 года по делу №A83-8621/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/97a3f020-5939-4a3d-95c1-f3f797df7422/A83-8621-2021_20211028 (дата обращения: 27.04.2023).
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30 июня 2022 года по делу №A83-8621/2021// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/676f5ec0-cae4-401e-831d-cfa8a82e03f4/A83-8621-2021_20220630 (дата обращения: 27.04.2023).

I. Y. Volkova, V. Y. Volkov The problem of competence of the antimonopoly authority when considering complaints about the evaluation of applications during competitive procedures // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 343–348.

The article examines the issue of the powers of the central office of the Federal Antimonopoly Service and its territorial bodies when considering complaints from bidders about the evaluation of applications by customers and the assignment of points. The analysis of the provisions of the current legislation and the administrative regulations of the Federal Antimonopoly Service limiting the competence of the antimonopoly authority when considering complaints of this category is carried out. The issue of consideration of complaints about the actions of customers when evaluating the applications of participants from the point of view of the impact on the state of competition in the state is studied. The necessity to provide for the authority to consider complaints about the evaluation of applications from the antimonopoly authority is justified. Based on the analysis of the materials of judicial practice, the imperfections of legal regulation are revealed and possible methods of their elimination are proposed.

Keywords: competitive procedure, procurement participant, administrative procedure, evaluation of the application, restoration of the right.

Spisok literaturi:

1. Federal'nyj zakon ot 05.04.2013 N 44-FZ (red. ot 28.12.2022) "O kontraktnoj sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" [Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013 (as amended on 12/28/2022) "On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs"]// "Collection of Legislation of the Russian Federation", 08.04.2013, No. 14, Article 1652.
2. Prikaz FAS Rossii ot 19.11.2014 N 727/14 "Ob utverzhdenii administrativnogo reglamenta Federal'noj antimonopol'noj sluzhby po ispolneniyu gosudarstvennoj funkcii po rassmotreniyu zhalob na dejstviya

(bezdeystvie) zakazchika, upolnomochennogo organa, upolnomochennogo uchrezhdeniya, specializirovannoj organizacii, komissii po osushchestvleniyu zakupok, ee chlenov, dolzhnostnogo lica kontraktnoj sluzhby, kontraktного upravlyayushchego, operatora elektronnoy ploshchadki pri opredelenii postavshchikov (podryadchikov, ispolnitelej) dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd" [Order of the Federal Antimonopoly Service of Russia dated 19.11.2014 N 727/14 "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Antimonopoly Service for the Performance of the State Function of Reviewing Complaints against the Actions (Inaction) of the Customer, Authorized Body, Authorized Institution, Specialized Organization, Procurement Commission, Its Members, Contract Service Official, Contract Manager, Electronic Platform Operator in Determining Suppliers (contractors, performers) to ensure state and municipal needs"]// Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru> , 03.03.2015.

3. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ekonomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.02.2020 N 307-ES19-21226 po delu N A44-6018/2018 [Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.02.2020 N 307-ES19-21226 in the case N A44-6018/2018]//

[plus://offline/ref=99A6D42FB3D3AE665F873D392F3407F41EA62D65406956149099137C06C2E057EBD4FFA726D5E5C1A822AACE0D1850452FOAqCL](https://offline/ref=99A6D42FB3D3AE665F873D392F3407F41EA62D65406956149099137C06C2E057EBD4FFA726D5E5C1A822AACE0D1850452FOAqCL) (accessed:24.04.2023).

4. Reshenie Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy ot 01.08.2022 po delu A40-11442/2022 [The decision of the Arbitration Court of the city of Moscow dated 01.08.2022 in the case A40-11442/2022]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/89b4ef85-b641-4d8b-8559-a95acb7e81e6/A40-11442-2022_20220801 (accessed: 04/27/2023)

5. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 23.11.2022 po delu A40-11442/2022 [Decision of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 11/23/2022 in case A40-11442/2022]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/f8441ea6-447c-4e5c-ba56-ac5bccfedfd9/A40-11442-2022_20221123 (accessed: 04/27/2023).

6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 22.03.2023 po delu A40-11442/2022 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 22.03.2023 in case A40-11442/2022] // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e212fa69-f4ee-4ef8-b951-872b0f3cabf3/268d63e8-590a-4657-a8b0-c2438b03e477/A40-11442-2022_20230322 (accessed: 04/27/2023).

7. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Krym ot 28.10.2021 g. po delu №A83-8621/2021 [The decision of the Arbitration Court of the Republic of Crimea dated 28.10.2021 in case no.A83-8621/2021]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/97a3f020-5939-4a3d-95c1-f3f797df7422/A83-8621-2021_20211028 (accessed: 04/27/2023).

8. Postanovlenie Dvadcat' pervogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 28 oktyabrya 2021 goda po delu №A83-8621/2021 [Resolution of the Twenty-first Arbitration Court of Appeal of October 28, 2021 in case No. A83-8621/2021]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/97a3f020-5939-4a3d-95c1-f3f797df7422/A83-8621-2021_20211028 (accessed: 04/27/2023).

9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Central'nogo okruga ot 30 iyunya 2022 goda po delu №A83-8621/2021 [Resolution of the Arbitration Court of the Central District of June 30, 2022 in case No. A83-8621/2021]// URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1d0fb609-d613-41d7-acd8-5717d59680d4/676f5ec0-cae4-401e-831d-cfa8a82e03f4/A83-8621-2021_20220630 (accessed: 04/27/2023).

УДК 347.922

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Гелиева И. Н.

Кубанский государственный университет

В статье исследуются проблемы, связанные с реализацией электронного правосудия, а также преимущества и недостатки данной системы. Рассматриваются основные компоненты электронного правосудия, включая электронную подачу заявлений и документов, электронную коммуникацию между участниками судебного процесса, электронное делопроизводство и электронную выдачу документов. Обсуждаются проблемы, связанные с техническими аспектами и безопасностью электронного правосудия (в т.ч. в рамках использования систем искусственного интеллекта), а также вопросы доступности данной системы. В заключение делается вывод о том, что электронное правосудие может стать важным инструментом улучшения судебной системы в России, но его реализация должна учитывать организационно-технические и правовые аспекты, чтобы обеспечить эффективность и справедливость судопроизводства.

Ключевые слова: цифровые технологии, гражданский процесс, арбитражный процесс, суды общей юрисдикции, электронное правосудие, цифровизация, диджитализация, электронный документооборот, цивилистический процесс, судебное делопроизводство.

На сегодняшний день, когда цифровые технологии проникают во все сферы жизни, в том числе в правовую сферу, электронное правосудие становится все более актуальным. Это новое направление в юридической деятельности, которое позволяет использовать современные технологии для обеспечения более быстрого, эффективного и удобного доступа к правосудию.

Современные тенденции развития гражданской и арбитражной процессуальной формы направлены на изменение роли государственной власти в осуществлении правосудия. Вместо традиционной государственно-властной деятельности, правосудие рассматривается как государственная услуга, оказываемая с использованием информационно-телекоммуникационных каналов в условиях максимальной открытости [1]. Это усиливает роль частноправового начала в цивилистическом процессе. Анализ реформы частного права, направленной на приведение гражданского законодательства в соответствие с потребностями информационного общества [2], подтверждает взаимную обусловленность этих явлений. В свое время на этот вывод указывал В.В. Ярков [3].

Секрет Полишинеля, что развитие электронных информационных технологий в правосудии является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития многих стран мира. Например, Китай уже с 2018 г. использует интернет-суды, которые базируются на технологиях блокчейн и искусственного интеллекта [4]. Системы электронного правосудия, включая возможность подачи документов в электронной форме, доступны в правосудии Германии и Италии с 2005 г. [5].

Для формирования национальных систем законодательства о применении цифровых технологий в правосудии основой является Европейская этическая хартия об электронном правосудии, утвержденная Европейской комиссией по эффективности

правосудия Совета Европы (СЕПЕJ) 4 декабря 2018 г. Эта хартия формулирует принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах, такие как прозрачность, ответственность, защита прав и свобод, а также уважение к человеческому достоинству:

- соблюдения прав человека, в силу которого применение компьютерной программы не должно умалять состязательность процесса и право на справедливое судебное разбирательство;
- запрета дискриминации;
- принцип качества и безопасности;
- прозрачности, в силу которого все применяемые технологии должны быть доведены до всеобщего сведения в понятной форме;
- принцип пользовательского контроля, согласно которому судья должен иметь возможность не согласиться с решением искусственного интеллекта и принять собственное решение [6].

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор отмечают, что при переводе судебной деятельности на цифровую платформу возможна проблема правового вакуума, связанного с неразрешенностью и правовой пробельностью вопросов, касающихся признания искусственного интеллекта в правовой системе, особенно в уголовном, трудовом и гражданском праве [7]. Решение данной проблемы возможно только через ревизию действующего законодательства и внесения соответствующих дополнений. Таким образом, необходимо провести комплексную работу по адаптации законодательства к новым технологиям и возможностям, которые предоставляет использование искусственного интеллекта в судебной деятельности. Это позволит избежать возможных правовых проблем и обеспечить эффективность и достоверность решений, принимаемых на основе использования цифровых технологий.

В свою очередь авторы Этической хартии об электронном правосудии подчеркивают, что искусственный интеллект не может полностью заменить судью и необходимо предоставлять участникам спора возможность обращения в суд без применения искусственного интеллекта и право оспорить принятое с помощью него решение.

Поэтому целесообразно начинать использовать возможности искусственного интеллекта в альтернативных формах разрешения споров, и только после успешного эксперимента можно распространять цифровые технологии на юрисдикционную деятельность суда. Исследователями отмечается, что основные причины использования данных систем: сокращение расходов и времени на судопроизводство и устранение субъективных факторов при принятии судебного решения или другими словами – содействие в более эффективной реализации принципов судопроизводства, в частности, принципа процессуальной экономии и принципа законности. При этом наиболее серьезным риском при использовании систем на основе искусственного интеллекта является их склонность при формировании решения усиливать стереотипы, паттерны, которые наличествуют в данных, используемых для их обучения [8].

Важно подчеркнуть, что поскольку процессуальные правоотношения существуют только в рамках правовой формы, закон должен предусматривать возможность применения различных технологий электронного правосудия. На данный момент процессуальное законодательство позволяет использовать следующие цифровые

инструменты: подачу документов в электронной форме; доступ к информации о времени и месте рассмотрения дела, тексту принятых судебных актов и материалам дела в электронном виде; аудио- и видеопротоколирование судебных заседаний; проведение онлайн-заседаний и рассмотрение дела при помощи видео-конференц-связи, а также выдачу исполнительных документов в формате электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью. Однако, степень интеграции электронных сервисов в судебную систему неодинакова, и арбитражные суды гораздо более цифровизированы, чем суды общей юрисдикции, обладающие меньшими ресурсами.

В настоящее время комплексные программы электронного правосудия активно используются в судебной деятельности в Китае, США, Великобритании, Франции и некоторых других странах, однако до настоящего времени эти программы служат вспомогательным инструментом для анализа документов и не заменяют собой судью [8; 9], т.е. являются альтернативным или субсидиарным средством общения (извещения, слушания) по отношению к существующей документарной форме передачи данных [10], и отчасти именно по причине отсутствия эмоционального и нравственного компонента [11].

В контексте же российского электронного правосудия, то одной из перспективных идей в сфере цифрового правосудия является создание единой консолидированной базы данных судебных решений. Пилотная версия такой системы уже успешно запущена в судах Нижегородской области. Благодаря этой системе судьи районных и мировых судов получают доступ к консолидированной базе данных районных судов, включая электронные карточки судов с исковыми заявлениями, протоколами судебных заседаний и решениями. Мы уверены, что это поможет ускорить процесс рассмотрения дел и предотвратить злоупотребления правами участников судебного процесса, что в итоге повысит эффективность правосудия в целом. При этом разумно распределить финансовую нагрузку на реализацию проекта между федеральным и региональными бюджетами на паритетных началах, чтобы снизить дополнительные расходы федерального бюджета и перераспределить их на другие приоритетные направления, например, в социальной сфере [12].

Также стоит отметить, что отечественный законодатель предпринимает шаги по улучшению электронного документооборота, в том числе в сфере правосудия. В конце 2021 г. была введена возможность представления документов в суд через портал государственных услуг и получения копий судебных актов через этот же портал. Однако, реализация этой нормы сопряжена с некоторыми трудностями. В частности, на данный момент отсутствует техническая возможность использования портала государственных услуг для электронного документооборота в сфере правосудия, но работы в этом направлении уже ведутся. Также неясен механизм идентификации лиц, использующих портал государственных услуг, для отправки и получения корреспонденции [13].

Кроме того, возникают вопросы по правовому регулированию возможности направления копий судебных актов в электронной форме участникам процесса.

В частности, некоторая неопределенность возникает в вопросе о возможности направления копии судебного приказа должнику (ст. 128 Гражданского процессуального кодекса РФ; далее – ГПК РФ) посредством направления его в личный каби-

нет должника с использованием единого портала государственных и муниципальных услуг.

Думается, что препятствия для совершения такого процессуального действия в законе отсутствуют. В соответствии с ч. 3 ст. 127 ГПК РФ допускается выполнение судебного приказа в форме электронного документа. Далее, в соответствии со ст. 128 ГПК, суд направляет копию судебного приказа должнику. Каких-либо специальных указаний о направлении именно бумажной копии Кодекс не содержит. В связи с этим представляется возможным применение аналогии закона. В порядке ст. 214 ГПК РФ решение суда, выполненное в форме электронного документа, может быть направлено участникам процесса с использованием портала государственных услуг. Думается, что термин «решение» в данном случае можно понимать расширительно и распространить его на судебный приказ. Срок на предоставление возражений относительно судебного приказа в этом случае следует исчислять с момента доставки приказа в личный кабинет должника.

Для более эффективного использования описанных возможностей, рекомендуется установить их на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Также предлагается для упрощения коммуникации между участниками гражданского процесса создать систему электронного взаимодействия на базе ГАС «Правосудие», позволяющую обмениваться данными, доступными только участникам конкретного процесса. Решение суда первой инстанции должно содержать реквизиты дела, которые можно идентифицировать через QR-код. Участники процесса могут получить копию решения и перейти в соответствующий кабинет в ГАС «Правосудие», используя электронную цифровую подпись. В личном кабинете можно возбудить апелляционное или кассационное производство, заполнив форму и прикрепив необходимые документы для подтверждения основания жалобы. Остальные участники процесса получают уведомление на свою электронную почту или мобильный телефон и могут ознакомиться с жалобой и прикрепить отзыв в системе. Это исключит бумажный документооборот и ускорит работу вышестоящих инстанций.

Через личный кабинет в ГАС «Правосудие», лицо несогласное с решением суда первой инстанции может возбудить апелляционное или кассационное производство, заполнив форму и прикрепив необходимые документы для подтверждения жалобы. Остальные участники процесса получают уведомление на свою электронную почту или мобильный телефон и смогут ознакомиться с жалобой и прикрепить на нее отзыв в системе. Это сократит бумажный документооборот и ускорит работу вышестоящих инстанций.

Интересным в долгосрочной перспективе видится потенциал технологий дополненной реальности (augmented reality - AR), качественным образом преобразующих порядок разрешения споров [14].

Зарубежные исследователи отмечают, что «в ближайшие месяцы и годы AR изменит то, как мы учимся, принимаем решения и взаимодействуем с физическим миром» [15].

Потенциал AR может быть в значительной степени задействован в судопроизводстве. Технологии способны обеспечить эффективность и гибкость процесса, несмотря на многосубъектность и сложность некоторых споров [16]. Использование AR выведет двухмерные виртуальные слушания на новый уровень, создавая еще более персонализированный опыт. Участники слушаний будут представлены в фи-

зическом пространстве зрителя, где бы он ни находился. Это сохранит привычное удобство удаленных слушаний [17] и повысит эффективность некоторых процессуальных действий.

На данный момент дополненные заседания представляют собой концептуальный эксперимент, однако в будущем они могут стать более доступной альтернативой обычным заседаниям. Такие заседания могут обеспечивать потрясающий голографический опыт, который позволит пользователям окунуться в виртуальное пространство [18].

Современное процессуальное законодательство активно развивается в области использования информационных технологий, что позволяет расширить содержание ряда принципов цивилистического процесса, в основном на втором и третьем уровнях системы принципов. При этом не изменяются существенные характеристики смешанной модели судопроизводства, которая давно сформировалась в российской правовой системе и основана на принципах состязательности, диспозитивности, судебного руководства, установления истины и доступности правосудия.

В качестве основных направлений становления и дальнейшего развития системы полагаем необходимым указать следующие [5]: 1) обеспечение доступа к информации в области правосудия, в том числе финансирование и разработка необходимого судам программно-аппаратного комплекса, набор и обучение персонала по его обслуживанию; 2) переход на электронное взаимодействие между участниками судебного разбирательства; 3) принятие правовых норм, регламентирующих отношения в сфере электронного правосудия.

Таким образом, разграничение электронного правосудия на три аспекта может иметь практический смысл для отражения поэтапного становления и определения направлений совершенствования электронного правосудия в России, начиная от внедрения отдельных элементов информатизации до появления единой, предусмотренной нормативными правовыми актами системы, обеспечивающей возможность проведения полного и непрерывного судопроизводства в электронном виде на всех его стадиях, включая использование систем ИИ. Именно к такому, на наш взгляд, электронному правосудию необходимо стремиться в России.

Электронные технологии, используемые в процессе разрешения споров, являются всего лишь инструментом и не меняют сущности процессуальных отношений. Несмотря на это, современные технологические достижения должны учитываться при цифровизации правоприменительной деятельности, включая цивилистический процесс. Однако, инструментальный подход к использованию цифровых технологий в правоприменительной деятельности является упрощенным и не отвечает актуальным мировым трендам. В процессе цифровизации необходимо избежать проблем, в том числе дублирования традиционных действий в цифровой оболочке [19]. Цифровые инструменты должны быть удобными и понятными для всех пользователей, а цифровизация должна предполагать автоматическое дублирование процессов в цифровом пространстве и в офлайне. Несмотря на необходимость развития электронного документооборота и использования веб-конференций, проблемы с их внедрением в деятельность судов общей юрисдикции очевидны. Поэтому цифровизация процесса является юридическим экспериментом, который должен учитывать технические и организационно-правовые проблемы для достижения успеха.

Солидарны с позицией, что в законченном об электронном правосудии в России можно говорить тогда, когда совокупность различных автоматизированных информационных систем (сервисов) будет представлять собой единую, предусмотренную нормативными правовыми актами, защищенную систему, позволяющую осуществлять правосудие в электронной форме на всех его этапах, стадиях [5].

Считаем, что для обеспечения безусловной и достоверной идентификации пользователей информационно-коммуникационных ресурсов и источников информации в сфере правосудия, необходимо разработать организационно-технические и правовые механизмы, обеспечивающие информационное взаимодействие между органами исполнительной власти и судами на основе взаимной совместимости баз данных. Для успешного внедрения электронной правосудия в России необходимо учитывать консервативный менталитет граждан и обеспечивать защиту их персональных данных и права на конфиденциальность. Этот процесс следует проводить постепенно, с учетом особенностей российской культуры и традиций, и обеспечивать соответствующую защиту конституционных прав и свобод граждан. В контексте указанного отметим, что для успешного внедрения электронного правосудия в России необходимо обеспечить высокий уровень компьютерной грамотности населения и правосознания, а также уделять достаточное внимание вопросам защиты прав граждан на конфиденциальность и защиту персональных данных.

Список литературы:

1. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52-54.
2. Гражданский кодекс пришел по-английски // Коммерсантъ. 2012. 3 апреля.
3. Ярков В.В. Влияние реформы частного права на развитие системы и форм гражданской юрисдикции // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998. С. 45-72.
4. Интернет-суды Китая используют блокчейн и ИИ для вынесения решений // URL: <https://bits.media/internet-sudy-kitaya-ispolzuyut-blokcheyn-i-ii-dlya-vyneseniya-resheniy>
5. Борисова Л.В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 32-35.
6. Антинулчи М. Этическая хартия ЕС по использованию технологий искусственного интеллекта в судебной системе и законодательство, регулирующее блокчейн, как "тройной конь" борьбы с контрафакцией в глобальной перспективе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 2. С. 36-42.
7. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85-102.
8. Даниелян А.С., Михалевич Ю.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2023. № 5. С. 68-72.
9. Амаянц К.А. Использование искусственного интеллекта в современной судебной системе и права человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-3. С. 49-52.
10. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2018. 251 с.
11. Гришина Е.П. Цифровые технологии правосудия: международный опыт и российские перспективы защиты бизнеса // Безопасность бизнеса. 2023. № 1. С. 77-85.
12. Даниелян А.С. Электронное правосудие в гражданском процессе: понятие, вызовы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 2. С. 194-201.
13. Чудиновская Н.А. Некоторые направления цифровизации правосудия в России и странах Евросоюза // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 7-9.
14. Susskind R. Online courts and the future of justice. Oxford University Press, 2019. 368 p.
15. Porter Michael E., Heppelmann James E. AR will become the new interface between humans and machines – URL: <https://hbr.org/2017/11/why-every-organization-needs-an-augmented-reality-strategy/>.
16. Gilad Y. Virtual Reality Exceptionalism // Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law. 2018. № 3. P. 839 - 880.

17. Lastowka G. User-Generated Content and Virtual Worlds // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2008. № 4. P. 893 - 917.
18. Селькова А.А. Перспективы технологии дополненной реальности в свете законодательной ориентации на цифровизацию судопроизводства // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2022. № 8. С.56-58.
19. Трезубов Е.С. Тенденции цифровизации гражданского процесса // *Вестник гражданского процесса*. 2022. № 5. С. 204-227.

Gelieva Irina N. Use of digital technologies in civil legal proceedings // *Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 349–355.

The article explores the problems associated with the implementation of e-justice, as well as the advantages and disadvantages of this system. The main components of e-justice are considered, including the electronic filing of applications and documents, electronic communication between participants in the judicial process, electronic clerical work and electronic issuance of documents. The problems associated with the technical aspects and security of e-justice (including in the framework of the use of artificial intelligence systems), as well as issues of accessibility of this system are discussed. In conclusion, it is concluded that e-justice can become an important tool for improving the judicial system in Russia, but its implementation must take into account organizational, technical and legal aspects in order to ensure the efficiency and fairness of legal proceedings.

Keywords: digital technologies, civil process, arbitration process, courts of general jurisdiction, e-justice, digitalization, digitalization, electronic document management, civil process, court office work.

Spisok literature:

1. Kuryachaya M.M. Elektronnoe pravosudie kak neobhodimyj element elektronnoj demokratii v sovremennoj Rossii // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2013. № 7. S. 52-54.
2. Grazhdanskij kodeks prishel po-anglijski // *Kommersant*. 2012. 3 aprelya.
3. Yarkov V.V. Vliyanie reformy chastnogo prava na razvitie sistemy i form grazhdanskoj yurisdikcii // *Teoreticheskie i prikladnye problemy reformy grazhdanskoj yurisdikcii*. Ekaterinburg, 1998. S. 45-72.
4. Internet-sudy Kitaya ispol'zuyut blokchejn i II dlya vyneseniya reshenij // URL: <https://bits.media/internet-sudy-kitaya-ispolzuyut-blokcheyn-i-ii-dlya-vyneseniya-resheniy> (data obrashcheniya: 27.06.2023)
5. Borisova L.V. Ob osnovnyh napravleniyah stanovleniya i razvitiya elektronno go pravosudiya v sovremennoj Rossii // *Pravo i cifrovaya ekonomika*. 2020. № 2. S. 32-35.
6. Antinuchchi M. Eticheskaya hartiya ES po ispol'zovaniyu tekhnologij iskusstvennogo intellekta v sudebnoj sisteme i zakonodatel'stvo, reguliruyushchee blokchejn, kak "troyanskij kon" bor'by s kontrafakciej v global'noj perspektive // *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2020. № 2. S. 36-42.
7. Habrieva T.Ya., Chernogor N.N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // *ZHurnal rossijskogo prava*. 2018. № 1. S. 85-102.
8. Danielian A.S., Mikhalevich Yu.S. Perspektivy i riski ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v grazhdanskom sudoproizvodstve // *Sovremennoe pravo*. 2023. № 5. S. 68-72.
9. Amayanc K.A. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v sovremennoj sudebnoj sisteme i prava cheloveka // *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. 2019. № 11-3. S. 49-52.
10. Vasil'kova S.V. Elektronnoe pravosudie v civilisticheskom processe: Dis. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2018. 251 s.
11. Grishina E.P. Cifrovye tekhnologii pravosudiya: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie perspektivy zashchity biznesa // *Bezopasnost' biznesa*. 2023. № 1. S. 77-85.
12. Danielian A.S. Elektronnoe pravosudie v grazhdanskom processe: ponyatie, vyzovy i perspektivy // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*. 2023. Т. 9 (75). № 2. S. 194-201.
13. Chudinovskaya N.A. Nekotorye napravleniya cifrovizacii pravosudiya v Rossii i stranah Evrosoyuza // *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*. 2022. № 7. S. 7-9.
14. Susskind R. *Online courts and the future of justice*. Oxford University Press, 2019. 368 p.
15. Porter Michael E., Heppelmann James E. AR will become the new interface between humans and machines – URL: <https://hbr.org/2017/11/why-every-organization-needs-an-augmented-reality-strategy/>
16. Gilad Y. Virtual Reality Exceptionalism // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2018. № 3. P. 839 - 880.
17. Lastowka G. User-Generated Content and Virtual Worlds // *Vanderbilt Journal of Entertainment and Technology Law*. 2008. № 4. P. 893 - 917.
18. Sel'kova A.A. Perspektivy tekhnologii dopolnennoj real'nosti v svete zakonodatel'noj orientacii na cifrovizaciyu sudoproizvodstva // *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process*. 2022. № 8. S. 56-58.
19. Trezubov E.S. Tendencii cifrovizacii civilisticheskogo processa // *Vestnik grazhdanskogo processa*. 2022. № 5. S. 204-227.

УДК 347.21

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Дмитриенко А. Я.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

В статье рассматривается вопрос об исследовании сущности понятия «цифровые права», определяются основные черты цифровых прав как нового объекта гражданского права. Подчеркивается двойственность их правовой природы – как прав на само цифровое право (запись в информационной системе на основе распределенного реестра), а также прав, закрепляемых данным цифровым правом (прав требования, корпоративных прав). Анализируется законодательство, регламентирующее вопросы, связанные с выпуском, учетом и оборотом утилитарных цифровых прав, цифровых финансовых активов и проводится разграничение последних от смежных понятий: цифровой валюты, криптовалюты, токенов и пр. Делается вывод о том, что цифровые права являются ограниченно оборотоспособными, поскольку возможность совершения правомочий в отношении них зависит от наличия у правообладателя доступа к информационной системе, в которой они расположены, а также правил самой этой системы. Отмечается, что существующее регулирование недостаточно и не охватывает весь перечень объектов, которые возникли в результате стремительно происходящих процессов цифровизации, и которые вызывают интерес у участников общественных отношений. Предполагается дальнейшее совершенствование законодательства о цифровых правах.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, токен, распределенный реестр, бездокументарные ценные бумаги, цифровое свидетельство, оператор информационной системы

Экспоненциальный рост цифровых технологий в последние годы привел к существенному изменению правовой и экономической реальности, обусловленной цифровой революцией и цифровизацией ряда общественных отношений. На сегодняшний день можно говорить о формировании некоей цифровой среды, в рамках которой существуют принципиально новые объекты, по поводу которых складываются общественные отношения между пользователями сети Интернет. Сюда можно отнести появление виртуальной и дополненной реальности, блокчейн-технологий, развитие искусственного интеллекта, «облачных» компьютерных сервисов и цифровых технологических платформ. Даже существование так называемых социальных сетей дополнило и изменило существующую систему общественных отношений.

Наряду с этим, необходимо признать тот факт, что выработанные действующим законодательством подходы к регулированию различных групп общественных отношений оказываются недостаточными и неэффективными, когда речь заходит о цифровой среде и новых цифровых объектах. И если, к примеру, за последние годы стало более эффективным регулирование вопросов оборота объектов интеллектуальных прав в сети Интернет, появились механизмы их защиты и пресечения нарушений, то регулирование вопросов, связанных с цифровыми правами, находится только на стадии формирования. Это обуславливает актуальность исследований в указанной сфере.

В рамках данной статьи поставлена цель исследования понятия и содержания таких относительно новых объектов гражданского оборота, как цифровые права и цифровые финансовые активы, отграничение данных понятий от смежных с ними, анализ действующего законодательства в этой сфере и раскрытия сущности отношений, складывающихся в сфере оборота цифровых прав. Очевидна необходимость

более детальной и четкой правовой регламентации института «цифровых прав», а также более глубокое и тщательное исследование данной проблематики.

Так, можно утверждать, что в доктрине существует достаточно широкое и абстрактное понимание цифрового права как права иметь доступ в сеть Интернет, доступ к информации, а также связанные с ними возможности для пользователей информационно-телекоммуникационных сетей. Но для настоящей статьи предметом исследования выступают цифровые права в том узком частно-правовом смысле, который заложен в отечественном законодательстве.

В 2019 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) были внесены изменения. В частности, в перечень объектов гражданских прав (ст. 128) в состав иного имущества были включены цифровые права. Также кодекс был дополнен статьей 141.1, определяющей природу этих прав и норму, позволяющую определить их обладателя. Появление такого объекта по логике законодателя должно было подчинить целый ряд общественных отношений, складывающихся в цифровой среде, регламентации нормами гражданского права. Тем не менее, закрепление на законодательном уровне норм о цифровых правах породило в научной среде большое число дискуссий относительно свойств и правового режима таких объектов.

В литературе термин «цифровые права» рассматривается цивилистами как своеобразный аналог зарубежного термина «токен», который также многозначен. В переводе с английского, «token» – это жетон, талон, признак, примета, опознавательный знак. В контексте нашего исследования, мы будем рассматривать токены как запись в распределенном реестре, созданном и существующем в виртуальной цифровой среде с использованием технологии блокчейн (технологии распределенных реестров). Как отмечает М. А. Рожкова, данная технология широко применяется при создании «разнообразных онлайн-платформ, сервисов и приложений (в сфере платежей, расчетов, исполнения контрактов (смарт-контрактов) и т.д.)», где токен выступает «в качестве условных платежных единиц ... для открытия доступа к дополнительным возможностям, для обращения к использованию расширенного функционала и т.д.» [1, с. 33-34].

Разнообразие сфер применения технологии блокчейн обуславливает также и разнообразие видов токенов. Выделяют утилитарные токены, предоставляющие доступ к определенной цифровой системе или онлайн-платформе), токены-активы, выступающие средством инвестирования (которые по своему механизму действия сходны с бездокументарными ценными бумагами) и платежные токены (сюда условно могут быть отнесены криптовалюты, различные бонусные программы и баллы, валюты в различных игровых платформах и т.д.).

Тем не менее, не все из вышеперечисленных токенов будут признаваться в России в качестве цифровых прав. Причина этому – формулировка, закрепленная в п. 1 ст. 141.1 ГК РФ. Согласно которой под цифровыми правами понимаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Формулировка «названные в таком качестве в законе» означает, что признаваться цифровыми будут не любые токены, которые возникли в цифровой среде, а лишь те, которые непосредственно признаны таковыми в законодательных актах. При таком подходе очень большое количество объектов, существующих в различных он-

лайн-платформах, использующих технологию блокчейн, и иных цифровых объектов, которые могут выступать объектами отношений между участниками, в том числе купли-продажи и иных сделок, остаются за пределами правового регулирования. Можно констатировать, что цель легализации новых цифровых объектов в правовом поле в полной мере не реализована.

С другой стороны, за счет прямого указания в законодательстве прав, признаваемых цифровыми, государство может однозначно определить правовой режим таких объектов и контролировать вопросы, связанные с их оборотом и защитой.

Так, на сегодняшний день такое указание содержится в федеральном законе от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ от 02.08.2019 № 259-ФЗ). Данный закон вводит понятие утилитарных цифровых прав, которое раскрывает путем перечисления конкретных видов прав, которые могут возникнуть, а также условия, при которых они могут признаваться цифровыми.

Это, в частности: право требовать передачи вещи (вещей), передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности, а также право требовать выполнения работ и оказания услуг, если они размещены в инвестиционной платформе (соответствующей предъявляемым законом требованиям). Юридическим фактом, порождающим возникновение таких прав в качестве цифровых, выступает договор о приобретении утилитарного цифрового права, заключенный посредством инвестиционной платформы в порядке, определяемом последней.

Это законодательное положение соответствует требованиям нормы ст. 141.1 ГК РФ и тем существенным признакам, которые отличают любое относительное обязательственное право (поскольку права требования относятся к этой категории), от цифрового права. Как известно, осуществление любых юридически значимых действий в отношении цифровых прав происходит исключительно в рамках и по правилам той информационной системы, где оно размещено.

Применительно к утилитарным цифровым правам такой системой выступает инвестиционная платформа. Такие права не могут возникнуть вне ее пределов, а в последующем быть там размещены, а также могут отчуждаться, приобретаться и использоваться только в этой инвестиционной платформе. Данную характеристику цифровых прав можно обозначить как существенную и отграничивающую их от всех иных прав. Поэтому можно утверждать, что такие цифровые права являются ограниченными в обороте, ведь без доступа к информационной системе, в которой данное право зарегистрировано, лицо не сможет совершить никакие действия с этим правом. Утрата доступа к инвестиционной платформе делает невозможным распоряжение цифровым правом, однако не отменяет статуса лица как обладателя такого права. Примечательно, что ГК РФ использует именно понятие «обладатель цифрового права», что еще раз подтверждает факт того, что цифровые права не относятся к категории вещных прав.

Поскольку по сути своей утилитарное цифровое право в понимании Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, а также цифровые права в целом в понимании ст. 141.1 ГК РФ представляют собой обязательственное право, существующее в определенной виртуальной информационной системе, возникает вопрос о сущности и

природе таких прав. Можно ли утверждать, что цифровое право – это новый объект права, или же это просто новый способ фиксации уже существующих и известных нам обязательственных прав, возникший благодаря цифровизации общественных отношений и распространения технологии распределенных реестров (технологии блокчейн)?

С. И. Сулова и В. П. Камышанский отрицают необходимость выделения цифровых прав как отдельного объекта, поскольку они не создают новые, а только закрепляют уже существующие права [2, с. 11; 3, с. 17]. Однако мы не можем согласиться с такой позицией ввиду следующего. Согласно Е. А. Суханову, выделение объектов гражданского права осуществляется в зависимости от возможности совершения с ними сделок, влекущих гражданско-правовой результат [4]. А поскольку в отношении цифровых прав могут совершаться гражданско-правовые сделки, но осуществление их определяется по правилам цифровой платформы, в которой такие права размещены, то есть обладает определенной спецификой, можно с уверенностью признавать их самостоятельным объектом гражданских прав.

На что при этом стоит обратить внимание, так это на сложность и некую двойственность их правовой природы. С одной стороны, цифровое право само выступает предметом сделки, а с другой, подтверждает некоторые права, обязательственные и иные, как указано в законе.

А. С. Степанян отмечает, что при толковании норм действующего законодательства о цифровых правах «объектом права» становится «само право», вернее сказать, одно из прав требования, заложенных в понятие утилитарного цифрового права» [5]. М. А. Рожкова предлагает разграничивать «право на запись» и «право из записи», под словом запись имея в виду «цифровой код в информационной системе распределенного реестра», то есть цифровое право как таковое [1, с. 34].

В целом, данная дискуссия сходна с той, которая сложилась в цивилистике с появлением бездокументарных ценных бумаг, что неудивительно, ведь, как известно, нормативные положения статьи ГК РФ о цифровых правах созданы по образу и подобию норм о бездокументарных ценных бумагах.

Таким образом, можно утверждать, что конструкция норм о цифровых правах подтверждает тезис о том, что рассматриваемые объекты выступают как форма фиксации или, иначе, форма закрепления обязательств, принимаемых на себя эмитентом. Однако, вопрос о сущности и специфике такого нового объекта гражданского права не разрешен, так как специфика его оборота значительно осложняется принципом их закрепления и осуществления в цифровой информационной системе.

Несмотря на схожесть формулировок нормативных положений о цифровых правах и бездокументарных ценных бумагах, механизм обращения цифровых прав отличается от аналогичного механизма, предусмотренного для бездокументарных ценных бумаг. Учет цифровых прав осуществляется посредством записей в информационной системе без привлечения третьих лиц.

Документом, подтверждающим принадлежность утилитарного цифрового права определенному лицу, выступает цифровое свидетельство. Выдача и учет таких свидетельств осуществляется депозитарием, применительно к утилитарным цифровым правам – оператором инвестиционной платформы. О.М. Шевченко указывает, что за счет использования цифровых свидетельств происходит повышение ликвидности

цифровых прав путем выпуска ценных бумаг, удостоверяющих права на эти активы [6, с. 78].

Цифровые свидетельства признают неэмиссионными бездокументарными ценными бумагами, сконструированными по принципу депозитарных расписок. Использование таких цифровых свидетельств позволяет преодолеть те ограничения в обороте, которые установлены федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ.

Приобретая цифровые свидетельства, их владельцы получают возможность косвенно (посредством дачи указаний депозитарию) распоряжаться удостоверенными ими УЦП, при этом данные УЦП продолжают находиться внутри инвестиционной платформы [6, с. 80].

К числу законов, регламентирующих общественные отношения в сфере оборота объектов в цифровой среде, стоит отметить Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», а также Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее – закон о ЦФА). Указанный закон регламентирует правовой режим такого вида цифровых прав, как цифровые финансовые активы, в том числе деятельность оператора информационной системы, в которой осуществляется их эмиссия, и оператора обмена этих активов, а также вопросы использования криптовалюты.

В данном законе также содержится легальное определение понятия распределенного реестра, под которым в соответствии с п. 7 ст. 1 понимается совокупность баз данных, тождественность содержащейся информации в которых обеспечивается на основе установленных алгоритмов (алгоритма).

До принятия данного закона высказывались предположения, что цифровые финансовые активы могут включать в себя криптовалюты, контент, big data, виртуальное игровое имущество и даже доменные имена [7, с. 35]. Однако толкование норм Закона о ЦФА позволяет сделать вывод, что данные объекты не могут быть отнесены к цифровым финансовым активам.

Согласно п. 2 ст. 1 Закона о ЦФА, цифровые финансовые активы – это цифровые права, которые включают: денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим ФЗ, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы.

Так же, как и в случае иных видов цифровых прав, выпуск, учет и обращение цифровых финансовых активов возможно только в информационной системе согласно нормам законодательства и правилам, установленным для данной информационной системы. Данные правила утверждаются оператором такой системы на основании требований Закона о ЦФА.

Ст. 5 Закона о ЦФА устанавливает требования к оператору информационной системы. Он должен быть включен Банком России в реестр операторов информационных систем. Примечательно, что оператором может выступать только юридическое лицо, личным законом которого является российское право. Данная формулировка

представляет особый интерес, поскольку категория личного закона свойственна для определения «национальности» и объема правосубъектности юридических лиц в отношениях с иностранным элементом. Таким образом законодатель сужает круг лиц, которые могут быть зарегистрированы в качестве операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск и оборот цифровых финансовых активов.

Выпуск цифровых финансовых активов возможен только в порядке, предусмотренном законом. Их учет осуществляется посредством внесения записи в информационную систему. Внесение таких записей, как и их изменение, осуществляется по указанию лица, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, владельца цифровых финансовых активов, а в предусмотренных законом случаях – иных лиц в силу действия, совершенного в рамках сделки. Стоит отметить, что, если прекращается обязательство, удостоверенное цифровыми финансовыми активами, соответствующие записи в информационной системе должны быть погашены.

Таким образом, цифровые финансовые активы также имеют достаточно ограниченное содержание и закрепляют преимущественно корпоративные права, которые существуют только в пределах информационной системы. Они обладают теми же характерными чертами, что и иные цифровые права – обладают двойственной природой (закрепляют право на запись и конкретное право), существуют только внутри информационной системы, их выпуск и оборот осуществляется в соответствии с правилами информационной системы и требованиями закона.

Данный вид цифровых прав также является ограниченно оборотоспособным, так как для приобретения статуса обладателя цифровых финансовых активов лицо должно быть включено в реестр пользователей информационной системы, в которой размещены цифровые финансовые активы, а также иметь уникальный код для доступа к этой системе. Более того, приобретение некоторых видов цифровых финансовых активов (определяется Банком России) возможно только для квалифицированных инвесторов.

На основании этих черт можно отграничить цифровые финансовые активы и цифровую валюту. Под последней Законом о ЦФА понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

В связи с появлением легального термина цифровой валюты возникает вопрос, можно ли поставить знак равенства между ним и криптовалютами, которые приобретают такую популярность в последнее время? И можем ли мы руководствоваться положениями данного закона для определения правового режима таких криптовалют, как, например, биткоин, USD Coin, Ethereum, e-money и прочие. Вопрос о соотношении цифровых финансовых активов, цифровой валюты и криптовалют как на терминологическом, так и на содержательном уровне активно обсуждается в док-

трине. Так, Ю. В. Брисов и А. А. Победкин указывают, что выпуск криптовалюты, в отличие от цифровых финансовых активов, не регулируется нормами закона о ЦФА, а оборот цифровой валюты осуществляется «... в децентрализованном реестре без каких-либо посредников и ответственных лиц» [8, с. 50].

Т. П. Подшивалова, Е. В. Титова, Е. А. Громова отмечают, что цифровые деньги «... не относятся ... к цифровым правам, а следовательно, к имуществу. Исключения составляют отношения в сфере несостоятельности (банкротства), исполнительного производства, противодействия коррупции и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» [9, с. 553].

По нашему мнению, цифровые валюты стоит отграничивать от цифровых финансовых активов ввиду очевидной разницы, заложенной законодателем, однако вопрос о непризнании их в качестве имущества является открытым. Так, например, в настоящее время находится на стадии принятия законопроект №270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля», который будет официальной цифровой валютой Центрального банка РФ. Законопроектом планируется создание платформы цифрового рубля, функционирование которой возлагается на Банк России. Физические и юридические лица – пользователи данной платформы смогут открывать цифровые счета (кошельки), где будут храниться цифровые рубли, а также совершать в рамках данной платформы различные операции с ними.

Сопутствующим законопроектом № 270852-8 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» предлагается внести изменения также в ГК РФ, в частности, признать цифровой рубль безналичными денежными средствами. Принятие данных законов будет означать, что цифровая валюта также выступает в качестве объекта гражданских прав, а именно, к «иному имуществу», согласно терминологии ст. 128 ГК РФ.

Разграничение понятий криптовалют, цифровых валют и цифровых финансовых активов содержится также в докладе для общественных консультаций Банка России «Криптовалюты: тренды, риски, меры» от 2022 г. В нем отмечается, что криптовалюты «включают цифровые валюты в соответствии с Федеральным законом от 31.08.2020 № 259-ФЗ, а также цифровые финансовые активы, которые могут использоваться в иностранной юрисдикции для платежей» [10, с. 6].

Исходя из доклада, можно сделать вывод, что стейблкоины, биткоины и аналогичные криптовалюты эмитируются неопределенными лицами или частными компаниями, и поэтому считаются необеспеченными ввиду отсутствия законодательной регламентации и контроля со стороны государства за процессами, связанными с их выпуском и оборотом. Система eMoney может быть отнесена к категории электронных денег, выступает как альтернатива наличным денежным средствам, выпущенная частным эмитентом. В настоящее время находится за пределами правового поля и не может быть отнесена ни к цифровой валюте, ни к цифровым финансовым активам.

Поскольку законодатель не регламентирует вопросы, связанные с выпуском и оборотом цифровых валют (за исключением цифрового рубля, законодательство о котором находится на стадии принятия), можно заключить, что деятельность различных криптобирж, криптообменников, P2P-платформ и прочих лиц остается за

пределами правового регулирования, а следовательно, обладатели различных видов криптовалют не могут защитить свои права и интересы, связанные с данными объектами. Существуют определенные риски, связанные с возможностью утраты сбережений, вложенных в криптовалюты, невозможностью точного определения ценности данных валют, что обусловлено зависимостью цен на их приобретение от текущего спроса на рынке, существования различных мошеннических схем и иной нелегальной деятельности, осуществляемой в сфере оборота необеспеченных криптовалют и криптоактивов.

И хотя существует судебная практика по признанию законным внесения в уставный капитал биткоина в 2019 г., говорить о легализации таких объектов и надлежащей регламентации отношений, связанных с оборотом криптовалют, не приходится.

Можно сделать вывод, что существующее правовое регулирование института цифровых прав имеет весьма ограниченную сферу применения и не распространяется на большое количество объектов, которые явились результатом цифровизации и развития информационных технологий, существуют в виртуальном пространстве и представляющих определенный интерес для участников гражданского оборота (виртуальное имущество, NFT-объекты, аккаунты и т.д.). Наиболее детально урегулирован в законодательстве механизм возникновения, оборота и прекращения утилитарных цифровых прав, вследствие чего последние могут использоваться в инвестиционных платформах как инструмент инвестирования. Свою регламентацию также получили отношения, связанные с выпуском и оборотом цифровых финансовых активов.

Тем не менее, в доктрине не сформировалось единого представления относительно сущности цифровых прав, поскольку существует некая двойственность их правовой природы – с одной стороны, прав на само цифровое право (запись в информационной системе на основе распределенного реестра), а также прав, закрепляемых данным цифровым правом (прав требования, корпоративных прав и т.д.). При этом механизм регулирования цифровых прав делает их ограниченно оборотоспособными и зависящими от наличия доступа к информационной системе, в которой они расположены, а также правил самой этой системы. Примечательно, что ГК РФ подразумевает под цифровым правом «обязательственное или иное право», что означает возможность дальнейшего расширения перечня тех объектов и тех прав, которые удостоверяются посредством цифрового права.

Список литературы:

1. Рожкова М. А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Вып. 4 (38). – С. 29-39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.
2. Сулова С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С.И. Сулова, У.Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 11-15.
3. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве / В.П. Камышанский // Власть Закона. – 2019. – № 1 (38). – С. 14-18.
4. Суханов Е.А. Гражданское право: в 4 т. / Е.А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – Т. 1: Общая часть. – 720 с.
5. Некоторые проблемы гражданско-правового оборота цифровых прав / А.С. Степанян // Журнал «Законы России: опыт, анализ, практика». – № 7. – 2020. – С. 27-31.
6. О. М. Шевченко. Цифровое свидетельство – новый вид ценной бумаги // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – № 7. – 2020. – С. 76-82.
7. Криптовалюта, цифровые финансовые активы, цифровые права: терминологическое многообразие в процессе формирования правовой действительности / Ю. К. Цареградская // Журнал «Международный научно-практический журнал «Право и цифровая экономика». – 2021. – № 2. – С. 32-38.

8. Правовой режим NFT (non-fungible token) в России: как работать в отсутствие специального законодательного регулирования? / Ю. В. Брисов, А. А. Победкин // Сетевое издание «Цифровое право (Digital Law Journal)». – 2022. – № 1. Том 3. – С. 44-66.

9. Право цифровой среды: монография / под. ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва: Проспект, 2022. – 896 с.

10. Криптовалюты: тренды, риски, меры // Доклад Банка России для общественных консультаций. – Москва, 2022. [Электронный ресурс]. URL:

http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения 28.03.2023).

Dmitrienko A. Y. Some aspects of the regulation of digital rights in domestic legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 356–354.

The article discusses the question of exploring the essence of the concept “digital rights”, determines the main features of digital rights as a new object of civil law. The duality of its legal nature is emphasized - as rights to the digital right itself (an entry in an information system based on a distributed registry), as well as rights fixed by this digital right (claim rights, corporate rights). The article analyzes the legislation regulating issuance, accounting and circulation of the utility digital rights, digital financial assets and distinguishes the latter and related terms: digital currency, cryptocurrency, tokens etc. A conclusion is made that digital rights are objects in limited circulation as the possibility of performing transactions with digital right depends on the right holder’s access to the information system where this right is located as well as the rules of its system itself. It is noted that the current legal regulation is insufficient and does not cover the entire list of objects that have been created as a result of rapidly occurring digitalization processes and that are of interest to participants of public relations. Further improving of the legislation on digital rights is suggested.

Key words: digital rights, digital financial assets, token, distributed ledger, paperless securities, digital certificate, information systems operator.

Spisok literary:

1. Rozhkova M. A. NFT i inye tokeny: pravo na zapis' i pravo iz zapisi // ZHurnal Suda po intellektual'nym pravam. – 2022. – Vyp. 4 (38). – S. 29-39. DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.

2. Suslova S. I. Ob'ekty grazhdanskih prav v usloviyah formirovaniya informacionnogo prostranstva Rossii / S.I. Suslova, U.B. Filatova // Prolog: zhurnal o prave. – 2019. – № 2. – S. 11-15.

3. Kamyshanskij V. P. O cifrovoj tekhnologii i cifrovom prave / V.P. Kamyshanskij // Vlast' Zakona. – 2019. – № 1. – S. 14-18.

4. Suhanov E.A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. / E.A. Suhanov. – M.: Volters Kluver, 2006. – Т. 1: Obshchaya chast'. – 720 s.

5. Nekotorye problemy grazhdansko-pravovogo oborota cifrovyyh prav / A.S. Stepanyan // ZHurnal «Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika». – № 7. – 2020. – S. 27-31.

6. O. M. Shevchenko. Cifrovoe svidetel'stvo – novyj vid cennoj bumagi // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA). – № 7. – 2020. – S. 76-82.

7. Kriptovalyuta, cifrovye finansovye aktivy, cifrovye prava: terminologicheskoe mnogoobrazie v processe formirovaniya pravovoj dejstvitel'nosti / YU. K. Caregradskaya // ZHurnal «Mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Pravo i cifrovaya ekonomika». – 2021. – № 2. – S. 32-38.

8. Pravovoj rezhim NFT (non-fungible token) v Rossii: kak rabotat' v otsutstvie special'nogo zakonodatel'nogo regulirovaniya? / YU. V. Brisov, A. A. Pobedkin // Setevoe izdanie «Cifrovoe pravo (Digital Law Journal)». – 2022. – № 1. Том 3. – С. 44-66.

9. Pravo cifrovoj sredy: monografiya / pod. red. Т.П. Podshivalova, E.V. Titovoj, E.A. Gromovoj. – Moskva: Prospekt, 2022. – 896 s.

10. Kriptovalyuty: trendy, riski, mery // Doklad Banka Rossii dlya obshchestvennyh konsul'tacij. – Moskva, 2022. [Elektronnyj resurs]. URL:

http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (data obrashcheniya 28.03.2023).

УДК 347.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНСТИТУТА ДИФФАМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Казарян К. В.

Донской государственный технический университет

Автор в статье рассматривает особенности правового регулирования института «диффамации». Категория «гражданско-правовой диффамации» имеет комплексный и неоднозначный характер, требует дальнейшей теоретической разработки и значительное количество проблем в правовом регулировании данного явления. Действующее конституционное законодательство в отличие от предыдущих редакций Основного закона выделяет группу высших социальных ценностей, среди которых жизнь, здоровье и иные, в том числе честь и достоинство. Нормы отечественного гражданского права, развивая положения Конституции РФ также закрепляют группу прав с помощью которых осуществляется социальное функционирование личности. В рамках исследования автор отмечает пробельность в сфере правового регулирования таких абстрактных понятий как «честь» и «достоинство» и «нематериальные блага» и при этом многие пробельные и коллизионные аспекты возникли в следствии отсутствия группировки, классификации нематериальных благ. Автор исходя из теоретико-правового анализа научной литературы, а также с учетом имеющейся правоприменительной практики формулирует дефиницию диффамации в гражданско-правовом смысле, с выделением структурных элементов, признаков, особенностей. Правовая природа диффамации состоит в совершении правонарушения объективная сторона которого подразумевает распространение любым способом сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию субъекта. В судебном процессе по данной категории дел субъекты доказывания процессе доказывания в рамках защиты чести, достоинства и деловой репутации необходимо установить четкую причинную связь между распространением таких фактов и присутствие такого вида вреда. Это неперемнное условие процедуры доказывания в делах о диффамации. В заключении автор приходит к выводу о том, что институт именно гражданско-правовой диффамация вы выступает надежным средством защиты прав и законных интересов субъектов правоотношения в соответствии со ст. 152 ГК РФ.

Ключевые слова: диффамация, сведения, честь, достоинство, деловая репутация, распространение, суд, гражданское законодательство, правоприменительная практика.

Диффамация представляет собой достаточно известную в юридическом мире явление, суть которого состоит в совершении правонарушения объективно сторона которого подразумевает распространение любым способом сведений, не соответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию субъекта» [1, с. 255]. Состав указанного правонарушения «известен еще римскому праву, а затем данная категория распространилась по всему миру, приобретая определенную специфику в зависимости от различных национальных правовых систем, в том числе и в российском праве.» [1, с. 257].

В абз. 5 п. 1 Постановления Пленума ВС РФ N 3 указано, что «используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса РФ» [2].

Действующее отечественное право не содержит дефиниции «диффамация», хотя сам термин используется либо в науке гражданского права, либо в сравнительно-правовых исследованиях.

В научном мире отсутствует единство понимания содержания правонарушения «диффамация». Например, «некоторые ученые понимают под ней распространение соответствующих действительности порочащих сведений» [3, с.178]; иные авторы «толкуют ее достаточно широко (как распространение любых порочащих сведений), в том числе как распространение соответствующих действительности порочащих сведений» [4, с.17-21].

О.Ш. Аюпов предлагает «именовать распространение любых не соответствующих действительности сведений (п. 10 ст. 152 ГК РФ) "усеченной диффамацией"» [5, с. 68]. С.В. Потапенко в свою очередь отмечает, что: «под диффамацией распространение не только не соответствующих действительности порочащих сведений, но и любых других не соответствующих действительности сведений, содержащееся в ст. 152 ГК РФ» [6, с.30-36].

Разделяя концепцию широкого подхода «диффамации» необходимо помнить, что само явление состоит в распространении именно порочащих сведений, сведений не соответствующих действительности. В ногу с этой мыслью действует российская правоприменительная практика, поскольку в абз. 5 п. 1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [2], смысл которого относительно диффамации состоит в том, что ключевым аспектом диффамации как правонарушения является признак ложности распространяемых сведений.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» ясно сказано, что «неправдивость сведений — это основной признак данного правонарушения».

Действующее российское право выделяет в зависимости от степени тяжести и особенностей конструкции состава правонарушения уголовно-правовую диффамацию-клевета, диффамацию как административное правонарушение, а также диффамацию гражданско-правового характера по сути своей совпадающей с исследуемой в магистерской диссертации категорией.

Диффамацию в гражданско-правовом смысле представляется возможным охарактеризовать «в качестве деликта несущего в объективной стороне распространения информации о субъекте не соответствующее объективной истине и наносящее ущерб честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц»[7].

В конструкции деликта, по мнению ряда исследователей представляется возможным выделить «ряд важнейших составляющих: «факт распространения сведений; несоответствие сведений действительности; порочащий характер сведений» [8, с. 243-266]; «распространенные сведения должны касаться конкретного лица, которое само инициирует процесс защиты своего права (за некоторыми исключениями)»; «распространенные сведения должны представлять собой утверждения о фактах, а не быть мнениями, оценочными суждениями, гипотезами и т.п.; «отсутствие "привилегий", освобождающих от ответственности за диффамацию в отношении тех сведений, которые формально могут содержать все признаки диффамации, но не являться диффамационными в силу закона» [9, с. 39-47].

Хотелось бы отметить, что седи составляющих объективной стороны деликта перечисленные первыми представляют собой базовые компоненты объективной стороны деликта, а оставшиеся половина элементов может лишь детализировать состав деликта [10].

Обращение к нормам ст.152 ГК РФ допускает случаи присутствия в объективной стороне деликта указанных базовых и вторичных элементов состава, а также требует наличие иных составляющих деликта. При этом «для большинства способов защиты необходимо, чтобы не соответствующие действительности порочащие сведения были распространены конкретным лицом (ответчиком), в этом плане на практике иногда возникают трудности (относительно вопроса о надлежащем ответчике» [11, с. 211-217].

В рамках гражданского судопроизводства по делу о диффамации должна быть недвусмысленно установлена причинно-следственная связь между распространением таких фактов и присутствие такого вида вреда. Это неременное условие процедуры доказывания в делах о диффамации.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» указано следующие описывающие институт «диффамации» как правонарушение:

1) «Под распространением сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, следует понимать опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу» [2]. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известными третьим лицам. То есть речь идет именно о публичном оглашении.

2) Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности ввремя, к которому относятся оспариваемые сведения. Соответственно решающее значение приобретает объективная сторона деликта в отличие от субъективной стороны. Одной из особенностей доказывания в деле о диффамации является презумпция доброго имени чести и достоинства истца [12, с. 37]. Необходимо отметить, что п. 7 Обзора Верховного Суда РФ от 16.03.2016, «не требуется доказывать соответствие действительности каждого отдельно взятого слова или фразы в оспариваемом высказывании. Ответчик обязан доказать соответствие действительности оспариваемых высказываний с учетом буквального значения слов втексте сообщения. Установление того, какие утверждения являются ключевыми, осуществляется судом при оценке сведений в целом» [13].

3) Порочащими, в частности, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной,

общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

«Признак порочности – ключевой имманентный признак диффамации, который предполагает изложение информации о нарушении лицом норм права или норм морали и этики, а также обязательное последствие в виде умаления» [14, с. 43-54] чести и достоинства гражданина или деловой репутации гражданина, юридического лица» [2]. Перечень порочащих сведений, перечисляемых в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», не является закрытым.

Бремя доказывания истинности лежит на инициаторе процесса.

4) Исследуемый деликт может в объективной стороне содержать распространение абстрактной информации, она должна быть четко связана любым способом, но чаще всего это указание на средства индивидуализации гражданско-правового и хозяйственно-правового характера» [15, с. 75-77].

5) «Немаловажным является то, что распространенные сведения должны представлять собой утверждения о фактах, а не быть мнениями, оценочными суждениями, гипотезами и т.п.» [8]. Указанные обстоятельства представляет собой один из сложнейших аспектов судебного разбирательства поскольку судья обязан либо отнести сведения к оценочным суждениям или мнениям, либо принять решение о том, что это именно являются порочащими сведениями. В рамках принятия данного решения возможно назначения различных видов лингвистических экспертиз, позволяющих несмотря на все примененные обороты четко идентифицировать исследуемые высказывания.

Вместе с тем необходимо отметить, что как факты порочащие честь и достоинства, так и субъективное мнение, содержащее оскорбительные сведения в соответствии с правовыми позициями ВС РФ могут быть защищены с помощью норм ст. 152 ГК РФ. Также Гаврилов Е.В. указывает, что: «оскорбительный характер мнения не может являться условием для защиты чести, достоинства и деловой репутации по правилам ст. 152 ГК РФ» [16].

б) Составом деликта не образуют особые случаи распространения информации, указанные в ст. 57 ФЗ «О СМИ». Сложившееся правоприменительная практика и нормы действующего законодательства не содержат оснований для привлечения к соответствующему виду юридической ответственности в следующих случаях: а) сведения присутствуют в обязательных сообщениях; б) сведения получены от информационных агентств; в) сведения содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений; г) сведения являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов, делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений; д) сведения содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предваритель-

ной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с настоящим Законом; е) сведения являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим СМИ (за некоторым исключением), которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о СМИ; ж) «сведения в судебных решениях, приговорах, приказе об увольнении, иных официальных документах, для обжалования которых существует другой порядок» [9]; з) «сведения в обращениях в государственные органы, кроме случаев злоупотребления правом» [9]; и) «показания сторон, свидетелей, лиц в судебном разбирательстве относительно друг друга» [9].

Таким образом, если имеет место все элементы деликта диффамации сторона чести, достоинству и деловой репутации которой нанесен ущерб вправе осуществлять различные способы защиты своих нарушенных прав.

Исследуя категорию «гражданско-правовой диффамации» представляется возможным отметить ее комплексный и неоднозначный характер необходимость дальнейшей теоретической разработки и значительное количество проблем в правовом регулировании данного явления.

Представляется очевидным, что институт именно гражданско-правовой диффамации вы выступает надежным средством защиты прав и законных интересов субъектов правоотношения в соответствии со ст. 152 ГК РФ.

Список литературы:

1. Гаврилов Е.В. К вопросу о понятиях диффамации и гражданско-правовой диффамации в российском праве // Материалы XVII всероссийской национальной научно-практической конференции «Проблемы формирования правового социального государства в современной России». Новосибирск, 2021 Издательство: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета "Золотой колос". - С.255-257; Потапенко С.В. Диффамационное право: гражданско-правовой аспект: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности 030501 (Юриспруденция). Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Кatanова, 2007. - С. 5.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 4. 2005.
3. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, частям первой, второй, третьей / под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Ю. Кабалкина, А.Г. Лисицына-Светланова; Ин-т государства и права РАН. М.: Юрайт-Издат, 2008. С. 178 (автор комментария - Г.М. Резник); Гражданское право: в 4 т. Т. II. Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. - М., 2005. - С. 421 (автор главы - А.Е. Шерстобитов); Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учеб.-практич. комментарий (постатейный) / под ред. А.П. Сергеева. - М., 2010.
4. Каменева З.В. Диффамация и ее признаки // Адвокат. 2014. N 7. С. 17-21; Самородов Д.А. Достоверная диффамация и гражданско-правовая ответственность за нее // Юрист. 2001. N 8. С. 17-19; Чутов С.А. Распространение порочащих сведений (диффамация) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. - N 8. - С. 75-77.
5. Аюпов О.Ш. Защита деловой репутации юридического лица от диффамации в гражданском праве России: дис канд. юрид. наук. - Томск, 2013. -С. 68.
6. Потапенко С.В. Проект постановления Пленума Верховного суда РФ "О внесении изменений в постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 40-летию университета, Краснодар, 16 февраля 2017 года. Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2017. - С. 30-36.
7. Климовский С. С. Эвикция и виндикация в контексте проблемы конкуренции исков. Электронный ресурс https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/30_2.pdf (дата обращения 02.03.2023)

8. Гаврилов Е.В. Защита права на деловую репутацию по гражданскому законодательству Российской Федерации (в контексте диссертационного исследования Н.Н. Парыгиной). // Вестник гражданского права. - №5. - 2019. - С.243-266
9. Гаврилов Е.В. Добрая память об умершем человеке как нематериальное благо в гражданском праве Российской Федерации и зарубежных стран // Гражданин и право. - 2014. - N 9. - С. 39-47
10. Гаврилов Е.В. Гражданско-правовая диффамация как гражданско-правовое нарушение [Электронный ресурс] / Режим оступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=1441&id=4>(дата обращения 02.03.2023)
11. Гаврилов Е.В. О новейшей практике Верховного Суда РФ по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, опорооченных в сети Интернет // Пермский юридический альманах. - 2019. - N 2. - С. 211-217.
12. Тельнова А. В. Репутация как нематериальное благо Российской Федерации и ее гражданско-правовая защита от диффамации. Диссертация на соискание степени к.ю.н. - М., 2022. - С.37
13. "Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016). // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 10, 2016
14. Кольяков А.М. Особенности рассмотрения судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации на современном этапе // право и современные государства. - №3. - 2015. - С.43-54
15. Гаврилов Е.В. Умаление деловой репутации юридического лица при распространении ложных сведений о коммерческом обозначении // Реализация конституционных принципов в современном законодательстве России // Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (8 декабря 2016 года). - Махачкала: Издательский дом "Наука плюс", 2016. - С. 75-77.
16. Гаврилов Е.В. Компенсация нематериального (репутационного) вреда как способ защиты деловой репутации юридических лиц: монография (Гаврилов Е.В.). – М. "Юстицинформ", 2022 г.- 351 с.
17. Трифонова К.В., Волкова И.Ю. Особенности защиты чести и достоинства в зарубежных странах: системный анализ. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. -Т.9. - №1. - С.245-252.

Kazaryan K. V. On the question of legal regulation of the institute of defamation in civil law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 365-371.

The author in the article considers the features of the legal regulation of the institution of "defamation". The category of "civil defamation" is complex and ambiguous, requires further theoretical development and a significant number of problems in the legal regulation of this phenomenon. The current constitutional legislation, unlike previous editions of the Basic Law, singles out a group of higher social values, including life, health and others, including honor and dignity. The norms of domestic civil law, developing the provisions of the Constitution of the Russian Federation, also fix a group of rights with the help of which the social functioning of the individual is carried out. As part of the study, the author notes a gap in the sphere of legal regulation of such abstract concepts as "honor" and "dignity" and "intangible benefits", and at the same time, many gaps and conflicting aspects arose as a result of the lack of grouping, classification of intangible benefits. Based on the theoretical and legal analysis of scientific literature, as well as taking into account the existing law enforcement practice, the author formulates a definition of defamation in the civil law sense, highlighting structural elements, signs, and features. The legal nature of defamation consists in committing an offense, the objective side of which implies the dissemination by any means of information that does not correspond to reality, discrediting the honor, dignity and business reputation of the subject. In litigation in this category of cases, the subjects of proving the process of proving in the framework of protecting honor, dignity and business reputation must establish a clear causal relationship between the spread of such facts and the presence of this type of harm. This is an indispensable condition of the evidentiary procedure in defamation cases. In conclusion, the author comes to the conclusion that the institution of civil defamation is a reliable means of protecting the rights and legitimate interests of subjects of legal relations in accordance with Art. 152 of the Civil Code of the Russian Federation.

Key words: defamation, information, honor, dignity, business reputation, dissemination, court, civil law, law enforcement practice.

Spisok literaturi:

1. Gavrilov Ye.V. K voprosu o ponyatiyakh diffamatsii i grazhdansko-pravovoy diffamatsii v rossiyskom prave. // Materialy XVII vserossiyskoy natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy formirovaniya pravovogo sotsial'nogo gosudarstva v sovremennoy Rossii». Novosibirsk, 2021 Izdatel'stvo: Izdatel'skiy tsentr Novosibirskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta "Zolotoy kolos".- S.255-257; Potapenko S.V. Diffamatsionnoye pravo: grazhdansko-pravovoy aspekt: uchebnoye posobiye dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030501 (Yurisprudentsiya). Abakan: Izdatel'stvo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2007. - S. 5.

2. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 N 3 "O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits" // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. N 4. 2005
3. Postateynyy kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chastyam pervoy, vtoroy, tret'ey / pod red. T.Ye. Abovoy, M.M. Boguslavskogo, A.YU. Kabalkina, A.G. Lisitsyna-Svetlanova; In-t gosudarstva i prava RAN. M.: Yurayt-Izdat, 2008. S. 178 (avtor kommentariya - G.M. Reznik); Grazhdansko-ye pravo: v 4 t. T. II. Veshchnoye pravo. Nasledstvennoye pravo. Isklyuchitel'nyye prava. Lichnyye neimushchestvennyye prava: uchebnik / otv. red. prof. Ye.A. Sukhanov. 3-ye izd., pererab. i dop. - M., 2005. - S. 421 (avtor glavy - A.Ye. Sherstobitov); Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Chast' pervaya: ucheb.-praktich. kommentariy (postateynyy) / pod red. A.P. Sergeyeva. - M., 2010
4. Kameneva Z.V. Diffamatsiya i yeye priznaki // Advokat. 2014. N 7. S. 17-21; Samorodov D.A. Dostovernaya diffamatsiya i grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za neye // Yurist. 2001. N 8. S. 17-19; Chutov S.A. Rasprostraneniye porochashchikh svedeniy (diffamatsiya) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2008. - N 8. - S. 75-77.
5. Ayupov O.SH. Zashchita delovoy reputatsii yuridicheskogo litsa ot diffamatsii v grazhdanskom prave Ros-sii: dis kand. yurid. nauk. - Tomsk, 2013. - S. 68.
6. Potapenko S.V. Proyekt postanovleniya Plenuma Verkhovnogo suda RF "O vnesenii izmeneniy v postanovleniye Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 24 fevralya 2005 g. N 3 "O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan, a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits" // Aktual'nyye problemy razvitiya grazhdanskogo prava i grazhdanskogo protsesssa: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 40-letiyu universiteta, Krasnodar, 16 fevralya 2017 goda. Krasnodar: Federal'noye gosudarstvennoye kazennoye obrazovatel'noye uchrezhdeniye vysshego professional'nogo obrazovaniya "Krasnodarskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii", 2017. - S. 30-36.
7. Klimovskiy S. S. Eviktsiya i vindikatsiya v kontekste problemy konkurentsii iskov.Elektronnyy resurs https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2009/30_2.pdf (data obrashcheniya 02.03.2023)
8. Gavrillov Ye.V. Zashchita prava na delovuyu reputatsiyu po grazhdanskomu zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii (v kontekste dissertatsionnogo issledovaniya N.N. Paryginoy) // Vestnik grazhdanskogo prava. - №5. - 2019. - S.243-266
9. Gavrillov Ye.V. Dobraya pamyat' ob umershem cheloveke kak nematerial'noye blago v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stran // Grazhdanin i pravo. - 2014. - N 9. - S. 39-47
10. Gavrillov Ye.V. Grazhdansko-pravovaya diffamatsiya kak grazhdansko-pravovoye narusheniye [Elektronnyy resurs] / Rezhim ostupa: <https://justicemaker.ru/view-article.php?art=1441&id=4>(data obrashcheniya 02.03.2023)
11. Gavrillov Ye.V. O noveyshey praktike Verkhovnogo Suda RF po delam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii, oporochennykh v seti Internet // Permskiy yuridicheskiy al'manakh. - 2019. - N 2. - S. 211-217.
12. Tel'nova A. V. Reputatsiya kak nematerial'noye blago Rossiyskoy Federatsii i yeye grazhdansko-pravovaya zashchita ot diffamatsii. Dissertatsiya na soiskaniye stepeni k.yu.n. - M., 2022. - S.37
13. "Obzor praktiki rassmotreniya sudami del po sporam o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii" (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 16.03.2016) // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. N 10, 2016
14. Kol'yakov A.M. Osobennosti rassmotreniya sudami del o zashchite chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii na sovremennom etape. // pravo i sovremennyye gosudarstva. - №3. - 2015. - S.43-54
15. Gavrillov Ye.V. Umaleniye delovoy reputatsii yuridicheskogo litsa pri rasprostranении lozhnykh svedeniy o kommercheskom oboznachenii // Realizatsiya konstitutsionnyy printsipov v sovremennom zakonodatel'stve Rossii // Sbornik materialov V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (8 dekabrya 2016 goda). - Makhachkala: Izdatel'skiy dom "Nauka plus", 2016. - S. 75-77.
16. Gavrillov Ye.V. Kompensatsiya nematerial'nogo (reputatsionnogo) vreda kak sposob zashchity delovoy reputatsii yuridicheskikh lits: monografiya (Gavrillov Ye.V.). - M. "Yustitsinform", 2022 g.- 351s
17. Trifonova K.V., Volkova I.Yu. Features of protection of honor and dignity in foreign countries: system analysis. // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. - T.9. - №. 1. - Pp. 245-252.

УДК 347

К ВОПРОСУ О NUMERUS CLAUSUS КОСВЕННЫХ ИСКОВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ

Кипаренко А. Ю.

Санкт-Петербургское Адвокатское Бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры»

В статье анализируется устоявшийся в российском гражданском праве принцип закрытого перечня (*numerus clausus*) косвенных исков участников корпорации. В работе отмечается, что российская литература не содержит глубокой дискуссии как по вопросу о целесообразности введения закрытого перечня таких исков, так и относительно обоснованности предоставления участникам корпорации права на предъявление только двух видов требований – о взыскании убытков с менеджмента и контролирующих лиц компании и об оспаривании совершенных компанией сделок по корпоративным основаниям. Анализ аргументов показывает, что в пользу сохранения сложившегося режима косвенных исков акционеров приводятся доводы о необходимости поддержания автономии корпорации как субъекта, способного самостоятельно защищать свои интересы в судебном порядке, а в пользу исключения принципа *numerus clausus* или расширения перечня доступных акционерам видов исков – соображения эффективности защиты прав участников корпорации. Автор приходит к выводу о необходимости предоставления участникам корпорации права на предъявление виндикационного иска в интересах компании, а также к выводу о возможности расширения имеющегося перечня косвенных исков участников корпорации, что допустимо за счет установления дополнительных требований и ограничений качественного или процедурного характера к их предъявлению.

Ключевые слова: косвенный иск, иск акционера, требование участника корпорации, закрытый перечень исков, виндикационный иск акционера, оспаривание сделок общества, корпоративный конфликт, производный иск, судебная защита корпорации, защита прав акционеров.

Действующее законодательство основывается на правиле о закрытом перечне (*numerus clausus*) разновидностей косвенных исков участников (акционеров) корпорации, суть которого сводится к тому, что участник может предъявить такой иск лишь постольку, поскольку возможность его предъявления предусмотрена законом.

Из статьи 65.2 ГК РФ следует, что доступными разновидностями косвенных исков участников корпорации по предмету исковых требований являются либо иски о взыскании убытков с органов управления корпорации или иных контролирующих лиц (ст. 53.1 ГК РФ), либо иски о признании сделки недействительной и применении последствий такой недействительности по основаниям, предусмотренным ст. 174 ГК РФ либо специальными законами об отдельных видах корпораций.

Примечательно, что обоснованность как самого существования правила о закрытом перечне косвенных исков участников корпорации, так и его конкретной конфигурации в российском гражданском праве, не была предметом серьезных дискуссий в отечественной литературе. В то же время отдельными авторами констатируется такая особенность российского правопорядка и отмечается отсутствие адекватного обоснования такого законодательного решения [1].

Лишь некоторыми исследователями высказывается конкретная позиция относительно необходимости существования правила закрытого перечня исков участников корпорации. Те авторы, которые указывают на целесообразность сохранения данного режима, говорят о необходимости соблюдения принципа автономии юридического лица как самостоятельного субъекта правоотношений и недопустимости неоправданного вмешательства в его деятельность [2]. Напротив, авторы, высказыва-

ющиеся против данного принципа либо голосующие за расширение перечня косвенных исков, указывают на то, что это повысило бы эффективность судебной защиты интересов участников корпораций [3].

подавляющее большинство судебных актов также свидетельствует о жестком действии правила *numerus clausus* таких исков – суды обычно отказывают в удовлетворении непоименованного в законе косвенного иска члена корпорации со ссылкой на отсутствие у истца субъективного права на иск.

Наглядным примером будут постановления 20-го [4] и 15-го [5] арбитражных апелляционных судов, в которых содержится вывод о невозможности удовлетворения косвенного иска акционера о vindикации имущества в пользу корпорации в связи с отсутствием указания на право предъявления такого иска в законе.

Кроме того, практика судов свидетельствует об ограничении видов предъявляемых участниками корпораций косвенных исков не только по предмету, но и по основаниям такого иска. То есть, несмотря на то, что закон разрешает акционерам предъявлять иски об оспаривании сделок, такое оспаривание, по мнению большинства судов, возможно только по тем основаниям, которые прямо поименованы в законе в качестве возможных оснований косвенного иска участника корпорации.

Например, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд отказал акционеру общества в признании недействительным сделки в виде дополнительного соглашения к договору, поскольку такое оспаривание осуществлялось «не по корпоративным основаниям» [6].

Иностранный опыт, в частности практика таких юрисдикций как США и Соединенное Королевство, к заслуге которых относят возникновение и распространение института косвенного иска участника корпорации, демонстрирует обратную ситуацию – законодательством определено либеральное отношение к содержанию доступного акционеру арсенала средств защиты интересов корпорации, что выражается в возможности предъявлять любые (за незначительными исключениями) требования от имени корпорации и в целях восстановления прав (*relief*) последней [7; 8].

Приводя в пример схожую ситуацию с истребованием имущества в пользу корпорации по косвенному иску, что недоступно в российском правовом порядке, американский профессор F.Y. Roberts указывает на возможность предъявления акционерами иска, направленного на отыскание имущества компании путем применения изобретенного правом справедливости механизма конструктивного траста (*constructive trust*) [9], краткая суть которого заключается в признании недобросовестного приобретателя имущества компании ответственным за его сохранность, как будто приобретатель является доверительным управляющим имуществом компании, то есть трасти (*liable as a constructive trustee*), в результате чего компания наделяется правом на возврат своего имущества, находящегося во владении такого трасти [10].

Кроме того, пестрота доступных англосаксонской правовой семьей видов косвенных исков, по свидетельствам практикующих юристов, также подтверждается возможностью предъявления акционерами таких требований, как взыскание убытков в пользу компании, требование о смене органов управления компании (*governance reform*), требование о запрещении совершения определенных действий (*injunction*) и других требований [11].

Как указывалось, причины, по которым в России сложился такой строгий подход в виде ограничения видов косвенных исков акционеров, глубоко не аргументирова-

ны. Представляется, что для конструктивного анализа обоснованности действия принципа *numerus clausus* косвенных исков участников корпорации необходимо дать оценку целесообразности существования правила *numerus clausus* в целом, как фактически устоявшегося метода частноправового регулирования в отдельных сферах гражданского права, в особенности в вещно-правовых отношениях.

Одним из наиболее распространенных и авторитетных взглядов на концепцию *numerus clausus* признается подход гарвардского профессора Г. Смита, который, в свою очередь, основывался на трудах знаменитого немецкого пандектиста Ф.К. фон Савиньи [12]. Главная суть идеи ученого сводится к признанию необходимости ограничения законом количества ситуаций, в которых сторонами создаются правоотношения, имеющие эффект против третьих лиц, что необходимо для обеспечения правовой определенности и снижения информационных издержек участников оборота.

В то же время представляется, что экстраполяция описанной логики на ситуацию с косвенными исками акционеров была бы некорректной, поскольку смысл идей Г. Смита заключается в ограничении случаев создания принципиально новых, ранее не известных обороту прав и конструкций. В случае предъявления косвенного иска участник корпорации не изобретает нового, ранее не известного правовой системе вида притязания (требования), поскольку точно такой же иск по своему предмету и основанию мог бы быть предъявлен самим обществом, не способным это сделать, как правило, из-за бездействия недобросовестного менеджмента, что в принципе и является основанием для легитимации косвенного иска.

Иными словами, поскольку действующее регулирование основывается на представительском характере косвенного иска участника корпорации, следует признать, что *numerus clausus* косвенных исков участников корпорации означает не закрытый перечень исков как разновидностей материально-правовых требований, предъявляемых от имени корпорации, а скорее закрытый перечень случаев, когда участнику корпорации предоставляется право выступать в качестве законного представителя последней и предъявлять те или иные требования в её интересах.

В такой ситуации довод в пользу правовой определенности и снижения информационных издержек при предъявлении участником корпорации косвенного иска, как минимум, может быть подвергнут сомнению, поскольку остается непонятным, по какой причине ухудшается положение третьего лица, например, приобретателя имущества компании, к которому акционер предъявил косвенный иск о виндикации имущества, если приобретатель мог в принципе ожидать предъявления такого иска от самой компании, что особенно характерно в ситуации, когда меняется её руководство.

Кроме того, применительно к виндикационному притязанию, ограничение возможности предъявления такого иска кажется еще более сомнительным, с учетом того, что закон в принципе позволяет акционерам оспаривать сделки, в том числе направленные на отчуждение имущества общества. Поясним эту мысль подробнее.

Законодательство позволяет участникам корпорации бороться с недобросовестным выводом ее активов за счет оспаривания сделок компании как крупных или как совершенных с заинтересованностью, либо по общим правилам ст. 174 ГК РФ. В таком контексте совершенно непонятно, почему акционер не сможет добиться защиты интересов компании в схожей по сути ситуации вывода активов, если выве-

денный актив будет хотя бы один раз перепродан. Следует признать, что такое развитие событий предопределено рядом случайных или, как минимум трудно прогнозируемых, факторов – момент обнаружения сделки по выводу активов, оперативность предъявления иска, принятие судом обеспечительных мер и т.п.

Получается, что акционер, которому в известной степени повезло, и он успел предъявить иск и добиться принятия судом обеспечительных мер до перепродажи выведенного имущества, сможет оспорить сделки и вернуть отчужденный актив в пользу компании. Акционер же, не предъявивший иск вовремя, либо не сумевший добиться принятия судом обеспечительных мер, теряет право на иск о возврате имущества в пользу компании сугубо по формальным соображениям, поскольку закон не наделяет участника корпорации правом предъявлять косвенные иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Не может не радовать тот факт, что иногда судебная практика идет по пути преодоления описанной несправедливости путем удовлетворения иска акционера, несмотря на формальное отсутствие в законе права на его предъявление.

Так, Верховный Суд РФ в одном из своих определений довольно креативно подошел к ситуации, в которой участник корпорации подал иск о возврате в пользу компании неоднократно перепроданного имущества, указав на возможность удовлетворения такого иска не как виндикационного, а как иска, направленного на оспаривание цепочки сделок как единой притворной сделки, совершенной в целях недобросовестного вывода активов общества [13]. В то же время, с точки зрения существа отношений представляется, что Верховный Суд РФ допустил *de facto* виндикацию имущества, решив прямо не указывать на это путем манипуляции правовыми конструкциями.

Подобные ситуации изредка проявляются на практике в иных случаях предъявления участниками корпораций косвенных исков, содержащих требования, которые не предусмотрены законом в качестве доступных для истца по такому иску.

Например, в одном из своих постановлений Арбитражный суд Уральского округа отменил судебные акты нижестоящих судов в части отказа в удовлетворении косвенного иска участника корпорации о признании за ней права собственности на имущество, указав, что суды не должны ограничиваться формальным установлением наличия у истца права на предъявление такого косвенного иска, что не соответствовало бы задачам судопроизводства по эффективной защите нарушенных прав участников правоотношений [14].

Не менее революционной является практика Суда по интеллектуальным правам, который в одном из своих решений удовлетворил иск участника корпорации о признании актом недобросовестной конкуренции действий другой компании, имеющей схожее наименование, по регистрации товарного знака и приобретению исключительного права на данный товарный знак, относящийся к аналогичной продукции [15], при этом наличие права на подачу такого иска участником общества было объяснено бездействием второго участника, являющегося одновременно его директором, заинтересованным в совершении такого акта недобросовестной конкуренции. Президиум Суда по интеллектуальным правам согласился с данным решением.

Таким образом, опытным путем также подтверждается нерациональность слепого и безоговорочного применения во всех случаях правила о закрытом перечне косвенных исков участников корпорации, что может приводить к несправедливым по-

следствиям в виде отказа в защите реально нарушенных прав и законных интересов исключительно по формальным соображениям, не имеющим под собой адекватного догматического или политико-правового обоснования.

В то же время, кажется невозможным полное исключение принципа *numerus clausus* косвенных исков акционеров, что в противном случае чревато нивелированием юридического лица как гражданско-правовой конструкции, суть которой – участие в обороте хоть и через искусственного, но самостоятельного субъекта. Кажется очевидным, что предоставление участникам корпорации всей полноты власти по судебной защите корпорации, например, ничем не ограниченного права на предъявление договорных исков к контрагентам общества, приведет к анархии в системе управления корпорацией.

Окончательное определение перечня доступных участникам корпорации исков является сложной задачей политико-правового свойства, в основе принципа разрешения которой будет установление баланса между необходимостью предоставления участникам корпорации эффективных средств правовой защиты, с одной стороны, и необходимостью поддержания автономии воли корпорации в лице её органов управления, наделенных правом самостоятельно осуществлять защиту интересов корпорации в судебном порядке, с другой. Возможно, правильным подходом будет установление определенных процедурных ограничений при подаче отдельных видов косвенных исков акционером (например, голосование за подачу такого иска определенным количеством акционеров, неисполнение менеджментом корпорации требования акционера о подаче такого иска и т.п.).

Также не исключается возможность введения разного рода ограничений качественного характера для целей решения вопроса о предоставлении участнику корпорации права на предъявление того или иного косвенного иска (например, размер доли участия истца, цена иска, внедоговорной характер требований и др.).

Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения (виндикационный иск) был необоснованно исключен (а вернее, не включен) в перечень доступных участникам корпораций косвенных исков, поскольку преследуемый таким иском правовой интерес по возврату принадлежащего корпорации имущества не может быть защищен лишь в силу факта перепродажи вышедшего имущества, что выглядит нерациональным с учетом предоставленного участнику корпорации права на оспаривание сделок последней.

Список литературы:

1. Кузнецов А.А. Косвенные иски в корпоративном праве России: материально-правовой аспект // Закон. 2020. N 11 (СПС «Консультант Плюс»).
2. Бурачевский Д.В. Процессуальные средства защиты прав акционеров в арбитражном суде. (науч. ред. В.В. Ярков) // Инфотропик Медиа. 2011 (СПС «Консультант Плюс»).
3. Пучков В.О. Косвенный иск как средство защиты корпоративных прав в России и за рубежом: материально-правовые проблемы // Арбитражные споры. 2017. N 3.
4. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2014 по делу N А62-4887/2013.
5. Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13.05.2013 по делу N А53-24601/2012
6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2013 по делу N А56-79517/2012.
7. Васильева Т.А. Косвенный иск в цивилистическом процессе (сравнительно-правовое исследование). Статут. 2015 (СПС «Консультант Плюс»).
8. Boyle A.J. *Minority Shareholders Remedies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 279.
9. Roberts F. *The Propriety of a Lis Pendens in Constructive Trust Cases*. Seton Hall Law Review, 2008. Vol. 38: Iss. 1, Article 4.

10. Назыков А.Л. О vindикации имущества, отчужденного директором компании помимо ее воли, или в каких случаях действия директора не являются выражением воли компании (британский опыт для российской практики // Закон. 2013. N 1.
11. Sara Jane Shanahan. Corporate Counsel. August 25, 2010, N 4.
12. Smith H. The Property/Contract Interface. 101 Colum. L. Rev. 773 (2001).
13. Определение Верховного Суда РФ от 11.10.2022 N 307-ЭС22-6119 по делу N A26-8405/2022.
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.07.2018 N Ф09-2842/18 по делу N A60-48070/2017.
15. Решение Суда по интеллектуальным правам от 28.04.2022 по делу N СИП-4/2020.

Kiparenko A. Yu. On the question of numerus clausus indirect claims by members of the corporation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 372–377.

The article analyzes the well-established principle of a closed list (*numerus clausus*) of derivative suits of corporation participants in Russian civil law. The article notes that the Russian literature does not contain a deep discussion both on the reasonability of introducing a closed list of such suits, and on the validity of granting the corporation's participants the right to present only two types of claims – to recover losses from the management and controlling persons of the company and to challenge transactions on corporate grounds. The analysis of the arguments shows that in favor of maintaining the current regime of derivative suits of shareholders, arguments are given about the need to maintain the autonomy of the corporation as an entity capable of independently defending its interests in court, and in favor of excluding the principle of *numerus clausus* or expanding the list of types of suits available to shareholders – the effectiveness of protecting the rights of corporation participants. The author comes to the conclusion that it is necessary to grant the participants of the corporation the right to file a vindication suit in the interests of the company, as well as to the conclusion that it is possible to expand the existing list of derivative suits of the participants of the corporation, which is permissible by establishing additional requirements and restrictions of a qualitative or procedural nature.

Key words: derivative suit, a shareholder's suit, a corporation participant's claim, a closed list of suits, a shareholder vindication claim, challenging the company's transactions, a corporate conflict, a derivative claim, judicial protection of the corporation, protection of shareholders' rights.

Spisok literary:

- 1.Kuznecov A.A. Kosvennye iski v korporativnom prave Rossii: material'no-pravovoj aspekt // Zakon. 2020. N 11 (SPS «Konsul'tant Plyus»).
- 2.Burachevskij D.V. Processual'nye sredstva zashchity prav akcionerov v arbitrazhnom sude. (nauch. red. V.V. YArkov) // Infotropik Media. 2011 (SPS «Konsul'tant Plyus»).
- 3.Puchkov V.O. Kosvennyj isk kak sredstvo zashchity korporativnyh prav v Rossii i za rubezhom: material'no-pravovye problemy // Arbitrazhnye spory. 2017. N 3.
- 4.Postanovlenie Dvadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 25.09.2014 po delu N A62-4887/2013.
- 5.Pyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 13.05.2013 po delu N A53-24601/2012
- 6.Postanovlenie Trinadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 22.10.2013 po delu N A56-79517/2012.
- 7.Vasil'eva T.A. Kosvennyj isk v civilisticheskom processe (sravnitel'no-pravovoe issledovanie). Statut. 2015 (SPS «Konsul'tant Plyus»).
- 8.Boyle A.J. Minority Shareholders Remedies. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 279.
- 9.Roberts F. The Propriety of a Lis Pendens in Constructive Trust Cases. Seton Hall Law Review, 2008. Vol. 38: Iss. 1, Article 4.
10. Nazykov A.L. O vindikacii imushchestva, otchuzhdennoho direktorom kompanii pomimo ee voli, ili v kakih sluchayah dejstviya direktora ne yavlyayutsya vyrazheniem voli kompanii (britanskij opyt dlya rossijskoj praktiki // Zakon. 2013. N 1.
11. Sara Jane Shanahan. Corporate Counsel. August 25, 2010, N 4.
12. Smith H. The Property/Contract Interface. 101 Colum. L. Rev. 773 (2001).
13. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 11.10.2022 N 307-ES22-6119 po delu N A26-8405/2022.
14. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 26.07.2018 N F09-2842/18 po delu N A60-48070/2017.
15. Reshenie Suda po intellektual'nym pravam ot 28.04.2022 po delu N SIP-4/2020.

УДК 34.347

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К ТРУДОВЫМ ПРАВООТНОШЕНИЯМ

Кулик Т. Ю., Макаренко О. Н.

ЧОУВО «Московский университет им. С. Ю. Витте» филиал в г. Ростов-на-Дону

В статье анализируются вопросы субсидиарного применения к отдельным видам трудовых отношений норм гражданского права. Законодатель стремится следовать сформулированному правилу о том, что трудовые правоотношения должны регулироваться исключительно нормами трудового права. Однако судебная практика показывает, что в некоторых случаях к отдельным правоотношениям целесообразно применить общеправовые принципы правового регулирования, а также нормы, которые присущи другим отраслям права. Трудовое и гражданское право относят к частно-правовым отраслям права. Поэтому все чаще в последнее время встает вопрос о возможности применения к трудовым правоотношениям отдельных положений гражданского права.

Ключевые слова: дистанционный труд; трудовой договор; гражданское право; трудовое право; трудовые правоотношения.

Достаточно долгое время трудовые отношения противопоставлялись отношениям гражданско-правовым, вытекающим, как правило, из договора подряда. Трудовые правоотношения всегда предоставляли участникам большие гарантии, особенно, если речь шла о работниках (например, право на гарантированную оплату труда, право на социальное страхование на случай нетрудоспособности), но и подразумевали большие требования к порядку выполнения работы. К последним неизменно относилась обязанность соблюдения правил внутреннего трудового распорядка.

Как известно, гражданско-правовые отношения, возникающие из договора подряда, дают подрядчику больше свободы в части порядка выполнения работы. Так, он может сам распределять объемы работ, сроки их выполнения. Главное, чтобы результат работы был предоставлен заказчику с соблюдением оговоренных договором подряда конечных сроков. Промежуточные сроки могут также устанавливаться сторонами, если это соответствует их интересам и имеет значение, исходя из существа работ. Конечно, заказчик вправе проверять ход выполнения работ, их качество, но не вмешиваясь при этом в деятельность самого подрядчика. Это право предусмотрено ст. 715 Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ.

Механизм, закрепленный в ст. 715 ГК РФ, подразумевает наличие у заказчика эффективных средства воздействия на недобросовестного подрядчика, который ненадлежащим образом исполняет свои обязанности. Однако, несмотря на эту норму, гражданско-правовые отношения более гибкие в части согласования порядка и сроков выполнения работ. В конце концов, заключая договор, стороны вправе сразу обговорить свои ожидания касательно получаемого результата. Отчасти это объясняется тем, что в рамках гражданского права в отношения вступают субъекты, которые равны (по общему правилу) в своих правах и могут распоряжаться принадлежащими им возможностями своей волей и в своих интересах. Другими словами, стороны свободно решают большую часть гражданско-правовых вопросов, начиная с того, стоит ли им вообще вступать в договорные отношения с конкретным лицом, и заканчивая условиями такого договора. Конечно, и гражданское законодательство

не лишено императивных норм, но их роль, скорее, сводится к защите интересов третьих лиц или публичных интересов, которые могут быть нарушены потенциально недобросовестными действиями сторон соглашения.

Противоположная ситуация складывалась в отношениях трудовых. Требование подчинения правилам внутреннего трудового распорядка всегда было отличительной особенностью трудовых отношений. А сами правила, согласно ст.ст. 189 и 190 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ [5], являются неотъемлемой составляющей трудовой дисциплины и являются локальным нормативным актом. Хотя правила внутреннего трудового распорядка и должны быть согласованы работодателем с представительным органом работников, но поскольку таковой создается не всегда, то чаще всего именно работодатель определяет порядок выполнения работы.

У работодателя, как и у заказчика в гражданско-правовых отношениях также есть право контролировать соблюдение работником трудовой дисциплины. Однако нельзя не признать, что в трудовых отношениях у работника гораздо меньше возможностей по согласованию условий распорядка, а у работодателя – больше возможностей по проверке его соблюдения. Таким образом, одна из составляющих при разграничении трудовых и гражданско-правовых отношений – это контроль работодателя и управление процессом выполнения работы [3].

5 апреля 2013 г. в ТК РФ была введена гл. 49.1, которая посвящена регулированию дистанционного труда. Определяющим признаком такого труда является выполнение работы «...вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя...» (ст. 312.1 ТК РФ). Основное взаимодействие между сторонами трудового договора осуществляется посредством информационно-коммуникационных средств связи. Таким образом, при осуществлении некоторых видов работ дистанционным способом работодатель фактически лишается возможности контролировать соблюдение работником правил внутреннего трудового распорядка. Более того, ТК РФ прямо предусматривает, что при отсутствии локального акта, прямо предусматривающего режим работы «режим рабочего времени дистанционного работника устанавливается таким работником по своему усмотрению» (ст. 312.4 ТК РФ). Тем не менее, законодатель подчеркивает, что работник, хотя и работает дистанционно, но остается в рамках трудовых отношений. А поэтому на него будут распространяться все гарантии и компенсации, которые предоставлены трудовым законодательством с учетом особенностей дистанционного труда (ст. 312.4, 312.5, 317.7 ТК РФ).

Тем не менее, нетрудно заметить, что дистанционная работа имеет общие черты и с подрядными гражданско-правовыми отношениями. В связи с этим возникает вопрос, могут ли к дистанционной работе применяться правила гражданского законодательства. Если анализировать положения ст. 2 ГК РФ, где очерчен перечень отношений, которые регулируются гражданским законодательством, то можно увидеть, что прямой запрет предусмотрен лишь в отношении тех сфер деятельности, где обязательным участником является публично-властный элемент. Но даже в этом случае иное может прямо устанавливаться законодательством. Применительно к трудовым отношениям ст. 2 ГК РФ прямого запрета на их регулирование не содержит. Что касается ТК РФ, то прямого запрета на применение к трудовым правоотно-

ношениям гражданского законодательства тоже нет, хотя в ст. 11 ТК РФ говорится о том, что в трудовых отношениях их участники должны руководствоваться положениями трудового законодательства и актов трудового права. Это правило действует и в том случае, если они возникают на основании гражданско-правового договора, но впоследствии признаются трудовыми. Следовательно, в трудовом законодательстве закреплена презумпция – если отношений имеют характер трудовых, то они регулируются нормами трудового законодательства.

Однако некоторые нормы ГК РФ, хотя и не напрямую, но при расширительном толковании могут применяться в трудовых правоотношениях все же могут. В работах некоторых авторов можно увидеть анализ категорий злоупотребления правом в трудовых отношениях [1, с. 244]. Речь идет о ст. 10 ГК РФ. Постановление Пленума от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС № 17) говорит о недопустимости злоупотребления правом, хотя и без ссылки на ст. 10 Гражданского кодекса РФ. Однако именно в доктрине гражданского права уделялось большое внимание таким принципам как добросовестность (т.е. недопущение злоупотребления правом), разумность и справедливость. Следовательно, отдельные положения гражданского законодательства применимы и в трудовом праве.

Не стоит спорить с тем, что чаще всего вопрос о разграничении «сфер влияния» двух отраслей законодательства встает в случаях нарушения прав работников. Ведь, как было сказано, именно в ТК РФ гарантии прав работников прописаны максимально подробно. И, конечно, не вызывает сомнения и тот факт, что в этом случае суды должны становиться на сторону работников, которым не были предоставлены соответствующие условия труда и вытекающие из них гарантии. Не раз подтверждал это Верховный Суд РФ и другие суды [2; 6, с. 202].

Однако применительно к дистанционной работе можно было бы поставить вопрос о субсидиарном применении норм ГК РФ о договоре подряда. Ведь именно в доктрине гражданского права многие вопросы разработаны более детально. Так, очевидно, что в некоторых случаях институты и нормы трудового права могут применяться к дистанционному труду весьма условно (например, о прогуле, о направлении отчетов о проделанной работе, приемка результата работ заказчиком и др.). Тогда как в ГК РФ эти вопросы урегулированы. Так, ст. 720 ГК РФ регулирует порядок принятия заказчиком результата работ. Как было указано ранее применительно к дистанционной работе, она имеет ряд сходных черт с гражданско-правовым договором подряда. Поэтому пробелы правового регулирования дистанционного труда возможно регулировать некоторыми нормами гражданского права. К сожалению, ГК РФ не предусматривает возможности применения закона по аналогии [3, с. 340]. Хотя было бы неправильно отрицать связь между гражданским и трудовым правом в части регулирования отдельных видов правоотношений.

В связи с этим, предоставляется, что аналогия закона, а именно применение некоторых норм гражданского законодательства применительно к трудовым правоотношениям, была бы разумным проявлением эффективного законодательного регулирования общественных отношений в этой сфере.

Список литературы:

1. Лузик, А. А. К вопросу о соотношении категорий злоупотребления правом и добросовестности / А. А. Лузик // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 244-251. – DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-244-251. – EDN

RCRASX.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям. Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/26841/>. Дата обращения 30.05.2023.
3. Процевский, В. А. Применение гражданско-правового института аналогии при регулировании общественных отношений в сфере труда / В. А. Процевский, В. Н. Коваль // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 340-348. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-340-348. – EDN BHERVJ.
4. Синченкова, А. ВС напомнил, как определить трудовые отношения. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/237474/>. (Дата обращения 30.05.2023).
5. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.
6. Кузьменко, А. В. Регулирование труда дистанционных работников: анализ судебной практики / А. В. Кузьменко, Н. Н. Старцев, М. В. Филиппова // Ежегодник трудового права. – 2023. – № 13. – С. 202-222. – DOI 10.21638/spbu32.2023.114. – EDN CJBMBU.

Tatyana Yu. Kulik, Olga N. Makarenko. To the question of the possibility of applying the norms of civil law to labor relation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75), № 3. – P. 378–381.

The article analyzes the issues of subsidiary application of civil law norms to certain types of labor relations. The legislator seeks to follow the formulated rule that labor relations should be regulated exclusively by the norms of labor law. However, judicial practice shows that in some cases it is advisable to apply the general legal principles of legal regulation, as well as the rules that are inherent in other branches of law, to individual legal relations. Labor and civil law are classified as private law branches of law. Therefore, more and more often recently the question arises of the possibility of applying certain provisions of civil law to labor relations.

Key words: remote work; employment contract; civil law; labor law; labor relations.

Spisok literatury:

1. Luzik, A. A. K voprosu o sootnoshenii kategorij zloupotrebleniya pravom i dobrosovestnosti / A. A. Luzik // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8, № 1. – С. 244-251. – DOI 10.37279/2413-1733-2022-8-1-244-251. – EDN RCRASX.
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2018 № 15 «O primenenii sudami zakonodatel'stva, reguliruyushchego trud rabotnikov, rabotayushchih u rabotodatelej – fizicheskikh lic i u rabotodatelej – sub"ektov malogo predprinimatel'stva, kotorye otneseny k mikroprivyatiyam. Rezhim dostupa: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/26841/>. Data obrashcheniya 30.05.2023.
3. Procevsij, V. A. Primenenie grazhdansko-pravovogo instituta analogii pri regulirovanii obshchestvennyh otnoshenij v sfere truda / V. A. Procevsij, V. N. Koval' // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – Т. 7, № 4. – С. 340-348. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-4-340-348. – EDN BHERVJ.
4. Sinchenkova, A. VS napomnil, kak opredelit' trudovye otnosheniya. Rezhim dostupa: <https://pravo.ru/story/237474/>. (Data obrashcheniya 30.05.2023).
5. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii" ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 19.12.2022, s izm. ot 11.04.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2023) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1), st. 3.
6. Kuz'menko, A. V. Regulirovanie truda distancionnyh rabotnikov: analiz sudebnoj praktiki / A. V. Kuz'menko, N. N. Starcev, M. V. Filippova // Ezhegodnik trudovogo prava. – 2023. – № 13. – С. 202-222. – DOI 10.21638/spbu32.2023.114. – EDN CJBMBU.

УДК 347.97

**ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ
ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ И
АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССАХ**

Пеленицына М. В., Бекирова А. Т.

Медиация в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации за весьма непродолжительный срок своего существования в российской правовой системе обрела статус социального института современного общества. Тем не менее, на практике институт медиации, действующий более десяти лет, не дал ожидаемых результатов, причиной чего является несовершенство законодательных конструкций процессуального права. В ходе исследования можно прийти к мнению, что между медиацией и судебным примирением усматривается много общего, несмотря на существенную разницу в требованиях к медиаторам и судебным примирителям. В статье выявляются проблемные вопросы правового регулирования и реализации примирительных процедур в российском гражданском и арбитражном процессах. Делается попытка наметить пути решения выявленных проблем для повышения эффективности института примирения. Исследуются данные законом возможности для осуществления судом задачи по примирению участников гражданского и арбитражного судопроизводства. Рассмотрены некоторые проблемы судебного примирения при разрешении как гражданских и экономических споров. Предложены отдельные изменения процессуального законодательства, а также комплекс мероприятий организационного и финансового характера, направленных на развитие и популяризацию примирительных процедур в российском обществе.

Ключевые слова: Примирительные процедуры, суд, гражданский процесс, арбитражный процесс, медиация, стороны.

Современная судебная система Российской Федерации испытывает существенную нагрузку, а тенденция к росту загруженности судов сохраняется, что оказывает влияние на реализацию конституционных гарантий защиты судом прав и законных интересов граждан и организаций.

В ходе совещания судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов, было отмечено «в 2022 г. суды рассмотрели более 40 миллионов дел – на один миллион больше, чем годом ранее. Арбитражные суды рассмотрели 1,7 млн дел, что на 62 500 дел больше, чем в 2021-м» [1]. За счет простого увеличения количества судей и судов не получится решить данную проблему, следует искать совершенно другие подходы, среди которых расширение использования примирительных процедур в рамках и вне рамок судебной системы. К первому относится судебное примирение, появившееся с конца 2018 г. с принятием Федерального закона от 28.11.2018 N 451-ФЗ, а ко второму – медиация, правовое регулирование которой осуществляется Федеральным законом от 27.07.2010 N 193-ФЗ.

Следует отметить, что наилучшим образом конфликты решаются примирением сторон, что дает возможность разгрузить судебную систему, перевести отношения сторон в положительное русло, уменьшить напряженность в обществе. Процедуры медиации активно используются в зарубежных странах. Если правовой конфликт не относится к категории сложных, то при малой стоимости иска правовой спор более, чем в 80% случаях, удастся разрешить во внесудебном порядке. При сложных конфликтах с помощью альтернативных внесудебных процедур удастся определить ключевые проблемные моменты, которые в последующем быстро решаются в судебном порядке [3, с. 17].

Учитывая тот факт, что, практика показала очевидным институт медиации, действующий более десяти лет, не дал ожидаемых результатов.

Автор обращает внимание что, Российские граждане знают и понимают судебную процедуру защиты нарушенных прав и законных интересов при возникновении правового конфликта в области гражданских и экономических отношений. Другая форма защиты им не понятна и не вызывает доверия.

В научной литературе можно встретить следующие объяснения причин непопулярности института медиации:

1. Враждебное отношение сторон конфликта друг к другу, препятствующее возможности применения как-либо примирительных процедур.

2. Пассивность медиатора в урегулировании конфликта, что не способствует примирению враждебно настроенных сторон.

3. Высокая стоимость услуг медиатора, что обуславливает необходимость нести излишние расходы.

4. Слабое правовое регулирование института медиации, отсутствие нормативно закрепленных стимулирующих мер, категорий гражданских дел, предусматривающих обязательное применение примирительных процедур.

5. Возложение обязанностей по разработке и принятию стандартных процедур и правил работы медиаторов, контролю за их выполнением на саморегулируемые организации медиаторов [8, с. 123].

Важным моментом является неосведомленность большинства российских граждан о наличии процедуры медиации, о ее содержании и правовых последствиях, несмотря на то, что сайты судов содержат информацию об институте медиации.

Таким образом, закон, введенный с целью разгрузить судебную систему и повысить эффективность защиты прав и законных интересов граждан и организаций, не решил поставленных задач. Участники правовых конфликтов, либо не осведомлены о наличии примирительных процедур, либо относящиеся к ним с недоверием, продолжают искать защиту нарушенных прав в судах.

Автор отмечает, что для внедрения и расширения практики применения медиации следует обратиться к стимулирующим мерам, связанным с полным и частичным освобождением от оплаты услуг медиатора, введением льгот по налогообложению медиаторов, компенсацией судебных расходов.

В 2018 г. была введена новая примирительная процедура – судебное примирение в арбитражный, гражданский и административный процесс [6, с. 97].

Проанализируем проблемы, связанные с закреплением данной процедуры в АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ и Регламент проведения судебного примирения.

Авторы отмечают судебными примирителями могут быть судьи, ушедшие в отставку. В Верховный Суд РФ судами низших звеньев вносятся предложения о кандидатах в судебные примирители, затем Пленум утверждает их список. Принятие решения связано с судебским опытом, специализацией судебской и научной деятельности, местом проживания кандидата.

Согласно п. 1.1 ст. 16 Закона о медиации, осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут также судьи, пребывающие в отставке, что приравнивает судебных примирителей и профессиональных медиаторов. В то же время, согласно ч. 1 ст. 16, требования к профессиональным медиаторам ограничиваются двадцатипятилетним возрастом, высшим образованием и наличием дополнительно-

го профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации [7, с. 29].

В ст. 11 Закона о медиации указывает на то, что порядок проведения процедуры медиации может устанавливаться сторонами в соглашении о проведении процедуры медиации путем ссылки на правила проведения процедуры медиации, утвержденные соответствующей организацией, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. При этом медиатор не имеет право предлагать сторонам урегулировать спор в отсутствие договора об этом между сторонами. Это связано с сущностью медиации, основанной на объективной нейтральной позиции медиатора, которая может быть утрачена в случае консультирования сторон и предоставления юридических комментариев, связанных со спором. В то время как стороны правового конфликта вместе с медиатором, должны совместно искать решение [5, с. 7].

Учитывая тот факт, что судебный примиритель, в соответствии со ст. 14 Регламента проведения судебного примирения, вправе давать сторонам рекомендации в целях скорейшего урегулирования спора, разъяснять законодательство и практику его применения, предлагать сторонам выработать и обсудить варианты урегулирования спора (оптимальный, удовлетворительный, нежелательный).

Следовательно, судебный примиритель, разобравшись в сущности конфликта, на основе судебной практики, представляет сторонам оптимальное, удовлетворительное и нежелательное решение их спора. При этом такая оценка несет некоторый оттенок субъективизма примирителя и может отличаться от юридической позиции сторон, сформированной при помощи профессиональных юристов [2, с. 4].

Изложенное выше позволяет прийти к мнению, что между медиацией и судебным примирением усматривается много общего, несмотря на существенную разницу в требованиях к медиаторам и судебным примирителям. При этом расширенные по сравнению с медиатором, полномочия судебного примирителя, наряду с требованиями к последним, могут негативно сказаться на осуществлении принципа нейтральности посредника конфликта. Это требует внесения изменений и уточнений процессуального законодательства и Регламента.

В ходе анализа действующего законодательства, следует отметить законодатель не обязывает стороны прибегать к примирительным процедурам, однако, исходя из необходимости разгрузки судебной системы, но возможно решение отдельных категорий дел будет сопровождаться обязательным применением примирительных процедур, как в арбитражном процессе, стороны обязаны пройти через претензионный порядок урегулирования конфликта (ч. 5 ст. 4 АПК РФ).

В законодательстве действуют следующие положения, повышающие значимость примирительных процедур:

- постановка перед судом задачи разъяснить возможность, право сторон и преимущества их примирения;

- введение п. 7.1 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, согласно которому, в исковом заявлении приводятся сведения о предпринятых стороной (сторонами) действиях, направленных на примирение, если такие действия предпринимались с приложением документов, подтверждающих совершение стороной (сторонами) действий, направленных на примирение, если такие действия предпринимались и соответствующие документы имеются (п. 7 ст. 132 ГПК РФ);

- оставление искового заявления без движения при несоблюдении данных требований;
- решение задачи примирения сторон при подготовке дела к судебному разбирательству (ст. 148 ГПК РФ) [9, с 4].

Авторы отмечают, что рассмотрение вопроса «Примирение в гражданском судопроизводстве», прежде всего, следует обратить внимание, что последние изменения в данном вопросе (глава 14.1. Примирительные процедуры. Мирное соглашение) были внесены федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Изменения вступили в законную силу 25 октября 2019 года. За исключением отдельных положений закона, устанавливаются новые примирительные процедуры при осуществлении судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. Так, Закон № 197-ФЗ вносит в Арбитражный процессуальный кодекс, Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс административного судопроизводства новые нормы, устанавливающие виды, порядок и сроки проведения примирительных процедур, требования к судебным примирителям, а также нормы, касающиеся процедуры удостоверения нотариусом медиативного соглашения, достигнутого сторонами в соответствии с соглашением о проведении медиации. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Следует обратить внимание, это то, что законодатель сразу указал: «Примирение сторон возможно на любой стадии гражданского процесса и при исполнении судебного акта, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом и не противоречит федеральному закону» [4, с 14].

В соответствии со ст. 153.3 ГПК РФ примирительными процедурами в гражданском процессе являются: переговоры, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение и другие примирительные процедуры, не противоречащие федеральному закону.

В законе указана и роль суда в данных примирительных процедурах, так в соответствии со ст. 153.2 ГПК РФ суд предлагает провести примирительную процедуру, выражая это в форме определения о принятии искового заявления к производству, о подготовке дела к судебному разбирательству или в ином определении по делу, а также в устной форме [10, с. 240].

Таким образом, авторы указывают, что к полномочиям суда при реализации сторонами возможности использования примирительных процедур также относится объявление перерыва судебного заседания и отложение судебного разбирательства по делу в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством, при этом суд предлагает сторонам использовать примирительную процедуру, в том числе с участием судебного примирителя. Однако следует помнить, что «судья, создавая необходимые условия для примирения сторон, выступает в качестве посредника». Судья должен оставаться в роли беспристрастного и независимого посредника, консультанта, давая возможность сторонам понять тонкости применения и преимущества примирительных процедур в судебном процессе.

Также, важно отметить, что суд, стороны, а также их представители «должны» знать и уметь пользоваться данными инструментами урегулирования споров, так

как не следует забывать о том, что решить спорный вопрос можно в стенах суда, при этом не обязательно доводить его до принятия судебного решения. Такой исход спора менее травматичный для его участников и дает возможность сохранить остатки хороших отношений.

Таким образом, примирительные процедуры несут огромный позитивный потенциал для судебной системы, реализация которого связана с продуманным качественным законодательным регулированием институтов медиации и судебного примирения в гражданском и арбитражном процессе. Участие судей в отставке в примирительных судебных процедурах укрепляет доверие сторон к профессионализму примирителей, чего не доставляет медиации. Для достижения цели разгрузки судебной системы не обойтись без популяризации процедуры судебного примирения, без повышения осведомленности граждан, введения стимулирующих механизмов, в противном случае, он также останется невостребованным, как и медиация. Граждане должны не только знать о существовании примирительных процедур, но также у них должна быть уверенность, что примирители окажут им реальную помощь в защите нарушенных прав, причем быстрее и удобнее, чем в суде. Следует донести до граждан различия между примирительными процедурами – медиации и судебным примирением.

Список литературы:

1. Верховный Суд Российской Федерации. Ежегодное совещание судей (15 февраля 2023 года) – URL: https://www.supcourt.ru/press_center/news/32142/
2. Вирченко Ю. А., Самохвалов Н. А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2016. №4 (13). С. 16.
3. Галимова М.А. Галимов О.Х. Примирительные процедуры в судопроизводстве Российской Федерации. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. - № 3(36). – С. 16-24.
4. Горшкова К.Н. Желонкин С.С. Примирительные процедуры в России: новеллы процессуальной реформы в России: новеллы процессуальной реформы. / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. – № 3(83). – С. 1-10.
5. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2019. С. 22.
6. Лисицын Ю.В., Трофимова М.С. О перспективах внедрения института судебного примирения в российское процессуальное законодательство // *Beneficium*. 2020. – №1 (34). – С. 95-102.
7. Мищенко Е.В. Летута Т.В. Принципы судебного примирения, медиации и арбитража: сравнительно-правовой аспект. // Российское право: образование, практика, наука. 2019. -№2. – С.4-13.
8. Пеленицына М.В. Рябус О.А. Учебное пособие Судебные акты в цивилистическом процессе, особенности их исполнения. Ростов на Дону: ИП Беспамятов С.Б., 2023. 290с.
9. Сухова Н.В. Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: Российский и сравнительный контексты. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. - № 1(72). – С.28-36.
10. Федорова М.А. Проблемы применения и перспективы развития примирительных процедур в России // Форум молодых ученых. 2021. – № 2(54). – С. 237-242.

Pelenitsyna M. V., Bekirova A. T. The main problems of development and ways to resolve conciliation procedures in Russian civil and arbitration processes // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 382–387.

Mediation in civil and arbitration proceedings of the Russian Federation for a very short period of its existence in the Russian legal system has acquired the status of a social institution of modern society. Nevertheless, in practice, the mediation institute, which has been operating for more than ten years, has not produced the expected results, the reason for which is the imperfection of the legislative structures of procedural law. In the course of the study, it can be concluded that there is a lot in common between mediation and judicial reconciliation, despite the significant difference in the requirements for mediators and judicial conciliators. The article identifies problematic issues of legal regulation and implementation of conciliation procedures in Russian civil and arbitration processes. An attempt is made to outline ways to solve the identified problems in order to increase the effectiveness of the institute of reconciliation. The possibilities given by the law for the court to carry out the task of reconciliation of participants in civil and arbitration proceedings are being inves-

tigated. Some problems of judicial reconciliation in the resolution of both civil and economic disputes are considered. Some amendments to procedural legislation are proposed, as well as a set of organizational and financial measures aimed at the development and popularization of conciliation procedures in Russian society.

Keywords: conciliation procedures, court, civil process, arbitration process, mediation.

Spisok literatury:

1. Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii. Ezhegodnoe soveshchanie sudej (15 fevralya 2023 goda) – URL: /https://www.supcourt.ru/press_center/news/32142/
2. Virchenko YU. A., Samohvalov N. A. Procedura mediacii v Rossijskoj Federacii: plyusy i minusy // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. 2016. №4 (13). S. 16.
3. Galimova M.A. Galimov O.H. Primiritel'nye proceduryv sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii. // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. - № 3(36). – S. 16-24.
4. Gorshkova K.N. ZHelonkin S.S. Primiritel'nye procedury v Rossii: novelty processual'noj reformy v Rossii: novelty processual'noj reformy. / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. – № 3(83). – S. 1-10.
5. Zdrok O.N. Primiritel'nye procedury v civilisticheskom processe: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2019. S. 22.
6. Lisicyn YU.V., Trofimova M.S. O perspektivah vnedreniya instituta sudebnogo primireniya v rossijskoe processual'noe zakonodatel'stvo // Beneficium. 2020. – №1 (34). – S. 95-102.
7. Mishchenko E.V. Letuta T.V. Principy sudebnogo primireniya, mediacii i arbitrazha: sravnitel'no-pravovoj aspekt. //Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2019. -№2. – S.4-13.
8. Pelenicyna M.V. Ryabus O.A. Uchebnoe posobie Sudebnye akty v civilisticheskom processe, osobennosti ih ispolneniya. Rostov na Donu: IP Bospamyatnov S.B., 2023. 290s.
9. Suhova N.V. Suhov I.V. Sovremennye tendencii razvitiya primiritel'nyh procedur: Rossijskij i sravnitel'nyj konteksty. //Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2019. - № 1(72). – S.28-36.
10. Fedorova M.A. Problemy primeneniya i perspektivy razvitiya primiritel'nyh procedur v Rossii // Forum molodyh uchenyh. 2021. – № 2(54). – S. 237-242.

УДК 347.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ В ДОЛЕВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В СИСТЕМЕ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Потопальский С. С.

Крымский филиал Российского государственного университета правосудия

В статье рассматриваются сущность и проблемы правового регулирования отношений, вытекающих из договора участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права. Особое внимание автор уделяет проблемам регулирования отношений по привлечению денежных средств участников долевого строительства посредством заключения договора счета эскроу, анализирует особенности взыскания с застройщика штрафных санкций и убытков за нарушения обязательств перед дольщиком. Автором рассмотрены коллизии правового регулирования при введении Правительством Российской Федерации временного порядка передачи жилья дольщикам и временных запретов на взыскание с застройщиков неустойки и убытков. Предложены способы решения выявленных проблем в правоприменительной практике.

Ключевые слова: договор, долевое строительство, застройщик, дольщик, участник долевого строительства, счет эскроу, проценты, неустойка, убытки.

Приобретение жилья посредством заключения договоров участия в долевом строительстве многоквартирных домов является распространённым способом решения жилищных проблем граждан в Российской Федерации. По договору участия в долевом строительстве застройщик обязуется в определенный договором срок построить объект недвижимости и после получения разрешения на ввод объекта недвижимости в эксплуатацию передать его участнику долевого строительства, а последний обязуется принять объект и оплатить оговорённую в договоре стоимость. Популярность приобретения жилья указанным способом, как правило, обусловлена наличием государственных программ по стимулированию ипотечного кредитования путем установления льготных ставок для отдельных категорий граждан.

Для защиты участников долевого строительства от возможных злоупотреблений со стороны застройщиков законодатель постоянно усовершенствует нормативно-правовую базу в этой сфере. Так, в 2017 и 2018 годах внесены изменения в Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 214-ФЗ) [1], в соответствии с которыми с июля 2019 г. вступило в силу правило об обязательном использовании счетов эскроу при расчетах граждан по договорам участия в долевом строительстве. Договор счета эскроу в соответствии со ст. 860.7 Гражданского кодекса Российской Федерации заключается между дольщиком и эскроу-агентом (банком). Счет эскроу для дольщика может быть открыт только в уполномоченном банке, который акредитован Центральным банком РФ и отвечает критериям, установленным в Постановлении Правительства РФ от 18.06.2018 г. N 697 [2].

Главной особенностью использования счета эскроу в долевом строительстве является то, что Застройщик лишен права до момента передачи жилья дольщику использовать для строительства денежные средства, перечисленные дольщиком на такой счет. При этом застройщик, вынужден использовать для строительства заем-

ные средства по кредитному договору с банком, учитывая недостаточность собственных средств и невозможность привлечь денежные средства дольщиков. В качестве обеспечения исполнения обязательств по кредитному договору перед банком застройщик, как правило, передает банку имущественные права на строящиеся объекты недвижимости и права на земельный участок, на котором осуществляется строительство. Тот факт, что застройщик в соответствии с Законом № 214-ФЗ лишен права прямого привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов влечет для застройщика дополнительные затраты на обслуживание привлеченных кредитных средств в виде оплаты процентов банку. Следует согласиться с распространенным в литературе мнением о том, что действующая система финансирования строительства жилья имеет свою негативную сторону, а именно увеличивает стоимость строительства для застройщика [3, с. 1222; 4, с. 25]. Таким образом, сложившаяся ситуация с использованием счетов эскроу в долевом строительстве хотя и гарантируют сохранение денежных средств дольщиков до окончания строительства жилья, однако приводит к удорожанию его стоимости как для застройщика, так и для дольщиков, на которых в конечном итоге ложится груз оплаты расходов застройщика по привлечению заемных средств.

Для решения этой проблемы некоторые авторы предлагали установить возможность поэтапного использования денежных средств на счетах эскроу по мере окончания определенных этапов строительства [5, с. 6]. По мнению Борисовой Л.В., использование поэтапного раскрытия счетов эскроу позволит застройщикам в меньшей степени зависеть от банков, компенсировать за счет денежных средств участников свои расходы, тем самым не прибегать к увеличению цен на недвижимость [6, с. 4]. На наш взгляд, такой подход открывает ряд возможностей для злоупотреблений со стороны застройщиков при поэтапном использовании денежных средств со счета эскроу в процессе строительства, что по сути может нивелировать позитивный эффект от введения соответствующих изменений в законодательство.

Основными выгодоприобретателями от применения существующего в законодательстве подхода с использованием эскроу счетов являются банки, которые получают прибыль как в качестве процентов от дольщиков по ипотечному кредитованию, так и в качестве процентов от застройщика за кредитование строительства. При этом аккумулированные средства дольщиков на счетах эскроу используются для кредитования застройщика, к тому же не без риска наступления банкротства банка. В конечном итоге, после получения разрешения на ввод в эксплуатацию объекта недвижимости денежные средства со счета эскроу перечисляются банком застройщику, который с этих же средств погашает кредит перед банком.

При таких обстоятельствах в литературе обсуждался вопрос относительно необходимости начисления процентов в пользу дольщиков на период нахождения денежных средств на счетах эскроу. Некоторыми авторами поддается сомнению обоснованность позиции законодателя по установлению в п. 5 ст. 15.5 Закона № 214-ФЗ императивного правила о неначислении процентов на денежные средства, находящиеся на счетах эскроу [7, с. 153]. Владельцем счета эскроу до момента расчета с застройщиком является дольщик (депонент), поэтому налицо схожесть статуса указанных денежных средств с денежными средствами на счетах по срочному банковскому вкладу, за привлечение которых банк оплачивает проценты депоненту. По нашему мнению, учитывая длительные сроки депонирования денежных средств

на счетах эскроу, целесообразно было бы установить банковский процент, начисляемый на указанные средства, исходя из ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации. Такой подход позволил бы частично компенсировать расходы дольщиков по договору участия в долевом строительстве.

Следует отметить, что система использования счетов эскроу, не смотря на достаточно высокую степень защиты средств дольщиков, не может полностью гарантировать финансовую безопасность последних. Так, если дольщик для приобретения жилья привлекает денежные средства по кредитному договору, то, например, в случае банкротства застройщика, он фактически теряет уже оплаченные банку по кредиту проценты за период депонирования денежных средств на счете эскроу. Кроме того, в случае расторжения договора с застройщиком по основаниям неисполнения последним обязательств по строительству жилья и возврата денежных средств со счета эскроу, дольщик несет инфляционные риски, поскольку получает обратно девальвированную денежную сумму.

Предполагается, что расходы дольщика могут быть покрыты путем взыскания с застройщика неустойки и сверх неё причиненных убытков, однако взыскание указанных сумм в случае банкротства застройщика нивелируется длительностью сроков процедур банкротства и в конечном итоге недостаточностью средств банкрота для удовлетворения всех требований кредиторов.

Кроме того, дольщик несет определенные риски в случае банкротства банка. Так, в соответствии с п. 3 ст. 13.2 Федерального закона от 23.12.2003 N 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации» [8] предел страхового возмещения по счету эскроу в случае банкротства банка не будет превышать сумму 10 млн. руб. Таким образом, если стоимость приобретаемого жилья свыше указанной суммы, что часто встречается, например, в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, то сумма, превышающая этот лимит, не покрывается страховкой.

Отдельно следует обратить внимание на некоторые особенности взыскания с застройщика штрафных санкций и убытков, за нарушения обязательств перед дольщиком. Так, если застройщиком нарушены установленные договором сроки передачи дольщику жилья, то застройщик обязан выплатить неустойку, которая равна 1/300 ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены договора за каждый день просрочки для юридических лиц, и 1/150 ставки для физических лиц (ч. 2 ст. 6 Закона № 214-ФЗ). При этом необходимо учитывать, что в 2021-2022 годах законодатель установил ряд ограничений относительно начисления неустойки и взыскания убытков за просрочку передачи дольщику жилья, что дало возможность застройщикам заморозить или значительно продлить сроки строительства без риска начисления штрафных санкций.

Так, постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 N 423 (далее – Постановление № 423) [9] в связи с ограничениями, связанными с коронавирусной инфекцией COVID-19, был установлен запрет на начисление неустойки за просрочку передачи жилья дольщикам в период с 03.04.2020 по 01.01.2021, а также было установлено правило о том, что не учитываются убытки, причиненные дольщикам в указанный период. В отношении уже подтвержденных требований по взысканию неустойки, процентов, убытков, которые были предъявлены дольщиками к застройщику до 03.04.2020, застройщикам предоставлялась отсрочка до 01.01.2021 г. Кроме того, до указанной даты введен запрет для уполномоченных органов на обращение в

арбитражный суд с заявлением о приостановлении деятельности застройщика и запрет на включение информации в реестр проблемных объектов при задержке строительства.

По нашему мнению, период предоставления вышеперечисленных преференций застройщику может быть обоснован только объективными причинами. В период ограничения ответственности застройщика за неисполнение обязательств перед дольщиками необходимо включать исключительно срок, в который застройщик объективно не мог вести строительство по причинам, связанным с ограничениями, введенными в связи с коронавирусной инфекцией COVID-19.

Компенсации убытков дольщикам, вызванных значительным смещением сроков передачи жилья и блокировкой штрафных санкций, предъявляемых застройщику, законодатель не предусмотрел. Например, если дольщик купил квартиру с привлечением денежных средств по кредитному договору с банком, то от штрафных санкций за неисполнение обязательств перед банком по кредитному договору и от уплаты процентов банку в указанный период дольщик не освобожден. Более того, дольщик не сможет взыскать убытки за период просрочки по передаче жилья, связанные с необходимостью продлить сроки аренды жилья в указанный период. Таким образом, на основании Постановления № 423 многие застройщики перенесли сдачу многоквартирных домов без риска взыскания с них неустойки и убытков. Решением Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430 [10] и определением Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472 [11] отклонены требования дольщиков по оспариванию положений Постановления Правительства РФ N 423, ограничивающих ответственность застройщика. Верховный суд признал оспариваемые положения Постановления Правительства РФ N 423 учитываемыми баланс интересов дольщиков и застройщиков.

В 2022 г. правительство повторно поддержало застройщиков в ущерб интересам дольщиков, которые с 2020 г. ожидают исполнения обязательств по передаче жилья. Так, постановлением Правительства РФ от 26.03.2022 N 479 (далее – Постановление № 479) [12] на период с 29.03.2022 и до 30.06.2023 повторно введены меры по ограничению ответственности застройщиков. Указанные меры аналогичны вышеперечисленным в Постановлении № 423. Также, относительно требований дольщиков об уплате штрафных санкций и убытков, которые предъявлены застройщику до 29.03.2022, застройщикам предоставлена отсрочка до 30.06.2023. Таким образом, поддержка строительной отрасли осуществляется за счет покупателей жилья, которые теряют какие-либо правовые рычаги влияния на застройщика и вынуждены ожидать окончания затянувшегося строительства, тогда как для застройщиков такое регулирование является легальным способом не выполнять свои обязательства перед дольщиками.

Нельзя не согласиться с мнением отдельных правоведов о том, что с точки зрения юридической техники не допускается временная блокировка действия норм Закона N 214-ФЗ на основании нормы подзаконного акта – Постановления N 479, а необходимо внесение соответствующих изменений и в Закон N 214-ФЗ [13, с. 7].

Также следует отметить, что Постановлением Правительства РФ от 23.03.2022 N 442 (далее – Постановление № 442) [14] на период с 25.03.22 г. по 30.06.2023 г. введен ряд особенностей относительно порядка передачи жилья дольщикам. В частно-

сти, установлены обязательные требования к специалистам, осуществляющим осмотр и фиксацию недостатков жилья, передаваемого дольщикам. Кроме того, в соответствии с Постановлением № 442 при выявлении недостатков во время передачи жилья дольщик прежде чем обратиться в суд должен потребовать у застройщика безвозмездного устранения таких недостатков. Если в течение 60 дней это требование осталось без удовлетворения, то дольщик имеет право потребовать соразмерно уменьшения цены либо компенсации расходов на устранение недостатков. Застройщику на удовлетворения последнего требования отводиться еще 10 дней. В случае неудовлетворения такого требования дольщику предоставляется право на обращение с соответствующим иском в суд. Таким образом, Постановлением № 442 введена досудебная процедура разрешения споров относительно недостатков объекта недвижимости длительностью 70 дней. Указанная процедура ограничивает установленное ст. 7 Закона № 214-ФЗ право дольщика на выбор одного из вышеприведенных способов защиты нарушенного права, так как дольщик изначально должен в обязательном порядке заявить требование о безвозмездном устранении недостатков, и лишён права по своему усмотрению сразу выбрать такие способы защиты, как возмещение расходов на устранение недостатков или соразмерное уменьшение цены в судебном порядке. Такой подход прямо противоречит положениям ст. 7 Закона № 214 - ФЗ.

Установив в Постановлении № 442 императивную норму о защите прав дольщика путем предъявления в первую очередь требования о безвозмездном устранении недостатков, Правительство при этом увеличило сроки устранения недостатков до 60 дней, тогда как ранее такой срок не должен был превышать 45 дней согласно ст. 20 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1 «О защите прав потребителей» [15].

Такой подход нельзя признать последовательным, поскольку Закон обладает большей юридической силой, чем постановление Правительства РФ, что дает возможность судам отдавать приоритет применению Закона. Однако, учитывая уже сложившуюся практику Верховного Суда РФ при разрешении схожих коллизий по применению Постановления № 423 (решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430; апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472), маловероятно применение Верховным Судом РФ иного подхода при оценке законности положений Постановления № 442.

Список литературы:

1. Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон N 214-ФЗ от 30.12.2004: с изм. на 14.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
2. Об утверждении критериев (требований), которым в соответствии с Федеральным законом "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" должны соответствовать уполномоченные банки и банки, которые имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ от 18.06.2018 N 697: с изм. и доп. на 24.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
3. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет : постатейный комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : М-Логос, 2019. – 1282 с. – Текст : электронный.
4. Степанов Н.А. Договор эскроу и жилищные правоотношения // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – № 1 (26). – С. 20-25. – Текст : непосредственный.
5. Морозова Ю. Использование счетов эскроу в новой модели долевого строительства: настройки банковского процесса // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

6. Борисова Л.В. Счета эскроу как механизм защиты прав участников долевого строительства в условиях банкротства застройщика // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
7. Белобабченко М.К. Новый подход к порядку привлечения и использования денежных средств участников долевого строительства многоквартирного дома // Право и практика. – 2019. – № 3. – С. 150-157.
8. О страховании вкладов в банках Российской Федерации : Федеральный закон N 177-ФЗ от 23.12.2003: с изм. и доп. на 30.12.2021 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
9. Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ N 423 от 02.04.2020 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
10. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 14.10.2020 N АКПИ20-430 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
11. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 28.01.2021 N АПЛ20-472 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
12. Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных законодательством о долевом строительстве, и об особенностях включения в единый реестр проблемных объектов многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, в отношении которых застройщиком более чем на 6 месяцев нарушены сроки завершения строительства (создания) многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и (или) обязанности по передаче объекта долевого строительства участнику долевого строительства по зарегистрированному договору участия в долевом строительстве : Постановление Правительства РФ N 479 от 26.03.2022: с изм. и доп. на 17.05.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
13. Шарапов В.В. О временном установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
14. Об установлении особенностей передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства : Постановление Правительства РФ N 442 от 23.03.2022 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.
15. О защите прав потребителей : Закон РФ N 2300-1 от 07.02.1992 с изм. и доп. на 11.06.2021 // СПС КонсультантПлюс. – Текст : электронный.

Potopalsky S.S. Some aspects of legal regulation of participation in shared construction // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 3. – P. 388–394.

The article examines the essence and problems of legal regulation of relations arising from the contract of participation in shared construction in the system of norms of civil law. The author pays special attention to the problems of regulating relations to attract funds from participants in shared-equity construction through the conclusion of an escrow account agreement, analyzes the specifics of collecting penalties and losses from the developer for violations of obligations to the shareholder. The author considers the conflicts of legal regulation during the introduction by the Government of the Russian Federation of a temporary procedure for the transfer of housing to equity holders and temporary prohibitions on collecting penalties and losses from developers. The ways of solving the identified problems in law enforcement practice are proposed.

Keywords: agreement, shared construction, developer, shareholder, participant in shared construction, escrow account, interest, penalty, losses.

Spisok literatury:

1. Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inyh ob"ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 214-FZ ot 30.12.2004: s izm. na 14.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
2. Ob utverzhdenii kriteriev (trebovanij), kotorym v sootvetstvii s Federal'nym zakonom "Ob uchastii v dolevom stroitel'stve mnogokvartirnykh domov i inyh ob"ektov nedvizhimosti i o vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" dolzhny sootvetstvovat' upolnomochennye banki i banki, kotorye imeyut pravo na otkrytie schetov eskrou dlya raschetov po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 18.06.2018 N 697: s izm. i dop. na 24.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
3. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet : postatejnyj kommentarij k stat'yam 807–860.15 Grazhdanskogo ko-

- deksa Rossijskoj Federacii [Elektronnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A. G. Karapetov. – Moskva : M-Logos, 2019. – 1282 s. – Tekst : elektronnyj.
4. Stepanov N.A. Dogovor eskrou i zhilishchnye pravootnosheniya // Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo. – 2020. – № 1 (26). – S. 20-25. – Tekst : neposredstvennyj.
 5. Morozova YU. Ispol'zovanie schetov eskrou v novej modeli dolevogo stroitel'stva: nastrojki bankovskogo processa // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 6. Borisova L.V. Scheta eskrou kak mekhanizm zashchity prav uchastnikov dolevogo stroitel'stva v usloviyah bankrotstva zastrojshchika // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 7. Belobabchenko M.K. Novyj podhod k poryadku privlecheniya i ispol'zovaniya denezhnyh sredstv uchastnikov dolevogo stroitel'stva mnogokvartirnogo doma // Pravo i praktika. – 2019. – № 3. – S. 150-157.
 8. O strahovanii vkladov v bankah Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 177-FZ ot 23.12.2003: s izm. i dop. na 30.12.2021 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 9. Ob ustanovlenii osobennostej primeneniya neustojki (shtrafa, peni), inyh finansovyh sankcij, a takzhe drugih mer otvetstvennosti za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie obyazatel'stv po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve, ustanovlennyh zakonodatel'stvom o dolevom stroitel'stve, i ob osobennostyah vklucheniya v reestr problemnyh ob'ektov mnogokvartirnyh domov i (ili) inyh ob'ektov nedvizhimosti, v otnoshenii kotoryh zastrojshchikom bolee chem na 6 mesyacev narusheny sroki zaversheniya stroitel'stva (sozdaniya) mnogokvartirnogo doma i (ili) inogo ob'ekta nedvizhimosti i (ili) obyazannosti po peredache ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva po zaregistrirovannomu dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 423 ot 02.04.2020 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 10. Reshenie Sudebnoj kollegii po administrativnym delam Verhovnogo Suda RF ot 14.10.2020 N AKPI20-430 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 11. Opredelenie Apellyacionnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 28.01.2021 N APL20-472 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 12. Ob ustanovlenii osobennostej primeneniya neustojki (shtrafa, peni), inyh finansovyh sankcij, a takzhe drugih mer otvetstvennosti za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie obyazatel'stv po dogovoram uchastiya v dolevom stroitel'stve, ustanovlennyh zakonodatel'stvom o dolevom stroitel'stve, i ob osobennostyah vklucheniya v edinyj reestr problemnyh ob'ektov mnogokvartirnyh domov i (ili) inyh ob'ektov nedvizhimosti, v otnoshenii kotoryh zastrojshchikom bolee chem na 6 mesyacev narusheny sroki zaversheniya stroitel'stva (sozdaniya) mnogokvartirnogo doma i (ili) inogo ob'ekta nedvizhimosti i (ili) obyazannosti po peredache ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva po zaregistrirovannomu dogovoru uchastiya v dolevom stroitel'stve : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 479 ot 26.03.2022: s izm. i dop. na 17.05.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 13. Sharapov V.V. O vremennom ustanovlenii osobennostej peredachi ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 14. Ob ustanovlenii osobennostej peredachi ob'ekta dolevogo stroitel'stva uchastniku dolevogo stroitel'stva : Postanovlenie Pravitel'stva RF N 442 ot 23.03.2022 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
 15. O zashchite prav potrebitelej : Zakon RF N 2300-1 ot 07.02.1992 s izm. i dop. na 11.06.2021 // SPS Konsul'tantPlyus. – Tekst : elektronnyj.
- .

УДК 349.226 + 349.227

ТРУДОВОЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК ИНДИВИДУАЛЬНО-ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Процевский В. А., Очкуренко С. В., Горлов Е. В.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

В статье рассматриваются проблемы индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений. Анализируется принцип свободы труда, который находит своё развитие и трансформируется в принципе свободы трудового договора. По своей сути этот принцип обуславливает характерные признаки трудового договора, подчёркивая особенности индивидуально-договорного регулирования последнего. Имеется в виду объем, границы и сущность правового регулирования отношений, которые возникают на основе трудового договора. Сочетание свободы реализации права на труд, свободы заключения трудового договора (элементы частного права) со строгими правилами законодательного закрепления юридических гарантий (элементы публичного права) свидетельствует об особенностях способа регулирования трудовых отношений. Из такого сочетания элементов частного и публичного права, связующим звеном которого является трудовой договор, вытекают важнейшие функции трудового договора. За регулятивной функцией трудового договора действительно большое будущее, о чем и идет речь в этом исследовании. Но что касается контрактного права, то, считаем это, пожалуй, необъятное будущее. К сожалению, еще не произошло осознание работодателем своей роли в обществе не только как собственника, но, как и организатора процесса труда. Поэтому необходим определенный контроль за созданием соответствующих условий труда. Законодательство определяет соответствующие права и обязанности сторон, с целью защиты интересов работника, а также для предотвращения негативных последствий для работодателя. Отражена динамика индивидуально-договорного регулирования трудовых отношений. На этапах заключения, изменения и прекращения трудового договора. Высказаны предложения по совершенствованию правового регулирования трудовых отношений.

Ключевые слова: свобода труда; право на труд; свобода трудового договора; индивидуально-договорное регулирование; баланс интересов сторон; динамика трудовых правоотношений; социальный диалог; эффективность производства; результаты труда; социально-экономические права; элементы частного и публичного права; трудовая функция; гражданско-правовые отношения; существенные и факультативные условия договора; увольнение; социальные конфликты; внесудебная защита.

Современная социально-экономическая и политическая ситуация в Российской Федерации (далее – РФ) предусматривает необходимость согласования интересов различных социальных групп и органов власти цивилизованным бесконфликтным путем. Этому, прежде всего, должен способствовать процесс становления и развития социального диалога на всех уровнях, который, как доказывает практика, может играть важную роль в определении перспектив современной социальной политики государства, демократических процессов в обществе. В то же время социальный диалог не только регулирует отношения между трудом и капиталом, снижает уровень конфликтов между различными слоями общества, но и повышает ответственность работников и работодателей за эффективность производства и результаты труда. Во многих странах мира произошло изменение взглядов на место и роль государства в предоставлении социальных гарантий и обеспечении достойного уровня жизни граждан. Неотъемлемым атрибутом современного государства стало развитие институтов гражданского общества, в частности, сложившейся системы ответственного социального диалога, который направлен не на конфронтацию, на социальное сотрудничество, обеспечение оптимального баланса интересов сторон. В

становлении и развитии такого диалога заинтересованные социальные группы, стороны социально-трудовых отношений и государство, поскольку диалог предоставляет возможность создать предпосылки политической и социальной стабильности в обществе, его прогрессивное социально-экономическое развитие.

В экономически развитых странах социальный диалог стал привычным явлением, поскольку правительства этих государств считают, что предотвращению социальных конфликтов способствуют эффективные переговоры сторон социально-трудовых отношений в рамках социального диалога, который является важным направлением внутренней политики. Экономика должна работать в интересах большинства населения, однако в последнее время, экономики многих стран начали отодвигать человека на второй план, экономическая целесообразность стала преобладать над социальной направленностью. И это в то время, когда право на труд как одно из фундаментальных прав человека принадлежит к социально-экономическим правам, и отражает потребность человека в создании источников существования для себя и своей семьи.

Право на труд закреплено Всеобщей декларацией прав человека (ООН, 1948 г.), Международным Пактом об экономических, социальных и культурных правах (ООН, 1966 г.), Конвенциями и Рекомендациями Международной организации труда (МОТ), Конституцией РФ (ст. 37). Место и значение договоров в регулировании общественных отношений плодотворно и аргументированно рассмотрел в своей работе В.В. Иванов [10, с. 144-149]. В контексте этого исследования мы согласны с точкой зрения С.С. Алексеева [1, с. 347-348], что правовое регулирование имеет факультативную стадию и в реализации субъективных прав и обязанностей решающее значение имеет трудовой договор. Поэтому мы и рассматриваем его как источник индивидуальных правовых предписаний. Трудовые правоотношения представляют собой такой вид общественных отношений, которые возникают благодаря сознательно-волевым действиям их участников, а именно-заключению трудового договора. Наблюдается взаимное проникновение элементов частного и публичного права [16]. Трудовой договор является соглашением двух сторон, но необходимость его заключения предусмотрена нормой права. Содержание трудового договора определяется его участниками, но необходимые основные его условия, предусмотренные нормами действующего законодательства.

Хорошо известно, что именно признаки трудового договора и определяют частную тенденцию всего трудового права, которые были названы Л.С. Талем [17, с. 88, 101-103, 113]. В частности, индивидуальность трудовых отношений и несамостоятельность труда; подчинение работника хозяйственной власти работодателя в процессе труда; длительный характер последнего. Сегодня именно они определяют договорной характер регулирования трудовых отношений и позволяют отграничивать трудовой договор от гражданско-правового. Да, действительно, предмет трудовых и отдельных гражданско-правовых отношений, составляет труд. В трудовых правоотношениях предметом является не результат услуги, а процесс ее оказания. Эти различия трудового договора и гражданско-правовых договоров, где объектом является труд, проанализированы Л.Н. Анисимовой [2].

Личный характер труда, конкретизация трудовой функции, регламентация рабочего времени, вознаграждение за труд, и подчинение внутреннему трудовому порядку проявляется в договорном регулировании трудовых отношений. Особен-

ность этого способа регулирования трудовых отношений проявляется во многих направлениях. Особенно нужно обратить на внимание такой момент, как установление содержания трудового договора, который затем в виде прав и обязанностей сторон трансформируется в содержание трудовых правоотношений. Для сторон трудового договора его условия подаются в виде прав и обязанностей, в трудовых правоотношениях они получают ту же правовую природу – договорную, а потому не могут определяться исключительно работодателем. Индивидуально-договорное регулирование по законам логики перешло на трудовые отношения [5, с. 87].

Отдельные условия трудового договора имеют законодательное ограничение. В таком регулировании проявляется публичный характер, обеспечивающий защиту интересов работников и общества [15, с. 115]. Это касается таких условий, как продолжительность рабочего дня, изменение условий трудового договора и тому подобное. Что касается условий трудового договора, то его содержание определено в ст. 56 Трудового кодекса (далее – ТК) РФ. Условия, определяющие содержание трудового договора, устанавливаются по взаимному согласию его сторон. Исключение составляют законодательные гарантии, которые предусматривают закрепление минимального размера оплаты труда, минимальной продолжительности отпуска и др.

Предоставляя сторонам трудового договора широкие возможности по установлению взаимных прав и обязанностей, трудовое законодательство предусматривает, что условия трудового договора не должны ухудшать определённое правовое положение работника. Однако работодатель может, за счет собственных средств, устанавливать дополнительные льготы для работников. В современных условиях хозяйствования имеет место тенденция расширения объёма договорных условий трудового договора. Высказано мнение, что недостижение согласия сторонами по обязательным и дополнительным условиям имеет одинаковое правовое последствие – договор считается незаключённым. Относительно обязательных условий, это действительно так. Однако, к дополнительным условиям, считаем, такое мнение недостаточно обоснованным.

Исходя из содержания ст. 37 Конституции РФ и ст. 2 ТК РФ, стороны свободны в заключении трудового договора, выборе условий договора с учетом требований законодательства. Содержание трудового договора составляют условия, определенные в ст. 56 ТК РФ, то есть в законодательстве, и которые являются обязательными, и являются необходимыми для этого вида договора. Условия, определяемые на усмотрение сторон и согласованные ими, и являются дополнительными. Таким образом, трудовой договор считается заключённым, когда стороны достигли соглашения по всем обязательным условиям. Дополнительные условия становятся объектом переговоров лишь в случае, если одна из сторон требует включения их в содержание трудового договора.

Законодательное определение трудового договора и допуска к работе содержит в себе только основные обязательные условия, без которых он не считается заключённым. Если обратиться к общим правовым принципам заключения какого-либо соглашения и состоянию воли сторон при определении его содержания, то однозначным является вывод, что трудовой договор считается заключённым в случае достижения согласия сторон по обязательным условиям, без которых он не может считаться заключённым. Такие условия перечислены в ст. 56 ТК РФ. До этого момента в процессе заключения трудового договора, так сказать, все понятно. Но за

пределами легального определенного понятия трудового договора есть правовые нормы, указывающие на возможность включения в содержание трудового договора других-дополнительных условий, которые должны быть обусловлены дополнительным соглашением сторон. К таким дополнительным условиям относится и условие об испытании при приеме на работу. Возникает вопрос, как соотносится воля сторон при возникновении у одной из сторон желания дополнить содержание трудового договора условием об испытании? Какова судьба самого трудового договора, если другая сторона не желает включать это условие в содержание трудового договора.

Судебная практика эти вопросы считает главными, поскольку ответ на них относится к реализации права на труд и его гарантиям. Если бы все субъекты, реализующие нормы права придерживались исконного принципа, согласно которому достижение согласия по обязательным условиям означает фактическое заключение договора, то никаких вопросов не возникало бы. Но, к сожалению, так в жизни, в частности, в отношениях работодатель – работник, не бывает, поэтому возникает интересная правовая ситуация: согласия по обязательным условиям трудового договора стороны достигли, их воля совпала. Но работодатель желает проверить деловые и профессиональные качества работника и предлагает установить испытание. Воля сторон по дополнительным условиям не совпадает. Должен ли работодатель заключить трудовой договор, не включая в него условия об испытании? Ответы на эти вопросы требуют обращения к правовым предписаниям ст.ст. 2, 256 и другими действующего ТК РФ.

Право на труд граждане реализуют, как правило, в форме трудового договора. Придавая ему значение юридического факта, законодатель не только дает легальное его определение (ст. 56 ТК РФ) [18], но и устанавливает юридические гарантии при его заключении, изменении и прекращении. И первой гарантией является запрещение необоснованного отказа в приеме на работу (ст. 64 ТК РФ) [18]. Такая правовая регламентация заключения трудового договора, а также правовое регулирование оснований и порядка его прекращения, и система материального обеспечения работников обеспечивают реализацию этой гарантии. Но существенной юридической гарантией свободы труда является недопустимость принуждения к труду ни в какой форме. Благодаря трудовому договору устанавливается правовая связь между работником и работодателем; эта связь дает право работодателю в дальнейшей организации труда с подчинением работника соответствующим правилам.

Будучи правовой формой связи работника и работодателя, трудовой договор становится юридическим фактом не только для возникновения трудовых правоотношений, а и основанием дальнейшего его развития. Определяя трудовой договор в качестве основной формы осуществления права на труд, в которой находит юридическое закрепление возможность работника зарабатывать себе на жизнь, законодатель вовсе не случайно перечисляет обязательные условия содержания этого соглашения. Именно поэтому работодатель как сторона двустороннего соглашения с другой стороной – работником – не имеет права расширить содержание трудового договора. Этот юридический факт допускает включение дополнительных условий с обязательного согласия работника.

Логичность правовой схемы: принцип свободы труда – трудовой договор – трудовые правоотношения подтверждает содержание правового предписания ст. 64 ТК

РФ. Поэтому предложение работодателя о включении условия об испытании в трудовой договор требует согласие работника. Несогласие работника с этим предложением не касается содержания достигнутого соглашения по обязательным условиям и не влияет на реализацию способности работника к труду. Дополнительные условия, в частности испытание, хотя и имеют законодательное закрепление, но их наличие в трудовом договоре не обязательно. Подтверждением этого являются правовые предписания, согласно которым заключение трудового договора оформляется приказом работодателя о зачислении работника на работу (ст. 68 ТК РФ) [18]. Условие об испытании должно предусматриваться отдельным соглашением до начала работы (ст. 70 ТК РФ) [18]. Эти предписания дают основания для вывода: трудовой договор является самостоятельным актом, который предшествует изданию приказа (распоряжения) работодателя. Приказ имеет целью только оформление уже заключенного сторонами договора с оговоренным в нем содержанием. О такой оценке факта заключения трудового договора и акта его оформления свидетельствует правовое предписание о том, что последний считается заключенным и тогда, когда приказ или распоряжение не были изданы, но имело время фактическое допущение к работе.

Обоснованным отказ считается тогда, когда профессиональные и деловые качества или состояние здоровья работника не соответствуют требованиям работы, на которую он претендует. Нельзя работать врачом лицо без соответствующего профессионального образования. Обоснованным будет такой отказ работнику, который отказывается от включения условия о неразглашении тайны, если выполнение трудовых обязанностей имеет непосредственный доступ к информации, защищенной законом, и т.п.

Регулировка дополнительных условий выходит на качественно новый уровень. Именно они смогут оптимизировать сочетание интересов сторон трудового договора. Речь идет об обеспечении социально-бытовых условий и возможности профессионального роста. Как показывает практика, создание дополнительных социально-бытовых условий, в частности предоставление места в детском саду, создание условий для отдыха и досуга и тому подобное, положительно влияет на результативность труда и дает экономический эффект. В рыночных условиях ни один работодатель не может достичь поставленных целей, предлагая работникам только плату за их труд, то есть выплаты, связанные с выполнением трудовых функций и обязанностей. Для привлечения и удержания компетентных работников, формирования их лояльности к предприятию и усиление мотивации, кроме основной заработной платы, премий, доплат и надбавок, работодатель должен предлагать другие выплаты и поощрения социального характера. В научных трудах и статьях, опубликованных в профессиональных изданиях, встречается также и подход, согласно которому компенсации в традиционном понимании формируют наряду с другими выплатами обязательного характера «базовый социальный пакет». В свою очередь компенсационный пакет содержит выплаты, блага и поощрения, не предусмотренные действующим законодательством, имеющие добровольный характер.

Таким образом, компенсационный пакет является частью социального пакета, а это противоречит большинству подходов к рассмотрению сущности и структуры компенсационного пакета, согласно которым, наоборот, в структуре компенсационного пакета выделяется его социальная составляющая. Объясняется это тем, что

различные выплаты и поощрения выступают дополнительным стимулом для работника, который будет дорожить своим местом работы, а значит, более качественно выполнять трудовые обязанности и это соответственно влияет на результативность труда.

Что касается совмещения профессий и повышения квалификации, то это интересует работника не только с материальной стороны, поскольку она выступает и возможностью его самореализации и удовлетворенности трудом. Осознание общественной полезности собственного труда создает реальную возможность для утверждения себя как личности, что и выступает источником, основанием внутреннего удовлетворения. Если работа интересует человека, что позволяет реализовать его природные способности и склонности, и это само по себе является сильнейшим мотивом к деятельности, добросовестной и продуктивной работы.

Таким образом, дополнительные условия трудового договора должны носить взаимный компенсационный характер. Требования, предъявляемые к работнику, должны компенсироваться соответствующими обязательствами работодателя. Работник ориентируется на оптимальное соотношение между затратами своего труда и их компенсацией. При отсутствии компенсаций наблюдается падение интереса к такому роду деятельности. Следовательно, должно существовать устойчивое равновесие в процессе производства. Только тогда каждая из сторон получит то, на что надеется: работодатель – добросовестного работника, который профессионально выполняет свое дело, а работник – удовлетворяет свои материальные, социальные и духовные потребности.

Нет разницы, где реализуется трудовой договор на государственном, частном предприятии или у физического лица. Любой работодатель обязан соблюдать правовые нормы и гарантии, предусмотренные трудовым законодательством. Однако интересы работников различны в зависимости от того, где они работают – в государственном, частном предприятии или у физического лица, и это соответствующим образом сказывается на условиях трудового договора. На крупных предприятиях вопросов по организации труда не возникает, так как они регулируются как законодательными, так и локальными нормативными актами. На частных предприятиях, особенно мелких, работодателем выступает физическое лицо и эти вопросы выходят на первый план. Там почти все вопросы трудовых отношений регулируются трудовым договором. Это касается создания условий для обогрева, принятия пищи, оборудования санитарно-бытовых помещений и тому подобное. Содержание трудового договора между физическими лицами значительно богаче по сравнению с договорами, заключенными с юридическими лицами. Объем трудовых прав и обязанностей работников гораздо более индивидуализирован. Интерес работников заключается в том, чтобы работодателем – физическим лицом, была четко сформулирована трудовая функция. Например, работники розничной торговли выполняют широкий спектр функций: продавца, кассира, бухгалтера, консультантов. Соответственно это должно найти отражение в условиях трудового договора.

При отсутствии локальных нормативных актов именно в трудовом договоре должны найти отражение условия по организации труда, другие факультативные условия, четко и конкретно должны формулироваться права и обязанности сторон, трудовая функция. В современных условиях развития экономики главной ценно-

стью трудового договора является его регулятивная способность, что формирует контрактное право.

Абсолютно закономерна общая направленность трудового права на человека-труженика, отвечающего принципу социального государства. Но есть и другой участник трудовых отношений – работодатель, интересы которого также нужно учитывать. Говорить о принципе свободы трудового договора можно только тогда, когда будет полная свобода в выборе работником себе работодателя и наоборот, работодателем – работника. Совершенствование трудового законодательства должно осуществляться только в рамках защиты прав работников. Да, действительно в современных условиях особое значение для работодателя приобретает возможность реализовать свое право на подбор кадров. Для реализации работодателем этого права нормативно определены формы проведения при приеме на работу собеседований, различных конкурсов и даже установление испытания. Другое дело, что все эти процедуры должны проходить в правовых рамках.

Право на труд определяет не только возможность получения работы, но и возможность ее сохранения путем защиты от произвольных и необоснованных изменений трудового договора и оснований его прекращения. Для этого нормы трудового права устанавливают юридические и социально-экономические гарантии реализации и защиты права на труд. Т.е. речь идет об обеспечении, оптимальном сочетании прав и интересов сторон трудовых правоотношений в процессе выполнения работником работы и возможном изменении и прекращении трудовых отношений. В решении этих вопросов наиболее реально проявляется соотношение публичной и частной сфер правового регулирования трудовых правоотношений.

Каждый из субъектов трудовых правоотношений имеет свои интересы. Поэтому они обсуждают условия содержания соглашения: место работы; профессию, должность и специальность, размер оплаты труда; повышение квалификации и тому подобное. После достижения соглашения трудовой договор считается заключенным. Именно этот факт имеет существенное значение в период действия трудового договора, которому законодательство о труде и судебная практика отдают решающее значение. Поэтому одной из важных гарантий является запрещение выполнения работы, не предусмотренной трудовым договором (ст. 60 ТК РФ). Изменение условий трудового договора определяют как перевод на другую работу. Однако содержание этого термина (ст. 72.1 ТК РФ) не включает условие о месте работы. С понятием перевода тесно граничит изменение существенных условий труда, связанных с научно-техническим прогрессом, отмиранием одних профессий и появлением других. Нельзя также не согласиться с мнением, что в основе переводов лежит постоянно существующая потребность человека в смене видов трудовой деятельности или места работы [6, с. 6-8]. В то же время цель перевода на другую работу состоит в недопущении неоправданного разрушения существующих трудовых отношений.

В юридической литературе высказывается мнение, что существующая жесткая регламентация переводов на другую работу ограничивает возможности работодателя по перераспределению кадров. Предлагается расширить права работодателей для обеспечения возможности маневрирования и использования рабочей силы на соответствующих участках [14, с. 47]. Эти предложения, на наш взгляд, нарушают принцип определенности трудовой функции. Согласие на перевод или отказ в согласии должно иметь письменную форму, чтобы избежать недоразумений. По этому

поводу, например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении трудовых споров» от 22.12.1992 рекомендовал, чтобы согласие работника было выражено в письменной форме [3].

Вообще, законодательство о переводе развивалось и совершенствовалось под влиянием судебной практики. Институт перевода, как никакой другой в трудовом праве, связан с особенностями различных производств, условий труда, которые невозможно учесть в законодательстве и предусмотреть в каждом отдельном случае. Как подчеркивал Л.Я. Гинцбург, творческая роль судебной практики в трудовом праве особенно велика в связи с динамическим, непосредственно связанным с развитием экономики, характером этой отрасли [4, с. 120]. Изменение условий трудового договора происходит и в случае перемещения работника (ч. 3 ст. 72.1 ТК РФ). Перемещение работников должно быть мотивированным. Следует иметь в виду, если в соответствии с ч. 4 ст. 57 ТК РФ рабочее место сторонами было зафиксировано в трудовом договоре, то изменение его невозможно в одностороннем порядке. Считаем необходимым установить правило о получении согласия работника на перемещение его на другое рабочее место.

Возникает проблема обеспечения гарантий при изменении условий трудового договора (ст. 74 ТК РФ). Но ведь стороны породили их при его заключении. Если работник отказывается работать в новых условиях по истечении двухмесячного срока предупреждения, работодатель может расторгнуть трудовой договор на основании п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ или п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ. В такой ситуации часто возникают конфликты между интересами сторон трудового договора. Работодатель заинтересован в изменении его условий, а работник желает остаться работать в уже существующих условиях, на которые он согласился при его заключении. На практике разрешение таких трудовых споров сталкивается с определенными трудностями, обусловленными недостаточной четкостью формулировки норм трудового законодательства.

Хотя ради объективности следует заметить, что в этих случаях, как правило, учитываются интересы работодателя. Они дают возможность работодателю регулировать его предпринимательскую деятельность надлежащим образом. Перемещение и перевод эффективно используются для устранения сбоев в работе, предупреждения простоев и обеспечения полной загрузки рабочего времени. Перевод смягчает последствия текучести кадров, выступает эффективным средством сохранения кадров на предприятии, с другой стороны, в них учитываются и интересы работника. Трудовое законодательство гарантирует работникам обеспечение их прав в случае перевода на другую работу, то есть перераспределение кадров должно осуществляться со строгим соблюдением принципа добровольности. Кроме того, в целях охраны труда и здоровья работников трудовое законодательство предусматривает случаи, когда работодатель обязан переводить работника на более легкую работу, а следовательно, это позволяет сохранить трудовые отношения.

Находит свое проявление свобода трудового договора и в возможности прекращения трудовых правоотношений. Такую возможность имеют обе стороны. Однако практика не исключает возможного противоречия желаний работника и работодателя. Например, работник желает уволиться, а работодатель заинтересован в продолжении трудовых правоотношений с ним. Такая ситуация трудовым законодатель-

ством, в частности ст. 80 ТК РФ, решается в пользу работника. Другое решение не соответствовало бы принципу свободы трудового договора, не обеспечивало бы право работника на выбор места работы. С другой стороны, если работодатель заинтересован в работнике, то он должен принять меры как организационного, так и материального характера для устранения причины увольнения работника. Работник постоянно требует соблюдение оптимального баланса между своими затратами и их компенсацией. При отсутствии компенсации будет наблюдаться ослабление интереса к такого рода деятельности. Удовлетворенность работой влияет на ее количественные и качественные результаты. Следовательно, существование устойчивого равновесия в процессе обмена и производства в определенной степени будет способствовать согласованию интересов работодателя и работника.

Встречаются и противоположные ситуации, когда у работодателя возникает желание освободиться от услуг конкретного работника, хотя у работника такого желания нет. Если стороны не в состоянии найти консенсус, то расторгнуть трудовой договор работодатель может только в случаях, установленных законодательством. В отличие от свободы расторжения трудового договора по инициативе работника, последняя у работодателя ограничена. В будущем, когда имидж работодателей будет другим, нормы, регулирующие прекращение трудового договора, должны характеризовать высокий уровень прав в сфере труда и выступать надежным гарантом от незаконных увольнений.

В условиях рыночной экономики актуальным является основание прекращения трудового договора по соглашению его сторон. Свобода проявляется не только в согласовании интересов сторон в процессе заключения трудового договора, а и в достижении обоюдного согласия на его прекращение. На практике это основание вызывает много недоразумений. Это объясняется тем, что в законе нет никаких объяснений порядка его применения. Для его реализации обязательно должно быть взаимное согласие и главное – учет интересов работника и работодателя. Они самостоятельно решают вопрос о сроке прекращения трудового договора.

К сожалению, общего мнения ученых по этому вопросу нет. А.Д. Зайкин, например, считает, что предложение о прекращении трудового договора по соглашению сторон может исходить только от работника, а не от работодателя [9, с. 47]. Р.З. Лившиц высказал мнение, что инициатива работодателя возможна, но лишь тогда, когда она опирается на соответствующий перечень оснований прекращения трудового договора, который содержится в законе [11, с. 159-160]. На наш взгляд, требованиям договорного регулирования трудовых отношений в большей степени соответствует мнение о том, что инициатива прекращения трудового договора по соглашению сторон может исходить от любой его стороны, а установление какого-либо перечня, который ограничивает свободу действий работодателя не оправдано [8, с. 12]. Преимущества такого основания ни в коем случае не означают отказ от расторжения договора в одностороннем порядке. В этой работе не раскрывается сущность и особенности всех оснований прекращения трудового договора. В ней исследуются вопросы, связанные с правами в сфере труда, а поэтому нельзя не коснуться теоретических положений, которые рассматриваются в аспекте совершенствования механизма реализации трудовых прав, а также правового регулирования отношений. Трудовой договор – это соглашение двух сторон и поэтому каждая из его сторон может расторгнуть его в одностороннем порядке. Такое право более

полно гарантируется трудовым законодательством работнику. Закон устанавливает единственное условие для работника – необходимость подачи письменного заявления в установленный срок о своем намерении уволиться (ст. 80 ТК РФ).

Законодательство гарантирует защиту от незаконного увольнения. В частности, по инициативе работодателя трудовой договор может быть расторгнут только в случаях, предусмотренных законодательством. Перечень этих оснований закреплен в законодательстве о труде, в частности в ТК РФ и не подлежит расширенному толкованию. Эти принципы национального законодательства соответствуют международно-правовым стандартам. Так, в актах МОТ предусмотрены критерии законного прекращения трудовых отношений (ст. 5 Конвенции № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» 1982 г.). Все основания увольнений по его инициативе можно объединить в три главные группы: экономические и производственные факторы; несоответствие работника выполняемой работе; виновные действия работника [13, т. 2, с. 1223].

Случаи расторжения трудового договора по инициативе работодателя ограничивается нормами, которые приняты в централизованном порядке и имеют императивный характер. Не противоречит ли это принципам договорного регулирования? Не уместнее ли самим сторонам трудового договора предусматривать в будущем возможные основания его расторжения? Сама по себе такая идея имеет смысл и в будущем она получит свое продолжение. На современном этапе развития нашего государства еще не созданы надлежащие условия и скорее всего это приведет к злоупотреблению работодателями и поставит работника еще в большую зависимость от работодателя.

Исходя из реалий, заслуживает внимания проблема защиты трудовых прав работников. Да, действительно каждый из участников трудовых правоотношений имеет свои интересы, которые, к сожалению, часто являются противоположными. В связи с объективными обстоятельствами, работник находится в зависимости от работодателя, и в реализации своих прав он вынужден заботиться об их защите.

Конституция РФ к возможностям правовой защиты трудовых прав добавила еще одну: каждый имеет право любыми не запрещенными законом средствами защищать свои права и свободы от нарушений и противоправных посягательств (ст. 45) [12]. Конституционное закрепление этого права вызывает необходимость исследования различных его аспектов, включая способы реализации. Так, в ст. 14 ГК РФ [7] закреплено, что уполномоченное лицо с целью самозащиты имеет право принимать меры, не предусмотренные в законе, однако указанные в договоре, а также такие, которые не предусмотрены ни в законе, однако указанные в договоре, а также такие, которые не предусмотрены ни в законе, ни в договоре, однако прямо законом не запрещены. В исследованиях по римскому праву защита, исходящая от частного лица, называется в большинстве случаев «самоуправством», «самосудом» [19, с. 102-104]. Хотя он является самым естественным средством, когда лицо может своими силами восстановить нарушенные права. Право на самозащиту соответствует естественному стремлению лица к самосохранению, поэтому оно рассматривается как естественное и неотъемлемое право лица, существующее от рождения.

Целесообразность существования права на самозащиту как элемента правового механизма обеспечения незыблемости прав и интересов лица, в юридической литературе обосновывалось тем, что самозащита обеспечивает быструю и очень экономную охрану права, поскольку заинтересованному лицу не нужно обращаться в

суд и нести процессуальные издержки, поэтому самозащита прав нередко отдается предпочтению уполномоченным лицом перед защитой таких прав компетентными государственными органами. По общему правилу лицо прибегает к самозащите не потому, что лишено иной возможности обеспечить охрану своих интересов, а потому что ему это удобнее. Расширение возможности самостоятельной защиты прав включает в себя и определенную опасность, обусловленную несовершенством человеческой природы. Право на самозащиту предусмотрено в законодательстве государств, имеющих стабильность в экономическом и политическом плане, ибо, чем культурнее среда, тем шире должна быть внесудебная защита.

В ТК РФ среди основных средств защиты трудовых прав работников предусмотрена самозащита и его формы (ст. 379 ТК РФ) [18]. Учитывая многообразие жизненных обстоятельств, в законодательстве невозможно предусмотреть исчерпывающий перечень средств самозащиты. Основанием для применения этой формы защиты будет выступать нарушение работодателем своих обязательств. Таким образом могут защищаться как индивидуальные, так и коллективные права в сфере труда. Формой такой самозащиты выступает забастовка, право на которую предусмотрено в действующем законодательстве. Следовательно, закрепление в трудовом законодательстве возможности самозащиты является еще одним шагом в направлении утверждения человека высшей социальной ценностью, поскольку право на самозащиту является естественным правом. Такая форма защиты вполне соответствует методу трудового права, свободе трудового договора и выступает важной гарантией незабываемости прав и интересов работников.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Право, азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. – М., 1997.
2. Анисимов Л.Н. Трудовой договор. Права и обязанности. М.: Деловой двор, 2009, – 288 с.
3. Вестник Верховного Суда Российской Федерации. – 1993. – № 3.
4. Гинцбург Л.Я. Социалистическое трудовое правоотношение. – М.: Наука, 1977. – 309 с.
5. Глотова, И.А. К вопросу об индивидуально-договорном регулировании трудовых отношений: сущность, значение и пределы реализации // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 84-90.
6. Гончарова Г.С. Переводы и перемещения в судебной практике. – Х.: высшая школа, 1982. 168 с.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
8. Дрижчаная С.В. Защита трудовых прав при заключении и прекращении трудового договора в условиях рынка : автореф. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05 / С.В. Дрижчаная. – Харьков, 1996
9. Зайкин А.Д. Трудовой договор (контракт) / А.Д. Зайкин. – М.: Городец, 1995. 287 с.
10. Иванов В.В. Общая теория договоров / В.В. Иванов. – М.: Юрист, 2006. – 238 с.
11. Иванов С.А. Советское трудовое право: вопросы теории / С.А. Иванов, Р.З. Лившиц, Ю.П. Орловский. – М.: Наука, 1978. – 368 с.
12. Конституция Российской Федерации, (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). // URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
13. Международная организация труда. Конвенции и рекомендации, принятые МОТ 1965-1999 гг. : в 2 т. // Международное бюро труда. – Женева
14. Пашков А.С. Правовое регулирование подготовки и распределения кадров. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.
15. Процевский, В.А. Правовые предписания, с помощью которых достигается необходимое поведение субъектов трудовых правоотношений // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2022. – Т. 24, № 2. – С. 111-118.
16. Процевский, В.А. Составляющие общественной организации труда, определяющие его правовое регулирование / В.А. Процевский, Е.В. Горлов // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 44, № 4. – С. 103-113. – DOI 10.21779/2224-0241-2022-44-4-103-113.
17. Таль Л.С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. Ч.1: Общее учение. М.: Статут, 2006.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
19. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития : ч. 1 Введение. Кн 1. Исходные точки римского права; пер. с нем. – 3-е изд. – СПб.: Тип В. Безобразова и комп., 1875. – 309 с.

Procevsckij V. A., Ochkurenko S. V., Gorlov E. V. Employment contract as a source of individual contractual regulation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 395–406.

The article deals with the problems of individual contractual regulation of labor relations. The principle of freedom of labor is analyzed, which finds its development and is transformed into the principle of freedom of the labor contract. At its core, this principle determines the characteristic features of an employment contract, emphasizing the peculiarities of the individual contractual regulation of the latter. This refers to the scope, boundaries and essence of the legal regulation of relations that arise on the basis of an employment contract. Combination of freedom to exercise the right to work, freedom to conclude an employment contract (elements of private law) with strict rules of legislative consolidation of legal guarantees (elements of public law) testifies to the peculiarities of the method of regulating labor relations. From this combination of elements of private and public law, the connecting link of which is an employment contract, the most important functions of an employment contract follow. The regulatory function of the employment contract really has a great future, which is what this study is about. But as far as contract law is concerned, we think this is perhaps an immense future. Unfortunately, the employer has not yet realized his role in society, not only as an owner, but also as an organizer of the labor process. Therefore, certain control over the creation of appropriate working conditions is necessary. The legislation defines the relevant rights and obligations of the parties in order to protect the interests of the employee, as well as to prevent negative consequences for the employer.

Keywords: freedom of labor, right to work, freedom of labor contract, individual contractual regulation, balance of interests of the parties, dynamics of labor relations, social dialogue, production efficiency, labor results, socio-economic rights, elements of private and public law, labor function, civil relations, essential and optional terms of the contract, dismissal, social conflicts, extra-judicial protection.

Spisok literatury:

1. Alekseev S.S. Pravo, azbuka, teoriya, filosofiya. Opyt kompleksno-go issledovaniya. – M., 1997. – 304 s.
2. Anisimov L.N. Trudovoi dogovor. Prava i obyazannosti / L.N. Ani-simov. M. : Delovoi dvor, 2009, – 288 s.
3. Vestnik Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii. – 1993. – № 3.
4. Gintsburg L.YA. Sotsialisticheskoe trudovoe pravootnoshenie. M. : Nauka, 1977. – 309 s.
5. Glotova, I.A. K voprosu ob individual'no-dogovornom reguliro-vanii trudovykh otnoshenii: sushchnost', znachenie i predely realizatsii / I.A. Glotova // Zhurnal rossiiskogo prava. – 2018. – № 9(261). – S. 84-90.
6. Goncharova G.S. Perevody i peremeshcheniya v sudebnoi praktike. – KH. : vysshaya shkola, 1982. 168 s.
7. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (GK RF) // URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
8. Drizhchanaya S.V. Zashchita trudovykh prav pri zaklyuchenii i prekra-shchenii trudovogo dogovora v usloviyakh rynka : avtoref. Dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.05 / S.V. Drizhchanaya. – Khar'kov, 1996.
9. Zaikin A.D. Trudovoi dogovor (kontrakt) / A.D. Zaikin. – M. : Go-rodets, 1995. 287 s.
10. Ivanov V.V. Obshchaya teoriya dogovorov / V.V. Ivanov. – M.: Yurist", 2006. – 238 s.
11. Ivanov S.A. Sovetskoe trudovoe pravo: voprosy teorii. – M. : Nauka, 1978. – 368 s.
12. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii, (prinyata vsenarodnym goloso-vaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golo-sovaniya 01.07.2020). // URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
13. Mezhdunarodnaya organizatsiya truda. Konventsii i rekomendatsii, prinyatye MOT 1965-1999 gg. : v 2 t. // Mezhdunarodnoe byuro truda. – Zheneva
14. Pashkov A.S. Pravovoe regulirovanie podgotovki i raspredeleniya kadrov. L. : Izd-vo LGU, 1966. – 188 s.
15. Protsevsckii, V.A. Pravovye predpisaniya, s pomoshch'yu kotorykh do-stigaetsya neobkhodimoe povedenie sub"ektov trudovykh pravootnoshenii / V.A. Protsevsckii, E.V. Gorlov, S.A. Zaporozhets // Aziatsko-tikhookeanskii region: ehkonomika, politika, pravo. – 2022. – Т. 24, № 2. – S. 111-118.
16. Protsevsckii, V.A. Sostavlyayushchie obshchestvennoi organizatsii truda, opredelyayushchie ego pra-vovoe regulirovanie // Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – Т. 44, № 4.
17. Tal' L.S. Trudovoi dogovor. Tsivilisticheskoe issledovanie. CH. 1: Obshchee uchenie. M.: Statut, 2006.
18. Trudovoi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 22.11.2021)
19. Iering R. Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya : ch. 1 Vvedenie. Kn 1. Iskhodnye tochki rimskogo prava; per. s nem. – 3-e izd. – SPb. : Tip V. Bezobrazova i komp., 1875. – 309 s.

УДК 349.444

К ВОПРОСУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ МАНЕВРЕННОГО ФОНДА ГРАЖДАНАМ

Прудникова А. Е.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Целью статьи выступает анализ теоретических и практических вопросов, возникающих при предоставлении гражданам жилых помещений маневренного жилищного фонда, входящих в состав специализированного фонда Российской Федерации. Установлено, что маневренный фонд, имеющийся в большинстве субъектов Российской Федерации, находится либо в неудовлетворительном техническом состоянии, либо объема его площадей недостаточно для отселения граждан в комфортные условия проживания при обеспечении временным жильем. В результате проведенного исследования автором сформулированы выводы, а также некоторые проблемные аспекты теоретического и правоприменительного характера. Так определено, что на законодательном уровне следует предусмотреть порядок, устанавливающий перевод свободных жилых помещений специализированного фонда в жилые помещения маневренного фонда.

Ключевые слова: специализированный жилищный фонд, маневренный фонд, жилые помещения, капитальный ремонт, наниматель жилого помещения, собственник жилого помещения, залог недвижимости.

Жилые помещения маневренного фонда относятся к специализированному жилищному фонду Российской Федерации и предоставляются гражданам, в случаях, предусмотренных законодательством, за плату во владение и пользование для временного проживания в нем. Маневренный фонд может быть создан по решению собственника соответствующего жилищного фонда или уполномоченного им органа. Жилые помещения должны отвечать санитарным, противопожарным и техническим требованиям.

В Жилищном кодексе Российской Федерации (далее – ЖК РФ) отсутствует четкое определение понятия «маневренный фонд». В подавляющем большинстве субъектов РФ также не дано определения данному понятию. Но отдельные субъекты, в своем законодательстве все же закрепили, что «жилые помещения маневренного фонда предназначены для временного проживания граждан» [1]. В Краснодарском крае постановлением главы администрации Краснодарского края от 21.12.2005 № 1215 «Об утверждении положения о порядке формирования и использования маневренного фонда, предназначенного для временного проживания лиц, утративших единственное жилое помещение вследствие невыполнения своих обязательств по выплате ипотечного кредита» определялось, что «маневренный фонд (фонд для временного поселения граждан) – это совокупность жилых помещений, находящихся в государственном и муниципальном жилищном фонде, предназначенных для временного проживания граждан, утративших жилые помещения в результате обращения взыскания на эти жилые помещения, которые были приобретены за счет кредита банка или иной кредитной организации либо средств целевого займа, предоставленного юридическим лицом на приобретение жилого помещения, и заложены в обеспечение возврата кредита или целевого займа, если на момент обращения взыскания такие жилые помещения являются для них единственными» [2]. В

настоящее время названное постановление утратило силу, а действующий Закон Краснодарского края от 4.04.2008 № 1450-КЗ «О специализированном жилищном фонде в Краснодарском крае» [3], к жилым помещениям специализированного жилищного фонда Краснодарского края относит только служебные жилые помещения; жилые помещения в общежитиях; жилые помещения в домах системы социального обслуживания граждан; жилые помещения для социальной защиты отдельных категорий граждан; жилые помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Определения «маневренному фонду» закон Краснодарского края не только не дает, но и не упоминает об этом фонде вообще.

Доктрина не отличается разнообразием определения понятия «маневренный фонд». Так, С.П. Гришаев определяет «маневренный фонд как особую разновидность жилищного фонда временного срочного и возмездного пользования, предоставляемого в предусмотренных законом случаях» [4]. Ю.П. Свит понимает под маневренным фондом «временное жилье, предоставляемое до получения (приобретения) гражданином иного жилья либо пока не отпадут обстоятельства, препятствующие пользованию имеющимся у него жилым помещением, либо не наступят иные обстоятельства, с которыми законодатель связывает прекращение договора найма жилого помещения маневренного фонда» [5, с. 9]. Е.А. Шипунова под маневренным фондом подразумевает «совокупность жилых помещений, находящихся в государственной или муниципальной собственности, предоставляемых временно определенным категориям граждан, указанным в ст. 95 ЖК РФ, и членам их семей, вынужденных покинуть свои жилые помещения (лишившихся жилых помещений), являющихся для них единственными» [6, с. 23].

В ст. 95 ЖК РФ перечислены четыре основания, в соответствии с которыми гражданам предоставляются во временное пользование такие жилые помещения. Первым является основание, при котором жилые помещения маневренного фонда предоставляются гражданам в случае, если дом, в котором находятся занимаемые по договорам социального найма жилые помещения, подлежит капитальному ремонту или реконструкции, проведение которых невозможно без выселения нанимателя. При этом в соответствии со ст. 88 ЖК РФ наймодатель обязан предоставить нанимателю и членам его семьи другое жилое помещение [7, с. 25.], а переселение нанимателя и членов его семьи в жилое помещение маневренного фонда и обратно осуществляется согласно ст. 106 ЖК РФ за счёт наймодателя. Как было отмечено в Определении судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 6.12.2017 № 78-КГ17-72, ЖК РФ не ограничивает конкретный срок, на который может предоставляться помещение маневренного фонда, связывая его окончание с устранением обстоятельств, послуживших основанием для переселения в такое помещение [8].

Касаемо нанимателей, все предельно ясно, а в отношении собственников возникает вопрос, как в такой ситуации им поступать, если они также должны освободить жилые помещения на период проведения капитального ремонта. Ни ЖК РФ, ни постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [9] не регулируют вопросы,

связанные с отселением собственников жилых помещений при проведении капитального ремонта многоквартирного жилого дома.

Согласно ст. 189 ЖК РФ капитальный ремонт не может быть проведен без согласия собственников, также необходимо обозначить место проживания собственников при согласовании с ними проведения капитального ремонта или реконструкции. В случае, если жилое помещение является единственным их местом проживания, то взамен им должно предоставляться жилое помещение в маневренном фонде.

При отказе нанимателя от переселения наймодатель вправе потребовать переселения в судебном порядке, что подтверждает и судебная практика. Так, разрешая спор и удовлетворяя требования МКУ КЖУ о выселении ответчиков Бортник Л.И. и Бортник А.А. в маневренный фонд на время проведения капитального ремонта, суд первой инстанции пришел к выводу, предоставляемое помещение в маневренном фонде – это комната в коммунальной квартире жилой площадью 19 кв.м, общей площадью 25,3 кв.м, пригодна для проживания и соответствует норме предоставления жилого помещения в маневренном жилом фонде. Капитальный ремонт жилого помещения невозможно провести без отселения истцов, а потому они подлежат переселению в маневренный фонд на весь период проведения собственником капитального ремонта жилого помещения. Доказательств, свидетельствующих, что в результате ремонта занимаемая ответчиками квартира не может быть сохранена или её площадь уменьшится, Бортник Л.И. и Бортник А.А. представлено не было. [10]. Жилые помещения маневренного фонда предоставляются гражданам из расчета не менее 6 кв. м жилой площади на 1 человека.

Органы местного самоуправления, выступая в качестве наймодателя по договору социального найма в отношении жилых помещений, находящихся в муниципальной собственности могут требовать в судебном порядке переселения нанимателей и членов их семей, занимающих такие помещения на условиях договора социального найма, в жилые помещения маневренного фонда, что установлено федеральным законом. Однако в отношении собственников жилых помещений иски о принудительном переселении не могут быть удовлетворены, поскольку законом не предусмотрена возможность такого переселения из жилого помещения, которое расположено в доме, подлежащем реконструкции, либо капитальному ремонту, либо сносу, в жилое помещение маневренного фонда. Данное положение подтверждается и судебной практикой.

Так, Фарманчук является собственником жилого помещения в доме, который на основании постановления администрации города Вологды признан аварийным и подлежащим сносу. Из-за признания дома аварийным, а также в случае возникновения чрезвычайной ситуации и угрозы обрушения дома администрация города Вологды предложила Фарманчуку и Полуэктовой для временного заселения на период проведения процедуры изъятия жилого помещения переселить их в жилье маневренного фонда, но от данного предложения ответчики отказались. Как указал суд в апелляционном определении, нормы ст. 95 и 106 ЖК РФ не устанавливают обязанности собственника жилого помещения в доме, который признан аварийным и подлежит сносу, по переселению в жилое помещение маневренного фонда. Выселить собственника принудительно возможно лишь путем изъятия у него жилого помещения согласно ст. 32 ЖК РФ [11]. Аналогичная правовая позиция содержится и в других судебных решениях [12].

Таким образом, нормы ст. 88 ЖК РФ, устанавливающей предоставление жилья маневренного фонда, не могут применяться к собственникам жилых помещений. То есть, собственники жилых помещений и члены их семей во время реконструкции или капитального ремонта дома должны решать свои жилищные проблемы сами. Действующее жилищное законодательство не предусматривает принудительное переселение собственника жилого помещения в жилое помещение маневренного фонда согласно требованию органов местного самоуправления о временном ограничении права собственника владеть и пользоваться жилым помещением. Данный вопрос в соответствии с принципом свободы договора может быть решен только на основании соглашения сторон.

Следующее основание, предоставления гражданам во временное пользование жилых помещений в домах маневренного фонда – это утрата жилого помещения вследствие обращения на него взыскания, если данное жилое помещение было приобретено за счет кредита банка или иной кредитной организации либо за счет средств целевого займа, предоставленного юридическим лицом на приобретение жилого помещения, и заложено в обеспечение возврата кредита или целевого займа, при условии, что на момент обращения взыскания это жилье было единственным для-граждан, которые в нем проживали.

Однако данное основание сформулировано недостаточно четко, так как в ЖК РФ не прописан механизм выселения гражданина, в случае обращения взыскания на заложенное имущество. Помимо этого, не предусмотрена нормативная база, регулирующая порядок предоставления и использования жилых помещений маневренного фонда в данной ситуации. Тем не менее условия и порядок обращения взыскания на заложенное жилое помещение, а также его реализации регулируется ФЗ от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» [13] (далее – Закон об ипотеке) и некоторыми другими нормативными актами.

Как отмечает Л.Ю. Грудцына, «если заемщик не выполняет свои обязательства по договору, залогодержатель вправе обратиться взыскание на жилое помещение с последующей его реализацией. Процедура реализации осуществляется для погашения кредитной задолженности заемщика перед кредитором» [14, с. 18]. И.В. Осадченко полагает, что «залогодержатель может обратиться взыскание на заложенное по договору об ипотеке имущество в целях удовлетворения за счет этого имущества требований, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства, в том числе вызванных неуплатой либо несвоевременной уплатой суммы долга полностью или в части, если договором не предусмотрено иное» [15, с. 42].

В соответствии с абзацем первым 1 п. 1 ст. 446 ГПК РФ на принадлежащий гражданину-должнику жилой дом не может быть обращено взыскание, если дом должника является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. Из данного правила, по мнению О.П. Казаченок, есть исключение. Согласно п. 1 ст. 348 ГК РФ и ст. 50 Закона об ипотеке возможно обращение взыскания задолженности по кредиту или целевому займу на жилой дом или квартиру при том, что соответствующие жилые помещения были заложены по договору ипотеки, либо ипотеки в силу закона в обеспечение возврата кредита или целевого займа, предоставленных на приобретение или строительство жилого дома или квартиры, в слу-

чаях неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств перед кредитором [16, с. 5].

В этой связи в постановлении Первого арбитражного апелляционного суда от 27.01.2020 по делу № 01АП-11108/19 было отмечено, что в соответствии с положениями п. 1 и 2 ст. 6, п. 1 ст. 50 ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» залогодержатель вправе обратиться с иском на квартиру, заложенную по договору об ипотеке, для удовлетворения за счет этой квартиры требований, вызванных неисполнением или ненадлежащим исполнением обеспеченного ипотекой обязательства, причем независимо от того, на какие цели предоставлен заем (кредит); сам по себе факт наличия у гражданина-должника жилого помещения, являющегося для него и членов его семьи единственным пригодным для постоянного проживания, не препятствует обращению с иском на него, если оно обременено ипотекой [17].

С учетом п. 4 ст. 50 Закона об ипотеке залогодержатель может потребовать досрочного исполнения, обеспеченного ипотекой обязательства, а при невыполнении этого требования – обращения с иском на заложенное имущество независимо от надлежащего либо ненадлежащего исполнения обеспечиваемого ипотекой обязательства. Причиной такого требования может стать, к примеру, грубое нарушение правил содержания или ремонта, правил пользования либо нарушение обязанностей по страхованию в отношении заложенного жилого помещения.

Условием, которое необходимо для возможности обращения с иском на жилое помещение, является предоставление кредита или целевого займа банком или иной кредитной организацией либо иным юридическим лицом [18, с. 15].

В соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ, п. 1 ст. 78 Закона об ипотеке, правовой позицией ВС РФ, приведенной в Определении судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 6.08.2013 № 24-КГ13-4 предусмотрена возможность обращения с иском по исполнительным документам на жилое помещение, являющееся предметом ипотеки, даже если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. Жилой дом или квартира, которые заложены по договору об ипотеке и на которые обращено с иском, реализуются путем продажи с торгов, проводимых в форме открытого аукциона или конкурса. Однако в случаях, когда жилое помещение было заложено в обеспечение займа между физическими лицами и оно является единственным жильем для заемщика, на такое жилое помещение не может быть обращено с иском [19, с. 39]. Так, Коновалов обратился в суд с исковыми требованиями к Хатунцевой об обращении заложенного имущества в пользу залогодержателя. В обоснование своих требований Коновалов указывал на то, что между сторонами был заключен кредитный договор с залоговым обеспечением. В соответствии с условиями договора истец предоставил ответчику заем на сумму 150000 руб., ответчик предоставила в залог квартиру, принадлежащую ей на праве собственности, для обеспечения исполнения обязательств на основании договора ипотеки, заключенного между сторонами.

Судом обозначено, что в силу п. 1 ст. 348 ГК РФ с иском на заложенное имущество для удовлетворения требований залогодержателя может быть обращено в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником обеспеченного залогом обязательства. Наряду с этим гл. XIII Закона об ипотеке устанавливает особенности ипотеки жилых домов и квартир. Согласно ч. 1 ст. 78 указанного Закона

его специальным нормам обращение залогодержателем взыскания на заложенные жилой дом или квартиру и реализация этого имущества являются основанием для прекращения права пользования ими залогодателя и любых иных лиц, проживающих в таких жилом доме или квартире, при условии, что такие жилой дом или квартира были заложены по договору об ипотеке либо по ипотеке в силу закона в обеспечение возврата кредита или целевого займа, предоставленных банком или иной кредитной организацией либо другим юридическим лицом на приобретение или строительство таких или иных жилого дома или квартиры, их капитальный ремонт или иное неотделимое улучшение, а также на погашение ранее предоставленных кредита или займа на приобретение или строительство жилого дома или квартиры.

Следовательно, обращение взыскания на квартиру, которая была заложена по договору ипотеки в обеспечение возврата кредита или целевого займа, допускается судом в случае, если кредит или займ был предоставлен банком или иной кредитной организацией либо другим юридическим лицом. В рассматриваемом случае суд отказал в удовлетворении требований об обращении взыскания на заложенную квартиру, которая является единственным жильем [20].

Еще одним основанием для предоставления гражданам во временное пользование жилых помещений маневренного фонда считается признание единственного жилого помещения непригодным для проживания в результате чрезвычайных обстоятельств. Жилые помещения маневренного фонда могут предоставляться на период до предоставления гражданам жилых помещений в постоянное пользование в соответствии с законом. Данное положение перекликается с п. 1 ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, которой установлено, что гражданам, чьи жилые помещения стали непригодными для проживания, а также не подлежат ремонту или реконструкции, вне очереди предоставляются жилые помещения по договорам социального найма. ЖК РФ не дает определения понятию «чрезвычайные обстоятельства», но в доктрине к ним относят независимые от воли людей такие обстоятельства как, например, стихийные бедствия, эпидемии, аварии, пожары, разрушение дома и т.п.

Как было отмечено в одном из обзоров судебной практики, ст. 95 и 106 ЖК РФ, связывая непригодность для проживания жилых помещений чрезвычайными обстоятельствами, не определяют перечень таких обстоятельств или их признаки. Таким образом, чрезвычайными обстоятельствами могут считаться любые обстоятельства, существенно отличающиеся от обычных, как по своему характеру, так и по вызываемым ими последствиям. Суд первой инстанции в качестве чрезвычайных обстоятельств определил резкое ухудшение технического состояния жилого дома, реальную возможность его обрушения, непосредственную угрозу жизни и здоровью проживающих в этом доме граждан [21]. В Определении КС РФ от 5.03.2009 № 376-О-П указал, что если жилое помещение в установленном порядке признано непригодным для проживания, а также не подлежащим ремонту и реконструкции, обязанность по оказанию содействия в обеспечении нормальных жилищных условий гражданам, лишившимся жилища и не имеющим возможности обеспечить себя жильем самостоятельно, возлагается на государство – органы государственной власти и органы местного самоуправления [22].

В этой связи суды, опираясь на ст. 1 ЖК РФ, устанавливающую, что жилищное законодательство основывается на необходимости обеспечения органами государственной власти и органами местного самоуправления условий для осуществления

гражданами права на жилище, его безопасности, на неприкосновенности и недопустимости произвольного лишения жилища, на необходимости беспрепятственного осуществления вытекающих из отношений, регулируемых жилищным законодательством, прав, а также на признании равенства участников регулируемых жилищным законодательством отношений по владению, пользованию и распоряжению жилыми помещениями, если иное не вытекает из ЖК РФ, другого федерального закона или существа соответствующих отношений, на необходимости обеспечения восстановления нарушенных жилищных прав, их судебной защиты, обеспечения сохранности жилищного фонда и использования жилых помещений по назначению, занимают однозначную позицию, направленную на отселение граждан из жилых помещений, признанных непригодными для проживания, в жилые помещения маневренного фонда [23]. Договор найма жилого помещения маневренного фонда должен заключаться на период до завершения расчетов с гражданами, единственное жилое помещение которых стало непригодным для проживания в результате чрезвычайных обстоятельств.

По постановлению Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 «Об утверждении правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений» [24] наймодатель обязан на время капремонта или реконструкции жилого дома предоставить жилые помещения маневренного фонда в целях временного поселения вынужденных переселенцев, лиц, признанных беженцами, предоставить жилые помещения лицам, занимающим служебные жилые помещения и жилые помещения в общежитиях.

Минстрой России провел исследования маневренного фонда. В результате проведенного мониторинга выявлено, что маневренный фонд, имеющийся в большинстве субъектов РФ, находится либо в неудовлетворительном техническом состоянии, либо объема его площадей недостаточно для отселения граждан в комфортные условия проживания при обеспечении временным жильем. В этой связи в 2014 г. Уполномоченный по правам человека в РФ в своем докладе указывал, что в России нет сформированного государственного и муниципального маневренного жилищного фонда. Отмечался дефицит жилых помещений маневренного фонда, их неудовлетворительное инженерно-техническое состояние [25].

В большинстве субъектов РФ имеющийся маневренный фонд либо требует ремонта (например, в Курганской области – более 75%, в Удмуртской Республике – 68%) [26], либо отсутствует вообще. В настоящее время ситуация, можно сказать, не изменилась. Граждане, утратившие жилье в результате стихийных бедствий, не смогут рассчитывать на оказание поддержки в таких субъектах Российской Федерации, как Республики Адыгея, Бурятия, Тыва, Саратовская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, поскольку в названных субъектах из-за отсутствия финансирования маневренный фонд полностью отсутствует. Так, 11.08.2021 в пос. Пашковский г. Краснодара произошел пожар из-за взрыва газа в четырехэтажном многоквартирном доме. В доме проживали 53 чел. Жителей, в связи с отсутствием маневренного фонда в г. Краснодар, заселили в гостиницу «Москва» [27].

Сложившаяся неудовлетворительная ситуация в конкретных субъектах РФ, связанная с отсутствием жилых помещений маневренного фонда, либо недостаточностью их количества свидетельствует о бездействии субъектов РФ или отдельных

администраций муниципальных образований при решении вопросов об обеспечении нуждающихся граждан в таких жилых помещениях.

Обязанность по созданию маневренного жилищного фонда законом не поставлена под условие реальной нуждаемости и необходимости создания маневренного фонда в каждом субъекте РФ, в том числе в каждом муниципальном образовании, однако это не может служить основанием для отказа гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, к которой ст. 95 ЖК РФ относит утрату жилых помещений вследствие чрезвычайных ситуаций, либо при проведении капитального ремонта занимаемых гражданами жилых помещений, либо в случае утраты жилого помещения по другим основаниям, в реализации их прав, гарантированных Конституцией РФ и федеральным законом. Следовательно, для того чтобы жилищный фонд был максимально задействован, на законодательном уровне необходимо предусмотреть порядок, устанавливающий перевод свободных жилых помещений специализированного фонда в жилые помещения маневренного фонда в случае выявления обстоятельств, предусмотренных ст. 95 ЖК РФ в качестве оснований для предоставления соответствующих жилых помещений.

Список литературы:

1. О специализированном жилищном фонде Ростовской области: Областной закон от 19 мая 2006 № 496-ЗС – электронный ресурс. – Режим доступа – <http://old.donland.ru/документс/О-специализированном-жилищном-фонде-Ростовской-области?пагеид=128483&мид=134977&итемИд=200> (дата обращения: 06.06.2023)
2. Об утверждении положения о порядке формирования и использования маневренного фонда, предназначенного для временного проживания лиц, утративших единственное жилое помещение вследствие невыполнения своих обязательств по выплате ипотечного кредита: постановление главы администрации Краснодарского края от 21 декабря 2005 г. № 1215 // Кубанские новости. – 2005. – № 198.
3. О специализированном жилищном фонде в Краснодарском крае: Закон Краснодарского края от 4 апреля 2008 года № 1450-КЗ (ред. от 30.12.2022 г.) // Кубанские новости. – 2008. – № 59.
4. Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. – Специально для системы «Гарант», 2018. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/77551428/параграф/1370/хигхлигхт/5> (дата обращения: 06.06.2023)
5. Свит Ю.П. Договор найма специализированного жилого помещения // Жилищное право. – 2005. – № 3. – С. 9.
6. Шишунова Е.А. Жилищные правоотношения по найму специализированного жилого помещения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., – 2008. – С. 23.
7. Шишунова Е.А. Нет места для маневра // Юрист. – 2015. – № 12. – С. 25.
8. Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2017 г. № 78-КГ17-72 – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/71852388/параграф/1:4> (дата обращения: 06.06.2023)
9. Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом: Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 (редакция от 28.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 6. Ст. 702.
10. Апелляционные определения СК по гражданским делам Кировского областного суда от 16 июля 2019 г. по делу № 33-2926/2019. – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/309573784/параграф/1/доцлист/10378/хигхлигхт/9> (дата обращения: 06.06.2023).
11. Апелляционные определения СК по гражданским делам Вологодского областного суда от 27 февраля 2019 г. по делу № 33-1071/2019. – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/307486562/параграф/28:11> (дата обращения: 06.06.2023).
12. Апелляционные определения СК по гражданским делам Приморского краевого суда от 28 мая 2018 г. по делу № 33-4123/2018. – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/303337934/параграф/38:12> (дата обращения: 06.06.2023); Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 14 декабря 2016 г. по делу № 33-21995/2016. – Электронный ресурс. – Режим доступа –

- <https://интернет.гарант.ру/#/документ/145055653/параграф/35:13> (дата обращения: 06.06.2023); Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ханты-Мансийского автономного округа от 09 декабря 2014 г. по делу № 33-5504/2014 – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/132463966/параграф/35:14> (дата обращения: 06.06.2023)
13. Об ипотеке (залоге недвижимости): ФЗ от 16.07.1998 № 102-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 29. – Ст. 3400.
14. Грудтсына Л.Ю., Козлова М.Н. Система обращения взыскания и реализации жилья при неисполнении заемщиком обязательств по договору ипотеки // Законодательство и экономика. – 2006. – № 5. – С. 18.
15. Осадченко И.В. Некоторые особенности обращения взыскания на заложенные жилые при ипотечном кредитовании граждан // Жилищное право. – 2007. – № 4. – С. 42.
16. Казаченок О.П. Основание и порядок обращения взыскания на жилые помещения, являющиеся предметом залога // Легал Цонцепт. – 2016. – № 2 (31). – С. 5.
17. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 27 января 2020 г. № 01АП-11108/19 – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/63682079/параграф/71/доцлист/19317/хигхлигхт/:9> (дата обращения: 06.06.2023).
18. Бадулина И.В. Обращение взыскания на заложенные жилые помещения и выселение проживающих в нем лиц: проблемы правоприменительной практики // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 3. – С. 15.
19. Галкин Г.П. Защита прав гражданина при обращении взыскания на заложенные жилые помещения. М., – 2019. – С. 39.
20. Апелляционное определение СК по гражданским делам Саратовского областного суда от 16 апреля 2014 г. по делу № 33-2296. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://интернет.гарант.ру/#/документ/124701656/параграф/8/доцлист/1691> (дата обращения: 06.06.2023).
21. Обзор судебной практики рассмотрения судом Ямало-Ненецкого автономного округа по гражданским делам за 4 квартал 2010 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://интернет.гарант.ру/#/доцлист/2138:7> (дата обращения: 06.06.2023).
22. По жалобе гражданина Алексева Романа Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 376-О-П // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26. Ст. 3264.
23. Решение Богородицкого районного суда Тульской области от 01 ноября 2016 г. по делу № 2-1596/2016. – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://арбитр.гарант.ру/#/документ/144524494/параграф/51/хигхлигхт/> (дата обращения: 06.06.2023); Решение Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 марта 2019 г. по делу № 2-492/2019 – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://арбитр.гарант.ру/#/документ/307583325/параграф/21/хигхлигхт/> (дата обращения: 06.06.2023); Решение Суворовского районного суда Тульской области от 17 апреля 2019 г. по делу № 2-230/2019 – Электронный ресурс. – Режим доступа. – <https://арбитр.гарант.ру/#/документ/308304548/параграф/22/хигхлигхт/> (дата обращения: 06.06.2023).
24. Об утверждении правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений: постановление Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 (ред. от 18.07.2016). – Электронный ресурс. – Режим доступа – <https://басе.гарант.ру/12144682/>(дата обращения: 06.06.2023)
25. Бадулина И.В. Обеспечение права на жилище органами местного самоуправления / под общ. ред. П.В. Крашенинникова. М., – 2015. – С. 113.
26. Соблюдение и защита прав граждан в сфере жилищно-коммунального хозяйства: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 26 июля 2017 г. // Российская газета. – 2017. – № 163.
27. Ночью взорвался газ в многоквартирном доме Пашковского микрорайона Краснодара. – Электронный ресурс.– Режим доступа.– <https://ввв.юга.ру/неве/459093/> (дата обращения 06.06.2023).

Prudnikova A.E., To the question of the provision of residential premises maneuverable fund for citizens // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 407-417.

The purpose of the article is to analyze the theoretical and practical issues that arise when citizens are provided with residential premises of a mobile housing stock, which are part of the specialized fund of the Russian Federation. It has been established that the maneuverable fund, available in most constituent entities of the Russian Federation, is either in poor technical condition, or the volume of its area is not enough to resettle citizens into comfortable living conditions while providing temporary housing.

As a result of the study, the author formulated conclusions, as well as some problematic aspects of a theoretical and law enforcement nature. Thus, it is determined that at the legislative level it is necessary to provide for a procedure establishing the transfer of free residential premises of a specialized fund into residential premises of a mobile fund.

Keywords: specialized housing stock, maneuver Fund, residential premises, major repairs, tenant of a dwelling, owner of a dwelling, pledge of real estate.

Spisok literatury:

1. O spetsializirovannom zhilishchnom fonde Rostovskoy oblasti: Oblastnoy zakon ot 19 maya 2006 № 496-ZS – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <http://old.donland.ru/documents/O-spezializirovannom-zhilishchnom-fonde-Rostovskoj-oblasti?pageid=128483&mid=134977&itemId=200> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
2. Ob utverzhdenii polozheniya o poryadke formirovaniya i ispol'zovaniya manevrennogo fonda, prednaznachennogo dlya vremennogo prozhivaniya lits, utrativshikh yedinstvennoye zhiloye pomeshcheniye vsledstviye nevypolneniya svoikh obyazatel'stv po vyplate ipotechnogo kredita: postanovleniye glavy administratsii Krasnodarskogo kraya ot 21 dekabrya 2005 g. № 1215 // Kubanskiye novosti. – 2005. – № 198.
3. O spetsializirovannom zhilishchnom fonde v Krasnodarskom kraye: Zakon Krasnodarskogo kraya ot 4 aprelya 2008 goda № 1450-KZ (red. ot 30.12.2022 g.) // Kubanskiye novosti. – 2008. – № 59
4. Grishayev S.P. Postateynny kommentariy k Zhilishchnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. - Spetsial'no dlya sistemy «Garant», 2018 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/77551428/paragraph/1370/highlight/5> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
5. Svit YU.P. Dogovor nayma spetsializirovannogo zhilogo pomeshcheniya // Zhilishchnoye pravo. – 2005. – № 3. – S. 9.
6. Shipunova Ye.A. Zhilishchnoye pravootnosheniye po naymu spetsializirovannogo zhilogo pomeshcheniya: avtoref. dis. ...kand. yurid. nauk. M., – 2008. – S. 23.
7. Shipunova Ye.A. Net mesta dlya manevra // Yurist. – 2015. – № 12. – S. 25.
8. Opredeleniye SK po administrativnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 6 dekabrya 2017 g. № 78-KI17-72 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/71852388/paragraph/1:4> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
9. Ob utverzhdenii Polozheniya o priznanii pomeshcheniya zhilym pomeshcheniyem, zhilogo pomeshcheniya neprigodnym dlya prozhivaniya, mnogokvartirnogo doma avariynym i podlezhashchim snosu ili rekonstruktsii, sadovogo doma zhilym domom i zhilogo doma sadovym domom: Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 28 yanvarya 2006 g. № 47 (redaktsiya ot 28.09.2022) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2006. № 6. St. 702.
10. Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Kirovskogo oblastnogo suda ot 16 iyulya 2019 g. po delu № 33-2926/2019 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/309573784/paragraph/1/doclist/10378/highlight/9> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
11. Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Vologodskogo oblastnogo suda ot 27 fevralya 2019 g. po delu № 33-1071/2019 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/307486562/paragraph/28:11> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
12. Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Primorskogo krayevogo suda ot 28 maya 2018 g. po delu № 33-4123/2018 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/303337934/paragraph/38:12> (data obrashcheniya: 06.06.2023); Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Sverdlovskogo oblastnogo suda ot 14 dekabrya 2016 g. po delu № 33-21995/2016 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/145055653/paragraph/35:13> (data obrashcheniya: 06.06.2023); Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Suda Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga ot 09 dekabrya 2014 g. po delu № 33-5504/2014 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/132463966/paragraph/35:14> (data obrashcheniya: 06.06.2023)
13. Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti): FZ ot 16.07.1998 № 102-FZ (red. ot 20.10.2022) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 1998. – № 29. – St. 3400.
14. Grudtsyna L.YU., Kozlova M.N. Sistema obrashcheniya vzyskaniya i realizatsii zil'ya pri neispolnenii zayemshchikom obyazatel'stv po dogovoru ipoteki // Zakonodatel'stvo i ekonomika. – 2006. – № 5. – S. 18.
15. Osadchenko I.V. Nekotoryye osobennosti obrashcheniya vzyskaniya na zalozhennoye zil'ye pri ipotechnom kreditovanii grazhdan // Zhilishchnoye pravo. – 2007. – № 4. – S. 42
16. Kazachenok O.P. Osnovaniye i poryadok obrashcheniya vzyskaniya na zhiloye pomeshcheniye, yavlyayushcheyesya predmetom zaloga // Legal Concept. – 2016. – № 2 (31). – S. 5.
17. Postanovleniye Pervogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 27 yanvarya 2020 g. № 01AP-11108/19– [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – <https://internet.garant.ru/#/document/63682079/paragraph/71/doclist/19317/highlight/9> (data obrashcheniya: 06.06.2023)

18. Badulina Ye.V. Obrashcheniye vzyiskaniya na zalozhennoye zhiloye pomeshcheniye i vyseleniye prozhivayushchikh v nem lits: problemy pravoprimeritel'noy praktiki // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. – 2016. – № 3. – S. 15.
19. Galkin G.P. Zashchita prav grazhdanina pri obrashchenii vzyiskaniya na zalozhennoye zhiloye pomeshcheniye. M., – 2019. – S. 39.
20. Apellyatsionnoye opredeleniye SK po grazhdanskim delam Saratovskogo oblastnogo suda ot 16 aprelya 2014 g. po delu № 33-2296 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – [https://internet.garant.ru/#/document/124701656/paragraph/8/doclist/1691_\(data obrashcheniya: 06.06.2023\)](https://internet.garant.ru/#/document/124701656/paragraph/8/doclist/1691_(data obrashcheniya: 06.06.2023))
21. Obzor sudebnoy praktiki rassmotreniya sudom Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga po grazhdanskim delam za 4 kvartal 2010 goda – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – [https://internet.garant.ru/#/doclist/2138:7_\(data obrashcheniya: 06.06.2023\)](https://internet.garant.ru/#/doclist/2138:7_(data obrashcheniya: 06.06.2023))
22. Po zhalobe grazhdanina Alekseyeva Romana Vladimirovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav punktom 1 chasti 2 stat'i 57 Zhilishchnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 5 marta 2009 g. № 376-O-P // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2009. № 26. St. 3264.
23. Resheniye Bogoroditskogo rayonnogo suda Tul'skoy oblasti ot 01 noyabrya 2016 g. po delu № 2-1596/2016 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – [http://arbitr.garant.ru/#/document/144524494/paragraph/51/highlight/_\(data obrashcheniya: 06.06.2023\);](http://arbitr.garant.ru/#/document/144524494/paragraph/51/highlight/_(data obrashcheniya: 06.06.2023);)
Resheniye Salekhardskogo gorodskogo suda Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga ot 25 marta 2019 g. po delu № 2-492/2019 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – [http://arbitr.garant.ru/#/document/307583325/paragraph/21/highlight/_\(data obrashcheniya: 06.06.2023\);](http://arbitr.garant.ru/#/document/307583325/paragraph/21/highlight/_(data obrashcheniya: 06.06.2023);)
Resheniye Suvorovskogo rayonnogo suda Tul'skoy oblasti ot 17 aprelya 2019 g. po delu № 2-230/2019 – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – [http://arbitr.garant.ru/#/document/308304548/paragraph/22/highlight/_\(data obrashcheniya: 06.06.2023\)](http://arbitr.garant.ru/#/document/308304548/paragraph/22/highlight/_(data obrashcheniya: 06.06.2023))
24. Ob utverzhenii pravil otneseniya zhilogo pomeshcheniya k spetsializirovannomu zhilishchnomu fondu i tipovykh dogovorov nayma spetsializirovannykh zhilykh pomeshcheniy: postanovleniye Pravitel'stva RF ot 26.01.2006 № 42 (red. ot 18.07.2016) – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa – [http://base.garant.ru/12144682/\(data obrashcheniya: 06.06.2023\)](http://base.garant.ru/12144682/(data obrashcheniya: 06.06.2023))
25. Badulina Ye.V. Obespecheniye prava na zhilishche organami mestnogo samoupravleniya / pod obshch. red. P.V. Krashennnikova. M., – 2015. – S. 113.
26. Soblyudeniye i zashchita prav grazhdan v sfere zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva: Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii ot 26 iyulya 2017 g. // Rossiyskaya gazeta. – 2017. – № 163.
27. Noch'yu vzorvalsya gaz v mnogokvartirnom dome Pashkovskogo mikrorayona Krasnodara. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa. – <https://www.yuga.ru/news/459093/> (дата обращения 06.06.2023).

УДК 341.9

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Трифопова К. В.

Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Значительное увеличение количества трудящихся мигрантов как в мире, так и в нашем государстве ставит достаточно остро вопросы урегулирования трудовых отношений с ними. Международная глобализация в целом, и миграционная, в частности, интеграция правовых систем большинства стран мира, взаимозависимость экономических и дипломатических процессов, вопросы международного трудового права в контексте применения труда иностранных граждан и лиц без гражданства сохраняют свою актуальность. Если в прошлом остро стояли вопросы о правовой защищенности, воспитании трудовой культуры среди граждан родного государства, то в связи с всеобщей глобализацией общества, экономической интеграцией государств, технологических цепочек все чаще назревают вопросы о регулировании вопросов трудовых прав иностранных граждан, а также вопросы международной трудовой миграции. Необходимо также акцентировать внимание на том, что регулирование трудовой миграции является одним из ключевых аспектов в контексте реализации суверенитета государства.

Анализ норм, регулирующих трудовые отношения, осложненные иностранным элементом, позволяет сделать вывод о том, что в Российской Федерации существует несколько проблем, которые обуславливают трудности правового регулирования указанной сферы: отсутствие последовательного доктринального подхода относительно принадлежности норм, регулирующих трудовую деятельность иностранных граждан; отсутствие в национальном законодательстве четко сформулированных коллизионных норм в сфере трудовых отношений; отсутствие единства в понимании принципов территориальности, национального режима при регулировании трудовых отношений с иностранным элементом. Ни закон, не сложившаяся юридическая доктрина по данному вопросу не пришли к аргументированным и устойчивым ответам.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, иностранец, апатрид, право на труд, трудовые правоотношения.

На современном этапе, несмотря на международную глобализацию в целом, и миграционную в частности, интеграцию правовых систем большинства стран мира, взаимозависимость экономических и дипломатических процессов, вопросы международного трудового права в контексте применения труда иностранных граждан и лиц без гражданства сохраняют свою актуальность. Если в прошлом остро стояли вопросы о правовой защищенности, воспитании трудовой культуры среди граждан родного государства, то в связи с всеобщей глобализацией общества, экономической интеграцией государств, технологических цепочек все чаще назревают вопросы о регулировании вопросов трудовых прав иностранных граждан, а также вопросы международной трудовой миграции.

Необходимо также акцентировать внимание на том, что регулирование трудовой миграции является одним из ключевых аспектов в контексте реализации суверенитета государства. Хотя это и не бесспорно с философской точки зрения, безусловным остается мнение о том, что современные государства склонны считать себя исключительно компетентными в регулировании внешней трудовой миграции. Такое правовое регулирование обусловлено различными целями, прежде всего, в социально-экономическом секторе страны.

Как правило, представители государственной власти предпринимают попытки контролировать приток и отток рабочей силы при помощи контрольно-надзорных

мероприятий, чтобы предотвратить диспропорции на рынке труда, обеспечить национальную безопасность. Эта озабоченность со стороны государства относиться исключительно к количеству убывающих или прибывающих иностранных работников, например, когда страны-доноры высококвалифицированных кадров, страны-эмиграции пытаются предотвратить утечку мозгов. Но при этом наряду с императивным методом регулирования исследуемых процессов, имеется и диспозитивная составляющая, которая состоит в том, что создаются такие условия, при которых активно используются иностранные трудовые ресурсы, поддерживается международная трудовая миграция, имеется мобильная возможность использовать рабочую силу, в некотором роде являются частью государственного регулирования.

Вопросы регулирования трудовых правоотношений с иностранными гражданами являлись основными для преобладающего числа населения государств в минувшем столетии, в связи с политической нестабильностью, разобщённостью мировых держав, как следствие явило порождение глобальных военных конфликтов (1914-1918, 1939-1945 гг.), экономических кризисов (1933, 1987, 1998, гг.), что выявило слабую правовую защищенность, законодательное неурегулирование мер государственной поддержки трудящихся в кризисные моменты, расовой и половой дискриминации, которая фактически сохраняется и на сей день, в том числе в России.

В связи с необходимостью детального урегулирования отношений с иностранным элементом в сфере международной трудовой миграции, исходя из международных, государственных начал в сфере трудовых отношений с участием иностранных граждан, рассмотрим некоторые проблемные вопросы в рамках международной трудовой миграции [1, с. 341-345].

1. Первая проблема, ключевая можно сказать, является в неразвитой законодательной базе международной трудовой миграции в РФ, а именно сложности процедуры получения разрешения на работу для иностранных граждан, к тому же не созданы условия для привлечения трудовых мигрантов и мер по их экономическому удержанию в государстве, предотвращая утечку кадров, особенно квалифицированных специалистов. Так, в 2020 г. на основании разрешения на работу были получены уведомления о заключении трудового договора с 42 346 иностранных гражданами и лицами без гражданства, тогда как без разрешения на работу поступило порядка 558 294 заявок. В 2021 г. ситуация только усугубилась, на 67 515 заявок на основании разрешения на работу пришлось 705 447 заявок без такого разрешения о заключении трудового договора. В 2022г. количество действительных разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства достигло 87 162 [2].

Данные показатели и свидетельствуют о проблематичности получения разрешения на работу для иностранных граждан и лиц без гражданства, соответственно недостаточно развитой законодательной базе касательно вопросов международной трудовой миграции. Решением соответственно может стать упрощения процедуры получения разрешения на работу для иностранных лиц и лиц без гражданства, в том числе снижение требований к такому получения законодательно.

2. Наличие большого количества нелегальных мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность соответственно незаконно, и без каких-либо правовых, социальных гарантий, что несомненно ущемляет базовые трудовые права иностранных граждан на равный труд и социальное обеспечение такого труда, способствует неблагоприятной обстановки выбора РФ как места трудовой миграции. Ежегодно на

территории РФ нелегально работает порядка 3-5 млн трудовых мигрантов [3]. Решением данной проблемы может стать ужесточение правил нахождения нелегально осуществляющих трудовую деятельность иностранных граждан или наоборот – стимулирование оформления законной трудовой деятельности путем выплаты денежных пособий, предоставление льгот в жилищной сфере, поддержка многодетных иностранных семей в виде надбавок к заработной плате, бесплатный общественный транспорт и др.

3 Исходя как раз из-за неразработанности законодательной базы международной трудовой миграции в РФ, до сих не закреплено понятие «трудовой мигрант», «трудящийся-мигрант». В ст. 2 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» закреплено разве что: понятие «трудовая деятельность иностранного гражданина» и «иностраный работник», где «иностраный работник – иностранный гражданин, временно пребывающий в Российской Федерации и осуществляющий в установленном порядке трудовую деятельность» [4]. Тогда как Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей в ст. 2 под трудящимся-мигрантом означает «лицо которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданном которого он или она не является» [5].

Причины же, по которым регулирование международной трудовой миграции необходимо, а пробелы законодательства разрешены, вытекают из Конституции. Ст. 37 Конституции РФ – каждый имеет право на труд. Одна из основополагающих статей Конституции РФ, ст. 7, провозглашает, что Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, распространяется и на трудящихся-мигрантов [6]. Следовательно, наше государство обязуется обеспечить достойный уровень жизни каждому, включая приезжающих в поиске работы иностранцев. Ст. 3 ТК РФ каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав, без какой-либо дискриминации по национальности, вероисповеданию [7], что закрепляется и в Конвенции №111 МОТ «Относительно дискриминации в области труда и занятий» [8]. При этом каждый имеет право на социальное обеспечение в предусмотренных законом случаях, исходя из ст. 165 ТК РФ и ст. 27 Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г. [9].

4. Из последнего вытекает проблема ратификация РФ международных договоров о трудовых мигрантах. Международный режим трудовой миграции определяется актами ООН, Международной организации по миграции (МОМ), Международной организации труда (МОТ). Наиболее значимыми международными актами в сфере трудовой миграции являются: Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г.; Конвенция МОТ № 97 «О трудящихся-мигрантах»; Конвенция о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении работникам-мигрантам равенства возможностей и обращений 1975 г.; Рекомендации о политике в области занятости 1964 и 1984 гг.

Приведение в соответствие с международными договорами национального законодательства трудовой деятельности мигрантов при этом не говорит о их ратификации РФ и соответственно обязательному соблюдению. Конечно, имеются соглашения между странами постсоветского пространства, регулирующие данные вопросы,

например Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Узбекистан о трудовой деятельности и защите прав трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами РФ, в Республике Узбекистан и трудящихся-мигрантов, являющихся гражданами Республики Узбекистан, в РФ (Ташкент, 4.07.2007), Соглашение между Правительством РФ и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого (Москва, 17.02.2012).

Дело в том, что в РФ вопросы ратификации тесно связаны с политическими и экономическими процессами в государстве. Чем больше государство ратифицирует международных договоров, тем более оно ставит международное право выше национального закона. Как было исследовано, большинство вопросов международной трудовой миграции были урегулированы именно международными договорами. Уже долгое время РФ придерживалась позиции приоритета национального законодательства, где важным моментом явились также поправки в Конституцию РФ, по которой Конституционному Суду РФ, например, были предоставлены полномочия разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров РФ в их истолковании, противоречащем Конституции РФ, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка РФ. Также, как было названо ранее, Россия является одним из ключевых активных участников международных дипломатических отношений, при этом политика таких отношений в последнее ведет к формированию списка недружественных стран, который как раз являются основными участниками законодательного регулирования международной трудовой миграции, особенно в части государств, принимающих крупнейшие миграционные потоки в мире (напр. США). Поэтому в совокупности данных причин отечественный законодатель не спешит к ратификации норм международного права по вопросам трудовой миграции, опасаясь неблагоприятных последствий, при принятии соответствующих обязательств в будущем.

В настоящее время нормы международного права составляют неотъемлемую часть отечественного трудового законодательства. Так, например, ч. 4 ст. 15 Конституции РФ закреплено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [6]. ТК РФ, в свою очередь, являясь основополагающим актом, регулирующим трудовые отношения на территории нашего государства, дублирует в ст. 10 положения, установленные Конституцией РФ, а также дополнительно вводит правило о том, что в случае, «если международным договором Российской Федерации установлены другие правила, чем предусмотренные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, применяются правила международного договора» [7].

Не менее важными в данном контексте являются разъяснения вышестоящих судов, а именно Пленума ВС РФ, отраженные в Постановлении от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [10]. Пленум разъяснил, что: «под общими принципами международного права следует понимать основные императивные нормы международного права, которые принима-

ются и признаются международным сообществом государств в целом, отклонения которых неприемлемо. Общепризнанная норма международного права здесь относится к правилу поведения, которое международное общество государств в целом приняло и признало юридически обязательным» [10]. Анализ вышеуказанных норм позволяет сделать вывод, что коллизивно-правовое регулирование в РФ санкционировано нормами отечественного законодательства. Это, в свою очередь, позволяет утверждать о том, что российские суды при отправлении правосудия в тех или иных ситуациях обязаны руководствоваться нормами международного права.

Вместе с тем, следует понимать, что основу правового регулирования трудовых отношений на территории того или иного государства составляют нормы национальной правовой системы [1, с. 300]. Справедливо в данном контексте утверждение польского исследователя А. Святковского: «в пределах территории государства действует только национальная система трудового права и социального страхования» [11, р. 13]. Так, трудовые отношения, складывающиеся между гражданами РФ, регулируются ТК РФ. Соответственно, вопрос о применении норм международного частного права к трансграничным трудовым отношениям появляется при наличии в правоотношении так называемого иностранного элемента [12, с. 15].

В литературе на текущий момент отсутствует единое понимание понятия «иностраный элемент». Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее полно характеризует указанное правовое явление А.А. Рубанов, который делит иностранный элемент на три группы: «1) по субъектному составу (отношение работника и работодателя к разным государствам); 2) по объекту (когда работник трудится на территории иностранного государства); 3) по юридическому факту (например: необходимость в трудовом стаже)» [13, с. 28-33].

На российской правовой арене трехступенчатое деление иностранного элемента поддерживается большинством правоведов [1, с. 348]. Вместе с тем, несмотря на то, что подобного подхода придерживаются преобладающее число правоведов, среди них присутствуют ряд тех, кто к подобной классификации иностранного элемента в трудовых отношениях относятся с некоторой критикой. Важно отметить, что по общему правилу трудовое законодательство РФ распространяет свое действие на трудовые отношения иностранных граждан, если иное не установлено международным договором. Ст. 11 ТК РФ гласит о том, что «трудовые отношения и иные непосредственно связанные с ними отношения регулируются трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права» [7].

Так же, рассматриваемая ст. 11 ТК РФ содержит общее коллизивно-нормативное предписание, основу которого составляют территориальные и национальные критерии в регулировании трудовых отношений с иностранным элементом. Это означает, что отношения данного рода подлежат нормативно-правовому регулированию по правилам российского законодательства (в силу их возникновения на территории государства), если иное не предусмотрено Кодексом, другими федеральными законами или международным договором РФ [7].

Вместе с тем, следует обратить на особый правовой режим, касающийся трудовой деятельности иностранных граждан на территории РФ. Так, согласно п. 8 ст. 13 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» работодатель или заказчик работ (услуг), привлекающие и использующие для осуществления трудовой деятельности иностранного гражданина, обязаны уведомлять терри-

ториальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции в субъекте РФ, на территории которого данный иностранный гражданин осуществляет трудовую деятельность, о заключении и прекращении (расторжении) с данным иностранным гражданином трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) в срок, не превышающий трех рабочих дней с даты заключения или прекращения (расторжения) соответствующего договора [4].

За нарушение указанного правила зачастую работодателей привлекают к административной ответственности, что подтверждается многочисленной судебной практикой. Примером служит один из случаев, рассмотренный Шпаковским районным судом Ставропольского края в Постановлении от 14.07.2021 по делу № 5-904/2021. По материалам дела, в адрес управления по вопросам миграции ГУ МВД России по Ставропольскому краю от работодателя ИП Головина А.Д. поступило уведомление о прекращении (расторжении) трудового договора с гражданином Респ. Узбекистан Кулдошев Л.К. Угли, с нарушением формы подачи работодателем уведомления о прекращении (расторжении) трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с иностранным гражданином. За это правонарушение ИП Головин А.Д. был привлечен к ответственности по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ [14] - нарушение установленной формы уведомления территориального органа федерального органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный контроль (надзор) в сфере миграции, о заключении или прекращении (расторжении) трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с иностранным гражданином.

Таким образом, анализ норм, регулирующих трудовые отношения, осложненные иностранным элементом, позволяет сделать вывод о том, что в РФ существует несколько проблем, которые обуславливают трудности правового регулирования указанной сферы: отсутствие последовательного доктринального подхода относительно принадлежности норм, регулирующих трудовую деятельность иностранных граждан; отсутствие в национальном законодательстве четко сформулированных коллизионных норм в сфере трудовых отношений; отсутствие единства в понимании принципов территориальности, национального режима при регулировании трудовых отношений с иностранным элементом. Ни закон, не сложившаяся юридическая доктрина по данному вопросу не пришли к аргументированным и устойчивым ответам. Вместе с тем, рассматривая особенности и сложности регулирования трудовых отношений с работниками-иностранцами, можно сделать вывод, что применение к ним коллизионного метода является наиболее эффективным посредством норм отсылочного характера.

На наш взгляд, данная проблема может быть решена несколькими способами. Некоторые государства используют общие категории международного права для регламентирования трудовых отношений с участием иностранных граждан [16, с. 79]. Данный способ используют страны, которые имеют кодифицированные источники международного частного права [9]. Такой метод предполагает объединение норм, регулирующих трудовые отношения с иностранным элементом в параграфы нормативно-правового акта. Примером могут послужить следующие государства: Австрия (пар.44 гл.7 ФЗ о МЧП Австрии 1978г.), Болгария (ст.96 гл.10 Кодекса МЧП Болгарии 2005г.), Эстония (ст.35 гл.1 Закон о МЧП Эстонии 2002г.) и ряд других государств [15]. Однако не все страны решили эту проблему. Отсутствие решения указанной проблемы можно увидеть в государствах бывшей СССР, такие как Армения, Беларусь, Казахстан, Россия и др. [17, с. 136].

Учитывая особенности и трудности регламентации трудовых отношений с иностранным элементом можно сделать вывод, что применение к ним коллизионного метода является наиболее эффективным в том случае, если применять нормы отсылочного характера. Коллизионные привязки в национальном законодательстве могли бы составить основу для коллизионного регулирования трудовых отношений с иностранцами, а также использоваться для международного сотрудничества в сфере труда. Однако, в настоящее время ТК РФ до сих пор не содержит коллизионных норм, отсутствуют унификационные соглашения в данной сфере. Исключением является законодательство, регулирующее трудовые отношения в специфических сферах, например, КТМ.

Список литературы:

1. Трифонов С.Г. К вопросу об уточнении содержания термина «миграция» // Сборник научных трудов XXI Международной научной конференции «Муромцевские чтения. Неопределённости права в доктрине, законодательстве и юридической практике». Москва, 2021. С. 341-348.
2. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (дата обращения: 07.11.2022); Сведения о миграционной ситуации в Российской Федерации за январь.
3. Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/895287>
4. Федеральный закон от 25.07.2002 N 115-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" // Парламентская газета. N 144, 31.07.2002.
5. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2561306/>(дата обращения: 15.04.2023).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N 31, ст. 4398.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022, с изм. от 11.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Парламентская газета. N 2-5, 05.01.2002
8. Конвенция N 111 Международной организации труда "Относительно дискриминации в области труда и занятий" (принята в г. Женеве 25.06.1958 на 42-ой сессии Генеральной конференции МОТ) [Электронный ресурс]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/.
9. Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 года [Электронный ресурс]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml (дата обращения: 05.04.2023).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» с изм. 5 марта 2013 г. №4 // Бюллетень Министерства труда и социального развития Российской Федерации. 2003. №12.
11. Świątkowski, A. M. European Union Private International Labour Law / A. M. Świątkowski. – Białystok: Jagiellonian University Press, 2012. – 343 p.
12. Ведерникова Л.А. Трудовые отношения как предмет международного частного права / Л.А. Ведерникова // Журнал международного права и международных отношений. 2019. № 1–2 (88–89). С. 13–20.
13. Рубанов А. А. Имущественные отношения в международном частном праве // Правоведение. – 1982. – №6. – С. 28-33.
14. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 03.04.2023) // Парламентская газета. N 2-5, 05.01.2002.
15. Международное частное право: Иностранное законодательство. Сост. и науч. ред. А.Н. Жильцов, А.И. Муранов. М., 2016. С. 156-628.
16. Трифонов С.Г. Конституционно-правовой институт омбудсмана по вопросам миграции: опыт Федеративной Республики Германии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т.6. №4. С. 79-83.
17. Евсикова Е.В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т.9. №1. С. 136-150.

Trifonova K. V. To the question of the features of the regulation of labor relations complicated by a foreign element // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 418–425.

A significant increase in the number of migrant workers both in the world and in our country raises quite acute issues of regulating labor relations with them. International globalization in general, and migration, in particular, integration of the legal systems of most countries of the world, interdependence of economic and diplomatic processes, issues of international labor law in the context of the employment of foreign citizens and stateless persons remain relevant. If in the past there were acute questions about legal security, education of labor culture among citizens of the native state, then in connection with the general globalization of society, the economic integration of states, technological chains, questions about regulating the issues of labor rights of foreign citizens, as well as issues of international labor migration are increasingly brewing. It is also necessary to focus on the fact that the regulation of labor migration is one of the key aspects in the context of the implementation of state sovereignty. An analysis of the norms governing labor relations complicated by a foreign element allows us to conclude that in the Russian Federation there are several problems that cause difficulties in the legal regulation of this area: the lack of a consistent doctrinal approach regarding the ownership of the norms governing the labor activity of foreign citizens; the absence in the national legislation of clearly formulated conflict of laws rules in the field of labor relations; lack of unity in understanding the principles of territoriality, national treatment in the regulation of labor relations with a foreign element.

Key words: migration, labor resources, foreigner, stateless person, right to work, labor relations.

Spisok literaturi:

1. Trifonov S.G. On the issue of clarifying the content of the term "migration" // Collection of scientific papers of the XXI International Scientific Conference "Muromtsev Readings. Uncertainties of Law in Doctrine, Legislation and Legal Practice". Moscow, 2021, pp. 341-348
2. Summary of the main performance indicators on the migration situation in the Russian Federation for January - December 2021 [Electronic resource].
3. Alexander Bastykin: migrants have become one of the factors of social tension in the world and in Russia. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (accessed 20.04.2023)
4. Federal Law of July 25, 2002 N 115-FZ (as amended on December 29, 2022) "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" // Parliamentary Newspaper. No. 144, 07/31/2002
5. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families (adopted by resolution 45/158 of the UN General Assembly of December 18, 1990) [Electronic resource]. — URL: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2561306/> (date of access: 04/15/2023).
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 12/30/2008 N 6-FKZ, of 12/30/2008 N 7-FKZ, of 02/05/2014 N 2 -FKZ, dated 07/01/2020 N 11-FKZ)
7. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on December 19, 2022, as amended on April 11, 2023) (as amended and supplemented, effective from March 1, 2023)
8. Convention N 111 of the International Labor Organization "Regarding Discrimination in the Field of Employment and Occupation" (adopted in Geneva on June 25, 1958 at the 42nd session of the ILO General Conference) [Electronic resource]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120760/.
9. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families of December 18, 1990 [Electronic resource].
10. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 10, 2003 No. 5 "On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation", amended. March 5, 2013 No. 4 // Bulletin of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation. 2003. No. 12.
11. Świątkowski, A. M. European Union Private International Labor Law. - Białystok: Jagiellonian University Press, 2012. – 343 p.
12. Vedernikova L.A. Labor relations as a subject of private international law./ L.A. Vedernikova // Journal of International Law and International Relations. - 2019. - No. 1–2 (88–89). — P. 13–20.
13. Rubanov A. A. Property relations in private international law // Jurisprudence. - 1982. - No. 6. - S. 28-33.
14. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" of December 30, 2001 N 195-FZ (as amended on April 3, 2023) // Parliamentary newspaper. N 2-5, 01/05/2002
15. International private law: Foreign legislation. Comp. and scientific ed. A. Zhiltsov, A. Muranov. M., 2016.
16. Trifonov S.G. Constitutional and legal institution of the ombudsman for migration: the experience of the Federal Republic of Germany. // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2020. V.6. No. 4.S.79-83
17. Evsikova E.V. Migration accounting (control): modern realities and development prospects // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal Sciences. 2023. V.9. No. 1.

УДК 347.9

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Яценко А. О., Злищева М. П.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

Исследуются проблемы, связанные с применением судебной экспертизы в гражданском процессе. Анализируются понятие и правильный выбор вида экспертизы судами в гражданском процессе. Рассматриваются способы решения проблем, указанных в статье, которые будут способствовать ускорению и облегчению процесса проведения судебных экспертиз. В статье рассматривается важность экспертных заключений для разрешения споров в гражданском процессе. Объясняется, как эксперт может помочь суду в принятии правильного решения в спорных случаях. Статья также содержит информацию о правовых аспектах судебной экспертизы. Исследуются основные проблемы, связанные с проведением экспертизы, такие как недостатки процедуры назначения, некорректное определение цели и объекта изучения. Одной из важных тем, затронутых в статье, является роль судебной экспертизы в защите прав и интересов сторон в гражданском процессе. Подчеркивается, что правильно проведенная экспертиза может стать решающим фактором при разрешении споров между сторонами, ускорить процесс рассмотрения дела и способствовать достижению справедливости. Кроме того, статья также описывает процедуру участия сторон в назначении эксперта и формировании его мнения. Предлагаются некоторые практические рекомендации для повышения эффективности использования судебной экспертизы в гражданском процессе.

Ключевые слова: Судебная экспертиза, эксперт, исследование, вопросы, доказательство, гражданский процесс, заключение эксперта, специальные знания, затягивание процесса, справедливость.

В соответствии со ст. 9 Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «судебная экспертиза – это процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла» [1]. Заключение эксперта является одним из основных средств доказывания, которое используется в гражданском процессе для разрешения споров между сторонами. Стоит отметить, что в современных реалиях в ходе рассмотрения дел в порядке гражданского судопроизводства учащаются случаи, где в качестве доказательств, которые повлияли на итоговое решение суда, оказывается заключение эксперта. В ходе изучения нормативно-правовых документов, мнений учёных и практики был выявлен ряд неточностей, решение которых были предложены в данной работе [2; 3; 4; 5; 6].

Судебная экспертиза помогает суду выяснить факты, которые определяют законность и обоснованность правомерных требований участников дела. Она проводится по различным вопросам, связанным с делом, например: техническим вопросам (например, судебная автотехническая экспертиза, судебная строительно-техническая экспертиза); научным фактам, в том числе в области биологии, физики, химии и так далее; медицинским вопросам (например, судебно-медицинская экспертиза по гражданским делам назначается для установления состояния здоровья); личностным вопросам; оценке имущества; определению происхождения документов и информации; выявлению причин происшествий и другие.

Мохов А.А. в своей научной работе выделяет компоненты, из которых состоит судебная экспертиза: «1) целевой - получение новых данных по делу в форме за-

ключения эксперта, являющегося самостоятельным судебным доказательством; 2) специальный - необходимость применения специальных знаний в форме исследования; 3) правовой - наличие гражданской процессуальной формы (соблюдение процедуры)» [7, с. 97]. Из этого автор делает вывод о том, что судебная экспертиза - это специальное исследование, проводимое с целью получения судебного доказательства по делу в форме заключения эксперта.

Ст. 79 Гражданского процессуального кодекса РФ (Далее – ГПК РФ) регулирует вопросы связанные с назначением экспертизы. Если обратиться к ч.1 данной статьи, то при анализе ФЗ № 73, а также при изучении мнений ученых по данной теме, мы можем сделать вывод о том, что дефиниция «При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла, суд назначает экспертизу» не в полной мере раскрывает суть назначения экспертизы [8]. В связи с этим, чтобы четко определять ситуации, когда надлежит проводить экспертизы, следует дополнить ч.1 ст. 79 ГПК РФ. А именно: «При возникновении в ходе рассмотрения дела вопросов, требующих проведения исследования данных путем применения специальных знаний в различных областях... (далее по тексту ст.79 ГПК РФ)».

Далее хотим обратить внимание на одну из главных проблем судебных экспертиз – это четкое, конкретное и обоснованное составление вопросов для предоставления их эксперту. Как правило, стороны гражданского процесса не обладают специализированными знаниями в тех областях, в которых проводится судебная экспертиза. Также и суд, за которым закреплено право определять окончательный круг вопросов, может предоставить эксперту вопросы общего характера, которые не позволят провести эффективную и точную судебную экспертизу. А эксперт менять и дополнять вопросы не вправе, поэтому от точности их постановки зависит результат исследования.

Следовательно, этим вызывается трата дополнительных расходов и затягивание процесса из-за необходимости проведения дополнительной или повторной экспертизы. Т.е. правильно сформулированные вопросы помогут получить доказательства, которые суд сможет использовать в своём решении. Мы согласны с мнением Холявка Н.И., которая в своей работе «Проблемы назначения и проведения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве» пишет: «В этой связи стоит отметить, что данная проблема открывает недобросовестной стороне процесса широчайшее поле возможностей для злоупотребления правом с целью затянуть процесс или решить его в свою пользу, умышленно некорректно формулируя вопрос эксперту, который в результате не сможет дать четкий и достаточный для суда ответ на поставленный вопрос» [9, с. 281].

Для решения этой проблемы судам общей юрисдикции следует привлекать специалиста, который поможет сформулировать четкие вопросы для эксперта и определить нужный вид экспертизы в данном случае. Согласно ч.2 ст. 187 ГПК РФ: «Заключение эксперта ... оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы» [8]. Но судебная практика свидетельствует о том, что заключение эксперта часто является более значимым по сравнению с другими доказательствами. Следовательно, качество проведенной судебной экспертизы имеет большую роль на дальнейшее решение суда.

Ещё одной проблемой, рассматриваемой темы, является то, что часто суды ошибаются в выборе вида экспертизы. Пример данной ситуации мы можем найти в «Обзоре судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам» [10]. Районный суд возложил обязанность на лабораторию по судебным экспертизам выполнить строительно-техническую экспертизу, чтобы выяснить вопрос о «возможности ведения истцами личного подсобного хозяйства на принадлежащем им земельном участке с учетом использования ответчиком смежного земельного участка под стоянку и ремонт грузового автотранспорта, а также для складирования пиломатериалов» [10].

Лаборатория отказалась выполнить эту работу, указав на то, что вопросы, которые хотел выяснить суд, не соответствуют ее полномочиям. Но суду были предоставлены сведения, что такие экспертные исследования могут провести специалисты другой организации «Центр гигиены и эпидемиологии».

То есть, лаборатория указала на то, что суд выбрал неправильный вид экспертизы и вопросы поставленные судом не соотносятся со строительно-технической экспертизой. После полученного отказа, суд опять делает вывод о том, что следует назначить непосредственно строительно-техническую экспертизу. Поэтому передал ее для изучения эксперту инженеру-строителю, однако и он не смог дать четкие ответы на вопросы суда. Так как указал, что ответы на вопросы суда может дать орган, осуществляющий санитарно-эпидемиологический надзор.

Решение районного суда по делу было отменено в кассационной инстанции.

Отсюда мы можем сделать вывод, что во избежание таких ошибок суды общей юрисдикции должны сперва направлять запрос в судебную экспертную организацию или конкретному эксперту о возможности проведения такой судебной экспертизы. В таком запросе суд должен указать материалы, данные и сведения об исследовании.

Подводя итог, следует отметить, что судебная экспертиза в гражданском процессе является одним из основных способов доказывания фактов и правомерности требований участников дела. Это процедура, в рамках которой независимые и непредвзятые эксперты выносят заключение по сложным техническим, научным, медицинским и другим вопросам, которые могут быть связаны с делом. Судебная экспертиза, как правило, достаточно дорогостоящий процесс, который вызывает задержку в процессе рассмотрения дела. Тем не менее, она является важным инструментом определения фактов и помогает достигнуть справедливости в гражданском процессе.

Те пробелы, которые были описаны в данной работе в полной мере могут способствовать затягиванию и затруднению процесса проведения судебных экспертиз, что недопустимо, ведь может посягать на нарушение разумного срока судопроизводства, о котором сказано в ст. 6.1 ГПК РФ, данные проблемы требуют дальнейшего устранения, а нормативно-правовая база по этому вопросу – совершенствования, в том числе и теми способами, которые были предложены.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 23, 04.06.2001, Ст.2291.
2. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2009. – С. 77.

3. Чельшева, О. В. Назначение и производство судебных экспертиз : учебное пособие / О. В. Чельшева. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2010. – С. 10.
4. Российская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Российская. – М.: Норма, 2006. – С. 12.
5. Арсеньев, В. Д. Соотношение понятий предмета и объекта судебной экспертизы / В. Д. Арсеньев. – М., 1970. – С. 9.
6. Шляхов, А. Р. Судебная экспертиза. Организация и проведение / А. Р. Шляхов. – М., 1979. – С. 8.
7. Мохов, А.А. Понятие и виды экспертиз в гражданском процессе: Цивилист. Научно-практический журнал / А.А. Мохов. – М.: АНО "Юридические программы", 2007, № 2. – С. 95-104.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2002 г. , № 46 , Ст. 4532.
9. Холявка, Н. И. Проблемы назначения и проведения судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве: Молодой ученый / Н. И. Холявка – №24 (419). – 2022. – С. 280-282.
10. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам // утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.12.2011.

Yatsenko A.O., Zlisheva M.P. Forensic examination in civil proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 426–429.

The problems associated with the use of forensic examination in civil proceedings are investigated. The concept and the correct choice of the type of examination by courts in civil proceedings are analyzed. The ways of solving the problems mentioned in the article are considered, which will contribute to speeding up and facilitating the process of conducting forensic examinations. The article discusses the importance of expert opinions for dispute resolution in civil proceedings. It explains how an expert can help the court in making the right decision in controversial cases. The article also contains information about the legal aspects of forensic examination. The main problems associated with the examination are investigated, such as the shortcomings of the appointment procedure, incorrect determination of the purpose and object of study. One of the important topics covered in the article is the role of forensic examination in protecting the rights and interests of the parties in civil proceedings. It is emphasized that a properly conducted examination can become a decisive factor in resolving disputes between the parties, speed up the process of considering the case and contribute to achieving justice. In addition, the article also describes the procedure for the participation of the parties in the appointment of an expert and the formation of his opinion. The current topic is considered, which is an important component of justice in the judicial system. Some practical recommendations are proposed to improve the efficiency of the use of forensic examination in civil proceedings.

Keywords: Forensic examination, expert, research, questions, evidence, civil procedure, expert opinion, special knowledge, delaying the process, fairness.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ekspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, № 23, 04.06.2001, St.2291.
2. Aver'yanova T. V. Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchej teorii. – М.: Norma, 2009. – С. 77.
3. CHelysheva, O. V. Naznachenie i proizvodstvo sudebnyh ekspertiz : uchebnoe posobie / O. V. CHelysheva. – SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij institut (filial) Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2010. – С. 10.
4. Rossijskaya, E.R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom proesse / E.R. Rossijskaya. – М.: Norma, 2006. – С. 12.
5. Arsen'ev, V. D. Sootnoshenie ponyatij predmeta i ob"ekta sudebnoj ekspertizy. – М., 1970. – С. 9.
6. SHlyahov, A. R. Sudebnaya ekspertiza. Organizaciya i provedenie / A. R. SHlyahov. – М., 1979. – С. 8.
7. Mohov, A.A. Ponyatie i vidy ekspertiz v grazhdanskom proesse: Civilist. Nauchno-prakticheskij zhurnal / A.A. Mohov. – М.: АНО "YUridicheskie programmy", 2007, № 2. – С. 95-104. – Текст: neposredstvennyj.
8. Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 17.02.2023) // Sbranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2002 g. , № 46 , St. 4532.
9. Holyavka, N. I. Problemy naznacheniya i provedeniya sudebnoj ekspertizy v grazhdanskom sudoproizvodstve: Molodoy uchenyj / N. I. Holyavka – №24 (419). – 2022. – С. 280-282.
10. Obzor sudebnoj praktiki po primeneniyu zakonodatel'stva, reguliruyushchego naznachenie i provedenie ekspertizy po grazhdanskim delam // utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 14.12.2011.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.13

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ДЕЙСТВИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ
ПРИОСТАНОВЛЕНИИ И ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
СЛЕДСТВИЯ**

Бирук М. С., Ходырева А. С.

Крымский филиала Краснодарского университета МВД России

В статье исследовано понятие и содержание института приостановления и возобновления предварительного следствия, выявлены процессуальные основания и процессуальный порядок приостановления и возобновления предварительного следствия, проанализированы проблемные вопросы, связанные с приостановлением и возобновлением предварительного следствия по уголовному делу. Россия является демократическим государством. На современном этапе развития правового государства важнейшей задачей представлена эффективная борьба с преступностью. Исходя из чего, совершенствование форм и методов работы в указанном направлении органов следствия и дознания является приоритетным направлением в разработке политики государства. Уголовно-процессуальный кодекс РФ закрепляет базисный принцип построения работы органов следствия, дознания, прокуратуры и суда – защита прав и свобод лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, а также ограничения ее прав и свобод. Осуществление описанного принципа возможно в случае эффективной борьбы с преступностью, своевременного привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, розыска скрывшихся обвиняемых и т.д. Данное основное направление деятельности продолжает требовать своего совершенствования. Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что своевременное привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, а также невозможность уклонения последних от уголовного преследования требует улучшения работы органов следствия как на стадии принятия решения о приостановлении, так и на последующей стадии – принятие необходимых мер и организация работы по приостановленным уголовным делам – организация розыска разыскиваемых, скрывшихся от следствия, принятие мер к установлению лица, совершившего преступление, а также по совершенствованию указанного института.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, защита, уголовное судопроизводство, подозреваемый, обвиняемый, защитник, приостановление, основания и условия приостановления, основания и условия возобновления, предварительное следствие.

На современном этапе развития государства институт приостановления предварительного следствия имеет важное практическое значение, поскольку в ходе производства по уголовному делу могут возникнуть обстоятельства, которые делают невозможным дальнейшее расследование по уголовному делу. В настоящем уголовно-процессуальном законе отсутствует понятие приостановления предварительного следствия, однако, оно выработано теорией уголовно-процессуального права. Приостановление предварительного следствия отмечается, как предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в рамках производства по уголовному делу, в течение которого следователь принимает соответствующие меры к устранению обстоятельств, вызвавших приостановление в расследовании уголовного дела [5, с. 653]. Кроме того, институт приостановления предварительного следствия рассматривается с позиции гаранта защиты прав и интересов, с одной стороны – подозреваемого, обвиняемого, поскольку исключает незаконность в его преследовании. С другой стороны – потерпевшего, так как не нарушает его право на защиту от преступления [6, с. 736]. Характерными чертами приостановления предварительного следствия выступают: 1), принятие решение о приостановлении предварительного следствия и, соответственно, вынесение следователем такого поста-

новления допускается только по тем основаниям, которые предусмотрены ч. 1 ст. 208 УПК РФ; 2) вынесение постановления о приостановлении предварительного следствия влечет приостановление в исчислении сроков производства по уголовному делу; 3) приостановление предварительного следствия влечет за собой запрет на производство следственных действий; 4) действующий уголовно-процессуальный закон четко регламентирует процессуальный порядок приостановления предварительного следствия, а также меры, которые должны предприниматься следователем на данном этапе расследования по уголовному делу.

Обобщая вышесказанное, мы пришли к выводу, что приостановление предварительного следствия – это предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в рамках производства по уголовному делу, в течение которого следователь принимает соответствующие меры к устранению обстоятельств, вызвавших приостановление в расследовании уголовного дела.

Действующая редакция ч.1 ст. 208 УПК РФ содержит в себе исчерпывающий перечень оснований приостановления предварительного следствия, а именно:

1) лицо, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу не установлено. Приостановление предварительного следствия по данному пункту возможно только после истечения сроков предварительного следствия по уголовному делу. До истечения этого срока следователь должен осуществить необходимые действия для установления лица, совершившего преступление. К таким действиям относится: поручение органу дознания по установлению лица, совершившего преступление, допрос свидетелей, потерпевшего (если он присутствует в уголовном деле), просмотр камер видеонаблюдения на месте совершения преступления, направление запросов, проведение осмотра места происшествия, проверки показаний на месте, судебных экспертиз и других следственных действий. Если после принятия всех этих мер не удалось установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, следователь выносит постановление о приостановлении предварительного следствия по указанному основанию.

2) подозреваемый, обвиняемый скрылся от органов предварительного следствия, суда или его место нахождения не известно по иным причинам. Данное обстоятельство должно рассматриваться с позиции двух аспектов. Во-первых, когда подозреваемый, обвиняемый скрылся и, соответственно, в материалах уголовного дела отсутствуют сведения о его настоящем местонахождении. Во-вторых, когда местонахождение подозреваемого, обвиняемого не установлено по иным причинам, не связанным с его сокрытием, примером может служить обстоятельство стихийного бедствия, катастрофы, военных действий. Законодатель, указывая, что вынесение постановления о приостановлении предварительного следствия по данному основанию возможно только после истечения сроков производства по уголовному делу. До истечения указанного срока следователь должен предпринять все необходимые меры для розыска лица, которое скрылось или местонахождение которого не известно по иным причинам. В основу таких мер входит направление поручения органу дознания о розыске лица, совершившего преступление, кроме того, к необходимым мерам относят: допросы близких родственников, родственников, близких лиц, соседей, друзей, знакомых; запросы по месту учебы, работы, месту жительства; исключение реальной возможности выезда за границы муниципального образования, субъекта или в целом из Российской Федерации; направление запросов о предостав-

лении информации в учреждения здравоохранения (не обращался за оказанием медицинского лечения), в морги, истребование сведений из ГИБДД (не приобреталось ли или не отчуждалось ли транспортное средство), в Госкомреестр (о сделках в отношении объектов недвижимости принадлежащих лицу) и т.д.

Только после принятия всех этих мер и отсутствии положительного результата, а также после истечения срока предварительного следствия по уголовному делу, следователь, должен вынести постановление о приостановлении предварительного следствия.

3) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако возможность его реального присутствия в производстве по уголовному делу невозможна. Приостановление предварительного следствия по указанному основанию обусловлено объективными причинами, следует сказать, что в данном случае, лицо, совершившее преступление известно следствию, однако, его возможность участвовать в следственных и иных процессуальных действиях затруднена.

Следует обратить внимание, что приостановление предварительного следствия по данному основанию возможно и до истечения сроков предварительного следствия по уголовному делу.

4) у подозреваемого, обвиняемого присутствует временное тяжелое заболевание, подтвержденное медицинским заключением, которое препятствует участию последнего в производстве следственных и иных процессуальных действиях. В данном случае, тяжесть заболевания и возможность участия в уголовном деле будет определять врач, который и будет давать соответствующее медицинское заключение, ключевым моментом которого является вывод о возможности участия подозреваемого (обвиняемого) в проведении следственных действий с ним. Важным моментом в этой части является то обстоятельство, что законодательством не предусмотрено информирование врачом, осуществляющим лечение привлекаемого к уголовной ответственности лица орган предварительного расследования, что в практической деятельности приводит к двум ситуациям: принятие решения о приостановлении по п.2 ч.1 ст. 208 УПК РФ или же несвоевременному принятию решения о возобновлении следствия. Считаем, что данный пробел нуждается в своем законодательном прорабатывании и закреплении обязанности за лечащими врачами незамедлительного информирования органов предварительного расследования, в частности, о прекращении стационарного лечения.

Также, как и по 3 п. ст. 208 УПК РФ, указанное основание предоставляет право следователю приостановить уголовное дело до истечения срока предварительного следствия по уголовному делу. Отметим также, что до вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия, следователь должен выполнить все необходимые по данному уголовному делу следственные действия, которые возможно провести в отсутствие подозреваемого (обвиняемого). Кроме того, должен решаться вопрос о продлении, изменении или отмене меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, а также о продлении или прекращении мер безопасности по уголовному делу в отношении свидетелей, потерпевшего или их родственников.

После того, как следователь выполнил все действия, которые предписывает уголовно-процессуальный закон и вынес соответствующее постановление о приостановлении предварительного следствия, начинается следующий этап в рамках данно-

го института – это действия следователя после вынесения постановления о приостановлении предварительного следствия, которые отражены в ст. 209 УПК РФ. Обобщая весь комплекс действий, их условно можно разделить на две группы:

Во-первых, уведомление всех заинтересованных лиц. Во-вторых, принятие мер к установлению лица, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого или розыск скрывшегося лица, если того требует основания приостановления предварительного следствия. В обязанность следователя на данном этапе, согласно ч. 1 ст. 209 УПК РФ входит уведомление потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также подозреваемого (обвиняемого) и их защитника, но только в том случае, если уголовное дело было приостановлено по п. «3» и «4» ч. 1 ст. 208 УПК РФ, одновременно, разъясняя им право обжалования данного решения. Считаем, что в подобной редакции данная норма не соответствует успешной реализации целей и задач уголовного судопроизводства.

Однако, такой подход не соответствует в полной степени конституционным принципам и назначению уголовного судопроизводства, поскольку не в полной мере обеспечивает право на защиту подозреваемого (обвиняемого). Рассмотрим такой пример, следователь вынес постановление о приостановлении предварительного следствия в виду того, что обвиняемый скрылся от предварительного следствия. Через 4 дня защитник направляет следователю заявление или ходатайство, в котором сообщает, что в действительности его подзащитный срочно уехал по работе, например, во Владивосток, поскольку у него там находится крупный завод, который не может на данном этапе функционировать без его руководства. Соответственно, сторона защита в данном случае будет подавать жалобу на действия следователя, что приведет к служебной проверке и ответственности со стороны следователя за его незаконные действия. Проблема? На наш взгляд, определенно, да. Ведь при отсутствии прямого запрета информировать сторону защиты о приостановлении уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, органы предварительного расследования игнорируют общее право подозреваемого и обвиняемого на осуществление своей защиты, право обжаловать незаконные постановления и действия следователя и дознавателя, поскольку как можно обжаловать то, о чем неизвестно. В этой части Конституционный Суд РФ в своем Постановлении №4-П от 03.05.1995 справедливо дал свою оценку при рассмотрении жалобы Аветяна, указав, что даже когда привлекаемые к уголовной ответственности лица фактически скрылись, но в уголовном деле участвует защитник, то он имеет право обжаловать вынесенное органом предварительного расследования постановление, и таким образом, закономерно и логично имеет право на уведомление о нем.

Таким образом, мы пришли к выводу, что уведомление подозреваемого (обвиняемого) и его защитника при приостановлении предварительного следствия по пунктам 3 и 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ является недостаточным и следует уведомлять этих лиц в каждом случае, когда они как участники уголовного судопроизводства уже участвуют в уголовном деле, то есть и при принятии решения следователем или дознавателем о приостановлении на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Рассматривая вопрос об уведомлении заинтересованных лиц, следует также обратить внимание на то, что уголовно-процессуальный закон в ст. 19 не ограничивает и не предусматривает конкретный срок на подачу заинтересованным лицом жалобы на незаконные действия следователя или дознавателя, в данном случае на постановление следова-

теля о приостановлении предварительного следствия и на постановление об объявлении лица в розыск, а устанавливает лишь точные сроки их рассмотрения к должностным лицам, уполномоченным их рассматривать: 3 суток для руководителя следственного и прокурора со дня получения жалобы, при этом согласно ст. 124 УПК РФ в исключительных случаях допустимо продление срока до 10 суток. Подать жалобу на незаконность вынесенных в порядке ст.208 УПК РФ постановлений заинтересованная сторона может и в суд, который рассмотрит жалобу в порядке судебного производства, предусмотренном ст. 125 УПК РФ. Представляется, что срок обжалования исследуемых решений ограничивается лишь сроком давности привлечения к уголовной ответственности за совершенное преступление.

Следующий шаг следователя или дознавателя после уведомления заинтересованных лиц о принятом решении по одному из оснований, указанных в ч.1 ст.208 УПК РФ, – принятие мер следователем к установлению лица, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого или розыск скрывшегося лица, если того требует основания приостановления предварительного следствия, то есть фактически уполномоченное лицо (следователь, дознаватель) принимает меры, направленные на «устранение» оснований для приостановления, закрепленных в изучаемой статье 208 упомянутого кодекса. Выше мы уже указывали, что и до того, как принять одно из решений о приостановлении расследования, следователь, дознаватель также должны принять необходимые меры (ч. 5 ст. 208 УПК РФ), однако, они имеют свои особенности и отличительные черты, а именно:

	Действия следователя (дознавателя) до принятия решения о приостановлении	Действия следователя (дознавателя) до принятия решения о приостановлении
1	Следственные действия	
2	Принятие мер процессуального принуждения: - наложение ареста на имущество и продление его сроков или отмена - задержание лица в порядке ст.91,210 УПК РФ - привод -денежное взыскание и т.д.	Не допустимо их проведение
3	Процессуальные (направление запросов, поручений в орган дознания в порядке ст. 114 УПК РФ)	Допустимо проводить только их

Таким образом видим, что после приостановления уполномоченный орган предварительного расследования вправе производить лишь ограниченный круг действий – процессуальных, заключающихся в истребовании предметов и документов путем направления письменных запросов (но чтобы их осмотреть и решить их доказательственную природу: признать вещественным доказательством по делу или нет, конечно же, необходимо возобновление срока следствия), направление поручений органу дознания, получение объяснений лиц, то есть действия, направленные на поддержание слабого пульса жизни в целостном и завершённом организме – уголовном деле, чье состояние в этой стадии подобно состоянию комы человека: виновное лицо, если и есть, но дело не может быть направлено в суд, либо же есть конкретный потерпевший, но его права также не могут быть защищены и восстановлены, так как дело нельзя направить в суд. Следовательно, принятие решения о приостановлении по какому-либо из оснований в соответствии со ст. 208 УПК РФ должно быть взве-

шенным, обоснованным и только после принятия всех необходимых следственных и процессуальных мер.

Интересным моментом при рассмотрении вопроса о действиях следователя в порядке ст. 209 УПК РФ является то, что законодатель в ст. 209 УПК РФ в качестве уполномоченного лица, производить указанные действия указывает только следователя, что не должно вызывать иного толкования и сомнения. Орган дознания и оперативно-розыскные подразделения в этой части действуют согласно направленного следователем поручения в порядке ст. 114 УПК РФ о производстве необходимых оперативно-розыскных мероприятий, вид которых самостоятельно избирается соответствующим органом в соответствии с ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В этой части органу, осуществляющему ОРД, необходимо выполнять по полученному поручению только оперативно-розыскные мероприятия и иные процессуальные действия (сбор сведений и информации на основании направляемых запросов), без проведения следственных действий. Ознакомившись с рядом приостановленных уголовных дел, можно смело сделать вывод, что в практической деятельности нередки случаи направления поручений «автоматически», бездумно или же в виду малого опыта работы, когда следователь в тексте поручения, направляемого в порядке ст. 209 УПК РФ, допускает указаний поручаемых действий таких как «провести осмотр», провести повторный подомовой обход территории места преступления с приложением протоколов допросов и т.д. Представляется, что для недопущения нарушения законности органом дознания в части исполнения указанного поручения, следователю необходимо на этапе уведомления заинтересованных лиц о принятом решении, также уведомлять (путем направления копии соответствующего постановления о приостановлении) соответствующий орган дознания: по месту совершения преступления или же по месту организации проведения розыска, о чем внести соответствующее дополнение в ч. 1 ст. 209 УПК РФ.

К первому условию возобновления предварительного следствия законодатель относит устранение оснований, установленных для приостановления предварительного следствия. К таковым обстоятельствам относится выздоровление лица, страдающего тяжелым заболеванием и, соответственно, его возможность дальнейшего участия в следственных и иных процессуальных действиях; установление лица, который подлежит привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу или прибытие лица, которое в силу объективных обстоятельств не могло участвовать в следственных действиях, а также задержание лица, которое скрылось от органа, осуществляющего предварительное следствие.

Однако, нельзя не сказать, что в практической деятельности следователя сложность вызывает определение момента возобновления предварительного следствия, когда место фактического нахождения разыскиваемого лица установлено, но фактически лицо к следователю не доставлено. Примечательно, что толкование этого условия для возобновления следствия по делам, приостановленным в связи с розыском лица, в практической деятельности различно у органа дознания и органов предварительного расследования. Так, одни настаивают на возобновлении следствия по таким делам на основании письменного рапорта оперуполномоченного об установлении фактического места нахождения, разыскиваемого с указанием населенного пункта его пребывания, при этом не всегда известно улица и дом, или же на основании рапорта о получении сведений о выезде за пределы границы РФ, в современных

реалиях на примере РК, часто упоминаемая формулировка «выехал на территорию Украины». Органы же предварительного расследования справедливо настаивают на том, что условием для возобновления приостановленного по розыску лица дела является фактическое установление места нахождения этого лица с наличием физической возможности, находясь в одном пространстве с ним, производить следственные действия, то есть с момента фактического доставления, разыскиваемого к следователю, что является обоснованным, так как исходя из буквального толкования п. «2» ч. 1 ст. 208 и п. «1» ч. 1 ст. 211 УПК РФ, такое основание приостановления отпадает, когда местонахождение подозреваемого (обвиняемого) установлено.

В данной двоякой и обоюдно выгодной для себя ситуации, считаем, что, конечно, следователи более близки к правильному законному обоснованному разрешению спора, так как прояснения теперь требует обстоятельство: а что значит фактическое доставление к следователю? На каком правовом основании это возможно осуществить? Примером будет служить ситуация, когда лицо задержано в другом субъекте Российской Федерации или в территориально отдаленном населенном пункте в рамках одного субъекта на основании ФЗ «О полиции». В таком случае, срок его задержания составляет 48 ч., вполне реальный при обычных условиях для доставления задержанного разыскиваемого лица к следователю. Однако, в зимних условиях при смене погодных условий, с учетом сезонных особенностей: когда невозможно приобрести билеты на авиа и жд/транспорт в южном направлении РФ), велика вероятность (что подкрепляется существующими в практической деятельности случаями) истечения допустимого 48 часового срока в воздухе или на пол пути. В таком случае органы дознания далее отсутствуют основания применять физические средства (наручники, например), а также иным способом фактически ограничивать личную свободу задержанного лица, в противном случае их действия будут содержать признаки такого преступления как превышения должностных полномочий, о чем соответствующая правовая оценка незамедлительно будет дана следователями СК или прокурором. Логично возникает вопрос: как же поступать в такой ситуации? Практиками сложилось два пути ее решения:

1) при подобном установлении места нахождения разыскиваемого лица, следователь направляется в командировку с органом дознания, при этом следователь выносит постановление о возобновлении следствия, а руководитель следственного органа – постановление о создании или изменении (если ранее уже была создана) состава следственно группы, в которую включает дополнительно следователя, остающегося в органе ОВД по месту расследования. В таком случае по прибытию в населенный пункт по месту фактического нахождения разыскиваемого, следователь при наличии оснований составляет протокол задержания в соответствии со ст. 91, 210 УПК РФ, а также ознакомливает задержанного с вынесенными постановлениями о возобновлении и о создании группы. При этом в случае невозможности по выше описанным причинам до истечения предусмотренных законом 8 часов, необходимых для обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения, следователь по месту расследования обращается в суд с постановлением о возбуждении ходатайства об избрании необходимой меры пресечения, при этом мотивирует возможность продления срока задержания на 72 часа, необходимых для фактического доставления лица в суд (при отсутствии возможности проведения такого судебного заседания с использованием средств видеоконференц-связи).

2) второй способ (редко применяемый) – следователь (руководствуясь анализом нормы ч. 4 ст. 108 УПК РФ) может направить поручение (с приложением необходимых процессуальных документов для его исполнения) в следственное подразделение по месту фактического обнаружения, разыскиваемого для выполнения двух действий: задержания в порядке ст. 91, 210 УПК РФ и обращении в суд (конечно же, при такой необходимости) с постановлением о возбуждении ходатайства об избрании необходимой меры пресечения. В данном случае сложность, конечно же, возникает с дальнейшим этилированием уже, например, арестованного разыскиваемого к месту производства предварительного следствия. В таком, случае на период этапа силами конвойных подразделений, считаем, что возможно принятие решения следователем о приостановлении, но уже на основании п. 3 ч.1 ст. 208 УПК РФ.

Описанные выше ситуации считаем целесообразными для реализации в настоящий момент в практической деятельности в виду отсутствия законодательно сформулированного и закрепленного ответа на указанный вопрос. Однако, исходя из анализа положений ст. 91 УПК РФ о возможном сроке задержания лица следует, что фактически лицо, задержанное в порядке ст. 91 УПК РФ с учетом предусмотренного права суда при наличии оснований о продлении срока задержания до 72 часов с момента вынесения постановления – составляет (с учетом соблюденных 8 часов для обращения в суд) до 112 часов или почти до 5 суток.

На основании изложенного, считаем необходимым дополнить о возможном сроке фактического задержания разыскиваемого лица (подозреваемого или обвиняемого, объявленного в установленном порядке в розыск) до 72 часов с целью обеспечения его фактической явки к следователю или в суд по месту расследования.

Вторым условием возобновления предварительного следствия является необходимость производства следственных действий, которые возможно провести без участия подозреваемого либо обвиняемого. К таким следственным действиям можно отнести допрос свидетелей, ранее не известных следствию или повторный допрос свидетелей, назначение судебной экспертизы, проведение очной ставки, следственного эксперимента, проверки показаний на месте, осмотров и т.д. [8]. Кроме того, законодатель указывает на обязанность следователя в возобновлении предварительного следствия в случае отмены постановления следователя о приостановлении предварительного следствия руководителем следственного органа или прокурором.

Т.е., прокурор может признать постановление следователя или руководителя следственного органа о приостановлении предварительного следствия несоответствующим нормам уголовно-процессуального закона или необоснованным. При этом, отменить такое постановление прокурор может не позднее, чем по истечении 14 дней с момента поступления к нему соответствующих материалов дела, о чем он выносит мотивированное постановление и направляет его руководителю следственного органа с обязательным указанием на необходимость производства дополнительного следствия по данному уголовному делу. Отменить постановление следователя о приостановлении предварительного следствия может также руководитель следственного органа, указав на необходимость производства дополнительного следствия. Проанализировав условия для возобновления предварительного следствия, мы пришли к выводу о том, что действующая редакция УПК РФ не в полной мере охватывает все случаи, в которых возникает необходимость возобновить производство по уголовному делу. Примером может служить полная или частичная

утрата следователем материалов уголовного дела, что требует повторного проведения следственных и иных процессуальных действий. Указанная проблематика требует внесения изменения в ч.1 ст. 211 УПК РФ, дополнив ее следующей фразой: «Возобновление предварительного следствия возможно также в иных исключительных случаях, по согласованию с руководителем следственного органа».

Нельзя не сказать о том, что условием в реализации процессуального порядка возобновления предварительного следствия является не истечение срока давности привлечения лица к уголовной ответственности в зависимости от категории тяжести совершенного преступления [9]. Течение таких сроков приостанавливается, если лицо уклоняется от следствия или суда. Несмотря на то, что законодатель указывает на необходимость прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, за исключением случаев, когда подозреваемый, обвиняемый возражает против этого, следует отметить, что такое положение не в полной мере соответствует принципу привлечения виновных лиц в совершении преступления к уголовной ответственности [7, с. 719].

В перечисленных законодателем условиях для возобновления предварительного следствия важную роль играет положение о том, что право на возобновление предварительного следствия принадлежит следователю, в чьем производстве находится данное уголовное дело. В том случае, если постановление о приостановлении предварительного следствия было вынесено одним следователем, а решение о возобновлении принимается другим следователем, то он обязан принять данное уголовное дело к своему производству [8].

Таким образом, основанием для возобновления предварительного расследования по делу является постановление следователя, которое должно быть законным (вынесено следователем, в чьем производстве находится уголовное дело), обоснованным и мотивированным. О принятии решения о возобновлении следствия согласно ч. 3 ст.211 УПК РФ также сообщается ограниченному с нашей точки зрения кругу участников, так как законодатель по аналогии с уведомлением о приостановлении следствия на наш взгляд необоснованно исключил таких субъектов как законные представители подозреваемого, обвиняемого, а также лица, являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест (в случае, конечно, продления судом срока наложения ареста при принятии решения о приостановлении следствия). В указанной части норма ст. 211 упомянутого кодекса, на наш взгляд, требует дополнения.

Необходимо особо обратить внимание, что постановление следователя о возобновлении обязательно должно быть мотивировано, ведь оно (а именно его содержание) является поводом для обжалования в досудебном и судебном порядке. Итак, что значит мотивированным? Представляется верным, что в нем в обязательном порядке следователь должен указать: какое условие из предусмотренных ст. 211 упомянутого кодекса является для возобновления и каким образом установлено, например: установлено место нахождения разыскиваемого ФИО, который ДАТА, МЕСТО и ВРЕМЯ задержан КЕМ КОГДА в порядке ст.91, 210 УПК РФ и доставлен КОГДА и КУДА.

В настоящее время законодательно не урегулирован и срок вынесения постановления следователя о возобновлении следствия. Считаем, что: при наличии условий,

предусмотренных п. 1 и 2 ч.1 ст.211 УПК РФ, данное постановление должно быть вынесено незамедлительно, не позднее 24 часов с момента установления соответствующего условия; при наличии условий, указанных в п. 3 ч.1 и в ч. 2 ст. 211 упомянутого кодекса постановление о возобновлении следствия должно быть вынесено не позднее 24 часов с момента фактического получения следователем материалов уголовного дела.

В соответствии с поставленной целью, исследуя вопрос института приостановления предварительного следствия и процессуальный порядок проведения следователем действий в связи с принятием решения о приостановлении и возобновлении предварительного следствия мы пришли к следующим выводам, которые были достигнуты посредством выполнения спектра обозначенных во введении задач.

1. Приостановление предварительного следствия – это предусмотренный уголовно-процессуальным законом временный перерыв в рамках производства по уголовному делу, в течение которого следователь принимает соответствующие меры к устранению обстоятельств, вызвавших приостановление в расследовании уголовного дела.

2. Для приостановления предварительного следствия, следователю необходимо выполнить ряд условий. Первое условие — это вынесение постановления о приостановлении предварительного следствия и уведомление всех заинтересованных лиц, Вторым условием является выполнение всех следственных действий, которые возможно провести в отсутствие подозреваемого (обвиняемого). Третьим условием является принятие мер к установлению лица, которое подлежит привлечению в качестве обвиняемого или розыск скрывшегося лица, если того требует основания приостановления предварительного следствия. Рассматривая вопрос об уведомлении заинтересованных лиц, хочется отметить, что все уведомления условно можно разделить на 4 группы:

1) уведомления заинтересованных лиц для обеспечения реализации их права на обжалование принятого решения (подозреваемый, обвиняемый, их защитники, законные представители, лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест, их представители, потерпевший и его представители, гражданский истец и его представители, гражданский ответчик и его представители);

2) уведомления в уполномоченные органы для осуществления надзорной функции: копия постановления о приостановлении следствия направляется соответствующему прокурору по месту расследования преступления;

3) уведомления, направляемые в иные организации, учреждения, предприятия в целях обеспечения своевременного принятия решения о возобновлении предварительного следствия о необходимости незамедлительного информирования следователя о прекращении основания для приостановления по п. 4 и п.3 ст. 208 УПК РФ, например, руководителя организации о досрочном прекращении срока командировки, медработников – о прекращении стационарного лечения или же об улучшении состояния здоровья, допустимого для проведения следственных действий с лицом;

4) уведомления для организации исполнения принимаемых следователем мер в порядке ч. 2 ст. 209 УПК РФ, путем направления копии соответствующего постановления о приостановлении следствия в уполномоченный орган дознания: по месту совершения преступления или же по месту организации проведения розыска.

В связи с чем считаем необходимым часть первую статьи 209 УПК РФ дополнить следующим содержанием:

«Приостановив предварительное следствие, следователь в срок не позднее 24 часов с момента принятия данного решения, уведомляет об этом подозреваемого, обвиняемого, их защитников, законных представителей, лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест, их представителей, потерпевшего и его представителей, гражданского истца и его представителей, гражданского ответчика и его представителей, а также прокурора и орган дознания по месту расследования приостановленного уголовного дела, с направлением указанным лицам копии постановления о приостановлении уголовного дела и одновременным разъяснением порядка обжалования данного решения.

В случае принятия решения о приостановлении на основании п. 3 и п. 4 ч.1 ст. 208 УПК РФ, следователь направляет обязательный к исполнению запрос работодателю подозреваемого или обвиняемого, лечащему врачу и иным уполномоченным лицам об обязанности незамедлительно, не позднее 24 часов, информировать следователя о прекращении условий, указанных в п.3 или п. 4 ч. 1 ст.208 настоящего кодекса».

3. Исходя из оснований возобновления предварительного следствия, мы пришли к выводу о том, что действующая редакция УПК РФ не в полной мере охватывает все случаи, в которых возникает необходимость возобновить производство по уголовному делу. Примером может служить полная или частичная утрата следователем материалов уголовного дела, что требует повторного проведения следственных и иных процессуальных действий. Следовательно, ч. 1 ст. 211 УПК РФ следует дополнить правовой нормой – п. 4 ч. 1 ст. 211:

«Возобновление предварительного следствия возможно также в иных исключительных случаях, по согласованию с руководителем следственного органа».

4. О принятии решения о возобновлении следствия согласно ч. 3 ст.211 УПК РФ законодатель предполагает сообщать ограниченному с нашей точки зрения кругу участников, и на наш взгляд необоснованно исключил таких субъектов как законные представители подозреваемого, обвиняемого, а также лица , являющиеся подозреваемыми или обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест (в случае, конечно, продления судом срока наложения ареста при принятии решения о приостановлении следствия). В указанной части норма ст. 211 упомянутого кодекса, на наш взгляд, требует дополнения и изложения ч. 3 ст. 211 в следующей редакции:

«Возобновив предварительное следствие, следователь в срок не позднее 24 часов с момента принятия данного решения, уведомляет об этом подозреваемого, обвиняемого, их защитников, законных представителей, лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, на имущество которых наложен арест, их представителей, потерпевшего и его представителей, гражданского истца и его представителей, гражданского ответчика и его представителей, а также прокурора и орган дознания по месту расследования возобновленного уголовного дела, с направлением указанным лицам копии постановления о возобновлении следствия по уголовному делу и одновременным разъяснением порядка обжалования данного решения».

5. В настоящее время законодательно не урегулирован и срок вынесения постановления следователя о возобновлении следствия. Считаем, что ст. 211 УПК РФ необходимо дополнить правовой нормой частью 4 - в следующей редакции:

Ч. 5 «При наличии условий, предусмотренных п. 1 и 2 ч. 1 ст. 211 настоящего кодекса, данное постановление должно быть вынесено следователем, в чьем производстве находится данное уголовное дело, незамедлительно, не позднее 24 часов с момента установления соответствующего условия.

При наличии условий, указанных в п. 3 ч. 1 и в ч. 2 ст. 211 настоящего кодекса, постановление о возобновлении следствия должно быть вынесено не позднее 24 часов с момента фактического получения следователем материалов уголовного дела».

6. В практической деятельности следователя сложность вызывает определение такого условия для возобновления как установление места нахождения разыскиваемого лица, а именно момента возобновления предварительного следствия, когда место фактического нахождения разыскиваемого лица установлено, но фактически лицо к следователю не доставлено. Примечательно, что толкование этого условия для возобновления следствия по делам, приостановленным в связи с розыском лица, в практической деятельности различно у органа дознания и органов предварительного расследования. Так, одни настаивают на возобновлении следствия по таким делам на основании письменного рапорта оперуполномоченного об установлении фактического места нахождения, разыскиваемого с указанием населенного пункта его пребывания, при этом не всегда известно улица и дом, или же на основании рапорта о получении сведений о выезде за пределы границы РФ, в современных реалиях на примере Республики Крым, часто упоминаемая формулировка «выехал на территорию Украины». Органы же предварительного расследования справедливо настаивают на том, что условием для возобновления приостановленного по розыску лица дела является фактическое установление места нахождения этого лица с наличием физической возможности, находясь в одном пространстве с ним, производить следственные действия, то есть с момента фактического доставления, разыскиваемого к следователю, что является обоснованным, так как исходя из буквального толкования п. «2» ч. 1 ст. 208 и п. «1» ч. 1 ст. 211 УПК РФ, такое основание приостановления отпадает, когда местонахождение подозреваемого (обвиняемого) установлено. На основании изложенного, предлагаем:

1) дополнить ч. 3 ст. 210 УПК РФ правовой нормой в следующей редакции:

«в случае установления фактического места нахождения подозреваемого, обвиняемого, объявленного в розыск в установленном настоящим кодексом порядке, данное разыскиваемое лицо может быть задержано в порядке, установленном гл. 12 настоящего кодекса сроком не более 72 часов с момента фактического задержания».

2) дополнить ч. 3 ст. 108 УПК РФ следующей правовой нормой:

«Если ходатайство возбуждается в отношении подозреваемого, обвиняемого, находящихся в установленном законом порядке в розыске, и задержанного в порядке, установленном статьей 210 и главой 12 настоящего Кодекса, то постановление и указанные материалы должны быть предоставлены судье не позднее чем за 8 часов до истечения 72 часов задержания».

Список литературы:

1. Теоретические основы трансформации конституционно-правового статуса личности / Шурыгина Ю.В – Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского Федерального Университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. - 2022. - № 4. - С.197-200.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: офиц. текст: по состоянию на 1 июля 2020 г. – Москва: Рос. газета, 2020. – № 144. - Ст. 8198. // Доступ из справ. - правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон N 63-ФЗ от 13.06.1996: с изм. на 24.09.2022. // Доступ из справ. - правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РФ: Федеральный закон N 174-ФЗ от 18.12.2001: с изм. от 07.10.2022. // Доступ из справ. -правовой системы Гарант. – Текст: электронный.
5. Смирнов А.В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / Калиновский К.Б. - СПб.: Питер, 2019 (1 и 2 изд.); М.: Кнорус, 2019 (3 изд.). 653 с. - Текст: непосредственный.
6. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс: учебное пособие для вузов - Москва: Норма, 2020, 736 с.
7. Мешков М.В. Предварительное следствие. Учебное пособие – Москва: Норма, 2019г. 719 с.
8. Новиков Н.Я. Возобновление предварительного следствия. — URL: <https://knowledge.allbest.ru/law/> (дата обращения: 01.02.2023). – Текст: электронный.
9. Петренко Н.Г. Приостановление и возобновление предварительного расследования. — URL: <https://www.bibliofond.ru/view.as> (дата обращения: 11.02.2023). – Текст: электронный.

Biruk M.S., Khodyreva A.S. Procedural procedure of the investigator's actions when suspending and resuming the preliminary investigation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 430-442.

The article examines the concept and content of the institution of suspension and resumption of the preliminary investigation, identifies the procedural grounds and procedural procedure for suspension and resumption of the preliminary investigation, analyzes problematic issues related to the suspension and resumption of the preliminary investigation in a criminal case. The RF is a democratic state. At the present stage of the development of the rule of law, the most important task is the effective fight against crime. Proceeding from this, the improvement of the forms and methods of work in this direction of the investigation and inquiry bodies is a priority in the development of state policy. The Criminal Procedure Code of the Russian establishes the basic principle of the work of the investigation, inquiry, prosecutor's office and court - the protection of the rights and freedoms of persons and organizations who have suffered from crimes, and the protection of the individual from illegal and unjustified involvement. It is necessary to pay attention to the fact that timely bringing to criminal responsibility of the perpetrators, as well as the impossibility of evading the latter from criminal prosecution, requires improving the work of the investigative bodies both at the stage of making a decision on suspension, and at the subsequent stage – taking the necessary measures and organizing work on suspended criminal cases, in particular: organization of the search for wanted persons who have escaped from the investigation, taking measures to identify the person who committed the crime, as well as to improve this institution.

Key words: criminal procedural law, defense, criminal proceedings, suspect, accused, defender, suspension, grounds and conditions for suspension, grounds and conditions for resumption, preliminary investigation, measures taken by the investigator during suspension.

Spisok literatury:

1. Shurygina Yu.V. Teoreticheskie osnovy transformacii konstitucionnopravovogo statusa lichnosti // Ucheny'e zapiski Krymskogo Federal'nogo Universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki, 2022, # 3. S.197-200.
2. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (ofic. text: as of July 1, 2020) // Russian newspaper. – 1993. – 25 Dec.; Russian newspaper. – 2020. – No. 144. - St. 8198. // Access from the help. -the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
3. The Criminal Code of the Russian Federation: [fed. The law of 13.06.1996 N 63-FZ: ed. from 09/24/2022.] // Access from the help. -the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
4. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation: [fed. The law of 18.12.2001 N 174-FZ : ed. from 07.10.2022.] // Access from help. -the legal system of the Guarantor. – Text: electronic.
5. Smirnov A.V., Kalinovsky K.B. Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Article by article. St. Petersburg: Peter, 2019 (1st and 2nd ed.); Moscow: Knorus, 2019 (3rd ed.). p.653.
6. Gutsenko K.F. Criminal process. M.: Norm, 2020, p. 736.
7. M. Meshkov.B. Preliminary investigation. Textbook /- M., 2019. p.719.
8. Novikov N.Ya. Resumption of the preliminary investigation. — URL: <https://knowledge.allbest.ru/law/> (accessed: 01.02.2023). – Text: electronic.
9. Petrenko N.G. Suspension and resumption of the preliminary investigation. — URL: <https://www.bibliofond.ru/view.as> (accessed: 02/11/2023). – Text: electronic.

УДК 341/343

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО (ДОМАШНЕГО) НАСИЛИЯ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Горшкова Н. А., Родионов К. В.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний

Преступления, связанные с насилием над потерпевшими, во все времена привлекают внимание ученых и практиков. Данная статья посвящена анализу одной из современных проблем установления ответственности за криминальное насилие, проявляющееся в особой обстановке развития преступного посягательства, а именно – семейно-бытовых отношений. Анализируется международный опыт регулирования соответствующих вопросов, и современное состояние уголовного законодательства. В результате исследования авторы приходят к обоснованным выводам о необходимости дополнительной обособленной криминализации фактов применения насилия в отношении близких родственников. В связи с чем авторы предлагают законодательно закрепить подобные действия в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, дополнив ст. 63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) пунктом соответствующего содержания.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие; формы насилия; криминальное насилие; перепевший.

Криминальное насилие наносит неизгладимый ущерб физическому, сексуальному, эмоциональному, психическому и социальному благополучию бесчисленного множества людей, способно привести к их инвалидизации, утрате трудоспособности и во многих случаях к смерти. Любое криминальное насилие сопровождается увеличением расходов на медицинскую помощь и правоохранительную деятельность, повышением уровня бездомности среди детей и других членов семьи, в связи с чем требуется дальнейшее активное нормотворчество и правоприменение по обеспечению безопасности семьи и ее членов [16, с. 4; 22]. По этой причине семейно-бытовое насилие (домашнее) вот уже долгие годы рассматривается как проблема прав человека [11, с. 208], изначально имеющая особую общественную значимость.

При этом стоит особо учитывать, что само по себе криминальное насилие не является «внутренним делом» конкретного государства, масштабы его распространения, количество совершаемых правонарушений, наносимый ущерб жертвам конфликта привели к сотрудничеству государств на международном уровне, выработке единых стандартов для осуществления противодействия этому негативному социальному явлению, что получило отражение на правовом уровне – в виде принятия международных договоров и резолюций [13, с. 30–36]. Так, единые стандарты международных межправительственных организаций разрабатывались на основе передового опыта стран-членов интеграционных образований, правоприменительной практики международных контрольных органов. Конечно, каждая страна отличается масштабом и формами проявления насилия, что продиктовано национальными особенностями страны, религиозными факторами, традициями, обычаями.

Вместе с тем, несмотря на столь значимые различия государств, международное сообщество с течением времени выработало единый подход к определению криминального насилия в семье и формам его проявления. Справедливости ради следует отметить, что эти стандарты не являются неизменными, они трансформируются, уточняются, дополняются, исходя из вызовов современного общества. Для России,

являющейся членом ООН, имплементация международных стандартов по противодействию семейно-бытовому насилию в российское законодательство должна вести к унификации подходов к рассматриваемой проблематике и совершенствованию правового регулирования [8, с. 45]. В 1985 г. ООН признано, что злоупотребления и избиения в семье являются острыми проблемами, которые оказывают серьезное физическое и психологическое воздействие на каждого члена семьи и ставят под угрозу здоровье и дальнейшее существование семьи [3]. В 1989 г. ООН акцентировала свое внимание на том, что насилие в семье является распространенным явлением во всех обществах и социально-экономических классах [4], а в 1991 г. было обращено внимание на то, что такое насилие «затрагивает все слои общества, независимо от социального положения, размера дохода, культуры, пола, возраста или религии, может явиться причиной долговременных последствий, что касается взглядов и поведения, таких как повышенная терпимость к насилию в обществе в целом» [2]. В 2003 г. эксперты ООН пришли к выводу, что «бытовое насилие может принимать самые разнообразные формы, включая физическое, психологическое и сексуальное насилие, экономические лишения и изоляцию» [5]. В 2015 г. такой неизвестный отечественному уголовному праву вид, как пренебрежительное отношение, стало признаваться на международном уровне одной из форм насилия в семье [1].

В 2019 г. ООН обобщила виды более распространенных форм бытового насилия, к их числу отнесены: убийства; физическое насилие; сексуальное насилие; психологическое и эмоциональное насилие, включая принудительный контроль; экономическое насилие; серьезное пренебрежение; калечащие операции на женских половых органах; преступления в защиту чести; торговля членами семьи; детские, ранние и принудительные браки; принудительная «конверсионная терапия», иногда называемая «репаративной терапией», включает в себя ряд методов, например, электрошок, применение лекарств, психотерапию или духовные манипуляции или «целительство», которые направлены на изменение сексуальной ориентации, гендерной идентичности или самовыражения человека; репродуктивное принуждение [6].

В Стамбульской конвенции в дефиниции домашнего насилия говорится о 4-х основных формах: физическом, психологическом, сексуальном, экономическом. А далее в самом содержании этого международного договора приводятся и другие его формы, а именно: насильственные браки; калечащая операция на женских гениталиях; насильственный аборт и насильственная стерилизация; преступления в защиту чести [12]. В международном договоре Совета Европы получили отражение не все формы семейного насилия, определенные ООН, что обусловлено масштабом и особенностями распространения негативного социального явления в странах, являющихся членами ЕС. Кроме того, европейский подход к криминализации насилия основывается на выделении 4-х основных форм, остальные входят в их содержание.

С позиции ООН под определение физического насилия подпадают все формы телесного наказания, которое определяется как любое наказание, при котором применяется физическая сила и которое направлено на причинение боли или дискомфорта [6]. Эмоциональное и психологическое насилие имеет целью нарушить эмоциональную и психологическую устойчивость, уравновешенность и благополучие жертвы и зачастую является предвестником физического насилия или совершается в сочетании с ним. Экономическое насилие означает использование или неправомерное использование денег или других ресурсов в целях ограничения действий чело-

века, принуждения его к каким-либо действиям или установления контроля над ним. Оно может включать в себя, например, посягательство на способность человека приобретать, использовать и поддерживать материальные ресурсы, такие как деньги и средства передвижения. Как правило, это насилие направлено на создание экономической зависимости от преступника и злоупотребление ею. К сексуальному насилию относятся изнасилование и любые другие недобровольные действия сексуального характера между взрослыми людьми, включая нынешних и бывших супругов, любые действия сексуального характера, совершаемые взрослыми с детьми.

Исходя из степени общественной опасности того или иного насильственного деяния, количества встречающихся его случаев в деятельности правоохранительных органов, выработки какого-либо криминально-новаторского подхода к способам его совершения и т.п. законодатель вправе предусмотреть уголовную ответственность за конкретный его вид. Так было с неоднократным изменением состава побоев (ст. 116 УК РФ) в 2016 и 2017 гг., а также криминализацией в 2016 г. побоев с административной преюдицией (ст. 116.1 УК РФ) и их последующим реформированием в 2022 г. При этом последний шаг законодателя направлен именно на усиление уголовной ответственности за побои для лиц, кто уже имеет судимость за преступление, совершенное с применением насилия [14]. Это новаторство, которое свидетельствует о значительном усилении карательного потенциала закона в отношении лиц, допускающих применение насилия, даже не опасного для жизни и здоровья.

Определенная последовательность постановки под особую уголовно-правовую охрану беременных женщин, малолетних, несовершеннолетних, инвалидов, престарелых, а также и лиц с психическим отклонением ставшими жертвами насилия, в отечественном УК РФ прослеживается [9, с. 15]. В случаях, когда такие граждане выступают потерпевшими от преступлений, это всегда учитывается в качестве обстоятельства, усиливающего уголовную ответственность как по общему правилу (ст. 63 УК РФ), так и в конкретных конструкциях составов преступлений, включенных в Особенную часть УК РФ. Вместе с тем, очевидно, что отечественное уголовное законодательство не содержит отдельных норм, отражавших бы специальные вопросы квалификации именно преступлений, сопряженных с бытовым насилием, когда потерпевшими выступают близкие родственники. Как правило, для квалификации подобных преступлений используются общие нормы УК РФ, включенные в гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», а также в случаях, когда речь идет о потерпевших несовершеннолетних, – нормы, включенные в гл. 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Ученые долгие годы настаивают, что «со стороны государства и общества следует предпринимать шаги для обеспечения безопасности личности в сфере семейно-бытовых отношениях, ибо криминализация семьи и быта генерирует рост преступности в обществе, подрывая процесс социализации, укрепления и развития позитивных общественных связей» [15, с. 123]. Более современные исследователи приводят устрашающие цифры статистики, демонстрирующие увеличение семейно-бытовых конфликтов на фоне длительной самоизоляции в период пандемии коронавирусной инфекции (2020-2021 гг.) и также поддерживают идею не только о внесении соответствующих изменений в УК РФ, но и принятия отдельного ФЗ с закреплением соответствующей терминологии, видов семейно-бытового насилия и мер по его противодействию [17, с. 83]. А некоторые специалисты вообще скептически отно-

сятся даже к самому механизму применения таких норм: «Уголовный кодекс защищает граждан от всех форм насилия, в том числе и семейного, но начинает действовать после совершения преступления» [10]; «... речь идет о затрудненном доступе к правосудию и отсутствии дружественного правосудия по отношению к жертвам насилия в семье, а также неадекватной реакции властей на их обращения» [7, с. 76].

Таким образом, можно констатировать, что ситуация, связанная с идентификацией семейно-бытового (домашнего) насилия именно как уголовно-правовой категории весьма сложная. Объясняется это, во-первых, тем, что отсутствует законодательно закрепленный термин, который давал бы понятие такому криминальному явлению именно в качестве преступного. Во-вторых, сама ответственность за применение насилия в семейно-бытовой сфере может «распыляться» между неограниченным количеством смежных статей УК РФ, в зависимости от конкретных обстоятельств его применения, что осложняет процесс квалификации.

По нашему мнению, возможное начало долгого пути по укреплению основ уголовно-правового противодействия семейно-бытовому (домашнему) насилию должно быть ориентировано на внесение поправок в УК РФ. В частности, считаем необходимым криминализовать повышенную ответственность за совершения любого преступления (не только применения насилия) в отношении близких. А самым универсальным способом это сделать является дополнение ч. 1 ст. 63 УК РФ п. «т» «т) совершение преступления в отношении близких родственников».

Список литературы:

1. Accelerating efforts to eliminate all forms of violence against women: eliminating domestic violence: draft resolution: A/HRC/29/L.16 (29.06.2015) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G15/135/88/pdf/G1513588.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
2. Domestic violence: A/RES/45/114 (03.04.1991) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/565/03/img/NR056503.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Domestic violence: resolution / adopted by the General Assembly: A/RES/40/36 (11.12.1985) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/477/43/img/NR047743.pdf?OpenElement>.
4. Domestic violence: E/RES/1989/67 (14.07.1989) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/685/27/img/NR068527.pdf?OpenElement>.
5. Elimination of domestic violence against women: resolution / adopted by the general assembly: A/RES/58/147 (15.09.2003) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/503/40/pdf/N0350340.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Relevance of the prohibition of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment to the context of domestic violence: Note by the Secretary-General: A/74/148 (12.07.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/214/44/pdf/N1921444.pdf?OpenElement>.
7. Береза, З.М. Международные подходы к доказыванию в делах о домашнем насилии / З.М. Береза // Российский юридический журнал. – 2022. – № 3. – С. 75–86.
8. Бучакова, М.А. Международно-правовой механизм противодействия насилию в семье / М.А. Бучакова, А.А. Гайдуков // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 1 (33). – С. 42–45.
9. Ендольцева, А.В. Защита потерпевших от бытовых насильственных преступлений: все ли сделано в этом направлении? / А.В. Ендольцева // Мировой судья. – 2020. – № 10. – С. 14–18.
10. Заверняева С. Семейным тиранам хотят запретить контактировать со своими жертвами / С. Заверняева // Парламентская газета. – 2019. – 21 октября.
11. Карпов, Э.С. Проблемы понимания прав человека / Э.С. Карпов, О.Н. Халак // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 4 (5). – С. 207–210.
12. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Заключена г. Стамбуле 11.05.2011) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f>
13. Нарышкина, Н.И. Международные стандарты при исполнении уголовных наказаний: учебное пособие / Н.И. Нарышкина, О.Н. Халак; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний, каф. уголов.-исп. права. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2016. С. 30–36.
14. О внесении изменений в статью 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 28 июня 2022 г. № 203-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 27, ст. 4604.

15. Федоров, П.А. Криминологический анализ преступлений в семейно-бытовой сфере на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 3(51). – С. 118–123.
16. Харламов, В.С. Теория и практика противодействия семейному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2019.
17. Яушева, А.Д. Меры профилактики семейно-бытового насилия в России / А.Д. Яушева // Административное право и процесс. – 2022. – № 7. – С. 83–84.

N. A. Gorshkova, K.V. Rodionov. Problems of criminal-legal identification of domestic (domestic) violence in the norms of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 443–447.

Crimes related to violence against victims have always attracted the attention of scientists and practitioners. This article is devoted to the analysis of one of the modern problems of establishing responsibility for criminal violence, manifested in a special situation of the development of criminal encroachment, namely, family and domestic relations. The international experience of regulating relevant issues and the current state of criminal legislation is analyzed. As a result of the study, the authors come to reasonable conclusions about the need for additional separate criminalization of the facts of the use of violence against close relatives. In this connection, the authors propose to legislate such actions as an aggravating circumstance, adding Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation) with a paragraph of the relevant content.

Keywords: domestic violence; forms of violence; criminal violence; quail.

Spisok literatury:

1. Accelerating efforts to eliminate all forms of violence against women: eliminating domestic violence: draft resolution: A/HRC/29/L.16 (29.06.2015) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G15/135/88/pdf/G1513588.pdf?OpenElement> (data obrashhenija: 15.04.2023).
2. Domestic violence: A/RES/45/114 (03.04.1991) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/565/03/img/NR056503.pdf?OpenElement>.
3. Domestic violence: resolution / adopted by the General Assembly: A/RES/40/36 (11.12.1985) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/477/43/img/NR047743.pdf?OpenElement>.
4. Domestic violence: E/RES/1989/67 (14.07.1989) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/685/27/img/NR068527.pdf?OpenElement>.
5. Elimination of domestic violence against women: resolution / adopted by the general assembly: A/RES/58/147 (15.09.2003) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/503/40/pdf/N0350340.pdf?OpenElement>.
6. Relevance of the prohibition of torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment to the context of domestic violence: Note by the Secretary-General: A/74/148 (12.07.2019) – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/214/44/pdf/N1921444.pdf?OpenElement>.
7. Bereza, Z.M. Mezhdunarodnye podhody k dokazyvaniyu v delah o domashnem nasilii // Rossijskij juridicheskij zhurnal. – 2022. – № 3. – S. 75–86.
8. Buchakova, M.A. Mezhdunarodno-pravovoj mehanizm protivodejstvija nasiliju v sem'e / M.A. Buchakova, A.A. Gajdukov // Altajskij juridicheskij vestnik. – 2021. – № 1 (33). – S. 42–45.
9. Endol'ceva, A.V. Zashhita poterpevshih ot bytovyh nasilstvennyh prestuplenij: vse li sdelano v jetom napravlenii? / A.V. Endol'ceva // Mirovoj sud'ja. – 2020. – № 10. – S. 14–18.
10. Zavernjaeva S. Semejnym tiranam hotjat zapretit' kontaktirovat' so svoimi zhertvami // Parlamentskaja gazeta. – 2019. – 21 oktjabrja.
11. Karpov, Je.S. Problemy ponimaniya prav cheloveka // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. – 2007. – № 4 (5). – S. 207–210.
12. Konvencija Soveta Evropy o predotvrashhenii i bor'be s nasiliem v otnoshenii zhenshhin i domashnim nasiliem (Zakljuchena g. Stambule 11.05.2011) [Jelektronnyj resurs]
13. Naryshkina, N.I. Mezhdunarodnye standarty pri ispolnenii ugovolnyh nakazanij: uchebnoe posobie / N.I. Naryshkina, O.N. Halak; Feder. sluzhba ispoln. nakazanij, Vladim. jurid. in-t Feder. sluzhby ispoln. nakazanij, kaf. ugovol.-isp. prava. – Vladimir: VJul FSIN Rossii, 2016. – S. 30–36.
14. O vnesenii izmenenij v stat'ju 116.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i stat'ju 20 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 28 ijunja 2022 g. № 203-FZ // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 27, st. 4604.
15. Fedorov, P.A. Kriminologicheskij analiz prestuplenij v semejno-bytovoj sfere na sovremennom jetape // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 3(51). – S. 118–123.
16. Harlamov, V.S. Teorija i praktika protivodejstvija semejnemu nasiliju v sem'e (sistemnoe kriminologicheskoe i ugovolno-pravovoe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – Sankt-Peterburg, 2019. – 43 s.
17. Jausheva, A.D. Mery profilaktiki semejno-bytovogo nasilija v Rossii / A.D. Jausheva // Administrativnoe pravo i process. – 2022. – № 7. – S. 83–84.

УДК 343.851.3

К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Запорожец С. А., Крайнова Н. А.

Севастопольский государственный университет

Одним из наиболее опасных видов международной преступности является киберпреступность. Предупреждение, выявление и расследование киберпреступлений крайне затруднено из-за удаленности преступника от места преступления и общественно опасных последствий, отсутствия единого подхода к расследованию данного вида преступлений и разработки процедуры взаимодействия на международном уровне на территориях разных стран. Национальное законодательство Российской Федерации в настоящее время находится в поиске эффективных форм и методов противодействия киберпреступности в целях защиты неприкосновенности частной жизни и конфиденциальной информации. В условиях новой геополитической реальности выявление, расследования и пресечение киберпреступлений становится еще более затруднено в связи с тем, что между некоторыми странами и Российской Федерацией отсутствует взаимопонимание в силу чрезмерной политизированности и ангажированности государственных структур. В настоящей работе на основе исследования действующей нормативно-правовой базы, правоприменительной практики предлагаются пути и способы совершенствования национального законодательства, международно-правовых норм, оптимизации международного сотрудничества в области противодействия киберпреступлениям

Ключевые слова: кибербезопасность, противодействие киберпреступности, защита информации, персональные данные, информация, защита информации.

Проблема противодействия киберпреступности за последнее время приобрела особую актуальность в виду экспоненциально увеличивающегося числа регистрируемых преступлений, совершаемых в информационно-коммуникационной среде, а также с использованием компьютерного оборудования. Быстрое развитие информационных технологий, использование различных электронных устройств, доступ в Интернет сделали уязвимыми не только собственность, но и личные данные.

Несмотря на то, что в 2022 г. темпы прироста киберпреступлений значительно снизились по сравнению с фиксируемыми в последнее пятилетие, тем не менее, эта динамика все еще положительна. Кроме того, отмечается ухудшение структуры киберпреступности. Если годом ранее основную массу совершенных с использованием информационно-коммуникационных сетей преступлений составляли дистанционные кражи и мошенничества, то в 2022 г. официальная статистика свидетельствует об увеличении числа заведомо ложных сообщений об акте терроризма и сбыта наркотиков. Согласно статистическим данным МВД РФ за 2022 г. правоохранительными органами зарегистрировано больше на 20,9% фактов сбыта наркотиков, 92,2 % заведомо ложных сообщений об акте терроризма, количество которых также увеличилось, были совершены дистанционно [1].

Выступая на заседании расширенной коллегии МВД РФ, Президент РФ, Владимир Путин, отметил, что борьба с преступностью с использованием информационных технологий является одним из приоритетов работы правоохранителей. Президент указал, что необходимо не только активно противодействовать уже совершенным преступлениям, но и действовать на опережение, предупреждать новые риски, чтобы преступники не паразитировали на технологическом прогрессе [2]. Важно

подчеркнуть, что необходимость профилактики киберпреступлений обусловлена не только тем колоссальным экономическим ущербом, который зачастую является результатом таких преступлений, но и значимым имиджевым уроном для всех участников информационного обмена, огромным риском для личной безопасности каждого человека, интересов национальной безопасности общества и государства в целом. Как справедливо отмечают Е.М. Якимова, С.В. Нарутто, «киберпреступность может нарушать интересы, как государства, так и отдельного человека» [3, с. 371].

Следует отметить, что в настоящее время, несмотря на достаточную сложность анализируемой проблемы, ее связанность с техническими знаниями, специалистами предпринимается немало усилий, направленных на ее изучение и поиск оптимальных способов противодействия киберпреступности. Предупреждение преступлений, совершаемых в информационно-коммуникационной среде, становилось предметом внимания таких ученых как Е.А. Антонян, И.Б. Горелик, Е.Н. Клещина, В.Б. Клишков, Е.В. Стебенева, М.А. Яковлева и других. В 2005 г. в Дальневосточном государственном университете на кафедре уголовного права была успешно защищена диссертация Т.Л. Тропиной на тему «Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы» [4]. Однако, несмотря на проработанность проблемы в силу динамично меняющихся условий внешней среды в настоящий момент исследования проблем противодействия киберпреступности представляются все также актуальными.

За последнее время в Российской Федерации было организовано и проведено множество мероприятий, посвященных обсуждению проблем противодействия киберпреступлениям, поиску оптимальных решений. Наиболее значимыми площадками для диалога стали Международные конгрессы по кибербезопасности. На страницах научной печати отмечается значимость дискуссий в подобном формате и определены ключевые выводы Международных конгрессов по кибербезопасности. К их числу отнесены «необходимость организации эффективного международного и межотраслевого сотрудничества государственных органов, правоохранительных структур и частного бизнеса, наращивание кадрового потенциала в области кибербезопасности высококлассными специалистами, необходимость обмена информацией об угрозах, модернизация системы и внедрение новых методов защиты» [5, с. 15]. Следует отметить, что это, в целом, достаточно традиционные положения, которые могут быть применимы при формировании стратегий противодействия любому виду преступности. Однако противодействие киберпреступности имеет свои особенности, что отмечалось в ходе обсуждения на различных дискуссионных площадках конгрессов по кибербезопасности.

Способы противодействия киберпреступности зависят от вида предотвращаемого преступления: хакерство, «скручивание», фрикинг, диффамация, рассылка спама, «фишинг», киберхулиганство, кибер-терроризм и другие. Безопасность в Интернете может быть достигнута только с помощью профилактических мер, применяемых на различных уровнях (социальном, специальном и индивидуальном). В силу специфики методов борьбы с киберпреступностью важную роль в этом процессе играет сотрудничество правоохранительных органов, как на национальном, так и на международном уровнях. Именно особая важность международного сотрудничества в противодействии киберпреступлениям выходит на первый план, однако, именно

этот аспект противопреступной деятельности в сфере кибербезопасности в настоящее время максимально осложнен.

Следует отметить, что международный аспект сотрудничества в области противодействия киберпреступлениям всегда был связан со значительными затруднениями. Принятая в 2001 г. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [6] так и не стала документом, упростившим сотрудничество в данной сфере. Следует отметить, что РФ не стала участником данного международного документа в виду очевидных его недостатков. К концу 2005 г. Конвенцию подписали 38 европейских стран, США, Канада, Япония и ЮАР. Камнем преткновения для участия в соглашении Российской Федерации стал п. в ст. 32, согласно которому «сторона может без согласия другой стороны получать через компьютерную систему на своей территории доступ к хранящимся на территории другой стороны компьютерным данным или получить их, если эта сторона имеет законное и добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия раскрывать эти данные этой стороне через такую компьютерную систему».

Взамен Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г. Россия в 2021 г. внесла в ООН проект Конвенции о борьбе с киберпреступностью. В проекте документа Российская Федерация предложила свой вариант взаимодействия в вопросах об оказании правовой помощи по делам о киберпреступлениях, о выдаче преступников. Проектом предлагается классификация киберпреступлений, которая охватывает 23 вида наиболее распространенных деяний [7]. Однако данный документ не был одобрен для подписания Организацией Объединенных Наций. Вопросы международного сотрудничества в настоящее время регламентируются по большей части международными документами двустороннего характера.

Нормы, касающиеся противодействия киберпреступлениям, определены в Дополнительном протоколе к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем (ETS № 189) от 28.01.2003 [8], Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС в отношении обработки персональных данных и защите конфиденциальности в секторе электронных средств связи, принятые с поправками от 25.11.2009 [9], Директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2013/40/ЕС об атаках на информационные системы и замене Рамочного Решения 2005/222/PVD Совета ЕС от 12.08.2013 [10]; Рамочным решением Совета Европы от 28.05.2001 о борьбе с мошенничеством и подделкой безналичных платежных средств и других, Регламент Европейского парламента и ЕС 2016/679 «Защита персональных данных» [11].

Условия новой геополитической реальности диктуют необходимость расширения международного сотрудничества в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Следует отметить, что Россия имеет давние устойчивые дружественные связи с государствами на пространстве АТР, предпринимает усилия, направленные на достижение баланса, установления справедливых отношений, основанных на равенстве, взаимном уважении экономических, политических и духовных интересов. Достигнутые договоренности в формате СНГ, претворяются в жизнь в форме модельного законодательства. Что касается противодействия киберпреступлениям, защите информации и персональных данных, гарантии безопасности последних закреплены

в Модельном законе «О персональных данных», который был принят на 48-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ [12], а также в Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 01.06.2001) [13]. Приняты и другие документы.

Несмотря на достаточно объемную нормативно-правовую базу, тем или иным образом регламентирующую вопросы противодействия киберпреступлениям, на пространстве СНГ до сих пор не принят основополагающий модельный закон «О борьбе с киберпреступлениями», проект которого был разработан в рамках проведенного конкурса и предложен для принятия МПА СНГ. На страницах научной литературы высказывается обоснованная критика в отношении термина «борьба с преступностью» и выдвигается предложение использовать в криминологическом законодательстве более емкого выражения «противодействие преступности». Следовательно, логичным было бы принятие модельного закона «О противодействии киберпреступности» [14, с. 53], а также в ближайшем будущем следует гармонизировать национальное законодательство стран СНГ, предусматривающее правовые нормы о защите персональных данных, ответственности за совершение киберпреступлений.

Важным вопросом профилактики киберпреступлений является проблема защиты информации, прежде всего, защиты персональных данных. В Российской Федерации защита конфиденциальности данных о физических и юридических лицах, а также безопасность операций с денежными средствами гарантированы на законодательном уровне ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ [15], «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 г. № 351-1 [16], «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ [17], «О Национальной платежной системе» от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ [18], «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ [19], «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 № 98-ФЗ [20], «Об электронной подписи» от 006.04.2011 г. № 63-ФЗ [21], «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ [22]. КоАП РФ от 30.12.2001, УК РФ от 13.06.1996 г. и предусмотрена ответственность за правонарушения в сфере защиты информации. Данные нормативно-правовые акты регламентируют различные вопросы защиты информации, безопасности способов передачи информации, ответственности за совершение киберпреступлений. Однако в России отсутствует специальный нормативно-правовой акт на уровне федерального закона, который бы регламентировал вопросы предупреждения киберпреступлений или, что видится предпочтительным, противодействия киберпреступности.

Способы противодействия киберпреступности весьма специфичны и определяются в зависимости от способа действия. Это может быть уничтожение, блокирование, копирование, модификация и использование информации посредством непосредственного или опосредованного доступа к информации и компьютерным системам. Предупредительные меры могут различаться в зависимости от способов использования и получения информации, полученной с помощью компьютерных систем, а также мотивов преступления (корыстный импульс), распространения вредоносного программного обеспечения, получения и использования бесплатного

программного обеспечения, способов кражи денег, мести, коммерческого шпионажа, содействия террористической деятельности и других.

Сложность предупреждения, выявления и расследования киберпреступлений определяется следующим: 1) место преступления и место наступления общественно опасных последствий находятся далеко друг от друга и могут находиться на территории разных стран; 2) высокая скорость обмена криминологической информацией, значимой для уголовного дела, когда правоохранительный орган находится далеко. Сложность противодействия зависит от личности преступника, совершившего киберпреступление, виктимологических особенностей личности, активных розыскных мероприятий, проводимых с целью раскрытия преступления, а также возможной легализации результатов этих мероприятий.

Согласно информационному письму Банка России от 14.08.2018 № ИН014-12/54 «О национальной оценке рисков отмыывания доходов и финансирования терроризма», «длительное рассмотрение запросов о правовой помощи и сложности получения этой помощи, а также информация о конечных бенефициарах от властей определенных стран» является серьезной уязвимостью для противодействия отмыыванию доходов, полученных преступным путем. легализация незаконных доходов и финансовых рисков [23].

В правовом аспекте необходимо выработать единую концепцию сотрудничества по выявлению, судебному преследованию и разрешению киберпреступлений, определению единой формы запроса и возможно предоставлению информации, имеющей значение для уголовного дела; разработке безопасных средств защиты личных данных и проведению совместных научных исследований положительных результатов опыта борьбы с киберпреступностью. В настоящее время в условиях общемировой нестабильности более вероятным представляется достижение соглашений, касающихся единой концепции сотрудничества в сфере выявления, судебного преследования и противодействия преступности в целом в формате двусторонних соглашений, а также правовой работы в рамках сложившихся союзов стран.

С точки зрения организации крайне важно проводить разъяснительную беседу с людьми, приобретающими цифровые и микропроцессорные устройства, повысить правовую культуру населения, разработать стандарты набора, проверки и инструктажа персонала, имеющего доступ к ресурсам, содержащим личные данные, проводить плановые и внеплановые проверки соблюдения процедур информационной безопасности лицами, работающими с компьютерными системами. Проверка соблюдения законодательства, касающегося защиты, передачи и сбора личных данных также представляется обязательной.

К числу существенных нарушений, позволяющих совершать киберпреступления, как представляется, можно отнести: 1) неконтролируемый доступ сотрудников к компьютерной информации; 2) использование сотрудниками собственных флэш-накопителей; 3) отсутствие контроля над компьютерами, содержащими личные данные; 4) риск представляют организации, использующие компьютеры без защиты и подходящего антивирусного программного обеспечения; 5) несовершенство системы паролей защиты от несанкционированного доступа к рабочей станции и ее программному обеспечению, не обеспечивающему идентификацию пользователя; 6) использование баз сохраненных паролей на работе; 7) отсутствие обязательной проверки порядка секретности; 8) отсутствие договоров или расписок о неразглашении

информации, которую работники обнаружили при работе с компьютером или личными данными, коммерческой тайной или другой конфиденциальной информацией; 9) все сотрудники, имеющие доступ к личным данным, информации, содержащей деловую тайну или коммерческую конфиденциальность, или другой конфиденциальной информации, должны пройти инструктаж, в ходе которого будет разъяснена их ответственность за несоблюдение порядка работы с такого рода информацией.

Криминалистическими мерами противодействия киберпреступности являются следующие: 1) использование в расследовании новейших достижений науки; 2) совершенствование теории доказательств, позволяющей признавать достоверными не только вещественные доказательства и документированную информацию, но и виртуальную и электронную информацию; 3) разработка унифицированных баз данных, позволяющих идентифицировать лиц, совершающих киберпреступления. Основная претензия к виртуальной и электронной информации состоит в невозможности обеспечить ее достоверность. В этой связи некоторыми специалистами предлагается обратиться к опыту Китая, где, например, «регистрация в социальных сетях проводится только с подтверждением личности регистрируемого лица другими пользователями. В случае удаления страницы администрация сети всегда может связаться с человеком, который подтвердил регистрацию, и через него установить личность преступника» [24].

Российская судебная практика идет по пути признания виртуальной и электронной информации в качестве источника доказательств. Так, в апреле 2019 г. Верховный Суд РФ указал, что «при решении вопроса о наличии нарушения суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные в интернете. Допустимыми доказательствами являются, в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами» [25].

Единая практика расследования и использования достижений науки в процессе пресечения, раскрытия и расследования преступлений позволит установить личность лица, совершившего преступление, и осудить его за совершение уголовного правонарушения, что в свою очередь, позволит соблюсти реализацию принципа неотвратимости наказания. Неотвратимость наказания обеспечит как снижение числа преступлений, так и защиту одной из высших ценностей государств, которой являются права и законные интересы личности. На основе вышеизложенного можно выделить 3 основных направления противодействия киберпреступлениям: криминологическое (предупреждение киберпреступлений), криминалистическое (своевременное выявление и расследование преступлений), уголовно-правовое (неотвратимость ответственности и наказания виновных).

Установленная многочисленными научными изысканиями неэффективность противодействия киберпреступлениям в отсутствие международного сотрудничества, представляется очевидной. Однако в условиях реальной действительности следует обратить внимание на внутреннее законодательство и правоприменительную деятельность, начинать выстраивать многоуровневую институциональную систему кибербезопасности внутри государства.

Система кибербезопасности должна включать в себя различные компоненты, включая повышение уровня цифровой грамотности населения, помощь в продвижении индивидуальных способов защиты личной информации, а также механизмы противодействия и предотвращения киберугроз. Как представляется, единая система противодействия киберпреступлениям должна быть основана на следующих подходах: разработка стратегии кибербезопасности не только на национальном, но и на международном уровне; гармонизация соответствующих положений законодательства государств, сотрудничающих в борьбе с киберпреступностью; заключение межгосударственных соглашений, предусматривающих меры по борьбе с киберпреступностью; активизация международного сотрудничества, усиление взаимодействия национальных разведывательных служб и координации их действий; своевременное совершенствование российского законодательства с учетом новых технических угроз; формирование современной материально-технической и кадровой базы для борьбы с киберпреступностью; повышение технической и финансовой грамотности населения; координация деятельности всех участников борьбы с киберпреступностью, начиная от правоохранительных органов и заканчивая исследовательскими и академическими институтами.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что противодействие киберпреступлениям представляется собой актуальную проблему международного характера. Несмотря на наличие достаточного количества нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия киберпреступлениям, в настоящее время нельзя говорить об эффективности правоприменительной деятельности. Основной проблемой следует назвать обострившиеся на фоне геополитических конфликтов и противостояний отношения с рядом стран. Выходом из данной ситуации видится межгосударственное взаимодействие на уровне двусторонних соглашений, а также в формате устоявшихся союзов, которым является, например, Содружество независимых государств. Представляется необходимым обратить внимание на национальное законодательство РФ и принять на федеральном уровне закон «О противодействии киберпреступлениям». Кроме того, следует акцентировать внимание на формирование современной материально-технической и кадровой базы для борьбы с киберпреступлениями, вести грамотную информационную политику, работать над правовым просвещением населения, обеспечить неотвратимость ответственности и наказания киберпреступников.

Список литературы:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2022 года. – Текст электронный // МВД РФ : [сайт] – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>. (дата обращения 01.04.2023 г.).
2. Путин назвал одним из приоритетов МВД борьбу с киберпреступностью. Текст электронный // Взгляд. Деловая газета : [сайт] – URL: <https://vz.ru/news/2023/3/20/1203922.html>.
3. Якимова Е.М., Нарутто С.В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2016. – Т. 10. - № 2. - С. 369-378.
4. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: специальность 12.00.08 «Уголовное право, уголовно-исполнительное право и криминология»: дис. на соиск. ... канд. юрид. наук / Тропина Татьяна Львовна; Дальневост. гос. ун-т. - Владивосток, 2005. 234 с.
5. Антонян Е.А., Клещина Е.Н. Киберпреступность на современном этапе: тенденции и направления противодействия // Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 5. - С. 11-15.
6. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г. / Гарант: [сайт]. – URL <https://base.garant.ru/4089723/>. (дата обращения 01.04.2023 г.).

7. Россия внесла в ООН проект конвенции о борьбе с киберпреступностью. Текст электронный // РИА Новости: [сайт] – URL: <https://ria.ru/20210727/konventsia-1743130628.html>.
8. Дополнительный протокол к Конвенции о преступлениях в сфере компьютерной информации относительно введения уголовной ответственности за правонарушения, связанные с проявлением расизма и ксенофобии, совершенные посредством компьютерных систем (ETS № 189) от 28.01.2003 ФЗ / Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/4084840/> (дата обращения 01.04.2023 г.).
9. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2002/58/ЕС в отношении обработки персональных данных и защите конфиденциальности в секторе электронных средств связи, принятые с поправками от 25.11.2009 года / Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/2570354/>.
10. Директива Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2013/40/ЕС об атаках на информационные системы и замене Рамочного Решения 2005/222/PVD Совета ЕС от 12.08.2013 года / Гарант : [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/70557982/> (дата обращения 01.04.2023 г.).
11. Право Европейского Союза / Консультант Плюс : [сайт]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=568366&dst=100276#7ZFdCaTuq4QQwA81> (дата обращения 01.04.2023 г.).
12. Постановление МПА СНГ от 29.11.2018 г. № 48-9 «О новой редакции модельного закона «О персональных данных». / Контур Норматив: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
13. Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации / Гарант: [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/5283054/>.
14. Крайнова Н.А. О концепции модельного закона стран-участниц СНГ «О борьбе с киберпреступностью» // Право и цифровая экономика. - 2022. - № 2 (16). - С. 48-56.
15. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
16. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 г. № 351-1/ Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/.
17. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/.
18. Федеральный закон «О Национальной платежной системе» от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/.
19. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ/ Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
20. Федеральный закон «О коммерческой тайне» от 29.07.2004 г. № 98-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
21. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/.
22. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
23. Информационное письмо Банка России от 14.08.2018 г. № ИН014-12/54 «О национальной оценке рисков отмывания доходов и финансирования терроризма» ФЗ / Консультант Плюс: [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304897/ (дата обращения 01.04.2023 г.).
24. Вершицкая Г.В. Возможности использования виртуальных следов в ходе расследования киберпреступлений // Вестник поволжского института управления. - 2022. – Том 22. - № 2. - С. 17-23.

Zaporozhets S. A. Krainova N. A. On the issue of countering cybercrime in the conditions of a new geopolitical reality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 448–456.

One of the most dangerous types of international crime is cybercrime. The prevention, detection and investigation of cybercrimes is extremely difficult due to the distance of the criminal from the crime scene and the socially dangerous consequences, the lack of a unified approach to the investigation of this type of crime and the development of procedures for interaction at the international level in the territories of different countries. The national legislation of the Russian Federation is currently in search of effective forms and methods of countering cybercrime in order to protect privacy and confidential information. In the context of the new geopolitical reality, the detection, investigation and suppression of cybercrimes becomes even more difficult due to the fact that there is no mutual understanding between some countries and the Russian Federation due to excessive politicization and engagement of state structures. In this paper, based on the study of the current regulatory framework, law enforcement practice, ways and means of improving national legislation, international legal norms, optimization of international cooperation in the field of countering cybercrime are proposed.

Keywords: cybersecurity, countering cybercrime, information protection, personal data, information, information protection.

Spisok literary:

1. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January-December 2022. – Electronic text // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation : [website] – URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/>. (date of appeal 01.04.2023).
2. Putin called the fight against cybercrime one of the priorities of the Ministry of Internal Affairs. Electronic text // Sight. Business newspaper : [website] – URL: <https://vz.ru/news/2023/3/20/1203922.html>.
3. Yakimova E.M., Narutto S.V. International cooperation in combating cybercrime // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. - 2016. – Vol. 10. - No. 2. - pp. 369-378.
4. Tropina T.L. Cybercrime: concept, state, criminal law measures of struggle: specialty 12.00.08 "Criminal law, criminal enforcement law and criminology" : dis. on the job. ... cand. jurid. Sciences / Tropina Tatiana Lvovna ; Far Eastern State University - Vladivostok, 2005. 234 p. – Direct text.
5. Antonyan E.A., Kleschina E.N. Cybercrime at the present stage: trends and directions of counteraction // Bulletin of Economic Security. - 2022. - No. 5. - pp. 11-15.
6. Convention on Computer Information Crime ETS No. 185 (Budapest, November 23, 2001 / Guarantor: [website]. – URL <https://base.garant.ru/4089723/>. (accessed 01.04.2023).
7. Russia has submitted to the UN a draft convention on combating cybercrime. Electronic text // RIA Novosti: [website] – URL: <https://ria.ru/20210727/konventsiiya-1743130628.html>. (accessed 01.04.2023).
8. Additional Protocol to the Convention on Crimes in the Field of Computer Information concerning the Introduction of Criminal Liability for Offenses Related to the Manifestation of racism and xenophobia committed through computer systems (ETS No. 189) of 28.01.2003 FZ / Garant : [website]. – URL: <https://base.garant.ru/4084840/> (accessed 01.04.2023).
9. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 2002/58/EC on the processing of personal data and the protection of privacy in the electronic communications sector, adopted as amended on 25.11.2009 / Garant : [website]. – URL: <https://base.garant.ru/2570354/> (accessed 01.04.2023).
10. Directive of the European Parliament and of the Council of the European Union 2013/40/EC on attacks on information systems and the replacement of the Framework Decision 2005/222/PVD of the Council of the EU of 12.08.2013 / Guarantor : [website]. – URL: <https://base.garant.ru/70557982/> (accessed 01.04.2023).
11. European Union Law / Consultant Plus : [website]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=568366&dst=100276#7ZFdCaTuq4QQwA81> (accessed 01.04.2023).
12. Resolution of the IPA CIS dated 29.11.2018 No. 48-9 "On the new edition of the Model Law "On Personal Data". / Contour Standard: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801
13. Agreement on cooperation of the CIS member states on combating crimes in the field of computer information / Garant: [website]. – URL: <https://base.garant.ru/5283054/> (accessed 01.04.2023).
14. Krainova N.A. On the concept of the model law of the CIS member states "On combating cybercrime" // Law and Digital Economy. - 2022. - № 2 (16). - Pp. 48-56.
15. Federal Law "On Personal Data" dated 27.07.2006 No. 152-FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (accessed 01.04.2023).
16. Federal Law "On Banks and Banking Activities" dated 02.12.1990 No. 351-1/ Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (accessed 01.04.2023).
17. Federal Law "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" dated 10.07.2002 No. 86-FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/
18. Federal Law "On the National Payment System" dated 27.06.2011 No. 161-FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (accessed 01.04.2023).
19. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 27.07.2006 No. 149-FZ/ Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
20. Federal Law "On Trade Secrets" dated 29.07.2004 No. 98-FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699/ (accessed 01.04.2023).
21. Federal Law No. 63-FZ "On Electronic Signature" dated 06/06/2011 / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (accessed 01.04.2023).
22. Federal Law "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" dated 26.07.2017 No. 187-FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/ (accessed 01.04.2023).
23. Information Letter of the Bank of Russia dated 14.08.2018 No. IN014-12/54 "On the national assessment of the risks of money laundering and terrorist financing" FZ / Consultant Plus: [website]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304897/ (accessed 01.04.2023).
24. Vershinskaya G.V. Possibilities of using virtual traces during the investigation of cybercrimes // Bulletin of the Volga Institute of Management. - 2022. – Volume 22. - No. 2. - pp. 17-23.

УДК 343.231

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ МОЛОДЕЖНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

Зоз В. А., Телешенко К. С.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрывается вопрос определения понятия экстремизма, дается характеристика молодежной преступности, рассмотрены некоторые вопросы относительно выявления данной категории преступлений. В частности, в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344, предложено интерпретировать понятие противодействие экстремизму как: «деятельность субъектов противодействия экстремизму, направленная на выявление и последующее устранение причин экстремистских проявлений, а также на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности, минимизацию и (или) ликвидацию последствий экстремизма».

При изучении характеристики преступлений экстремистской направленности, совершаемых молодежью, установлено, что возрастные границы данной категории лиц варьируются в зависимости от источника информации. В соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ, противодействие осуществляется в двух основных направлениях, а именно: принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на их выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности, а также выявление, предупреждение, пресечение экстремистской деятельности общественных, религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, оперативные подразделения органов внутренних дел, Интернет, профилактика, предупреждение преступлений.

В последние годы мировое сообщество уделяет особое внимание вопросам борьбы с экстремизмом, который является одним из сложнейших феноменов в обществе, представляет реальную угрозу мировой безопасности, ведет к ощутимым потерям экономического, политического и морального характера, оказывает на людей негативное психологическое воздействие, что соответственно влечет разбалансирование системы ценностей общества.

В России предусмотрена соответствующая уголовная ответственность за совершение общественно опасных деяний, имеющих экстремистскую направленность. Кроме того, правовое регламентирование в сфере предупреждения указанных деяний основывается как на основе Конституции РФ, так и на соответствующих федеральных законах. Особое внимание следует обратить на положения Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной Указом Президента от 29.05.2020 № 344 [1]. Следует учитывать, что в условиях современной действительности, характеризующейся более глубоким развитием информационно-коммуникационных технологий, экстремистские настроения все чаще находят свое проявление среди молодежи, так как способы вовлечения их в данную деятельность постоянно изменяются и совершенствуются.

Молодежь является социально-демографической группой, сочетающей в себе ряд признаков: социальные, психологические черты, возрастные характеристики, а также положение в социальной структуре общества. Возраст человека является основополагающим фактором принадлежности его к данной группе.

Не существует единого понятия возрастных границ для лиц, относящихся к категории молодежи. Международная организация ЮНЕСКО предлагает относить к молодежи лиц, возраст которых варьируется от 15 до 24 лет [2]. Однако многие российские ученые, например, Бабаев М.М., придерживаются позиции, что возрастные характеристики данной категории составляют в среднем от 14 до 29 лет.

В законодательстве РФ отсутствует понятие «молодежная преступность». Однако в Уголовном кодексе РФ выделяется такая социальная группа как несовершеннолетние, которая по возрастным характеристикам является частью молодежной группы. Несовершеннолетними считаются лица в возрасте от 14 до 18 лет. Несмотря на законодательное закрепление, многие ученые приходят к мнению, что данная дифференциация не отображает правильную правовую оценку данной категории лиц. Это обусловлено тем, что граждане в возрасте 17 и 20 лет значительно не отличаются по образу мышления, системе ценностей, а также правовому сознанию, однако последствия за совершения идентичных преступлений существенно отличаются друг от друга.

Борьба с экстремистскими настроениями, создание в сознании молодых людей правильных моральных и этических установок, обеспечение мира и согласия в обществе выступает в качестве ключевых целей государства, и его государственных органов. Важнейшее место в рамках осуществления поставленных задач и достижения указанных целей по противодействию молодежному экстремизму занимают ОВД, перед которыми стоит важная задача по противодействию экстремизму и оперативному осведомлению о настроениях во всех слоях населения [3].

Данные МВД свидетельствуют о том, что в период января-августа 2022 г. в России зарегистрировано 1013 преступлений экстремистской направленности, что в сравнении с 2021 годом, свидетельствует об увеличении данного вида преступлений на 31,7 % [4]. Это указывает на то, что экстремизм распространяется среди населения, и влияет на молодежь, которая в массовом количестве привлекается в неформальные организации. Учитывая динамику роста преступлений экстремистской направленности следует признать актуальность данного явления.

Увеличение преступлений экстремистской направленности в реалиях сегодняшнего дня обусловлено нестабильной политической обстановкой в мире сопровождающейся социально-экономическими кризисами, деформацией политических институтов, падением жизненного уровня, ухудшением социальных перспектив значительной части населения, доминированием в обществе чувств, настроений хандры, пассивности, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страха перед будущим. Особая опасность действий нарушителя кроется в том, что своевременно предупредить или пресечь последствия невозможно [5]. В связи с чем последствия экстремизма могут выражаться в причинении значительного ущерба как государству, так и его гражданам.

Характеризуя преступления экстремистской направленности, следует выделить основные элементы, позволяющие наиболее глубоко изучить данное деяние: 1. Личность экстремиста. 2. Способы совершения экстремизма. 3. Способы сокрытия экстремизма. 4. Уголовно-правовая характеристика экстремизма. 5. Мотивация преступного поведения экстремизма.

Для получения информации, которая может представлять оперативный интерес, а в дальнейшем способствовать выявлению, предупреждению, пресечению и рас-

крытию преступлений экстремистской направленности в молодежной среде следует выделить следующие объекты, которые служат источниками информации: граждане, которые предоставляют информацию в устной, или письменной форме, сообщая об экстремистских преступлениях, и их исполнителей, в том числе анонимные источники; информация полученная из пассивных источников, таких как интернет, СМИ, различные социальные сети и форумы; информация, поступающая из дежурных сводок за сутки; информация, получаемая от конфиденентов.

В соответствии с ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ, противодействие осуществляется в двух основных направлениях, а именно принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремисткой деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремисткой деятельности, а также выявление, предупреждение, пресечение экстремисткой деятельности общественных, религиозных объединений, иных организаций, физических лиц [6].

Выполняя правоохранительные функции, сотрудники ОВД используют убеждение, как базовый метод воспитания. В число мер, применяемых сотрудниками ОВД, входят: профилактические меры, мероприятия по административному пресечению и наказанию, компенсация причиненного вреда, а также действия организационного характера: установление контактов с представителями общественных объединений и организаций; анализ и прогнозирование экстремистских проявлений; планирование мероприятий по предупреждению экстремистских проявлений; перекрытие каналов финансирования экстремистской деятельности; исследование детерминантов противоправного поведения и иные [7].

Особую роль в предупреждении преступлений экстремистской направленности выполняют подразделения по делам несовершеннолетних. Опираясь на их опыт практической деятельности и отделов уголовного розыска, можно выделить следующие направления совместной работы: проведение совместных мероприятий, направленных на улучшение информирования сотрудников; анализ и разработка полученных оперативных сведений; разработка эффективных стратегий противодействия для уменьшения количества правонарушений среди несовершеннолетних; участие в проведении совместных специальных профилактических операциях; содействие в устранении факторов и явлений, способствующих развитию негативного поведения среди несовершеннолетних [8]. Таким образом, грамотное использование оперативно-розыскных методик, рекомендаций, целью которых является предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности среди молодежи позволит сотрудникам действовать максимально эффективно при противодействии данному социально-опасному феномену.

Слаженное взаимодействие подразделений ОВД позволит своевременно оказывать меры профилактического воздействия в отношении лиц, склонных или занимающихся экстремистской деятельностью. В совокупности, использование всех благоприятных условий, способствующих противодействию преступлений экстремистской направленности, позволит снизить динамику и пресечь распространение молодежного экстремизма.

Список литературы:

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2012, № 52, ст. 7477.
2. Официальный портал ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth>.
3. Иванов С.И. Задачи оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел в Крымском федеральном округе по противодействию возможным террористическим и экстремистским акциям // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. Крымский филиал. 2015. С. 364-367.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь – август 2022 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4558593> (дата обращения: 15.04.2023).
5. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8. № 4. С. 292-298.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 138-139, 30.07.2002.
7. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 19.
8. Ростокинский А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. М.: Наука, 2017. С. 19.

Zoz V.A., Teleshenko K.S. Activities of the internal affairs bodies to counter youth extremism // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 457-460.

The article reveals the issue of defining the concept of extremism, characterizes youth crime, and considers some issues of identifying this category of crimes. In particular, in the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025, issued by Decree of the President of the Russian Federation No. 344 of 29.05.2020, it is proposed to interpret the concept of countering extremism as: "the activities of the subjects of countering extremism aimed at identifying and subsequently eliminating the causes of extremist manifestations, as well as preventing, suppressing, uncovering and investigating extremist crimes, minimization and (or) elimination of the consequences of extremism." When studying the characteristics of extreme crimes committed by young people, it was found that the age limits of this category of persons vary depending on the source of information. In accordance with the Federal Law "On Countering Extremist Activity" No. 114-FZ, counteraction is carried out in two main directions, namely, the adoption of preventive measures aimed at preventing extremist activity, including the identification and subsequent elimination of the causes and conditions conducive to extremist activity, as well as the identification, prevention, suppression extremist activity of public, religious associations, other organizations, individuals.

Keywords: extremism, youth, operational units of internal affairs bodies, Internet, prevention, crime prevention.

Spisok literatury:

1. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2012, № 52, ст. 7477.
2. Официальный портал ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (дата обращения: 15.04.2023).
3. Иванов С.И. Задачи оперативно-розыскных подразделений органов внутренних дел в Крымском федеральном округе по противодействию возможным террористическим и экстремистским акциям // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России. Крымский филиал. 2015. С. 364-367.
4. Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». Состояние преступности в России за январь – август 2022 г. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4558593>
5. Зоз В.А., Лагуточкина А.С. Отдельные элементы современного состояния противодействия преступлениям, совершенным с использованием социальных сетей, в отношении несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского. Юридические науки. 2022. Т.8. №4. С.292-298.
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Российская газета, № 138-139, 30.07.2002.
7. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012. С. 19.
8. Ростокинский А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. М.: Наука, 2017. С. 19.

УДК 343

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КРЫМА

Иванов С. И.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются вопросы коррупционных проявлений, представляющих угрозу туристической сфере Республики Крым, сквозь призму теневой экономики, являющейся благоприятной средой для финансирования экстремистских и террористических групп, сообществ, организаций. Отдельным ее направлением является подкуп (вербовка) чиновников, правоохранителей, судей, который является максимально опасным и причиняющим вред системе, противодействующей различным коррупционным проявлениям в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Также обращается внимание на угрозу дестабилизации работы туристической инфраструктуры, обусловленной распространением недостоверной или заведомо ложной информации, которая способствует разжиганию паники или ажиотажа. Автор дает определение понятию туристическая инфраструктура и констатирует тот факт, что большинство объектов, входящих в это понятие, находятся под угрозой террористического воздействия и, соответственно, данная сфера нуждается в обеспечении высокого уровня антитеррористической защищенности.

Ключевые слова: коррупция, туристическая сфера, инфраструктура, теневая экономика, террористический акт, антитеррористическая защищенность.

На сегодняшний день коррупционные проявления в России по-прежнему не утрачивают своей актуальности на протяжении многих лет. Коррупция и связанные с ней деструктивные явления продолжают оказывать негативное влияние на функционирование государств в соответствии с базовыми принципами демократии, правового государства и социальной справедливости [1]. Органы внутренних дел ориентированы на выявление, предупреждение и пресечение данного явления. Неразрешенные проблемы социально-экономического характера в жизнедеятельности общества выступают детерминантами радикализации протестных настроений и, как следствие, – катализатором экстремистских проявлений. Лидеры экстремистских групп и преступных сообществ используют любые противоречия между чиновничьим аппаратом и обывателем для дискредитации органов государственной власти. Известные обществу факты коррупции подрывают авторитет государственного аппарата и снижают доверие общественности к институту власти.

Согласно действующему законодательству под коррупцией понимается: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребления полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение перечисленных деяний от имени или в интересах юридического лица [2].

Такие коррупционные проявления, как: хищение материальных и денежных средств с использованием служебного положения, дача и получение взятки, злоупотре-

требление должностным положением – могут находить свое отображение в сознании граждан в виде: нарушения установленных сроков окончания строительных и ремонтных работ за средства федерального и местного бюджетов; очевидного несоответствия заявленного и фактически существующего качества таких работ; невыполнения задекларированных в законодательных актах обязательств государства по отношению к различным категориям социальных групп; несоответствующего статусу государственного служащего образа жизни; очевидной разнице между получаемыми чиновником официальными доходами и фактическими расходами на жизнь его и его близких родственников; задекларированного и фактически используемого имущества. Данные факты, оставшиеся без должной реакции со стороны правоохранительных органов, могут повысить уровень неудовлетворенности общества существующим положением вещей.

В условиях проведения специальной военной операции такие процессы являются не только крайне нежелательными, но и недопустимыми, они требуют немедленно пресечения, так как создают угрозу безопасности общества и государства. Кроме того, коррупция тормозит развитие реальной экономической конкуренции, что, в свою очередь, не способствует росту экономических показателей туристической сферы, приводит к неоправданному завышению цен и падению спроса на потребительском рынке туристических услуг РФ.

Спецификой для организации туристической деятельности в Республике Крым является относительно небольшая продолжительность летнего сезона, которая ограничивается теплым временем года и периодом летних отпусков основной массы туристического потока. Временные рамки максимального увеличения туристического потока с конца мая по август также обусловлены периодом летних каникул у детей и студентов. Таким образом, максимальное увеличение поступления денежных средств в экономику Крыма от туристической деятельности преимущественно связано с летним курортным сезоном. В отличие от курортов зарубежных стран с круглогодичным теплым температурным режимом санаторно-курортный комплекс Крыма несет значительные затраты, связанные с поддержанием его деятельности в период низкого сезона и с его простоем или консервацией в холодное время года. Такие затраты понижают рентабельность бизнеса. В свою очередь от сезонности и доходности санаторно-курортной сферы Крыма зависят доходы лиц, вовлеченных в работу таких объектов. Любые дополнительные факторы, негативно влияющие на уменьшение туристического потока и, соответственно, уменьшение денежных поступлений в эту отрасль экономики, болезненно воспринимаются населением Крыма и негативно отражаются на уровне материального благосостояния. На фоне снижения доходов населения от курортного бизнеса более отчетливо и ярко проявляются факты получения коррупционных доходов отдельными чиновниками и их ближайшим окружением. Очевиднее становятся критерии подхода коррумпированных чиновников к решению одних и тех же вопросов, но в различных условиях, что свидетельствует о использовании двойных стандартов, обусловленных наличием или отсутствием коррупционной заинтересованности. Взаимосвязь внезапного роста уровня доходов у лиц, связанных с освоением бюджетных средств, с явной неэффективностью использования таких средств должна быть сигналом для правоохранительных органов, требующим их повышенного внимания к такой ситуации.

Кроме рассмотренных примеров проявления коррупционных доходов в образе жизни должностных лиц, значительные суммы незаконно полученных или похищенных средств могут инвестироваться злоумышленниками в легальный бизнес, оформленный на их ближайшее окружение. Такой признак в большей степени присущ лицам, занимающим высокопоставленное положение и наделенных полномочиями распоряжения государственным или коллективным имуществом, государственными и бюджетными средствами различного уровня, организационно-распорядительными функциями в вопросах контролирующей, надзорной, правоохранительной и судебной деятельности. При этом мы можем говорить о двух вещах: о выводе средств из легальной экономики в тень и отмывании средств, полученных преступным путем.

Нерегулируемая нормами законодательства теневая экономика является благоприятной средой для финансирования экстремистских и террористических групп, сообществ, организаций. Примечательно, что в вопросе уголовной ответственности за финансирование экстремистской деятельности законодатель отдельно выделяет такой квалифицирующий признак, как использование своего служебного положения для предоставления или сбора средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для финансирования организации, подготовки и совершения хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности либо для осуществления деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации [3].

Средства, выведенные из легального оборота и, как следствие, из-под контроля государства, могут использоваться для дестабилизации обстановки в регионе, организации и проведения пропагандисткой (вербовочной) деятельности, направленной на вовлечение новых членов сообщества, финансирование акций, поддержку членов сообщества, привлеченных к административной и уголовной ответственности, а также их близких родственников, приобретение оружия и взрывных устройств для совершения террористических актов. Главные цели террористов – устрашение населения и дестабилизация общественно-политической обстановки, которые достигаются прежде всего благодаря информационному прессингу социума, поэтому публикации в печатных изданиях, демонстрация на телевидении или в интернет-ресурсах человеческих жертв и разрушений будут содействовать их достижению [4].

Отдельным направлением использования средств теневой экономики в интересах экстремистских и террористических групп, сообществ и организаций является подкуп (вербовка) чиновников, правоохранителей, судей. Данная коррупционная угроза наиболее значима и максимальна опасна, поскольку вред причиняется системе, которая непосредственно отвечает за борьбу с коррупцией, экстремизмом, терроризмом, как следствие, – общество и государство становится не только незащищенным, но и получает в рядах своих служащих предателей, обладающих ценнейшей инсайдерской информацией и способных причинить максимальный вред. Один завербованный террористами сотрудник полиции способен, злоупотребляя служебным положением, содействовать злоумышленникам, создавая такие безопасные и благоприятные условия преступной деятельности, которые для них без его помощи будут недостижимыми.

В современных условиях все чаще мы видим тенденцию вовлечения в террористическую деятельность лиц под надуманным, не соответствующим реальным це-

лям деятельности предлогом. Примером этому могут служить подрыв Крымского моста в октябре 2022 г. и убийство военного корреспондента Владлена Татарского (Максима Фомина) в апреле 2023 г. В обоих приведенных примерах исполнители были умышленно дезориентированы организаторами преступлений о своих истинных планах и намерениях, в результате чего водитель автомобиля, перевозящего взрывчатку по Крымскому мосту погиб во время взрыва, а вручившая Владлену Татарскому заминированный подарок осталась невредима только по счастливой для нее случайности. Применительно к коррупционной угрозе антитеррорестической защищенности наглядным является пример проводимой весной 2023 г. Главным управлением собственной безопасности МВД России при участии ФСБ проверки в отделах полиции по Центральному округу Москвы из-за утечки персональных данных сотрудников силовых структур и судей. По версии проверяющих, сотрудники полиции, предположительно по заказу граждан Украины, за денежное вознаграждение в размере 5 тысяч рублей передавали через сеть Даркнет персональные сведения лиц, в том числе проходящих службу на вновь присоединенных территориях Российской Федерации [5].

Дестабилизацию нормальной работы туристической инфраструктуры может вызвать распространение недостоверной или заведомо ложной информации, которая способствует разжиганию паники или ажиотажа. Сюда же следует отнести принятие неуместных, преждевременных, необоснованных или запоздалых управленческих решений, регулирующих вопросы, связанные с функционированием туристической инфраструктуры. Так, введенные сразу же после взрыва на Крымском мосту ограничительные меры по продаже бензина на автозаправочных станциях Крыма и Севастополя вызвали нежелательный ажиотаж и распространение паники, что способствовало быстрому исчерпанию запасов горюче-смазочных материалов в розничной сети и созданию искусственного дефицита бензина. Быстрая отмена таких ограничительных мер успокоила население и прекратила панику.

Таким образом, мы видим, что коррупция:

- играет роль благоприятной среды для создания социальной напряженности в обществе и способствует активному вовлечению новых лиц в ряды экстремистских и террористических групп, сообществ, организаций;
- подрывает авторитет институтов государственной власти, вызывает недоверие к ней и способствует расслоению общества, ослабляя его способность к защите и консолидации в период опасности;
- способствует хищению государственных средств и средств бюджетов различного уровня с последующим их выводом в теневую экономику, что является финансовой базой для обеспечения затратной части на подготовку и проведение различных преступных акций экстремистской направленности и террористического характера;
- является механизмом вовлечения (вербовки) служащих, призванных защищать общество и государство от преступных посягательств в преступную деятельность в интересах экстремистских и террористических групп, организаций, сообществ;
- служит средством маскировки (легендирования) истинных намерений, целей и планов организаторов преступлений экстремистской направленности и террористического характера для привлечения к участию в них исполнителей, соучастников и пособников;

- нарушает информационную безопасность объектов и лиц, задействованных в обеспечении антитеррористической защищенности туристической инфраструктуры;
- порождает бесконтрольность и угрозу чрезвычайных происшествий техногенного характера на различных инфраструктурных объектах, в том числе туристической сферы;
- необоснованно увеличивает себестоимость и снижает качество закупаемых государством товаров, работ, услуг связанных с обеспечением антитеррористической защищенности.

Переходя непосредственно к угрозам антитеррористической защищенности туристической инфраструктуры Крыма и ее коррупционной уязвимости, необходимо дать определение понятию туристическая инфраструктура, под которой мы предлагаем понимать сложную комплексную многоуровневую систему функционирования социальных и экономических взаимоотношений, складывающихся вокруг организации и обеспечения: прибытия, поселения, проживания, питания, отдыха, оздоровления, лечения, развлечения, организации досуга, времяпрепровождения, перемещения, посещения и осмотра достопримечательностей, коммуникации и убытия туристов. Туристическая инфраструктура включает в себя: различные, связанные между собой инженерными и коммуникационными (в том числе и телекоммуникационными) сетями, сооружения, дороги; смежные индустрии туризма предприятия, которые обеспечивают нормальный доступ туристов к туристическим ресурсам и их надлежащее использование, а также обеспечение жизнедеятельности предприятий индустрии туризма [6].

Согласно ч. 1 ст. 205 УК РФ под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [7].

Под иными действиями, подпадающими под квалификацию террористического акта, предлагает понимать: устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушения транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений [8].

Таким образом, необходимо констатировать тот факт, что большинство объектов, входящих в понятие туристической инфраструктуры, имеют непосредственное отношение к объектам, на которые нацелено террористическое воздействие. Соответственно, большинство объектов туристической инфраструктуры нуждается в обеспечении высокого уровня антитеррористической защищенности. Кроме того, поскольку Республика Крым является туристическим регионом и продолжает восприниматься гражданами РФ как место проведения летнего отдыха и объект исто-

рического, культурного, развлекательного и оздоровительного туризма, общественный резонанс от сообщений о чрезвычайных ситуациях в Крыму особенно велик, а в современных условиях проведения специальной военной операции еще и многократно будет увеличен силами Центра информационно-психологических операций Украины. Примером подобной ситуации может служить взрыв на военном аэродроме «Нитка» вблизи поселка Новофедоровка в августе 2022 г., вызвавший широкий общественный резонанс по всей стране и, как следствие, большой отток туристов, отдыхавших как в поселке Новофедоровка, так и в Крыму в целом.

Антитеррористическая защищенность объекта (территории) – это состояние защищенности здания, строения, сооружения, иного объекта, места массового пребывания людей, препятствующее совершению террористического акта [9]. Исходя из такого определения можно сделать вывод, что угрозу для антитеррористической защищенности могут создавать естественным образом сложившиеся объективные обстоятельства, а также искусственным образом созданные субъективные причины, способствующие организации и совершению террористического акта. В свою очередь наибольшую опасность антитеррористической защищенности способно создать такое должностное лицо, в чьи должностные обязанности входит ее создание и обеспечение.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует о необходимости учета коррупционных проявлений как фактора дестабилизации антитеррористической защищенности на объектах туристической инфраструктуры Республики Крым, всестороннего изучения и выработки на основе этого эффективных и действенных мер по их устранению и профилактике.

Список литературы:

1. Заброда Д.Г., Капранов А.В. Методика антикоррупционного аудита: вопросы теории и практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3-2. С. 187–199.
2. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 №208-ФЗ (ред. от 06.02.2023). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 14.04.2023). Ст. 282.3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
4. Буткевич С.А. Превенция экстремизма и терроризма и деятельность массмедиа: проблемы синтеза и перспективы коллаборации // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4 (70). № 3. С. 115-123.
5. Массовые проверки проходят в УВД по ЦАО Москвы из-за утечки данных российских силовиков // ТАСС: сайт. – URL: <https://tass.ru/proisshestiya/17559435> (дата обращения: 15.04.2023).
6. Логвина Е.А. Туристическая инфраструктура Крыма и ее развитие // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. Том 2 (68). С. 24–38.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (ред. от 14.04.2023). Ст. 205. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 №1 (в действ. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам антитеррористической защищенности объектов: Федеральный закон от 23.07.2013 №208-ФЗ (в действ. ред.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

Ivanov S.I. Corruption as a threat to anti-touristic protection of the crimea infrastructure // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. - P. - 461-467.

The article deals with the issues of corruption that threaten the tourism sector of the Republic of Crimea through the prism of the shadow economy, which is a favourable environment for the financing of extremist and terrorist groups, communities and organisations. A separate area is bribery (recruitment) of officials, law

enforcement officers and judges, which is the most dangerous and damaging to the system of counteracting various forms of corruption in the fight against extremism and terrorism. Attention is also drawn to the threat of destabilizing the tourist infrastructure through the dissemination of misleading or deliberately false information that contributes to panic or agitation. The author gives a definition of tourist infrastructure and states the fact that most facilities included in this concept are under the threat of terrorist influence and, accordingly, this area requires a high level of anti-terrorist protection.

Key words: corruption, tourist sphere, infrastructure, shadow economy, terrorist act, antiterrorist protection.

Spisok literatury:

1. Zabroda D.G., Kapranov A.V. Metodika antikorrupcionnogo audita: voprosy teorii i praktiki // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2021. T. 7. № 3-2. S. 187–199.
2. O protivodejstvii korrupcii: federal'nyj zakon ot 25.12.2008 №208-FZ (red. ot 06.02.2023). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 (red. ot 14.04.2023). St. 282.3. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej.
4. Butkevich S.A. Prevenciya ekstremizma i terrorizma i deyatel'nost' massmedia: problemy sinteza i perspektivy kollaboracii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2018. T. 4 (70). № 3. S. 115-123.
5. Massovye proverki prohodyat v UVD po CAO Moskvy iz-za utechki dannyh rossijskih silovikov // TASS: sajt. – URL: <https://tass.ru/proisshestviya/17559435> (data obrashcheniya: 15.04.2023).
6. Logvina E.A. Turisticheskaya infrastruktura Kryma i ee razvitie // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya. Tom 2 (68). C. 24–38.
7. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 (red. ot 14.04.2023). St. 205. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej.
8. O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoy napravlenosti: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 09.02.2012 №1 (v dejstv. red.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej.
9. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam antiterroristicheskoy zashchishchennosti ob'ektov: Federal'nyj zakon ot 23.07.2013 №208-FZ (v dejstv. red.). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant». Rezhim dostupa: dlya zaregistr. pol'zovatelej.

УДК 342

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И КООРДИНАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

Коренюгин В. В.

Ростовский юридический институт МВД России

В статье рассмотрены вопросы взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности с государственными органами и общественными объединениями при осуществлении служебной деятельности сотрудниками полиции, направленной на предупреждение и раскрытие преступлений. Раскрываются сущность и основные принципы взаимодействия подразделений полиции, как важная функция управления органами внутренних дел в сфере реализации оперативно-служебных задач. Определяется роль и место территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, как субъекта взаимодействия с региональными органами государственной власти. Автором акцентируется внимание на отсутствии закрепления в ведомственных и межведомственных нормативных актах принципов взаимодействия органов внутренних дел с другими субъектами профилактики и предлагается система таких принципов. Рассматриваются проблемы применения способов и методов, способствующих эффективному предупреждению противоправных деяний.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, профилактика преступлений, должностное лицо, доказывание, правоохранительные органы, меры принуждения, судебный контроль, Covid-19, защита прав человека, обеспечение общественной безопасности.

Рассмотрение взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) с государственными и общественными объединениями в области предупреждения преступности рассматривается как чрезвычайно важный аспект повышения общественной безопасности.

Сотрудничество субъектов ОРД с гражданским обществом нашей страны является предметом исследований многих ученых и привлекает все большее внимание специалистов-практиков и законодателей. Успех предупреждения преступности зависит от эффективной и всесторонней помощи со стороны государства и общественных организаций. Взаимодействие субъектов ОРД с государственными и общественными организациями является стратегическим. Стратегия взаимодействия должна быть направлена на обеспечение общей безопасности общества, а тактические нормы могут быть связаны с предупреждением преступности. Важно помнить, что успех такого взаимодействия всегда будет зависеть от сознательности граждан и адекватности деятельности ОВД и их сотрудников, с тем, чтобы защитить людей от противоправных посягательств.

Законодательство требует разработки современного научного подхода к совершенствованию правовых норм, регламентирующих взаимодействия субъектов ОРД с государственными и общественными объединениями в области выявления преступлений. В ст. 1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ [1] (далее – ФЗ Об ОРД) закреплено понятие термина оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-розыскная деятельность представляет собой вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим ФЗ, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и

гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Рассмотрев общую характеристику рассматриваемой нами деятельности можно выделить следующие ее функции: 1) превентивная. По такому основанию и отличается деятельность сотрудников оперативных подразделений от деятельности органов предварительного следствия, т.е. она направлена на решение задач не только по раскрытию уже совершенного деяния, но и по заблаговременному предупреждению и пресечению запланированного преступного посягательства; 2) розыскная. Эта функция оперативных подразделений, которая осуществляется в рамках розыска лиц, которые скрылись от органов дознания, следствия и суда, а также в рамках деятельности по сообщению о пропажи лица [2, с. 36]; 3) вспомогательная. В рамках уголовно-процессуальной деятельности главная роль отводится следователю, который в рамках предоставленных ему полномочий проводит следственные действия и по их результатам составляет определенного рода процессуальные документы. Однако, на сотрудников оперативных подразделений в рамках предварительного следствия возлагаются функции, например, по задержанию лица либо об его приводе. В компетенцию следователя входят полномочия по даче поручений оперативным сотрудникам, которые приводят их в действия посредством получения своего рода доказательств по результатам осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

На основании переданных материалов деятельности оперативных подразделений осуществляется документальное оформление целого ряда преступлений. Например, по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков [3, с. 362-370], чаще всего проводится проверочная закупка, при грамотной фиксации результатов которой, возможно будет предъявить обвинение лицу, которое реально совершило такое деяние и привлечь его к заслуженной уголовной ответственности. Поэтому еще одной актуальной проблемой остается использование результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

С точки зрения ряда ученых результаты оперативно-розыскной деятельности не обладают статусом доказательств. В связи с чем в рамках процесса доказывания они не могут использоваться для установления предмета по делу в целом, а также установления виновности лица в совершении преступления и порядка их получения. В этом и заключается и отличается процесс получения результатов оперативно-розыскной деятельности от процедуры получения уголовно-процессуальных доказательств [4, с. 39]. По данному вопросу было дано разъяснение Конституционного Суда РФ [5], в соответствии с которым результаты оперативно-розыскной деятельности не являются доказательствами по делу, а только несут сведения о самом противоправном деянии, однако, если такие результаты будут оформлены в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, то могут быть приняты судом в качестве доказательств в рамках уголовного процесса. Несмотря на подобные ограничения, которые связаны с процессуальным оформлением доказательств, место оперативно-розыскной деятельности на первоначальном этапе сбора доказательств для последующего уголовного преследования лица, которому предъявлено обвинение совершении уголовного наказуемого деяния, значимо.

В сравнении со следственной деятельностью, оперативно-розыскная деятельность менее урегулирована действующим законодательством, так как в основном регулируется только ФЗм «Об ОРД». Данную ситуацию можно рассмотреть с двух

сторон. С одной стороны, такая не урегулированность будет способствовать злоупотреблению оперативными сотрудниками своими полномочиями. С другой стороны, учитывая специфику оперативно-розыскной деятельности, нельзя охватить весь спектр возникающих вопросов, связанных с практической деятельностью оперативных аппаратов, и все их отразить в действующем законодательстве.

Таким образом, ОРД занимает важное место в деятельности всей системы правоохранительного органа. При решении возложенных задач оперативные подразделения используют широкий инструментарий средств и способов, которые помогают более эффективно предупреждать и раскрывать преступные деяния. Что же касается деятельности следователя, то она по сравнению ранее указанной деятельностью носит конкретные ограничения. Однако такая, если можно сказать, воля в выборе средств и способов достижения положительного результата, ни в коем случае не может быть связана с нарушением прав и свобод человека и гражданина. В рамках оперативно-розыскной деятельности должны соблюдаться нормы Конституции РФ, Европейской Конвенции по правам человека и других актов в этой сфере.

Проведение оперативно-розыскных мероприятий, влекущих ограничение конституционных прав граждан, возможно только в случаях, предусмотренных законодательством и только при получении судебного решения. Например, к таким мероприятиям относятся следующие мероприятия: контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; снятие информации с технических каналов связи; прослушивание телефонных переговоров; получение компьютерной информации.

На основании всего выше изложенного можно сделать однозначный вывод о том, что именно оперативно-розыскная деятельность является основной формой борьбы с преступностью. Перечень задач, возложенных на сотрудников оперативных подразделений огромен и соразмерен той важнейшей роли по борьбе с разными видами преступности (в первую очередь – международной и организованной преступности), для пресечения и минимизации которой и осуществляется рассматриваемая нами деятельность. Принцип необходимости состоит из трех взаимосвязанных элементов: обязанность использовать ненасильственные средства везде, где это возможно; обязанность применять силу только в законных целях обеспечения правопорядка; и обязанность применять только минимально необходимую силу, которая является разумной в сложившихся обстоятельствах.

Везде, где это возможно, сотрудники правоохранительных органов должны использовать ненасильственные средства для достижения законных целей правоохранительных органов, прежде чем прибегать к физической силе.

Сотрудники правоохранительных органов при исполнении своих обязанностей должны, насколько это возможно, применять ненасильственные средства, прежде чем прибегать к применению силы и огнестрельного оружия. Они могут применять силу и огнестрельное оружие только в том случае, если другие средства остаются неэффективными или бесперспективными для достижения намеченного результата.

Необходимость применения силы сотрудниками правоохранительных органов может быть уменьшена за счет их надлежащего оснащения средствами самообороны, такими как щиты, каски, пуленепробиваемые жилеты. Кроме того, каждое применение силы должно преследовать законные цели правоохранительных органов. Должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять такую силу, и не более того, «в той мере, в какой это разумно необходимо при данных обстоятель-

ствах» для предотвращения преступления либо для осуществления или содействия законному аресту правонарушителей или подозреваемых в правонарушении.

Так, Европейский кодекс полицейской этики 2001 г. аналогичным образом предусматривает, что полиция может применять силу «только в случае крайней необходимости и только в той мере, в какой это необходимо для достижения законной цели» (Совет Европы, 2001 г., п. 37). Соответственно, сила никогда не должна применяться в целях мести или в качестве формы внесудебного наказания; распределяются дискриминационным образом; или применяется к лицу, не оказывающему сопротивления. Кроме того, никакая дополнительная сила не является законной, когда необходимость в ней отпала, например, когда подозреваемый задержан безопасным и законным образом. Дискриминационная практика, например, применяемая сотрудниками правоохранительных органов в отношении меньшинств, является явным нарушением международного права.

Центральное место в принципе необходимости занимает то, что когда сила необходима, она не должна превышать разумно необходимый в данных обстоятельствах минимум. Это означает, что даже подозреваемые в насилии или потенциально склонные к насилию должны быть арестованы или убиты, за исключением очень крайних случаев, когда применение силы и смертоносной силы является единственной возможностью предотвратить неминуемый риск для жизни.

Так, в 1982 г. Комитет по правам человека в своем мнении по делу *Guerrero против Колумбии* [6] в том, что государство действовало незаконно, стреляя в подозреваемых в терроризме вместо того, чтобы арестовывать их, как они могли бы сделать в данных обстоятельствах. В 2015 г. в деле *Voucid против Бельгии* (№ 23380/09) Большая палата Европейского суда по правам человека повторила, что «в отношении лица, которое... столкнулось с сотрудниками правоохранительных органов, любое применение физической силы, которое не является строго необходимым своим поведением унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением» права на свободу от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения (пункты 88, 100). В то же время должностные лица правоохранительных органов могут совершить ошибку и не быть привлечены к уголовной ответственности, если только эта ошибка не была явно необоснованной в данных обстоятельствах. Так, в решении от 1995 г. по делу *McCann and others против Соединенного Королевства* (№ 18984/91) [7], Большая палата Европейского суда по правам человека заявила, что применение силы представителями государства может быть оправдано, «когда оно основано на искреннем убеждении, которое воспринимается как имеющее веские основания, действующей в то время, но впоследствии оказывающейся ошибочной. Считать иначе было бы возложением нереального бремени на государство и его сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих обязанностей, возможно, в ущерб их жизни и чужие» (п. 200).

Принцип соразмерности в том, что касается применения силы в правоохранительных органах, часто понимается неправильно. Соразмерность не означает, что сила должна применяться сотрудником органов в строгом соответствии с любым континуумом применения силы (где уровень силы повышается поэтапно) или в качестве аналогичного ответа на насилие со стороны подозреваемого. Вместо этого он устанавливает верхний предел того, что составляет правомерное применение силы,

в соответствии с угрозой, исходящей от лица или группы лиц, и правонарушением, которое было совершено или может быть совершено.

Следует понимать, что такие национальные принципы соразмерности должны соблюдаться. Ни в коем случае это положение не должно толковаться как санкционирующее применение силы, несоразмерное преследуемой законной цели». Соразмерность вступает в игру только при соблюдении принципа необходимости. Таким образом, применение силы уже должно быть необходимо в данных обстоятельствах, а фактически примененная сила не должна превышать минимума, необходимого для достижения законной цели правоприменения.

Принцип соразмерности может сделать такую «необходимую» силу незаконной. Так, например, чтобы остановить убегающего вора, может потребоваться, чтобы сотрудник правоохранительных органов применил свое огнестрельное оружие [8, с. 92-96]. Однако в таких обстоятельствах принцип соразмерности предотвратит такое применение, даже если оно, несомненно, равнозначно минимально необходимой силе в любой конкретной ситуации.

Принцип предосторожности лежит в основе принципов необходимости и соразмерности. В соответствии с принципом предосторожности государство обязано планировать правоохранительные операции таким образом, чтобы свести к минимуму риск того, что правоохранительные органы и должностные лица прибегнут к потенциально смертельной силе. Обоснование состоит в том, чтобы ограничить риск смерти или серьезных травм любого представителя общественности или сотрудника правоохранительных органов. В соответствии с принципом всякий раз, когда законное применение силы и огнестрельного оружия неизбежно, сотрудники правоохранительных органов должны «минимизировать ущерб и травмы», а также «уважать и сохранять человеческую жизнь». Но меры должны быть приняты «вверх по течению» на этапе оперативного планирования, чтобы «избежать ситуаций, когда возникает решение о том, следует ли нажать на спусковой крючок, или чтобы убедиться, что все возможные шаги были предприняты.

По нашему мнению, правовое регулирование общественных отношений, складывающихся в ходе ОРД, должно обеспечивать законность в процессе организации и выборе тактики оперативно-розыскных мероприятий. В данных нормах должны быть учтены закономерности и тенденции современности преступности, в том числе общеуголовной, экономической, кибернетической, против государственной власти и управления, правосудия и наркопреступности, определены меры борьбы с ней, включая применение различных сил и средств, методов и форм оперативно-розыскной деятельности [9, с. 100-106]. Так, важной гарантией законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий является взаимодействие оперативно-розыскных органов с судами в связи с осуществлением последними судебного контроля. Соблюдение связанных с этих процедур является обязательным условием признания результатов оперативно-розыскной деятельности допустимыми источниками доказательственной информации при производстве по уголовному делу.

Отметим, что прочные отношения взаимного доверия между полицейскими органами и сообществами, которые они обслуживают, имеют решающее значение для поддержания общественной безопасности и эффективной работы полиции.

Точно также готовность членов сообщества доверять полиции зависит от того, считают ли они, что действия полиции отражают ценности сообщества и включают

в себя принципы процессуальной справедливости и законности. В связи с недавними инцидентами, связанными с применением силы полицией, и другими проблемами, легитимность полиции была поставлена под сомнение во многих общинах. Крайне важно, чтобы полицейские органы сделали улучшение отношений со своими местными сообществами главным приоритетом.

Во многих городах и поселках есть общины с различным расовым и этническим происхождением и культурой, и для офицеров важно иметь возможность эффективно общаться и понимать культурные нормы этих различных групп.

Полиции важно быть заметной в своих сообществах и знать своих жителей. Многие люди не взаимодействуют с полицией вне контекста правоприменения. Это может привести к тому, что у людей возникнут негативные ассоциации с полицией – например, если единственный контакт, который у них когда-либо был с полицией, состоял в том, чтобы получить штраф за нарушение правил дорожного движения или позвонить в полицию, чтобы сообщить о том, что они стали жертвой преступления. Поиск возможностей для взаимодействия с членами сообщества в контексте, не связанном с правоприменением, помогает уменьшить предвзятость со стороны членов сообщества и сотрудников полиции. Знакомство с жителями района помогает обеим группам разрушить личные барьеры и преодолеть стереотипы, а также позволяет офицерам узнать, какие жители района законопослушны, а какие нет. Полицейские руководители часто сообщают, что законопослушные жители районов с высоким уровнем преступности возмущаются, когда полиция с подозрением относится ко всем в районе и, например, останавливает для пешеходов молодых людей, идущих на работу или в школу.

Личное общение между полицейскими и членами сообщества способствует взаимному доверию, которое необходимо для решения проблем района и снижения уровня преступности. Сотрудники подразделений органов внутренних дел МВД России привносят в свою работу те ценности и набор убеждений, которые могут подпитывать определенные предпочтения в конкретных ситуациях. Такие предпочтения могут включать в себя предубеждения, основанные на поле, расе, ориентации или других аспектах идентичности. Кроме того, такие ценности и убеждения могут сохраняться бессознательно или имплицитно, даже если заявляются об отсутствии каких-либо предпочтений или беспристрастных взглядов.

Неосведомленность о такой точке зрения может привести к формированию негативных стереотипов в отношении определенных групп на основе расы, этнического происхождения или других характеристик, и это вызывает озабоченность в отношении поведения полиции и работы системы уголовного правосудия. Взаимодействие с различными сообществами представляет собой сложную проблему для полиции, и, учитывая его долговечность и спорный характер, его лучше было бы изобразить как неразрешимую проблему, не имеющую очевидного решения. Столкнувшись со сложностью взаимодействия с различными сообществами во время социальных волнений как во время пандемии Covid, так и после нее, полицейские силы должны исследовать новые возможности и уделять меньше внимания действиям, которые не увенчались успехом.

Ключевыми чертами справедливости во взаимодействии с полицией и результатами являются: голос – возможность изложить свою точку зрения;

уважение – обращение вежливое и достойное; нейтралитет – решения беспристрастны; надежность – полиция проявляет интерес к обществу и обществу.

Важно отметить, что некоторые исследования показывают, что постоянная работа с этими элементами может способствовать восприятию легитимности полиции, даже если люди не связаны с полицией. Однако восприятие легитимности, которое обещает процессуальная справедливость, не может быть обеспечено. Многим формам взаимодействия между полицией и другими органами присуща неопределенность, что делает легитимность «неуловимой и многогранной». Все ключевые черты процессуальной справедливости допускают различные толкования и ответы. Несмотря на то, что сотрудники полиции сталкиваются с взаимодействиями, которые несут угрозу и опасность, необходимо признать, что работа с процессуальной справедливостью может быть проблематичной. Если полицейские перед лицом трудностей вынуждены прибегать к физическому принуждению, способ контроля за такими взаимодействиями все равно может определяться процессуальной справедливостью.

Социальный и исторический контекст может оказывать влияние на любые взаимодействия, и могут существовать разные представления и интерпретации того, как процессуальная справедливость работает против признания легитимности. Например, во время пандемии Covid на восприятие процессуальной справедливости повлияло то, что полиция носила средства индивидуальной защиты, включая лицевые маски и медицинские перчатки. Годы пандемии, начавшиеся в 2020 г., страны, приняли законы о защите общественной безопасности, потребовали от полиции обеспечения соблюдения мер. Это поставило перед полицией проблему в отношении восприятия легитимности, требующую принятия процессуально справедливого подхода. На взаимодействие полиции с общественностью будет все больше влиять использование прогнозной аналитики, когда конкретные преступления и/или преступность отдельных лиц основываются на наборах данных, формирующих алгоритмы.

Видим необходимость пересмотреть значение полицейской деятельности с согласия и то, как офицеры могут применять процессуальную справедливость в своих взаимодействиях со всеми группами и отдельными лицами. Ключевые черты голоса, уважение, благонадежность и нейтралитет могут привести к тому, что полиция будет рассматриваться в «более позитивном свете», и это применимо к тем случаям, когда люди могут быть «недовольны» и «отстранены». Эффективность предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия преступлений в значительной степени зависит от четко налаженной и согласованной деятельности оперативных подразделений ОВД и других правоохранительных органов, осуществляющих ОРД, сочетания оперативно-разыскных, оперативно-технических, оперативно-поисковых мер.

Как бы ни организовывалась информационно-аналитическая деятельность, но первой и поэтому очень важной процедурой является отбор релевантной (то есть имеющей непосредственную связь с решением поставленной задачи) информации и оценка ее надежности. При этом анализируемая информация должна быть не только актуальной, своевременной, достоверной и оптимальной, но и системной, комплексной. В этой связи отдельного освещения требует вопрос о ведомственной статистической отчетности. Эффективность расследования и раскрытия преступлений тесно связана с использованием специальных познаний, способствующих расшире-

нию объема и повышению качества собираемых вещественных доказательств. Необходимость взаимодействия ЭКЦ и органов расследования определяется тем, что, несмотря на различную компетенцию и применение различных методов и средств, они дополняют друг друга при выполнении основной задачи – борьбе с преступностью. Четкость и быстрота решения поставленных задач непосредственно зависит от правильной организации взаимодействия этих подразделений. В заключении можно сделать вывод о необходимости грамотной организации исполнения управленческих решений, что положительно влияет на результаты работы органов, подразделений и каждого сотрудника в отдельности.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: <https://base.garant.ru/>.
2. Москаленко Л.А. Розыск лиц, скрывшихся от дознания следствия и суда, как мера по устранению причин, послуживших основанием для приостановления предварительного следствия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России, 2013. № 3 (66). С. 36.
3. Чернецкий О.К., Даниленко Ю.А. Особенности проверки сообщения о преступлении, как одного из этапов расследования незаконного оборота наркотических средств бесконтактным способом// Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (74). No 1. С. 362-370.
4. Волосюк Павел Валерьевич. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука, 2013. № 1. С. 39.
5. Определение Конституционного Суда РФ от 4.02.1999 № 18-О «По жалобе граждан М.Б. Никольской и М.И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Вестн. Конституционного Суда РФ, 1999. № 3.
6. Обзор практики органов межамериканской системы защиты прав человека по делам о свободе мысли и выражения мнения <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75504-obzor-praktiki-organov-mezhamerikanskoj-sistemy-zashhity-prav> (дата обращения: 10.04.2023).
7. <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/makkann-i-drugie-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (дата обращения: 10.04.2023).
8. Будагьянц Г.Н., Кондрашов А.В. Уголовно-правовая ответственность сотрудника полиции за непропорциональное применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия// Ученые записки КФУ имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8. No 1. С. 92-96.
9. Карданова А.К. Трансформация правоотношений и проблемы привлечения к юридической ответственности в условиях развития информационного общества // Власть закона. – 2022. – No 1 (50).

V.V. Korenyugin. About some issues of interaction and coordination in the activities of the ats // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P.468–476.

The article deals with the issues of interaction of subjects of operational investigative activities with state bodies and public associations in the performance of official activities of police officers aimed at preventing and solving crimes. The essence and basic principles of interaction of police units are revealed as an important function of the management of internal affairs bodies in the field of the implementation of operational and service tasks. The role and place of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation authorized to carry out operational investigative activities as a subject of interaction with regional state authorities is determined. The author focuses on the lack of consolidation in departmental and interdepartmental regulations of the principles of interaction of internal affairs bodies with other subjects of prevention and proposes a system of such principles. The article discusses the problems of using methods and methods that contribute to the effective prevention of illegal acts.

Keywords: operational investigative activity, crime prevention, official, evidence, law enforcement agencies, coercive measures, judicial control, Covid-19, protection of human rights, ensuring public safety.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: <https://base.garant.ru/>.
2. Moskalenko L.A. Rozysk lic, skryvshih'sya ot doznaniya sledstviya i suda, kak mera po ustraneniyu prichin, posluzhivshih osnovaniem dlya priostanovleniya predvaritel'nogo sledstviya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii, 2013. № 3 (66). S. 36.
3. CHerneckij O.K., Danilenko YU.A. Osobennosti proverki soobshcheniya o prestuplenii, kak odnogo iz etapov rassledovaniya nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv beskontaktnym sposobom// Uchenye zapiski Kfu im. V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2023. – Т. 9 (74). No 1. S. 362-370.

4. Volosyuk Pavel Valer'evich. Problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugovnom sudoproizvodstve // YUridicheskaya nauka, 2013. № 1. S. 39.
5. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 4 fevralya 1999 g. № 18-O «Po zhalobe grazhdan M.B. Nikol'skoj i M.I. Saponova na narushenie ih konstitucionnyh prav ot del'nymi polozheniyami Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Vestn. Konstitucionnogo Suda RF, 1999. № 3.
6. Obzor praktiki organov mezhamerikanskoj sistemy zashchity prav cheloveka po delam o svobode mysli i vyrazheniya mneniya <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75504-obzor-praktiki-organov-mezhamerikanskoj-sistemy-zashhity-prav> (data obrashcheniya: 10.04.2023).
7. <https://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/makkann-i-drugie-protiv-soedinennogo-korolevstva-postanovlenie-evropejskogo-suda/> (data obrashcheniya: 10.04.2023).
8. G.N., Kondrashov A.V. Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' sotrudnika policii za nepravomernoe primeneniye fizicheskoy sily, special'nyh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2022. – T. 8. No 1. S. 92-96.
9. Kardanova A.K., Sotnikova YU.N. Transformaciya pravootnoshenij i problemy privlecheniya k yuridicheskoj otvetstvennosti v usloviyah razvitiya informacionnogo obshchestva // Vlast' zakona. – 2022. – No 1 (50). S. 100-106.

УДК 323.28(075.8)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Косовский В. Б., Косовская Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Вопросы противодействия экстремизму и терроризму в условиях современных реалий, являются одними из важнейших направлений в рамках национальной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности России. Нередко, с целью реализации преступных замыслов в экстремистские ячейки и сообщества оказываются вовлечены школьники, учащиеся высших учебных заведений подростки из неблагополучных семей. За этим могут стоять различные причины, основными из которых можно отметить недостаточное внимание к этой проблеме со стороны образовательных учреждений, молодежных и других общественных организаций, институтов семьи и т.д. Наряду с этим, экстремистами все чаще стали применяться инновационные методы вербовки с использованием социальных сетей, других интернет-сообществ. Очевидным становится тот факт, что существующая в нашей стране методологическая основа профилактики экстремистских настроений среди молодежи нуждается в постоянном развитии и совершенствовании. Авторами анализируется проблемы профилактики экстремистских настроений среди современной российской молодежи. Теоретическую основу исследования составили принятые в Российской Федерации нормативные правовые акты по противодействию экстремизму, а также работы российских экспертов по этому вопросу.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, противодействие, профилактика экстремизма, молодежная среда.

В государственной системе Российской Федерации, проблемы противодействия экстремизму, играют ключевую роль и являются одним приоритетных направлений по обеспечению внутривластной стабильности и национальной безопасности в целом. На законодательном уровне в нашей стране постоянно уделяется внимание вопросам противодействия экстремистской деятельности. В связи с этим постоянно совершенствуется обширная нормативно-правовая база, предназначенная для определения правовых путей борьбы с этим явлением [1].

Среди первичных документов, посвященных этой проблеме, приоритетом мер, направленных на предотвращение экстремистской деятельности, является Фз от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в котором и определены главные принципы противодействия экстремизму. Стоит обратить внимание и на действующую Стратегию противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., утвержденную указом Президента РФ от 29.05.2020 № 344. В документе концептуально закреплена приоритет превентивных мер по отношению к уголовно-правовым, профилактическим методам противодействия экстремизму.

При этом необходимо отметить, что одна из ключевых ролей в противодействии терроризму и экстремизму, отводится взаимодействию органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества, к которым относятся религиозные конфессии, различные национально-культурные объединения, а также, множество других общественных организаций, совместная деятельность которых, может быть направлена на профилактическую работу, с целью реализации мер по формированию антитеррористического сознания у граждан. Особого внимания требуют вопросы, касающиеся профилактики экстремизма среди моло-

дежи, так как, это наиболее уязвимая среда, подверженная быстрому и без особых усилий вовлечению в преступные сообщества. Неслучайно Коллегия МОН на своем заседании в обозначила этот вопрос как приоритетное направление развития современной национальной молодежной политики. Это обстоятельство связано с тем, что, по мнению большинства исследователей, именно молодежь является наиболее уязвимой группой для пропаганды экстремистских организаций.

Как отмечали в своих работах А. А. Паршина, Н.Е. Поляничко и Л. А. Гутерман: «в молодежной среде наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала» [2]. Это прежде всего связано с психологическими особенностями этой группы. В. Л. Назарова и П. Е. Сулонова, в частности пишут: «экстремальность выступает как сущностная характеристика молодежи, под которой понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях» [3].

Особенно ярко, подобные психологические особенности молодежи, способны к проявлению в критические для страны периоды, связанные прежде всего, с мощными трансформационными сдвигами, модернизационными процессами общества. Такая ситуация была типичной, например, для периода позднего XIX – начало XX веков и отмечались стремительной радикализацией общества и активным участием молодежи в деятельности экстремистских политических организаций. К сожалению аналогичные тенденции имеют место и в современной России [4].

Как отмечают Л.М. Луценко и Ю. В. Луценко, на сегодняшний день общество «остро переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизни» [5]. Негативные последствия этого процесса наиболее остро затрагивают молодежь как одну из уязвимых категорий граждан. Исходя из вышесказанного, к основным причинам и источникам экстремизма в нашей стране, можно отнести: довольно резкие социальные изменения начала 90-х годов; социальные контрасты, расслоение общества на бедных и богатых; отказ от старой этно-географической структуры и медленное развитие новой; нерегулируемая миграция.

Ряд исследователей, в том числе А.М. Арипшев, видят причину вовлечения молодежи в радикальные и экстремистские группировки в непонимании всей опасности терроризма и экстремизма, отсутствии уважения к старшему поколению [6].

После распада СССР наше государство погрузилось в эпоху реформации, начался процесс вхождения российского общества в систему глобального информационного пространства. Государственная молодежная политика на данный момент не является целостной, и самой проблеме уделяется недостаточно внимания. Молодежь, как наиболее активная часть населения, не могла не отреагировать на происходящие изменения. Социально-психологическая особенность молодого поколения, такие его черты, как максимализм, чрезмерно эмоциональное восприятие окружающего мира, только усиливают радикализм, потенциально присущий молодежи.

Образовавшийся вакуум в работе социальных учреждений образования молодые люди заполняют с общение в интернет-пространстве, где активно подогреваются существующие социокультурные и экономические трудности. Негативные идеи распространяются на большой процент молодежи аудитория, которая создает риски для молодых людей быть использованными в целях радикальной идеологии. Этот вопрос могли бы решить институты семьи и образования, но они сами находятся в состоянии кризиса и не имеют единой системы в вопросах образования. Нарушается

связь между поколениями, передача моральных ценностей от старшего поколения к младшему. Проблема здесь кроется даже не в особенностях молодого поколения, а в сложном состоянии всего российского общества. Социально - важную роль здесь играет экономическая ситуация в стране в целом. Кризис в обществе, в экономике является своеобразным катализатором тех «спящих» радикальных настроений, которые присутствуют в любом обществе. Неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие постоянного заработка, ощущение своей ненужности для общества привлекают молодых людей в места, где они востребованы, пользуются авторитетом и чувствуют себя частью группы. Эти группы часто носят преступный или экстремистский характер. В этих группах с молодыми рекрутами проводится мощная идеологическая обработка с использованием уже обкатанных технологий, подталкивающих их к экстремистским и террористическим преступлениям.

Именно в 90-е годы угрозу национальной безопасности представляли процессы регионального нормотворчества, которые противоречили федеральному законодательству, неуважительное отношение к правам и свободам человека, отдельной нации. Все это поощрялось национальными элитами, стимулировало сепаратистские настроения и способствовало формированию экстремистских организаций.

На наш взгляд, проблема распространения экстремистских взглядов и идеологии вызвана, среди прочего, недостаточно продуманной молодежной политикой. Попадая под влияние идеологических установок, неустроенные молодые люди воспринимают представителей государственных органов не как партнеров, а как врагов своей идентичности. Как правило, наиболее опасным для вступления в сферу деятельности экстремистских организаций является возраст от 14 до 22 лет. Именно в это время молодой человек озабочен поиском своей идентичности, желанием найти свою группу. Именно в этот период происходит процесс поиска смысла и ценностей жизни, острое ощущение формируется чувство справедливости и самосознания. Это психологическая сторона современной молодежи.

Не менее актуальной является и социальная характеристика. Поведение молодых людей в этот период не определяется никакими социально-экономическими факторами (постоянная перспективная работа, собственность, семья). Поэтому, очень часто молодые люди в этом возрасте могут оказаться в положении маргинальных групп из-за нестабильности взглядов и мировоззрения в целом.

Как правило, экстремизм среди молодежи проявляется в наиболее ярко выраженной форме – совершение незаконных преступных деяний в соответствии со своими убеждениями, что обусловлено деформацией сознания. Фактором риска для деструктивного сознания молодежи является диффузная идентичность, а также кризис идентичности. Массовость, высокая степень агрессивности и неоправданной жестокости являются чертами современного молодежного экстремизма. В основе молодежных экстремистских организаций лежит потеря ориентации на социокультурную идентичность, высокий потенциал агрессивности, накопленный годами. Следует также иметь в виду, что при определенных условиях экстремизм может перерасти в терроризм, а значит, это уже массовые беспорядки, протесты, причинение телесных повреждений, убийство.

Рассматривая идеологическую составляющую этих преступных организаций, можно выделить следующие виды экстремизма: политический, национальный, религиозный, социальный, экологический, антиглобалистский, гендерный, спортив-

ный, культурный. Причинами вступления молодых людей в экстремистские организации могут быть различными: информационная и коммуникативная неудовлетворенность, одиночество и острое чувство непонятности, алкоголизм родителей и конфликтные отношения в семье. Серьезной причиной также является блокирование самых необходимых потребностей: отсутствие положительных впечатлений, нехватка денег, долги, потеря интереса к старым друзьям. Следует также отметить, что одной из характерных черт молодежного экстремизма является разделение на «чужих» и «друзей». Но это деление существенно отличается от деления взрослых.

И в этом большую роль играют факторы молодежных субкультур, так как их идеология очень часто противоположна общепринятым нормам и противопоставляет себя традиционной культуре. Например: незнакомый человек в один миг может оказаться врагом лишь только потому, что является представителем другой национальности, отличается своим внешним видом или цветом кожи.

Современные молодежные объединения экстремистской направленности можно классифицировать по нескольким признакам. Можно рассмотреть подход С. А. Сергеева, который в своих работах предлагает классификацию субкультур в качестве основы систематизации: 1. Романтически-эскапистские неформальные молодежные группы (хиппи, индианисты, толкиенологи, байкеры). 2. Гедонистические и развлекательные группы (мейджоры, рейверы, рэперы и т.д.). 3. Криминальные молодежные группы (групповые грабители). 4. Анархо-нигилистические группы (панки, скинхеды, экстремистские субкультуры «левого» и «правого» толка). Именно эти группы, по мнению автора, можно назвать радикальными и более склонными к экстремизму [7]. Среди перечисленных групп, как одну из опаснейших, можно выделить скинхедов, являющуюся при этом одной из самых многочисленных. Ее активисты очень часто принимают участие в различных протестах, митингах, уличных беспорядках и т.п., а убийства, причинение вреда здоровью, кражи и грабежи стали неотъемлемой частью их интересов.

Ко всему прочему, к представителям данной субкультуры, очень сложно подобрать пути, направленные на изменение их радикально настроенных взглядов, и прежде всего это связано с тем, что их сформированное мировоззрение достаточно устойчиво и переориентировать его на образ традиционных духовных, культурных и социальных ценностей очень проблематично. Подобное положение дел, вызывает особое внимание как общественных организаций, так и у исследователей, занимающихся этой проблемой.

Отсюда можно и объяснить, появление множества различных методических рекомендаций и пособий, целью которых является выработка эффективных мер, направленных на противодействие и профилактику экстремизма в молодежной среде. Рассматривая некоторые из них, можно обратить внимание, что мнения многих авторов расходятся. Одни считают, что особого внимания требуют образовательные учреждения среднего профессионального уровня. Где, по их мнению, среди обучающихся достаточно большое количество молодых людей из малообеспеченных, неблагополучных семей, которые организовываются в группы и являются потенциальными носителями определенных угроз для общества. Другие эксперты отмечают, что подобные проблемы могут возникнуть как средних образовательных учреждениях, где по их мнению риску, быть вовлеченными в преступные микросообщества, подвержены в основном старшеклассники, у которых на этот момент еще не

сформирована устойчивая психика, способная к правильной оценке традиционных социальных ценностей, так и учащиеся высших учебных заведений, столкнувшиеся практически с самостоятельной жизнью и стремящихся различными способами к самоутверждению.

Рассматривая другие причины, распространения экстремистских настроений, нельзя не упомянуть и религиозный фактор. Но здесь большинство исследователей сходятся во мнении, что он не является ведущим, при этом справедливо считая, что национально-религиозный экстремизм занимает ключевую позицию при изучении данного вопроса. В своих работах Г.М. Гогиберидзе указывает: «молодые москвичи легко идентифицируют себя с традиционной религиозной культурой, но по факту имеют довольно смутные представления обо всех религиях» [8]. В. Д. Лаза, изучавшая ситуацию в Республике Дагестан, отметила: «только 14% респондентов считают религиозный фактор одним из основных факторов распространения экстремистских настроений в регионе» [9]. Гораздо важнее, считают В. В. Лущиков и И. Р. Сташкевич, другие факторы – это высокий уровень безработицы, коррупция, низкий уровень жизни населения [10]. Нельзя игнорировать распространение экстремистских материалов и с использованием инновационных методов, в том числе и интернет-пространство, которое современная молодёжь активно использует в повседневной жизни и проводит в нем, большую часть времени. Отсюда и возникает большая вероятность вербовки через социальные сети и другие интернет-сообщества.

Профилактика экстремистской деятельности среди молодежи – это сфера общения и понимания людей друг с другом и самими собой, сфера эффективной адаптации к окружающей среде и к жизни в целом. Конечно, это та часть науки и практики, которая связана с профилактикой психического здоровья. Можно также утверждать, что это практика социальной работы. Исходя из вышесказанного, имеет смысл рассмотреть некоторые меры, предлагаемые отдельными экспертами в рамках профилактики борьбы с экстремизмом среди молодежи.

Здесь, заслуживает внимания точка зрения В.Д. Лазы, которая считает, что с целью выявления лиц, склонных к совершению преступных деяний, необходимо ввести обязательное тестирование старшеклассников, студентов колледжей и университетов [8]. Аналогичные социально-психологические опросы и тесты на выявление признаков уязвимости и возможности вовлечения, тестируемого в экстремистскую деятельность, рекомендуются и другими исследователями в качестве метода профилактической деятельности. Так, М.Ф. Мусаелян, по этому поводу, предлагает следующие меры по предотвращению экстремизма в целом и в молодежной среде в частности: привитие молодым людям основ толерантности; усиление государственного контроля за деятельностью общественных и религиозных организаций (благотворительные организации, военно-патриотические клубы); ужесточение контроля за деятельностью СМИ и мониторингом сети Интернет; разработка комплексной молодежной политики. В противном случае, как отмечает автор: «если государство не позаботится о молодежи, об этом позаботятся другие – проповедники (эmissары, идеологи) ваххабизма, фашизма, национализма» [11].

В то же время следует понимать, что формализм, при реализации любых профилактических мер, который чаще всего проявляется из-за бюрократического подхода на местах, сведет на нет, все усилия, предпринимаемые государственными институтами, деятельность которых направлена на борьбу с этим злом. К сожалению, оче-

виден, и тот факт, что даже самые совершенные профилактические методы не гарантируют формирования у подопечных глубокого, а не поверхностного отрицания экстремистских идей. Аналогичным образом необходимо воспринимать предложения некоторых экспертов о необходимости организации регулярных тематических мероприятий с учащимися учебных заведений всех уровней.

Эффективными могут оказаться и такие меры, как создание добровольных международных студенческих отрядов в высших учебных заведениях для поддержания общественного порядка и предотвращения конфликтов, которые смогут однозначно сыграть определенную роль, хотя их значение не следует преувеличивать.

Так же, по нашему мнению, в условиях мощной антисоциальной, экстремистской пропаганды, которой сегодня подвергается молодежная среда, очень важно иметь альтернативы для трудоустройства молодого поколения. В этом аспекте мы рассматриваем недавнее появление такого нового института гражданского общества, как волонтерство, выступающее в качестве полезной альтернативы, т.е. занятость молодежи общественно полезной деятельностью. Так, О. И. Холина пишет: «волонтерство можно отнести к одному из проявлений молодежной субкультуры. Данное социальное явление предполагает и самовыражение, и выработку гражданской позиции молодого человека. Формально не являясь профессиональным уровнем социальной работы, добровольчество выполняет конкретные социальные функции. Это означает, что волонтерская деятельность имеет своей направленностью нравственное воспитание, возрождение в социальной среде общечеловеческих ценностей культуры и нравственности, без которых государство обречено на гибель» [12].

Развитие института добровольчества осуществляется в соответствии с Концепцией развития добровольчества в РФ до 2025 г., утвержденной Правительством в 2018 г. По этому документу, волонтерство – это деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) предоставления услуг с целью решения социальных проблем в таких сферах, как образование, здравоохранение, культура, социальная поддержка и социальное обслуживание населения, физическая культура и спорт, охрана окружающей среды защита, предотвращение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций. Содействие развитию и распространению добровольной (волонтерской) деятельности является одним из приоритетных направлений социальной и молодежной политики. На основе общей альтруистической цели волонтерство способно объединить людей разных возрастов, вероисповеданий, национальностей и социального статуса. Это учреждение занимает все более сильную позицию и ценится государством. Помимо международных спортивных мероприятий, когда волонтеры привлекаются наиболее массово, эпидемия коронавируса потребовала участия большого количества добровольцев. Официальные государственные учреждения и медицина просто не смогли справиться с потоком пациентов, и помощь волонтеров оказалась неоценимой. На наш взгляд, при организации работы по выявлению лиц среди студенческой аудитории и молодежной среды в целом, подверженных идеологии экстремизма, необходимо помнить, что современный экстремизм и терроризм – это организованная и хорошо подготовленная система.

Эта система постоянно меняется, обладает большинством современных инструментов. Кроме того, мы должны помнить, что специальные службы играют ведущую роль в вопросах профилактики. Вопросами выявления завербованного или внедренного экстремиста и террориста в университете должны заниматься предста-

вители специальных служб. В этом смысле университет должен поставить перед собой задачу обеспечения эффективной профилактической работы среди студентов.

Таким образом, предполагаемые меры можно разделить на два уровня. Первый подразумевает комплекс превентивных мер, в некоторых случаях этот уровень можно охарактеризовать как «оперативная профилактика». Здесь прежде всего речь идет об анализе используемых символов, поведения отдельных лиц, их высказываний, внешнего вида в целом. Второй предполагает использование системы мер, направленных на развитие позитивных социально-психологических установок, и чаще всего идеологических. Его можно обозначить как «глубокая профилактика». Средствами реализации задач этого уровня должны являться образование и воспитательная деятельность.

И здесь необходимо обратить внимание на серьезные недостатки, которые могут проявиться при реализации задач второго уровня. Прежде всего, это авторитарный стиль управления, игнорирующий личные интересы молодежи, что в итоге с большой вероятностью приводит, как правило, к снижению социальной активности.

В целом следует обратить внимание и на то, что превентивные меры по противодействию распространению экстремистских настроений должны быть неформальными, а главное – подкрепляться реализацией национальной политики по решению социально-экономических проблем, которые являются важнейшими факторами, подпитывающими экстремизм среди части российской молодежи.

Список литературы:

1. Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы: Методическое пособие. Ростов н/Д.; М.: Кредо, 2018. 81 с.
2. Паршина, А. А. Профилактика экстремизма в молодежной среде как направление государственной региональной молодежной политики (на примере Ростовской области) // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 19. – С. 117-121.
3. Назаров В.Л., Сулонов П.Е. Профилактика экстремизма в молодежной среде. Екатеринбург: Изд-во Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2018. – 204 с.
4. Антошин, А. В. Профилактика экстремизма в современной молодежной среде // Государство. Политика. Социум: вызовы и стратегические приоритеты развития : Сборник трудов Международного симпозиума по устойчивому региональному и городскому управлению, Екатеринбург, 23–25 ноября 2021 г. – Екатеринбург: Уральский институт управления - филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2021. – С. 257-260.
5. Луценко Л.М., Луценко Ю.В. Проникновение идеологии экстремизма и терроризма в молодежную среду и меры адекватного противодействия // Лес-ной вестник. 2016. № 2. С. 238-243.
6. Арипшев А. М. Противодействие преступлениям террористической направленности как одна из важнейших социально-политических задач // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 5-1. – С. 129-132.
7. Сергеев, С. А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. 1998. № 11. С. 96.
8. Гогиберидзе, Г. М. Инновационные подходы к профилактике национально-религиозного экстремизма в молодежной среде // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма, Уфа, 24 мая 2017 года. – Уфа: Издательство "Мир Печати", 2017. – С. 51-62.
9. Лаза, В. Д. Взаимодействие государственных и религиозных организаций в сфере профилактики экстремизма среди молодежи / В. Д. Лаза // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма среди молодежи : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции по профилактике экстремизма, Уфа, 24 мая 2017 г. – Уфа: Издательство "Мир Печати", 2017. – С. 39-46.
10. Лушиков, В. В. Проектирование системы противодействия вовлечению обучающихся профессиональных образовательных организаций в экстремистские организации // Безопасность жизнедеятельности: наука, образование, практика : Материалы VII Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием: сборник научных статей, Южно-Сахалинск, 23–24 ноября 2016 г. – Южно-Сахалинск: Сахалинский государственный университет, 2017. – С. 114-117.
11. Мусаелян, М. Ф. Профилактика экстремизма - важнейшее направление противодействия экстремизму в Российской Федерации / М. Ф. Мусаелян // . – 2009. – № 7. – С. 95-99. – EDN KXQAIR.

12. Холина О. И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества / О. И. Холина // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 8. – С. 71-73. – EDN OYKONJ.

Kosovskij V. B, Kosovskaya D. V. Topical issues of extremism prevention In the youth environment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 477–484.

The issues of countering extremism and terrorism in the conditions of modern realities are one of the most important areas in the framework of national policy aimed at ensuring the national security of Russia. Often, in order to implement criminal plans, schoolchildren, students of higher educational institutions, teenagers from disadvantaged families are involved in extremist cells and communities. There may be various reasons behind this, the main ones being the lack of attention to this problem from educational institutions, youth and other public organizations, family institutions, etc. Along with this, extremists are increasingly using innovative methods of recruitment using social networks and other online communities. It becomes obvious that the methodological basis for the prevention of extremist sentiments among young people existing in our country needs constant development and improvement. In this article, the authors analyze the problems of preventing extremist sentiments among modern Russian youth. The theoretical basis of the study was the normative legal acts adopted in the Russian Federation on countering extremism, as well as the work of Russian experts on this issue.

Keywords: extremism, terrorism, counteraction, prevention of extremism, youth environment.

Spisok literatury:

1. Profilaktika ekstremizma i terroristicheskogo povedeniya molodezhi v internet-prostranstve: tradicionnye i innovacionnye formy: Metodicheskoe posobie. Rostov n/D.; M.: Kredo, 2018. 81 s.
2. Parshina, A. A. Profilaktika ekstremizma v molodezhnoj srede kak napravlenie gosudarstvennoj regional'noj molodezhnoj politiki (na primere Rostovskoj oblasti) // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 19. – S. 117-121.
3. Nazarov V.L., Suslonov P.E. Profilaktika ekstremizma v molodezhnoj srede. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skij federal'nyj universitet imeni pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2018. – 204 s.
4. Antoshin, A. V. Profilaktika ekstremizma v sovremennoj molodezhnoj srede / A. V. Antoshin, V. A. Antoshin // Gosudarstvo. Politika. Socium: vyzovy i strategicheskie priority razvitiya : Sbornik trudov Mezhdunarodnogo simpoziuma po ustojchivomu regional'nomu i gorodskomu upravleniyu, Ekaterinburg, 23–25 noyabrya 2021 goda. – Ekaterinburg: Ural'skij institut upravleniya - filial Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya "Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii", 2021. – S. 257-260.
5. Lucenko L.M., Lucenko YU.V. Proniknovenie ideologii ekstremizma i terrorizma v molodezhnuyu sredu i mery adekvatnogo protivodejstviya // Les-noj vestnik. 2016. № 2. S. 238-243.
6. Aripshv A.M. Protivodejstvie prestupleniyam terroristicheskoy napravlenosti kak odna iz vazhnejshih social'no-politicheskikh zadach // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2017. T. 9, №5-1. S.129.
7. Sergeev, S. A. Molodezhnye subkul'tury v respublike // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. №11. S. 96.
8. Gogiberidze, G. M. Innovacionnye podhody k profilaktike nacional'no-religioznogo ekstremizma v molodezhnoj srede // Protivodejstvie rasprostraneniya ideologii ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi : Materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii po profilaktike ekstremizma, Ufa, 24 maya 2017 goda. – Ufa: Izdatel'stvo "Mir Pechati", 2017. – S. 51-62. – EDN ZERYZT.
9. Laza, V. D. Vzaimodejstvie gosudarstvennyh i religioznyh organizacij v sfere profilaktiki ekstremizma sredi molodezhi / V. D. Laza // Protivodejstvie rasprostraneniya ideologii ekstremizma i terrorizma sredi molodezhi : Materialy Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii po profilaktike ekstremizma, Ufa, 24 maya 2017 goda. – Ufa: Izdatel'stvo "Mir Pechati", 2017. – S. 39-46. – EDN ZERYYP.
10. Lushchikov, V. V. Proektirovanie sistemy protivodejstviya vovlecheniyu obuchayushchihnya professional'nyh obrazovatel'nyh organizacij v ekstremistskie organizacii / V. V. Lushchikov, I. R. Stashkevich // Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti: nauka, obrazovanie, praktika : Materialy VII Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem: sbornik nauchnyh statej, YUzhno-Sahalinsk, 23–24 noyabrya 2016 g. – YUzhno-Sahalinsk: Sahalinskij gosudarstvennyj universitet, 2017. – S. 114-117.
11. Musaelyan, M. F. Profilaktika ekstremizma - vazhnejshee napravlenie protivodejstviya ekstremizmu v Rossijskoj Federacii / M. F. Musaelyan // . – 2009. – № 7. – S. 95-99. – EDN KXQAIR.
12. Holina O. I. Volonterstvo kak social'nyj fenomen sovremennogo rossijskogo obshchestva // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2011. – № 8. – S. 71-73. – EDN OYKONJ.

УДК 342.951

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Климова Д. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье на основании статистических данных проведен анализ динамики миграционных процессов на территории Республики Крым. В частности, указывается, что воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией стало началом нового этапа в развитии миграционных отношений на территории полуострова. При этом, с 2014 по 2021 гг. отмечался стабильный миграционный прирост, и только в 2022 г. отмечена незначительная убыль. Изменилась и география миграционных процессов, что обусловлено рядом социально-экономических и политических факторов, которые рассматриваются в статье. Исследуется влияние миграционных процессов на состояние общественной безопасности, отмечая при этом, что одной из тенденций сегодня является миграция иностранных граждан и лиц без гражданства, покидающих конфликтные территории. В статье приводится количественный и качественный анализ лиц, которым предоставляется временное убежище, при этом отмечается снижение этого показателя в 2023 году по сравнению с 2022 г. Автор приходит к выводу, что текущая миграционная обстановка в Республике Крым имеет стабильный характер, и представляет в большинстве внешнюю трудовую миграцию. А одним из основных факторов, негативно влияющих на общественную безопасность, является нелегальная миграция.

Ключевые слова: миграция, миграционные процессы, иностранные граждане, лица без гражданства, миграционный контроль, миграционный прирост, миграционная убыль, общественная безопасность.

Вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации стало новым этапом в развитии миграционных процессов на территории полуострова. Стоит отметить, что на протяжении длительного исторического периода процессы миграции определяли особенности населения Крыма, коренным образом меняя его этнический и конфессиональный состав. Нельзя не указать, что наряду с положительными последствиями, которые влекут интенсивные миграционные потоки, есть и негативные, которые оказывают влияние на состояние общественной безопасности.

Значительная часть мигрантов сегодня — это лица, которые вынуждены покинуть свои государства из-за конфликтов, происходящих на их территории [4, с. 97]. Миграция населения с политически нестабильных и неблагополучных территорий носит глобальный характер, и это не случайно, ведь именно Российская Федерация является крупнейшим центром сосредоточения мигрантов, и не только трудовых.

Приступая к анализу миграционных процессов и их влияния на состояние общественной безопасности, обозначим, что их особенности обусловлены геополитическим положением РК, и большая часть мигрантов, которые находятся на территории Крыма в настоящий момент – это граждане Украины. Немаловажным аспектом в исследовании миграционных процессов является то, что РК занимает 9 место среди субъектов РФ по плотности населения. По состоянию на 1.01.2023 средняя плотность населения в Республике Крым составляет 73 человека на кв.км. [10].

По данным Федеральной службы государственной статистики, в Крыму проживает почти 2 мил. Чел. (городского населения — 963 958 чел., сельского – 952 847 чел.) [8]. Указанный параметр влияет на перспективы развития региона, и в целом показывает развитость инфраструктуры, а соответственно определяет и привлекает

тельность региона для мигрантов. Миграционные потоки в данном случае способствуют территориальному перераспределению населения и трудовых ресурсов, принося тем самым особый эффект социально-политической жизни принимающего общества [5, с.11]. Миграционные потоки одновременно рассматриваются и как вызов для региона-пребывания, и как мощный трудовой и демографический потенциал. Таким образом, складывается весьма противоречивое состояние общественной жизни, влекущее за собой потенциальные риски, несомненно воздействующие на состояние общественной безопасности.

Анализируя миграционную подвижность населения, необходимо учитывать, что с 2014 система миграционного учета изменилась, и фактически регистрация по новому месту жительства началась с июня 2014 г., а число выбывших мигрантов, без учёта выбывших в другие субъекты РФ – только с июля [6, с. 222]. В целом активизация миграционных потоков способствовала росту населения Крыма. На фоне увеличения объема как внешней, так и внутренней миграции в период с 2014 по 2021 гг., в регионе наблюдался значительный прирост населения.

Так, за указанные 7 лет отмечался стабильный миграционный прирост (в 2021 г. он составил более 12 тыс. чел.), население полуострова выросло более чем на 10 тыс. чел. (за исключением 2022 г., когда впервые в Крыму наблюдается миграционная убыль, составившая почти 2,4 тыс.) [13]. Вместе с тем, отрицательное сальдо является в большей степени результатом смены места жительства и передвижений, связанных с окончанием срока пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства [7]. Кроме того, миграционная убыль в 2022 г. является также результатом миграционного обмена населения с регионами РФ, а также со странами СНГ (наибольший обмен населения с Украиной – 0,8 тыс. человек) [14]. При этом стоит учитывать, что одно и то же лицо может в течение года менять место постоянного жительства не один раз, в силу чего понятия «прибывшие» и «выбывшие» характеризуют миграцию с некоторой условностью.

Сразу после воссоединения Крыма с Россией, в 2014 г. была проведена перепись населения, согласно полученным результатам население РК составляло 1 891 465 чел. На 1.01.2021 население составило 1 901 578 человек. Таким образом, можно отметить, что основным источником прироста населения в РК являлась именно миграция при сохранении тенденции естественной убыли населения [14].

Миграционный процесс представляет собой управляемую деятельность, которая соответственно нуждается в регулировании. Одной из форм регулирования миграционных процессов является миграционный учет [1, ст. 2], который представляет собой инструмент административно-правового контроля и направлен на обеспечение правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства – с одной стороны, и на обеспечение реализации полномочий органами исполнительной власти с другой [2, с. 24]. Систематизация сведений об иностранных гражданах и лицах без гражданства, находящихся в РФ, их перемещениях служит важнейшим инструментом обеспечения безопасности государства, противодействия незаконной миграции и иным противоправным проявлениям. По данным Управления по вопросам миграции МВД по РК, по состоянию на 1.01.2023 количество фактов постановки на миграционный учет составляет 168214, что на 56072 больше аналогичного периода прошлого года (2021 г. – 112142 чел.) и на 67937 больше аналогичного периода 2020 г. [11].

При этом количество зарегистрированных по месту жительства меньше на 18,6 %, по месту пребывания — на 55,1 % больше, чем в 2021 г. Значительно возросло в 2022 г. и количество фактов снятия с миграционного учета (на 49 014 больше, чем в 2021 г.). При этом анализ оснований для снятия с миграционного учета по месту жительства и пребывания позволяет отметить значительное сокращении количества фактов фиктивной регистрации, что свидетельствует об эффективной деятельности подразделений по вопросам миграции, в том числе в сфере установления фактов фиктивности миграционного учета (в 2022 г. – установлено 26 фактов фиктивной регистрации по месту жительства, в 2021 г. – 68; по месту пребывания в 2022 г. установлено 704 факта фиктивной регистрации, что на 103 факта меньше аналогичного периода (в 2021 г. – 807 фактов) [11].

Однако, несмотря на сокращение количества фактов фиктивной регистрации, считаем одним из направлений совершенствования государственной миграционной политики необходимость совершенствования институтов правового регулирования вопросов постановки на миграционный учет иностранных граждан в контексте проблемы фиктивной, особенно массовой, постановки на миграционный учет. Указанное направление в действующей системе миграционного учета, по нашему мнению, несомненно будет способствовать формированию объективной оценки нахождения иностранных граждан на территории Российской Федерации.

Анализ целей въезда иностранных граждан и лиц без гражданства показал, что наибольшее количество мигрантов, состоящих на миграционном учете в 2022 г., въехали в целях работы - 42 813 (в 2021 г. – 40 711) и с частной целью – 83 068 (в 2021 г. – 39 258) [9], что позволяет прийти к выводу, что основная масса прибывших являются трудовыми мигрантами. При этом увеличилась доля визитов с частными и гуманитарными целями по сравнению с 2021 г. Так, частную цель въезда в 2022 г. указали 83 068 чел., что более чем в 2 раза превышает показатели 2021 г. (39 258 чел.); гуманитарную цель въезда в 2022 г. указало 279 мигрантов (в 2021 г. – 9).

Официальные данные о результатах разрешительно-визовой работы Управления по вопросам миграции МВД по РК свидетельствуют о постоянном притоке законно прибывающих в страну мигрантов и отражают стабильную на протяжении последних лет тенденцию усиления миграционных процессов, в первую очередь трудовой миграции. В последние несколько лет (2020-2022 гг.) сохраняющейся тенденцией на территории РК было увеличение количества лиц, которым предоставлено временное убежище на территории РК. Так, в 2022 г. временное убежище предоставлено 4836 иностранным гражданам и лицам без гражданства, в 2021 г. – 91, в 2020 – 108. Однако, в 2023 г. указанная динамика имеет тенденцию к снижению, что подтверждается данными за 4 месяца текущего года. С января по апрель 2023 г. временное убежище предоставлено 136 лицам (по сравнению с 2022 г. – 1414 соответственно) [11]. Проведенный анализ позволяет сделать вывод в целом о стабильной миграционной ситуации на территории Крыма, однако потенциальные миграционные риски все-таки существуют.

Наибольшую угрозу общественной безопасности представляет нелегальная миграция. И это не случайно, ведь нелегальная миграция сегодня теряет стихийный, спонтанный характер и постепенно как один из доходных видов преступной деятельности, подпадает под влияние различных преступных группировок. Таким образом нелегальная миграция приобретает организованный характер и выступает

детерминантой преступлений экстремистского характера, террористической направленности и др. Анализируемое явление позволяет определить вероятность возникновения конфликтов принимающего и прибывающего населения, имеющих межнациональный характер. Эти конфликты являются самыми разрушительными, выступают детерминирующими факторами экстремизма, терроризма и других преступлений, и в целом могут привести к радикальным изменениям в регионе. Для минимизации указанного миграционного риска необходимы специальные программы социально-культурной, правовой адаптации мигрантов, постоянный контроль за их пребыванием не только со стороны органов госвласти, но и местного самоуправления и общественных организаций. Очевидно, что усиление контроля за миграционными процессами и противодействие незаконной миграции являются приоритетными задачами обеспечения общественной безопасности.

В условиях сложной миграционной ситуации, в частности, вынужденного переселения населения с территории Украины, требуют коренного пересмотра подходы к публичному управлению миграционными процессами и разработка эффективных инструментов его реализации. Таким образом, решение задач в сфере обеспечения общественной безопасности напрямую связано с дальнейшим усовершенствованием сферы управления миграционными процессами. Одним из перспективных направлений считаем модернизацию системы миграционного учета в части, касающейся характера, круга лиц и сроков осуществления такого учета.

Список литературы:

9. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12148419/>
10. Василенко Г. Н. Миграционный учет в системе административно-правового института контроля / Г. Н. Василенко // Противодействие незаконной миграции в Российской Федерации и за рубежом : Сборник международной научно-практической конференции, Домодедово, 09 июня 2022 года / Под общей редакцией А.В. Лекомцева. – Домодедово: Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2022. – С. 22-27.
11. Евсикова Е. В. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – С. 136-150.
12. Климова Д. В. Реализация государственной миграционной политики в Республике Крым: некоторые вопросы совершенствования / Д. В. Климова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 96-104
13. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – 252 с.
14. Ожегова Л. А. Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2022. – Т. 8, № 3. С. 217-235.
15. Основные тенденции миграционного движения населения Республики Крым за 2022г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/МН%202022.pdf>
16. Оценка численности на 1 января соответствующего года. Статистический ежегодник Республики Крым. 2023/ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. – URL: [https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20город%20и%20село%201979-2023\(3\).pdf](https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Численность%20город%20и%20село%201979-2023(3).pdf)
17. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь - декабрь 2022 года с распределением по регионам/ официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] - URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711/>
18. Плотность населения России по регионам и городам на квадратный километр [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosinfostat.ru/plotnost-naseleniya/>
19. Сервис обеспечения деятельности подразделений по вопросам миграции МВД России [Электронный ресурс]. – URL: <http://it/mvd.ru>.
20. Трифонова К. В. Особенности взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения миграционной безопасности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8, № 2. – С. 357-365.

21. Число прибывших, выбывших, миграционный прирост, убыль населения по Республике Крым / Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MN%202002-2022.pdf>
22. Число родившихся, умерших, естественный прирост, убыль населения в Республике Крым / Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. – URL: [https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Родилось+умерло+ЕУ%201950-2022\(1\).pdf](https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Родилось+умерло+ЕУ%201950-2022(1).pdf)

Klimova D. V. Assessment of the impact of migration processes on the state of public security in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 485-489.

Based on statistical data, the article analyzes the dynamics of migration processes on the territory of the Republic of Crimea. In particular, it is indicated that the reunification of the Republic of Crimea with the Russian Federation was the beginning of a new stage in the development of migration relations on the territory of the peninsula. However, from 2014 to 2021 there was a stable migration increase, and only in 2022 there was a slight decrease. The geography of migration processes has also changed, which is due to a number of socio-economic and political factors that are discussed in the article. The author examines the impact of migration processes on the state of public security, noting that one of the trends today is the migration of foreign citizens and stateless persons leaving conflict areas. The article provides a quantitative and qualitative analysis of persons who are granted temporary asylum, while the author notes a decrease in this indicator in 2023 compared to 2022. The author comes to the conclusion that the current migration situation in the Republic of Crimea is stable and represents mostly external labor migration. Illegal migration remains one of the main factors negatively affecting public safety.

Keywords: migration, migration processes, foreign citizens, stateless persons, migration control, migration growth, migration decline, public safety.

Spisok literatury:

1. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации: Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (в действующей редакции) // ИПО «Garant» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://base.garant.ru/12148419/>
2. Vasilenko G. N. Миграционный учет в системе административно-правового института контроля // Противостояние незаконной миграции в Российской Федерации и за рубежом : Сборник междисциплинарной научно-практической конференции, Домodedovo, 09 июня 2022 года. – Домodedovo: Vserossiyskij institut povыsheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii, 2022. – S. 22-27.
3. Evsikova E. V. Миграционный учет (контроль): современные реалии и перспективы развития // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9, № 1. – S. 136-150.
4. Klimova D. V. Realizatsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki v Respublike Krym: nekotorye voprosy sovershenstvovaniya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8, № 2. – S. 96-104.
5. Миграционные риски как фактор возникновения конфликтов: евразийский и европейский опыт решения: монография. – Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2020. – 252 с.
6. Ozhegova L. A. Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние // Геополитика и экогеодинамика регионов. – 2022. – Т. 8, № 3. S. 217-235
7. Osnovnyye tendentsii migratsionnogo dvizheniya naseleniya Respubliki Krym za 2022g. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MN%202022.pdf>
8. Ocenka chislennosti na 1 yanvarya sootvetstvuyushhego goda. Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Krym. 2023/ Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Krym i g. Sevastopolyu. – URL: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Chislennost%20gorod%20i%20selo%2019.pdf>
9. Otdel'nyye pokazateli migratsionnoy situatsii v Rossijskoj Federatsii za yanvar' - dekabr' 2022 goda s raspredeleniem po regionam/ oficial'nyj sajt MVD RF [Электронный ресурс] - - URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics/migratsionnaya/item/35074711/>
10. Plotnost' naseleniya Rossii po regionam i gorodam na kvadratnyj kilometr. – URL: <https://rosinfostat.ru/plotnost-naseleniya/>
11. Servis obespecheniya deyatelnosti podrazdelenij po voprosam migratsii MVD Rossii [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.ru>.
12. Trifonova K. V. Osobennosti vzaimodejstviya pravooxranitel'nyx organov v sfere obespecheniya migratsionnoj bezopasnosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – Т. 8, № 2. – S. 357-365.
13. Chislo pribyvshix, vybyvshix, migratsionnyj prirost, ubyly naseleniya po Respublike Krym / Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Krym i g. Sevastopolyu. [Электронный ресурс]. – URL: <https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MN%202002-2022.pdf>
14. Chislo rodivshixsya, umersnix, estestvennyj prirost, ubyly naseleniya v Respublike Krym / Upravlenie Federal'noj sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Respublike Krym i g. Sevastopolyu. – URL: [https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rodilos+umerlo+EU%201950-2022\(1\).pdf](https://82.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rodilos+umerlo+EU%201950-2022(1).pdf)

УДК 340.1

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ (СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ)

Луценко В.В.

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

Контртеррористическая операция представляет собой сложный и постоянно развивающийся правовой режим. Содержание и суть данной операции коренятся в международном праве, праве прав человека и национальном законодательстве. В научной статье рассмотрены правовые рамки контртеррористической операции, для того чтобы лучше понять ее содержание и суть. На международном уровне контртеррористические операции регулируются Советом безопасности ООН, который принял ряд резолюций, обеспечивающих правовую основу для таких операций. Эти резолюции устанавливают такие принципы, как уважение прав человека, не дискриминация, пропорциональность в применении силы и соблюдение международного гуманитарного права (МГП). Резолюции ООН содержат указания о том, как государства должны сотрудничать друг с другом в борьбе с терроризмом. На внутреннем уровне государства приняты нормативные правовые акты, криминализирующие определенные виды террористической деятельности, а также устанавливающие специальные следственные полномочия для сил безопасности с целью предотвращения или пресечения террористических актов. Эти законы также часто включают положения о сборе и обмене данными между государствами для облегчения сбора разведанных, связанных с контртеррористическими операциями. В дополнение к этим мерам на международном и внутреннем уровнях, все большее внимание уделяется защите гражданских свобод во время контртеррористических операций. Это включает в себя обеспечение того, чтобы любые меры наблюдения или задержания, предпринимаемые силами безопасности, соответствовали применимым стандартам в области прав человека. Контртеррористические операции связаны со сложным правовым режимом, который требует тщательного учета как международного права, так и внутреннего законодательства для обеспечения эффективных результатов контртеррористической деятельности при постоянной защите гражданских свобод. Лучше понимать эту правовую базу, предлагается получить представление о содержании и сути этих важных контртеррористических мероприятий.

Ключевые слова: терроризм, статистика преступлений террористического характера, социальные конфликты, национальная безопасность, ограничение прав и свобод.

В процессе становления общества и достижения определенных результатов в развитие отдельных государств между социальными группами [1, с. 10-15] возможно наступление крайне деструктивной стадии, которая характеризуется в социальных конфликтах. Цели, которые ставят перед собой участники данных конфликтов направлены на достижение своих интересов, что противоречит позициям субъектов других правоотношений [2, с. 115-125]. Основной причиной возникновения преступлений террористического характера выражается в процессе политической, экономической, религиозной, культурной унификации и интеграции [3, с. 110-111].

Изучение определенного порядка правового регулирования в сочетании взаимодействующих между собой запретов и дозволений, позитивных обязываний, в том первоначальном виде, как они существуют, восходит к периоду архаической эпохи Древней Греции и позднее к продолжившим их греческие традиции древнеримским ученым. К первым авторам, в чьих работах было первое упоминание о правовых режимах, формирования воззрений о них и понимания их в социально-политическом смысле, стали работы Платона, Лукреция, Панетия, Аристотеля, Цицерона и др. Дальнейшее изучения правовых режимов получило свое продолжение

в научных трудах философов и ученых в области истории публичного права: Ф. Аквинского, А. Эсмен и др.

Рассмотрение правовых режимов через призму проблем поиска наиболее эффективных способов управления обществом было отражено в трудах русского и польского цивилиста, процессуалиста Е.В. Васьковского. В конце XIX – начале XX вв. в научных трудах П.Г. Виноградова, Ф.В. Тарановского, Г.Ф. Шершеневича так или иначе затрагивались аспекты имеющие отношение к определению сущности различных правовых режимов. Так, например, Г.Ф. Шершеневич считал, что государство в своей политике должно использовать особый порядок правового регулирования, опираясь на нормы права, которые определяют модель поведения. Данной модели поведения должна придерживаться и сама власть, которая ее устанавливает. При этом право, которое дано государству в регулировании общественных отношений в различных ситуациях, должно быть направлено только на выполнение созидательных целей. Позднее рассмотрение правовых режимов как правовой категории получило свое отражение в научных трудах ученых-правоведов советского периода, таких, как Н.Г. Александрова, О.С. Иоффе, И.С. Самощенко, Л.С. Явича. Однако, в научных работах авторы останавливались лишь на том мнении, что правовой режим предназначен для определения характеристики принципов реального действия права в государстве, в котором все субъекты права строго выполняют предписания изданных правовых норм. Основной этап развития изучения и научного освоения всех возникающих вопросов имеющих непосредственное отношение к правовым режимам, связано с изданием фундаментальных трудов в области права таких ученых, как С.С. Алексеев, Н.И. Матузов, Л.А. Морозова, В.П. Сальникова, В.М. Сырых, А.В. Малько, Р.А. Ромашов [4, с. 22-22].

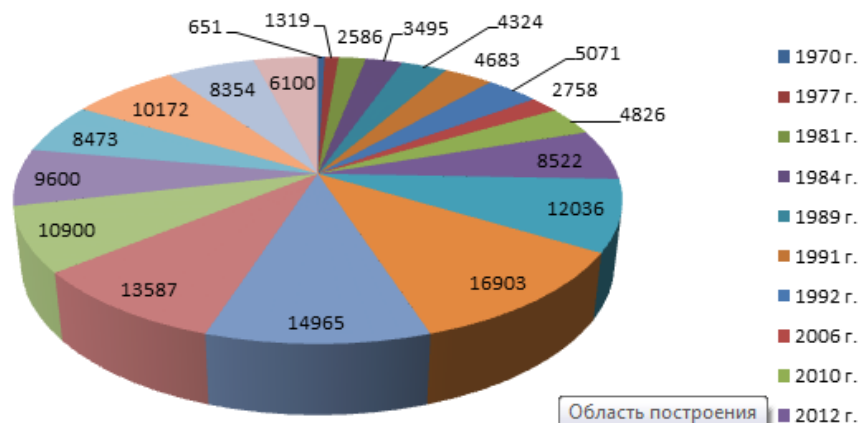
Далее следует остановиться на самом негативном явлении, таком как терроризм и правовом режиме контртеррористической операции, с отражением их сущности и содержания. Одним из радикальных средств, применяемых в процессе социальных конфликтов – совершение террористических актов, которые могут проходить обособленно, так и сопровождаться в ходе вооруженных конфликтов [5, с. 24-25]. Терроризм как крайне негативный социальный феномен способен дестабилизировать или же разрушить существующую социальную систему. В настоящее время количество террористических актов совершенных в мире на основе анализа статистических данных показывает, что тенденция их совершения постоянно растет.

Таким образом, используя информацию, представленную в Глобальной базе данных по терроризму, следует отметить то, что под террористическими актами фиксируются такие события, которые совершаются не органами государственной власти или же террористические акты, спонсируемые правительственными организациями. В обратном случае такие события попадают под такое явление как «Государственный терроризм» или «Терроризм, спонсируемый правительственными организациями», что в свою очередь заслуживает отдельных научных трудов.

В данной статье акцентируются внимание на террористические угрозы, которые характеризуются реальным применением противоправных средств давления и насилия на различные субъекты правоотношений. Главной задачей деструктивных элементов является достижения определенного рода политических, экономических и иных целей преступным путем. Рассматривая статистику совершенных в мире и в отдельных государствах преступлений террористического характера следует отме-

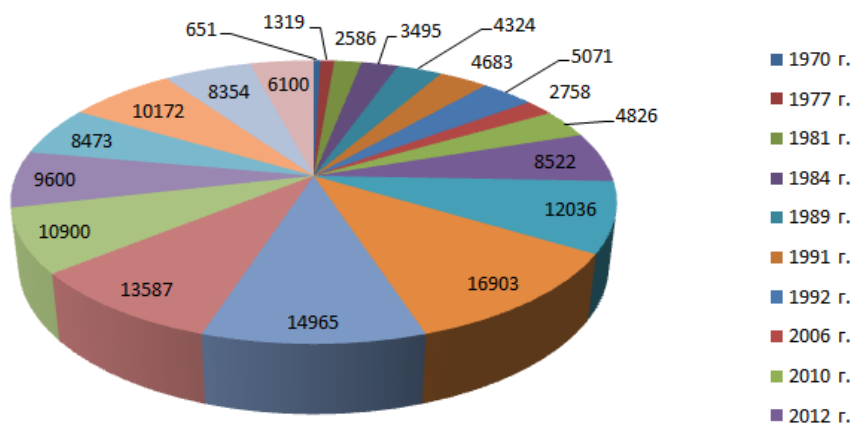
тить то, что данного рода события обладают определенной динамикой и ростом, и меняются в зависимости от состояния геополитической обстановки как в целом, так и от политической ситуации в отдельных странах. Так, по статистике совершенных террористических актов в мире, следует отметить то, что в период с 1970 по 1976 г. было совершено в среднем 500 террористических актов, с 1977 по 1986 г. в среднем 2826 преступлений террористического характера, с 1987 по 2012 г. – 3317, с 2013 по 2022 г. – зафиксировано 18843 случаев [6].

Количество совершенных преступлений террористического характера в мире

Если рассматривать статистику террористических актов в отдельных странах (в основном сконцентрированных в Южной Азии, на Ближнем Востоке и в Африке, южнее Сахары), наибольшее количество террористических инцидентов совершенных в период с 2012 по 2021 г., было совершено в Пакистане – 46099, в Ираке – 18379, в Нигерии – 3326, в Сомали – 2511, в Афганистане – 5628 [7].

Количество совершенных преступлений террористического характера в мире

Таким образом, следует судить о том, что терроризм становится наиболее, с точки зрения деструктивных элементов, эффективным средством, применяемым в ходе социальных конфликтов.

Только в период с 1994 по 2021 г. в мире было совершено более 10 тыс. террористических инцидентов повлекших за собой огромные человеческие жертвы и разрушение стратегических инфраструктур. Большинство таких актов совершаются в районах вооруженных конфликтах, которые до сих пор находятся в активной фазе. Акты терроризма в большинстве своих случаях происходят в таких регионах мира как Азия, Ближний Восток и Африка. Террористические акты возникают на фоне острых проблем возникающих в процессе разрешения национальных вопросов имеющих отношению в разрешении межнациональных конфликтов [8, с. 71-72].

При рассмотрении правового регулирования контртеррористической операции следует остановиться на раскрытии сущности данного правового явления, которое характеризуется как определенное воздействие на общественные отношения, складывающиеся в случае наступления юридического факта (конкретно определенным событием, осложненным террористическим элементом). Такого рода правовое регулирование осуществляется при помощи правовых средств, призванных упорядочить такие общественные отношения [9, с. 62-64]. Использование экстраординарных и специфических правовых средств в механизме правового регулирования режима контртеррористической операции является отличительной особенностью от обычного механизма правового регулирования. К особым правовым средствам можно отнести: правоограничивающие нормы права; запрещающие нормы права.

За правоограничением следует необходимость субъектов права, в контексте заранее ограниченных субъективных прав, выбирать вариант своего поведения, который не представляет опасности для общества в условиях террористической угрозы. Так, например, ограничение движения транспортных средств и пешеходов в районе проведения контртеррористической операции, не лишает граждан на свободное перемещение, но в тоже время не позволяет перемещаться в районе специальной операции, так как это может представлять угрозу для их жизни и здоровья [10, с. 45-46]. В тоже время, государство в случае наступления последствий в результате террористического акта, определяет его как юридический факт, в результате которого возникают специфические правовые отношения между государством и всеми участниками контртеррористической операции, которые выражаются в виде определенных льгот и поощрений [11, с. 21-22]. Обратим внимание, что законодатель предусмотрел выплату компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, при этом последние не принимали активного участия в контртеррористической операции.

При экстраординарном правовом режиме контртеррористической операции, действительно, вводятся определенные ограничения конкретных конституционных прав и свобод граждан и организаций. К примеру, согласно ФЗ «О противодействии терроризму», допускается ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем в целях предупреждения совершения террористических актов [12].

В заключение, очевидно, что контртеррористическая операция требует тщательного рассмотрения правового режима и содержания, которое ее регулирует. Для проведения эффективной контртеррористической операции необходимо понимать объем и пределы правоприменения. Содержание такой операции должно быть тщательно адаптировано к конкретной угрозе, исходящей от террористических сетей, с учетом международных законов и правил. Также важно, чтобы все вовлеченные

стороны подходили к выполнению задачи с профессиональным отношением, чтобы обеспечить успешный результат в обеспечении интересов национальной безопасности.

Список литературы:

1. Зайцев А.К. Социальный конфликт. / 2-е. изд. – М.: Academia, 2001. – 464 с.
2. Соколов С.В. Социальная конфликтология. Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2001. – 327 с.
3. Никонов, Д. А. Правовой статус человека и гражданина в условиях ограничения его конституционных прав и свобод при проведении контртеррористической операции / Д. А. Никонов, В. В. Луценко // Вопросы противодействия экстремистской и террористической деятельности на современном этапе развития войск национальной гвардии Российской Федерации: Сборник материалов межвузовского круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 13 октября 2022 г. – Санкт-Петербург – Белгород: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии, Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – С. 110-114.
4. Захарцев С.И. Основные подходы к пониманию правовых режимов в контексте теории права (на примере правового режима контртеррористической операции) / С.И. Захарцев, В.В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 12. – С. 21-28.
5. Луценко, В.В. О внесении изменений в действующие нормативные правовые акты, регулирующие вопросы национальной безопасности Российской Федерации (на примере специальной военной операции) / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 1. – С. 23-26.
6. Национальный консорциум по изучению терроризма и ответных мер на терроризм. (2017). Глобальная база данных по терроризму (gtd1993_0617dist.xlsx Заархивировано 2016-07-10 в Wayback Machine). Получено из <https://www.start.umd.edu/gtd> Мэрилендского университета <http://www.start.umd.edu/gtd/contact/>.
7. Национальный консорциум по изучению терроризма и ответных мер на терроризм. (2018). Глобальная база данных по терроризму (globalterrorismdb_0718dist.xlsx Архивировано 2016-07-10 на Машина обратного хода). Извлечено из <https://www.start.umd.edu/gtd> Мэрилендский университет
8. Никонов, Д.А. Роль войск национальной гвардии Российской Федерации в политическом механизме противодействия терроризму // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1(32). С. 70-75.
9. Захарцев, С. И. Правовой режим контртеррористической операции как особый порядок правового регулирования общественных отношений, возникающих в условиях террористической угрозы / С. И. Захарцев, В.В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. – 2022. – № 10. – С. 60-68.
10. Захарцев, С.И. Теоретико-правовой аспект правового режима контртеррористической операции / С. И. Захарцев, В. В. Луценко // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 9. С. 44-51.
11. Луценко, В. В. Теоретические основы разработки правовых средств, применяемых в деятельности, связанной с противодействием терроризму, на современном этапе развития права / В. В. Луценко, И. В. Семенова // Военно-юридический журнал. – 2023. – № 3. – С. 20-22.
12. О противодействии терроризму : Федеральный закон № 35-ФЗ (в ред. с изм. и доп. от 26 мая 2021 года № 155-ФЗ) : [принят Государственной Думой 26 февраля 2006 года : одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года]. Собр. законодательства РФ. 2006. – № 11. – Ст. 1146; 2020. – № 50 (Ч.3). – Ст. 8074.

Lutsenko V.V. Legal Regime of the Counter-Terrorist Operation (Content and Essence) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – Р. 490-495.

The counter-terrorist operation is a complex and constantly evolving legal regime. The content and essence of this operation is rooted in international law, human rights law and national legislation. The scientific article considers the legal framework of the counter-terrorist operation in order to better understand its content and essence. At the international level, counter-terrorism operations are governed by the United Nations Security Council (UNSC), which has adopted a series of resolutions that provide the legal basis for such operations. These resolutions establish principles such as respect for human rights, non-discrimination, proportionality in the use of force and respect for international humanitarian law (IHL). In addition, UN resolutions contain guidance on how states should cooperate with each other in the fight against terrorism. At the domestic level of the state, regulations have been adopted that criminalize certain types of terrorist activities, as well as establishing special investigative powers for security forces in order to prevent or suppress terrorist acts. These laws also often include provisions for the collection and sharing of data between states to facilitate the collection of intelligence related to counterterrorism operations. In addition to these measures at the international and domestic levels, increasing attention is being paid to the protection of civil liberties during counterterrorism operations. This includes ensuring that any surveillance or detention measures taken by the security forces comply with applicable human rights standards. Overall, it is clear that counter-terrorism operations involve a complex legal regime that requires careful consideration of both international law and domestic law in order to ensure effective counter-terrorism outcomes while protecting civil liberties at all times. By better

understanding this legal framework, it is proposed to gain an understanding of the content and essence of these important counter-terrorism measures.

Key words: terrorism, terrorist crime statistics, social conflicts, national security, restriction of rights and freedoms.

Spisok literatury:

1. Zajcev A.K. Social'nyj konflikt. / 2-e. izd. – M.: Academia, 2001. – 464 s.
2. Sokolov S.V. Social'naya konfliktologiya. Ucheb. posobie dlya vuzov. – M.: YUNITI–DANA, 2001. – 327 s.
3. Nikonov, D. A. Pravovoj status cheloveka i grazhdanina v usloviyah ogranicheniya ego konstitucionnyh prav i svobod pri provedenii kontrterroristicheskoy operacii / D. A. Nikonov, V. V. Lucenko // Voprosy protivodejstviya ekstremistskoj i terroristicheskoy deyatel'nosti na sovremennom etape razvitiya vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: Sbornik materialov mezhvuzovskogo kruglogo stola c mezhdunarodnym uchastiem, Sankt-Peterburg, 13 oktyabrya 2022 goda / Redkollegiya: D.V. Novokshonov, YU.V. Gul'binskij, YU.A. Evstratova . – Sankt–Peterburg – Belgorod: Sankt–Peterburgskij voennyj ordena ZHukova institut vojsk nacional'noj gvardii, Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu Epicentr, 2022. – S. 110-114.
4. Zaharcev S.I. Osnovnye podhody k ponimaniyu pravovyh rezhimov v kontekste teorii prava (na primere pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii) / S.I. Zaharcev, V.V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2022. – № 12. – S. 21-28.
5. Lucenko, V.V. O vnesenii izmenenij v dejstvuyushchie normativnye pravovye akty, reguliruyushchie voprosy nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii (na primere special'noj voennoj operacii) / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voenno–yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 1. – S. 23-26.
6. Nacional'nyj konsorcium po izucheniyu terrorizma i otvetnyh mer na terrorizm. (2017). Global'naya baza dannyh po terrorizmu (gtd1993_0617dist.xlsx Zaarhivirovano 2016–07–10 v Wayback Machine). Polucheno iz <https://www.start.umd.edu/gtd> Merilenskogo universiteta <http://www.start.umd.edu/gtd/contact/>.
7. Nacional'nyj konsorcium po izucheniyu terrorizma i otvetnyh mer na terrorizm. (2018). Global'naya baza dannyh po terrorizmu (globalterrorismdb_0718dist.xlsx Arhivirovano 2016–07–10 na Mashina obratnogo hoda). Izvlecheno iz <https://www.start.umd.edu/gtd> Merilenskij universitet
8. Nikonov, D. A. Rol' vojsk nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii v politicheskom mekhanizme protivodejstviya terrorizmu / D. A. Nikonov, F.S. Sibgatullin, V. V. Lucenko // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2022. – № 1(32). – S. 70-75.
9. Zaharcev, S. I. Pravovoj rezhim kontrterroristicheskoy operacii kak osobyj poryadok pravovogo regulirovaniya obshchestvennyh otnoshenij, vznikayushchih v usloviyah terroristicheskoy ugrozy / S. I. Zaharcev, V.V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2022. – № 10. – S. 60-68.
10. Zaharcev, S.I. Teoretiko–pravovoj aspekt pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operacii / S. I. Zaharcev, V. V. Lucenko // YUridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2022. – № 9. – S. 44-51.
11. Lucenko, V. V. Teoreticheskie osnovy razrabotki pravovyh sredstv, primenyaemyh v deyatel'nosti, svyazannoj s protivodejstviem terrorizmu, na sovremennom etape razvitiya prava / V. V. Lucenko, I. V. Semenova // Voenno–yuridicheskij zhurnal. – 2023. – № 3. – S. 20-22.
12. O protivodejstvii terrorizmu : Federal'nyj zakon № 35-FZ (v red. s izm. i dop. ot 26 maya 2021 goda № 155-FZ) : [prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 26 fevralya 2006 goda : odobren Sovetom Federacii 1 marta 2006 goda]. – Sobr. zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 11. – St. 1146; 2020. – № 50 (CH.3). – St. 8074. – Tekst : neposredstvennyj.

УДК 343.619

**ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И
КВАЛИФИКАЦИИ СОДЕЯННОГО**

Нагорный А. П., Попов А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Современное уголовное законодательство содержит ряд оснований, которые исключают преступность совершенного деяния. Между тем, некоторые из них продолжают вызывать трудности, связанные с их практическим применением. Настоящая работа посвящена отдельным особенностям определения правомерности вреда, причиненного в результате задержания лица, совершившего преступление. В результате проведенного исследования было отмечено существование некоторых пробелов в современном уголовном законодательстве, связанных с определением правомерности причинения вреда. К числу таких проблем следует отнести, например, проблему определения уровня вменяемости или возраста задерживаемого лица, которые не могут быть достоверно известны на момент совершения преступления. Проведенный анализ практики применения положений статьи 38 Уголовного кодекса Российской Федерации позволил выделить наиболее существенные недостатки, порождающие сложности в правоприменении. На взгляд авторов, с целью устранения данных недостатков, необходимо проведение комплексной модернизации положений уголовного законодательства, что сможет существенно повысить эффективность правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: причинение вреда, задержание лица, совершившего преступление, уголовная ответственность, квалификация.

Многообразие различных форм и способов деятельности сотрудников органов внутренних дел при выполнении оперативно-служебных задач связаны с задержанием правонарушителей. Задержание правонарушителя может осуществляться в процессе розыска по горячим следам, пресечении преступных действий. Зачастую, задержание может сопровождаться причинением вреда лицу, совершившему преступлению.

Осуществление задержание правонарушителей юридически регламентировано. Так, в практике деятельности органов внутренних дел термин «задержание» рассматривается в юридическом и практическом значении. В юридическом плане термин «задержание» рассматривается в нескольких значениях. 1) П. 11 ст. 5 УПК РФ, рассматривает задержание как, меру процессуального принуждения, применяемую органами дознания, дознавателем, следователем [1]; 1) как юридическое обоснование практических действий направленных на задержание лиц, совершивших преступление, и доставление их в органы власти (п. 1 ст. 38 УК РФ) [2]. Для регламентации деятельности сотрудников органов внутренних дел, (ст. 14 «Задержание» ФЗ «О полиции»), в контексте применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (ст. 19 «Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» и ст. 20 «Применение физической силы» ФЗ «О полиции») [3]. Специфической особенностью второго значения термина «задержание», является то, что с юридической точки зрения, закреплено право причинять вред в отношении лица, совершившего преступление. Так в п. 1 ст. 38 УК РФ указано, что: «не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление при его задержании, для доставления органам власти» [2], а также право сотруднику полиции применять физическую силу, так в

ст. 20 «Применение физической силы» ФЗ «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ отмечено что: «сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приёмы борьбы, если не силовые способы не обеспечивают выполнение возложенных на полицию обязанностей, следующих случаях: 1) для пресечения преступления и административных правонарушений; 2) для доставление в служебные помещения территориального органа или подразделения полиции, в помещения муниципального органа и иное служебное помещение лиц, совершивших преступление и правонарушение и, и задержании этих лиц» [3].

В уголовном праве проблема причинения вреда при задержании рассматривалась в работах А.А. Арямов, Е.В. Безручко, В.А. Бикмашев, В.А. Блишников, С.В. Борисов, Г.В. Бушуев К.А. Волков, Б.Б. Галлиев, Д.А. Гарбатович, А.П. Дмитренко, А.Б. Иванов А.Ф. Истомина, Е.А. Русскевич, А.В. Савинский И.А. Тараканов и др. Так, С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, Е.А. Русскевич, отмечают, что причинение вреда при задержании, тождественно отдельным условиям, характерным при возникновении необходимой обороны, в части соблюдения таких условий как: защита от общественно опасного деяния, посягающего на отношения, охраняемые уголовным законом, а также, в случаях причинения вреда уголовно-охраняемому объекту [4]. По нашему мнению, данная позиция является тождественной цели необходимой обороны, связанной с обеспечением защиты личности и прав обороняющегося, других лиц, а также защиты охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства и не противоречит формулировке закона, разделяющего понятия «общественно опасное посягательство» и «преступление». Между тем, в практической деятельности сотрудников органов внутренних дел, достаточно часто возникают случаи, когда задерживаемому лицу причиняется тяжкий вред, либо наступает его смерть, что недопустимо в силу положений об оценке правомерности причиненного вреда. Следует учитывать, что для того, чтобы вред был признан правомерным, необходимо, чтобы задерживаемое лицо подозревалося в совершении преступления; обстоятельства задержания характеризовались как неблагоприятные, при этом у задерживающего лица должен отсутствовать прямой умысел, направленный на лишение жизни либо причинения вреда здоровью. В ином случае действия субъекта оцениваются с точки зрения превышения мер, необходимых для задержания преступника, что квалифицируется по ст. 108 или ст. 114 УК РФ в зависимости от тяжести наступивших общественно опасных последствий [2].

При осуществлении задержания лица, основанием правомерности причиненного вреда следует считать осведомленность задерживающим лицом того факта, что совершенное деяние носит преступный характер и о том, что оно было совершено именно тем лицом, в отношении которого осуществляется задержание. Данные сведения, как правило, могут быть получены исходя из личного восприятия обстановки совершенного преступления, а также исходя из иных достоверных источников (например, показаний очевидцев, обнаруженных следов и т.п.). Не вызывает проблем также оценка действий задерживаемого лица в том случае, если данное лицо, например, находится в розыске по подозрению в совершении преступления. В данном случае квалификация действий задерживаемого лица не вызывает сомнений, в отличие от случаев, когда лицо еще не обладает определенным процессуальным статусом. Как отмечают Р.А. Шарипова, одной из проблем анализируемого инсти-

тута следует считать причинение вреда в том случае, если задерживаемое лицо оказалось, например, невменяемым либо не достигшим возраста уголовной ответственности, что исключает квалификацию действий данных лиц как уголовно наказуемого преступления [5]. Фактически в данном случае, лицо, которое осуществляет задержание, должно достаточно в короткий промежуток времени убедиться в том, что задерживаемое им лицо обладает всеми необходимыми признаками, которые свойственны субъекту преступления, что на практике осуществить не всегда представляется возможным. Кроме того, некоторые критерии, например, как наличие невменяемости, определяются субъектом, который обладает соответствующими специальными знаниями. Совокупность данных обстоятельств указывает на то, что на месте совершения преступления не всегда удастся достоверно оценить сложившуюся обстановку. Таким образом, причинение вреда в подобном случае, в соответствии с действующими разъяснениями Верховного Суда РФ, рассматривается как преступление, совершенное по неосторожности, что фактически подразумевает, что даже в случае полной неосведомленности лица о факте наличия психического расстройства либо о недостижении возраста привлечения к уголовной ответственности, в отношении задерживающего лица, не смогут быть применены обстоятельства, которые исключают преступность деяния [6].

К еще одной проблеме следует отнести задержание лица, которое внешне схоже с лицом, подозреваемым в совершении преступления. Кроме того, в ряде случаев в результате размещения розыскной ориентировки правоохрнительными органами, инициируется розыск определенного лица, деяния которого еще не подлежит однозначной квалификации, что в последующем может создать серьезные проблемы в практической деятельности при оценке действий задерживающих лиц. Так, например, лицо может подозреваться в совершении преступления, но при последующем проведении процессуальных действий, может быть установлена его непричастность к совершению преступления. Данные проблемы могут иметь место и в том случае, если розыскная ориентировка была размещена непосредственно после совершения преступления и на тот момент имелись достаточные основания считать лицо, подозреваемым в совершении преступления, что между тем в последующем может не найти своего подтверждения.

К условию правомерности причинения вреда также следует отнести, «вынужденность» причинения вреда при задержании исходя из анализа сложившейся обстановки. Иными словами, не допускается причинение вреда в том случае, если задерживаемое лицо, например, добровольно подчиняется требованиям, прекращает осуществление противоправной деятельности и не препятствует его доставлению в правоохрнительные органы. Причинение вреда в данном случае однозначно признается превышением предоставленных пределов причинения вреда.

Кроме того, органам предварительного расследования достаточно важно установить цель причинения вреда, который был причинен в результате осуществления задержания. Так, например, в соответствии с Приговором Карталинского городского суда Челябинской области, гр. С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ, поскольку в результате судебного заседания было установлено, что нанесение телесных повреждений в отношении потерпевшего, ранее совершившего хищение имущества у гр. С., не ставило под собой цель осуществить доставку подозреваемого в правоохрнительные органы, а бы-

ло направлено на возвращение ранее похищенного имущества и причинение вреда здоровью в качестве мести за ранее совершенные противоправные действия [7].

В другом примере из судебной практики, а именно в Апелляционном постановлении Баймакского районного суда Республике Башкортостан, решение суда первой инстанции было отменено, а гр. А. был признан невиновным, поскольку в результате рассмотрения материалов дела было установлено, что причинение вреда было обусловлено достижением цели, связанной с возвращением гр. Б. на место дорожно-транспортного происшествия, которое гр. Б. пытался покинуть [8].

Между тем, на наш взгляд, в подобном случае проблем с квалификацией не возникло в виду того, что лицо, которому был причинен вред, умышленно скрылось с места дорожно-транспортного происшествия. Однако, в некоторых случаях, при оценке действий задерживаемого лица могут возникнуть проблемы с отграничением различных преступлений (например, в случае, если было бы необходимо отграничивать факты убийства от причинения смерти по неосторожности, поскольку на момент задержания, задерживающее лицо не может достоверно определить форму вины и направление умысла задерживаемого).

«Классическим случаем» превышения пределов, допустимых при причинении вреда следует отнести, нанесение вреда, несоизмерного с причиненным вредом. Так, например, в соответствии с Апелляционным постановлением Юкаменского районного суда Удмуртской Республики гр. З. продолжил наносить побои задержанному лицу уже после пресечения преступления, на замечания очевидцев не реагировал, продолжая наносить удары [9]. Данные действия были расценены судом как нанесение побоев, несмотря на то, что задерживаемое лицо также до момента его задержания совершило в отношении потерпевшего преступление.

Таким образом, существенной следует считать проблему, связанную с оценкой характера наступающих общественно опасных последствий и определения категории преступления, в совершении которого подозревается задержанное лицо. На практике достаточно часто встречаются случаи, когда даже опытные следователи, работающие длительное время, не могут однозначно осуществить квалификацию, что нельзя говорить об обычных гражданах, которые также имеют право на осуществление задержания.

Пленумом Верховного Суда РФ отмечено, что при оценке действия лица, которое причинило вред, следует учитывать место и время совершения преступления, возраст и пол задерживающих и задерживаемого лица, уровень их физического развития, вооруженность, а также наличие сведений об агрессивном поведении задерживаемых, их вхождение в состав банды или террористической организации и т.п. Как правило, на квалификацию действий важное значение оказывает не только количественный, но и качественный состав задерживаемых и задерживающих лиц, возможность продолжения совершения ими преступных действий и т.п., что требует оценки действий задерживающего и задерживаемого лица в совокупности.

Вышеуказанные проблемы подтверждают тот факт, что при оценке обстоятельств причинения вреда, в ряде случаев используются оценочные критерии, которые различными правоприменительными органами могут трактоваться по-разному, что придает оценке причиненного вреда субъективный характер, в том числе при осуществлении оценки степени правомерности или неправомерности причиненного вреда. Наличие подобных критериев, как правило, приводит к принятию разнород-

ных судебных решений, что в ряде случаев не может гарантировать обеспечения принципа равенства при осуществлении оценки действий участников уголовно-правовых отношений.

Результаты исследования также подтверждают и то, что в настоящее время существенные проблемы вызывает оценка действий задерживающего лица, который причинил вред невменяемому лицу или лицу, которое не достигло возраста привлечения его к уголовной ответственности. Фактически в данном случае участником уголовно-правового правоотношения становится лицо, которое не может в последующем признаваться субъектом преступления, что влечет к тому, что действия задерживающего априори признаются неправомерным, несмотря на его желание совершить общественно полезное действие, совершив задержание лица, которое, по его мнению, совершает преступление.

С целью совершенствования положений современного законодательства и решения выше рассмотренных проблем, на наш взгляд, следует, прежде всего, предусмотреть правило о том, что задерживаемое лицо должно совершить не преступление, а противоправное деяние. Подобное совершенствование законодательства позволит охватить положениями ст. 38 УК РФ те случаи, когда задерживаемое лицо оказалось невменяемым или не достигшим возраста уголовной ответственности, что не позволяет расценивать его действия с точки зрения преступления. Данное обстоятельство позволит рассматривать вред, который был причинен лицу, которое было признано невменяемым или лицо, которое не достигло возраста уголовной ответственности, как правомерно причиненный вред.

При проведении исследования также была обозначена проблема причинения вреда, задерживаемому лицу, совершившее преступление в результате размещения розыскной ориентировки. По нашему мнению, данная проблема также связана с невозможностью осуществить достоверную квалификацию действия задерживаемого лица на момент осуществления задержания, что особенно актуально в случае осуществления задержания не сотрудниками правоохранительных органов, а гражданами. Так, в соответствии с разъяснениями п. 19 Пленума Верховного Суда РФ [6], право на задержание может возникать не только у представителей органов власти, в том числе и сотрудников органов внутренних дел, но и у лиц, пострадавших от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, а также лиц, которым стало достоверно известно о его совершении. Положения статьи 38 УК РФ могут быть применены в отношении указанных лиц в случае причинения ими вреда при задержании лица, совершившего преступление. Также, обращает на себя внимание и п. 11 Постановления, в котором указано, что «...не влечет уголовную ответственность умышленное причинение посягавшему лицу средней тяжести или легкого вреда здоровью либо нанесение побоев, а также причинение любого вреда по неосторожности, если это явилось следствием действий оборонявшегося лица при отражении общественно опасного посягательства» [6]. Мы полагаем, что сотрудникам органов внутренних дел, при даче правовой оценки действий, связанных с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, необходимо учитывать указанные выше обстоятельства.

В целом, результаты проведенного исследования подтверждают, что в настоящее время оценка правомерности причиненного вреда при задержании лица, совершившего преступление, представляет собой достаточно сложную правовую категорию,

применение которой в практической деятельности осложняется наличием определенных пробелов и коллизий в современном уголовном законодательстве, которые могут быть устранены путем внесения соответствующих изменений, в том числе в разъяснения высших судебных инстанций.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2022 – 416 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2022 – 400 с.
3. Федеральный закон «О полиции» - М.: Проспект, 2022 –64 с.
4. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, Е.А. Рускевич и др.; отв. ред. Н.Г. Кадников. – М.: Юриспруденция, 2012. – 192 с.
5. Шарипова А.Р. Проблемы института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // StudNet. 2021. №10. С. 10-11.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 31 мая 2022 г. № 11).
7. Приговор Карталинского городского суда Челябинской области № 1-122/2016 от 30 июня 2016 г. по делу № 1-122/2016 // «Судебные и нормативные акты РФ».
8. Апелляционное постановление № 10-4/2018 от 27 февраля 2018 г. по делу № 10-4/2018 // «Судебные и нормативные акты РФ».
9. Апелляционное постановление Юкаменского районного суда Удмуртской Республики № 10-10/2014 от 17 ноября 2014 г. по делу № 10-10/2014 // «Судебные и нормативные акты РФ».

A.P. Nagornyi, A.N. Popov. Causing harm during the detention of a person who committed a crime: problems of criminal liability and qualification of the deed // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – Р. 496–501.

Modern criminal legislation contains a number of grounds that exclude the criminality of the committed act. Meanwhile, some of them continue to cause difficulties associated with their practical application. This work is devoted to certain features of determining the legitimacy of the harm caused as a result of a crime. As a result of the study, the existence of some gaps in modern criminal law related to the determination of the legality of infliction was noted. Such problems include, for example, the problem of determining the level of sanity or the age of the detainee, which cannot be reliably known at the time of the crime. The analysis of the practice of applying the provisions of Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation made it possible to identify the most significant shortcomings that give rise to difficulties in law enforcement. In the opinion of the authors, in order to eliminate these shortcomings, it is necessary to carry out a comprehensive modernization of the provisions of the criminal law, which can significantly increase the efficiency of law enforcement activities of the preliminary investigation bodies.

Key words: infliction of harm, detention of a person who committed a crime, criminal liability, qualification.

Spisok literatury:

1. Ugolovno-protsessual'nyj kodeks Rossijskoj Federatsii. – М.: Prospekt, 2022 – 416 s.
2. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj federatsii. – М.: Prospekt, 2022 – 400 s.
3. Federal'nyj zakon «O politсии» - М.: Prospekt, 2022 –64 s.
4. Neobhodimaja oborona, krajnjaja neobhodimost', zaderzhanie prestupnika (pravovaja otsenka dejstvij sotrudnikov politсии) / S.V. Borisov, A.P. Dmitrenko, E.A. Russkevich i dr.; отв. red. N.G. Kadnikov. – М.: Jurisprudentsija, 2012. – 192 s.
5. Sharipova A.R. Problemy instituta prichinenija vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie // StudNet. 2021. №10. S.10-11.
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.09.2012 N 19 «O primenenii sudami zakonodatel'stva o neobhodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie» (s izmenenijami, vnesennymi postanovleniem Plenuma ot 31 maja 2022 g. № 11).
7. Prigovor Kartalinskogo gorodskogo suda Cheljabinskoj oblasti № 1-122/2016 ot 30 ijunja 2016 g. po delu № 1-122/2016 // «Sudebnye i normativnye akty RF».
8. Apelljatsionnoe postanovlenie № 10-4/2018 ot 27 fevralja 2018 g. po delu № 10-4/2018 // «Sudebnye i normativnye akty RF».
9. Apelljatsionnoe postanovlenie Jukamenskogo rajonnogo suda Udmurtskoj Respubliki № 10-10/2014 ot 17 nojabrja 2014 g. po delu № 10-10/2014 // «Sudebnye i normativnye akty RF».

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРОПАГАНДЕ ЛИБО ПУБЛИЧНОМУ ДЕМОНСТРИРОВАНИЮ
АТТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**

Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Статья посвящена рассмотрению проблем уголовно-правового противодействия распространению экстремистской и криминальной идеологии, а именно пропаганду и публичную демонстрацию атрибутики и символики экстремистских организаций. Авторами анализируются положения действующего законодательства. В результате проведенного исследования сформулированы предложения о дальнейшем совершенствовании правовых средств противодействия экстремистской деятельности, в том числе пропаганде и публичной демонстрации атрибутики и символики экстремистских организаций.

Ключевые слова: символика экстремистских организаций, атрибутика экстремистских организаций, экстремистская организация, нацистская символика и атрибутика, экстремистская деятельность, уголовная ответственность, противодействие.

Противодействие распространению экстремистской и криминальной идеологии, прежде всего, среди несовершеннолетних и молодежи, является важной профилактической задачей. Одним из инструментов противодействия такому распространению являются меры уголовной, а также административной ответственности за соответствующие деяния экстремистской направленности.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] установлена уголовная ответственность за неоднократные пропаганду или публичную демонстрацию нацистской и иной запрещенной символики, в том числе атрибутики и символики экстремистских организаций (ст. 282.4 УК РФ). В данном случае законодатель осуществил криминализацию путем установления административной преюдиции деяния, т.е. преступлением признается повторное совершение виновным лицом деяния, ответственность за которое предусмотрена ст. 20.3 КоАП РФ.

В связи с этим представляют как теоретический, так и несомненный практический интерес вопросы отнесения к атрибутике и символике конкретных экстремистских организаций определенных предметов и изображений.

Прежде всего, речь идет об отнесении к соответствующей атрибутике и символике изображений, имеющих отношение к международному общественному движению «Арестантское уголовное единство» (другие названия – «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», «АУЕ», «А.У.Е.»). Еще в 2016 году на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ деятельность указанного движения была названа проблемой национальной безопасности, требующей немедленного разрешения [2].

В результате решением Верховного Суда РФ от 17 августа 2020 г. № АКПИ20-514с международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» было признано экстремистским, а его деятельность запрещена на территории РФ. Отмечалось, что данный запрет позволит эффективно пресекать преступную дея-

тельность его участников, защитить интересы подрастающего поколения, способствовать оздоровлению общества и обеспечить безопасность государства [3].

Прежде всего, обратим внимание на используемую терминологию.

Согласно ст. 1 ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)» (далее – Федеральный закон «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)») экстремистской организацией признается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Если обратиться к ФЗ от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (далее – Федеральный закон «Об общественных объединениях»), под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (ст. 5). По смыслу ст. 6 ФЗ «Об общественных объединениях», учредители общественного объединения (физические лица и юридические лица – общественные объединения) созывают съезд (конференцию) или общее собрание, на котором принимается устав общественного объединения, формируются его руководящие и контрольно-ревизионные органы. Кроме того, согласно федеральному законодательству, высшим руководящим органом общественного движения является съезд (конференция) или общее собрание. Постоянно действующим руководящим органом общественного движения является выборный коллегиальный орган, подготовленный съезду (конференции) или общему собранию.

В решении Верховного Суда РФ от 17.08.2020 № АКПИ20-514с не отражены ни учредители общественного движения, ни данные о проведении учредительного съезда, ни сведения о принятии Устава общественного движения. Общественное движение (а именно так оно обозначено в упомянутом решении Верховного Суда РФ) является одной из организационно-правовых форм общественных объединений (ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях»).

Далее, согласно ст. 9 того же ФЗ «Об общественных объединениях», общественным движением является состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения.

Как видим, общественное движение преследует общественно полезные цели, чего не наблюдается у движения «Арестантское уголовное единство»: напротив, отмечается, что «деятельность Движения носит экстремистский характер и представляет реальную угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, общественной безопасности и здоровью граждан». Также отсутствует и данные, указывающие на наличие Устава указанного объединения. По крайней мере, в Решении Верховного Суда РФ от 17.08.2020 они не приводятся, при этом отмечается, что «данные о регистрации АУЕ в качестве юридического лица отсутствуют», а деятельность Движения осуществляется без образования юридического лица.

На наш взгляд, Верховный Суд РФ при определении сущности движения АУЕ фактически признал его общественным движением, по-видимому, опираясь на признаки массовости, наличия участников и отсутствия членства. Однако цели движе-

ния АУЕ не соответствует целям общественного движения, которые должны быть общественно полезными (ст. 9 ФЗ «Об общественных объединениях»). Так, Верховный Суд РФ отметил в приведенном ранее решении, что движением АУЕ «продвигается идея создания «воровской» власти в качестве антипода действующей государственной власти, а также применения других законов («понятий»).

По этому поводу В.Е. Квашис и А.С. Ильницкий отмечали следующее: «Важной особенностью феномена АУЕ является идея о неизбежности пребывания в местах лишения свободы, в связи с чем следует к нему подготавливаться: изучать традиции, нормы, обычаи арестантского сообщества и вести соответствующий образ жизни. Концептуальные идеи АУЕ содержатся в своде неписаных правил и норм поведения в воровском сообществе («воровской закон»), а также базируются на тюремных понятиях и нормах пенитенциарной субкультуры... Распространение идей о романтизации криминального образа жизни, ненависти к сотрудникам правоохранительных органов, неотвратимости приобщения к пенитенциарным учреждениям в виртуальном пространстве формируют установки, направленные на реализацию преступного поведения, укрепление тюремной субкультуры, продуцирование общеправовой преступности» [4, с. 26-31].

Поэтому, полагаем, очень близко подошли к сущности движения АУЕ в Нижегородской академии МВД России, определив его как молодежное движение протестно-экстремистской направленности, включающее в себя не только исполнителей, но и организаторов. На наш взгляд, АУЕ является массовым незарегистрированным криминальным движением, деятельность которого связана с распространением экстремистской и криминальной идеологии, прежде всего, среди несовершеннолетних и молодежи. Сходное мнение ранее уже высказывалось в СМИ: «Дело в том, что это не организация. Это неформальное движение, имеющее развитую сетевую структуру, но без руководящего центра. При этом правоохранители полагают, что у банд есть главари, которые тщательно скрывают свою принадлежность к субкультуре, а также «смотрящие», которые координируют действия несовершеннолетних преступников» [5].

Согласно ст. 24 ФЗ «Об общественных объединениях» «общественные объединения вправе иметь символику: эмблемы, гербы, иные геральдические знаки, флаги, а также гимны». При этом отмечается, что «в качестве символики общественного объединения не могут быть использованы эмблемы и иные символы, описание которых ранее включено в устав существующей в РФ политической партии, а также эмблемы и иные символы организаций, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена» (часть третья в ред. ФЗ от 21.07.2014 № 236-ФЗ).

Согласно п. 4 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)» символика экстремистской организации представляет собой символику, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным указанным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (в ред. ФЗ от 21 июля 2014 г. № 236-ФЗ). Следовательно, описание символики движения АУЕ должно содержаться в учредительных документах указанного движения (о которых ничего не известно), а не в решении Верховного Суда РФ.

В настоящее время описание символики экстремистских организаций содержится в перечне общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)».

Согласно ч. 6 ст. 9 указанного ФЗ описание символики общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным настоящим ФЗ, организаций подлежат размещению в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте федерального органа государственной регистрации.

Примерами символики экстремистской организации являются: эмблема и флаг общероссийской политической партии «ВОЛЯ» (решение Верховного Суда РФ от 09.08.2016 и апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 24.11.2016), которые определены в качестве символов в Уставе Общероссийской политической партии «ВОЛЯ»; эмблема и флаг общественного объединения «Курсом Правды и Единения» (другие названия: Российское общенародное движение «Курсом Правды и Единения», Всероссийская политическая партия «Курсом Правды и Единения», Политическая партия «Курсом Правды и Единения») (решение Майкопского районного суда Республики Адыгея от 07.05.2018 и апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Республики Адыгея от 16.10.2018), которые определены в качестве символов в Уставе Политической партии «Курсом Правды и Единения» [6].

Описания указанных эмблем и флагов приведены на сайте Минюста России вместе с информацией о запрете деятельности указанных организаций. Именно указанные эмблемы и флаги согласно федеральному закону являются символикой экстремистских организаций. Полагаем, что в целях правильного применения практическими работниками положений ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ необходимо создание отдельного официального перечня символики и атрибутики экстремистских организаций. О значении необходимости нормативного закрепления описания символики и атрибутики экстремистских организаций указывают примеры из практики применения ст. 20.3 КоАП РФ. Так, постановлением Стругоокрасненского районного суда Псковской области от 14 декабря 2020 г. по делу № 5-217/2020 Кожевников А. А. признан виновным в совершении правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, с назначением ему наказания в виде административного штрафа в размере 1000 (одной тысячи) руб.

Судом установлено, что по состоянию на 20.10.2020 в сети Интернет в социальной сети «ВКонтакте» на странице пользователя под псевдонимом «Александр Волков», принадлежащей Кожевникову А.А., в свободном доступе хранились и демонстрировались изображения восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами, являющейся символикой международного общественного движения «Арестантское уголовное единство», признанное Решением Верховного Суда РФ от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514 с экстремистским, и его деятельность на территории РФ запрещена.

Как следует из материалов дела, страница Кожевникова А.А в социальной сети «ВК» открыта для посещения и обозрения неограниченным кругом лиц, что свиде-

тельствует о публичном демонстрировании символики указанной экстремистской организации, деятельность которой запрещена на территории РФ [7].

В данном случае, полагаем, речь должна идти о публичном демонстрировании не символики, а, скорее, изображений, которые можно отнести к атрибутике движения «АУЕ». Однако и этот факт, по нашему мнению, должен подтверждаться заключением эксперта-культуролога. Полагаем, что реализация предложения о создании отдельного перечня символики и атрибутики экстремистских организаций способствовало бы правильному применению положений ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ. Ведение такого перечня, полагаем, целесообразно возложить на Министерство юстиции Российской Федерации как орган, который перечня организаций, деятельность которых запрещена в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Также в ст. 282.4 УК РФ речь идет об атрибутике экстремистских организаций как предмете преступления. Вместе с тем, Федеральный закон «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)» не содержит определения указанного понятия, в связи с чем попытаемся сформулировать определение указанного понятия. Атрибутика представляет собой «совокупность существенных отличительных (часто внешних) признаков принадлежности к чему-либо, признаков общих для какого-либо ряда предметов, явлений» [7].

Тем самым, атрибутика экстремистской организации – это совокупность отличительных (как правило, внешних) признаков принадлежности к экстремистской организации, причем эти признаки могут и не быть отраженными в учредительных документах организации. К таким признакам могут быть отнесены используемые участниками объединения отличительные знаки, символы, обращения, приветствия, призывы и т.д. С учетом изложенного предлагаем:

1. Законодательно закрепить в Федеральном законе «О противодействии экстремизму (экстремистской деятельности)»: определение понятия атрибутики экстремистских организаций; создание перечня символики и атрибутики экстремистских организаций; ведение указанного перечня, как и перечня организаций, деятельность которых запрещена в связи с осуществлением экстремистской деятельности, поручить Министерству юстиции Российской Федерации.

2. Пленуму Верховного Суда РФ разъяснить, что следует относить к атрибутике экстремистской организации, для чего следует с учетом мнений экспертов и научных работников подготовить и принять соответствующее постановление «О внесении дополнений и изменений в постановление «О судебной практике по делам о преступлениях экстремистской направленности».

Предлагаемые нами дополнения могут способствовать повышению эффективности применения правовых инструментов противодействия экстремистской деятельности, укреплению законности.

Список литературы:

1. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022.
2. Верховный суд признал экстремистской организацией уголовную субкультуру АУЕ // «Ведомости» – ведущее деловое издание России. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoi-ae> (дата обращения: 25.04.2023).
3. По иску Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова Верховный Суд Российской Федерации запретил деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (дата обращения: 25.04.2023).

4. Квашис В. Е., Ильницкий А. С. Современные формы проявления криминальной идеологии в сети Интернет // Научный портал МВД России. 2021. № 2 (54). С. 26-31.
 5. Верховный суд признал экстремистским движение «АУЕ». Срочные новости, Криминал. 17.08.2020 // Новости – наше призвание. РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/x/735818-verkhovnyi-sud-priznal-ekstremistskim-dvizhenie-ae> (дата обращения: 25.04.2023).
 6. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 11.04.2023).
 7. Постановление Стругокрасненского районного суда Псковской области от 14 декабря 2020 года по делу № 5-217/2020. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/55971883>.
- Атрибутика. Статья из Википедии – свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B1%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 25.04.2023).

I. V. Pikin, I. A. Tarakanov, S. A. Pichugin. Problems of criminal law counteraction to propaganda or public demonstration of attributes and symbols of extremist organizations // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 502–507.

The article is devoted to the problems of criminal law counteraction to the spread of extremist and criminal ideology, namely propaganda and public demonstration of attributes and symbols of extremist organizations. The authors analyze the provisions of the current legislation. As a result of the conducted research, proposals were formulated on further improvement of legal means of countering extremist activity, including propaganda and public demonstration of attributes and symbols of extremist organizations.

Keywords: symbols of extremist organizations, attributes of extremist organizations, extremist organization, Nazi symbols and attributes, extremist activity, criminal liability, counteraction.

Spisok literatury:

1. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://pravo.gov.ru>, 14.07.2022.
 2. Verhovnyj sud priznal ekstremistskoj organizacii ugolovnyy subkul'turu AUE // «Vedomosti» – vedushchee delovoe izdanie Rossii. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/08/17/836930-ekstremistskoi-ae> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
 3. Po isku General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii Igorya Krasnova Verhovnyj Sud Rossijskoj Federacii zapretil deyatel'nost' mezhdunarodnogo obshchestvennogo dvizheniya «Arestantskoe ugovnoe edinstvo» // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=56759800> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
 4. Kvashis V. E., Il'nickij A. S. Sovremennye formy proyavleniya kriminal'noj ideologii v seti Internet // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2021. № 2 (54). S. 28.
 5. Verhovnyj sud priznal ekstremistskim dvizhenie «AUE». Srochnye novosti, Kriminal. 17.08.2020 // Novosti – nashe prizvanie. REN TV. URL: <https://ren.tv/news/x/735818-verkhovnyi-sud-priznal-ekstremistskim-dvizhenie-ae> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
 6. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (data obrashcheniya: 11.04.2023).
 7. Postanovlenie Strugokrasnenskogo rajonnogo suda Pskovskoj oblasti ot 14 dekabrya 2020 goda po delu № 5-217/2020. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/55971883> (data obrashcheniya: 25.04.2023).
- Atributika. Stat'ya iz Vikipedii – svobodnoj enciklopedii. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%B1%D1%83%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (data obrashcheniya: 25.04.2023).

УДК 343.2/7:343.23

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ
ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 165 УК РФ**

Скворцова О. В., Левченко В. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья посвящена вопросам определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, в контексте исследования проблем применения данной нормы в целом. Исследование осуществлено с учетом краткого исторического анализа становления и развития института уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. В работе приведены статистические данные, проанализирована судебная практика, изучены основные позиции толкования положений уголовного законодательства в части действующей редакции ст. 165 УК РФ, а также предложены пути реформирования уголовного законодательства в сфере регламентации ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием.

Ключевые слова: состав преступления, объект преступления, объективная сторона, последствия, реальный ущерб, упущенная выгода, неполучение должного, способ, обман, злоупотребление доверием, причинение имущественного ущерба.

Одним из основополагающих прав человека является право на охрану частной собственности. Данное положение закрепляется в ныне действующей Конституции Российской Федерации, где ст. 35 гласит о том, что право частной собственности охраняется законом. При этом далее указывается на то, что единственным законным основанием лишения человека своего имущества является вынесенное в установленном законе порядке решение суда [1]. Следовательно, иное посягательство на имущество со стороны третьих лиц будет считаться противозаконным, а, соответственно, влекущим за собой применение соответствующей санкции.

Действующее законодательство содержит две статьи, посвященных ответственности за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Так, ст. 7.27.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) предусматривает административную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков уголовно-наказуемого деяния [2]. В свою очередь, Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит ст. 165, которая предусматривает ответственность за аналогичное деяние, но уже при наличии в качестве последствия причинение крупного ущерба собственнику или иному владельцу имущества [3].

В отличие от всем известных форм хищения, таких как кража, грабеж, мошенничество, которые имеют достаточно длинную историю развития, охватывающую, по меньшей мере, не менее двух тысяч лет, ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием считается достаточно молодым составом преступления, первое упоминание о котором в современном контексте встречается лишь в УК РСФСР 1960 г. Так, ст. 94 УК РСФСР 1960 г. предусматривала ответственность за причинение имущественного ущерба государству или общественной организации путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения [4]. Как видно, особенностью данной статьи является указание на специального потерпевшего от совершения данного преступления, а именно, лишь государство и общественные организации.

При этом ранее действующие УК РСФСР 1922 и 1926 года не содержали в себе в чистом виде данного состава преступления, но, в свою очередь, зачатки развития его выражались в содержании отдельных норм, которые в настоящее время охватываются действующей ст. 165 УК РФ. Так, ст. 163 УК РСФСР 1926 г. содержала такой состав, как кража электрической энергии [5]. Но все же отдельного состава за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления в данных документах не было.

За такой короткий промежуток времени существования данной нормы проблемы при ее применении возникают достаточно существенные. При том, что какого-либо адекватного решения их законодателем не предлагается. К тому же данный факт подтверждает и отсутствие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которое могло бы частично решить самые проблемные вопросы и привести к единообразию применения органами следствия и судами данной нормы. С учетом изложенного, анализ вопросов определения объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, в контексте исследования проблем применения данной нормы в целом, определяет актуальность осуществленного ниже исследования.

Проблема применения нормы ст. 165 УК РФ ясно прослеживается при анализе судебной статистики привлеченных по ней лиц к уголовной ответственности. Так, согласно представленной статистике на сайте Судебная статистика РФ за 2019 год по ч. 1 было осуждено 12 человек, по ч. 2 – 90. За 2020 г. статистика не сильно изменилась и в итоге по ч. 1 было осуждено 18 чел., а по ч. 2 – 60. Аналогичная ситуация и в 2021 г. Так, по ч. 1 было осуждено 22 человека, а по ч. 2 – 85 [6]. При этом, как показывает практика, по ч. 1 почти всегда назначается наказание в виде штрафа, а по ч. 2 – в виде лишения свободы условно или с отбыванием наказания.

На первый взгляд, может показаться, что причиной такого небольшого числа осужденных по данной статье на всей территории РФ является низкий уровень преступности, выраженный в совершении причинения имущественного вреда путем обмана или злоупотребления доверием, а также высокий уровень латентности. И, если со вторым можно согласиться, то с первым не совсем.

При написании своей диссертационной работы Ботвиным И. В. было проведено интересное исследование, а именно, опрос ученых, а также сотрудников правоохранительных органов и суда на тему трудностей применения нормы, предусмотренной в ст. 165 УК РФ. Так, было опрошено 50 ученых, из которых 38% заявили о сложности определения ущерба, причиняемого данным преступлением, 36% о проблемах, возникающих при отграничении ст. 165 УК РФ от ст. 159 УК РФ, то есть от мошенничества. Остальные же 26 % высказались об иных трудностях. Аналогичная ситуация сложилась и при опросе правоприменителей. Так, из 179 опрошенных лиц было установлено, что 45, 2 % сталкиваются с трудностями оценки ущерба, который причиняется данным преступлением, 30, 7 % – с трудностями разграничения данного преступления все с тем же мошенничеством, а 24 % высказались об иных трудностях [7, с. 82].

Следовательно, как видно из проведенного Ботвиным И. В. опроса, основными проблемами являются именно применение данной нормы на практике, а латентность данного вида преступления лишь еще сильнее усугубляет ситуацию. В результате чего сотрудникам следствия легче вменить лицу ст. 159 УК РФ.

Как обозначалось выше, целью данной работы является исследование объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, и выявление

основных проблем, которые возникают при определении их показателей, что приводит на практике к сложностям при принятии решения о применении этой нормы.

Согласно ст. 8 УК РФ, единственным законным основанием привлечения лица к уголовной ответственности является совершение такого деяния, которое содержит все признаки состава преступления, предусмотренного действующим УК.

Если обратиться к литературе, посвященной общей части уголовного права, то обычно под составом преступления понимают совокупность объективных и субъективных признаков, которые дают основание полагать, что деяние лица является преступным, а, следовательно, влекущим соответствующее наказание. Такой точки зрения придерживается, например, Поляков С. А., который считает, что состав преступления представляет собой совокупность установленных уголовным законодательством объективных и субъективных признаков [8, с. 9]. Трайнин А. Н. так же проводил аналогичную систематизацию признаков и указывал на их определение конкретного общественно опасного деяния как преступления [9].

Следовательно, можно прийти к выводу, что при отсутствии хотя бы одного из объективных и субъективных признаков невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности, так как в его деянии нет состава преступления.

Начальное определение объективных признаков имеет важное практическое значение, так как отсутствие охраняемых законом отношений или же самого деяния ставит под сомнение необходимость дальнейшего анализа субъективных признаков. В свою очередь, объективные признаки включают в себя два важных элемента, а именно, объект и объективную сторону состава преступления.

Рассмотрим более подробно каждый из объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Первым элементом выступает объект преступления. Для квалификации деяния по ст. 165 УК РФ его правильное определение имеет практическое значение, что вытекает из следующего: 1) объект преступления является элементом каждого преступного деяния, т.е. любое преступление является таковым только тогда, когда чему-либо причиняется вред; 2) объект является обязательным признаком состава преступления, без которого деяние не может быть признано преступным; 3) объект имеет принципиальное значение для кодификации; 4) от правильного установления объекта преступления зависит установление иных признаков состава преступления.

В связи с этим, правильное определение объекта преступления даст первоначальный ответ на вопрос, имеются ли в действиях лица признаки преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

При этом возникает первая проблем. Она состоит в том, что существуют различные точки зрения по поводу того, что является объектом преступления в целом, и того, что является объектом преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.

Определение объекта состава преступления в целом не вызывает серьезных трудностей за исключением некоторых вопросов. Так, Познышев С. В. считает, что объектом любого преступления выступает предмет [10]. При этом под предметом преступления обычно понимают конкретное материальное благо. Данная точка зрения является достаточно спорной. Возникает вопрос о том, если объектом преступления выступает, например, как в нашем случае, имущество конкретного лица, почему же тогда преступление обладает таким свойством, как общественная опасность. Почему в таком случае причинение имущественного ущерба одному человеку будет опасно для всего общества? А проблема вытекает из того, что при таком понимании объекта у нас расплывается признак общественной опасности. Нарушается, в первую очередь, порядок общественных отношений между людьми, который

складывается по поводу права свободного пользования, распоряжения и владения своим имуществом по своему усмотрению, в свою очередь, охраняемый государством. Следовательно, эти отношения и будут являться тем самым объектом преступления. Аналогичной точки зрения, согласно которой в качестве объекта преступления выступают урегулированные нормами права общественные отношения, придерживаются Пионтковский А. А. [11], Брайнин Я. М. [12]. Данная точка зрения считается нами наиболее правильной и обоснованной.

При определении объекта преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, сложность в том, что, несмотря на расположение данной статьи в главе, посвященной преступлениям против собственности, в связи с чем фактически буквальное толкование уголовного закона подразумевает, что объектом преступления в данном случае являются урегулированные нормами права отношения в сфере собственности, единого мнения в науке уголовного права по этому вопросу не сложилось.

Наиболее интересным и требующим нашего внимания является точка зрения Барышевой Е. А. [13], а также Перч Н. В. [14], которые указывают на ошибочное решение законодателем расположить ст. 165 УК РФ в гл. 21 «Преступления против собственности». При этом, несмотря на их единогласное мнение по поводу того, что данный состав преступления должен быть расположен в гл. 22 «Преступления против экономической деятельности», обоснование этому авторами приводится разное.

Так, Перч Н. В. в своей работе причину необходимости переноса ст. 165 УК РФ обосновывает тремя аргументами. Во-первых, как указывает автор, понятие собственности, которое применимо к преступлениям, содержащимся в данной главе УК РФ, имеет иное содержание, что вытекает из особенностей содержания данной статьи. Такое различие проводится по разграничению понимания собственности в статическом и динамическом смысле. И, если применительно к иным преступлениям, содержащимся в главе 21 УК РФ, она рассматривается в статическом смысле к фонду собственника, то применительно к преступлению, предусмотренному ст. 165 УК РФ, в динамическом. Это проявляется в том, что в данном случае имущество не является обособленным от внешнего мира внутри фонда собственника или иного владельца, а, наоборот, оно движется и вращается в свободном финансово-экономическом пространстве [14].

Данный аргумент не раз опровергался и, по нашему мнению, следует согласиться с его критикой со стороны Барышевой Е. А., которая указывала на его неубедительность. Данный факт она связывала с тем, что автор при рассмотрении вопроса чресчур расширительно трактует понятие собственности, в результате чего фактически включает в него всю экономическую деятельность государства. Но, как отмечает автор, даже при таком понимании собственности объектом преступления все же остается она, а не объект преступления в сфере экономической деятельности [13].

Критикуя Перч Н. В., следует исходить и из того факта, что собственность применительно в гл. 21 УК РФ рассматривается как с экономической, так и с юридической точки зрения. Если с экономической точки зрения понимания собственности обосновано считать ее динамической, то с юридической точки зрения она всегда остается статической. Данный факт проявляется в том, что, несмотря на фактическое изъятие имущества из общей собственной массы потерпевшего, юридически сам факт перехода права собственности уже совершился, а, следовательно, несмотря на фактическое отсутствие у него данного имущества, оно уже входит в его имущественную массу, то есть, является его собственностью.

Возвращаясь к аргументам Перч Н. В., остановимся на втором. Так, по мнению автора, второй причиной, по которой возникает необходимость изменения расположения ст. 165 УК РФ и перенесения в следующую главу преступлений в сфере экономической деятельности, является круг потерпевших лиц в рамках рассматриваемого состава. Это вытекает, по мнению автора, из того, что, если исходить из анализа диспозиции статьи, то ясно видно, что речь идет не только о потерпевшем-собственнике, но и об ином владельце. При этом, если провести анализ ст. 216 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), то владельцем имущества не обязательно должен быть собственник, а, следовательно, речь идет не только об отношениях собственности, но также и иных вещных правах, которые не только отличаются от данной группы отношений, но и, по большей мере, тяготеют к отношениям в сфере экономической деятельности [14].

Недостаток данного подхода, если проанализировать гл. 21 УК РФ, состоит в том, что все формы, например, тех же хищений, помимо собственника указывают на такого потерпевшего, как иного владельца. Если исходить из аргумента Перч Н. В., то можно прийти к выводу, что большинство или даже все составы преступлений необходимо перенести в главу 22 УК РФ, а гл. 21 УК РФ попросту исключить, что является сомнительным решением.

Третий аргумент позиции Перч Н. В. сводится к тому, что в гл. 22 содержатся специальные составы по отношению к составу, предусмотренному ст. 165 УК РФ. К таким составам относятся ст. ст. 176, 177, 194, 198, 199 и иные [14]. Данный аргумент аналогично предыдущему выглядит необоснованным по той же причине. Существует большое количество специальных составов, которые по отношению к общему, содержатся в иной главе. Так, например, ст. 229 УК РФ, предусматривающая ответственность за хищение либо вымогательство наркотических средств, содержится в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а не в гл. 21 «Преступления против собственности». Суть специальных норм заключается в том, что они предусматривают частные случаи общих норм, что выражается в наличии особого объекта, предмета, субъекта и др., а, следовательно, исходя из этого, данные особенности могут также влиять на расположение состава преступления в соответствующей главе.

Как было указано выше, одним из критиков, но и одновременно единомышленников иного понимания объекта преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, является Барышева Е. А.. Свою позицию она выдвигает на основе критики аргументов Перч Н. В. и проведенного анализа по данному вопросу. В результате чего, автор приходит к выводу о том, что причиной необходимости отнесения данного состава к гл. 22 УК РФ является не иное понимание собственности или круга потерпевших лиц рассматриваемого состава, а тот факт, что сами отношения собственности вовсе не являются объектом. По мнению автора, объектом в данном случае выступают обязательственные отношения, а именно, такой непосредственный объект, как отношения по получению дохода от свободной и в законно осуществляемой предпринимательской или иной экономической деятельности. Свою позицию автор аргументирует, исходя из анализа гражданского законодательства, а именно, тем, что при анализе содержания ст. 209 ГК РФ, а также ст. 165 УК РФ можно прийти к такому выводу, что собственность как объект преступления предполагает наличие в отношении предмета, на который происходит посягательство, всех трех составляющих права собственности, которые вытекают из гражданского законодательства, а именно, владения, пользования и распоряжения. В свою же очередь, при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, как полагает автор, никакое из

правомочий собственника не страдает. Так, правомочие владения подразумевает под собой фактическое овладение вещью потерпевшим, что в случае причинения имущественного вреда отсутствует. Это проявляется в том, что сама вещь, на которую происходит посягательство, на момент совершения преступления еще не поступила в обладание потенциального собственника. Аналогично и с другими правомочиями. Например, такое правомочие, как пользование, подразумевает под собой возможность любым доступным способом извлекать полезные свойства из данной вещи. В связи с тем, что потерпевший вещью не владеет, то и пользоваться он ею также не может. С правомочием распоряжения идентичная ситуация. По мнению Барышевой Е. А. нельзя распоряжаться «абстрактной категорией будущего». Распоряжаться можно лишь тем, что лицо имеет фактически. Исходя из этого, Барышева Е. А. приходит к выводу, что при причинении имущественного ущерба деятельность лица направлена не на совершение посягательства на отношения собственности, а на воспрепятствование получению потерпевшим определенного дохода, который он бы мог получить при обычных условиях. Следовательно, автор приходит к выводу, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, отношения собственности не страдают [13].

Вышеизложенная точка зрения выглядит, на наш взгляд, спорной по ряду причин. Такое раздробленное понимание права собственности приводит к тому, что при отсутствии хотя бы одного из элементов этого права лицо вовсе утрачивает право собственности, что совершенно неверно. Получается, в случае посягательства на имущество, находящееся в аренде у другого лица, отношения собственности страдать не будут? Совершенно неверно. Критикуя позицию Барышевой Е. А., следует учитывать тот факт, что собственность рассматривается как в экономическом, так и юридическом смысле. О чем мы писали раньше. В случае же с Барышевой Е. А. в ее вышеизложенных аргументациях видно явное игнорирование юридического понимания собственности. Как было указано ранее, при характеристике динамического состояния собственности как важной составляющей, характеризующей особенность объекта ст. 165 УК РФ, Перч Н. В. также не обращал внимание на тот факт, что собственность и юридическая категория. Это говорит о том, что само фактическое отсутствие у лица вещи не дает основание не признавать его собственником. Данные положения вытекают из анализа действующего гражданского законодательства. Так, согласно ст. 209 ГК РФ, собственнику имущества принадлежит право владения, пользования и распоряжения своим имуществом. Возьмем один из видов договора, например, купли-продажи. Согласно ст. 458 ГК РФ, моментом исполнения обязанности продавца передать товар покупателю в случае наличия третьей стороны считается момент передачи товара этому лицу. Следовательно, можно прийти к выводу, что право собственности возникло с момента передачи товара третьему лицу, например, доверенному, которое по просьбе покупателя осуществляет доставку. Но фактически покупатель не обладает данной вещью. Получается, если исходить из вышеизложенной позиции Барышевой Е. А., в случае возникновения умысла на совершение действия, выраженного в причинении имущественного вреда путем обмана и злоупотребления доверием, у доверенного лица, посягательства на право собственности не будет. Данное положение совершенно неверно. В данном примере хоть покупатель еще не обладает правом фактического пользования и владения, юридически оно возникло с момента исполнения продавцом обязательства, а уж тем более возникло право распоряжения. Следовательно, в данном случае имущество, несмотря на фактическое отсутствие, уже входит в общую массу собственности и

юридически лицо им распоряжаться уже может, а значит, посягательство в данном случае будет на это самое право собственности.

В связи с вышеизложенным, при анализе объекта преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, необходима комплексная характеристика его экономической и юридической составляющей.

Следует учитывать, что на практике часто деяния квалифицируются по ст. 165 УК РФ, хотя вопрос о том, происходило ли посягательство на отношения собственности, остается открытым. Так, 18 февраля 2020 года было рассмотрено дело Нарьян-Марским городским судом Ненецкого автономного округа, по результатам которого был осужден Домнин по п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ. Согласно материалам дела, Домниным был заключен ряд договоров с индивидуальными предпринимателями от имени ООО «Г». По данным договорам предприниматели обязывались осуществить перевозку сыпучих грузов для третьих лиц. По результатам выполненной работы виновным было выплачено только 800 тыс. рублей, чем предпринимателям был причинен материальный ущерб в виде невыплаты должного Домниным на сумму 6, 5 млн. рублей [15].

В данном случае возникает вопрос о том, был ли причинен ущерб отношениям собственности? Действительно же налицо посягательство на отношения в сфере предпринимательской деятельности, которая относится к посягательствам на отношения в сфере экономической деятельности, предусмотренным гл. 22. Такая квалификация, на наш взгляд, осуществляется ввиду отсутствия соответствующего состава, который бы охватывал данное деяние и предусматривал за него ответственность. В результате чего правоприменитель выбрал наиболее близкий состав преступления, который расположен в гл. 21, несмотря на то, что отношениям в сфере собственности как такового ущерба причинено не было. Другая ситуация была бы, если бы гл. 22 предусматривалась ответственность за злостное умышленное неисполнение договорных обязательств, повлекшее причинение ущерба в крупном размере. В таком случае вопрос о правильности квалификации не возник бы. При этом введение такой статьи свело бы случаи применения нормы, предусматривающей уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, к единичным, то есть фактически превратило бы ст. 165 УК РФ в «мертвую» норму.

Само же предлагаемое Барышевой Е. А. и Перч Н. В. перемещение преступления, регламентируемого ст. 165 УК РФ, из гл. 21 УК РФ в гл. 22 УК РФ видится не совсем убедительным. В таком случае возникнет ряд сложностей. Во-первых, следует учитывать, что почти все преступления в области экономических отношений влекут за собой наступление определенных негативных имущественных последствий, выраженных в причинении имущественного вреда. Перенесение в действующей редакции ст. 165 УК РФ приведет к дополнительным сложностям разграничения данного преступления с теми преступлениями, которые уже содержатся в гл. 22 УК РФ, так как одно и то же деяние будет, по сути, охватываться двумя составами преступлений. Безусловно, как показало вышеизложенное решение, у судов в большинстве случаев нет иного варианта, только как квалифицировать деяние по ст. 165 УК РФ, хотя фактически оно направлено, в первую очередь, на отношения в области предпринимательства. Одним из вариантов решения данной проблемы могло бы быть выделение из статьи двух самостоятельных составов, где один предусматривал бы ответственность за «Злостное нарушение договорных обязательств, повлекшее причинение имущественного ущерба», а другой – за «Незаконное пользование электроэнергией», и помещены они были бы в главу 22 УК РФ. Но данное

решение приведет к необходимости полного реформирования ст. 165 УК РФ, а также поставит вопрос в целом о целесообразности существования такого состава преступления.

Следующим и не менее важным признаком объекта, сложность определения которого возникает при квалификации деяния лица по ст. 165 УК РФ, является предмет. Проблемой определения предмета преступления, заключающегося в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, является то, что законодатель четко не определил, что является таковым. Следует учитывать, что и наука уголовного права так же не содержит единого мнения по данному вопросу.

Можно согласиться с Маслаковой Е. А., что одной из наиболее распространенных точек зрения определения предмета преступления является та, согласно которой под таковым понимают вещи, а также элементы материального мира, которые подвергаются воздействию со стороны преступника при совершении противоправного деяния [16]. Но, по мнению ряда авторов, данная точка зрения является достаточно узкой. Так, Коржанский Н. И. считает, что при определении того, что является предметом преступления, следует учитывать, в первую очередь, не его физические свойства, а характер и содержание выражающихся в нем общественных отношений [17]. В результате чего Новоселов Г. П. приходит к выводу о том, что предметом выступают не только предметы материального мира, но и носящие нематериальный характер, при этом способные удовлетворить человеческие потребности [18].

Проблема определения предмета посягательства в преступлении, предусмотренном ст. 165 УК РФ, состоит в том, что законодатель при определении предмета преступлений против собственности определил его лишь относительно такой группы преступлений, как хищения. Так, относительно большинства форм хищений в качестве предмета рассматривается имущество в узком значении, а именно, вещи, деньги, ценные бумаги. При мошенничестве так же выделяется такой предмет, как право на имущество, а в вымогательстве – действия имущественного характера. В то же время по отношению к преступлениям, которые не являются хищениями, возникает вопрос о перечне того, что является предметом данных преступлений. При этом наука уголовного права по данному вопросу так же, как и относительно определения объекта преступления, не имеет единого мнения.

Так, следует уделить внимание тем авторам, которые в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, рассматривают имущественные права, вытекающие из обязательственных требований [19, с. 221]. Видится верным, что данный предмет в полной мере характеризует сущность данного состава преступления. Например, в случае возникшего обязательства у лица передать деньги или вещи потерпевшему, предметом выступают не сами деньги и вещи, а именно имущественное право их требовать, что, по сути, выступает не овеществленным имуществом. Противоположной точки зрения придерживается Хабаров А. В. Так, по мнению автора, в случае, если лицо обманным способом воспользовалось услугой возмездного характера, но при этом не оплатит ее, то данное деяние не будет образовывать состава преступления, предусматривающего ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Свою позицию автор обосновывает тем, что не при всех услугах возмездного характера происходит использование какого-либо имущества, как например, при оказании психотерапевтических услуг [20, с. 170]. С данной позицией сложно согласиться, так как

одним из последствий рассматриваемого состава преступления выступает упущенная выгода, которая под собой подразумевает ничто иное, как неполучение должного. В результате оказания психотерапевтических услуг лицо как раз не получает то имущество, то есть денежные средства, которые могло бы получить при обычных условиях совершения данных услуг, а, следовательно, претерпевает определенные негативные последствия не овеществленного имущественного характера.

Не исключением является и случай, когда предметом данного состава преступления выступает именно овеществленное имущество. Такая ситуация возможна, когда имущество потерпевшего выходит из его владения. Например, когда само виновное лицо возлагает бремя своих расходов на потерпевшего, а последний, в свою очередь, лишается денежных средств. Одним из примеров такого деяния является использование служебного, рабочего транспорта в личных целях и не по назначению, в результате чего расходуются горюче-смазочные материалы, которые оплачиваются потерпевшим. Следовательно, собственник или иной владелец несет имущественные потери, а точнее, ему и причиняется имущественный ущерб. Но проблема видится в том, что ущерб причиняется не тем, что потерпевший претерпевает убытки от траты на горюче-смазочные материалы, а тем, что он при обычных условиях целевого использования автотранспортного средства мог бы получить доход. В результате чего он теряет не фактическое имущество из своего фонда, а упущенную выгоду.

Так, в 2011 г. в Северодвинске Архангельской области было рассмотрено дело № 1 – 57 – 2011/ 1 в отношении начальника колонны № 3 цеха № 20 ОАО «ПО «Севмаш» М., который обвинялся в причинении имущественного ущерба в виде упущенной выгоды. Согласно материалам уголовного дела, М. был наделен обязанностью осуществлять руководство колонной, а также организацию производственной деятельности водителей и работников других цехов. М., в нарушение установленного порядка организации труда, использовал в обход оформлению надлежащим образом автомобиль ОАО «ПО «Севмаш» для перевозки строительных материалов в личных целях. В результате чего М. было незаконно использовано транспортное средство цеха № 20, что причинило компании ущерб в виде упущенной выгоды на сумму 17688, 2 рублей [7, с. 109].

Как видно в вышеизложенном примере, речь идет именно о так называемом овеществленном имуществе, а его использование было законным, но нецелевым.

На основании этого следует согласиться с мнением Михайлова К. В., который выделяет три предмета на которые происходит посягательства при совершении причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверия:

- 1) во-первых, это непосредственно имущество, которое еще не находится в фондах собственника, но он должен его получить от виновного, например, за оказанную услугу;
- 2) во-вторых, имущество, которое уже находится в фонде собственника, но оно используется виновным, что ведет к износу данного имущества;
- 3) в-третьих, так называемое не овеществленное имущество, о котором говорилось выше и выход которого из фонда собственника обусловлен обязанностью уплаты услуги потерпевшему [21, с. 89].

Следующим признаком состава преступления является объективная сторона, которая представляет собой внешнюю форму выражения преступления, проявляющаяся в деянии (действии или бездействии), вредных последствий, вызванных данным деянием, причинно-следственной связи между деянием и последствиями, а также способе, месте, времени, обстановке, орудии и средствах совершения преступления.

Изучая объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, следует остановиться на наиболее дискуссионных вопросах определения вида ущерба, а также способах совершения преступления.

Необходимость детального внимания к вопросу о виде ущерба имеет важное практическое значение, которое вытекает из того, что наличие последствий является обязательным условием наступления ответственности за оконченное преступление по ст. 165 УК РФ. Следовательно, от правильности установления ущерба зависит установление стадии совершенного преступления, его тяжести, что, в свою очередь, позволяет более правильно определить соответствующий вид и размер наказания.

За период существования действующего УК РФ, в рассматриваемую ст. было внесено кардинальное изменение, которое проявилось в том, что в 2012 г. в качестве обязательного признака было введено наступление крупного ущерба в размере 250 000 руб. При этом не все ученые и правоприменители положительно оценили данное новшество. Большая часть судебных работников сталкивается с проблемой применения ст. 165 УК РФ в связи со сложностью определения последствий, а именно, оценки ущерба. Особенно данный факт виден, исходя из указанной в начале статьи статистики проведенного опроса.

Такая проблема связана, в первую очередь, с отсутствием должных разъяснений со стороны Верховного Суда РФ по данному вопросу, а также с неопределенностью по данному вопросу со стороны ученых в теории уголовного права, несмотря на наличие следующих положений в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, где в п. 22 указано: «При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы...» [22].

Однако данное разъяснение является лишь попыткой разграничения ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ, но не отвечает на вопрос о возможности причинения при совершении анализируемого преступления реального ущерба.

По данному вопросу в свое время высказывался Хабаров А. В., который указывал на то, что, если в качестве последствия данного преступления рассматривать упущенную выгоду, то это приведет к вынесению данного преступления за рамки отношений собственности, а также необходимости перемещения данного состава преступления в другую главу уголовного закона [20].

Интересной точки зрения по данному вопросу придерживается Плохова В. И., которая выделяет третью форму ущерба, на ее взгляд, более применимую к исследуемому составу преступления. Так, по мнению автора, в данном случае характерно причинение ущерба в виде неполучения должного, что находится за рамками реального ущерба, а также упущенной выгоды [23]. Проблема состоит лишь в том, что в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ выделяются лишь ущерб в виде реального или упущенной выгоды.

Следует согласиться с мнением Логиновой Н. Г., которая связывает совершение преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, и с причинением реального ущерба. Так, по мнению автора, в случае незаконного использования чужого имущества, которое не было связано с безвозмездным изъятием, происходит его износ, что, безусловно, уменьшает его материальную ценность, а, следовательно, и ведет к причинению реального ущерба помимо упущенной выгоды [24].

Одним из ярких примеров такой ситуации является уголовное дело, рассмотренное в 2011 г. Ленинским районным судом. Согласно материалам данного дела, гражданин Т., который являлся заместителем начальника службы благоустройства и озеленения АУ г. Омска «УБ ЛАО», злоупотребив доверием, совершил причинение имущественного ущерба компании тем, что, получив заявку от К. на производство работ, не заключил с К. договор на их выполнение, а денежные средства просил передать ему лично. При выполнении данных работ были использованы техника и работники АУ г. Омска «УБ ЛАО» [7, с. 85].

Денежные средства в целях личного обогащения виновным в кассу сданы не были. По нашему мнению, в данном случае отчетливо причинение ущерба не только в виде упущенной выгоды, но и в виде реального. Данный факт проявляется в том, что лицом была использована техника компании, которая приводила как к ее износу, так и к трате горюче-смазочных материалов.

Следовательно, можно прийти к выводу, что в результате совершения преступного деяния, предусмотренного ст. 165 УК РФ, ущерб может выражаться как в форме упущенной выгоды, так и в форме реального ущерба. Но не так все просто. Как показывает практика вышеизложенных судебных решений, следует учесть, что у нас возникает две ситуации. С одной стороны, лицо нарушило договорное обязательство, чем причинило ущерб в форме упущенной выгоды собственнику, с другой стороны, обязательство заключать с клиентами такой договор.

В Конституции РФ содержится интересная норма ст. 34, которая закрепляет право каждого лица на свободное использование своего имущества в предпринимательских и иных не запрещенных законом экономических видах деятельности [1]. Следовательно, любые действия, которые ограничивают свободное использование собственником своего имущества, будут посягать на его основополагающее конституционное право. В результате чего возникает вопрос о том, если лицо, на законных основаниях осуществляющее предпринимательскую деятельность, нанимает по трудовому или иному договору лицо для выполнения работ, а последнее в личных целях ограничивает использование имущества, принадлежащее работодателю, будет ли в данном случае посягательство на отношения собственности? Видится, что нет.

По нашему мнению, упущенная выгода представляет собой категорию, относящуюся к предпринимательской деятельности. Но, безусловно, имущественный ущерб может быть причинен и в форме реального, о чем свидетельствует законное использование за счет средств работодателя горюче-смазочных материалов, но в личных целях. Получается, возникает такая ситуация, что законодатель попытался объединить в одну статью несколько уголовно-правовых норм, которые посягают на разные отношения, что и вызывает на практике такие проблемы.

Относительно реального ущерба и примера с использованием горюче-смазочных материалов возникает и иная ситуация, требующая, на наш взгляд, анализа. Как известно, уголовный закон содержит ст. 160 УК РФ, которая закрепляет такую форму хищения, как присвоение и растрата. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», как растрата рассматриваются такие действия, когда лицо в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления, расходования или передачи другим лицам. Возникает вопрос, почему суд дополнительно не квалифицировал действия в рассмотренном выше нами уголовном деле № 1–57–2011/1 в отношении начальника колонны № 3 цеха № 20 ОАО «ПО «Севмаш» М. по ст. 160 УК РФ? Согласно материалам дела, имущество было вверено М. по трудовому договору, то есть принад-

лежало ему на законных основаниях. Использовалось же оно не в трудовых, а в личных целях. В связи с этим усматривается еще один обязательный признак состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, а именно, корысть. При этом та часть объективной стороны, которая выражалась в расходовании горюче-смазочных материалов, не была учтена в процессе квалификации. Это привело к однобокому анализу возникшей ситуации. На наш взгляд, было бы логично квалифицировать действия М. по совокупности ст. 160 УК РФ и ст. 165 УК РФ, что соответствовало бы положениям действующего уголовного законодательства.

Исключить же совокупность преступлений в рассмотренной ситуации могло наличие признака незаконности относительно использования имущества, принадлежавшего ОАО «ПО «Севмаш», так как для состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, обязательным признаком является растрата именно вверенного имущества. И тогда единственным возможным вариантом стало бы привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 165 УК РФ. При этом наличие реального ущерба как конструктивного признака объективной стороны данного состава преступления ставится под сомнение, что приводит к возникновению проблем в процессе квалификации. Одним из вариантов разрешения возникшей ситуации нам видится дополнение действующего УК РФ ст. 160. 1 УК РФ «Незаконное использование чужого имущества, повлекшее причинение ущерба собственнику или иному владельцу в крупном размере».

Возвращаясь к позиции Плоховой В. И., которая связывает наступившие последствия с причинением особого вида ущерба, а именно, неполучением должного, следует установить различия данной категории с причинением упущенной выгоды. По данному вопросу высказывался Перч Н. В. По мнению автора, эти понятия имеют различную природу происхождения. Что касается неполучения должного, данное понятие применимо к случаям, когда собственнику или иному владельцу должно было поступить имущество в силу закона или иного нормативно-правового акта, но такого не происходит по вине виновного. Ситуацию с ущербом в виде упущенной выгоды автор связывает, когда собственник или иное лицо может рассчитывать на прибыль при совершении гражданско-правовых сделок, но происходит посягательство со стороны виновного лица [14].

На основе анализа вышеизложенной позиции, можно сделать вывод, что применение к анализируемому составу преступления такой категории ущерба, как неполучение должного, видится более разумным, поскольку позволяет предотвратить те сложности, которые возникают на практике с установлением не только суммы упущенной выгоды, но и причинно-следственной связи между действиями виновного и наступившими последствиями, а упущенную выгоду следует рассматривать как последствия причинения ущерба новым составом преступления, который бы посягал на нарушение договорных обязательств и содержался бы в гл. 22 УК РФ. Также видится целесообразным принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором были бы даны разъяснения по данному вопросу.

Следующим обязательным элементом объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, является способ его совершения. Так, согласно диспозиции данной статьи, выделяются два способа, а именно, обман или злоупотребление доверием. При этом, важность правильного установления данных категорий имеет практическое значение, так как они являются обязательными составляющими причинения имущественного ущерба, предусмотренного ст. 165 УК РФ, а, следовательно, их установление дает возможность отграничить данный со-

став преступление от гражданско-правового деликта, а также от иных составов преступления.

Проблема определения данных категорий состоит в том, что, несмотря на наличие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, оно дано лишь применительно к такому составу преступления, как мошенничество, которое, в свою очередь, является одной из форм хищения. При этом важным условием при квалификации деяния лица по ст. 165 УК РФ является именно отсутствие признаков хищения, так как в противном случае налицо деяние, подпадающее под преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Что касается разъяснения судебной инстанции по данному вопросу, то согласно п. 2 постановления Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», под обманом понимаются следующие действия: сознательное сообщение (представление) заведомо ложных сведений, умалчивание об истинности фактов, умышленные действия, направленные на введение лица в заблуждение. Относительно злоупотребления доверием в п. 3 того же документа дается разъяснение, что под ним понимается использование в корыстных целях доверительных отношений с владельцем или иным лицом [22].

Исходя из анализа положений данного постановления Пленума ВС РФ видно, что в нем дается лишь указание на примерный перечень деяний, которые попадают под обман или злоупотребление доверием, но не обозначено разграничение относительно использования данных категорий к составу преступления, предусмотренному ст. 165 УК РФ.

В части содержания понятий обмана и злоупотребления доверием применительно к составу преступления, предусмотренному в ст. 165 УК РФ, следует согласиться с мнением Журавлева М. П., который считает, что оно аналогично тому, что дано применительно к мошенничеству [25, с. 434]. Как верно отмечает Бугаев В. А., в данном случае все различие состоит лишь в том, какую конкретную цель преследует виновное лицо при совершении преступления. Так, по мнению автора, в случае мошенничества вся специфика совершения обмана или злоупотребления доверием состоит в том, что оно направлено на завладение чужим имуществом или же получение на него прав. В то же время, в случае с причинением имущественного ущерба конечная цель будет проявляться не в завладении, а временном заимствовании или же уклонении от передачи оплаты за предоставленные не вещные объекты собственности [26].

При этом следует выделить важную особенность обмана при изучении состава преступления, предусмотренного в ст. 165 УК РФ. Так, при совершении данного деяния собственник может и не получать ту информацию, которая вводила бы его в заблуждения, так как данные действия будут совершены по отношению к третьим лицам. При этом данный факт никак не препятствует извлечению материальной выгоды преступником. Такая ситуация возможна, например, когда лицо умышленно не уплачивает проживание в отеле, воздействуя обманным способом на администратора. Тем самым администратор, будучи введенным в заблуждение, оказывает виновному услугу, а сам собственник имущества при этом сознательно не участвует при совершении данных действий. Следовательно, он непосредственно не испытывает на себе обман, но претерпевает последствия в виде неполучения платы за оказанные услуги в его отеле.

В связи с этим, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что содержание понятия обмана при изучении рассматриваемого преступления аналогично тому, что предусмотрено при совершении мошенничества. Различия же содер-

жаться в конечной цели, которую преследует преступник, то есть в механизме извлечения незаконной имущественной выгоды.

В настоящее время происходит повсеместное внедрение компьютерных технологий в связи с развитием научно-технического прогресса. Данные новшества проникают во все сферы деятельности человечества. Этот фактор, безусловно, является одной из причин бурного развития киберпреступности. Так, согласно предоставленной в 2021 г. информации о состоянии преступности в Российской Федерации, только за 6 месяцев ее процент увеличился на 20,3 %, а доля киберпреступности в общей структуре преступлений вообще достигла 26,5 % [27]. И данный показатель растет высокими темпами. Большая часть преступлений фиксируется в сфере кредитно-финансовых отношений, а также касающихся нарушения неприкосновенности информации о частной жизни, семейной тайны при обработке персональных данных.

В результате такого влияния цифровизации на жизнь человека законодатель производит реформирование действующего законодательства с учетом реальности происходящего. Так, в 2012 г. была введена дополнительная статья к смежному (мошенничеству) с рассматриваемым составом преступления, а именно, ст. 159.6 УК РФ, которая предусматривает ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Следовательно, тем самым законодатель признал целесообразным отобразить это в действующем законодательстве в связи с различной степенью общественной опасности отдельных деяний в рамках мошенничества, предусмотрев менее строгий перечень наказаний. При этом, несмотря на достаточную схожесть составов преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ, относительно последнего такие изменения не вносились. Поэтому возникает вопрос о целесообразности внесения изменений в действующее законодательство, а именно, отображении третьего способа совершения преступления, предусмотренного в ст. 165 УК РФ. Ведь причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием с использованием компьютерной информации формирует качественно новое общественно опасное деяние, и совершение рассматриваемого преступления данным способом является не редкостью.

Так, в 2011 г. в г. Калининград Ленинским районным судом было рассмотрено дело № 1 – 244/ 11 в отношении гражданина Г. Согласно материалам уголовного дела, гражданин Г., используя персональный компьютер, имея умысел на причинение имущественного ущерба ОАО «Авиакомпания ЮТэйр», незаконно приобрел информацию о реквизитах банковской карты, владельцем которой выступал гражданин Сингапура Джой Ло. В результате приобретения данных реквизитов, реализуя в дальнейшем преступный умысел, гражданин Г. заказал авиабилеты на сайте, принадлежавшем ОАО «Авиакомпания ЮТэйр» по маршруту Калининград – Санкт-Петербург на сумму 39880 руб. Позднее ЗАО «Компания объединенных кредитных карточек» проинформировало письмом ОАО «Авиакомпания ЮТэйр» о признании счета на сумму 39880 руб. недействительным и удержало указанную сумму с ОАО «Авиакомпания ЮТэйр» в пользу владельца карты. Подобные действия гражданином Г. были совершены не единожды, в результате чего «Авиакомпания ЮТэйр» был причинен имущественный ущерб на общую сумму 172 470 руб. [7, с. 100].

Но, несмотря на наличие судебной практики, все же существует ряд проблем, препятствующих внедрению таких изменений в действующее законодательство. Во-первых, одной из причин выступает высокий уровень латентности преступлений с использованием компьютерных технологий. Во-вторых, выделение использования

компьютерных технологий в качестве отдельного способа в рамках ч. 1 ст. 165 УК РФ видится нецелесообразным по той причине, что санкция от этого не изменится, а с учетом имеющихся двух способов совершения преступления, деяние, совершенное данным способом, может полноценно охватываться ими. В-третьих, как было указано выше, это уровень общественной опасности, а соответственно назначаемого наказания. Санкция ч. 1 ст. 165 УК РФ предусматривает широкий перечень наказаний, которые охватывают ответственность за данное деяние со всех сторон. В связи с этим, принятие отдельной статьи по аналогии с мошенничеством не видится необходимым. В принципе, такая идея выглядела сомнительной и при введении дополнительной нормы (ст. 159. 6 УК РФ) в рамках мошенничества. Поэтому подобное решение относительно исследуемого состава преступления привело бы к еще большим проблемам применения ст. 165 УК РФ ввиду дополнения УК новой «мертворожденной» статьей в связи с единичными случаями ее применения, а также к необходимости ее разграничения со ст. 165 УК РФ.

Проанализировав объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, можно прийти к следующим выводам:

1) В связи с наличием сложности определения наступивших последствий, а также связанным с этим различием в объектах преступного посягательства, считаем необходимым внести в действующее уголовное законодательство следующие корректировки: дополнить действующий УК РФ ст. 160. 1 УК РФ «Незаконное использование чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу в крупном размере», которой будет охватываться причинение реального ущерба; рассмотреть вопрос о дополнении главы 22 УК РФ новой статьей, посвященной злостному нарушению договорных обязательств, которые повлекли причинение ущерба в виде упущенной выгоды.

2) Видится целесообразным принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, где будет определено, что преступными последствиями данного деяния признается также причинение ущерба в виде неполучения должного, будут последовательно изложены основания разграничения ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ, а также будут даны разъяснения по иным наиболее дискуссионным вопросам, ряд из которых не был рассмотрен в рамках данной работы, включая, например, определение понятия «имущество».

Список литературы:

1. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации: офиц. текст. – М.: Проспект, 2022. – 62 с.
2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: КоАП : текст с изменениями и дополнениями на 1 февраля 2022 года : [принят Государственной думой 20 декабря 2001 года : одобрен Советом Федерации 26 декабря 2001 года]. – Новосибирск : Норматика, 2022. – 532 с.
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации : УК : текст с изменениями и дополнениями на 1 августа 2017 года : [принят Государственной думой 24 мая 1996 года : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года]. – Москва : Эксмо, 2023. – 288 с.
4. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: «Уголовный кодекс РСФСР» (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996). – Электронные текстовые данные.
5. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 "О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года" (вместе с "Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.")/ – Электронные текстовые данные.
6. Судебная статистика РФ: уголовное судопроизводство: данные о назначенном наказании по статьям УК: сайт. – Москва, 2023.
7. Ботвин, И. В. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно – исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ботвин Илья Викторович ; Барнаульский юридический институт МВД России. – Барнаул, 2016. – 210 с.

8. Поляков, С. А. Теория состава преступления: учебник / С. А. Поляков, Т. Р. Сабитов, С. И. Сухоруков – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2011. – 186 с.
9. Трайнин, М. Н. Учение о составе преступления / Трайнин А. – М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – URL : <https://djvu.online/file/LRLjRJ2myhOaO> (дата обращения 11.08.2023). – Текст: электронный.
10. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / Познышев С.В. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: А.А. Карцев, 1912. – 668 с.
11. Пионтковский, А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
12. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963.
13. Барышева, Е. А. Объект причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2010. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-prichineniya-imuschestvennogo-uscherba-putem-obmana-ili-zloupotrebleniya-doveriem-pri-otsutstvii-priznakov-hischeniya> (дата обращения: 16.08.2023).
14. Перч, Н. В. О месте статьи 165 уголовного кодекса РФ в системе преступлений в сфере экономики // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. №12-2.
15. Приговор № 1-22/2020 1-284/2019 от 18 февраля 2020 г. по делу № 1 -22/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/teXn9xZLZKlQ/> (дата обращения: 13.04.2023). – Текст: электронный.
16. Маслакова Е. А. Определение предмета преступления как уголовно-правовой категории // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. №3 (33).
17. Коржанский, Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны.– М., 1980. – 248 с.
18. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: Норма, 2001.
19. Бойцов, А. И. Преступления против собственности. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 755 с.
20. Хабаров, А. В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно – исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Екатеринбург, 1999. – 28 с.
21. Михайлов, К. В. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления доверием как признака преступлений против собственности. - Челябинск, 2002. 147 с.
22. «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48 г. Москва "О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате". – Электронные текстовые данные.
23. Плохова, В. И. Особенная часть уголовного права: учеб. пособие.– Барнаул. – 2006. – 275 с.
24. Логина, Н. Г. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно – исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук; Сибирский федеральный университет. – Красноярск, 2007. – 187 с.
25. Журавлев, М. П. Уголовное право России. Части общая и особенная. М.: Проспект, 2014. – 784 с.
26. Бугаев В.А. Обман и злоупотребление доверием как способ причинения имущественного ущерба // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. №4.
27. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – 2021..

Skvortsova O.V., Levchenko V.V. Topical issues of determining objective signs of a crime under Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 508–524.

The article is devoted to the issues of determining the objective signs of the corpus delicti provided for in Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation in the context of the study of the problems of the application of this norm as a whole. The study was carried out taking into account a brief historical analysis of the formation and development of the institution of criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust. The paper presents statistical data, analyzes judicial practice, examines the main positions of interpretation of the provisions of criminal legislation in terms of the current version of art. 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also proposed ways to reform criminal legislation in the field of regulating liability for causing property damage by deception or abuse of trust.

Keywords: the composition of the crime, the object of the crime, the objective side, consequences, real damage, loss of profit, failure to receive due, method, deception, abuse of trust, causing property damage.

Spisok literatury:

1. Rossijskaya Federaciya. Konstituciya (1993). Konstituciya Rossijskoj Federacii: ofic. tekst. – М.: Prospekt, 2022. – 62 s.
2. Rossijskaya Federaciya. Zakony. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: КоАП : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 1 fevralya 2022 g. : [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 20 dekabrya 2001 g.: odobren Sovetom Federacii 26 dekabrya 2001 gю.]. Novosibirsk : Normatika, 2022. 532 s.
3. Rossijskaya Federaciya. Zakony. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii : UK : tekst s izmeneniyami i dopolneniyami na 1 avgusta 2017 goda : [prinyat Gosudarstvennoj dumoj 24 maya 1996 goda : odobren Sovetom Federacii 5 iyunya 1996 goda]. – Moskva : Eksmo, 2023. – 288 s.
4. «KonsultantPlyus» [Elektronnyj resurs]: «Ugolovnyj kodeks RSFSR» (utv. VS RSFSR 27.10.1960) (red.

- ot 30.07.1996). – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (data obrashcheniya: 13.08.2023).
5. «KonsultantPlyus» [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 "O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda" (vmeste s "Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.")/ – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#yCLlbbTYjSwtYffe1>
6. Sudebnaya statistika RF: ugolovnoe sudoproizvodstvo: dannye o naznachennom nakazanii po stat'yam UK: sajt. – Moskva, 2023.
7. Botvin, I. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno – ispolnitel'noe pravo»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Botvin Il'ya Viktorovich ; Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii. – Barnaul, 2016. – 210 s.
8. Polyakov, S. A. Teoriya sostava prestupleniya: uchebnik / S. A. Polyakov, T. R. Sabitov, S. I. Suhorukov – Novosibirsk : Izd-vo NGTU, 2011. – 186 s.
9. Trajnin, M. N. Uchenie o sostave prestupleniya / Trajnin A. – M.: YUrid. izd-vo MYU SSSR, 1946. – URL : <https://djuv.online/file/LRLjRJ2myhOaO> (data obrashcheniya 11.08.2023). – Tekst: elektronnyj.
10. Poznyshchikov, S. V. Osnovnyye nachala nauki ugolovnogo prava. Obshchaya chast' ugolovnogo prava. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: A.A. Karcev, 1912. – 668 s.
11. Piontkovskij, A. A. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava: Obshchaya chast' / Piontkovskij A.A. – M.: Gosyurizdat, 1961. – 666 s.
12. Brajnin, YA.M. Ugolovnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugolovnom prave / Brajnin YA. M. – M.: YUrid. lit, 1963. – 275 s.
13. Barysheva, E. A. Ob"ekt prichineniya imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem pri otsutstvii priznakov hishcheniya // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. 2010. №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-prichineniya-imushchestvennogo-uscherba-putem-obmana-ili-zloupotrebleniya-doveriem-pri-otsutstvii-priznakov-hishcheniya> (data obrashcheniya: 16.08.2023).
14. Perch, N. V. O meste stat'i 165 ugolovnogo kodeksa RF v sisteme prestuplenij v sfere ekonomiki // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. 2017. №12-2.
15. Prigovor № 1-22/2020 1-284/2019 ot 18 fevralya 2020 g. po delu № 1 -22/2020. – <https://sudact.ru/regular/doc/teXn9xZLZKIQ/> (data obrashcheniya: 13.04.2023). – Tekst: elektronnyj.
16. Maslakova E. A. Opredelenie predmeta prestupleniya kak ugolovno-pravovoj kategorii // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2014. №3 (33).
17. Korzhanskij, N. I. Ob"ekt i predmet ugolovno-pravovoj ohrany. M., 1980. – 248 s.
18. Novoselov, G. P. Uchenie ob ob"ekte prestupleniya. Metodologicheskie aspekty. M.: Norma, 2001. 208 s.
19. Bojcov, A. I. Prestupleniya protiv sobstvennosti / Bojcov A.I. – S.-Pb.: YUrid. centr Press, 2002. – 755 s.
20. Habarov, A. V. Prestupleniya protiv sobstvennosti: vliyanie grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno – ispolnitel'noe pravo»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk / Habarov Aleksandr Vladimirovich ; Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. – Ekaterinburg, 1999. – 28 s.
21. Mihajlov, K. V. Ugolovno-pravovaya harakteristika zloupotrebleniya doveriem kak priznaka prestuplenij protiv sobstvennosti CHelyabinsk: CHelyabinskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2002. 147 s.
22. «KonsultantPlyus» [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30 noyabrya 2017 g. N 48 g. Moskva "O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate". – Elektronnyye tekstovye dannye. – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283918/
23. Plohova, V. I. Osobennaya chast' ugolovnogo prava: ucheb. Posobie. – Barnaul : Izd-vo AltGU. 2006.
24. Loginova, N. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za prichinenie imushchestvennogo ushcherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem pri otsutstvii priznakov hishcheniya: special'nost' 12.00.08 «Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno – ispolnitel'noe pravo»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk; Sibirskij federal'nyj universitet. – Krasnoyarsk, 2007. – 187 s.
25. ZHuravlev, M. P. Ugolovnoe pravo Rossii. CHasti obshchaya i osobennaya : uchebnik / M. P. ZHuravlev i dr. ; pod red. A. I. Raroga. – 8-e izd., perarab. i dop. – Moskva : Prospekt, 2014. – 784 s.
26. Bugaev V.A. Obman i zloupotreblenie doveriem kak sposob prichineniya imushchestvennogo ushcherba // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. YUridicheskije nauki. 2015. №4.
27. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' – iyun' 2021 goda // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii : oficial'nyj sajt. – 2021.

УДК 343.98

**ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА И ПОТЕРПЕВШЕГО КАК СТРУКТУРНЫЕ
ЭЛЕМЕНТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
КИБЕРБУЛЛИНГА (ТРАВЛИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ)**

Чич Ю. А.

Кубанский государственный университет

В работе рассмотрены некоторые особенности личностей преступника и потерпевшего как структурные элементы криминалистической характеристики кибербуллинга. Автором отмечается, что именно названные личности являются обязательными компонентами криминалистической характеристики травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. По результату проведенного исследования делается вывод, что в общем виде потерпевшим от кибербуллинга выступает несовершеннолетнее лицо, которое является активным пользователем социальных сетей, имеющий слаборазвитые психические способности. Кроме этого, у подобных потерпевших отсутствует родительский контроль, что позволяет им активно использовать социальные сети. Также отмечается, что в общем представлении преступником кибербуллинга зачастую является мужчина в возрасте от 18 до 35 лет, обладающий определенным уровнем знаний в области информационных технологий, имеющий насильственную либо сексуальную мотивацию.

Ключевые слова: преступник, потерпевший, криминалистическая характеристика, кибербуллинг, онлайн-травля, кибертравля, интернет-травля, травля с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

На сегодняшний день кибербуллинг, выраженный в травле с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является серьезной проблемой общества и государств ввиду стремительного развития информационного пространства, а также появлением подобной преступности. Основная проблема рассматриваемого феномена заключается в том, что его последствия могут быть крайне серьезными для жертвы, включая психические проблемы, депрессию, суицидальные мысли и неблагоприятные действия.

В рамках действующего законодательства отсутствует прямая уголовная ответственность за интернет-травлю. Однако стоит обратить внимание, что ряд статей УК РФ так или иначе связан с ответственностью за подобные деяния (например: 129, 298 УК РФ (клевета), ст.130 УК РФ (оскорбления), ст. 161-162 УК РФ (угроза физическим насилием) и ст.110 УК РФ (доведение до самоубийства) и тд.).

Следует заметить, что в современном отечественном законодательстве понятийный аппарат рассматриваемого явления ещё не сформирован, поскольку отсутствует законодательно регламентированное определение кибербуллинга [13, с. 160]. Однако имеется попытка выработки дефиниции названного термина исполнительными органами власти [7].

Несомненно, кибербуллинг относится к разновидности преступного деяния, что несомненно является детерминантом разработки устойчивых криминалистических учений, в том числе в выработке учений, связанных с элементами криминалистической характеристики.

Для раскрытия темы исследования, следует отметить, что под травлей с использованием информационно-телекоммуникационных сетей понимается распространение достоверных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» с целью причинения физических и моральных страданий потерпевшему.

Не углубляясь в проблемы содержания криминалистической характеристики рассматриваемого деяния, так как это отдельный предмет исследования, необходимо акцентировать, что она включает в себя личность преступника, механизм преступного деяния, предмет преступления, потерпевшего и способ совершения общественно опасного деяния.

Особое место в криминалистической характеристике интернет-травли занимает потерпевший, что также поддерживается многими исследователями [4; 6; 8; 9]. При совершении онлайн-травли потерпевшими являются те субъекты, которые испытывают на себе психологическое давление, им присуще разрушение сложившихся ценностей, создание чувства одиночества, страха, безысходности. Наиболее яркой формой такого воздействия на жертву преступления является психическое расстройство.

Как отмечается в специальной литературе большую часть жертв кибербуллинга являются дети и подростки. По данным ВЦИОМ, более 56 % несовершеннолетних пользователей интернета в 2021 году столкнулись с буллингом, по сравнению с 2018 годом рост кибербуллинга составил 24 % [6, с. 77].

Следует обратить внимание, что следственная практика также свидетельствует о том, что зачастую с интернет-травлей сталкиваются несовершеннолетние лица. Например, большой общественный резонанс приобрело дело Филиппа Будейкина [5], который являлся администратором одной из групп, пропагандирующих суицидальные действия и вовлекающих несовершеннолетних в игру, опасную для жизни и здоровья. В другом деле обвиняемый также был куратором группы, направлял участникам задания, шантажировал и способствовал наступлению кризисного психологического состояния потерпевших [11]. Еще одним из резонансных дел стало уголовное дело группы «Синий кит», «кураторы» которой путем психологического давления также преследовали цель доведения до самоубийства потерпевшей [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что зачастую личностью потерпевшего от травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей выступают несовершеннолетние лица, которые являются активными пользователями социальных сетей, имеющие слаборазвитые психические способности.

Без сомнений, основным звеном кибербуллинга является также и преступник, так как именно им совершается общественно опасное деяние, именно от его действий наступают неблагоприятные последствия, как для жертвы, так и для окружающих и всего общества и государства в целом.

На сегодняшний день среди криминологов и криминалистов отсутствует однозначный подход к определению личности преступника [12, с. 35]. Одни исследователи считают, что данное понятие относится не ко всем лицам, совершающим преступления, а лишь к тем, для которых противоправная деятельность является основной, т. е. к профессиональным преступникам [3, с. 101].

Не углубляясь в полемику определения личности преступника следует указать, что именно его общие характеристики предоставляют возможность разработать типовой алгоритм расследования уголовного дела. Ввиду этого следует отметить, что под личностью преступника понимается некая модель, которая наделена специфическими чертами. Такой личности присущи антиобщественные взгляды, отрицательное отношение к нравственным ценностям, выбор общественно опасного пути для удовлетворения своих потребностей или не проявление необходимой активности для предотвращения общественно опасного последствия [1, с. 12].

В рамках рассматриваемого деяния преступники, использующие социальные сети для совершения противоправных деяний, имеют определенный уровень знаний в области информационных технологий, больше внимания уделяют сокрытию следов преступления и сохранению анонимности, отличаются умением легко установить эмоциональный контакт. С учетом этого, можно предположить, что данным преступникам характерен возраст от 18 до 35 лет.

Вызывает интерес позиция В.Б. Клишкова, Е.В. Стебеновой и М.А. Яковлевой, которыми разработаны типы личности изучаемого преступного деяния. По их мнению в зависимости от вида киберпреступления и личности киберпреступников возможно классифицировать на отдельные типы: идеологический тип (распространение сведений экстремистского характера, пр.); корыстный тип (предмет посягательств – как денежные средства, включая виртуальные, использование поддельных документов, так и предметы, характеризующиеся ценностью в киберпространстве (например, предметы игры)); насильственный тип (склонение к суициду, к другому убийству, к причинению вреда посредством как запугивания, так и шантажа, пр.); сексуальный тип (распространение в сети Интернет материалов порнографической направленности, вовлечение в действия развратного сексуального характера и пр.); исследовательский тип (характеризующийся самоутверждением, приобретением особого статуса в сети Интернет посредством реализации кибератак, формирования вредоносных вирусов, и пр.) [2, с. 423].

С учетом изученных уголовных дел, для травли с использованием сети Интернет свойственны насильственный и сексуальный типы личности. Таким образом, для установления личности преступника требуется выявить (установить) его мотивационные и целевые составляющие. Также следует заметить, что подобные лица чаще всего бывают мужского пола.

С учетом проведенного анализа личностей преступника и потерпевшего в рамках травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей можно сделать следующие выводы.

1. Преступник и потерпевший являются обязательными компонентами криминалистической характеристики кибербуллинга (травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей).

2. В общем виде потерпевшим от кибербуллинга выступает несовершеннолетнее лицо, которое является активным пользователем социальных сетей, имеющий слаборазвитые психические способности. Кроме этого, у подобных потерпевших отсутствует родительский контроль, что позволяет им активно использовать социальные сети.

3. Преступником кибербуллинга зачастую является мужчина в возрасте от 18 до 35 лет, обладающий определенным уровнем знаний в области информационных

технологий, имеющий определённую насильственную либо сексуальную мотивацию.

Список литературы:

- 1 Антоян Ю.М., Эминов В.Е. Личность преступника: криминологическое исследование. М., 2010.
- 2 Ахмадуллин И.Р. Киберпреступность: понятие, признаки, особенности // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 4 (43).
- 3 Блувштейн Ю.Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. 1979. № 8.
- 4 Воробьева К.А. Личностные особенности подростков, занимающих различные позиции в структуре кибербуллинга // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. № 3 (60).
- 5 Для Лиса игра закончилась: Одному из первых создателей «групп смерти» вынесли приговор. URL: <https://tg.ru/2017/07/19/regurfo/odnomu-iz-pervyh-sozdatelej-grupp-smerti-vynesli-prigovor.html>
- 6 Логвинова И.А., Сафонова К.Р. Кибербуллинг: личность несовершеннолетнего преступника // В сборнике: Молодые учёные России. Сборник статей XV Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2022.
- 7 Методические рекомендации о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети Интернет: Письмо Минобрнауки от 14.05.2018 № 08-1184 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298618/.
- 8 Мишина М.М., Воробьева К.А. Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 3.
- 9 Пашкевич О.И., Меженков М.Ю. Кибербуллинг – типы травли и их воздействие на личность // В сборнике: Современные тенденции развития системы образования. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019.
- 10 Приговор Татарского районного суда Новосибирской области от 04 апреля 2018 года // СПС Консультант плюс.
- 11 Приговор Урванского федерального районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 24 мая 2018 года по делу № 1-66/18 // СПС Консультант плюс.
- 12 Сашенков С.А., Стефанский А.Л. Криминологические особенности личности преступника, совершающего преступления в социальных сетях // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 4 (50).
- 13 Чич Ю.А. Уголовно-правовая характеристика кибербуллинга - травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Теория и практика общественного развития. 2023. № 5 (181).

Chich Y. A. Personalities of the offender and the victim as structural elements of the forensic characteristics of cyberbullying (bullying using information and telecommunication networks) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 525-529.

The paper considers some features of the personalities of the offender and the victim as structural elements of the forensic characteristics of cyberbullying. The author notes that it is these individuals who are the mandatory components of the forensic characteristics of bullying using information and telecommunication networks. Based on the results of the study, it is concluded that, in general, the victim of cyberbullying is a minor who is an active user of social networks and has underdeveloped mental abilities. In addition, such victims lack parental control, which allows them to actively use social networks. It is also noted that in the general view, the criminal of cyberbullying is often a man aged 18 to 35 years old, who has a certain level of knowledge in the field of information technology, has a certain violent or sexual or motivation.

Keywords: criminal, victim, forensic characterization, cyberbullying, online bullying, cyberbullying, Internet bullying, bullying using information and telecommunication networks.

Spisok literatury:

- 1 Antonyan YU.M., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika: kriminologo-psihologicheskoe issledovanie. M., 2010.
- 2 Ahmadullin I.R. Kiberprestupnost': ponyatie, priznaki, osobennosti // Alleya nauki. 2020. T. 1. № 4 (43).
- 3 Bluvshitejn YU.D. Ponyatie lichnosti prestupnika // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 8.
- 4 Vorob'eva K.A. Lichnostnye osobennosti podrostkov, zanimayushchihrazlichnye pozicii v strukture kiberbullinga // Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. 2022. № 3 (60).
- 5 Dlya Lisa igra zakonchilas': Odnomu iz pervyh sozdatelej «grupp smerti» vynesli prigovor. URL: <https://tg.ru/2017/07/19/regurfo/odnomu-iz-pervyh-sozdatelej-grupp-smerti-vynesli-prigovor.html>
- 6 Logvinova I.A., Safonova K.R. Kiberbulling: lichnost' nesovershennoletnego prestupnika // V sbornike: Molodye uchyonye Rossii. Sbornik statej XV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Penza, 2022.

- 7 Metodicheskie rekomendacii o razmeshchenii na informacionnyh stendah, oficial'nyh internet-sajtah i drugih informacionnyh resursah obshcheobrazovatel'nyh organizacij i organov, osushchestvlyayushchih upravlenie v sfere obrazovaniya, informacii o bezopasnom povedenii i ispol'zovanii seti Internet: Pps'mo Minobrnauki ot 14.05.2018 № 08-1184 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298618/.
- 8 Mishina M.M., Vorob'eva K.A. Psihologicheskie osobennosti lichnosti uchastnikov kiberbullinga v populyarnyh social'nyh setyah // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. 2020. № 3.
- 9 Pashkevich O.I., Mezhenov M.YU. Kiberbulling – tipy travli i ih vozdejstvie na lichnost' // V sbornike: Sovremennye tendencii razvitiya sistemy obrazovaniya. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019.
- 10 Prigovor Tatarskogo rajonnogo suda Novosibirskoj oblasti ot 04 aprelya 2018 goda // SPS Konsul'tant plyus.
- 11 Prigovor Urvanskogo federal'nogo rajonnogo suda Kabardino-Balkarskoj Respubliki ot 24 maya 2018 goda po delu № 1-66/18 // SPS Konsul'tant plyus.
- 12 Sashenkov S.A., Stefanskij A.L. Kriminologicheskie osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya v social'nyh setyah // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 4 (50).
- 13 CHich YU.A. Ugolovno-pravovaya harakteristika kiberbullinga - travli s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 5 (181).

УДК 343.98

**ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ,
СВЯЗАННЫХ С ХИЩЕНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ**

Халилев Р. А.

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проанализированы понятие и особенности преступлений, связанных с хищением бюджетных средств. Автором выявлены проблемы, возникающие при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования уголовных дел данной категории. Кроме того, предложены основные направления повышения качества оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств.

Ключевые слова: хищение, хищение бюджетных средств, преступление, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, расследование, следователь.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. [7], одним из приоритетных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности признано развитие системы выявления, предупреждения и пресечения преступных посягательств на государственную собственность, в число объектов которой входят и бюджетные средства.

В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. [6], одна из основных задач обеспечения экономической безопасности России – борьба с нецелевым использованием и хищением государственных бюджетных средств.

Согласно Прим. 1 ст. 158 УК РФ [1] под хищением понимается совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Стоит обратить внимание на повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых с бюджетными средствами. Причем способы совершения и сокрытия постоянно совершенствуются, становятся высокоинтеллектуальными, а это, в свою очередь, создает серьезные трудности, как при выявлении хищений, так и при их расследовании.

Подобные преступления негативно влияют в целом на всю государственную экономику, что неизбежно влечет за собой снижение уровня благосостояния граждан Российской Федерации. Именно поэтому направление работы правоохранительных органов, связанное с выявлением преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, является важным и актуальным для всего государства в целом. Все это свидетельствует о том, что выявление фактов хищения бюджетных денежных средств в современных условиях — актуальное направление при осуществлении оперативно-розыскной деятельности по расследованию уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств.

В структуре Министерства внутренних дел существует отдельное подразделение, которое ведает вопросами расследования преступлений, связанных с хищением

бюджетных средств, которое называется Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ. Вместе с тем уголовно-правовая политика по охране бюджетных средств от хищений не в полной мере оформлена в самостоятельное направление. Так, действующий уголовный закон не выделяет хищение бюджетных средств из общих составов хищений чужого имущества, уголовную ответственность за хищение бюджетных средств не дифференцирует от уголовной ответственности за хищение иного имущества [8, с. 15].

Однако, учитывая социально-экономическое значение бюджетных средств, их значимость и ценность, представляется, что такой подход законодателя нельзя признать оправданным. При установлении уголовно-правовых санкций следует обязательно брать в учет не только специфику бюджетных средств как предмета преступного посягательства, но и способы совершения данных преступлений, а также их субъектный состав, существенно увеличивающий общественную опасность. Предлагается в качестве меры, которая позволит усовершенствовать борьбу с преступлениями, связанными с хищением бюджетных средств, выделить данное деяние в отдельный состав. Это позволит провести дифференциацию уголовно-правовых санкций, предусмотрев более строгие меры наказания.

Преступления, связанные с хищением бюджетных средств, имеют свои особенности в процессе проведения оперативно-розыскной деятельности при расследовании и выявлении виновных лиц, привлечения их к конкретным мерам уголовной ответственности. В частности, первоначальные следственные действия связаны с тем, что следователю необходимо установить всех участников схемы по хищению бюджетных средств, так как в большинстве случаев преступление совершается группой лиц, а не единолично. Только с момента установления всех лиц, причастных к преступлению, можно будет выработать правильную версию и стратегию проводимого расследования.

На сегодняшний день не существует единого подхода к содержанию элементов оперативно-розыскной характеристики преступлений. Особенно проблематично определить необходимые элементы для расследования экономических преступлений бюджетной направленности. По нашему мнению, среди необходимых элементов можно выделить: само преступление и его общественная опасность; способ подготовки к преступлению; способ совершения преступления; личность преступника; поведение преступника после совершения преступления.

Следует обратить внимание на то, что наиболее сложной задачей осуществления оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств является доказывание объективной стороны преступления и умысла на хищение определенным способом.

Решение данной задачи наиболее трудоемко, поскольку необходимо максимально подробно зафиксировать порядок расходования бюджетных средств; установить их общий объем; проверить документы, составляемые в подтверждение факта получения и расходования указанных денежных средств согласно бюджетной росписи; получить экспертное заключение о направлениях использования бюджетных средств и т. п. [9, с. 45].

Для возбуждения уголовного дела, в соответствии со ст. 140 УПК РФ [2] необходимы поводы и основания. Подобные дела в большинстве случаев возбуждают по материалам оперативно-розыскной деятельности. Значительно реже поводом для

возбуждения уголовного дела становятся результаты прокурорской проверки или поступившие из органов государственной власти и местного самоуправления, из органов государственного финансового контроля сообщения.

Нередко наблюдаются нарушения требований статей 7 и 10 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [3], факты хищений средств из бюджета несвоевременно отражаются в актах прокурорского реагирования или же вообще игнорируются. Но как показывает обзор прокурорской практики, прокурор зачастую проводит проверку формально и своими действиями перекладывает обязанности на следователя.

К сожалению, существующая норма закона не предусматривает возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий с целью профилактики совершения преступлений рассматриваемой категории. Решение данной проблемы очевидно и состоит в необходимости включения в ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» следующего основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий «необходимость выявления и раскрытия латентных преступлений».

Еще одной проблемой при расследовании преступлений в сфере хищения бюджетных средств, являются длительные сроки проведения проверок. Проверка финансовой деятельности может проводиться только после завершения отчетного периода. Длительность проверки, как правило, составляет около 45 дней, после чего материалы передаются в органы МВД для рассмотрения возможности возбуждения уголовного дела. В рамках ст. 144 УПК РФ следователь дополнительно перепроверяет информацию путем проведения дополнительных проверок.

Также проблемой является отсутствие правового закрепления единых форм оперативно-служебных документов, которые составляются оперативными сотрудниками при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. На законодательном уровне не определен, не только перечень и форма составляемых оперативно-служебных документов, но и точный состав участников оперативно-розыскных мероприятий. Это приводит к тому, что сотрудники оперативных подразделений вынуждены использовать для составления соответствующей документации различные методические рекомендации и пособия, которые нередко противоречат друг другу [10, с. 710].

Осложняется расследование также и тем, что раскрытие таких преступлений требует от работников ОВД специальных знаний во многих отраслях права: финансового, налогового, бюджетного. К сожалению, органы дознания и предварительного следствия не выполняют на сегодняшний день в достаточном объеме возложенную на них информационно-аналитическую функцию.

Квалификация сотрудников следственных органов должна постоянно повышаться, активно следует внедрять информационно-коммуникационные технологии. Предлагается также на уровне методических рекомендаций разработать пособие по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с хищением бюджетных средств. В частности, органы внутренних дел при выявлении причин совершения преступлений обязаны принимать меры, которые закреплены в ч. 4 ст. 12 ФЗ «О полиции» [4].

Кроме того, на государственном уровне следует разработать и принять меры, которые будут направлены на реализацию национальных программ по противодействию данным видам преступлений. Основные и ключевые полномочия следует возложить на органы дознания, предварительного следствия, оперативно-розыскные

органы, которые бы в должной мере защищали бюджетные средства, благодаря которым финансируются государственные программы, проекты.

Процессы цифровизации неизбежно влияют на деятельность по выявлению и расследованию преступлений, связанных с хищением бюджетных средств. Преступники активно используют в своих преступных деяниях доступ к различным электронным ресурсам, преследуя при этом незаконные цели. С использованием ресурсом сети Интернет, мобильной связи, денежных переводов, электронных кошельков, появлением виртуальных валют и преступников появилось больше способов совершения преступлений [5]. Все это активно применяется, в том числе, и в преступлениях, которые связаны с хищением бюджетных средств. Следовательно, все перечисленные факторы и обстоятельства приводят к тому, что правоохранителям приходится бороться с новыми вызовами современности, поэтому постоянно необходимо усовершенствовать свои умения и навыки в профессиональной сфере.

Выявление закономерностей оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, позволит определить совокупность мер, которые будут направлены на повышение эффективности данных мероприятий. Путем обоснования с позиций теории комплекса таких мер будет достигнута такая цель, как сокращение негативного воздействия факторов на сферу нормального функционирования и целевого использования бюджетных средств.

В первую очередь, сотрудниками правоохранительных органов должны быть установлены те источники, откуда исходить реальная угроза совершения преступлений, связанных с хищением бюджетных средств, которые необходимо исследовать полно и всесторонне. Подробному и детальному анализу также подлежит и состав исследуемых преступлений, так как здесь необходимо обратить внимание на особенности субъектного состава, объективной стороны, в частности, такого его признака, как наступившие последствия. Все перечисленное в совокупности позволит разработать эффективную методику расследования преступлений, связанных с хищением бюджетных средств.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. N 52 (часть I) ст. 4921.
3. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995 N 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 14 августа 1995 г. N 33 ст. 3349.
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.08.2020, № 31 (часть I), ст. 5018.
6. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208 "О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года" // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. N 20 ст. 2902.
7. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351.
8. Борисов С. В. О целесообразности выделения хищения бюджетных средств в самостоятельный состав преступления / С. В. Борисов, С. С. Моисеев // Закон и право. – 2019. – № 2. – С. 15-16.

9. Лапин В. О. Обеспечение возмещения ущерба по уголовным делам о преступлениях, связанных с освоением бюджетных средств / В. О. Лапин // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 4(40). – С. 41-45.

10. Лубенченко И. В. Отдельные проблемы осуществления ОРМ по преступлениям коррупционной направленности и преступлениям связанным с хищением бюджетных средств / И. В. Лубенченко, Д. Ю. Мамонтов // Актуальные вопросы политики и права. – 2019. – Т. 3, № 1(28). – С. 709-712.

Khalilev R. A. Problems of carrying out operational investigative activities in the investigation of criminal cases related to embezzlement of budget funds // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 530–534.

The article analyzes the concept and features of crimes related to embezzlement of budget funds. The author identifies the problems that arise in the implementation of operational investigative activities in the process of investigating criminal cases of this category. In addition, the main directions of improving the quality of operational investigative activities in the investigation of criminal cases related to embezzlement of budget funds are proposed.

Key words: embezzlement, embezzlement of budget funds, crime, operational investigative activities, operational investigative measures, investigation, investigator.

Spisok literatury:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Article 2954.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 24, 2001 N 52 (part I) Article 4921.

3. Federal Law "On operational investigative activities" of 12.08.1995 N 144-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of August 14, 1995 N 33, Article 3349.

4. Federal Law of 07.02.2011 No. 3-FZ "On Police" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 14.02.2011, No. 7, Article 900.

5. Federal Law No. 259-FZ of 31.07.2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 03.08.2020, No. 31 (Part I), Article 5018.

6. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2017 N 208 "On the Strategy of economic security of the Russian Federation for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation of May 15, 2017 N 20 art. 2902.

7. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 N 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation Of July 5, 2021, No. 27 (Part II) of Article 5351.

8. Borisov S. V. On the expediency of allocating embezzlement of budgetary funds as an independent crime / S. V. Borisov, S. S. Moiseev // Law and Law. – 2019. – No. 2. – pp. 15-16.

9. Lapin V. O. Ensuring compensation for damages in criminal cases of crimes related to the development of budgetary funds / V. O. Lapin // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2016. – № 4(40). – Pp. 41-45.

10. Lubenchenko I. V. Some problems of the implementation of the ORM on corruption-related crimes and crimes related to embezzlement of budget funds / I. V. Lubenchenko, D. Y. Mamontov // . – 2019. – Vol. 3, No. 1(28). – pp. 709-712.

УДК 343.231

О ВОПРОСЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ

Ховавко С. М., Овчаренко Д. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье раскрывается вопрос об определении алгоритма действий участников следственно-оперативной группы на месте обнаружения неопознанного трупа, а также указывается на необходимость тщательного исследования места происшествия и прилегающей к нему территории. В частности, обосновано, что по прибытию на место следственно-оперативной группы, залогом эффективной работы является дифференциация полномочий на месте происшествия среди прибывших сотрудников. Обращено внимание на острую потребность подробного запечатления места происшествия. Оставленные на месте следы носят объективный характер и не могут самопроизвольно исчезнуть за короткий промежуток времени, в отличие от возможных очевидцев, свидетелей и лиц, сообщивших о неопознанном трупе. Обосновано, что при изучении места происшествия не менее значимым является выявление и осмотр камер наблюдения в районе обнаружения неопознанного трупа, а также возможных путей подхода-отхода к месту происшествия. Отмечено, что результативность идентификации личности неопознанного трупа во многом зависит от согласованности действий прибывшей на место следственно-оперативной группы, постановки целей и задач, распределения полномочий и качества её реализации.

Ключевые слова: идентификация личности, неопознанный труп, следственно-оперативная группа, оперативно-розыскная деятельность.

Одним из органов исполнительной власти, который наделен компетенцией осуществлять оперативно-розыскную и экспертно-криминалистическую деятельность, является Министерство внутренних дел Российской Федерации, что в полном объеме позволяет выполнять поставленные перед ним цели и задачи, одной из которых является идентификация личности неопознанного трупа.

Исходя из п. 15 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» на полицию возлагают обязанности «принимать меры по идентификации лиц, которые по состоянию здоровья, возрасту или иным причинам не могут сообщить сведения о себе, а также меры по идентификации неопознанных трупов» [1]. Результативность этой деятельности во многом зависит от слаженной работы сотрудников органов внутренних дел, качественного проведения судебно-экспертной работы, полноты оперативно-розыскных мероприятий, а также своевременности наполнения и объективности ведомственных учетов и сопутствующих баз данных.

Однако, поставленная цель по установлению личности неопознанного трупа не сможет быть достигнута при отсутствии четкого плана действий сотрудников органов внутренних дел, с учетом их полномочий, и без соблюдения сжатых временных рамок, что в свою очередь создает необходимость выбора верного алгоритма проводимых мероприятий.

По прибытию на место обнаружения неопознанного трупа следственно-оперативной группы, включающей в себя следователя, оперативного сотрудника, судебно-медицинского эксперта и эксперта-криминалиста, залогом эффективной работы является дифференциация полномочий на месте происшествия среди прибывших сотрудников органов внутренних дел. Обращаем внимание на острую потребность подробного запечатления места происшествия. Оставленные на месте

следы несут объективный характер и не могут самопроизвольно исчезнуть за короткий промежуток времени, в отличие от возможных очевидцев, свидетелей и лиц, сообщивших о неопознанном трупе. Таким образом, с учетом сложившейся обстановки деятельность сотрудника оперативного подразделения должна быть быстрой, где приоритетом будет проведение опроса среди лиц, потенциально располагающих информацией, при этом уточнению подлежат вопросы о возможности опознания неопознанного трупа, о связях погибшего лица, наличии маргинально настроенных лиц, проживающих в близлежащей местности. Не менее значимым является выявление и осмотр камер наблюдения в районе обнаружения неопознанного трупа, а также возможных путей подхода-отхода к месту обнаружения неопознанного трупа. Полученная информация позволит установить возможные контакты погибшего лица, направление его движения, что при удачном стечении обстоятельств позволит определить район его прижизненного нахождения и обстоятельства, предшествующие смерти, в том числе его последние контакты [2].

Кроме того, слаженная работа следователя и оперативного сотрудника совместно с судебно-медицинским экспертом и экспертом-криминалистом на месте происшествия является успешным залогом к выполнению поставленной перед ними цели. Судебный эксперт делает первичный осмотр трупа на месте происшествия, помогает описать положение трупа на момент осмотра, устанавливает наличие повреждений и определяет их характер. При этом, криминалист детально фиксирует обстановку места происшествия с использованием всех приемов съемки (ориентирующая, обзорная, узловая, детальная), при этом труп может быть зафиксирован на всех фотоснимках [3, с. 106]. Обязательным к осмотру являются возможные пути прибытия, что позволит исключить или наоборот – установить следы волочения трупа, подъезд транспортных средств или иные способы внешнего воздействия на него. По возможности необходимо определить вещи, принадлежащие погибшему с последующим изъятием и направлением на соответствующие экспертные исследования. Практике известны случаи, когда лицо погибает в состоянии опьянения, что предполагает наличие проблем с координацией движения, а также падения с высоты собственного роста, которые сопровождаются соответствующих травм и выпадением личных вещей. Существенно упрощают процесс установления личности неопознанного трупа такие вещи, как документы (в идеале паспорт, что является достаточно редким явлением), пенсионное удостоверение, банковские карты, записки, чеки, сотовые телефоны. Даже при существенном механическом повреждении сотовых телефонов не исключается возможность использования их сим-карт в другом телефоне. Эти факты должны находить свое отражение в соответствующем протоколе.

Грамотным решением считается непосредственное участие оперативного сотрудника при осмотре трупа, его антропоморфных и физиологических особенностей, местности и окружающей обстановки в непосредственной близости с погибшим. Владея специальными познаниями в оперативно-розыскной деятельности, а также будучи осведомленным об особенностях оперативной обстановки на территории обслуживания, в том числе о проживающих на ней лицах, оперативный сотрудник получает возможность выявить определенные умозаключения и выдвинуть соответствующие версии о личности погибшего и об обстоятельствах его смерти. Примером тому может быть ситуация 10.09.2022 года в лесу Ленинского района

г. Перми, где был обнаружен мужчина с татуировкой на спине и рюкзаком, в котором находилась копилка в форме черепа. Идентифицировать погибшего удалось благодаря силам подразделения уголовного розыска. По нанесенной на его тело татуировке и после проведенного предъявления для опознания.

Для решения задач оперативно-розыскной деятельности оперативному сотруднику необходимо знать признаковую характеристику объектов поиска [4]. Осматривая окружающую обстановку сотрудники уголовного розыска выявляют не только следы волочения, но и обязаны определять возможные признаки оказания сопротивления потерпевшим, о чем могут свидетельствовать сорванные элементы одежды, отпечатки низа подошвы обуви, поломанные и (или) разбросанные предметы. Подобная информация должна найти свое отражение в протоколе осмотра места происшествия, однако, вместе с этим, оперативный интерес представляют отпечатки следов обуви, которые могут быть ранее зафиксированы в трасологических учетах. Более того, могут быть выявлены не только документы, прямо идентифицирующие личность, но и указывающие на вероятность пребывания погибшего или лиц, находившихся с ним поблизости в различных местах: комиссионный договор (комиссионный магазин), продуктовые чеки (продовольственный магазин), транспортные билеты (общественный транспорт), талоны электронной очереди (государственные и муниципальные учреждения) и т.д. Несмотря на свою обыденность, существенный оперативный потенциал несут в себе обнаруженные на месте бутылки алкогольной продукции или пачки из-под сигарет. Так, согласно налогового законодательства России этиловая и сигаретная продукция подлежит обязательной сертификации и наложению акцизной марки, которая по своей сути является уникальным порядковым значением исключительно данного товара в товарообороте на территории всего государства. Выявление на месте акцизного товара позволяет обратиться в налоговые органы с мотивированным запросом о предоставлении информации по поводу поставки указанного объекта, а также наименования юридических лиц, осуществлявших с ними какие-либо действия (транзит, хранение, реализация), что позволяет оперативным сотрудникам установить розничную торговую точку. С учетом актуальных тенденций оснащения всех торговых помещений камерами видеонаблюдения, истребование записей с камер видеонаблюдения при полученной информации представляется востребованным и эффективным решением.

Согласно Федерального закона от 03.12.2008 № 242-ФЗ «О государственной генетической регистрации в Российской Федерации» [5] и Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [6] обязательной биологической и дактилоскопической регистрации подлежат неопознанные трупы для установления их личности. Кроме того, в ведении экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации имеются полномочия по ведению краниологического учета, а именно по черепам погибших лиц, где одним из способов идентификации является биометрия. Так, дактилоскопирование и получение биологически активных образцов трупа следует производить с участием специалиста-криминалиста экспертно-криминалистического подразделения МВД России, обладающего специальными знаниями в области криминалистической техники, при этом придерживаясь общих и частных правил и рекомендаций.

Полученная дактилоскопическая карта трупа направляется в специализированное подразделение, где подлежит исследованию, сканированию и помещается в базу данных «Папилон», где с помощью автоматизированного поиска выявляются совпадения среди ранее внесенных папиллярных узоров пальцев рук. В случае выявления совпадений специалист подготавливает справку-сообщение, о чем информируется дежурная часть и инициатор [7]. Схожая ситуация с проверкой биологически активных элементов по имеющейся федеральной геномной базе данных.

Таким образом, результативность идентификации личности неопознанного трупа во многом зависит от согласованности действий прибывшей на место следственно-оперативной группы, постановки целей и задач, распределения полномочий и качества её реализации. Гармоничная работа прибывшей на место следственно-оперативной группы при экспертной поддержке направлена на всесторонний сбор объективных и субъективных следов произошедшего, тщательный анализ, которых позволит не только сократить круг представляющих интерес сведений, но и выстраивать оперативные и следственные версии, отработка которых позволит идентифицировать личность погибшего. Тем не менее одним из ключевых действий является отображение папиллярных узоров пальцев рук и биологически активных объектов, проверка которых по имеющимся базам данных позволит идентифицировать личность неопознанного трупа.

Список литературы:

1. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/12182530/>
2. Пестрецов М.А., Зоз В.А. Использование инновационных методик правоохранительными органами при раскрытии и расследовании преступлений // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 289-291.
3. Фокин Е.С. Комплекс оперативно-розыскных мероприятий, проводимых с целью установления личности неопознанного трупа и связанных с железнодорожным травмированием // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 24. С. 105–107.
4. Иванов С.И. Признаковая характеристика объектов поиска в оперативно-розыскной деятельности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 4. С. 203–208.
5. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2008 № 242-ФЗ. СП «Гарант.ру». URL <https://base.garant.ru/12163758/>
6. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Федерального закона от 25.07.1998 № 128-ФЗ. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/179140/>
7. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 10.02.2006 № 70. СП «Гарант.ру». URL: <https://base.garant.ru/56564978>

Khovavko S.M., Ovcharenko D.A. On the issue of identifying unidentified corpses // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 535–539.

The article reveals the question of determining the algorithm of actions of the participants of the investigative task force at the site of the discovery of an unidentified corpse, and also indicates the need for a thorough investigation of the place of the incident and the adjacent territory.

In particular, upon arrival at the scene of the investigative task force, the key to effective work is the differentiation of powers at the scene among the arriving employees. We draw attention to the urgent need for a detailed impression of the scene of the incident. The traces left on the spot are objective in nature and cannot spontaneously disappear in a short period of time, unlike possible eyewitnesses, witnesses and persons who reported an unidentified corpse.

When studying the scene of the incident, it was found that no less significant is the identification and inspection of surveillance cameras on the territory of the discovery of an unidentified corpse, as well as possible escape routes. The information obtained will allow us to establish possible contacts of an unidentified corpse, the direction of its movement, which, with a successful combination of circumstances, will allow us to determine the area of its residence.

It should be noted that the effectiveness of identifying the identity of an unidentified corpse largely depends on the coordination of the actions of the investigative task force that arrived at the scene, setting goals and objectives, the distribution of powers and the quality of its implementation.

Keywords: identity identification, unidentified corpse, investigative task force, place of discovery.

Spisok literatury:

1. O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ. SP «Garant.ru». URL: <https://base.garant.ru/12182530/>
2. Pestrecov M.A., Zoz V.A. Ispol'zovanie innovacionnyh metodik pravoohranitel'nymi organami pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2019. № 6 (133). S. 289-291.
3. Fokin E.S. Kompleks operativno-rozysknyh meropriyatij, provodimyh s cel'yu ustanovleniya lichnosti neopoznannogo trupa i svyazannyh s zheleznodorozhnym travmirovaniem // Vestnik HGU im. N.F. Katanova. 2018. № 24. S. 105–107.
4. Ivanov S.I. Priznakovaya harakteristika ob"ektov poiska v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. 2018. № 4. S. 203–208.
5. O gosudarstvennoj genomnoj registracii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 03.12.2008 № 242-FZ. SP «Garant.ru». URL <https://base.garant.ru/12163758/>
6. O gosudarstvennoj daktiloskopicheskoj registracii v Rossijskoj Federacii: Federal'nogo zakona ot 25.07.1998 № 128-FZ. SP «Garant.ru». URL: <https://base.garant.ru/179140/>
7. Ob organizacii ispol'zovaniya ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii (vmeste s «Instrukciej po organizacii formirovaniya, vedeniya i ispol'zovaniya ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii», «Pravilami vedeniya ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii»): prikaz MVD Rossii ot 10.02.2006 № 70. SP «Garant.ru». URL: <https://base.garant.ru/56564978>

СРОЧНО В НОМЕР

УДК 343.228

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ОСВОБОЖДАЕМЫХ ИЗ
МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Пикин И. В.

Владимирский юридический институт ФСИН России

Исследование посвящено анализу действующего законодательства направленного на совершенствование системы социальной реабилитации осужденных, освобождаемых из мест лишения. В работе автором анализируется современное законодательство в области социальной реабилитации осужденных, освобождаемых из мест лишения с учетом основных положений развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р и Федеральный закон от 06.02.2023 N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что Федеральный закон от 06.02.2023 N 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» не лишен противоречий, которые требуют своего устранения до его вступления в силу. В заключение исследования автор приходит к выводу о необходимости более тщательной проработки вопросов связанных с определением направлений совершенствования отдельных в целях придания закону практической направленности и упрощения вопросов его реализации.

Ключевые слова: правовое положение; социальная реабилитация осужденных; адаптация осужденных.

Современное развитие уголовно исполнительной системы продемонстрировало стремление государства придать работе учреждений уголовно-исполнительной системы социальную направленность, активно привлекая к процессу социальной адаптации и исправлению осужденных институты гражданского общества, тем самым достижения целей уголовного наказания.

Подобные задачи ставились перед Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р. В период с 2010 по 2020 год разработаны и приняты законодательные акты, направленные, в том числе на гуманизацию законодательства Российской Федерации, решение проблем, связанных с исполнением уголовных наказаний и исправлением осужденных, соблюдение прав и улучшение условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных [4].

Основными целями Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р, основанными на принципах обеспечения верховенства закона, соблюдения и защиты прав и свобод человека, укрепления государственности, являются: обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и гуманизация условий отбывания наказаний и мер пресечения; совершенствование правового регулирования в сфере реализации мер пресечения и исполнения уголовных наказаний с учетом международных обязательств Российской Федерации и общепризнанных норм международного права, профилактика совершения преступлений; исправление осужденных, предполагающее обеспечение исполнения наказания в условиях, не унижающих человеческого

достоинства, соответствующих законодательству РФ и международным стандартам, совершенствование воспитательной, психологической и социальной работы с осужденными, направленное на формирование уважительного отношения к обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития; повышение эффективности уголовно-исполнительной системы, предусматривающее совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала; повышение уровня открытости и формирование положительного мнения о деятельности пенитенциарной системы [5].

В качестве первоочередной задачей действующей Концепции стоит создание и развитие системы пробации. Результатом усилий направленных на реализацию первоочередных задач стал Федеральный закон от 06.02.2023 N 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации" который вступает в силу с 1 января 2024 года. По сути, данный закон становится отправной точкой на пути решения основной задачи, которую ставит перед собой государство в отношении лиц, совершивших преступление, и которым назначено уголовное наказание, иные меры уголовно-правового характера, а также лицо, освобождённое из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

В соответствии ст. 5 ФЗ №10 от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) пробация – совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц. В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 9 трудная жизненная ситуация – обстоятельство или обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности лиц, в отношении которых применяется пробация, и последствия которых они не могут преодолеть самостоятельно [6]. То есть законодатель не указал, какую ситуацию следует признать трудной, однако исходя из задач пробации к которой относятся создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина, перечень подобных ситуаций является весьма широким и не является исчерпывающим, а субъекты пробации вправе самостоятельно определять, что к ним относится. Вместе с тем при анализе ФЗ «О пробации» ответ на вопрос о том, как и что должно учитываться для признания нахождения лица в трудной жизненной ситуации мы не нашли. На наш взгляд в ФЗ «О пробации» необходимо изложить перечень критериев признания нахождения лица в трудной жизненной ситуации либо обозначить ситуации, в которых лицам будет отказано в предоставлении помощи, дабы избежать путаницы и субъективизма при решении данного вопроса. При этом необходимо учитывать индивидуальный и дифференцированный подход к вопросам, решаемым в процессе пробации.

Аналогичного мнения в своем исследовании придерживается В.Г. Громов, Д.К. Аксенова по мнению которых необходимым исключить из дефиниции пробации категорию лиц, «оказавшихся в трудной жизненной ситуации». Считаем, что данное словосочетание носит исключительно оценочный характер и создает почву для дискриминационных кейсов в отношении осужденных, у которых, может быть, "не совсем трудная жизненная ситуация" в силу того, что, к примеру, осужденного ждут семья и друзья за пределами мест лишения свободы, он не теряет связь с близкими во время пребывания в местах лишения свободы [1].

Отдельные пробелы и упущения данного закона по мнению ряда авторов требуют доработки или уточнения.

К примеру, ряд авторов считают необходимым добавить «медиативные меры» в определение ресоциализации в Законе о пробации. Законодатель говорит о помощи в трудоустройстве, мерах социально-экономического характера, профилактике правонарушений, но эти меры оказываются совершенно бесполезными, если человек не умеет себя вести вне тюремного общества, не чтит и не уважает общественный порядок, не уважает других, не умеет договариваться и общаться [2].

Также по мнению Смирнов А.М. недостатком ФЗ «О пробации», на который он обратил внимание, невключение в круг лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в нашей стране, осужденных к наказанию в виде содержания в дисциплинарной воинской части [3].

Полагаем, что закон на определенном этапе закон потребует внесения ряда изменений, как в сам закон, так и издание дополнительных нормативных и правовых актов, так как в нынешней редакции он не лишен пробелов и противоречий.

На основании изложенного также считаем необходимым изложить мнение относительно вопросов пробации в целях придания закону практической направленности и упрощения вопросов его реализации:

- в области реализации осужденными своих возможностей в вопросах восстановления социальных связей, способностей в труде и профессиональном обучении и социальном обеспечении;

- в области постпенитенциарной ресоциализации социально-уязвимых категорий осужденных.

В области реализации осужденными своих возможностей в вопросах восстановления социальных связей, способностей в труде и профессиональном обучении и социальном обеспечении в процессе ресоциализации на наш взгляд необходимо решить ряд задач;

- разработать единый стандарт организации технического обеспечения получения высшего образования в исправительных учреждениях посредством сети «Интернет», используя опыт УФСИН России по Республике Коми;

- проводить мониторинг наиболее востребованных профессий как по регионам, так и в целом по России, в целях подготовки специалистов в исправительных учреждениях, с учетом их востребованности на рынке труда.

- рассмотреть вопрос о возможности привлечения работников служб занятости к проведению в дистанционном формате занятий по подготовке осужденных к освобождению;

– проработать вопрос о подключении учреждений, исполняющих наказания, к системе межведомственного электронного взаимодействия в соответствии со ст. 33 Закона о пробации;

– рассмотреть вопрос о возможности создания электронного документооборота между учреждениями, исполняющими наказания, и субъектами пробации с целью ускорения получения информации по наиболее важным вопросам;

– проработать вопрос о возможности использования работниками учреждений, исполняющих наказания, статистических данных, размещаемых на единой цифровой платформе «Работа в России», для проведения мониторинга имеющихся вакансий и профессий, востребованных на рынке труда субъектов Российской Федерации;

– рекомендовать органам занятости населения субъектов Российской Федерации осуществлять мониторинг реестра работодателей, активно участвующих в трудоустройстве лиц, освободившихся от отбывания наказания, и информировать территориальные органы ФСИН России;

– разработать единую форму соглашения о взаимодействии между учреждениями и органами УИС с коммерческими и некоммерческими организациями в вопросах осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация (ст. 6 Закона о пробации);

– проработать вопрос о расширении участия священнослужителей централизованных религиозных организаций в работе по духовно-нравственному просвещению осужденных к наказаниям, не связанных с изоляцией от общества;

– рассмотреть возможность разработки современных информационных технологий, в том числе мобильных приложений, для улучшения социального ориентирования лиц, освободившихся из мест лишения свободы;

– изучить и рассмотреть вопрос о распространении во взаимодействии с Социальным фондом России в части дистанционного взаимодействия осужденных со специалистами СФР с использованием информационного терминала.

– при доработке проекта Постановления Правительства Российской Федерации, предусмотренного ч. 4 ст. 34 Закона о пробации, включить в перечень органов и организаций, имеющих доступ к единому реестру лиц, в отношении которых применяется пробация, органы и учреждения занятости населения, внутренних дел, местного самоуправления и иных организаций.

В области постпенитенциарной ресоциализации социально-уязвимых категорий осужденных предлагаем уделить пристальное внимание вопросам связанным:

– оказанием содействия в части обеспечения жильем осужденных, отнесенных к категориям детей-сирот и лиц из числа детей-сирот, а также иных категорий граждан, которым в соответствии с законодательством российской федерации положено обеспечить жильем;

- налаживанием взаимодействия с органами исполнительной власти в части оказания помощи в бытовом устройстве после освобождения лицам, не имеющим постоянного места жительства и имеющими социально опасные заболевания; рассмотреть вопрос о включении положений в части обязанностей администраций учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в проекты нормативных правовых актов, предусмотренных Законом о пробации;

- направлениям осужденных – инвалидов в соответствующие специализированные учреждения с учетом положений законодательства в сфере социальной защиты населения, рассмотреть вопрос о включении положений в части обязанностей администраций учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, в проекты нормативных правовых актов, предусмотренных Законом о пробации.

Решение предложенных нами задач будут способствовать решению целей и задач, изложенных в законе, но и способствовать достижению целей уголовного наказания в целом.

Список литературы:

1. Громов В.Г., Аксенова Д.К. Пробация в Российской Федерации // Современное право. 2023. N 5. С. 101 - 104.
2. Громов В.Г., Аксенова Д.К. Пробация в Российской Федерации // Современное право. 2023. N 5. С. 101 - 104. ; Громов В.Г. О правовых основах применения медиации в исправительных учреждениях / В.Г. Громов, Д.К. Сарсеналиева // Журнал российского права. 2019. N 12. С. 140 - 149.
3. Смирнов А.М. К вопросу о круге лиц, в отношении которых планируется применять пробацию в России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2023. N 2. С. 11 - 13.
4. Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации, от 14 октября 2010 г. № 1772-р.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года»
6. Федеральный закон от 06.02.2023 N 10-ФЗ "О пробации в Российской Федерации.

Pikin I. V. The main directions of improving the system of social rehabilitation of convicts released from prison // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – T. 9 (75). № 3. – P. 540-544.

The study is devoted to the analysis of the current legislation aimed at improving the system of social rehabilitation of convicts released from prison. In the work, the author analyzes the current legislation in the field of social rehabilitation of convicts released from places of deprivation taking into account the main provisions of the development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030 approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/29/2021 N 1138-r and Federal Law dated 02/06/2023 N 10-FZ "On probation in the Russian Federation". In the course of the research, the author comes to the conclusion that the Federal Law of 06.02.2023 N 10-FZ "On probation in the Russian Federation" is not devoid of contradictions that require its elimination before its entry into force. In conclusion, the author comes to the conclusion that there is a need for a more thorough study of issues related to the definition of areas of improvement of individual in order to make the law practical.

Keywords: legal status; social rehabilitation of convicts; adaptation of convicts.

Spisok literatury:

1. Gromov V.G., Aksenova D.K. Probaciya v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2023. N 5. S. 101 - 104.
2. Gromov V.G., Aksenova D.K. Probaciya v Rossijskoj Federacii // Sovremennoe pravo. 2023. N 5. S. 101 - 104. ; Gromov V.G. O pravovyh osnovah primeneniya mediacii v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah / V.G. Gromov, D.K. Sarsenalieva // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. N 12. S. 140 - 149.
3. Smirnov A.M. K voprosu o krugе lic, v otnoshenii kotoryh planiruetsya primenyat' probaciyu v Rossii // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. 2023. N 2. S. 11 - 13.
4. Konceptiyu razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 goda. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii, ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r.
5. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.04.2021 N 1138-r «O Konceptcii razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda»
6. Federal'nyj zakon ot 06.02.2023 N 10-FZ "O probacii v Rossijskoj Federacii.

УДК 342

**ЗАКОН О МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ФИНЛЯНДИИ 2015 Г. И ЕГО ПОСЛЕДУЮЩЕЕ РАЗВИТИЕ**

Великая О. С.

*Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
МЧС России*

В данной публикации раскрывается содержание Закона о медицинских учреждениях для заключенных 2015 г. Финляндии с смежными законами и дополнениями 2023 г., вступающими в силу в 2024 г. Вместе с тем в работы изложены основные составляющие созданной в Финляндии системы служб, занимающихся вопросами деятельности пенитенциарной системы страны и специфика их взаимодействия между собой. Непосредственно вопросами охраны здоровья осужденных занимаются; министерство социального обеспечения и здравоохранения, региональные органы государственного управления Отдел охраны здоровья заключенных, Группа по охране здоровья заключенных при Национальном институте здравоохранения и социального обеспечения, Агентство уголовных наказаний, Агентство регионального государственного управления, Национальный органа надзора за благосостоянием и здоровьем и т.д.

Ключевые слова: Финляндия, заключенные, государственные органы, охрана здоровья, реабилитация, инспектор.

Система медицинских и иных учреждений Финляндии, занимающаяся проблемами лечения и реабилитации осужденных и лиц, временно ограниченных в своих правах, стала складываться еще в 19 в. с появлением специальных заведений для несовершеннолетних правонарушителей; лиц, ведущих образ жизни, нарушающий устоявшиеся в обществе правила.

Ее развитие в XX в. продолжилось, в том числе в связи с распространением наркотических и психотропных веществ среди населения, усугублением социальных пороков, ростом количества мигрантов и т.д. В сложившейся ситуации выполнение функций по лечению и реабилитации заключенных и осужденных лиц исключительно силами пенитенциарного ведомства страны оказалось затруднительно, в том числе в связи с: а) большим объемом необходимой работы; б) проведением профилактических мер; в) невозможностью исключительно силами пенитенциарного ведомства выполнения разнообразных функций, мало присущих его задачам.

С целью разрешения указанных задач, в 2015 г. разработан и принят «Закон о медицинских учреждениях для заключенных» [1]. Им, обязанности и руководство Отделом охраны здоровья заключенных. Сфера действия данного акта распространяется на Группу по охране здоровья заключенных при Национальном институте здравоохранения и социального обеспечения (далее – НЗиСО) [2], которая осуществляет свои действия по всей стране (§1).

Задача Отдела охраны здоровья заключенных заключается в организации медицинского обслуживания и медицинского обслуживания заключенных и лиц, содержащихся под стражей до суда, в соответствии с гл. 767 Закона о тюрьмах (2005/10) [3] и гл. 768 Закона о предварительном заключении 2005 г. (§2) [4].

Отдел охраны здоровья заключенных возглавляет директор Службы охраны здоровья заключенных, который принимает решения по вопросам, касающимся данного подразделения, за исключением случаев, когда они были переданы Совету директоров или если они не предусмотрены или не предписаны в правилах процедуры

для решения другим должностным лицом (§3). При этом на НЗиСО возложено общее руководство, развитие, управление и надзор за деятельностью Группы по охране здоровья заключенных (§4).

В Отделе охраны здоровья заключенных имеется Совет, назначаемый НЗиСО сроком на 4 года. Его правление состоит из председателя, заместителя председателя и не более 7 других членов с личными заместителями. Совет управляющих утверждает правила процедуры Группы охраны здоровья заключенных.

Отдел охраны здоровья заключенных ведет реестр пациентов, в котором хранятся документы пациентов, упомянутые в Законе об обработке клиентских данных в сфере социального обеспечения и здравоохранения 2003 г. (далее – Закон о клиентских данных) [5]. Обработка данных пациентов регулируется положениями Закона о данных клиентов (14.4.2023/721). Однако, ч. 721 с изменениями, внесенными Законом N 2023/1, вступает в силу с 1.1.2024. Предыдущая формулировка гласит:

Отдел охраны здоровья заключенных ведет реестр пациентов, в котором хранятся документы пациентов, упомянутые в ст. 785 Закона о статусе и правах пациентов [6]. Положения, касающиеся данных, подлежащих хранению в документах пациентов, и сроков их хранения изложены в указанном разделе и изданных на его основании правилах. В ст. 13 этого Закона содержатся положения о конфиденциальности информации, содержащейся в документах пациентов.

Данные, содержащиеся в регистре пациентов, могут обрабатываться только лицами, участвующими в лечении пациентов или связанных с этим задачах от имени Отдела охраны здоровья заключенных или от его имени. Медицинский работник, нанятый Агентством уголовных наказаний, должен регистрировать данные, полученные в ходе выполнения своих обязанностей по медицинскому обслуживанию или медицинскому обслуживанию, в регистре пациентов, упомянутом в настоящей статье.

Обработка данных пациентов также регулируется положениями Закона об электронной обработке данных клиентов в сфере социального обеспечения и здравоохранения [7]. Закон N 159/2007 об электронной обработке данных клиентов в сфере здравоохранения и социального обеспечения 784/2021 отменен Законом об электронной обработке данных клиентов в сфере здравоохранения и социального обеспечения.

В дополнение к положениям о разглашении данных пациентов, изложенным в гл. 8 Закона о клиентских данных или других правовых актах, врач, ответственный за медицинское обслуживание заключенных и лиц, содержащихся под стражей до суда, или, в соответствии с его инструкциями, другой медицинский работник может разглашать данные, хранящиеся в регистре пациентов, следующим образом:

В дополнение к положениям о разглашении данных о пациенте без письменного согласия пациента, изложенным в п. 13 и 3 ст. 4 Закона о статусе и правах пациентов или в другом законодательном акте, врач, ответственный за медицинское обслуживание заключенных и лиц, содержащихся под стражей до суда, или по его указанию другой медицинский работник может разглашать данные, хранящиеся в журнале регистрации пациентов, следующим образом:

1) начальнику отдела оценки клиентов или начальнику пенитенциарной части, а также должностному лицу, работающему в Агентстве уголовных наказаний в порядке, установленном регламентом Агентства уголовных наказаний или Центра

уголовных наказаний, такую информацию о риске насилия, самоубийства, инфекционных заболеваний или других подобных рисках, вызванных болезнью заключенного или лица, содержащегося под стражей, которая необходима для защиты жизни, здоровья или безопасности данного лица или для защиты других лиц предотвращать угрозу жизни, здоровью или безопасности людей;

2) начальнику отдела оценки клиентов или начальнику пенитенциарной части, или должностному лицу Агентства уголовных наказаний, ответственному за функции, указанные в регламенте Агентства или Центра уголовных наказаний, такую информацию, связанную с обеспечением безопасности труда работника, которая необходима для оценки трудоспособности заключенного или лица, содержащегося под стражей, с целью трудоустройства его на работу, а также такую информацию, которая необходима для оценки осужденного или лица, содержащегося под стражей, или способность лица, находящегося в предварительном заключении, обучаться или заниматься другой деятельностью;

3) руководителю подразделения по оценке клиентов или должностному лицу Агентства уголовных наказаний, указанному в регламенте Агентства, такую информацию о состоянии здоровья и обращении с заключенным, которая необходима для оценки риска совершения насильственного или сексуального преступления, указанного в п. 400 и 2015 ч. 70 ст. 1 Закона об исполнении общественных санкций;

4) начальнику пенитенциарного учреждения такую информацию о состоянии здоровья и обращении с заключенным, включенную в оценку риска совершения насильственного или сексуального преступления, упомянутого в п. 3, которая необходима для принятия решения о помещении заключенного на испытательный срок под надзор пробации в соответствии со ст. 70 Закона об исполнении общественных санкций;

5) должностное лицо Агентства, в должностные обязанности которого входит рассмотрение дела об освобождении заключенного, упомянутого в п. 781 ст. 2005 Закона о процедуре освобождения пожизненно заключенных, оценка риска насилия для рассмотрения указанного дела, а также оценка риска насилия, оцениваемая для руководителя подразделения по оценке клиентов, тюремного или общинного управления по санкциям или должностного лица, ответственного за операции, указанные в правилах процедуры Центра уголовных наказаний письменное заявление о выводах оценки риска насилия с целью планирования и осуществления организуемых мероприятий;

6) должностное лицо Агентства, в должностные обязанности которого входит освобождение заключенного, отбывающего весь срок наказания, указанного в, как это предусмотрено в законах 780/2005, 735/2015 и 1718/2015, оценка опасности для решения указанного вопроса, и начальник отдела оценки клиентов, тюремного или общинного управления по санкциям, или лицо, ответственное за операции, указанные в правилах процедуры Центра уголовных наказаний письменное заявление о выводах оценки опасности для планирования и осуществления мероприятий, которые должны быть организованы для должностного лица на основе оцененного риска насилия;

7) Должностному лицу Агентства, в обязанности которого входит подготовка периода надзора за заключенным, осужденным к комбинированному наказанию, -

оценка риска совершения заключенным насильственного преступления с целью подготовки.

Без согласия пациента информация, необходимая для его медицинского обслуживания или выполнения обязанностей по медицинскому обслуживанию, может быть раскрыта из реестра пациентов медицинским работникам, работающим в Агентстве уголовных наказаний.

Без письменного согласия субъекта данных персоналу Агентства уголовных наказаний, не являющемуся медицинскими работниками, может быть раскрыта только информация, указанная в частях 1 (1) и (2), которая не раскрывает характер заболевания или другие сведения о здоровье или лечении.

Письменное заявление о выводах оценки риска совершения насильственного или сексуального преступления, подготовленное упомянутым в части 1 статьи 3 подразделением по оценке клиентов, может быть представлено руководителю подразделения Управления по исполнению наказаний Сообщества или должностному лицу Агентства уголовных наказаний, указанному в регламенте Центра уголовных наказаний, при планировании и осуществлении мероприятий, включенных в надзор за условно-досрочным освобождением, требуемый оценкой [8].

Для выполнения обязанностей, указанных в части 1 статьи 5, может быть также раскрыта информация об оценке, содержащейся в заявлении, основанном на исследовании психического состояния подсудимого, упомянутого в статье 17 главы 37 Судебно-процессуального кодекса, о том, считается ли обвиняемый чрезвычайно опасным для жизни, здоровья или свободы другого лица.

Право на получение информации от других медицинских учреждений и других органов

В дополнение к положениям, предусмотренным в других разделах Закона, Отдел охраны здоровья заключенных имеет право, несмотря на положения о секретности, получать данные из реестра пациентов другого медицинского учреждения, с тем чтобы подготовить оценку или заключение об опасности насилия для заключенного, о котором говорится в п. 1 ст. 2 Закона о процедуре освобождения пожизненно заключенных и п. 70 и 1 п. 5 ст. 6 Закона об исполнении наказаний в общинах, и планировать мероприятия, организуемые в соответствии с ним, и планировать мероприятия, организуемые в соответствии с ним, и осуществление в подразделении Агентства по уголовным наказаниям. Для подготовки вышеупомянутой оценки или заключения Отдел охраны здоровья заключенных имеет право получить от Национального института здравоохранения и социального обеспечения информацию об обследовании психического состояния обвиняемого, о котором говорится в ст. 17 гл. 37 Судебно-процессуального кодекса, и основанного на нем заявления.

Данные, упомянутые в подразделе 1, могут обрабатываться только теми должностными лицами Отдела охраны здоровья заключенных, которые абсолютно необходимы для выполнения своих обязанностей, указанных в этом подразделе. Документы должны быть уничтожены, как только они отпадают в необходимости для целей настоящего подраздела.

Отдел охраны здоровья заключенных имеет право получать информацию, содержащуюся в Реестре уголовных наказаний Агентства по уголовным наказаниям, в объеме, необходимом для выполнения обязанностей лицами, работающими в Отделе охраны здоровья заключенных.

Глава 3 (отменена в 2003 г.) «Руководство и надзор за медицинским обслуживанием заключенных» устанавливает, что Министерство социального обеспечения и здравоохранения отвечает за общее руководство, планирование, развитие и надзор за медицинским обслуживанием заключенных.

Региональные органы государственного управления осуществляют надзор за законностью медицинского обслуживания и медицинского обслуживания заключенных, организованного и предоставляемого Отделом охраны здоровья заключенных, и предоставляют соответствующие рекомендации.

Национальный орган по надзору за благосостоянием и здоровьем руководит деятельностью региональных органов государственного управления по осуществлению, координации и гармонизации надзора и соответствующего руководства. Несмотря на положения подраздела 1, Национальный орган по лицензированию и надзору осуществляет надзор за законностью медицинского обслуживания и медицинского обслуживания заключенных, организуемого и предоставляемого Отделом охраны здоровья заключенных, и дает соответствующие рекомендации, особенно в следующих случаях:

1) вопросы, имеющие принципиальное значение или имеющие далеко идущие последствия;

2) вопросы, которые по существу связаны с другими вопросами надзора, связанными со здравоохранением или медицинскими работниками, находящимися в ведении Государственного надзора за благосостоянием и здоровьем;

3) вопросы, от рассмотрения которых отстранены должностные лица Агентства регионального государственного управления, осуществляющие надзорные вопросы.

При необходимости в постановлении правительства будет закреплено более подробное разделение обязанностей между Национальным органом по надзору и здравоохранению и Региональным агентством государственного управления в области надзора и соответствующего руководства (9 §).

Для выполнения указаний, упомянутых в ст. 9, Региональное государственное административное агентство и Национальный надзорный орган по вопросам социального обеспечения и здравоохранения могут проводить инструктажные и оценочные визиты в учреждения Отдела охраны здоровья заключенных, которые организуют и предоставляют медицинские услуги заключенным.

Инструктажные и оценочные визиты и их программа должны быть заранее согласованы с Отделом охраны здоровья заключенных и соответствующим подразделением (10 §).

Областные органы государственного управления и Государственный надзорный орган благосостояния и здравоохранения могут проверять упомянутые в выше, учреждения и услуги в области здравоохранения и медицинского обслуживания, а также места и помещения, используемые для их организации, при наличии обоснованной причины для проведения проверки. Национальный орган по надзору за благосостоянием и здравоохранением может поручить региональному государственному административному агентству провести вышеупомянутую проверку от его имени. Проверка может быть без предварительного уведомления. Постановление о проверке обжалованию не подлежит.

Инспектор должен быть допущен в тюрьму и во все помещения Отделения охраны здоровья заключенных. Несмотря на положения о конфиденциальности, инспек-

ция представляет все запрашиваемые инспектором документы, необходимые для проведения инспекции, и бесплатно предоставляет копии по просьбе инспектора. Инспектор также имеет право производить фотографии во время проверки, но право осмотра не распространяется на помещения, используемые для постоянного жилья. Нельзя фотографировать заключенных или лиц, находящихся в предварительном заключении [8].

При этом, инспектору могут оказывать помощь эксперты, необходимые для проведения проверки. На эксперта распространяются положения об уголовной ответственности. Положения об ответственности за ущерб изложены в Законе о деликтной ответственности [9]. В случае необходимости полиция должна оказать исполнительную помощь Агентству регионального государственного управления и Национальному органу по надзору за благосостоянием и здоровьем в проведении проверки.

Положения об инспекциях, изложенные в ст. 434 Закона об административной процедуре (2003/39) [10], в остальном применяются к инспекции.

При обнаружении недостатков или других недостатков, угрожающих безопасности пациентов, в организации или осуществлении медицинского обслуживания заключенных или если деятельность иным образом противоречит настоящему или иному законодательству о медицинском обслуживании заключенных, региональное государственное административное учреждение или Национальный надзорный орган социального обеспечения и здравоохранения может издать приказ об их устранении.

Региональное государственное административное учреждение и Национальный надзорный орган по вопросам социального обеспечения и здравоохранения могут обязать медицинское учреждение для заключенных выполнить приказ, упомянутый в подразделе 1, угрожая наложением штрафа или приостановлением его деятельности, или запретить использование этого учреждения, его части или оборудования.

Решение Агентства регионального государственного управления и Национального органа надзора за благосостоянием и здоровьем о приостановлении деятельности или запрете использования устройства, его части или оборудования должно выполняться независимо от апелляции, если иное не предписано апелляционным органом.

Положения настоящего раздела не применяются к практикам, указанным в Законе о лекарственных средствах [11]. Если региональное государственное административное учреждение или Национальный надзорный орган социального обеспечения и здравоохранения во время надзора выявит недостатки или другие недостатки в фармацевтических услугах, о них необходимо сообщить в Агентство по лекарственным средствам. STUK должен быть уведомлен о любых недостатках или недостатках, обнаруженных при использовании излучения.

Если дефект, ошибка, небрежность или другой дефект, обнаруженные в организации или осуществлении медицинской помощи или медицинской помощи, не приводят к мерам, указанным в ст. 12, Региональное агентство государственного управления и Национальный орган по надзору за благосостоянием и здоровьем могут довести до сведения Отдела охраны здоровья заключенных или лица, ответственного за ошибочную деятельность, их понимание процедуры, установленной в Законе, или обратить внимание поднадзорного лица на надлежащую организацию деятельности и надлежащую организацию деятельности и благо к требованиям администрации.

Агентство регионального государственного управления и Национальный орган по надзору за благосостоянием и здоровьем также могут потребовать от поднадзорного субъекта исправить обнаруженный недостаток или другой дефект. Если упомянутые выше меры не могут быть признаны достаточными с учетом факторов, влияющих на общую оценку вопроса, Агентство регионального государственного управления и Национальный надзорный орган социального обеспечения и здравоохранения могут вынести поднадзорной стороне предупреждение на будущее.

Апелляция не могут быть поданы против административного распоряжения или запроса, выданного региональным государственным административным агентством или Национальным надзорным органом по благосостоянию и здравоохранению, упомянутым в этом разделе.

Региональное государственное административное агентство и Национальный надзорный орган социального обеспечения и здравоохранения принимают меры, которые они сочтут необходимыми для обеспечения безопасности пациентов или соблюдения закона на основании вопроса надзора, о котором им станет известно. Надзорный вопрос, основанный на событии старше двух лет, не расследуется, если для этого нет особой причины.

Особо определены в законы вопросы, касающиеся права доступа надзорного органа (§14), право доступа надзорного органа (§15), детоксикация опиоидной зависимости и заместительная терапия опиоидными препаратами (§16a) и переходные положения. Последние, наиболее важные изменения в рассматриваемый закон 2015 г. были внесены в 14.4.2023, отдельные из которых вступаю в силу лишь в 2024 г. (14.4.2023/741) [12].

Список литературы:

- 1.30.12.2015/1635. – URL: [Закон о медицинских учреждениях для заключенных 1635/2015 - Современное законодательство - FINLEX®](#) Laki vankien
- 2.Terveys- ja hyvinvointialan tutkimusyhteistyötä Keski-Suomen yksiköiden ja Terveiden ja hyvinvoinnin laitoksen välillä tiivistetään. – URL: [Активизируется научно-исследовательское сотрудничество в области здравоохранения и благополучия между субъектами в Центральной Финляндии и Национальным институтом здравоохранения и социального обеспечения — Университет Ювяскюля \(juu.fi\)](#)
- 3.Vankeuslaki. 23.9.2005. – URL: [Закон о тюремном заключении 767/2005 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
- 4.I OSA YLEISET SÄÄNNÖKSET. – 23.9.2005/767. – URL: [Закон о тюремном заключении 767/2005 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
- 5.Laki asiakastietojen käsittelystä sosiaali- ja terveydenhuollon alalla. 703/2023. – URL: [703/2023 - Справочник законодательных изменений - FINLEX®](#)
- 6.Laki potilaiden asemasta ja oikeuksista. 1992/12. – URL: [Закон о статусе и правах пациентов 785/1992 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
- 7.Laki asiakastietojen sähköisestä käsittelystä sosiaali- ja terveydenhuoltoalalla. (159/2007). – URL: [Отмеченный Закон о защите клиентских данных в сфере социального обеспечения и здравоохранения... 159/2007 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
- 8.Laki vankiterveydenhuoltolaitoksista annetun lain 6 ja 11 §:n muuttamisesta (1.4.2022/229). – URL: [Закон о медицинских учреждениях для заключенных... 229/2022 - Оригинальные уставы - FINLEX®](#)
- 9.Vahingonkorvausvastuuta koskeva laki. 412/1974. – URL: [Закон о деликтной ответственности 412/1974 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
10. Hallinto-oikeus. (2003/39). – URL: [Закон об административной процедуре 434/2003 - Современное законодательство - FINLEX®](#)
11. Lääkelaki (395/1987). – URL: [Закон о лекарственных средствах 395/1987 - Современное законодательство - FINLEX®](#)

12. Laki vankiloiden terveydenhuoltolaitoksista. – URL: Закон о медицинских учреждениях для заключенных... 721/2023 - Оригинальные уставы - FINLEX®

Velikaya O.S. Prisoners' health care facilities act 2015. Finland and its subsequent development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 545–552.

This publication discloses the content of the Health Care Facilities for Prisoners Act 2015. At the same time, the work outlines the main components of the system of services established in Finland, dealing with the activities of the prison system of the country and the specifics of their interaction with each other. The Ministry of Social Affairs and Health, the regional state authorities of the Prison Health Protection Unit, the Prison Health Protection Unit of the National Institute of Health and Welfare, the Criminal Sanctions Agency, the Regional State Administration Agency, the National Welfare and Health Surveillance Authority, etc. are directly involved in the issues of health protection of prisoners.

Keywords: Finland, prisoners, public authorities, health care, rehabilitation, inspector.

УДК 340.15

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ В. В. ИВАНОВСКОГО
КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ЮРИСТОВ
(ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)**

Ломова Т. В.

Санкт-Петербургский университета МВД России

В статье приведены результаты историографического анализа оценки теоретического наследия видного российского ученого конца XIX – начала XX в., юриста, социолога, специалиста в области полицейского права В. В. Ивановского (1854–1926). В. В. Ивановский изучал проблемы управления государством, вопросы взаимодействия общества и государства, особенности организации местного управления. Особый вклад внес в развитие отдельных положений полицейского права, административного права, политической социологии, методологии правовых исследований. Идеи В. В. Ивановского, получившие одобрение научной общественности ученых Российской империи, стали предметом изучения советских ученых и современных российских исследователей. Однако комплексное изучение и должное осмысление теоретического наследия В. В. Ивановского в современной юридической науке еще не осуществлено и представляет собой актуальную задачу для исследователей истории мысли о государстве и праве.

Ключевые слова: В. В. Ивановский, полицейское право, полицейско-правовая теория, российская полицистика, Казанский Императорский университет.

Трансформации государства как сложной социальной организации в условиях современности обусловили приобретение им новых характеристик, постановку новых задач и выполнение новых функций. При этом одной из главных задач государства остается организация внутренней жизни страны, выстраивание взаимоотношений и взаимодействия органов власти и общества. Проблемы организации внутренней жизни государства не теряют своей актуальности, что определяет постоянный интерес к ним не только государственных и общественных деятелей, но и исследователей различных научных специальностей. Внимание философов, социологов, политологов, юристов направлено на изучение механизмов регулирования общественных отношений и выявление фундаментальных проблем во внутреннем управлении государством. Важную роль в этих процессах играют учет и использование опыта, уже накопленного в истории политико-правовой мысли.

Ценное наследие идей об управлении государством оставлено российской полицистикой – полицейско-правовой теорией, развитие которой в XVII–XX вв. способствовало совершенствованию механизма государственного управления. «Становление науки полицейского права происходило в период укрепления абсолютизма в Европе и России. В истории полицейского права нашли отражение и совершенствование научных взглядов и приемов научного исследования государства, общества и права, и изменение общественных отношений, форм государственной организации и механизмов государственного управления обществом в Новое время» [1, с. 17]. В это время полицейское право формируется как наука в Западной Европе и под влиянием западноевропейской полицистики – в России.

В становлении российской полицистики исследователи выделяют несколько этапов. Как самостоятельные этапы развития отечественной полицейско-правовой теории Н. С. Нижник характеризует:

– XVII–XVIII вв. (в это время осмысление вопросов управления государством приобрело особую актуальность, обусловленную централизацией государства и необходимостью поиска новых методов управления; для решения задач внутреннего управления в России были созданы полицейские учреждения [2]; особую значимость имели идеи, высказанные Ю. Крижаничем и И. Т. Посошковым, а также теории и концепции западноевропейских полицейстов [3]);

– первая половина XIX в. (в это время систематизация накопленных знаний об управлении государством позволила сформировать понятийно-категориальный аппарат науки полицейского права, определить предмет, метод и систему полицейского права; практическую значимость имела разработка вопросов, связанных с организацией и деятельностью полиции, с определением прав и обязанностей полицейских чинов, с выявлением особенностей взаимоотношений власти и населения [4; 5]; труды П. Н. Гуляева, И. В. Платонова, Н. Ф. Рождественского свидетельствовали о способности полицейского права предложить решение актуальных проблем управления государством и учесть опыт развития западноевропейской полицейстики [6; 7, с. 61–70]);

– середина XIX в. – начало XX в. (в это время российское полицейское право уже оформилось как самостоятельная национальная юридическая наука, которой решались вопросы прикладного характера и в рамках которой развивалась полицейско-правовая теория; центральными в полицейском праве были вопросы взаимоотношения власти и общества [5, с. 239–249], роль полиции в реализации государственной власти, место полицейской деятельности в реализации функций государства, пределы использования мер государственного принуждения [8; 9]; в работах отечественных полицейстов (прежде всего И. Е. Андреевского, И. Т. Тарасова, В. В. Ивановского, Э. Н. Берендтса, В. Ф. Дерюжинского, А. И. Елистратова [10]) глубоко и системно исследовались механизмы управления государством и проблемы местного управления) [11; 12; 13].

Подходы полицейстов к решению практических задач и формулировке теоретических выводов опирались на представления о цели государства как обеспечении государством всеобщего счастья своих граждан [14; 15], которые на разных этапах исторического развития страны изменялись, но сохраняли неизменно внимание к вопросам гармонии взаимоотношений власти и общества.

История развития науки полицейского права в России нашла отражение в исследованиях современных ученых: А. В. Корнева [16], А. В. Горожанина [17], А. Ш. Гасаналиева [18], Ю. Н. Овсянникова [19], И. И. Мушкета [20], Н. С. Нижник [2; 3; 10], С. Ю. Дергилевой [21; 22; 13; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29], Н. И. Биюшкиной [30], Д. С. Геворкян [31; 32; 33], С. С. Пирожок [34], Е. Н. Козинниковой [35; 36; 37; 38], Н. К. Тарасова [39; 40]. Теоретическое наследие российских полицейстов стало предметом изучения М. Л. Тихомировой [41], Н. Ю. Егорова [42; 43], С. А. Никифоровой [44; 45; 46], Т. В. Ломовой [47].

В числе видных отечественных полицейстов конца XIX – начала XX в. – Виктор Викторович Ивановский (20 октября 1854 г. – 18 августа 1926 г.), выдающийся российский ученый, юрист, социолог, специалист в области полицейского права. В. В. Ивановский изучал проблемы управления государством, вопросы взаимодействия общества и государства. Особое внимание уделял вопросам местного самоуправления. Особый вклад внес в развитие отдельных положений полицейского и

административного права, методологию правовых исследований. Предметом осмысления В. В. Ивановского являлось государство всеобщего благосостояния и безопасность граждан. В. В. Ивановский внес особый вклад в развитие политической социологии, введя в научный оборот само понятие «политическая социология», выделив и охарактеризовав социологический метод в науке.

В. В. Ивановский окончил Казанский Императорский университет (1878) и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре полицейского права. Диссертацию по теме «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России» В. В. Ивановский подготовил и защитил в Казанском университете (1882) под руководством заслуженного профессора и доктора полицейского права Якова Спиридоновича Степанова.

Получили одобрение научной общественности первые труды В. В. Ивановского, в числе которых «Обзор деятельности Слободского уездного земства с 1867 по 1880 год» (1881), «Опыт исследования деятельности органов земского самоуправления в России» (1881), «Вступительная лекция в курсе учения о внутреннем управлении» (1883), «Преподавание административного права в Берлинском университете» (1884). После защиты докторской диссертации на тему «Организация самоуправления во Франции и Пруссии» (1886) В. В. Ивановский стал ординарным профессором кафедры государственного права Императорского Казанского университета [48, с. 32], направив свой исследовательский интерес прежде всего на вопросы правоведения и социологии, вопросы местного самоуправления.

В 1886–1907 гг. В. В. Ивановский – ординарный профессор кафедры государственного права; в 1906 г., 1916–1917 гг. – декан юридического факультета, 1907 г. – проректор Императорского Казанского университета [49; 50].

В 1890–1910 гг. работы В. В. Ивановского получают распространение и известность. Рассмотрение различных аспектов вопросов взаимодействия государства, общества и личности нашли отражение в различных работах ученого: «Административное устройство наших окраин» (1891), «Новые учения о законе» (1892), «Государство как юридическое отношение» (1893), «Общие начала в устройстве губернских властей» (1895), «Обзор книги Де-Роберти "Конт и Спенсер"» (1895), «Русское государственное право» (часть I: «Верховная власть и её органы») (1896), «Черты из истории просвещения в Западной Европе» (1896), «Социология как наука и как предмет преподавания во Франции» (1896), «Общество и государство» (1897), «Некоторые общие начала в структуре современных государств» (1897), «Французская децентрализация» (1897), «Русское государственное право» (1898), «Классификация государственных норм» (1898), «Вопросы государственного права, социологии и политики» (1899), «Краткая записка об экономическом состоянии Казанской губернии и некоторых уездов Вятской губернии в связи с вопросом о соединении этих губерний рельсовым путём» (1899), «Роль общественных наук в деле образования и воспитания» (1899), «Природа государства» (1899), «Общество и государство» (1899), «Структура современных государств» (1899), «Классификация государственных норм» (1899), «Новые учения о законе» (1899), «Коллегиальное начало в министерской организации» (1899), «Организация губернских властей» (1899), «Исторические основы земского управления в России» (1899), «Французская децентрализация» (1899), «Общественное управление в Германии по воззрениям Р. Гнейста» (1899), «Социология, как наука и предмет преподавания во Франции» (1899), «Роль

общественных наук в деле образования и воспитания» (1899), «Черты из истории просвещения в Западной Европе» (1899), «Новый трактат о государстве» (1901), «Государственный Совет в России» (1901), «К университетскому вопросу» (1901), «Юридический метод и его применение в политических науках» (1902), «Нравственная ответственность общественных властей» (1902), «Бюрократия как самостоятельный общественный класс» (1903), «Наука административного права в её прошлом и настоящем» (1903), «Учебник административного права» (1904), «Советательное народное представительство» (1905), «Избирательное право и избирательная техника» (1905), «Народное представительство и основные права граждан» (1906), «Лекции по государственному праву» (1906), «Бюрократия» (1906), «Генеральные советы во Франции» (1906), «Государственный Совет» (1906), «Губернаторы» (1906), «Децентрализация управления» (1906), «Законность» (1907), «Земские начальники» (1907), «Земские учреждения» (1907), «Императорская фамилия» (1907), «Учебник административного права» (1907), «Программа к лекциям государственного права» (1907), «Коллегиальное начало» (1908), «Конституционная монархия» (1908), «Политическая энциклопедия» (1908), «Учебник административного права» (1908), «По поводу одной критики» (1908), «Учебник государственного права» (1908, 1909, 1910).

Одобрение научной общественности получили труды В. В. Ивановского «Учебник административного права» (1911), «Приёмы психологического изучения государства» (1911), «Указ и закон по действующему русскому законодательству» (1912), «Учебник государственного права» (1913), «Политико-культурное значение Манифеста 17 октября 1905 г.» (1915), «О государстве, власти и праве с социолого-психологической точки зрения» (1916).

В 1917 г. политико-правовая организация России претерпела кардинальные перемены: с политической карты мира исчезла Российская империя, завершился этап российской истории, связанный с Временным правительством. Отношение к профессорам-правоведам имперской России в советской республике не отличалось стремлением использовать их опыт и знания. В. В. Ивановский некоторое время продолжал работать в Казанском университете [24, с. 67], но труды его в советской юридической науке фактически были преданы забвению.

Идеи В. В. Ивановского получили оценку правоведов и социологов Российской империи. Б. А. Кистяковский монографии «Сущность государственной власти» (1913) отмечал, что В. В. Ивановский является «видным представителем "реалистического" направления в теории происхождения и сущности государства» [51, с. 19], аргументировано доказывавшего, что «власть господствует не по собственному праву; но по собственной силе. Никто сам для себя право создать не может. Право всегда устанавливается кем-либо для других» [51, с. 19–20]. На идеи В. В. Ивановского обращали внимание известный правовед Л. И. Петражицкий, видный обществовед П. А. Сорокин, социолог и политический деятель К. М. Тахтарев, которые высоко оценивали исследования В. В. Ивановского, посвященные социальным механизмам организации и функционирования государства, и опирались на его концепции, разрабатывая свои собственные теории. Видный российский полицеист А. И. Елистратов, ученик В. В. Ивановского [26; 27, с. 266], обращал внимание на вклад В. В. Ивановского в развитие государствоведения и теорию бюрократии [52].

Как одного из крупных российских государствоведов характеризовал В. В. Ивановского русский философ, правовед, один из идеологов евразийства Н. Н. Алексеев [53].

Обращения к трудам В. В. Ивановского в советской юридической науке были крайне редки. Оценка политико-правового наследия В. В. Ивановского нашла отражение в трудах В. Д. Зорькина (1978) [54] и Н. Я. Куприца (1980) [55].

В. Н. Амелин и А. А. Дегтярёв охарактеризовали В. В. Ивановского как одного из основателей социологии политики, прикладной политологии и автора значимых конкретно-эмпирических исследований политической жизни в России [56; 57], А. Н. Верещагин – как видного исследователя отечественной земской проблематики [58]. В. Я. Гельман и С. И. Рыженков отметили вклад В. В. Ивановского в развитие политической регионалистики [59].

Особое место В. В. Ивановского в становлении российского государствоведения признают М. В. Баглай [60], С. В. Куликов [61]. Вклад В. В. Ивановского в теорию административного права оценивают правоведы Н. М. Конин, В. М. Манохин [61], Ю. П. Соловей [62], Ю. Н. Стариков [63], К. С. Бельский [64]. И. А. Голосенко [65], В. В. Куликов [66], Н. П. Матханова [67] полагают, что В. В. Ивановский внес важный вклад в развитие теории бюрократии. И. Н. Новикова [68] и А. В. Ремнёв [69] обращают внимание на идеи В. В. Ивановского, касающиеся децентрализации власти.

Имя В. В. Ивановского упоминается в исследованиях, касающихся истории Казанского университета и научных школ, сложившихся в рамках этого университета (М. К. Корбут [70], И. А. Емельянова [71], И. Г. Ясавеев [72], Ю. А. Лексина [73], Р. А. Циунчук [74]).

Широкий круг проблем, поднятых в трудах В. В. Ивановского, оригинальный подход к разрешению исследовательских задач, привлекли внимание к теоретическому наследию ученого исследователей XXI в.

Вклад В. В. Ивановского в становление политической социологии предпринял попытку оценить А. Р. Нигматуллин, защитивший диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В. В. Ивановского» [75], по научной специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки. А. Р. Нигматуллин акцентировал свой внимание на проблемах формирования и эволюции местного самоуправления, нашедших отражение в трудах В. В. Ивановского в 1880-х – первой половине 1890-х годов, на проведении В. В. Ивановским эмпирико-социологических исследований местного самоуправления, на общественно-педагогическую деятельность профессора В. В. Ивановского.

Представления В. В. Ивановского о законе стали предметом осмысления С. В. Кодана [76].

Круг научных интересов В. В. Ивановского, его взгляды на проблемы управления государством и на систему административного права охарактеризовал А. В. Стрекалин [77; 50; 78]. Е. А. Апольский, опираясь на диссертацию В. В. Ивановского «Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии», предпринял попытку оценить вклад ученого в рассмотрение темы и использование идей В. В. Ивановского в новейшей немецкой и французской литературе [79, с. 318]. Представления В. В. Ивановского о нравственной ответственности власти и сущно-

сти права охарактеризовали Л. Л. Соловьева и Е. В. Павлова [80], отдельные вопросы, касающиеся учения о верховной власти в политической социологии В. В. Ивановского, получили освещение в статье Е. Н. Еньшиной и О. А. Квасовой [81]. И. Л. Данилевская изучила учебник государственного права В. В. Ивановского, сделав вывод о его значимости и актуальности для решения проблем в сфере современных политических процессов [82]. Т. В. Ломова охарактеризовала взгляды В. В. Ивановского на организацию местного самоуправления [83].

Сведения о биографии и научной деятельности В. В. Ивановского нашли отражение и в словарях и энциклопедических изданиях, в числе которых: Биографический словарь ординарного профессора Н. П. Загоскина (1904), Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Русский биографический словарь (1999), библиографической справочник «Социологи России» (1999), справочник «Русская интеллигенция» С. А. Венгерова (2001), а также Татарская энциклопедия [49, с. 523] и Энциклопедический словарь биографий «Правовая наука и юридическая идеология России», подготовленный под редакцией В. М. Сырых [84, с. 278–281].

Несмотря на то, что имя В. В. Ивановского упоминается во всех современных учебниках по истории политических и правовых учений и в изданиях, посвященных истории развития административного права, идейное наследие В. В. Ивановского до сих пор не получило комплексного анализа, не изучен его вклад в социологию, политологию, историю, и целом, в юриспруденцию, и не стало предметом специального исследования современных ученых. До настоящего времени не получила оценки концепция В. В. Ивановского о возникновении и развитии государства; не описан вклад В. В. Ивановского в развитие представлений о предмете и назначении наук полицейского и административного права; не проанализирован вклад В. В. Ивановского в развитие методологии юридической науки, представлений о роли и назначении системы административно-полицейских учреждений в государстве и теории социального государства; не охарактеризована система взглядов В. В. Ивановского о принуждении, применяемом полицией в целях предупреждения и пресечения преступлений. Крайне скудна и не отражает всего круга научной и общественной деятельности В. В. Ивановского информация о биографии и педагогическом пути ученого. Не получила должной оценки общественная деятельность В. В. Ивановского по претворению в жизнь представлений об обеспечении законности и организации местного самоуправления.

Обращение к теоретическому наследию В. В. Ивановского в современных условиях позволит не только расширить представления о становлении и направлениях развития правовой мысли России во второй половине XIX – начале XX в., но и использовать потенциал идей В. В. Ивановского для решения практических задач государственно-правового развития Российской Федерации.

Список литературы:

1. *Ивановский В. В.* Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1908. 539 с.
2. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. 390 с. С. 228–235.
3. *Нижник Н. С.* Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России // Российская полиция: три века служения Отечеству: Сборник статей Юбилейной международной науч-

- ной конференции / Под ред. В. Л. Кубышко: В 2 ч. Ч. 1. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 220–240.
4. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория об институционализации государственного управления и месте полиции в механизме государства // Современные проблемы общей теории права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию независимости Республики Казахстан и 60-летию Алматинской академии МВД Республики Казахстан. Алматы: Алматинская академия МВД Республики Казахстан, 2016. С. 13–26.
5. *Нижник Н. С.* Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории // Российская полиция: три века служения Отечеству: Материалы юбилейной международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / Под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 239–250.
6. *Нижник Н. С.* Российская полицистика об основах регулирования отношений между государством и обществом // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2017 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 т. Т. II. Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. С. 55–59.
7. *Права человека: между прошлым и будущим* / Под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. М.: «Норма», 2021. 448 с.
8. *Нижник Н. С.* Омnipотенция полицейского государства в оценке российской полицистики // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 67–86. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.11.24883. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_24883.html
9. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования: Сборник научных трудов: Материалы V международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД, г. Минск, 3–4 мая 2019 г. Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. С. 155–163.
10. *Nizhnik N. S.* Police-Law Theory On The Regulation Of Public Relations In The Police State // Man. Society. Communication, Veliky Novgorod, 23–24 апреля 2020 года. Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED – European Publisher, 2021. P. 1826–1835. DOI 10.15405/epsbs.2021.05.02.228. – EDN QCCGDR.
11. *Нижник Н. С.* Полицейское государство – социюридический феномен: характеристика существенных черт в отечественной полицейско-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 123–130.
12. *Нижник Н. С.* Полицейско-правовая теория: становление и развитие в контексте эволюции Российского государства // Актуальные проблемы полицейского права: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России (1 июня 2020 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 36–42.
13. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 4. С. 750–760.
14. *Нижник Н. С.* Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья» // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 183–194. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.21223. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_21223.html
15. *Нижник Н. С.* Полицейское государство как средство достижения всеобщего счастья (по страницам работ полицейстов) // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, 22–23 сентября 2016 г. / Под общ. ред. В. А. Сосова. Краснодар: Издательский Дом – Юг, 2017. С. 30–34.
16. *Корнев А. В.* Идеи правового и полицейского государства в дореволюционной России: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 228 с.
17. *Горожанин А. В.* Полицистика и идея государственности в истории правовых учений: Дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2000. 426 с.
18. *Гасаналиев А. Ш.* Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX – начала XX веков: Дис.... канд. юрид. наук. Махачкала, 1999. 129 с.
19. *Овсянников Ю. Н.* «Полицейское право» в истории правовой мысли Западной Европы и России: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. 206 с.
20. *Мушкет И. И.* Генезис «полицейского права» в контексте эволюции правовой системы России (историко-теоретический анализ): Дис. ... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2003. 452 с.
21. *Дергилева С. Ю.* Сущность полицейского государства как предмет осмысления полицейстов второй половины XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 3(51). С. 15–20.
22. *Дергилева С. Ю.* Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова: Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2014. 450 с.
23. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Систематизация знаний об управлении обществом и становление

- науки полицейского права в Западной Европе в XVIII веке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 37–43.
24. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретическом наследии А. И. Елистратова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2(62). С. 66–73.
25. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государственное управление: концепции и практика их реализации в условиях кардинальных перемен политико-правовой системы России // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: II Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича: В 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург, 2015. С. 169–173.
26. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* А. И. Елистратов: программа перехода от административного права к общей теории государственного управления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1(69). С. 58–62.
27. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. Москва, 2017. 376 с.
28. *Дергилева С. Ю.* Проблемы применения мер чрезвычайного характера в трудах отечественных ученых-полицистов // Государство. Право. Война (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Материалы международной научной конференции: В 2 ч. / Под ред. Н. С. Нижник. Санкт-Петербург, 2020. С. 277–286.
29. *Дергилева С. Ю.* Механизм государственного управления: предпосылки трансформации в начале XX века // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР): В 2 ч. Ч. 1: Секция молодых исследователей: Материалы XIX международной научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 г. / Под ред. Н. С. Нижник; сост.: Н. С. Нижник, М. В. Савельева. Санкт-Петербург, 2022. С. 359–368.
30. *Бышопкина Н. И.* Становление российской науки полицейского права (XVII век – 80-годы XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 11–14.
31. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С.* Философия эвдемонизма как концептуальная основа теории и практики полицейского государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3(63). С. 236–242.
32. *Дергилева С. Ю., Геворкян Д. С.* Вопросы борьбы с регламентацией проституции и торговом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А. И. Елистратова и В. Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4(60). С. 31–37.
33. *Геворкян Д. С.* Российская полицистика в лицах: Владимир Федорович Дерюжинский // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 813–827.
34. *Пирожок С. С.* Теоретико-методологические детерминанты концепции социального государства Роберта фон Моля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 37–45.
35. *Козинникова Е. Н.* Чрезвычайный правовой режим исключительного положения: нормативные основы введения в имперской России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4(76). С. 32–37.
36. *Козинникова Е. Н.* Чрезвычайный правовой режим исключительного положения в России в конце XIX – начале XX века в оценке представителей школы «возрождённого естественного права» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1(81). С. 26–36.
37. *Козинникова Е. Н.* Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 18–23.
38. *Козинникова Е. Н.* Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 27–35.
39. *Тарасов Н. К.* Российская полицистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(84). С. 51–60.
40. *Тарасов Н. К.* Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX – начала XX века // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3(31). С. 18–24.
41. *Тихомирова М. Л.* Развитие И. Е. Андреевским концепции полицейского права: Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2002. 165 с.
42. *Егоров Н. Ю.* Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И. Т. Тарасова) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1(85). С. 10–17.
43. *Егоров Н. Ю.* Вопросы разграничения судебной и дисциплинарной ответственности государственных служащих в теоретическом наследии И. Т. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 17–26.
44. *Никифорова С. А.* Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса: Дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2019. 283 с.

45. Нижник Н. С., Никифорова С. А. Теоретическое наследие Э. Н. Берендтса – вклад в развитие российской полицейско-правовой теории // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2(82). С. 53–70.
46. Нижник Н. С., Никифорова С. А. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. Москва, 2019. 225 с.
47. Ломова Т. В. Российская полицистика второй половины XIX века: определение актуальных проблем управления государством / Т. В. Ломова // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: Материалы всероссийской научно-практической конференции адъюнктов, аспирантов и соискателей, Санкт-Петербург, 23 декабря 2022 года / Сост. Э. Р. Миргородская. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 92–97. – EDN WPSPEY.
48. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (1804–1904) / Под ред. Н. И. Загоскина. Ч. 2. Казань, 1904. 455 с.
49. Ивановский, Виктор Викторович // Татарская энциклопедия: [в 5 т.]: Т. 2: Г–Й / Гл. ред. М. Х. Хасанов. Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2005. 655 с.
50. Стрелин А. В. Проблемы государственного управления в теоретическом наследии В. В. Ивановского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1(69). С. 37–40.
51. Кистяковский Б. А. Сущность государственной власти: [глава из курса лекций по государственному праву, читанного в Московском коммерческом институте с 1906 по 1910 г.]. Ярославль: Тип. Яросл. губ. правления, 1913. 41 с.
52. Елистратов А. И. Должностное лицо и гражданин // Вопросы административного права. Кн. 1. Москва, 1916. С. 76–89.
53. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. Москва, 1919. 210 с.
54. Зорькин В. Д. Позитивистская теория права в России. Москва, 1978. 172 с.
55. Куприц Н. Я. Из истории государственно-правовой мысли дореволюционной России (XIX в.). Москва, 1980. 168 с.
56. Амелин В. Н., Дегтярёв А. А. Социология политики: становление и современное состояние // Мир России. 1997. № 1. С. 129–162.
57. Амелин В. Н., Дегтярёв А. А. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. 1998. № 3. С. 157–178.
58. Верещагин А. Н. Земский вопрос в России (политико-правовые отношения). Москва, 2002. 192 с.
59. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Политическая регионалистика России: история и современное развитие. 1999 // <https://studfile.net/preview/2438066/> (дата обращения: 17.03.2023).
60. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: Учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. Москва, 2002. 800 с.
61. Куликов С. В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX в. // Проблемы истории общества, государства и права: Сборник научных трудов, Екатеринбург, 26 мая 2019 года / Гл. ред. А. С. Смыкалин. Т. 7. Екатеринбург: ФГБОУ высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2019. С. 139–269.
61. Манохин В. М., Кокин Н. М. Концепция программы курса административного права // Государство и право. 1993. № 5. С. 51–68.
62. Соловей Ю. П. Российское полицейское право: история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–85.
63. Стариков Ю. П. Административная юстиция. Теория, история, перспектива. Москва, 2001. 304 с.
64. Бельский К. С. Концепция административного права профессора В. В. Ивановского // Государство и право. 2019. № 4. С. 112–122.
65. Голосенко И. А. Три толкования феномена бюрократии в дореволюционной социологии России // Социологический журнал. 2001. № 3. С. 159–174.
66. Куликов В. В. Земские учреждения и правительственный контроль (вторая половина XIX – начало XX века). Москва, 2001. 256 с.
67. Матханова П. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века. Новосибирск, 1999. 256 с.
68. Новикова И. П. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX в. // Пространство Власти: Сборник статей. Москва, 2001. С. 264–287.
69. Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. 552 с.
70. Корбут М. К. Казанский Государственный Университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Т. 2. Казань, 1930. 385 с.
71. Емельянова И. А. Юридический факультет Казанского государственного университета. 1805–1917. Очерки. Казань, 1998. 149 с.

72. Ясавеев И. Г. Истоки социологии в Казани // Общество, культура, народное образование: информационный бюллетень организации преподавателей социальных наук. – <http://www.ksu.ru/fl3/k3/okno/p7.htm> (дата обращения: 15.05.2023).
73. Лексина Ю. А. Ивановский Виктор Викторович // Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1. Казань, 2002. С. 213.
74. Цунчук Р. А. Профессора Казанского университета в общественно-политической дискуссии 1905 года по проблемам государственного переустройства России: проекты Комиссии Казанского губернского дворянского собрания // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 130–137.
75. Нигматуллин А. Р. Политико-правовые взгляды и социологическая концепция В. В. Ивановского: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 157 с.
76. Ивановский В. В. Понятие о законе [публикация подготовлена С. В. Коданом] // Российский юридический журнал. 2006. № 2(50). С. 158–163.
77. Стрекалин А. В. Российская полицистика в лицах: Виктор Викторович Ивановский // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 787–800.
78. Стрекалин А. В. Идеи В. В. Ивановского о возможностях использования государственными органами мер принуждения как теоретическое основание исследований государственно-правовых систем в условиях военного времени // Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие: Материалы межвузовской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов. Санкт-Петербург, 2 апреля 2015 г. / Под ред. Н. С. Нижник: В 2 ч. Ч. 2. Санкт-Петербург, 2015. С. 365–367.
79. Апольский Е. А. Государственно-правовые учения XIX столетия в диссертациях Казанского университета // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 2. С. 307–323.
80. Соловьева Л. Л., Павлова Е. В. Нравственная ответственность общественных властей и проблемы правопонимания в трудах В. В. Ивановского // Право и государство: теория и практика. 2017. № 10(154). С. 6–8.
81. Еньшина Е. Н., Квасова О. А. Учение о верховной власти в политической социологии В. В. Ивановского // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре: Сборник материалов международной научно-теоретической конференции в рамках VIII Международного молодежного форума. Белгород, 2020. С. 133–137.
82. Данилевская И. Л. Из истории отечественного конституционализма: учебник государственного права В. В. Ивановского // Образование и право. 2021. № 4. С. 478–484.
83. Ломова Т. В. Вопросы организации местного самоуправления в государственно-правовой концепции В. В. Ивановского // Проблемы юриспруденции и педагогики высшей школы в работах молодых ученых: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 30 ноября 2022 года. Т. 3. Белгород: Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации им. И. Д. Путилина, 2023. С. 82–86. EDN DWYOMU.
84. Сырых В. М. Ивановский Виктор Викторович // Правовая наука и юридическая идеология России. Энциклопедический словарь биографий: В 2 т. / Отв. ред. В. М. Сырых. Т. 1. Москва: РАП, 2009. С. 278–281.

Lomova T. V. State-legal views of v. v. ivanovsky as a subject of research of russian lawyers (experience of historiographical analysis) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 553–562.

The article presents the results of a historiographical analysis of the evaluation of the theoretical heritage of a prominent Russian scientist of the late XIX – early XX century, lawyer, sociologist, specialist in the field of police law V. V. Ivanovsky (1854–1926). V. V. Ivanovsky studied the problems of state governance, issues of interaction between society and the state, the peculiarities of the organization of local government. He made a special contribution to the development of certain provisions of police law, administrative law, political sociology, methodology of legal research. V. V. Ivanovsky's ideas, which were approved by the scientific community of scientists of the Russian Empire, became the subject of study of Soviet scientists and modern Russian researchers. However, a comprehensive study and proper understanding of the theoretical heritage of V. V. Ivanovsky in modern legal science has not yet been carried out and is an urgent task for researchers of the history of thought about the state and law.

Keywords: V. V. Ivanovsky, police law, police-legal theory, Russian policeistics, Kazan Imperial University.

УДК 340.12

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИРОВАНИЯ¹

Сафронов Н. А.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена проблеме дефинирования термина «государственность», назревшей в том числе в связи с введением с сентября 2023 нового обязательного курса «Основы российской государственности». В работе анализируется широкая палитра мнений о явлении государственности; выявляются ряд направлений в дефинировании термина: первое исходит из отождествления понятий государство и государственность; второе соотносят как их целое (государственность) и часть (государство - центральное звено среди структурных компонентов государственности); третье определяют государственность как «политико-правовой механизм»; четвёртое - как «процесс процесс реализации государством, как организацией политической власти определённого общества, своих функций» и др. Автор приходит к выводу, что явление государственности нельзя рассматривать вне связи с государством, но в тоже время недопустимо их отождествлять. Государственность есть качественная взаимосвязанная характеристика государства и общества, базирующаяся на последовательном развитии инвариантных начал. Несомненно государственность призвана дать качественную характеристику государства (власти) и общества взятых в единстве, показать устойчивые связи, позволяющие явлению развиваться, сохраняя традиционные формы властвования, специфику социальной организации, идейную основу, целевые и функциональные установки будущей эволюции. Разработка дефиниции государственность дает возможность анализировать все сферы жизни конкретного общества (политико-правовую, социально-экономическую и духовно-нравственную) во взаимосвязи; открывает возможность оценивать государственно-правовую действительность, политические и социальные процессы; прогнозировать будущее развитие на основе прочного фундамента, устоявшихся традиций.

Ключевые слова: Государство, государственность, дефинирование, государственный строй, политическая система, доктрина, теория государства.

С сентября 2023 г. во всех российских высших учебных заведениях введен обязательный курс «Основы российской государственности». Введение новой учебной дисциплины связано с инициативой Президента России В.В. Путина, озвученной в декабре 2022 г. на Государственном совете РФ. Программа разработанного курса включает изучение пяти проблемных блоков: «Что такое Россия», «Российское государство-цивилизация», «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации», «Политическое устройство» и «Вызовы будущего и развитие страны» и направлена на «формирование у учащихся осознания принадлежности к российскому обществу, развитие чувства гражданственности, формирование духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности, осознающей особенности исторического пути государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью своей родины».

Несомненно, введённая дисциплина имеет большое мировоззренческое и идеологическое значение, однако существенным пробелом выступает недостаточная проработка понятийно-категориального аппарата и, прежде всего, системообразу-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

ющей категории «государственность», ее соотношения с понятиями «государство», «государственный строй», «политическая система» и др.

В данной статье хотелось бы обратиться к проблеме дефинирования термина «государственность», опираясь на теоретико-правовые, политологические, философские исследования с учетом последних документов стратегического планирования, принятых в Российской Федерации.

В историографии отмечается, что впервые употребление термина «государственность» в общественно-политическом дискурсе России связано с именем М. А. Бакунина (1814-1876) и его работой «Государственность и анархия» [1]. Книга Бакунина была посвящена рабочему движению, главным врагом которого считал государство или государственность. Теоретик социального анархизма отождествлял эти понятия, рассматривая государственность как явление властвования и эксплуатации.

Следующей большой работой о государственности стала книга видного политического теоретика консервативного толка Л. А. Тихомирова (1852-1923) «Монархическая государственность». Мыслитель не обращается к соотношению понятий государство и государственность, однако тенденция рассматривать государственность как явление, качественную характеристику общества и системы властвования в нем пронизывает все исследование Тихомирова. Выявляя особенности «византийской», «европейской», «русской» государственности, мыслитель подчеркивает специфичность каждой государственно-правовой формы. Так, «русская государственность возникла на монархическом принципе, которого понимание, а стало быть, и действие связаны с состоянием национального нравственно-религиозного идеала» [2, с. 78]. При этом в публично-правовом отношении государственность может развиваться «в различных направлениях: монархическом, монархическом, аристократическом или демократическом, в зависимости от условий, которые могут выдвигать ту или иную идею Верховной власти» [2, с. 103].

В советской правовой науке термин государственность был исключительно связан с государством. Очень показательным, что в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова государственность определяется как «государственный строй, государственная организация» [3]. Работ, в которых бы обсуждалась тема соотношения понятий государство и государственность в советский период найти не удалось. Только с развитием цивилизационного подхода к типологии государства в российское государствоведение стал проникать термин государственность.

Необходимо отметить, что проблема соотношения (разделения) двух терминов (государства и государственности) была поставлена в западноевропейской науке. Старт дискуссии дала статья немецкого историка Дж. П. Неттла (1926-1968) «Государство как понятие-переменная» [4]. По мнению Неттла, обществоведческая наука выработала единый подход к государству как политическому измерению. Все, что связано с понятием публичной власти, использованием насилия, силой, принуждением, ориентировано на проблемную сферу государства. Однако «размытость переходов между государством, с одной стороны, и политикой или обществом – с другой» [4, с. 214] обозначает проблему трудного приспособления государства в частности к исследованию структурной дифференциации общества. Неттл отмечал, что назрели два фактора определяющих необходимость изменения этого политического подхода: первый - изменение подходов к суверенности; второй - «все возрастающая эмпирическая трудность использования понятия государства только для

одной исторической формы (historical slot), с которой его развитие было наиболее тесно связано, – нацией-государством» [4, с. 215].

Неттл предложил использовать понятия *statehood* и *stateness* как качественные характеристики государства. «Если государственность или выявленность (saliency) государства в различных обществах действительно является количественной переменной, полезным способом определения ее значимости является функциональный анализ» [4, с. 228].

Идея Неттла о расширительном толковании государственных явлений с использованием терминов, направленных на качественную характеристику, получила распространение. Е.А. Белканов отмечает, что вслед за ним было выработано несколько подходов к определению государственности: функциональный, психологический, этатический [5, с. 98].

В отечественной юридической науке обращение к теме государственности относится к началу XXI века. Появляется ряд интересных работ, в которых исследователи обращались к проблеме соотношения понятий государство и государственность [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и др.]; предпринимались попытки определить факторы влияющие на процесс развития государственности [13, 14, 21]; выявить специфику генезиса и эволюции российской государственности [15, 16, 17, 18 и др.].

В аспекте исследуемой темы особый интерес представляют работы теоретико-правового характера и политологического характера о соотношении выше обозначенных терминов. В широкой палитре мнений можно обозначить ряд направлений: первое исходит из отождествления этих понятий; второе соотносит как целое (государственность) и часть (государство – основной структурный компонент государственности, центральное звено) [10, с. 29]; третье определяют государственность как «политико-правовой механизм» [13, с. 28]; четвертое – как «процесс реализации государством, как организацией политической власти определённого общества, своих функций» [19, с. 115]; пятое – состояние общества на определённом этапе развития [12].

На современном этапе большой вклад в правовое осмысление государственности внесла Л.А. Морозова [12], докторская диссертация которой посвящена проблемам теории и практики современной российской государственности. По ее мнению, государственность – это «свойство, качество, состояние общества на конкретном историческом этапе» [12, с. 67]. При этом компонентами государственности Л.А. Морозова называет человека, государство, правовую систему, культуру, социальный и экономический строй.

Профессор А.С. Шабуров, разделяя точку зрения Л.А. Морозовой, что «государственность – качественная характеристика общества», отмечал, недопустимость отождествлять государственность и общество. Он соглашался с мнением профессора А.Б. Венгерова, понимавшего под государственностью «преемственность и обновление политической, структурной и территориальной организации общества» [20, с. 179], т.е. развивающее явление, состояние в эволюции. Шабуров утверждал, что государственность выражается в определённой государственно-правовой форме. В ней находят отражение специфические особенности, позволяющие говорить о ее самобытности. «Она обладает отличительными качествами, определяемыми спецификой русской культуры, российского менталитета, особенностями исторического и политического развития России» [9, с. 128].

Ряд авторов также [7, 9, 12, 17 и др.] связывают понятие государственности с явлением самобытности. На наш взгляд, следует признать верной точку зрения, что «государственность – это системообразующая политико-правовая категория, отражающая качественное состояние государства и общества, взятое в их единстве, характеризующееся исторической преемственностью и постоянством базовых институтов (или констант, институциональных матриц, традиций, сверхценностей), связанных с национальной самобытностью и обеспечивающих ее воспроизводство в различные исторические периоды» [7]. Говоря о России, базовыми чертами самобытности называется корпоративность, общинность, коллективизм (как особенность социальной структуры); державность, самодержавие (как особенность фактической независимости и верховенства власти); православие (как основа национального самосознания) и др.

Несомненно, понятия государство и государственность взаимосвязаны и соотносятся как часть и целое, где целым выступает государственность, а государство главный структурный компонент. Термин государственность призван дать качественную характеристику государства (власти) и общества взятых в единстве, показать устойчивые связи, позволяющие явлению развиваться, сохраняя традиционные формы властвования, специфику социальной организации, идейную (духовно-нравственную) основу, целевые и функциональные установки будущей эволюции.

Нельзя не согласиться с профессором Шабуровым, что «учение о государственности обогащает как теорию, так и историю государства и права, поднимая их на новый научно-теоретический уровень» [9, 129]. Разработка дефиниции государственности дает возможность анализировать все сферы жизни конкретного общества (политико-правовую, социально-экономическую и духовно-нравственную) во взаимосвязи; открывает возможность оценивать государственно-правовую действительность, политические и социальные процессы; прогнозировать будущее развитие на основе прочного фундамента, устоявшихся традиций.

Список литературы:

1. Бакунин М.А. Государственность и анархия [Текст] / М. А. Бакунин. - Москва : Книжный Клуб Книговек, 2014. - 701 с.
2. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. - СПб. : АО "Комплект", 1992. - 674 с.
3. Толковый словарь русского языка : 100000 слов, терминов и выражений : [новое издание] / Сергей Иванович Ожегов ; под общ. ред. Л. И. Скворцова. - 28-е изд., перераб. - Москва : Мир И образование, 2015. - 1375 с.
4. Дж.П. Неттл государство как понятие-переменная // Политическая наука. 2011.- С. 213-241.
5. Белканов Е.А. К вопросу о понятии "государственность" // Российский юридический журнал. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2013, № 3 (90). - С. 97-99.
6. Казбан Е.П. Государство и государственность. К вопросу о соотношении понятий // Вестник университета. 2012. № 4. С. 34-38.
7. Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблема терминологического соотношения и определения // История государства и права. – 2014.- № 22.- С. 42-48.
8. Федосеев М.А. Государство и государственность: Соотношение понятий // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 67-73.
9. Шабуров А.С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. N 3 (83). С. 126 - 130.
10. Шабуров А.С. О государстве и государственности: проблемы соотношения // Вестник Сибирской академии права, экономики и управления. Иркутск: НОУ ВПО "Сибирская академия права, экономики и управления". 2012. N 1 (5). С. 12 - 15.
11. Шабуров А.С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Российский юридический журнал. 2013. N 1. С. 9 - 11.

12. Морозова Л.А. Современная российская государственность (проблемы теории и практики): Дис. ... д.ю.н.: 12.00.01. М., 1998. 313 с.
13. Бачило И.Л. Факторы, влияющие на государственность // Государство и право. 1993. N 7. С. 21 - 30.
14. Бондар А. Традиции российской государственности и права человека // Власть. 2008. N 10. С. 39 - 44.
15. Винниченко О.Ю. Российская государственность в контексте цивилизационного развития: Учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. 171 с.
16. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Издательство Московского университета, 1997. 382 с.
17. Величко В.М. Философия русской государственности. СПб.: Издательство Юридического института. 2001. 336 с.
18. Краснов Ю.К. Российская государственность: генезис и эволюция институтов власти, проблемы модернизации: Дис. ... д.ю.н.: 12.00.01. М., 2002. 316 с.
19. Раянов Ф.М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции): учеб. курс. М.: Право и государство, 2003. - 303 с.
20. Теория государства и права. Ч.1. Теория государства/ Под ред. А.Б. Венгерова.- М., 1995. – 528 с.
21. Гришюк М.В. Идеология российской государственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Том 8 (74), № 3– С. 24-31.

Safronov N.A. Statehood: Problems of definition // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – P. 563–568.

The article is devoted to the problem of defining the term "statehood", which is overdue, including in connection with the introduction of a new mandatory course "Fundamentals of Russian Statehood" from September 2023. The paper analyzes a wide range of opinions about the phenomenon of statehood; identifies a number of trends in the definition of the term: the first proceeds from the identification of the concepts of state and statehood; the second correlates as their whole (statehood) and part (the state is the central link among the structural components of statehood); the third will define statehood as a "political and legal mechanism"; the fourth - as "the process of implementation by the state, as an organization of political power of a certain society, of its functions", etc. The author comes to the conclusion that the phenomenon of statehood cannot be considered out of connection with the state, but at the same time it is unacceptable to identify them. Statehood is a qualitative interrelated characteristic of the state and society, based on the consistent development of invariant principles. Undoubtedly, statehood is intended to give a qualitative characteristic of the state (government) and society taken in unity, to show stable connections that allow the phenomenon to develop while preserving traditional forms of power, the specifics of social organization, ideological basis, target and functional attitudes of future evolution. The development of the definition of statehood makes it possible to analyze all spheres of life of a particular society (political-legal, socio-economic and spiritual-moral) in the relationship; it opens up an opportunity to assess the state-legal reality, political and social processes; to predict future development on the basis of a solid foundation, established traditions.

Keywords: State, statehood, definition, state system, political system, doctrine, theory of the state.

Spisok literary:

1. Bakunin M.A. Gosudarstvennost' i anarhiya [Tekst] / M. A. Bakunin. - Moskva : Knizhnyj Klub Knigovek, 2014. - 701 s.
2. Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' / L. A. Tihomirov. - SPb. : AO "Komplekt", 1992. - 674 s.
3. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka : 100000 slov, terminov i vyrazhenij : [novoe izdanie] / Sergej Ivanovich Ozhegov ; pod obsch. red. L. I. Skvorcova. - 28-e izd., pererab. - Moskva : Mir i obrazovanie, 2015. - 1375 s.
4. Dzh.P. Netti gosudarstvo kak ponyatie-peremennaya // Politicheskaya nauka. 2011.- S. 213-241.
5. Belkanov E.A. K voprosu o ponyatii "gosudarstvennost'" // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. - Ekaterinburg: Izd-vo UrGYUA, 2013, № 3 (90). - S. 97-99.
6. Kazban E.P. Gosudarstvo i gosudarstvennost'. K voprosu o sootnoshenii ponyatij // Vestnik universiteta. 2012. № 4. S. 34-38.
7. Safronova E.V., Karskanova S.V. «Gosudarstvo» i «gosudarstvennost'»: problema terminologicheskogo sootnosheniya i opredeleniya // Istoriya gosudarstva i prava. – 2014.- № 22.- S. 42-48.
8. Fedoseev M.A. Gosudarstvo i gosudarstvennost': Sootnoshenie ponyatij // Voprosy rossijskoj yusticii. 2021. № 14. S. 67-73.
9. SHaburov A.S. Gosudarstvo i gosudarstvennost': voprosy sootnosheniya // Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii. 2012. N 3 (83). S. 126 - 130.
10. SHaburov A.S. O gosudarstve i gosudarstvennosti: problemy sootnosheniya // Vestnik Sibirskoj akademii prava, ekonomiki i upravleniya. Irkutsk: NOU VPO "Sibirskaya akademiya prava, ekonomiki i upravleniya". 2012. N 1 (5). S. 12 - 15.

11. SHaburov A.S. Rossijskoe gosudarstvo i rossijskaya gosudarstvennost': problemy sootnosheniya i istoricheskoe razvitie // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2013. N 1. S. 9 - 11.
12. Morozova L.A. Sovremennaya rossijskaya gosudarstvennost' (problemy teorii i praktiki): Dis. ... d.yu.n.: 12.00.01. M., 1998. 313 s.
13. Bachilo I.L. Faktory, vliyayushchie na gosudarstvennost' // Gosudarstvo i pravo. 1993. N 7. S. 21 - 30.
14. Bondar A. Tradicii rossijskoj gosudarstvennosti i prava cheloveka // Vlast'. 2008. N 10. S. 39 - 44.
15. Vinnichenko O.YU. Rossijskaya gosudarstvennost' v kontekste civilizacionnogo razvitiya: Uchebnoe posobie. Tyumen': Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. 171 s.
16. Il'in V.V., Ahiezer A.S. Rossijskaya gosudarstvennost': istoki, tradicii, perspektivy. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1997. 382 s.
17. Velichko V.M. Filosofiya russkoj gosudarstvennosti. SPb.: Izdatel'stvo YUridicheskogo instituta. 2001. 336 s.
18. Krasnov YU.K. Rossijskaya gosudarstvennost': genezis i evolyuciya institutov vlasti, problemy modernizacii: Dis. ... d.yu.n.: 12.00.01. M., 2002. 316 s.
19. Rayanov F.M. Problemy teorii gosudarstva i prava (yurisprudencii): ucheb. kurs. M.: Pravo i gosudarstvo, 2003. - 303 s.
20. Teoriya gosudarstva i prava. CH.1. Teoriya gosudarstva/ Pod red. A.B. Vengerova.- M., 1995. – 528 s.
21. Gricyuk M.V. Ideologiya rossijskoj gosudarstvennosti // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo YUridicheskie nauki. – 2021. – Tom 8 (74), № 3– S. 24-31.

РЕТРАКЦИЯ /RETRACTION

Ретракция статьи: Чеботарева Г. В. Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье

Retraction of the article: Chebotareva G. V. Administrative and legal aspects of combating domestic violence

Статья Чеботарева Г. В. Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 181-191. [UZ-YUristyi----3-2022-s-titulom.pdf \(cfuv.ru\)](#) ретрагирована (отозвана) в связи с выявленными некорректными заимствованиями публикации А. Д. Яушева «Последствия декриминализации побоев в контексте семейно-бытового насилия» // Административный процесс. 2022.

Ретракция статьи: Исмаилов Д. А., Рептева О. Е. Роль и значение дисциплинарной ответственности уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел

Retraction of the article: Ismailov D. A., Repteva O. E. The role and significance of disciplinary liability in the criminal procedural activities of employees of internal affairs bodies

Статья Исмаилов Д. А., Рептева О. Е. Роль и значение дисциплинарной ответственности уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 3. – С. 442-451. [UZ-YUristyi----3-2022-s-titulom.pdf \(cfuv.ru\)](#) ретрагирована (отозвана) в связи с просьбой авторов о удалении.

Ретракция статьи: Волков В. Ю., Хилевская Е. А. Ретроспективный анализ нормативного обеспечения административной ответственности за нарушение таможенного законодательства в странах ЕАЭС

Retraction of the article: Volkov V. Yu., Khilevskaya E. A. Retrospective analysis of regulatory support for administrative liability for violation of customs legislation in the countries of the EAEU

Статья Волков В. Ю., Хилевская Е. А. Ретроспективный анализ нормативного обеспечения административной ответственности за нарушение таможенного законодательства в странах ЕАЭС // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки». 2023. №1 Т. 9. С. 311-319. – ретрагирована (отозвана) в связи с выявленными некорректными заимствованиями публикации Шикина А.Н. Меры административной ответственности за нарушение

таможенных правил // Вестник российской таможенной академии. № 1. 2016. С. 76-82.

Инициатор ретракции – редакция журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки». Протокол заседания редакционной коллегии №6 от 10.07.2023

НАШИ АВТОРЫ:

Аблякимова Э. Э.	<i>к.ю.н., старший преподаватель к-ры административного и финансового права, Крымский филиал ФГБОУ ВО РГУП</i>
Аблятинова Н. А.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Алфёров С. Н.	<i>д.ю.н., проф., главный научный сотрудник, Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского</i>
Астраханцев И. В.	<i>адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России; начальник Западного линейного управления МВД России на транспорте УТ по СЗФО</i>
Баграмян С. Л.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Бекирова А. Т.	<i>помощник судьи Симферопольского районного суда Республики Крым</i>
Бирук М. С.	<i>преподаватель к-ры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции</i>
Бореништейн А. Л.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры административного и трудового права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск</i>
Бутов С. В.	<i>адъюнкт адъюнктуры (очного и заочного обучения) факультета (подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ</i>
Великая О. С.	<i>к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева</i>
Ветчинова Ю. И.	<i>преподаватель к-ры административного и трудового права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск</i>
Вичеева А. А.	<i>преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Волкова И. Ю.	<i>Управление Федеральной антимонопольной службы по Республике Крым и городу Севастополю, Симферополь; специалист 1 разряда</i>
Волков В. Ю.	<i>к.ю.н., доцент кафедры административного и финансового права крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия, Симферополь</i>
Гелиева И. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского процесса и международного права Кубанского государственного университета</i>
Горлов Е. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры «Международное, морское и таможенное право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Горшкова Н. А.	<i>к.ю.н., заместитель начальника к-ры уголовного права и криминологии</i>

	юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний
Дерюгин А. А.	к.ю.н., доц., начальник к-ры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ
Дмитриенко А. Я.	старший преподаватель к-ры гражданского и трудового права ФГБОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Евсикова Е. В.	к.ю.н., доц., доцент к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Заброда Д. Г.	к.ю.н., проф. к-ры административного права и административной деятельности ОФД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Задерейчук И. П.	к.и.н., доц., доцент к-ры общегуманитарных и социальных экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Задерейчук А. А.	к.и.н., доц., доцент к-ры истории России Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского
Зарубина К. А.	преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Заманпулов Д. М.	к.и.н., Институт США и Канады РАН им. академика Г.А. Арбатова
Запорожец С. А.	заместитель директора Юридического института, доцент кафедры "Конституционное и административное право", к.пол.н.,
Злищева М. П.	студентка 3 курса Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»
Зоз В. А.	старший преподаватель к-ры оперативно-разыскной деятельности специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Иванов С. И.	к.ю.н., доц., начальник к-ры оперативно-разыскной деятельности специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Иванченко С. В.	аспирант юридического факультета Таврической академии ФГБОУ ВО Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Казарян К. В.	преподаватель к-ры гражданского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»
Канабита Х. М.	юрисконсульт ООО «33 «СДК»
Капранова Ю. В.	Ростовский юридический институт МВД России
Кисс С. В.	к.ю.н., старший преподаватель к-ры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Кипаренко А. Ю.	Санкт-Петербургское Адвокатское Бюро «Егоров, Пугинский, Афанасьев и Партнеры»
Климова Д. В.	к.ю.н., старший преподаватель государственных и гражданско-

	<i>правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД</i>
Крайнова Н. А.	<i>к.ю.н., доц., заведующий кафедры «Уголовное право и процесс» Севастопольского государственного университета</i>
Крижановская Г.Н.	<i>к.и.н., доц., начальник к-ры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии РФ</i>
Коноплев В. В.	<i>к.ю.н., проф., профессор кафедры предпринимательского и экологического права Юридического факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского</i>
Коренюгин В. В.	<i>к.ю.н., доцент к-ры административного права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МФД России»</i>
Косовский В. Б.	<i>преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Косовская Д. В.	<i>преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Кошкин А. С.	<i>ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского», старший преподаватель кафедры Истории и теории государства и права, Юридический факультет Таврической академии</i>
Кулик Т. Ю.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского права и процесса ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» филиал в г. Ростов-на-Дону, г. Ростов-на-Дону</i>
Кшевицкая М. А.	<i>обучающаяся 1-го курса магистратуры факультета мировой политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова</i>
Левченко Л. Л.	<i>обучающийся 2-го курса магистратуры юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского</i>
Лихачёв С. В.	<i>старший научный сотрудник юридического факультета института Таврическая академия Крымского федерального университетат им. В. И. Вернадского</i>
Ломова Т. В.	<i>адъюнкт кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России</i>
Лукьянова М. Г.	<i>Адвокатская палата г. Москвы</i>
Луценко В. В.	<i>адъюнкт факультета по подготовке кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург</i>
Мазнев Е. С.	<i>аспирант АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»</i>
Макаренко О. Н.	<i>к.ю.н., доц. к-ры гражданского права и процесса ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте» филиал в г. Ростов-на-Дону, г. Ростов-</i>

	<i>на-Дону</i>
Мельников А. С.	<i>старший преподаватель к-ры физической подготовки ВЮИ ФСИН России</i>
Мерказова В. А.	<i>преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Нагорный А. П.	<i>старший преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Овчаренко Д. А.	<i>слушатель 5 курса 2718 взвода Крымского филиала Краснодарского университета МВД России</i>
Орлова М. Ю.	<i>аспирант к-ры конституционного и муниципального права Сибирского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации</i>
Очкуренко С. В.	<i>д.ю.н., доц., заведующий к-ры «Финансовое и банковское право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»</i>
Пастухова Л. В.	<i>к.ю.н., доц., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)</i>
Пеленицына М. В.	<i>к.ю.н., доцент к-ры гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»</i>
Петрова Е. А.	<i>к.пол.н., старший преподаватель административного права и административной деятельности Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России</i>
Пикин И. В.	<i>к.ю.н., доц., начальник к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы</i>
Пичугин С. А.	<i>к.ю.н., доцент к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук, полковник внутренней службы</i>
Пойминов Н. М.	<i>аспирант Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»</i>
Понежина Л. Ю.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры административного права Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Ростовский юридический институт МВД России»</i>
Понежин М. Ю.	<i>к.ю.н., доц., доцент к-ры конституционного и муниципального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)</i>
Пономарева О. М.	<i>к.пед.н., старший преподаватель к-ры административного права и административной деятельности, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России</i>
Пономаренко А. А.	<i>д.ю.н., профессор, главный научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского</i>

Попов А. Н.	преподаватель к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Попов С. В.	д.ю.н., доцент, главный научный сотрудник, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Потопальский С. С.	к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
Процаевский В. А.	д.ю.н., проф., проф. к-ры «Трудовое право» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Прудникова А. Е.	к.ю.н., доц. к-ры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Равнюшкин А. В.	к.ю.н., доц. к-ры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Ракша Н. С.	к.ю.н., доц., юридический факультет, Юго-западный государственный университет
Родионов К. В.	старший преподаватель к-ры огневой и тактико-специальной подготовки юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний
Рублев А. Г.	к.ю.н., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия
Сафронова Е. В.	д.ю.н., профессор, руководитель центра трансграничных правовых исследований, профессор кафедры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)
Сафронов Н. А.	преподаватель кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
Сибгатуллин Ф. С.	Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации
Симончук Е. Р.	командир отделения 201 учебного взвода факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
Соколов П. С.	старший преподаватель к-ры огневой и физической подготовки ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России
Скворцова О. В.	к.ю.н., доц. кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Института «Таврическая академия» Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского
Тараканов И. А.	к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы
Телешенко К. С.	Курсант 4 курса, взвода 2719 Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Темникова Н. В.	аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Трифанов С. Г.	к.ю.н., доц., доцент к-ры государственно-правовых дисциплин, Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Трифанова К. В.	к.ю.н., доц., доцент к-ры гражданского права, доцент к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Федоровский М. А.	помощник адвоката (Адвокатский кабинет Мина Марк Анатольевич студент Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», г. Симферополь
Филонов А. В.	д.ю.н., проф. к-ры теории и истории права и государства Российской государственного университета правосудия Крымского филиала г. Симферополь
Халилев Р. А.	д.ю.н., проф. к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Хаяли Р. И.	д.и.н., доц., заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Хрущев Р. С.	аспирант к-ры истории и теории государства и права ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Ховавко С. М.	к.ю.н., доц., доцент к-ры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Ходырева А. С.	курсант Крымского филиала Краснодарского университета МВД России
Чич Ю. А.	преподаватель кафедры криминалистики и правовой информатики юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета
Шамшеева У. Б.	аспирант к-ры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск
Шумиленко А. П.	к.ю.н., доц., доцент кафедры истории и теории государства и права Института «Таврическая академия» ФГАУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Яценко А. О.	к.ю.н., заведующий кафедрой гражданского и арбитражного судопроизводства Крымского филиала ФГОБУП «РГУП» г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Аблятипова Н. А., Федоровский М. А.

Понятие и юридическое значение родства и свойства в различных
отраслях Российского права.....3

Астраханцев И. В.

Защищенность объектов транспортной инфраструктуры и
транспортных средств от актов незаконного вмешательства как предмет
исследований в российской юридической науке.....10

Боренштейн А. Л.

Юридическая экспертиза научного и образовательного законодательства
в Российской Федерации.....21

Бутов С. В., Симончук Е. Р.

Сохранение исторической правды о деятельности войск НКВД СССР в годы
Великой Отечественной войны как важное условие духовно-нравственного
воспитания курсантов войск национальной гвардии Российской Федерации..29

Дерюгин А. А., Бутов С. В.

Правовые основания борьбы войск НКВД СССР с распространителями
ложных слухов в годы Великой Отечественной Войны.....37

Дерюгин А. А., Крижановская Г. Н.

Государственная политика в сфере подготовки кадров для военной или иной
государственной службы в контексте обеспечения национальной безопасности
Российской Федерации: опыт и актуальные проблемы.....43

Задерейчук И. П., Задерейчук А. А.

Участие прокурора в поддержании государственного обвинения в судах
в период 1991-2014 гг. (по материалам прокуратуры Крыма).....52

Зарубина К. А.

Конокрадство как опасный криминальный промысел в дореволюционной
России, или как наказывали за кражу лошадей?.....61

Иванченко С. В.

О некоторых особенностях судоустройства в генуэзских колониях
в Северном Причерноморье по уставу для генуэзских колоний на
Черном море 1449 г.....66

Кисс С. В.

Взаимодействие общественности с правоохранительными органами в
период с X по XIX вв.77

Клименко Е. П.

Влияние титула 5 общегерманского торгового уложения 1861 г. на
развитие норм, регулирующих перевозку груза.....87

Кошкин А. С.

Чартер как экономическая категория и его роль во внешнеэкономической
деятельности СССР.....92

Лукьянова М. Г.

Государственное планирование в сфере сохранения и укрепления
духовно-нравственных ценностей с 1946 по 1965 гг.....100

Мазнев Е. С.

Банкротство на Руси в период феодальной раздробленности.....	108
Мельников А. С., Соколов П. С.	
Особенности правового регулирования и государственной политики в сфере физической культуры и спорта ССР в послевоенный период.....	116
Орлова М. Ю.	
Правовое регулирование технологизации и цифровизации избирательного процесса: теория и практика.....	121
Пойминов Н. М.	
Особенности восприятия доктрины панславизма в радикальной правовой мысли России.....	128
Пономарева О. М., Петрова Е. А.	
О некоторых особенностях развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: историко-правовой и организационный аспекты....	135
Пономаренко А. А.	
Формирование научных взглядов в сфере правового и организационного обеспечения деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым.....	145
Сибгатуллин Ф. С.	
Понятие правоохранительной деятельности.....	152
Темникова Н. В.	
Проблемные аспекты сохранения культурных и нравственных ценностей внутри государства в эпоху глобализации.....	161
Хаяли Р. И.	
Восстановление органов прокуратуры и организация прокурорского надзора в Крымской области (1944-1955 гг.).....	165
Филонов А. В.	
Причины возникновения и особенности антигосударственного терроризма в Российской империи на рубеже второй половины XIX – начала XX в.....	173
Шамшеева У. Б.	
Право граждан на обращение.....	181
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
Аблякимова Э. Э., Канабита Х. М.	
К вопросу о публичном администрировании земельных отношений в Республике Крым.....	191
Баграмян С. Л., Мерказова В. А.	
Актуальные вопросы административной деятельности полиции по противодействию правонарушениям в области антиалкогольного антитабачного законодательства, совершаемых несовершеннолетними.....	202
Ветчинова Ю. И.	
Особенности правового регулирования административных правонарушений в области связи информации.....	210
Вичева А. А.	
Некоторые вопросы взаимодействия органов публичной власти в условиях цифровизации.....	216
Евсикова Е. В.	
Публичный финансовый контроль в условиях цифровой трансформации	

(теоретическо-правовой аспект).....	224
Заброда Д. Г.	
Понятие и виды административной деятельности участковых уполномоченных полиции.....	237
Лихачёв С. В., Ракша Н. С.	
Теоретико-правовые положения региональной экологической политики Республики Крым.....	247
Понезжина Л. Ю., Понезжин М. Ю.	
Некоторые аспекты административно-правового механизма противодействия коррупции.....	254
Попов С. В.	
Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов власти по форматированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым.....	263
Равнюшкин А. В.	
Проблемы квалификации и практики применения совершаемых в общественных местах административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3.1 КоАП РФ.....	268
Рублев А. Г.	
Вклад конституционного принципа равенства в формирование системной и непротиворечивой правоприменительной практики.....	275
Капранова Ю. В.	
О принципах дистанционного электронного голосования в России.....	288
Коноплев В. В., Алфёров С. Н.	
Теоретические, правовые и организационные особенности деятельности органов власти по формированию современных туристско-рекреационных кластеров Республики Крым: постановка проблемы и возможные пути разрешения.....	297

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Замананулов Д. М.	
Правовое регулирование деятельности сил специальных операций США....	304
Кшевицкая М. А., Шумиленко А. П., Пастухова	
«Государства-изгои» («rogue states») или жертвы травли («victims of bullying»): пробелы или нарушения современного международного права)..	311
Сафронова Е. В.	
Концептуальные основы нового проекта соглашения (или иного международного инструмента) Всемирной организации здравоохранения по предотвращению пандемий.....	325
Трифонов С. Г.	
Особенности правовой защиты нематериальных благ в зарубежных странах..	330
Хрущев Р. С.	
Нормативно-правовое обеспечение деятельности судебной системы Гренландии.....	338

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Волкова И. Ю., Волков В. Ю.	
Рассмотрение жалоб на оценку заявок при проведении	

конкурентных процедур.....	343
Гелиева И. Н. Использование цифровых технологий в гражданском судопроизводстве....	349
Дмитриенко А. Я. Некоторые аспекты регулирования цифровых прав в отечественном законодательстве.....	356
Казарян К. В. К вопросу о правовом регулировании института диффамации в гражданском праве.....	365
Кипаренко А. Ю. К вопросу о Numerus Clausus косвенных исков участников корпорации.....	372
Кулик Т. Ю., Макаренко О. Н. К вопросу о возможности применения норм гражданского законодательства к трудовым правоотношениям.....	378
Пеленицына М. В., Бекирова А. Т. Основные проблемы развития и пути разрешения примирительных процедур в российском гражданском и арбитражном процессах.....	382
Потопальский С. С. Правовое регулирование участия в долевом строительстве в системе норм гражданского права.....	388
Проческий В. А., Очкуренко С. В., Горлов Е. В. Трудовой договор как источник индивидуально-договорного регулирования.....	395
Прудникова А. Е. К вопросу о предоставлении жилых помещений маневренного фонда гражданам.....	407
Трифорова К. В. К вопросу об особенностях регулирования трудовых правоотношений, осложненных иностранным элементом.....	418
Яценко А. О., Злищева М. П. Судебная экспертиза в гражданском процессе.....	426

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Бирук М. С., Ходырева А. С. Процессуальный порядок действий следователя при приостановлении и возобновлении предварительного следствия.....	430
Горшкова Н. А., Родионов К. В. Проблемы уголовно-правовой идентификации семейно-бытового (домашнего) насилия в нормах уголовного кодекса Российской Федерации...	443
Запорожец С. А., Крайнова Н. А. К вопросу о противодействии киберпреступности в условиях новой геополитической реальности.....	448
Зоз В. А., Телещенко К. С. Деятельность органов внутренних дел по противодействию молодежному экстремизму.....	457
Иванов С. И. Коррупция как угроза антитеррористической защищенности туристической инфраструктуры Крыма.....	461
Коренюгин В. В.	

О некоторых вопросах взаимодействия и координации в деятельности ОВД.....	468
Косовский В. Б., Косовская Д. В. Актуальные вопросы профилактики экстремизма в молодежной среде.....	477
Климова Д. В. Оценка влияния миграционных процессов на состояние общественной безопасности в Республике Крым.....	485
Луценко В. В. Правовой режим контртеррористической операции (содержание и сущность).....	490
Нагорный А. П., Попов А. Н. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы уголовной ответственности и квалификации содеянного.....	496
Пикин И. В., Тараканов И. А., Пичугин С. А. Проблемы уголовно-правового противодействия пропаганде либо публичному демонстрированию атрибутики и символики экстремистских организаций...502	
Скворцова О. В., Левченко В. В. Актуальные вопросы определения объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ.....	508
Чич Ю. А. Личности преступника и потерпевшего как структурные элементы криминалистической характеристики кибербуллинга (травли с использованием информационно-телекоммуникационных сетей).....	525
Халилев Р. А. Проблемы осуществления оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел, связанных с хищением бюджетных средств...530	
Ховавко С. М., Овчаренко Д. А. О вопросе установления личности неопознанных трупов.....	535

СРОЧНО В НОМЕР

Пикин И. В. Основные направления совершенствования системы социальной реабилитации осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы.....	540
Великая О. С. Закон о медицинских учреждениях для заключенных Финляндии 2015 г. и его последующее развитие.....	545
Ломова Т. В. Государственно-правовые воззрения В. В. Ивановского как предмет исследования российских юристов (опыт историографического анализа).....	553
Сафронов Н. А. Государственность – проблемы дефинирования.....	563

РЕТРАКЦИЯ /RETRACTION

Ретракция статьи: Чеботарева Г. В. Административно-правовые аспекты противодействия насилию в семье	568
Ретракция статьи: Исмаилов Д. А., Рептева О. Е. Роль и значение дисциплинарной	

ответственности уголовно-процессуальной деятельности сотрудников органов внутренних дел	568
Ретракция статьи: Волков В. Ю., Хилевская Е. А. Ретроспективный анализ нормативного обеспечения административной ответственности за нарушение таможенного законодательства в странах ЕАЭС	568